

Ж.К. Туймебаев

Казахско-монгольские лексические параллели

МАТЕРИАЛЫ
К ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ
КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА

Ж.К. Туймебаев

**КАЗАХСКО-МОНГОЛЬСКИЕ
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ**

Материалы
к Этимологическому словарю
казахского языка

ББК 81.2Алт-1
УДК 811.512
Т 81

Ответственный редактор

Кайдаров А.Т. – доктор филологических наук, профессор, академик
Национальной академии наук Республики Казахстан.

Туймебаев Ж.К.

Т 81 Казахско-монгольские лексические параллели: Материалы к Этимологическому словарю казахского языка / Ж.К. Туймебаев. – М., Издательский дом «Парад». – 2005. – 560 с.

ISBN 5–8061–0080–X

В работе рассматриваются казахско-монгольские (= тюркско-монгольские) лексические соответствия на **ЖА-** (*ža*), дается критическая оценка существующим в традиционной алтаистике тюркско-монгольским лексическим сближениям. В результате компаративно-контрастивного анализа обширного репрезентативного эмпирического материала и с учетом богатейшего опыта предшественников, намечены пути изучения тюркских лексических заимствований в монгольских языках и монголизмов в тюркских, уточнены и дополнены приемы их опознавания, предприняты реальные шаги в сторону систематического разграничения собственного и заимствованного пластов в лексике тюркских и монгольских языков. В результате тотального этимологического анализа казахско-монгольских лексических параллелей на **ЖА-** (*ža*) автор приходит к заключению, что все они имеют контактное происхождение и в данном фрагменте Этимологического словаря казахского языка не обнаруживается ни одного примера, который можно было бы квалифицировать как общее наследие праалтайского состояния.

Работа представляет интерес для специалистов по сравнительно-историческому языкознанию, этимологии, исторической лексикологии и, прежде всего, для специалистов в области алтаистики и сравнительно-сопоставительного изучения тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков.

ББК 81.2Алт-1
УДК 811.512

ISBN 5–8061–0080–X

© Ж.К. Туймебаев, 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вводное слово.....	5
Пробные статьи к этимологическому словарю казахского языка...	23
Литература.....	377
Словари.....	496
Журналы, периодические издания, сборники.....	502
Сокращения названий языков и диалектов.....	514
Список условных сокращений.....	552
Условные знаки.....	559

ВВОДНОЕ СЛОВО

Многолетними усилиями видных алтаистов прошлого века Г.И. Рамштеда, Н.Н. Поппе, М. Рясянена, Б.Я. Владимирцова, В.Л. Котвича и их последователей созданы основы сравнительно-исторической грамматики (фонетики и морфологии), а также компаративно-контрастивной лексикологии алтайских языков (Ramstedt, 1935, 1949, 1952, 1957; Poppe, 1955 a, 1960 b; Räsänen, 1949; Рясянен, 1955; Владимирцов, 1929; Kotwicz, 1953; Котвич, 1962 и др.). Между тюркскими и монгольскими языками исследователи выявили многочисленные материальные схождения на всех строевых уровнях языка – фонетики, морфологии, синтаксиса, лексики. На этой основе сложилась традиционная алтайская теория, венцом которой являются две сравнительно-исторические грамматики алтайских языков и появившийся совсем недавно трехтомный «Этимологический словарь алтайских языков», составленный российскими авторами с учетом новейших достижений алтаистики (Starostin, Dubo, Mudrak, 2003).

В алтайской общности наиболее близкими друг к другу являются тюркские и монгольские языки, с одной стороны, и монгольские и тунгусо-маньчжурские – с другой. Материальная близость традиционно объединяемых в алтайскую общность языков достойна самого тщательного и разностороннего изучения на всех строевых уровнях и, прежде всего, на уровне лексики, ибо именно лексика способна наиболее адекватно раскрыть реальные контактные и/или генетические взаимоотношения между исследуемыми языками. Положение не меняется от того, будем мы рассматривать близость тюркских и монгольских (resp. алтайских) языков друг к другу вслед за ортодоксальными алтаистами как проявление их изначального генетического родства, или же будем считать его, как В.Л. Котвич (Kotwicz, 1953; Котвич, 1962), Дж. Клаусон (Clauson, 1961, 1972), Г. Дёрфер (Doerfer, 1963 и др.), А.М. Щербак (1997 и др.), родством, приобретенным в результате многовековых и интенсивных разнонаправленных контактов и взаимозаимствований, или же будем полагать, что родство это все еще не доказано.

Даже в том случае, если мы будем подходить к материальной близости тюркских (в частности, казахского) и монгольских языков только с точки зрения взаимных исторических контактов и лексического взаимообмена, речь будет идти о лингвистической общности или языковом союзе, порожденной чрезвычайно сложными двухсторонними и даже более широкими диахроническими и диатопическими связями между тюркскими, монгольскими, тунгусо-маньчжурскими, а также многими другими исторически контактировавшими иносистемными языками, которые продолжались в течение многих веков и даже тысячелетий.

Приступая к компаративно-контрастивному и этимологическому изучению общей для тюркских и монгольских языков лексики, исследователь

прежде всего должен четко осознавать, что «усилиями многих поколений алтаистов не только вносилась ясность в понимание долго не поддававшихся объяснению «темных пятен», но и создавалась невероятная путаница представлений о связях алтайских языков, о характере, количестве и составе совпадающих в них лексических единиц, морфологических показателей, структурных черт» (Щербак, 1989, 135). Методическая ошибка корифеев алтаистики В. Банга, Г.И. Рамстедта, Н.Н. Поппе, Б.Я. Владимирцова, В. Котвича и др., заключавшаяся, прежде всего, в недооценке контактов и материальных взаимозаимствований в образовании языковых сходств, сыграла роковую роль как в формировании взглядов на происхождение так называемого общеалтайского достояния, так и в выборе способов решения многих вопросов фонетики, морфологии и исторической лексикологии отдельных языков и семей, искусственно объединенных в алтайскую макросемью. И, несмотря на то, что каждый из основоположников традиционной алтаистики в конце своей жизни признал эту ошибку, «сила инерции оказалась настолько значительной, что вплоть до нашего времени конвергентные процессы не получили глубокого освещения» (Щербак, 1989, 135).

Казахский язык, как один из представителей кыпчакской ветви тюркской семьи, имеет многочисленные схождения с языками монгольской семьи на всех своих строевых уровнях, но прежде всего поражают воображение масштабы и глубина казахско-монгольских лексических параллелей. Согласно предварительным и далеко неполным подсчетам Бухатына Базылхана, автора-составителя уникальных в своем роде казахско-монгольского (Базылхан, 1977) и монгольско-казахского словарей (Базылхан, 1984), в современном казахском языке сходными с монгольскими являются 1 500 корневых и 24 000 производных слов из 40 000 лексических единиц, зарегистрированных в указанных словарях (Базылхан, 1973, 7; 1999, 30-32; 2000, 412-413; Базылхан, 1966 (1967), 17-92; 1974, 8 и др.). Бурятский языковед Ц.Б. Бураев в одной из своих работ отмечает, что в «Древнетюркском словаре» ему удалось обнаружить не менее 900 слов, имеющих соответствия в лексике бурятских говоров, а в «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков», изданном В.И. Цинциус – более 700 слов, общих с бурятскими (Бураев, 1986, 26). Подводя итоги своим многолетним исследованиям по алтайским языкам, В.Л. Котвич подчеркивает, что общий фонд схождения между монгольскими и тюркскими языками в лексике составляет примерно 25% всего словарного состава монгольских языков (Котвич, 1962, 351). Исходя из этих математических выкладок В.Л. Котвича, нетрудно подсчитать, что из 70 тысяч слов, представленных в новом «Большом академическом монгольско-русском словаре» (БАМРС, I-IV, 2001-2002), по самым скромным подсчетам, более 17 тысяч слов должны оказаться в той или иной степени общими для тюркских и монгольских языков.

Казахско-монгольская языковая общность базируется на огромном количестве материальных схождения, охватывающих все тематические груп-

пы лексики, кроме числительных, а также определенном количестве совпадающих аффиксальных морфем именного и глагольного словообразования. Тюркско-монгольская этнолингвистическая общность, как показывают сравнительно-сопоставительные исследования последних нескольких десятилетий в области алтаистики, сложилась в условиях тесных и продолжительных контактов и не связана узами изначального генетического родства. Линии соприкосновения возникали в разные времена, в различных регионах, в неодинаковых условиях – от опосредованных связей до устойчивого двуязычия. Характер многовековых контактов предопределил «сближение» тюркских и монгольских языков в такой степени, что совпадения и сходства в них при поверхностном сопоставлении стали рассматриваться как факты исконного генетического родства.

Разновременные заимствования и переизимствования, нередко охватывающие почти целиком отдельные тематические группы лексики (например, терминология развитого животноводства, социально-политическая номенклатура, названия металлов, музыкальных инструментов, терминология родства и свойства и т.д., и т.п.) создают видимость существования регулярных фонетических соответствий и закономерных звуковых переходов и тем самым усложняют и без того очень сложную картину тюркско-монгольских этноязыковых взаимоотношений. Между тем, как справедливо подчеркивает А.М. Щербак, достаточно систематического разбора хотя бы части сходств и совпадений, чтобы убедиться в конвергентной природе данной общности (Щербак, 1997, 237).

Касаясь масштабов тюркско-монгольских лексических соответствий, Дж. Клоусон пишет: «После исключения слов, которые наверняка можно признать заимствованиями, общие элементы в тюркском и монгольском основном словаре составят не более 2% от основного словаря, причем эти общие слова легче объяснить как заимствования, чем как свидетельство генетических связей...» (Клоусон, 1969, 41). Компаративно-контрастивное и историко-этимологическое изучение казахско-монгольских лексических параллелей полностью подтверждает справедливость высказываний Дж. Клоусона и других неолтаистов.

В предлагаемой вниманию заинтересованного читателя фрагменте Этимологического словаря казахско-монгольских лексических параллелей нами рассмотрены практически все слова казахского языка на *жа-* (*жаба* – *жаяу*), имеющие соответствия в монгольских языках. Из проанализированных 122 слов казахского языка, которые в алтаистических исследованиях сравнивались с предлагаемыми монгольскими соответствиями, ни одно тюркско-монгольское лексическое сближение нельзя считать общим праалтайским наследием в казахском (шире – тюркских) и монгольских языках. Значительная часть казахско-монгольских лексических сближений при ближайшем знакомстве оказывается заимствованием из тюркского в монгольский и наоборот, вместе с тем велика и доля случайных сближений, не выдерживающих филологической критики.

В нашей картотеке казахско-монгольских лексических параллелей насчитывается более 10 тысяч слов казахского языка, которые имеют параллели в монгольских языках. В это число входят только так называемые «первородные основы», явно вторичные морфологически прозрачные производные формы в словник не включены. Предпринятый нами пока еще во многом предварительный историко-этимологический анализ показывает, что среди них доля возможных претендентов на праалтайскую древность ничтожна.

С исторической и генетической точек зрения казахско-монгольские лексические параллели весьма разнородны и имеют различную хронологическую глубину. Материальные схождения между казахским и монгольскими языками могут быть объяснены следующими факторами: 1) случайные совпадения; 2) типологическое сходство; 3) конвергенция из первоначально независимых исходных пунктов; 4) историческая обусловленность.

Исторические причины, в свою очередь, также многочисленны и неоднородны, к ним относятся, например: а) генетическое родство; б) ареальные взаимоотношения (родственных и неродственных языков), обуславливающие общие ареальные черты, которые могут развиться в систему вторичных соответствий (языковой союз); в) общее влияние третьего языка (субстратное, контактное, адстратное, суперстратное; прямое, опосредованное и т.д.); г) исторические контакты, отразившиеся в заимствованиях и т.п. (см. Рона-Таш, 1974, 31).

Исторические контакты, отразившиеся в лексических взаимозаимствованиях, в свою очередь, также неоднородны как в генетическом, так и в хронотопологическом отношении. В генетическом отношении казахско-монгольские лексические параллели прежде всего дифференцируются на следующие группы: 1) тюркские заимствования в монгольских языках; 2) монгольские заимствования в тюркских языках (в том числе и в казахском); 3) казахские заимствования в монгольском (главным образом в западных говорах), калмыцком и др.; 4) сепаратные (отсутствующие в других тюркских языках) монгольские заимствования в казахском; 5) общие заимствования из контактирующих иносистемных языков и т.д., и т.п.

Как видим, уже при первом подступе к генетической и хронотопологической дифференциации казахско-монгольских лексических параллелей перед исследователем встает целый ряд серьезных трудностей, связанных с разработкой научных приемов и методов стратификации разных по своему происхождению генетических пластов фактического материала: например, по каким критериям определить, что анализируемое слово является монгольским заимствованием в казахском (или любом другом тюркском) языке, а не наоборот? Как стратифицировать хронологические пласты многочисленных тюркизмов в монгольском?..

Тюркские и монгольские народы на протяжении их долгой истории, которую сейчас невозможно выверить по письменным источникам, неоднократно вступали в разного рода взаимные контакты, и эти контакты ос-

тавили свой след в языке в виде материальных заимствований, которые датируются самыми разными историческими эпохами, ср.:

каз. *ögiz* «вол» ~ др.-тюрк. *öküz*, чув. *văGār* «бык» ~ монг. *üxēr* «крупный рогатый скот», п.-монг. *üker*, ср.-монг. (*h*)*üker* и *üküs*;

каз. *tas* «камень» ~ др.-тюрк. *taš* < **tāš* > чув. *čul* ~ монг. *čulün*, п.-монг. *čilayun*, ср.-монг. *čila'un* и *tas* «камень», *buj tas* «стрела», баоань. *taše*, *taçe*, дунс. *taši* «камень» и т.д.

Касаясь проблемы хронотопологизации монгольско-тюркских языковых контактов, венгерский алтаист Л. Лигети совершенно справедливо пишет: «Со своей стороны, я полагаю, что весьма значительное число соответствий, представляемых лексикой так называемых алтайских языков, в большинстве своем связано с заимствованиями. При всем том следует остерегаться подходить к этой огромной теме с одной единственной меркой «заимствования». Почти каждый значительный период контактов двухтысячелетней давности имел свой собственный лексический слой. Хронология (иногда – только относительная хронология) этих слоев заимствований могла бы быть установлена только в результате тщательных и неотступных исследований. Более древний и менее многочисленный из этих слоев, без сомнения, будет иметь в своем составе следы общей лексики алтайского праязыка – если только таковой существовал» (Лигети, 1971, 32).

Следовательно, перед исследователями истории взаимных тюркско-монгольских языковых контактов стоит целый ряд архисложных и чрезвычайно трудоемких задач, связанных с разработкой периодизации исторических взаимоотношений между алтайскими языками:

1) необходимо установить репрезентативную серию фонетических, морфологических, лексико-семантических, историко-культурологических, ареально-географических и т.п. диагностических признаков а) разновременных тюркских заимствований в монгольском и б) монгольских заимствований в тюркских языках;

2) надо разработать соответствующие таксоны для разных диахронических уровней: а) тюркских заимствований в монгольском и б) монгольских заимствований в тюркских языках;

3) нужно определить хотя бы в самых общих чертах зоны возможных тюркско-монгольских контактов в разные исторические эпохи;

4) необходимо разработать научно обоснованные принципы проектирования на соответствующие таксономические уровни лексических заимствований, выявленных для разных исторических периодов: а) тюркские заимствования в монгольском и б) монгольские заимствования в тюркских языках и т.д., и т.п.

В разработке периодизации исторических взаимоотношений тюркских и монгольских языков, по общему мнению специалистов, наиболее релевантными считаются фонетические критерии. Так, например, в настоящее время к наиболее архаичному пласту тюркизмов в монгольских языках относятся слова с признаками ротацизма и ламбдацизма. В результате глубокого исто-

рико-этимологического анализа тюркско-монгольских лексических сходжений А. Рона-Таш пришел к такому заключению: «Тюркские заимствования в монгольском до XIII в. вполне определенно свидетельствуют о том, что заимствовались они из множества различных тюркских языков в различные исторические периоды. Одним из тюркских языков – источником подобных заимствований должен был быть язык, принадлежащий к чувашско-булгарской группе. Надо думать, что последующие исследования выявят еще больше пластов древних булгаро-монгольских контактов» (Рона-Таш, 1974, 42-43). Следовательно, монг. *üxér* «крупный рогатый скот» (при тюрк. *öküz*, каз. *ögiz* «вол», чув. *vãGär* «бык», ср. венг. *ökör* ← др.-булг.) и монг. *čulün* «камень» (при тюрк. *taş*, каз. *tas*, чув. *čul* «камень») следует относить к наиболее раннему пласту тюркизмов в монгольском, а соответствующие ср.-монг. *üküs* «бык» и *tas* «камень» – к относительно поздним заимствованиям из тюркских языков стандартного типа.

Что же касается хронологических рамок древнейших булгарско-монгольских контактов, то исследователи в этом отношении проявляют большую осторожность. Так, например, А. Рона-Таш ограничился замечанием, что «Важнейшей задачей в изучении алтайских языков является исследование исторических контактов в течение периода между началом второго тысячелетия до н.э. и началом второго тысячелетия н.э.» (Рона-Таш, 1974, 45). Учитывая, что основная масса булгарских племен ушла на запад вместе с хуннами или даже чуть раньше их, следует полагать, что протобулгарско-монгольские контакты происходили в Центральной (Срединной) Азии не позднее III-IV вв. н.э.

Периодами повышенной активности тюркско-монгольских контактов в современной алтаистике принято считать: 1) IV-VII вв. (возвышение тюркского племени табгач, основавшего династию Северная Вэй, 386-535 гг.; вассальная зависимость монголоязычных киданей от тюрков до середины VIII в.); 2) VIII-XII вв. (интенсивные контакты тюрков и монголов в районе Прибайкалья: частичная ассимиляция тюрками северных монгольских племен); 3) XIII-XIV вв. (уйгурско-монгольские культурных связи в Восточном Туркестане) (Clauson, 1956, 181-187; Щербак, 1963, 150-151; 1997, 11).

Согласно исследованиям Дж. Клоусона, ранние тюркские заимствования проникали в общемонгольский праязык вследствие продолжительных контактов, начавшихся в IV-V вв. Так как тюрки находились в культурном отношении на более высокой ступени развития, чем монголы, то заимствовали преимущественно монголы у тюрков. В обратном же направлении процесс заимствования протекал менее интенсивно, и следы его видны лишь в отдельных тюркских языках, как якутский и тувинский в меньшей степени алтайский и в еще меньшей мере киргизский и казахский.

Для разработки периодизации истории тюркско-монгольских языковых контактов определенным интерес представляют фонетические корреляции инициального общетюркского *j- (пратюрк. *ʃ по А.М. Щербаку) ~

каз. *ž-* ~ чув. *ś-* в монгольских языках. Судя по материалам алтаистических исследований, тюркскому анлаутному **j-* в монгольских языках может соответствовать целый ряд фонетических коррелятов: *d-*, *ǰ-*, *n-*, *j-*, *s-* ~ *š-*, ср.:

тюрк. **j-* ~ каз. *ž-* ~ монг. *d-*:

тюрк. **japaqı*, каз. *žabayı* «шерсть линька», «свляющаяся шерсть» ~ монг. **dayaki*, х.-монг. *dāχ* «линька животных»; п.-монг. *dayagan* < **dawāqan* < **dapaqan* «жеребенок на втором году» (Ramstedt, 1935, 81, 83; ЭСТЯ, 1989, 125-126, 159-160; Räsänen, 1969, 187-188);

тюрк. **jaz-*, каз. *žaz-* «расстилать» ~ монг. **daru-*, х.-монг. *dar-* «прижимать, припечатывать» (Räsänen, 1969, 194; Ramstedt, 1935, 77; EDAL, I, 472-473);

тюрк. **jaq-*, каз. *žaq-* «приближаться» ~ монг. **daqa-*, **daga-*, х.-монг. *daga-* «следовать за кем-либо» (Ramstedt, 1935, 72; Poppe, 1960, 22; EDAL, I, 458-459);

тюрк. *jaqşı*, каз. *žaqşı* «хороший» ~ монг. **daqa-*, х.-монг. *daga-* «следовать за кем-либо» (EDAL, I, 458-459);

тюрк. *jaqın*, каз. *žaqın* «близкий» ~ монг. **daqa-*, **daga-*, х.-монг. *daga-* «следовать за кем-либо» (EDAL, I, 458-459);

тюрк. **jāl*, каз. *žāl* «холка, грива» ~ монг. **dalaŋ*, х.-монг. *dalaŋ* «холка, грива», *dalı* «плечевая лопатка», *del* «грива» (ЭСТЯ, 1989, 86-87; EDAL, I, 461-462);

тюрк. **jalpaj-*, каз. *žalpaj-* «сплющиваться» ~ монг. *dalbai-* «быть широким и плоским» (ЭСТЯ, 1989, 100-101; EDAL, I, 470-471);

тюрк. *japır-*, каз. *žapır-* «измять траву» ~ монг. *dabča*, *dabža* «низкого роста» (Ramstedt, 1935, 77); *dajiri-* ~ *dayari-* «задеть, зацепить» (Владимирцов, 1929, 271; см. также: ЭСТЯ, 1989, 16-17);

тюрк. **jasa-*, каз. *žasa-* «создавать» ~ монг. **das-*, х.-монг. *das-* «привыкать» (Ramstedt, 1935, 79; ЭСТЯ, 1989, 150-152; EDAL, I, 465);

тюрк. **jaşır-*, каз. *žasır-* «скрывать, укрывать» ~ монг. *dal* «крытый загон для скота», *dali-* «укрываться», х.-монг. *dald* «тайно, скрыто» (Poppe, 1960, 22-23, 77; Räsänen, 1969, 192; ЭСТЯ, 1989, 160-161);

тюрк. **jelek*, **jelen* «вид короткой куртки», каз. *želek* «шелковое покрывало невесты» ~ монг. **degelei*, *degel-en*, *debel*, х.-монг. *děl* «короткая меховая одежда», «камзол» (Ramstedt, 1935, 85; Räsänen, 1969, 196; ЭСТЯ, 1989, 178-179; EDAL, I, 473-474);

тюрк. **jelin*, каз. *želin* «вымя» ~ монг. **deleŋ*, х.-монг. *delëŋ* «вымя» (Ramstedt, 1935, 86; Poppe, 1960, 22, 76; ЭСТЯ, 1989, 180-181; СИГТЯ, 1997, 148; EDAL, I, 474);

тюрк. **jelpi-*, каз. *želpi-* «махать, веять» ~ монг. **delbe-*, бур. *dalba-* «качать, трясти», «размахивать» (Ramstedt, 1935, 75, 87; Räsänen, 1969, 182, 196; ЭСТЯ, 1989, 182; EDAL, I, 461);

тюрк. **jeŋ-*, каз. *žeŋ-* «побеждать» ~ монг. **dejil-*, х.-монг. *dijil-* «побеждать» (Ramstedt, 1935, 92; ЭСТЯ, 1989, 187; СИГТЯ, 1997, 576; EDAL, I, 476);

тюрк. *jebi-*, каз. *žibi-* «мокнуть» ~ монг. **debte-*, х.-монг. *dewte-*, калм. *deptě-* «мокнуть» (Ramstedt, 1935, 88; Räsänen, 1969, 202; ЭСТЯ, 1989, 196-197; EDAL, I, 472);

тюрк. **jök / *jük* «верх», **jükgerü* «вверх, наверх», каз. *žoyarı* «тж.» ~ монг. *deyere*, х.-монг. *dēgūr* «высоко», *dēr* «на, в, над, наверху» (ЭСТЯ, 1989, 213-214);

тюрк. **jomaq*, каз. *žumbaq* «рассказ, притча»; «загадка» ~ монг. **domag*, х.-монг. *domog* «легенда, сказка» (Ramstedt, 1935, 95; Räsänen, 1969, 206; ЭСТЯ, 1989, 220-221; EDAL, II, 888-889);

тюрк. *jüzük* ~ **jürük*, каз. *žüzük* «кольцо» ~ монг. **dörü*, х.-монг. *dör* «кольцо (в носу у быка)» (Ramstedt, 1935, 99; Räsänen, 1969, 214; ЭСТЯ, 1989, 260-262; СИГТЯ, 1997, 548-549; EDAL, I, 485-486);

тюрк. **jılıy*, каз. *žılı* «теплый» ~ монг. **dulayan*, х.-монг. *dulān* «теплый» (Ramstedt, 1935, 101-102; Räsänen, 1969, 200; ЭСТЯ, 1982, 275-276; EDAL, I, 480-481);

тюрк. *jayı*, каз. *žaw*, чув. *šuj* «война» ~ монг. **dajin*, х.-монг. *dajn* «война» (Ramstedt, 1935, 83; 1957, 50, 88; Räsänen, 1969, 178; Владимирцов, 1929, 267; ЭСТЯ, 1989, 55-56; EDAL, I, 457);

тюрк. **jat-*, каз. *žat-* «лежать» ~ монг. **deb-* «класть, подстилать», х.-монг. *dewžē* «подстилка» (Ramstedt, 1935, 90; Räsänen, 1969, 192; ЭСТЯ, 1989, 156-158; EDAL, I, 466);

тюрк. **jalpaq*, каз. *žalpaq* «широкий, плоский» ~ монг. *dalba-* «быть плоским и широким» (Ramstedt, 1935, 75; Räsänen, 1969, 182-183; ЭСТЯ, 1989, 100-101; EDAL, I, 470-471);

тюрк. **jān*, каз. *žan*, чув. *šum* «сторона» ~ монг. **denjā*, х.-монг. *denj* «терраса (между равниной и речным берегом)» (Ramstedt, 1935, 88; Räsänen, 1969, 184; ЭСТЯ, 1984, 118-119; EDAL, I, 478-479);

тюрк. **jori-* / **jüri-*, каз. *žür-*, чув. *šüre-* «ходить» ~ монг. **dürbe-*, х.-монг. *dürwe-* «бежать (в панике)» (Räsänen, 1969, 207, 213; Ramstedt, 1957, 52; ЭСТЯ, 1989, 229-231; Doerfer, 1975, 217-218; Владимирцов, 1929, 187; EDAL, I, 482-483);

тюрк. **jor-*, каз. *žor-* «толковать сновидения» ~ монг. **dura-*, х.-монг. *dur* «воля, намерение», «желание, симпатия», *durla-* «любить, желать» (Ramstedt, 1935, 103; Räsänen, 1969, 208; ЭСТЯ, 1989, 223-224; EDAL, I, 483) и т.д.;

тюрк. **j-*, каз. *ž-* ~ монг. *ᠵ-*

тюрк. **jez*, каз. *žez* «медь» ~ монг. *jes, jez* «медь», «латунь» (← тюрк.), **zer*, ср. х.-монг. *zer zewsəg* «оружие, вооружение, боевое снаряжение, доспехи» (← прабулг.?) (Räsänen, 1969, 199; ЭСТЯ, 1989, 168-169; СИГТЯ, 1997, 404-405; EDAL, II, 1538);

тюрк. **jek*, каз. *žek* «плохой», «отвратительный», «ненависть» ~ монг. **žeke-j*, х.-монг. *zexij* «посредственный, хуже» (Ramstedt, 1935, 109, 472; ЭСТЯ, 1989, 170-172, 173-174; EDAL, II, 883-884);

тюрк. *jēl-, каз. žel- «бежать рысью, нестись» ~ монг. *jīlu-, х.-монг. zulba-, zilda- «убегать» (Räsänen, 1969, 195; ЭСТЯ, 1989, 176-177; EDAL, II, 886);

тюрк. *jelim «клей», каз. želim «клей» ~ ср.-монг. jīlsūn, п.-монг. jīlāyan, калм. žalān «клей» (Ramstedt, 1935, 107; Räsänen, 1969, 196; ЭСТЯ, 1989, 179-180; EDAL, I, 460-461);

тюрк. *jēmīlč, каз. žemis «овощи, фрукты» ~ монг. žemiši, х.-монг. jīmis «тж.» (Räsänen, 1969, 197; Федотов, 2002, 281; EDAL, II, 871; монг. *lamaya, х.-монг. namā «лист»);

тюрк. *jer-, каз. žer- «ненавидеть, питать отвращение» ~ монг. jūrke-, бур. žerχē- «тж.» (Räsänen, 1969, 198; ЭСТЯ, 1989, 193; EDAL, II, 1535);

тюрк. *jet-, каз. žet- «достигать» ~ монг. *jīdkū-, х.-монг. jūtgē- «стремиться, стараться» (Ramstedt, 1935, 484; ЭСТЯ, 1989, 193-194; EDAL, II, 1536);

тюрк. *jidge-lek, каз. židek «ягода» ~ монг. *žedegene, х.-монг. žedgēnē «клубника» (Ramstedt, 1935, 471; Räsänen, 1969, 202; ЭСТЯ, 1974, 325-326; СИГТЯ, 1997, 122, 140; EDAL, II, 1549-1550);

тюрк. *jegin, каз. žijen «племянник» ~ монг. *žege, х.-монг. žē «внук, племянник» (Ramstedt, 1935, 474; Räsänen, 1969, 194; ЭСТЯ, 1989, 166-167; СИГТЯ, 1997, 293; EDAL, II, 1014-1015);

тюрк. *jigren-, каз. žijren- «испытывать отвращение» ~ монг. *jīgsi-, *jīge-gūr-, х.-монг. jīgš- «ненавидеть» (ЭСТЯ, 1989, 200-201; EDAL, II, 885-886);

тюрк. *jīl, каз. žīl, чув. śul «год» ~ монг. *jīl, х.-монг. žīl «год, годовой цикл» (Ramstedt, 1935, 109; 1957, 52; Владимирцов, 1929, 171; Räsänen, 1969, 200; Clauson, 1972, 917; ЭСТЯ, 1989, 275; СИГТЯ, 1997, 70-71; Щербак, 1997, 124; Doerfer, 1975, 251; EDAL, I, 475);

тюрк. *juln, каз. žulīn «костный мозг, спинной мозг» ~ монг. *jīluyā / *jīlaj, х.-монг. žulaj «мозг»; «темя» (ЭСТЯ, 1989, 260; Дыбо, 1996, 314; СИГТЯ, 1997, 263; EDAL, I, 476);

тюрк. *jip, каз. žip, чув. śip «нитка, веревка» ~ монг. *jīyeg (< *jīyeg), х.-монг. jīg «тонкая нить, окаймление» (Ramstedt, 1935, 474; Räsänen, 1969, 195; ЭСТЯ, 1989, 27, 268-269; EDAL, II, 890-891) и т.д.;

тюрк. *j-, каз. ž- ~ монг. n-:

тюрк. *japiš-, каз. žabiš- «приклеиваться, прилипать» ~ монг. *niya- (< *niba- < *nipa-), х.-монг. nā- «приклеивать» (Räsänen, 1969, 187; Владимирцов, 1929, 209, 369; Порре, 1960, 39, 47, 74; ЭСТЯ 1989, 132-133; EDAL, II, 861-862);

тюрк. *jāz ~ *jār, каз. žaz «лето» ~ чув. śur «весна» ~ монг. *nirai, х.-монг. naraj «новорожденный» (Ramstedt, 1935, 277; Владимирцов, 1929, 145-146; Порре, 1960, 38, 81; ЭСТЯ, 1989, 71; СИГТЯ, 1997, 73-74; EDAL, II, 988-989);

тюрк. *jāz-, каз. žaz- «промахиваться, грешить» ~ монг. *nargi-, х.-монг. nargi- «кутить, веселиться» (Räsänen, 1969, 193; ЭСТЯ, 1989, 72-73; EDAL, II, 868);

тюрк. *jata-, каз. žata- «латать, штопать» ~ монг. *neme-, ср.-монг. nemur-, nembe- «покрывать», х.-монг. nōmr-, nemn- «покрывать (попоной)»

(Ramstedt, 1935, 275; Poppe, 1960, 68; Räsänen, 1969, 184; ЭСТЯ, 1989, 108; EDAL, II, 969-970);

тюрк. **janč-*, каз. *žanšī-* «ломать» ~ монг. **niča-*, **niža-*, х.-монг. *ñacla-*, *ñacra-*, «ломать» (ЭСТЯ, 1989, 184-185; Ramstedt, 1935, 466; Щербак, 1997, 122; тюрк. → монг. *žanči-*, *janči-*; EDAL, II, 1149-1150);

тюрк. **jar-*, каз. *žar-* «покрывать, закрывать» ~ монг. **nebseji-*, х.-монг. *newsij-* «быть широким и длинным» (EDAL, II, 971);

тюрк. **jariš-* ~ *japilč-*, каз. *žabiš-* «приклеиваться, прилипать» ~ монг. **niya-* (< **niba-* < **nipa-*), х.-монг. *nā-* «приклеивать» (Владимирцов, 1929, 47, 74; Miller, 1986, 203; ЭСТЯ, 1989, 132-133; EDAL, II, 861-862);

тюрк. **jaruryaq*, каз. *žapıraq* «лист» ~ монг. **labči*, ср.-монг. *nabčın*, х.-монг. *nawč* «лист» (Ramstedt, 1935, 272; Владимирцов, 1929, 369; Poppe, 1960, 37, 44; ЭСТЯ, 1989, 130-132; СИГТЯ, 1997, 111-112; EDAL, II, 874);

тюрк. **jar-*, каз. *žara* «тонкий, тощий», *žar(i)li* «бедный» ~ монг. *narın*, х.-монг. *narin* «тонкий» (Ramstedt, 1935, 273; Räsänen, 1969, 189, 190; ЭСТЯ, 1989, 143; СИГТЯ, 1997, 334-335; EDAL, II, 972);

тюрк. **jāš*, каз. *žas*, чув. *šul* «возраст, год» ~ монг. **nasu(n)*, х.-монг. *nas* «возраст, год жизни» (Ramstedt, 1935, 272; 1949, 157; 1957, 75; ЭСТЯ, 1989, 161-163; СИГТЯ, 1997, 84; EDAL, II, 961);

тюрк. **jāš* ~ **jāl*, каз. *žas*, чув. *šul* «слеза» ~ монг. **nidü(n)*, х.-монг. *nüd* «глаз» (см. также монг. *nilbusun* «слеза»; Ramstedt, 1957, 77; Poppe, 1960, 39; Menges, 1984, 281; EDAL, II, 981);

тюрк. **juduruq*, каз. *žudırıq* «кулак» ~ монг. **nidurya*, х.-монг. *nudārgān* «кулак» (Ramstedt, 1935, 280; 1957, 77; Владимирцов, 1929, 187, 369; Poppe, 1960, 39; Дыбо, 1996, 317; СИГТЯ, 1997, 253; EDAL, II, 991-992; ЭСТЯ, 1989, 248-249);

тюрк. *jimšaq*, каз. *žumsaq* «мягкий» ~ монг. **nomuqan*, *nemegün* х.-монг. **nomxon* «спокойный, мягкий» (Ramstedt, 1935, 275-277; 1957, 76; ЭСТЯ, 1989, 252-253; EDAL, II, 992-993);

тюрк. **jiq-*, каз. *žiq-* «разрушать, размалывать, свалить» ~ монг. **niqu-*, **niqu-*, х.-монг. *ničā-* «размалывать, растирать» (Ramstedt, 1935, 281; Räsänen, 1969, 200; ЭСТЯ, 1989, 273-274; Poppe, 1960, 39; EDAL, II, 977);

тюрк. **jeŋge*, каз. *ženge* «жена старшего родственника» ~ монг. **nagači*, х.-монг. *nagac* «родственник со стороны матери» (→ каз. *nayaštı*) (Räsänen, 1969, 197-198; Ramstedt, 1957, 76; ЭСТЯ, 1989, 189-190; СИГТЯ, 1997, 313; EDAL, II, 970-971);

тюрк. **jü:z* ~ **jü:r*, каз. *žüz* «лицо» ~ монг. **niyur*, х.-монг. *nü:r* «лицо» (Ramstedt, 1935, 283; Räsänen, 1969, 213-214; ЭСТЯ, 1989, 259-260; СИГТЯ, 1997, 206; Щербак, 1997, 196; тюрк. → ср.-монг. *jüz*; EDAL, II, 975);

тюрк. **jit-*, каз. *žit-* «теряться, пропадать» ~ монг. **nete-*, х.-монг. *netre-* «ухудшаться» (Räsänen, 1969, 204; ЭСТЯ, 1989, 204-205; EDAL, II, 980);

тюрк. **jiti*, каз. *žiti* «острый» ~ монг. **nitula-*, х.-монг. *ñadla-*, *ñatla-* «резать (скот)» (Räsänen, 1969, 192; ЭСТЯ, 1989, 205-206; EDAL, II, 980-981);

тюрк. **jaqa*, каз. *žaуа* «воротник, край», *žayalaj* «вокруг» ~ монг. **nigur-su(n)*, х.-монг. *nuga(r)s* «спинной мозг, позвоночные хрящи» (Ramstedt, 1935, 281; ЭСТЯ, 1989, 82-84; Doerfer, 1975, 103-104; EDAL, II, 983-984);

тюрк. **jāš* ~ **jāl*, каз. *žas* «свежий, сырой» ~ монг. **nilayu*, х.-монг. *nalun* «сырой, приторный» (Ramstedt, 1935, 276; 1949, 159; 1957, 110; Poppe, 1960, 39; Räsänen, 1969, 192; ЭСТЯ, 1989, 161-163; EDAL, II, 985-986);

тюрк. **janıl-*, каз. *žanıl-* «ошибаться» ~ монг. **nigül*, х.-монг. *nügěl* «грех» (Ramstedt, 1935, 283; Räsänen, 1969, 186; ЭСТЯ, 1989, 120-121; EDAL, II, 987-988);

тюрк. **janız* ~ **janıur*, каз. *žanız* «одинокий, единственный» ~ монг. **nige(n)*, х.-монг. *neg* «один» (Ramstedt, 1935, 274; Räsänen, 1969, 187; ЭСТЯ, 1989, 98; EDAL, II, 990);

тюрк. **jur*, каз. *žir*, чув. *jurā* «песня» ~ монг. **nürgi-*, монг. *nürgēn* «шум, оживленное обсуждение» (Räsänen, 1969, 201; ЭСТЯ, 1989, 285; Doerfer, 1975, 233; EDAL, II, 993-994) и т.д.;

тюрк. **j-* ~ каз. *ž-* ~ монг. *j-*:

тюрк. **jāda-*, каз. *žada-* «уставать, изнуряться» ~ монг. *jada-*, х.-монг. *jada-* «не мочь, не быть в состоянии» (Ramstedt, 1935, 213; Räsänen, 1969, 177; Poppe, 1960, 32, 123, 154; ЭСТЯ, 1989, 67-68);

тюрк. **jāq*, каз. *žaq* «сторона» ~ монг. *jaqa* «край, ворот» (Räsänen, 1969, 180; ЭСТЯ, 1989, 82);

тюрк. **jāl*, каз. *žal* «наемная работа» ~ монг. *jala*, х.-монг. *jal* «наказание» (Räsänen, 1969, 181; ЭСТЯ, 1989, 84-85);

тюрк. **jalman*, каз. *žalman* «тушканчик» ~ х.-монг. *jalmān*, калм. *jalmān* «тушканчик» (Ramstedt, 1935, 214; Räsänen, 1969, 183; ЭСТЯ, 1989, 97);

тюрк. *jambu*, каз. *žambı* «слиток серебра» ~ п.-монг. *juvambū*, х.-монг. *juambū.*, *jumbū.* «слиток серебра» (← кит.) (Ramstedt, 1935, 220; КТКЭС, 1966, 80; Räsänen, 1969, 184);

тюрк. **jāra*, каз. *žara* «рана» ~ монг. **jara*, х.-монг. *jar* «язва» (Ramstedt, 1935, 215; ЭСТЯ, 1989, 139-140; Щербак, 1997, 123; Doerfer, 1975, 54-55; EDAL, II, 1517);

тюрк. **japalaq*, каз. *žapalaq* «сова» ~ монг. *jawlag* «сова» (Ramstedt, 1915-1916, 68; Räsänen, 1969, 187; ЭСТЯ, 1989, 129; СИГТЯ, 1997, 170; Eren, 1999, 441);

тюрк. **jār-*, каз. *žar-* «рассекать, раскалывать» ~ монг. **jara-*, х.-монг. *jara-* «раскрываться, расщепляться» (Räsänen, 1969, 188-189; ЭСТЯ, 1989, 135-137; Ramstedt, 1935, 470; Щербак, 1997, 123; EDAL, II, 1152);

тюрк. **jaruq*, каз. *žariq* «свет, освещение» ~ монг. *jarig* «белый, светло-желтый», *jara-* «сверкать» (Владимирцов, 1929, 317; Ramstedt, 1935, 216; 1949, 74-75; Räsänen, 1969, 189; ЭСТЯ, 1989, 134-135; EDAL, II, 1512-1513);

тюрк. **jāšil*, каз. *žasił* «зеленый» ~ монг. *jašil* «крушина» (Ramstedt, 1935, 217; Clark, 1980, 41; ЭСТЯ, 1989, 162; EDAL, II, 1015);

тюрк. **jay-*, каз. *žaw-* «идти (об атмосферных осадках)» ~ монг. **jaya-ra-*, х.-монг. *jār-* «торопиться» (Ramstedt, 1935, 217, 221; ЭСТЯ. 1989, 57-58; СИГТЯ, 1997, 35; EDAL, II, 1146-1147);

тюрк. **jatuyan*, каз. *žetigen* «старинный музыкальный инструмент, лежачая арфа» ~ монг. *jatuyan*, *jatayan*, х.-монг. *jatga* «музыкальный инструмент, похожий на арфу, гусли» (Ramstedt, 1935, 217; Poppe, 1960, 12; Räsänen, 1969, 192-193);

тюрк. **jegit*, **jigit*, каз. *žigit* «юноша, джигит» ~ монг. *jigede*, калм. *jēde* «юноша» (Ramstedt, 1935, 218; Räsänen, 1969, 203; ЭСТЯ, 1989, 198-199; СИГТЯ, 1997, 301; EDAL, II, 1509);

тюрк. **joy* «похоронная церемония», каз. *žoqta-* «оплакивать умершего» ~ монг. **joyila-*, п.-монг. *jojila-*, х.-монг. *joěl-* «стенать, охать» (Владимирцов, 1929, 368; Ramstedt, 1935, 220; монг. *jo-*, *jō* «о! ох!»; ЭСТЯ, 1989, 207);

тюрк. **jor-*, каз. *žor-* «толковать (сновидения)» ~ ср.-монг. *jor-* «объяснять, толковать (сны)»; калм. *gor*, бур. *gorō* «предрассудок, предзнаменование» (Ramstedt, 1935, 103, 219, 478; Räsänen, 1969, 208; Poppe, 1960, 32; ЭСТЯ, 1989, 223-225; Щербак, 1997, 125; EDAL, I, 483; монг. *dura-*);

тюрк. **jora*, каз. *žora* (в *žol-žora*) «толкование», *žorala-* «предчувствовать» (Базылхан, 1977, 126) ~ монг. **jora*, х.-монг. *gor*, калм. *gor*, бур. *gorō* «примета, знамение. предзнаменование, предвестие, предчувствие» (Ramstedt, 1935, 219; Räsänen, 1969, 208; Poppe, 1960, 32; Doerfer, 1965, 55-60; ЭСТЯ, 1989, 223-225; EDAL, I, 483);

тюрк. **josun*, каз. *žosaq* «правило» (Радлов, IV, 100: *žosug*), «обычай» (Аманжолов, 1959, 379) ~ монг. *josu(n)*, х.-монг. *joson* «общепринятое правило, традиционный обычай» (Ramstedt, 1935, 219; Räsänen, 1969, 207; Doerfer, 1963, 555-557; ЭСТЯ, 1989, 31-32; EDAL, II, 1545-1546);

тюрк. **jirayu*, каз. *žiraw* «певец, сказитель» ~ монг. **jirayu*, х.-монг. *jarū* «благозвучный», *jari-* «говорить» (ЭСТЯ, 1989, 285-286; Räsänen, 1969, 201; Doerfer, 1975, 233; EDAL, II, 993-994) и т.д.;

тюрк. **j-* ~ каз. *ž-* ~ монг. *s-*:

тюрк. **jalaŋ*, каз. *žalaŋ* «голый, одинокий» ~ монг. **sildaŋ*, х.-монг. *šaldaŋ* «голый» (калм. *jalāŋ* ← тюрк.) (Ramstedt, 1935, 214; Räsänen, 1969, 182; ЭСТЯ, 1989, 97-98, 104-106; EDAL, II, 1511-1512);

тюрк. **jaŋi*, каз. *žañä* «новый» ~ монг. **sine*, х.-монг. *šine*, бур. *šenē* «новый» (Ramstedt, 1935, 358; Räsänen, 1969, 185; ЭСТЯ, 1989, 124-125; СИГТЯ, 1997, 85; EDAL, II, 1510-1511);

тюрк. *jalman*, каз. *žalman* «острие сабли», «конец сабли» ~ монг. **seleme*, х.-монг. *selm* «сабля» (Räsänen, 1969, 196; Poppe, 1960, 29; ЭСТЯ, 1989, 103-104; СИГТЯ, 1997, 412; EDAL, II, 1509-1510);

тюрк. **jel*, каз. *žel* «ветер» ~ монг. **salki(n)*, х.-монг. *salxi* «ветер» (→ тюрк. *salqın* «прохладная погода») (Ramstedt, 1935, 318; Räsänen, 1969, 195; СИГТЯ, 1997, 40; ЭСТЯ, 1989, 174-175; EDAL, II, 1508);

тюрк. **jari*, каз. *žar* (в составе *žarqanat* «летучая мышь», букв. «кожаное крыло») «кожа, кожица» ~ монг. **sari-*, п.-монг. *sarisu(n)*, х.-монг. *sařs*

«кожа, кожаца» (Ramstedt, 1935, 313, 319; ЭСТЯ, 1989, 146; СИГТЯ, 1997, 384; EDAL, II, 1508-1509);

тюрк. **jegit* ~ **jigit*, каз. *žigüt* «юноша, джигит» ~ монг. **sayaqa*, х.-монг. *sāxalt* «сосед по кочевью» (Räsänen, 1969, 203; Doerfer, 1975, 185; ЭСТЯ, 1989, 198-199; СИГТЯ, 1997, 301; EDAL, II, 1509);

тюрк. **jar-* «светить», **jaruq* «свет», каз. *žarīq* «свет, освещение» ~ монг. **sara*, х.-монг. *sar* «луна» (Ramstedt, 1935, 313; Räsänen, 1969, 189; ЭСТЯ, 1989, 134-135; Владимирцов, 1929, 317; EDAL, II, 1512-1513);

тюрк. **jengül*, каз. *ženil* «легкий» ~ монг. **siŋgen*, х.-монг. *šingen* «жидкий, тонкий, редкий» (Räsänen, 1969, 198; ЭСТЯ, 1989, 184, 188; СИГТЯ, 1997, 340; EDAL, II, 1514);

тюрк. **jasımuq*, каз. *žasımīq* «чечевица» ~ монг. **sisi*, х.-монг. *šiš* «кукуруза, гаолян, сорго» (Ramstedt, 1935, 361; Räsänen, 1969, 191; ЭСТЯ, 1989, 154; СИГТЯ, 1997, 464-465; EDAL, II, 1514-1515);

тюрк. **jaŋaq*, каз. *žaŋaq* «щека», «челюсть» ~ монг. *sinaya*, х.-монг. *šanā* «висок», бур. *šanā* «скула» (Ramstedt, 1935, 348; Räsänen, 1969, 187; ЭСТЯ, 1989, 123; СИГТЯ, 1997, 219-220; EDAL, II, 1517);

тюрк. **jara*, каз. *žara* «рана» ~ монг. **sirka*, х.-монг. *šarḡ*, бур. *šarḡā* «рана» (Ramstedt, 1935, 350; Räsänen, 1969, 189; ЭСТЯ, 1989, 139-140; Doerfer, 1975, 54-55; EDAL, II, 1517-1518);

тюрк. **jo(y)ta*, каз. *žota*, с.-юг. *joṽta* «голень» ~ монг. **següji*, х.-монг. *sū:ž* «бедро» (Ramstedt, 1935, 342; Räsänen, 1969, 207; ЭСТЯ, 1989, 29-30; СИГТЯ, 1997, 282-283; EDAL, II, 1519);

тюрк. **jaš-* ~ **jalč-* «сверкать, сиять», *jašin*, каз. *žasın* «молния» ~ монг. **solonŋa*, х.-монг. *solongo* «радуга» (тюрк. → монг. *jašin*, см. Щербак, 1997, 123) (Ramstedt, 1935, 330; Räsänen, 1969, 192; ЭСТЯ, 1989, 149-150; СИГТЯ, 1997, 22-23; EDAL, II, 1519-1520);

тюрк. **jat*, каз. *žat* «чужой, иностранный» ~ монг. *sadun*, х.-монг. *sadān* «свойственник, друг» (Ramstedt, 1935, 307; Räsänen, 1969, 192; ЭСТЯ, 1989, 158-159; СИГТЯ, 1997, 564; Щербак, 1997, 123: тюрк. → монг. *žad* «чужой»; EDAL, II, 1520).

Традиционная алтаистика предполагает, что фонетическая система монгольских и тунгусо-маньчжурских языков, по сравнению с тюркской, сохранила более архаичные особенности структуры консонантизма, а поэтому на месте единого тюркского инициального *j-* для праалтайского состояния реконструирует целый ряд качественно различных согласных:

- 1) тюрк. *j-* ~ монг. *d-*, т.-маньчж. *d-*, кор. *t-* < праалт. **d-*;
- 2) тюрк. *j-* ~ монг. *č-*, т.-маньчж. *č-*, кор. *č-* < праалт. **č-*;
- 3) тюрк. *j-* ~ монг. *j-*, т.-маньчж. *j-/θ-*, кор. *j-/θ-*, < праалт. **j-*;
- 4) тюрк. *j-* ~ монг. *n-*, т.-маньчж. *n-*, кор. *n-* < праалт. **n-*;
- 5) тюрк. *j-* ~ монг. *n-*, т.-маньчж. *n-*, кор. *n-* < праалт. **n-* (см. Ramstedt, 1957, §§ 19, 25, 27, 28, 33, 34, 36).

Однако репрезентативный эмпирический материал показывает, что большая часть тюркско-монгольских лексических соответствий (за исклю-

чением значительного числа явно некорректных сближений), приведенных для подтверждения соответствующих рядов межгрупповых фонетических корреляций, имеет явно вторичное конвергентное происхождение и не может быть отнесена к праязыковому наследию. В части тюркско-монгольских соответствий приводимые Г.Й. Рамstedтом, Н.Н. Поппе и их последователями сближения по существу практически все являются тюркскими заимствованиями в монгольских языках (явно ошибочные сближения, естественно, в расчет не принимаются). Следовательно, реальная ситуация во взаимоотношениях между тюркскими и монгольскими формами получается прямо противоположной постулируемой ортодоксальными алтаистами: тюркские формы по отношению к монгольским и тунгусо-маньчжурским соответствиям оказываются первичными и более архаичными. А поэтому при реконструкции праязыковой формы следует исходить не из монгольских и тунгусо-маньчжурских форм, а из тюркских. Но при таком подходе к репрезентативному материалу, использованному ортодоксальными алтаистами для обоснования алтайской теории, можно получить только пра- или прототюркские реконструкции, но никак не прамонгольские, пратунгусо-маньчжурские и, тем более, праалтайские.

Подход к многочисленным фонетическим соответствиям тюркского инициального *j- в монгольских и тунгусо-маньчжурского языках с позиций ортодоксальной алтаистики вносит в тюркскую (и шире – алтайскую) фонологию ряд неразрешимых задач и только еще более запутывает и без того чрезвычайно сложную и неимоверно запутанную проблему. Между тем, многие вопросы наиболее последовательно разрешаются при подходе к тюркско-монгольским языковым взаимоотношениям с точки зрения сторонников теории заимствований.

В тюркских лексических заимствованиях Дж. Клаусон выделяет три одновременных пласта, которые отличаются друг от друга рядом особенностей фонетических соответствий. Первый слой тюркских заимствований он относит к периоду до VIII в. н.э., второй слой заимствований – к периоду между VIII и XII веками, третий – к XII и XIII векам (Clauson, 1961).

Первый, наиболее ранний пласт тюркских слов, по предположению Дж. Клаусона, был заимствован древними монголами, а также киданями или каким-либо другим монгольским племенем предположительно из языка тюркоязычного племени *табгач* ~ *тавгач* (кит. *тона*), основавшего династию Северная Вэй (386-535 гг. н.э.). Монголоязычными Дж. Клаусон считает известные по китайским источникам племена шивэй, ювэнь, си (татабы) и цитань (кидани). Весьма показательна при этом попытка Дж. Клаусона идентифицировать этническое название современных чувашей *чаваш* с древнетюркским племенным названием *табгач* ~ *тавгач* (о языке племени *тона* см.: Vazin, 1949; Лигети, 1969).

Язык табгачей существенно отличался от языка других тюркских племен, известных по китайским источникам – сяньби, мужун, ухуань и др., и имел следующие фонетические особенности:

1) наличие в начальной позиции ряда слов звонкого зубного спиранта *d-*, изменившегося после VIII в. в *j-*, ср.: табгач. **dayi* «враг» ~ общетюрк. (после VIII в.) *jayı*, каз. *žaw*, чув. *šuj* «враг, война» ~ монг. *daji(n)* «война»; у монголов в словах, заимствованных в этот период, он отражается как *d-*;

2) сохранение начального *ñ-* (*ǰ-*, т.е. назализованного *j-*), который в тюркских языках после VIII в. изменился в *j-*, а у монголов в словах, заимствованных до VIII в., отразился как *n-*; ср.: табгач. **ñudruq* «кулак» ~ общетюрк. (после VIII в.) *judruq*, каз. *žudırıq*, чув. *šāmār, čāmār* (< **ñājār* с назализацией **j-* < **d-* под влиянием анлаутного **ñ*; **j-* < **d-*, вместо ожидаемого *-r-*) ~ монг. *nudurya* «кулак»;

3) переход *z > r* в конце и середине слова (так называемый «алтайский ротацизм»); в древнетюркских языках стандартного типа *z* в указанных позициях сохраняется, а для монгольских языков в этой группе заимствований характерен ротацизм; ср.: табгач. **ökür* (← вост.-иран., ср. тох. *okso*) «бык» ~ общетюрк. (после VIII в.) *öküz*, чув. *văGăr* ~ монг. (*h*)*üker* «крупный рогатый скот»;

4) переход *š > l* в конце и середине слова (то есть ламбдацизм); в древнетюркских языках стандартного типа *š* сохраняется, а для монгольских языков в указанных позициях характерен ламбдацизм; ср.: табгач. **tavulyan* «заяц» ~ общетюрк. (после VIII в.) *tavišqan* ~ монг. **tabilya(n)* > *ta'ulya* > *ta'ulaj* «заяц»;

5) изменение интервокального *-γ-* в *-j-*; ср.: табгач. **taqija* «курица» ~ общетюрк. (после VIII в.) *taqıyı*, каз. *tawıq*, чув. *čäyă* ~ монг. *taqija* «курица» и др.

Следовательно, наиболее ранние тюркские лексические заимствования, проникшие в древнемонгольский до VIII века (то есть до первых фиксаций тюркских языков в письменных памятниках), характеризуются наличием анлаутных *d-* (~ тюрк. орх. *j-*, каз. *ž-*) и *ñ-* (~ тюрк. орх. *j-*), интервокального *-j-* (~ тюрк. орх. *-γ-*), а также ротацизмом (~ тюрк. орх. *z*) и ламбдацизмом (~ тюрк. орх. *š*). Все эти особенности вместе могут быть обнаружены только в языке протобулгар (= огуров) с учетом древнебулгарских заимствований венгерского языка, показаний среднебулгарских эпиграфических памятников булгаро-чувашишских заимствований в поволжских и пермских финно-угорских языках и специфических особенностей современного чувашского языка.

Дж. Клоусон (Clouston, 1961) добавляет, что в тюркских словах, заимствованных монголами до VIII века н.э. *-d-* в середине слова перед *ĩ* и *i* изменялся в *-ǰ-* (ср. общетюрк. **edi*, каз. *ije* «хозяин» ~ монг. **eǰen* «хозяин»), а после смывных и некоторых других согласных в конце слова появлялся дополнительный гласный, дополнительный слог или *-n*; ср.: *balıq* «город» ~ монг. *balaya-sun*, п.-монг. *balyasun*, х.-монг. *balgas(un)* «крепость, город»; тюрк. *tarıy*, кирг. *tarı*, к.-калп. *tari* «просо» ~ монг. *tarijan* «зерно»; тюрк. *baj*, каз. *baj* «богатый, богач» ~ монг. *bajan* «богач»; тюрк. *miñ*, каз. *miñ* «тысяча» ~ монг. **miñgan*, х.-монг. *miñgan* «тысяча» и т.д.

Для тюркских лексических заимствований, проникших в древне-монгольский язык задолго до VIII века характерно обилие хозяйственных, культурных и административных терминов.

Согласно исследованиям Дж. Клаусона (Clauson, 1961 и др.), во второй период тюркско-монгольских этноязыковых взаимоотношений, датируемых хронологическим периодом VIII-XII вв., в среднемонгольский проникают слова из какого-то одного северо-восточного тюркского языка, в котором исторический анлаутный *j- уже перешел в ǰ. Тюркизмы с инициальным ǰ прослеживаются уже в языке «Сокровенного сказания монголов» (Козин, 1941; Henisch, 1937; Ligeti, 1971). В данный период вокализации, то есть прибавления к концу слова неэтимологического гласного, подвергались, очевидно, только те тюркские слова, которые оканчивались на глухой согласный. Ауслautные -z и -š тюркских слов при заимствовании в среднемонгольский трансформировались в -s.

Судя по переходу анлаутного *j- в ǰ, это был какой-то северо-восточный диалект тюркского языка кыпчакского типа, на основе которого, видимо, впоследствии развивались канглыско-кыпчакские и периферийно-кыпчакские языки джокающего типа, в их числе, несомненно, и казахский.

Третий период тюркско-монгольских этноязыковых взаимоотношений датируется Дж. Клаусоном XII-XIII вв., то есть временем возвышения монголов (Clauson, 1961 и др.). В этот период в среднемонгольский язык проникают лексические заимствования из тюркских языков и диалектов Восточного Туркестана и, в частности, из древнеуйгурского языка. В тюркских лексических заимствованиях третьего периода в среднемонгольском инициальный j- и ауслautный -š сохраняются без изменений.

Среди тюркских заимствований третьего периода в среднемонгольском широко представлены культурные и религиозные термины, проникновение которых было связано с принятием буддизма и адаптацией уйгурского письма (Щербак, 1963, 151).

Таким образом, в свете неоалтаистических исследований Дж. Клаусона выясняется особая актуальность всестороннего компаративно-контрастивного и историко-этимологического изучения казахско-монгольских лексических параллелей на букву ж-. Благодаря разнообразной рефлексации инициального тюркского j- в монгольском в достаточно широких пределах, во-первых, удастся достаточно адекватно разработать диахронические страты одновременных тюркских лексических заимствований в монгольских языках и монгольских заимствований в казахском в достаточно широкой временной проекции, охватывающей как минимум последние два тысячелетия доступной обзору истории; во-вторых, создаются условия для установления достаточно надежных фонетических, морфологических, лексико-семантических, историко-культурологических, ареально-географических, хронотопологических и иных диагностических признаков и критериев для сепарации тюркизмов в монгольских языках от монголизмов в тюркских, в

том числе, прежде всего, в казахском, в-третьих, создается научно-теоретическая и методическая основа для диахронической, диатопической, генетической систематизации обширного пласта общей для тюркских и монгольских языков лексики, в-четвертых, проверяются и уточняются технические приемы и научная методика этимологического изучения тюркско-монгольских лексических параллелей и т.д. И, наконец, в результате тотального сравнительно-сопоставительного и историко-этимологического изучения общей для тюркских и монгольских языков лексики, надеемся, удастся наконец однозначно решить алтайскую проблему в целом.

Особого внимания заслуживают контакты тюркских и монгольских племен в Сибири, Средней Азии и Казахстане в период после монгольского нашествия. Центральная Азия в XIII-XIV вв. оказалась той территорией, где процесс взаимодействия тюркских и монгольских языков стал, по существу, непрерывным вплоть до последнего времени.

Территория Казахстана и Средней Азии была завоевана монголами в начале XIII века. Важнейшим следствием завоевательных походов Чингизхана и его преемников явилось изменение общей ситуации в тюркско-монгольских этнолингвистических контактах и принципиальное изменение направленности языковых заимствований. Наиболее привлекательные регионы Центральной (Средней) Азии – Семиречье, Таласская долина, некоторые районы Мавераннахра в это время заселяются перекочевавшими из Восточного Туркестана монгольскими племенами. Переселение ряда монгольских племен на территорию Казахстана и Средней Азии и участие в этногенезе казахов, киргизов, ногайцев и других тюркских народов региона, тем не менее, не имело столь значительных последствий для данных языков, какие имели место в Сибири, и сыграло определенную роль лишь в процессе обогащения лексики (Щербак, 1997, 249, 250). К концу XIV века среднеазиатские монголы, оказавшись в сплошном тюркском (главным образом кыпчакском) окружении и подвергаясь сильному ассимилирующему влиянию со стороны тюркских народов, в конце концов полностью утратили свой язык. Вместе с тем в лексике формировавшихся на данной территории различных тюркских языков (в том числе и казахского) отложились заметные следы монгольского суперстратного компонента. Полной утрате монгольского языка предшествовала ситуация двуязычия, засвидетельствованная в письменных источниках и вызывающая большой интерес в плане оценки путей и возможностей смешения языков в этом регионе (Щербак, 1997, 11-12). Так, например, тюркская лексика, вошедшая в памятник XIV века «Мукаддимат ал-Адаб», была заимствована монголами преимущественно из языков кыпчакской группы, границы распространения которых совпадают с местами расселения в Средней Азии и Казахстане монгольских племен джалаир, найман, барлас и др. (Поппе, 1938, 7-8; Щербак, 1997, 190). А это уже свидетельствует об интенсивных взаимоотношениях и взаимовлияниях между среднекыпчакскими и среднемонгольскими диалектами в этом регионе.

Обращаясь к письменным памятникам XIII-XIV вв., разумеется, еще нельзя говорить о непосредственных казахско-монгольских языковых взаимодействиях, ибо собственно казахский язык в этот период находился на стадии своего окончательного формирования и, по существу, представлял один из диалектов среднекыпчакского языка. Но нельзя игнорировать и тот факт, что в это время функционировал некий среднекыпчакский язык, который в последующем составил основу центральной (канглийской) группы кыпчакских языков – общего предка современных казахского, каракалпакского и ногойского языков. Поэтому монгольско-кыпчакские языковые взаимоотношения имеют самое непосредственное отношение и к казахскому языку, а среднемонгольские интерференции служат важным источником для изучения истории собственно казахского языка и его исторического предшественника.

Казахско-монгольские этноязыковые взаимоотношения, то затухая на определенное время, то вновь возгораясь в зависимости от складывающейся в регионе политической ситуации, продолжались и после распада Монгольской империи и формирования самостоятельного казахского народа. Особо активизировались казахско-монгольские этноязыковые контакты в XII-XVIII вв. в связи с образованием Джунгарского ханства. В этот период устанавливаются казахско-ойратские языковые контакты. Несколько позднее на западе Казахстана развиваются казахско-калмыцкие языковые контакты, а на востоке Казахстана и в Западной Монголии (в основном в Баян-Ульгейском аймаке) складываются монгольско-казахские взаимоотношения, которые продолжаются до наших дней.

Тюркско-монгольские (resp. казахско-монгольские) этноязыковые взаимоотношения в разные исторические этапы своего развития имели различную направленность: в домонгольскую эпоху культурные и языковые заимствования осуществлялись преимущественно из тюркских языков в монгольские, а с XIII-XIV вв. – как в том, так и в другом направлениях, причем как непосредственно, так и через посредство других тюркских языков. Так, например, значительная часть слов монгольского происхождения в казахский язык проникла через восточно-тюркское или чагатайское посредство. Поэтому перед исследователями казахско-монгольских языковых взаимоотношений остро стоит задача разработки принципов и методов хронологической стратификации общей для исследуемых языков лексики, установления ряда фонетических, морфологических, семантических, ареально-географических и т.д. диагностических признаков. Первым шагом в этом направлении, по нашему опыту исследования данной проблемы, представляется всестороннее компаративно-контрастивное и историко-этимологическое исследование казахско-монгольских лексических параллелей с детальной разработкой генезиса, словообразовательной структуры, фонетического и семантического развития слова, внутриязыковых и внешних связей общих для двух данных языков слов в доступной для воссоздания хронологической, географической и этнокультурной проекции.

**ПРОБНЫЕ СТАТЬИ
К ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМУ СЛОВАРЮ
КАЗАХСКОГО ЯЗЫКА**

ЖАБА (*žaba*) диал. «приспособление для сбора травы, вилы»; «приспособление для подсаживания, поддерживания беркута в виде *шангырака*»; *temir žaba* «вилы для складывания сена в омёт» (КТДС, 103); *žap* «маленький арык для орошения посевов» (КТДС, 111); возможно, сюда же *žap* «хранилище (для картофеля в виде ямы); погреб» (КТДС, 111); *žap* «небольшой арык, проток, ответвление от оросительного канала» (Кайдаров, 1986, 211) < пратюрк. **žāp* «развилка», «разветвление»; «вилы» < *«промежуток», «пустое, свободное пространство (между предметами)»: в древнетюркских письменных памятниках не отмечено (см., напр., Clauson, 1972; ДТС и др.); туркм. *jāba* «подпора, подпорка (напр., для виноградных лоз)»; «вешалка (из ствола дерева с отходящими от него разветвлениями, сучками)»; *jābaq* «деревянные вилы (для ворошения соломы, сена и т.п.)»; *jābala-* «ворошить деревянными вилами (сено, солому и т.п.)»; *jāp* «арык, канава»; тур. *yaba* «деревянные вилы»; *yabala-* «перекидывать (ворошить) деревянными вилами (сено, солому)» (Redhouse, 1979, 1233); тур. *japa, jaba* «вешалка» (Будагов, 1871, II, 321); осм. *jaba* «вилы с двумя зубцами» (Радлов, III, 273); *japa* «вилка, двузубые вилы» (Радлов, III, 260); *japala-* «перевортывать солому, сено вилами» (Радлов, III, 262); тур. диал. *jaba* «большие деревянные вилы»; «лопата (вид деревянной лопаты, похожей на вилы и употребляемой при провеивании зерна для удаления и складывания в кучу соломы и половы)» (DD, III, 1449) (очевидно, во всех случаях («вешалка», «лопата» у Л. Будагова; «вилка» у В.В. Радлова) следует подразумевать деревянные вилы, изготовленные из жерди с развилками, и применяемые при провеивании зерна для удаления соломы и половы с вороха. – Ж.Т.); крым. *žaba* «железная лопата с кольцами»; *žapa* «тж.» (Будагов, 1869, I, 426; Радлов, IV, 57); гаг. *jaba* «деревянные многозубые вилы»; аз. *jaba* «вилы»; «рогатина (примитивное орудие земледельца в виде стержня с развилкой на конце)»; *ayaž jaba* «деревянные вилы»; *dämir jaba* «железные вилы»; *iki dişli jaba* «двузубые вилы»; *jabala-* «сгребать (собирать в одно место) сено, солому»; *jaba GujruG* «ласточка» (букв. «хвост развилкой»); диал. *jāba* «вилы», *java* «трезубец»; сал. *jōva, jova* «деревянные вилы» (Тенишев, 1976, 362-363); *jov* «ветвь, ветка (дерева)» (Тенишев, 1976, 362); чаг. *jap* «вырытая канава» (Радлов, III, 259), *japa* «двузубые вилы» (Радлов, III, 260), «вилы для провеивания зерна» (Vámbéry, 1867, 344); *japala-* «везать хлеб»; узб. *jap* «оросительный канал»; диал. *jāva, javaq* «вилы (пятизубые)», «вилы с пятью длинными зубьями» (ЎХШЛ, 123); тат. *jāp* «развилка, развилина (напр., у вил)»; *jāplē* «с развилиной, имеющей развилину; развилистый»; *jāplēkā* «развилистый сук»; диал. *jāp* «ветвь дерева»; *jāplāš-* «беседовать, разговаривать» (ТТДС, 1969, 182); *žap* «лощина», «низменная местность, долина между двумя возвышенностями или горами» (ТТДС, 1969, 566); *žāp* «ветвь, ответвление»; *čāč žābē* «коса, две косы (женская)»; *žāplākālē* «развилистый, с развилинами, ветвистый» (ТТДС, 1969, 582); *žāplāškā* «двузубые вилы»; «ухват»; *jāp* «ветвь дерева»; «коса (женская)»;

jäpmälē «развилистый, с развилками, ветвистый» (ТТДС, 1993, 119); *žār* «ветвь, ответвление» (ТТДС, 1993, 419); тат. (кряш.) *žāb*, *žār* «промежуток среди развилок у рассохи, вил и т.п.» (Остроумов, 1896, 88); башк. *jār* «развила, развилка»; диал. *jab* «развила» (ДСБЯ, 105); *jār* «удобный момент»; *jäptäš-* «подходить друг на друга» (ДСБЯ, 132); к.-калп. *žaba* «вилы»; *temir žaba* «железные вилы»; *žar* «небольшой оросительный канал, проток»; чув. *jur*, *juBā* «разветвление, развилина, развилка»; «ответвление»; «ветвь, ветка»; «сук, сучок»; *šul juppi* «развила дороги»; *šrw juppi* «приток, рукав реки»; ср. также: *jür*, *jüBē* «развила, ветка, ветвь»; *iGē jüBēllē senēk* «вилы с двумя зубьями»; *vižē jüBēllē senēk* «вилы с тремя зубьями» (Ашмарин, 1930, V, 32); *šrw juppi* «приток реки»; «залив», *šul juppi* «ответвление дороги»; *senēk jüppi* «разветвление вил»; *jüpleške* «вилка»; *jüplē* «ветвистый»; «с хвостами (о плетке)» (Ашмарин, 1929, IV, 339-341) ← ср.-кыпч. **jap* «развилка», «разветвление».

Формы **jāpa* ~ *jāba* «вилы», вероятнее всего, являются производными от **jār* «развила», так как приведенные материалы показывают, что практически во всех случаях имеются в виду деревянные (большей частью двузубые) вилы, представлявшие собой жердину с двумя разветвлениями на одном (рабочем) конце. Первичным значением пратюрк. **jār*, скорее всего, было «промежуток, расстояние, пространство между двумя (и более) пунктами»; «дистанция, интервал», откуда развились все другие значения: «разветвление», «развилка» («развила дороги», «рукав, приток реки», «ответвление оврага»), «сук, ветка», «вилы» и т.п.; ср. аналогичное развитие семантики синонимичного слова *ara* «промежуток, расстояние, пространство (между двумя пунктами, точками, предметами); дистанция; интервал» > *ara* «пятипалые вилы», «вилка» в уйгурском языке.

Первичная основа **jār* в чистом виде сохранилась в татарском и башкирском языках в значении «развилка, развилина», а также в ряде других тюркских языков в значении «арык, канава» (первоначально «мелкие ответвления оросительного канала»), ср. также: туркм. *jāba* «подпорка» < «жердь с развилкой на конце»; аз. «рогатина», а также «развилка» в *jabaGujruG* «ласточка», сал. *jov* «ветвь» и чув. *jur*, *jop*, *jür* «ответвление», а также *juBa* «столб» и т.д., в которых сохранились отголоски архаического значения. Особо следует отметить башк. диал. *jār* «удобный момент», который позволяет проследить генетическую взаимосвязь между **jār* и *jaj* (см. каз. *žaj*), а также соответствующими монгольскими формами (Владимирцов, 1929, 259; Ramstedt, 1935, 470; Räsänen, 1969, 187: *jār* «арык», *jāpa-k* «вилы»; Егоров, 1964, 349; ЭСТЯ, 1989, 45, 129; Федотов, 1996, II, 488; 2002, 458; Эхмэтьянов, 2001, 264; Egen, 1999, 437; EDAL, II, 885, 1529).

В «Этимологическом словаре тюркских языков» тюрк. *jār* «канал, арык» рассматривается изолированно от **jāpa* «вилы» (видимо, из-за удаленности их семантики) и трактуется как «слово хорезмийского происхождения: хорезм. *yāb* (*yār*) «вода, канал» ~ н.-перс. *āb* (с появлением *j* перед

анлаутным *ā*) (Боровков, 1952, 186; Henning, 1977, I, 403; Бартольд, 1965, III, 552)» (ЭСТЯ, 1989, 129). Однако «Этимологический словарь иранских языков» В.С. Расторгуевой и Д.И. Эдельман (М., 2000, т. I) отмечает только хор. *'b* «вода», «поток», «река», зафиксированное в ряде композитов и в производных (С. 311-315). Следовательно, реальность хорезмийской формы *yāb* (*yār*) «вода», «канал» является весьма проблематичной. Возникают трудности и с семантической стороны. В иранских языках слово **āp-*: *ap-* «вода, поток, река» и его производные связаны с идеей воды (жидкости) и не содержат даже намека на семему «канавы», «канала». В тюркских языках **jār*, наоборот, служит обозначением небольшого арыка, точнее – мелких ответвлений основного оросительного канала, то есть заключает основную идею «разветвление», «развилка», «ответвление» и т.п. Поэтому мнение об иранском (хорезмийском) происхождении тюркского **jār* отвергается.

В «Этимологическом словаре алтайских языков» тюрк. **jār* «канал» в качестве гетуинного на алтайском уровне сближается с монгольским **žab* «щель»; «промежуток, интервал»; «свободное время»; «угол рта» (EDAL, II, 1528-1529); ср.: ср.-монг. *žaba* «расщелина в скале», *žabusar* (~ *süeni*) «полночь» (НУ, 6), букв. «середина ночи»; п.-монг. *žab* «свободное пространство», «свободное место» (Lessing, 1960, 1018); х.-монг. *zaw* «щель, жерло»; «скважина»; «узкая долина», «теснина», «ложбина, овраг»; *ūlin zaw* «горная ложбина»; *zaw* «досуг, свободное время»; *zaw-zaj* «свободное время» (БАМРС, II, 192); *zawāy* «щель (между войлоком стены и крышей юрты)»; *zawdāl* «возможность», «случай»; «попытка, намерение»; *zawdā-* «успевать, улучать время»; «пытаться, намереваться делать что-либо»; *zawž* «уголок», «уголки рта»; «края горной пади, долины»; *žawilā-* «поджимать, скрестить ноги (при сидении)»; *zawsār* «щель, промежуток, зазор»; «лазейка»; «пустое пространство между чем-либо»; «интервал»; «перерыв, пауза»; «момент (о времени)»; *zawtāj* «досужий», «располагающий свободным временем, имеющий досуг»; «свободный» (см. БАМРС, II, 192-195); бур. *zab* (~ *zaj*) «досуг, свободное время»; *zab-zaj* «тж.»; *zabāy* «полка (щель в юрте между войлоком стены и крышей, используется как полка)»; *zabdā* «досуг, свободное время»; *zabdā-* «собираться, готовиться, приготавливаться»; «удосуживаться»; «торопиться, спешить»; «собираться, замышлять»; «намереваться делать что-либо»; «предпринимать что-либо»; *zabi* «положение при сидении, когда ноги расположены крест-накрест»; *zabhar* «промежуток, интервал; пустое пространство»; «щель», «окно (в расписании уроков)»; калм. *zaw* «досуг, свободное время»; *zawāy* «щель (в юрте между войлоком стены и крышей, используемая для хранения мелких вещей)»; *zawsār* «промежуток, интервал»; «пустое пространство» (см. Ramstedt, 1935, 468); орд. *žab* «свободное время»; *žawaG* «щель»; *žabsar* «промежуток, интервал», «пустое пространство»; дагур. *žabka* (*žabdugan*) «досуг, свободное время»; «свободное место»; *žabžī* (< п.-монг. *žabižī*) «уг-

лы рта» (Тодаева, 1986, 141); дунс. *žava* «щель», «промежуток, интервал»; баоань. *žabte* «между»; ш.-юг. *žab*, *žabsar* «промежуток», «пустое пространство», «интервал»; монгол. *žiabsar*, *žabsar*, *čabsar* «промежуток», «щель» (Тодаева, 1973, 333); ойр. *žaw* «досуг, свободное время»; *žawsar* «промежуток», «перерыв»; *žawca* «свободное место», «пустота», «зазор» (Тодаева, 2001, 148).

Якутские *djaba*, *jaba* «щель (на лесине)» (Пекарский, 1912, 700), *žaba* «неглубокая щель, получившаяся от поверхностного повреждения коры и наружных слоев дерева», «наружная расщелина, прошедшая внутрь» (Пекарский, 1912, 763); *žabaž*, *žabalž*, *jabaži* «угол рта у человека, коня, птицы», «вообще то, что служит разделом, напр., подходящая к берегу полоска леса, изгородь» (Пекарский, 1912, 763) являются относительно поздними заимствованиями из монгольского, что было отмечено уже Э.К. Пекарским (1912, 763; ТМС, I, 251).

Ср. еще ср.-монг. *žaji*, *žai* «свободное пространство», «промежуток»; «свободное время»; х.-монг. *žaj* «тж.», калм. *zä*: «тж.» (Ramstedt, 1935, 470; подробнее см. каз. *žaj* «положение, состояние»; «место», «срок», «суть, сущность»).

Монгольское *žabsar* «промежуток» проникло в ряд тюркских языков (подробнее см. каз. *žapsar* «место соединения двух предметов»).

Монгольские **žabu* и **žabi* в сущности представляют собой полные синонимы и являются диахронотопологическими фонетическими вариантами одного и того же слова. Так, например, Г.Д. Санжеев предполагает генуинность следующих монгольских слов: х.-монг. *žai* (= *žaj*) «свободное место», «промежуток»; *žai-* (< *žayu-*) «брат в зубы», «кусать»; *žirä* (*žayu+r+a-*) (наречие-послелог) «между», «в пути», «в момент»... и *žaw* (< *žab*) «досуг, свободное время», восходящих к единой прамонгольской основе **žawu?* < **žabu?* «промежуток». Интервокальные *g* и *b* ~ *w* в монгольских языках, по его мнению, начали переходить в среднеязычный спирант *j* в ту же эпоху, когда протекал первый перелом гласного *i*, т.е. в VII-X веках (Санжеев, 1953, 97).

В «Этимологическом словаре алтайских языков» тюркские слова **jāpa* «деревянные вилы» и **jār* «канал» рассматриваются изолированно, причем первый из них сближается в качестве генуинного на праалтайском уровне с прамонгольским **dayaga(n)* «горизонтальная балка в юрте» (п.-монг. *dayaγa*, х.-монг. *dāga*, бур. *dāgan*, орд. *dāGa* (EDAL, II, 885), ср. х.-монг. *dāga* «перекладина, спица»; «короткая жердь»; *tōnoni dāga* «перекладина рамы для верхнего отверстия юрты»; *dāgan un'* «жердь, соединенная перемычкой с одной или двумя соседними (не вставляемая в отверстие тона)»; *dāgan хотдл* «конский помет»; «два куска сухого конского помета, соединенные между собой волосом, привешенные на головке решетчатой стены юрты (как символ рождения жеребят-близнецов)» (БАМРС, II, 2), являю-

щимся производным от глагольной основы *dā-* «быть в состоянии поднимать тяжесть»; «выдерживать тяжесть»; а второй – с прамонгольским **žab* «щель», «промежуток», «интервал»; «свободное время», «угол рта» (EDAL, II, 1528-1529). Первое из этих сопоставлений следует отклонить, так как в основу семантики монгольского **dayaga(n)* заложена идея поддержки, выдержки, поддержания тяжести, то есть опоры, упора и т.п., которая никак не связана с семантикой тюркского **jār* «развилка».

Безусловно генетически родственными являются тюркские **jāpa* «развилка», «развилаина», «ветка», «вилы» и **jār* «канал», с одной стороны; и монгольские **žabu* «свободное пространство», «свободное время», «промежуток» и **žaji* «свободное пространство», «свободное время», «промежуток» – с другой, хотя взаимные отношения между ними внутри каждой из языковых групп требуют специального, более глубокого, исследования.

Взаимосвязи между тюркскими и монгольскими языками, очевидно, являются не генетическими, а контактными и, судя по всему, прамонгольское **žabu ~ *žabi* «свободное, пустое пространство между двумя (и более) предметами» является ранним заимствованием из тюркского наречия булгаро-чувашского типа. Во всяком случае можно с достаточной уверенностью полагать, что данное слово существовало в прамонгольском задолго до первого перелома гласного *i*, то есть до VII-X вв. н.э. Семантические и фонетические филиации, очевидно, произошли уже на монгольской почве: прамонг. **žabu* > совр. монг. *žaw, žaj* (см. каз. *žaj, žabsar, žajdaq, žap, žapsar*).

Подробнее см.: Vámbéry, 1878, 344; Владимирцов, 1929, 259; Ramstedt, 1935, 470; Боровков, 1952, 166; Егоров, 1964, 349; Räsänen, 1969, 187; Henning, 1977, I, 403; Ligeti, 1977, 13; Doerfer, Tezcan, 1980, 221; ТМС, I, 250-251; ЭСТЯ, 1989, 45, 129; Старостин, 1991, 218, 244, 293; Rozycki, 1994, 117-118; Федотов, 1996, II, 488; 2002, 458; Eren, 1999, 437; ЭСИЯ, I, 311-315; Охмэтьянов, 2001, 264; EDAL, II, 885, 1528-1529.

ЖАБАҒЫ (*žabaγı*) «овечья или верблюжья шерсть весенней стрижки»; «жеребенок более 6 месяцев и менее года (когда он обычно обрывает длинной шерстью)» < пратюрк. **jaraqi* «свлявшаяся шерсть-линька», «сбившиеся в комок волосы»: др.-тюрк., карах. *jar, jarγut, jabaqi* (МК, III, 36), туркм. *jaraGi*, тур. *jarađı*, гаг. *jarā*, аз. *jaraq, jaraγı*, узб. *žabiqa*, кумык. *jabaγı*, кар. *jaraγa*, к.-балк. *žabaγı*, тат. *jabaγa*, башк. *jabaγı*, ног. *jabaγı*, к.-калп. *žabaγı* «шерсть-линька»; чув. *juBaχ* «шерсть-линька»; «стригун(ок)» (← ср.-кыпч.); прабулг. **žaraγı* (→ венг. *gyarjü*) «шерсть-линька» → прамонг. **dapaqi* ~ **dabaqi* ~ **daγaqi* «шерсть-линька животных»: п.-монг. *dayaki* (Lessing, 1960, 217), *daki*, х.-монг. *dāχ'* «линька (животных)»; «колтун», «свлявшаяся шерсть»; бур. *dāχı*, орд. *dāχı*; калм. *dāhān* «двухгодовалый жеребенок»; «лончак», *dä:kēr-* «сваливаться, спутываться (о шерсти, волосах)»; «долго не линять, задерживаться линькой (вследствие плохого состояния животного)»; ср. кирг. *dāqi* «весенняя шерсть (еще не вылинявшая)»; «жеребковая доха»; «лохмотья, клочья» – обратное заимствование из монгольского (значение «жеребковая доха» – в результате контаминации с *daqı* «тж.» ← монг. *daχä* «доха, меховая шуба»).

Подробнее см.: Räsänen, 1969, 188; Poppe, 1960, 47; Ramstedt, 1935, 81, 83; ЭСТЯ, 1989, 125-126; 1959-160; Clouson, 1972, 870, 874-875; Егоров, 1964, 349; Федотов, 2002, 458-459.

ЖАБДЫҚ (*žabdıq*) «средство», «снаряжение»; «запас»; «инвентарь»; «оборудование» (<**žabdi-* «приготавливать», ср. кирг. *žabdi-*, уйг. *žabdu-* «оборудовать, приготавливать» + *-q*); кирг. *žabdıq*, *žaptıq* «предметы снаряжения», «оборудование»; «набор инструментов», узб. *žabduq*, уйг. *jabduq*, *žabduq*, лобн. *žabduq* «необходимое снаряжение», «военное снаряжение»; «инвентарь», «утварь»

← ср.-монг. *žabdu-* «собираться (что-либо делать)», «хотеть делать, использовать возможность» (см.: Ramstedt, 1935, 462; Lessing, 1960, 1018; Ligeti, 1966, 277); х.-монг. *zawdā-* «собираться, намереваться делать что-либо»; бур. *zabdā-* «собираться, готовиться, приготавливаться», «удусуживаться», «успевать» (ЭСТЯ, 1989, 9; Räsänen, 1969, 122). Ср. также ср.-монг. *žebsek* «орудие», «оружие», х.-монг. *žewseg* «оружие», «орудие (производства)», «инструмент, приспособление», «инвентарь»; бур. *žebseg* «орудие, инструмент, приспособление, инвентарь»; «оружие» и т.п. (см. EDAL, II, 1527-1528, где последнее слово сближается с общемонгольским *žebe* «наконечник стрелы», что семантически маловероятно).

ЖАБЫК (*žabıq*) «прикрытый», «закрытый»; «щель»: *üjdiñ žabıyman qaradı* «посмотрел сквозь щель *twırlıq* – кошмы, обхватывающей остов юрты» (< *žap-* «закрывать», «покрывать» + афф. *-ıq* со значением признака как результата или, реже, предмета действия); ср.: туркм. *jarıq*, узб. *jəriq*, уйг. *jeriq*, тат. *jabıq*, башк. *jabıq*, кирг. *žabıq*, к.-калп. *žabıq*, алт. *d'abıq*, хак. *šabıχ* «закрытый», «запертый», «покрытый» (ЭСТЯ, 1989, 127-129) < пра-тюрк. **jarıq* «прикрытый», «закрытый»; «прикрытие» ~ прабулг. **žariu* «прикрытие» (ср. чув. *šuvā* «прикрытие», «покрытие», «крышка») → пра-монг. **žabıy* «прикрытие»: п.-монг. *žabıy* (см. Ramstedt, 1935, 468); х.-монг. *zawāg* «щель (между войлоком стены и крышей»; бур. *zabaγ* «полка (щель в юрте между войлоком стены и крышей, используемая как полка)»; калм. *zawāy* «щель (в юрте между войлоком стены и крышей, используемая для хранения мелких вещей)» (Ramstedt, 1935, 468); ср. также х.-монг. *sawāy* «прокладка (например, между верхом и подкладкой дели; под войлоком в юрте)».

Подробнее см. *жэп-*, *жэпыр-*.

ЖАБЫҚ (*žabıq*) «печальный», «грустный»; *жабық-* (*žabıq-*) «худеть, истощаться»; «ослабевать», «унывать», «чувствовать себя подавленным» (< **žabi-* < **jabı-* ?); ср. тат., башк. *jabıq* «худой», «исхудалый, тощий»; «бедный»; чув. *jaBāχ* (← тат.) «плохой», «запущенный», «неряшливый»; кирг. *žabıq* «худой, истощенный»; тат., башк. *jabıq-*, чув. *jaBāχ-* (← тат.), к.-калп. *žabıq-*, кирг. *žabıq-* «худеть», «истощаться», «ослабевать», «беднеть», «скупать»

← ср.-монг. *žabu*, *žabqai*, *žabayan* (см. Ramstedt, 1935, 468; EDAL, I, 466-467); х.-монг. *zawχaj* «распущенный, распутный, разгульный»; «пошлый»; «безнравственный, беспутный»; «блудливый» (БАМРС, II, 194); бур. *zabay-zal'χaj* «распущенный, невыдержанный»; *zabχaj* (*hal'χaj*) «распущенный, распутный, беспутный»; «извращенный», «протivoестественный»; «вульгарный», «пошлый, циничный, наглый»; калм. *zawχā* «распущенный, распутный, разгульный, пошлый»

← прабулг. **žabu* ~ **žabuq* «плохой», «грубый», «распущенный» < праторк. **jab-* «ухудшаться, слабеть» + *-uq*; ср. производные формы: др.-тюрк. (енис.) *jabız* «плохой», «слабый»; карах. *javuz* (МК, QB) «плохой, скверный»; др.-уйг. *javız* «плохой, злокачественный»; *javvan*: *javvan javız* «плохой, скверный»; «постный»; др.-тюрк. (орх.) *jablaq* «плохой, скверный», «низость, зло»; карах. *javlaq* (МК, QB) «плохой, скверный»; *javra* «становится грубым, жетским», *javri-* «ослабевать, обессиливать»; туркм. *juviz* «суровый», «тяжелый»; (диал.) *juvan* «пресный, грубый, безвкусный»; тур. *javız* «суровый, грозный, жестокий»; «отважный»; *yavan* «тощий, обезжиренный, постный, без жира»; гаг. *javan* «постный, тощий, без жира»; аз. *java* «беспутный, непристойный, развратный»; «дурной, плохой, непригодный»; *javan* «сухая еда»; «всухомятку»; «тощий, нежирный, постный»; узб. *jvuz* «злой, злобный»; «ярый, злейший», *jvuzon* «постный (без жира и мяса)»; уйг. *javuz* «деспот, тиран, злодей»; тат. *javız* «злой, злобный, злостный, ярый, злейший, зловерный, свирепый, жестокий»; башк. *javız* «злой, зловерный, свирепый, отъявленный, заклятый, лютый»; к.-балк. *žawız* «значительно, намного, гораздо»; каз. *žawız* «злой, зловерный, подлый, коварный»; к.-калп. *žawız* «злодей»; «злой, злобный, лютый»; «коварный, подлый, зловерный, вероломный»; кирг. *žıyan* «пища без молочной приправы, не забеленная еда»; хак. *čayban* (< **jabyan*) «постный»; якут. *siuos* (< **jabuz*) «строгий, грозный».

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 468; Räsänen, 1969, 176; Clouson, 1972, 879, 881-882; Егоров, 1964, 354; ЭСТЯ, 1989, 9-10, 20, 47-48, 51; Әхмәтьянов, 2001, 261; Федотов, 2002, 466.

ЖАБЫР (*žabīr*) «угнетенное состояние, уныние» (Базылхан, 1984, 220); *žabīrqa-* «унывать; быть в угнетенном состоянии»; *žabīrqanqī* «унылый, подавленный, невеселый (о настроении)»; ср. также: к.-калп. *žabīrqa-* «унывать; быть в угнетенном, подавленном состоянии»; кирг. *žabir* «притеснение, насилие»; *žabirda-*, *žabirla-* «притеснять», «подвергать насилию», «мучить»; *žabirqa-* «испытывать насилие, мучиться»

← ср.-монг. **žabar* «ветер-верховик»; «стужа, холод»: п.-монг. *žabar*, *žibar* «гж.»; х.-монг. *žawar* «ветер-верховик», «холодный ветер»; «холодок», «мороз», «холод», «стужа», «прохлада», «свежесть»; «холодное выражение лица»; «холодный, недоброжелательный взгляд» (БАМРС, II, 152-153); монг. диал. (хорч., джал., оннют., найм., тумут.) *žabar*, (хеш., харч.) *žibar*, (шилинг., уланцаб.) *žawar*, (чахар., ордос.) *žīwar* «ветер-верховик»; «стужа, холод» (Годаева, 1981, 149); *žawarla-* «дуть (о ветре-верховике), «потянуть холодком», «ударить (о морозе)»; «смеяться глазами», «смеяться в глаза» (БАМРС, II, 153); бур. *žabar* «ветер-верховик (не сильный, но резкий и очень холодный ветер, обычно дующий с верховьев пади)».

Узкоареальный характер слова, специализация семантики и отсутствие фиксации в письменных памятниках свидетельствуют о заимствованном характере производящей основы *žabir* в тюркских языках из монгольского.

ЖАБЫС (*žabīs-*) «липнуть, прилипать», «цепляться», «клеиться», «приклеиваться», «приставать» < пратюрк. **jariš-* «прилипать», «приклеиваться», < **jar-* «липнуть», «приставать» + *-iš-*): др.-тюрк., др.-уйг. *jariš-*, карах. *jariš-*, *jariš-*; туркм. *jariš-*, тур. *jariš-*, гаг. *jariš-*, аз. *jariš-*, хал. *jariš-*; узб. *jariš-*, уйг. *jepiš-*, *jopiš-*, диал. *jariš-*, *jariš-*; кумык. *jabuš-*, *jabiš-*, к.-балк. *žabiš-*, кар. *jariš-*, *japuš-*, *jabuš-*; тат. *jabiš-*, диал. *žabiš-*, *jäbëš-*, башк. *jäbëš-*; ног. *jabis-*, к.-калп. *žabis-*; кирг. *žabiš-* «прилипать», «приклеиваться»; тув. *čipšin-* «липнуть, прилипать», «приставать»; чув. *šibäs-* «прилипать»; «приставать»

→ прамонг. **niba-* ~ **niwa-* ~ **niya-* «приклеивать»: ср.-монг. *ni'a-*, п.-монг. *niya-*, *naγa-* (Lessing, 1960, 556); х.-монг. *nā-* «клеить», «приклеивать», «намазывать»; «лгнуть», «прижиматься»; бур. *n'ā-*, калм. *nā-*, орд. *nā-*, могол. *niöldu-* «склеиваться», «приклеиваться» (= х.-монг. *nāldā-*), дагур. *niā-*, дунс. *niaya-*, монгор. *niā-*, *nā-* «клеить, приклеивать».

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 272; Poppe, 1955, 64; Räsänen, 1969, 187; Doerfer, 1975, 49, N 1773; Poppe, 1960, 39,47,74,96, 118, 122, 146, 157; Егоров, 1964, 225; Clauson, 1972, 880-881; Владимирцов, 1929, 209, 369; Иллич-Свитыч, 1976, 19; Старостин, 1991, 75; ЭСТЯ, 1989, 132-134; EDAL, II, 861-862.

ЖАҒА (*žaya*) «воротник»; «берег (реки, озера, моря)» < пратюрк. **jaqa* «край»; «берег»; «ворот(ник)»: др.-тюрк., др.-уйг. *jaqa*, карах. *jaqa*; туркм. *jaqa*, тур. *jaka*, гаг. *jaka*, аз. *jaħa*, диал. *jäħä*, сал. *jaħa*, хал. *jaqa*, *jaħa* (← аз.); узб. *jəqa*, диал. *jäqa*, уйг. *jaqa*, лобн. *jaqa*; кумык. *jaуa*, к.-балк. *žaya*, кар. *jaуo*, *jaqa*, кр.-тат. *jaуa*; тат. *jaqa*, башк. *jaуa*; ног. *jaуa*, к.-калп. *žaya*; кирг. *žaqа*, алт. *d'aqa*, *d'ауa*; хак. *čaya*, шор. *čaya*, тоф. *čaya*, якут. *saуa* «край», «граница», «окраина»; «берег»; «ворот, воротник» ~ прабулг. **žaqа* «край», «берег», «воротник» (> чув. *šuxa* «ворот», «воротник»; «вышивка на платье»; «мониста») → прамонг. **žaqа* «край», «кромка»; «ворот, воротник»: ср.-монг. *žaqа*, п.-монг. *žaqа*, *žīqа*, *žīħа* «край»; «ворот»: х.-монг. *zaħä* «край, окраина»; «ворот, воротник», харч., джал., дурб., горл., архоч., бар., харч., чох. *žax*, орд. *žaxa*, монгол. *žīäga* «воротник», онн. *džaya* «граница»; бур. *zaħа* «край, кончик», «ворот, воротник»; калм. *zaħä* «край, кончик»; «ворот, воротник»; «крайний, отдаленный».

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 463-464; Räsänen, 1955, 21; 1969, 180; Владимирцов, 1929, 404; Poppe, 1955, 136-137; Clauson, 1972, 898; Doerfer, 1975, 103-104, №1802; Иллич-Свитыч, 1976, №330; Щербак, 1997, 122; ЭСТЯ, 1989, 82-84; Егоров, 1964, 222; Федотов, 1996, 146-147; 2002, 296; Egen, 1999, 440; EDAL, II, 983-984.

ЖАҒАЛ (*žayal*) «чумазый», «грязный»; *qara žayal qoj* «черномордая овца с темными полосками на щеках»; ср.: *žayal* = монг. «*загал; халтар, хир буртагтай, алаг тарлан болсон*» (Базылхаан, 1977, 105), т.е. «серый (о масти)»; «грязный, запачканный, замызганный»; «мухортый, гнедой с желтоватыми подпалинами (о масти лошадей)»; «грязный»; «ставший пестрым, крапчатым»; ср. также: к.-калп. *žayal* «грязное пятно»; башк. *jayal* «с белыми пятнами»; «булано-саврасый (о масти лошади); *jayal-joyal* «пятнами (испачкаться)» (ДСБЯ, 2002, 105); туркм. *jaqal* «пигментные пятна (на лице беременной)»; тур. диал. *yağal* «животное черной масти с кофейной окраской на поверхности»; аз. диал. *jahal* «козел, коза (низ брюха белый, остальное – другой окраски)» (ДСАЯ, 242); уйг. (хот.) *žayal äški* «двухлетний козел с каштановой шерстью на спине»; лобн. *žayıl oyloq* «козленок с рыжеватой (особенно на спине) шерстью»; якут. *žayıl, d'ayıl* «большие пятна, обыкновенно коричневого цвета на лопатках или на шее у лошади», *d'ayıl tojon* «белоплечий орлан»

← монг.; п.-монг. *žayal* «имеющий темные пятна на шее и плечах» (Lessing, 1960, 1022); х.-монг. *žayāl* «серый (о масти)»; *žayāl šaryā* «соловый конь с темной гривой, темным хвостом и темной полосой вдоль спинного хребта»; ср. также: монг. *ulān žayāl* = каз. *qızıl žayāl*; монг. *caγān žayal* = каз. *aq žayal*; монг. *bor žayal* = каз. *sür žayal* (Базылхан, 1984, 236-237); бур. *žayal* «с пятнами на шее и лопатках, с гривой, хвостом и хребтом более темного цвета (о масти)», *žayal xonin* «овца с черными пятнами на голове»; *žayaltaj morin* «конь с темными полосами на лопатках»; орд. *žaGal*; ойр. *žayal tolhā* «чесоточная плешивая голова» (Тодаева, 2001, 149); калм. *žayal* «более темные волосы по обе стороны шеи или на груди некоторых лошадей или светлые полосы сбоку шеи у собак» (Ramstedt, 1935, 463; Räsänen, 1969, 122; ЭСТЯ, 1989, 10-11; Doerfer, 1975, 183; EDAL, II, 1007).

Видимо, сюда же относятся каз. *sayal* (= *sayal*) «грязный», а также монг. *zegel* «серый, грязно-серый, пепельный»; ср. *zegel sārāl* «серовато-пепельный», «сивый»; *zegel хөх* «мышастый».

Возможно, монг. *žayal* в свою очередь восходит к несохранившемуся тюркскому (прабулгарскому?) **jaqil* «подпалина» (< общетюрк. *jaq-*, каз. *žaq-* «желчь» + *-il*; ср. тюрк. *qızıl* «красный» < *qız-* «накалять(ся)» + *-il*; к семантике ср. рус. *подпалина, подпал* «рыжевато-желтое или белесое пятно на шерсти или мехе другого цвета»; «слегка обожженное, подпаленное место» < *палить*).

ЖАҒАЛА- (*žayala-*) «ехать, идти (вдоль берега)»; «приставать»; *žayalaw* «полоса вдоль чего-нибудь»; «берега (озера, моря)»; *žayalaj* «вокруг» (< *žaya* «берег»; «воротник» + *-la-*) < пратюрк. **jaqala-*, прабулг. **žaqala-* «идти по краю», «обходить по краю»; «обрезать края», «окаймлять, обрамлять»

→ прамонг. **žaqala-*, п.-монг. **žaqala-*, *žiqala-*, х.-монг. *zaχlā-* «обрамлять», «делать кайму, окаймлять», «обрезать края»; «пришивать воротник»; «находиться на краю», «идти по берегу, по краю»; «начинать» (БАМРС, II, 218); хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., онн., найм., харч., чах. *zaχlā-*, орд. *zaχala-* «окаймлять»; «пришивать воротник» (Тодаева, 1981, 156); бур. *zaχāddā-* «оказываться у края чего-либо»; «ограничивать, ставить кого-либо в определенные рамки»; «унимать, усмирять»; «направлять, гнать куда-либо (овец)»; «хватать за воротник»; «наставлять», «поручать»; калм. *zaχāl-* «находиться с краю (на краю)»; «отделывать ворот чего-либо»; «окаймлять» (Ramstedt, 1935, 464).

ЖАҒАЛТАЙ (*žayaltaj*) «кобчик (птица)» (Радлов, IV, 14; Будагов, I, 427); ср. к.-калп. *žayaltaj* «кобчик», узб. *žayaltaj* «сокол»; ср. еще тюркские формы с другим деривационным аффиксом *-maj/-baj*: тат. *žayılbaş* «кобчик», «перепелятник» (→ чув. *jaGälBaj* «ястреб мелкой породы»); башк. *jayılbaş*, диал. *jayılmaǰ*; «дербник»; кирг. *žayalmaǰ* «чеглок»; «кобчик»; алт. *jayılbaş* (птица) (Вербицкий, 1884, 66), тел. *jaǰalbaş* «чиж» (Радлов, III, 60); узб. *žayalmaǰ*, *žayalbaş* «сокол»; уйг. *žayalbaş*, *žayalmaǰ*, *čayalmaǰ* «кобчик»; «чеглок»; «маленький сокол»; чаг. *jayılbaş* «какая-то птица» (Радлов, III, 48); *jayılbaş* (*quši*) «какая-то птица» (Радлов, III, 52); хак. *čabılyǰaj* «название птицы», шор. *čayılbaş* «какая-то птица» (Радлов, III, 1847)

← монг.; ср.: п.-монг. *žayalmaǰ* «ястреб»; *žayālmāǰ bilžūχaj* «клест, птица с крючковатым носом» (Голстунский, III, 317); ст.-калм. *zayalmaǰ* «копчик» (Позднеев, 1911, 258); х.-монг. *zayalaj* «стервятник, черный орел, белохвостый орел»; *žayālmāǰ* «тж.», «крест», «крестообразный, крестовидный»; «серебряное уркашение, прикрывающее лоб у замужних женщин (в Ордосе)»; «язычок во флейте свирели, в органчике»; «марь, лебеда» (БАМРС, II, 196); *žayālmāǰ b'alžūχaj* «клест»; бур. (тунк.) *zayāltaj morin* «конь с темными полосами на лопатках»; *zayālmāǰ* «лебеда»; калм. *zayālmā* «кобчик»; «крест», «крестообразный» (Ramstedt, 1935, 463); в «Казахско-монгольском словаре» Б. Базылхана каз. *žayaltaj* переведен на монгольский язык двумя словами: «*загалай, жагалдай*» (Базылхаан, 1977, 105), но в других монгольских словарях слово *žayaldaj* не отмечается.

Очевидно, здесь произошла контаминация двух разных слов: *žayaltaj* «кобчик» (<*žayal* «пестрый, полосатый, разноцветный» + *-taj*) и *žayalmaǰ* «клест» (<*žayal* «крест» + суффикс адъективности *-maj*). Оба слова в разное время разными путями проникли в ряд тюркских языков. Казахская *žayaltaj* и соответствующие ей каракалпакская и узбекская формы восходят к монгольскому **žayaltaj* (ср. *žayaldaj* у Б. Базылхана и х.-монг. *zayalaj*) «стервятник», «черный орел», «белохвостый орел», которая является адъективной формой на *-taj* от *žayal* «темные пятна» и т.п., то есть птица названа по пестрому цвету оперения. У кобчика оперение действительно пестрое. У самок спина и надхвостье сизые, с темными поперечными полосами. Молодые птицы сверху темно-бурые, с сизым оттенком, снизу светло охристые, с разлитыми продольными темными пятнами (см. Краткий определитель птиц СССР. М.; Л.: Наука, 1964. С. 127-128).

Представленные в других тюркских языках формы типа **jayılbaş* ~ **žayalmaǰ* можно интерпретировать как адъективные на аффикс *-maj* (Рамстедт, 1957, 192-194), хотя производящей основой в одних случаях является существительное *žayal* «крест» (Рамстедт, 1957, 193: монг. *žayalmaǰ* «крестообразный» < *žayal* «крест» + аффикс адъективности *-maj*), в других все то же слово *žayal*, указывающее на характерный для соколиных «крупные темные продольные пестрины». Очевидно, соколиные птицы (кобчик, дербник, чеглок и т.п.) названы по характерному цвету оперения, а птицы

рода клестов (*Loxia*) – по характерной форме клюва (хотя грязно-белые, темные и т.п. продольные пестрины характерны и для них).

В любом случае, орнитонимы *žayaltaj* (каз.) и *žayalmaj* (кирг.) эимологизируются на монгольской почве, что наряду с прерывистым ареалом распространения и полным их отсутствием в тюркских письменных памятниках домонгольской эпохи свидетельствует об их проникновении из монгольских языков.

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 463; ЭСТЯ, 1989, 10-11; Räsänen, 1969, 186; EDAL, II, 862-863, где даются очень натянутые сближения тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейских форм.

ЖАҒЫЗ- (*žayız-*) «подпустить молодняк к чужой матке», «дать пососать чужую матку» (Базылхан, 1977, 105; 1984, 238) (понуд. от *žaq-* «подходить», «годиться», «быть к лицу», «нравиться»); кирг. *žayız-* «принять, подпустить к себе чужого детеныша»; *qozunı qara qojıo žayız-* «припустить ягненка к черной овце»

→ монг.: х.-монг. *zag'sā-* «сосать чужую матку (о молодняке)» (БАМРС, II, 197): ойр. *zaysa-* «сосать чужую матку (о молодняке)» (Тодаева, 2001, 149).

Слово плохо представлено как в тюркских, так и монгольских словарях; оно хорошо этимологизируется на материале тюркских языков, в монгольском является несомненным тюркизмом. Этимологию производящей основы **jaq-* «приближаться» см.: Räsänen, 1969, 180; ЭСТЯ, 1989, 81; Clauson, 1972, 896-897.

ЖАДА- (*žada-*) «изнуряться», «истощаться», «худеть»; *žadaw* «тощий, худой»; «изнуренный»; *žadap-žüde-* «изнуриться»; «измучиться»; *žadawliq* «изнуренность»; «изможденность», «истощение»; ср. также каз. *žüde-* «худеть, изнуряться»; «истощаться» (<**jada-* «не мочь», «уставать, утомляться», «худеть»); ср.: туркм. *jāda-* «уставать, утомляться»; сал. *jata-*, кар. *jada-*; к.-калп. *žadaw*, ног. *jadaw* «тощий, худой (в канглийской группе кыпчакских языков глагольная основа *žada-* в чистом виде практически почти не употребляется); кирг. *žada-* «оказаться неспособным, немощным», «изнуряться»; уйг. *jada-* «худеть, тощать»; лобн. *jada-* «уставать, утомляться»; хак. *čada-*, тув. *čada-*, тоф. *čada-* «не быть в состоянии»; якут. *d'ada-/žadā-* «скудеть, оскудевать»; чув. *jüDe-* (<**juDa-* ← ср.-кыпч. *jada-*) «выживать из ума»; ср. также якут. *satā-* «не состояться»; «напрасно утруждать себя»; «не достигать цели» (Пекарский, 1926, 2123-2124) ← ср.-монг. **jada-* «не мочь, не быть в состоянии»: ср.-монг. *jada-* (SH, IM, NY, 54); п.-монг. *jada-* (Lessing, 1960, 422); х.-монг. *jadā-* «не мочь, не уметь, не быть в состоянии»; «не иметь возможности что-либо сделать»; бур. *jada-*, калм. *jadā-*, орд. *jada-*, монгол. *jada-*, минхэ *jada-* «уставать, утомляться», баоань. *ider-* (Тодаева, 1964, 140; 1973, 337), дагур. *jada-* «не мочь, не быть в состоянии», «быть бедным» (Тодаева, 1986, 146); во всех диалектах Внутренней Монголии (хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., онн., найм., тум., шгол., уцаб., чак., орд.) *jada-* «не мочь», «не уметь», «не быть в состоянии», «не иметь возможности что-либо делать»; «страдать, мучиться» (Тодаева, 1981, 273); ойр. *jada-* «не мочь, не быть в состоянии», «не иметь возможности что-либо сделать»; «испытывать затруднение», «не решаться на что-либо»; «жить в бедности», «испытывать нужду», «терпеть лишения» (Тодаева, 2001, 179).

Глагол *jada-* «не мочь» заимствовался в тюркские языки из разных ди-ахронических и диатопических монгольских источников (Gombocz, 1905, 279; Ramstedt, 1935, 213; Poppe, 1959, 678; 1960, 32, 123, 154; 1962, 340; Kałužiński, 1961, 44, 50, 95; Doerfer, 1963, 550-551, №404; Щербак, 1997, 75, 204; Stachowski, 2001, 88). Несмотря на обилие литературы, требуют объяснения анлаутный *s-* в якутском *satā-* и долгота в туркменском *jāda-*, которые, вроде бы, указывают на исконный характер слова в тюркских языках.

В якутском языке монгольские заимствования датируются широким временным диапазоном – от X до XVI века. В ранних заимствованиях анлаутный *j-*, как и в исконных словах, переходит в *s-* (монг. *jada-* → як. *satā-*; монг. *jiru-* → як. *suruq*; монг. *jöbsige-* → як. *söpsüö-* и т.д.; см.: Широбокова, 2001, 75-94; Poppe, 1959, 678; Попов, 1986, 16-31), а в поздних – в *d'-/ž-*, ср.: монг. *jada-* → якут. *d'ada-/žadā-* «скудеть, оскудевать». Долгота гласного *ā* в туркменском *jāda-*, очевидно, отражает подударный гласный в монгольском источнике, как, например, в руссизмах якутского, бурятского и некоторых других языков подударные гласные обычно передаются долгими гласными.

О возможных генетических связях монгольских *jada-* (→ каз. *žada-*) и *žüde-* (→ каз. *žüde-*) см. каз. *жүде-* «худеть» (Räsänen, 1969, 177; ЭСТЯ, 1989, 35, 67-68; Егоров, 1964, 82; Федотов, 2002, 102; Doerfer, 1963, 550-551; EDAL, II, 1129).

ЖАДАГАЙ (*žadajaj*) «одинарный»; «незащищенный»; *žadajaj arba* «телега без ящика»; *žadajaj žer* «незащищенная, ровная местность (без лесов и гор)»; *žadajaj šapan* «халат без подкладки»; «нестеганный халат из хлопчатобумажной ткани», «легкая одежда» (<*žadajaj < *žadajaj «раскрытый», «распростертый», «открытый»), ср.: к.-калп. *žadajaj* «одинарный»; «незащищенный»; *žadajaj at* «лошадь без сбруи, без седла»; *žadajaj arba* «телега без кузова»; кирг. *žadajaj* – название ловчей птицы (Юдахин, 1965, I, 210); «вид беркута» (Мукамбаев, 1976, 526); кар. г. к. *žadajaj* «ястреб», кар. к. *jedujaj* «ястреб»; алт. *d'adajaj* «открытый», *d'adajaj d'er* «открытое место»; сой. *čadajaj* «открытый», тув. *čadajaj* «открытый», «неогороженный»; «редкий»; якут. *satajaj* «пустой, полный», «открытый», «неогороженный», «незагороженный»; «свободный»; ср. также якут. *satajaj* «быть открытым, пустым, неогороженным»

← ср.-монг. *žadajaj* «открытый», «раскрытый», п.-монг. *žadajaj* «тж.» (Lessing, 1960, 1021); *žadaji-* «открываться», «быть открытым»; х.-монг. *žadajaj* «открытый, раскрытый»; «обнаженный»; «неслитый»; «зброшенный», «небрежный»; *žadajaj yazar* «открытая местность»; *žadajaj us* «открытый водоем»; «родник, ключ»; «текучая вода» (Бамрц, II, 197-198); бур. *žadajaj* «открытый настезь», «распахнутый», «обнаженный»; «открытый, дикий (о степи)»; «зброшенный», «без присмотра»; калм. *žadajaj* «открытый», «раскрытый»; «обнаженный»; «зброшенный»; *žadajaj usān* «свободно текущая вода (не в пруду или колодце)» (Ramstedt, 1935, 462-463); в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., харч., тум. *žadgē*, урат., чах. *žadajaj* «открытый, раскрытый, обнаженный» (Тодаева, 1981, 152); орд. *žadajaj*, ойр. *žadajaj* «открытый настезь, распахнутый, раскрытый»; «несдержанный на язык, болтливый» (Тодаева, 2001, 149).

Монгольское *žadajaj* «открытый, раскрытый» является именным дериватом на *-aj* (Рамстедт, 1957, 184-185) от глагольной основы **žada-* «открываться, раскрываться, распространяться» и т.п., заимствованной в свою очередь из прабулгарского **žad-* (> чув. *šur-* «распускать», *šurāl-* «распускаться» – о почках растений, цветах, листьях и т.п.) «раскрываться» и т.п.; ср.: др.-тюрк., др.-уйг. *jad-* (QB) «распространять»; «раскладывать»; «разливать (о жидкости)» (ДТС, 222); карах. *jad-* (МК, QB) «распространять», «раскладывать», «рассеивать (о свете)»; «расстилать» (ДТС, 223); *jaz-* «развязывать», «распускать (о волосах, косах)» (ДТС, 250); *jas-* «распускать, рассеивать», «спускать, ослаблять (тетиву лука)» (ДТС, 245); *jat-* «класть, расстилать» (ДТС, 247); *jaj-* «рассеивать» (ДТС, 226) ~ каз. *žaj-* «распространять»; «расстилать, развешивать»; «пасти скот» и т.п. (подробнее см.: Räsänen, 1969, 177; Рамстедт, 1957, 150; Clauson, 1972, 883-884; ЭСТЯ, 1989, 76-77; Ramstedt, 1935, 462-463). О монгольском происхождении тюркского слова говорят также узколокальный ареал, охватывающий в основном восточную окраину тюркской ойкумены, и специализированные

значения явно вторичного порядка: «открытый» > «одинарный, незащищенный»; «распростертый (о крыльях)» > птица: «ястреб», «беркут» и т.п.

В якутский язык монгольское *žadajaj*, а также соответствующая глагольная основа *žada-ji-* «быть открытым», «лежать распростерым» (Ramstedt, 1935, 462) (→ якут. *sataj-* «быть открытым») проникло довольно рано, еще во времена проживания предков якутов на южной прародине; в других тюркских языках оно распространилось в монгольскую эпоху (см.: ЭСТЯ, 1989, 168; Рассадин, 1980, 86; EDAL, 1524-1525).

ЖАДЫ (*žadī*) «колдун»; *žadī qil-* «колдовать»; «опутать»; ср. также производное *žadīlīq* «колдовство», «чародейство»; «коварство», «лукавство»; *žadī* – по старому верованию, «болезнь из-за страстного влечения к кому-нибудь волшебной силы»; кирг. (= каз.) *žadu* «колдовство, наговор»; *žadu ber-* «заговорить кого, бесноватым сделать» (Катаринский, 1897, 65); кир. (= каз.) *žadī, žadu* «колдовство», «наговор»: «зло»; *alda žadi* «черт»; *žadī žamansin* «ты ни для чего не годишься» (Радлов, IV, 47); *žadījar* «предсказатель» (Радлов, IV, 47); ср. также прямые соответствия из других тюркских языков: ср.-тюрк. *žadu* «волхование» (Rabūzi, 117; Малов, 1951, 444); *žadū* «колдунья», «ведьма» (Narami, 1946, 90); *žadū* «колдун» (Боровков, 1963, 119); *žadū* «волшебные чары»; «чародей, маг» (Фазылов, 1966, I, 360-361); *žadūluq* «чародейство, колдовство, волшебство» (Фазылов, 1966, I, 361); İdrisi: *žadī* «колдун» (İsbudak, 1936, 8); Tuhfat: *žadī* «колдовство, волшебство» (Atalay, 1945, 160); Из. дар: *čadi* «волшебство» (1978, 402); чаг. *jadu, žadu* «колдовство, волшебство, чародейство, магия», «чары»; «заклинение»; *žadīgōj* «колдун, волшебник, чародей, маг, заклинатель»; *žadīgōj kempir* «колдунья»; «баба-яга»; *žadila-* «колдовать»; «завораживать», «околдовывать»; тур. *žadī* «ведьма, колдунья»; «старая карга», «фурия»; «вампир»; осм. *žadu* «колдун», «призрак», «ведьма» (Радлов, IV, 47); *žadilan-* «делаться колдуном, ведьмой, вампиром, призраком и т.п.» (Радлов, IV, 47); *žaduluq* «колдовство» (Радлов, IV, 47); осм. *žadī* «призрак», «ведьма» (Радлов, IV, 47); гаг. *žadī* «колдун, колдунья, ведьма»; «вампир»; «злая женщина, старая карга, старая ведьма»; аз. *žadu* «магия, чары, колдовство»; *žaduger* «волшебник, заклинатель, колдун, маг, чародей, кудесник, чудадей»; *žadu-pitık* «записанная молитва»; «амулет», «заклинение, ворожба»; кр.-тат. *žadu* «ведьма» (Радлов, IV, 47); узб. *žadū* «колдовство, волшебство, чародейство, магия»; «чары»; «обаятельный, очаровательный, чарующий»; *žadugar* «колдун, волшебник, чародей»; уйг. *žadu* «колдовство, заклинание, магия, чары»; *žadučī, žadugār, žadiger* «колдун, волшебник, заклинатель, чародей, маг»; кар. *žadū* «колдун, чародей»; *žaduw* «колдун, колдунья», «ведьма»; *žadū(w)luq* «колдовство, чародейство»; *žadū* «чародей, волшебник», «ведьма»; *žadū(w)luq* «волшебство, чародейство»; каз. (= тат.) *jadu* «волшебство, чары, обворожение»; «волшебник, колдун, знахарь» (Будагов, 1869, I, 426); ног. *jadī* «колдун»; кирг. *žadā* «камень *jada*» (см. ниже: кирг. *žaj taš*); «заклинение погоды»; *žadu, žadi* «магия, волшебство, чародейство»; *žadiger, žadīgōj, žadugōj* «заклинатель, маг, чародей»

← перс. *žadū* «чары, волшебство»; «колдун, чародей, волшебник, маг»; «знахарь»; *žadūgār* «колдун, чародей, волшебник, маг»; «знахарь»; «занимающийся колдовством, волшебством» (Рубинчик, 1983, I, 422); *žadū* «чародей, волшебник, маг»; «очарователь, обворожитель»; «колдун»; «чары, очарование», «колдовство», «волшебство»; *žadūji* «волшебство, чары, очарование»; «волшебность, очаровательность», «обворожительность» (Гаффаров,

1976, I, 203); *žādūgār* «колдун, знахарь» (Миллер, 1953, 144); *žādū* «волшебство, магия, колдовство, чародейство, вызывание (духов), фиглярство»; «колдун, волшебник, маг» (Ягелло, 1910, 454) и др. На персидское происхождение указанных выше тюркских форм указывали Л. Будагов (1869, 426), В.В. Радлов (IV, 215), М. Рясänen (Räsänen, 1969, 122), Г. Дёрфер (Doerfer, 1963, 286-289) и др. (ЭСТЯ, 1989, 195-196).

Генуинные персидскому *žādū* «колдун» и тюрк. **jadi* «колдун, слова широко представлены также и в монгольских языках, начиная с ранних письменных памятников (Doerfer, 1963, № 157; 1975, № 1833), ср.: ср.-монг. *žada* «колдовство, волшебство»; «способ колдовскими чарами вызывать изменение погоды»: SH *žada* «волшебство», «гадание», «магия» (Haenisch, 1937, 32; Козин, 1941, 143); АТ *žada* (Bawden, 1955, 65); МА *žadu* «колдовство» (= чаг. *žaduluq*) (Поппе, 1938, 200); п.-монг. *žada* «дождливая, ненастная погода», «ненастье», «непогода» (Kowalewski, 1884, 2275); *žada čilayun* «камень (*яда тауи*, безоар), который делает погоду ненастной, дождливой» (Kowalewski, 1884, 2276); *žadači* «маг, который может изменить погоду» (Kowalewski, 1884, 2278); *žada* «колдовство, делание наговора, волшебство»; «способ произвести ненастье, вызвать ненастную погоду посредством колдовства» (Голстунский, 1893, III, 327); х.-монг. *zad* «ненастье, непогода»; «колдовство, волшебство», «способ колдовскими чарами вызывать ненастье»; *zad čulū* «безоар, камень, служащий для прекращении засухи, вызывания дождя»; *zad bari-* «посредством чар вызывать ненастье» (БАМРС, II, 197); орд. *DžaDa* (Mostaert, 1941, 177); бур. *zada* «ненастье, непогода»; ойр. *žada* «ненастье, непогода»; «магия, волшебство» (Тодаева, 2001, 149); ст.-калм. *zada* «гроза, дождь с ветром, ненастье» (Позднеев, 1911, 258); *zadā* «ненастье, непогода»; «безоар, камень, вызывающий дождь» (Ramstedt, 1935, 462).

Монгольское *žada~žadu* «волшебство, колдовство»; «вызывание дождя при помощи камня *яда*» в свою очередь является древнейшим заимствованием из тюркского языка болгаро-чувашского типа (см.: Haenisch, 1939, 84; Doerfer, 1963, № 157; 1975, № 1833; Clauson, 1972, 883; Щербак, 1997, 168-169; Roux, 1966, 159-161, 328; ЭСТЯ, 1989, 195-196)

← прабулг. **žadā* «камень *яда*»; «вызывание изменения погоды при помощи камня *яда*»; «волшебство», «магия» < пратюрк. **jadā* «тж.», ср.: др.-тюрк., др.-уйг. (с VIII в.) *jat* (в составе *jatlan-* возвр. от *jatla-* «колдовать, заклинять»); карах. (XI в.) *jat* (ср. у Дж. Клаусона *ya:t ~ ya:d* – Clauson, 1972, 883) «колдовство, волшебство, связанное с вызыванием дождя и ветра» (МК, III, 3, 159; ДТС, 247); «различные гадания, предсказания, связанные с камнем *яда*» (МК, 147); *jatla-* «колдовать, заклинять»; *jatči jatladi* «волшебник произносил заклипания (чтобы вызвать дождь)» (МК, III, 307; ДТС, 248); др.-уйг. *jatlan-* (возвр. от *jatla-*); карах. *jatlat-* (побуд. от *jatla-*): *beg jatlati* «бек заставил произносить заклипания (вызывающие дождь)» (МК, II, 355; ДТС, 248; см. Clauson, 1972, 883, 890, 891);

др.-тюрк. *jad* «камень яда» (Gabain, 1950, 350), др.-уйг. *jadči* «волшебник, заклинатель» (ДТС, 222-223); карах. *jatči* «заклинатель, волшебник» (МК, III, 307; ДТС, 247); др.-уйг. (VIII в.) *jāči* (ср. у Дж. Клоусона *ya:či:*) «волшебник, вызывающий дождь» (Clauson, 1972, 886). Слово сохранилось в ряде современных тюркских языков в соответствующем фонетическом оформлении: чаг. *jaj* (в *'alam jaj* «искусство ворожить луком») (Радлов, III, 4; очевидно, камнем яда, произошла контаминация омонимов *jaj* «луку» (оружие) и *jaj* «магический камень яда», «магия», «ворожба»; следовательно, все выражение в целом следует понимать как «искусство чародейства при помощи камня яда», «искусство магии». – Ж.Т.); чаг. *jajči* «колдун, предсказатель (посредством лука)» (Радлов, III, 14; приводится как второе значение под омонимичным словом *jajči* «стрелок из лука»); башк. диал. (бурзян.) *jaj taši* «камень, по окраске напоминающий радугу (по преданию волшебный)»; ср. также *jājyur taši* «тж.» при *jāj yöröhö* «радуга» (Bhh, II, 97; ДСБЯ, 131) (здесь также произошла контаминация: *jāj* «магический камень яда» и *jāj* в составе *jājyör*, диал. *jājyörö, jājyörön, jājyuri, jājyörö* «радуга» < *jāj* «лёт»?, «лук (оружие)»? + *qör* «пояс». – Ж.Т.); каз. *žaj, žäj* «молния» (в результате переосмысления *žaj taši* «камень яда» как «громовик, громовой камень, громовая стрела» ? – Ж.Т.), ср.: кир. (= каз.) *žaj taš* «магический камень, безоар, силою которого вызывается падение или прекращение дождя или снега» (Будагов, 1871, II, 346, 351); кир. (= каз.) *žajla-: kün žajla-* «заговаривать дождь, ветер, бурю (чтобы остановились, для чего произносятся слова *sap sap*)» (Будагов, 1871, II, 346), букв. «заговаривать погоду»; *žajlat-* «колдовать, заговаривать, ворожить» (Будагов, 1871, II, 346); кир. (= каз.) *žajši* «колдун» (собств. «заговаривающий дождь») (Будагов, 1871, II, 346); *žajši* «умеющий заговорить погоду» (Радлов, IV, 6); *žajlat-* «колдовством произвести дурную погоду»; «заговаривать, чтобы дождь остановился» (Радлов, IV, 5); тоб. *jajči* «колдун» (Будагов, 1871, II, 346); тоб. *jajci* «колдун», *jajci qatin* «колдунья»; *jajcılıq* «колдовство» (Радлов, III, 14); кирг. *žaj: žaj taš* «камень яда (камешек, якобы находимый в желудке овцы и обладающий способностью вызывать атмосферные осадки, если его соответствующим образом заговорить и опустить в воду)»; *žajla-, žaj žajla-, kün žajla-* «вызывать изменение погоды при помощи *žaj taš*»; *žajči, žajčil* «заклинатель, якобы вызывающий изменение погоды с помощью *žaj taš*»; тув. *čat* «магический (волшебный) способ вызывания дождя»; «прозрачный камешек в форме кристалла, с помощью которого “вызывают дождь”»; *čada-* «вызывать магическим (волшебным) способом дождь»; якут. *sata* «безоар или безоаровый камень, находимый в желудке или печени крупных млекопитающих животных (лошади, коровы, лося, оленя) и глухаря; по поверию якутов, камень этот одарен волшебной силой и, будучи вынесен на открытый воздух в летний знойный день, производит сильный холодный ветер, бурю, дождь и снег, вообще непогоду, ненастье, а зимой – тепло; таким свойством камня пользуются пловцы, прося попутного ветра,

или охотники и запаздавшие весной путники, которые желали бы продолжения заморозков; желая вызвать бурю, ненастье, камень привязывают к пруту и быстро вертят по воздуху, причем «проклинают себя и свое потомство»; «по внешнему виду *sata* имеет сходство с фигурой человека: бывают заметны глаза, рот, нос»; камень держат завернутым в тряпку или шкуру лисицы или белки; «на *Анабаре* роль *sata* играет тарбаганья шкурка»; *kurān sata* «камень, вызывающий засуху и стремительные ветры»; *silyi sata* «камень, добытый из желудка лошади»; *sata tuala* «ветер, произведенный камнем *sata*»; *sata* «причинение ветра и стужи, изменение погоды посредством колдовства»; «ветер, вызванный колдовством; буря, сильный ветер»; «насланный шаманом ветер и холод»; «причина раздражения, неудовлетворения»; *aba-sata* «большая досада, сарказм, яд (речи)» (Пекарский, 1926, 2122-2123); ср. также якут. *sātā* «злорадство, позор, срам»; «причина раздражения, растравления, разболевания» (Пекарский, 1926, 2178).

Э.К. Пекарский якутское *sata* «безоар» сравнивает с тюрк. *jada* «магический камень, силою которого вызывают выпадение и прекращение дождя и снега» (← ср.-монг. *ᠵᠠᠳᠠ* «тж.» – Ж.Т.), а также с бур. *zada* «ненастье, дождливая погода», п.-монг. *ᠵᠠᠳᠠ* «безоаровый камень, считающийся магическим», «изменение погоды», «дождливая или ненастная погода» (Пекарский, 1926, 2122). Якутское *sata* по признаку двусложности как будто относится к монгольским заимствованиям, хотя инициальный *s-* и инлаутный *-t-* закономерно отражают древнетюркскую форму *jad* «безоаровый камень». Однако и в ранних заимствованиях из монгольского в якутском анлаутный *j-* ~ *ᠵ-* отражается как *s-*, а интервокальный *-d-* переходит в *-t-*, ср.: п.-монг. *jada-* «не мочь» → якут. *satā-* «не состояться». Окончательное решение вопроса об истинных взаимоотношениях между якутским *sata* и пратюркским **jad*, с одной стороны и монгольским *ᠵᠠᠳᠠ* – с другой, возможно только после тщательного изучения культурологического контекста этих слов. Описание обряда изменения погоды при помощи камня *yda* можно найти в ряде специальных работ, где приводятся ссылки и на другие источники (см.: Будагов, 1871, 351-352; Andrian, 1893, № 8; Малов С.Е. Шаманский камень «*yda*» у тюрков Западного Китая // СЭ, 1947, № 1, 151-160; Loewental R. The Turkic languages and literatures of Central Asia, 1957, № 1242; Jarring, 1979, 13-14; Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркских народов Сибири. Новосибирск, 1989, 43, 46-48, 58, 85; Алексеев Н.А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1984; Михайлов Т.М. Бурятский шаманизм. Новосибирск, 1987; Манжигеев И.А. Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М., 1978; Михайлов Т.М. Из истории бурятского шаманизма. Новосибирск, 1980; Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. Новосибирск, 1987; Потапов Л.П. Алтайский шаманизм. Л., 1991, 131-132 и др.).

Скорее всего в якутском *sata* «безоар» совпали два слова – исконное и раннее заимствование из монгольского.

В ряде тюркских языков обнаруживаются обратные заимствования из монгольского, ср.: тюрк. **jada* «магический камень безоар», «вызывание дождя магическим способом при помощи камня *яда*»: чаг. *jada, jede* «магический камень, силою которого вызывают выпадение и прекращение дождя и снега» (Будагов, 1871, 351); *jada qıl-* «призвести заклинание магическим камнем» (Радлов, III, 207); *jädä, jada* «волшебство, чародейство» (Pavet de Courteille, 1820, 519); тур. *jada* «магический камень, силою которого вызывают выпадение или прекращение дождя и снега» (Будагов, 1871, 351); *jadaçi* «заговаривающий погоду силою *яда*», «волшебник, колдун; знахарь»; *jadaçılıq* «волшебство» (Будагов, 1871, 351); осм. *jadaçi* «заклинатель» (Радлов, III, 210); тур. *yede* «вызывание дождя с помощью магического камня *яда*»; камень, почитавшийся священным и обладавший магическим свойством вызывать дождь» (Redhouse, 1979, 1249); уйг. диал. *jada, jede* «вызывание дождя магическим способом» (Jarring, 1964, 145); алт. тел., леб. *jada, d'ada* «чудесный камень, силою которого производят дождь, снег или хорошую погоду» (ГАЯ, 164; Вербицкий, 1884, 66; Будагов, 1871, 351); алт. *jada* «магический камень, силою которого вызывают выпадение и прекращение дождя и снега» (Радлов, III, 207); алт., тел. *jada taş* «магический камень», *jada söş* «слова, произносимые при заклинании этим камнем» (Радлов, III, 207); *jadala-* «силою *яда* производить дождь или вёдро», *jada söş* «заклинание» (Будагов, 1871, 351); алт., тел. *jadala-* «заклинать магическим камнем», «заклинать погоду» (Радлов, III, 209); тел. *jede* «камень, производящий дождь» (Радлов, III, 368); тел., куманд., алт. *jadaçi* «умеющий заклинать магическим камнем», «умеющий заклинать погоду» (Радлов, III, 210); ср. также якут. *sata* «безоар» (см. выше).

Из тюркских языков монголизм *jada* «магический камень *яда* и ритуальные действия с ним, связанные с изменением погоды» обратно вернулся в персидский язык в форме *jäde* «колдовство», «магический камень (с помощью которого якобы вызывается выпадение или прекращение осадков)» (Рубинчик, 1983, II, 743). Специалисты полагают, что непосредственным источником данного персидского слова является древнеуйгурский или чагатайский язык (Doerfer, 1963, 286-289). Турецкое *jede*, судя по палатальной огласовке, скорее всего восходит к этому персидскому источнику.

Пратюркское **jad* «магический камень *яда* и ритуальные действия с ним, связанные с изменением погоды» в свою очередь является древнейшим заимствованием из восточноиранских наречий, его сначала связывали непосредственно с авестийским *yātu* «волшебство», «колдовство», «магия» (Bartolomae, 1904 (1961), 1283; Vámbéry, 1879, 249-251; Horn, 1893, 92; Brockelmann, 1925, 111; Малов, 1947, 153-154; Jarring, 1964, 145; Räsänen, 1969, 122, 177), а позднее возводили к пехлевийскому **jad* в *jādūk* (Räsänen, 1969, 122, 177; Menges, 1955, 734-735); Г. Дёрфер указывает еще на согдийское *čδ-* «магический камень *яда*» (см. Doerfer, 1963, 287; Clauson, 1972, 883), который считает тюркским заимствованием.

Персидское *žādū* «волшебство»; «волшебник, колдун» восходит непосредственно к среднеперсидскому *žatūk* и, далее, к авестийскому *yātu*-«волшебник»; ср.: др.-инд. *yātu*- «колдовство» (Цаболов, 2001, I, 491); скр. *yātu* «привидение»; «злой дух; демон» (Кочергина, 1987, 529). История авестийского *yātu* «волшебство, колдовство» и его иранских продолжений довольно подробно изложена Г. Дёрфером (Doerfer, 1963, № 157; 1975, № 1833; см. также: Maughofer, 1953-1979, 18; Pokorny, 1959, 501).

История взаимоотношений тюркских, монгольских и иранских форм чрезвычайно сложна, в кратком схематическом изложении она выглядит примерно так:

1. Древнетюркское **jad* «колдовство» и его закономерные продолжения в ряде современных языков (новотюрк. *jaj* ~ каз. *žaj*) указывают, что данное слово было заимствовано из некоего вымершего восточно-иранского наречия (ср. согд. *čδ-*, *žad* < авест. *yātu*) еще до распада прототюркской общности, т.е. задолго до нашей эры.

2. Прабулгарское **žadā* в первых веках до н.э. проникло в прамонгольский: прабулг. **žadā* → прамонг. **žada*.

3. В период интенсивных тюркско-персидских контактов перс. *žādū* «волшебство»; «колдун» проникло в ряд тюркских языков: перс. *žādū* → тюрк. **jadu* ~ **jadi* (~ каз. *žadi*; ср. гласный *u* ~ *i* во втором слогe).

4. В эпоху возвышения монголов данное слово проникло обратно в ряд тюркских языков и, через чагатайское посредство, в персидский, а из персидского – в турецкий: ср.-монг. **žada* → тюрк. (чаг.) *jada* → перс. *yada* → тур. *yede*.

Подробнее см.: Vámbéry, 1879, 249-251; Radloff, 1884, II, 8, 179; Ohsson, 1835, II, 614-616; Marquart, 1903, 79; 1914, 37; Le Coq, 1916, 5; Brockelmann, 1925, 111; Ramstedt, 1935, 462; Spuler, 1943, 211; Harva, 1938, 221-223; Малов, 1947, 153-154; Pelliot, 1949, 8; Schmidt, 1949, 67, 98, 270; Menges, 1955, 734-735; Poppe, 1955, 39; Mostaert, 1956, 291; Jarring, 1964, 145; Roux, 1966, 159-161, 328; Räsänen, 1969, 122, 177; Doerfer, 1963, 286-289; 1975, № 1833; Clauson, 1972, 883, 890, 891; ЭСТЯ, 1989, 195-196.

ЖАДЫРА (*žadira*-) «рассеяться, проясняться»; «улучшиться (о настроении)»; «принимать веселый вид»; *bült žadiradi* «туча рассеялась»; *žadra* «рассеяние туч при дожде» (Радлов, IV, 47); *žadra*- «говорится, когда туча расходится и не идет дождь» (Катаринский, 1898, 65); ср. соответствия из других тюркских языков: к.-калп. *žadira*- «рассеяться, проясниться (о погоде)»; «улучшиться (о настроении)»; «принять веселый вид»; «испытывать наслаждение, удовольствие», «блаженствовать»; кирг. *žadira*- «испытывать наслаждение, удовольствие», «блаженствовать»

← ср.-монг. *žadura*- «развязываться», «раскрываться», ср. также *žadaji*-, *žadala*- «развязывать, распускать, раскладывать»; п.-монг. *žadaji*-, *žadala*- «тж.» (Lessing, 1960, 1021); х.-монг. *zadrā*- «развязываться, раскрываться, распечатываться»; «разглашаться»; «распадаться», «разрушаться»; «распускаться, становиться недисциплинированным»; *zadlā*- «раскрывать, вскрывать, развязывать, развертывать» (БАМРС, II, 198); бур. *zadār*- «раскрываться, развязываться, распечатываться»; «распускаться (о цветах)»; «расстраиваться»; «разваливаться, распадаться, разрушаться»; *zadāl*- «развертывать, расплетать, распускать»; калм. *zadār*- «развязываться», «раскрываться»; «избаловываться»; *zadāl*- «поджигать, провоцировать» (Ramstedt, 1938, 462); орд. *žadara*- «распространяться (о слухах, новостях)»; дагур. *žadlā*- «развязывать, раскладывать»; ойр. *zadal*- «раскрывать, вскрывать» (Тодаева, 2001, 149).

Производящая основа монгольских слов **žadā*- «раскрывать», «развертывать» представляет собой древнейшее тюркское заимствование (скорее всего, из языка булгаро-чувацкого типа), ср.: пратюрк. **jād*- «раскрывать», «развязывать», «расстилать», «распространять» ~ прабулг. **žad*- «тж.» (ср. чув. *šur*- «раскрывать», «распускать», *šeške šur*- «распустить цветы»); др.-тюрк., др.-уйг. *jad*-, карах. *jad*-; туркм. *jāj*-, тур. *jaj*-, гаг. *jaj*-, аз. *jaj*-, узб. *jāj*-, уйг. *jaj*-; кумык. *jaj*-, кар. *jaj*-, к.-балк. *žaj*-, тат. *jaj*-, *jāj*- (→ чув. *jej*-, *jejël*-), башк. *jāj*-; ног. *jaj*-, к.-калп. *žaj*-, каз. *žaj*-, кирг. *žaj*-, алт. *jaj*-, *d'aj*-, хак. *čas*-, шор. *čas*-, тув. *čat*- «расстилать», «распростирать», «расширять», «растягивать» и т.п. (см.: Рамstedt, 1957, 150; Räsänen, 1969, 177; Clauson, 1972, 883-884; ЭСТЯ, 1989, 76-77; EDAL, II, 1525, где тюрк. *jād*- и монг. **žad*- трактуются как гениинные на праалтайском уровне).

Казахское *žadira*- «рассеяться» и соответствующие ему формы из других тюркских языков несомненно являются заимствованиями из среднемонгольского языка, о чем свидетельствуют узкий ареал распространения, специализированное, более узкое, чем в монгольском, значение и морфологическая структура слова, но прежде всего, широкий круг дериватов на базе основы **žadu*- в монгольских языках, ср.: х.-монг. *žadalca*- «раскрывать»; *žadarxaj* «раскрытый»; *žadgaj* «открытый, раскрытый»; *žadgajwtar* «приоткрытый»; *žadgajla*- «открывать, раскрывать»; *žadgajral* «распущенность»; *žadgajta*- «быть запущенным»; *žadlag* «анализ»; *žadlagla*- «обсле-

довать, анализировать»; *zadlal* «анализ»; *žadlaχuj* «раскрытие, вскрытие»; *zadlūr* «средство разложения, растворения»; *žadral* «распад, разрушение», *zadrā* «раскрывать»; *zadrū* «развязанный, разбросанный»; *zadči* «то и дело раскрывать» и т.д. (БАМРС, II, 197-199); в тюркских же языках *žadira* является изолированной формой и не имеет производных. На монгольское происхождение слова указывает также медиальный *-d-*, который в исконных словах переходит в *-j-*, ср. каз. *žaj* «распространять», «расстилать».

Сохранение *-d-* в монгольской производящей основе *žadū* является диагностическим признаком, указывающим на ее раннее заимствование из тюркских языков, то есть еще до развития процесса перехода *-d-* в *-j-* (см. каз. *жай* «пасти»).

ЖАЗ (*žaz*) «лето» < пратюрк. **jāz* «весна», «лето»: др.-тюрк., орх. *jaz* «весна», «лето»; др.-уйг. «лето», карах. *jaz* «весна», «лето»; туркм. *jāz* «весна», диал. «лето»; тур. *jaz* «лето», гаг. *jaz* «лето»; аз. *jaz* «весна»; сал. *jaz* «весна»; хал. *jāz* «лето»; узб. *jaz* «лето», уйг. *jaz* «лето»; кумык. *jaz* «весна», к.-балк. *žaz* «весна», диал. *zaz* «лето»; тат. *jaz* «весна», башк. *jad* «весна»; ног. *jaz* «лето»; к.-калп. *jāz* «лето»; кирг. *žaz* «весна», алт. *d'as, jas* «весна», хак. *čas*, диал. *čaš* «весна», шор. *čas* «весна», чулым. *čas*, ниж.-чулым. *jas* «весна»; с.-юг. *jaz* «весна»; тув. *čas* «весна», тоф. *čas* «весна»; якут. *sās* «весна», долг. *hās* «весна», чув. *šur* «весна» ← прабулг. **nār* «весна», «лето» (к семантике – ср. «лето» в большинстве огузских языков; венг. *nyár* «лето» ← др.-булг. **nār* «лето», см. Ligeti, 1986, 155-156)

→ прамонг. **nirai* «новорожденный»; «новый, свежий»: п.-монг. *nirai* «тж.» (Lessing, 1960, 585); х.-монг. *naraj* «новорожденный, младенец»; «родившийся недавно»; «новинка, свежинка, первинка»; «новый, свежий (о съедобном)»; *narajla-* «рожать», «родить» (БАМРС, II, 451); бур. *narāj* «ребенок»; «только-что родившийся (о молодняке животных)»; «молодой, свежий (о растениях)»; *narājla-* «рожать», «родить»; калм. *nirā, nirā:* «нежный ребенок»; «младенец»; «нежный»; «свежий» (Ramstedt, 1935, 277); орд. *nirā* «тж.»; монгор. *naryē* «молодой (о дереве)» (Тодаева, 1973, 348) (→ якут., долг. *niraj, nirej* «теленок»; «младенец, дитя»; *nirej ot* «молоденькая травка»; см.: Kałużyński, 1961, 22; Stachowski, 1993, 187).

Тюркские, монгольские, а также тунгусо-маньчжурские (маньчж. *nar-χun* «новый, свежий» ← монг., см. ТМС, I, 635) и корейские формы сближались в качестве гениинных на праалтайском уровне многими исследователями (Поппе, 1925, 32; Poppe, 1926, 103; 1960, 38, 81, 154, 156; Ramstedt, 1935, 272; 1952, 111; 1949, 159; Поливанов, 1927, 1201-1202; Räsänen, 1969, 193; Федотов, 2002, 292; Иллич-Свитыч, 1976, 83-85; EDAL, II, 988-989), но почти без попыток их фонетической и семантической интерпретации. Критический разбор сопоставлений, предложенных главным образом Г.И. Рамstedтом и Н.Н. Поппе, приводится Г. Дёрфером (Doerfer, 1975, 66-67, № 1878). Сближение тюрк. *jāz* «весна» с монг. *nirai* «новорожденный», «свежий» он отвергает, считая некорректным соответствие тюрк. *j-* ~ монг. *n-*. Между тем такое тюркско-монгольское соответствие подтверждается целым рядом примеров, Дж. Клоусон подобные случаи относит к наиболее ранним тюркским заимствованиям в монгольском (Владимирцов, 1929, 145-146; Ramstedt, 1949, 159; Рясянен, 1955, 25, 75; Егоров, 1964, 219; Doerfer, 1975, 66-67; Clauson, 1972, 982; Старостин, 1991, 74; Ligeti, 1986, 155-156; Martin, 1996, 243; Федотов, 1996, 138-139; 2002, 292; ЭСТЯ, 1989, 71; ИСТЯ, 1997, 71-74; Eren, 1999, 446-448; Щербак, 1997, 123; EDAL, II, 988-989; МНУТЭСз, II, 1036, где приводится подробный список литературы вопроса).

Семантическая связь «новорождённый», «новинка», «первинка», «молодой, свежий (о растительности)», «только-что родившийся (о молодняке

животных)», «молоденькая травка» и т.п. и «весна» вполне закономерна. Так, например, китайский путешественник Мэн Хун писал, что у монголов «...год считается по вырастанию трав; когда спрашивают у кого сколько ему лет? то отвечают: столько трав» (История стран зарубежного Востока в средние века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1957. С. 140). В хозяйственном календаре кочевника появление первой весенней травы играло чрезвычайно важную роль, оно сигнализировало о наступлении теплого сезона года (весна + лето) и времени откочевки на летние пастбища *žajlaw*. Взаимная связь приведенных выше семем может быть проиллюстрирована и на материале других языков, например, славянских: см. словарную статью *яра* «весна», «ярка» в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера, где приводятся словац. *jary* «свежий», др.-рус. *яръ* «весенний, летний», *ярка* «молодая овечка» < *яра* «весна» (Фасмер, IV, 559-560).

ЖАЗ- (*žaz-*) «писать» < пратюрк. **jaz-* «писать»: др.-тюрк., карах., др.-огуз. *jaz-*; туркм. *jaz-*, тур. *jaz-*, гаг. *jaz-*, аз. *jaz-*, хал. *jaz-*; узб. *jaz-*, уйг. *jaz-*; кумык. *jaz-*, кар. *jaz-*, к.-балк. *žas-*; тат. *jaz-*, башк. *jad-*; ног. *jaz-*, к.-калп. *žaz-*; кирг. *žaz-*; чув. *šir-* «писать» ← прабулг. **žar-* ~ **žir-* «писать» (→ венг. *ír-* «писать» ← др.-булг. **žir-* ~ **jir-* «писать», см. Ligeti, 1986, 24-25)

→ прамонг. *žiru-* «чертить», «рисовать», «писать»; ср.-монг. *žiru-* (МА) «рисовать», *žiruqsan süme* «нарисованная картина» (Поппе, 1938, 207); п.-монг. *žiru-* «чертить, рисовать, писать» (Lessing, 1960, 1060), *žiru-* ~ *žuru-* «чертить, проводить линию» (Владимирцов, 1929, 188); *žirum* «линия, ряд» (Lessing, 1960, 1061); х.-монг. *žura-* «рисовать, чертить, проводить линии», «писать»; *žuräg* «рисунок, картина», «снимок», «фотография», «портрет», «иллюстрация»; *žurās* «черта», «линия»; *žurχāj* «черта, линия», «рисунок» (БАМРС, II, 237-239); бур. *zurä-* «рисовать», «чертить», «писать», *zuräm* «черта», «линия», «полоска», «рисунок», «чертеж»; *zuräg* «рисунок», «картина», «портрет»; калм. *zur-* «рисовать», «чертить»; *zuräg* «рисунок, картина»; *zurcä* «очерк»; ойр. *zura-*, *zuru-* «рисовать, чертить»; *zurug* «рисунок, картина» (Тодаева, 2001, 165); дагур. *žurī-*, *žori-* «чертить, рисовать» (Тодаева, 1986, 145); (дагур. *niru-*, *nuru-* «рисовать» ← т.-маньчж., см. Тодаева, 1986 158); монгор. *žuri-* «писать» (Тодаева, 1973, 335); орд. *žuru-*, в наречиях Внутренней Монголии *zura-*, *žura-* «рисовать, чертить» (Тодаева, 1981, 159). Монгольское *žiru-* ~ *žuru-* довольно рано, еще до завершения процесса перехода *j-/ž* > *s*- проникло в якутский и долганский, ср.: якут. *suruj-*, долг. *huruj-* «писать», «проводить линию», «чертить» (Kałużyński, 1961, 23; Stachowski, 1993, 113), что указывает на относительно раннее проникновение прабулгарского **žir-* в монгольский язык. Дж. Клоусон предполагает, что монгольское *žiru-* заимствовано из тюркского во втором периоде (Clau-son, 1972, 984).

В традиционных алтаистических штудиях тюркские и монгольские, а также тунгусо-маньчжурские и корейские (ср. маньчж. *žurган* «линия, черта»; *niru-* «рисовать, писать», см. ТМС, I, 600) обычно сближаются в качестве генуинных на праалтайском уровне (Gombocz, 1905, 254; Владимирцов, 1929, 188; Ramstedt, 1935, 481; 1957, 112; Рамстедт, 1957, 143; Ligeti, 1933, 277; Poppe, 1926, 104; 1960, 28,81, 155, 154; Санжеев, 1930, 674; Murayama, 1958, 225; Räsänen, 1929, 191; 1969, 193; Дыбо, 1996, 14; EDAL, II, 1013; Федотов, 1996, II, 154-155; 2002, 299-300 и др.). Тунгусо-маньчжурские формы, очевидно, восходят к монгольскому источнику (Rozycki, 1994, 128), ср. ороц. *niru-* ~ *nuru-* «писать, рисовать», нан. *niru-* «писать» и т.д. (см. ТМС, I, 600); эвенк. *žurū-*, сол. *žurī-* «чертить, рисовать» и т.д. (см. ТМС, I, 278; Doerfer, 1975, 69-70).

Из-за несоответствия корневого гласного первого слога (тюрк. *a* – монг. *i*) сопоставление тюрк. **jaz-* и монг. *žiru-* кажется ненадежным, одна-

ко следует учитывать, что формы с узким гласным *i* в первом слоге могли существовать уже в прабулгарском, о чем свидетельствует древнебулгарское заимствование в венгерском; ср.: венг. *ír*- «писать» ← др.-булг. **žir*- или **jir*- > чув. *śir*- «писать» (см.: MNyTESz, II, 227-228; где имеются ссылки на литературу вопроса; Ligeti, 1986, 24-25, 43, 51, 130, 262-263 и др.), хотя не исключено, что в монгольском (или в прабулгарском) произошло сужение *a > i* под влиянием палатализованного согласного *j* в анлауте. В любом случае, прабулгарское происхождение монгольского *žiru*- «чертить», «рисовать», «писать» несомненно, свидетельством чему прежде всего является проявление ротацизма в чувашской и монгольской формах. Слово проникло в прамонгольский еще в дописьменную эпоху, поэтому в монгольских языках превалируют значения «царапать», «чертить», «проводить линию», «рисовать» и т.п., а значение «писать» явно вторично и развилось только после появления письменности. В этом отношении весьма показателен спектр значений глагола *śir*- и его производных в чувашском языке: «писать»; «чертить»; «ткать решето»; «проводить борозду», «пропахать межу»; «резать воздух»; «предопределить (о судьбе)»; *śir* «черта (при игре)»; «черта, кон (при игре в чиж)»; *śirav* «циркуль» и т.п. (Ашмарин, 1937, XII, 110-116).

Подробный анализ существующих в научной литературе точек зрения на историю тюркского слова *jaz*- «писать» см. Doerfer, 1975, 69-70; ЭСТЯ, 1989, 70-71 и др. (см. выше).

ЖАЗ- (*žaz-*) «развернуть»; «разгибать»; «расстилать»; «развертывать» < праторк. *jaz-* «расстилать», «стелить»; «выпрямлять», «развернуть» (<*«приводить к более простой форме», см. Clauson, 1972, 983): др.-тюрк., др.-уйг., карах. *jaz-* «расстилать», «развязывать», «распускать (о волосах, косах)»; туркм. *jāz-*, *jaz-*, тур. *jaz-*, гаг. *jaz-*; узб. *jəz-*, уйг. *jaz-*; кумык. *jaz-*, к.-балк. *žaz-*; тат. *jaz-*, башк. *jad-*; ног. *jaz-*, к.-калп. *žaz-*; кирг. *žaz-*, алт. *d'as-*, *jas-*; тув. *čas-*, тоф. *čas-* «расстилать»; «развертывать» и т.п. (подробнее см. ЭСТЯ, 1989, 69-70); прабулг. **jar-* «расстилать», «уплощать»

→ прамонг. **daru-* «прижимать, припечатывать»: ср.-монг. *daru-* (НУ, 39; SH), *dāra-* (IM), *daru-* «подавить», *daruba dušmani* «подавить врага» (МА, 698; Поппе, 1938, 138); п.-монг. *daru-* (Lessing, 1960, 223); х.-монг. *darā-* «давить, жать, придавливать, побеждать, укрощать, обуздывать»; «прятать, скрывать»; «высиживать (яйца)», «прикладывать (печать)»; «делать отпечаток» (см. БАМРС, II, 36-37); бур. *darā-* «давить, жать, придавливать, прижимать»; калм. *dar-*, орд. *daru-*, монгол. *daru-*, *doru-*, дагур. *dara-*, *dare-* «давать, придавливать, прижимать»; «закрывать, прикрывать» (Тодаева, 1986, 135); дунс. *daru-* (Тодаева, 1961, 117), баоань. *da(r)-*, ш.-юг. *dārā-*, монгор. *dāri-* «давить, жать, придавливать, подавить» (Тодаева, 1973, 327); ойр. *dara-* «давить, жать, придавливать, прижимать»; «подавлять, побеждать»; «закрывать, прикрывать» (Тодаева, 2001, 116).

В ряде тюркских языков имела место контаминация разных омонимичных основ: *jāz-* «развязывать, расстегивать»; *jaz-* «спускаться, ослабевать (о пружине, тетиве лука и т.п.)», *jaz-* «менять (напр., тему беседы)», *jaz-* «заблудиться, потеряться» и др.

К развитию семантики от тюрк. **jaz-* «расстилать» к монг. *daru-* «давить», «жать», «придавливать» см. к.-балк. *žaz-* «катать (тесто)»; «ковать, плющить (железо)», а также «успокаивать, утешать, убажывать кого-либо».

В «Этимологическом словаре алтайских языков» тюркские и монгольские формы сближаются в качестве генуинных на праалтайском уровне (EDAL, I, 472-473), однако версия о протобулгарском происхождении монгольских форм менее противоречива.

Подробнее см.: Räsänen, 1964, 194; Clauson, 1972, 983, 984; ЭСТЯ, 1989, 69-70, 73: *jazi* «степь»; СИГТЯ, 1997, 97: *jazi*; Эхмэтьянов, 2001, 261; Егеп, 1999, 448: *yazi*.

ЖАЗ- (*žaz-*) «ошибаться»; «промахнуться», «заблуждаться»; «грешить» < пратюрк. **jāz-* «ошибаться», «заблуждаться»; «грешить»: др.-тюрк., др.-уйг., карах. *jaz-* «ошибаться», «допускать промах»; «грешить» (ДТС, 250; Clauson, 1972, 983-984); туркм. *jāz-*, тур. *jaz-*; узб. *jaz-*; тат. *jaz-*, башк. *jad-*; к.-балк. *žaz-*; к.-калп. *žaz-*; кирг. *žaz-*, алт. *d'as-*, *jas-*; хак. *čas-*; тув. *čas-*; тоф. *čas-*; якут. *sīs-*, долг. *hīs-*; чув. *jus-* «ошибиться, промахнуться» (← ср.-кыпч. *jaz-*); ? чув. *šilāχ*, диал. *šivlāχ*, *šillāχ*, *širlāχ* «грех» (Поппе, 1924-1925, 311, 409; сомнения относительно сближения чув. чув. *šilāχ* с тюрк. **jāziq* «грех» см. ЭСТЯ, 1989, 72-73). В современных тюркских языках более широко представлена производная на *-q* именная основа *jāziq*, *jaziq* «грех»; «сожаление», «жалость», «бедняжка», которая отмечается в лексикографических изданиях даже в тех языках, где глагольная основа самостоятельно не употребляется, ср.: аз. *jaziG*, гаг. *jaziq*, чулым. *čāsiq*, ног. *jaziq*, кумык. *jaziq*, кар. *jaziq* «грех» и т.п., что свидетельствует о более широком бытовании глагольной основы в прошлом (подробнее см. ЭСТЯ, 1989, 72-73).

Г.И. Рамстедт предлагал не совсем удачное сближение тюркских форм с тунгусо-маньчжурскими (Ramstedt, 1949, 258), но они не получили признания. В последнее время тюрк. **jāz-* «промахиваться», «грешить» в качестве генуинного на алтайском уровне сближается с монг. **nargi-* «кутить, веселиться» (EDAL, II, 868), ср.: п.-монг. *nargi-* (Lessing, 1960, 565); х.-монг. *nargi-* «устраивать гулянку, небольшую пирушку»; «кутить, гулять»; «веселиться, потешаться, наслаждаться»; «вести себя безобразно, непристойно», «озорничать» (БАМРС, II, 396); бур. *narja-* «греметь, громыхать, грохотать, трещать», *nerje(n)* «грохот, гул»; орд. *nargil-* «чирикать, щебетать»; «весело болтать»; «щебетать (о птицах)» (EDAL, II, 868). Причастность сюда бурятских (ср. еще однокоренные бур. *nerjeme-* «бурный», *nef-jēr* «удар молнии или грома») и ордосских форм вызывает большое сомнение. К монгольскому *nargi-* «гулять» можно добавить калм. *nḍr* «пир, веселье»; «потеха» (см. Ramstedt, 1935, 274), ойр. *nāḍr*, *nair* «пир, веселье, торжество»; «забава, потеха» (Тодаева, 2001, 245), которые, однако, восходят к прамонгольскому **najir* и связаны с монг. *najr* «веселье»; «торжество, празднество»; «банкет»; «любезность, вежливость» и далеко отстоят от тюрк. **jāz-* «ошибаться».

Если предлагаемое авторами «Этимологического словаря алтайских языков» сближение тюрк. *jaz-* «ошибаться» с монг. *nargi-* «кутить, веселиться» верно, то монгольскую форму из-за ротацизма следует отнести к ранним заимствованиям из тюркского наречия булгаро-чувашского типа и для прабулгарского состояния следует реконструировать архетип **nar-* «ошибаться». Однако все эти сближения и реконструкции весьма проблематичны и требуют более широкого изучения.

Подробнее см.: Räsänen, 1964, 193; Федотов, 2002, 299 (сълāх), 461 (юс-); Doerfer, 1975, IV, 162, № 1857; ЭСТЯ, 1989, 72-73; Clauson, 1972, 983-984; Егоров, 1964, 225, 351; Stachowski, 1993, 121.

ЖАЙ (*žaj*) «место»; «местожительство»; «дом, жилище, жилье»; «положение, состояние», «обстоятельство»; «суть»; «удобство, уют»; «подходящий момент», «удобный случай»; «удобный, подходящий»; «благоприятное условие»; «спокойствие, покой»; «тихо, медленно, спокойно»; «благодушие», «благополучие»; «скромный, простой»; «даром, бесплатно»; «так себе, просто, без причины» и т.п. (слово с очень широким спектром значений, подробнее см. ҚТТС, III, 515-518); кирг. (= каз.) *žaj* «свойство, уместность»; «тихонько, медленно, потише», «так (без дела)»; *žajırdı bilemin* «я знаю твое свойство, как обойтись с тобой»; *žaj menen* «когда мне будет удобно»; «не торопясь»; *žaj keldim* «так пришел» (Катаринский, 1897, 66); ср. соответствия в других тюркских языках: туркм. *žaj* «помещение, здание, дом»; «место»; «ложе для покойника на дне могилы»; «могила»; «правильный», «уместный»; «меткий», «удобный»; узб. *žaj* «место»; «должность»; «местность»; «постель»; «жилище, жилье»; «семья»; *žaj* (произносится несколько протяжно) «позже (обычного)», «не спеша», «не торопясь»; ног. *jaj* в составе *jajsız* «неудобный; неподходящий; неудачный»; к.-калп. *žaj* «место»; «дом, здание»; «положение, состояние»; «так себе, просто, без причины»; «простой, рядовой»; «медленно, тихо, спокойно»; кирг. *žaj* «место»; «дом, жилище, жилье»; «заведение, предприятие»; «положение, состояние»; «суть»; «так себе, просто», «без причины»; «спокойно, медленно, тихо»; «покой»; «основание, причина» (Юдахин, 1965, 213-214); тув. *čaj* «свободное время»; тат. *žaj* «лад»; «удобный момент (случай)»; *üz žajına* «на свой лад»; *žaj gına* «слегка, плавно»; *žajla-* «налаживать», «улаживать»; башк. *jaj* «удобный момент», «удобный случай»; «лад»; «подход»; «медленный, неторопливый, тихий»; *üd jajına* «на свой лад»; *jajın tap-* «найти способ», «приноравливаться»; *jajla-* «налаживать, приспособливать»; диал. *žaj* «удобный момент»; *žajda-* «замедлить» (ДСБЯ, 86); башк. *jaj* «толк», «складность», «неспешность», «порядку» (Катаринский, 1899, 85); чув. диал. *jaj, jej* «лад», «порядку»; «мера, умеренность»; «медленный, неторопливый»; «медленно, тихо, не торопясь» ← тат. (Власова, Егоров, 2004, II, 155).

В других тюркских языках соответствия не отмечены. В.В. Радлов считал это слово фарсизмом и выводил из персидского *žaj* (Радлов, IV, 1-2); ср. перс. *жа, žaj* «место», «местность»; «пространство», «пункт»; «помещение», «жилище», «приют»; «постель»; «положение, пост, должность»; «пустое, свободное место», «вакансия»; «вместо», «взамен» (Гаффаров, 1914, I, 201; Миллер, 1953, 143-144; Рубинчик, 1983, I, 420-421; Ягелло, 1910, 453, 459); ср. еще тадж. *žo(j)* «место»; «постель». Это мнение поддержал М. Рясänen (Räsänen, 1969, 179); Т.М. Гарипов татарские и башкирские формы также считает фарсизмами (Гарипов, ССГ, 59).

Туркменский (*žaj*) и узбекский (*žaj*) формы несомненно являются относительно новыми фарсизмами субстратного происхождения, однако татар-

ский и башкирский, а также тувинский (*čaj*) формы, судя по семантике, скорее связаны с монгольским **žaj* (см. ниже), чем с персидским *žaj(j)*; в казахском, каракалпакском и киргизском, по всей вероятности, произошла контаминация двух омонимичных слов – монголизма *žaj* и фарсизма *žaj(j)*.

Из персидского и таджикского языков *žaj(j)* ~ *žoj(j)* «место» проникло в ряд памирских языков: вах. *žaj(j)* «место», «пространство» (старое заимствование из персидского), *žoj(j)* «место» (новое заимствование из таджикского), ишк. *žoj*, шугн., руш., хуф., барт. *žoj(j)*, сарык. *žuj*, язг. *žej*, мундж. *žaj* (← перс.), *žoj* (← тадж.), а также афг. *žaj* «место» – все разновременные заимствования из персидского и таджикского языков (Стеблин-Каменский, 1999, 199); ср. также: гис. парья *žag* (*žag, žāg, žak, žok*) «место»; «место для жилья, для поселения»; «место для сидения, для сна, для ночлега, постель»; «часть тела»; *ja žak* «здесь»; *ō žak* «там»; *jek žag-a* «в одном месте», которое сравнивается с тадж. *žag-a* «постель», хинд. *žagah* «место» (Оранский, 1977, 317).

Этимология иранских слов не выяснена, однако можно полагать, что первоисточником праторкского **jār* «разветвление», «промежуток», «приток» и прамонгольского **žabu* ~ **žaji* «свободное пространство», «промежуток» и т.п., скорее всего, следует считать древние восточно-иранские наречия. Предположение о монгольском происхождении персидского *žaj(j)* и таджикского *žoj(j)* пока еще не получило поддержки в специальной литературе.

К тюркским словам, родственным с казахским *žaj* «место»; «положение» и т.п. непосредственно примыкают монгольские соответствия, ср.: п.-монг. *žaji, žai* «свободное пространство», «промежуток», «свободное время» (Владимирцов, 1929, 287, 270-271; Ramstedt, 1935, 470); х.-монг. *žaj* «пространство, промежуток»; «интервал, дистанция, расстройство между кем-чем-либо»; «свободное место»; *žaj-zawsar* «промежуток, свободное место»; *žaj* «свободное время, досуг»; «подходящий момент», «удобный случай»; *žajw-žaj* «свободное время, досуг»; *žajw* «пространный»; *žajla-* «давать, освобождать место», «сторониться, посторониться, дать место, отходить, отстраняться, уклоняться, удаляться, избегать», «спасаться», «оберегаться»; «обращаться в бегство»; «освобождаться, избавляться от чего-либо» (БАМРС, 199-200); бур. *žaj* «промежуток, пространство», «свободное место»; «свободное время, досуг»; *žaj-zabhar* «промежуток, интервал, расстояние между кем-чем-либо»; ср. также *žaj* «ладно, хорошо» (в ответ на просьбу); «ну, итак»; *žajla-* «давать место, сторониться, отходить, отстраняться»; ойр. *žä:* (< *žaj*) «пространство, промежуток»; «свободное место»; «свободное время» (Тодаева, 2001, 154); калм. *žä:* «пространство, промежуток»; «место»; «время», «дистанция»; *žä:-zawsār* «промежуток (расстояние) между кем-чем-либо»; *žä:l-* «давать, освобождать место, сторониться» (см. Ramstedt, 1935, 470); в наречиях Внутренней Монголии (хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., харч., тум.) *žej* «пространство, промежуток»; «интервал, расстояние, дистанция»; «свободное место»; «свободное время, досуг» (Тодаева, 1981, 153) и т.д.

По мнению Г.Д. Санжеева, монгольское **ǰaji* «свободное место», «промежуток» через промежуточные формы **ǰawi* < **ǰawī* восходит к прамонгольскому **ǰabu* «промежуток» (Санжеев, 1953, 97; см. каз. *жаба*), существовавшему еще до начала первого перелома гласного *i*, то есть до VII-X вв. н.э.

Двойное отражение интервокального *-*b*- в монгольских языках, по всей вероятности имеет позиционно обусловленный характер: перед узким губным гласным заднего ряда праязыковой *-*b*- в истории монгольских языков переходил в билабиальный -*w*-, а перед узким негубным гласным переднего ряда *i* (< **i*) праязыковой *-*b*- через билабиальный -*w*- переходил в -*j*-, то есть 1) прамонг. **ǰabu* > **ǰawū* > *ǰaw*; 2) прамонг. **ǰabu* > **ǰawi* > *ǰaj*.

В общей сложности историко-этимологические связи анализируемого слова на данном этапе изученности представляются в следующем виде:

1. В прототюркский язык задолго до нашей эры проникло из некоего восточноиранского (или тохарского) наречия слово **jāp* «промежуток, расстояние, пространство между двумя (и более) пунктами, точками, объектами, предметами».

2. На базе слова **jāp* «промежуток» в пратюркском языке образовалось производное **jāpa* ~ **jāba* (с закономерным озвончением *p* > *b* после долгого гласного) «развилка», «ответвление», «вилы» (см. каз. *žaba*).

3. Из пратюркского языка слово **jāp* «промежуток» было заимствовано в прамонгольский, где оно приобрело форму **ǰabu* «промежуток».

4. В истории монгольских языков в VII-X вв. (по Г.Д. Санжееву) произошла фонетическая и семантическая филиация прамонгольского **ǰabu* «промежуток»: 1) > **ǰawū* > *ǰawī* > *ǰaji* > *ǰai* «промежуток», «свободное место» (в топологическим, пространственным смысле) и 2) > **ǰawū* > *ǰaw* > *ǰab* «свободное время», «досуг» (т.е. «промежуток» в хронологическом, временном смысле).

5. В период монгольской экспансии монг. **ǰai* «свободное пространство», «промежуток», «свободное время» проникло в ряд кыпчакских языков (тат., башк., каз., к.-калп., кирг.) и в среднеазиатском регионе (каз., к.-калп., кирг.) произошла контаминация монголизма **ǰaj* «свободное место» и фарсизма *ǰaj* «место» субстратного характера; в туркменском и узбекском языках субстратный фарсизм сохранился в чистом виде (см. каз. *жаба*, *жап*, *жапсар*, *жайдак*).

В этимологических штудиях тюркское **jaj* ~ **ǰaj* обычно трактуется как фарсизм и на монгольские соответствия обращается мало внимания (см.: Владимирцов, 1929, 270-271, где п.-монг. *ǰaji-la-γur*, х.-монг. *zaiü* «негодный, негодяй, несчастный» < п.-монг. *ǰaji-la-* «отходить, отстраняться» сближается с др.-тюрк., орх. *jab-laq*, алт. *jabi* «гадкий, дурной, трусливый»; 287; Ramstedt, 1935, 470 – без тюрк. соответствий; Räsänen, 1969, 95: тув. *čaj* ← монг. *ǰaj*, 179: тат. *jaj*, каз. *ǰaj* ← перс. *ǰā(j)*; 187: туркм. *jāp*, чаг. *jar* «канал»; Әхмәтъянов, 2001, 66, 264; EDAL, II, 885, 1528-1529).

ЖАЙ- (*žaj-*) «пасти»; «распространять»; «расстирать, развешивать» (см. ҚТТС, III, 516-517); *žaj-* «расстирать»; «развернуть», «распустить»; «пустить скот по лугу» (Катаринский, 1897, 66) < пратюрк. **jād-* «расстирать», «распростирать»: др.-тюрк., др.-уйг. *jad-*, карах. *jad-* «разносить», «распространять», «раскладывать»; «разливать (о жидкости)»; «расстирать» (ДТС, 222, 223; Clauson, 1972, 883-884); *jaj-* «рассеивать, колебать» (ДТС, 226, 227), *jat-* «класть, расстирать» (МК, II, 313; ДТС, 247), *jas-* «распускать, рассеивать», «устанавливать (шатер)»; «спускать, ослаблять (напр., тетиву лука)» (МК, III, 59, 60; ДТС, 245); туркм. *jāj-* «раскатывать (тесто)»; *jaj-* «расправлять, разворачивать»; «распространять, разглашать (напр., тайну)», «распускать (волосы)»; *jājl-* (страд.-возвр.) «быть раскатанным, раскатываться (о тесте)»; «быть распущенным (о волосах)» (с долгим *ā* !); тур. *jaj-* «расширять, распространять»; «расстирать, развертывать»; «рассеивать»; «опубликовать, издавать»; «пасти (скот)»; аз. *jaj-* «распространять», «раздавать»; «разглашать»; «испускать (запах, аромат)»; «рассеивать»; «раскатывать (делать плоским)»; «развертывать»; «прокатывать, вальцевать»; гаг. *jaj-* «растягивать, раздвигать, расширять; расстирать»; узб. *jaj-* «расстирать»; «развешивать»; «расставлять, разбрасывать»; «раскатывать (напр., тесто), расплющивать»; «распускать»; «рассыпать»; «развертывать», «распростирать», «распространять»; уйг. *jaj-* «расстирать, стелить»; «расставлять, разбрасывать (напр., вещи)»; «раскатывать (напр., тесто)», «расплющивать (напр., железо)»; «распускать (напр., волосы)»; «мостить»; «развертывать (напр., знамя)»; «пасти (скот)»; «разводить»; «распространять»; кар. *jaj-* «раскладывать, расставлять, раскидывать, расстирать»; «простирать»; «расширять, распространять»; «готовить, печь лепешки»; кумык. *jaj-* «расстирать»; «развешивать»; «разбрасывать»; «раскатывать, катать»; «распускать, рассыпать (напр., волосы)»; «развертывать (напр., знамя)»; «распростирать»; «распространять»; к.-балк. *žaj-* «расстирать, стелить»; «распространять»; «пускать кого-что-либо»; «разводить, плодить»; «развешивать, вывешивать»; «расправлять, разводить»; тат. *žaj-* «стлать, постлать, постилать»; «расстирать, настелить, застилать, устилать»; «раскладывать, раскинуть, простирать»; «раскатывать»; башк. *jāj-* «стлать, разостлать, расстелить, постилать, постелить», «устилать»; «развертывать, развернуть»; ног. *jaj-* «стелить, стлать, расстирать»; «распускать»; «разворачивать»; «распространять»; к.-калп. *žaj-* «стлать, расстирать»; «рассыпать, разбрасывать»; «развешивать (напр., белье)»; «раскрывать (напр., книгу)»; «распускать»; «раскидывать»; «распространять»; «развертывать»; «пускать на пастьбу»; кирг. *žaj-* «стлать, расстирать»; «развешивать (напр., белье для сушки)»; «распускать (напр., волосы)»; «раскрывать (напр., книгу)»; «распространять», «разглашать»; «пускать на пастьбу»; «пускать беркута на добычу, охотиться с беркутом»; алт. *d'aj-* «стлать, расстирать, развертывать, раскидывать; развешивать (белье)»; «распространять (слух)»; «распускать (волосы)»; «разливаться (о реке)»; куманд. *d'aj-* «развернуть, разжать» (Баскаков, 1972, 209); тубал. *d'aj-*

«стелить, постилать, расстилать, развертывать» (Баскаков, 1966, 112); тубал. *jaj-* «разложить, разостлать, распространить»; «рассыпать»; «разогнать»; «обнародовать»; «распространяться» (Баскаков, 1966, 120); лебед. *jaj-* «развертывать, разложить, разостлать, распространить»; «рассыпать, разогнать» (Баскаков, 1985, 147), *d'ajil-* (страд.) «быть расстилаемым, распространённым, разлитым, быть распушенным»; *d'ajin-* (возвр.) «расстиляться, распространяться» (Баскаков, 1985, 144); хак. *čas-* «стелить», «развертывать»; «распускать», «расплетать»; *čaj-* «полоскать, ополаскивать»; «разливать», «рассыпать»; «раскладывать»; «распространять (слух)»; шор. *čas-* «развернуть, расплести, исцелить» (Радлов, III, 1909); *cazin-* «развернуться» (Радлов, III, 1911); шор., саг., койб. *čaj-* «распространиться»; «пасти» (Радлов, III, 1825); чулым. *čaj-* (ср.-чулым.) «стелить» (Бирюкович, 1984, 70); *jaj-* (ниж.-чулым.) «стелить» (Бирюкович, 1984, 34); с.-юг. *jaz-* «сыпать, рассыпать»; «стлать, расстилать»; *jazmaq jaz-* «готовить и печь лепешку» (Тенишев, 1876, 183); тув. *cat-* «расстилать»; «сушить»; тоф. *cat-* «расстелить, разостлать» (Рассадин, 1971, 195); якут. *sataj-* «отдаваться, разноситься (о сильном звуке)»; «расстраиваться, приходиться в упадок»; чув. *sur-* «распускать (почки, листья, цветы)»; «бить, ударить в нос (о запахе)»; «оглашать, греметь (о звуке)» (Ашмарин, 1937, XII, 251-252) (в чувашском произошла контаминация омонимичных *sur-* (<*jar-) «разрывать» и *sur-* (<*jad-) «распространять», «распускать»; ср. также чув. *jej-* «скалиться, щерить, скалить зубы, ослабляться» ← тат. *jäj-*; *jejël-* «разливаться (о реке)», «расползаться, расплываться»; «смеяться во весь рот», «расплываться в улыбке» ← тат. *jäjel-*, *žejël-* «расстиляться, стелиться», «простираяться»; «разливаться, растекаться», «расплываться»; «распускаться»; «растягиваться»; *awāz žäjël-* «растягиваться (о губах)» и т.п.). Для протобългарского состояния реконструируется архетип **jād-* ~ **jad-* «расстилать», «распростирать», «распускать», «раскладывать» и т.п. с широким кругом значений, объединяемых идеей распространения, растекания, раскрытия.

Протобългарское **jad-* «расстилать, распростирать» очень рано, видимо, еще до нашей эры, проникло в прамонгольский, ср. прамонг. **jadū-* «развязывать, раскладывать, распускать» и т.п., представленное в ряде производных основ: п.-монг. *žada-ji-* «лежать расprostертым», «быть открытым» (Ramstedt, 1935, 462; Рамстедт, 1957, 150); п.-монг. *žadu-la-* «раскрывать, вскрывать, развертывать» (ср. *žadal-*, *žadala-* Lessing, 1960, 1021); *žadu-ra-* «раскрываться», «развертываться», «распускаться»; х.-монг. *zadlā-* «раскрывать, вскрывать, развязывать, развертывать»; «распечатывать», «распаковывать»; «расплетать (косу)»; «раздергивать, раскручивать (шерсть)»; «раскладываться (на составные части)»; «размениваться»; *zadrā-* «развязываться; раскрываться; распечатываться»; «разглашаться, становится известным»; «распадаться, разрушаться»; «распускаться»; *zadrū* «развязанный, разбросанный»; *zadyāj* «открытый, раскрытый»; «обнажен-

ный»; *zadyǰlǎ*- «открывать, раскрывать, обнажить» (подробнее круг дериватов см. БАМРС, II, 197-199); бур. *zadayaj* «открытый настезь, распахнутый, раскрытый» и т.п. (см. каз. *жадағай*); *zadǰyǰjr*- «раскрываться, открываться»; «распускаться, разваливаться»; *zadǎl*- «вскрывать», «развертывать»; «расплетать, распускать (косу, волосы)»; «раздергивать, раскручивать (шерсть)»; «раскладывать (на составные части)»; «раскупоривать, вскрывать (бутылку)»; «развязывать, разматывать (веревку)»; «разваливать, ломать (дом)»; «разрезать (тушку по суставам)»; *zadǎr*- «раскрываться, развязываться, распечатываться»; «распускаться (о деревьях и цветах)» (см. каз. *жадыра*-); калм. *zadyā* «открытый, раскрытый»; «обнаженный»; *zadyāl*- «раскрывать, вскрывать»; «распечатывать»; *zadyar*- «раскрываться», «открываться»; *zadǎr*- «развязываться»; «раскрываться»; «разваливаться, распадаться, разрушаться»; «распускаться, избаловываться»; *zadǎryxa* «открытый, раскрытый» (см. Ramstedt, 1935, 462-463); ойр. *zadal*- «раскрывать, вскрывать»; *zadǎyā* «открытый настезь, распахнутый, раскрытый»; несдержанный на язык, болтливый» (Тодаева, 2001, 149).

В алтаистических исследованиях тюркские и монгольские формы традиционно трактуются как генуинные на праалтайском уровне, хотя тюркское происхождение монгольского слова лежит на поверхности.

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 462; Ramstedt, 1957, 150; Егоров, 1964, 61; Räsänen, 1969, 177; Clauson, 1972, 883-884; ЭСТЯ, 1989, 76-77; EDAL, II, 1525; Федотов, 2002, 70; Эхмэтьянов, 2001, 67.

ЖАЙДАК (*žajdaq*) «неоседланный», «без седла»; «ровная незащищенная местность»; *žajdaq arba* «открытая телега с плоским верхом, без грядок»; *žajdaq bölmə, ij* «нежилое помещение без домашней утвари»; *žajdaq etik* «сапоги с низким каблуком»; *žajdaq dala* «ровная, плоская равнина», «открытая степь»; *žajdaq žer* «открытая, голая местность без растительности»; *žajdaq žol* «проселочная дорога»; *žajdaq mašina* «грузовая машина со снятыми бортами»; *žajdaq soz* «пустые слова», «никчемные, бессмысленные разговоры»; *žajdaq su* «мелкая река с пологими берегами» (см. КТТС, III, 521-522); *žajdaq min-* «сесть на лошадь без седла с одним потником или даже без всего» (Катаринский, 1897, 66); *žajlaq* «без седла» (= монг. *zajdan*, см. Базылхан, 1984, 240); ср. соответствия в других тюркских языках: туркм. диал. *jajdaq* «конь без седла»; аз. *žajdaG* «длинноногий, долговязый»; узб. *jajdow* «пущенный на волю, на подножный корм», «не привязанный (о лошадях)»; *jajdoq* «голый, лишенный растительного покрова»; *jajdoq ot* «неоседланный конь»; *jap-jajdoq* «неоседланный, разнузданный»; *jajdoq qil-* «сравнять с землей»; уйг. *jajdaq* «без седла»; кумык. *jajdaq* «без седла»; «без чехла»; к.-балк. *žajdaq* «неоседланный»; *žajdaq at* «неоседланный конь»; тат. *žajdaq* «всадник, наездник, седок (без седла)»; сиб.-тат. *jajtaq* «маленькие сани»; «дровни» (сани без задка для перевозки дров) (Тумашева, 1961, 131); «пологий»; *jajtaq atlan-* «сесть верхом без седла» (Тумашева, 1992, 74); башк. *jajdaq* «без седла»; «всадник без седла»; *atqa jajdaq atlan-* «садиться на коня без седла»; ног. *jajdaq* «без седла»; «всадник без седла»; к.-калп. *žajdaq* «жесткий, без подстилки (о седле)»; «без седла»; *žajdaq min-* «садиться на лошадь без седла»; кирг. *žajdaq* «(о всаднике) охлябью (верхом без седла)»; «(о доме) пустой (без обстановки и необитаемый)»; «без верхней одежды»; «голый»; «голое место», «открытая местность»; (о женщине) «без тюрбана»; *žajdaq min-* «садиться верхом на лошадь охлябью (без седла и без всякой подкладки)»; *žajdaqta-* «облегчать, сняв лишние покровы, груз и т.п.»; *at žajdaqta-* «расседлать лошадь (сняв с нее седло и потник)»; алт. *d'ajdaq* «широкий, гладкий»; «неоседланный конь»; *d'ajdaqta-* «расседлать, снимать седло»; *at d'ajdaqta-* «расседлать лошадь, сняв с нее седло и потник»; тубал. *jajdaq* «без седла» (Баскаков, 1966, 120); ? тел. *jajtaq, d'ajtaq* «широкий, обширный» (< *jai-* «разложить, разостлать, распространять») (Радлов, III, 13); каз(ан.), алт., тар., чаг. *jajdaq* (казан.) «пологий, отлогий»; (тел.) «растопырившийся», «широкий»; «без седла» (Радлов, III, 14); ср. также тел. *jajtaš* «тазообразное отверстие с отогнутыми краями»; *d'attiš* «равнина, открытое место»; *d'ajttim* «низменность» (Радлов, III, 14); тоф. *čajdan* «неоседланный» (Рассадин, 1971, 104).

В.В. Радлов приводит также чагатайскую глагольную основу *jaida-* «ехать на неоседланном коне» (Радлов, III, 14), однако эта форма не находит поддержки со стороны других источников и, скорее всего, является

«продуктом редеривации из несуществующего *jajdaq*» (подробнее см. ЭСТЯ, 1989, 12, прим. 2).

Тюркское **jajdaq* «без седла» традиционно считается монгольским заимствованием (Ramstedt, 1935, 471; Räsänen, 1969, 179; Суюнчев, 1977, 154; ЭСТЯ, 1989, 12; EDAL, II, 1541; Эхмэтьянов, 2001, 66), ср.:

← ср.-монг. **žajidan* «без седла, бесседельный, неоседланный»: п.-монг. *žajidan* (Lessing, 1960, 1026) ~ *jayidang* «без седла, неоседланный» (Владимирцов, 1929, 271); х.-монг. *zajdan(g)* «без седла, неоседланный»; *zajdan moř* «неоседланная лошадь»; *zajdanda-* «ехать верхом без седла»; «сидеть на шее», «быть распущенным, вести себя распущенно» (БАМРС, II, 199-200); бур. *zajdan* «неоседланный, без седла»; «открытый, голый»; калм. *zä:dëŋ* «неоседланный, без седла»; «открытый и голый» (Ramstedt, 1935, 471); ойр. *zä:deŋ* «неоседланный конь, конь без седла» *zä:dëŋne-* (<*žajidanŋa-*) «ехать верхом без седла»; «использовать чужой труд, эксплуатировать» (Тодаева, 2001, 154); орд. *žä:daŋ* «без седла»; в говорах Внутренней Монголии *zajdaŋ*, *žēdaŋ* «без седла, неоседланный» (Тодаева, 1981, 153).

Монгольские формы в свою очередь в качестве родственных на праалтайском уровне сближаются с пратюркским **japitaq* «без седла» и его продолжениями в современных тюркских языках (EDAL, II, 1541), ср.: др.-тюрк., карах. *jabitaq*, *japitaq* «неоседланный» (МК, III, 48; ДТС, 222; Clauson, 1972, 873); огуз.: туркм. *japbildaq* «неторопливый, умеренный»; *japbildaq jöräp bar-* «идти умеренным шагом» (в ЭСТЯ, 1989, 49 *japbillaq*); тур. диал. *japbildaq* «одинокий»; *yayan-yapıldak* «пешком», *japbildaq* «пешком и один», «босой и без одежды», «с непокрытой головой»; тур. *jajan-japıldak* «пешком, на своих двоих»; (кстати, причастность огузских форм к этому ряду соответствий проблематична); гаг. *jalburdak* «неоседланный»; уйг. *jawday* «без седла»; *jajdaq* «без седла»; тар. *jabidaq* «неоседланная (лошадь)», «без седла» (Радлов, III, 283); бар. *japitaq* «дровни»; «без седла» (Радлов, III, 270); алт. *d'abidaq* «неоседланная лошадь»; куманд. *d'abidaq* «лошадь без седла» (Радлов, III, 281; Баскаков, 1972, 209); алт., тел., кыз., куманд. *jabidaq* «без седла» (Радлов, III, 281); матор., абак. *jamdaq* «без седла, неоседланный» (Вербицкий, 1884, 74); хак. *čabdaç* «верхом без седла (на лошади)»; *čabdaç at* «неоседланная лошадь»; саг., шор. *čabidaq* «без седла»; *atqa čabidaq mindi* «он ездил верхом без седла» (Радлов, III, 1932); тув. *čawidaq (at)* «неоседланная (лошадь)», *čawidaqta-* «сесть верхом без седла; ехать верхом без седла»; с.-юг. *javitaq* «неоседланный»; як. *sibidaç* «неоседланный», «незапряженный»; *sibidaç at* «неоседланная лошадь»; *sibidaçta-* «расседлать, распрячь»; «раздевать» (см.: Владимирцов, 1929, 271; Ramstedt, 1935, 471; Räsänen, 1969, 176; 1957, 95; Doerfer, 1963, 546, № 401; Clauson, 1972, 873; ЭСТЯ, 1989, 49-50; Эхмэтьянов, 2001, 66).

В специальной литературе можно найти ряд версий, объясняющих этимологию приведенных здесь тюркских и монгольских слов.

Л.С. Левицкая предполагает, что тюрк. *žaj-daq* ~ *jaj-daq* состоят из глагольной основы (из отглагольного имени?) и именного привативного аффикса *-daq* (ЭСТЯ, 1989, 12; об аффиксе см.: Bang, 1925, 41-43; Räsänen, 1957, 95), семантика производящей основы при этом не раскрывается. Из совокупности значений тюркских производных форм выясняется, что в основе семантики всех этих слов лежит идея открытости, непокрытости, распростертости, раскрытости, свободного пустого пространства и т.п. Поэтому в основе монгольского **žaji-daq* «неоседланный» < «открытый, голый» вполне обоснованно выделяется именная основа **žaji* «свободное, пустое место», «свободное пространство»; «свободное время», хорошо представленная во всех монгольских языках, ср.: п.-монг. *žai* «свободное пространство, свободное время» ~ х.-монг. *žāē* (Владимирцов, 1929, 287); х.-монг. *žaj* «пространство, промежуток»; «интервал», «дистанция, расстояние между кем-чем-либо»; «свободное место»; «свободное время, досуг»; «подходящий момент, удобный случай» (БАМРС, II, 199); бур. *žaj* «промежуток», «пространство», «свободное место»; «свободное время»; «дистанция»; ойр. *žā:* (<*žaj*) «пространство, промежуток»; «свободное место»; «свободное время» (Тодаева, 2001, 154); калм. *žā:* «пространство, промежуток», «место» (свободное), «время» (свободное); ср. калмыцкую загадку: *Ža uga hazrt žādñ merta kün йовж.* – «В замкнутом пространстве едет всадник на неоседланном коне» (мышь) (см. Ramstedt, 1935, 470); в говорах Внутренней Монголии (хорч., джал., дурб., горл., архорч., барин., харч., тум.) *žē* «пространство, промежуток»; «интервал, расстояние, дистанция»; «свободное место», «свободное время» (Тодаева, 1989, 153). Отметим, что Г.И. Рамstedт указал на возможность происхождения монг. *žai*, **žai* от более древней формы *žab* (см.: «ob zu *žab*» – Ramstedt, 1935, 470). Деривационный аффикс, скорее всего, сложный (< *-t-aŋ*) или же является фонетической модификацией *-laŋ* (см. Рамstedт, 1957, 200-203).

К монгольскому *žai* восходит казахское *žaj* «место», «срок»; «просто так»; «медленно, тихо, спокойно»; «обыкновенный, простой»; «положение»; ср. также *žaj-žapsar* «положение»; «суть, сущность»; «обстоятельство» (см. *жай*).

Сближение монгольского *žajidaŋ* с тюркским *japitaq* ~ *jabidaq* «неоседланный» находим в «Калмыцком словаре» Г.И. Рамstedта: п.-монг. *žajidaŋ* > кирг. *žaidaq*, бар. *japtaq*, алт. *jabydaq*, якут. *sybydaχ* «без седла (о лошади)» (Ramstedt, 1935, 471), однако фонетическая сторона вопроса у него осталась без комментариев. М. Ряснен вполне справедливо выводит тюркское *jajda-q* из монгольского *žaji-daq* «неоседланный конь» (Räsänen, 1969, 179); тюркское *japitaq* ~ *jabitaq* он считает производным от ср.-тюрк.

(чигиль) *jabi* «войлочная подкладка на седло и под седло» и рассматривает автономно (Räsänen, 1969, 176).

Впервые близкую к этой этимологическую версию выдвинул В. Банг, который тюрк. *jarıtaq* считал производным от деепричастной формы *jabi* (< *jar-* «покрывать» ~ каз. *žap-*, чув. *šup-* «тж.»), образованным с помощью аффикса *-daq*, и сравнивал с тур. *jarık* «чепрак», кирг. *žabı* «войлочная пона верблюда» (Bang, 1925, 41-43).

Г. Дёрфер относит *jarıtaq* к монгольским заимствованиям и объясняет его как именное производное на *-daq* от монгольской глагольной основы *jabi-* «идти пешком» (Doerfer, 1963, 546, № 401), а потому рассматривает вне всякой связи с несомненно генуинным *jajdaq* «неоседланный».

Дж. Клаусон в своем Этимологическом словаре приводит зафиксированные Махмудом Кашгари форму *jabıtaq*, сравнивает их с релевантными формами из живых тюркских языков и приходит к заключению, что этимология данного слова не ясна; попутно высказывает мнение о его заимствованном характере, не указывая при этом на первоисточник (Clauson, 1972, 873).

«Этимологический словарь тюркских языков» рассматривает *žajdaq* и *jabıtaq* автономно и ограничивается кратким обзором существующих этимологических версий (ЭСТЯ, 1989, 12, 49-50).

В последнее время оригинальную версию высказал Р.Г. Ахметьянов. Он вполне обоснованно полагает генуинный характер *žajdaq* и *jabıtaq* и в основе обеих форм выделяет «корень» («тамыр») *д'авыз, д'абыр* «голый, пустой, низкий», который сравнивает с башк. *jajdaq* «всадник (без седла)», алт. уйг. *jajdaq* «неоседланный»; «широкий, пологий», алт. *d'abızaq* «низкий», бур. *zajdan, zaj* (значения см. выше). При этом переход семантики «пустой» > «низкий» он затрудняется объяснить. Далее, он отсылает читателя к словарной статье *žaj* «место, лад»; «удобный момент» (= каз. *žaj* «место» и т.д., см. выше), где, ссылаясь на Г.Д. Санжеева (1953, 97), приводит древнемонгольскую и тюркскую формы *жабу, жагу* «свободное (пустое) место», «свободное время» (Эхметьянов, 2001, 66). В этой идее, очевидно, заключен тот ключ, с помощью которого наконец-то удастся раскрыть тайны взаимосвязей между приведенными выше тюркскими и монгольскими формами, обозначающими неоседланного коня и наездника без седла.

Тюркское *jarıtaq* ~ *jabıtaq* «неоседланный», зафиксированное Махмудом Кашгари, вопреки мнению Дж. Клаусона, является исконным словом, производным от именной основы **jar(i)* ~ **jab(ä)* в первоначальном значении «промежуток», «свободное пространство между предметами», «пустое, не занятое чем-либо место» (синоним *ara*), откуда развились вторичные специализированные значения «развилка», «рогатина», развиллина», «вилы»; «ответвление оросительного канала» и т.п. (см.: ЭСТЯ, 1989, 45; выше: каз. диал. *жаба*).

Отголоски архаического значения «открытое пространство» прослеживаются в ряде современных тюркских языков: каз. *žajdaq üj* «нежилое,

пустое помещение, дом»; *žajdaq dala* «открытая степь»; *žajdaq žer* «открытая, голая местность без растительности»; узб. *jajdɔq* «голый, лишенный растительного покрова»; кумык. *jajdaq* «без чехла (нож)»; кирг. *žajdaq* «(о доме) пустой, без обстановки и необитаемый»; «голое место», «открытая местность» и т.д.

Слово *japıtaq* ~ *jabıtaq* «без седла» (первоначально, видимо, «пустой», «свободный») было образовано при помощи деривационного аффикса *-taq* (см. Räsänen, 1957, 120; Севортян, 1966, 221) от именной основы **jāp* «свободный промежуток, пустое пространство между двумя пунктами, точками, объектами (см. *žaba*, *žap*)». Первичным значением тюркского *jap(i)taq*, по всей вероятности, было нечто вроде «пустой, свободный (без седла) конь»; «непокрытый» предмет, объект и т.п.; ср.: тур. *jabuldaq* «босой и без одежды», «с непокрытой головой», бар. *japtaq* «дровни» (то есть, сани без облучка, открытые) и т.п. (К семантическому развитию «пустое, свободное место» > «пустой, свободный» > «голый, обнаженный» > «босой» > «пеший» > «конь без седла, неоседланный» > «наездник» и т.п. см. тюрк. *jalaŋ* ~ *jalm* в ЭСТЯ, 1989, 104-106).

Тюркское слово **jap(i)taq* «неоседланный, без седла» уже в этом специализированном значении, как и большинство других терминов развитого животноводства, очень рано, по крайней мере задолго до первого перелома гласного *i* (до VII-X вв. н.э. по Г.Д. Санжееву) проникло в прамонгольский: пратюрк. **japıtaq* ~ прабулг. **žapıtaq* ~ **žab(i)taq* «неоседланный, «пустой» конь без седла» → прамонг. **žabıdang* «тж.» > ср.-монг. *žajidaŋ* «без седла, неоседланный» > х.-монг. *zajdan(g)* «тж.»).

В эпоху возвышения монголов среднемонгольское *žajidaŋ* «неоседланный» обратно вернулось в ряд тюркских языков: ср.-монг. **žajidaŋ* → тюрк. *jajdaq* «неоседланный, без седла»: узб. *jajdɔw* ~ *jajdɔq*, каз. *žajdaq*, ног. *jajdaq* «без седла» (см. каз. *žaba*, *žaj*, *žap*, *žapsar*).

ЖАЙҚА- (*žajqa-*) «колыхать», «колебать, раскачивать»; «покачивать, взбалтывать»; «взмахнуть» (ҚТТС, III, 525); *žajqal-* «колыхаться (о траве)»; «раскачиваться (о деревьях)» < пратюрк. **jañ-qa-* ~ **jaj-qa-* «качать», «раскачивать», «приводить в движение»: др.-тюрк., др.-уйг. *jajqa-n-* «колебаться»; карах. (МК) *jajqa-l-* «колебаться»; туркм. *jajqa-*, тур. *jajka-*, аз. *jajxa-* «покачивать», «трясти»; уйг. диал. *jajqa-*; кар. *jajqa-*; ног. *jajqa-l-* «колыхаться, раскачиваться, шататься»; кирг. *žajqa-* «трясти», «приводить в движение»; хак. *čajxa-* (диал. *najxal-* ← монг.); алт. *d'ajqa-*; диал. *d'ajya-*; тув. *čajya-*, тоф. *ča'jha-*; туба *d'a'jqa-* / *d'ajya-* «раскачивать»; тел., лебед. *jajqal-* «качаться»; ср. также: чаг. *jajqa-* «выполаскивать, мыть»; *jajqal-* «размашисто шагать», «кокотливо раскачиваться»; тур., кр.-тат. *jajqa-* «мыть, стирать»; кар. к. *jajqan-* «мыться» (подробнее см. Clauson, 1972, 981; ЭСТЯ, 1989, 77-78; Иллич-Свитыч, 1984, 58-59; EDAL, II, 872).

Тюркский глагол принято рассматривать как интенсив на *-qa-* от **jāj-* «колебать, раскачивать»; «полоскаты», «пахтаты» (см.: Севортян, 1966, 244; ЭСТЯ, 1989, 75-76); ср. др.-тюрк., карах. (МК) *jaj-* «колебать, трясти»; туркм. *jāj-* «пахтаты», тур. *jaj-* «пахтаты» (в составе *yayık* «маслобойка, пахталка»); чаг. *jaj-* «пахтаты»; алт. *d'aj-*, *jaj-* «полоскаты»; хак. *čaj-* «полоскаты»; с.-юг. *jaj-*, *jāj-* «пахтаты»; тув. *čaj-* «махаты, размахиваты, качаты» (Clauson, 1972, 980; ЭСТЯ, 1989, 75-76; Иллич-Свитыч, 1984, 58-59).

Однако сближению тюрк. **jajqa-* (с кратким гласным в первом слоге) и **jāj-* (с долгим *ā*) препятствует прежде всего разница в количестве корневого гласного. Очевидно, здесь наблюдается контаминация двух разных близких по звучанию и значению основ (см. Иллич-Свитыч, 1984, 59-60): дуплетность вызывает контаминацию с окказиональным перераспределением значений; семантика слова **jañqa-* ~ **jajqa-* сужается в некоторых языках до значения «полоскаты»; значение **jāj-* расширяется до «качаты, колыхаты».

А.М. Щербак не делает различия между др.-тюрк. *jaj-* «колебаты, трясти», *jajil-*, *jajqal-* «колебаться, качаться», а монг. *najil-ža-* «качаты, трясти» считает тюркским заимствованием (Щербак, 1997, 121).

Рассматриваемые тюркские слова обычно сближаются в качестве генуинных на праалтайском уровне с монгольскими 1) **žaji-* в *žaji-lu-* «полоскаты», *žaji-tu-* «трясти, приводить в движение» (Ramstedt, 1935, 471; Порре, 1972, 128) и 2) **naji-* «качатыся, раскачиватыся, свешиватыся» (Иллич-Свитыч, 1984, 60-61; EDAL, II, 872).

Однако, судя по всему, в данном случае монгольские формы следует рассматриватыся как ранние тюркские заимствования в прамонгольском:

1) пратюрк. **jañ(qa)-* «качаты», «приводить в движение» → прамонг. **naji-* «качатыся, раскачиватыся, свешиватыся», **najigu-* «повисаты, наклонятыся»: п.-монг. *najiyu-* «повисаты, наклонятыся» (Lessing, 1960, 558), *najilža-* «качаты, трясти»; «колыхатыся, колебатыся» (Lessing, 1960, 559); х.-монг. *najyā-* «качатыся, шататыся, колебатыся (из стороны в сторону)»,

«склоняться на бок, колышаться», «свисать на сторону» (БАМРС, II, 385); бур. *najuā*- «шататься, качаться из стороны в сторону»; в наречиях Внутренней Монголии: (удзумч.) *nā:ga*- «качаться, колебаться»; ордос. *nā:gu*- «шататься (о растениях – под ветром)»; ойр. *nā:χele*- «качаться, колышаться, шататься» (Тодаева, 2001, 245); калм. *nā:χěl*- «качаться, колебаться, шататься»; *nā:χlü:l*- «качать, колебать, шатать» и т.д. (см.: Владимирцов, 1929, 369; Санжеев, 1939, 673; Иллич-Свитыч, 1984, 60; ЭСТЯ, 1989, 77-78; Щербак, 1997, 121; EDAL, II, 872). Назализация анлаутного *j*- в монгольском произошла под ассимилятивным воздействием представленного в праторкском архетипе **jañ*- носового *ñ*; вернее говоря, назальность со второго согласного в монгольском перенеслась на первый, так как монгольские языки допускают *n*- в анлаутной позиции;

2) праторк. **jāj*- «полоскать», «пахтать» (< «полоскать кислое молоко в сосуде»), «качать, колебать» ~ прабулг. **žaj*- «тж.», **žajil*- «колебаться, качаться» → прамонг. **žaji*- «полоскать»; п.-монг. *žaji-lu*- «полоскать, лудить»; *žaji-tu*- «трясти, двигать» (Ramstedt, 1935, 471; Räsänen, 1969, 179; EDAL, II, 872); х.-монг. *zajlā*- «полоскать»; «лудить»; «натирать, смазывать»; «укачиваться» (БАМРС, II, 200); бур. *zajlā*- «полоскать, ополаскивать»; «промывать»; «лудить»; в наречиях Внутренней Монголии (хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., харч.) *žēla*-, (шгол.) *zāēla*- «полоскать (напр., горло)» (Тодаева, 1981, 153); ойр. *zā:le*- «полоскать, промывать, ополаскивать»; «кивать, качать» (Тоджаева, 2001, 154); калм. *zā:l*- «полоскать, ополаскивать»; «промывать»; «качать (головой)» и т.п. (Ramstedt, 1912, 11; 1935, 471; Поппе, 1925, 35; Poppe, 1926, 103; Räsänen, 1969, 179; Иллич-Свитыч, 1984, 59; ЭСТЯ, 1989, 75-76, 77-78; Щербак, 1997, 121; EDAL, II, 872).

Тюркские формы хорошо представлены в письменных памятниках домонгольской эпохи и их исконный характер не вызывает никаких сомнений.

ЖАЙРАН (*žajran*) «джейран (небольшая антилопа)»; «джейран (дикая коза)» ← перс. *žejran* «джейран, газель, серна» ← ср.-монг. *žērān* «тж.» ← праторк. **žagērān* «рыжий, рыжеватый» (Doerfer, 1963, 301-302, № 171; см. каз. *жирен* «рыжий»).

В современных тюркских языках компаративисты выявляют исконные формы, прямые монгольские и персидские (← монг. ← тюрк.), а также межтюркские заимствования. В конечном итоге все известные формы восходят к праторкскому **jägērān* «рыжий (о масти лошади)» > др.-тюрк., орх. *jegren* «гнедой, рыжий» (КЧ, 15; ДТС, 253); *jägrān* «рыжий (о лошади)» (Малов, 1959, 96; Clauson, 1972, 814); туркм. *jegren* (Алиев, Бориев, 1929, 350), *jergen* «рыжий (о масти лошади)»; *žeren* «рыжий (о масти лошади)» (← кыпч.); тур. *žejran*, (вульг.) *žejlan* «рыжий» (Zenker, 1862, 387); узб. *žjrcn* «рыжий (о масти лошади)»; *žjrcn ot* «рыжая лошадь», «лошадь рыжей масти»; уйг. *žrān* «рыжий (о масти лошадей)»; «рыжий, саврасый (о масти лошади)»; *žā:ran*, *žārān* «косуля, газель» (Малов, 1954, 150); кар. г. *žeren* «коричневый»; кумык. *žjren* «рыжий (о масти лошади)»; таг. *žrān* «рыжий (о масти)», «рыжешёрстный»; башк. *jērān* «рыжий»; *jērān qašqa* «рыжий конь с белой звездой»; ног. *jijren* «рыжий»; к.-калп. *žjren* «рыжий»; *žjren at* «рыжий конь»; каз. *žjren* «рыжий», *žjren at* «лошадь рыжей масти»; *žjren saqal* «рыжая борода», «рыжебородый»; кирг. *žejren*, *žēren* «рыжий; «джейран, газель»; *žejren saqal* «рыжебородый»; алт. *jēren*, *jeren*, *jergen* (<*jegren*), *jigren*, *jigrin* «рыжий (о масти коня)» (ГАЯ, 174, 175; Вербицкий, 1884, 90); *jeren*, тел. *d'ā:rān* «рыжий» (Радлов, III, 338); туба *d'ēren-čoqur* «чубарый» (Баскаков, 1966, 115); хак. *čigren* «рыжий (масть лошади)»; шор. *čāgrān* «рыжая лошадь» (Радлов, III, 1971); саг. *čegār* «рыжая лошадь» (Радлов, III, 1957), *čegrin* «рыжая лошадь» (Радлов, III, 1958); якут. *sier* «саврасый или светлогнедой (о масти конного скота)»; «косульего цвета»; *sier taba* «буланый олень» (Пекарский, 1926, VIII, 2192); чув. *šüren*, диал. *šėvren* «рыжий (о масти лошади)»; *sarā šüren* «каурый» и т.п.

Лексическую базу приведенных форм составляет основа **jegēr* «рыжий», представленная в ряде языков: алт. *jeger*, *jigr* «рыжий (о масти коня)» (Вербицкий, 1884, 93), саг. *čegār* «рыжая лошадь» (Радлов, III, 1957); *čigār*, *čegār* «рыжий (о масти коня)» (Радлов, III, 2114), *čegri* «рыжая лошадь» (Радлов, III, 1958), якут. *sier* «саврасый или светлосерый (о масти коня)» (Пекарский, 1926, 2192); сюда же, возможно, следует отнести караг. (= тоф.) *čerag* (в составе *čerag-lig* «рыжий – о волосах») (Castren, 1857, 114). Следовательно, формы с конечным *-en* являются производными, но морфологическая функция аффиксального элемента пока не определена. Основным и древнейшим среди всех тюркских форм для «рыжий» является архетип **jegir-en* ~ *jegēr-en* «рыжий». Основа **jegēr*, скорее всего, имела субстантивное значение, а производное слово *jegēren* – адекативное.

В сравнительно-исторических и историко-этимологических исследованиях тюркские слова **jegeren* «рыжий (о масти лошади)» и **jegeren* «ан-

тилопа-джейран» обычно рассматриваются и вместе, и отдельно (Räsänen, 1969, 125, 194; ЭСТЯ, 1989, 22-24; 24-25), при этом часто оговаривается, что они могут быть идентичными. Очевидно, в данном случае имеет место ранняя семантическая филиация слова, первоначально служившего наименованием рыжей масти животных, прежде всего лошадей. Перенос адъективного значения на животных с соответствующей окраской, по всей вероятности, связан с табу, наложенным на наименование тотемного животного – антилопы, газели, серны, джейрана, косули, оленя и т.п. Следовательно, первичным следует признать значение «рыжий» как обозначение масти копытного животного, а субстантивизировавшиеся наименования животных – вторичными, переносными. Показательно, что в монгольские языки данное слово проникло уже в субстантивизированном вторичном значении, то есть как название антилопы, серны, косули и т.п. копытного животного с характерным рыжеватым окрасом (см. ниже). Вполне вероятно, что заимствованное тюркское слово в монгольских языках первоначально служило эвфемистическим названием, замещающим исконное наименование тотемного животного.

Этимология производящей основы **jeger*, не делимой на тюркской языковой почве, не разработана. Скорее всего, она является древнейшим заимствованием пратюркской эпохи и восходит к иранскому **yakar-* «печень»; ср.: авест. *yākar-*, др.-инд. *yākart-*, ср.-перс. *yakar*, поздн. *ĵagar*, совр. перс. *ĵegar*, тадж. *ĵigar* «печень» (ОИЯ, II, 35).

Это смелое, на первый взгляд, предположение вроде бы находит поддержку и со стороны морфологической структуры тюркского **jegeren* «рыжий». На тюркском материале аффиксальный элемент *-en* не находит сколько-нибудь приемлемого объяснения, а на иранской почве легко выявляется именной суффикс **-āna*, образующий существительные и прилагательные от именных и адъективных основ, ср.: авест. *-āna*, *-ana*, кл. перс. *-ān*, тадж. *-ōn* (орф. *-он*), дар. *-ān*, совр. перс. *-ān*; например: кл. перс. *kōh* «гора» – *kōhān** «горный, гористый», тадж. *kūhōn* (орф. *кӯҳон*), дар. *kūhān*, совр. перс. *kūhān* «горб (верблюда, яка)»; кл. перс. *ābād* – *ābādān* «благоустроенный», тадж. *ōbōdōn* (орф. *ободон*), совр. перс. *ābādān* «благоустроенный, возделанный» (см. ОИЯ, 1982, 208); ср.-перс. *-ēn* – суффикс, образующий прилагательные: *rāng* «цвет» – *rāngēn* «цветной»; *sāng* «камень» – *sāngēn* «каменистый» (ОИЯ, 1982, 313); афг. *-ān*, *-ān* – суффикс, образующий прилагательные: *ayzāy* «колючка» – *ayzān* «колючий»; *χwalā* «пот» – *χwalān* «потный»; *buy* «запах» – *buyān* «вонючий, зловонный»; *irā* «пепел, зола» – *irān* «пепельно-серый» (ОИЯ, 1987, 149) и т.д.

Следовательно, выявляются достаточно веские основания для отнесения пратюркского **jegeren* «рыжий», «саврасый», «гнедой» к древнейшим заимствованиям из вымерших восточноиранских наречий и, в конечном итоге, для сближения с иранским **yakarāna* «печеночный», т.е. «цвета пе-

чени». По всей видимости, в пратюркский язык проникла не сама восточноиранская основа, восходящая к **yakar* «печень», а производная от нее адъективная основа, которая в восточноиранском источнике, очевидно, имела фонетический облик **jägārān* «рыжий», «гнедой», т.е. «цвета (свежей) печени».

На базе производной формы **jegeren* с адъективным значением развились вторичные лексемы с субстантивным значением «антилопа джейран», ср.: туркм. *žeren* «джейран, газель»; *čeren* «джейран, газель; серна» (Алиев, Бориев, 1929, 54); тур. диал. *žeran*, *žeylan* «обыкновенная газель (Antilope dorcas)»; *žeren*, *žejran*, *žajran*, *žalan*, *žejla* «газель», «олень»; «стройная рысистая лошадь» (о тур. диал. формах подробнее см. ЭСТЯ, 1989, 24); аз. *žejran* «джейран, газель»; узб. *žajran* «джейран»; уйг. *žajrān*, *žagrān*, *žārān*, *žajran* «джейран, газель, серна»; «антилопа»; «горный козел»; *žā:ran*, *žārān* «косуля, газель» (Малов, 1954, 450); диал. (акс.) *žārān* «род оленя»; *žārān köz* «(человек) с продолговатыми глазами»; (кер.) *žegren* «род оленя» (Малов, 1961, 110); лобн. *žegren*, *žegjen*, *žexrān*, *žejen*, *žēn* «род оленя»; *žellerge* (дат. п.) «оленям» (Малов, 1956, 110); кумык. *žajran* «джейран», *taw žajran* «серна»; тат. *žajrān* «джейран»; башк. *jajrān* «джейран»; к.-калп. *žajran* «джейран»; кирг. *žejren*, *žeren* «джейран, газель»; алт. *d'eren* «газель, косуля»; *jēren*, *d'eren*, *jārān* «джейран», «газель», «антилопа», «косуля» (ГАЯ, 173; Вербицкий, 1884, 87; Будагов, 1871, II, 388; Радлов, III, 338); тув. *čeren* «антилопа джейран» и др.

М. Ряснен тюркские формы *žejran*, *žejlan*, *žeren* и т.п. выводит непосредственно из монгольского *žegeren* «антилопа, серна, косуля», ссылаясь при этом на Г.Й. Рамстедта (Räsänen, 1969, 125), однако последний ограничивается сопоставлением монгольского слова с лоб. *jigrān*, алт. *jārān*, кирг. *žjirān* (см. Ramstedt, 1935, 474). В другом месте М. Ряснен сближает тюркские **jägir-ān*, **jagrān* «антилопа», «рыжий» и их модификации с монгольскими *žeger-en* «антилопа, серна, косуля» и *žeger-de* «светло-коричневый» в качестве гемуинных на праалтайском уровне (Räsänen, 1969, 194).

Исторические взаимоотношения между приведенными формами чрезвычайно сложны и запутанны. В перечне названий для «антилопы джейрана» (для краткости будем пользоваться этим вариантом) выделяются, по крайней мере, три разноязычных пласта: исконно тюркский, персидский и, видимо, монгольский. Асингармонические и заднерядные формы несомненно являются фарсизмами; переднерядные формы, представленные в огузских и карлукских языках с инициальным *ž-*, возможно, следует квалифицировать как монголизмы, хотя они могли образоваться и в результате сингармонического выравнивания фарсизма **žejran* по первому палатальному гласному. К исконно тюркскому пласту можно отнести киргизские, алтайские и тувинские формы, хотя и здесь нельзя исключить возможность монгольского влияния. Такая неопределенность генезиса тюркских названий «антилопы джейран» требует детального исследования ис-

торико-этимологических связей данного слова в каждом из конкретных тюркских языков по отдельности.

Форма *ǰejren* ~ *ǰeren* как название «антилопы джейран» в тюркских письменных источниках встречается не ранее чагатайских текстов (с XV в.; Sanglax, 1960, 205, 210; Clauson, 1972, 914), а в турецких – в разных фонетических модификациях – не ранее XVII века (ЭСТЯ, 1989, 24). Написание *ǰirn* у Хамдаллаха Казвини (1339 г.) Н.Н. Поппе читает как *ǰejran* (Поппе, 1925а, 199-200), но в памятниках турецкого языка это слово начиная с XVII века неизменно передается в форме *ǰiran*, т.е. с алифом. Поэтому написание *ǰirn* у Хамдаллаха Казвини следует читать как *ǰeren* или **ǰerēn*, как предполагал Н.Н. Поппе, и отнести к заимствованиям из монгольского. У Ибн Муханны (XIII в.) встречается написание *ǰemeran* в значении «газель» (Мелиоранский, 1900, 055), но эта форма в других источниках аналогий не имеет и, скорее всего, является плодом описки. Отсутствие в ранних тюркских памятниках соответствующего слова наводит на мысль о заимствовании названия «антилопы джейрана» из исторически контактировавших языков.

А.В. Дыбо собственно тюркскими считает кирг. *ǰejren*, алт. *d'ēren*, лобн. *ǰegren*, *ǰegjen*, тув. *ǰēren*, восходящие непосредственно к пратюркскому **jegeren* «антилопа», остальные формы, приводимые обычно в компаративных штудиях, она склонна относить к заимствованиям из монг. *ǰegeren* «тж.» непосредственно или через персидский (СИГТЯ, 1997, 154).

Х. Эрен первоисточником тюркских, персидских и др. форм считает монг. *ǰegeren* «антилопа» (Eren, 1999, 69-70), турецкие же формы, по его мнению, заимствованы через персидское посредство.

Как было уже замечено, асингармонические и заднерядные формы являются фарсизмами. В персидских двуязычных словарях приводится форма *ǰejran* «джейран»; «газель»; «серна» (Рубинчик, 1983, I, 454; Миллер, 1953, 159); *ǰejran* «газель», «серна» с пометой «монг(ольско)-т(юркское)» (Гаффаров, 1976, 226).

А.М. Щербак считает, что «все тюркские наименования джейрана легко свести к двум фонетическим разновидностям: *ǰejran* и *ǰeren*, из которых первая восходит непосредственно к персидскому прототипу, а вторая, очевидно, к нему же, через посредство монг. письм. *ǰegeren*» (Щербак, 1961, 133). При этом он исходит из положения, что «возможность восстановления тюркской праформы для рассматриваемого слова почти наверняка отсутствует» (Щербак, 1961, 133). Напротив, П. Пеллио считает, что наименование джейрана было заимствовано персами у монголов (Pelliot, 1926, 253) и это положение подробно обосновывается Г. Дёрфером (Doerfer, 1963, 301-302, № 171).

Вне всякого сомнения к непосредственным фарсизмам следует отнести такие асингармонические формы, как тур. диал. *ǰejran*, кр.-тат. *ǰejran*, аз. *ǰejran*, уйг. *ǰajran*, *ǰairān* (<**ǰajran*), тур. *ǰejlan* (→ тат. *ǰejlān*, см. Будагов,

1869, I, 449), кр.-тат. *ǰilan*, к.-балк. *ǰalan* (в составе *ǰugut-ǰalan* «косуля», см. Абаев, 1949, 277), а также сингармонически выравненные по второму гласному заднерядные формы, представленные в кумык. *ǰajran* (← огуз.?), узб. *ǰajran*, тур. *ǰajran* (Zenker, 1862, I, 347), каз. *ǰajran*, к.-калп. *ǰajran* (ср. искон. *ǰijren* «рыжий»), уйг. *ǰaran* (Малов, 1954, 150), тур. диал. *ǰalan* «антилопа джейран» и т.п.

Персидские формы *ǰejran* ~ *ǰērā:n* «газель» Г. Дёрфер в свою очередь квалифицирует как среднемонгольские заимствования и выводит из п.-монг. *ǰērān* «газель» (Doerfer, 1963, 301-302). Авторы-составители «Этимологического словаря алтайских языков» считают персидское *ǰejran* заимствованием из тюркского или монгольского: «Pers. *ǰejran* (< Turk. or Mong.)» (EDAL, II, 966). Такая неопределенность и плюралистичность точек зрения на происхождение персидских форм требует более подробного исследования монгольские и тюркские соответствия с формальной и семантической сторон. Обратимся сначала к монгольскому материалу, ср.: прамонг. **ǰegeren* «антилопа, серна, косуля»; *ǰegere* «косуля» (Ковалевский, 1844, 2320); *ǰā:rān* «антилопа» (Lewicki, 1959, 29); *ǰegeren* «дикая коза, козуля, серна» (Голстунский, 1901, III, 346); х.-монг. *ǰēr(en)* «дзерен, антилопа, степная серна»; *ǰēr gōrō:s* «дзерен, антилопа» (БАМРС, II, 257); бур. *zērēn* «антилопа-дзерен», «степная серна»; ст.-калм. *ǰēren* «серна» (Позднеев, 1911, 263); калм. *zērēŋ* «джейран»; «козуля, серна, антилопа» (Ramstedt, 1935, 474); ойр. *zēren* «антилопа» (Тодаева, 2001, 157); в наречиях Внутренней Монголии: (хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., онн., найм., хеш., тум., чах.) *ǰēr*; орд. *ǰēre*; шгол. *ǰēr* «антилопа-дзерен, серна» (Тодаева, 1981, 162); дагур. *ǰēren*, *ǰēre* «антилопа» (Тодаева, 1986, 143) и т.п.

По фонетическим причинам персидская форма *ǰejran* не может быть выведена ни из письменного монгольского *ǰegeren*, ни из современных монгольских форм типа *ǰēr(ēn)*, так как, во-первых, трудно объяснить корреляцию монг. -g- ~ перс. -j-, во-вторых – переход монгольского сверхкраткого безударного *ē* в широкий гласный заднего ряда *a* в персидском.

В тюркских языках историческое развитие интервокального -g- > -j- в словах с негубными гласными переднего ряда вполне закономерно. Не требует особых объяснений и отражение тюркского подударного *e* конечного слога как *a* в персидском, где этот гласный является более передним по артикуляции, чем тюркское *a*. Звук *a* в персидском представляет собой «нелабиализованный гласный нейтрального продвинутого вперед ряда, нижнего подъема; более передний по артикуляции, чем русское *a*, но значительно меньше продвинут вперед и артикулируется при более низком положении языка, чем персидское *ā*» (ОИЯ, 1982, 22).

Поводом для квалификации персидского *ǰejran* как монгольского заимствования для П. Пеллио, Г. Дёрфера и некоторых других компаративистов, очевидно, послужило полное совпадение анлаутного *ǰ-* в монгольских и персидских формах при древнетюркском *j-*. Однако следует учитывать,

что в восточнотюркских диалектах инициальный *ǰ* проявляет себя очень рано, поэтому не случайно Дж. Клоусон относит заимствование монгольским языком слова *ǰegeren* «антилопа-джейран» из тюркского ко второму периоду. К этому следует добавить, что ареал джокающих тюркских языков до сих пор охватывает восточную территорию тюркской айкумены, ср.: каз. *ǰ-*, к.-калп. *ǰ-*, кирг. *ǰ-*, алт. *d'-*, хак., шор., чулым., тув., тоф. *ǰ-*, якут. *s-*; на западе сюда примыкают карачаево-балкарский (*ǰ* ~ *ǰ-* ~ *z-*), и казанско-татарский (где *ǰ*-, скорее всего, под влиянием болгарского субстрата), и, что особенно важно, чувашский (*ǰ*- < волж.-булг. *ǰ* ~ пратюрк. *j-*). С учетом болгаро-чувашских рефлексов пратюркского **j-* (или **θ*-, см. Щербак, 1970, 79 и след.) монгольские тюркизмы с инициальным *ǰ* смело можно отнести и к эпохе праболгарско-прамонгольских контактов. С учетом сказанного, можно достаточно уверенно утверждать, что персидская форма *ǰejran* «антилопа джейран» является заимствованием или из восточнотюркского (чагатайского), или же из праболгарского языка.

Что касается другой персидской формы *ǰerān* с переднерядным вокализмом, то ее можно с одинаковым успехом отнести как к тюркским, так и к монгольским заимствованиям, так как в ней отсутствуют какие-либо дифференцирующие признаки.

Р.В. Севортян туркменское *ǰeren* и уйгурские *ǰegren* и *ǰeg'en* склонен объяснять как монгольские заимствования, ибо в туркменских источниках форма *ǰejran*, из которой могло развиваться *ǰeren*, не приводится (ЭСТЯ, 1989, 24). Туркменские *ǰeren*, однако, с равным успехом можно квалифицировать и как заимствование из кыпчакских языков. Уйгурские же формы могут быть продолжением восточноиранских форм из джокающих древних наречий. Чтобы решить этот вопрос однозначно, следует обратиться к диахронотопологическим характеристикам данных форм.

Г. Дёрфер к обратным заимствованиям из монгольского относит чагатайское *ǰerān* «антилопа джейран, газель», зафиксированное в «Бабурнаме» и словаре Паве де Куртейля, ряд турецких диалектных форм (*ceren*, *ceran*, *seyran*), а также тувинское *ǰä:rān* «антилопа-джейран» (Doerfer, 1963, 302).

Монгольское слово проникло в ряд тунгусо-маньчжурских языков, ср.: сол. *ǰigrē*: ~ *ǰegerē* «антилопа», уд. *ǰeli* «косуля, коза (дикая)»; маньчж. *ǰeren* «косуля, коза (дикая)» (Новикова, 1972, 118-119, 127; ТМС, I, 282). Эти формы представляют определенный интерес для более детального изучения формальной истории слова в монгольском языке.

В монгольских языках бытует однокоренное слово **ǰegerde* «рыжий (о масти лошади)», ср.: п.-монг. *ǰegerde*, *ǰigerde* «рыжий (о лошади)» (Kowalewski, 1844, 2320, 2326); х.-монг. *ǰerdē* «рыжий (о масти лошади)»; *ulān ǰerdē* «красно-рыжий» (БАМРС, II, 257); бур. *zērdē* «рыжий (о масти лошади)»; *zērdē-χēn* «рыженький»; ст.-калм. *zērde* «рыжий» (Позднеев,

1911, 263); калм. *zērdē* «рыжий (о масти лошади)»; «цвета серны, светло-коричневый, ярко-коричневый» (Ramstedt, 1935, 474); ойр. *zērdē* «рыжий (о масти лошади)»; в наречиях Внутренней Монголии (хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., онн., найм., хеш., харч., тум., чах.) *zērd*, (шгол.) *zērd* «рыжий (о масти лошади)» (Тодаева, 1981, 162); дагур. *žērdē*, *žergērdē* «рыжий (о масти)» (Тодаева, 1986, 143) и др. Это слово образовано на монгольской почве в результате наращенного дополнительного аффикса *-de* к заимствованной из пратюркского языка основе **jeger* «рыжий» (см. выше).

Данное монгольское слово в золотоордынскую эпоху проникло в некоторые тюркские языки, ср.: уйг. *žārdā* «рыжий (о масти лошади)»; «светло-кофейного цвета, коричневый, гнедой (масть лошади)» (Малов, 1954, 150); *žērdē at* «рыжая лошадь с рыжим хвостом» (Jarting, 1964, 95); лобн. *žejde* «масть лошади: рыжая» (Малов, 1956, 110); тар. *jārdā* «рыжая лошадь» (Радлов, III, 627), кирг. *žērdē* «рыжий»; *žērdē at* «рыжий конь»; *žērdē saqal* «рыжая борода», «рыжебородый» (Menges, 1955, 717; Doerfer, 1963, 289-290; № 158; 1975, 184; ЭСТЯ, 1989, 22-24; EDAL, II, 966). Э.В. Севортян допускает существование в пратюркском формы **jegerde* (<**jeger* «рыжий») с наращением морфологического элемента *-de* неясной природы), послужившей источником монгольских форм (ЭСТЯ, 1989, 23), однако подобная форма не представлена в письменных памятниках и не находит поддержки в живых тюркских языках. Тем не менее, для прамонгольского **žegērdē* «рыжий» можно реконструировать тюркский архетип **žeger-di* (<**jeger-li* «имеющий рыжий цвет» с нетривиальным позиционно обусловленным развитием *l > d* после *r*).

Из монгольского языка данное слово проникло в персидский, ср.: перс. *žārde* «полукровный (от отца-араба) конь» (Гаффаров, 1976, I, 211); *čārde* «цвет, масть»; «гнедая масть»; «гнедой конь» (Гаффаров, 1976, I, 233); *čārde* «цвет, масть»; «гнедая масть» (Миллер, 1953, 163); *žārde* «конь-полукровка (от арабского производителя)» (Миллер, 1953, 149); *žorde* «кастрированный (о коне)»; «полукровка-арабка» (Рубинчик, 1983, I, 433); *čārde* «цвет (лица)»; «масть (лошади)» (Рубинчик, 1983, I, 466); *žerdā* «рыжий, цвета лисы» (Doerfer, 1963, 289-290). Весьма показательным отражением инициального *ž* в бесспорном монгольском заимствовании в персидском как *č*-, ср.: ср.-монг. *žērdē* «рыжий» → перс. *čārde* «гнедая масть». В тюркском заимствовании *žejran* ~ *žērān* «газель» подобная корреляция инициального *ž* не отмечена (см. выше).

В тунгусо-маньчжурских языках соответствующие формы, судя по их фонетическому облику, являются среднемонгольскими заимствованиями, ср.: эвенк. *žērdē*, сол. *žērdē*, манж. *žerde*, *jerde* «рыжий (о масти лошади)» (Новикова, 1972, 118-119; ТМС, I, 285; Doerfer, 1985, 136).

Тюркские и монгольские формы напрямую и через посредство иносистемных языков проникли в целый ряд исторически контактировавших языков.

Подробнее см.: Владимирцов, 1925, 340; 1929, 194; Поппе, 1925, 199 и след.; Pelliot, 1926, 253; Санжеев, 1930, 701; Ramstedt, 1935, 474; Räsänen, 1949, 118; 1969, 125, 194; Menges, 1955, 717; Poppe, 1960, 60; Щербак, 1961, 133; Doerfer, 1963, 289-220, 301-302; 1975, 184; 1985, 136; Фасмер, 1964, I, 510-511; II, 95, 116-117; Егоров, 1964, 223; Clauson, 1972, 914; Новикова, 1972, 118-119, 127; Номинханов, 1975, 222; Шипова, 1976, 212, 124; ТМС, I, 282, 285; ЭСТЯ, 1989, 22-24, 24-25; Эхмэтьянов, 1989, 78-79; 2001, 67, 71; Черных, 1993, I, 332; Федотов, 1996, II, 149-150; 2002, 297; СИГТЯ, 1997, 154; Ерен, 1999, 69-70 (см. дополнительную литературу); Аникин, 2000, 186, 201-202, 213, 665; EDAL, II, 966 и др.

ЖАЙЫЛ- (*žajil-*) «простира́ться»; «расстила́ться»; «развалива́ться»; «распростра́няться»; «пасти́сь»: *mal žajilip žür* «скот пасется»; *žajil-* «распростра́няться (молва)», «разлива́ться (вода)»; «пасти́сь (скот)» (Катаринский, 1898, 66) < пратюрк. **jādil-* (<**jād-il-*, страд. от *jād-*, см. каз. *žaj-*) «распростра́няться»: др.-тюрк., карах. (МК, КБ) *jadil-* «распростра́няться»; «радова́ться, восторга́ться»; *jadil-* «распростра́няться»; «рассеива́ться»; «быть разлаже́нным»; «растека́ться о жидкости» (ДТС, 223); карах., др.-уйг. *jajil-* «распростра́няться»; «рассеива́ться»; «колеба́ться, кача́ться»; «проявля́ть непостоя́нство»; «разлива́ться (о жидкости)» (ДТС, 226); карах. (МК, КБ) *jazil-* «развяза́ваться»; «распуска́ться (о волосах, косах)»; «распуска́ться, растека́ться»; «раскрыва́ться»; «распростра́няться»; «распуска́ться (о цветке)» (ДТС, 251); туркм. *jajil-* «простира́ться», «раскидыва́ться»; *jājil-* «быть раската́нным, раската́ваться (о тесте)»; «быть распу́щенным, распуска́ться (о волосах)»; «расправля́ться, разворачи́ваться»; «умиля́ться, любова́ться»; «распростра́няться, разглаша́ться»; тур. *jajil-*, аз. *jajil-*, гаг. *jajil*; узб. *jajil-*, уйг. *jejil-*, лобн. *jail-*; кумык. *jajil-*, кар. *jajil-*, к.-балк. *žajil-*; тат. *žäjäl-*, башк. *jäjäl-*; ног. *jajil-*, к.-калп. *žajil-*; кирг. *žajil-*, алт. *d'ajil-*, тел. *d'ajil-*; хак. *čazil-* «выздора́вливать, попра́вляться»; *čajil-*, шор. *čajil-*; саг., шор. *čazil-* «разверну́ться»; «выздора́вливать» (Радлов, III, 1911-1912); тув. *čajil-*; ср. еще уйг. *jadil-* «распростра́няться, разлива́ться» (Радлов, III, 77, 211); алт., тел., леб., ком., уйг. *jazil-* «раскрыва́ться», «развяза́ваться», «распуститься» (Радлов, III, 233); чув. *jejäl-* «разлива́ться (напр., о реке)»; «располза́ться, расплыва́ться (напр., о тесте, жидкостях)»; «улыба́ться, смея́ться», «расплыва́ться в улы́бке» (← тат.); соб. чув. *šuräl-* «раскрыва́ться, распука́ться (о почках, листьях, цветах)» и т.п. < прабулг. **žādil-* «распуска́ться», «раскрыва́ться» → прамонг. **žadula-* «раскрыва́ть(ся)»; «развяза́ывать», «раскладыва́ть»; п.-монг. *žadula-*, *žadala-*, *žadal-* «тж.» (Lessing, 1960, 1021); х.-монг. *zadla-* «раскрыва́ть, вскрыва́ть»; «развяза́ывать, развертыва́ть»; «распеча́тывать»; «распаковы́вать»; «расплетать (косу)»; «раскладыва́ть (на составные части)»; «размени́вать» (БАМРС, II, 198); бур. *zadäl-* «вскрыва́ть, распеча́тывать (письмо)»; «развертыва́ть (завернутое, свернутое)»; «расплетать, распука́ть (косы, волосы)»; «раздергива́ть, раскручи́вать (шерсть)»; «раскладыва́ть (на составные части)»; «раскупорива́ть, вскрыва́ть (бутылку, варенье)»; «вскрыва́ть (труп)»; «развяза́ывать, разматы́вать (веревку)»; «развали́вать, ломать (дом)»; «разреза́ть (тушу по суставам)»; «начина́ть (запас мяса, варенье, бочку чего-либо)»; калм. *zadäl-* «поджига́ть, провоци́ровать (напр., войну)» (ср. Ramstedt, 1935, 463); ойр. *zadäl-* «раскрыва́ть, вскрыва́ть» (Тодаева, 2001, 149) и др.

Монгольская форма **žadulä-*, судя по ее морфологической структуре, является несомненно тюркским заимствованием. В пользу этого положения свидетельствует также ранняя фиксация слова в тюркских письменных памятниках (с VIII в., см. Clauson, 1972, 890), а еще и своеобразная «технологичность» всего комплекса значений в монгольских языках (в тюркских

языках семантический спектр данного слова намного шире и охватывает, кроме чисто технологических процессов развертывания, вскрытия, раскладывания и т.п., естественно-натуральные, природные процессы и явления (напр., «растекаться (о жидкостях)»; «разливаться (о реке)»; «распускаться (о листьях, цветах и т.п.)», чего нет в монгольских языках. Тюркское слово проникло в монгольский явно в узком специализированном значении и дальнейшее развитие семантического спектра во всех монгольских языках происходило явно в технологическом русле («распечатать (письмо)»; «раскупоривать (бутылку, банку)»; «трепать, т.е. раскладывать, раскидывать шерсть» и т.п.).

М.Р. Федотов тюркские формы ошибочно сопоставляет с п.-монг. *jegüle*- «переливать; пересыпать».

Подробнее см.: Федотов, 1992, 37; 1996, I, 141-142; 2002, 70; см. еще Егоров, 1964, 61; Räsänen, 1969, 177; ЭСТЯ, 1989, 76-77; EDAL, II, 1525. См. каз. *žaj*-.

ЖАҚ (*žaq*) «сторона», «край»; *žaq* «бок», «сторона», «щека»; *miner žaq* «левая сторона» (с нее садятся всегда на лошадь); *qamsī žayī* «правая сторона» (нагайку держат в правой руке) (Катаринцев, 1897, 67) ← ср.-монг. **žaq(ä)* «край», «окраина» (← пратюрк. **jaqa* «край», «берег»; «ворот, воротник»); ср.: ср.-тюрк. (огуз. с XIII в.) *jaq* «сторона» (ЛОК, 41; ДТС, 237); туркм. диал. *jāq* (долгота гласного, очевидно, отражает подударный *a* в монгольском источнике); узб. *jəq*, уйг. *jaq*, лобн. *jaq*; кумык. диал. *jaq*, кар. *jaq*, к.-балк. *žaq* «сторона»; «защита, поддержка»; «заступник, защитник»; «родственник, родич»; тат. *jaq*, башк. *jaq*, бар. *jaq*, тоб. *jaq*, ног. *jaq*, к.-калп. *žaq*, кирг. *žaq*, с.-юг. *jaq*, *žaq* «сторона», «край», «бок» (ЭСТЯ, 1989, 82; EDAL, II, 1542); ср. еще чув. *jek* «нрав, расположение, повадки» < *«сторона», *jekke jar-* «прилаживаться», «ублажать», «потакать» ← тат. диал. *jäk* «сторона»; к семантике ср. тат. *jayna awdar-* «склонять на свою сторону» (см.: Егоров, 1964, 61; Федотов, 1996, I, 142; 2002, 71, где приводятся некорректные сближения).

В этимологических словарях тюркское **jāq* обычно трактуется как исконное слово, однокоренное с омонимичной глагольной основой **jaq-* «приближаться» (при этом различие в количестве гласного игнорируется) и возводится к гипотетической производящей основе **ja* (или **jā*); эта же основа выделяется в **jān* «сторона». В целом же слово **jāq* «сторона» считается вторичной основой, образованной от **ja* при помощи аффикса *-q* (Рорре, 1926, 120-121). Основа **jāq* выделяется также в составе тюркских слов *jaŋu-* «приближаться», *jaqin* «близкий» (ЭСТЯ, 1989, 62-63; 82, 84).

В алтаистических исследованиях тюрк. **jāq* «сторона», «край» обычно сопоставляется в качестве генуинного на алтайском уровне с монг. *jaqa* «край, ворот» (см. каз. *жаға* «воротник»). Н.Н. Поппе данное тюркское слово сближает с монгольским *daya-* «следовать», считая их генетически родственными (Рорре, 1960, 22; Räsänen, 1969, 180; см. каз. *жақ-* «приближаться»). Ш. Сарыбаев казахское *žaq* и монг. *жах* «край, окраина» считает «обще-казахско-монгольским словом» (Сарыбаев, 2000, 153). В новом «Этимологическом словаре алтайских языков» тюрк. **jāq* «сторона» сближается с монгольским **žig* «сторона, направление» и тунгусо-маньчжурским **žuku-* «дорога», «угол» (EDAL, II, 1542), однако при этом возникают серьезные фонетические трудности из-за несоответствия вокализма: тюрк. *a* – широкий неогубленный гласный заднего ряда, а монгольский *ü* – узкий губной переднего ряда. Во всяком случае такое экстраординарное фонетическое соответствие требует подробного объяснения. Простое сложение фонетических особенностей заведомо несопоставимых слов в одном архетипе **žōke* и обратное выведение из него реально существующих в тюркских, монгольских и других языках форм напоминает простую эквилибристику и не обладает никакой доказательной силой.

С формальной стороны сближение тюрк. **jāq* «сторона» и монг. *žaq(ä)* «край», «берег», «окраина», «граница»; «ворот(ник)» является безупреч-

ной, но требуют объяснения истинные взаимоотношения между этими словами. С чем мы в данном конкретном случае имеем дело: с генетическим родством тюркских и монгольских языков, тюркским заимствованием в монгольском, монгольским заимствованием в тюркском, общим автономным заимствованием в том и другом из третьего языка или, наконец, просто случайным совпадением? Чтобы найти единственно правильный ответ на этот клубок сложных вопросов, прежде всего следует разобраться, какое место занимают эти слова в каждом из этих двух языковых стихий. Начнем с тюркских языков. Выясняется следующее:

1) в ранних тюркских письменных памятниках домонгольской эпохи, в том числе и в таких объемных источниках, как «Диван» Махмуда Кашгари, «Кутадгу билиг» Юсуфа Баласагуни и др., интересующее нас слово полностью отсутствует; впервые оно появляется в тексте «Легенды об Огуз-кагане» XIII в., дошедшем до нас в единственном списке XV в. уйгурским письмом, который, по мнению авторитетных специалистов, содержит значительное количество монгольских слов и форм, скорее всего, вследствие двуязычия составителя, большого практического знания им монгольского языка (Щербак, 1997, 13-14);

2) в тюркской языковой стихии слово **jāq* «сторона» имеет узколокальный характер и распространен, главным образом, в кыпчакских и карлукских языках; в огузских, кыргызских, тобаских, якутских и болгарских языках оно практически отсутствует;

3) по сравнению с монгольскими языками, семантика слова **jāq* в тюркских языках значительно уже; в них отсутствуют такие семемы, как «граница»; «рынок, базар»; «ворот, воротник»; «штука, рулон» и т.п.

Все эти характерные особенности в их совокупности свидетельствуют в пользу мнения о проникновении данного слова в тюркские языки из среднемонгольского.

В свою очередь монгольское *ᠵага* «ворот, воротник»; «край», «граница», «берег» является тюркизмом (Щербак, 1997, 122, 176). Монгольские соответствия (см. каз. *жага*) отражают фонетические особенности относительно раннего пласта тюркских заимствований в монгольских языках (Ligeti, 1961, 39). Неоалтаисты придерживаются точки зрения, согласно которой пратюркский инициальный **j-* в наиболее ранних тюркизмах в монгольском отражается как *d-*, в менее древних – как *ᠵ-* и как *j-* в поздних заимствованиях. Следовательно, монгольское **ᠵага* «ворот», «край» следует отнести к заимствованиям второго периода.

В целом история данного слова в схематическом изложении представляется следующим образом: пратюрк. **jaqa* «край», «берег», «ворот», «воротник» ~ прабулг. **ᠵага* (~ чув. *ᠰуҫа* «ворот, воротник») → прамонг. **ᠵага* «край, окраина», «ворот(ник)» > ср.-монг. **ᠵаг(ā)* «тж.» (ср. х.-монг. *ᠵаᠬ* «край, окраина», «граница»; «ворот», «воротник»; подробнее тюрк. и монг. примеры см. под каз. *жага* «воротник») → ср.-карлук., кыпч. *jaq* «сторона»

на», «край», «бок» > каз. *žak* «сторона», «край». Поскольку данный монголизм представлен во всех кыпчакских языках, то время его заимствования следует датировать XIII в.; в карлукские языки, очевидно, он проник в это же время, но автономно от кыпчакских; туркменское диалектное *jāq*, судя по долготе, видимо, заимствовано непосредственно из монгольского.

Подробнее см.: Поппе, 1924-1925, 310; Ramstedt, 1935, 463-464; Poppe, 1955, 136-137; Räsänen, 1955, 21; 1969, 180; Ligeti, 1961, 39; Егоров, 1964, 61; Clauson, 1972, 898; Doerfer, 1975, 103-104; Иллич-Свитыч, 1976, 92; ЭСТЯ, 1989, 62-63, 82-84; Федотов, 1996, I, 142; 2002, 71; Щербак, 1997, 122; Эхмэтьянов, 2001, 261; EDAL, II, 984, 1542.

ЖАҚ- (*žaq-*) «годиться, быть к лицу»; «нравиться», «угодить»; кирг. (= каз.) *žaq-* «приличным, угодным быть», «годиться», «нравиться»; *Qudajya žaqqañ* «угодивший Богу», «праведник» (Катаринский, 1897, 67) < пратюрк. **jaq-* «приближаться, подходить» ~ прабулг. **žaq-* «тж.»; др.-тюрк., др.-уйг. *jaq-*, карах. *jaq-*; туркм. *jaq-*, тур. *jaqış-*, гаг. *jaqış-*; уйг. *jaq-*, узб. *jəq-*, кумык. *jayıl-*, тат. *jaq-*, башк. *jaq-*, к.-калп. *žaq-*, кирг. *žaq-* «нравиться», «быть на пользу» и т.д.; в других тюрк. языках главным образом в составе производных (см. каз. *жақсы, жақын*) (Clauson, 1972, 896-899; ЭСТЯ, 1989, 63-64)

→ прамонг. **daqa-*, **daya-* «следовать за кем-либо»; ср.-монг. *daqa-* (НУ, 33, SH), п.-монг. *daya-* «следовать» (Lessing, 1960, 216); х.-монг. *dayā-* «следовать за кем-чем-либо», «сопутствовать», «сопровождать», «идти вместе», «ходить следом»; «исполнять, восполнять», «соблюдать, придерживаться»; «служить руководством в делах» (см. БАМРС, II, 17); бур. *daχā-* «следовать за кем-либо», «сопутствовать кому-либо», «сопровождать кого-либо»; «быть последователем кого-либо»; «исполнять, соблюдать (обычай, правило)»; калм. *daχā-* «следовать, сопутствовать»; «быть последователем кого-либо»; «подчиняться, покоряться» (см. Ramstedt, 1935, 72); орд. *daGa-*, даг. *daga-*, *dahe-*, дунс. *daGa-*, баоань. *daGa-*, *degə-*, монгол. *daGā-* «следовать, идти за кем-либо» (Тодаева, 1973, 327; EDAL, I, 458-459).

Дж. Клоусон исходным значением тюркского *jaq-* считает значение «приближаться» и указывает на очевидную связь этого глагола с *jaγu-* в том же значении (Clauson, 1972, 896-897; см. также ЭСТЯ, 1989, 62-63; каз. *жуу* «прикасаться», «подходить близко»), но характер этой связи остается неясным. В алтаистических исследованиях тюркские, монгольские, а также тунгусо-маньчжурские формы (**daχa-* «следовать, подчиняться») традиционно рассматриваются как общее наследие праязыковой эпохи, однако, судя по фонетическим критериям, монгольские формы относятся к ранним тюркским заимствованиям первого периода (по Дж. Клоусону), а тунгусо-маньчжурские формы явно заимствованы из монгольского.

Подробнее см.: Поппе, 1924, 309; 1925, 25; Ramstedt, 1935, 72-73; Севортян, 1962, 382-383; Räsänen, 1969, 178, 180; Иллич-Свитыч, 1971, 215-216; Clauson, 1972, 896-899, 901, 904, 905, 908-909; Doerfer, 1975, 179; 1985, 142; ЭСТЯ, 1989, 62-63, 81; Старостин, 1991, 15, 26-27, 71, 278; EDAL, I, 458-459.

ЖАҚСЫ (*žaqsı*) «хороший», «добрый» < пратюрк. **jaqıſı* (<**jaqıſ-* «подходить, быть соответствующим» + деривационный афф. *-ı*; см. *жақ-* «годиться», «нравиться»); ср.: др.-тюрк. *jaqſı* «хороший», «добрый» (ДТС, 238); карах. *jaχſı* «хороший» (ДТС, 250); туркм. *jaGſı*, тур. *jakſı*, аз. *jaχſı*; сал. *jaχſı*; уйг. *jaqſı*, узб. *jaχſı*, лобн. *jaqſı*; кумык. *jaχſı*, кар. т. *jaqſı*, кар. г. *jaχſı*, к.-балк. *aχſı*, кр.-тат. *jaχſı*; тат. *žaqsı*, башк. *jaqſı*; ног. *jaχſı*, к.-калп. *žaqsı*; кирг. *žaqsı*, алт. *jaqſı*, *d'aqſı*; хак. *čaχſı*, шор. *čaqsı*, саг. *čaqsı* «хороший», «прекрасный», «красивый», «лучший» и т.п. (Clauson, 1972, 908; Räsänen, 1969, 180; ЭСТЯ, 1989, 63-64).

Все исследователи единодушно считают общетюркское *jaqſı* «хороший» производным от глагола *jaqıſ-* «подходить, быть соответствующим» (взаимно-совм. от *jaq-* «подходить»). Родственные связи этих слов отмечены Л.З. Будаговым (1871, II, 350), В.В. Радловым (III, 35-36). В. Банг полагал, что *jaqſı* – деепричастная форма от основы с взаимно-совместным значением (Bang, 1919, 29). Г. Дёрфер склонен видеть здесь не «герундиум», а отглагольное имя с афф. *-ı* (Doerfer, 1979, 179, № 1869); Дж. Клоусон называет *jaqſı* полифункциональным именем (noun / adjective) (Clauson, 1972, 908).

Глагольная основа *jaq-* «подходить» проникла в монгольские языки (см. *жақ-*) и выделяется в составе целого ряда производных слов, ср., например: х.-монг. *dayā* «следующая вторая бабка, выпавшая в игре»; *dayā oro-* «сдаваться, капитулировать», «переходить на сторону кого-либо»; «складывать оружие»; «принимать гражданство, подданство»; *dayāwār* «следующий за кем-чем-либо»; «дополнительный, побочный, сопутствующий», «придаточный»; «словообразовательный суффикс»; *dayāwārlā-* «сопутствовать»; *dayāysād* «последователи»; *dayāyč* «идуший по следам»; «сопровожающий», «спутник»; «попутчик»; «слуга»; «последователь, приверженец»; *dayālyā* «примечания, пояснения к тексту»; *dayāldān* «вслед, следом, по пятам»; *dayāldā-* «следовать друг за другом»; «идти, ехать вслед за кем-либо»; *dayalt* «сопровожающие лица», «свита», «слуга», «телохранитель» и т.д., и т.п. (см. БАМРС, II, 15-17). Такое широкое деривационное поле в монгольских языках является дополнительным аргументом в пользу раннего проникновения тюркского глагола *jaq-* «подходить» в монгольские языки.

Подробнее см.: Bang, 1919, 29; Deny, 1920, § 371; Ramstedt, 1935, 72-73; 1936-1937, 15; Joki, 1952, 142-143; Brockelmann, 1954, §§ 22, 116; Ramstedt, 1957, 96; Räsänen, 1969, 178, 180; Иллич-Свитыч, 1971, 215-216; Clauson, 1972, 908-909; Doerfer, 1975, 179; 1985, 142; ЭСТЯ, 1989, 63-64; Старостин, 1991, 15, 26-27, 71, 278; EDAL, I, 458-459.

ЖАҚЫ (*žaqi*) «доха из шкуры жеребенка» (КТДС, 105); *tajzaqi* «дубленка, шуба из кожи стригунка» ← пратюрк. **jaqi* «плащ», «шуба» < **jaγ-«идти (о дожде, снеге)»* + именной деривационный афф. *-γи* «дождевой плащ, дождевик» (Clauson, 1972, 898), ср.: др.-тюрк., карах. *jaγqi* «плащ» (МК, III, 227; ДТС, 225); *jaqi* «непромокаемый плащ» (Brockelmann, 1928, 78; Dizin, 1972, 142); ИМ *jaqi* «шуба (мехом вверх)» (Battal, 1934, 84; Малов, 1928, 245); башк. диал. *jaqı* «облезлая шкура», «выделанная шкура» (ДСБЯ, 2002, 107); бар. *jaγi* «доха» (Радлов, III, 41); кирг. диал. *žaqi* «доха из шкуры жеребенка» (Мукамбаев, 1972, 595); алт. *d'aqa, d'aqi* «доха»; *jaqqı, d'aqqı* (алт., тел.) «доха, шуба из меха дикого козла, надеваемая шерстью наружу»; «шуба с отложным воротником из сурковых шкур» (Радлов, III, 32); алт. *jaqa* «доха» (ГАЯ, 166; Вербицкий, 1884, 70; Будагов, 1871, II, 335); тув. *čayı*; тоф. *čayı* «доха, шуба», «доха»; якут. *saγınnaχ, saγınjaχ* «доха»; «длиннополый женский меховой кафтан, надеваемый шерстью наружу» (Пекарский, 1925, 2020); *saγınjaχ* «доха, шуба из звериной шкуры, шерстью наверх, наружу, надеваемая поверх другой»; «женская нарядная шуба из дорогих лисьих, бобровых и рысьих мехов»; у долган: «женский верхний костюм, похожий на поддевку, шьется из пыжей»; «шуба суконная, летняя, женская (также бисерная)»; «накидка» (Пекарский, 1926, 2086-2087); *saγnjaχ, saγınnaχ, saγinjaχ* «доха» (Пекарский, 1925, 2020, 2086-2087; Аникин, 2000, 482).

Это слово, по мнению Дж. Клаусона, было заимствовано в монгольский язык в виде *daqi* «меховой плащ мехом наружу» (Clauson, 1972, 898). Монгольские параллели к тюркскому **jaqi* «меховой плащ», «шуба (мехом наружу)» приводили З. Гомбоц (Gombocz, 1905, 267); Н.Н. Поппе (Porre, 1926, 104; 1958, 96), Г.Й. Рамстедт (Ramstedt, 1935, 72), М. Рясänen (Räsänen, 1969, 130, 180) и др. (см. ЭСТЯ, 1989, 60-61; СИГТЯ, 1997, 476) в качестве гениунных на алтайском уровне соответствий (EDAL, II, 884). Однако слово **jaqi* (< **jaγqi* ~ **jaγγı* < *jaγ-* «идти, падать (об атмосферных осадках)» + именной деривационный афф. *-qi* ~ *γı*) «плащ, накидка (от дождя)» хорошо этимологизируется на тюркском языковом материале и не поддается морфологическому членению на монгольской почве. Поэтому соответствующие монгольские формы обоснованно квалифицируются как древнейшие тюркские заимствования наиболее раннего, первого периода, ср.:

пратюрк. **jaqi* ~ прабулг. **žaqi* «меховая накидка от дождя», «плащ», «шуба» → прамонг. **daqi* «меховая накидка», «шуба»: ср.-монг. *daqi* (SH), п-монг. *daqi* «шуба с вывороченною вверх шерстью» (Голстунский, 1901, III, 11); х.-монг. *daχā* «доха», «меховая шуба»; бур. *daχā* «доха», «зимний тулуп»; калм. *daχā* «зимний тулуп» (Ramstedt, 1935, 72; Номинханов, 1975, 128); орд. *daχı*, дагур. *dagu*, монгор. *daχı, dāχı*; ойр. *daχā* «доха» (Тодаева, 2001, 117) и др. (см. Clauson, 1972, 898; Doerfer, 1975, 283-284).

Монгольские формы Г. Дёрфер выводит из раннебулгарского **daŋqi* (Doerfer, 1975, 283-284), А.М. Щербак ограничивается указанием на их тюркское происхождение (Щербак, 1997, 121, 176).

Тюркское слово было зимствовано в русский язык, ср.: тюмен., перм., заурал. *jega* «шуба из собачьей или козьей шкуры, считающаяся шерстью наружу»; амур. «шуба из собачьей шкуры мехом наверх»; *jaga* «одежда вроде халата из собачьего меха шерстью наружу» (Фасмер, IV, 543; Шипова, 1876, 432-433; Аникин, 2000, 195-196, 721).

Монгольские формы в свою очередь проникли в некоторые тюркские (ср. чаг. *daqi* «шуба шерстью наружу»; «овечья шкура»; каз. *daqa* «доха»; *dāqi* «курточка из телячьей шкуры с короткими рукавами»; «жеребковая доха» и др., см. Räsänen, 1969, 130), тунгусо-маньчжурские (эвенк. *daqi* «название меховой одежды мехом вовнутрь»; «женский меховой нагрудник»; «меховая одежда из собачьих шкур»; «старая зимняя доха мехом наружу»; сол. *daŋi* «доха, шуба», эвен. *daŋa* «доха, шуба», нан. *daŋo*, *daŋu* «халат, который дарился отцом невесты жениху после сватовства»; «шуба из бараньего меха»; маньчж. *daŋi* «шуба мехом вверх», см. Poppe, 1960, 55; 1966, 195; ТМС, I, 192; Doerfer, 1985, 37; Rozycki, 1994, 53), русский (сиб. *daŋa* «шуба шерстью наружу»; «большая шуба с подкладкой из меха, надеваемая поверх пальто или шубы», см. Фасмер, I, 485; Аникин, 2000, 179) и другие языки (подробнее см. Doerfer, 1975, 283-284).

Общая картина исторических взаимоотношений данного слова в алтайских языках представляется в следующем виде: пратюрк. **jaŋqi* ~ прабулг. **žaŋqi* «меховая накидка от дождя», «плащ», «шуба» → прамонг. *daqi* «меховая накидка», «шуба» > ср.-монг. *daŋā* «доха», «меховая шуба» → тюрк. *daqi* «доха», «шуба (шерстью наружу)»; т.-маньчж. *daqi* «меховая одежда». В казахском, киргизском, чагатайском и некоторых других тюркских языках столкнулись исконные формы (каз. *žaŋi*) и обратные заимствования из монгольского (каз. *daqa*, кирг. *daqi*).

Слово имеет сложную историю и богатую библиографию, см.: Gombocz, 1905, 267; Poppe, 1926, 104; 1958, 96; 1966, 195; Ramstedt, 1935, 72; Матвеев, 1959, 80; Фасмер, I, 485, 532; IV, 543; Räsänen, 1969, 130, 180; Добродомов, 1975, 25; Номинханов, 1975, 128; Doerfer, 1975, 283-284; ТМС, I, 488, 516; Шипова, 1976, 432 (ошибочно), Аникин, 1988, 137; Clauson, 1977, 898; Рассадин, 1977, 227; ЭСТЯ, 1989, 60-61; Rozycki, 1994, 53; СИГТЯ, 1997, 476; Щербак, 1997, 121, 176; Stachowski, 1998, 96; Аникин, 2000, 179, 195-196, 482, 721; EDAL, II, 884.

ЖАҚЫН «близко», «недалеко»; «родственник», «родич» < пратюрк. **jaqin* «близкий» (<**jaq-* «приближаться» + именной деривационный афф. -*in*), ср.: др.-тюрк., др.-уйг. *jaqin*, карах. *jaqin* (МК); туркм. *jaqin*, тур. *jakın*, гаг. *jaqin*, аз. *jaqın*, сал. *jaqın*, кр.-тат. *jaqin*; узб. *jaqin*, уйг. *jeqin*, *jaqin*, лобн. *jaqin*, *jeqin*; кар. *jaqin*; тат. *jaqın*, *žaqın*, башк. *jaqin*; ног. *jaqin*, к.-калп. *žaqin*, кирг. *žaqin*; хак. *čaqın*, шор. *čaqın*, с.-юг. *jahGin* «близкий», «близко»; чув. *jaqın* «близкий», «приблизительно» (← тат. *jaqın* «близкий») и т.д. (Clauson, 1972, 904; ЭСТЯ, 1989, 84; EDAL, I, 458-459).

Тюркологи, начиная с А. Вамбери, включают *jaqin* в одно гнездо с *jān* «бок, сторона», *jāq* «сторона» и т.д. (Vámbéry, 1867, 112; Будагов, 1871, II, 358; Poppe, 1926, 120-121; Räsänen, 1969, 180), однако такое сближение не совсем убедительно из-за разницы в количестве гласных, а тюркское *jaq* «сторона» является относительно поздним монгольским заимствованием (см. *жақ*). Л.З. Будагов и В. Банг считали производящей основой *jaqin* словой *jaq* «сторона», при этом В. Банг умсатривал в афф. -*in* показатель древнего инструментального падежа (см. Poppe, 1926, 120-121). Однако *jaqin* встречается в письменных источниках XI в. в составе парного слова *jaqin-jayiq* «близкие», а также как определитель при мени *jaqin jer* «близкое место» (МК, III, 22; QVK, 337, QBN, 306 и др., см. ДТС, 237-238), а *jaq* является относительно поздним монгольским заимствованием (см. *жақ*) и не может служить производящей основой для *jaqin* «близкий».

Наиболее убедительной является другая точка зрения, согласно которой *jaqin* представляется отглагольным именем на -*in* от *jaq-* «приближаться» (Gombocz, 1905, 268; Atalay, 1942, 154). Э.В. Севортян (1966, 334), Дж. Клоусон (Clauson, 1972, 904), Г. Дёрфер (Doerfer, 1975, 105) усматривают в этом слове именное (адъективное) образование на -*n*. Эта точка зрения представляется наиболее приемлемой, так как семантическая и грамматическая производность *jaqin* «близкий» от *jaq-* «приближаться» хорошо обоснована.

В алтаистических исследованиях к тюркскому *jaqin* приводятся монгольские и тунгусо-маньчжурские параллели: монг. *daya-* «следовать, сопровождать, подчиняться» (см. Gombocz, 1905, 268; Ramstedt, 1935, 72; 1957, 51; 1949, 205; Poppe, 1960, 22; Старостин, 1991, 15, 26-27, 71, 278; EDAL, I, 458-459 и др.; критику алтаистических сближений см. Doerfer, 1975, 105).

Тюркская глагольная основа *jaq-* (~ прабулг. **žaq-*) «приближаться», «подходить» (см. ЭСТЯ, 1989, 81) довольно рано (в первый период по Дж. Клоусону) проник в прамонгольский (см. *жақ*-) и через монгольское посредство распространился в тунгусо-маньчжурских языках (ТМС, I, 191; Кормушин, 1998, 226; EDAL, I, 458-459).

ЖАЛ (*žal*) «наемная работа», *žal aqı* «зарплата»; *žalda-* «нанимать»; *žalšı* «наемный работник, батрак» < пратюрк. **jāl* «наем», ср.: туркм. диал. *jālčı* «слуга», «работник» (ТДТДС, 97); чаг. *jal* «наем» (Будагов, 1871, II, 337); уйг. *jalla-* «нанимать»; узб. *jöllä-* «нанимать»; кар. *jal* «наем», «плата», «заработная плата»; кумык. *jal* «наем», *jalčı* «наемный работник, наемник»; «батрак»; к.-балк. *žal* «наем, батрачество»; «плата, заработок (батрака)»; «зарплата, получка, оклад»; *žalčı* «батрак, наемный работник»; тат. *jal* «чаевые, мзда, вознаграждение, плата (за услуги, работу)»; *jalla-* «нанимать», *jalčı* «наемный рабочий, поденщик, батрак, наемщик»; башк. *jalla-* «нанимать»; *jalsı* «работник, батрак», «наемник»; ног. *jalla-* «нанимать (на работу)», *jalsı* «наемный рабочий, батрак»; к.-калп. *žal: žal ھاқи* «вознаграждение», «заработная плата»; *žalla-* «нанимать (на работу)»; *žalšı* «наемный работник, батрак»; *žalšı-malšı* «чернорабочие»; кирг. *žal* «вознаграждение»; «заработная плата»; «арендная плата»; *žalda-* «нанимать»; *žalčı* «наемный работник, батрак»; «наемник»; алт. *d'al* «наем», «плата, зарплата, вознаграждение»; *d'alda-* «нанять, нанимать»; *d'alčı* «наемный работник, батрак»; хак. *čal* «наем»; *čalla-* «нанимать»; *čalžı* «батрак»; шор. *čal* «наем»; чулым. *čalda-* «нанимать (кого-либо)» (Räsänen, 1969, 181; ЭСТЯ, 1989, 84-85).

Тюркское *jal* «наемная работа» проникла в монгольские языки, ср.: п.-монг. *jala* «наказание»; «вина, преступление»; х.-монг. *jal(ä)* «наказание», «судебный приговор»; «вина, преступление»; *jalč(ä)* «работник», «поденщик» (БАМРС, IV, 459, 462); бур. *jalä* «штраф, пеня»; *jalin* «штрафной»; калм. *jal* «штраф», «наказание»; «контрибуция», «пеня»; *jalčä* «батрак»; орд. *jala* «наказание»; в говорах Внутренней Монголии *jal* «наказание»; «вина, преступление» (Тодаева, 1981, 273); ойр. *jal* «штраф»; «наказание»; «вина, преступление»; *jalčı* «батрак, слуга» (Тодаева, 2001, 180).

В «Этимологическом словаре алтайских языков» в качестве генуинных объединяются тюркские слова *jalbar-*, *jalin-* «просить, умолять», *jalabač* «посол»; *jalčıt-* «давать удовлетворение», *jal* «цена, плата, наем», *jalčı* «слуга», *jalla-* «нанимать», *jalčı-* «получать удовлетворение» и др., которые в качестве родственных на алтайском уровне сближаются с монгольским **žala-* «просить, приглашать» (EDAL, II, 1525-1526).

В тюркской части, очевидно, следует выделить две самостоятельные производящие основы: именную **jāl* «наемная работа» и глагольную **jal-* «просить, умолять» (ср. также разницу в количестве гласного при туркм. диал. *jālčı* «слуга», «наемный работник», *jällav* «наем»). Глагольная основа **jal-* «просить, умолять» проникла в монгольские языки во второй период (подробнее см. *жалбар-*, *жалын-* «просить», «умолять»). Именная основа **jāl* «наемная работа», судя по сохранению инициального *j-*, в монгольские языки проникла намного позднее. Сравнение семантики тюркских (**jāl* «наемная работа», «плата») и монгольских (**jala* «вина», «преступление», «наказание») позволяет высказать предположение, что в пратюркском **jāl* скорее всего означало «отработку за причиненный вред», «возмещение

ущерба отработкой или натуральной оплатой, например, скотом». Впоследствии, уже на монгольской почве, **jala* получило более специализированное «юридическое» значение. К развитию семантики ср. рус. *яла* «наказание за противозаконный угон скота» (Фасмер, IV, 554; Шипова, 1976, 435; Аникин, 2000, 724).

Ср. каз. *жала* «клевета» (там же подробная библиография).

ЖАЛ (*žal*) «грива»; «жировой слой под гривой лошади»; «гребень гор и холмов»; «горная гряда»; *attıñ žalı* «грива лошади», *aristannıñ žalı* «львиная грива»; кирг. (= каз.) *žal* «грива», «мясо из-под гривы – жирный лакомый кусок»; *žalı bar mal* «жирный скот» (Катаринский, 1897, 68) < пратюрк. **jāl* «грива», «загривок» ~ прабулг. **žāl* «грива»; ср.: др.-тюрк., карах. *jal* «грива»; «загривок» (с XI в., см. МК, III, 160; ДТС, 227; Clauson, 1972, 916, 924); туркм. *jāl*, тур. диал. *jal.*, аз. *jal*, халадж. *jāl*; уйг. *jal*, узб. *jāl*; кумык. *jal*, кар. *jal*, кар. г. *jala*; к.-балк. *žal*; ног. *jal*, к.-калп. *žal*, кирг. *žal*, алт. *jal*, *d'al*; шор. *čal*, тув. *čal*, тоф. *čal*, якут. *sāl*, чув. *šilye* «грива», «загривок» (подробнее см. Räsänen, 1969, 181; ЭСТЯ, 1989, 85-86; Федотов, 2002, 283; Дыбо, 1996, 121-126).

В некоторых тюркских формах отмечены формы с переднерядной огласовкой: др.-тюрк. *jel* (IB, 24; Малов, 1951, 388 (ошибочно читает *jil*); карах. *jēl* «грива лошади» (МК, Clauson, 1972, 924); тур. *jele* «грива, длинные волосы» (Радлов, III, 347; Zenker, 1876, II, 967); диал. *jeli* «грива, загривок, шерсть на загривке»; гаг. *jelē* «грива, челка лошади»; башк. диал. *jelsä* (< **jel + cä*) «опухоль на шее животных»; «щетка на ноге»; тув. *čel*, карагас. (= тоф.) *čel* (Castren, 1857, 114), як. *siel* «грива»; кюэр. *jäläk* (Радлов, III, 348), кызыл. *jälän* (Радлов, III, 349); койб., каг. *jelin* (Радлов, III, 350), саг. *čelin* (Радлов, III, 1979); хак. *čilin* «грива»; ср. также др.-тюрк. *jil* (Малов, 1951, 388), с.-юг. *žilvi*, *jilvi*, *il'bi* «грива» (Малов, 1957, 29, 31, 40) и др. (подробнее см.: ЭСТЯ, 1989, 85-87; Дыбо, 1996, 121-126).

Эти данные позволяют выделить для пратюркского состояния два диахронотопологических варианта архетипа – переднерядный **jēl* и заднерядный **jāl*. Многие компаративисты рассматривают эти формы на фоне материалов других алтайских языков. З. Гомбоц сопоставляет тюрк. *jal* и якут. *siäl* «грива» с монгольским *del* «грива» (Gombocz, 1905, 269) и признает прародство всех этих вариантов. Г.И. Рамstedт, а за ним и Н.Н. Поппе, разделяют тюрк. **jāl* и **jēl*, сопоставляя первое с монгольским *dalaŋ* «жир в загривке лошади», *dalu* «плечевая лопатка», а второе с монг. *del* «грива» (Ramstedt, 1935, 73, 74; 1957, 52; Поппе, 1925, 25, 410, 412; Poppe, 1926, 105; 1960, 75, 97, 129, 156; 1958, 46, 21; см. также Murayama, 1958, 225; Räsänen, 1969, 181).

Дж. Клоусон причисляет монг. *del* «грива» к ранним тюркским заимствованиям первого периода (Clauson, 1972, 916).

Г. Дерфер считает отношение тюрк. *jal* к монг. *del* неясным, он сомневается и в связи с монг. *dalaŋ* и *dalu* по фонетическим причинам и полагает, что тюрк. *jal* «грива» и монг. *dalu* «плечевая лопатка» далеки семантически (Doerfer, 1975, 106, № 1806). А.В. Дыбо считает монг. **dalu-n* «лопатка», п.-монг. *dalang* «затылок, загривок (лошади, мула)» старым производным на *-n* (адъективное) от **dalū* «лопатка» (см. Дыбо, 1996, 222), а последнее сближает в качестве генуинного на праалтайском уровне с тюрк. **jāl* «подгривный жир у лошади» (Дыбо, 1996, 306).

В «Этимологическом словаре алтайских языков» тюрк. **jāl* «холка, грива» сближается с прамонг. **dalaŋ* «загривок, холка» в качестве прародственных на алтайском уровне (EDAL, I, 461-462).

Между тем, судя по фонетическим (тюрк. **j-* ~ **ǰ-* > монг. *d-*) и историко-культурологическим (терминология животноводства в монгольском в основном имеет тюркское происхождение) соображениям, монг. *dalū* «плечевая лопатка» должно квалифицироваться как раннее тюркское заимствование первого периода, т.е. тюрк. **jāl* ~ прабулг. **ǰāl* «подгивный жир у лошади», «холка», «грива» → прамонг. **dalū* (с наращением дополнительного гласного на монгольской почве), ср.: п.-монг. *dalū* «лопатка» (Поппе, 1938, 138), *dalū* «плечевая лопатка» (Kowalewski, 1844-1849, 1635), х.-монг. *dal(ā)* «лопатка»; *dal mör* «плечо, плечи» (БАМРС, II, 23); бур. *dalā* «лопатка»; калм. *dalā* «лопатка», «плечи» (Тодаева, 1976, 251; Ramstedt, 1935, 73), ордос. *Dalu* «лопатка», могол. *dal'u:* «лопатка, загривок»; монгор. *Dālī* (<**dalū*) «плечо», *dāli* «плечо, лопатка» (Тодаева, 1973, 327); баоань. *dali* «лопатка, плечо» (Тодаева, 1964, 138); дунс. *daleu* (< **dalū*) «лопатка, плечо» (Тодаева, 1961, 117); дагур. *dal* «лопатка» (Тодаева, 1986, 134); ср. также производные формы: п.-монг. *dalang* «затылок, загривок (лошади, мула)», перен. «гряда, борозда» (Kowalewski, 1844-1849, 1632; форма халхаского извода, в п.-монг. должно было бы быть **dalun*); х.-монг. *dalān(g)* «загривок»; «задняя часть шеи у лошади»; «жир в загривке лошади»; «подбрюшный жир» (БАМРС, II, 25); бур. *dalān* «загривок лошади»; калм. *dalāŋ* «загривок», ордос. *dalaŋ* «горная гряда», «длинная возвышенность» (Дыбо, 1996, 222; EDAL, I, 461-462).

Переднерядный тюркский пространственно-хронологический вариант **jēl* «грива лошади» алтаистами традиционно сопоставляется с прамонгольским **del* «грива», «холка», ср.: ср.-монг. *del* (HY, 15; SH), *dil* (MA) «грива лошади»; п.-монг. *del* «грива лошади или любого четвероногого»; «остроконечные пики горных хребтов» (Lessing, 1960, 247); х.-монг. *del* «грива»; «конский волос»; «орнамент в виде конской гривы»; «гребень, каменистая грива (хребта), острая вершина, горный хребет» (БАМРС, II, 104), бур. *delhē(n)* «грива»; *delle-* «снимать гриву»; калм. *del* «грива (у лошади)»; «шея»; «земляной вал (вдоль канала)»; «полоса»; ордос. *del* «грива»; дагур. *dēlbur*, *dērbul*, *delwur* «грива» (Тодаева, 1986, 136); внутр.-монг. *del* «грива» (Тодаева, 1981, 146); ойр. *del* «грива» (Тодаева, 2001, 123), заимствованным, согласно Дж. Клаусону, из пратюркского (Clauson, 1972, 916).

Из тюркских языков слово проникло в ряд исторически контактировавших языков, о чем подробнее см.: Gombocz, 1905, 269, 924; Поппе, 1925, 25, 410, 412; Poppe, 1926; 105, 1958, 46, 21; 1960, 75, 97, 129, 156; 1974, 121; Ramstedt, 1935, 73, 74, 85; 1957, 52; Ряснянен, 1955, 63; Murayama, 1958, 225; Räsänen, 1969, 181; ТМС, I, 193, 232; Clauson, 1972, 916; Doerfer, 1975, 106; 1985, 96; ЭСТЯ, 1989, 85-87; Старостин, 1991, 72, 287; Rozycki, 1994, 54; Дыбо, 1996, 121-126; 251, 306-307; СИГТЯ, 1997, 146-147; EDAL, I, 461-462, 470; Эхмэтьянов, 2001, 261-262; Федотов, 2002, 283 и др. (ср. каз. *желке*).

ЖАЛ (*žal*) «отдых»; «пребывание в покое»; *žal tap-* «отдохнуть, устроить себе отдых» (Кайдаров, 1986, 210); ср. соответствия в других тюркских языках: кумык. *jal* «отдых»; *jal al-* «отдыхать»; тат. *jal* «отдых; отпуск; перерыв»; «отпускной; нерабочий; выходной»; *jal it-* «отдыхать»; *jal kēñē* «выходной день»; «нерабочий день»; каз.(ан.-тат.) *žal* «отдых, роздых» (Будагов, 1871, II, 337); *žal* «отдых, покой» (Радлов, IV, 36); *jal* «отдых, покой» (Радлов, III, 153-154); башк. *jal* «отдых, отпуск, выходной»; ног. *jal* «отдых, передышка»; *jal al-* «передохнуть, собраться с силами»; *jal et-* «отдыхать»; кир. (= каз.) *žal* «отдых, роздых» (Будагов, 1987, II, 337); чув. *jäl* «сила»; *jäl il-* «подкрепиться, встать на ноги, оправиться» (Ашмарин, V, 55); *jul, jol* «сила»; *jul il-* «набраться силы»; «поправится» (Ашмарин, IV, 316); *jäl il-* «оправиться, окрепнуть» (чув. *jäl* < *jul* «отдых» ← ср.-кыпч. *jal* «отдых»).

Узколокальное слово, отмечается только в части кыпчакских языков, в древнетюркских письменных памятниках не встречается (ЭСТЯ, 1989, 85).

В историко-этимологических исследованиях обычно сближается с монг. *žali* «перерыв», «отдых», ср.: п.-монг. *žali-ra-* «увиливать, быть ленивым или безразличным»; «отдыхать от работы»; «останавливаться» и т.д. (Lessing, 1960, 1032); х.-монг. *žal'* «хитрость»; «лукавство», «обман» (БАМРС, II, 205-206); *žalira-* «уклоняться, отлынивать от дела»; «отходить, полегчать (о болезни)»; «проходить мимо» (БАМРС, II, 204); бур. *zali* «перерыв, пауза»; *zali aba-* «вздремнуть, соснуть»; «немного отдохнуть (без сна)»; «сделать передышку» (см.: Егоров, 1964, 74; Räsänen, 1969, 180; ЭСТЯ, 1989, 85; EDAL, II, 1533-1534), причем эта же основа выделяется в составе тюрк. *jalıq-* «утомляться, пресыщаться» и *jalqaw* «ленивый», «лентяй» (подробности см. каз. *жақау*).

В виду того, что *jal* «отдых» не представлен в домонгольских письменных памятниках и встречается только в узком кругу кыпчакских языков, специалисты тюрк. *jal* «отдых» склонны считать монгольским заимствованием. Между тем, двусложность монгольской основы **žali* при односложности тюрк. *jal* «отдых» явно свидетельствует в пользу мнения об исконной природе тюркского варианта.

Надо отметить, что в современных кыпчакских языках слово *jal* ~ каз. *žal* «отдых» встречается редко; видимо, и в древнетюркском его частность была невысокой и поэтому оно не попало в письменные памятники. В монгольских языках **žali* также употребляется редко, в чистом виде оно отмечено только в халхаском и бурятском языках.

Р.Г. Ахметьянов в тат. *jal* «отдых» выделяет древнетюркскую глагольную основу **jal-* (<*ja-l-*) «отдыхать», которая, по его предположению, выделяется и в составе тюрк. *jalıq-* «кустовать» и *jalqaw* «лентяй» (Әхмәтъянов, 2001, 262, 263), но эта версия требует подкрепления фактами.

Близость фонетической структуры тюркских и соответствующих монгольских форм не позволяет отнести данную общность на алтайский уровень.

В «Этимологическом словаре алтайских языков» тюркские формы рассматриваются как монголизмы, ср.: монг. **žali* > бур. *zali* «перерыв, пауза», откуда тат., кумык. *jal* «отдых» (EDAL, II, 1533).

См. каз. *жалқау* «ленивый».

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 465; Егоров, 1964, 74; Räsänen, 1969, 180; ЭСТЯ 1989, 85; ср. 14-16; EDAL, II, 1533-1534; Әхмәтъянов, 2001, 262, 263; Кайдаров, 1986, 210.

ЖАЛА (*žala*) «ложное обвинение», «клевета»; *žala* «клевета» (Будагов, 1869, I, 427); кирг. (= каз.) *žala* «клевета»; *žala žap-* «оклеветать кого»; *žal-asinnan kettim* «я погиб от его клеветы» (Катаринский, 1897, 68) кир. (= каз.) *žala* «недостаточное, несправедливое» (обвинение. – Ж.Т.); «клевета, несправедливое подозрение» (Радлов, IV, 36) (← ср.-монг. **jala* «наказание», «пеня, штраф»; «вина, преступление»); ср. соответствия в других тюркских языках: тат. *jala* «клевета, поклеп»; *jala jaq-* «клеветать, возводить клевету»; каз. (анг.) *jala* «клевета, навет», *jala jap-* «оклеветать» (Будагов, 1871, II, 337); *žala* «клевета, несправедливое подозрение»; *žala žap-* «оклеветать» (Радлов, IV, 36); *jala* «вина, обвинение, хула, бесславие, несчастье»; «клевета» (Радлов, III, 154); башк. *jala* «клевета, поклеп»; ног. *jala* «клевета, поклеп»; *jala jaq-, jala jap-* «(о)клеветать»; к.-калп. *žala* «клевета»; *žala žap-* «клеветать»; кирг. *žala, žalā* «клевета, хула»; *žalā žap-, žalā taŋ-* «клеветать, хулить, возводить ложное обвинение»; алт. *d'ala* «пеня, штраф»; *jala* «пеня, штраф» (ГАЯ, 166; Вербицкий, 1884, 71; Радлов, III, 154); чув. *jula* «клевета, навет, кляуза»; *jula jup-* «клеветать»; «притворяться, прикидываться»; «врать, заператься» (← ср.-кыпч. *jala jap-* «возводить клевету, оклеветать»).

Слово *jala* «клевета» представлено только в части кыпчакских языков (в куманской ветви не отмечено). Узкий ареал распространения, а также двусложная структура слова свидетельствуют о его заимствованном характере; на монгольское соответствие указывали Л.З. Будагов (1871, II, 337), В.В. Радлов (III, 337; IV, 36), Г.Й. Рамстедт (Ramstedt, 1935, 214), М. Рясänen (Räsänen, 1969, 181), М.Р. Федотов (1996, II, 483; 2002, 456) и др. (монгольские соответствия см. под каз. *жал* «наемная работа»).

Кыпчакское *jala* «клевета» является обратным заимствованием из среднемонгольского **jala* «наказание», «пеня, штраф», «вина» и т.п., которое, судя по свидетельству письменных источников, довольно рано проникло в восточнотюркский, ср.: др.-уйг. *jala* «подозрение»; карах. *jala* «клевета»; *jala-* «подозревать» (см. ДТС, 227; МК, III, 89; Clauson, 1972, 918-919). Отмеченный в «Диване» Махмуда Кашгари глагол *jala-* «подозревать», видимо, происходит от монгольского **jala-la-* «наказывать» (см. каз. *жал-*).

Исторические взаимосвязи между тюркскими и монгольскими формами в целом представляются в следующем схематическом виде: пратюрк. **jāl* «отработка за причиненный вред», «возмещение нанесенного ущерба отработкой или натуральной оплатой (например, «девятками») → ст.-монг. **jala* «наказание»; «возмещение вины»; «вина, преступление» → ср.-кыпч. **jala* (~ каз. *žala*) «(ложное) обвинение», «клевета» и т.п. Судя по семантике, алт. *d'ala* «штраф, пеня» является более поздним автономным заимствованием из монгольского.

В «Этимологическом словаре алтайских языков» тюрк. *jala* «клевета» в купе с **jal-* «бояться, подозревать» сближается в качестве генуинного на праалтайском уровне с тунгусо-маньчжурскими (**ŋēle-* «бояться»), япон-

скими и корейскими формами (EDAL, II, 1026), однако монгольский материал при этом игнорируется. Поскольку приведенные там тюркские формы являются относительно поздними (карах.-уйг. с XI в., кыпчакские, скорее, только с XIII в.) среднемонгольскими заимствованиями, вся алтаистическая реконструкция рассыпается.

Подробнее об истории слова см.: Ramstedt, 1935, 214; Poppe, 1960, 25, 106; Фасмер, IV, 554; Егоров, 1964, 347; Räsänen, 1969, 181, 200; Clauson, 1972, 918-919; Шипова, 1976, 435; Menges, 1984, 279-280; Doerfer, 1985, 81; ЭСТЯ, 1989, 87; Старостин, 1991, 18; Федотов, 1996, II, 483; 2002, 456; Аникин, 2000, 724; Әхмәтъянов, 2001, 262; EDAL, II, 1026, 1525-1526.

ЖАЛА- (*žala-*) «лизать»; «облизывать» *žalaq* «растреснувшая губа (ее зализывают)»; «небольшое больное место на спине у лошади»; *žalayda* «языком вертеть» (Катаринский, 1897, 68) < пратюрк. **jālyā-* «лизать» ~ прабулг. **žalyā-* «лизать»: др.-тюрк. (с VIII в.), орх., др.-уйг. *jalyā-*, карах. *jalyā-*, *jalva-* «лизать» (МК, III, 306, 307; ДТС, 228, 230; Clauson, 1972, 926-927); туркм. *jāla-*, тур. *jala-*, гаг. *jala-*, аз. *jala-*, сал. *jala-*, халадж. *jalyā-*; ср.-тюрк. *jala-* (МА, АН, Ettuhf.); узб. *jalā-*, уйг. *jala-*, лобн. *jala-*; кумык. *jala-*, кар. *jala-*, к.-балк. *žala-*; тат. *jala-*, башк. *jala-*; ног. *jala-*, к.-калп. *žala-*, кирг. *žala-*, алт. *jala-*, *d'ala-*; хак. *čalyā-*, шор. *čalyā-*, чулым. *čalyā-*, с.-юг. *jalyā-*, *jayla-*; тув. *čilyā-*, тоф. *čilyā-*; якут. *salā-*, долг. *halan-*; чув. *šula-*, диал. *šulla-*, *šāvla-* (<**žalyā-* <**jālyā-*) «лизать», «облизывать» (Räsänen, 1969, 182; ЭСТЯ, 1989, 87-89; Егоров, 1964, 217; Федотов, 1996, II, 132; 2002, 289). Различные точки зрения на морфологическую структуру тюрк. **jālyā-* ~ **jāla-* «лизать» рассмотрены в ЭСТЯ, 1989, 88. Приведенные формы скорее всего являются пространственно-хронологическими вариантами, причем, по свидетельству письменных памятников, а также живых языков, удержавших архаические элементы, первичной является форма **jālyā-*, содержащий морфологический элемент *-ya-* не совсем ясного значения. В основе слова выделяется элемент **jāl* явно ономастопозитического характера.

В алтаистических исследованиях тюрк. **jālyā-* «лизать» традиционно сближается в качестве генетически родственного на праязыковом уровне с монг. **doluya-* «лизать» (см. Gombocz, 1905, 268-269; Ramstedt, 1935, 94; Порре, 1960, 74 и др.); ср.: прамонг. **doluya-* (Владимирцов, 1929, 201), **dol(u)ya-* «лизать»: ср.-монг. *dulom-* (ИМ), *dula-* (МА); п.-монг. *doluya-*, *dolija-* (Lessing, 1960, 259); х.-монг. *dolō-* «лизать», «облизывать»; «вылизывать»; «лакать (о собаке)»; бур. *dol'ō-* «тж.»; калм. *dolā-* «тж.», орд. *dolō-*, могол. *dāl-* дагур. *dolō-*, дунс. *dolu-*, баоань. *dolā-*, монгол. *dōli-* «лизать», «вылизывать» (Владимирцов, 1929, 201; EDAL, II, 1352).

Надежность сопоставления тюрк. **jālyā-* «лизать», монг. *doluya-* «лизать» и тунг.-маньчж. **dala-* «лакать» вызвала определенные сомнения у М. Рясанена (Räsänen, 1955, 41-42; 1969, 182) и была оспорена Г. Дёрфером, так как отождествление тюрк. *žalyā-* и монг. *doluya-*, по его мнению, невозможно фонетически, ибо историческое развитие *a > o* перед *ууа* в монгольском не обосновано (Doerfer, 1975, 186, № 1881). Между тем, заимствованные из монгольского тунгусо-маньчжурские формы отчетливо указывают на *a* в первом слоге в старомонгольском, ср.: эвенк. *dala-*, эвенк. *dal-*, нег. *dala-*, орох. *dalau-*, уд. *dala-*, ульч. *dala-n-*, орок. *dala-* «лакать, лизать (о собаке)», «кормить (собаку)» и т.п. (подробнее см. ТМС, I, 193). Это дает основание реконструировать для прамонгольского состояния архетип *daluya-* ~ **daluya-* «лизать (о собаке и др. животных)».

Дж. Клаусон монгольский архетип считает ранним тюркским заимствованием (Clauson, 1972, 926-927).

В «Этимологическом словаре алтайских языков» тюрк. **jālyā-* «лизать» сближается в качестве гениинного на праалтайском уровне с монг.

**ǰal-gi-* «глотать» и **ǰal-ka-* «мокрота», а также с тунгусо-маньчжурским **ǰali-* «слюна»; «смачивать слюной, брать в рот» (EDAL, II, 1527), ср.: прамонг. **ǰal-gi-* «глотать»: ср.-монг. *ǰal-gi-*, п.-монг. *ǰal-gi-* «глотать» (Lessing, 1960, 1031); х.-монг. *ǰalgi-* «глотать, проглатывать» (БАМРС, II, 203); бур. *ǰalgi-* «глотать, проглатывать», *ǰalgi* «глотоку»; калм. *ǰalǰe-* «глотать, проглатывать», «пить залпом»; *ǰalǰečǎ* «глотоку»; орд. *ǰalgi-* «глотать», дагур. *ǰalgi-*, *ǰilehe-* «глотать, проглатывать» (Тодаева, 1986, 142); дунс. *ǰanqǎi-*, баоань. *ǰalǰǎ-*, ш.-юг. *ǰalǰǎ-*, монгол. *čargi-*, хуцзу *čalga-* «глотать»; в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., ар-хорч., барин., оннют., найм., хеш., харч., тум. *ǰelgi-*, шгол. *ǰalgi-*, уцаб., чах., орд. *ǰalgi-* «глотать, проглатывать» (Тодаева, 1981, 153); прамонг. **ǰal-ka-* «мокрота»: ср.-монг. *ǰalki-*; п.-монг. **ǰalqay* «слизь», «мокрота»; х.-монг. *ǰalǰag* «слизистый, тягучий, липкий»; «слизь» (перен. «нерасторопный, медлительный, неповоротливый») (БАМРС, II, 205); бур. *ǰalǰag* «слизь»; «слизистый, липкий», «тягучий» (EDAL, II, 1527).

С монгольским *ǰalqay* «слизь» традиционно сближаются тунгусо-маньчжурские формы, ср.: эвенк. *ǰali-* «течь (о слюне)»; *ǰalikī* «слюнявый», *ǰaliksa* «слюна», *ǰalma-* «заслюнить, замусолить»; сол. *ǰalikči* «плевок, слюна»; эвен. *ǰalsǎ* «слюна, мокрота»; нег. *ǰalsa* «слюна», «слизь (рыбья)», *ǰalma-* «брать в рот»; ороч. *dileske ~ duluska* «слюна», орок. *ǰelusqa* «слюна, слизь» и т.д. (см.: ТМС, I, 246; EDAL, II, 1527).

Звуковая и семантическая близость приведенных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских слов едва ли может быть случайной; видимо, и в этом случае мы имеем дело с миграцией тюркских основ в монгольские и, через последние, в тунгусо-маньчжурские языки: тюрк. **ǰāl-ya-* «лизать» → монг. **ǰal-yi-* > **ǰal-gi-* «лизать», «глотать» → т.-маньчж. **ǰali-* «течь (о слюне)». В данном случае, по отражению пратюркского инициального *j*-через *ǰ*- в монгольском, заимствование происходило во второй период (по Дж. Клоусону). В алтайских языках не исключено наличие общего слоя имитативов (см. также каз. *ǰалма-* «жадно есть»).

В «Монгольско-казахском словаре» Б. Базылхана удалось обнаружить еще одно монгольское слово, генуинное с тюрк. **ǰālyā* ~ каз. *ǰала-* «лизать, облизывать», отсутствующее в других лексикографических источниках по монгольскому языку (в т.ч. и в БАМРС). Это – монгольский глагол *ǰала-*, который на казахский язык переведен словами «жағу; жалау, сүйкеу, сүрту, жалату» (Базылхан, 1984, 798). Русский перевод переданных казахскими словами значений монгольского *ǰала-* выглядит следующим образом: «мазать, смазывать»; «лизать, облизывать»; «тереть, вытирать», «дать вылизать». Реальность этой глагольной основы в монгольском подтверждается рядом производных на ее базе вторичных слов, которые находим в других словарях, например: х.-монг. *ǰalbǎǎr* «льстивый»; *ǰalbǎj-* «быть клейким»; «быть слизистым»; *ǰalbǎǎlǎǎ-* «влиять»; «льститься, угождать, стараться

угодить»; *jalbälžä-* «ластиться, ласкаться»; «подлизываться, угодничать» (БАМРС, IV, 460). В других монгольских языках соответствующее слово не представлено. Поэтому есть все основания отнести монгольское *jala-* «мазать», «лизать» и т.п. к тюркским заимствованиям позднего, третьего периода.

В «Этимологическом словаре алтайских языков» монг. **doluya-* «лизать» отделяется от традиционно сближаемого с ним тюркского **jäl̥ya-* «лизать» и сближается в качестве родственного на праязыковом уровне с другим тюркским словом **dāla-* «кусать», «грызть» (EDAL, II, 1352), ср.: пратюрк. **tāla-* «кусать(ся)», «грызть»; «рвать», «разрывать»; «ругать»; «грабить»; «разорять»; «похищать» и т.п. (см. ЭСТЯ, 1980, 134-137; Räsänen, 1920, 221; 1969, 458; Егоров, 1964, 256; Clauson, 1972, 492, 502; Doerfer, 1965, № 923; Федотов, 1996, II, 244-245; 2002, 341; Эхмэтьянов, 2001, 189 и др.), который, однако, в семантическом отношении далек от тюрк. **jäl̥ya-* «лизать» и традиционно сближается с монг. *tala-* «грабить, разорять»; «конфисковать имущество», «отнимать, отбирать»; «захватывать добычу», «брать в плен» и т.п. (подробнее см. каз. *tala-* «грабить», «искусать»).

Далеко не полный обзор существующей специальной литературы показывает, что история взаимосвязей тюркского слова **jäl̥ya-* (~каз. *žala-*) «лизать» даже в пределах языков так называемой алтайской семьи чрезвычайно сложна и, к тому же неимоверно запутана. Постулированная ортодоксальными алтаистами и их последователями теория родства тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и некоторых других языков все больше и больше запутывает вопросы истинных взаимоотношений между языками данной общности. Между тем, по нашему опыту исследования проблем исторических взаимоотношений между тюркскими и монгольскими языками, становится все более понятным, что весь запутанный клубок так называемых алтаистических проблем довольно хорошо распутывается при подходе к материальной общности названных языков с позиций разновременных взаимозаимствований между ними.

История тюркского по происхождению слова **jäl̥ya-* «лизать» в алтайских языках в кратком схематическом изложении представляется в следующем виде:

1) ранний период: пратюрк. **jal-ya-* (**däl̥ya-* по Дж. Клоусону) «лизать» → прамонг. **daliya-* ~ **doluya-* «лизать» → т.-маньчж. *dala-* «лакать, лизать (о собаке)»;

2) средний период: пратюрк. **jäl̥-ya-* ~ **žal̥-ya-* «лизать» → монг. **žal̥-γi-* ~ **žal̥-gi-* «глотать» → т.-маньчж. *žali-* «течь (о слюне)» и т.п.

3) поздний период: ср.-тюрк. *jala-* «лизать», «облизывать» → х.-монг. *jala-* «мазать», «лизать», «вытирать» и т.п.

Скорее всего, мигрировало не цельнооформленное слово **jäl̥ya-*, а его производящая основа **jäl̥-*, которая получала соответствующее фономорфологическое оформление в монгольских и тунгусо-маньчжурских

языках. В монгольских языках, предпочитающих открытые слоги, тюркская основа **jāl-*, естественно, получила гласное наращение к конечному согласному: **dali-* ~ **dalu-*; в результате регрессивной ассимиляции происходит огубление гласного первого слога: **dalu-* > **dolu-*; тюркский глагол воспринимается монголами как имя и к нему прибавляется монгольский глагольный аффикс: **dolu-ya-* ~ **doli-ja-* «лизать». В тунгусо-маньчжурские языки в обоих случаях монгольская глагольная основа попала «в чистом виде», то есть без наращенного на монгольской почве глагольного аффикса, ср.: **dala-* «лакать (о собаке)»; **žali-* «течь (о слоне)»; производные вторичные слова образованы уже на почве тунгусо-маньчжурских языков с помощью собственных морфологических средств. Следовательно, монг. *žal-qay* «слизь» (<**žali-qa-γ?*) и эвенк. *žali-ksa* «слюна» представляют собой автономные образования, общими у них являются только производящие основы, причем эвенк. *žali-* «течь (о слоне)» восходит к монгольскому *žali-* «быть мокрым, слизистым, липким», которая, в свою очередь, заимствована из тюркского **jāl-* ~ **žal-* «лизать», «слюнявить».

Подробнее см.: Gombocz, 1905, 268-269; Räsänen, 1920, 221; Владимирцов, 1929, 201; Ramstedt, 1935, 94, 376; Brockelmann, 1954, § 447; Räsänen, 1955, 41-42; 1969, 182, 458; Ramstedt, 1957, 50-51; Poppe, 1960, 22, 74; Севортян, 1962, 209, 238, прим. 36; 487-488; 1966, 124, 200; Егоров, 1964, 217, 256; Doerfer, 1965, 543, № 923; 1975, 186, № 1881; Clauson, 1972, 926-927, 492, 502; ТМС, I, 193, 246; ЭСТЯ, 1980, 134-137; 1989, 87-89, 95; Дыбо, 1996, 13; Федотов, 1996, II, 132, 244-245; 2002, 289, 341; Щербак, 1997, 152; Эхмэтьянов, 2001, 189; EDAL, II, 1352, 1396, 1527.

ЖАЛАУ (*žalaw*) «флаг», «знамя», ср.: др.-тюрк., карах. *jalu* «веревка, используемая для привязывания жеребят» (МК, III, 26; ДТС, 230); туркм. диал. *jalow* «флаг», «знамя» (ТДТДС, 97); вост.-тюрк. *jalaw* «штандарт» (Zenker, 1876, II, 954); чаг. *jalaw* «флаг, знамя, штандарт», бух. «знаменное полотно» (Будагов, 1871, II, 338); *jalaw* «флаг, знамя»; «повязка из шелка, которой обвивают шапку, шлем» (Радлов, III, 155); *jälāw* «знамя на вершукше копья» (Радлов, III, 347); *jalaw* «бунчук (пук волос) на знамени» (Боровков, 1961, 255); узб. *jalaw* «флаг, знамя»; кумык. *jalaw* «широкий кусок кожи на конце плети, кнута»; кар. г. *jalaw* «веревка»; тат. *jalaw* «флаг, знамя»; каз(ан.-тат.) *žalaw* «завязка у платка» (Будагов, 1869, I, 427); *jalaw* «завязка внутри одежды» (Радлов, III, 155); тат. диал. *jalaw* «вешалка на одежде»; «застежка» (ТТДС, 1969, 162); зап.-сиб. тат. *jalaw* «знамя, флаг» (Тумашева, 1992, 66); башк. *jalaw* «спайка»; «сшивание»; «прививка»; «шов»; башк. диал. *jalaw* «вешалка на одежде»; *jalaw* «оборка на талии платья» (ДСБЯ, 108); ног. *jalaw* «нагайка, плеть, плетка, кнут»; *jalaw* «надставление, присоединение (сшиванием, связыванием, склеиванием, сращиванием, спаиванием); к.-калп. *žalaw* «флаг»; кирг. *žalaw* «флаг, знамя, штандарт» (Будагов, 1971, II, 338); кирг. (= каз.), каз(ан.-тат.) *žalyaw* «связка» (Радлов, IV, 39); кирг. *žalyō* «надставка»; алт. *d'alaya*, *d'alā* «щетина»; «гребень (у петуха)»; куманд. *d'alaya* «щетина» (Баскаков, 1972, 210); хак. *čalā* «гребень у петуха»; шор. *čala* «гребень у петуха»; «ленты и колотушке шамана» (Радлов, III, 1878); тув. *čalā* «гребень (у птиц)»; «лента (на головном уборе)»; *čalā-qara* «шелковая нить, влетаемая в косу»; чув. *jalaw* «флаг, знамя»; «хоругвь»; «ленты, которые висят на спине в виде украшения (у девиц)» (Ашмарин, IV, 179) ← тат. *jalaw* (см. Räsänen, 1969, 181; Егоров, 1964, 353; Федотов, 1996, II, 498; 2002, 463-464; ЭСТЯ, 1989, 99-100; Эхмэтьянов, 2001, 262).

Примыкающие сюда уйг. *žala* «длинный пучок черных ниток, подвешиваемых к косе для украшения»; уйг. (хам.) *žala* «лента (напр., в волосах)» (Малов, 1954, 149: ~ бур. *зала*); ж.-уйг. *žala* «бахрома, кисть, ленты» (Малов, 1957, 28: ~ монг. *зэлэ*); с.-юг. *zala* «кисточки бордового цвета на женской шляпе» (Тенишев, 1976, 175); зап.-сиб. тат. *jala* «гребень, гребешок (у птицы)» (Тумашева, 1992, 66), обычно рассматриваемые в одном ряду с межтюрк. *jalaw* «флаг» (см., напр., ЭСТЯ, 1989, 99-100), несомненно является относительно поздними монгольскими заимствованиями и должны рассматриваться отдельно.

Приведенный выше перечень форм в формальном отношении распадается на два ареала – кыпчакский и сибирский. Для кыпчакского ареала характерна форма **jalaw* с основным значением «флаг, знамя» (туркм. диал. и узб. формы в конечном итоге имеют кыпчакское происхождение; туркм. *jalow* ← узб. *jalaw*). В сибирском ареале (алт., хак., шор., тув.) распространены закономерные фонетические модификации формы **jalaya* с основными значениями «лента (на шапке)», «гребень (петуха)», которые скорее

всего восходят к среднемонгольскому *žalaya(n)* «кисть, пук волос или ниток»; «гребень петуха» (Ramstedt, 1935, 464, 465; Poppe, 1966, 190).

В морфологическом отношении в кыпчакском *jalaw* ~ каз. *žalaw* «флаг, знамя» обычно выделяют глагольную основу **jala-* «привязывать, прикреплять, приделывать» и именной словообразовательный аффикс *-w* со значением объекта или результата действия; в целом же *jalaw* объясняется как «то, что привязывают, прикрепляют» (см. ЭСТЯ, 1989, 99-100). Слабым моментом предлагаемой этимологии является отсутствие в тюркских языках глагольной основы **jala-* «(при)соединять», «привязывать». Представленная главным образом в кыпчакских языках синонимичная глагольная основа **jalya-* «(при)соединять», «прикреплять», «связывать» является заимствованием из среднемонгольского языка (см. каз. *жалга-*).

Тюркские формы **jalaw* «флаг» и **jalaya* «лента (на головном уборе)» обычно сопоставляются с монг. *žalaya* «кисть, пук волос или ниток»; «кисточка», «гребень петуха» и т.п. (см.: Ramstedt, 1935, 464, 465; Räsänen, 1969, 181; Poppe, 1966, 190; Федотов, 1996, II, 498; Эхмэтьянов, 1989, 46; 2001, 262). М. Ряснянен тюркские формы квалифицирует как монгольские заимствования: < монг. *žalaya* «кисть, пучок волос, флаг» (Räsänen, 1969, 181).

Составители «Этимологического словаря алтайских языков» тюркские слова *jalaw* «знамя, флаг», *jala* «завязка, повязка», *jalaya* «тж.»; *jalama* «священная лента, веревочка, пучок волос (привязываемая к дереву или шаманской колотушке)» выводят из пратюркской глагольной основы **jala-* и в качестве гениуинных на алтайском уровне сближают с монг. **žalya-* «прикреплять», «присоединять» (перечень форм см. под каз. *жалга-*) и т.-маньчж. **žala-n* «сустав»; «завязки на унтах»; «поколение, мир»; «грузило» (перечень форм см. ТМС, I, 245-246, 340), а также с корейскими и японскими словами (см. EDAL, II, 1526-1527). Однако следует заметить, что приведенный в данном справочнике эмпирический материал требует более углубленного изучения.

В пользу монгольской версии происхождения общекыпчакского *jalaw* «флаг» и сибирского *jalaya* «лента (на головном уборе)» вроде бы свидетельствуют отсутствие слова и его производящей основы в древнетюркских памятниках и узколокальный ареал распространения слова в тюркском регионе. Такая ситуация вынуждает исследователя внимательно рассмотреть все доступные монгольские формы; ср.: п.-монг. *žalaya* «кисточка (украшение)»; «гребень (у птиц)»; х.-монг. *žalā(n)* «кисточка (украшение)»; «кисть (на шапке)»; «толстая шелковая нитка»; «гребень (у птиц)»; «колос; метелка» (БАМРС, II, 201); ср. также: *žalā* «кость локтевая» (БАМРС, II, 201); бур. *žalā* «красная кисточка (на шапке)»; «пушистая верхушка (дерева)»; «тычинка цветка»; «петушиный гребень»; «хохол (у птиц)»; бур. *žalā* «кисточка из белых ленточек на шапке шамана как атрибут жреца, отличающий его от мирских людей» (Манжигеев, 1978, 52; Михайлов, 1987,

280); калм. *zalā* «кисточка (красная на шапке)»; «гребень (петушинный)»; «сохол (у птиц)»; «пушистый (напр., о верхушке дерева)»; ойр. *zalā* «кисть, киточка на шапке»; «гребень (нарост на голове некоторых птиц)»; «колос, колосья» (Тодаева, 2001, 150); в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., архорч., барин., харч., тум., чах., орд. *žalā*, шгол. *zalā* «кисточка (украшение)»; «гребень (у птиц)»; «колос» (Тодаева, 1981, 153); ср. также: п.-монг. *žalama* «сакральные ленточки»; бур. *zalma* «березовая ветка, воткнутая в землю впереди молящегося шаманиста» (Манжигеев, 1978, 52) (подробнее см. Дыбо, 1996, 124-125, а также каз. *жалгама*).

Производящей основой приведенных монгольских слов является глагол **žali-* ~ **žala-* «присоединять», выделяющийся также в составе монг. **žalya-* «присоединять, связывать, сращивать» (см. каз. *жалга-* «присоединять»). Монгольская глагольная основа **žal(a)-* «(при)соединять» скорее всего является древним тюркским заимствованием второго периода (по Дж. Клоусону), она выделяется в составе др.-тюрк. (карах.) *jalu* (можно читать и как **jaltw.* – Ж.Т.) «веревка, используемая для привязывания жеребят» (МК, III, 26); ср. также аз. **žala-* «придельвать, притачивать, прививать». Если будет установлена реальность тюркского глагола **jal(a)-* ~ **jal(i)-* «(при)соединять», то рассматриваемые тюркские формы (*jlaw* ~ *jalyu*) следует считать исконными и возвести к реконструкту **jalyu* ~ **jalya* (см. EDAL, II, 1526-1527), а монгольское *žalya* квалифицировать как ранний тюркизм.

В монгольских языках обнаруживается также аналогичная рассматриваемому слову производная форма *žalyayu* «стык, паз, шов, соединение, присоединенный кусок, присоединенная часть» (Ramstedt, 1935, 464), образованная при помощи именного аффикса *-yu* от глагольной основы *žalya-* «(при)соединять» (см. каз. *жалга-*); ср.: х.-монг. *žalyā* «соединение, связь, сцепление»; «место соединения»; «надставка»; «продолжение» (БАМРС, II, 202); бур. *žalyā* «соединение, связь, сцепление»; «продолжение чего-либо»; «преемственность»; калм. *žalyān* «соединение, связь, сцепление» (см. Ramstedt, 1935, 237). Наличие собственно монгольских форм еще больше убеждает в том, что монг. *žalya* «кисточка»; «гребень (у птиц)» является ранним тюркским заимствованием.

В этом отношении определенный интерес представляет семантический аспект проблемы. В кыпчакском ареале (включая также чагатайский) превалирует значение «флаг, знамя, штандарт, бунчук», которое в монгольских материалах как будто отсутствует. Это дает основание предполагать исконное происхождение кыпчакского *jlaw*. В сибирском ареале определяющими являются значения «лента (на головном уборе)» и «гребень (у петуха)», которые полностью коррелируют с семантикой монгольских соответствий. Поэтому алтайскую (*d'alā*), хакасскую (*čalā*), шорскую (*čalā*) и тувинскую (*čalā*) формы скорее следует квалифицировать как среднемонгольские заимствования (см.: Räsänen, 1969, 181; Дыбо, 1996, 125; Рас-

садин, 1980, 31, 36, 42, 45). Уйгурское *ǰala* «лента (в волосах)» и т.п., с.-юг. *zala* «бахрома, кисть, ленты» и зап.-сиб. тат. *jala* «гребень (у птицы)» несомненно являются поздними новомонгольскими заимствованиями.

В целом исторические взаимоотношения рассматриваемых тюркских и монгольских слов в схематическом изложении представляются следующим образом:

1) пратюрк. **jal(i)-* «(при)соединять» + *-ayu* > **jalayu* «нечто присоединенное, прикрепленное, привязанное» (объект действия) > кыпч. *jalaw* «флаг, знамя»; первоначально, видимо, бунчук, т.е. привязанный к копыю, древку пучок конских волос, конского хвоста, разноцветных лент и т.п.;

2) пратюрк. **jalayu* ~ прабулг. **ǰalayu* «нечто прикрепленное, привязанное» → прамонг. **ǰalaya* «тж.» → ср.-монг. *ǰalaya* «кисть, лента (на головном уборе)» > монг. *ǰalā* «кисточка (украшение)», «лента (на головном уборе)» и т.п.;

3) ср.-монг. *ǰalaya* «кисть, лента (на головном уборе)» → тюрк. (сибир.) *jalaya* «тж.» > алт. *jalaya*, *d'alaya*, *d'alā*, хак. *čalā*, тув. *čalā*, шор. *čalā* (значения см. выше в перечне форм);

4) новомонг. *ǰalā* «кисть (на головном уборе)»; «гребень (у птицы)» → уйг. *ǰala* «лента, пучок ниток в волосах»; с.-юг. *ǰala* «бахрома, кисть, ленты»; зап.-сиб. тат. *jala* «гребешок (у птицы)»;

5) ср.-кыпч. *jalaw* → др.-рус. *еловь*, *еловець* «флажок, лоскуток ткани, султан, вставляющийся в трубку на верху шлема» (с 1511 г.); *елов(ец)* «перьяной или иной значок на темени шлема» (Даль, I, 518), *яловец* «гребень из конских волос на шлеме» (Даль, IV, 677; см.: Фасмер, II, 16-17; Шипова, 1976, 132, 435; Аникин, 2000, 724);

6) монг. **ǰalayan* «кисточка (на головном уборе)» → т.-маньчж. *ǰalayan* «кисточка»: эвенк. *ǰalayan* «кисточка (на шапке)»; маньчж. *ǰalasu* «кисть (у бунчука)»; «бунчук (с кистями)» (ТМС, I, 245).

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 237, 464, 465; Егоров, 1964, 353; Poppe, 1966, 190; Фасмер, II, 16-17; Räsänen, 1969, 181; Шипова, 1976, 132, 435; Рассадин, 1980, 31, 36, 42, 45; Doerfer, 1985, 23; ЭСТЯ, 1989, 12-13, 99-100; Дыбо, 1996, 124-125; Федотов, 1996, II, 498; 2002, 463-464; Аникин, 2000, 724; Эхмэтьянов, 2001, 262; 1989, 46; EDAL, II, 1526-1527.

ЖАЛБАР- (*žalbar-*), *žalbarīn-* «упрашивать», «умолять»; «вымаливать»; *žalīnīp-žalbar-* «тж.» < пратюрк. **jalbar-* «умолять»; «вымаливать»; «молить»; «просить»; ср.: др.-тюрк. (с VIII в.) *jalbar-*, *jalvar-*, др.-уйг. (с VIII в.) *jalvar-*, карах. (с XI в.) *jalvar-* «умолять, просить»; «молить» (ДТС, 228, 230; Clauson, 1972, 920); туркм. *jalbar-*, тур. *jalwar-*, аз. *jalwar-*, гаг. *jalwar-*, кр.-тат. (южн.) *jalwar-*; узб. *jälwār-*, уйг. *jalwar-*, *jalbä(r)-*, диал. *jalbar-*, лобн. *jalwaj-*; кумык. *jalbar-*, к.-балк. *žalbar-*, кар. *jalbar-*, кар. к. *jalwar-* (← тур.); тат. *jalwar-*, диал. *jalbar-*, *žalbar-*, башк. *jalbar-*; ног. *jalbar-*, к.-калп. *žalbar-*, кирг. *žalbar-*, алт. *d'albar-*, *jalbar-*; с.-юг. *jalwar-*; тув. *čalbar-* «просить милости, благополучия»; «молиться»; *čalwar-* «просить, умолять»; «молить»; «молиться»; «упрашивать» (Räsänen, 1969, 182; ЭСТЯ, 1989, 92-93; EDAL, II, 1525-1526; Doerfer, 1975, 108, № 1808).

По данным марийского и удмуртского языков восстанавливается чув. **šulvar-* «просить, умолять»; ср.: мар. луг. *sorwala-*, *s'örwälä-*, мар. горн. *sarwala-* «просить, умолять» (← чув. **solBar-*, см.: Räsänen, 1920, 197; Федотов, 1968, 133); удм. *šulvor-* «просить, умолять» (← чув. *šulvar-* «тж.»), см.: Wichmann, 1903, 101; Munkacsi, 1896, 473; 1884, 56; Тараканов, 1981, 44; 1982, 37; 1993, 119; ср. Алатырев, 1959, 55).

Слово достаточно широко представлено в древних письменных памятниках и в живых тюркских языках (за исключением кыргызской и якутской групп). Для огузской, карлукской, тобаской и болгарской групп характерна форма **jalwar-*, а для кыпчакской – *jalbar-*. Распределение указанных форм наблюдается уже в материалах самых старых тюркских памятников. В уйгурских и татарских диалектах встречаемся с поздним смешением этих двух форм.

Морфологическая структура тюрк. *jalbar-* «умолять» не ясна. Г. Дёрфер полагает, что на тюркской почве структура слова необъяснима и рекомендует искать внешние источники этого слова (Doerfer, 1975, 108).

К. Брокельман предполагает, что слово *jalvar-*, возможно, образовано от *jalvi* «волшебство» и глагольного аффикса *-ar-*, и указывает на возможную связь с *jalīn-* «молиться» (Brockelmann, 1954, § 170), однако эта этимология вызывает сомнения, так как чтение *jalvi* не подтверждается позднейшими источниками и не обоснована ее семантическая сторона.

Э.В. Севортян предполагает генетическую связь между *jalbar-* «просить», «умолять» и *jalīn-* «умолять», при этом он интерпретирует *jalbar-* ~ *jalwar-* как редкую интенсивную форму на *-ba-* // *-va-* от производящей глагольной основы **jal-* «просить, умолять», представленной в общетюрк. *jalīn-* «умолять» (рефлексивная форма на *-in-* от *jal-*), бар. *jalir-* «просить прощения, умолять» (Радлов, III, 169); койб. *jalyan-* «просить, умолять» (Радлов, III, 176) и т.п. (ЭСТЯ, 1989, 107), а аффикс *-r-*, по его предположению, является одним из показателей интранзитивных глаголов (ЭСТЯ, 1989, 93). Генуинность производящей основы тюркских слов *jalbar-* и *jalīn-* вроде бы подтверждается реально функционирующими в ряде тюркских языков парными сочетаниями этих глаголов типа каз. *žalīnīp-žalbarīp*, кирг.

žalınır-žalbarır «умоляя и упрасивая»; однако ср. каз. *žalınır žalbar-* «умоляя упрасивать», «усиленно просить».

В традиционных алтаистических работах тюрк. *jalbar-* «просить», «умолять»; «молить» обычно сближается с монг. *žalbari-* «молить, обращаться с просьбами к божествам» как гетуинные на праязыковом уровне (Ramstedt, 1935, 466; Ramstedt, 1957, 180; Räsänen, 1969, 182), ср.: п.-монг. *žalbari-* «молиться» (Lessing, 1960, 1030), ср.: *žalbariba öleskülengöse* (~ чаг. *jalbardı ačlıqtın*) «молился от голода»; *žalbariba tengridü* (~ чаг. *jalbardı tengrige*) «молился богу» (Поппе, 1938, 200); *žalbariba* (ИМ) «призывал милосердие» (Поппе, 1938, 439); х.-монг. *žalbira-* «молиться, молить, умолять»; *žalbiral* «моление, мольба, просьба» (БАМРС, II, 202); бур. *zal'bar-* «просить, умолять»; «молиться»; *zal'bra* «мольба», «моление»; калм. *zal'wrä-* «молиться»; «просить», «умолять» (Ramstedt, 1935, 466); *zal'wrä-* «просить о милости»; «обращаться с молитвой» (Тодаева, 1976, 285); ойр. *žälwěř-* «молиться, умолять»; «настойчиво просить о милости» (Тодаева, 2001, 155); дагур. *žal'bari-, žalbır-, žalbari-* «молиться» (Тодаева, 1986, 142); в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., харч., чач., орд. *žalbari-*, шгол. *žalwira-* «молить, обращаться с просьбами к божествам» (Тодаева, 1981, 153).

В новейших исследованиях монгольские формы вполне обоснованно трактуются как раннее тюркское заимствование: пратюрк. **jalbar-* ~ прабулг. **žalbar-* «просить, умолять»; «молиться» → прамонг. *žalbari-*, п.-монг. *žalbari-* ~ *žalbar-* «умолять», «молиться»; ср.-монг. *žalbariqči* «молящийся» (см. Doerfer, 1975, 108; Щербак, 1997, 121, 176, 240; EDAL, II, 1525-1526).

В «Этимологическом словаре алтайских языков» тюрк. *jalbar-* «просить, требовать» рассматривается наряду с такими однокоренными, по предположению авторов, тюркскими же словами, как *jäl* «цена, плата, наем», *jälla-* «нанимать», *jällaw* «цена, плата, наем», *jälči* «слуга»; *jalavač*, *jalavar* «посол», *jalči-* «получать удовлетворение, быть счастливым», *jalčit-* «давать удовлетворение», *jalın-* «просить» и сближается на праалтайском уровне с предположительно гомогенным монгольским **žala-* «просить, приглашать» (см. EDAL, II, 1525-1526).

Здесь в тюркской части объединены без достаточных обоснований четыре или даже пять гетерогенных основ: 1) *jalbar-* «умолять, молить»; 2) *jäl* «наемная работа», *jäl-la-* «нанимать», *jällaw* «наем, наемная работа, плата (за наемную работу)» (Räsänen, 1969, 181; см. каз. *жал* «наемная работа»); 3) *jal* «отдых»; «передышка», *jalči-* «получить удовлетворение», *jalčit-* «давать удовлетворение» (ЭСТЯ, 1989, 85); 4) *jalabač* ~ *jalavač*, *jalavar* «посол, посланник» (Räsänen, 1969, 181; ЭСТЯ, 1989, 89) и 5) *jalın-* ~ *žalın-* «умолять, упрасивать» (ЭСТЯ, 1989, 107). Из этих основ в возможных генетических связях находятся только *jalbar-* «просить» и *jalın-*

«умолять», хотя родство производящих основ и этих слов остается про-

блематичным. Ареалы этих двух слов почти совпадают, но требует объяснения отсутствие *jalin-* в огузских языках (за исключением туркменского) при наличии в них *jalwar-* (туркм. *jalbar-*). Серьезные трудности возникают и при сравнительном анализе семантики этих слов: *jalbar-*, по крайней мере в древности, имело сакральное значение «молить богов»; ср.: др.-тюрк. *tānrigärü jalbarur* «он обращается с мольбой к небу» (т.е. Богу. – Ж.Т.) (ДТС, 228); *bajatqa sıynıyl qatry jalvara* «ищи убежища у бога, упорно молясь (ему)»; *töpün tüšti tümän tümän jalvardı* «он пал ниц и десятки тысяч раз умолял»; *qamay beş azun tınıtylar oylanı üçün jalvara ötünür biz* «мы умоляем ради живых существ пяти миров» (ДТС, 230) и т.д.; алт., тел. *jalbar-* «делать приношение», «приносить жертвоприношение» (Вербицкий, 1884, 72; Будагов, 1871, II, 338; Радлов, III, 187-188). В семантике *jalın-* «умолять», «умильно просить», «упрашивать», «докучать», «подхалимничать», «заискивать», «угождать», наоборот, преобладают профанные значения. Это, конечно, не случайно. В древнетюркском языке эти слова употреблялись строго дифференцированно: *jalbar-* употребляется в сакральной сфере, при обращении с молитвами к богам, а *jalın-* «просить» – в профанной сфере, при обыденном обращении с просьбами к простым смертным. Однако филиация семантики на сакральные и профанные значения могла произойти и в результате морфологической деривации, поэтому возможность генуинности производящей основы **jal-* в указанных словах исключить нельзя.

Требуют подробного изучения взаимоотношения между тюрк. **jal-* «просить и монг. *žala-* «просить»; «приглашать». Рассмотрим перечень форм, представленных в монгольских языках, ср.: прамонг. **žala-* «просить», «приглашать»: п.-монг. *žala-* «приглашать, просить» (Lessing, 1960, 1029); х.-монг. *zalä-* «приглашать, просить пожаловать»; «привозить священную книгу, культовый предмет» (БАМРС, II, 202); бур. *zalä-* «приглашать, просить пожаловать»; «привозить к себе знатного гостя»; «привозить домой / или получать) священную (или дорогую) вещь»; *zaläl* «приглашение пожаловать куда-либо»; ойр. *zala-* «приглашать, просить пожаловать» (Тодаева, 2001, 150); калм. *zalä-* «приглашать, приносить» (Ramstedt, 1935, 465).

Кстати, в «Калмыцком словаре» Г.И. Рамстедта под заглавным словом *zalχä* рассматриваются значения «править», «управлять», «направлять», «заведовать», «распоряжаться», «гнать» и т.п., которые, в сущности, являются разными значениями одного слова, но в современных словарях монгольских языков обычно распределяются по разным словарным статьям, т.е. толкуются как самостоятельные слова; ср.: монг. *zala-* I «править, управлять (лодкой)»; «направлять»; «выпрямлять, выравнивать»; «лгать, говорить неправду»; *zalä-* II «выгонять (скот на пастбище)»; *zalä-* III «приглашать, просить пожаловать»; *em zalä-* «посылать к лекарю-ламе за лекарством»; «принимать лекарство» (БАМРС, II, 202); бур. *zalä-* I «выпрямлять»; «исправлять»; «направлять (по правильному пути)»; *mal zalä-* «отгонять скот в нужном на-

правления»; *zālā*- II «приглашать, просить пожаловать» и т.д. (см. также Базылхан, 1984, 242). Если учитывать всю совокупность значений, то выясняется, что в монгольском *žala-* заключена не идея «просить, умолять, молить», а прежде всего идея «направить в нужном направлении». Следовательно, монгольское слово не может считаться родственным с тюркскими *jalbar-* «просить, молить» и *jalin-* «умолять, упрашивать».

Монгольское слово, кстати, проникло в тувинский и эвенкийский языки в узком специализированном значении, ср.: тув. *čala* «приглашать, просить»; «вызывать (врача)» (ср. монг. *em zālā-* «посылать за лекарством»); эвенк. *zālā-* «поворачивать (лошадь)» (ср. монг. *mal zālā-* «направлять скот в нужном направлении») (ТМС, I, 245).

В целом же взаимоотношения между тюрк. *jalbar-* ~ каз. *žalbar-* «умолять»; «молить» и монг. *žalbari-* «молиться богу», как выясняется, довольно просты: монгольское слово является ранним тюркским заимствованием из некоторого джокающего восточного тюркского наречия очевидно булгаро-чувашского типа, так как в ряде монгольских слов с корреляцией тюрк. *j-* ~ монг. *ž-* наблюдается проявление ротацизма и ламбдацизма.

Подробнее см.: Wichmann, 1903, 101; Räsänen, 1920, 197; Ramstedt, 1935, 466; Brockelmann, 1954, § 170; Рамстедт, 1957, 180; Федотов, 1968, 133; 2002, 90; Егоров, 1964, 74; Räsänen, 1969, 182; Тараканов, 1981, 44; 1982, 37; 1993, 119; ЭСТЯ, 1989, 92-93, 107; Clauson, 1972, 920; Doerfer, 1975, 108; Щербак, 1997, 121, 176, 240; EDAL, II, 1525-1526.

ЖАЛАН (*žalan*) «одинокий», «в единственном числе»; «один (только)»; «голый»; *žalan ajaq* «босиком», «босой»; *žalan šapan* «только в одном халате»; *žalaŋaš* «голый» < пратюрк. **jalŋ* ~ *jalan* «голый»; «одинокий, единственный»; ср.: др.-тюрк. (енис., с VIII в.) *jalŋ*; орх. *jalan* «голый, нагой» (ДТС, 227); др.-уйг. (с VIII в.) *jalŋ*, карах. (XI в.) *jalŋ* «нагой, голый, обнаженный»; *jalan* «голый, нагой» (ДТС, 227, 229; Clauson, 929-930); туркм. *jalan* «голый, обнаженный, открытый»; «бедный, неимущий»; «обычно, всегда, постоянно»; «все, большинство»; *jalan ajaq* «босоногий», «босиком»; *jalan jüz* «безбородый (о юноше)»; тур. *jalın* «обнаженный (в разных значениях)»; «нагой, голый»; «один, единственный, одинарный»; «чистый, без примеси»; *jalın ajak* «босой, босоногий»; «босиком»; *jalınkat* «одинарный, однослойный, одноэтажный»; «непрочный»; «поверхностный, неглубокий»; аз. *jalın* «обнаженный, оголенный, голый, нагой»; «не прикрытый одеждой (о части человеческого тела)»; «ничем не закрытый (о предметах)»; «лишенный растительного покрова»; «без всяких орудий, приспособлений»; *jalın ajaG* «босой, босоногий, голоногий»; «босиком»; *jalın baş* «с обнаженной головой (без головного убора)»; «лысоголовый», «имеющий лысину, с лысиной (о человеке)»; «лишенный растительности, покрова, обнаженный, голый»; аз. *jalın* «обнаженный, оголенный, голый, нагой»; «не прикрытый одеждой (о части человеческого тела)»; «ничем не закрытый (о предметах)»; «лишенный растительного покрова»; «без всяких орудий, приспособлений»; *jalınajaG* «босой, босоногий, голоногий»; «босиком»; гаг. *jalın* «голый», «обнаженный» в *jalın ajaq*, *jalınajak* «босой», «босиком»; сал. *jalyus*, *jäljus*, *jelxus* «один, одинокий»; «холостяк» (Тенишев, 1976, 344, 353); халадж. *jalyus*, *jalyoz* «одинокий»; чаг., тар. *jal'an* «голый, нагой»; «один, только» (Радлов, III, 158); чаг. *jil'an* «голый»; «солдат, легко вооруженный» (Радлов, III, 518); узб. *jalang* «голый»; «всегда, постоянно»; «холостяк» (в составе парн. *jāš-jalanglar*, *jigit-jalanlar* «молодые люди, парни, молодежь»: *jalang əjəq* «босые ноги»; «босой, босоногий»; «босиком»; «босяк, бродяга»; *jalang jer* «голая земля (без деревьев, строений и т.п.)»; «открытая равнина»; «открытая, голая местность»; *jalangliq* «открытая ровная местность без насаждений и построек»; уйг. *jalan* «голый, обнаженный»; «сплошь, исключительно»; *jalan ajaq* «босой»; *jalan* «голый»; «одинокий, в единственном числе, только один»; «сплошь, исключительно»; «только лишь, одни только, одни лишь»; *jalan jašlar kaldi* «пришла одна только молодежь»; *jalan dala* «голая степь»; *jalanliq* «открытое место, прогалина»; «нагота»; лобн. *jalan*, *jalan* «голый»; «один только»; *jalan išek* «осел без седла» (Малов, 1956, 117); *jalın*: в парном *joy-jalın* «босой» (Малов, 1956, 121); кумык. *jalan* «голый, обнаженный, нагой»; «все без исключения»; *jalan ajaq* «босой, босоногий, разутый»; *jalan baş* «с непокрытой головой»; «без головного убора»; кар. *jalan* «нагой, голый»; *jalan atlı* «всадник, верховой»; *jalın* «босой»; *jalan ajaq*, *jalın ajaq* «босой, босиком, босоногий»; к.-балк. *žalan* «голый (в разных значениях)»; «налегке,

раздетым, голым»; «только, лишь»; *žalan bidir* «оборванец, голопузый»; кр.-тат. *jalan* «голый» (Радлов, III, 160; *jalaŋ* «голый, нагой» (Радлов, III, 165); тат. *jalan* «поле, степь, луг»; *jalan žir* «степь, голая земля (без деревьев, строений и т.п.)», «открытая равнина»; «открытая, голая местность»; *jalan taw* «лысая гора»; *jalan ajaq* «босой, босоногий»; «босиком, на босу ногу»; тат. диал. *jalan* «все время, всегда, постоянно»; «во всяком случае»; «все равно»; *jalan at* «конь без седла» (ТТДС, 1969, 162; 1993, 107); *žalan* «тж.»; *žalan sajin* «всегда», «постоянно»; *žalan at* «конь без седла»; *žalan* «только лишь, без ничего, без добавления чего-либо»; «совершенно, совсем, весь»; «лишь, лишь только, исключительно»; «мелкий лес, полесье» (ТТДС, 1969, 564); «постоянно, беспрестанно, непрерывно»; «поляна» (ТТДС, 1993, 410); зап.-сиб. тат. *jalan jalan* «всегда, постоянно»; *jalan at* «верхом на лошади»; *jalaŋ* «луга» (Тумашева, 1961, 117); *jalan* «голый, обнаженный»; «всегда, постоянно»; «открытое поле», «луга»; *jalan jalan* «всегда, постоянно»; *jalan at* «верхом на лошади»; *jalaŋ* «голый, обнаженный» (Тумашева, 1992, 66); бараб. *jalan* «голый»; *jalanı mina* «нарочно»; *jalaŋ* «голый, открытый (о местности)»; *jalaŋ tola* «раздолье (букв. «голая степь»)»; «нагой, голый» (Дмитриева, 1981, 141); башк. *jalan* «поле», «открытая местность»; «каждый раз, все время»; *jalan baš* «обнаженная голова»; «с непокрытой головой, без головного убора»; *jalan qul* «голыми руками»; башк. диал. *jalan* «всегда, постоянно»; *jalan buranı* «поземка»; *jalan gindër* «неплотно вытканый холст»; *jalan-japan* «поле»; *jalan qabat, jalan qat* «простодушный»; *jalan sana* «дровни»; *jalan sajin* «постоянно»; *jalan täpaj, jalan ajaq* «босиком» (ДСБЯ, 108); ног. *jalaŋ* «непокрытый, неприкрытый»; «сплошь и рядом, подряд, всё, только»; *jalaŋ ajaq* «босой, босый»; «босиком»; «босяк, бродяга, нищий»; к.-калп. *žalaŋ* «одинарный»; «легкий, легко»; «только, исключительно»; *žalaŋ ton* «пальто без ваты»; *žalaŋ ajaq* «босиком, босой»; «босяк (опустившийся человек)»; *žalaŋ šapan* «только чапан (без какой-либо другой одежды)»; кирг. *žalaŋ* «только, исключительно»; «голый»; *žalaŋ qat* «однослойный»; «недостаточный»; *žö-žalaŋ* «пешие и конные»; *žalaŋ*: в составе *žilaŋ ajaq, žilaŋ but* «босой, босиком»; «босяк»; кирг. диал. *žilaŋ* «равнина» (Мукамбаев, 1976, 537); алт. *d'alaŋ* «поле, долина, равнина»; «открытое голое место»; «проталина»; туба *d'alaŋ* «равнина, степь, поле, поляна» (Баскаков, 1966, 113); куманд. *d'alaŋ, čalaŋ* «поле, полянка»; «голый, неоседланный» (Баскаков, 1972, 210, 266); лебед. *jalaŋ* «поле, долина, равнина»; «широкий» (Баскаков, 1985, 148); алт., кюэр., леб. *jalaŋ*, тел. *d'alaŋ, jalaŋ* «поле, долина, равнина»; «широкий» (Радлов, III, 157); туб. *jilaŋ* «голый» в составе *jilaŋajaq* «босиком», *jilaŋaš* «голый», *jilaŋašta-* «раздевать, обнажать» (Радлов, III, 482); хак. *čalaŋ* «верхом (на неоседланной лошади)»; *čalaŋmas* «без головного убора, с непокрытой головой»; шор. *čalaŋ* «равнина»; «без седла»; *čalaŋ bar-* «поезжай без седла верхом» (Радлов, III, 1879); с.-юг. *jalaŋ* «голый» (Тенишев, 1976, 182); чув. *julan*: в составе *julan ut* «верховой», «верхом на лошади»

(← ср.-кыпч. *jalan at*): *jalan* «всегда, постоянно, все время» (← тат. *jalan*); видимо, сюда же чув. *šara* «голый»; «исключительно»; «один только»; «сплошь»; «в чистом виде» и т.п., в виду нетривиальных фонетических соответствий не получившее убедительной этимологии (см. Федотов, 2002, 268), а также *šaran* «луг, луга» (ср.: тюрк. *jalaŋ, jalan* «луг», «поляна», «голая степь» и т.п.).

В формальном отношении выявляются следующие ареально-географические фонетические особенности: 1) в огузской группе тюркских языков (за исключением туркменского) представлены формы с узким гласным *i* во втором слоге, т.е. *jalin*; отмеченные в крымско-татарском (южный диалект) и караимском (крымский диалект) формы *jalin*, бытующие параллельно с *jalan*, своим происхождением обязаны влиянию турецкого языка; во всех остальных языках бытуют формы с широким гласным *a* во втором слоге, т.е. *jalan* ~ *jalaŋ* и их закономерные фонетические варианты; 2) по качеству конечного согласного все известные формы подразделяются на два больших ареала: западный, охватывающий огузские (за исключением туркменского) и западные кыпчакские (куманская и урало-поволжская ветви) языки с ауслатным переднеязычным носовым смычно-щелевым сонорным согласным *n*, и восточный, охватывающий карлукские, восточные кыпчакские (канглийская и периферийная ветви) и кыргызские (хакасский и игорский) языки (в тобаской и якутской группах основа **jalaŋ* в чистом виде не представлена, но выделяется в составе производных, см. перечни соответствий под каз. *жалаңаш* и *жалгыз*). Судя по свидетельству письменных памятников, распределение форм **jalin* и **jalaŋ* произошло уже в древнетюркскую эпоху.

В особую группу выделяются киргизский и алтайский языки, в которых наблюдается параллельное бытование междиалектных форм с широким и узким гласным в первом слоге, ср.: алт. *d'alaŋ* ~ туба *jilaŋ*; кирг. *žalaŋ* ~ *žilaŋ* «голый», что сближает эти языки с кыргызским, ср. хак. *čilās*, шор. *čilāš* (<**jilaŋač*) «голый».

Относительно анлаутного среднеязычного *j*-распределение фонетических вариантов по языкам (*j* ~ *ǰ* ~ *ž* ~ *d'* ~ *č*) происходит строго по установленным в тюркской компартивистике закономерностям.

Особого фонетического обоснования требует включение в данный перечень межтюркских соответствий чувашского *šara* «голый, нагой, обнаженный»; «оголенный»; «голый, чистый, пустой»; «чистый, без примесей»; «сплошной»; «совершенный, исключительный» (см. также: Ашмарин, XII, 58: «голый»; «исключительно, один только, сплошь, в чистом виде»; «сплошной, чистый»; «поляна, луг на возвышенном месте» и т.п.) и производных на его основе: *šaramas, šaramaš* «раздетый», «без верхней одежды»; «голый, обнаженный»; *šaran* «луг (обычно не заливной)»; «покос» и т.п., до сих пор остающихся без достоверной этимологии (см.: Егоров, 1964, 204; Федотов, 1996, 86-87; 2002, 268-269). С семантической стороны чувашские формы практически полностью соответствуют тюркским па-

раллелям **jalaŋ* «голый», «открытое голое место», «луг» и **jalaŋač* «голый», что не оставляет сомнения в их генетической взаимосвязанности, однако чувашские формы фонетически не сводимы с их тюркскими параллелями.

Внутренняя реконструкция чувашского *šara* «голый» указывает на ряд возможных архетипов этого слова непременно с переднерядным вокализмом: **järä ~ *järäg ~ *järäj* и т.п. С учетом чувашского *šaran* «луг» более предпочтителен вариант **järäj* «голый». Чувашское *šaramaš* (диал.) несомненно соотносимо с общетюркским **jalaŋač* «голый, нагой», так как содержит идентичный морфологический элемент. Поэтому есть основания реконструировать для протобулгарского состояния переднерядный архетип **järäj* «голый», генинный со стандартной тюркской праформой **jalaŋ* с заднерядным вокализмом. Соотношение между чувашским *r* и общетюркским *l* такое же, как в слове *balta* (~ чув. *purDä*) «топор». В.Г. Егоров, видимо, интуитивно предчувствовал генинность чув. *šara, šaramaš* «голый», когда сопоставлял это слово с уйг. *jalaŋ, jalaŋač*, кирг. *žalaŋač* «голый, нагой» и хакасским *čalaŋmas, čalamas* «голый, обнаженный» (Егоров, 1964, 204). Татарская и башкирская формы *šärä* «голый», «облезлый», «оголенный», по всей вероятности, обязаны своим происхождением булгаро-чувашскому субстрату (Федотов, 2002, 268).

В морфологическом аспекте в общетюркском **jalaŋ ~ *jalın* «голый» обычно выделяют глагольную основу *jal-* «раздевать», «снимать», «оголять» (ср. др.-тюрк. *jalın-* «раздеваться», см. ДТС, 229; кирг. *žalan-* «обнажаться»), ср. еще: **jal-* «быть лишенным, голым, одиноким» (ЭСТЯ, 1989, 95) и деривационный именной аффикс *-ŋ ~ -n* (Räsänen, 1957, 120; Севортян, 1966, 221; Щербак, 1977, 173; Clauson, 1972, 929-930; см. также ЭСТЯ, 1989, 105-106). М. Рясänen упоминает *-ŋ* среди отименных и отглагольных формантов (Räsänen, 1957, 107-108, 138-139), но ничего не пишет об их гомогенности или гетерогенности.

Из среднетюркского слово проникло в калмыцкий, ср.: калм. *jaläj* «простой»; «один, единственно, только», «отдельно, обособленно» (Ramstedt, 1935, 214). Ауслуточный заднеязычный носовой *-ŋ* указывает, что источником заимствования является вариант *jalaŋ* «голый», представленный в восточном ареале – в карлукских и части кыпчакских языков.

В этимологических работах нередко смешиваются паронимичные основы *jalaŋ* «открытая местность» и *alaŋ* «ровная обширная местность», «равнина» (см., например, ЭСТЯ, 1974, 134-135; 1989, 91; Дмитриева, 1984, 139-141 и др.). Эти основы несомненно имеют разное происхождение, что явно прослеживается в их семантике, ср.: др.-тюрк. *jalaŋ* «голый, нагой» ~ каз. *žalaŋ* «один (только)»; «голый»; отсюда – «голое, лишенное растительного покрова пространство», «открытая, голая (без деревьев, строений и т.п.) местность» (ЭСТЯ, 1989, 91); но др.-тюрк. *alaŋ* «плоский, ровный

(о местности)» ~ каз. *alaŋ* «площадь», «поляна», «поле» (см. ЭСТЯ, 1974, 134-135).

В тюркских языках слово *jalaŋ* «голый» имеет очень широкий семантический спектр и поэтому в этимологических разработках различные семантические филиации этого слова иногда рассматриваются без всяких на то оснований как отдельные самостоятельные слова; см., например, *jalan* «открытое голое место» (Räsänen, 1969, 181; ЭСТЯ, 1989, 91); *jalan* «постоянно, всегда» (Räsänen, 1969, 181: < *jalya*- «связывать»?); в ЭСТЯ вообще не рассматривается); *jalaŋ* ~ *jalm* «обнаженный, голый» (Räsänen, 1969, 182; ЭСТЯ, 1989, 104-106).

Тюркское *jalaŋ* «голая, лишенная растительного покрова местность» в алтаистических штудиях часто сближается в качестве генуинного на языковом уровне с эвенкийским *jalan* «луг, равнина, елань» (ТМС, I, 340; Дмитриева, 1984, 139-141), однако среди тунгусо-маньчжурских языков эвенкийская форма стоит изолированно, а потому специалистами квалифицируется как заимствование из русского языка: тюрк. *jalaŋ* «поле, долина, равнина» (< «голый, нагой») → рус. *елань*, *ялань* «ровное безлесное незаболоченное место» → эвенк. *jalan* «луг, равнина, елань» (см. Фасмер, II, 13; IV, 454; Шипова, 1976, 131; Молчанова, 1979, 173; Аникин, 1988, 81; 2000, 197, 198).

См. каз. *жалаңаш*, *жалгыз*.

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 76, 214, 274; 1949, 255; Räsänen, 1969, 182, 187; Clauson, 1972, 929, 930, 931; Doerfer, 1975, № 1809; Дмитриева, 1984, 139-141; ЭСТЯ, 1989, 97-99, 104-106; EDAL, II, 990, 1511-1512; Эхмэтьянов, 2001, 262-263.

ЖАЛАҢАШ (*žalaŋaš*) «голый» *žalaŋašta-* «ободрать», «оголить», «раздеть»; *žalaŋaštıq* «нагота»; ср. еще: кир. (= каз.) *žalaŋaš* «голый, нагой» (Радлов, IV, 37); *žalaŋaš* «голый» (Радлов, IV, 16) < пратюрк. **jalaŋ-ač* «голый, обнаженный, открытый» (в разных значениях, см. каз. *жалаң* «одинокий»); ср. др.-тюрк., карах. *jalındaq* «нагой», *jalındaq er* «нагой мужчина» (МК, III, 51; ДТС, 229; Clauson, 1972, 931); туркм. *jalaŋač* «голый», «обнаженный», «открытый» – в разных значениях: «голый (без листвы, хвои)»; «без растительности, лишенный растительности»; «голый, не покрытый»; «обнаженный (об оружии)»; «бедный, неимущий»; *jalaŋačla-* «оголять, обнажать»; «раздевать догола»; «обнажать оружие»; «лишать листвы, хвои»; тур. *jalinžak* «совершенно один, один-одинёшенек»; «совершенно голый»; «бедный»; *jalinč* «простой, несложный»; тур. диал. *jalinžak* «голый, обнаженный»; *janžaq* «босой»; «голый» (Малов, 1954, 153); салар. *jalanıyaf* «голый»; *jalangadaç* «босой»; *jalangalıç* «босой, босиком» (Тенишев, 1976, 344); *jalaŋaš* «голый, обнаженный» (Kakuk, 1962, 194); ср.-тюрк. *jalinčaq* «голый, обнаженный» (Из. дар, 305); *jalanš* «тж.» (Из. дар, 304); *jalinžaq*, *jalanš* «голый, обнаженный» (Atalay, 1945, 276, 277); *jalaŋanš bol-* «обнажаться, раздеваться»; *jalanšla-* «тж.» (Из. дар, 304); *janluz* «только, лишь, один» (Фазылов, 1966, I, 478-479); чаг. *jalinčaq* «обнаженный»; «ограбленный» (Радлов, III, 170); *jilanyač* «pastille odorante» (Радлов, III, 518); уйг. *jalaŋač*, *jaliŋač* «раздетый, голый, обнаженный»; «рассёдланный (о лошади)»; (хам.) *jalanıyaš*, (хот.) *jalanac* «голый» (Малов, 1961, 115); ж.-уйг. *janıca* «в одиночку, одиноко» (Малов, 1954, 37); уйг. лит. *jalaŋač*, *jalanıyač*, *jaliŋač* «обнаженный, голый, нагой, оголенный, раздетый», «рассёдланный»; *jalanıyač at* «рассёдланный конь»; *jalanıyidaq* «голый»; «босой»; узб. *jalanıyac* «голый, нагой, оголенный, раздетый»; узб. диал. *jälänıyač*, *jälänıyac*, *žalaŋač* «голый, нагой, обнаженный»; лобн. *jalaŋtaq* (< *jalaŋ* + чаг. *taq* «не-чет») «голый, одинокий»; «человек, ничего не взявший себе на дорогу» (Малов, 1956, 117); кумык. *jalanıyač* «голый, нагой, раздетый»; кар. *jalanıyač*, *jalanıyac*, *jalaŋıyač*, *jalyač* «голый, обнаженный, нагой»; к.-балк. *žalanıyač* «раздетый, плохо одетый»; «раздетый и разутый»; тат. *jalanıyač* «голый, нагой, раздетый, оголенный, обнаженный»; «безлиственный, безлистый, голый (о растениях)»; «открытый, голый»; *jalanıyač qır* «открытое поле»; *jalanıyač balıq* «голец»; *jalanıyač qučqar* «слизень, слизняк»; каз. (= тат.) *jalaŋač* «голый, нагой» (Радлов, III, 158); башк. *jalanıyas* «раздетый, обнаженный»; «безлиственный, безлистный (о растении)»; «открытый, голый (о местности)»; *jalanıyas quşqar* «слизень, слизняк»; ног. *jalanıyaš* «голый, нагой, раздетый, обнаженный»; «открытый, голый (о местности)»; к.-калп. *žalanıyaš* «голый, нагой»; *qıppa žalanıyaš* «совершенно нагой»; кирг. *žalaŋač*, *žilaŋač* «голый, нагой»; *žilaŋač uj* «корова (в отличие от яка)»; алт. *d'alaŋaš* «раздетый, голый, обнаженный»; туба *d'ılaŋaš* «нагой» (Баскаков, 1966, 118); алт. *jalanıyaš*, тел. *d'alaŋaš* «голый, нагой» (Радлов, III, 159); туб. *jalāč* «голый, нагой» (Радлов, III, 162); койб. *d'ilās* «голый» (Радлов, III, 483);

jalās «голый, нагой» (Радлов, III, 162); туб. *jilaŋaš* «голый», *jilaŋašta-* «раздевать, обнажать» (Радлов, III, 482); лебед. *jilāč* «голый» (Радлов, III, 483); кач. *jalās* «голый» (Радлов, III, 162); кюзр. *jalāc* «голый, нагой» (Радлов, III, 162); хак. *čalās* «нагой, голый»; «неопушенный, неоперившийся»; хак. диал. *čilās* «тж.»; *čilač, čilās'* «один, единственный», «одиночка» (Доможакова, 1948, 143, 162); кызыл. *čilač* «босиком»; саг. *čilās* «голый»; *čilās čistāk* «костяника»; *čilās ari* «шершень»; *čilās azaq* «босиком»; *čalazaq* «босой» (Радлов, III, 2085); шор. *čilās* «голый, нагой» (Радлов, III, 2086); чулым. *calāč* «голый»; тув. *čanayaš* «голый, обнаженный по поясу»; якут. *syjjaχ, syjŋjaχ, syjŋjaχ, syjjaχ, sīŋjaχ* «нагой, обнаженный, голый (человек)», «голыш, безодежный, раздетый»; «нагота» (Пекарский, 1927, 2434, 2435, 2466, 2471, 2477); чув. *šaramas* «голый, нагишом, без одежды, или без верхней одежды» (Ашмарин, XII, 60-61).

В ареально-географическом отношении форма **jalaŋač* «голый» в закономерных для отдельных языков фонетических модификациях представлена во всех тюркских языках, за исключением древних письменных памятников и огузской группы, к которой примыкает еще язык желтых уйгуров. Исключением в огузской группе является туркменская форма *jalaŋač* «голый» (ср. также туркм. *jalaŋ* «голый», при огуз. **jalŋ*, с.-юг. *jalyŋ* «голый»). Производящей основой является общетюркская **jalaŋ* «голый», от которой образованы также др.-тюрк. *jalyŋ-daŋ* «нагой», ср.-тюрк. *jalyŋ-čaŋ* «голый», чаг. *jalyŋ-čaŋ* «обнаженный» и тур. *jalyŋ-žak* «одинокий» с другой аффиксацией, которые считаются диминутивными формами (ЭСТЯ, 1989, 106).

Общетюрк. **jalaŋač* «голый» представляет собой также диминутивную форму, образованную с уменьшительным аффиксом *-ač / -yač* от именной основы *jalaŋ*, хотя К. Брокельман рассматривает это образование как отглагольное прилагательное (Brockelmann, 1954, § 24).

В «Этимологическом словаре алтайских языков» тюрк. **jalyŋ* «голый» и производные на его базе **jalaŋač* «голый» и **jalyŋiz* «одинокий» сравниваются с прамонг. **sildan* «голый»: п.-монг. *sildan, šaldan* «голый» (Lessing, 1960, 750), х.-монг. *šaldan(g)* «голый, обнаженный, раздетый, нагой» (EDAL, II, 1511-1512; подробнее см. каз. *жалгыз*). В другом месте того же Словаря тюрк. *jalyŋiz* в качестве генуинного на праалтайском уровне сближается с прамонгольским **nige* «один»: ср.-монг. *nikan, nigen, nigän*, п.-монг. *nige(n)* «один» (Lessing, 1960, 580), х.-монг. *neg* «один» (EDAL, II, 990).

Однако оба эти сближения весьма проблематичны, так как упираются на серьезные фонетические трудности. Сближению тюрк. *jalyŋ* «голый» с монг. **sildan* «голый» препятствуют следующие обстоятельства: во-первых, отсутствие корреляции тюрк. *j-* ~ монг. *s-* в анлауте; во-вторых, различие гласных первого слога: в тюрк. широкий гласный заднего ряда *a*, в монг. — узкий гласный переднего ряда *i* (форма *šaldan* явно вторична); в-третьих, отсутствие каких-либо следов медиального *-d-* в тюркских языках.

Тюрк. **jalɨɧaʃ* «голый» и монг. *nige(n)* «один» также не сопоставимы в качестве гетуинных, так как в тюркском в первом слоге представлен широкий гласный заднего ряда *a*, а в монг. – узкий гласный переднего ряда *i*; тюрк. **jalɨɧaʃ* заднего ряда, монг. *nige(n)* – переднего; не поддается вразумительному объяснению отсутствие в монгольском слове согласного *-l-* и т.д.

Все это свидетельствует о том, что рассмотренные тюркские и монгольские формы представляют собой вполне самостоятельные образования и нет никаких оснований для их сближения на любом диахроническом уровне. Нельзя рассматривать их и как возможные взаимозаимствования (в любом направлении: тюрк. → монг. или монг. → тюрк.).

Подробнее см. каз. *жалан, жалгыз*.

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 76, 274; 1949, 255; Räsänen, 1969, 182, 187; Clauson, 1972, 929, 930, 931; Doerfer, 1975, № 1809; ЭСТЯ, 1989, 97-99, 104-106; EDAL, II, 990; 1511-1512; Эхмэтьянов, 2001, 262-263.

ЖАЛҒА- (*žalya-*) «присоединять, привязывать» (см. КТТС, III, 569) ср.: др.-тюрк. (в известных письменных памятниках не выявлено); туркм. диал. *jalya-* «соединить» (ТДТДС, 96); осм. *jalqa-* «прицепить, привязать»; «помогать, покровительствовать» (Радлов, III, 171-172); аз. *žala-* «прививать, окулировать»; «притачивать, пришивать»; «разливать, поливать»; *žalan-* «быть привитым»; «быть приточенным, пришитым»; «быть пролитым, разлитым»; вост.-тюрк. *jalya-* «привязывать» (Zenker, 1876, II, 954); чаг., уйг. *jalya-* «прибавить в длину (сшиванием, связыванием, склеиванием, сращиванием, спаиванием)» (Радлов, III, 174); кумык. *jalya-* «увеличивать (сшиванием, привязыванием, склеиванием, спаиванием)»; «присоединить»; к.-балк. *žalya-* «соединять кого-что»; «сцеплять, наращивать, надставлять»; «прививать»; *žalyaw* «надставка, вставка»; «то, что надставлено»; каз(ан.-тат.) *jalya-* «спаивать, варить железо, связывать»; *jalyaw* «спайка»; кирг. *žalya-* «надвязать веревку, чтобы сделать ее длиннее» (Будагов, 1871, II, 339-340); каз(ан.-тат.) *jalya-* «прибавить в длину (сшиванием, связыванием, склеиванием, сращиванием, спаиванием)»; *jalyaw* «связка, спайка, сшивка» (Радлов, III, 174); тат. *jalya-* «соединять, присоединять, сцеплять»; «надставлять, вставлять, сшивать»; «прививать»; «сращивать»; каз(ан.-тат.), бар. *jalya-* «прибавить в длину, наставить (сшиванием, связыванием, склеиванием, сращиванием, спаиванием)» (Радлов, III, 174); башк. *jalya-* «наставлять, прибавлять что-либо в длину»; «присоединять (сшиванием, связыванием, склеиванием, сращиванием, спаиванием)»; «прививать (дичок к какому-либо растению)»; *jalyaw* «спайка»; «сшивание»; «прививка», «шов»; ног. *jalya-* «надставлять, присоединять что-либо (сшиванием, связыванием, склеиванием, сращиванием, спаиванием)»; к.-калп. *žalya-* «надставлять (напр., рукава)»; «соединять»; «помогать, приходить на помощь»; кирг. (= каз.), каз(ан.-тат.) *žalya-* «прикреплять, привязать, (увеличив длину прибавлением чего)» (Радлов, IV, 39); кирг. *žalya-* «надставлять»; «соединять»; «помогать (оказывать благодеяние)»; *žalyō* «надставка»; алт. (туба) *jalyaš-* «навязываться кому-либо» (Баскаков, 1966, 120); якут. *salyā-* «удлинять»; «продолжать, возобновлять»; «начинать вновь (что-либо прерванное)»; «давать взаймы, оказывать временную материальную помощь»; якут. *salyā-* «приставлять, наставлять (оборванное, сломанное, веревку), надставлять, приштуковать, притачивать (пришивать тачкою), соединять узлом две веревки, образовать узел»; «связывать узлом»; «передавать, пересказывать»; «ссужать» (Пекарский, 1925, VII, 2046-2047).

М. Ряснен реконструирует два варианта архетипа основы – **jalqa-* и **jalya-*, но первый вариант в тюркских языках не находит поддержки. В ряду межтюркских соответствий в качестве генуинного с *jalya-* «присоединять» он приводит также тюрк. *jalyan* ~ *jalan* «ложь, обман» (Räsänen, 1969, 183), но последние формы имеют другое происхождение (см. каз. *жалган* «ложь»).

Рассматриваемое М. Рясняном в этом же ряду чувашское слово *šix-* «вязать», «связывать» по фонетическим соображениям следует отделять как от тюркского *jalya-* «(при)соединять», так и от его монгольского прототипа **žalya-* «тж.». Внутренняя реконструкция чув. *šix-* «вязать» указывает на архетип **čaq-* или **jaq-*, но тюркский материал не дает подходящих семантических соответствий. Наиболее приемлемо выведение чувашского *šix-* «вязать» из тюрк. *čal(i)q-* < *čal-* «наматывать» ~ каз. *šal-* «привязать веревку или нитку к чему-нибудь в обхват».

Слово представлено в кыпчакских языках, в уйгурском и якутском; особняком стоит азербайджанская форма *žala-* «прививать, притачивать». Узко ареальный характер слова *jalya-* «прибавить в длину»; «присоединять»; «надставлять», а также его отсутствие в тюркских письменных памятниках скорее свидетельствует о его заимствованном характере.

В этимологических разработках *jalya-* обычно сближается с монгольским *žalya-* «прикреплять, присоединять, соединять вместе» (Ramstedt, 1935, 464–465; Räsänen, 1969, 183; Poppe, 1960, 28, 75, 86; Ряснян, 1955, 195; Doerfer, 1975, № 1873; ЭСТЯ, 1989, 12–14), ср.: прамонг. **žalya-* «прикреплять, присоединять»: ср.-монг. (SH) *žalqa-*, п.-монг. *žalya-* «(при)соединять», «связывать»; «сцеплять», «приставлять»; «надставлять» (Lessing, 1960, 1022); х.-монг. *zalyā-* «присоединять, соединять, связывать»; «сращивать»; «сцеплять, приставлять, надставлять (напр., лоскуток, нить, веревку, провод)»; «подключать, включать»; «продолжать»; «подкрепляться, закусывать»; «унаследовать» (БАМРС, II, 203); бур. *zalyā-* «(при)соединять, связывать, сращивать, сцеплять, приставлять, надставлять (напр., лоскуток, нить, веревку, провод)»; калм. *zalyā-* «присоединять, соединять»; «надставлять, сращивать (напр., материал, веревку, провод)»; «оказывать помощь»; «сохранять (напр., жизнь)» (см. Ramstedt, 1935, 464–465); ойр. *zalyā-* «(при)соединять»; «связывать, надставлять, сращивать»; «продолжать» (Тодаева, 2001, 150); орд. *žalGa-* «тж.»; дагур. *žalyā-*, *žalegā-* «(при)соединять»; «связывать, сращивать» (Тодаева, 1986, 142); дунс. *žanya-*; баоань. *žalχā-*; ш.-юг. *žalGažab-*; монгор. *širGa-*, *žalGā-* «тж.»; в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., архорч., барин., онн., найм., хеш., харч., тум., урат., чох., орд. *žalya-*, шгол., дарг.-мянг. *zalya-* «(при)соединять»; «связывать»; «сцеплять, приставлять»; «надставлять» (Тодаева, 1981, 153) и др.

В кыпчакских, чагатайском, уйгурском и якутском *jalya-* «(при)соединять» является среднемонгольским заимствованием (см. Doerfer, 1985, 23; ЭСТЯ, 1989, 12–14; Рассадин, 1980, 52, 53, 74, 78; EDAL, II, 1526–1527). В монгольском **žalya-* «(при)соединять» явно выделяется морфологический элемент *-ya-* – аффикс побудительного залога, присоединяющийся к первичным глагольным основам, оканчивающимся на согласный *-l* или *-r* (Санжеев, 1964, 27, 63) и глагольная основа *žali-* (ср. да-

гур. *žalegā-*), которая сопоставима с тюркским **jal(a)-* «соединять», «связывать», выделяемом в составе *jalaw* (~ каз. *žalaw*) «знамя», **jalama* «нечто привязанное» (см. ЭСТЯ, 1989, 99-100; EDAL, II, 1526-1527); ср. также др.-тюрк. *jalu* «веревка, используемая для привязывания жеребят» (МК, III, 307; ДТС, 230); уйг. *žala* «длинный пучок черных ниток, подвязываемый к косе для украшения» и др. (подробнее см. каз. *жалгау* «флаг»).

В историко-этимологических исследованиях тюркские и монгольские формы сближаются с тунгусо-маньчжурским *žala-n*, ср. эвенк. *žalan* «орган, сустав», маньчж. *žala-n* «сустав», «звено, коленце (у растения)»; «колени, поколение, потомство, род, племя» и т.п. (перечень соответствий см. ТМС, I, 245-246) в качестве прародственных на алтайском уровне (Poppe, 1960, 28, 75, 86; EDAL, II, 1526-1527), однако этот вопрос весьма проблематичен и требует дальнейших изысканий. Что же касается тюркско-монгольских взаимоотношений, то они представляются следующим образом: тюрк. **jal-* «связывать, соединять» проникло в прамонгольский в виде **žala- ~ *žali-* «(при)соединять» (во второй период по Дж. Клоусону) и получило морфологическое наращение *-ya-*; из среднемонгольского *žalya-* «(при)соединять» проникло в чагатайский и уйгурский, а также в ряд кыпчакских языков, в том числе и в казахский; см. каз. *жалгама* «приставной»; *жалган-* «присоединяться»; *жалгас* «последующий»; *жалгау* «продолжение».

Подробности см.: Ramstedt, 1935, 464-465; Рясянен, 1955, 195; Poppe, 1960, 28, 75, 86; Räsänen, 1969, 183; Doerfer, 1975, № 1873; Рассадин, 1980, 52, 53, 74, 78; ЭСТЯ, 1989, 12-14, 99-100; EDAL, II, 1526-1527.

ЖАЛГАМА- (*žalyama*) «приставной»; «приставленный»; «последовательный»; «следующий один за другим»; «приставленный один к другому» (КТТС, III, 569); *žalyamalı* «составленный из частей»; *žalyas* «последующий порядок»; ср.: тат. *jalyam* «прищепок, привой»; к.-балк. *žalyam* «надставка, вставка»; «то, что надставлено»; к.-калп. *žalyama* «связанный»; *žalyamaj* «составленный из обрезков (напр., о веревке)»; кирг. *žalyama* «поддельный, фальшивый»; алт. *d'alama* «узкая полоса материи или шнур с белыми и красными лентами, растянутые между двух берез около жертвенника»; «подвесок у колотушки для бубна шамана»; алт. *jalama* «лента» (Будагов, 1871, II, 338); тел. *jalama* «священная веревочка, растянутая между двумя березами с двадцатью тряпочками, из коих средняя имеет вид животного»; «ленты и тряпки, привязанные к камской колотушке (орбу)» (Радлов, III, 164); туба *d'alama* «ритуальные ленты шаманов»; *d'alaman* «ритуальная лента шамана» (Баскаков, 1966, 113); лебед. *d'alama* «кропление брагой» (Баскаков, 1985, 144); *čalim* «ожерелье, бусы» (Баскаков, 1985, 220); хак. *čalata* «шаманская лента»; саг. *čalaŋta* «шаманская лента»; шор. *čalaba* (~ тел. *jalama*) (Радлов, III, 1879); шор. *čalba* «ленты на колотушке шамана» (Радлов, III, 1891); шор. *jalaba* (~ тел. *jalama*) (Радлов, III, 162); тув. *čalata* «разноцветные ленты (на шаманской одежде и священных предметах)»; якут. *salama* «шнур из конского волоса (*siff*) с навешанными на нем пучками конской гривы, прикрепленный серединою к столбу (*baŋax*), а концами к воткнутым в землю по обеим сторонам этого столба березкам»; «волосяная нить с нанизанными на нее дарами добрым и злым духам»; «те-тива, протягиваемая при шаманстве»; «предмет жертвоприношения»; «жертва (трость, кнут, тряпка, пучок волос и т.п.), вешаемая на деревьях или бросаема на землю»; «дерево с зарубками, к которому привязывают животное, жертвуемое сидящему в больном духу» (Пекарский, 1925, VII, 2039-2040).

В формальном отношении приведенный репрезентативный эмпирический материал следует распределить на две группы: кыпчакскую и сибирскую. Общекыпчакская форма **jalyama* ~ **jalyam* в морфологическом плане представляет собой именное образование на *-m(a)* от глагольной основы *jalya-* «(при)соединять», заимствованной из среднемонгольского языка (см. каз. *жалга-*).

Представленные в сибирском ареале формы представляют собой закономерные фонетические модификации общего для северо-восточной группы тюркских языков архетипа **jalama* с общей семантикой «священная подвязка (в виде пучков конских волос, лент, тряпок и т.п.)», связанной с весьма архаичной шаманской ритуальной практикой. В морфологическом плане слово хорошо объясняется на тюркском языковом материале: *jalama* представляет собой именное образование на *-ma* (см. Щербак, 1977, 162-163) от глагольной основы **jala-* «привязывать», «присоединять», «прикреплять», «приделывать» (см. ЭСТЯ, 1989, 99-100). Однако слабость этой

версии заключается в том, что глагольная основа **jal-i- ~ *jal-a-* в тюркских языках в свободном употреблении не отмечена. Встречается она в общекыпчакском *jalaw* «флаг, знамя» (<**jala-* «присоединять», «привязать» + именной аффикс *-w*; подробнее см. под каз. *жалаяу*). В деривационном аспекте весьма интересен факт принадлежности отглагольного имени на *-w* кыпчакскому (и связанному с ним) ареалу, а отглагольного же имени на *-ta* – северо-восточному, сибирскому (связанному с огузским) ареалу. Этот факт может служить косвенным аргументом в пользу мнения об исконном характере обоих этих слов и производящей основы *jala-* «(при)соединять».

В историко-этимологических работах тюрк. **jalama* «священная подвязка» обычно рассматривается в связи с соответствующими монгольскими словами (Ramstedt, 1935, 465; Räsänen, 1969, 181; ЭСТЯ, 1989, 99-100; EDAL, II, 1526-1527; Эхмэтьянов, 1989, 146; 2001, 262), причем одни исследователи усматривают между ними праязыковое родство, а другие – контактные связи. Между тем в монгольских языках *ǰalama* «сакральные подвески (в виде лент, тряпок, шкурок и т.п.)» занимает явно периферийное положение и не всегда регистрируется словарями, ср.: п.-монг. *ǰalama* «флажок, веревка с флажками и лентами вокруг обо»; «сакральные ленточки»; бур. *zalma* «березовая веточка, воткнутая в землю впереди молящегося шаманиста» (Манжигеев, 1978, 52); *zalma* «березовая ветка или молодая березка, воткнутая в землю впереди молящегося шаманиста» (Михайлов, 1987, 280); бур. *zalama* «украшения из разных ленточек, шкурок и проч. на молодых деревцах, водружаемых в открытом месте во время жертвоприношений духам местностей» (Пекарский, 1925, VIII, 2039); калм. *zalmā* «флюгер»; «флажок»; «подвязка (из бумаги или ткани), которая устанавливается на обо» (см. Ramstedt, 1935, 465).

Г.Й. Рамстедт тюркские формы (тел., алт. *jalama*) возводит к письменно-монгольской форме *ǰalama* (Ramstedt, 1935, 465). Это мнение было поддержано М. Рясаненом, который к монголизмам относил тюркские *jalaya*, *jalaw* и *jalama* (см. Räsänen, 1969, 181). В «Этимологическом словаре алтайских языков» эти тюркские формы сближаются с монгольским *ǰalya-* «прикреплять, присоединять» (перечень форм см. под каз. *жалга-*), тунгусо-маньчжурским **ǰala-n* «сустав» и т.п. (перечень форм см. ТМС, I, 245-246), а также корейскими и японскими формами в качестве прародственных на алтайском уровне. Однако все эти сближения и версии о направлении заимствования в высшей мере умозрительны и не имеют доказательной силы.

Э.В. Севортян отклоняет монгольскую версию происхождения тюркского *jalama* и склоняется к мнению об исконном характере этого слова (ЭСТЯ, 1989, 99-100). Это мнение представляется более правдоподобным, так как шаманистическая терминология в монгольских языках насковозь пронизана тюркскими заимствованиями и кальками. Ареальный характер слова *jalama* «сакральные подвязки» в тюркском регионе, очевидно, обу-

словлен исторически, так как в исламизированной части тюркоязычного мира шаманистическая лексика была практически полностью вытеснена в ходе распространения мусульманства. Она сохранилась только в северо-восточном регионе, куда мусульманство не успело проникнуть.

На данном этапе изученности наиболее достоверной представляется следующая картина исторического распространения анализируемой лексики:

1) пратюрк. **jalama* «нечто привязанное, вывешенное»; «подвеска», «завязка» (<**jala-* «привязывать», «завязывать» + *-ma*) ~ прабулг. **žalata* «ритуальные жертвоприношения в виде подвязок на деревьях» → прамонг. *žalata* «сакральные шаманистические подвески»;

2) пратюрк. **jal(i)-* ~ **jal(a)-* «(при)соединять», «привязать» ~ прабулг. **žali-* «тж.» → прамонг. **žali-* + суффикс побудительного залога *-ya-*, присоединяющийся к первичным глагольным основам на *-l-* и *-r-* (Санжеев, 1964, 27, 63) > **žalya-* «(при)соединять»;

3) ср.-монг. *žalya-* «(при)соединять», «привязывать» → тюрк. (чаг., кыпч.) *jalya-* «присоединять», «привязывать», «прибавить в длину» > каз. *žalya-* «присоединять», «привязывать» + *-ma* > каз. *žalyama* «приставной», «приставленный»; «последовательный» и т.п. (см. *жалга-*, *жалау*).

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 465; Räsänen, 1969, 181; ЭСТЯ, 1989, 12-14, 99-100; Дыбо, 1996, 124-125; EDAL, II, 1526-1527.

ЖАЛҒАМАЛЫ (*žalyamalı*) «составленный из частей»; *žalyamalı til* «агглютинативный язык» ~ монг. *zalyāmāl* «продолженный, надставной»; «сопряженный»; «агглютинативный»; *zalyāmāl хэл* «агглютинативный язык»; *zalyāmāl utyā* «присоединительное значение»; «сложное предложение» (БАМРС, II, 202); подробнее см. каз. *жалга-* «присоединять»; *жалга-ма* «приставной»; *жалгас* «последующий»; *жалган* «присоединяться», *жалгау* «продолжение».

ЖАЛҒАН (*žalyan*) «ложь, враньё»; перен. «недолговечный»; «обманчивый»; диал. *жалан* (*žalan*) «неправда, ложь» (Аманжолов, 1959, 376) < пратюрк. **jalyan* «обман, ложь», ср.: др.-тюрк.; др.-уйг. (с VIII в.) *jalyan*, карах. (XI в.) *jalyan* «лживый, ложный», «ложь, обман» (МК, III, 37; QBN, 107; ДТС, 228; Clauson, 1972, 926); туркм. *jalan* «ложь, неправда, враньё»; «ложный, притворный»; тур. *jalan* «ложь, неправда»; «обман»; «фальш»; *jalan-dolan* «мошенничество, обман»; аз. *jalan* «ложь, обман, неправда»; «враньё, брехня», «ложный»; «фальшивый, фиктивный»; гаг. *jalan*; сал. *jalyan*; уйг. *jalyan*, узб. *jolyan*, лобн. *jalyan*, кумык. *jalyan*, кар. *jalyan*, *jalan* (← тур.), к.-балк. *žalyan*; тат. *jalyan*, башк. *jalyan*; ног. *jalyan*, к.-калп. *žalyan*; кирг. *žalyan* «ложь, враки, неправда»; «подложный, фальшивый»; *žalyan dūjñō* «тленный, бренный, непостоянный мир» («этот» в отличие от «того», загробного) и т.п. (см.: Räsänen, 1969, 183; Doerfer, 1975, № 2123; ЭСТЯ, 1989, 91-92). На основании марийского *solgan* «вздор, ложь» (Троицкий В.П. Черемисско-русский словарь. Казань, 1895, с. 56) для чувашского языка реконструируется **solGan* ~ **sulyan* «ложь, обман» (см. Räsänen, 1920, 195). В северо-восточных тюркских языках слово *jalyan* не отмечено.

Межтюрское *jalyan* «ложь» обычно причисляют к отглагольным производным на *-yan* с неясной производящей основой (Севортян, 1966, 219; Brockelmann, 1954, § 53). Дж. Клоусон выдвинул предположение, что в качестве производящей основы могло быть **jal-*, представленное в таких производных, как *jalt*, *jalim* и др. Однако он признавал, что между выделяемой из этих слов глагольной основой **jal-* и *jalyan* нет явной семантической связи; она ощущается лишь в *jala* «подозрение» и *jala-* «подозревать», см. каз. *жала* «ложное обвинение», «клевета» (см. Clauson, 1972, 926).

Реальность глагольной основы **jal-* «обманывать, врать» вроде бы подтверждается такими тюркскими примерами, как: тур. диал. *jalandir-* «обманывать», «соблазнять»; кар. к. *jaldajit-* «обольщать»; туркм. диал. *jal-lat-* «обманывать, говорить ложь»; тат. диал. *jaldaq* «обманщик, лгун»; др.-тюрк. *jalyandur-* «уличать во лжи» (ДТС, 228), узб. диал. *jalya-* «выдавать ложь за правду» (ЭСТЯ, 1989, 92). Однако во всех этих производных формах, очевидно, представлена именная основа **jal* «обман, ложь», а может быть, также и омоморфная глагольная основа с подобной или близкой семантикой.

Р.Г. Ахметьянов, видимо, опираясь на тат. диал. (мишар.) *jaŋyal* «ложь», *jaŋyalak* «обманщик, лгун» (ТТДС, 1969, 169; 1993, 112); *žalyal* «обман, ложь» (ТТДС, 1993, 412), межтюрское *jalyan* «ложь» выводит из древнетюркского *jaŋyil-yan* «ошибочность, погрешность» (Әхмәтъянов, 2001, 262). С формальной стороны стяжение **jaŋyilyan* > *jalyan* вполне допустимо, однакостораживает то, что форма *jalyan* «ложь» зафиксирована в самых ранних тюркских памятниках (с VIII в.), а форма *jaŋyilyan* в значении «ложь, обман» не отмечена ни в одном историческом источнике.

М. Ряснен приводит *jalyan* «ложь» в словарной статье *jalya-* «соединить, надставлять, придельывать», видимо, относя слово к отглагольным производным. Для объяснения развития семантики он приводит фин. *sitoo* «связывать» и вепс. *side-le-* «лгать» (Räsänen, 1969, 183). Однако в глаголе *jalya-* «присоединять» в тюркских языках нет семемы «врать, лгать, обманывать» (см. каз. *жалга-*).

В основе тюрк. *jalyan* «ложь» несомненно лежит архаичная именная основа **jal* со значением «обман, ложь», весьма рано проникшая в монгольские языки, ср.: прамонг. **žali* «хитрость, обман»: п.-монг. *žali* «хитрость, обман» (Lessing, 1960, 1031); *žalila-*, *žalida-* «обманывать, хитрить»; х.-монг. *žalī* «хитрость; лукавство»; *arya žalī* «хитрость; коварство; обман»; *žal'da-* «хитрить, обманывать, лукавить»; *žal'č* «хитрый, хитроумный»; «коварный, лукавый» (см. БАМРС, II, 205-206); бур. *žal'χaj* «распущенный, распутный»; калм. *žal'χä:* «хитрость, коварство»; «хитрый, лукавый»; *žälč* «хитрый, лукавый» (Ramstedt, 1935, 465, 470); ойр. *žal'χā* «хитрый, лукавый, коварный» (Тодаева, 2001, 151); дагур. *želleg* «хитрость, обман»; в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., горл., архорч., барин., харч. *žel* «хитрость, лукавство», «обман» (Тодаева, 1981, 154).

Г.И. Рамстедт под калмыцким *žal'χä:* «хитрый, коварный, лукавый» ~ п.-монг. *žali-qai* «тж.» < *žali* «хитрость, лукавство» в качестве гомогенных рассматривает маньчжурское *žali* «хитрость, лукавство» и алт. *jalaqqai* «льстец» (Ramstedt, 1935, 465), однако первое слово является монгольским заимствованием, а алтайское *d'alaqqai* «ласковый, добродушный, отзывчивый»; «подхалим, льстец» – собственно тюркским образованием от глагольной основы *jalya-* ~ алт. *d'ala-*, *jala-* «лизать» (см. каз. *žala-* «лизать»). Калм. *žal'č* ~ *žäl'č* «хитрость, лукавство, обман» ~ п.-монг. *žali* «тж.» он сближает с тунгусским *ža-* «мыслить, думать» и маньчжурским *žali* «ум, разум» (Ramstedt, 1935, 470), но эти сближения семантически натянуты.

В «Этимологическом словаре алтайских языков» тюркские слова *jala* «подозрение, клевета» (~ каз. *жала* «ложное обвинение») и *jalyan* «ложь» рассматриваются вместе как гомогенные и в качестве прародственных на алтайском уровне сближаются с монгольским **žali-* «обманывать» (почему-то приводится глагольная основа, хотя все монгольские материалы указывают на именную основу) и тунгусо-маньчжурскими **žele-* / **želu-* «ложь, обман»; «тайна» (EDAL, II, 1532-1533). В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» монгольские формы сближаются с другим словом *žal* «ум» (TMC, I, 244-245). Семантически к тюрк. **jal* «ложь, обман» → монг. *žali* «хитрость», «обман» наиболее близка тунг.-маньчж. *žele(n-)* «обман, ложь» и т.п. (см. TMC, I, 284), которая скорее всего является монгольским заимствованием. Связь тунгусо-маньчжурского *želum* «тайна» (TMC, I, 284) с рассматриваемыми тюркскими и монгольскими словами проблематична.

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 214, 465, 470; Räsänen, 1920, 195; 1969, 181, 183; Clauson, 1972, 918-919, 926; TMC, I, 244-245, 284; Doerfer, 1975, № 2123; 1985, 138; ЭСТЯ, 1989, 87, 91-92; Rozycki, 1994, 120; EDAL, II, 1532-1533; Әхмәтъянов, 2001, 262.

ЖАЛҒАН- (*žalyan-*) «присоединиться»; «привязаться»; «приклеиваться» – собственно тюркское (казахское) новообразование, форма возвратного залога на базе заимствованного из монгольского языка глагола *jalγa-* ~ каз. *žalya-* «присоединять, привязывать»; ср. монг. *zalya-* «(при)соединять», связывать, сращивать, сцеплять, приставлять» и т.д. (см. каз. *жалга-*); ср. также форму страдательного залога в монгольском: *žalyγuda-* «соединяться, связываться, сцепляться, стыковаться» (БАМРС, II, 202). См.: ЭСТЯ, 1989, 12-14; каз. *жалга-* «присоединять»; *жалгас* «продолжение»; *жалгау* «продолжение».

ЖАЛҒАС (*žalyas*) «последующие»; «продолжение»; «последующий порядок» ~ монг. *zalyās(an)* «лоскуток, заплатка, латка, надставка к чему-нибудь»; «продолжение»; «накладные волосы»; «коленцо, коленчатка, коллено на корне растения» (БАМРС, II, 202); подробнее см. каз. *жалға*- «присоединять».

ЖАЛҒАУ (*žalyaw*) «продолжение, прибавление»; «окончание»; собственно тюркское (казахское) новообразование – имя действия на *-(i)у ~ -(u)у ~ кыпч. -(i)w ~ -(u)w* (см. Щербак, 1977, 164-166) на базе заимствованного из монгольского языка глагола **jalγa-* ~ каз. *žalya-* «(при)соединять, привязывать» (см. каз. *жалға-*), однако ср.: п.-монг. *žalyayu* – имя действия на заимствованный из тюркского аффикс *-(i)yu / -(u)yu*, ср.: х.-монг. *zalyā* «соединение, связь, сцепление»; «место соединения»; «надставка, продолжение»; «надставленный, продолженный, непрерывный; постоянный»; «соседний» (БАМРС, II, 202); бур. *zalyā* «соединение, связь, сцепление»; «продолжение», «преемственность»; калм. *zalyān* «соединение, связь, сцепление»; «продолжение, преемственность»; ср.: калм. *zalyā* «стык, паз, шов, соединение»; «присоединенный кусок, присоединенная часть» (Ramstedt, 1935, 464); ойр. *zalyā-, zalyār* «соединение, связь, сцепление» (Тодаева, 2001, 150); дагур. *žalyā* «связь, соединение»; «узел» (Тодаева, 1986, 142); монгор. *žilyā-* «удлинять, соединять» (Тодаева, 1973, 333) и т.д. Тем не менее, историко-культурологический контекст показывает, что формы типа каз. *žalyaw* «продолжение» и т.п. являются в тюркских языках собственными новообразованиями, а не монгольскими заимствованиями в цельнооформленном виде (подробнее см. каз. *жалға-* (ЭСТЯ, 1989, 12-14; Räsänen, 1969, 183; Сарыбаев, 2000, 162; EDAL, II, 1526-1527); *жалғама* «приставной»; *жалған-* «присоединяться»; *жалғас* «последующий»).

ЖАЛҒЫЗ (*žalyız*) «един, единственный, одинокий»; *žapa-žalyız* «совершенно одинокий»; *žalyız-žarım* «одинок, в одиночку (о людях)»; *žalyız ajaq žol* «узенькая дорожка», «тропинка»; *žalyız bas* «одинок»; «бобыль» < пратюрк. **jaliŋ-yuz* ~ **jalaŋ-yuz* «одинок, единственный, одинокий» (в разных значениях, см. каз. *жалаң* «одинок»); ср.: др.-тюрк., орх. (с VIII в.) *jaliŋus* «един, единственный» (ДТС, 229); др.-уйг. (с X в.) *jaliŋuz* «един, единственный», «единственно, только»; *tek jaliŋuz* «только, лишь» (ДТС, 229, 550; Suv., 4, 493); *jalaŋuz* «един, единственный» (ДТС, 227); др.-кирг., енис. (IX в.) *jaliŋuz* (Clouston, 1972, 930), *jaŋus* «единственный» (Малов, 1952, 38, 106; ДТС, 235); карах. (XI в.) *jaliŋus* «един, единственный, одинокий» (МК, III, 384; ДТС, 229); *jaliŋuz* «един, единственный»; *jaliŋuz-jaliŋuz* «по-одному, отдельно» (QVK, 202; ДТС, 229); *jalyuz* «един, единственный» (QVN, 23; ДТС, 228); вост.-тюрк. *žalyuz* «един, единственный» (ДТС, 640); чаг. (XV в.) *jalyuz* «одинок, единственный»; хорезм. (XIII в.?) *jalyuz* «един, одинокий», куман. (XIV в.) *jalyız, jalyuz* «един, единственный»; кыпч. (XIII в.) *jalikız*, (XIV в.) *jalaŋuz* «един, единственный» и т.д. (подробнее см. Clouston, 1972, 930-931); туркм. *jaliŋiz* «един, одинокий, одиноко»; «един, единственный»; туркм. диал. *jalyız, jaŋyız* «одинок», «единственный» (Куренов, 1959, II, 244); тур. *jalnız* «един, единственный, одинокий»; «укромный»; «самостоятельный»; тур. диал. *jalaŋız, jalaŋyuz, jalavuz, jalavız, jaliŋız* «един, единственный», «только один»; гаг. *jalnız* «одинок, один, одиноко»; *jalnızlık* «одинокество»; аз. *jalnız, jalyız* «только, только лишь, лишь, исключительно»; «одинок»; «един, оставшийся в одиночестве, обособленный»; «оставшийся без семьи»; «безлюдный, пустой»; «одинок»; «наедине»; *jalyuzaG* «бирюк, волк-одиночка»; халадж. *jalyuz, jalyoz* «одинок»; сал. *jalyus, jālyus, jelxus* «един, одинокий», «холостяк» (Тенишев, 1976, 344, 353); ср.-тюрк. *jaliŋız, jalyız* «единственный, одинокий» (Из. дар, 305; Atalay, 1945, 277); *janluz* «только, лишь, один» (Фазылов, 1966, I, 478-479); *jalqız* «един, единственный» (т.е. не двойня) (Курышжанов, 1970, 122); тар., чаг., вост.-тюрк. *jalyuz* «един по себе» (Радлов, III, 178); уйг. *jalyuz* «одинок, единственный»; «единственно, только»; «един (без других)»; «лишь только, только лишь»; (хам.) *jalyuz, jaŋus* «одинок», «единственный»; «единственно, только», «един только» (Малов, 1954, 153); (хот.) *jalyuz dārāk* «одинок растущее дерево» (Малов, 1961, 115); уйг. *jalyus* «един по себе» (Радлов, III, 178); ж.-уйг. *jaŋyus* «един только, единственный»; *Jaŋysaq* «мужское имя в сказке» (по-видимому, заимствованной из Восточного Туркестана?) (Малов, 1957, 36); узб. *jalyız* «един, одинокий»; «единственный»; лобн. *jalyuz, jalyus* «един только»; *jalus jeı* «пустынное место, голая земля» (Малов, 1956, 117, 118); кумык. диал. *jalyız* «только один, лишь один», «единственный» (Керимов, 1967, 210); кумык. *jaŋyız* «одинок, один»; «одинок»; «только лишь»; «исключительно»; кар. *jalinız* «единственно, только, исключительно»; «одинок»; *jaliŋyız* «но, только»; «одинок»; *jaŋ-jaliŋyız* «совершенно одинокий»;

jalyız «один, одинокий, единственный»; к.-балк. *ǰaŋız* «один, единственный, одинокий»; «только, лишь, всего, всего-навсего»; «исламей, лезгинка (танец-соло)»; *ǰaŋız kōz* «одноглазый»; *ǰaŋız qol* «однорукий»; кр.-тат. *jalyız* «один сам с собою» (Радлов, III, 166); тат. *jalyız* «один, одинокий, одиночный»; «одинок»; «сиротливый»; *jalyızaq* «одинокий»; «единоличник»; каз. (= тат.) *jaŋız* «одинокий» (Радлов, II, 66); *jalyıs* «один по себе» (Радлов, III, 178); тат. диал. (мишар.) *janız* «один, одинокий, одинок» (ТТДС, 1969, 169); *ǰaŋız-ǰarın* «один, одинокий» (ТТДС, 1969, 569); *jalyızın* «одинокий, одинок» (ТТДС, 1993, 107); башк. *janıyǝd* «одинокий» (в значении существительного и прилагательного); *janıyǝd baş* «один (о человеке)»; *janıyǝdaq* «единоличнику»; *janıyǝd-jarı* «одинок»; башк. диал. *janıyǝdajıq*, *janıyǝdajaq* «земляника»; *janıyǝdar* «по отдельности»; *janıyǝd qōda* «шафер»; *janıyǝd-jarım* «совершенно одинокий»; *janıyǝd jul* «тропинка» (ДСБЯ, 111); *jalyız-jarım* «без пары» (ДСБЯ, 108); ног. *jalyız* «один, единственный, одинокий»; к.-калп. *ǰalyız* «единственный, одинокий», один, не имеющий пару»; «только, исключительно»; *ǰalyızaq* «вепрь, кабан»; кирг. *ǰalyız*, *ǰaŋız* «единственный, одинокий»; *ǰap-ǰalyız* «один-одиошенек»; *ǰalyız-ǰarım* «одинокий, в одиночку»; алт. *d'aŋıs* «один, одинокий, единственный»; *d'aŋısqan* «один, в одном лице»; *d'aŋısqan-* «чувствовать себя одиноким; чувствовать одиночество; скучать в одиночестве»; туба *n'aŋıs* «один»; *n'aŋısqan* «совсем один» (Баскаков, 1966, 138); *d'aŋıs* «один, одинокий, единственный»; *d'aŋıs ün le* «в один голос»; *d'aŋısqan* «единственный, одинокий, один» (Баскаков, 1966, 113); куманд. *d'aŋıs* «один, единственный»; *d'aŋısqan* «один, в одном лице» (Баскаков, 1972, 211); *naŋıs*, *naŋıs*, *n'aŋıs*, *n'aŋıs* «единственный, один, одинокий» (Баскаков, 1972, 233-234); лебед. *n'aŋıs* «единственный» (Баскаков, 1985, 179); хак. *naŋıs*, *naŋısxan* «один, единственный, в единственном числе»; *čalyıs*, *čayıs*, *čalyısxan* «один, в одном лице, единственный»; «одинокий»; шор. *naŋıs* «один»; *naŋısqan* «совсем один» (Радлов, III, 641); туб. *n'aŋıs* «один, сам по себе» (Радлов, III, 629); чулым. *čalyısqı* «одинокий»; с.-юг. *janııs* «один, единственный»; тув. *čaŋııs* «один, одинокий»; *čaŋııs äj* «единый, один, общий»; «единица» (оценка знаний учащихся); *er čaŋııs* «один-единственный»; карагас. *n'uŋııs* «единственный»; тоф. *лї:s* «один, единственный» (Рассадин, 1971, 210); сюда же относится якут. *soyotox* «единый, один, один только, единственный, одинокий»; «одиночество», «единица по существу» (Пекарский, 1926, 2258); *sotčoyotox*, *soččoyotox* (< *sot* ~ *sos* + *soyotox*) «один-одиошенек»; «одинокий, единственный» (Пекарский, 1926, 2295); *suoč-čoyotox* «один-одиошенек, единый» (Пекарский, 1926, 2356); *sonoyos* «молодняк, молодой конь», «конек», «лошадка» (Пекарский, 1926, 2279) (< *čonosog < *jaŋuz-aq < *jalıŋıyuz-aq); ср. также чув. *šamrāk* «молодой человек, юноша»; «молодежь»; «молодой, юный (по возрасту)»; «молодо, по-молодому»; диал. (верх.) *šarmāk* «молодой»; «юноша»; «молодость» (Ашмарин, XII, 36-37, 66); *janGäs* «звонкий,

серебристый, заливиственный (о голосе, смехе и т.п.); «нарядный, праздничный»; «франтовской»; «нарядно»; «легкомысленный»; «беззаботный, беспечный»; *janGās jurā* «звонкая песня» (видимо, от *«одинокий», «единственный», ср. *janGās saZā* «звонкий голос» < *«одинокое звучащий голос» ← тат. диал. *jaŋŋiz* «одинокий», «единственный»; на чувашской почве произошли семантические сдвиги: «единственный» > «выделяющийся (из массы)» > «звонкий»; «нарядный»; «легкомысленный»; в отношении голоса – налицо контаминация с *janGāra-* «звенеть»).

Значение «молодой» в чувашском *šamrāk* ~ *šarmāk* и якут. *sonoyos* развилось в следующей последовательности: «одинокий», «единственный» > «холостой, не имеющий семьи» > «молодой».

Наиболее архаической общетюркской представляется форма **jalaŋuz* «один, единственный» (ДТС, 227), образованная на базе **jalaŋ* «голый», «чистый», «непрекрытый», «только один» и т.п. (см. каз. *жалаң, жалаңаш*). После распада пратюркской общности в отдельных группах и языках происходили своеобразные процессы фонетической филиации праформы, ср.:

в огузской группе: **jalinuz* > *jalniz*, но: туркм. **jalaŋuz* > **jalŋiz*; ср. также своеобразное развитие в с.-юг. **jaliŋuz* > *jaŋŋiz* > *jaŋŋiz/s*;

в карлукской группе: **jalaŋuz* > **jalyuz* > узб. *jalyiz*;

в кыпчакской группе: а) в западной ветви: **jalaŋuz* > *jaŋuz* > *jaŋiz*, ср.: кумык. *jaŋiz*, к.-балк. *žañiz*, кар. к. *jaliŋuz* (← тур., ср. *i* во втором слоге); тат. (миш.) *jaŋiz*, башк. *jaŋŋid*; б) в восточной ветви: **jalaŋuz* > **jalyuz* > **jalyiz*, ср.: ног. *jalyiz*, к.-калп. *žalyiz*, каз. *žalyiz*; сюда же примыкают: кар. к.г.т. *jalyiz*, тат. (казан.) *jalyiz* (что свидетельствует об их восточно-кыпчакском происхождении); в) в периферийной ветви: **jalaŋuz* > **jaŋuz*, ср. кирг. *žañiz* (*žalyiz* – под влиянием казахского языка), алт. *d'aŋis, naŋis*;

в кыргызской группе: **jalaŋuz* > **jaŋuz* > *naŋis*, ср.: хак. *naŋis*, шор. *naŋis* (но ср. хак. *čalyis*, чулым. *čalyišqi* «одинокий» – восточно-кыпчакское или древнеуйгурское влияние?);

в тобаской группе: **jalaŋuz* > **jaŋuz*, ср.: тув. *čañis*, тоф. *lū:s*, карагас. *n'ušis* «один, единственный»;

в якутской группе: **jaliŋuz* > **čaliŋuz-aq* > **saŋyusoq* > **soŋutox* > *soŋotox*;

в болгарской группе: пратюрк. **jalaŋuz* ~ праогуз. **jaliŋuz* ~ прабулг. **jaliŋuz* ~ **jālingür* ~ **jāriŋyür* + *ük* > **žāmürük* > **žāmruk* ~ **žārmük* (→ монг. баят. *žermegei* «молодой человек»; «юноша»; «дитя»; др.-булг. → венг. *gyermek* «ребенок, дитя») > чув. *šarmāk* ~ *šamrāk* «молодой человек; юноша».

Таким образом, выясняется, что во всех современных тюркских языках происходило стяжение праязыкового **jalaŋuz* ~ **jaliŋuz* «одинокий», в ходе исторического развития отдельных языков из трехсложного оно свертывалось в двухсложное. При этом, видимо, вначале происходило сужение

и выпадение медиального гласного: **jalanyuz* > **jalnyuz* > **jalnyuz*, а затем – опрощение сочетания *-lyy-*, причем в одних языках выпадал назальный (**jalnyuz* > *jalyuz*), а в других – плавный латеральный сонант (**jalnyuz* > **janiz*), только в огузских языках сохранилось более архаичное состояние (**jalnyiz* > *jalmiz*, туркм. *jalnyiz*). Судя по свидетельству письменных памятников, свертывание пратюркского **jalanyuz* «одинокий» началось в X веке, ибо в памятниках XI века уже встречаются стяженные формы (см. выше перечень форм).

Производящей основой пратюркского **jalanyuz* «одинокий» является субстантив **jalah* «голый», среди значений которого отмечены также «один, единственный, только», однако аффиксальный элемент *-(y)uz/- (y)iz* пока еще не получил однозначного объяснения. А. Габен видит в форманте *-iz* элемент с усилительным значением (PhTF, 27). Г. Дёрфер, признавая производность **jalahuz* от *jaly* «нагой», «единственный», считает старейшей форму с конечным глухим *-s*, но не предлагает для этого формата какого-либо объяснения (Doerfer, 1975, № 1809). М. Хартман в составе **jalanyuz* ~ **jalnyiz* выделяет производящую основу *jalin* и аффиксальный элемент *-guz* (Hartman, 1904, 178, прим. 2), но оставляет их без объяснения. М.А. Хабичев в составе к.-балк. *janiz* «один по себе», «одинокий», «единственный» выделяет именной деривационный аффикс *-nyiz* со значением количества и качества (*jan-niz*, *zan-niz*, *zan-niz*) и производящую основу *jan*, «который, вероятно, восходит к *jalan* «голый», «нагой», «никого и ничего не имеющий», «холостой» (Хабичев, 1971, 188). Однако к.-балк. *janiz* происходит от **jalanuz* (ср. к.-балк. *jalanuac* «нагой») и, следовательно, в нем следует выделить аффиксальный элемент *-uz* (~ тюрк. *-uz*).

Увлеченный предвзятой идеей родства алтайских языков, Г.Й. Рамстедт предпринял сопоставление данного тюркского слова с монгольским *dan* «одинарный, не имеющий пары»; «однорядный, однослойный»; «исключительно, только, единственно, совсем» и при этом исходил из явно вторичной тюркской формы *januz* «одинокий» (Ramstedt, 1935, 76). В своих последующих работах он расширил круг сопоставляемых языков, ср.: сино-кор. *tan* «один», монг. *dan* «одинокий», кор. **danuri*, тюрк. *januz*, *januz* «один», койб. *nanas*, карагас. *nanus* (< **danari*), якут. *sogot-ox* «один, одинокий», *so-čogotox* «совсем один» (Ramstedt, 1936-1937, 16; 1949, 255; Рамстедт, 1957, 198). М. Ряснен, исходя из гипотезы Г.Й. Рамстедта, допускает возможность родства тюркских и монгольских слов, при этом он полагает, что тюркская форма *jalahuz* «единственный» могла образоваться в результате контаминации *januz* «одинокий» с *jalah* «голый, нагой» (Räsänen, 1969, 182, 187). Однако ранние письменные источники явно свидетельствуют об архаичности форм *jalahuz* ~ *jalahiz* ~ *jalyuz* и о вторичности *januz* (см. перечень форм; Clauson, 1972, 930-931; Doerfer, 1975, № 1809; ЭСТЯ, 1989, 97-99). Поэтому межалтайские сближения Г.Й. Рамстедта и М. Ряснена не могут быть приняты. Составители нового

«Этимологического словаря алтайских языков» отказались даже от упоминания об этом сближении (см. EDAL, II, 990, 1511-1512), не говоря уже о включении его в корпус словаря.

Вместе с тем, в «Этимологическом словаре алтайских языков» можно обнаружить совершенно новые и оригинальные тюркско-монгольские сближения. Тюркское **jaŋız* «одинокый, единственный» (общетюрк. *jaŋuz* ~ *jaŋız*; авторы исходят именно из этой формы, отделяя ее от *jalaŋuz*; естественно, формы *jalız* ~ *jaluz* ~ *jalyz* со всеми их модификациями из перечня соответствий исключаются) здесь сближается с прамонгольским **nige* «один», ср.: ср.-монг. *nikan* (HY, 42, SH), *nigen* (IM), *nigän* (MA) «один»; п.-монг. *nige(n)* «один» (Lessing, 1960, 580); х.-монг. *neg(ě)* «один»; «раз»; «первый»; «какой-то, который, некий» (БАМРС, II, 439-440); бур. *negě(n)* «один»; «раз, один раз»; калм. *negēn* «один» (Ramstedt, 1935, 274: только внутримонг. соответствия); орд. *nege*, могол. *nikä(n)*, дагур. *neg, nek, neke, nik* «один» (Тодаева, 1986, 157); дунс. *nie(kie)*, баоань. *nege*, ш.-юг. *niye*, монгор. *nige* «один» (Тодаева, 1973, 350: приводится ряд монг. соответствий) и т.д. (EDAL, II, 990).

Тюркские соответствия здесь подобраны явно выборочно (только модификации *jaŋız* ~ *jaŋuz*) и в неполном объеме. Если учесть, что межтюркская форма *jaŋız* «одинокый» является явно поздней модификацией более раннего и более полного **jalaŋuz* ~ *jalıuz* и появляется, судя по свидетельству письменных памятников, не ранее XI века н.э., то данное сближение с монг. *nege(n)* «один» нельзя признать корректным. Много сомнений вызывает и фонетическая сторона вопроса, в частности, различие вокализма по ряду (тюрк. **jaŋır* – заднего ряда, а монг. *nege* – переднего), необычность корреляции тюрк. -ŋ- ~ монг. -g-; отсутствие каких бы то ни было следов тюрк. *-r̄ или, вернее, *-z в монгольском и т.д. Много вопросов возникает и на уровне семантики; напр., тюрк. *jaŋız* «один», «одинокый» выполняет субстантивно-адекативную функцию, а монг. *nege(n)* – нумеративную и т.д. В целом сближение тюрк. *jaŋız* «одинокый» и монг. *nege(n)* «один» нельзя признать корректным.

В другом месте авторы «Этимологического словаря алтайских языков» пратюрк. **jalıŋ* «голый» и производные на этой основе *jalaŋaç* «голый, обнаженный, нагой» и *jalaŋız* «одинокый, единственный» сравнивают с прамонг. **sildaŋ* «голый», ср.: п.-монг. *sildaŋ, šaldaŋ* «голый» (Lessing, 1960, 750); х.-монг. *šaldan(g)* «голый, обнаженный, раздетый, нагой» (БАМРС, IV, 335), в свою очередь, возможно, связанным с маньчж. *silxada, silxata* «одинокый»; «сирота» (см. EDAL, II, 1511-1512); ср. еще монг. *šaldla* «оголять, обнажать», «раздевать, раздеть до нага»; *šaldra* «обнажаться, оголяться» (БАМРС, IV, 335, 336); бур. *saldän, saldäyă(n)* «голый», *saldäxän* «голенький»; калм. *šaldänä* «оголяться»; ойр. *šaldän* «голый, раздетый, обнаженный» (Тодаева, 2001, 448); в говорах Внутренней Монголии: архорч., бар., шгол., уцаб., чак., орд. *šaldan* «голый, обнаженный,

раздетый» (Тодаева, 1981, 261). Монгольские формы, по-видимому, являются производными от глагольной основы **silu-* «соскребать, сдирать», ср.: п.-монг. *silu-*, *šulu-* «сдирать, скоблить, обнажать» (Lessing, 1960, 757); х.-монг. *šulā-* «глодать, отделять (мясо от костей)»; «сдирать (кору)»; «скоблить, соскабливать, очищать»; «срезать»; «обнажать»; «эксплуатировать (человека)»; «мародерствовать»; «спекулировать» (БАМРС, IV, 376); бур. *šulā-* «обдирать, сдирать (кору, кожу)»; «глодать, отделять (мясо от костей)»; перен. «обдирать, очищать»; калм. *šul-* «тж.»; орд. *šulu-*, монгор. *šuli-* «снимать, сдирать» (Тодаева, 1973, 386); ойр. *šulā-* «сдирать, отрывать, отделять» (Тодаева, 2001, 462) и т.д. Монгольские формы закономерно сближаются с тюрк. *sīl-* «тереть, стирать, вытирать, чистить» и т.п. (~ каз. *sil-* «обдирать; сдирать (мясо с костей)»; «удалить (язву)»; ЭСТЯ, 2003, 398-399; EDAL, II, 1249) и квалифицируются как ранние тюркские заимствования (см. Clauson, 1972, 824-825, 826-827; Doerfer, 1967, 265). Сближение тюрк. *jaliŋ* «голый» с монг. **sildan* «голый» вызывает ряд фонетических трудностей, например, корреляция тюрк. **j-* ~ монг. **s-*; тюрк. -Ø ~ монг. -*d-*, которые не вписываются в рамки установленных регулярных фонетических соответствий между тюркскими и монгольскими языками. Поэтому сближение тюрк. *jaliŋ* «голый» и **janz* (< **jalanuz*) «одинокий, единственный», с одной стороны, и монг. **sildan* «голый» – с другой, мы отклоняем, а последнее считаем собственно монгольским новообразованием на основе заимствованного из пратюркского языка глагола **sila-* «сдирать (кожу)», «оголять», «обнажать» (< тюрк. **sīl-* «сдирать», «снимать», «вытирать», подробнее см. каз. *sil-* «обдирать»).

Монгольское *žermegei* «молодой человек», «юноша», «дитя», зафиксированное Б.Я. Владимирцовым в баятском диалекте, авторами «Этимологического словаря алтайских языков» сближается в качестве генуинного на алтайском уровне с очень гипотетическим пратюркским реконструктом **jeŋe* «зять», «муж сестры» для межтюркского **jeznā* ~ каз. *žezde* «зять», «муж сестры» (EDAL, II, 1013-1014). Для реконструкции пратюркского ротацированного архетипа **jeŋe* «зять» нет никаких оснований, так как в чувашском реально существует только форма *jisna* «муж старшей сестры», заимствованная, по всей видимости, из среднекыпчакского **jeznā* (ср. сохранение анлаутного *j-*, сужение широкого гласного первого слога *e > i*; веляризация всего слова в результате сингармонического выравнивания по второму гласному *a < *ā*; ср. *jisni*, *isni* «тж.» – более позднее заимствование из татарского *žizni*, *jizni* «муж старшей сестры»). Надежной этимологии тюркского **jeznā* «зять», «муж старшей сестры» нет (см. Покровская, 1961, 64; Räsänen, 1969, 199; Егоров, 1964, 83; Clauson, 1972, 988; Doerfer, 1975, 165; СИГТЯ, 1997, 298; ЭСТЯ, 1989, 169-170; Федотов, 2002, 102; Әхмәтьянов, 2001, 69; пратюрк. **jeŋirŋe*). Показательно отсутствие слова **jeznā* «зять» в огузских (туркм. диал. *jezne*, аз. *jesnā* явно вторичны), а также тесно связанных с ними уйгурском, якутском, чувашском и некоторых других тюркских языках, что вынуждает искать внешние источники

данного слова. Более приемлемо сближение монгольского (баят.) *žermegei* «юноша» с чув. *šarmäk* ~ *šamräk* «молодой» (ср. также венг. *gyermek* «ребенок, дитя» ← др.-булг. *žermek* «молодой»; подробнее см.: Gombocz, 1912, 191; 1924, 84; Räsänen, 1920, 187; 1969, 198; Ramstedt, 1949, 28; Егоров, 1964, 202; Ligeti, 1986, 46; Федотов, 2002, 267; MNyTESz, I, 1128; там же библиография), о котором составители Словаря почему-то упоминают только вскользь (EDAL, II, 1013-1014), хотя эта чувашско-монгольская параллель требует самого пристального внимания. Включение в ряд монгольских параллелей бурятского *žerbeger* «ровный»; «стройный», «статный»; «аккуратный» вряд ли правомерно, так как оно происходит от глагольной основы *žerbi-* «быть стройным и ровным», «стоять в рядах» и гомогенно с х.-монг. *žirweger* «слегка изогнутый, тонкий, узкий, ровный (напр. о бровях, бороде)»; «изящный» < *žirwij-* «быть узким и ровным», «быть изящным» (БАМРС, II, 178).

С тюркским *januz* (< **jalıñuz*) «одинокий», «один-единственный» непосредственно связано имя главного героя калмыцкого эпоса «Джангар», главы калмыцких богатырей – Джангара (калм. *žanğar*, орф. *Жаңһр*). Насколько нам известно, «алтайскую» (вернее тюркскую) версию этимологии имени главного богатыря калмыцкого поэтического эпоса Джангара высказал А.Ш. Кичиков (Кичиков, 1962, 214). В одной из своих работ он пишет: «Слово *жаңһр* является общим для тюрков и калмыков. В казахском и киргизском *жаңһыз* (т.е. каз. *žalyz*, орф. *жалғыз*, кирг. *žalyz* ~ *žaniz*, орф. *жалғыз*, *жаңыз*. – Ж.Т.) значит «одинокий», «единственный», в калмыцком *жаңһар* (*жаңһр*) «сирота» (словари калмыцкого языка такого значения не дают. – Ж.Т.), в шорском *чаһыс* «одинокий», в хакасском *чаһыс* (диал. *чалгыс*) «один», «единственный», «одинокий», в алтайском *йаңгыс* «одинокий» (один без других), в тувинском *чаңгыс* «один», «одинокий», *эр чаңгыс* «один-единственный» (о человеке, не имеющем родных братьев и сестер), в якутском *соғотох* «одинокий», «единственный» (Кичиков, 1976, 41). К этому следует добавить одно немаловажное обстоятельство: калмыцкое *žanğar* восходит не к стандартному тюркскому **januz*, а представляет собой заимствование из ротацентирующего тюркского языка, в котором оно бытовало в виде **žanğır* ~ **žanğur* < **žalıñur* «однокий»; «молодой». Главным героем мифологических, сказочных и героических эпосов многих народов является один-единственный на всем свете юноша, то есть перво-человек как культурный герой. В эпосе ряда тюркских и монгольских народов главный герой не случайно носит имя со значением «одинокий», «один-единственный», «сирота» и т.п., ср., например, якут. *Эр Соғотох* – герой одноименного богатырского эпоса, эпический первопродок якутского народа (букв. «герой-одиночка»), в сказочном эпосе шорцев главный герой носит имя *Чагыс оол* (*Çağıs ol*, букв. «одинокий парень», «одинокий молодец») и т.д. (подробнее см. Кичиков, 1976, 40 и след.).

Все это свидетельствует о гомогенности тюрк. **jaŋız* «одинокий» и калм. *ǰаŋγār* «Джангар» – калмыцкий героический эпос; Джангар – имя главного героя, воспетого в калмыцком эпосе «Джангар»; ср. **ǰаŋγār* – эпос «Джангар», песни «Джангара»; *ǰаŋγārĉā* «певец, исполняющий песни эпоса, сказитель» (Тодаева, 1976, 278). Если быть более точным, калм. *ǰаŋγār* в апеллятивном смысле является ранним заимствованием из некоего тюркского наречия болгаро-чувацкого типа. Заимствование несомненно происходило в Центральной (Срединной) Азии из языка тех огурских племен, которые, после ухода основной массы огуров (оногуров, предков болгар) на запад, остались на своей прародине и в последствии влились в состав ойратов (ср. гомогенность этнонимов *oγuz* ~ *oγur* и *oǰrāt* < *oγur* + *-t* – аффикс мн. ч.).

«Истоки калмыцкого героического эпоса, – по результатам исследований А.Ш. Кичикова, – уходят вглубь веков и эпох, сравнительно близкой из них можно считать эпоху древних тюрков – тюркютов, когда на арену активной исторической жизни вышли предки современных монгольских народов – племенные объединения под именем татаби, татары, кидани, жившие в основном на территории современной Маньчжурии...» (Кичиков, 1976, 4). Окончательное формирование идеологической основы калмыцкого богатырского эпоса «Джангар» происходило в эпоху становления феодальных социально-экономических отношений в ойратско-калмыцком обществе в XI–XII вв. Судя по болгарско-тюркской версии этимологии имени главного героя калмыцкой Джангариады, в степях Западной Монголии остатки огурских племен сохранялись вплоть до эпохи возвышения монголов в начале XIII века. Очевидно, в основу калмыцкого эпоса «Джангар» легли эпические сказания мифологического характера, бытовавшие среди огурских племен с незапамятных времен. Вместе с эпическими сказаниями из огурского субстрата в калмыцкий язык проникло и название главного героя этих повествований Джангара (← огур. **ǰаŋγur* ~ общетюрк. *jaŋız* < пратюрк. **jalаŋγuz* «одинокий», «единственный», а также «молодой», «холостой», «без семьи» и т.п.).

Ойратско-калмыцкий героический эпос «Джангар» позднее оказал значительное влияние на развитие эпической традиции ряда тюркоязычных народов Саяно-Алтайского региона. Об этом красноречиво свидетельствует проникновение имени главного эпического героя Джангара в алтайский, тувинский и другие языки. С.С. Суразаков отмечает бытование у алтайцев героической эпопеи «*Дьангар*», в которую входило 77 древних героических сказаний (Суразаков С.С. Калмыцкий «Джангар» и героический эпос алтайцев // Проблемы алтаистики и монголоведения. Материалы всесоюзной конференции. Элиста, 17-19 мая 1972 года. Вып. I: Серия литературы, фольклора и истории. – Элиста, 1974. – С. 73-77; *его же*. Алтайский героический эпос. – М.: Наука, 1985; Шинжин И.Б. Бессмертный Янгар-богатырь // Эпическая поэзия монгольских народов: Исследования по эпосу. – Элиста, 1982. – С. 116-126). Д.С. Куулар записал у известного в Тыве

сказителя, знатока тувинского варианта «Гэсэра» Балбыра Баяна Узуновича тувинский эпос «Богда Чаңгар хан» (Ученые записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Вып. XI. Серия филологическая. – Элиста, 1973) и т.д. Алтайский *D'aŋɣar, jaŋɣar* и тувинский *Čaŋɣar* несомненно являются заимствованиями из ойратско-калмыцкого языка, о чем красноречиво свидетельствует представленный в этих именах ротацизм.

Монгольские материалы дают основание для реконструкции двух прабулгарских архетипов: более раннего **žermek* «юноша», «холостой, не женатый» ← **jeriŋɣek* < **jalɣɣaq* «одинокий», и более позднего **jaŋɣar* «одинокий» < **jalɣɣur* «одинокий, единственный». Эти архетипы, по всей вероятности, отражают диалектное членение внутри прабулгарского языка.

Подробнее см.: Gombocz, 1912, 191; Räsänen, 1920, 187; Ramstedt, 1935, 76; 1936-1937, 16; 1949, 26, 28, 225; Рамстедт, 1957, 198; Покровская, 1961, 64; Егоров, 1964, 83, 202; Севортян, 1966, 221; Räsänen, 1957, 120; 1969, 182, 187, 198, 199; MNyTESz, I, 1128; Clauson, 1972, 824-825, 930-931, 998; Doerfer, 1975, 165, № 1809; Кичиков, 1976, 40-41; Ligeti, 1986, 46; ЭСТЯ, 1989, 95, 97-99, 104-106, 169-170; Старостин, 1991, 291; СИГТЯ, 1997, 298; Эхмэтьянов, 1981, 55-56; 2001, 69, 262-263; Федотов, 2002, 102, 267; EDAL, II, 990, 1013-1014; 1511-1512.

ЖАЛҚАУ (*žalqaw*) «лентяй, лодырь»; «ленивый»; ср.: туркм. диал. *jalqow* «лентяй, лодырь» (Аразкулыев, 1961, 253); узб. *jalqaw* «лентяй, лодырь, бездельник»; «ленивый»; уйг. *jalqaw* «лентяй»; «ленивый»; уйг. диал. *jalqaw*, *žalqaw* «лентяй, лодырь» (Аганина, 1954, 111); к.-балк. *žalqaw* «ленивый, инертный»; «вялый»; «лентяй, лежебока»; тат. *jalqaw* «ленивый», «бездеятельный»; «лентяй, лодырь, бездельник»; каз(ан.-тат.) *jalqaw* «ленивый, беспечный» (Будагов, 1871, II, 340); каз(ан.-тат.), *žalqaw* «ленивый, праздный»; «лень» (Радлов, IV, 38); каз(ан.-тат.), бар. *jalqaw* «ленивый, нерадивый, недейтельный» (Радлов, III, 172); башк. *jalqaw* «ленивый, нерадивый»; «лентяй, лодырь; ленивец»; башк. *žalqaw* «ленивый, беспечный» (Будагов, 1871, II, 340); башк. диал. *ēt jalqawī* «очень ленивый»; *jalqaw yōrt* «трутень» (ДСБЯ, 108); ног. диал. *jalqaw* «ленивый», «лентяй»; «лодырь»; к.-калп. *žalqaw* «ленивый», «лентяй»; «лодырь»; кир. (= каз.) *žalqaw* «ленивый, беспечный» (Будагов, 1871, II, 340); «ленивый, праздный»; «лень» (Радлов, IV, 38); кирг. *žalqō* «ленивый»; «лентяй, лодырь»; алт. *d'alqu* «лень»; «лодырь, лентяй»; «ленивый, разгильдяй»; *d'alqūr-* «лениться»; алт. *jalqaw* «ленивый, беспечный» (Будагов, 1871, II, 340); алт. *jalqū*, тел. *d'alqū* «ленивый»; *d'alqū adarū* «трутень» (Радлов, III, 173); тув. *čalyā* «лень»; «ленивый»; «пассивный, инертный»; «лентяй, лодырь»; *čalyāpaj* «лодырь, лентяй»; чув. *julyaw*, диал. *julayaj* «лентяй, лодырь, ленивец»; «ленивый» (← ср.-кыпч. **jalqaw* «лень»; «ленивый»; «лентяй»).

В ареально-географическом отношении слово представлено главным образом в карлукских и кыпчакских языках (за исключением караимского); в уйгурских диалектах Казахстана оно является кыпчакским заимствованием, а в туркменские говоры Каракалпакии проникло из узбекского языка. В ранних тюркских письменных памятниках не представлено, встречается только с XIV века в «Ат-тухфа», ср. *jalqaw* «ленивый, нерадивый» (Atalay, 1945, 277; Из. дар., 1978, 305).

В морфологическом отношении *jalqaw* «лень», «ленивый», «лентяй» на тюркской почве можно трактовать как имя действия на -w (< -ıy ~ -ıy, см. Щербак, 1977, 164-165) от глагольной основы **jalqa-* со значением «быть ленивым». Однако в тюркских языках такая глагольная основа не представлена. Утверждение «Этимологического словаря тюркских языков», что «исходный глагол *jalqa-* / *žalqa-* и *jalqi-* / *žalqi-* сохранился лишь в башк. и алт.» (ЭСТЯ, 1989, 15) – не подтверждается материалами названных языков; ср.: башк. *ялкыу* (*jalq-*) «утомляться, утомиться»; «тяготиться чем»; алт. *d'alqi-* «наскучить, опротиветь, надоесть»; форма **jalqa-* ни в одном тюркском языке не отмечена (см. каз. *жалық-* «утомиться»). Алтайское *d'alqi-* «опротиветь, надоесть», как и *d'alqūr-* «лениться», видимо, является монгольским заимствованием (Рассадин, 1980, 21, 25). Имя действия от глагольной основы **jalq-* «испытывать отвращение» в тюркских языках имеет форму **jalq-ıy* > каз. *žalıyıw* «утомление», «надоедание», но не **jalqay* ~ **jalqaw*. Поэтому тюрк. *jalqaw* «ленивый», «лентяй» следует

квалифицировать как среднемонгольское заимствование (Räsänen, 1969, 183; Рассадин, 1980, 52, 53, 54, 71), ср.: ср.-монг. *ǰalqayu* «ленивый» < *ǰalqa-* «испытывать пресыщение чем-либо» (Lessing, 1960, 1032), п.-монг. *ǰalχayu* «ленивый, лень» (Владимирцов, 1929, 313); х.-монг. *zalχū* «ленивый; нерадивый»; «с ленцой, празднолюбивый»; «лень, леность, нерадивость, празднолюбие»; *zalχūral* «лень, леность»; *ǰalχūč* «лентяй, лодырь»; «ленивый, нерадивый»; бур. *zalχū* «ленивый, нерадивый»; «лентяй, лодырь», «лень»; калм. *zalχū* «ленивый, нерадивый»; «лентяй, лодырь»; ойр. *zalχū* «ленивый, нерадивый» (Тодаева, 2001, 151); дагур. *ǰalkō, jalekō, žalko* «ленивый, нерадивый, лодырь» (Тодаева, 1986, 142); в говорах Внутренней Монголии *zalχū*, шгол., дарх.-мянг. *zalχū* «ленивый, нерадивый»; «лень» (Тодаева, 1981, 154). На монгольской почве *ǰalqayu* является нормальным отглагольным именем действия на *-yu* от производящей основы *ǰalqa-* «испытывать пресыщение чем-либо» и т.п., заимствованной из тюрк. *jaliq-* «испытывать отвращение» (подробнее см. каз. *жалық-* «утомиться»); ср. также монг. *ǰali-qai* «лень, леность»; «ленивый»; п.-монг. *ǰaliχai* «ленивый» (Владимирцов, 1929, 313); х.-монг. *zal'χaj* «лукавый, коварный, хитрый», бур. *zal'χaj* «распущенный, распутный, ленивый» → кумык. *jalayai* «лентяй, лодырь», «льстец, подхалим, подлиза»; «льстивый, угодливый»; кирг. *ǰalaqaj* «невыносливый», «бессильный»; «не приспособленный к чему-либо»; «не способный что-либо делать»; *iške ǰalaqaj* «неработоспособный», «лентяй, лодырь»; якут. *d'alayaj* «небрежный, неаккуратный, растеряха» ← монг. (Рассадин, 1980, 71; ЭСТЯ, 1989, 89-90).

Историческое взаимоотношение тюркских и монгольских слов в кратком схематическом изложении представляется следующим образом:

пратюрк. **jaliq-* «надоедать, наскучить» > прамонг. **ǰalqa-* «питать нерасположение»; «лениться» + *-yu* > ср.-монг. *ǰalqayu* «ленивый, лентяй»; «лень» → тюрк. (карлук., кыпч.) *jalqaw* > каз. *ǰalqaw* «лентяй, лодырь», «ленивый» (подробнее см. каз. *жалық-* «утомиться»); ср.: Räsänen, 1920, 66, 135; 1969, 183, 192; Ramstedt, 1922-1923, 7, 8; 1935, 465; Kannisto, 1925, 88; Porre, 1926, 114; Владимирцов, 1929, 313; Егоров, 1964, 74, 348; Татаринцев, 1976, 64, 65, 82, 94; Рассадин, 1980, 21, 25, 52, 53, 71; Сыдыков, 1983, 109; Кайдаров, 1986, 210: *жал + қау*; ЭСТЯ, 1989, 14-16, 89-90; Сарыбаев, 2000, 156; Федотов, 1996, II, 484-485; 2002, 90, 456-457; Әхмәтъянов, 2001, 263; EDAL, II, 865, 1533-1534).

ЖАЛҚАЯҚ (*žalqajaq*) «слизь (при поносе)»; «сукровица»; *žalqaq*, *žalqıq* «тж.» (Базылхан, 1984, 243); ср. соответствия в других тюркских языках: тат. диал. *jalqaq*, *žalqaq* «слизь»; «желчь» (ТГДС, 1993, 107, 410); башк. диал. *jalqaq* «сап (болезнь у животных)» (ДСБЯ, 2002, 108); ног. *jalqaq*: *qanlı jalqaq maraz* «дизентерия»; *jalqaq maraz* «понос»; кирг. *žalqajaq*, *kök žalqaq* «вечный ледник с чистым льдом»; «крепко замерзший чистый скользкий лед»; алт. *jalyajaqta*- «оттаять, сделаться мягким (о замерзшей земле весной)»; «покрываться грязью (о дороге)»; «быть грязным (о человеке)»; «вытекать (о слюне, сопле у детей)» (Радлов, III, 174-175); чув. *jalyaχ* «пелена, пленка, плева»; «слизь» (← тат. *jalqaq* «слизь»); *jälyaχ* «пелена»; «слизь», «течка (у животных)» (← ср.-кыпч. *jalqaq* «слизь» и т.п.).

В остальных тюркских языках соответствия не обнаружены. В кыпчакских языках данное слово представляется среднемонгольским заимствованием, ср.: ср.-монг. *žalqay* «мокрота», «слизь»; х.-монг. *zalχag* «слизистый, тягучий, липкий»; «слизь»; бур. *zalχag* «слизь»; «слизистый; липкий, тягучий»; *zalχagtaj* «слизистый, липкий». В других лексико-графических источниках по монгольским языкам данное слово не зафиксировано.

В «Этимологическом словаре алтайских языков» монг. **žal-ka-* «мокрота» рассматривается как genuинное с монгольским **žal-gi-* «глотать» (EDAL, II, 1527), но с этим трудно согласиться по семантическим соображениям. В этой работе указанные монгольские формы сближаются с тюркским **jälga-* «лизать» и тунгусо-маньчжурским **žali-* «слюна»; «смачивать слюной, брать в рот» (EDAL, II, 1527; см. также ТМС, I, 247), однако тюрк. (кыпч.) *jalqaq* «слизь» при этом не учитывается.

Тунгусо-маньчжурские формы (ср. эвенк. *žali-* «течь (о слюне), *žaliki* «слюнявый»; *žaliksa* «слюна», *žalma-* «заслюнить, замусолить» и т.д.; перечень см. ТМС, I, 247) с монг. **žalqag* «слизь» связаны скорее не генетическими узами, а контактными. В любом случае, тунгусо-маньчжурские формы позволяют выделить в составе монг. **žalqag* «слизь» производящую глагольную основу **žali-(qa-)* со значением «течь» (о выделениях из организма человека и животных).

Ср. каз. *жала-* «лизать».

Подробнее см.: ТМС, I, 247; EDAL, II, 1527.

ЖАЛМА- (*žalma-*) «пожирать с жадностью», «жадно есть»; «сожрать с жадностью, скушать»; *žalma-* «все дотла сожрать»; *žalmawız* «обжора»; *žalmaŋda-* «жадничать, показывать нетерпение при виде кушания» (Катаринский, 1897, 69) < пратюрк. **jalma-* (< **jal* + *-ma-*) «жадно есть», «пожирать», ср.: туркм. *jalma-* «жрать»; *jalmap-juwdup bar-* «жрать все подряд»; *jalman-* «облизываться»; тур. *jalmar-* «лизать»; ср.: archaic “to lick over and swallow wole” (Redhouse, 1979, 1239: «слизнуть и проглотить»); осм. *jalmar-* «слизнуть и проглотить» (Радлов, III, 190); уйг. *jalmi-* «пожирать, сожрать»; *jalmaš, jalmanžiš* «пожирание»; *jalmi-* «жевать», *jalmaš* «жевание»; кумык. *jalman-* «облизывать(ся)»; тат. *jalman-* «облизывать(ся)»; тат. диал. (зап.-сиб.) *jalma-* «лизать» (Тумашева, 1961, 118; 1992, 67); башк. *jalman-* «облизывать»; башк. диал. *jalma-* «есть с жадностью»; «облизывать» (ДСБЯ, 2002, 109); ног. *jalma-* «жадно есть», «есть с жадностью»; к.-калп. *žalma-* «хватать (ртом)»; «жевать (губами)»; «жадно есть»; *žalman-* (возвр.); *žalmanla-* «выказывать нетерпение при виде пищи, жадно смотреть»; кир. (= каз.) *žalma-* «все до тла сожрать»; *žalmanda-* «жадничать, выказывать нетерпение при виде кушания» (Будагов, 1869, I, 427); кир. (= каз. *žalma-* «хватать ртом», «проглотить», «все до тла сожрать» (Радлов, IV, 44); *žalmıt* «обжора» (Радлов, IV, 45); кирг. *žalma-* «хватать ртом и жевать (губами)»; «жадно есть»; *žalmala-* «хватать губами и языком (напр. о ягненке, берущем сосок матери, или о теленке, старающемся захватить висящую тряпку)»; «есть в малом количестве, чтобы как-нибудь утолить голод»; *žalman-* «грызть удила, прося ходу»; якут. *salbā-* «прикасаются губами, жевать хотя без зубов» (Пекарский, 1925, VII, 2043); *salbā-* «облизывать, обсасывать»; «жевать губами» (см. ЭСТЯ, 1989, 95); возможно сюда же: зап.-сиб. тат. *jalmawır, jalmawıc* «метла для подметания зерна на току» (Тумашева, 1992, 67), алт., тел. *jalma-, d'alma-* «мести метлоку» (Радлов, III, 189); ойр. (= алт.) *d'alma-* «мести», *d'almu* «метла, метелка, веник», *d'amdu, d'almūr* «метелка, веник» (см. Эхмэтьянов, 2001, 263).

В этом ряду выделяется форма *jalman-* «облизывать(ся)», представленная в туркменском, кумыкском, татарском и башкирском языках, которая явно связана с *jala-* «лизать» (см. каз. *жала-*). Форма *jalma-* во всех языках связана со значением «жадно есть, пожирать». Следовательно, прослеживаются реальные основания для их обособленного рассматривания.

Весьма показательно также, что во всех языках, в которых представлена форма *jalma-* «пожирать», существует слово *jalmawuz* «всепожирающее мифическое чудовище» (см. каз. *жалмауыз*), а в тех языках, где нет формы *jalma-* «пожирать», не существует и соответствующего мифонима (узб. диал. *jalmawuz* явно из кыпчакского).

Исходя из этих соображений, мнение Э.В. Севортяна о том, что **jalma-* имеет в качестве производящей основы тот же **jal*, что и *jala-* «лизать» (ЭСТЯ, 1989, 95), следует отклонить. Очевидно, что в *jalya* ~ *jala-* «лизать» и *jalma-* «пожирать» представлены разные производящие основы, хотя в

некоторых языках между этими словами происходила частичная контаминация.

Тюрк. *jalma-* «жадно есть», «пожирать» в алтаистических работах сближается с калм. *zalmā-* «закусывать (перед отъездом)», ср. также х.-монг. *žalmaj-* «вести себя нагло, цинично» (БАМРС, II, 158) (← тюрк., см. ЭСТЯ, 1989, 95) и, далее, с монг. *žal-gi-* «глотать, поглощать, пожирать» (Ramstedt, 1935, 465) в качестве генуинных на праязыковом уровне. Очевидно, в тюрк. **jal-ma-* «пожирать» и монг. **žal-gi-* «поглощать, пожирать» представлена одна и та же производящая основа, ср.: ср.-монг. *žalgi-*, *žalki-* (SH), п.-монг. *žalgi-* «глотать, поглощать, пожирать» (Lessing, 1960, 1031); х.-монг. *zalgi-* «глотать, проглатывать»; *šülsē zalgi-* «глотать слюнки»; «жадничать, страстно желать, алкать» (БАМРС, II, 203); бур. *zalgi-* «глотать», «проглатывать»; *zalgil-* «тж.», *zalgilga* «затыжка (при курении)»; *zalgi* «глотоку»; калм. *zal'gā-* «глотать, проглатывать»; «пить залпом», *zal'gčā* «глотоку»; орд. *žalgi-* «глотать»; дагур. *žalgi-*, *žal'gī-* «глотать, проглатывать» (Тодаева, 1986, 142); *žilehe-* «глотать» (Martin, 1961, 178); дунс. *žanqai-*, баоань. *žalχā-*, ш.-юг. *žalGā-*, монгол. *čargi-* (Smedt, Mostaert, 1933, 443), хуцзу *čalga-* «глотать, проглатывать» (см. EDAL, II, 1527). По этим материалам для прамонгольского состояния реконструируется архетип **žali-gi-* «глотать», в котором морфологический элемент *-gi-*, видимо, является аффиксом побудительного залога, наращенным к заимствованной из пратюркского языка основе **žali-* (← пратюрк. **jal-*) «глотать».

В «Этимологическом словаре алтайских языков» прамонг. **žal-gi-* «глотать» и **žal-ka-* «мокрота» (последняя основа ближе в тюрк. **jal* в *jalqaq*, см. каз. *жалгааяқ* «слизь») в качестве гомогенных на праалтайском уровне сближаются с тюркским **jālyā-* «лизать» (EDAL, II, 1527), но, по семантическим соображениям, такое сближение представляется проблематичным (см. каз. *жала-* «лизать»).

Морфологическая структура тюрк. *jalma-* «глотать» затемнена. Обычно в составе подобного рода глагольных образований выделяется аффикс *-ma-* с интенсивным значением (см. ЭСТЯ, 1989, 95; Севортян, 1962, 352-355: «древнейший аффикс учащательности»). Однако в системе тюркского глаголообразования аффикс *-ma-* обычно не выделяется. Э.В. Севортян выделяет аффикс *-ma-* в составе сложного аффикса *-mala-*, где *-ma* скорее всего является именным, а собственно глагольным аффиксом является *-la-*, ср. аз. *Garmala-* «схватывать» (< *Garma* + *-la-*), туркм. *jolmala-* «выдергивать» (< *jolma* + *-la-*), *sermele-* «щупать» (< *serme* + *-le-*) и т.д. (Севортян, 1962, 352-355). Что же касается глаголов типа каз. *qarma-* «ловить, хватать», *tirma-* «чесать, царапать», *serme-* «махать» и т.п., то они, по всей вероятности, являются отыменными дериватами на *-a/-e-* и образовались в результате стяжения более полных древних форм, ср.: **qarim* + *-a* > **qarima-* > *qarma-* «хватать» (< *qar-iš-* «стискивать, сжимать»); **tirim* + *-a* > **tirima-* > *tirma-* «чесать, царапать» (< **tir-* ~ чув. *čēr-* «царапать»);

**serim* + *-e* > **serime-* > *serme-* «махать» (< *ser-* «раскинуть, расстелить») и т.д. Следовательно, тюрк. *jalma-* «глотать» является вторичным глагольным дериватом на *-a* от именной основы *jalim* «пожирание», «глотание», «поглощение», образованной, в свою очередь, от глагольной основы **jal-* «глотать, пожирать» (возможно, имитативного происхождения; тогда можно предполагать гомогенность **jal-* «лизать» и **jal-* «глотать»). Реальность именной основы *jalim* «пожирание» подтверждается тур. диал. *jalimsaq* «прожорливый» (DD, III, 1465), а также первым компонентом сложного слова *jalmawuz* (< **jalim awuz*) «обжора, прожорливый, ненасытный»; «всепожирющее мифическое чудовище» (см. каз. *жалмауыз*; ср. также др.-тюрк. *jaliman* «грабительский набег»).

Слово имеет достоверную тюркскую этимологию, что подтверждает его исконный характер. Следовательно, глагольную основу **žali-* «глотать» в составе монгольского **žalgi-* «глотать» следует квалифицировать как раннее тюркское заимствование второго периода (по Дж. Клоусону). Калмыцкое *zalmā-* «закусывать» является относительно поздним заимствованием из джокающего кыпчакского языка (каз., кирг.).

Ср. каз. *жалман-*, *жалманда-*, *жалмауыз*.

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 465; Егоров, 1964, 74, 348; Räsänen, 1969, 183, 192; Clauson, 1972, 924; Кайдаров, 1986, 210; ЭСТЯ, 1989, 95; Федотов, 1996, II, 484-485; 2002, 90, 456-457; Эхмэтьянов, 2001, 263; EDAL, II, 1527.

ЖАЛМАН (*žalman*) «вид полевой мыши» (см. ҚТТС, III, 579) < тюрк. **jalman* «тушканчик», «вид полевой мыши» (< *jalma-* «пожирать, есть с жадностью»), ср. также каз. диал. *žalman qılaq* «название травы, растущей на солончаках» (букв. «ухо тушканчика») (ҚТДС, 107); в других тюркских языках: др.-тюрк. (карах.) *jamlan* «разновидность крысы» (МК, III, 37; ДТС, 231; Clauson, 1972, 936); карах. (XI в.) *jamlan*; *jalaman*; кыпч. (XIII в.) *jalman* «тушканчик» (Clauson, 1972, 936); туркм. *jalman* «тушканчик»; «землеройка»; перен. «проныра»; узб. *jalmən* «крыса»; *jalmənquloq* «молочай солнцеглядный»; «лебедя бородавчатая»; узб. диал. *jalman* «вид полевой мыши»; тат. *jalmaq* «тушканчик»; «мифическое существо, пожирающее все, что попадает к нему на глаза»; тат. диал. *jalman* «крыса», «тушканчик» (ТТДС, 1993, 108); зап.-сиб. тат. *jalman* «суслик» (Тумашева, 1992, 67); бапк. *jalman* «тушканчик»; ног. *jalman* «ялман (трава, растущая на солончаках)»; ср. также ног. *jalman* в составе *jalman et-*, *jalmanla-* «проявлять нетерпение при виде пищи, жадно смотреть на пищу»; алт. *jalman* «зверек» (Вербицкий, 1884, 72); тел. *d'alman* «маленькое животное» (Радлов, III, 189-190); чув. *jalman*, *jalman kujan* «тушканчик» (← тат.); ср. еще: каз. *at jalman* (Clauson, 1972, 936), *at žalman* «хомяк», к.-калп. *jalaman* «тушканчик» (Щербак, 1961, 151).

В древнетюркских письменных памятниках встречается с XI в. (карах. *jamlan*, см. выше), в кыпчакских – с XIII в. в форме *jalman* «тушканчик» (Houtsma, 1894, II, 13) (подробнее см. Clauson, 1972, 936; ЭСТЯ, 1989, 97; Räsänen, 1969, 183).

Дж. Клоусон считает более архаичной, исходной форму *jamlan*, зафиксированную в «Диване» Махмуда Кашгари, а в форме *jalman* он усматривает метатезу: *jamlan* > *jalman* (Clauson, 1972, 936). В составе *jamlan* он выделяет аффикс *-lan*, встречающийся в некоторых обозначениях животных, а производящую основу **jam* оставляет без объяснения (Clauson, 1972, 936; см. также Atalay, 1942, 190).

Древнетюркское (караханидское) *jamlan* «разновидность крысы» (МК, III, 37) является единичной фиксацией, во всех других источниках представлена форма *jalman* «тушканчик», которая хорошо объясняется на тюркской почве. Поэтому др.-тюрк. *jamlan* следует признать вторичной, образованной в результате метатезы *-lm-* > *-ml-* в первоначальной форме *jalman*.

М. Рясänen исходит от формы *jalman*, представленной в большинстве известных источников, и считает ее производной от глагола *jalma-* «пожирать, есть с жадностью» (Räsänen, 1969, 183; см. каз. *жалма-*). Слово *jalman* ~ каз. *žalman* – обозначение мелких зверьков из отряда грызунов, несомненно является отглагольным именем на *-n* в значении носителя процесса (см. Brockelmann, 1954, § 92; Севортян, 1966, 332; Щербак, 1977, 172-173). Достоверность такой этимологии подтверждается тат. *jalmaq* «тушканчик», являющимся именным дериватом на *-q* от той же глагольной основы *jalma-* «пожирать», «жадно есть».

В туркменском и узбекском языках данное слово, скорее всего, имеет кыпчакское происхождение (ср. отсутствие соответствий в других огузских и карлукских языках). Показательно также отсутствие слова *jalman* в куманской ветви кыпчакских языков. Таким образом, слово *jalman* «тушканчик» в тюркских языках носит явно выраженный узколокальный характер и представлен главным образом в урало-поволжской и канглытской ветвях кыпчакских языков.

В сравнительно-исторических исследованиях тюрк. *jalman* «тушканчик» обычно сближается с калм. *jalmān* «тж.». Г.И. Рамstedт, по-видимому, тюркские формы считал монгольскими заимствованиями, ср.: «*jalman* → тел. *jalman*» (Ramstedt, 1935, 214). М. Рясänen указывает обратное направление заимствования – из тюркских языков в монгольские (Räsänen, 1969, 183).

В монгольских языках слово *jalman* «тушканчик» занимает периферийное положение, ср.: х.-монг. *jalmān* «детеныш тушканчика» (БМРС, IV, 462); ойр. *jalmān* «тушканчик» (Тодаева, 2001, 180); калм. *jalmān* «тушканчик» (Тодаева, 1976 511; Ramstedt, 1935, 214).

В халха-монгольском и калмыцком (ойратском) языках *jalman* «тушканчик» следует квалифицировать как относительно позднее заимствование из некоего йокающего тюркского языка кыпчакского типа.

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 214; Atalay, 1942, 190; Räsänen, 1969, 183; Clauson, 1972, 936; ЭСТЯ, 1989, 97.

ЖАЛМАН (*žalman*) «кончик кинжала» (КТДС, 106); ср. также *žalpaq* «широкий (лицо)» (Катаринский, 1897, 69) < пратюрк. **jalman* (< **jal-* «быть широким, плоским, гладким, острым») «острие или лезвие оружия или орудия»; «клинок сабли»; «крутая, отвесная скала (имеющая вид острия)»; ср.: др.-тюрк. (с VIII в.) *jalım* «крутой, отвесный»; карах. (XI в.) *jalım* «тж.»; *jalım qaja* «крутая скала» (МК, III, 19-20; ДТС, 228-229; Clauson, 1972, 928); туркм. *jalama* «ровный, гладкий»; тур. *jalman* «зубчатая вершина»; «острие (напр., ножа, шпаги)»; «наклонный»; *dağ jalmanı* «пик горы»; *jalman kaja* «обрыв без выступов»; «пик скалы без выступов»; *jalım* «лезвие, острие»; осм. *jalman* «непроходимое место»; «острие или лезвие оружия или орудия»; «вершина горы, имеющая вид острия, пик»; *day jalmanı* «овраги в горах»; *qılıç jalmanı* «острие сабли» (Радлов, III, 190); *jalım* «острие (ножа, топора, сабли и другого оружия)»; «гладкая, ровная поверхность»; «поверхность клинка» (Радлов, III, 169); *jälman* «ближайшая к концу верхняя часть сабли, где она становится тоньше» (Радлов, III, 358); др.-уйг. *jalım* «крутой» (Радлов, III, 169); чаг. *jalman* «твердый, ярый»; «непроходимый (о горах)» (Радлов, III, 190); вост.-тюрк. *jalman* «острие (сабли)»; «поверхность клинка»; «твердый, резкий, жесткий (о горе)» (Zenker, 1876, II, 955); койб. *jalım* «кутая скала» (Радлов, III, 169); алт. *d'albaŋ* «пологий»; *jalbaq* «широта»; «широкий», «плоский»; *jaр-jalbaq* «самый широкий»; *jalbaq tebir-* «жать» (Вербицкий, 1884, 72); хак. *čalım ħaja* «отвесная скала»; тув. *čalım* «неприступная скала» (Räsänen, 1969, 183; 196; Doerfer, 1975, № 1891; ЭСТЯ, 1989, 103-104; СИГТЯ, 1997, 412-413; EDAL, II, 1509-1510).

Основа **jal-*, а также производные *jalım* и *jalman* довольно слабо зафиксированы в тюркских языках и исходные значения их размыты.

Э.В. Севортыян тюркские формы *jalım* «скала», «крутой» (а также «лезвие, клинок») и *jalman* «вершина горы, имеющая вид острия» (а также «острие, лезвие, клинок оружия») склонен считать производными именами с аффиксами *-m* и *-man*, соответственно, образованными от не сохранившейся в источниках глагольной основы **jal-* «быть гладким, голым» > «быть крутым, отвесным» (см. ЭСТЯ, 1989, 103; см. также Clauson, 1972, 928). Основа **jal-* выделяется также в тур. диал. *jalım* «камень, высокая скала, голый»; *jalçın* «скалистое место» и ср.-тюрк. *jalt* «ровный, гладкий»; «крутой отвесный».

М. Рясänen тюрк. *jalım* (осм.) «острие» и *jalman* (чаг., осм.) «непроходимый (о горах)» приводит под вопросом в словарной статье, посвященной ср.-тюрк. *jalım* «твердый»; «крутой» (Räsänen, 1969, 183), но не объясняет их морфологическую структуру.

М. Фасмер рус. *елман*, *елмань* «острие клинка» (с 1589 г.) считает тюркским заимствованием (← чаг. *jalman* «острие, лезвие»; тур. *jälman* «верхняя часть сабли близ острия») и под вопросом сближает с рус. *елбан* «высокий, округлый мыс, холм» (Фасмер, II, 13, 16). Эта идея впоследствии развита Е.Н. Шиповой (Шипова, 1976, 131-132: *елбан*; *елман*; *елмань*).

А.Е. Аникин рус. обл. *elban* «высокий гладкий мыс на берегу»; «округлая возвышенность, окруженная со всех сторон логами»; «небольшая гора с округлой вершиной, сопка»; «голая пологая вершина горы», *elban'* «высокий берег реки» выводит из тюрк. источника, близкого к алт. *jalbaŋ* «пологий» < ? монг., ср. п.-монг. *dalban, dalbayai* «широкий, плоский», *dalbai* «быть широким и плоским» (Аникин, 2000, 198); при этом сближение *elban* с рус. (← тюрк.) *elman, elman'* «острие, лезвие» (Фасмер, II, 16; Шипова, 1976, 131) он считает неприемлемым.

При строго научном подходе тюркские омонимичные образования **jalman* «крутая скала» и **jalman* «острие, клинок», естественно, следует рассматривать дифференцированно, так как эти два слова являются вполне самостоятельными параллельными дериватами, образованными в разных языках в разное время. Однако оба эти слова образованы на одной и той же общей материальной базе: корневой – **jal-* «быть плоским, гладким, острым» и аффиксальной *-man*. Следовательно, в материальном отношении оба слова идентичны, хотя при образовании орографического термина главное внимание было уделено одной части семантического поля производящей глагольной основы («быть плоским», «быть гладким»), при производстве названия острой, режущей части оружия или орудия – другой («быть острым»).

Производящая глагольная основа **jal-* «быть плоским, гладким» выделяется в целом ряде тюркских слов (подробнее см. каз. *жаптай-* «сплющиваться»; *жаптақ* «плоский»). Приведенные А.Е. Аникиным монгольские слова безусловно родственны с тюрк. **jal-* «быть плоским» и его производными, однако они связаны друг с другом не генетическими узлами праалтайского уровня, а относительно поздними контактными взаимовлияниями (см. *žalpaĵ-*, *žalpaq* и др.).

В. Банг (Bang, 1917, 141), М. Ряснен (Räsänen, 1969, 183), Дж. Клаусон (Clauson, 1972, 928) и Э.В. Севортян (ЭСТЯ, 1989, 103-104) указывают на материальное и структурное тождество тюркских слов *jalim* «лезвие, клинок», *jalman* «клинок оружия», с одной стороны, и *jalim* «крутая скала», *jalman* «непроходимое место», «вершина горы, пик» – с другой. Семантическое развитие: «плоский, острый конец» > «лезвие, клинок оружия» > «вершина горы, имеющая вид острия» > «крутая, отвесная скала» и т.д. – вполне понятно, хотя еще нуждается в дополнительной аргументации и подкреплении конкретными материалами.

Л.С. Левитская в тюрк. *jalman* «клинок оружия» выделяет корень **jelme-* ~ **jalma-* с размытым исходным значением: то ли «металлическое орудие (оружие)», то ли «изделие из металла (боевой панцирный, кольчужный доспех)». Первое значение, по мнению Л.С. Левицкой, отражается в осм. *jelman* (~ *jelmän?*) (отмеченная В.В. Радловым османская форма скорее вторична и отражает частичную палатализацию вокализма под ассимилятивным воздействием инициального *j-*; поэтому реконструкция передне-

рядного архетипа **jelme*- не подтверждается фактическим материалом. – Ж.Т.) «ближайшая к оконечности часть сабли, где оборот ее становится тоньше и где начинается раздвоенный клинок» (Будагов, 1871, II, 364; СИГТЯ, 1997, 412).

Киргизское фольклорное *žalmaŋda*- (от подраж. *žalman*) «быть бойким, расторопным», «быть быстрым в движениях»; «делать энергичные движения» (ср. *žalmaŋdatıp qılıçtı, žabilišip čryıştı* «размахивая мечами, вышли они гурьбой»), как и кирг. *žalmantı*- (понуд. от *žalman*- «грызть удила, прося ходу»; ср. *qılıçtin mizin žalmantıp* «играя лезвием меча»; «размахивая мечом» Юдахин, 1985, I, 222), вопреки предположению Л.С. Левитской, сюда не относится.

Второе значение Л.С. Левитская реконструирует опираясь на следующий пассаж из орхонского памятника Кюль Тегину: *jarıqınta jalmasınta jüz artuq oquŋ urtı* «в его панцырь и в его кольчугу попало более сотни стрел», а также осм. *jelme* «кольчуга с разрезом спереди» (СИГТЯ, 1997, 412). Заметим, однако, что «Древнетюркский словарь» дает следующие значения: тюрк. *jalma* «одежда, плащ, накидка» (МК, III, 34), а приведенную выше цитату переводит следующим образом: «в его кольчугу (*jaraq*) и в его накидку (*jalma*) попали более ста стрелами» (ДТС, 229). Л.С. Левитская полагает, что первичное значение «кольчужный доспех» получило дальнейшее развитие, и это вторичное значение отразилось в «Диване» Махмуда Кашгари, где *jalma* значит «толстый стеганный халат, накидка. Автор «Дивана» переводит это слово на арабский язык как *al-jalmaq* и объясняет: «персы взяли (это слово) от тюрков и произносили *jalma* (с *-h*), потом арабы взяли его от персов и произносили *jalmaq*, передав *hā*’ через *qāf*, точно так же, как они произносили (фарсизмы) *χandaq* из *kanda* и *jaraq* из *jara*...; нет никого, кто утверждал бы, что тюрки взяли его от персов. Я сам слышал это слово от необразованных тюрков приграничья; они больше, чем другие народы, нуждаются в плащах (= халатах), потому что в их родной стране больше дождей и снега» (МК, III, 34; см. также Clauson, 1972, 929). Л.С. Левитская далее пишет: «Если учесть, что ламинарные и кольчужные доспехи у иранцев и тюрков обкладывались с двух сторон войлоком и тканью, а потом простегивались, то становится совершенно ясной причина вторичного перехода названия на «толстый войлочный (как правило, стеганный) халат» (СИГТЯ, 1997, 412). Тем не менее, семантическая связь между *jalim, jalman* «острие, клинок» и *jalma* «кольчуга»; «плащ, накидка» весьма проблематична и нуждается в подтверждении на основе конкретного анализа соответствующих лингвистических и историко-этнокультурологических материалов.

В сравнительно-исторических исследованиях тюрк. **jalma*- ~ **jelme*- «лезвие или конец сабли» в последнее время сближается с монг. **seleme* «сабля» (СИГТЯ, 1997, 412-413; EDAL, II, 1509-1510); ср.: п.-монг. *seleme, selme* «сабля, меч, шашка» (Lessing, 1960, 686); х.-монг. *selēm(en), selmën* «сабля; меч; шашка; шпага»; «саблевидный; саблеобразный» (БАМРС, III,

155); бур. *helmě* «меч, сабля, шашка»; «клинок»; «осетр»; калм. *selēm* «меч; сабля; шашка»; *selēmdě-* «рубить шашкой (мечом, саблей)» (см. Ramstedt, 1935, 323); дагур. *selmī* «меч, сабля», *selemii*, *selmi* «меч, сабля» (Тодаева, 1986, 162); ойр. *selmē* «сабля, меч» (Тодаева, 2001, 293); в говорах Внутренней Монголии: хорч., архорч., барин., шгол., уцаб., харч., тум., чах., *selem*; джал., дурб., *telem*, орд. *seleme* «сабля, меч» (Тодаева, 1981, 196).

Г.И. Рамстедт монгольское *seleme* «сабля» сближает с тунг. и маньчж. *seleme* «сабля» и, под вопросом, с тунг. *sele* «железо», указывая при этом афг. *sela* «пика, копьё; рапира; шашка, сабля» ← инд. (Ramstedt, 1935, 323: без указания индийского прототипа).

В современных исследованиях тюркские и монгольские формы в качестве прародственных на алтайском уровне сближаются, уже без вопроса, с тунгусо-маньчжурским *sele* «железо» (СИГТЯ, 1997, 412-413; EDAL, II, 1509-1510); ср.: эвенк. *sele* «железо», «металл»; *seli*, *sellivun*, *selmi* «кольчуга, панцирь (из нашитых на ровдугу металлических и костяных пластинок)»; «нагрудник (часть национального костюма)»; *seleme* «железный», «сабля»; сол. *sele* «железо», *selem*, *selemei* «сабля»; *seldi* «панцирь»; нег. *sele* «железо»; *selezǝ*, *selesiχ* «кольчуга, панцирь»; *seleme* «железный»; орок. *sele* «железо»; «наконечник стрелы (железный)»; *seleme* «железный»; уд. *sele* «железо»; *seleme* «железный»; ульч. *sele* «железо»; «удила», *selem(s)e* «железный»; орок. *sele* «железо»; *seleme* «железный», *selesū* «кольчуга, панцирь»; нан. *sele* «железо», *seleme* «железный», *selesū* «кольчуга, панцирь»; маньчж. *sele* «железо», «чугун», *selemu* ~ *selem* «меч», *selenge* «железный»; чжурчж. *sēh-leh* «железо», *sieh-lieh* «меч» и т.п. (подробнее см.: ТМС, II, 140-141; Цинциус, Бугаева, 1979, 38-41).

Предполагаемая генетическая связь между тюрк. **jalman* «острие, клинок сабли» и т.п. монг. *seleme* «сабля, меч» и т.п. более чем проблематична как по фонетическим (соответствие тюрк. *j-* ~ монг. *s-* в анлаутной позиции, заднерядный вокализм тюрк. форм при переднерядном монг. и т.д.), так и по историко-культурологическим соображениям (железо, да и вообще металл в Средней Азии появился на несколько тысячелетий позже предполагаемого времени распада алтайской общности). Поэтому нет никакой необходимости и возможности для сближения тюрк. **jalman* «острие, клинок» с монг. *seleme* «сабля».

Что же касается взаимоотношений между монгольскими и тунгусо-маньчжурскими формами, то есть все основания усматривать в монг. *seleme* «сабля» тунгусо-маньчжурское заимствование. В пользу этого мнения свидетельствует ряд фактов. Слово *seleme* «сабля» не этимологизируется на монгольской почве, но прекрасно объясняется на материале тунгусо-маньчжурских языков. С учетом имеющихся в тунгусо-маньчжурских языках деривационных аффиксов, с помощью которых от именных основ образуются новые производные имена, устанавливается, что формы типа маньчж. *seleme* «меч», эвенк. *seleme* «сабля», сол. *selemei* «сабля» являются

субстантивированными именами прилагательными типа эвенк. *seleme*, орач. *seleme*, уд. *seleme* «железный», и т.д., образованными с помощью аффикса *-ma/-me* от именной основы *sele* «железо» (подробнее см. Цинциус, Бугаева, 1979, 40). Поэтому монгольские формы следует квалифицировать как относительно поздние маньчжурские заимствования (рубежа I-II тысячелетия н.э.). Так, М. Ряснен сой. (= тув.) *seleme* «сабля, клинок, шашка» и каз. *seläbä* «сабля» считает монгольским заимствованием, монгольские формы, в свою очередь, совершенно справедливо квалифицирует заимствованиями из тунгусо-маньчжурских (тунг., маньчж. *seleme*) языков, а последние формы, правда, под вопросом, выводит из тунгусского *sele* «железо» (Räsänen, 1969, 409). Однако Н.Н. Поппе считает монг. *seleme* «сабля», маньчж. *seleme* ~ *selemu* «меч», эвенк. *seleme* «железный» генуинными на праязыковом уровне с маньчж. и эвенк. *sele* «железо» (Poppe, 1960, 29, 125). Эту идею без всякого критического анализа подхватили авторы «Этимологического словаря алтайских языков» и «обогатили» японскими (**sunsu* «жесть, олово») и корейскими (**soi* «металл, железо») «соответствиями» (см. EDAL, II, 1509-1510).

Что же касается каз. *selebe* в составе *selebe pīšaq* «большой (кухонный) нож»; ср. также кир. (= каз.) *seläbä* «сабля» (Радлов, IV, 480), и кирг. *selebe* «меч, сабля» (Юдахин, 1965, 642), то они, скорее всего, с монгольским *seleme* «сабля» непосредственно не связаны, и, по-видимому, являются заимствованиями из персидского языка, ср.: тадж. *seloba* «небольшой кинжал».

Приведенный Г.Й. Рамstedтом афг. *sela* «пика», «рапира», «длинный меч» (Ramstedt, 1935, 323) в современных словарях не обнаруживается; возможно, автор имел в виду афг. *silah* «оружие, вооружение» (← араб.).

Историко-этимологический анализ репрезентативного эмпирического материала показывает, что между тюрк. *jalman* ~ каз. *žalman* «кончик кинжала» и монг. *seleme* «сабля» нет никаких связей.

Подробнее см.: Bang, 1917, 141; Ramstedt, 1935, 323; Poppe, 1960, 29, 125; Фасмер, II, 13, 16; Räsänen, 1969, 183, 196, 409; Clauson, 1972, 928, 929; Doerfer, 1975, № 1891; Шипова, 1976, 131-132; Молчанова, 1979, 176; Цинциус, Бугаева, 1979, 38-41; Дмитриева, 1984, 140; Мурзаев, 1984, 198-199; ЭСТЯ, 1989, 103-104; СИГТЯ, 1997, 412-413; Аникин, 2000, 198; EDAL, II, 1509-1510.

ЖАЛМАН- (*žalman-*) «проявлять сильное желание получить что-нибудь или поесть чего-либо» < пратюрк. **jalman-* (возвр.-страд. на *-n-* от *jalma-* «жадно есть») «жаждать поесть», «испытывать сильное желание поесть чего-либо»; ср. туркм. *jalman-* «облизываться»; аз. *jalman-* «подлизываться»; кумык. *jalman-* «облизывать(ся)»; тат. *jalman-* «облизывать(ся)»; башк. *jalman-* «облизывать»; к.-калп. *žalman-* возвр. от *žalma-* «хватать (ртом)»; «жевать (губами)»; «жадно есть»; кирг. *žalman-* «грызть удила, прося ходу» (ЭСТЯ, 1989, 95).

Слово *žalman-* ~ тюрк. **jalman-* «испытывать сильное желание поесть»; «облизываться» образовано от *žalma-* ~ тюрк. *jalma-* «жадно есть»; «облизывать» при помощи аффикса *-n* с рефлексивным значением, возможно, с оттенком интенсивности (см.: Севортян, 1962, 487-488).

Основа данного слова выделяется в составе ряда монгольских слов; ср. п.-монг. *žalgi-* «глотать, поглощать, пожирать» (Lessing, 1960, 1031); х.-монг. *zalgi-* «глотать, проглатывать»; *šülsē zalgi-* «глотать слюнки»; «жадничать, страстно желать, алкать» (БАМРС, II, 203); бур. *zalgi-* «глотать, проглатывать»; калм. *zalmā-* «закусывать» (см. Ramstedt, 1935, 465) и т.д. (подробнее см. каз. *жалма-* «пожирать»).

Специалисты полагают, что в монгольские языки основа данного слова попала из тюркского языка во второй период тюркско-монгольских языковых контактов.

Подробнее см. Ramstedt, 1935, 465; Егоров, 1964, 74, 348; Räsänen, 1969, 183, 192; Clauson, 1972, 924; ЭСТЯ, 1989, 95; Федотов, 1996, II, 484-485; 2002, 90, 456-457; Әхмәтъянов, 2001, 263; EDAL, II, 1527.

См. также каз. *жалман*, *жалмаңда-*, *жалмауыз*.

ЖАЛМАНДА- «проявлять жадность к еде, набрасываться на пищу»; кир. (= каз.) *ǰalmaŋ-ǰalmaŋ* «хватание ртом»; *ǰalmaŋ-ǰalmaŋ etkän ǰalmawız* «Джалмауз, который все проглатывает» (Радлов, IV, 44); ср. в других тюркских языках: ног. *jalmaŋ et-, jalmaŋla-* «проявлять нетерпение при виде пищи»; «жадно смотреть на пищу»; к.-калп. *ǰalmaŋla-* «выказывать нетерпение при виде пищи», «жадно смотреть»; кир. (= каз. *ǰalmaŋda-* «жадничать, показывать нетерпение при виде кушанья» (Катаринский, 1897, 69; Радлов, IV, 44-45); кирг. *ǰalmaŋda-* «выказывать нетерпение при виде пищи»; «жадничать», «жадно смотреть на еду» (ср. кирг. *ǰalmaŋ* подражательное слово; *ǰalmaŋ etip, tilin čıyarıp, külp kojdu* «он усмехнулся, показав язык», букв. «высунул и убрал»; *ǰalmaŋ tildü: ǰılan* «змея с высывающимся языком»); бар. *jalmaŋna-* «махать хвостом перед кем» (Радлов, III, 189).

Каз. *ǰalmaŋda-* ~ тюрк. *jalmaŋla-* является глагольным образованием на *-la-* (~ каз. *-da-*) от именной основы *ǰalmaŋ* «хватание ртом» (примеры см. в перечне форм), которая, в свою очередь образована от глагольной основы *ǰalma-* «пожирать с жадностью» (см. это слово).

Эта же основа выявляется в монгольских языках, ср. калм. *zalmā-* «закусывать перед отъездом» (см. Ramstedt, 1935, 465); х.-монг. *ǰalmāj-* «вести себя нагло, цинично» (БАМРС, II, 158) и т.п. (см. каз. *жалма-, жалман-*); ср. также х.-монг. *ǰalmāyānā-, ǰalmälzä-* «быть беззастенчивым, нахальным, бесцеремонным»; «терять стыд, поступать бесстыдно, быть наглым»; *ǰalmälzür* «беззастенчивый, наглый, нахальный» (БАМРС, II, 157-158) и др. В других монгольских языках соответствующие формы не отмечены. По всей вероятности, монг. *ǰalmaj-* «вести себя нагло» является довольно поздним заимствованием из джокающих кыпчакских языков (каз., кирг.).

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 465; ЭСТЯ, 1989, 95; EDAL, II, 1527.

См. каз. *жалма-, жалман, жалман-, жалмауыз.*

ЖАЛМАУЫЗ (*žalmawız*) «обжора» (Катаринский, 1897, 69), «прожорливый»; *žalmawız kempir* «баба-яга»; *žalmawuz* «хватающий ртом, обжора, скряга»; «чиновник, который берет много взяток»; «мифическое существо» (Кажибеков, 1986, 147) < тюрк. **jalım ayuz* < **jalım* «пожирание, глотание, проглатывание»; «пожирающий, проглатывающий» (< **jal-* «глотать», «пожирать») + *ayuz* ~ каз. *awız* «рот»; букв. «всепожирающий рот»; ср.: туркм. *jalmawuz, jalawuz* «ненасытный, обжора»; узб. *jalmawız* «мифическое существо, чудовище, пожирающее все, что попадает ему на глаза»; «противный, вызывающий отвращение»; «зловредный»; диал. *jalmawuz* «обжора, прожорливый, ненасытный, жадный» (Dobos, 1974, 91); уйг. *jalmiyiz* «ведьма, баба-яга»; перен. «прожорливый»; уйг. *jalmawuz* «ведьма, колдунья»; уйг. *jalmawuz* «мифическое существо; чудовище, пожирающее все, что попадает ему на глаза»; перен. «противный, вызывающий отвращение»; «зловредный»; к.-балк. *želmawuz* «людоед»; «чудище, чудовище»; «дракон»; «страшилище»; *aj tutulsa želmawuz tutadı* «при затмении луны ее пожирает чудовище»; тат. *jalmawız* «чудовище, мифическое существо, пожирающее все, что попадает ему на глаза»; перен. «обжора», «ненасытный»; зап.-сиб. тат. *jalmawız, jilmayus* «оборотень» (Тумашева, 1992, 67, 90); башк. *jalmawıd* «чудовище, дракон»; «обжора»; *jetě başlı jalmawıd* «семиголовый дракон»; *jalmawıd, jilmawıd* «дракон»; башк. *jalmawız* «огромный мифический змей, выступающий то в роли многоголового дэва, то в роли аждахи (встречается только в сказках, записанных от башкир, живущих в соседстве с казахами. В казахских сказках *žalmawız*) (Башкирские богатырские сказки. Уфа, 1981, с. 324); ног. *jalmawız, jelmawız* «баба-яга»; «ведьма»; «обжора»; «прожорливый»; диал. (кундур.) *žilmawız (qart)* «имя старух, сидящих внутри солнца и луны»; к.-калп. *žalmawız* «баба-яга»; *žalmawız kempir* «злая старуха, баба-яга, ведьма»; «обжора»; кир. (= каз.) *žalmawız* «обжора» (Будагов, 1869, I, 427); *žalmawız* «назв. чудовища (часто приводимого в сказках, которое, будто-бы, лижа людей, проглатывает их)» (Будагов, 1871, II, 399); кир. (= каз.) *žalmawız* (< *žalma awız*) «хватающий ртом, обжора, скряга»; «чиновник, который берет много взяток»; «мифическое существо (соответствующее Елмегеню алтайцев)» (Радлов, IV, 44); кирг. *žalmōz, želmoγuz* «баба-яга»; «обжора»; *žeti baštū želmoγuz* «семиглавая баба-яга»; чув. *jělmevės, jělmevėš* «название чудовища в сказке», «змей о нескольких головах»; *vižė pušlā jělmevės* «трехглавый змей»; *šižė pušlā jělmevės* «семиглавый змей» (Ашмарин, V, 122); *jělmevės* «чудовище, чудище, чудо-юдо»; *vižė pušlā jělmevės* «трехглавое чудовище» (← ср.-кыпч. **jilmawıs*, ср.: тат. диал. *jilmayus*, башк. *jilmawıd* «дракон»; «оборотень»).

Ср. также аномальные варианты: уйг. *jälmünjüz* «ведьма, колдунья»; *jälmünjüč* «ведьма»; *jälmünjüş* «ведьма»; уйг. диал. (хам.) *jälmunus, jälmünjüs* «имя колдуньи» (фолькл.) (Малов, 1954, 155); (турф.) *jälmünjüs* «имя колдуньи (в сказке)» (Малов, 1961, 116); лобн. *jälmunus* «ведьма, баба-яга»; *jetti vaštıq Jalmunus* «семиглавая ведьма» (Малов, 1956, 117-118); кирг. *želmoγuz*

«баба-яга»; «обжора»; *ḷeti baštū želmoyuz* «семиглавая баба-яга»; «семиглавая ведьма» и т.д.

Слово *jalmawiz* представлено главным образом в карлукских языках и в канглийской ветви кыпчакских языков (каз. *žalmawiz*, к.-калп. *žalmawiz*, ног. *žalmawiz*), а также тесно связанных с ними контактирующих тюркских языках: каз.-тат. *jalmawiz* скорее исконное (основу татарского языка составляет восточно-кыпчакский диалект), зап.-сиб. тат. *jilmayuz* (при кыпчакском варианте *jalmawis*) скорее всего происходит из языка бухарских переселенцев (ср. тат. *awiz* «рот»), хотя, по сужению гласного первого слога ($a > i$), примыкает к башкирской форме *jilmawid*; туркм. *jalmawuz* является заимствованием из кыпчакских языков (ср. туркм. *ayiz* «рот», а также полное отсутствие параллелей в огузских и куманско-кыпчакских языках); узб. диал. *jalmawuz* также является кыпчакским заимствованием (ср. узб. *ayiz* «рот»). Собственно карлукскими могут считаться только уйг. *jalmiyiz* (< **jalmayiz*) и узб. *jalmayiz* с явно выраженной мифологической семантикой.

Аномальные фонетические варианты представлены главным образом в уйгурском (**jalmuyuz* и его фонетические варианты) и, отчасти, в киргизском (*želmoyuz*, при исконном *žalmōz*) языках.

Генуинность карлукских и кыпчакских форма не вызывает сомнений; «анормальные формы» имеют другое происхождение (см. ниже).

В специальной литературе можно обнаружить различные толкования этимологии тюрк. *jalmawiz*.

Л.З. Будагов связывает этимологию кир. (= каз.) *žalmawiz* с глаголом *žala-* «лизать» и предполагает, что оно восходит к *žal(a)m awuz*, видимо, «лижущий рот» (Будагов, 1871, II, 399).

В.В. Радлов разлагает кир. (= каз.) *žalmawiz* на *žalma* и *awiz* «рот», однако структуру первого компонента *žalma* оставляет без объяснения (Радлов, IV, 44).

Этимология Г.Н. Потанина, выводящая *žalmauz* из *žalma* + *awiz* «слизывающий рот» и аргументированная тем, что может существовать самостоятельное слово *žalma* (*žalama*) со значением «слизывающий» (Казахский фольклор, 1972, 292), неубедительна.

М. Ряшенен рассматривает *žalmawuz* в словарной статье о глаголе *žalma-* «хватать, глотать, жадно есть» вместе с каз. *žalm-ıt* «обжора», алт. *jelmegen* (см. ниже), тюрк. *jalman* «тушканчик», но также не объясняет словообразовательной модели, лежащей в основе слова (Räsänen, 1969, 183).

Р.Г. Ахметьянов тат. *jalmawiz* «чудовище», «обжора» сближает с зап.-сиб. тат. *jalmaw-ıç* «метла для подметания зерна на току», алт. *čulmus* «чудовище», «нечистый дух», *šulmus* «циклоп, злое существо, вредящее человеку», др.-тюрк. *jalmayur* «ненасытный», «обжора»; «призрак» (ср. в словаре шейха Сулеймана *jalmayur* «ненасыщающийся, постоянно голодный», см. Радлов, III, 189; Малов, 1954, 155), *jalma-* «слизнуть и проглотить»

тить», «схватить ртом и проглотить»; «вылизать начисто»; «жадно есть», а также с тат., алт. *jalmawır, jalmūr* «метла», *jalma-* «мести» и, далее, с монг. *šulmus*, бур. *šul'mus* (← алт. *čulbus, čulmūs* «чудовище, циклоп, злой дух» < *žalmawız* «тж.») и т.д. (Ахметьянов, 1981, 57; Әхмәтъянов, 2001, 263).

Итак, по единодушному мнению компаративистов, тюрк. *jalmawız* происходит от глагола *jalma-* «схватить ртом и поглотить»; «вылизать начисто»; «жадно есть» (см. каз. *жалма-*), обычно трактуемого как форма интенсива от *jala-* «лизать, слизать» (Räsänen, 1969, 183; ЭСТЯ, 1989, 95-96). Р.Г. Ахметьянов полагает, что слово *jalmawız* < *jalmayur* образовано от глагола *jalma-* «мести метлой», «лизать» при помощи аффикса *-yur*, ср. вост.-тюрк. *tujmayur* «обжора, ненасытный» (Zenker, 1866, 328) от *tuj-* «насыщаться, насытиться» (Ахметьянов, 1981, 57), однако значение аффикса *-yur* оставлено без комментариев. Точка зрения Р.Г. Ахметьянова подходит для тюрк. *jalmayur* «ненасытный», но не объясняет структуру слова *jalmawız* «всепожирющее мифическое чудовище». Автор данной этимологии исходит из предубеждения о первичности ротацированных форм (*jalmayur* > *jalmawuz*), но ротацизм характерен только для болгаро-чувашской группы тюркских языков и явно вторичен. Поэтому тюрк. *jalmayur* и *jalmawuz* следует считать разными дериватами от предполагаемой глагольной основы **jalma-* «слизнуть и проглотить», «пожирать» и т.п., и их необходимо рассматривать отдельно. Также самостоятельного анализа требуют алт. *čulbus, čulmūs* «чудовище»; «циклоп», «злой дух» (см. ниже). Следует отделить от стандартного *jalmawız* так называемые «анормальные формы» типа уйг. *jälmuñus* «ведьма, колдунья», в котором вполне обоснованно выделяются две основы: *jel* и *mañus* (ЭСТЯ, 1989, 96), ср.: др.-тюрк. *jel* «злой дух, демоническое существо» (МК, III, 144); *jel būkä* «дракон»; *jeti bašly jel būkä* «семиглавый дракон» (МК, III, 227; ДТС, 254); ж.-уйг. *jel* в выражении *qaj žamın, jel žamın* «дух, ниспосылающий болезнь»; «ветер-дух с болезнью» (Малов, 1957, 28); алт. *d'el* «злые духи, в частности, переносящие эпидемии, поветрия» (Алексеев, 1980, 85) и т.п.; очевидно, персонифицированный ветер, дух ветра, по народным повериям, переносящий болезни. В связи с этим представляют определенный интерес такие формы, как алт. *d'elbegen* «сказочный многоголовый людоед»; туба *D'elbegen, D'elbēn* – имя собственное мужское (Баскаков, 1966, 115); куманд. *d'elben, t'elbēn, t'elben, čelben, čelbenek, čilben* «название мифического чудовища» (Баскаков, 1972, 212, 260, 267, 268); алт., тел. *jälbäyän* «сказочный людоед, чудовище одноглавое, трехглавое, семиглавое и двенадцатиглавое, черное и желтое»; *aidi (kündü) jälbäyän jäyän* «Ельбеген съел луну (или солнце), настало лунное (или солнечное) затмение» (Радлов, III, 357); шор. *čälbägän* «тж.» (Радлов, III, 1981); хак. *čilbēgen* «чудовище» и др. (см. EDAL, II, 1516).

Во второй части уйг. *jälmuñus* выделяется монг. *mañus* «сказочное чудовище», ср.: п.-монг. *mangyus* «сказочное, обычно многоголовое чудовище, вид великана-людоеда» (Lessing, 1960, 527); *mañus, mangyus* «сказоч-

ное чудовище, пожиратель людей»; х.-монг. *mangās* «мангус (многоголовое человекоподобное существо, вредящее людям)»; «сказочное чудовище»; *arwān tawān tolyōjtōj manγās* «пятнадцатиглавый мангус»; *em manγās* «баба-яга» (БАМРС, II, 319); бур. *manγad* «русский»; калм. *manγad* «татар» (Ramstedt, 1935, 256); ойр. *manγās* «мангас, сказочное чудовище»; «могучий, сильный» (Тодаева, 2001, 226); дагур. *manḡē* «сказочное чудовище» (Тодаева, 1986, 153); монгор. *manγuze* «людоед, людоедка»; «чудовище» (Тодаева, 1973, 344); в говорах Внутренней Монголии: хорч., архорч., барин., шгол., уцаб., чах. *manγas*, джал., дурб. *manγat*, орд. *manγus* «мангус, сказочное чудовище» (Тодаева, 1981, 167), дарх. *manγās* «чудовище, мангус» (Санжеев, 1931, 56) и т.д. (О *manγus*'ах в монгольской фольклорно-мифологической традиции см.: Потанин, 1899, 192, прим. 343, 721, 751-752; Clark, 1980, 46; Lőrincz L. Die Mangus – Schilderung in der mongolischen Volksliteratur // Mongolian Studies. Budapest, 1970, с. 309-310.)

Б.Я. Владимирцов приводит также х.-монг. *mūs* «великан, чудовище (в сказках)», дерб.-астр. *mūs* «тж.» < **muγus* < **muγiḡ*; ср. тюрк.: уйг. *muγiḡ* «маг, волхв» (Владимирцов, 1929, 377).

Монгольское слово в средние века проникло в ряд тюркских языков, ср.: башк. диал. *tawīd* «обжора» (ДСБЯ, 2002, 230); алт. *toγus* «боец, великан»; «бойкий, шустрый»; тув. *manγus* «упырь, вампир, чудовище»; «обжора»; якут. *maγis*, *toγus* «ненасытный, жадный, обжора»; «едун, действующее лицо в сказке»; «едок, обжора»; «банословное чудовище»; *toγus* «обжорливый, ненасытный»; саг., койб., кач. *toγus* «борец» (Радлов, IV, 2122); тел., алт., леб., шор. *toγus* «сильный, крепкий, храбрый, удалый, искусный»; «герой, боец»; «злой» (Радлов, IV, 2122); алт., саг., койб. *mōs* «тж.» (Радлов, IV, 2128) и т.д. (Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 269; Räsänen, 1969, 327, 340; Рассадин, 1980, 87; ЭСТЯ, 1989, 96.)

Э.В. Севортян относительно взаимоотношений тюрк. *jalmawiz* и *jälmuγus* пишет: «напрашивается предположение, что современное *jalmawiz* восходит к более раннему **jel-maγis*. В результате народной этимологии **aγis*, видимо, стало ассоциироваться в части тюркских языков с *aγiz* «рот» (ср. кирг. варианты *žalmōz* и *žel-toγuz*), а **želma-* с глагольной основой *žalma-* «жадно есть, глотать» (ЭСТЯ, 1989, 96).

Тюрк. *jalmawiz*, судя по совокупности материалов, представляет собой эллиптированный именной композит **jalim awiz* «всепожирающий рот» > *jalmawiz*, в котором первый компонент является именным дериватом на *-it* от глагольной основы **jal-* «глотать, пожирать» (подробнее см. каз. *жалма-*, *жалман*). Очевидно, в некоторых тюркских языках произошла контактиация *jalmawiz* и **jel maγis* (напр., в кирг., уйг.).

Высказывание Р.Г. Ахметьянова, будто бы тюрк. *jalmawiz* «проникло далеко на восток» (Ахметьянов, 1981, 57) не имеет под собой надежной основы, так как монг. *šulmas* «демон, черт» является исконным словом, ср.: прамонг. **silmo* «демон, черт»; ср.-монг. (НУ) *silmosun* «тж.»; п.-монг. *silmosu* «тж.» (Lessing, 1960, 707); х.-монг. *šulmās*, *šulāms*, *šulām* «демон,

ведьма»; «демонический» (БАМРС, IV, 376, 377); бур. *šolmo* «черт, дьявол»; *šolmos* «черт, дьявол»; *šolmos-šüdχer* «черти», «нечистая сила»; калм. *šulmā* «черт, бес, дьявол, злой дух» (Ramstedt, 1935, 367); ойр. *šulām* «нечистая сила, бес, злой дух»; «ведьма» (Тодаева, 2001, 462); в говорах Внутренней Монголии: хорч. *šulām*, *šulmās*, джал., дурб. *šulām*, *šulmāt*, ар-хорч., хеш., харч., тум., шгол., уцаб., чах. *šulmās*, барин., онн., найм. *šolmos*, ордос. *šulmus*, *šulmu*, п.-монг. *silmu*, *simnu* «демон» (Тодаева, 1981, 265).

Б.Я. Владимирцов приводит следующий ряд соответствий: п.-монг. *simnu* (< уйг. *smnu* < согд.-христ. *smnū* «дьявол, злой дух, бес») > х.-монг. *šolmo* «тж.», баит., дэрб.-коб. *šolmō*, горлос. *š'olmō*; (> нов. монг.-письм. *šilmu*) (Владимирцов, 1929, 183), т.е. монгольские формы через уйгурское посредство выводит из согдийского прототипа.

В «Этимологическом словаре алтайских языков» данное слово рассматривается в одном ряду в монг. **silbe-* «вести себя непристойно», ср.: п.-монг. *sil(i)belži-* «тж.» (Lessing, 1960, 707); х.-монг. *šilbelž-* «вести себя непристойно, невоспитанно»; «озираться, оглядываться, осматриваться» (БАМРС, IV, 353); калм. *šilwēlž-* «озираться (по сторонам)» (EDAL, II, 1516), но это сближение требует дополнительной аргументации, так как сталкивается с серьезными фонетическими и семантическими трудностями.

Монгольское *šulmas* «злой дух, демон» проникло в некоторые тюркские языки, ср.: алт. *čulmus* «чудовище, нечистый дух»; «хитрый, лукавый»; туба *čulmis* «черт» (Баскаков, 1966, 166); *šulmus* «ловкач»; «имя богатых»; *šulmus-qān* – имя собственное мужское (Баскаков, 1966, 167); алт. *čulmis* «скорый, проворный», туб. *čulmis* «черт» (Радлов, III, 2179); алт., тел. *šulumis* «хитрый»; «злой дух»; «обезьяна» (Радлов, IV, 1102); тув. *šulbus* «дьявол» (Ramstedt, 1935, 367; Татаринцев, 1976, 58); каз. *šolmo* «черт, дьявол, бес», «демон женского пола» (Räsänen, 1969, 449); як. *solbon*, *sollon*, *solloŋ* «червь-нутряк, возбуждающий постоянное ощущение голода даже при хорошем питании»; «алчность, чрезмерная жадность»; *soyurū kiänä solbonnōyo* «один из самых ненасытных *абасы юга*» (Пекарский, 1926, VIII, 2266, 2268) ← бур. *šolmoŋ* «черт, дьявол» (Räsänen, 1969, 449).

Итак, подробный историко-этимологический анализ тюрк. **jalmaŋuz* «всепожирающее мифическое чудовище» (карл. **jalmaŋuz*, кыпч. **jalmaŋuz* ~ каз. *žalmaŋuz*) показывает, что часто встречающиеся в литературе сближения данного слова с монгольскими формами филологически некорректны. Слово **jalmaŋuz* является собственно тюркским образованием и не имеет генетических связей с монг. *taŋyus* «сказочное многоголовое чудовище» и *šulmās* «демон, дьявол».

Вместе с тем в свете тюркско-монгольских взаимоотношений определенный интерес представляют зафиксированные Г.Н. Потаниным монгольские мифонимы, ср.: х.-монг. *Гал-Дöлмö-хан* «чудовище, залегающее на дне морском»; бур. *Гал-Дöлмö-хан* «чудовище, залегающее на дне морском и издали своим языком слизывающий людей и скот, бродящих по суше»,

калм. *Ан-Дулман-хан*, орд. *Долман-мангус*, *Долман-мангыс* «чудовище, залегающее на дне морском»; ср. также алт. *Ан-Далма-моос* «тж.» (← монг.) (Потанин, 1899, 67-69; см. также Вербицкий, 1884, 103). Есть соблазн сравнить тюрк. **jalım* с монг. *dölmö* ~ *dulman* ~ *dolman*, что с фонетической стороны вполне возможно, однако смущает монг. *döl* «пламя», которое стоит рядом с *yal* «огонь, пламя» (ср. *Гал-Дölmö*). Тем не менее, семантическая близость тюрк. **jalmaуыз* и монг. *Гал-Дölmö-хан* и *Долман-мангыс* (ср.: «издали своим языком слышавший людей и скот») предполагает определенную контактную связь между тюркскими и монгольскими мифологическими персонажами и требует специального изучения этого вопроса с привлечением соответствующего репрезентативного эмпирического материала в более широком масштабе.

Подробнее см.: Будагов, 1871, II, 399; Радлов, IV, 44; Владимирцов, 1929, 183, 377; Ramstedt, 1935, 256, 269, 357, 367; Räsänen, 1969, 183, 196, 327, 340, 449; Clauson, 1972, 919-920; Татаринцев, 1976, 58; Ахметьянов, 1978, 65; 1981, 57; Рассадин, 1980, 87; ЭСТЯ, 1989, 95-96, 202-203; Эхмэтьянов, 2001, 263; EDAL, II, 1516.

ЖАЛПАЙ- (*ǰalpaj-*) «сплющиваться, сделаться плоским»; «раздаться в ширину (о человеке)»; «полнеть» < пратюрк. **ǰalpaj-* «быть широким»; «быть плоским»; ср.: туркм. *jalpar-* «мелеть, становится мелким»; узб. *jalpaš-* «растянуться, свалиться»; уйг. *ǰalpaq, ǰapilaq* «плоский, расплюснутый»; «приплюснутый»; кар. *ǰalpaj-* «сплющиваться, становится плоским»; *ǰalpajt-* «приплюсывать, сплющивать»; тат. *ǰǎlpǎj-* «сплющиваться, расплющиваться»; диал. *ǰalpaj-* «потучнеть, поправиться, стать лучше, здоровее, полнее»; «поправиться, стать лучше, похорошеть (о растениях)»; «стать лучше; повезти кому-либо» (ТТДС, 1968, 163); *ǰarpaj* «тж.» (ТТДС, 1968, 167); *ǰalpaj-* «потучнеть, поправиться»; «стать лучше, здоровее» (ТТДС, 1993, 108); башк. диал. *ǰalpaj-* «потучнеть» (ДСБЯ, 2002, 109); ног. *ǰalpaj-* «сплющиваться, расплющиваться»; «становится плоским, широким»; к.-калп. *ǰalpaj-* «сплющиваться, расплющиваться»; «становится широким, плоским»; «распластаться»; «сидеть на лошади растопырившись»; кирг. *ǰalpaj-* «иметь вид расплюснутого, развернутого»; «быть широким, плоским»; алт. *d'albaj-, ǰalbaj-* «быть расплюснутым, быть широким, плоским»; «быть обрюзглым»; хак. *ǰalbaj-* «быть расплюснутым»; *nalbaj-* «сплюснуться, приплюснуться»; «стать плоским»; чув. *jelBer-* «растекаться, разливаться, быть разлитым»; «скалиться, зубоскалиться»; «расплываться в улыбке» (← тат. *ǰǎlpǎj-* «расплющиваться»); *ǰarBaj-* «идти в рост»; «расширяться, распространяться вширь»; «ходить напрасно», «ходить попусту» (← тат. диал. *ǰarpaj-* ~ *ǰalpaj-* «тучнеть, поправиться») и т.п. (Räsänen, 1969, 183; ЭСТЯ, 1989, 100-101; EDAL, I, 470-471).

Данное слово в древних письменных памятниках, а также в огузских (туркм. ← кыпч.), карлукских (узб. диал. *ǰalpaš-* ← кыпч.) и болгарских (чув. ← тат.) языках не встречается. Тем не менее оно является исконно тюркским, так как в составе именного деривата **ǰalpaq* «плоский» встречается почти во всех классификационных группах за исключением болгарской. Кроме того, оно хорошо этимологизируется на тюркском материале.

Вторичные производные глагольные основы *ǰalpa-j-, ǰalpa-r-, ǰalpa-š-* указывают на производящую основу **ǰalpa-* «быть плоским», «быть широким» (см. Севортян, 1962, 247, 280), образованную на базе имитатива *ǰalp* (ср. также: др.-уйг. *ǰalba* «плоский»; кр.-тат. *ǰalpačiq* < *ǰalpa-čiq* «плоский» – Радлов, III, 186).

Р.Г. Ахметьянов в основе татарских слов *ǰalpaq, ǰalpǎq* «плоский», *ǰalbır* «лохматый; мохнатый» и их тюркских соответствий выделяет «древнюю общетюркскую основу *dalp* «нечто развевающаяся», «плоский» подражательного характера» (Ахметьянов, 2001, 263) и, далее, некий общетюркский корневой элемент *sal//tal//dal//jal*, находящийся в одном ряду в тюрк. *jel* «ветер» (Ахметьянов, 2001, 69, 262, 263). В данной этимологии есть определенные интересные моменты (напр., тюрк. *ǰalp* < **dalp*), но в целом при строго научном подходе с ней трудно согласиться.

В алтаистических исследованиях тюрк. *jalpaj-* «стать плоским», «стать широким» сближается в качестве гомогенного на праязыковом уровне с монг. *dalbaji-* «быть широким и плоским» (Ramstedt, 1935, 75; 1949, 75; Räsänen, 1969, 183; Цинциус, 1984, 8-11; Старостин, 1991, 71); ср.: прамонг. **dalba-* «быть плоским и широким»; ср.-монг. *dalba-ru* (SH); п.-монг. *dalbaji-* «быть широким и плоским» (Lessing, 1960, 225); х.-монг. *dalbāj-* «быть широким и плоским (о предмете неправильной формы)»; «ширяться»; «быть раскидистым»; «занимать много места»; «становиться широким и плоским»; «становиться раскидистым»; «быть громоздким на вид» (БАМРС, II, 26); бур. *dalbāj-* «развертываться»; «растопыриваться»; «отваливаться, отставать, болтаться (о заплате)»; *dalbā-* «махать, размахивать»; «развеваться»; калм. *dalwā-, dalwä-* «быть широким, распластанным, широко раскрытым»; ойр. *dalwā-* «быть широким и плоским» (Тодаева, 2001, 113); в говорах Внутренней Монголии *dalbē-*, орд. *dalbā-* «быть широким и плоским» (Тодаева, 1981, 140).

В монгольских языках представлены и переднерядные варианты, ср.: х.-монг. *delben* «широкий, плоский, отогнутый»; «кайма, оторочка, околыш»; *delbeger* «широкий, широкополый, растопыренный, оттопыренный, торчащий (об ушах)»; «неуклюжий»; «мешковатый»; *delber* «широкий и плоский»; «отмель, песчаная коса в реке» (см. БАМРС, II, 104-105); бур. *delbeger* «широкий, просторный»; «обильный»; *delben* «отогнутые края (у чаши)»; «поля (у шляпы)»; «спинка (у кровати)»; *del'bij-* «оттопыриться, торчать (об ушах)»; *del'ben* «широкий», *del'beger* «широкий, оттопыренный (об ушах)»; калм. *delwger* «широкий»; «раскидистый» и т.д.

В «Этимологическом словаре алтайских языков» монг. **dalba-* «быть широким и плоским» сближается с тюрк. *jalpı* «плоский», *jalpaq* «широкий, плоский» и их межязыковыми соответствиями, представляющими собой именные дериваты от интересующей нас глагольной основы **jalpa-* «быть широким», «быть плоским» (EDAL, I, 470-471). Логичнее было бы, конечно, сближение тюркских глагольных основ с монгольскими.

Глагольная основа **jalpa-* «быть широким и плоским» хорошо этимологизируется на тюркском языковом материале, а потому монгольские формы, вопреки устоявшейся в ортодоксальной алтаистике традиции, следует квалифицировать как ранние тюркские заимствования: пратюрк. **jalba-j-* «быть широким», «быть плоским»; «становиться плоским» → прамонг. *dalbaji-* «быть широким и плоским»; пратюрк. **jalbaq* ~ каз. *žalbaq* «плоский» → прамонг. *dalbayai* «широкий», «открытый» (→ каз. *žalbayaj* «малахай со свободными ушами»; «малахай типа башлыка»).

В монгольских языках на основе глагола **dalba-* «быть широким и плоским» образован довольно широкий круг производных форм, ср.: х.-монг. *dalbā* «флаг, знамя»; «полотнище знамени»; «парус»; «национальный костюм борцов»; «задние плавники (у рыб)»; *dalbayaj* «широкий»; *dalbayar* «широкий; плоский»; *dalbaj-* «быть широким и плоским»; *dalbala-* «взмахивать (крыльями)»; «перекинуться (о пламени)»; *dalbalza-* «быть

плоским и широким»; *dalbalzūr* «колыхающийся (о предмете)»; *dalban* «широкий»; «широкая плоская лента (у монгольского головного убора)»; *dalbara-* «рваться, превращаться в лохмотья»; *dalba-* «взмахивать (крыльями)»; «развеваться» и т.д. (см. БАМРС, II, 25-26). Некоторые из этих форм проникли в тюркские языки (см. каз. *жалпақ* «плоский»).

В монгольских языках представлена также форма *ǰalbij-* «сплющиваться», ср.: х.-монг. *ǰalbij-* «сплющиваться»; «крениться (напр., о судне)»; *ǰalbij* «сплющенный»; *ǰalbigar* «плоский, сплющенный» (БАМРС, II, 157); бур. *ǰalbij-* «крениться (напр., о судне)»; *ǰalbayar* «плоский, с выступающими краями»; «плоскодонный, с низкими открытыми краями (о посуде)»; «чашеобразный»; ср. также монг. *ǰalmayar* «плоский, тонкий» (БАМРС, II, 157) и др., которую следует квалифицировать как относительно позднее заимствование из джокающих тюркских говоров кыпчакского типа. Ш. Сарыбаев каз. *ǰalpaj-* «сплющиваться» сопоставляет с монг. *ǰalbij-* «тж.» (Сарыбаев, 2000, 162), но не раскрывает природы близости данных форм, очевидно, считая их общим наследием праалтайской эпохи. Однако поразительное сходство, вернее даже полное тождество, казахских (*ǰalpaj-*, *ǰalpǰij-* «сплющиваться») и монгольских (*ǰalbij-* «сплющиваться») форм свидетельствует об относительно недавнем возникновении этой близости в результате взаимных контактов и не дает возможности проецировать тюркские и монгольские формы на праязыковой уровень.

Следовательно, история взаимоотношений тюркских и монгольских форм представляется следующим образом:

1) пратюрк. **ǰalpaj-* «сплющиваться» → прамонг. **dalbaji-* «быть широким и плоским»;

2) ср.-кыпч. *ǰalpaj-* ~ *ǰalpǰij-* (ср. каз. *ǰalpaj-* ~ *ǰalpǰij-*) «становиться плоским, сплющиваться» → ср.-монг. *ǰalbaj-* ~ *ǰalbij-* «сплющиваться».

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 75; 1949, 75; Joki, 1952, 117-118; Räsänen, 1969, 183; Clauson, 1972, 919; Цинциус, 1984, 8-9; 10-11; ЭСТЯ, 1989, 14, 100-101; Старостин, 1991, 71, 287; Stachowski, 1993, 94; Әхмәтъянов, 2001, 69, 262, 263; EDAL, I, 470-471.

ЖАЛПАҚ (*ǰalpaq*) «плоский», «сплющенный», «широкий» < пратюрк. **jalpaq* «широкий», «плоский», ср.: др.-тюрк., карах. *jalbı* «плоский», *jalbı neŋ* «плоская вещь» (МК, III, 30; ДТС, 228; Clauson, 1972, 919); туркм. *jalpaq* «мелкий»; «мелководный»; тур. *jalpık* «плоский, мелкий»; диал. *jalpaq* «плоский, мелкий»; «милый, приветливый»; гаг. *jalpaq* «приветливый, обходительный, вежливый, учтивый»; «ласковый, нежный»; *jalpı* «плоская, ровная низина»; «долина»; узб. *jalpəq* «плоский, приплюснутый, расплюснутый», диал. *ǰalpaq* «приплюснутый»; кумык. *jalpaq* «плоский», «приплюснутый»; уйг. *jalpaq*, *ǰapilaq* «плоский, расплюснутый, приплюснутый»; кар. *jalpaq*, *ǰapalaq* «плоский, приплюснутый»; к.-балк. *ǰalpaq* «плато, плоскогорье»; «пологий склон»; «пастбище»; тат. *jalpaq* «плоский, сплюснутый, сплющенный, приплюснутый, расплющенный»; «широкий (по дну или головке)»; *ǰalpäk* «плоский, с плоским дном»; «сплющенный, расплющенный»; башк. *jalpaq* «сплюснутый, плоский (некруглый)»; «широкий (напр., о дне)»; башк. диал. *ǰalpäs* «сплюснутый» (ДСБЯ, 132); ног. *jalpaq* «сплюснутый, плоский (некруглый)»; «широкий»; к.-калп. *ǰalpaq* «плоский», «широкий»; «гладкий»; *ǰalpaq* «плоский»; *ǰalpaq otur-* «сесть (на землю, на пол) свободно (не на корточки, не на колени)»; алт. *d'albaq*, *jalbaq* «широта»; «широкий, плоский»; *jalbaq* «широта», «широкий», «плоский»; *jalbaq tebir* «жать»; *ǰap-jalbaq* «самый широкий» *jalbaqta-* «расшириться» (Вербицкий, 1884, 72); хак. *ǰalbaḡ* «широкий, обширный»; «широко»; *ulica ǰalbaŋı* «ширина улицы»; *nalpaḡ* «неуклюжий»; *nalpaḡ kizi* «неповоротливый человек, увалень»; тув. *ǰalbaq* «ширина»; «широкий, расширенный»; «сплошной»; «приплюснутый»; чулым. *ǰalbaq*, *ǰalwaq*, *jalbaq* «широкий» (Бирюкович, 1984, 71); як. *salbaḡ* «лопасть (весла, винта)»; «кисть руку»; чув. *jelBeGe*, *jelBek* «плоский»; «мелкий (о посуде)»; «толстый (напр., о губах)» (← тат. *ǰalpäk* «плоский») и т.д. (Räsänen, 1969, 183; ЭСТЯ, 1989, 100-101; EDAL, I, 470-471).

Слово представлено во всех классификационных группах тюркских языков за исключением болгарской (чувашиские формы заимствованы из татарского). Оно является именным дериватом от глагольной основы **jalpa-* «быть плоским»; ср. глаголы *jalpa-r-*, *jalpa-j-*, *jalpa-š-*, см. каз. *жалпай-* «сплющиваться».

В алтаистических исследованиях сближается с монгольским *dalbai-* «быть широким и плоским» (Ramstedt, 1935, 75; 1949, 75; Räsänen, 1969, 183; EDAL, I, 470-471); ср.: прамонг. **dalba-* «быть плоским и широким»; ср.-монг. *dalba-ru*, п.-монг. *dalbaji-* «быть широким и плоским» (Lessing, 1960, 225); х.-монг. *dalbaj-* «быть широким и плоским (о предмете неправильной формы)»; «шириться»; «быть раскидистым»; «занимать много места»; «становиться широким и плоским»; «становиться раскидистым, быть громоздким на вид» (БАМРС, II, 26); другие монг. соответствия подробнее см. под каз. *жалбай-*); *dalbayaj* «широкий (об отверстии посуды, мешков, пакетов)»; «открытый, зияющий» (БАМРС, II, 25); *dalbayar* «ши-

рокий, плоский, развалистый, занимающий много места); «лопушистый, оттопыренный»; «растоптанный» (БАМРС, II, 25); *dalban* «тж.»; «широкая плоская лента (у монгольского головного убора)» и т.п.

Слово *žalpaq* «плоский» хорошо этимологизируется на тюркской почве (см. ЭСТЯ, 1989, 100-101) и является исконным. В монгольский, по всей вероятности, проникла глагольная основа *jalpa-j-* «быть широким», «быть плоским» и на его базе уже в самих монгольских языках были образованы различного рода дериваты. Некоторые монгольские производные формы проникли в исторически контактировавшие тюркские языки, ср., например: монг. *dalban* «широкий, плоский» → алт. *d'albaŋ* «пологий» (ЭСТЯ, 1989, 101; не исключено, что *d'albaŋ* является собственным дериватом на *-ŋ* от *d'alba-*; ср. якут. *salban* «плоский»); монг. *dalbaɣaj* «широкий» → каз. *žalbaɣaj* «вид малахая, как башлык»; *žalbaɣaj tīmaq* «малахай со свободными ушами»; кирг. *žalbaɣaj ōz* «большеротый, широкоротый» (ЭСТЯ, 1989, 101).

Монгольское *dalbaɣaj* «широкий», по всей вероятности, является ранним тюркским заимствованием, восходящим к пратюркскому *jalpaq* «широкий, плоский»; ср. также: бур. *dalbaɣaj* «широкополюй (о шляпе)»; «пологий (о холме)»; калм. *dalwā* «широкая поверхность»; «плавник (у рыб)».

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 75; 1949, 75; Joki, 1952, 117-118; Räsänen, 1969, 183; Clauson, 1972, 919; Цинциус, 1984, 8-11; ЭСТЯ, 1989, 14, 100-101; Старостин, 1991, 71, 287; Stachowski, 1993, 94; Аникин, 2000, 198; Әхмәтъянов, 2001, 69, 262, 263; EDAL, I, 470-471.

ЖАЛЫҚ- (*žalīq-*) «утомиться» < пратюрк. **jalīq-* «испытывать отвращение»; «надоедать, наскучить», «опротиветь»: др.-тюрк., карах. (XI в.) *jalq-* «испытывать отвращение»; *ol jayqa jalqdi* «ему надоел жир» (МК, III, 435); *üküſ sözkä jalqar bu janluq erä* «человек испытывает отвращение к многословию, оно ему надоедает» (QVK, 392; ДТС, 230; Clauson, 1972, 924); чаг. *jaliq-* «быть оглушенным вследствие очень громкого говора или звука»; *jaliqit-* «надоедать» (Радлов, III, 169-170); *jalyi-* (= *jaliq*; Радлов, III, 178); узб. диал. *jalq-* «надоедать, наскучить» (ЎХШЛ, 126); уйг. *jaliq-* «скучать, тосковать»; кумык. *jalq-* «скучать, тосковать»; «утомляться»; *jalqiw* «скука, тоска»; «утомление»; к.-балк. *žalqi-* «устать»; тат. *jaliq-* «утомляться, утомиться»; *jalyu* «утомление»; тат. диал. *jaliq-* «(по)худеть» (ТТДС, 1969, 163); бар., тоб. *jalq-* «быть ленивым, стать скучным»; *jaliqtur-* «наскучать» (Радлов, III, 165); башк. *jaliq-* «утомляться, утомиться»; «уоставать»; *jalq-* (понуд. ф. *jalqtir-*) «утомляться»; «тяготиться чем-либо»; *jalqit-* «надоедать, надоесть кому»; «утомлять кого», «докучать, досаждать (постоянными просьбами, замечаниями и т.д.)»; ног. *jalq-* «скучать, томиться»; к.-калп. *žalīq-* «лениться»; «утомляться, уоставать»; «скучать, томиться»; кирг. *žalq-* «стать боязливым, пугливым»; «потерять (от страха) охоту, желание»; *žalīq-* «лениться»; алт. *d'alqi-* «наскучить, опротиветь, надоесть»; «укротить, смирить»; алт., тел. *jalqi-*, *d'alqi-* «чувствовать отвращение, не желать более сделать что-либо»; «облениваться»; «быть битым, раненным, мучимым, ошеломленным» (Радлов, III, 172), *jalqit-* «заставлять, принуждать быть праздным, смирять, укрощать, исправлять наказаниями» (Радлов, III, 173); хак. *čaliq-* (в *čaliqpi* «не уставая») «уоставать» (Ахметьянов, 1989, 175); ср. также якут. *salt-*, *salyar-* «опостылеть, надоесть, наскучить, стать противным»; «скучать» (Пекарский, 1925, VII, 2053); *salt-* «надоесть, наскучить»; «опостылеть, опротиветь» (< **jalq-* ~ **jalyq-*, ср. *salyit-* «надоедать, докучать, наскучивать»; *salyi* «надоедание, докука»); *salin-* «опостылеть, надоесть, наскучить, стать противным» (Пекарский, 1925, VII, 2055); чув. *jäläx-* «уоставать, утомляться, испытывать чувство усталости»; «пресыщаться, испытывать чувство пресыщения чем-либо»; «соскучиться» (Егоров, 1964, 74; Федотов, 2002, 90); ср. также чув. *jälän-* «уоставать, утомляться, выбиваться из сил» (< диал. *juläx-* «тж.» ← ср.-кыпч. *jaliq-* «пресыщаться», «утомляться»; **jalın-* «уоставать»). Параллельное существование в чувашском языке форм *jäläx-* и *jälän-* явно свидетельствует о производном характере межтюркской глагольной основы *jalīq-* «надоесть, наскучить».

В формальном отношении выделяются три группы фонетических инвариантов данного слова: **jalq-* (др.-тюрк., кумык., башк., кирг., якут.); **jalqi-* (чаг., к.-балк., алт.) и **jalyq-* (кыпч., карл.). Полногласные формы (**jalq-*, **jalqi-* иногда трактуются как монгольские заимствования, а «стяженные» (**jalq-*) – как исконные (см. EDAL, II, 865, 1533-1534). На наш взгляд, нет веских аргументов для отнесения поногласной формы **jalīq-* в

разряд монголизмов. Древнетюркская форма *jalq-* скорее всего является графическим вариантом полногласной формы **jalıq-* и обязана своим происхождением орфографическим условиям передачи кратких гласных в арабской системе письма. В современных тюркских языках стяженные формы, восходящие к **jalq-*, не составляют сколько-нибудь определенного генетически связанного ареала, а распространяются дисперсно, что явно свидетельствует об их позднем автономном развитии в результате спонтанного исчезновения узкого гласного *i* во втором слоге.

Морфологическая структура глагола *jalıq-* хорошо объясняется на тюркском материале; в его составе выделяется производящая основа **jal* и деривационный аффикс *-ıq-* (~ *-uq-*) с пассивным значением (Щербак, 1981, 151). В большей части этот аффикс образует отыменные глаголы, но иногда присоединяется и к глагольным основам, поэтому существует мнение, что аффикс *-ıq-* ~ *-uq-* является показателем страдательного залога; ср. чув. форму *jälän-* «уствовать» (Баскаков, 1952, 337; Современный казахский..., 1962, 264-265). Одним из значений глаголов на *-ıq-* является становление или приобретение качества, выражаемого производящей основой, ср.: каз. *žol* «дорога, путь» + *-ıq-* > *žolq-* «встречаться»; *aš* «голодный» + *-ıq-* > *ašıq-* «проголодаться»; *tar* «тесный», «трудное положение» + *-ıq-* > *tariq-* «страдать», «нуждаться» и т.д. (см.: Рамстедт, 1957, 153-156; Menges, 1955, 737; СИГТЯ, 1988, 315, 350, 431, 440, 446, 456, 461, 467).

В основе тюркских слов *jalıq-* «быть ленивым» и *jalqaw* «лентяй» исследователи усматривают тюрк. *jal* «отдых», «передышка», «покой» (Егоров, 1964, 74; Räsnen, 1969, 180), ср.: кумык. *jal* «отдых»; *jal al-* «отдыхать»; тат. *jal* «отдых; отпуск; перерыв»; «отпускной; нерабочий; выходной»; каз (ан.-тат.) *žal* «отдых, роздых»; (Будагов, 1871, II, 337); *žal* «отдых», «покой» (Радлов, IV, 36); *jal* «отдых», «покой» (Радлов, III, 153-154); башк. *jal* «отдых»; «отпуск»; «выходной»; ног. *jal* «отдых, передышка»; каз. *žal* «заработок» (Катаринский, 1897, 68); кир. (= каз.) *žal* «отдых, роздых» (Будагов, 1871, II, 337); чув. *jäl* «сила»; *jäl il-* «подкрепиться, встать на ноги, оправиться» (Ашмарин, V, 55); *jul, jol* «сила»; *jul il-* «набраться силы», «поправиться» (Ашмарин, IV, 316) (← ср.-кыпч. *jal* «отдых»).

Слово отмечено только в части кыпчакских языков, в древнетюркских памятниках на встречается. Поэтому специалисты пишут о его относительно позднем (после XIV в.) появлении в тюркских языках и предполагают заимствование или семантическую деривацию (ЭСТЯ, 1989, 85). В качестве источника заимствования предлагают ср.-монг. **žalira-* «увиливать, быть ленивым или безразличным»; «отдыхать от работы», «останавливаться на время» и т.д. (Lessing, 1960, 1032); **žali* > бур. *zali* «перерыв, пауза»; *zali aba-* «вздremнуть, соснуть»; «немного отдохнуть (без сна), сделать передышку» (ЭСТЯ, 1989, 85; EDAL, II, 1533-1534); ср. еще х.-монг. *zal'* «хитрость; лукавство»; «обман» (БАМРС, II, 205-206); *zalira-* «уклоняться, отлынивать от дела»; «отходить, полегчать (о болезни)»; «проходить ми-

мо» (БАМРС, II, 204). Однако двусложность ср.-монг. **žali* при односложности тюрк. *jal* скорее свидетельствует об обратном направлении заимствования из тюркских языков в монгольские (подробнее см. каз. *жал* «отдых»).

В виду того, что природа производящей основы **jal* в тюркских языках остается не до конца ясной, обратимся к монгольскому материалу.

В работах алтаистов тюрк. **jalıq*- сравнивается с монг. **žalqa*- «питать нерасположение» (Ramstedt, 1922-1923, 7; 1935, 465), ср.: прамонг. **žalqa*- «лениться»; ср.-монг. *žah-qai* «лень», «леность»; *žaliχai* «ленивый»; п.-монг. *žalqa*- «испытывать пресыщение чем-либо» (Lessing, 1960, 1032), *žalχayu* «ленивый, лень» (Владимирцов, 1929, 313); х.-монг. *zalχā*- «досадовать на что-либо», «испытывать пресыщение чем-либо», «избегать чего-либо»; «томиться (от однообразного движения, звука и т.д.); «отвыкать»; «закаяться» (БАМРС, II, 205), бур. *zal'χaj* «распушенный, распутный, ленивый»; *zalχū* «ленивый, нерадивый»; «лентяй, лодырь»; «лень»; *zalχūr*- «лениться, лодырничать»; «томиться, тяготиться»; калм. *zalχū* «ленивый, нерадивый»; «лентяй, лодырь»; *zalχūr*- «лениться, лодырничать», «быть нерадивым» и т.д. (подробнее см. EDAL, II, 1533, Ramstedt, 1935, 465; каз. *жалқау* «лентяй»).

Основа *žalqa*- «испытывать пресыщение» в монгольских языках представляется тюркским заимствованием второго периода (по Дж. Клоусону). На базе этой основы в монгольских языках были образованы производные формы **žalikai* «лень, ленивый» и **žalqayu* «ленивый, лентяй», которые в эпоху возвышения монголов стали обратно проникать в некоторые тюркские языки, ср.: ср.-монг. **žalikai* «лень, ленивый» → ср.-кыпч. **jalaqai* ~ **jalayai* → чув. *julayaj* «ленивый, неряшливый»; ср.-монг. *žalqayu* «ленивый, лентяй» → ср.-кыпч. **jalqayu* ~ **jalqaw* > каз. *žalqaw* «лентяй, лодырь» (см. это слово); ср.-монг. **žalqayur*- ~ *žalqūr*- «лениться» → алт. *jalqūr*- «лениться» и т.д.

Г.Й. Рамстедт и Н. Поппе монг. *žalqa*- «лениться» в качестве прародственного на алтайском уровне сближают с тюрк. **jašiq*, алт., тел. *jašiq* «ленивый» (см. Ramstedt, 1922-1923, 7; Poppe, 1926, 114). Эта идея была подхвачена авторами «Этимологического словаря алтайских языков», где в качестве генуинных с монг. *žalqa*- «лениться» приводятся следующие тюркские формы, восходящие к пратюрк. **jal'ı*- «быть ленивым, робким»; ср.: ср.-тюрк. *jašiq* (adj.) (Pav. С.); узб. *jašiq* «бедный, неимущий»; «нежирный, постный (о мясе)»; уйг. *ješiq* «неплодородный (о земле после долгого использования без севооборота или частого, постоянного полива)»; *ješiq jār* «неплодородная земля»; *ješiq*- «терять плодородие, стать неплодородной (после долгого использования без севооборота или постоянного полива)»; *ješiq* «тощий», *ješiq topraq* «тощая почва»; башк. *jašiq* «очень постное (о мясе)»; кирг. *žaši*- «размякнуть»; «начать портиться (о мясе)»; *žašiq* «не-

жирный (о мясе)»; «тощий, исхудалый (о животных)»; «слабый, некрепкий, мягкий (напр., о железном ноже)»; каз. *žas-* «заступить, становиться мягким (о металле)»; «унывать, отчаиваться»; «становиться робким, несмелым»; *žašiq* «нежирный (о мясе)»; «непитательный»; «робкий, незнергичный; нерешительный»; «низкосортный (о металле)»; к.-калп. *žaši-* «худеть»; «становиться робким, нерешительным, несмелым»; *žašiq* «худощавый; исхудалый, похудевший»; «не жирный (о мясе)»; «робкий, нерешительный, несмелый»; «слабый, некрепкий, мягкий (напр., о железном ноже)»; хак. *čazıy* «вялый, слабый»; «расслабленный (напр., о пружине)»; *čazıy it* «постное мясо»; алт., тел., леб., туб. *jaži-* «мучиться, изнуриться»; «быть ленивым (о человеке)»; «быть мягким (о железе)» (Радлов, III, 254); *jažiq* «измученный, изнуренный»; «ленивый (о человеке)»; «мягкий (о железе)»; «твердый, нежирный (о мясе)» (Радлов, III, 254); алт. *d'ažiq* «ленивый, вялый»; «мягкий, недокаленный (о стали)»; «упрямый»; «неженка, баловень»; тув. *čaži-* «терять вкус, становиться невкусным (о мясе тощего животного, убитого после длинного перегона)»; *čažıy* «невкусное, ставшее невкусным (о мясе тощего животного)»; як. *sihiy-* «укрощаться, усмиряться, поддаваться укрощению»; «остепеняться, становиться более сдержанным, серьезным» (см. EDAL, II, 1533-1534; ЭСТЯ, 1989, 20-21). Сюда же, видимо, примыкает чув. *jāš-* «слабеть, терять силы, обессиловать»; «трухляветь, подгнивать»; «выпадать, лезть (о шерсти)»; «разрушаться, осыпаться, оползать»; «слабеть, утихать, затихать»; *jāžäk* «непрочный, утративший прочность»; «гнилой, трухлявый»; «рыхлый, мягкий, пористый»; «больной, болезненный, слабый», «хилый» (← ср.-кыпч. **jaši-*, **jašiq*).

В «Этимологическом словаре алтайских языков» значения межтюркских соответствий не приводятся, а потому близость значений тюрк. *jašiq* и монг. *žalqa-* считается чем-то само-собой разумеющимся. Однако детальное знакомство с семантикой межтюркских соответствий показывает, что между тюркскими и монгольскими формами обнаруживаются существенные расхождения. Требуют объяснения и материальные расхождения между тюрк. *jaši-* и монг. *žalqa-*.

В формальном отношении тюрк. *jaši-* очевидно является глагольным производным на *-i-* от именной основы **jāš* «сырой», «молодой», «зеленый»; «год (возраст)»; «слеза» и т.п. (см. ЭСТЯ, 1989, 161-164). Монгольское *žalqa-* «лениться» несомненно является тюркским заимствованием. Следовательно, по сути приходится сближать два исконно тюркских слова: **jāši-* и *jaliq-*, что, конечно, невозможно в виду их материального и семантического расхождения.

В «Этимологическом словаре алтайских языков» тюрк. **jalq-* «чувствовать боль, тошноту, отвращение» отрывается от несомненно связанного с ним монг. *žalqa-* «лениться» и рассматривается в отдельной словарной статье (EDAL, II, 865). В качестве исконно тюркских форм здесь рассматриваются только карах. *jalq-* (МК), ср.-тюрк. *jalqi-* (Рав. С.) и якут. *sal-t-*;

кыпчакские и сибирско-татарские формы (*jalqı-*, *ǰalqı-*) здесь трактуются как монгольские заимствования. Тюрк. **jal-q-* в качестве гемуинного на праязыковом уровне сближается с монг. **nal-*, **nalk-* «быть слабым», «терять сознание»; п.-монг. *nalqaji-* (Lessing, 1960, 561: *nalaji-* «медлить, медлительный»); х.-монг. *nalχaj-* «быть вялым, медлительным; действовать с ленцой, с прохладцем»; «быть молоденьким»; *nalmi-gar* «чрезмерно мягкий, слабый, нежный»; бур. *nalaj-* «откидываться назад»; «спокойно располагаться»; «быть спокойным; быть удовлетворенным (или довольным) чем-либо»; «наклоняться» (EDAL, II, 865). Сюда, видимо, следует добавить х.-монг. *nalaj-* «расширяться, размываться, переливаться, простираться»; «быть спокойным, добродушным»; «быть медлительным, едва-едва делать что-либо»; «быть малоподвижным»; «понежиться»; «располагаться для отдыха»; «удобно садиться»; *nalγar* «уравновешенный, спокойный»; «медленный, мешкотный, неповоротливый»; «халатный, беспечный»; «солнечный, теплый»; «тихий, мягкий»; «открытый, просторный»; «приплюснутый» < *nala-* «прислоняться, склоняться (на бок), опираться; облакачиваться»; «наклоняться»; «перекашиваться, прилечь»; «валиться на земле» (БАМРС, II, 389); ср. калм. *nalā-* «раздаться вширь»; «наклоняться, перевашиваться» и др. Как видим, тюрк. *jalq-* «испытывать отвращение» и монг. *nala-* «прислоняться, наклоняться» весьма далеки в семантическом отношении, а потому возможность генетических связей между ними весьма проблематична.

История взаимоотношений тюркских и монгольских слов в кратком схематическом изложении представляется следующим образом:

пратюрк. **jal* «отдых» (→ прамонг. *ǰali* «перерыв, пауза») + *-iq-* > **jalıq-* «испытывать отвращение», «утомиться» и т.п. (< * «захотеть перерыва, желать отдыха») > прамонг. *ǰalqa-* «питать нерасположение»; «испытывать пресыщение чем-либо» + *-γu* > **ǰalqayı* «ленивый» (< * «пресыщенный чем-либо, уставший»; «желающий отдыха»; «желание отдыха») → тюрк. *jalqaw* ~ каз. *ǰalqaw* «лентяй», «ленивый».

Подробнее см.: Räsänen, 1920, 242; Ramstedt, 1922-1923, 7, 8; 1935, 465; Poppe, 1926, 114; Владимирцов, 1929, 313; Kannisto, 1925, 88; Егоров, 1964, 74; Räsänen, 1969, 183, 192; Clauson, 1972, 924; Doerfer, 1975, 173; Федотов, 1996, I, 181; 2002, 90; Эхмэтьянов, 2001, 262, 263; ЭСТЯ, 1989, 14-15, 20-21, 85, 101-102; EDAL, II, 865, 1533-1534.

См. каз. *ǰал, ǰалқау*.

ЖАЛЫН- (*žalin-*) «умолять, сильно упрашивать» < пратюрк. **jalın-* «упрашивать, умолять, просить» (возвр.-страд. от **jal-* «просить, молить»), ср.: др.-тюрк. *jalın-* «просить, умолять» (ДТС, 229); др.-уйг. *jalın-*, хорезм. (XIV в.) *jalın-*, чаг. (XV в.) *jalın-*, куман. (XIV в.) *jalın-* «просить, обращаться с просьбой», «умолять, упрашивать»; осм. (XV в.) «льстить, уговаривать»; осм. (XV в.) «льстить, уговаривать лестью» (см. Clauson, 1972, 931; ЭСТЯ, 1989, 107); туркм. *jalın-* «подхалимничать, льстить»; уйг. *jelin-* «умолять, упрашивать»; узб. *jalın-* «умолять, упрашивать, молить»; «кляняться (кому-либо)»; «преклоняться (перед кем-либо)»; уйг. *jalın-* «умолять, просить, молиться» (Радлов, III, 167); чаг. *jalın-* «упрашивать, умолять» (Радлов, III, 170-171); тар. *jelin-* «тж.» (Радлов, III, 171); кумык. *jalın-* «заискивать, угождать, льстить (кому-либо)»; «преклоняться (перед кем-либо)»; к.-балк. *žalin-* «умолять кого-либо»; «заискивать перед кем-либо»; тат. *jalın-* «упрашивать, умолять, молить»; «кляняться, преклоняться»; ср. еще зап.-сиб. тат. *jaltıra-* «умолять» (Тумашева, 1992, 67); каз. (= тат.) *žalin-* «умолять» (Радлов, IV, 38); бараб. *jalın-* «умолять, упрашивать» (Дмитриева, 1981, 141); башк. *jalın-* «упрашивать, умолять; взывать»; ног. *jalın-* «умолять, сильно упрашивать»; «взывать к кому-чему-либо»; «льстить»; к.-калп. *žalin-* «просить, молить, умолять, упрашивать»; кир. (= каз.) *žalin-* «умолять» (Радлов, IV, 38); кир. (= каз.) *žalun-* «упрашивать, умильно просить, докучать» (Будагов, 1871, II, 340); кирг. *žalin-* «обращаться с мольбой, умолять, упрашивать»; алт. *d'alın-* «покоряться»; «обращаться с мольбой, умолять, упрашивать»; алт., тел. *jalın-*, тел. *d'alın-* «умолять, просить, молиться» (Радлов, III, 167); туба *d'alın-* «молить» (Баскаков, 1966, 113); тув. *čalin-* (~ *čanni-*) «умолять, упрашивать»; чув. *jälän-*, диал. *julän-* «молить, умолять, просить, упрашивать»; «молиться»; «поклоняться кому-чему-либо» (← ср.-кыпч. *jalın-* «просить») и т.п. (Räsänen, 1969, 183; ЭСТЯ, 1989, 107; Егоров, 1964, 74; Федотов, 2002, 90).

Анализируемое слово представлено в основном в кыпчакских и карлукских языках; в огузские (туркм., осм.) оно проникло книжно-литературным путем из чагатайского, а в чувашский – из среднекыпчакского (XIII-XIV вв.); тувинская форма в восточной группе тюркских языков занимает изолированное положение.

Морфологическая структура слова прозрачна на тюркской почве: тюрк. *jalın-* «умолять» является рефлексивной формой производящей глагольной основы *jal-*, представленной в бар. *jalır-* «просить прощения, умолять» (Радлов, III, 169), койб. *jalyan-* «просить, умолять» (Радлов, III, 176); зап.-сиб. тат. *jaltıra-* (< *jal-tır-a-*) «умолять, упрашивать» (Тумашева, 1961, 118; 1992, 67); общетюрк. *jalbar-* «умолять, молить» (см. каз. *жалбар-* «умолять»). Все это, несмотря на то, что слово слабо представлено в домонгольских памятниках, указывает на его собственно тюркское происхождение.

Производящая основа **jal-* «просить, умолять, молить» относительно рано проникла в монгольские языки, ср.: п.-монг. *žala-* «просить, приглашать» (Lessing, 1960, 1029); х.-монг. *zalā-* «приглашать, просить пожаловать»; «привозить священную книгу, культовый предмет»; «править, управлять (лодкой)»; «направлять»; «выпрямлять, выравнивать»; «лгать, говорить неправду»; «выгонять скот на пастбище» (БАМРС, II, 202); бур. *zalā-* «выпрямлять»; «исправлять»; «направлять (по правильному пути)»; «приглашать, просить пожаловать»; «привозить к себе знатного гостя»; ойр. *zalā-* «управлять, руководить»; «направлять, гнать скот в каком-либо направлении» (Тодаева, 2001, 150) и т.д. (подробнее см. под каз. *жалбар-* «умолять»).

Надо отметить, что в монгольских языках слово, видимо, в результате контаминации с омонимичным **jal-* «быть плоским»; «быть распростертым» и т.п., в отношении семантики получило специфическое развитие.

В «Этимологическом словаре алтайских языков» с прамонг. **žala-* «просить, приглашать» сравниваются в качестве гомогенных на праалтайском уровне тюрк. *jalın-* «просить»; *jalbar-* «умолять»; *jal* «наемная работа»; *jalla-* «нанимать»; *jalči* «слуга»; *jalabač* «посол»; *jalči-* «получать удовлетворение, быть счастливым» и др., которые, по представлениям авторов словаря, являются продолжениями пратюрк. **jāl-* (см. EDAL, II, 1525-1526; подробнее см. каз. *жалбар-* «умолять»). Гомогенность тюрк. **jal-* «просить» (ср. дериваты *jalın-* «просить», *jalbar-* «умолять»), **jal* «наемная работа» (ср. дериваты *jalla-* «нанимать», *jalči* «слуга», *jalabač* «посол») и **jal* «отдых» (ср. дериват *jalči-* «получать удовлетворение») более чем проблематична.

Рассмотренный здесь репрезентативный эмпирический материал показывает, что монг. *žalā-* «просить, приглашать» является относительно ранним заимствованием из тюркских языков и, по фонетическим причинам, не претендует на праалтайскую древность.

См. каз. *žal*, *žalbar-*.

Подробнее см.: Егоров, 1964, 74; Räsänen, 1969, 183; Clauson, 1972, 931; Doerfer, 1975, 108; Кайдаров, 1986, 210; ЭСТЯ, 1989, 107; Федотов, 1996, I, 181; 2002, 90; Әхмәтьянов, 2001, 263; EDAL, II, 1525-1526.

ЖАМ: жам жол (*žam žol*) «кузенькая дорожка, тропинка в поле, на пастибище» (ҚТТС, III, 598) ← ср.-монг. *žam* «путь, дорога»; «почтовая станция» ← кит. *žam* (< **gām*) «остановка, станция, стоянка»; «остановиться, встать»; ср.: тат. *jam* «почтовая станция»; «станция, где сменяли лошадей»; *jam čar-* «выполнять ямскую повинность»; *jam ejě* «ям (почтовая станция или поселок с почтовой станцией, где проезжающие меняли лошадей)»; осм., уйг., чаг. *jam* «почтовая станция»; «почтовые лошади»; чаг. *jam atları bilä jam hanä buzuq dur* «почтовые лошади и почтовые дома плохи» (Радлов, III, 298-299); ср. также осм. *jamči*, чаг. *jamči* «ямщик» (Радлов, III, 311); тур. *jamçı* «ямщик»; тур. *jam* (← монг.) «почтовая лошадь»; «ямщик»; «почтовая станция» (Redhouse, 1979, 1239); *jam* «курьерская, запасная лошадь»; *jamči* «курьер, гонец» (Будагов, 1871, II, 341); якут. *žam* «ям, станция, станок»; «содержание яма, станции, станка»; «гоньба (доставка почты и пассажиров)»; *žamı sūrt-* «гонять (доставлять почту и пассажиров)»; *žamsıq* «ямщик» (см. Пекарский, I, 705); чув. *jam* «ям»; «ямской»; *jam šulě* «ямская дорога»; *jam čur-* «заниматься ямским извозом» (см. Clauson, 1972, 933).

В словарях современных тюркских языков (в том числе в тур. и уйг.) данное слово не приводится, нет его и в тюркских письменных памятниках. В татарский, якутский и чувашский языки оно проникло из русского языка, ср.: рус. *ям* «почтовая станция», «селение, жители которого занимаются ямским промыслом»; др.-рус. (с XIII в.) *ямь* «ямская повинность» (Срезневский, III, 1658) усвоено во времена Золотой Орды из монгольского, видимо, через среднекыпчакское посредство; ср. также рус. *ямщик* ← тюрк. *jamči* (тур. *jamçı*, чаг. *jamči*, см. Радлов, III, 311) «ямщик», сближено вторично с образованиями на *-ик* (см.: Фасмер, IV, 555, 557; Аракин, 1974, 123-124; Шипова, 1976, 436; Doerfer, 1975, 110-118; Аникин, 2000, 725, 726-727).

Ямская служба была специфическим для монгольских государств XIII-XV вв. учреждением, которую они организовывали в впервые очередь после захвата какой-либо территории, на Руси почтовые станции были организованы уже в середине XIII века. Поэтому следует считать, что слово *jam* вначале было усвоено кыпчакским населением Золотой Орды с характерным для западной (куманской) группы кыпчакских языков инициальным *j-* (монг. *žam* ~ *jam* → ср.-кыпч. *jam*). В русский язык оно перешло из кыпчакского наречия Золотой Орды, так как для монгольского языка XIII-XIV вв. характерна была форма *žam* «почтовая станция», которая хорошо представлена в монгольских языках, ср.: п.-монг. *žam* ~ *jam* «почтовая станция»; «почтовая лошадь»; «большая проезжая дорога» (Владимирцов, 1929, 395, 397; Ramstedt, 1935, 466); х.-монг. *žam* «дорога, путь»; «проход, трасса»; «артерия, русло, колея»; «метод, путь, способ» (БАМРС, II, 206); ср. также *žamč(in)* «ямщик, гид, кучер, знаток местности, пути»; «проводник, путеводитель»; «путеец» (БАМРС, II, 207, 208); бур. *žam*

«путь, дорога, трасса»; *zamsā(n)* «путник»; «проводник, знаток местности»; «ямщик»; калм. *zamā* «тракт, большая дорога»; «путь» (см. Ramstedt, 1935, 466); ойр. *jam* «дорога, путь» (Тодаева, 2001, 151); в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., архорч., барин., харч., чах., орд. *žam*, шгол. *žat* «дорога, путь»; хорч., джал., дурб., горл. *žamši*, архорч., бар., харч., шгол., уцаб., чах. *žamči* «знаток местности, пути»; «проводник» (Тодаева, 1981, 154); тумут. *jam* «дорога» (Владимирцов, 1929, 397).

В среднемонгольском письменном языке данное слово было представлено в двух фонетических вариантах *žam* ~ *jam* «почтовая станция», «передаточный пункт» (Санжеев, 1953, 107; Pelliot, 1930, 192-195). В связи с семантикой каз. *žam* «тропа, тропинка» особый интерес представляют загадочные сев.-бур. формы *žet* «тропа», «дорога» ~ *jet* «тропа», которые Т.А. Бертагаевым сближаются с монг. *žam*, но Г.Д. Санжеев связь этих слов считает крайне сомнительной и приводит кит. *žan' < žam* «тропа» (Санжеев, 1953, 107).

Монгольские формы обычно трактуются как китайские заимствования: Дж. Клоусон выводит их из кит. *chan* (ср.-кит. *tyam*) «остановка в пути» (Clauson, 1972, 933), А.Е. Аникин – из кит. *žam* (< **gām*) «остановка, станция, стоянка»; «остановиться, встать» (Аникин, 2000, 725). Остаются нерешенные проблемы фонетического порядка, неясны взаимоотношения вариантов, нет однозначного ответа, в какой последовательности заимствовались фонетические варианты.

Б.Я. Владимирцов подчеркивал, что *žam* впервые стало употребляться монголами в XIII веке в значении «почтовая станция» и что значение «путь, дорога» появилось у него в монгольском письменном языке после XIV века. Поскольку в письменных памятниках древнетюркского языка данное слово отсутствует (В.В. Радлов отмечает его лишь в китайско-уйгурском словаре), то не вызывает сомнений, что в тюркских языках оно появилось в период монгольской экспансии. Поэтому Б.Я. Владимирцов пишет о заимствовании *žam* из монгольских языков в тюркские (Владимирцов, 1929 б, 291-294).

Судя по историко-культурологическим обстоятельствам, фонетическому облику и, главное, по семантике, казахское *žam* «узкая дорожка», «тропинка» появилось не ранее конца XIV века, т.е. после развития в монгольском языке значения «путь, дорога». Фонетический облик допускает возможность проникновения данного слова в казахский язык из русского (ср. рус. *яма* → каз. *žam* «морская пучина», см. КТДС, 108), однако семантика каз. *žam* все же тяготеет к значениям монгольских форм.

П. Пельо не соглашается с отнесением среднетюркского *jam* к числу монголизмов и рассматривает тюркские и монгольские формы как общее наследие праалтайской эпохи (Pelliot, 1930, 192-195). Э. Герцифельд выдвигает иранскую версию происхождения тюрк. *jam* и монг. *žam* (Herzfeld, 1947, 231). Подробный критический обзор основных версий этимологиза-

ции тюрк. *jam* «почтовый тракт» можно найти у Г. Дёрфера (Doerfer, 1975, 110-118). Поскольку в тюркских языках слово появляется не ранее XIII века, предположение Э. Герцфельда об иранском происхождении тюрк. *jam* и монг. *žam* «почтовая станция» должно быть отклонено. Наоборот, в иранские языки данное слово проникло через монгольское и тюркское посредство из китайского, ср.: перс. *jam, jame* «почтовая лошадь» (Гаффаров, 1928, 912; Миллер, 1953, 602); «почтовая, курьерская лошадь» (Ягелло, 1910, 1804; Рубинчик, 1983, II, 741). Судя по семантике, непосредственным источником персидского слова, по всей вероятности, является чагатайский язык.

Монг. *žam* «почтовая станция» проникло в некоторые тунгусо-маньчжурские языки, ср.: ульч. *jamü(n-)* «подвода»; «почта»; *jamula-* «ездить на подводе»; нан. *jamō, jamī* «подвода»; «почта»; *jamola-* «ехать на подводе»; «возить почту» (ТМС, I, 341); маньчж. *g'amula-* «ехать на почтовых лошадях»; «получать почтовых лошадей»; *g'amun* «почтовая станция», *g'amusi* «станциионный смотритель» (ТМС, I, 341).

Совершенно другой подход к этимологии данного слова предлагают авторы-составители «Этимологического словаря алтайских языков»: для пратюркского состояния реконструируется архетип **jam* «почтовая станция», который вроде бы отражается в тур. *jam* (Redhouse), ср.-тюрк. *jam* (Abushka, Sanglax) и тат. *jam* (с указанием «возможно из русского»). Далее, пратюрк. **jam* в качестве генетически родственного на праалтайском уровне сближается с прамонг. **žim* «тропинка, след» и его отражениями в письменных памятниках и современных монгольских языках (свод материалов см. ниже), а также с т.-маньчж. **niam-* «след (старый)»; «распутывать следы (зверя)». Среднемонгольский *žam* «почтовая станция»; п.-монг. *žam* «путь, дорога», «улица» трактуется как тюркское заимствование, а тунгусо-маньчжурские формы – как монголизмы (см. EDAL, II, 1012). Однако следует особо отметить, что для реконструкции пратюрк. **jam* «почтовая станция» нет никаких реальных оснований. Во-первых, сама возможность существования «почтовых станций» в пратюркское время нереально; во-вторых, слово *jam* зафиксировано только в двух поздних письменных источниках чагатайского языка (Abushka, Sanglax). Поражает факт отсутствия в тюркских памятниках домонгольской эпохи обозначения такого важного в кочевнических империях государственного института, как «ямская служба». Если такой институт существовал в древнетюркское время, то его название непременно должно было фигурировать в текстах орхонских и других больших рунических памятников, посвященных видным государственным деятелям. Как это ни странно, слово *jam* «почтовая станция» отсутствует в большинстве живых тюркских языков. Все это говорит о том, что так называемая «ямская служба» впервые была внедрена в жизнь монголами в эпоху Чингисхана и его преемников. Следовательно,

нет никаких реальных оснований проецировать слово *jam* «почтовая станция» на пратюркскую хронологическую глубину.

Все еще остаются загадочными отношения между монгольскими *ǰam* «дорога» и *ǰim* «тропа», «путь». Последняя форма встречается в большинстве современных монгольских языков, ср.: п.-монг. *ǰim* «тропа, тропинка, след»; «путь, дорога» (Lessing, 1960, 1056); х.-монг. *ǰim* «тропа, тропка, тропинка»; «стёжка», «просека»; «путь, дорога, след»; *čonān ǰim* «волчьи лазы»; *gōrōdsniǰ ǰim* «звериная тропа (по которой ходят соболи, выдры, белки в период спаривания)»; *ǰimd ayua-* «охотиться (на соболей, выдр, белок) в период спаривания» (БАМРС, II, 173); бур. *ǰem* «звериная тропа (по которой ходят соболи, выдры, белки в период спаривания)»; *ǰemde ayua-* «охотиться (на соболей, выдр, белок) во время спаривания»; калм. *ǰim* «тропа, тропинка, просека»; ойр. *ǰim* «тропа, тропинка, след, колея» (Тодаева, 2001, 143); в наречиях Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., шгол., уцаб., чах., орд. *ǰim* «тропа» (Тодаева, 1981, 150). Внимательное знакомство с иллюстративными материалами (здесь приводится только лишь небольшая их часть) соответствующих словарей показывает, что под *ǰim* «тропа» скорее всего скрывается старый монгольский охотничий термин, обозначающий определенный специфический вид звериной тропы, проложенный мелкими зверями (соболями, выдрами, белками) и волками в период спаривания. Так что монг. *ǰim* «звериная тропа» вряд ли имеет какое-либо отношение к монг. *ǰam* «почтовая станция». Слишком велика семантическая дистанция, которая усугубляется еще и фонетическими проблемами: в *ǰim* «тропа» во всех монгольских наречиях функционирует инициальная шипящая аффриката ǰ (орф. ж-) и узкий гласный переднего ряда *i*; напротив, в слове *ǰam* «почтовая станция» все современные монгольские языки демонстрируют свистящую аффрикату ǰ- (орф. ж-) в начале слова и широкий гласный заднего ряда *a*. Следовательно, в материальном отношении общим у *ǰim* «тропа» и *ǰam* «почтовая станция» является только финальный согласный *-m*. Поэтому сближение этих двух слов на любых (прамонгольском, пратюрко-монгольском, праалтайском) диахронических уровнях выглядит недостаточно корректным.

Исторические взаимоотношения между тюрк. *jam*, каз. *ǰam* и монг. *ǰam* в целом представляются следующим образом:

1) кит. *ǰam* «остановка, станция, стоянка» → ср.-монг. (XII-XIII вв.) *ǰam* ~ *jam* «почтовая станция» → вост.-тюрк., чаг. *jam* «почтовая станция», «почтовая лошадь» → перс. *jam(e)* «почтовая лошадь»; осм. *jam* «почтовая лошадь»; «ямщик»; «почтовая станция»;

2) ср.-монг. *ǰam* ~ *jam* «почтовая станция» → ср.-кыпч. **jam* «почтовая станция», «ям» → рус. (XIII в.) *ям* «почтовая станция» → тат. чув. *jam*, якут. *ǰam* «почтовая станция» и т.д.;

3) ср.-монг. *ǰam* «путь, дорога» → каз. (XIV в.) *ǰam* «тропа».

Подробнее см.: Kowalewski, 1841, 2290; Miklosich, 1862, I, 315; Berneker, 1908, I, 444; Giles, 1912, 270, 496; Владимирцов, 1929 б, 291-294; 1934, 119, 128; Pelliot, 1930, 192-195; Ramstedt, 1935, 466; Haenisch, 1939, 85; Herzfeld, 1947, 231; Haltodt, 1949-1953, 561; Санжеев, 1953, 107; Isachenko, 1957, 512; Дмитриев, 1962, 554; Ligeti, 1966, 279; Фасмер, IV, 555, 557; Räsänen, 1969, 183; Clauson, 1972, 933; Аракин, 1974, 123-124; Doerfer, 1975, 110-118; Шипова, 1976, 436; Черных, 1993, II, 470; Щербак, 1997, 195; Аникин, 2000, 725, 726-727.

ЖАМА- (*žama-*) «латать, накладывать заплатку»; «штопать»; *žataw* «заплата» < пратюрк. **jama-* «латать», «штопать»; ср.: др.-тюрк., карах. (с XI в.) *jama-* «чинить, латать» (МК, III, 36, 91), *jamaу* «латка, заплатка» (МК, II, 21; III, 28; ДТС, 231; Clauson, 1972, 934-935); туркм. *jama-* «латать, чинить, ставить заплату»; *jama*, диал. *jamaq* «заплата, заплатка»; тур. *jama-* «ставить заплату, чинить, штопать», «зашивать (дыру)»; «навязывать, всучить»; *jama* «заплата, латка»; «пятно на коже, родимое пятно»; гаг. *jama-* «ставить заплату, латать, чинить (одежду)»; *jama* «заплата, латка»; «яблоко, пятно (на животных)»; аз. *jama-* «чинить, починить, штопать, зашивать, заделывать (дыру)»; *jamaG* «заплата, заплатка»; «латка, лоскут, нашиваемый на порванное место одежды»; «лишний, ненужный (о человеке)»; «накладка»; чаг. *jama-* «нашить заплатку, заштопать, починить платье»; *jamaу*, *jamaq* «заплата» (Радлов, III, 299, 300); узб. *jama-* «латать, чинить»; «накладывать, ставить заплату»; *jamaq* «заплата»; уйг. *jama-*, *jami-* «чинить, штопать»; *jamaq* «заплата, заплатка, латка»; лобн. *jama-* «класть заплату» (Малов, 1956, 118); кумык. *jama-* «латать, чинить, ставить заплату»; *jataw* «заплата, штопка, заштопанное место»; кар. *jama-* «чинить, штопать, зашивать, ставить заплату»; *jataw* «починка»; «заплата»; к.-балк. *žama-* «чинить, ремонтировать»; «женить»; *žataw* «починка, ремонт»; «заплата, латка»; тат. *jama-* «пришивать заплатку», «(за)латать»; *jataw* «заплата»; «шрам, рубец»; тат. диал. *jama-* «добавлять, прибавлять» (ТГДС, 1993, 108); башк. *jama-* «пришивать, нашивать заплату»; «(за)латать»; «(по)чинить»; *jataw* «заплата», «заплата»; ног. *jama-* «латать, накладывать заплатку»; «чинить, починять, накладывая заплатку»; «паять, лудить»; *jataw* «латание, починка»; «паяние, лужение»; «заплата»; к.-калп. *žama-* «чинить, латать, накладывать заплату»; *žataw* «починка», «заплата»; кирг. *žama-* «латать, накладывать заплату»; *žataw* «починка», «заплата»; кирг. *žamaq* «заплата»; «импровизация (как один из видов поэтического творчества)»; *žatō* «накладывание заплат»; «заплата»; алт. *jama-*, *d'ama-* «чинить, накладывать заплату»; *d'amači* «заплата»; алт., тел., куманд. *jamači* «заплата» (Радлов, III, 306-307); бар. *jamacqu* «заплата» (Радлов, III, 307); хак. *pama-* «наметывать (при шитье)»; *pamaу* «наметывание (во время шитья)»; *pamači* «заплата»; саг., койб., кач. *pama-* «починить» (Радлов, III, 662); шор. *naba-* «починить»; *nabači* «заплата» (Радлов, III, 661); тув. *n'ama-* «нашить заплатку»; *n'amaži* «заплата» (Радлов, III, 630); чулым. *čama-* «чинить»; *čamačuxä* «заплата»; «прокладка (в сапогах)» (Бирюкович, 1984, 71); с.-юг. *jama-* «ставить заплату, латать», *jamaу* «заплата» (в оставе *jamaуlyу* «имеющий заплату») (Тенишев, 1976, 182); тув. *čama-* «латать, ставить заплату»; «штопать»; «обшивать, производить обшивку (досками, листовым железом и т.п.)»; *čamašqi* «заплата»; «штопка»; «обшивка (из досок, листового железа и т.п.)»; тоф. *čama-* «латать, штопать»; якут. *samā-* «ставить заплату»; «делать какой-либо мелкий ремонт»; *samaliq* «заплата»

(Räsänen, 1969, 184; ЭСТЯ, 1989, 108; Clauson, 1972, 934-935; Doerfer, 1975, 194, № 1895; EDAL, II, 969-970).

Слово представлено в ранних письменных памятниках и во всех классификационных группах живых тюркских языков за исключением чувашского.

От глагольной основы *jama-* «латать, штопать» образован именной дериват на *-y* со значением объекта, процесса и результата действия **jamaŋ* «заплата», починка», который в кыпчакских языках принял типичную для данной группы языков форму *jamaŋ* (> каз. *žamaŋ*); в огузских языках ауслаутный *-y* исчез (*jamaŋ* > *jama*), а в карлукских языках произошло оглушение конечного гуттурального (*jamaŋ* > *jamaq*), через литературную традицию типично карлукская форма *jamaq* проникла в огузские языки. В кыргызской, периферийно кыпчакской, тобаской и якутской группах образовались оригинальные ареальные именны дериваты: 1) кирг. *žamaŋi*, алт. *d'amaŋi*, хак. *namaŋi*, шор. *nabaŋi*; 2) чулым. *čamaŋčaxa*, тув. *čamaŋqi*; 3) якут. *samaŋiq* «заплата».

В алтаистических исследованиях общетюрк. *jama-* «латать, штопать» традиционно сближается с монг. *neme-* «добавлять», «прибавлять», «складывать» (Ramstedt, 1935, 274), **neme-* (*nemür-*, *nemne-*) «покрывать» (EDAL, II, 969) и тунгусо-маньчж. *nama* «заплата» (Поппе, 1925, 36; Порре, 1926, 103; Räsänen, 1955, 10-11; 1969, 184 и др.), *neme-* «чинить, латать, штопать» (Порре, 1960, 37-38; ТМС, I, 622; EDAL, II, 969-970). Г.Й. Рамстедт в одном ряду с калм. *zama-* «чинить, класть заплату» приводит куман., вост.-тюрк. *jama-*, каз. *žama-* «тж.», видимо, предполагая их генуинность на праязыковом уровне (Ramstedt, 1935, 466). Плюрализм существующих в специальной литературе мнений относительно истинных взаимоотношений между приведенными тюркскими и монгольскими формами требует подробного анализа каждого из предложенных монгольских параллелей. Начнем, пожалуй, с монг. *neme-* «прибавлять, добавлять», который сближается Г.Й. Рамстедтом с тунгусским **neme-* (Ramstedt, 1935, 274); ср.: п.-монг. *neme-* «добавлять, дополнять, прибавлять»; «увеличивать» (Владимирцов, 1929, 369); х.-монг. *netě-* «прибавлять, добавлять, дополнять, складывать»; «прибывать (о воде)»; «увеличиваться»; бур. *netě-* «прибавляться, увеличиваться, прибывать (о воде)»; «прибавлять, добавлять, дополнять»; калм. *netě-* «прибавлять, добавлять»; ойр. *neme-* «прибавлять, добавлять» (Тодаева, 2001, 247); дагур. *neme-* «добавлять, дополнять, прибавлять»; «увеличивать»; *nemerde-* (страд.) «быть дополненным, добавленным»; «прибавляться, увеличиваться, возрастать» (< *nemegde-*) (Тодаева, 1986, 157); в говорах Внутренней Монголии *neme-* «добавлять, дополнять, прибавлять»; «прибывать (о воде)»; «увеличиваться» (Тодаева, 1981, 178) и т.д.

Б.Я. Владимирцов монг. *neme-* «прибавлять, придавать» сближает с тюрк. (орх., уйг.) *jime* ~ *jeme* «еще, также» (Владимирцов, 1939, 369), ср.:

др.-тюрк. *jemä* «и, также, ещё» (ДТС, 255; подробнее см. Clauson, 1972, 934).

С фонетической и семантической сторон сближение заднерядного тюрк. *jama-* «ставить заплату» с переднерядным монг. *neme-* «прибавлять, прибавлять»; «прибывать (о воде)» выглядит крайне уязвимым. Более приемлемо сопоставление монг. *neme-* «прибавлять» с тюрк. **jem-* «добавить, прибавить», выделяемым в составе *jeme* (< **jem-e*) «и, также», якут. *semse* (< **jem-se*) «добавка, прибавка» (см. ЭСТЯ, 1989, 108). Однако этот **jem-* «прибавлять» по формальным критериям невозможно связать с *jama-* «латать, штопать».

В «Этимологическом словаре алтайских языков» постулируется гомогенность тюрк. *jama-* «латать, штопать» с прамонгольским **nem-* 1) «покрывать», 2) «покрывать попоной», который выделяется в составе реальных среднемонгольских форм: *nemur-* «покрывать» (SH), *nembe-* «покрывать» (HYt), *nəmilä*, *nimlä* «попона» (MA, 238, 239); п.-монг. *nemür-* «покрывать» и *nemne-* «покрывать попоной» (Lessing, 1960, 574). Очевидно, здесь фигурируют самостоятельные слова, гомогенность которых проблематична, ср.:

1) х.-монг. *nötdör* «прикрытие; укрытие; укрытое от ветра и холода место»; «убежище»; «приют, защита, протекция»; «заветренная, подветренная сторона»; *nötdörgö-* «накидывать, накрывать, покрывать»; *nömrö-* «накрываться, покрываться, накидывать на себя (платье)»; «покрывать землю (о множестве людей и животных)»; *nömrög* «все, что накидывается на плечи для защиты от дождя и холода и т.д.: накидка, плащ, дождевик; бурка; халат; покрывало»; «дамская мантия»; «попона» (БАМРС, II, 419-420); бур. *nemer(i)-* «набрасывать на плечи (накидку, пдащ)»; «надевать (напр., тулуп на шубу)»; «накрывать, покрывать (напр. лошадь попоной)»; калм. *nemër-* «укутываться», «защищаться (от дождя, бури)» (Ramstedt, 1935, 275); *nemër-* «укрытие, убежище (от солнца, ветра, дождя)»; *nemërl-* «защищать, укрывать (напр. от непогоды)»; орд. *nötdör* «защита, покрытие от ветра»; ойр. *nemërlä-* «прикрывать, служить укрытием»; «делать укрытие» (Тодаева, 2001, 247); дагур. *nemur* «покрывало», «прикрытие, укрытие» (Тодаева, 1986, 157); монгор. *nemburge* «то, чем укрываются, накидка»; дунс. *niembekuni* «накидка» (Тодаева, 1973, 350). Данная группа слов, очевидно, гомогенна с х.-монг. *nemër* «прибавка, добавка, надбавка, прибавление» (БАМРС, II, 442), *nemür* «прибавление, прибавка»; «дополнение, добавление и, в конечном итоге, происходит от глагольной основы *neme-* «прибавлять, добавлять, дополнять»; *nemex* «дополнительный» (см. выше). Первоначально под словом **nemür* понималась дополнительная одежда или прикрытие, накидываемое на тело от непогоды, впоследствии слово получило более конкретные специализированные значения;

2) х.-монг. *nemñe-* «покрывать попоной» (БАМРС, II, 442); *nemñe* «попона, покрывало», «войлок, которым покрывают скотину зимой и весной от холода и непогоды» (БАМРС, II, 442); бур. *nemñe-* «накидывать попоны,

покрывать попоной (или накидкой) лошадь, новотельную корову»; *nemñē* «накидка, покрывало, попона»; калм. *nemñā*: «накидка, покрывало, попона»; *nemñäl-* «покрывать попоной (верблюда)»; орд. *nemne-* «покрывать попоной»; ойр. *nemñā*: «попона, покрывало»; *nemne-* «покрывать попоной» (Тодаева, 2001, 247); дагур. *nembu-* «накрывать, покрывать»; «набрасывать на плечи, надевать» (Тодаева, 1986, 157); монгор. *nembe-* «накинуть на себя, прикрываться»; дунс. *niembe-* «тж.» (Тодаева, 1973, 350). Вторая группа слов, очевидно, связана с бур. *nem* «тихий, защищенный (например, от ветра)», *nemžē* «безветренный, тихий» (ср. зафиксированные в словаре Ибн Муханны формы *nəmilä*, *nimlä* с латеральным плавным сонантом *l* на месте носового *n* в современных формах).

Тунгусо-маньчжурские 1) *neme-* «покрыть» и 2) *neme-* «прибавлять» представляют собой монголизмы, ср.: эвенк. *neme-* «покрыть, набросить (какую-либо одежду поверх одеяла для тепла)»; *nemev-* «покрыться чем-либо»; эвен. *nimne-* «покрыть»; *nem-* «накрыть»; «укутывать»; «накрыться»; «укутаться»; ороц. *neme-* «покрыть, укрыть»; *neme* «прикрытие»; уд. *neme* «покрывало, одеяло»; *nemegi-* «укрываться (одеялом)»; орок. *nembe-* «покрыться, накрыться чем-либо»; «укрыться чем-либо (для тепла)»; «одеться (одеялом)»; *nembe* «одеяло», «шкура, используемая вместо одеяла»; маньчж. *nemerk/хен* «рогожа», «епанча (из травы и соломы для защиты от дождя)»; *nemerku* (*nemerхен* + *etuku* «одежда, платье») «плащ (дождевой из промасленного холста, клеенки)» и т.п. (подробнее см. ТМС, I, 622).

Этот ряд тунгусо-маньчжурских слов в алтаистических трудах обычно сближается с п.-монг. *nemür-* «покрывать»; *nemürge* «накидка (войлочная)»; п.-монг. *nemne-* «покрывать попоной»; *nemnege* «попона»; *nemüre-* «покрываться» и т.д. (Рорре, 1960, 37-38; ТМС, I, 622; см. выше).

Сравнение более или менее достаточных рядов соответствий из монгольских и тунгусо-маньчжурских языков не оставляет сомнений, что последние являются монгольскими заимствованиями (см. EDAL, II, 969-970).

К этому ряду монгольских слов примыкают т.-маньчж. *neme-* «прибавлять», ср.: эвенк. *neme-* («← монг.) «прибавлять, умножать, увеличивать»; «пополнять запасы (после расходов)»; «сдирать (кожу)»; «очищать (шелуху от зерна)» и т.п. (подробнее см.: ТМС, I, 622). Данные тунгусо-маньчжурские формы в алтаистических исследованиях обычно сближаются в качестве прародственных на алтайском уровне с п.-монг. *neme-* «добавлять, дополнять, прибавлять»; х.-монг. *nem(ē)-*, бур. *nemē-* «тж.»; а также с тюрк. *jemä-* «прибавлять, добавлять»; ср. якут. *sämsä* ~ *sämsiä* (< **säm-* < пратюрк. **jem-* «прибавлять, добавлять») «добавка, прибавка» (ТМС, I, 622; Санжеев, 1930, 675; Рорре, 1960, 38; 68, 104); ср. также якут. *däm* «преувеличение» (Пекарский, 1912, III, 690); *näm* «преувеличение» (Пекарский, 1923, VI, 1694), которые являются монгольскими заимствованиями (ТМС, I, 622).

Реальность глагольной основы *jetä-* «прибавлять, добавлять» не подтверждается ни данными письменных источников, ни материалами живых тюркских языков; для древнетюркского состояния на основе *jetä* «и, также, ещё» можно восстановить только глагольную основу **jet-* со значением «прибавлять, добавлять», которая и, очевидно, была источником монгольского *neme-* «прибавлять».

Контактная связь между тюрк. **jata-* «ставить заплату»; «латать, штопать» и монг. **neme-* «прибавлять, добавлять» не столь очевидна, но вполне допустима, если учесть: во-первых, опереднение слова в монгольском из-за замены палатального **j-* (< **j̄-* ~ *л'* ~ *ñ-*) в результате сингармонического выравнивания (тюрк. **jata-* ~ **j̄ata-* ~ *jata-* → монг. *neme-*); во-вторых, в итоге семантического переосмысления тюрк. «ставить (наставить, надставить) заплату» → монг. «прибавить, добавить». В любом случае, монгольское *neme-*, из-за соответствия тюрк. *j̄-* ~ монг. *n-* следует квалифицировать наиболее древним тюркизмом в монгольском языке. В принципе нельзя исключить параллельное существование в самом пратюркском палатального (**jet-* «прибавить» < **jam-*) и велярного (**jata-* «надставлять») вариантов (в последнем велярная огласовка, видимо, удержалась за счет более сильного второго подударного гласного *a*).

В целом история данного слова в так называемых алтайских языках представляется в следующем виде:

пратюрк. **jam-* ~ **j̄am-/jet-* «прибавить, добавить, надставить» + *-a-* → *jata-* «ставить заплату» → прамонг. *neme-* «прибавить, добавить» (ср. производные в монг. *nötmör* (< **nemür* < *nemür* < *nembür* ~ *nemwür* «(дополнительное) прикрытие»; *nemne-* «покрывать (попоной и т.п.)»; **nemnege* «покрывало, попона» и т.п.

ср.-монг. *neme-* «прибавлять» > «покрыть» → т.-маньчж. *neme-* «прикрывать», «покрыть», «прибавлять»; монг. *nemne-* «покрывать» → эвенк. *nemne-* «покрывать»; монгор., дунс. *nembe-* «прикрываться»; монг. *nemñe* «попона», «покрывало» → орок. *nembe-* «покрыться», *nembe* «одеяло» и т.д.

ср.-кыпч. **jata-* «латать, штопать» → ср.-монг. **jata-*, калм. *zamä-* «чинить, класть заплату» (Ramstedt, 1935, 466).

Подробнее см.: Поппе, 1925, 36; Поппе, 1926, 103; 1960, 37-38, 68, 104; Владимирцов, 1929, 369; Ramstedt, 1935, 274, 275, 466; Räsänen, 1955, 10-11; 1969, 184; Clauson, 1972, 934-935; ТМС, I, 622; Doerfer, 1975, 194, № 1895; Кайдаров, 1986, 210; ЭСТЯ, 1989, 108; Эхмэтьянов, 2001, 263; EDAL, II, 969-970.

ЖАМБЫ (*žambī*) «подарки в виде драгоценных вещей родителям и родственникам невесты»; «слиток благородного металла (в форме копыта жеребенка *taj tujaq*) (← ср.-монг. *juvambū*, монг. *jembū*, *jūmbū* «юаньбу, слиток серебра в форме башмачка» ← кит. *jūan'-bao*); ср. в других тюрк. языках: уйг. *jambo* «ямбу (слиток серебра разного размера, имеющий форму копыта овцы, лошади и т.п.; являлся крупной денежной единицей в старом Китае)»; *jambu* «слиток серебра, стоимостью около 52 *sār*) (*sār* – денежная единица, равная 10 *misqal* – золотникам); «мера веса, равная 1/16 *čīŋ* или около 35 гр» (*čīŋ* – мера веса, равная 560 гр); уйг. (хам.) *jambo* «слиток серебра» (Малов, 1954, 154); уйг. (синьцз.) *jambu* «слиток серебра в 50-60 рублей» (в ценах 1913 года) (Малов, 1961, 115); лобн. *jambo*, *jamto* (← кит. *juan'-bao*) «слиток серебра особой формы (рублей 40-50 в первой четверти XX в.)» (Малов, 1956, 118); узб. *jombi* «слиток золота или серебра»; кирг. *žambī* «слитки серебра (различной формы и различного веса, употреблявшиеся в Китае в качестве денег)»; «общее название благородных металлов»; «(на состязаниях в стрельбе) слиток серебра или какая-либо другая драгоценность»; *žambī at(iš)maj* «вид спорта: стрелки из лука, а позднее из ружья, состязались в сбивании слитка серебра, подвязанного на высоте на тонкой нитке (попасть нужно было в нитку)» (Юдахин, 1985, II, 225); *žambiliq* «стоимостью или достоинством в одну *žambī*»; *žambiliq at* «конь, стоимостью в одну *žambī*» (подробности см.: Симаков, 1984, 71 и след.).

Уйгурские (включая лобн.) формы, очевидно, являются прямыми заимствованиями из китайского, как это указывается во всех приведенных источниках. М. Ряснен вост.-тюрк. *jāmbō* «слиток (серебра)» и лобн. *jambo* ~ *jamto* выводит непосредственно из китайского *jūān-bo* (Räsänen, 1969, 184). Казахская, киргизская и узбекская формы, судя по их фонетическому облику, заимствованы из монгольского языка. По этому поводу Б. Бафин в «Кратком этимологическом словаре казахского языка» пишет: «Жамбы состоит из двух китайских слов: *юань* и *бао*. В китайском языке *юань* [2] – «монета», «деньги», *бао* [3] – «ценный»; «дорогой». В целом данное слово означает «ценные, дорогие деньги» (т.е. «драгоценность». – Ж.Т.). В монгольском языке китайское слово стало звучать как *юамбүү* // *юмбүү*, а в уйгурском – как *ямбү* // *ямбу*, в казахском – как *жамбы*. Слово *жамбы* в среду казахов, видимо, проникло через посредство монголов или же через уйгурских и узбекских торговцев» (КТКЭС, 1966, 80).

В казахской и киргизской традиционной этнокультуре *žambī* занимает значительное место. В прошлом слитки серебра различной формы и различного веса и стоимости бытовали в качестве денежных единиц. Упоминание *žambī* в качестве денежной единицы и символа богатства неоднократно встречается в казахском эпосе «Алпамыс», «Камбар батыр» и киргизском эпосе «Манас». Продолжали они бытовать в обращении вплоть до конца XIX – начала XX веков, но сравнительно редко. Чаще их использо-

вали для уплаты калыма за выкуп невесты, во время поминок *as* и других традиционных обрядов, они служили призами во время ритуально-обрядовых состязаний. Для программы крупного торжества, в частности больших поминок *as*, было обязательным состязание по стрельбе из лука по подвешенной на высоком шесте мишени в виде слитка серебра – *žambī atīw*, букв. «стрельба по жамбе». При этом надо было целиться в нити, сплетенные из 7-9 конских волос, или сырomyтные узкие ремешки, на которые подвешивались *žambī*. Попавший в цель и сбивший *žambī* на полном скаку стрелок получал его в качестве приза. Существовало несколько разновидностей *žambī* как по форме, так и по весу: *taj tujaq žambī* – букв. «жамбы – копыто жеребенка»; *būjrek žambī* – букв. «жамбы (в форме) почки»; *qoj tujaq žambī* – букв. «жамбы – овечьи копытце»; *sijir kōz žambī* – букв. «жамбы – коровий глаз»; *qoj kōz žambī* – букв. «жамбы – овечий глаз» и т.п. (о разновидностях *žambī* у киргизов см.: Абрамзон, 1960, 32; Симаков, 1984, 74). Все это свидетельствует о том, что казахи и киргизы с *žambī* познакомились относительно давно, скорее всего в монгольский период своей истории. Следовательно, есть надежные основания датировать проникновение монгольского слова в казахский, а также в киргизский и узбекский языки XIII веком.

В монгольских языках интересующее нас слово представлено следующим образом: п.-монг. *juvambū* «слиток серебра, драгоценность»; х.-монг. *juambū*, *jumbū* «юаньбу (серебряные деньги в форме башмачков)» (БАМРС, IV, 447); *jembū* «слиток серебра стоимостью в пятьдесят лан (в форме башмачка); ембу, ямбу»; «монета»; *altan jembū* «золотой ямбу»; «слиток золота, золото в слитках» (БАМРС, II, 123-124); бур. *jambū* в составе *badma jambū seseg* «название цветка»; ойр. *jembū* «золотая или серебряная монета»; «слиток» (Тодаева, 2001, 184); калм. *jōmbū* «слиток серебра (стоимостью в 50 лан)» (Ramstedt, 1935, 220: ← кит.); ср. также тунгусо-маньчжурские формы: ульч. *jombo* ~ *jembe* «слиток серебра»; «драгоценность»; нан. *jembe* «драгоценность» (← монг.); маньчж. *jovabō* ~ *juvambō* ~ *jovanbō* ~ *jumbō* «слиток серебра (стоимостью в 50 лян)» ← кит. *juanhāo* «слиток серебра (весом в 50 лян, в форме башмачка)» (ТМС, I, 347).

Данное слово из монгольского языка проникло также в русские говоры Сибири, ср.: рус. сиб. *jamb* «китайское серебро в слитках разного веса» (Даль, IV, 677) ← монг. *juambū* ~ *jumbū* «слиток серебра (стоимостью в 50 лян)» (Аникин, 2000, 725-726).

Заднерядная огласовка казахской и киргизской форм указывает, что слово *žambī* в эти языки проникло из среднемонгольского (ср.: п.-монг. *juvambū*), то есть до его палатализации в монгольских и ойратских говорах.

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 220; ҚТҚЭС, 1966, 80; Räsänen, 1969, 184; ТМС, I, 347; Симаков, 1984, 71-76; Радлов, 1989, 127; Аникин, 2000, 725-726.

ЖАМШЫ (*žamšī*) «расшитая постельная покрывалка из дорогой материи»; «одеяло» < пратюрк. **jamčī* «покрывало»; «попона»; «бурка» (< **jam-* <? **jamīn-* «покрывать(ся)» + именной деривационный аффикс *-čī / -čū*); ср.: тур. *jamči* «бурка»; «потник»; тур. диал. *jamči* «дождевик» (DD, III, 1469); *jemči* «войлочный дождевик, надеваемый при езде на коне (в дождливую погоду)»; «длинная сильно ворсистая накидка (дождевик из шерсти)»; тур. *jamči* «войлочная подстилка для седла, потник»; кумык. *jamiči* «бурка»; диал. *jamči* «бурка» (Мохир, 1893, 67); *jamiči* «бурка» (Сатыбалов, 1946, 59); к.-балк. *žamči* «бурка»; балк. *zam(i)ci* «бурка» (Аппаев, 1960, 66; Шаумян, 1935, 77); кир. (= каз.) *žamši* «одеяло» (Радлов, IV, 64); ног. *jamiši* «бурка» (ЭСТЯ, 1989, 110); ср. также осм. *jamčiq* «плащ из грубой шерстяной материи, употребляемый ямщиками» (Радлов, III, 311), который В.В. Радлов считает производным от *jam* «почтовая лошадь» + именной деривационный аффикс *-čiq* (Радлов, III, 311). В других языках данное слово не обнаруживается. Представлено оно в двух классификационных ветвях кыпчакских языков – западной (кумык., к.-балк.) и восточной (ног., каз.) и в турецком. Из-за отсутствия следов этого слова в других огузских языках, турецкую форму, видимо, следует отнести к заимствованиям из западных кыпчакских языков.

Морфологическая структура слова довольно прозрачна, оно делится на производящую глагольную основу **jam-* и именной деривационный аффикс *-čī*, ср. аналогичные образования: др.-тюрк. *abinču* «утеха», «наперсница» (< *abin-* «наслаждаться»); *ögrünčü* «радость» (< *ögrün-* «радоваться»); аз. *japınçı* «накидка, бурка» (< *japın-* «накрываться, покрываться»); каз. *žaminči* «одежда» (Радлов, IV, 63) (< *žamin-* «прикрываться, покрываться») и т.д.

Труднее поддается однозначному объяснению производящая основа данного слова **jam-*. Скорее всего напрашивается сближение с *jam-*, представленной в таких словах, как *jama* «заплата» (< *jam-* + *-a*) *jama-* «латать» (< *jam-* + *-a*), *jama liq* «предназначенный для заплаты» (< *jam-a-liq*) и т.п. (см. каз. *жама-* «латать»). Реальность глагольной основы **jam-* «прикрывать, покрывать, закрывать» подтверждается, например, следующими казахскими словами: *žamıl-* «прикрываться, покрываться, закрываться» (< *žam-* + афф. возвр. залога *-il-*), *žamılyı* «покрывало» (< *žam-il-* + именной деривационный афф. *-yı*); *žamılıš* «покрывало» (< *žam-il-* + именной деривационный афф. *iš*); *žama-* «латать» (< *jam-* «латать» < «покрывать заплатой» + глагольный афф. *-a-*) и др.; ср. также: к.-калп. *žamıl-* (< *žam-il-*) «укрывать, покрываться, закрываться (напр., одеялом)»; «накидывать на плечи (одежду); *žamılyı(š)* «покрывало»; ног. *jamil-*, *jabil-* (< *jam-il-*) «закрывать, затворяться»; «покрываться, накрываться», *jabin-* (< *jab-in-*) «накрываться, покрываться, укрываться (напр., одеялом)»; кирг. *žamin-* (< *žam-in-*) «укрывать, покрываться»; «закрывать»; «надевать на себя»; «носить одежду»; *žaminči* «покрывало»; «то, чем покрываются, укрываются»

ся»; «покровитель, защитник»; алт. *d'amin-* «покрываться, укрываться, укутываться, закрываться»; *d'aminči* «покрывало, одеяло»; «все то, чем покрываются, укрываются».

Весьма показательно то, что глагольная основа *jam-* «покрываться» (в формах возвратного и страдательного залогов) представлена только в восточной и периферийной ветвях кыпчакских языков, в других тюркских языках она функционирует исключительно в форме *jav-* (*jab-*) «покрывать» (см. ЭСТЯ, 1989, 127-129). Это указывает на то, что слово *jamči* «покрывало, попона, бурка» могло сформироваться только в восточных (канглыи-ских) кыпчакских языках. Следовательно, в западные (куманские) кыпчакские языки (кумык., к.-балк.) оно было привнесено волной восточных кыпчаков (скорее всего, ногайцами).

Показательны также фонетические различия в возвратно-страдательных формах, обнаруживаемые между канглыискими (каз., к.-калп., ног.) и периферийными (кирг., алт.) кыпчакскими языками, ср.: каз. *žabil-* ~ *žamil-*, к.-калп. *žabil-* ~ *žamil-*, ног. *jabil-* ~ *jamil-* «прикрываться, покрываться, закрываться», но каз. *žabin-*, к.-калп. *žabin-*, ног. *jabin-* «тж.». В канглыиской группе в формах страдательного залога наблюдается параллельное бытование форм с медиальными *-b-* и *-m-*, а в формах возвратного залога всегда выступает исключительно медиальный *-b-*, хотя ожидалась бы назализация *-b-* > *-m-* под влиянием конечного *-n* аффиксальной морфемы. В периферийных кыпчакских языках медиальный *-b-* ведет себя прямо противоположно: он сохраняется в формах страдательного залога (ср. кирг. *žabil-*, алт. *d'abil-* «покрываться»), но в формах возвратного залога регулярно подвергается назализации в результате регрессивной ассимиляции ауслатного носового сонанта *-n* (ср. кирг. *žamin-*, алт. *d'amin-* «покрываться»). Однако в периферийной группе кыпчакских языков слово *jamči* не встречается, следовательно, его истоки нужно искать в канглыиской группе.

Наиболее правдоподобным кажется образование *jamči* «покрывало», «дождевик», «плащ» и т.п. в результате эллипсиса более полной изначальной формы **jabilči* ~ **jamilči* (< *jav-* «покрывать») > *jamči* (выпадение *l* перед *č* вполне допустимо, ср. ног. *jamiši* < **jami(l)či*) > *jamči* > *žamši* «покрывало». Реальное существование возвратной формы *jamil-* «покрываться» именно в канглыиских языках кыпчакской группы не оставляет сомнения в правоте такого предположения.

М. Ряснен считает генуинными кумык. *jamči*, балк. *zamci*, карач. *žamči* и осм. *jamčuy*, но каз. *žamši*, *žamišti* «покрывало», *žamlaši* «епанча, бурка» (см. Радлов, IV, 63, 64) сближает с ними под вопросом (Räsänen, 1969, 184), хотя гомогенность каз. *žamši* с кумык. и к.-балк. формами очевидна.

Г.Й. Рамстедт считает гомогенными калм. *zantši* «бурка», монг. *žamči*, *žanči* и кумык. *jamči* (Ramstedt, 1935, 466). В других монгольских языках соответствия калм. *zančā* «бурка», *zančāl-* «надевать (накидывать) на себя бурку» не обнаруживаются. Поэтому калм. *zančā* «бурка» можно квалифи-

цировать как относительно позднее кыпчакское (вернее – ногайское) заимствование (ср. ног. *jamīši* «бурка»). Приведенные Г.Й. Рамstedтом в качестве исходных для калмыцкого монгольские формы *žamči*, *žanči* (Ramstedt, 1935, 466) (без указания на их семантику) трактуются как тюркизмы (см. EDAL, II, 866). Развивая идею Г.Й. Рамstedта, Э.В. Севортян к указанным монгольским формами добавляет п.-монг. *žangci* [= *žangca*, *žanči*] «мантия, надеваемая ламами при совершении религиозных церемоний» (см. Lessing, 1960, 1034), халх. *žanč* «мантия, плащ (без рукавов и передника)»; «бурка» (ЭСТЯ, 1989, 110) (х.-монг. форма отмечена в «Кратком монгольско-русском словаре» А.Р. Ринчине. М., 1947, 100, но в других словарях, в том числе и в БАМРС, она отсутствует). В случае подтверждения реальности х.-монг. *žančā* «бурка» (оно может быть перенесенным на монгольскую почву из ойратско-калмыцкого, ср. ойр. *žanči* «бурка», см. Тодаева, 2001, 152), монгольские формы следует квалифицировать относительно ранними тюркизмами, заимствованными в XII-XIII вв. или даже раньше.

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 466; Räsänen, 1969, 184; Кайдаров, 1986, 210 (каз. **žam-* «укрываться, укрыться одеялом, одеждой»; «набросить на себя»); ЭСТЯ, 1989, 110 (со ссылкой на *jar-* «покрывать, укрывать»); EDAL, II, 866.

См. каз. *жап-* (*жабу*), *жамыл-* «покрываться»; *жамылыш* «покрывало».

ЖАН (*žan*) «бок, сторона»; «возле, при, около»; «мимо»; *žanas-* «соприкасаться»; «сближаться, приближаться» ← пратюрк. **jān* «бок»; «сторона»; «бедро»; ср. др.-тюрк., орх. (с VIII в.) *jan* «сторона, бок», др.-уйг. *jan* «сторона, бок», карах. *jan* (XI в.) «бедро» (см. Clauson, 1972, 940); туркм. *jān*, тур. *jan*, гаг. *jan*, аз. *jan*, сал. *jan*, халадж. *jān*; ср.-тюрк. *jan*, уйг. *jan*, узб. *jān*, кумык. *jan*, кар. *jan*, к.-балк. *žan*; тат. *jan*, башк. *jan*; ног. *jan*, каз. *žan*, к.-калп. *žan*, кирг. *žan*, алт. *d'an*; хак. *nan*, *čan*, шор. *čan*, чулым. *čan*, *jan*, с.-юг. *jan*, тув. *čan* «окрестность, окружающая местность»; «около, возле, у, под, при, ю»; чув. *šut* «место, находящееся около, рядом с кем-чем-либо»; «соседний, находящийся около»; «рядом, возле, подле»; *jen* «сторона», «бок»; «местность, край» (← тат. *jān* «сторона»; «бок») (Егоров, 1964, 61, 218; Räsänen, 1969, 184; ЭСТЯ, 1989, 113-114; 118-119; Doerfer, 1975, 120, № 1816; Федотов, 1996, II, 135; 2002, 71, 290; Эхмэтьянов, 2001, 263).

Общетюркское слово, хорошо представлено в древнетюркских письменных памятниках и во всех классификационных группах живых тюркских языков. На основании данных туркменского и халаджского языков восстанавливается архетип с долгим гласным **jān* (ср. **jān* в Щербак, 1970, 196). Дж. Клоусон считает первичным значением слова «бедро», а отсюда более общее «бок, сторона» и т.п. (Clauson, 1972, 940).

В «Этимологическом словаре алтайских языков» тюрк. **jān* «сторона» сближается в качестве прародственного на алтайском уровне с монг. **denžī* «терраса (между равниной и речным берегом)»; ср.: п.-монг. *denžī* «тж.» (Lessing, 1960, 252); х.-монг. **denž* «высокий плоский берег, терраса»; «крутой, возвышенный берег»; «скамья для гребцов (в лодке)» (БАМРС, II, 111); ойр. **denžīg* «куступ»; «холм» (Тодаева, 2001, 125); калм. *denžē* «терраса» (см. Ramstedt, 1935, 88); орд. *denžī*, даг. *denžī* «небольшой холм», «возвышенность» (EDAL, I, 477-478).

Более приемлемым кажется сближение монг. **denžī* «терраса» с тюрк. *teŋ* «равный, ровный» (см. каз. *тең* «равный»), так как в семантике монгольских слов явно прослеживается идея ровности, равенства и т.п., а тюркские слова по сути являются соматическим термином и заключают в себе идею смежности, близости, рядности и т.п.

При сближении тюрк. **jān* «сторона, бок» с монг. **denžī* «терраса» возникают фонетические (не соответствие вокализма по ряду) и морфологические (-*žī* в монг.) проблемы, которые не получают убедительного объяснения. Поэтому пока лучше воздержаться от предложенного алтаистами сближения.

К тому же надо отметить, что авторы «Этимологического словаря алтайских языков» однокоренное тюрк. **jānciq* «кошелек», «сумка» (см.: Räsänen, 1969, 185; Clauson, 1972; ЭСТЯ, 1989, 118) < **jān* «бок» + деминутивный аффикс -*cīq*, выражающий неполноту признака (Щербак, 1977, 119-120), сравнивают в качестве гетуинного на алтайском уровне с монг.

**nambuqa* «большой кожаный бурдюк» (EDAL, II, 866), ср.: ср.-монг. *nambuqa* (SH), п.-монг. *nambuqa*, *nambuqu*, х.-монг. *nambuqa* «бурдюк», *nambuḡ* «бурдюк», *natuqa* «маленький бурдюк» (БАМРС, II, 392). При этом отрицается производимость тюрк. **jānčiq* «карман, мешочек, сумка» от **jān* «бок», хотя любому носителю тюркских языков взаимосвязанность этих слов очевидна: первоначально слово **jānčiq* означало «боковой карман», а также «мешок, который приторачивался к седлу (с двух сторон)». Поэтому сопоставление тюрк. **jān* «бок» с монг. **denǰi* «терраса», с одной стороны, и тюрк. **jānčiq* «(боковой) карман» с монг. *nambuqa* «бурдюк», с другой, следует признать некорректными как с фонетической (тюрк. *j-* ~ монг. *d-*, тюрк. *j-* ~ монг. *-n*; тюрк. *-n* ~ монг. *-n*, тюрк. *-n* ~ монг. *-m*; тюрк. *ā* ~ монг. *e*, тюрк. *ā* ~ монг. *a* и т.д.), так и с семантической сторон.

Тюрк. **jān* «сторона, бок» хорошо этимологизируется на тюркской почве. Генетическую связь **jān* с **jāq* «сторона» (ср. каз. *žaq*) отметил еще А. Вамбери (Vámbéry, 1867, 112), В. Банг усматривал в *jān* именное образование на *-n* или застывший инструментальный падеж на *-n* от **ja* (см. Порре, 1926, 120). Монгольские формы пока еще не получили этимологического объяснения.

Тюрк. **jān* «бок» не имеет прямых или опосредованных взаимосвязей ни с монг. **denǰi* «терраса», ни с монг. *nambuqa* «бурдюк».

Подробности см.: Порре, 1926, 120; Ramstedt, 1953, 16; кор. *tan* «сторона, край»; Егоров, 1964, 61, 218; Räsänen, 1969, 184; Clauson, 1972, 940; Doerfer, 1975, 120, № 1816; ЭСТЯ, 1989, 113, 118-119; Федотов, 1996, II, 135; 2002, 71, 290, 458; Эхмэтьянов, 2001, 263; EDAL, I, 477-478, 866.

ЖАН (*žan*) «смысл»; *žani bar söz* «слово, имеющее смысл»; «слово, сказанное неспроста»; ср. также *жаң* «закон», *жаң žoli* «законный путь» (← ср.-монг. *жаң* «характер, нрав, привычка, обычай, закон, этикет» ← кит. *jang* «образ, вид»); ср.: др.-тюрк. (с VIII в.) *јаң* (← кит. *jiо*) «форма, образ, манера»; «мера, степень»; карах. (XI в.) *јаң* «форма, образ»; *börk jañi* «форма шапки» (МК, III, 361); др.-уйг. (с VIII в.) *јаң* (← кит. *jang*) «образ, вид» (см. Clauson, 1972, 940); чаг. *јаң*, кир. (= каз.) *јаң*, алт. *јаң* «вера, закон, обычай»; монг. *жаң* «обычай, склонность» (Будагов, 1871, II, 336); куман., алт., бар. *јаң* «душа, душевное состояние, характер, мысль»; «образ»; «нрав, обычай»; «вера, вероисповедание»; (алт., бар.) «эпидемия» (Радлов, III, 57-58; обнаруживается контаминация с *јаң* «душа» ← перс. – Ж.Т.); халадж. *jāng* «обычай (добрый)»; «манеры», «приличие»; «вкус»; кирг. *жаң* «жест, (движение рукой, заменяющее речь, намек)»; алт. *јаң* «обычай» (Баскаков, 1966, 120); куманд. *d'аң* «вера, обычай, закон» (ср. монг. *зан(з)*) (Баскаков, 1972, 210); туба *d'аң* «власть, закон, право»; «долг» (Баскаков, 1966, 113); туб. *n'аң* «нрав, вера» (Радлов, III, 627), *n'аңда-* «верить» (Радлов, III, 629); тув. *цаң* «нрав, характер»; «привычка»; тоф. *n'аң* «обычай» (Рассадин, 1971, 209); як. *саң* «свойство характера»; *саң tardar* «обряд в честь духа-хозяина места» (Пекарский, 2081); шор. *цаң* «нрав, вера» (Радлов, III, 1851).

В некоторых тюркских языках функционируют только производные формы, ср.: узб. *jañliq* (послелог, употреблявшийся с основным падежом) «как, подобно, наподобие, точно, словно, вроде»; туркм. *jāli, janni* (послелог, управляет основным и родительным падежами) «наподобие, подобно, вроде, как, словно»; ж.-уйг. *jañliq* «имеющий вид, форму»; *janniq* «имеющий форму, вид»; *mizye janniq* «похожий на нас, нам подобный» (Малов, 1957, 36, 37); к.-калп. *jañli, jañliq* «такой, подобный».

Свод форм показывает, что слово распространено в тюркских языках восточного региона. В ареально-географическом отношении определенный интерес представляет функционирование данного слова в халаджском языке (при его отсутствии в других языках огузской группы), однако халадж. *jāng* «обычай, манеры, приличие» скорее всего является сравнительно поздним фарсизмом (см. ниже перс. формы).

В историко-этимологических работах тюрк. *јаң* «обычай» квалифицируется как раннее заимствование из китайского языка (ср., например, Bang, Gabain, 1931, 512: ← кит. *jang*; Ramstedt, 1935, 215; Gabain, 1950, 351: ← кит. *jang* «образ, вид»; Räsänen, 1969, 186; ДТС, 233; Clauson, 1972, 940; Doerfer, 1975, № 1903; ЭСТЯ, 1989, 121-122 и др.). Однако ареально-географические, историко-культурологические и фонетические факторы свидетельствуют о том, что данное слово в некоторые тюркские языки проникло через монгольское посредство в относительно позднее время.

Описываемое слово хорошо представлено в монгольских языках, ср.: п.-монг. *жаң* «обычай», «характер»; «нрав»; «поведение», «привычка» (Lessing, 1960, 1034; *јаң* «хорошие манеры, этикет» (см.: Ramstwdt, 1935,

215: ← кит. *janzǎ*); х.-монг. *jan(g)* «нрав, характер, поведение»; «повадки, замашки»; «занятие, дело» (БАМРС, II, 208); бур. *zan(g)* «нрав, характер»; «поведение, повадки, замашки»; «привычка»; калм. *jan* «характер, нрав, поведение, повадка»; «привычка», «обычай, традиция» (см.: Ramstedt, 1935; 466: ← кит. *jeñtē*); ойр. *jan* «нрав, характер»; «поведение, повадки»; «привычка»; «обычай», «традиция» (Тодаева, 2001, 152); в наречиях Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., архорч., барин., онн., найм., хеш., харч., тум., урат., чах., орд. *jan*, шгол. *jan* «нрав, характер, поведение»; «повадки» (Тодаева, 1981, 154) и т.д.

Наряду с этим, в монгольских языках выявляется другая форма данного слова с инициальным *j-*, ср.: п.-монг. *jan* (Lessing, 1960, 427), калм. *jan* «хорошие манеры», «этикет» (Ramstedt, 1935, 215: ← кит.); ойр. *jan* «этикет», «церемония» (Тодаева, 2001, 181), который Г.Й. Рамстедт сравнивает с уйг. *jan* «обычай», «привычка» (см. Ramstedt, 1935, 427; Räsänen, 1969, 186: ← кит. *jan(-czь)* «образ, вид, манера»).

Все эти тюркские и монгольские формы в конечном итоге восходят к китайскому прототипу *jang / jan* «образ», «вид» (в источниках приводятся различные транслитерации китайского соответствия, см. выше в перечне форм, ср. совр. кит. *yǎngz* «образ», «вид», «внешность»). Однако взаимоотношения между китайскими, тюркскими и монгольскими формами не так прямолинейны, как это может показаться на первый поверхностный взгляд.

Китайское слово довольно рано проникло в древнетюркский, ср. др.-уйг. (с VIII в.) *jan* «форма, образ, манера» (← кит. *ян, jio*⁹ «образ, вид», см.: ДТС, 233; МК, КБ; Clauson, 1972, 940).

Монгольские формы, восходящие к ср.-монг. **jan* «нрав, характер, поведение», судя по семантике и анлаутному *ǰ-*, являются относительно ранними заимствованиями из древнеуйгурского.

В свою очередь ср.-монг. *jan* («характер, нрав, поведение») проникло в ряд тюркских языков, ср.: каз. *zan*, к.-калп. *zan*, кирг. *zan* «закон»; «законный», ср.: кирг. (= каз.) *zan* «обычай, нрав»: *qazaq zanın tastadı* «он оставил киргизские (= казахские. – Ж.Т.) нравы» (Радлов, IV, 864), кир. (= каз.) *zan* (вм. перс. *san*) «обычай, закон, правило» (Будагов, 1869, I, 602); башк. *zan* «обычай, нравы» (← каз. ← монг.).

Формы, представленные в сибирских тюркских языках (киргиз., тобаск., якутск. группах), по чисто внешним признакам можно трактовать и как древнетюркское наследие, и как среднемонгольские заимствования. Тем не менее, если учесть, что данное слово зафиксировано главным образом в древнеуйгурских памятниках (см. Clauson, 1972, 940, 950), тюркские формы сибирского ареала следует квалифицировать как монголизмы.

Ойратско-калмыцкая форма *jan* «хорошие манеры», «церемония», «этикет», судя по анлаутному *j-*, является относительно поздним заимствованием из уйгурского; по крайней мере, Г.Й. Рамстедт сравнивал калмыцкое *jan* «хорошие манеры», «этикет»; «церемония», «обстоятельство», «об-

ряд); «настроение» с уйг. *jaŋ* «обычай», «привычка» (Ramstedt, 1935, 215). О позднем появлении данной формы в ойратско-калмыцком свидетельствует также ее отсутствие в других монгольских языках.

Из калмыцкого слово *ǰaŋ* «характер, нрав, поведение, повадка»; «привычка», «обычай» проникло в астраханские говоры русского языка, ср.: рус. обл. (астр.) *зан* «нрав, обычай, привычка» (Даль, I, 609: *занра́вить, зánоров*; Шипова, 1976, 138; Doerfer, 1975, № 1903; ошибочно в: Фасмер, II, 77: ← араб., со ссылкой на кр.-тат. *zan* «мнение, мысль» в: Радлов, IV, 867). О калмыцком происхождении русского слова свидетельствуют ударение на первом слоге в *зánоров* и ареал распространения (астр.).

Казахское слово *žan* «смысл» в выражении *žani bar söz* «слово, имеющее смысл»; «слово, сказанное неспроста» можно сблизить с каз. *žan* «душа, дух»; «живое существо, человек» (← перс. *žan* «душа, дух, жизнь»). В таком случае выражение *žani bar söz* следует понимать как «слово, заключающее в себе душу». Однако в данном значении здесь скорее всего следует усматривать контаминацию двух паронимичных слов: *ǰaŋ* «образ», «нрав», «вера», «приличие» (~ тюрк. *jaŋ* «тж.», см. перечень форм) и *žan* (← перс.) «душа, дух». Следовательно, выражение *žani bar söz* при такой трактовке получает более определенный смысл: «образное слово», «нравственное слово», «верное слово», «уместное слово», «приличное слово» и т.п. Контаминация двух указанных слов наблюдается также в др.-уйг., алт., бар. *jaŋ* «душа, душевное состояние»; «характер»; «мысль»; «образ»; «нрав»; «обычай» (Радлов, III, 57-58). Примечательно, что в др.-уйг. *jaŋ* в материальном отношении возобладала «китайская» форма (см. ауслатный -ŋ), а в казахском *žan* – «персидская» (см. ауслатный -n).

Данное слово через тюркское (др.-уйг.) посредство проникло в некоторые иранские языки, ср.: перс. *jang* «обычай, правило, закон»; «манера, образ» (Рубинчик, 1983, II, 751; Миллер, 1953, 605); *jang* «обычай, манера» (Гаффаров, 1928, II, 915); *jang* «похожий, схожий»; «правило, закон, привычка, обычай»; «сила, величие, важность» (Ягелло, 1910, 1814) → афг. *jang* «тж.» и др. (см.: Doerfer, 1975, № 1903).

История распространения данного слова в евразийском лингвистическом пространстве в схематическом изложении представляется в следующем виде: кит. *jaŋ* → др.-уйг. *jaŋ* → монг. *ǰaŋ* (→ тюрк.: каз. *zan*, кирг. *zaŋ*, к.-калп. *zaŋ*, алт. *d'aŋ*, туб. *n'aŋ*, шор. *čaŋ*, тув. *čaŋ*, тоф. *n'aŋ*, як. *saŋ* и т.п.; каз. *zan* → башк. *zaŋ*; калм. *zaŋ* → рус. *zan*); др.-уйг. *jaŋ* → перс. *jaŋ* → халладж. *jaŋ*, афг. *jaŋ*; уйг. *jaŋ* → ойр.-калм. *jaŋ*.

Подробнее см.: Vámbéry, 1878, 119; Bang, Gabain, 1931, 512; Ramstedt, 1935, 215, 466; Gabain, 1950, 351; Menges, 1955, 735-736; Räsänen, 1969, 186; Рассадин, 1971, 209; Clauson, 1972, 940, 950; Doerfer, 1975, № 1903; Шипова, 1976, 138; ЭСТЯ, 1989, 121-122.

ЖАНСЫ (*žansi-*) «мять» («(при)давить»; «утоптать»; «угнетать» < пратюрк. **janči-* «давить», ср.: др.-тюрк. *janč-* «давить; разминать»; «проламывать; пробивать» (ДТС, 231-232, 256; Clauson, 1972, 944); карах. (XI в.) *janč-* «давить, разминать»; *jenč-* «раздавить» (МК, III, 435); туркм. *jānža-* «укорять, упрекать»; *jenč-* «избивать, колотить, ударять»; «ковать, подвергать ковке»; тур. *jenč-* «утрясать (содержимое в сосуде)»; «давить, плющить»; «подвергать притеснениям, угнетать, давить»; аз. *jenž-* «мять»; «давить, раздавливать»; «сминать, смять»; уйг. (хам.) *janš-* «молотить»; *janč-* «веять»; *jaš-* «дробить», «мельчить», «раздроблять»; «молотить хлеб животными» (Малов, 1954, 154, 155); лобн. *janč-* «давить, мельчить» (Малов, 1956, 118); узб. *janč-* «молотить»; «толочь»; «молоть»; «топтать»; «раздавливать», «растаптывать»; кумык. *janč-* «плющить, давить, раздавливать»; «мять»; «разбивать»; «побеждать, наносить поражение»; «притеснять, угнетать, эксплуатировать»; «душить»; «изматывать, мучить, истязать»; «картавить»; кар. *janč-* «бить, ударять, разбивать, пробивать, выбивать»; «топтать, втаптывать»; «побеждать, уничтожать»; «сталкиваться друг с другом»; «делать тонким, размельчать, раздроблять»; «перековать»; к.-балк. *žanša-* «болтать, говорить (нести) вздор»; тат. *jānč-* «вдавливать», «вдавить»; «мять»; «проминать»; «раздавливать»; тат. диал. *jānčč-* «задавить» (ТТДС, 1969, 181); башк. диал. *jānsē-* «плющить, расплющивать, сплющивать»; *jāmsāj-* «расплющиваться», «сплющиваться»; *jānšel-* «быть раздавленным»; «уколоться»; «плющиться» (ДСБЯ, 2002, 132); *jānsē-* «калечить», «топтать», *jānsēr-* «плющить» (ДСБЯ, 2002, 132); ног. *janši-* «мять, давить, топтать, утаптывать»; «притеснять, угнетать»; к.-калп. *ženš-* «давить»; *ženšil-* «быть раздавленным»; каз. *žanši-* «давить, раздавить, придавливать»; «мять», «вминать»; кирг. *žanč-* «дробить, толочь»; «колотить, колошматить»; алт. *n'anči-* (в составе *hančiq* «палка для вбивания жерди») «вбивать» (Баскаков, 1985, 179); хак. *nas-* (*nazarya, načarya*) «толочь»; «рубить»; «поколотить, побить (кого-либо)»; хак. *nanž-* «погнуть, помять (какой-либо металлический предмет)»; абак. *naš-, nas-* «бить, ударять»; «толочь» (Вербицкий, 1884, 210); шор. *naš-* «бить, ударять» (Радлов, III, 660); саг., койб. *nas-* «бить, ударять» (Радлов, III, 656); тув. *čančar-* «разбивать вдребезги»; як. *sis-* (~ *sinha-, sinja-, sijnja-*) «бить, колотить кого-либо»; «дробить, раздроблять, разбивать»; «молотить»; чув. диал. (низ.) *jenžet-* «раздавливать»; «измять»; «избить»; «расколошматить» (← тат. *jānčāt-*) (Räsänen, 1969, 185; ЭСТЯ, 1989, 184-186; EDAL, II, 1149-1150). Г.И. Рамстедт сопоставляет калм. *džantš-* «бить» с тар. (= уйг.) *janči-*, кирг. *žanči-* «бить» (см. Ramstedt, 1935, 108), видимо, как прародственные на алтайском уровне.

Данное слово проникло в монгольские языки, ср.: п.-монг. *janči-*, *žanči-* «давить», «толочь»; «бить, ударять» (см. Щербак, 1997, 122); х.-монг. *žanči-* «бить, избивать»; «истязать, мучить, дерзать, пытать»; *žančiχui* «избиение»; «побои, битье, порка, трéпка»; «драка, потасовка, свалка, побон-

ще, баталия» (БАМРС, II, 159); ср. бур. *janša-* «ныть, ломить, рвать (о дергающей боли)»; калм. *džantšī-* / *žancě-* / *jantš-* «бить, ударять»; «избивать»; «наказывать» (Ramstedt, 1935, 108); дагур. *žanči-* / *žinči-* «бить, избивать, истязать» (Тодаева, 1986, 142) и т.д. Судя по фонетическим критериям, тюркское слово в данном фонетическом облике проникло в монгольские языки в относительно позднее время.

В «Этимологическом словаре алтайских языков» монг. *žanči-*, *janči-* «бить» справедливо квалифицируются как тюркские заимствования (EDAL, II, 1149-1150; см. также Щербак, 1997, 122), вместе с тем тюркские формы в данной работе сближаются как прародственные на алтайском уровне с монг. **niča-* / **niža-* «ломать»; ср.: п.-монг. *niča-či-*, *niča-la-*, *niža-la-*, *niča-ra-*, *niža-ra-* «ломать» (Lessing, 1960, 577, 587); х.-монг. *n'acla-* «растирать в порошок, давить, раздроблять, измельчать, разламывать»; «возвращать, обращать вспять, нарушать (слово)»; *ñacra-* «разломаться, раздробляться, раздавливаться, измельчаться, растолочься»; «получить ушиб, синяк», «ушибиться, получить контузию, ссадину (от удара камнем, каким-либо орудием)»; «чувствовать разбитость, быть разбитым (от тяжелого физического труда, верховой езды и пр.)» (БАМРС, II, 452); ср. также: п.-монг. *niča* усилительная частица, соответствующая приставке «раз-, рас-» и наречию «вдребезги»; *ničači-*, *ničala-* ~ *nižala-* «давить, размельчать, растирать в порошок»; х.-монг. *ñac* усилительная частица; *ñacla-* ~ *ñajla-*, *ñajči-* «давить, размельчать, растирать в порошок»; *ñacra-* ~ *ñajra-* «раздавливаться, размельчаться, растираться в порошок»; бур. *niza* ~ *nica* усилительная частица; *nizal-* «раздавить, размельчить, растолочь»; *nizar-* «раздавливаться» (ТМС, I, 640).

Монгольское слово проникло в тунгусо-маньчжурские языки; ср.: эвенк. *niča-* «давить, раздавить (ягоды)», а также в якутский, ср.: як. *nišī-*, *nišij-* «раздавливать» (подробнее см. ТМС, I, 640; EDAL, II, 1149-1150).

Монгольское *niča-la-* «ломать» и т.п. является глагольным дериватом от имитативной основы **niča* ~ *niža* и поэтому сближение его с тюрк. *janči-* (< *jan-* ~ *jaǰ-* «рассеивать», см. ЭСТЯ, 1989, 186) вряд ли правомерно.

К общетюркскому **janči-* «давить», «разминать», «бить» непосредственно примыкает также монг. **nanči-* «бить, колотить, избивать»; ср.: х.-монг. *nanči-* «тж.»; *nančiyda-* «быть избитым», *nančilda-* «драться, бить друг друга»; «буйствовать» (БАМРС, II, 395); бур. *nanša-* «бить, колотить, избивать»; «молотить (хлеб)»; *nanšül-* «быть избиваемым, подвергаться избиванию»; калм. *nančā-* «бить, колотить, избивать»; «щелкать (пальцами)»; «рубить (*zerhauen*)», «разбивать» (Ramstedt, 1935, 271); х.-монг. *žanči-*, *zanči-* «бить, избивать»; «истязать, мучить, терзать, пытаться» (БАМРС, II, 159; 211); бур. *janša-* «ныть, ломить, рвать (о дергающей боли)»; калм. *džantšě-* «бить, ударять», «колотить», «избивать»; «наказывать» (Ramstedt, 1935, 108); *jantšě-* «бить, ударять (*schlagen*)»; «колотить (*klöpfen, prügeln*)»; «наказывать (за что-либо)» (Ramstedt, 1935, 214) и т.д. Разумеется, все эти представленные в монгольских языках формы являются разновременными

пространственно-хронологическими тюркизмами в монгольских языках. Особо показательны в этом отношении данные калмыцкого языка, которые показывают, по крайней мере, три этапа или три разных тюркских источника заимствования. Наиболее раннее заимствование, имеющее общемонгольский характер, отразилось в калмыцком языке как *pančě/ǎ-*, более позднее – как *ǰančě/ǎ-* и, наконец, самое последнее по времени (очевидно, ногайское) заимствование – в виде *jančě/ǎ-* «бить».

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 108, 214; Räsänen, 1969, 185; Clauson, 1972, 944; ТМС, I, 640; ЭСТЯ, 1989, 184-186; Щербак, 1997, 122; EDAL, II, 1149-1150.

ЖАНЫ- (*žani-*) «точить, править (нож, бритву)»; «точить косу» (см. ҚТТС, III, 644-645) < пратюрк. **jāna-* (~ **jani-* ~ **jani-*) «точить, править (проводя оселком по очереди то одной, то другой стороной)»; ср.: др.-тюрк., карах. (XI в.) *jani-* «точить»; *er bičäk janudi* «мужчина точил нож» (МК, II, 91; ДТС, 233; Clauson, 1972, 944); туркм. *jāna-* «прислонять, приставлять что-либо к чему-либо»; «кормить ребенка грудью (лежа на боку)»; «приставать, преследовать, придирааться»; осм., чаг. *jana-* «точить»; «обращать, повертывать, повертываться (Радлов, III, 81)»; аз. *jani-* «приблизиться, подойти» (Радлов, III, 85); каз., ком., бар. *jani-* «точить, навастривать»; «придирааться, подыскивать вину»; «угрожать» (Радлов, III, 85); тур. диал. *jan-* «выравнивать колоду топором»; уйг. *joni-* «тесать, обтесывать, вытесывать»; кумык. *jani-* «точить, натачивать, править»; «подстрекать, провоцировать»; к.-балк. *žani-* «точить, править»; «угрожать, грозиться»; «ругаться с кем»; тат. *jana-* «(за)точить, править, направлять»; зап.-сиб. тат. *jani-* «точить, править на оселке» (Тумашева, 1961, 118; 1992, 68); башк. *jani-* «править, направить, точить, наточить»; ног. *jana-* «править бритву»; к.-калп. *žani-* «точить, править (нож, бритву и т.п.)»; кирг. *žani-* «касаться, подходить сбоку»; «проходить возле»; «точить (нож, бритву и т.п.), проводя по очереди то одной, то другой стороной (лезвия)»; тув. *čani-* «точить на бруске»; кыз. *nani-* «шлифовать, гранить» (Räsänen, 1969, 185; ЭСТЯ, 1989, 115-116).

Специалисты по тюркским языкам формы **jāna-* (~ **jani-* ~ **jani-*) считают глагольными образованиями на *-a-*, *-u-* и *-i-* от именной основы *jān* «сторона», «бок», «боковая сторона» (Севортян, 1962, 203 и след., 230 и след.; Щербак, 1981, 140-142; ЭСТЯ, 1989, 115-116; см. каз. *жан* «сторона, бок»).

Некоторые исследователи пратюрк. **jānnu-* «точить», «править» склонны выводить из глагольного деривата **žāj-nV-*, производимого из пратюрк. **jāj* «лук (оружие)» (см. Porre, 1960, 27; Miller, 1971, 86, 153; Старостин, 1991, 77; EDAL, II, 1532), но это проблематично.

Тюркские глагольные основы обозначают действие, прилагаемое к боковой стороне предмета, направленное к ней, осуществляемое на ней (подробнее см. ЭСТЯ, 1989, 116; Севортян, 1962, 235).

М. Ряснен со ссылкой на «Калмыцкий словарь» Г.Й. Рамстедта, тюркские формы, родственные с **jānu-* «точить», выводит из монг. *žani-* «точить», «грозить»; монгольским заимствованием он считает также и якутские формы *žonuj-*, *žaniuj-* «преследовать» (Räsänen, 1969, 185). У М. Ряснена ошибочно сближены два паронимичных слова: **jāna-* (~ **jani-*, *jan-*, *jani-*) «грозить» и **jana-* (~ *jani-* ~ *jani-*) «точить» (критический разбор сопоставлений М. Ряснена см.: Clark, 1977, 163).

Г.Й. Рамстедт к калм. *zan-* «точить, править (нож)» приводит монг. *žani-* и сближает их в качестве гомогенных на алтайском уровне с тюрк.: ком., каз. *jani-*, кир. *žani-*, алт. *jani-* «точить» (Ramstedt, 1935, 466).

В «Этимологическом словаре алтайских языков» пратюрк. **jāni*- «точить» сближается с монг. *žanu*- «точить», при этом снабжается пометкой (if not < Turk.) (EDAL, II, 1532).

Однако проблематично само существование монгольского слова **žani*- «точить (нож)». Э.В. Севортян указывает, что монг. глагол с таким значением не обнаруживается в монгольских лексикографических источниках. В доступных монгольских словарях обнаруживается только слово **žani*- «грозить» (← тюрк. *jani*-, *jani*- «грозить»); ср.: х.-монг. *zanā*- «грозить, угрожать, стращать»; «негодовать, возмущаться, протестовать»; «ненавидеть, точить зубы на кого-либо» (но не нож, инструмент. – Ж.Т.) (БАМРС, II, 208); бур. *zanā*- «грозить, угрожать, стращать»; ойр. *zanā*- «грозить, угрожать» (Тодаева, 2001, 152); калм. *zandā*- «журить, ругать»; «бить (наказывать) палкой»; *zanγā*- «замахиваться», «размахивать руками»; «делать знак, сигнализировать (рукой)». «Русско-калмыцкий словарь» (М., 1964) слово *точить* переводит следующим образом: 1. что (заострять) *бүлүдх, хурцлх, ирлх*; 2. что (вытачивать) *ө уга кех, гилллх*; 3. что (портить) *үрэх, идх*; 4. кого-что, перен. «мучить, изводить» *зовах, мууднь орх* (с. 710). Как видим, ни один из калмыцких переводов не содержит приведенного Г.И. Рамstedтом слова *zan*- «точить, заострять». Следовательно, остается только полагать, что в «Калмыцкий словарь» Г.И. Рамstedта попало редкое тюркское заимствование, проникшее в калмыцкий язык скорее всего из киргизского (ср. кирг. *žan*- «точить» → калм. *zan*- «точить»). Никаких оснований для проецирования калм. *zan*- «точить» на праязыковой уровень не имеется.

Подробности см.: Ramstedt, 1935, 466; Poppe, 1960, 27; Севортян, 1962, 235; Егоров, 1964, 349; Räsänen, 1969, 184, 185; Clauson, 1972, 944; Clark, 1977, 163; ЭСТЯ, 1989, 114, 115-116; Старостин, 1991, 77; EDAL, II, 1027; 1532; Федотов, 2002, 458.

ЖАҢА (*žaŋa*) «новый»; «свежий»; «недавно»; «сейчас» < пратюрк. **jaŋi* «новый»; ср.: др.-тюрк. (орх.) (с VIII в.) *jaŋi*, др.-уйг., карах. *jaŋi* (XI в.) «новый» (МК, III, 369; ДТС, 234; Clauson, 1972, 943-944); туркм. *jaŋi* «только что; недавно»; «всего-навсего»; «только лишь»; «как только»; сал. *jaŋi* «новый»; *jaŋi* «еще, снова» (Тенишев, 1975, 346); *jana* «еще» (Тенишев, 1975, 345); *jene* «еще, опять, вновь, снова»; «вдобавок, сверх, еще, к тому же»; «все-таки, тем не менее»; тур. *jeni* «новый»; «вновь; только что; недавно»; гаг. *jeni* «новый»; *jenidän* «снова, вновь, опять»; *jenijǝ* «по-новому»; аз. *jeni* «новый»; «впервые созданный или сделанный»; «относящийся к настоящему или к ближайшему времени»; «вновь открытый, ранее не известный»; уйг. *jeŋi* «новый»; *jeŋila* «только-что, совсем недавно»; *jeŋidin* «снова, заново», «вновь»; узб. *jangi* «новый»; «свежий»; «молодой»; «только-что, недавно»; *jangiça* «по-новому»; лобн. *jaŋi*, *jaŋi* «новый» (Малов, 1956, 118); *žaŋ(i)la-* «обновлять», «возобновлять» (Малов, 1956, 109, 110); кумык. *jangi* «новый, свежий»; «только-то, недавно, сейчас»; кар. *janu* «новый»; к.-балк. *žaŋi* «новый»; «недавно, вновь, только что»; тат. *jaŋa* «новый»; «свежий»; «только что, вновь»; башк. *jaŋi* «новый», «свежий»; «только что»; ног. *jaŋi* «новый», «свежий»; «только что», «впервые»; к.-калп. *žaŋa* «новый, обновленный»; «свежий»; «недавно, сейчас»; кирг. *žaŋi* «новый, свежий»; «недавно»; алт. *d'aŋi* «новый»; «новинка», «новость»; куманд. *d'ä* «новый» (Баскаков, 1972, 209); *nä* «новый» (Баскаков, 1972, 233); *d'aŋi* «новый, недавний, свежий» (Баскаков, 1972, 210); *čaŋi* «новый» (Баскаков, 1972, 266); лебед. *jä* «новый» (Баскаков, 1985, 146); хак. *nä* «новый»; *nap-nä* «совершенно новый»; лебед., куманд., саг. *jä* «новый» (Радлов, III, 3); шор. *nä* «новый»; *nä sü* «свежая вода» (Радлов, III, 633); чулым. *čaŋ*, *čäŋ*, *n'a* «новый», *čaŋ čurt* «новая жизнь» (Бирюкович, 1984, 71); с.-юг. *jaŋi* «новый», «новая» (Тенишев, 1976, 182); ж.-уйг. *jaŋa*, *jaŋi* «новый», *për jaŋa* «первое число месяца» (Малов, 1957, 36, 37); тув. *čä* «новый»; «свежий»; «недавно, только что»; тоф. *nä* «новый» (Рассадин, 1971, 209); як. *saŋa* «новый»; «вновь, снова»; «только что», «впервые»; долг. *haŋa* «новый»; чув. *šëñë* «новый»; «молодой»; «свежий» (см. ЭСТЯ, 1989, 124-125).

В современных тюркских языках выявляются три фонетические разновидности этого слова: *jaŋi*, *jaŋa* и *jeni*; в древнетюркских письменных источниках в основном представлена форма *jaŋi* «новый» (см. Clauson, 1972, 943-944). В формах типа **jaŋa*, представленных в каз., к.-калп., кирг., тат., сал. и якут. языках, видимо, имело место ассимилятивное влияние *a* первого слога на ауслатный узкий гласный. Показательно, что по этому признаку татарский язык сближается с кыпчакскими языками канглийской группы, а ногайский – с куманскими. Так называемые умляутные формы представлены в огузских языках и чувашском и, по всей вероятности, отражают древнее диалектное членение пратюркской эпохи.

Что касается заднеязычного смычно-щелевого сонанта *ŋ*, представленного в большинстве тюркских языков за исключением огузской группы и,

видимо, чувашского языка, то, по единодушному мнению тюркологов, он имеет вторичное происхождение (см., например, Рясänen, 1955, 168 и след., Щербак, 1970, 82; СИГТЯ, 1984, 339 и след.).

М. Рясänen трактует *jaŋi* как производное от *jan* «бок, сторона» + аффикс адъектива *-ki*, т.е. *jaŋi* < *jan-ki* (Räsänen, 1957, 239; 1969, 185), однако с этим мнением трудно согласиться.

Тюркское слово *jaŋi* «новый» достаточно рано проникло в монгольские языки, ср.: ср.-монг., п.-монг. *žangi* «известие», «новость»; «слухи»; «новинка»; х.-монг. *zangi* «новость, известие, весть» (БАМРС, II, 209); ойр. *žängě* «весть, известие, сообщение»; «новость» (Тодаева, 2001, 155); калм. *zāngě* «весть, известие»; «извещение, уведомление»; «заметка, статья, сообщение; корреспонденция»; *zāngě-zä* «новость, известие, весть»; *zāngčě* «вестник, гонец, глашатай»; «осведомитель, информатор»; «корреспондент» (Ramstedt, 1935, 470; Поппе, 1925, 30; Poppe, 1960, 72, 95, 137; Räsänen, 1969, 185; ЭСТЯ, 1989, 124-125; EDAL, II, 1510-1511; Эхмэтьянов, 2001, 264).

В алтаистических исследованиях тюрк. **jaŋi* «новый», чув. *s'ěně* «новый» обычно сближается с монг. **sine* «новый» в качестве прародственно-го на алтайском уровне, ср.: прамонг. **sine* «новый», ср.-монг. *šini* (HY, 6, SH), *sini* (IM), *šinā*, *šini* (MA), п.-монг. *sine* «новый» (Lessing, 1960, 711); х.-монг. *šině* «новый», «свежий»; «новшество, новаторство»; «недавно, только что, вновь» (БАМРС, IV, 359-360); бур. *šeně* «новый»; «свежий, молодой»; калм. *šině* «новый»; «свежий»; ойр. *šině* «новый» (Тодаева, 2001, 456); орд. *šine*, дунс. *šēni*, *šini*, баоань. *šine*, ш.-юг. *šēně*, дагур. *šinken* «новый», *sinke*, *sineke* «новый» (Тодаева, 1986, 184); монгор. *šeni*, *seni*, сыч. *šini*, дунс. *šini* «новый» (Тодаева, 1973, 382); в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., горл., дурб., архорч., барин., шгол., уцаб., чак. *šin*, орд. *šine* «новый» (Тодаева, 1981, 263) и т.д. (Егоров, 1964, 211; Федотов, 1996, II, 109; 2002, 279; Ramstedt, 1952, 156; 1949, 234; Grunzel, 1895, 40; Владимирцов, 1929, 109, 177, 374; СИГТЯ, 1997, 85; Старостин, 1991, 58-59, 283; Сарыбаев, 2000, 156; EDAL, II, 1510-1511).

Сближение тюрк. **jaŋi* ~ **jeni*, чув. *šēně*, каз. *žaŋa* «новый» с монг. **sine* «новый» сопряжено с рядом труднообъяснимых нетривиальных фонетических соответствий: тюрк. **j* ~ монг. **s*; тюрк. **a* ~ огуз. **e* ~ чув. *ě* (< **i* ?) ~ монг. **i*; тюрк. **ŋ* ~ огуз. **n* ~ монг. *n*. Тем не менее, наличие в монгольских языках типично тюркских по форме глагольных дериватов этого слова (ср. монг. *šinele-* «(воз)обновлять» ~ тюрк. **jaŋıl-*, чув. *šēnel-* «возобновляться»; ойр. *šinere-* «обновляться, стать новым» ~ тюрк. *jaŋır-* ~ *jaŋar-* «обновляться» и т.д.) указывает, что слово **sine* «новый» проникло в прамонгольский из какого-то древнего тюркского наречия, в котором произошло нетривиальное развитие инициального согласного **j*- (ср. пратюрк. **ǰ* у А.М. Щербака, см. Щербак, 1970, 79-81).

Подробнее см.: Поппе, 1925, 30; Владимирцов, 1929, 109, 177, 374; Ramstedt, 1935, 470; 1949, 234; 1952, 156; Рясянен, 1955, 168; Räsänen, 1957, 239; 1969, 185; Егоров, 1964, 211; Щербак, 1970, 82; Рассадин, 1971, 209; Clauson, 1972, 943-944; СИГТЯ, 1984, 339; ЭСТЯ, 1989, 125-125; Старостин, 1991, 58-59, 283; Федотов, 1996, II, 109; 2002, 279; СИГТЯ, 1997, 85; Сарыбаев, 2000, 196; Эхмэтьянов, 2001, 264; EDAL, II, 1510-1511 и др.

ЖАҢАЛА- (*žaŋala-*) «обновлять» (< *žaŋa* «новый» + аффикс глаголообразования *-la-*); ср.: др.-тюрк. *jaŋila-* «обновлять» (МК, III, 406; ДТС, 234; Clauson, 1972, 952); тур. *jenile-* «обновлять, подновлять», «починять»; «возобновлять, повторять»; гаг. *jenile-* «обновлять», *jenilen-* «обновляться»; аз. *jenile-* «обновлять»; уйг. *jeŋili-* «заменять (напр., старые части механизма новыми)»; узб. *janıla-* «(воз)обновлять»; «заменять, переменять, сменять»; к.-калп. *žaŋala-* «обновлять, менять что-либо на новое»; «делать что-либо по-новому»; кирг. *žanıla-* «обновлять»; алт. *d'aŋila-* «обновлять»; хак. *nāla-* «обновить, подновить что-либо»; «сделать заново что-либо» и т.д.

Приведенным тюркским формам в монгольских языках соответствует **sinele-* «обновлять»; ср.: п.-монг. *sinele-* «(воз)обновлять»; х.-монг. *šinēlē-* «обновлять, возобновлять»; «реформировать»; «перелицевать (одежду)»; «праздновать Цаган сар (новый год)»; «обручаться» (БАМРС, IV, 360); *šinēdē-* «оказываться новее, чем надо»; «быть слишком новым»; «оказываться новичком»; «обновляться» (БАМРС, IV, 360); бур. *šenel-* «обновлять»; калм. *šinēl-* «обновлять» и т.д.

Монгольские формы, видимо, являются тюркизмами (подробнее см. каз. *жаңа* «новый»).

ЖАҢАР- (*жаңар-*) «обновляться», «возобновляться» (< *жаңа* «новый» + аффикс глаголообразования *-(a)r-*, см. Шербак, 1981, 148-149); ср.: др.-тюрк. *jaŋar-* «(воз)обновляться» (ДТС, 233); кумык. *janуir-* «обновляться, становится свежим, новым»; «пополняться чем-либо новым»; «возобновляться»; «заменяться, переменяться, сменяться»; кар. *jaŋуir-*, *janуir-* «обновляться»; «возобновляться»; к.-балк. *жаŋуir-* обновляться, освежаться», «реставрироваться»; «возобновляться»; тат. *jaŋar-* «новеть, обновляться»; «изменяться»; «восстанавливаться»; башк. *jaŋir-* «обновляться»; «изменяться»; ног. *jaŋir-* «обновляться; освежаться»; к.-калп. *жаŋir-* «обновляться»; алт. *d'aŋir-* «обновляться»; якут. *saŋar-* «обновляться» (ЭСТЯ, 1989, 125).

Приведенным тюркским формам в монгольских языках соответствует **sinere-* «обновляться, стать новым» (Тодаева, 2001, 456); калм. *šinër-* «становиться новым, обновляться, освежаться». Монгольские формы, судя по их морфемной структуре, являются тюркскими заимствованиями (подробнее см. каз. *жаңа* «новый»).

ЖАҢАЛЫҚ- (*žanalıq-*) «новость», «новизна»: *ne žanalıq bar?* – «какие есть новости?» (< *žana* «новый» + именной деривационный аффикс *-lıq*, см. Рамстедт, 1957, 203-204; Щербак, 1977, 104 и след.); тур. *jenilik* «новизна, новость»; «новшество, обновление, реформа»; гаг. *jenilik* «новизна; новшество»; «обновка»; аз. *jenilik* «новшество, нововведение»; «новизна»; «новость, недавно полученное сообщение, известие, сведение»; «нечто новое, ранее неизвестное, новизна»; «новинка»; уйг. *jeñiliq* «новизна»; «новость, известие»; «новшество, новинка»; узб. *janıliq* «новость», «новинка»; «новшество, нововведение»; «новизна»; кумык. *janıliq* «новость, новинка, новшество, нововведение»; «новизна»; кар. *janıliq/χ* «новость»; «новинка»; к.-балк. *žanılıq* «новость», «новшество»; «нововведение»; тат. *janalıq* «новость; новшество; новизна»; «новаторство»; башк. *janılıq* «новость»; «нововведение»; «новшество, новизна»; ног. *janılıq* «новость, новинка»; «обнова, обновка»; к.-калп. *žanalıq* «новость, новинка»; кирг. *žanılıq* «новинка, новость»; чув. *šēñēlēχ* «новизна»; «новинка», «нововведение, новшество».

Приведенным тюркским формам в монгольских языках соответствует **sineleg* «новый»; ср.: х.-монг. *šineleg* «новый»; *šineleg sanā* «новизна» (БАМРС, IV, 360); ср. бур. *šinelegde-* (страд. от *šinel-*) «обновляться»; калм. *šinleg-de-* (страд. от *šinel-*) «обновляться». Тюркские и монгольские формы материально совпадают, что дает основание квалифицировать монгольские слова как тюркизмы (см. каз. *žana* «новый»).

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 108, 214, 466; 1949, 11; Räsänen, 1969, 185; Clauson, 1972, 944; ЭСТЯ, 1989, 184-186; ТМС, I, 640; Щербак, 1997, 122; EDAL, II, 1149-1150.

ЖАҢҒАК (*жаңғақ*-) «грецкий орех» < пратюрк. **јауақ* ~ **јаһуақ* «грецкий орех»; ср.: др.-тюрк., орх. (с VIII в.) *јауақ* «орех»; др.-уйг. (с VIII в.) *јауақ* «орех»; харах. (XI в.) *јауақ* «орех» (МК, I, 90, 267); чаг. (XV в.) *јаһақ* / *јаһуақ* «орех» (Clauson, 1972, 900); туркм. диал. *јаһақ*, *јаһуақ*, халадж. *јауақ*; узб. *јәһуақ*, диал. *јаһуақ*, *јаһуә*, *жаһнақ*, *жаһуақ* «орех»; «грецкий орех»; уйг. *јаһуақ* «орех», «ореховое дерево» (Малов, 1954, 154); диал. (синц., хот.) *јаһақ* «орех», (турф.) *јаһуақ* «орех» (Малов, 1961, 115); тат. (зап.-сиб.) *јаһақ* «грецкий орех» (Тумашева, 1992, 68); тат. (злат.) *јаһақ* «грецкий орех» (ТТДС, 1993, 112); к.-калп. *жаһуақ* «грецкий орех»; кирг. *жаһуақ* «грецкий орех»; «коробочка хлопка»; *жаһақ* «грецкий орех»; *qatın жаһақ* «название дерева с плодами в виде мелких продолговатых орешков (из их ядра женщины делают себе бусы)»; чаг. *јаһақ* «орех, кокосовый орех» (Радлов, III, 59) и др. (см.: Gombocz, 1912, 215; Räsänen, 1969, 186; Ramstedt, 1957, 75; Clauson, 1960, 306; MNYTESz, I, 641; Дмитриева, 1972, 165; Ligeti, 1975, 285; 1977, I, 109; ЭСТЯ, 1989, 59-60; Старостин, 1991, 78; СИГТЯ, 1997, 112).

В тюркских языках данное слово имеет лоскутный ареал распространения: оно хорошо представлено в карлукских языках; из огузских языков отмечено только в халаджском (архаичная форма *јауақ*) и туркменском, из кыпчакских языков – в казахском, каракалпакском и киргизском, в которые оно попало относительно поздно из чагатайского (или вост.-тюрк.). В зап.-сиб. и алабугат. говоры татарского языка данное слово было привнесено из Средней Азии.

В фонетическом отношении четко выделяются две формы слова: **јауақ* «орех» и **јаһуақ* «грецкий орех». Первую форму для удобства изложения условно можно назвать «древнетюркской», а вторую – «чагатайской».

Ранние древнетюркские (орхонские, древнеуйгурские, караханидские) памятники дают только форму *јауақ* «орех», форма **јаһуақ* появляется в чагатайских памятниках с XV века.

Древнетюркская форма сохранилась только в халаджском языке, однако по монгольским и венгерским материалам она восстанавливается и для прото- и древнебулгарского языков, ср.:

прототюрк. **јауақ* «орех» > протобулг. **јиуақ* → монг., ср.: п.-монг. *ји'ах* «орех» (см. Ligeti, 1975, 285; 1977, I, 109; Clauson, 1960, 306);

протобулг. **јиуақ* > др.-булг. **јиуа* > **јиуа* «орех» → венг. *gyivó* > *gyió* > *dió* «орех» (Gombocz, 1912, 215; MNYTESz, I, 641; Ligeti, 1986, 21, 25, 43 и след.).

Во всех других языках начиная с среднетюркской эпохи функционирует назализованная чагатайская форма **јаһуақ* «орех», «грецкий орех», которая, по всей вероятности, распространилась из карлукского ареала в другие классификационные группы:

1) чаг. *јаһуақ* → туркм. диал. *јаһуақ*;

2) чаг. *jaŋŋaq* → кангл.: каз., к.-калп. *žanŋaq* (ср. отсутствие слова в ногайском);

3) чаг. *jaŋŋaq* → кирг. *žanŋaq, žanŋaq* «грецкий орех»;

4) узб. диал. **jaŋŋaq ~ *janŋaq* → зап.-сиб. тат. *jaŋaq* «грецкий орех» (очевидно, с волной так называемых бухарцев) и т.д.

Были предложены различные этимологии тюрк. **jayaq ~ *jaŋŋaq* «орех». В. Банг производил данное слово из *jaŋ* «масло» + деривационный аффикс *-aq* (Bang, 1925, 15, примеч. 1); в этом случае в *jaŋaq* можно усматривать семантику «маслянистый» и трактовать *-aq* как аффикс с уподобительным значением (см. Севортян, 1966, 166 и след.). Дж. Клоусон выводит это слово из глагольной основы *jaŋ-* «выпадать (об осадках)», хотя сам сомневается в правдоподобности высказанной им версии (Clauson, 1972, 900). Такую же этимологию (? < *jaŋ-* «идти», «падать (о дожде, снеге и пр.)» + афф. *-aq*) выдвинула Л.В. Дмитриева (1972, 159). Все предложенные версии несостоятельны. Обычно специалисты исходят из древнетюркской формы *jaŋaq* и опираются на фонетические и морфологические трудности при объяснении назализованной чагатайской формы *jaŋŋaq*. Однако, видимо, следует согласиться с осторожными высказываниями составителей «Этимологического словаря тюркских языков» о возможном параллельном существовании всех вариантов данного слова, которое могло быть ранним заимствованием из какого-то пока не известного источника (подробнее см. ЭСТЯ, 1989, 59-60).

В свете рассмотренных тюркских материалов, монгольские формы, обычно рассматриваемые ортодоксальными алтаистами как генуинные с тюркским на алтайском уровне (см. Ramstedt, 1957, 75; Дыбо, 1996, 10; EDAL, II, 1006), проще и логичнее объясняются как разновременные заимствования из тюркских языков, ср.: прамонг. **žīŋaq* «грецкий орех»; ср.-монг. *žī'aŋ* (HY, 7), *žī'aq* < *žīŋaq* у Л. Лигети (Ligeti, 1977, I, 109), орд. *žāG*, монгор. *žāG* (EDAL, II, 1006) по всем критериям могут быть квалифицированы как ранние тюркские (протобулгарские) заимствования. Что касается калм. *žanŋāg* и баоань. *žanGag* «грецкий орех», то сами составители «Этимологического словаря алтайских языков» квалифицируют их как тюркские заимствования (EDAL, II, 1006). К этому ряду, видимо, примыкают и монгор. *žanŋiraG*. Все эти формы являются относительно поздними заимствованиями и являются продолжениями «чагатайской» формы *jaŋŋaq* «грецкий орех». В калмыцкий язык данное слово (ср. *janŋāG, jaŋŋāG* «грецкий орех» Ramstedt, 1935, 215, в современной орфографии *янһг* «орех») проникло из йокающих говоров чагатайской (карлукской) группы.

Тюрк. *jaŋaq* «орех» на праалтайском уровне сближается также с т.-маньчж. **naŋu-* «шишка, орех, косточка плода» (Дыбо, 1996, 10; EDAL, II, 1006), ср.: эвенк. *naŋta (naŋkta, naŋkta)* «шишка (кедровая)»; «орех (кедровый)»; эвенк. *naŋtā, naŋta* «орех (кедровый)»; «ядро»; «косточка (пло-

да)»; «семя, зерно»; ороц. *ñan'ikta* «орех (вообще)»; уд. *ñaŋta* «орех (кедровый)»; орох. *паŋи-* «колоть (орехи)»; маньчж. *ñañun* «орех (пальмовый)» (ТМС, I, 634-635), однако предполагаемая генетическая связь между тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими параллелями не столь очевидна и требует дальнейших исследований.

Подробнее см.: Gombocz, 1912, 215; Bang, 1925, 15; Ramstedt, 1935, 215; 1957, 75; Clauson, 1960, 306; 1972, 900; MNyTESz, I, 641; Räsänen, 1969, 186; Дмитриева, 1972, 165; Ligeti, 1975, 285; 1977, I, 109; 1986, 21, 25, 43; ЭСТЯ, 1989, 59-60; Старостин, 1991, 78; Дыбо, 1996, 10; СИГТЯ, 1997, 112; EDAL, II, 1006.

ЖАП (*žap*) «небольшой арык, ответвление оросительного канала» (Кайдаров, 1986, 211) < межтюрк. **jāp* «ответвление оросительного канала»; ср.: туркм. *jāp* «арык, канава»; чаг. *jar* «вырытая канава» (Радлов, III, 259); узб. *jāp* «оросительный канал»; диал. *jar*, *žar* «небольшой оросительный канал» (ЎХШЛ, 100, 126-127); к.-калп. *žar* «небольшой оросительный канал, проток»; каз. диал. *žar* «маленький арык, по которому пускают воду на посев» (КТДС, 111); кирг. *žar* «канава» (ЭСТЯ, 1989, 129; Räsänen, 1969, 187; Федотов, 2002, 458; Әхмәтъянов, 2001, 264).

Ареал распространения слова **jāp* «арык, канава» ограничен и охватывает в основном регион Центральной (Средней) Азии (туркм., узб., к.-калп., каз. и кирг. языки).

В древнетюркских письменных памятниках данное слово не обнаружено. Обычно слово трактуется как заимствование из иранских языков и сближается с хорезм. *jāb* ~ *jāp* «вода, канал» (Боровков, 1952, 186; Бартольд, 1965, III, 552; Henning, 1977, I, 403; ЭСТЯ, 1989, 129).

В «Этимологическом словаре алтайских языков» тюрк. *jāp* «канал» сближается в качестве гомогенного на праалтайском уровне с прамонг. **žab* «щель»; «промежуток, интервал»; «свободное время»; «угол рта» и т.-маньчж. **žarka* «берег»; «промежуток, щель», «близкий» (EDAL, II, 1528-1529). На самом деле прамонг. **žaba* (ср.: ср.-монг. *žaba* «расщелина в скале») «щель, промежуток, интервал» и т.п. восходит к пратюрк. **jāpa* ~ **jaba* «развилина», «развилка», «промежуток, расстояние, пространство между двумя и более пунктами, точками, предметами» и т.п. (подробнее см. каз. *žaba*, *žabsar*, *žaj*, *žajdaq*).

В кратком схематическом изложении исторические взаимоотношения между иранскими, тюркскими, монгольскими и тунгусо-маньчжурскими формами представляются в следующем виде:

пратюрк. **jāpa* ~ **jāba*, прабулг. **žaba* (← иран. **yapa*) «промежуток, расстояние, пространство между двумя и более пунктами, объектами» → прамонг. **žaba* «щель, промежуток, интервал» > х.-монг. *žaw* «щель, жерло», «скважина»; «узкая долина», «ложбина, овраг»; «досуг, свободное время» ~ *žaj* «пространство, промежуток»; «интервал, дистанция»; «расстояние между кем-чем-либо», «свободное место»; «свободное время, досуг»; «подходящий момент, удобный случай» → тюрк. *žaj* (см. каз. *žaj* «место»); якут. *žaba* ~ *jaba* «щель на лесине»; *žabaži* ~ *jabadsi* «угол рта» и т.п.; к монг. *žaba* «щель», «промежуток» восходят и тунгусо-маньчжурские формы (подробнее см. ТМС, I, 250-251).

См. каз. *жаба*, *жай*, *жайдақ*, *жапсар*.

Подробности см.: Боровков, 1952, 186; Егоров, 1964, 350; Räsänen, 1969, 187; Henning, 1997, I, 403; ТМС, I, 250-251; ЭСТЯ, 1989, 129; Әхмәтъянов, 2001, 264; Федотов, 2002, 458; EDAL, II, 1528-1529.

ЖАП- (*ǰap-*) «закрывать»; «покрывать»; «запирать, закрывать (на замок, на засов)»; «заткнуть, закупорить»; «пасти, пустить (скот)»; «закрыть, ликвидировать (учреждение)»; «заключить (в тюрьму)» < пратюрк. **ǰap-* «покрывать», «закрывать», ср.: др.-тюрк. *ǰap-* (с VIII в.), др.-уйг. *ǰap-* (с VIII в.); карах. *ǰap-* (XI в.) «покрывать»; «закрывать»; «строить, делать»; «прикладывать, приклеивать» (МК, III, 57; ДТС, 235; Clauson, 1972, 870-871); туркм. *ǰap-* «накрывать, покрывать, укрывать»; «закрывать, затворять»; «печь, выпекать»; «останавливать, ликвидировать», «кончать, закрывать»; «стукнуть, ударить»; *Gol ǰap-* «поддерживать кого-либо; покровительствовать кому-либо»; тур. *ǰap-* «делать, выполнять»; «создавать, строить, устраивать»; «чинить, починять»; «приготовлять»; «заводить, приобретать»; гаг. *ǰap-* «делать, выполнять, совершать»; «строить, создавать»; «справлять, праздновать»; «приготовлять, готовить»; аз. *ǰap-* «лепить», «прилеплять к стенкам тендира чуреки для выпечки»; «прилеплять к стене для сушки»; «создавать что-либо из пластических материалов»; «строить, построить»; «устраивать»; уйг. *ǰap-* «закрывать, закрыть, покрывать»; «накрывать»; узб. *ǰap-* «покрывать (строение) крышей»; «строить домику»; кумык. *ǰap-* «крыть, покрывать»; накрывать, укрывать»; «закрывать, затворять»; кар. *ǰap-* «закрывать, покрывать, прикрывать»; «заглушать; тушить; унимать»; «делать, мастерить»; к.-балк. *ǰab-* «закрывать»; «покрывать»; тат. *ǰap-* «крыть, покрывать»; «затворять, закрывать, запирать», «закупоривать»; «загонять»; «заключать»; башк. *ǰap-* «крыть, покрывать»; «затворять», «закрывать, ликвидировать»; «заключать»; «загонять»; «побить (в карточной игре)»; ног. *ǰap-* «покрывать, накрывать»; «закрывать, затворять»; «загонять (напр., скот в хлев)»; «окучивать»; «закрывать, ликвидировать (учреждение)»; к.-калп. *ǰap-* «покрывать, закрывать»; «затворять»; «замыкать, закупоривать»; «ликвидировать (учреждение)»; «заключать (в тюрьму)»; «печь»; кирг. *ǰap-* «крыть, покрывать, закрывать, затворять»; алт. *d'ap-* «покрывать, закрывать, затворять»; хак. *ǰap-* «закрывать, затворять»; «покрывать»; «укрывать, укутывать»; шор. *ǰap-* «покрывать; укрывать; накрывать»; «закрывать»; чулым. *ǰap-* «закрывать, покрывать» (Бирюкович, 1984, 71); кыз. *ǰap-* «покрывать, закрывать»; тув. *ǰap-* «покрывать, накрывать, накидывать»; «настилать»; «расплываться»; «охватить, заволочь, закрыть»; тоф. *ǰap-* «закрывать, накрыть, покрыть» (Рассадин, 1971, 200); як. *ǰap-* «закрывать»; «покрывать, укрывать, накрывать», «заканчивать»; чув. *ǰap-* «лепить, заворачивать пирог»; «завертывать в тесто начинку» (Räsänen, 1969, 187; ЭСТЯ, 1989, 126-127, 127-129; Doerfer, 1975, № 1775).

Слово *ǰap-* по семантическому критерию имеет два довольно четко очерченных ареала: в огузских языках и связанных с ними письменных источниках основным значением глагола *ǰap-* является «делать, строить», во всех других классификационных группах основными его значениями являются «покрывать, накрывать, закрывать». Такая ареальная дифференциация слова по семантическому признаку побуждает исследователей рас-

смагивать *jav-* «делать» и *jav-* «покрывать» как омонимы (Vámbéry, 1878, 120; Räsänen, 1969, 187; ЭСТЯ, 1989, 126-127, 127-129). Между тем Дж. Клаусон вполне обоснованно считает *jav-* полисемантическим глаголом, объединяющим такие значения, как «делать, строить, сооружать» и «покрывать, закрывать, склеивать» (Clauson, 1972, 870-871). В огузских языках относительно давно произошло семантическое развитие «покрывать, закрывать», «завершать» > «делать, строить». Показательны такие значения, как аз. *jav-* «лепить, создавать что-либо из пластических материалов», др.-тюрк. «прикладывать, приклеивать»; *išlär ötmäk japti* «женщина прилепила лепешку (к стенке тандыра)» (МК, III, 57); *er tam japti* «мужчина возвел стену» (МК, III, 57), очевидно, «вылепил стены глинобитного дома»; чув. *kuGäl' šup-* «лепить пирог», «делать пироги» и т.п., которые, на наш взгляд, указывают на исходное значение «лепить (из глины)», т.е. «делать (лепную глиняную посуду)». Очевидно, глагол *jav-* «прилеплять», «лепить» первоначально служил технологическим термином в среде гончаров и там же развилось вторичное значение «делать (горшки)». Технология лепной керамики заключается в приклеивании // прилепливании предварительно заготовленных глиняных жгутов друг к другу в спиральном порядке. Отсюда проясняется давно дискутируемая в этимологической литературе возможность изначальной связи глаголов *jav-* «покрывать» и *jav-* «приклеивать» (ср. каз. *žapsır-* «облепить»; «заклеить»). Во всяком случае, многочисленность производных форм указывает на длительную историю слова *jav-* в тюркских языках.

В алтаистических исследованиях тюрк. *jav-* «делать», «покрывать» сближается с разными монгольскими и тунгусо-маньчжурскими словами (см. Ramstedt, 1935, 81: *daya-*; 1936-1937, 14; 1949, 23: **zaya-* < **zafa-*; Poppe, 1926, 105; *niya-*; Murayama, 1958, 224; EDAL, II, 971: *nebseji-* и т.д.). Все эти сближения требуют подробного анализа с привлечением широкого круга эмпирического материала.

Б.Я. Владимирцов сопоставляет с тюрк. (уйг., осм., ком.) **jav-* «делать», орх. *jabyu* «правитель, название высокого чина», а также осм. *japaq* «жеребенок-сосунок» с п.-монг. *daya-*, х.-монг. *dā-* «сносить, выдержать, поднять, брать на свою ответственность»; «брать (о ноже и т.п.)»; «исполнять (обязанности)»; п.-монг. *dayamal*, х.-монг. *dāmāl* «начальствующий», «ответственное лицо, заведующий, правитель-заведующий поколением»; п.-монг. *dayayan*, х.-монг. *dāyā* «жеребенок по второму году» (Владимирцов, 1929, 208).

Надо отметить, что у Б.Я. Владимирцова необоснованно объединены в одну группу как генуинные три разных слова: *daya-* «сносить, выдержать»; *dayamal* (<*daya* < кит. + *-mal*) «начальствующий» (ср.: п.-монг. *da*, х.-монг. *dā* ~ *da* «главный, старейший, большой, великий» < кит. *da*; х.-монг. *dā lamā* «да лама, старший лама, название одного чина в буддийских монастырях» – Владимирцов, 1929, 246) и *dayayan* «жеребенок (по второму году)», которые имеют различное происхождение.

Г.И. Рамстедт сближает тюрк. *jaр*- «делать» с монг. **daya*- «быть в состоянии поднимать тяжесть, груз» (Ramstedt, 1935, 81), ср.: х.-монг. *dā*- «быть в состоянии поднимать тяжесть»; «выдерживать тяжесть»; «осилить»; «выносить, терпеть, выдерживать (напр., холод)»; «переносить, сносить (напр., обиду)»; «быть терпеливым, невозмутимым»; «справляться с трудностью»; «посильный»; «резать (о бритве)»; «ручаться»; «брать, принимать на себя ответственность»; «отвечать»; «исполнять должность, поручение»; «рекомендовать, давать рекомендацию»; «брать шефство»; «помогать»; «гарантировать» (БАМРС, II, 7); бур. *dā*- «быть в состоянии (или суметь) поднять что-либо»; «брать (или принимать) на себя»; «заниматься чем-либо»; «исполнять, выполнять что-либо»; «иметь в своем ведении, ведать чем-либо»; «выдерживать, сносить, переносить»; ойр. *dā*- «быть в состоянии поднять что-либо, выдерживать»; «терпеть»; «брать, резать (о ноже)»; «брать на себя ответственность, править» (Тодаева, 2001, 110); калм. *dā*- «ручаться, брать (принимать) на себя ответственность»; «гарантировать»; «быть в состоянии поднимать тяжесть»; «выдерживать (груз)»; «выносить, терпеть, выдерживать (обиду, холод и т.п.)»; «резать (острым режущим инструментом)»; дагур. *dā*- «брать (принимать) на себя»; «заниматься»; «ведать чем-либо»; «выдерживать, переносить» (Тодаева, 1986, 134); монгол. *dā*- «выносить, терпеть»; «быть в состоянии поднимать тяжесть», «всходить»; могор. *dā*-, дунс. *da*- «тж.» (Тодаева, 1973, 326); в говорах Внутренней Монголии: *dā*- «быть в состоянии поднимать тяжесть»; «ручаться»; «брать, принимать на себя ответственность»; «выносить, терпеть, выдерживать (напр., холод, обиду)»; «резать (о ноже)» (Тодаева, 1981, 139). Это сопоставление Г.И. Рамстедта малоубедительно из-за семантических трудностей. Видимо, поэтому авторы «Этимологического словаря алтайских языков» при монг. **daya*- «терпеть, подчиняться, принимать ответственность» о тюркских сближениях вообще не упоминают (см. EDAL, II, 1346), а монг. **daya*- «резать (о ноже, пиле)»; «режущая способность» выделяют как самостоятельное омонимичное слово и сближают его с тюрк. **dogra* «резать ломтиками, кусочками» (ср. каз. *tūwra*- «крошить, резать на мелкие куски, напр., мясо») (EDAL, II, 1348).

Однако приведенный выше ряд внутримонгольских соответствий показывает, что для выделения в монгольском двух самостоятельных слов **daya*-I «терпеть» и **daya*-II «резать» нет никаких объективных оснований (несмотря на то, что в монгольской лексикографии относительно далеко разошедшие семантические филиации одного и того же слова подаются в качестве омонимов и оформляются в виде самостоятельных словарных статей, см., напр., БАМРС, II, 7, где слову *dā*- посвящены аж даже четыре словарные статьи). В основе семантики монгольского глагола *dā*- (не смешивать с субстантивом *dā* «великий, большой», «главный», «начальник», «руководитель», «старшина» ← кит.) лежит идея «быть способным выполнять свое предназначение», что в отношении режущих инструментов реализуется в семеме «быть способным резать (не притупляясь)». Таким обра-

зом, не смотря на то, что в некоторых монгольских языках и проявляются значения «исполнять, выполнять (свои обязанности)» (бур.), монгольский глагол **daya-* не может быть генуинным с тюрк. *jav-* «делать» и, тем более, с *jav-* «присоединять», «накрывать», «закрывать» и т.п.

В другой работе Г.Й. Рамстедт сближает с монг. **ḡaya* < **ḡafa-*, сохранившемся, якобы, в калм. *zāldu-* < **zāldu* «хватать друг друга, быть соединенным» (Ramstedt, 1949, 23-24); ср.: х.-монг. *zā-* < п.-монг. *ḡaya-* «указывать, показывать» (Владимирцов, 1929, 399): ср. калм. *zāldā-* (взаимно-совм. от *zā-*) «показывать, указывать друг на друга»; *zā-* «указывать, показывать»; «учить, наставлять»; далее ср.: ойр. *zā-* «указывать, показывать»; «объяснять»; «обучать, наставлять»; «объявлять, оглашать» (Тодасева, 2001, 147); х.-монг. *zā-* «показывать, указывать, тыкать, начертать»; «учить, преподавать, наставлять»; «судить, разбирать дела» (БАМРС, II, 191); *zāldā-* «судиться, иметь с кем-либо тяжбу, вести тяжбу»; «тягаться» (БАМРС, II, 190); бур. *zā-* «указывать, показывать»; «преподавать, обучать», «учить»; «жаловаться»; «подавать жалобу»; «доносить»; *zāldā-* «показывать, указывать (друг на друга)»; «жаловаться (друг на друга)»; «вести тяжбу» и т.п., которые в семантическом отношении также не имеют ничего общего с тюрк. *jav-* «делать»; «покрывать» и т.п. Наоборот, если одно из переносных значений тюркского *jav-* в юридическом аспекте означает «скрывать, прикрывать вину» или же «заключать в тюрьму», то в монгольских языках слово *zā-* функционирует в значении «жаловаться», «подавать жалобу». Но в любом случае явно вторичные и совершенно новые «юридические» значения анализируемых слов не могут быть спроецированы на праалтайский диахронический уровень.

В «Этимологическом словаре алтайских языков» тюрк. *jav-* «покрывать»; «закрывать (дверь)» сравнивается с прамонг. **nebseji-* «быть широким и длинным (напр., о ткани)» (EDAL, II, 971); ср.: п.-монг. *nebseji-* (Lessing, 1960, 567); х.-монг. *newsij-* «быть взлохмаченным, взерошенным»; «быть широким и длинным (напр., об одежде)» (БАМРС, II, 437); бур. *nebši-* (без определения семантики), ср. бур. *нэбшы-* (*nebšěj-*) «быть во множестве»; «скапливаться»; «тянуться сплошной стеной (о тайге)». Соответствия из других монгольских языков не приводятся. К бурятскому слову ради уточнения семантики можно привести еще бур. *nebšějige-* (орф. *нэбшылгэ-* (допуст. от *nebšěj-*) «складывать рядами (или сплошной массой)»; ср. также бур. *nebtě* «сквозь»; «насквозь, напролет»; *nebtěl-* «пронизывать»; «промачивать насквозь»; «проходить насквозь»; *nebtěr-* «проходить насквозь»; «просачиваться, впитаться»; «внедряться, распространяться, проникать» и др. производные от **nebe-* формы.

Сюда же примыкают велярные монгольские варианты, такие, как х.-монг. *nawsāj-* «быть в лохмотьях», «иметь оборванный вид»; «лохматиться»; «носить длинную широкую одежду»; «носить одежду слишком большого для себя размера»; «быть коротеньким, куцым (о платье)» и т.п.

(см. БАМРС, II, 382); *nawšij-* «становится приплюснутым, сплющиваться»; бур. *nabšāj-* «становится плоским»; «становится тонким (или тощим)»; «вянуть (напр., о траве)» и т.п., которые однозначно указывают на отымитативное происхождение данных слов. Отсутствие данного слова и его фонетических вариантов в других монгольских языках (за исключением х.-монг. и бур.) также вызывает серьезные возражения по поводу его проецирования не только на праалтайский, но и даже на прамонгольский уровень.

Ко всему прочему, никаких объективных семантических взаимосвязей между тюрк. *jaр-* «делать»; «покрывать» и монг. **nebseji-* // **nabsaji-* «быть взлохмаченным»; «быть широким и длинным» и т.п. не обнаруживается. Следовательно, все представленные ортодоксальными алтаистами в качестве гомогенных на праязыковом уровне монгольские формы не выдерживают серьезной филологической критики. Все эти сближения появились только в результате предвзятого желания алтаистов традиционного толка обнаружить как можно больше тюркско-монгольских (и тунгусо-маньчжурских) параллелей для подтверждения априорной гипотезы о первоначальном генетическом родстве тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и других языков, причисляемых к так называемой (макро)семье алтайских языков. Можно было бы продолжить обсуждение предвзятых гипотез о родстве тюрк. *jaр-* «делать»; «покрывать» и т.п. с так называемыми генуинными формами из монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского, японского и др. языков, но это не дает ничего нового для серьезной науки, так как все эти сближения (!), как ни странно, предприняты без всякого филологического объяснения природы и истории слов внутри отдельных (тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и т.д.) языковых семей.

Подробнее см.: Vámbéry, 1878, 120; Poppe, 1926, 105; Владимирцов, 1929, 208, 246, 399; Ramstedt, 1935, 81; 1936-1937, 14; 1949, 23-24; Murayama, 1958, 224; Räsänen, 1969, 187; Рассадин, 1971, 200; Clauson, 1972, 870-871; Doerfer, 1975, № 1775; ЭСТЯ, 1989, 126-127; 127-129; EDAL, II, 971, 1346, 1348.

ЖАПАЛАҚ (*žapalaq*) «сова»; ср.: др.-тюрк. (ябгу, емек.) (XI в.) *jara qulaq* (МК, II, 56); *jabaqulaq* «сова» (МК, III, 56, ДТС, 221); чаг. (XV в.) *ja-palaq*; куман. (XIV в.) *jabalaq*, кыпч. (XIII в.) *jabalaq*; осм. (XVI в.) *japalaq* «сова» (Clauson, 1972, 875); тур. *japalak* «зоол(огический) вид филина (*Bubo maximus*)»; тур. диал. *japalaq* «филин»; *japlaq* «филин»; *körjapalaq* «филин» (букв. «слепая сова»); аз. *japalaG* «филин (род птиц из отряда сов)»; аз. диал. *japalaḫ* «сова»; узб. *japaləqqiṣ* «сова»; диал. *japalaq*, *žapalaq* «сова»; уйг. *japilaq*, *qa(r)ya japilaq* «сова», *miṣiq japilaq* «филин»; *sačqan japilaq* «летучая мышь»; ср.: лобн. *japal qolaq* «оттопыренные уши» (Малов, 1956, 118); кумык. *jabalaq* «филин»; тоб., каз(ан.=тат.), крым.=тат. *jabalaq* «сова»; тоб. *ükü jabalaq* «филин»; каз(ан.=тат.) *mäci başi jabalaq* «филин, сыч» (Радлов, III, 277); тар. (= уйг.), чаг. *japalaq = jabaqulaq* «сова» (Радлов, III, 262); (к этому замечанию В.В. Радлова следует добавить (из его Словаря) уйг. и чаг. *jaba~jawa* «беспольный, бесценный, напрасный», которые имеют непосредственное отношение к этимологии данного слова); кумык. *jabalaq* «филин»; к.-балк. *žabalaq* «вешний снег», «снег хлопьями»; *žazu žabalaq* «весенняя непогода»; *žabalaq* «взломаченный, лохматый»; тат. *jabalaq* «сова»; башк. *jabalaq* «филин»; башк. диал. *jabalaq* «несообразительный»; *jabalaq küz* «лупоглазый» (ДСБЯ, 2002, 105); ног. *japalaq* «сова», «сыч», «филин»; *māpi japalaq* «порода маленьких сов» (ср. также ног. *japalaq* «кудрявый, мохнатый, лохматый»; *japalaq terek* «кудрявое дерево»; *japalaq-japalaq bolıp qar jawadı* «снег идет большими хлопьями»); к.-калп. *žapalaq* «сова»; кирг. *žapalaq* «сова» (ср. также кирг. *žapalaqta-* «падать хлопьями»; *žarañ-žirañ* «хлопьями»); алт. *jabalaq*, *jabañ qulaq* «сова» (Вербицкий, 1884, 65); бар. *japqulaq* (< *jap* + *qulaq*) = *japalaq* «сова» (Радлов, III, 267); койб. *jabā* (= *jabalaq*, *japqulaq*, *jabā-qulaq*) «сова» (Радлов, III, 274) и др. (см. ЭСТЯ, 1989, 129; СИГТЯ, 1997, 170).

Показательно, что из тюркских языков слово отсутствует (за исключением поздних включений в тур. и аз.) в огузских; болгарских и северо-восточных языках, а также в части юго-западной (куманской) группы кыпчакских языков.

Данное слово несомненно является относительно новой (но не позднее X-XI вв.) инновацией в тюркских языках, появившейся в качестве табуистического наименования птицы (Menges, 1955, II, 28; Әхмәтъянов, 2001, 260).

Что же касается значения «снег хлопьями», «пушистый снег» и т.п., то оно является переносным и возникло в результате сравнения пушистого снега, падающего крупными хлопьями с очень мягким, рыхлым оперением совы (благодаря чему полет у сов бесшумный). Не исключена также контаминация с омонимичным *japalaq* «плоский» (см.: ЭСТЯ, 1989, 130; Әхмәтъянов, 2001, 260; EDAL, II, 867).

Существует несколько версий этимологического объяснения слова **japalaq* «сова». К. Менгес объясняет это слово как результат гаплогонии

jabaqu qulaq < *jabaqu* «прядь шерсти, сбившаяся, свалывшаяся шерсть», «сбитый в войлок волос» + *qulaq* «ухо, уши», то есть «(птица) с ушами из сбившихся волос», «(птица) с ушами в виде свалывшихся волос»; при этом он считает, что это табуистическое наименование птицы (Menges, 1955, II, 28).

М. Ряснен приводит такие межтюркские соответствия: ср.-тюрк. *japa-qulaq* (*jaba-qulaq* по К. Брокельману, см. Brockelmann, 1928, 71) «сова», койб. *jarā-qulaq*, хак. *čaba-χulaχ* «сова», шор. *šaba-qulaq*, бар. *jar-qulaq*, куман., крым., каз., тоб., кумык. *jabalaq*, чаг., тар. *jaralaq*, балк. *zabalaq*, МА *jabalaq*, *jablaq*, каз. *žapalaq* «сова» и выводит их, правда, под вопросом, из *jaraq* «шерсть» + *qulaq* «ухо» (Räsänen, 1969, 187).

Дж. Клоусон предполагает, что *japaqulaq* «сова» представляет собой отглагольное имя, образованное от глагольной основы, восходящей к племенному названию *jaraq* (см. *jabaqu* в ДТС, 221), и означает «болезнь» или «птица», характерные для страны Япаку (Clauson, 1972, 875). Версия Дж. Клоусона, несмотря на оригинальность, кажется натянутой. Многие исследователи поддерживают этимологию, предложенную К.Г. Менгесом и М. Рясненом (Brockelmann, 1954, §77; ЭСТЯ, 1989, 129; Doerfer, 1975, №1774; Eren, 1999, 441; СИГТЯ, 1997, 170: < *jaraq* *qulaq* «с мохнатыми ушами» и т.д.).

Оригинальную идею в последнее время высказал Р.Г. Ахметьянов. Он рассматривает дифференцированно *jabalaq* «сова» и *jabalaq qar* «снег хлопьями»: тат. диал. (сиб.) *jarulaq*, *jarqulaq* (ср. *jarqōlaq* «сова», см. Тумашева, 1992, 69), каз. *žābā qūlaq*, хак. *čaba χulaχ*, др.-тюрк. (МК) *jabaqulaq* «сова» он выводит из *jaba qulaq*, где, по его мнению, *jaba* восходит к тюрк. *jabaj* «дикий, одинокий» (~ тат. диал. сиб. *jabaji* «дикая рожь», ср. *jabaji* «растения из злаковых, выросшие из осыпавшихся зерен», см. Тумашева, 1992, 63; башк. *jabaj* «простой», «маленькие и выносливые лошади вятской и башкирской породы», каз. *žap*, *žaba*, *žabaji* «простой, примитивный», «дикий, одичалый», *žābā*, кум., ног. *jabau*, *jābā* «порода мелкой лошади, одичалая лошадь, дикая лошадь» [ср. кумык. *jabu* «кляча» (Ж.Т.)], и словосочетание *jabaj qulaq*, ставшее названием совы, он объясняет как «(птица) с ушами, похожими на уши диких лошадей», которое было дано птицам из отряда совиных из-за имеющихся у них маленьких (как и у диких лошадей) ушек, состоящих из перьев. В составе *jabalaq qar* «снег хлопьями» первый компонент, по мнению Р.Г. Ахметьянова, идентичен каз., к.-калп. *žapalaq*, *žalpalaq*, кумык. *jaralaq* «плоский, тонкий, мягкий (о снеге)», мар. *jaflak* «тонкий»; «масленок (гриб)» и ст.-тат. *jabalaq*, *jalpalaq* «тонкий, плоский» (см.: Ахметьянов, 2001, 260).

Автор данной этимологии исходит из предположения о том, что в кыпчакских степях в древности водились дикие лошади небольшого телосложения, с маленькими ушами, с очень густой гривой и хвостом (наподобие снопа). Тем не менее, трудно себе представить, почему древние тюрки наросты перьев на ушах совиных птиц уподобляли именно ушам диких

лошадей или куланов. Надо заметить, что у многих видов птиц из отряда совиных на голове не имеются так называемые «ушные» пучки перьев, к «ушастым» совам относятся в основном только филины.

Птицы из отряда совиных получили наименование *jaba qulaq* (ср. также алт. *jabañ qulaq*, шор. *šabañ qulaq*), скорее всего, не по форме ушей, а по специфическим особенностям их слуха. Хорошо известно, что все птицы из отряда совиных отличаются очень развитым слухом (главным образом в сверхзвуковых частотах). Благодаря этому, многие совиные птицы подпускают к себе на очень близкое расстояние, что создает иллюзорное представление о якобы плохом развитии слуха у сов. В связи с этим сложились представления о «глупости» сов (ср. чув. *tāmāna* «сова», а также «болван, оболтус, олух, бестолочь»; «глупец», «глупый, бестолковый»). Это дает определенные основания для сближения первого компонента в тюркском названии совы *jaba(n) qulaq* с общетюркским *jaman* ~ *jabal* «плохой», «худой», «скверный», отсюда *jaba qulaq* «плохой слух», т.е. «(птица) с плохим слухом». Что же касается фонетических нюансов, то весьма показательным соотношением двух форм этого слова *jaman* и *jabal*. В случае с *jaman*, очевидно, медиальный назальный согласный *-m-* развился из **-b-* (то есть **jaban* > *jaman*) под влиянием конечного аффиксального *-n*, а в случае *jabal* медиальный *-b-* сохранился в первоначальном виде, так как не было условий для его назализации (ср. аффиксальный *-l*). Соотношение двух форм – *jaman* и *jabal* «плохой» и т.п. – показывает, что в основе этих дериватов лежит некая (именная или глагольная) основа **jab(a)*, несущая в себе семему «плохой»; «худо, зло» и т.п.

Следовательно, есть все основания утверждать, что слово **japalaq* ~ каз. *žapalaq* «сова» является собственно тюркским образованием и сложилось оно в результате гаплогонии двусоставного выражения **jaba(n) qulaq* «плохой (дурной, слабый) слух», то есть «птица со слабым слухом».

Аналогичное тюрк. *jabalaq* название совы встречается в некоторых монгольских языках, ср.: х.-монг. *jawlag* «сова»; *jawlag yalū* «разновидность чайки» (БАМРС, IV, 454), которое несомненно является поздним заимствованием из тюркских языков (Ramstedt, 1915-1916, 68).

Подробнее см.: Menges, 1955, II, 28; Brands, 1974, 132-133; 1975, 264; Räsänen, 1969, 187; Clauson, 1972, 875; Doerfer, 1975, №1774; ЭСТЯ, 1989, 129; СИГТЯ, 1997, 170; Eren, 1999, 441; Эхмэтьянов, 2001, 260; Ramstedt, 1915-1916, 68.

ЖАПСАР (*žapsar*) «место соединения двух предметов (особенно двух частей юрты)»; «стык», «место стыковки составных частей посуды и других предметов»; «пространство между порогом и передней почетной частью (*məp*) юрты»; «граница между странами, родовыми подразделениями, аулами» (см. ҚТТС, III, 664); «кошма, обитая красной материей, которая положена между верхним покровом и палками крыши» (Радлов, IV, 56), т.е. «место соединения кошм, укладываемых на купол юрты (*üzük*) и кошм, которыми покрываются стены юрты (*kerege*)»; ср. соответствия в других тюркских языках: в письменных памятниках домонгольской эпохи и в огузских языках не представлено; зафиксировано в некоторых современных тюркских языках: уйг. *žapsar* «место соединения, соприкосновения двух плоских предметов» (ср. также уйг. *žipsa* «соединенный, сомкнутый»; *žipsa kältur-* «подогнать полотно», «плотно приложить друг к другу»; узб. *žips* «плотно, вплотную, тесно» ?); уйг. *žapsar* «соединенный, сомкнутый»; *žapsarli-* «подогнать, соединить вплотную два плоских предмета» (в семантике явно прослеживается контаминация с *žap-* «покрывать», исходящая, скорее, от составителей словарей); уйг. (хам.) *Japsar* «место около Хотун-Тама» (Малов, 1954, 154); кумык. *japsar* «щель, щелка, паз, скважина»; «полукровка, помесь, метис, гибрид» (то есть вид, сорт, занимающий промежуточное, переходное, смежное положение. – Ж.Т.); ? тат. диал. *žapsar* «ворох сена» (ТТДС, 1969, 566); «ворох сена на один подъем» (ТТДС, 1993, 411); ? башк. диал. *japsarla-* «быть радушным» (ДСБЯ, 112) (в смысле «иметь меж собой хорошие взаимоотношения» ? – Ж.Т.); ног. *japsar* «граница»; «соприкасающаяся сторона»; «стык, место соединения предметов»; «щель между досками забора»; *japsarlas* «смежный, соприкасающийся» (ср. каз. *žapsarlas* «смежный; находящийся в соединении с чем-либо» – Ж.Т.); к.-калп. *žapsar* «стык (место соединения предметов)»; «боковая сторона (юрты)»; *on žapsar* «правая сторона (юрты)»; *sol žapsar* «левая сторона (юрты)»; кирг. *žapsar* «прикрытие»: *taštın žapsırına qojdu* «он спрятал под камень» (вернее: «между камнями». – Ж.Т.); «край *üzük'a*, заходящий сзади за *türлуq*» (то же, что и в казахском. – Ж.Т.); «мешочек, сшитый из лоскутков разноцветной материи» (к семантическому развитию ср. каз. *qurama* «лоскутное одеяло» < *qur-* «соединять», «собирать», «состыковывать», «складывать». – Ж.Т.); алт. *japsar* (Радлов, III, 271; Räsänen, 1969, 189) «бесчестный» (то есть «двойственный», «находящийся между двумя мнениями». – Ж.Т.); тув. *čapsar* «перерыв, перемена»; «антракт».

В тюркских языках слово *japsar* «промежуток», «стык» имеет узкоарельный характер и представлен, главным образом, в уйгурском и части кыпчакских языков; оно является среднемонгольским заимствованием, ср.: ср.-монг. *žabusar*: ~ *süeni* «полночь» (букв. «середина ночи»); *žabsar* «промежуток» (НУ, 6; Поппе, 1938, 199-200); п.-монг. *žabsar* «промежуток, скважина, пространство, промежуток между делами» (Владимирцов, 1929, 259); *žabsar* «щель», «промежуток» и т.п. (Lessing, 1960, 1019); х.-монг.

zawsar «щель», «промежуток», «зазор»; «лазейка»; «пустое пространство между чем-либо»; «интервал»; «перерыв», «пауза»; «момент (о времени)»; к семантике ср. производные формы: *zawsarda-* «образовать промежутки, иметь промежутки между собой»; «пользоваться случаем»; «оказываться ни там, ни сям»; «оказываться без дела»; «портиться, ухудшаться (об отношениях)»; «отдаляться»; *zawsarla-* «делать щель, раздвигать»; «разделять что-либо, разделяться»; «делать перерыв, паузу, антракт, перемену» (подробнее см. БАМРС, II, 193-194); бур. *zabhar* «промежуток, интервал»; «пустое пространство»; «щель»; «перерыв»; «пауза»; «момент (о времени)»; *zaj-zabhar* «промежуток, интервал, расстояние между кем-чем-либо»; калм. *zawsār* «промежуток, интервал»; «пустое пространство»; «перерыв»; «пауза» (см. также Ramstedt, 1935, 468); орд. *žabsar* «промежуток» и т.п.; в наречиях Внутренней Монголии: хорч., горл., архорч., бар., онн., найм. *žabsar*; джал., дурб. *žabtar*, хеш., харч., тум., чак., орд. *žawsar*, шгол. *zawsar* «щель», «промежуток», «пустое пространство между чем-либо»; «перерыв, пауза»; «момент (о времени)» (Тодаева, 1981, 152); ш.-юг. *žabsar* «тж.»; монгор. *žabsar*, *čabsar* «тж.» (SM, 75, 441); ойр. *zawsar* «промежуток», «перерыв»; *zawsarla-* «делать перерыв»; «отдыхать» (Тодаева, 2001, 148).

Ограниченный ареал распространения в тюркских языках, морфологическая нечленимость на тюркской языковой основе, отсутствие данного слова в ранних (домонгольских) письменных памятниках и другие факторы свидетельствуют о монгольском происхождении данного слова. Однако в основе прамонгольского **jabisar* несомненно лежит пратюркское заимствованное слово **jār* «свободное, пустое пространство, промежуток, расстояние между двумя (и более) пунктами, объектами, предметами» и т.п. (см. каз. *жаба*, *жай*, *жайдақ*, *жан*).

В этимологических штудиях по тюркским и монгольским языкам данная словоформа встречается крайне редко (Владимирцов, 1929, 259: п.-монг. *žab* «свободное время, досуг, случай»; Ramstedt, 1935, 462, 468; ТМС, I, 241, 251; Будагов, 1979, 34, 146; Аникин, 2000, 209; EDAL, II, 1528-1529).

ЖАПЫР- (*žapır-*) «придавить, помять»; повалить так, чтобы вещь легла на землю (о растении)); «разбить врага наголову»; «измять траву»; «оттеснить врага»; *žapırıl-* «быть придавленным, помятым, поваленным (о траве)» < пратюрк. **japir-* «придавить», «приплющить»; ср.: др.-тюрк. *japir-* карах. (XI в.) *japir-* «делать гладким, выравнивать» (МК, III, 67; ДТС, 236; Clauson, 1972, 879; Дж. Клоусон объединяет два самостоятельных глагола: отыменный глагол *ja-pur-* «выравнивать» и понудительную форму от *ja-p-* «покрывать, укрывать, утаивать»); туркм. *ja-pir-* «опускать вниз»; «косить, губить, уничтожать»; тур. диал. *ja-pir-* (в составе *ja-piri* «большой и плоский») «уплощать, сделать плоским»; ? узб. *ja-pir-il-* «сгрудиться, набрасываться», «набрасываться толпой, скопом»; «нахлынуть»; ? кар. *ja-pir-* «покрывать»; «умерять, усмирять»; «прощать, извинять»; «покрывать (виновность, грехи)»; тат. *ja-bır-ıl-* «бросаться», «набрасываться», «накидываться»; «налетать, нагрязнеть»; каз(ан.-тат.) *ja-bır-* «темнеть, наступать (о сумерках)» (Радлов, III, 280); *žabır-* «тж.» (Радлов, IV, 58); башк. *ja-bır-il-* «бросаться, набрасываться (напр. на еду)»; «налетать», «нагрязнеть»; ног. *ja-pir-* «мять, сминать»; «разрушать»; к.-калп. *žapır-* «сваливать, валить»; «пригибать к земле (напр. траву ветром)»; «мять, смять»; кирг. *žapır-* «свалить, склонять, пригибать к земле (напр. траву – о ветре)»; «совершать нашествие, массовый набег»; «нахлынуть ринуться массой»; койб., кач. *d'abır-* «сделаться низким»; тел. *d'abır-* «трогать, оскорбить» (Радлов, III, 280); хак., саг. *čabır-* «придавить, утрамбовать»; «снизить»; «унизить»; саг. *čabır-* «унизить, сделать низким» (Радлов, III, 1931); тув. *čawır-il-* «наседать, оседать»; «униматься, затихать»; «спадать, понижаться»; «смягчаться» (Räsänen, 1969, 176; ЭСТЯ, 1989, 16-17).

Слово представлено в части кыпчакских языков (за исключением куманских), а также в хакасском и тувинском языках; в узбекский и туркменский оно проникло из кыпчакских языков канглийской ветви. Показательное его отсутствие в большинстве огузских и карлукских языков.

Производящей основой *ja-pir-* является, вероятно, имя **ja-p* «плоский», от которого с помощью аффикса *-ir-* в переходном и непереходном значении образовался глагол *ja-pir-* «придавить, приплющить» (Севортян, 1962, 255). Производящая основа *ja-p* «плоский» выделяется в составе следующих производных: тар. *ja-p-čiq* «плосконосый» (Радлов, III, 271) (*-čiq* – уменьшительный аффикс при именной основе); чаг., тар. *ja-p-alaq* «плоский, приплюснутый» (Радлов, III, 262); туркм. *ja-pbaš-* «сплющиваться» (< *ja-plaš-*) и др.

В тюркских языках представлена также омоформная глагольная основа *ja-p-* «придавить», «сплющивать», которая выделяется в составе таких производных, как кирг. *žapırız* «низкий, приплюснутый»; алт. *d'abis* «низкий», аз. *ja-pıq* «плоский, приплюснутый», *ja-pıq-* «плющиться, сплющиваться, слеживаться» и др. (подробнее см. ЭСТЯ, 1989, 16-17).

Г.Й. Рамстедт с колебаниями приводят в одном ряду калм. *darčā* «низкого роста», «карлик (о людях и животных)», монг. *dabča, dab'ža* «тж.» (→ алт. *tarčī* «скупой») и тюрк. *ja-bız* «низкий (о росте, величине)» (см.

Ramstedt, 1935, 77); ср.: х.-монг. *dawžā(n)* «недоросль»; «неуч»; «мелкий, маленький»; «недоразвитый; малорослый, карликовый»; *dawžār-* «уменьшаться»; «становится мелким, недоразвитым»; *dawžādā-* «быть мелким, недоразвитым»; «задержаться в росте» (БАМРС, II, 9).

Тюркские слова в основном развивают идею «придавить к земле, помять, сделать низким», а монгольские – «недоразвитый, малорослый, карликовый». Поэтому нет достаточных оснований для сближения тюрк. *japır-* «придавить, помять»; *japız* «низкий» и т.п. с монг. *dawžā(n)* «недоросль», «недоразвитый» и т.п.

Более приемлимой представляется предлагаемое Б.Я. Владимирцовым сближение: п.-монг. *dajiri-* ~ *dayari-* < **dawiri-* «задеть, зацепить, заезжать, завернуть, нападать, оскорблять», п.-ойр. *dajiri-*, х.-монг. *dajēri-*, баит. *dawēr-*, захач. *dāwr-* «тж.» ~ тюрк.; тел. *žabır-* «трогать, оскорбить»; каз(ан.-тат.). *žabırıl-* «накинуться, наброситься», кир. (= каз.) *žapır-* «измять траву», «оттеснить врага» (Владимирцов, 1929, 271). Однако следует отметить, что приведенные Б.Я. Владимирцовым формы при ближайшем знакомстве являются ранними тюркскими заимствованиями, ср.: прамонг. **daya-ri-* «проходить мимо», «задевать»: ср.-монг. *da'ari-*, п.-монг. *dayari-* (Lessing, 1960, 218); х.-монг. *dajra-* «нападать, налетать, набрасываться, накидываться»; «атаковать, штурмовать, пойти на приступ, на штурм»; «вторгаться»; «задевать, давить кого-что-либо»; «зацепляться»; «(при)касаться»; «толкать, толчком опрокидывать»; «попасться, встретиться; испытывать; проходить»; «болеть, быть разбитым параличом»; «заходить, заезжать попутно»; «оскорблять, задевать, колоть, уязвлять (словами)» (БАМРС, II, 21-22); бур. *dajrā-* «задевать; толкать»; «заходить (заезжать) попутно»; «оскорблять, задевать, уязвлять (словами)»; ср. *dajlā-* «воевать, идти войной»; «буянить, скандалять», *daj(n)* «враг, неприятель»; ойр. *dāwērē-* «нападать, атаковать, вторгаться»; «заходить, заезжать, попутно зайти куда-либо» (Тодаева, 2001, 119); калм. *dāwēr-* «нападать, вторгаться, атаковать»; «давить»; «оскорблять, задевать, уязвлять (словами)»; «быть разбитым параличом»; «заходить (заезжать) попутно»; монгол. *dāri-* «давить, жать, придавливать, подавить» (Тодаева, 1973, 327). Г.Й. Рамстедт также сближает калм. *dā:r-* «попасть, постигать, наступать, встретить, схватить» (нем. *treffen*), «толкать»; «придвигать»; «примыкать» (нем. *an-stossen*); «обижать, оскорблять»; «прибывать»; «происходить, случаться, совершаться» (синон. *dāwēr-*), монг. *dayari-*, *dajiri-* (→ чаг. *dari-* «попасть», «встречать, попадаться навстречу», маньчж. *dari-* «тж.») с каз(ан.-тат.) *jabır-il-*, тел. *jabır-* «трогать, прикасаться», «обижать, оскорблять» (Ramstedt, 1935, 83), очевидно, в качестве гениунных на алтайском уровне. В действительности монг. *dajiri-* < *dayari* < **dawiri-* < **dabiri-* следует квалифицировать как заимствование из тюрк. **japır-* «придавить, приплющить» и т.п.

Авторы-составители «Этимологического словаря алтайских языков» монг. **dayari-* «проходить мимо»; «задевать» сближают в качестве прародственного на алтайском уровне с тюрк. **jayu-* «приближаться», *jayuq* «близкий», т.-маньчж. **daga* «близкий»; «вскоре»; «ненадолго» (EDAL, I, 475; см. также: Старостин, 1991, 15, 26-27, 71, 278; Дыбо, 1996, 12). Между тем, Г.И. Рамstedт в своих работах тюрк. *jayuq* «близкий» составляет с монг. *jaya-* «следовать» (Ramstedt, 1949, 250; 1957, 51, 91, 92; 1935, 72). В данном случае Г.И. Рамstedт, очевидно, опирается на производящую глагольную основу *jaq-, jaγ-, jayu-* «приближаться», функционирующую в составе тюрк. *jayuq, jaqın* «близкий». Монгольское *jaya-* «следовать за кем-либо» в таком случае следует квалифицировать как раннее тюркское заимствование (подробнее см. каз. *жуу* «прикасаться», *жуық* «близкий»).

На данном уровне изученности проблемы тюркско-монгольских взаимоотношений, история анализируемого слова в целом представляется в следующем виде:

пратюрк. **jap* «плоский» + *-ur-* > *japur-* ~ *japır-* «придавить, приплющить» > каз. *žapır-* «придавить»;

пратулг. **žapır-* ~ **d'abır-* «придавить», «помочь», «трогать» и т.п. → прамонг. **dabıri-* > **dawıri-* > ср.-монг. *dayari-* ~ *dajiri-* «задеть, зацепить», «заезжать», «нападать», «обижать»;

ср.-монг. *dajiri-* «задевать»; «заходить» → чаг. *dari-* «случиться, явиться»; кир.(=каз.) *dari-* «быть посещаемым духами»; «неожиданно встретиться с кем»; «попасть в цель» (Радлов, III, 1627); каз. *dari-* «попадать, задевать»; «оказать благотворное влияние»; як. *tārij-* «прикасаться к чему-либо», «дотрагиваться до чего-либо»; «задевать»; «заходить, заезжать (на короткое время, мимоходом)» (Kaluziński, 1961, 28; Stachowski, 1993, 219; Doerfer, 1963, 318-319).

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 72, 77, 83; 1957, 51, 91, 92; Poppe, 1960, 22; Kaluziński, 1961, 28; Doerfer, 1963, 318-319; Räsänen, 1969, 176; Clauson, 1972, 879; Tekin, 1975, 279; Doerfer, 1985, 241; ЭСТЯ, 1989, 16-17; Старостин, 1991, 15, 26-27, 71, 278; Дыбо, 1996, 12; EDAL, I, 456.

ЖАПЫРАҚ (*žapıraq*) «лист (растения)»; «ломтик (мяса, хлеба)»; «клочок (бумаги, материи и пр.)» < пратюрк. **japır-yaq* «лист» < **jalrı* «плоский»; **jalrı-r-* «быть плоским»; «делать плоским».

В тюркских языках обнаруживается ряд деривационных моделей для образования названия листа растений:

1) *japıryaq* (< **japır-yaq*): др.-уйг. *japıryaq*, карах. *japıryaq*, ср.-огуз. *japıryaq*, чаг. *japıryaq* «лист (растения)» – древнеуйгурская форма; распространилась в карах., ср.-огуз. и чаг. языках;

2) *japurmaq* (< **japur-maq*): уйг. диал. *japormaq* (Jarring, 1964, 149); уйг. (хам.) *jopurmaq* (Малов, 1954, 156); уйг. (турф.) *jupurmaq-liq* (Малов, 1961, 118); уйг. (акс.) *juputmaq* (**japı-t-maq*) (Малов, 1961, 118) «лист (растения)» – распространена в уйгурских наречиях Синьцзяна;

3) *japır-yan* (< **japır-yan*): чаг. *japıryan* (Радлов, III, 263). *japuryan* (Радлов, III, 266; Будагов, II, 320); ст.-осм. *japıryan*, вост.-тюрк. *japıryan* «лист (растения)» – распространен только в чаг. и ст.-осм. языках;

4) *japıryaq* (< **jalpır-yaq*): др.-уйг. *jalpıryaq* ~ *jalpırmaq*; кирг. *žalbıraq*, алт. *d'albıraq* «лист (растения)» – распространен в др.-уйг., кирг. и алт. языках;

5) **jebirdek* (< *jebir-dek*): якут. *sebirdex*, долг. *hebirdex* «лист (растения)».

Наиболее распространенной формой в тюркских языках является **jap(i)raq*, ср.: туркм. *japraq*, диал. *japıraq*, *jarpaq*, *jarfaq*, тур. *japraq*, аз. *japraq*, гаг. *japraq*, сал. *jařpař* ~ *jařpař*; кум. *japraq*, *japıraq*, кр.-тат. *japraq*, кар. *japraq*, к.-балк. *čapraq*, *čapıraq*; ср.-кыпч. *japraq*; тат. *jafraq*, *žapraq*, *žafraq*, башк. *japraq*, *jafraq*, сиб.-тат. *japraq*, ног. *japıraq*, каз. *žapıraq*, к.-калп. *žapıraq*, кирг. *žapıraq*, алт. *d'alpıraq*, уйг. диал. *japray*, *jäfrağ* ~ *jafraq* (Jarring, 1964, 149) «лист (растения)» (подробнее см. Räsänen, 1969, 188; Clauson, 1972, 879-880; ЭСТЯ, 1989, 130-132; СИГТЯ, 1997, 111-112).

Такое ареально-географическое распределение различных фонетико-морфологических вариантов для наименования листа, очевидно, сложилось еще в древности.

Существует несколько предположений по этимологии различных форм наименования для листа:

1) тюрк. *japraq* «лист» < *jap-* «покрывать» (Vámbéry, 1878, 119; Alalay, 1942, 159, 227; Gombosz Z. Csáprag // MNy, IX, 9, 413; Хабичев, 1971, 80, 196 и др.);

2) тюрк. *japraq* < **jalbıraq*/**jalbıray* «лист» < **jalbı-* «веять» (Doerfer, 1971, 40), **jalbır-* (Joki, 1952, 118), **jalbıra-*/**jalpıra-* «трепетать» (Севортян, 1966, 207, 315), *jalbra-* «развеваться» (Räsänen, 1969, 182) и др. (см. также: Bang, 1917, 123; Zajaczkowski, 1932, 62; Doerfer, 1972, 58; Эхмэтьянов, 2001, 266);

3) тюрк. *japraq* «лист» ~ монг. *nabči* «лист», *nabtaji-* «быть плоским», *nabtayar* «низкий» и т.п. (см.: Ramstedt, 1935, 272; 1949, 160; 1957, 75; Порпе, 1960, 37, 44; Владимирцов, 1929, 369; Старостин, 1991, 19, 42, 282; СИГТЯ, 1997, 112; EDAL, II, 874).

Выведение *japraq* «лист» из *jap-* «покрывать» остается необоснованным с семантической стороны; кроме того, не ясна и словообразовательная модель, по которой от глагольной основы *jap-* могли образоваться дериваты *jalpıraq*, *japraq* и т.д.

Что же касается второй версии, надо заметить, что в письменных памятниках глаголы **jalbi-*, **jalbir-*, **jalbira-/jalpıra-* «веять»; «трепетать» и т.п. не отмечены, во всех источниках отмечаются только переднерядные формы, ср.: др.-тюрк. *jelpi-/jilbi-* «обмахиваться» (ДТС, 254; Clauson, 1972, 920), туркм. *jelpe-*, тур. диал. *jelpi-*, узб. *jelpe-*. уйг. *jälpü-*, кумык. *jelpi-*, кар. *jelpi-*, тат. *žiprě-*, башк. *jělpě-*, ног. *jelpi-*, каз. *želpi-*, к.-калп. *želpi-*, кирг. *želpi-*, алт. *d'elbi-*, хак. *čelbe-*, тув. *čelbi-*, тоф. *čelpi-*, койб., кач. *jelbe-*, якут. *sippij-* «обмахивать» (см. ЭСТЯ, 1989, 182-183). Многие исследователи усматривали связь данного слова с *jel-* «ветер» (Vámbéry, 1878, 131; Räsänen, 1957, 148; 1969, 196; Doerfer, 1975, № 1882; Clauson, 1972, 920 и др.). Следовательно, из-за отсутствия в источниках производящей основы **jalpır-a-* «развеваться, трепетать» и т.п., вторая версия также должна быть отклонена.

Самой старшей, очевидно, следует признать форму **jalpıraq* «лист», в котором легко выделяется глагольная основа **jalpır-* «быть плоским», «быть гладким», «быть ровным» (см. ЭСТЯ, 1989, 100-101, см. каз. *жалпай-*, *жалтақ*). Историческая и фонетическая соотносимость наименований листа с тюрк. *jalbi-* «плоский»; *japır-* ~ *japur-* «выравнивать», «делать гладким»; туркм. *jalpar-* «стать плоским», «становиться мелким»; башк. *jalpar-* «сплющиться»; тюрк. *jalpaj-* «стать плоским» и т.п., позволяет с должной обоснованностью говорить о том, что обозначения листа в тюркских языках связаны с семантикой «плоский» и «гладкий», а не «трепещущий», «дрожжащий (от ветра)» и «обмахивающий» (Дмитриева, 1979, 159). Так, Н. Поппе наименования листа выводит из производящей основы *jap-/jalp-*, возводимой им к общеалтайскому **nab-* «быть плоским» + аффикс побудительной формы *-ır-* + именной аффикс *-aq* (Porre, 1960, 37, 44).

В «Этимологическом словаре алтайских языков» тюрк. **japur-gak* «лист» в качестве гениуинного на алтайском уровне сближается с прамонг. **labčī* «лист»: ср.-монг. *nabučīn* (НУ, 7), *nabčīn* (МА), п.-монг. *nabčī(n)* «лист» (Lessing, 1960, 555); х.-монг. *nawč(in)* «лист, листья, листва»; перен. «ухо, уши»; ср. также: *nawčij-*, *nawšij-* «становиться тонким, плоским, приплюснутым»; «сплющиваться, приплющиваться», «делаться плоским»; *nawčıyar*, *nawšıyar* «плоский, сплюснутый, приплюснутый» (БАМРС, II, 383); бур. *nabšā*, *namšā-* «лист, листья, листва»; *nabšij-* «становиться плоским»; «становиться тонким (или тощим)»; «вянуть (напр. о траве)»; *nabšıyar* «плоский, приплюснутый»; «тонкий, тощий»; ойр. *namčī*, *nawčī* «листья, листва» (Тодаева, 2001, 244); калм. *namčē* «листья, листва»; «узор»; *namčē*, *napčē* «лист» (Ramstedt, 1935, 271, 272); орд. *nabčī*, дагур. *larčī*, *laričī* «листва, листья» (Тодаева, 1986, 152); дунс. *lačān*, баоань. *labčon*, ш.-юг. *labžāg*, монгол. *labžā*, уянбу *lapčī*, сыч. *ligčī* (Тодаева, 1973, 342); в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., *lewši*, архорч., барин., онн., найм. *lebčī*, харч.,

тум. *lewči*, хеш., шгол., уцаб., чак., орд. *nawči* «листья, лист» (Тодаева, 1981, 172) и др. (см. EDAL, II, 874).

Приведенные монгольские формы прежде всего показательны в том отношении, что они однозначно показывают, что в основе наименования листа растений в монгольских языках лежит идея «быть тонким, плоским, приплюснутым» и т.п. Производящей основой здесь выступает **labu-ci* ~ **nabu-či*, видимо, со значением «тонкий, плоский» и т.п. В свете проявляющихся на всех строевых уровнях языка сепаратных монгольско-чувашишских параллелей напрашивается сравнение монг. **labu* ~ **nabu* «тонкий, плоский» с такими чувашскими формами, как: *laBă / lap* «ложбина, лощина»; «низкое место»; «низменность»; «равнина»; *lapka* «плоский, приземистый», *laptak, laptaGa* «плоский», *lapčäk* «сплюснутый, приплюснутый»; «плоский»; *lapčän-* «сплющиться»; «оседать»; «припадать, прижиматься», *lapčät-* «сплющивать, сдавливать», *lapšaGa* «пологий»; «плоский, сплюснутый» и т.д. (подробнее см.: Ашмарин, VIII, 22 и след.), которые чувашскими лингвистами обычно квалифицируются как заимствования из марийского языка (см.: Федотов, 1990, 306-307; 1996, I, 329-330; 2002, 160). Между тем, близкие по звучанию и значению словоформы широко распространены во многих языковых семьях Старого Света, что послужило поводом для реконструкции общей ностратической праформы **lap'a* «плоский» для семит.-хам. LP- «плоский, ладонь» ~ и.-е. *lep-* «ладонь, лапа» ~ урал. *lappa/lapa* «плоский, лапа, лопатка» ~ алт. *lapa-* «плоский, лист» (подробнее см.: Иллич-Свитыч, 1976, 23-25).

Для пратюркского состояния В.М. Иллич-Свитыч восстанавливает архетип **japı-* (*j- < *n- < *l-*) «плоский»; это древнее значение он обнаруживает в аз. *japı* (прил. на -y) «плоский, приплюснутый», туркм. *japı* «склон» (< «пологий»), а также в **japı-r-yak* «лист». Для прамонгольского состояния он реконструирует архетип **lab-či(n)* (< **lap-ti-*) «лист» (**l-* сохранен в вост. и юж. языках, в остальных > *n-*; о суфф. *-či* см. Рамстедт, 1957, 201): ср.-монг. *nab-čün* «листья» и т.д. ... Формы названия листа с *t* типа монг. письм. *namči*, бур. (алар.) *namšă*, калм. *namči*, вероятно, являются результатом контаминации с монг. **nataγa*, в свою очередь испытавшего влияние основы **labči*, ср. монг. письм. *nataγa* «ветка; листва», ср.-монг. (ИМ) *labā* «лист», дагур. *lawā* «лепесток», бур. (алар.) *namā* «листва». могол. *nōt* «лист» (иначе Рорре, 1955, 100, 163, где оба образования рассматриваются как родственные). Далее, В.М. Иллич-Свитыч полагает, что древняя семантика основы сохранена в другом производном: п.-монг. *nab-ta-ji-* «быть плоским» (Иллич-Свитыч, 1976, 24-25).

С.А. Старостин предполагает, что в тюркских языках произошла контаминация двух исторически разных корней **jap-* «лист» и **jap-* «плоский», поэтому он рекомендует восстановить два алтайских корня:

а) **lap'V* «плоский» (тюрк. **jap-*, откуда *japur-* «выравнивать», аз. *japı* «плоский, приплюснутый», туркм. *japı* «склон» и др.; п.-монг. *nab-ta-ji-*

«быть плоским»); т.-маньчж. *lapta- > зап. эвенк. *lapta-hta* «гладкий, плоский», в других диалектах *napta-* «расстилаться, равнина», см. ТМС, I, 584 и т.д.);

б) *liap'V «лист» (тюрк. *japur-gak ~ монг. *lab-čün «лист» и т.д.) (подробнее см.: Старостин, 1991, 42).

Обзор литературы (далеко не полный) показывает, что взаимоотношения между тюрк. *japraq* «лист» и монг. *nabči* «лист» настолько запутаны, что в них нелегко разобраться и остановиться на каком-то одном решении. Очевидно, следует исходить из следующих отправных точек:

1) при историко-этимологическом анализе тюркских форм наверняка следует исходить из представленных в письменных памятниках более сложных фонетических форм и реконструировать для пратюркского состояния архетип *jalpir-γaq «лист» или *jalbir-γaq «лист», являющийся, в конечном итоге, дериватом от именной основы *jalpi или *jalbi «плоский» (см. Дмитриева, 1979, 157-160).

2) для прамонгольского состояния алтаисты вполне обоснованно выделяют праформу *lap-ti > *lab-čün «лист».

Прямое сравнение приведенных выше тюркских и монгольских форм друг с другом нельзя признать научно корректным, тюрк. *jalpirγaq ~ *japraq «лист» и монг. *nabči* «лист» имеют совершенно самостоятельные морфологические структуры и не сопоставимы. Следовательно, сопоставительное изучение можно вести только на уровне корней или корневых основ, однако сравнение тюрк. *jalp-i/*jalb-i «плоский» и монг. *lab-/*nab- (тюрк. j- и монг. l- не коррелятивны) свидетельствует, что кроме семантики общего общего между ними не обнаруживается (см.: Дёрфер, 1972, 58). А поскольку родство тюркских и монгольских форм не подтверждается, то сопоставления на более высоком алтайском, урало-алтайском, ностратическом и т.п. уровнях являются научно не корректными.

Подробнее см.: Vámbéry, 1878, 119, 399; Bang, 1917, 123; Владимирцов, 1929, 369; Zajączkowski, 1932, 62; Ramstedt, 1935, 272; 1949, 160; 1957, 75; Joki, 1952, 118; Poppe, 1955, 100, 163; 1960, 37, 44; Исхаков, 1962, 47; Егоров, 1964, 217; Collinder, 1965, 118; Севортян, 1966, 207, 315; Долгопольский, 1969, 297-298; Räsänen, 1969, 182; Doerfer, 1971, 40; Miller, 1971, 209; Хабичев, 1971, 80, 196; Clauson, 1972, 879-880, 920; Дёрфер, 1972, 58; ТМС, I, 584, 585; Иллич-Свитыч. 1976, 23-25; Дмитриева, 1979, 157-160; Doerfer, 1985, 127; монг. → т.-маньчж.; Кайдаров, 1986, 211; ЭСТЯ, 1989, 100-101; 130-132; Федотов, 1900, 306-307; 1996, I, 329-330; 2002, 160; Старостин, 1991, 19, 42, 282; Stachowski, 1993, 100; СИГТЯ, 1997, 111-112; Эхмэтьянов, 2001, 266; EDAL, II, 874.

ЖАР (*žar*) «клич», «извещение», «оповещение»; «объявление»; *žar sal-* «кликнуть клич»; «сделать объявление (через глашатая)»; *žar šaqır-* «опубликовать что-нибудь»; «провозгласить» < ? пратюрк. **jar* «крик»; «оглашение»; «объявление»; «клич» и т.п. (см. Räsänen, 1969, 188-189; ЭСТЯ, 1989, 18-20; EDAL, II, 973); в др.-тюрк. письменных источниках не обнаружено; ср.: туркм. *žar* «известие, сообщение, оглашение»; «клич»; *žar bol-* «быть объявленным, оглашенным, распространенным, известным»; *žar ček-* «объявлять, извещать, оглашать (через глашатая)»; *žar et-* «сообщать, объявлять, оглашать, провозглашать»; «извещать»; тур. *žar* «громкий голос, крик, возглас»; «призыв, крик (глашатая)»; *žar ček-*, *žar et-* «возвещать, публично объявлять (через глашатая)»; *žar et-* «кричать, выкрикивать (о глашатае, уличных продавцах)»; диал. *žar* (у азербайджанских и туркменских кочевников) «оповещение с помощью глашатая»; «новость»; «опасность, просьба, помощь» (DS, II, 859); аз. *žar* «огласка, крик, возглас глашатая»; *žar čäk-* «оглашать, разглашать»; «громко всенародно возвещать»; «объявлять»; «клич»; «новости»; «крик, возглас»; осм. *jar* «известие, объявление, новость, извещение, приказание» (Радлов, III, 100-101); вост.-тюрк. *žar*, *gar* «крик»; «вестник, нарочный» (Zenker, 1862-1867, I, 339, 352); *žar* «созыв»; «вестник»; «звук, шум» (Pavet de Courteille, 1820, 274); чаг. *žar* «оповещающий войско о победе» (Вельяминов-Зернов, 1868, 230); чаг. *čar = jar* «приказ, повеление, обнародование, клик, сбор» (Будагов, 1861, I, 426); чаг. *jar* «известие, объявление, новость, извещение, приказывание» (Радлов, III, 100-101); уйг. *žar* (в словаре Э.Н. Наджипа с пометой *n.*, то есть: ← перс.) «весть»; «клич», «крик»; *žar sal-* «трубить, бить в набат»; «кликнуть клич»; уйг. *žar(r)* «объявление через глашатая (главным образом о потере)»; *žar qıl-* «объявлять о потере»; узб. *žar* «объявление», «распоряжение»; *žar sol-*, *žar čaqır-*, *žar et-* «объявлять через глашатая», «оглашать»; «раструбить (о чем-либо)» (см. также Юдахин, 1957, 57; Абдуллаев, 1961, 42), диал. *žar* «извещение, объявление» (Решетов, 1951, 306); тат. *jar* «известие, объявление, публикация, обнародование, воззвание»; «сбор» (Будагов, 1871, II, 323); *žar* «приказ, повеление, обнародование, клик»; «сбор» (Будагов, 1869, I, 426); *žar* «громкое объявление»; *žar sal-* «громко объявлять»; *žar* «клич»; «песня-обращение к силам природы» (Ахметьянов, 1981, 103; 2001, 66); *žar sal-* «объявлять, ставить в известность (громкогласно)»; башк. *jar* «клич, оповещение, объявление»; *jar it-* «объявлять (о чем)»; *jar hal-* «кричать во всю глотку, орать»; ног. *jar* «клич»; *jar et-* «объявлять через глашатая», «оглашать»; к.-калп. *žar* «клич, извещение, объявление»; *žar sal-* «кликнуть клич, сделать объявление (через глашатая)»; кир. (= каз.) *žar* «известие, объявление, публикация, обнародование, воззвание»; «сбор» (Будагов, 1871, II, 323); *žar* «известие, объявление, публикация, обнародование, воззвание»; «сбор» (Будагов, 1869, I, 426); *žar* «известие, приказание, обнародование»; *žar šiqirtti*, *žar šektirdi* «он обнародовал, опублико-

вал) (Радлов, IV, 25); к семантике ср. еще *žarči* (ист.) «глашатай (он разъезжал верхом по местам скопления народа и громко оповещал о распоряжениях властей или пропаже чего-либо, подробно указывая приметы пропажи и размер вознаграждения разыскавшему)»; кирг. *žar* «клич, оповещение, объявление (через глашатая)»; *žar sal-*, *žar ajt-* «кликнуть клич», «сделать оповещение»; кир. (= каз.) *žari* «разговор, молва» (Радлов, IV, 29); ккир. (= кирг.) *jar* «шум» (Радлов, III, 100); алт. *jar* «клич»; «известие»; «извещение, объявление» (ГАЯ, 1869, 170; Вербицкий, 1884, 78); алт. *jar* в *jarī čiqti* «слух прошел, сделалось известным» (Будагов, 1871, II, 323); алт., тел., куманд. *jar*, тел. *d'ar* «известие, объявление, новость, извещение, приказание» (Радлов, III, 100-101); алт. *d'ar* «извещение, объявление»; «клич»; «указ, распоряжение»; тув. *čar* «объявление», «публикация», «оповещение», «оглашение» (в составе *čarla-* «объявлять» и т.п.); хак. *čar* (в составе *čarla-* «разглашать, объявлять, обнародовать» и *čarlay* «объявление, обнародование») «объявление»: ср. также якут. *sarij-* «дать или сделать кому какое-либо поручение»; *sarik* «поручение, посыльный, слуга» (Пекарский, 1926, VIII, 2112), *soruj-* «наряжать с какой-либо целью (заказом, поручением)», «назначить, определять кого»; «отправлять куда-либо за делом»; *soruk* «заказ, дело, надобность, цель, поручение, с коими предпринимают путь или делают посещение»; «заделье, причина» (Пекарский, 1926, VIII, 2287-2288); *soruj-* «поручать что-либо»; «давать какое-либо задание»; *soruk* «цель, задача». Э.К. Пекарский як. *sarij-* «поручать» сравнивает с бур. *zara-* «посылать»; п.-монг. *žaru-* «употреблять в службе», «определить в службу», «послать»; а як. *soruk* «цель» – с бур. *zorik* «цель, намерение», п.-монг. *žorik* «намерение, воля, мужество»; М. Ряснен якутские глаголы считает заимствованными из монг. *žaru-* «посылать» (Räsänen, 1969, 189).

В этимологических исследованиях в качестве однокоренных слов обычно сближаются тюрк. **jar* «оглашение», «объявление»; «клич» и т.п., **jarliq* «приказ», «повеление», «указ» (см. каз. *жарлық* «распоряжение»); *jarla-* «объявлять»; *jarči* «глашатай», «вестник» (см. каз. *жаршы* «глашатай»); *jarliqa-* «соизволить, соблаговолить»; *jarjan* «судья», «палач»; *jarju* «закон, правосудие» (Doerfer, 1963, 277-279, №146, 147; 1975, 58-66, 157; Егоров, 1964, 226; Räsänen, 1969, 188-189; Номинханов, 1975, 101-103; Ахметьянов, 1981, 103; ЭСТЯ, 1989, 18-20; Eren, 1999, 68; EDAL, II, 973; Федотов, 2002, 300-301 и др.).

Часть из этих слов несомненно гомогенна, но взаимоотношения между **jar* «клич», с одной стороны, и **jarliq* «указ», *jarju* «закон», *jarjan* «судья», *jarliqa-* «соизволить», с другой, требуют особого изучения (см. ниже).

С тюрк. *jar* «клич», «оповещение» традиционно сближают чув. *širlax-* «помиловать», «быть принятой (о молитве, жертве)»; «помириться, примириться»; *širlaya par-* «дать помилование» (Ашмарин, XII, 119-121); *širlax-* «удовлетворяться, получать удовлетворение»; «довольствоваться, ограничиваться чем-либо»; «останавливаться на чем-либо»; «мириться, прими-

ряться»; «щадить, прощать»; «пропадать, погибать»; *turä śirlax- tārax!* «боже сохрани!» (см. Räsänen, 1920, 191; 1969, 188-189; Егоров, 1964, 226; Федотов, 1990, 240; 1992, 123; 1996, II, 157; 2002, 300-301; Ахметьянов, 1981, 103 и др.), однако такому сближению мешают трудности морфологического и семантического порядка (см. ниже), но они легко преодолимы.

В историко-этимологических исследованиях алтаистического направления тюрк. **jar* «объявление», «клич» традиционно сближается в качестве генуинного на праязыковом уровне с монг. *jar* «объявление» и его дериватами: *jaru-* «посылать, отдавать приказ», *jarla-* «объявлять, оглашать»; *jarliu* «приказ, распоряжение»; *jarju* «наказание, суд, приговор»; *jarjuči* «судья» и т.п.; ср.: п.-монг. *jar* «обнародование, объявление, прокламация»; *jarla-* «обнародовать, объявлять, публиковать, разглашать» (см. Голстунский, 1893, III, 338, 340; Lessing, 1960, 1037-1038); *jar* «приказ», «объявление, извещение», «обнародование» (Ковалевский, 1849, III, 2300); х.-монг. *jar* «объявление, извещение, анонс»; «весть, слух»; «литер на право проезда, открытый лист, подорожная»; *jar tarā-* «объявлять, оповещать»; «распространять вести, слухи»; *jarγā* «жалоба, иск, тяжба»; «претензия» (БАМРС, II, 211); бур. *zar* «оповещение, извещение, объявление»; «весть, слух»; *zar-zaxjā* «распоряжение»; «оповещение»; *zar γaryā-* «рассылать извещения»; *zar tara-* «распространять слухи, вести, молву»; *zarγā* «жалоба (в суд), иск»; «тяжба»; *zarā-* «посылать, отправлять»; «использовать для услуг, распоряжаться»; *zarlā-* «оповещать, объявлять»; «созывать (собрание, совещание, сессию)»; «рекламировать»; *zarlāl* «оповещение, объявление, публикация»; «афиша, аншлаг»; «созыв»; ст.-калм. *zar* «известие, объявление»; калм. *zar* «объявление, оповещение»; «извещение»; *zar tarχā-* «рассылать извещения» (см. Ramstedt, 1935, 467); ойр. *zar* «объявление, оповещение, извещение»; «весть, слух» (Тодаева, 2001, 153); в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., архорч., барин., онн., найм., хеш., харч., тум., урат., чох., орд. *jar*, шгол. *zar* «объявление, извещение» (Тодаева, 1981, 154) и др. (Doerfer, 1963, 277-279; Räsänen, 1969, 188-189; Номинханов, 1975, 101-102; EDAL, II, 973).

Несомненно родственное с каз. *žar* «клич, извещение, оповещение» (~ тюрк. *jar*, *žar* «тж.») слово обнаруживается также в некоторых иранских языках, ср.: перс. *žar* «новости» (Ягелло, 1910, 454); «весть, клич, крик»; *žar zadan*, *žar kešidan* «возвещать через глашатая»; «всенародно объявлять», «оглашать», «громко кричать» (Гафаров, 1914, I, 203); *žar* «крик (разносчика и т.п.)»; ист. «приказ, объявленный через глашатаев»; «приказ войску о явке на сбор»; *žar zadan* «возвещать через глашатая», «объявлять всенародно» (Миллер, 1953, 144); перс. *žar* «клич, крик (уличного торговца, разносчика и т.п.)»; «указ, приказ (объявленный через глашатаев)»; «приказ войску, ополчению о явке на сбор»; *žar kešidan*, *žar zadan* «кричать (об уличном торговце, разносчике и т.п.)»; «громко возвещать, оглашать, обнародовать (через глашатаев)» (Рубинчик, 1983, I, 423); тадж. *žar*

«объявление во все услышание», «оглашение»; *žar andoxtan* «объявлять во все всеуслышание, оглашать»; «суфийское радение»; ср. также тадж. *žarči* «глашатай на базарной площади (оглашавший правительственные приказы или объявляющий о пропаже или находке чего-либо)»; афг. (пушту) *žar* «объявление, оглашение»; *žar vaṗāl* «объявлять, оглашать» (Арсланов, 1966, 286); гилиян. *žar* «клич, крик»; *žar zēn* «кричать»; мундж. *žarči* (← перс.) «глашатай» и др.

Одни из исследователей иранские (перс.) формы считают монгольскими заимствованиями (Doerfer, 1963, 277-279; Egen, 1999, 68), другие сближают их с тюркскими формами (ЭСТЯ, 1989, 20; Doerfer, 1975, 58-66, 157).

Не смотря на обширную литературу по этимологии данного слова, истинные исторические взаимосвязи между тюрк. *jar* ~ *žar*, монг. *žar* и перс. *žar* все еще остаются во многом загадочными. В рабочем порядке можно выдвинуть четыре версии происхождения анализируемого слова – алтайскую, тюркскую, монгольскую и иранскую.

Алтайская версия констатируется в работах Б.Я. Владимирцова (1929, 124, 148, 399), Г.Й. Рамстедта (Ramstedt, 1935, 467), М. Рясанена (Räsänen, 1969, 188-189), Ц.Ф. Номинханова (1975, 101-103), С.А. Старостина (Старостин, 1991, 37, 72, 128, 294; EDAL, II, 973: праалт. **nere*); М.Р. Федотова (2002, 300-301) и др. Тюркская версия поддерживается Г. Дёрфером (Doerfer, 1975, 58-66, 157), Л.С. Левитской (ЭСТЯ, 1989, 18-21), А.М. Щербаком (Щербак, 1997, 123), Дж. Клоусоном (Clouston, 1972, 966-967, 968), С.А. Старостиным (1991, 128: «из тюркского заимствованы монг.-письм. *žar* «извещение», *žar-la* «извещать» (ср. сой. *čar-la-* и под.), *žar-lig* «приказ, декрет»; EDAL, II, 973: тюрк. **jar* → п.-монг. *žar* и др. производные формы) и др. Монгольская версия происхождения тюрк. *žar* «извещение» обоснована Г. Дёрфером (Doerfer, 1963, 277-279, №146, 147). Дж. Клоусон считает, что *jarliq* – заимствование из неизвестного источника (Clouston, 1972, 966-967).

Начнем с верификации тюркской версии. В ареально-географическом отношении слово *jar* ~ *žar* «клич», «оповещение» из живых тюркских языков выявляется в огузских (за исключением гагаузского), карлукских (во всех), части кыпчакских (канглыйских, периферийных, башкирском и татарском, который в своей основе примыкает к канглыйским), кыргызских (хак. в составе *čar-la-* «объявлять»), тобаских (тув. в составе *čar-la-* «объявлять») языках. В других языках (гаг., кум., кар., к.-балк., чув., якут.) следы данного слова не прослеживаются. Весьма показательным его полное отсутствие в куманской ветви кыпчакских языков.

В фонетическом отношении для пратюркского состояния обычно восстанавливают архетип **jar* с анлаунтным *j-*, что вроде бы поддерживается такими формами, как чаг. *jar* (наряду с *žar*), башк. *jar*, алт. *jar* (наряду с *d'ar*), а также, видимо, и каз., к.-калп. *žar*, кирг. *žar*, хак., тув. **čar*, хотя последняя группа форм может с одинаковым успехом выводиться и из архетипа **žar*. Однако, если исходить из пратюркской формы **jar*, то представленные в

огузских и карлукских языках формы с анлаутным *ǰ* выглядят явно ино-родными, так как в указанных языках пратюркский инициальный **j*-, как правило, сохраняется. Здесь надо подчеркнуть, что отмеченная В.В. Радловым общая для ккир. (= кирг.), алт., тел., куманд., чаг. и осм. языков форма *jar* (Радлов, III, 100-101) крайне сомнительна. Во всяком случае, турк., тур., аз. *ǰar*, а также вост.-тюрк., чаг., уйг., узб. *ǰar*, судя по инициальному *ǰ*, являются заимствованиями.

Судя по историко-культурологическому фону, огузские формы с одинаковым успехом могут трактоваться и как фарсизмы, и как древнеуйгурские или чагатайские заимствования; карлукские формы скорее всего являются монголизмами, хотя нельзя исключить и влияния на них персидского языка.

Уточнению непосредственного источника заимствования помогают в известной степени аналитические глагольные конструкции типа тур. *ǰar çek-* «возвещать» (букв. «тянуть, тащить, вытаскивать весть») ~ перс. *ǰar kešidān* «возвещать» (букв. «тянуть, тащить, волочить весть, крик, клич»); алт. *d'ar čiqar-* «пустить слух», «объявлять», «оповещать» (букв. «выпускать, вытаскивать весть») ~ монг. *ǰar ǰarǰa-* «рассылать извещения» (букв. «выпускать, вытаскивать извещения, вести») ~ каз. *ǰar šǰyar-* «обнародовать» (букв. «выпускать», «вытаскивать весть»); уйг. *ǰar sal-* «кликнуть клич»; «трубить в набат», узб. *ǰar sol-* «оглашать», «объявлять» (букв. «стлать, расстилать весть») ~ монг. *ǰar tarā-* «объявлять, оповещать» (букв. «распускать, рассеивать вести») и т.д. Количество таких примеров можно было бы продолжить, но и этого достаточно, чтобы определить то, что огузский ареал непосредственно связан с иранским, а карлукский и кыпчакский – с монгольским.

Определенный интерес для выяснения истории слова представляет ди-ахроническое изучение его семантики. Наиболее старшим, изначальным, по всей вероятности, следует признать значение «крик, возглас», от которого впоследствии могли развиваться такие специализированные значения, как «крик, возглас для мобилизации, объединения сил при коллективных работах»; «призыв, клич»; «приказание», ср, напр., маньчж. *ǰar* «крик (при работах и поднимании чего-либо артелью)» (ТМС, I, 252) и т.п.; «крик, возглас при опасности с просьбой, мольбой помочь»; «крик, возглас, оповещение (напр., об успешной охоте)» и т.д. На основе этих значений на более высоком уровне развития социума, видимо, появились такие специальные значения, как «повеление, распоряжение, приказ (старейшины, предводителя)», которые в период развития государственности приняли более специализированные оттенки: «публичное оповещение народу о распоряжениях властей через глашатаев (напр., объявление о сборе ополчения)», а отсюда уже значение «сбор». С появлением письменности распоряжения властей начали оформлять письменно (см. *ǰарлық*) и в народ отправлялись специальные глашатаи (см. *ǰаршы*) для публичного оглашения хан-

ских указов; отсюда развивались такие значения, как «указ, приказ, распоряжение», а также «сбор (ополчения)» и т.д.

На родо-племенном уровне действовали местные глашатаи (*žarči*), которые разъезжали верхом по местам скопления народа, базарам и аулам и громко оповещали о событиях местного масштаба, напр., о пропаже чего-либо, подробно указывая приметы пропажи и размер вознаграждения разыскавшему, о смерти какого-либо важного лица и т.п. В связи с этим появились значения: «известие, новости, весть, оповещение, объявление, слух, молва» и т.п.

И наконец, в среде торговцев слово *žar* приобрело еще одно специализированное значение – «зазывные выкрики уличных торговцев, разносчиков и т.п.», ср.: тур. *žar et-* «кричать, выкрикивать (об уличных торговцах)» с рекламой своего товара.

Диахроническая стратификация семантического поля слова *žar* показывает, что оно получило распространение в тюркских, монгольских и иранских языках относительно поздно, только после становления высоко развитой государственной структуры и формирования присущих ей административных институтов связи и оповещения. Все это однозначно указывает на монгольскую эпоху в истории народов Центральной Азии. Именно в период становления Монгольской империи Чингисхана на огромных просторах Евразии была образована централизованная система связи (см. *жам*), составлен свод законов «Великая Яса» (см. *жасақ*) и налажен институт оповещения (см. *жарлық, жаршы*). Следовательно, есть все основания считать, что слово **jar* ~ *žar* «известие, оповещение» появилось в тюркских языках в монгольскую эпоху, а через посредство тюркских (др.-уйг.) языков проникло а персидский и, видимо, из персидского – в огузские языки.

Однако история слова *žar* в языках центральноазиатского региона, очевидно, была не столь прямолинейной. Выявляются факты, показывающие чрезвычайно сложные взаимосвязи между соответствующими монгольскими, тюркскими и иранскими формами. Так, например, перс. *žarči, čarči* «публичный глашатай» (Миллер, 1953, 144, 160; Рубинчик, 1983, I, 423) и тадж. *žarči* «глашатай на базарной площади (оглашавший правительственные указы и проч.)» (← тюрк. *žarči* «глашатай» < *žar* «оповещение» + тюрк. именной деривационный аффикс *-či*, обозначающий лицо по характеру занятий, действий и т.п., см. Щербак, 1977, 103 и след.) свидетельствуют о тюркском происхождении иранских форм. Следовательно, с достаточной уверенностью можно утверждать, что монг. *žar* «объявление» и т.п. в иранские языки проникло через тюркское (караханидско-уйгурское, чагатайское) посредство.

В некоторых тюркских языках среднеазиатского региона представлена форма *žarnāta* «обращение»; «объявление» и т.п., ср.: туркм. *žarnāta* «обращение, воззвание» (< *žar* «оглашение» + *nāta* «письмо, писание»);

к.-калп. *žarnata* «приказ», «правительственное объявление»; каз. *žar-nata* «объявление»; «разглашение»; «афиша» и др., в составе которой выделяется формонт *-nata* явно иранского происхождения, ср. перс. *nate* «письмо», «грамота», «книга». Это наводит на мысль об иранском (таджикско-персидском) происхождении каз. *žarnata* «объявление» и его соответствий в других языках. Однако в иранских языках форма **žarnate* отсутствует. Поэтому следует полагать, что данная форма появилась в самих тюркских языках в результате сложения монголизма *žar* «объявление» и фарсизма *nata* «письмо, грамота». В казахский и каракалпакский языки это слово скорее всего проникло из узбекских говоров.

Подробнее см.: Räsänen, 1920, 191; Ramstedt, 1935, 467; Doerfer, 1963, 277-279; 1975, 58-66; Егоров, 1964, 226; Räsänen, 1969, 188-189; Clauson, 1972, 966-967, 968; Номинханов, 1975, 101-103; Ахметьянов, 1981, 103; ЭСТЯ, 1989, 18-20; Федотов, 1990, 240; 1992, 123; 1996, II, 157; 2002, 300-301; Старостин, 1991, 37, 72, 128, 294; Egen, 1999, 68; EDAL, II, 973; Эхмэтьянов, 2001, 66.

ЖАР- (*žar-*) «расколоть»; «рассечь»; «прорезаться»; «колоть (о дровах)»; «распарывать», «потрошить» < пратюрк. **jār-* «рассекать», «раскалывать»; ср.: др.-тюрк. (с VIII в.) *jar-*, др.-уйг. *jar-*, карах. *jar-* «рассекать, расщеплять» (МК, III, 33, 57-58; ДТС, 239; Clauson, 1972, 954-955); туркм. *jār-*, тур. *jar-*, аз. *jar-*, чаг. *jar-*, уйг. *ja(r)-*, *jaj-*, лобн. *jaj-*, узб. *jar-*; кумык. *jar-*, кар. *jar-*, к.-балк. *žar-*, крым. *jar-*, тат. *jar-*, башк. *jar-*, ног. *jar-*, к.-калп. *žar-*, кирг. *žar-*, алт. *d'ar-*, хак. *čar-*, шор. *čar-*, тув. *čar-*, тоф. *čar-*, чув. *šur-* «рассекать, колоть, раскалывать» и т.п. (свод тюркских форм см. ЭСТЯ, 1989, 135-137; Räsänen, 1969, 189; Егоров, 1964, 219-220; Федотов, 2002, 292-293).

В алтаистических исследованиях тюрк. **jār-* «рассекать (что-либо на две части)», «разрубать, раскалывать, разрезать, разрывать, расщеплять» и т.п., обычно сближается с монг. *jara-* «раскрываться, расщепляться» (Ramstedt, 1935, 216; Владимирцов, 1929, 370-371; EDAL, II, 1152): ср.-монг. *jāra-* (ИМ), *jarā-* (МА), п.-монг. *jara-*, *ira-* «раскрываться, расщепляться» (Lessing, 1960, 412, 428); х.-монг. *jara-* «разрезать, резать ножом, прорезать, надрезать»; «проводить борозды сохой»; «делать пробор (у прически)»; «раздвигать»; *engerē jara-* «распахивать одежду на груди» (БАМРС, IV, 467); бур. *jara-* (в словаре К.М. Черемисова не отмечено); калм. *jar-* «разрезать, вскрывать»; *ir-* «надрезать (напр. кожу при снятии ее с туши)»; орд. *ir-*, дунс. *jara-*, монгол. *jāra-* (см. EDAL, II, 1152).

Б.Я. Владимирцов в одном ряду рассматривает п.-монг. *iryān* «бойня», *ira-* «разрезывать ножом, прорезывать»; *jaryāci*, х.-монг. *jaryāci* «мясник, палач», *jar-* «разрезывать ножом, прорезывать»; тюрк.: орх., уйг. *jar-* «расщепить, разбить, разрезать»; уйг., ком. *jür-t-* «разрывать», «рвать», чув. *širt-* «кусать», маньчж. *jarja* ~ *jarxa* «барс» (Владимирцов, 1929, 370-371). Здесь явно смешаны гетерогенные основы. Судя по словарям, в монгольских языках глагольная основа *jara-* не имеет широкого распространения и, очевидно, является относительно поздним тюркским заимствованием: тюрк. *jar-* «рассекать» → монг. *jarā-* «разрезать», «резать ножом».

Тюркская глагольная основа *jar-* «рассекать, раскалывать» выделяется также в составе монгольских слов *žarim*, *žarimduq* «половина», явно заимствованных из тюркских языков (Поппе, 1925, 70; 1935, 470; Щербак, 1997, 123; EDAL, II, 1152); ср.: х.-монг. *zarim* «некоторый, частичный»; «половина, часть чего-либо»; *zarimdäg* «половинный, половинчатый, неполный»; «наполовину», «половина» (БАМРС, II, 212); бур. *zarim* (мн. *zarimad*, *zaritan*, *zarimūd*, *zarimašūl*) «некоторый»; «частичный»; «часть»; *zarimla-* «делать что-либо не полностью, частично»; сюда же ойр. *zaram*, калм. (дерб.) *zarm* «просо», «крупа» (← тюрк. *jarma* «крупа»); монгол. *žarim* «некоторый»; «половина»; МА *žarim* «половина»; «часть» (Поппе, 1938, 210, 439).

Монгольское *žarim* «половина», «часть» несомненно восходит к тюркскому *jarim* «половина» (производное с аффиксом *-im* от *jār-* «рассекать, раскалывать на две части»).

Подробнее см.: Будагов, II, 327; Räsänen, 1969, 189; Clauson, 1972, 968-969; Doerfer, 1975, №1786; Севортян, 1966, 296; Atalay, 1942, 152.

ЖАРА (*žara*) «рана»; «язва»; перен. «болезнь», «горе»? < пратюрк. **jāra* «рана»; слово появляется в тюркских источниках лишь с XIV в. (перечень форм см. ЭСТЯ, 1989, 139-140); хор. *jāra* «рана» (Doerfer, 1978, 181), халадж. *jāra* «рана» (Doerfer, Tezcan, 1980, 218: *yā²ra*); туркм. *jara* (долгота утеряна) «рана, ранение»; «нарыв, язва»; «болячка»; «душевная рана, душевная боль»; тур. *jara* «рана, ранение»; «порез», «разрез»; «дыра, отверстие», «пробоина»; «разрез, надрез (на чем-либо)»; «боль, страдание, горе»; аз. *jara* «рана»; «повреждение ткани живого организма»; «всякая болячка, ссадина, небольшая ранка на коже»; «страдание, душевная боль»; «зло, вред»; «ранение»; «язва»; гаг. *jara* «рана, язва, болячка»; узб. *jara* «рана, ранение»; «нарыв; язва»; «болячка»; «душевная боль»; уйг. *jara* «раны, язва»; уйг. диал. *jāre* «рана» (Jatting, 1980, 131); кумык. *jara* «рана, ранение»; «душевная боль»; кар. *jara* «рана»; к.-балк. *žara* «рана, порез, язва»; «больное место»; крым. *jara* «рана»; тат. *jara* «рана»; «ранение»; «язва»; башк. *jara* «рана, ранение»; ног. *jara* «рана»; к.-калп. *žara* «рана, язва, болячка»; кирг. *žara* «рана, язва, болячка»; алт. *jara* «рана» (Вербицкий, 1884, 78); туб. *d'ara* «рана, язва» (Баскаков, 1966, 114), куманд. *d'ara* «рана» (Баскаков, 1972, 211).

Слово представлено в огузских, карлукских и кыпчакских языках, в чувашском и сибирских не отмечено.

Большинство исследователей считает *jara* «рана» исконным словом, производным от глагола **jār-* «резать, раскалывать» и т.п. (см. Vámbéry, 1878, 122; Brockelmann, 1954, §20a; Räsänen, 1957, 114; 1969, 189; Севортян, 1966, 264; Doerfer, 1975, 54-55; ЭСТЯ, 1989, 139-140 и др.). Дж. Клаусон считает тюрк. *jara* «рана» монгольским заимствованием (Clauson, 1959, 185).

Г.Й. Рамстедт под вопросом принимает тюркский источник для монгольского слова (Ramstedt, 1935, 215), Н. Поппе допускает генетическое родство тюркских и монгольских слов. Однако полное тождество фонетического состава тюркских и монгольских форм скорее свидетельствует о сравнительно недавнем контактном происхождении данной лексической общности; ср.: п.-монг. *jara* «рана», х.-монг. *jarā* «рана, болячка, сифилис»; «сук, сучок (в древесине)»; «поврежденное место на дереве» (БАМРС, IV, 466); бур. *jarā* «гноящаяся рана, язва»; «болячка»; «короста»; «сифилис»; калм. *jarā*: *χarā-jarā* «натуральная оспа»; *jarā* «шишка, желвак», «рана (гнойная)», «сифилис» (Ramstedt, 1935, 215); дагур. *jarā* «язва, рана» (Тодаева, 1986, 147); монгор. *jāra* «рана, язва» (Тодаева, 1937, 337) и т.п.

Г. Дёрфер допускает тюркское происхождение монгольских форм и в пользу этого мнения приводит следующие доводы: 1) в «Мукаддимат ал-Адаб» находим форму *jara*, возможный монголизированный вариант тюркского *jara*; 2) возможно, мы имеем дело со среднетюркским заимствованием в монгольском, возможно также, что слово *jara* лишь случайно не отмечено в более старых тюркских источниках; 3) *jara* имеется в осман-

ском, в котором очень мало монгольских заимствований (Doerfer, 1975, 54-55). Позднее он признал, что *jara* поддается этимологизации именно на тюркской почве (Doerfer, Tezcan, 1980, 218).

Авторы «Этимологического словаря алтайских языков» однозначно относят монг. *jara* к тюркским заимствованиям (EDAL, II, 1517). А тюрк. *jara* «рана» они сближают в качестве прародственных форм с монг. **sirqa(n)* «рана» и т.-маньчж. **sir-* «резать, кроить» (EDAL, II, 1517).

Во всех этих построениях смущает один момент – отсутствие слова *jara* «рана» в ранних письменных памятниках, а также в чувашском и сибирских тюркских языках. С другой стороны, определенный интерес вызывает наличие этого слова в иранских языках, ср.: перс. *jara* «рана»; «ранение»; «язва»; «болячка», которые обычно квалифицируются как тюркские заимствования (Doerfer, 1975, 54-55). Однако заимствование скорее всего происходило в обратном направлении: из персидского – в тюркские и, уже из тюркских – в монгольские. В таком случае получает более или менее удовлетворительное объяснение отсутствие слова *jara* «рана» в ранних письменных памятниках, а также в чувашском и сибирских тюркских языках. Однако эта проблема требует более глубокого изучения истории данного слова на иранской почве (Әхмәтьянов, 2001, 264-265).

Предлагаемое «Этимологическим словарем алтайских языков» сближение тюрк. *jara* «рана» с монг. **sirqa(n)* «рана» не удовлетворительно прежде всего по фонетическим критериям (тюрк. *j-*, но монг. *s-*; тюрк. *-ə-*, но монг. *-q-*); ср. перечень монг. форм: ср.-монг. *sirqa* «ранить»; п.-монг. *sirqa(n)* «рана» (Lessing, 1960, 719); х.-монг. *šarχ* «рана, язва, ссадина»; *šarχä-* «мучиться»; *jar-šarχ* «язва» (БАМРС, IV, 344); бур. *šarχä* «рана»; «язва»; калм. *šarχä* «рана»; «болячка»; «язва»; дагур. *šerkire-* «ныть, ломить» (Тодаева, 1986, 183); ойр. *šarkil-* «ломить в суставах, ныть»; «щемить в груди»; *šarχa* «рана», «болячка» (Тодаева, 2001, 451) и т.п.

С приведенными монгольскими формами в родственных отношениях находятся такие казахские слова, как *sirqaw* «больной, хворый», *sirqat* «болезнь, болезненное состояние»; *sirqira-* «ломить, ныть (о боли)» и др. (этимологию см. ЭСТЯ, 2003, 417-418).

Следовательно, между тюрк. *jara* «рана» и монг. *sirqa(n)* «рана» никаких генетических связей нет.

Тюрк. *jara* «рана» в монгольские языки проникло дважды: в первый раз из какого-то восточнотюркского джокающего диалекта и во второй раз – из стандартного йокающего языка (скорее всего из уйгурского).

Подробнее см.: Vámbéry, 1878, 122; Ramstedt, 1935, 215; Brockelmann, 1954, §20a; Räsänen, 1957, 114; 1969, 189; Clauson, 1959, 185; Севортян, 1966, 263-264; Номинханов, 1975, 168; Doerfer, 1975, 54-56; ЭСТЯ, 1989, 139-140; Щербак, 1997, 123; Әхмәтьянов, 2001, 264-265; EDAL, II, 1517-1518.

ЖАРА- (*žara-*) «подходить», «соответствовать»; «быть к лицу»; «быть годным, годиться» < пратюрк. *jara-* «годиться, быть годным, полезным» ~ прабулг. **žara-* «тж.» (кауз. **žara-t-* «считать подходящим, пригодным»; «сделать подходящим, годным»; «изготавливать» и т.п. → венг. *gyárt-* «производить»; «изготавливать»), ср.: др.-тюрк. (с VIII в.) *jara-*, др.-уйг. (VIII в.) *jara-*, карах. (XI в.) *jara-* «подходить, годиться»; «ладиться, спориться» (ДТС, 239; Clauson, 1972, 956; Orkun, 1987, 885); туркм. *jara-*, тур. *jara-*, аз. *jara-*, гаг. *jara-*, сал. *jara-*, халадж. *jara-*, узб. *jara-*, уйг. *jara-*, кумык. *jara-*, кар. *jara-*, к.-балк. *žara-*, тат. *jara-*, башк. *jara-*, ног. *jara-*, к.-калп. *žara-*, кирг. *žara-*, алт. *d'ara-*, *jara-*, хак. *čara-*, шор. *čara-*, с.-юг. *jara-*, чув. *šura-š-* «примириться, соглашаться, свататься», чув. *jura-* (← ср.-кыпч. *jara-*) «годиться, быть годным»; «подходить (быть в пору, быть к лицу)»; «соответствовать» и т.п. (перечень форм см.: Räsänen, 1969, 198; Егоров, 1964, 219, 350; Clauson, 1972, 956; Федотов, 1996, II, 141-142; 491-492; 2002, 293-294; 460; ЭСТЯ, 1989, 137-139; EDAL, II, 1529-1530).

На общетюркском уровне Г.Й. Рамстедт данное слово сближает с др.-уйг. *ja-y-* «подходить» (Ramstedt, 1922-1923, 34), однако это предположение не нашло дальнейшей поддержки. Тюрк. *jara-* «годиться» очевидно является первичной корневой основой, а не дериватом от глагола *ja-y-* «подходить» или от имени **jar* (см. Doerfer, 1975, 56-57, 144).

На алтайском уровне тюрк. *jara-* «годиться» обычно слижается с монг. *najir* «гармония», *najira-* «смешиваться» и т.п. и маньчж. *nara-* (< **naira-* < **najira-*) «любить» и т.д. (Ramstedt, 1922-1923, 34; 1935, 274; Poppe, 1926, 103; 1960, 37; Санжеев, 1930, 673; Räsänen, 1969, 198), ср.: прамонг. **naji-*: ср.-монг. *naira-qui* «долг», «справедливость», «справедливое требование» (НУ, 49); п.-монг. *nai* «дружба» (Lessing, 1960, 558); *najir* «согласие, праздник, пир», *najira-* «сочетаться», «соединяться», «смешиваться»; «объединяться», «гармонировать» (Lessing, 1960, 559); х.-монг. *naj* «дружественное расположение»; «дружба»; *najz* «друг, приятель, подруга»; *najr* «пир, веселье»; «торжество, праздник»; «любезность, вежливость»; *najrā-* «сочетаться», «соединяться», «смешиваться»; «быть в согласии», «жить в мире»; «играть в бабки», «бросать жребий»; *najrayu* «кроткий, мирный, тихий, общительный, любезный, учтивый»; *najral* «согласие, единение», «гармония, согласованность»; *najramdal* «дружба», «согласие»; «миролюбие», «мир», «примирение» (БАМРС, II, 385-388); бур. *najr* «празднество»; «пир, веселье»; *najral* «составление, построение»; «согласованность, соответствие, гармония»; *najramdal* «спокойствие», «мир»; калм. *nā-* «согласен, ладно»; *nā:r-* «пир, веселье»; «потеха»; *nā:r bol-* «устраивать пир»; «радоваться»; *nā:r-* «смешивать»; «мешать» (см. Ramstedt, 1935, 273, 274); ойр. *nā-* «ну, так»; «ладно, хорошо»; «усердие, страдание»; *nā:r* «пир, веселье, торжество»; «забава, потеха»; *nā:rě-* «смешивать, кидать, метать (напр. игральные карты, альчики)» (Тодаева, 2001, 244, 245); дагур. *n'ara-* «питать любовь», «пристраститься к чему-либо» (Тодаева, 1986, 156); в говорах

Внутренней Монголии: хорч., джал., дубр., горл., архорч., бар., оннот., найм., харч., тум. *nēr*, шгол., уцаб., чах. *naёр* «пир, веселье» (Тодаева, 1981, 173) и т.п.

Перечень приведенных монгольских форм указывает на прамонгольский архетип **naji-* < **naji-* с предположительным значением «сочетаться», «соединяться», «смешиваться», который можно сблизить с тюрк. *jaq-* (<**ja-q-*) «подходить»; «нравиться», «быть приятным, полезным» и т.п. (см.: Ramstedt, 1922-1923, 34; ЭСТЯ, 1989, 138), но при этом все же остается много вопросов фонетического, морфологического и семантического плана.

Г. Дёрфер отвергает оспоставление тюрк. *jara-* «годиться» с монг. *najira-* «смешиваться» по следующим соображениям: 1) тюрк. *jara-* очевидно является корнем, а не производным от имени **jar*; 2) монгольский именной корень *najir* «согласие» (< **naji-*. – Ж.Т.) нельзя сравнивать с тюркским глагольным *jara-* «годиться»; 3) это сравнение невозможно и фонетически, так как монг. *-aji-* может соответствовать тюрк. *-aji-* или *-ayi-*, но никак не *a* (Doerfer, 1975, 56-57, 144; №1837).

Аргументы Г. Дёрфера кажутся убедительными. Видимо поэтому составители «Этимологического словаря алтайских языков» отказались от этого сближения. Тюрк. *jara-* «годиться» они сближают с тунгусо-маньчжурским *žarin* «для, ради» (см. ТМС, I, 253), японским и корейским формами, но монгольского материала не приводят (EDAL, II, 1529-1530). При монг. *najir* «согласие» и т.д. приводятся тунгусо-маньчжурский **ŋāni-* «пойти, чтобы принести что-либо» (см. ТМС, I, 657), японский и корейский формы, а о тюрк. *jara-* «годиться» вообще не упоминается (EDAL, II, 1026).

К тюрк. *jara-* «годиться», «быть годным»; «подходить»; «соответствовать», «быть полезным» и т.п., видимо восходит п.-монг. *žaru-* «использоваться для услуг»; «распоряжаться»; «посылать, отправлять (с каким-либо поручением)»; х.-монг. *žara-* «использовать для услуг»; «держат у себя на службе»; «распоряжаться»; «посылать, отправлять (с каким-либо поручением)»; «расходовать, тратить»; «продавать» (БАМРС, II, 211); бур. *žara-* «посылать, отправлять»; «использовать для услуг»; «распоряжаться»; ойр. *žara-* «посылать, отправлять (с поручением)»; «использовать для услуг, распоряжаться»; калм. *žar(ā)-* «использовать как батрака»; «посылать, отправлять (с каким-либо поручением)»; в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., дубр., горл., архорч., барин., онн., найм., хеш., харч., тум., урат., чах. *žara-*, дарх.-мянг., шгол., *žara-*, орд. *žaru-* «использоваться для услуг», «распоряжаться»; «посылать, отправлять (с каким-либо поручением)» (Тодаева, 1981, 155); дагур. *žara-* «посылать, отправлять с поручением»; «использовать для услуг»; «гнать, выгнать»; *žara-* «гнать, торопить», «понуждать» (Тодаева, 1986, 142); монгор. *žurā-* «преследовать, гнать, гоняться» (Тодаева, 1973, 335).

В монгольский проникла производная от *jara-* «подходить, годиться» именная основа *jaraq* (~ каз. *žaraq*) «подходящий, пригодный», ср.: ср.-монг. *kerek-žaraq* «потребности» (Щербак, 1997, 164; подробнее см. каз. *жарақ* «оружие, снаряжение»).

Маньчжурские *nara-* (<*najra-*) «любить (страстно)», «питать сильную любовь, влечение, склонность, привязанность»; «пристраститься к чему-либо»; «желать (кого-либо)», *najran* «смешение, смесь, сбор» и т.п. (см. ТМС, I, 579, 585), вопреки представлениям традиционных алтаистов (Ramstedt, 192-1923, 34; 1935, 274; Poppe, 1960, 37, 140; Санжеев, 1930, 673 и др.), являются относительно поздними монгольскими заимствованиями.

Подробнее см.: Gomboch, 1912, 75; Räsänen, 1920, 136, 157, 197; 1969, 198; Ramstedt, 1922-1923, 34; 1935, 274; Poppe, 1926, 103; 1960, 37, 140; Санжеев, 1930, 673; Егоров, 1964, 219, 350; MNyTESz, I, 1122, 1123; Clau-son, 1972, 956, 959; Doerfer, 1975, 56-57, 144; Ligeti, 1986, 21, 54, 320; Orkun, 1987, 885; ЭСТЯ, 1989, 137-139; Федотов, 1990; 236, 285; 1996, II, 141-142, 491-492; 2002, 293-294, 460; Щербак, 1997, 164; EDAL, II, 1026; 1529-1530.

ЖАРАҚ (*žaraq*) «оружие»; «снаряжение»; «вооружение» < пратюрк. **jaray* «подходящий случай, момент»; «средство»; «сила», «вооружение», «снаряжение»; ср.: др.-тюрк. *jaraq* «панцирь, кольчуга»; др.-уйг. (VIII в.) *jarıq*, карах. (XI в.) *jarıq* «панцирь, кольчуга», *jaray* «подходящий случай, момент, средство»; «панцирь, кольчуга», чаг. (XV в.) *jaray* / *jaraq* «орудие, инструмент, средство»; хорезм. (XIV в.) *jaray* «удобный случай»; «возможность», «вероятность»; «приготовление (чего-либо)»; «способность» и т.д. (см. ДТС, 239, 241; Clauson, 1972, 962; Orkun, 1987, 885, 886); ср.-тюрк. *jaray* «годность», «возможность», «необходимость»; «польза»; «способ»; «сила», «мощь»; «годный» (Боровков, 1963, 142); *jaraylıq*, *jaraylıq* «нужный, подходящий» (Боровков, 1963, 143); *jaraylıq*, *jaraylıq* «истина» (Боровков, 1963, 143); *jarıq* «панцирь» (Боровков, 1963, 144); *jaraylan-* «вооружаться, снаряжаться» (Курышжанов, 1970, 127); *jarıq* «оружие, снаряжение» (Курышжанов, 1970, 127); *jaray* «приготовление, подготовка»; «сила» (Фазылов, 1966, I, 483-484); *jarıq* «панцирь» (Фазылов, 1966, I, 486); *jaray* «оружие»; *jarayla-* «готовить, готовить»; «снаряжать»; «вооружаться» (Фазылов, Зияева, 1978, 306-307); куман. *jarov* «необходимость»; «снаряжение, вооружение»: *kerek jarov bar-mü* «hast du die Sachen» [имеется ли необходимое снаряжение. – Ж.Т.] (Grönbech, 1942, 116); туркм. *jaray* «оружие»; «орудие»; тур. *jarak* «оружие», «снаряжение»; «мужской член»; аз. *jaray* «оружие, вооружение»; «снаряжение»; *jaray-jaray* «оружие, доспехи»; узб. *jaray* «оружие»; «вооружение»; ср. также узб. *jarayli* «годный, пригодный»; «трудоспособный», *jarayli* «вооруженный», «имеющий оружие»; уйг. *jaray* «оружие, вооружение»; *keräk-jaray*, *qural-jaray* «оружие, вооружение»; *jaraylan-* «вооружаться»; *jaray-jaray* «вооружение, военной снаряжение»; кумык. *jarawlı* «годный, пригодный, подходящий»; кар. *jaraw* «позволение», *jarawlu* «позволенный, разрешенный»; к.-балк. *žaraw* «действие, влияние, польза»; тат. *jaraylı* «годный, пригодный, приемлимый, подходящий»; зап.-сиб. тат. *jaray* «оружие» (Тумашева, 1992, 69); башк. *jaray* «оружие, снаряжение, доспехи»; «приготовление, подготовка»; *jaraylı* «годный, пригодный», «приемлимый»; ног. *jaray*: *qawya jarayları* «боеприпасы»; *sawit-jaray* «оружие, вооружение»; «снаряжение»; *kerek-jaray* «необходимое снаряжение и оборудование»; «всякие нужные, необходимые вещи»; к.-калп. *žaraq* «оружие, вооружение, снаряжение»; *žaw žaraq* «военный доспехи», «военное снаряжение»; *qural-žaraq* «вооружение»; кирг. *žaraq* «оружие», «снаряжение»; «орудие»; *žaj-žaraq*, *žaj-žaraq* «весь комплект военных доспехов»; *kerek-žaraq* «необходимое снаряжение и оборудование»; «оружие и снаряжение»; в алт. и др. сибирских тюркских языках не отмечено; чув. *juravlä* «годный», *joralä* «годный», *jorallä* «годный» (Ашмарин, V, 4) ← ср.-кыпч. *jarawlı* «(при)годный»; чув. *jurax(lä)* «годный»; «порядочный»; «хороший» (Ашмарин, V, 7) ← ср.-кыпч. *jaray* «(при)годный», «(при)годность».

Полисемантическое имя *jaray* «(при)годность»; «подходящий»; «приготовление»; «оружие», «вооружение»; «снаряжение» и т.п., производное на *-y/-q* от глагольной основы *jara-* (~ каз. *жара-*) «годиться», очевидно образовалось в юго-восточной (чагатайской) зоне тюркских языков и впоследствии распространилось во многих тюркских языках (за исключением куманско-кыпчакских и сибирских групп). Показательно, что в поволжских и куманских кыпчакских языках функционирует собственное отглагольное производное на *-w* (**jaraw*, чаще в составе **jarawli* «годный», «пригодный»), но форма *jaray / jaraq* в значении «оружие» отсутствует (если не считать поздние приобретения в башкирском и сибирско-татарском).

Показательны в свете тюркско-монгольских языковых контактов представленные главным образом в кыпчакских языках (а также в уйгурском и кыпчакизированных говорах узбекского языка) парные формы типа *kerek-jaraq* (впервые зафиксировано в Codex Cumanicus, см. выше); которые получили отражение в среднемонгольском памятнике 1240 года «Сокровенное сказание монголов»; ср.: ср.-монг. *kerek žaraq* «потребности» (Козин, 1997, 164). Непосредственным источником данного заимствования в среднемонгольский, по всей вероятности, был некий джокающий диалект кыпчакского языка.

В современных монгольских языках следы данного слова не обнаружены.

Подробнее см. каз. *жара-* «подходить»; лит.: Menges, 1955, 756; Clouston, 1972, 962; Doerfer, 1975, №1837; ЭСТЯ, 1989, 137-139.

ЖАРЛЫК (*žarlıq*) ист. «распоряжение», «приказ» ← пратюрк. **jarlıq* «приказ от вышестоящего к нижестоящему», ср.: др.-тюрк. *jarlıy* «повеление», «приказ», «указ», «распоряжение» (с VIII в.), ср. *jarlıy boltı* «*yarlığ oldu*» (Orkun, II, 64); карах. (XI в.) *jarlıy* «повеление, предписание, приказ» (МК, I, 87); др.-уйг. *jarlıy*, чигил. *jarlıy* «письменный или устный (?) приказ султана» (МК, II, 42); чаг. (XV в.) *jarlıy* «указ или распоряжение тюркского правителя (султана)»; хорезм. (XIV в.) *jarlıy* «божье предопределение»; «правительственный указ»; др.-осм. (XV в.) *jarlıy* правительственный указ»; ст.-уйг. (VIII в.) *jarlıy* «свод религиозных предписаний, сутра» (ДТС, 242; Orkun, 1986, 885-886; Clauson, 1972, 966-967); ср. также др.-тюрк. (XV в.) *čarlıy, čarluy* (ДТС, 141); *žarlıy, žarluy* (ЛОК, 11, 21) «приказ, предписание», «указ» (ДТС, 641) (← монг.); туркм. *jarlıq* «ярлык, письменный указ, грамота»; ср. также *jarlıq* «ярлык, наклейка» (← рус.); тур. *jarlıg, jarlık* «ярлык, приказ (хана)»; *jarlık* «благодеение, благотворительность»; осм. *jarlıy* «указ» (Радлов, III, 142); *jarlıya-* «приказать»; «издать указ»; «быть милостивым»; «говорить (о старших)»; «простить грехи (о Боге)» (Радлов, III, 142-143); *jarlıyajzı* «прощающий, Бог»; *jarlıyan-* «быть прощенным»; аз. *jarlıg* «грамота, письменный указ хана Золотой Орды»; ср. также *jarlıg* «ярлык»; «этикетка, наклейка на чем-либо (на товаре) с указанием названия, цены, размера и т.п.»; «шаблонное прозвище, наименование, формально характеризующее кого-, что-либо» (← рус.); вост.-тюрк., чаг., тар. *jarlıq* «приказ, указ»; «царская грамота»; «диплом»; «монограмма на грамотах»; чаг. *jarlıy* «т.ж.», *jarlıyli* «получивший ханскую грамоту», «освобожденный от подати» (Радлов, III, 143-144); уйг. *jarlıq* «ярлык, ханская грамота»; «приказ, указ»; уйг. (хам.) *jarlıq* «приказ» (Малов, 1954, 154); узб. *jərliq* «ярлык, письменный указ, грамота хана (о назначении кого-либо на должность)» и т.п.; ср. также *jərliq* «ярлык (листок с клеймом, знаком)» (← рус.); к.-калп. *žarlıq* «указ, распоряжение, приказ»; *bujrīq-žarlıqlar* «приказы и распоряжения»; *žarlıq et-* «приказывать»; ж.-уйг. *jarlıy, jarlıq* «приказ, повеление» (Малов, 1951, 37); кар. к. *jarlıq* «грамота, дающая привелегию»; кар. г. *jarlık* «привилегия» (← тур.); кар. *jarlık* «этикетка» (← рус., польск.?); к.-балк. *jarlık* «ярлык» (← рус.); тат. *jarlıq* «ярлык, письменный указ, грамота хана»; диал. *jarlık* «извещение, квитанция» (ТТДС, 1969, 167); тат. *jarlık* «этикетка, ярлык» (← рус.); зап.-сиб. тат. *jarlıq* «ханская грамота, приказ» (Тумашева, 1992, 71); башк. *jarlıq* «письменный указ, грамота»; *jarlıq* «ярлык, этикетка» (← рус.); кир. (=каз.) *žarlıq* «приказание, приказ» (Радлов, IV, 33); кирг. *žardıq, žarlıq* «указ, распоряжение»; *bujruq-žarlıqtar* «приказы и распоряжения»; алт. *d'arlıq* «последователь бурханизма», *d'arlıq ulus* «бурханисты»; куманд. *d'arlıq* «объявление, указ, приказание» (Баскаков, 1972, 211); лебед. *jarlıq* «объявление, указ, приказание» (Баскаков, 1985, 149); алт., тел., леб., куманд., уйг. *jarlıq* «объявление, указ, приказание» (Радлов, III, 141-142); ср. хак. *čardıx* «часть»; *kniganı pastayı čardıy* «первая часть книги»; *čõx čardıxarı* «части речи»; хак. *jarlık* «ярлык» (← рус.); тув.

čarlıx «объявленный, известный»; *čarlıq* «указ»; чув. *jarläk* «удостоверительная записка» (Ашмарин, IV, 229) (← тат.); *jarlık* «билет, удостоверение для получения чего-либо» (Ашмарин, IV, 229) (← рус.); *jorlık* «удостоверительная записка» (Ашмарин, V, 8), *jorläk* «удостоверительная записка»; «билет»; «свадебный обыск» (Ашмарин, V, 8), (← ср.-кыпч.); *jorlık* «приказ, повеление, указ»; «объявление»; «свидетельство»; «билет» (Золотницкий, 1875, 18) (← ср.-кыпч.) (см. ЭСТЯ, 1989, 18-20; Doerfer, 1963, 277-279; 1975, 58-66, 153-158; Номинханов, 1975, 102-103; Федотов, 2002, 300-301).

Слово *jarlıy* «приказ, распоряжение» хорошо представлено в древнетюркских письменных памятниках с VIII в. (см. Clauson, 1972, 966-967), поэтому его исконный характер не вызывает никаких сомнений. Морфологическая структура слова прозрачна и хорошо объясняется на тюркском языковом материале: тюрк. **jar* «клич»; «извещение», «оглашение», «сообщение» и т. п. (см. каз. *жап*) + именной деравационный аффикс *-lıq* ~ *-lıy*, образующий от именных основ новые существительные «с преобладающим значением абстрактности = обобщенности» (Щербак, 1977, 104 и след., Севортян, 1966, 20-53; СИГТЯ, 1988, 138-144).

Одним из важных значений полисемантического аффикса *-lıq* ~ *-lıy* является «назначение и функция» (Севортян, 1966, 20 и след.), «вещь или приспособление, предназначенные для того, что выражено исходной основой» (Хабичев, 1971, 229-231); «наличие или назначение данного предмета» (Баскаков, 1952, 182); «назначение предметов, выраженных основой» (Мусаев, 1964, 104 и след.) и т. п. Следовательно, тюрк. *jarlıy* следует толковать как «вещь, предназначенная для выкрикивания, оглашения, опубликования» и т. п. В дописьменную эпоху, по всей вероятности, это были устные повеления и указы родо-племенных предводителей, которые доводились до сведения народа через рассыльных глашатаев и оглашались ими публично на сходках и собраниях. С появлением письменности распоряжения и приказы ханов оформлялись письменно и эти ярлыки разносились посыльными глашатаями по всем весям степной империи, где и разглашались при большом скоплении народа. Со временем ярлыками стали называть главным образом письменные приказы и вообще любые грамоты вышестоящих лиц.

В фонетическом отношении межтюркские корреляты данного слова находятся в полном соответствии с установленными в тюркской компаративной фонологии закономерностями. Исключением является только зафиксированные в «Легенде об Огуз-кагане» (список XV в. уйгурским письмом) не тривиальные формы *čarlıy*, *čarlıy* (ДТС, 141), *žarlıy*, *žarlıy* (ЛОК, 11, 21) «приказ», «предписание», «указ» (ДТС, 641), которые по инициальному *č* ~ *ž* (вместо закономерного *j*-) вполне обоснованно квалифицируются как монголизмы.

В сравнительно-исторических и этимологических исследованиях тюрк. **jarliq* «распоряжение, приказ» обычно сближается с монг. **žarliy* «повеление, приказание, указ» (Ramstedt, 1935, 467; Räsänen, 1969, 188-189; Doerfer, 1963, 277-279; 1975, 58-66, 157; Номинханов, 1975, 102-103; ЭСТЯ, 1989, 18-20; Егоров, 1964, 226; Федотов, 1996, II, 157; 2002, 300-301; Эхмэтьянов, 2001, 265 и др.); ср.: п.-монг. *žarliy* «приказ, указ, повеление» (Владимирцов, 1929, 148, 399); *žarliy* (Haenisch, 1939, 86), *zarliy* (Lessing, 1960, 1038), *žarlik* «повеление, приказание, указ; слово старшего, высшего лица к младшему, низшему» (Kowalewski, 1844-1849, 2306); х.-монг. *zarliy* «указ, приказ»; «повеление, веление, ярлык»; «изъявление воли» (БАМРС, II, 213); бур. *zarliŋ* «повеление, указ»; *zarliy zābari* «веление, приказание»; ст. калм. *zarliŋ* «слово важного лица»; «приказ, повеление» (Позднеев, 1911, 261); калм. *zärlĕg* «указ»; «повеление»; *zärlĕglĕ-* «издавать указ»; «повелевать»; *zarl'ĕG* «приказ»; «приказание»; «слово (правителя или главного ламы)» (Ramstedt, 1935, 467); ойр. *žarley* «указ, приказание, повелевание»; «пожелание» (Тодаева, 2001, 155); в говорах Внутренней Монголии; хорч., джал., дурб., горл., архорч., барин., харч. *žärläy*, шгол. *zarliy*, орд. *žarliy* «указ»; «повеление» (Тодаева, 1981, 155) и др.

Данное слово из тюркских языков проникло в некоторые иранские языки, ср.: перс. *järliy* «повеление, приказ, царский указ» (Гаффаров, 1927, II, 913); *järliy* «повеление, приказ, царский указ» (Миллер, 1953, 603); *jarliy*, *jerley*, *jerliy* «царский, ханский указ»; «царская, ханская грамота»; «монограмма (на грамоте)» (Рубинчик, II, 739, 744); тадж. *jarliq* «царский указ, царская грамота»; «вверительная грамота» и т. д. Показательно, что иранские формы в анлауте имеют согласный *j*-, а не *ž*-, как в других однокоренных словах *žar* «крик», «клич»; «указ, приказ», *žarči* «глашатай», заимствованных из монгольского языка через тюркское посредство.

Слово *jarliq* «распоряжение, приказ» из среднекыпчакского языка довольно рано проникло в восточнославянские языки, ср.: др.-рус. *ярлыкь*, *ерликь* (с 1267 г.) «жалованная грамота татарских ханов»; (1475 г.) «договорная грамота татарского хана»; (1380 г.) «вообще – грамота, письмо (от хана или хану)» (Срезневский, III, 1660-1662); рус. *ярлык*, *ерлик* «письменный указ, грамота хана в монголо-татарских ханствах»; «товарный знак, клеймо, наклейка на товаре»; «листок с каким-либо клеймом, знаком» (см. Даль, IV, 678; Ушаков, IV, 1464); укр. *ярлик*, блр. *ярлык* (1492 г.) «ханская грамота (повеление, приказ)»; «жалованная грамота»; «наклейка, этикетка на товаре или на вещи, предмете с указанием названия, номера, места и времени изготовления, сорта, цены и т.д.» (в последнем значении ← рус.) (подробнее см.: Miklosich, 1884, I, 316; Горяев, 1896, 436; Verneker, 1908-1913, I, 446; Lokotsch, 1926, 76; Преображенский, II, 139; 1958, 1279; Дмитриев, 1958, 36-38; 1962, 552; Кононов, 1958, 90; Фасмер, IV, 561; Шипова, 1976, 438-439; Менгес, 1979, 187; Черных, 1993, II, 471-472; Аникин, 2000, 729).

По Н.К. Дмитриеву, *ярлык* – это «монгольское слово... получившее широкое распространение в Золотой Орде и от татар попавшее к русским. Первоначальное – монгольско-тюркское значение слова «приказ», «повеление хана»... Русское «сужение значения» «рескрипт» > «этикетка» связана, очевидно, с таможенной практикой, когда на товары наклеивались ярлыки с разрешением хана» (Дмитриев, 1958, 37-38; 1962, 554). Исходным для развития значения «этикетка», видимо, послужило значение «монограмма на грамотах», то есть оттиск ханской печати. Печати в Монгольской империи появились довольно рано. Согласно «Юань-ши», Чингис-хан в 1204 г. узнал от плененного им найманского визиря Таян-хана-Тататунга, несшего ханскую печать, для чего применяется этот предмет, с какими письменами, и начал употреблять такую же печать для скрепления государственных бумаг, затем поручил тому же Тататунга обучать его детей и ноянов-родственников уйгурскому письму (Далай, 1983, 150).

Подробнее см.: Золотницкий, 1875, 18; Ramstedt, 1935, 467; Преображенский, II, 139; 1958, 1279; Дмитриев, 1958, 36-38; 1962, 554; Doerfer, 1963, 277-279; 1975, 58-66; Егоров, 1964, 226; Räsänen, 1969, 188-189; Фасмер, IV, 561; Clauson, 1972, 966-967; Номинханов, 1975, 102-103; Шипова, 1976, 438-39; Менгес, 1979, 187; Orkun, 1986, 885-886; ЭСТЯ, 1989, 18-20; Черных, 1993, II, 471-472; Фетодов, 1996, II, 157; 2002, 300-301; Аникин, 2000, 729; EDAL, II, 973; Эхмэтьянов, 2001, 265.

ЖАРМА (*žarma*) «крупа» ← пратюрк. **jārma* «нечто раздробленное, расщепленное, рассеченное»; «крупа, сечка» (<**jār-* «рассекать», «раскалывать», «раздробить» + именной деривационный аффикс *-ma* со значением результата действия или названия действия); ср.: др.-тюрк. (др.-уйг. с VIII в.) *jarma* «крупа»; «расщепленный, расколотый, раздробленный»; карах. (XI в.) *jarma ju(w)ya* «слоеная лепешка» (МК, III, 34) [с крупяной начинкой? – Ж.Т.]; чаг. (XV в.) *jarma*, куман. *jarma* «крупа» (ДТС, 242; Clouston, 1972, 969; Grönbech, 1942, 116); туркм. *jārma* «крупа»; «сечка»; «жидкая каша, каша из пшеничной сечки»; тур. *jarma* «выемка, расщелина, ущелье»; «прорыв (фронта и т.п.)»; «колкий, легко раскалывающийся, легко отделяющийся»; «крупного помола»; «пшеничная крупа»; аз. *jarma* «каша»; «каша, приготовленная из (пшеничной) крупы»; гаг. *jarma* «(рас)колотый»; «молотый»; «отруби»; «крупа»; сал. *jarma* «град» (Тенишев, 1976, 347); халадж. *jarma* «крупа» (Doerfer, Tezcan, 1980, 221); узб. *jərma* «крупа», «пшеничная сечка»; уйг. *jarma* «крупа», *ja(r)ma* «расколотый», «раздробленный»; «полено»; «пшеничная или ячневая крупа»; *jarma* «пшеничная или ячменная крупа»; уйг. (синьцз.) *jama šäptöl* (хот.) «нежный персик, быстро раскрывающийся» (Малов, 1961, 115); кумык. *jarma* «крупа»; *arpa jarma* «ячневая крупа»; к.-балк. *žarma* «сечка, дробленка, крупа»; «дерьт»; *nartüχ žarma* «кукурузная сечка»; тат. *jarma* «крупа»; *arpa jarması* «перловая крупа»; *tari jarması* «пшеничная крупа, пшено»; *jarma qar* «зернистый снег, крупа»; башк. *jarma* «крупа», *dögö jarmahı* «рисовая крупа»; *jarma jar-* «бесстыдно врать»; ног. *jarma* «крупа, сечка»; *qara jarma* «ядрица, гречневая крупа»; *närtük jarma* «кукурузная сечка»; *tari jarması* «пшено»; *jarma tamaq* «ангина»; к.-калп. *žarma* «крупа»; «жидкая похлебка из толченого ячменя, пшеницы или джугары»; ср. также *žarma, žarmıs* «канал, берущий начало прямо из реки»; каз. *žarma* «крупа»; «канал, разделенный на две части по середине»; «женское украшение» (КТТС, III, 695-696); кирг. *žarma* «отщепленный»; «щепа (длинная)»; «крупное толокно, дробленое жаренное зерно (пшеницы, ячменя)»; «похлебка из дробленного жаренного зерна (пшеницы или ячменя, приправленная молоком, жиром, а также без приправы)»; *qara žarma* «похлебка без приправы»; *tobuja žarma* «похлебка из гороха»; *ačma žarma* «кислое питье, приготовленное из дробленного ячменя без солода»; «буза»; *žarma tanış* «шапочный знакомый»; *öz žarma taj* «жеребенок-годовичок (когда его начинают взнуздывать, а он с непривычки грызет и дергает удило, разрывая себе углы губ)»; ср. также *žarma* «могильная яма»; алт. *d'arma* «отруби», «ячменная крупа»; конд. *jarba* «крупа ячменная»; *un jarbazi* «отруби» (Вербицкий, 1884, 80); тел., н.-бий. *jarma* «крупа из ячменя» (Вербицкий, 1884, 80); куманд. *d'arma* «крупа из ячменя» (ср. монг. *zarma, zaram*) (Баскаков, 1972, 211); хак. *čarba* «крупа»; *čarbaly ügre* «суп с крупой», «ячменный суп»; сагай. *čarba* «крупа», *un čarbası* «отруби» (Радлов, III, 1874); тув. *čarba* «сечка (дробленая крупа)»; ср. чув. *širma*

«река, речка, овраг» (< *šir*- «размывать – о воде») (Федотов, 1996, II, 156); ? чув. *jurta* «приправа (к жидким блюдам)» (← ср.-кыпч. *jarma* «крупа»); но чув. *šur*- «обдирать зерно» и др.

Судя по чувашскому материалу, в стандартных тюркских языках очевидно произошла контаминация двух омонимичных основ: *jarma I* «выемка, расщелина»; «канал», «овраг» и т. п. (~ каз. *žarma*, к.-калп. *žarma* «канал», кирг. *žarma* «могильная яма», чув. *širma* «река, овраг» < **jar*- ~ *šur*- «прорывать, размывать» – о воде) и *jarma II* «нечто раздробленное, рассеченное», «сечка», «крупа», «отруби» и т. п. (ср. напр., значения каз. *žarma* в перечне форм) ← **jar*- ~ чув. *šur*- «расколоть», «расцеплять», «рассекать», «раздробить» и т. п.

Слово хорошо этимологизируется на тюркском языковом материале и широко представлено как в письменных источниках, так и в большинстве современных языков.

Тюрк. *jarma* «крупа», «отруби» и т. п. относительно рано проникло в монгольские языки, ср.: п.-монг. *žarma* «мучные высевки», «отруби», «высевки из проса, крупы», «мелкое зерно» (Голстунский, 1893, III, 341); *yarma* = чаг. *yarma* «крупа» (Поппе, 1938, 387); х.-монг. *žarām* «отруби (из рисовой крупы)»; «мучные высевки»; *bürcegin žarām* «гороховая мука»; *žarām yol* «охвостье, остатки от очистки зерна»; *žarām χορχοj* «книжный червь» (= каз. *žarma qurt*, см. Базылхан, 1984, 247); *žarām žayās*, *žarām žarāχaj* «мелкие рыбы, мальки» (БАМРС, II, 211); монг. *žarām*, *žarmā* «отруби»; «мелкая крупа» (Ринчинэ, 1947, 100, 101); ойр. *žaram* «просо» (Тодаева, 2001, 153); ст.-калм. *žarma* «крупа»; «зерновой хлеб» (Позднеев, 1911, 261); калм. (дерб.) *žarm(ā)* «просо», «крупа»; *žarmā (žarmā, žarām)* «просо, пшено»; «крупа»; «мука грубого помола» (Ramstedt, 1935, 467).

Еще Г.И. Рамстедт сопоставлял монг. *žarma* «просо», «крупа» с тюрк. (чаг.) *jar-ma* «крупа», «ячневая крупа» (Ramstedt, 1935, 467).

М. Рясанен указывает, что тюрк. *jarma* «крупа» (чаг., каз.-тат., тоб. *jarma*, тел. *d'arma*, хак., саг. *čarba* (< *jār*- «расколоть», «раздробить») проникло в обско-угорские (хант. *jama*, манс. *jarma*) и монгольские (монг. *žarma* «просо, пшено», «крупа», со ссылкой на Г.И. Рамстедта) языки (Räsänen, 1969, 190). О распространении тюрк. *jarma* «крупа» в языках других семей подробнее см. Doerfer, 1975, №1855.

Ц.-Д. Номинханов приводит свод тюркских и монгольских форм (Номинханов, 1975, 153), но у него в тюркской части проскальзывают не совсем корректные сближения, напр., к.-калп. *žari* «половина», каз. *žara* «рана»; а также требуют объяснения приведенные в этом ряду монгольские формы *jara* «рана», *jarā*- «разрезать, раздвигать».

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 467; Räsänen, 1969, 190; Clauson, 1972, 969; Номинханов, 1975, 153; Doerfer, 1975, №1855; ЭСТЯ, 1989, 135-137; Эхмэтьянов, 2001, 265.

ЖАРШЫ (*žarši*) «глашатай», «вестник»; «акын, открывающий большие празднества, торжественные собрания, игрища песнями»; «зачинатель, распространитель добрых дел, нововведений» (ҚТТС, III, 700) < пратюрк. **jarči* «вестник», «вестовой», «глашатай»; ср.: туркм. *žarči* «глашатай»; «провозвестник»; диал. *žārči* «глашатай» (Мухыев, 1959, 235); тур. *žarži* «глашатай»; аз. *žarči* «глашатай», «вестник»; чаг., ст.-осм. *žarži* «глашатай (передающий сообщения, извещения или распоряжения)»; «герольд» (Zenker, 1862-1867, I, 340); осм. *žarži* «провозглашатель» (Радлов, IV, 34); уйг. *žarči* «глашатай»; *žarčiliq* «глашатайство», «профессия глашатая»; узб. *žarči* «глашатай»; *žarčiliq* «занятие или профессия глашатая»; диал. *žārči* «глашатай» (Решетов, 1951, 306); башк. *jarsī* «глашатай»; к.-калп. *žarši* «извещающий»; «глашатай»; кирг. *žarči* «глашатай» (он разъезжал верхом по местам скопления народа и громко оповещал о распоряжениях властей или пропаже чего-либо, подробно указывая приметы пропажи и размер вознаграждения разыскавшему); алт. *d'arči* «глашатай»; тел., куманд., алт. *jarči*, тел. *d'arči* «рассыльный», «вестник» (Радлов, III, 147) и др. (см. Doerfer, 1963, 277-279; ЭСТЯ, 1989, 18-20).

Из современных тюркских языков слово *žarči* «вестник», «глашатай» представлен, главным образом, в карлукских (уйг., узб.), кыпчакских (за исключением куманской ветви) и огузских (туркм., тур., аз.) языках, причем в огузские языки оно проникло из карлукских (карах., уйг., чаг.) языков, о чем свидетельствует не характерный для огузских языков инициальный *ž-* (пратюрк. **jarči*, но огуз. *žarči* вместо ожидаемого **jarči*).

Слово **jarči* «вестник», «глашатай» хорошо этимологизируется на тюркском лингвистическом материале: оно состоит из производящей именной основы **jar* ~ *žar* «клич»; «оповещение», «объявление» (см. *жаp*) и деривационного аффикса *-či*, образующего вторичные именные основы со значением лица по характеру занятий, действий или привычек, а также социальной принадлежности, месту жительства и т.п. (Щербак, 1977, 103 и след., СИГТЯ, 1988, 144-146). Тем не менее, невозможно однозначно разрешить дилемму: на тюркской или монгольской почве возникло данное слово, — так как и производящая основа **jar* (→ монг. *žar*) и словообразовательный аффикс *-či/-či* (→ монг. *-či*) относительно рано проникли из тюркских в монгольские языки. В кыпчакской группе тюркских языков слово могло удержаться с древнетюркского состояния. Во всяком случае фонетическая структура кыпчакских форм не противоречит такому утверждению: пратюркский анлаутный **j-* в исконных словах дает такие же межкыпчакские корреляции, как и проникший в составе монгольских заимствований инициальный *ž-*, ср.: ср.-кыпч., кумак. *j-*, кумык., кар., кр.-таж. *j-*, к.-балк. *ž-* (в диалектах *z-*, *ž-*), тат. *j-* ~ *ž-*, башк. *j-*, ног. *j-*, к.-калп., каз. *ž-*, кирг. *ž-*, алт. *d'-*, *j-*. Исходя из этой закономерности, кыпчакские формы можно квалифицировать и как исконные, и как заимствования из других тюркских (напр., карлукских) языков, и как монголизмы, однако в любом

случае верхняя дата его появления не выходит за пределы XIII-XIV вв. В карлукских языках функционируют исключительно формы с анлаутным *ǰ*, и по этому признаку уйг. *ǰa(r)či* и узб. *ǰarči* «глашатай» следует считать монгольскими заимствованиями. Отсутствие слова *jarči* «вестник», «глашатай» в древнетюркских письменных памятниках, функционирование в карлукских и огузских языках исключительно «монголоидных» форм с инициальными *ǰ*, а также сама возможность появления слова *ǰarči* «глашатай» в условиях развитого государства, отсутствие слова в ряде тюркских языков, оказавшихся на периферии Монгольской империи, и другие факторы склоняют все же к мнению о сравнительно позднем появлении данного слова и в кыпских языках.

Тюрк. *jarči* «глашатай» проникло в монгольские языки, ср.: п.-монг. *ǰaruča* «рассыльный»; «вестник»; «глашатай»; «служитель», «слуга» (Голстунский, 1893, III, 339); *ǰaruča* «рассыльный»; «служитель», х.-монг. *ǰarcā* «тж.» (Владимирцов, 1929, 334); х.-монг. *ǰarčā* «вестник, глашатай, герольд»; «посыльный, слуга» (БАМРС, II, 214); ср. еще *ǰarča* «слуга, лакей, служитель, прислужник»; «батрак» (БАМРС, II, 213); ст.-калм. *zaruča* «прислуга, слуга»; калм. *zarcā* «слуга»; «батрак»; *zarcā* «вестник», «глашатай», «провозглашатель»; «герольд» (см. Ramstedt, 1935, 468), *ǰarčām* «приказ, приказание»; «распоряжение», «провозглашение» (Ramstedt, 1935, 468); ойр. *zarcā* «слуга, лакей»; «батрак»; (Тодаева, 2001, 153); *ǰarči* «принцип, убеждение, взгляд на вещи» (Тодаева, 2001, 153); дагур. *ǰarači, ǰariči* «слуга, прислуга» (Тодаева, 1986, 142); в говорах Внутренней Монголии: харч., джал., дурб., горл. *ǰaršā*, архорч., бар., онн., найм., хеш., харч., тум., чах. *ǰarčā*, шгол. *zarcā*, орд. *ǰaruči* «слуга, лакей»; «батрак» (Тодаева, 1981, 155) и др.

В составе монгольского *ǰaruči* явно выделяется тюркский по своему происхождению именной деривационный аффикс *-či* (см. Poppe, 1960, 166, 274; ср. 277, 285) ~ тюрк. *-či*, образующий вторичные именные основы со значением лица по характеру занятий, действий и т. п. (см. Кононов, 1960, 106; Щербак, 1977, 103 и след.; СИГТЯ, 1988, 144-146). Поэтому тюркское происхождение монгольского *ǰarčā* «вестник», «глашатай» не вызывает сомнений. Однако следует заметить, что в перечне приведенных монгольских форм явно наблюдается контаминация двух паронимических основ: 1) монг. *ǰarči* «вестник, глашатай» (← тюрк. **jarči* «тж.») и 2) монг. *ǰaruča* «слуга; лакей» (< монг. *ǰaru-* посылать, отправлять»; «распоряжаться»; «использоваться для услуг» + монг. деривационный афф. *-ǰu/-ču*, см. Poppe, 1960, 277, 285).

Данное слово представлено также в некоторых иранских языках, ср.: перс. *ǰarǰi, ǰarči* «глашатай» *ǰarči baši* «шахский глашатай», «герольд» (Гаффаров, 1914, I, 203); *ǰarči, čarči* «публичный глашатай» (Миллер, 1953, 144; Рубинчик, 1983, I, 423); тадж. *ǰarči* «глашатай на базарной площади

(оглашавший правительственные приказы или объявляющий о пропаже или находке чего-либо»); афг. *žarči* «глашатай»; «зазывала»; *žarči baši* «главный глашатай» (Асланов, 1966, 286); мундж. *žarči* «глашатай»; ягноб. *žarči* «глашатай» (см. Doerfer, 1963, 277-279) и др. В иранские языки это слово проникло непосредственно из тюркских языков карлукской группы, скорее всего, из чагатайского.

Монг. **žarči* «вестник, глашатай, герольд» с одинаковым успехом можно квалифицировать и как раннее заимствование из тюркских языков в цельнооформленном виде (тюрк. **jarči* ~ булг. **žarči* «вестник» → монг. *žarči* «тж.»), и как собственно монгольское новообразование на базе заимствованных из тюркского языка корневого (тюрк. **jar* ~ булг. **žar* «клич»; «весть» → монг. *žar* «тж.») и аффиксального (тюрк. *-či/-či* → монг. *-či*) морфем, то есть: монг. *žarči* «вестник» < монг. *žar* «весть, объявление» (← тюрк. **jar*) + монг. *-či* (← тюрк. *-či/-či*). Однозначно решить эти дилеммы невозможно. Однако при любом подходе несомненным является тот факт, что монгольское слово построено на тюркском по своему происхождению материалу и нет никаких оснований проецировать тюркские и монгольские формы на праалтайский диахронический уровень.

Подробнее см.: Владимирцов, 1929, 334; Ramstedt, 1935, 468; Doerfer, 1963, 277-279; ЭСТЯ, 1989, 18-20; EDAL, II, 973.

ЖАРЫҚ (*žariq*) «свет»; «освещение»; «светлый»; «светло» < пратюрк. **jaruq* «свет»; «сияние»; «блеск»; «освещение» (<**jaru-* «светить(ся)»; «сиять»; «блестеть» + именной деривационный аффикс *-q* со значением результата и признака действия), ср.: др.-тюрк. (с VIII в.) *jaruq*, др.-уйг. (с VIII в.) *jaruq*, карах. (XI в.) *jaruq*, чаг. (XV в.) *jaruγ* / *jaruq*, хорезм. (XIII в.) *jaruq*, куман. (XIV в.) *jaruq* / *jarıχ* / *jaruχ*, кыпч. (XIV в.) *jaruq* / *jarıq* «свет»; «освещение»; «блеск»; «отблеск»; «сияние»; «луч»; «яркий, блестящий», «сияющий» (см.: Малов, 1951, 385; ДТС, 244, 641; Clauson, 1972, 962-963; Orkun, 1987, 886); туркм. диал. *jarıq*, туркм. диал. *jarıq*, сал. *jāriχ*, *jāruχ*; узб. *jorıu*, диал. *žariq*, уйг. *joruq*, уйг. диал. *jaruq*, *jaruγ*, *joruq*, *juruq*, лобн. *jajuq*; кумык. *jarıq*, кар. *jarıq*, *jarıχ*, к.-балк. *žariq*, тат. диал. *jarıq*, башк. диал. *jarıq*, ног. *jarıq*, к.-калп. *žariq*, кирг. *žariq*, алт. *d'ariq*, хак. *čariχ*, тув. *čiriq* «свет»; «освещение»; «сияние»; «блеск»; «светлый, яркий, ясный» и т.п. (свод межтюркских соответствий см.: Clauson, 1972, 962-963; ЭСТЯ, 1989, 135; EDAL, II, 1512-1513).

Тюрк. *jaruq* ~ каз. *žariq* «свет», «сияние», «блеск» относительно рано проник в монгольский и отразился в х.-монг. *zarig* «ясно», «открыто»; «само-собой»; *zarigdā* «просто, обычно»; *zarigdān χün* «люди длинной воли» (БАМРС, II, 212). В других лексикографических источниках по монгольским языкам это слово не обнаруживается и в лексикологических исследованиях также не встречается.

В казахском языке производящая глагольная основа **žari-* «светить» свободно не употребляется, но она хорошо представлена в составе целого ряда дериватов, ср.: *žarqın* «светлый», «лучезарный», *žarqın žüzdı* «приветливый» (букв. «с сияющим лицом», «светлолицый»), *žarqınım* «светик мой!» (форма ласкового обращения); *žarq et* «засверкать», «блеснуть, сиять, сверкать»; *žarin* «на следующий год», «в следующем году» (см. это слово) и т.п. Между тем, глагольная основа **jaru-* «светить», «сиять», «блестеть» и т.п. является общетюркской и широко представлена в древних письменных источниках и в большинстве классификационных групп современных тюркских языков, ср.: др.-тюрк. (с VIII в.) *jaru-*, др.-уйг. (с VIII в.) *jaru-*, карак. *jaru-*, хорезм. (XIV в.) *jaru-*, чаг. (XV в.) *jaru-*, *jaruγ-*, кыпч. *jarı-* «светиться, сиять»; «блестеть»; «радоваться» (см.: ДТС, 243-244; Малов, 1951, 385; Clauson, 1972, 956; Orkun, 1987, 886); аз. *jarı-* «удовлетворяться, быть удовлетворенным»; «быть довольным кем-чем-либо»; «обеспечиваться, быть обеспеченным чем-либо»; халадж. *jaru-* «иметь радость от кого-либо»; «гордиться чем-либо» (Doerfer, Tezcan, 1980, 221); чаг. *jarı-*, *jaru-* «светить», «издавать свет», «стать светлым», «блестеть» (Будагов, 1871, II, 327); чаг. др.-уйг. *jaru-* «быть светлым», «светить», «сиять», «блестеть» (Радлов, III, 131-132); уйг. *joru-* «светлеть, озаряться, светиться»; «наступать, приходить»; *tañ joru-* «светать»; *joru-* «светиться, делаться светлым»; уйг. (хам.) *joru-* «светить» (Малов, 1954,

156); лобн. *jaju-* «блестеть, светить, сверкать»; узб. *jəri-* «стать светлым, освещенным»; «рассветать», «посветлеть»; *uniñ kızı joridi* «она родила», «она разрешилась от бремени»; кар. *jari-* «светить», «быть светлым, блестеть»; к.-балк. *žari-* «светить»; «брезжить (о рассвете)»; «блестеть»; «воспрянуть, ожить, повеселеть»; *tañ žaridi* «утро наступило, рассвело»; тат. *jari-* «светить, издавать свет, сделаться светлым, блестеть» (Будагов, 1871, II, 327); зап.-сиб. тат. *jari-* «светить» (Тумашева, 1961, 120; 1992, 71); башк. *jari-* «быть довольным», «быть вполне удовлетворенным»; к.-калп. *žari-* «быть довольным»; «иметь полное удовлетворение»; «достигать желаемого»; кир. (= каз.) *žar-* «светить» (Радлов, IV, 26); *žari-* «светить» (Радлов, IV, 29); *žariq-* «свет», «светлый»; «мир»; *bu žariqta-* «в этом мире»; *ol žariqta-* «на том свете» (Радлов, IV, 29); кирг. (= каз.) *žari-* «иметь довольно, достачествовать»; *žarit-* «дать достаток» (Катаринский, 1897, 72); кирг. *žari-* «светить»; «быть довольным, получить полное удовлетворение»; алт. *d'ari-* «освещать»; *d'aridin-* «освещаться»; *d'ariq-* «свет»; «светлый», «светло»; «веселый (о характере)»; *jar-, jari-* «светить, свет издавать», *tañ jari-* «светать», *jart-, jarit-* «освещать», «открывать», «объяснять» (Вербицкий, 1884, 81); алт., тел., лебед., тар. *jar-* «быть светлым, сиять, издавать свет» (Радлов, III, 103); куманд. *jari-* «светить», «быть светлым»; «выскребывать» (Радлов, III, 120-121); хак. *čari-* «светить, освещать»; «прозреть, открыться (о глазах у животных)»; шор., саг. *čari-, čar-* «светить» (Радлов, III, 1863); чулым. *čar-* «сиять», *čariq* «яркий», «ярко» (Бирюкович, 1984, 71, 71); тув. *čiri-* «светить»; «становиться светлым, освещаться»; *čiriq-* «свет»; тоф. *čiri-* «улыбаться»; «гореть (о лампе)»; «светиться» (Рассадин, 1971, 200); якут. *sirdā-* «становиться светлым или блестящим, светлеть»; «проясняться (о небе)»; «светать»; «светить», «освещать, озарять светом своим»; «сиять, засиять, воссиять»; «блистать», «блестеть»; «озаряться светом»; «просвещаться»; «оправдаться»; «выздоровливать» (Пекарский, 1927, IX, 2482-2483); *sirdat-* «делать светлым или блестящим»; «светить, освещать, озарять светом»; «просвещать»; *sirdiq* «издающий свет, святовидный, светлый, ясный»; «святой»; «свет, сияние, осияние»; «светлость (качество светлого)»; «безвинность»; «правда» (Пекарский, 1927, IX, 2484); ср. также чув. **šur(ä)-* «светить», «освещать», «светать» и т. п., сохранившийся в составе производных *šurDa* «свеча» (< др.-булг. **žaritya* → венг. *gyertya* «свеча»; ср. алт. *jarta* «рыболовный луч»; подробнее см.: Gombosz, 1912, 78-79; Ligeti, 1987, 45-46; MNyTESz, I, 1128-1129; Федотов, 2002, 295; Егоров, 1964, 221-222); *šurām puš* (*šurām puš*) «заря, рассвет» (< др.-булг. **žarin baš* букв. «начало рассвета», ср. др.-тюрк. *jarun* «заря», каз. *žarin* «будущий год»; подробнее см. Егоров, 1964, 220-221; Räsänen, 1969, 190; СИГТЯ, 1997, 80-81; ЭСТЯ, 1989, 148-149; Федотов, 2002, 294) и т.д.

Отмеченные В.В. Радловым односложные формы (*jar-, žar-, čar-*) современными и письменными источниками не подтверждаются, поэтому

для пратюркского состояния уверенно реконструируется двусложный архетип **jaru-* «светить». Дебиализация второго гласного (**jaru-* > *jari-*) началась в среднетюркский период и охватила большинство языков (за исключением уйгурского и халаджского).

В ареальном отношении определенный интерес представляет слабая представленность исследуемых слов в огузской группе тюркских языков и в татарском. Глагольная основа *jaru-* отмечена только в азербайджанском и халаджском языках, и то в переносном значении «быть удовлетворенным»; в других огузских языках она не отмечена.

Именной дериват *jariq* «свет», «светлый» зафиксирован в саларском и диалектах туркменского и азербайджанского языка. Отмеченное в словаре Л. Будагова с пометой тат. слово *jari-* «светить» современными словарями татарского языка не подтверждается, а зафиксированные в западно-сибирском татарском формы *jari-* «светить» и *jariq* «свет» скорее всего не связаны с казанско-татарским языком.

В канглийской ветви кыпчакских языков глагол *jari-* ~ *žari-* в основном употребляется только в переносном значении «быть довольным». В этом отношении канглийско-кыпчакские языки сближаются с азербайджанским и халаджским языками. Кстати, в «Этимологическом словаре тюркских языков» *jari-I* «светить» и *jari-II* «радоваться», «быть довольным» рассматриваются отдельно (ЭСТЯ, 1989, 134-135 и 146), правда, с оговоркой: *йары-II*, вероятно, является семантическим производным от *йары-I* / *йару-I* «светить, блестять» (см. ЭСТЯ, 1989, 146).

Дж. Клаусон предполагает генетическую связь *jaru-* «светить» с глагольным корнем **ja-*, выделяемым им в составе глагольных основ *jaq-* «жечь», *jal-* «обжигать»; «вспыхивать», «гореть», «воспламениться»; *jan-* «гореть», а *jaru-* «светить» считает производной основой от отглагольного имени **jar* (< **ja-r*) (Clauson, 1972, 956).

В традиционных алтаистических исследованиях тюрк. *jaru-* «светить» как производное от **ja-* «гореть» сопоставляется с данными других алтайских языков: монгольских, тунгусо-маньчжурских, корейского (см.: Ramstedt, 1935, 216; 1949, 74-75; Räsänen, 1969, 189 и др.).

Еще Б.Я. Владимирцов предпринял сближение п.-монг. *jaralža-* «мерцать, сверкать», *jaraji-* «быть ясно видимым» с куман. *jariq*, алт., тел. *jariq* «свет, блеск, светлый», кар. *jariχ*, орх., (др.-)уйг., чаг. *jaruq* «тж.» (Владимирцов, 1929, 317).

В «Калмыцком словаре» Г.И. Рамстедт к калм. *jar(ā)-* «сверкать», «светить (вдали)», «светиться» приводит алт. *jar-*, уйг. *jaru-* «светиться», др.-тюрк. *jar-uq* «светлый», «блестящий»; куман.; алт. *jari-q* «светлый», «свет» (Ramstedt, 1935, 216). В «Исследованиях по корейской этимологии» с монг. **ja* в *jara-*, *jaralža-* «быть ярким, блестящим, сияющим»; «светить, сиять», «блестеть (о солнце)»; «освещать»; «светиться»; «мерцать, сверкать» и т.д. он сближает тюрк. *jaruq* «свет», «луч», ср.-тюрк. *jaru-* «светить, сиять»

(о солнце)», *jaq-* «гореть», *jan-* «гореть», *jat-* > чув. *šut-* «освещать, зажигать свет» и т.п., а также тунгусо-маньчжурские и корейские формы (см. Ramstedt, 1949, 74-75). Сближение тюркских основ *jaru-* «светить», с одной стороны, и с другой, *jaq-* «жечь», *jan-* «гореть», **jal-* «воспламениться» в качестве генуинных, видимо, не правомерно, так как в тувинском языке вокализм первого слога в них отличается, ср. тув. *čiri-* «светить», но *čalin* «жар (от огня)» ~ тюрк. *jalm* «пламя». Приведенные в качестве генуинных на праалтайском уровне тунгусо-маньчжурские и корейские формы явно не корректны и останавливаться на них не имеет смысла. Г.И. Рамstedт, к сожалению, не объясняет морфемной структуры тюрк. *jaru-*, но из приведенного ряда тюркских и монгольских соответствий можно понять, что в данном случае он склонен был выделять корневой элемент **ja-*, значение которого для нас остается не до конца ясным.

Возможно, *jaru-* «светить» является производным от первичной имитативной основы **jar*, представленной также в распространенной основе *jarq* ~ каз. *zarq* (ср.: *zarq et-* «внезапно блеснуть», «засверкать», *žarq-žurq* «искриться», *žarqıl* «сверкание»; *žarqın* «светлый», «лучезарный» и т.д.). Реальность имитатива **jar* как будто подтверждает якут. *sır yın-* «отсвечивать», *sır-dij-* «блестеть», *sırdā-* «светить» и т.п. (см. ЭСТЯ, 1989, 134-135).

Как бы там ни было, тюркские формы по своей структуре и внутренним связям несомненно являются исконными, а монг. *jara-* «сверкать», судя по чрезвычайной фонетической близости с тюрк. *jaru-* «светить», представляется относительно поздним тюркизмом. С.А. Старостин, например, прямо заявляет, что монг. *jara-* «блестеть, сверкать», обычно сравниваемое с пратюрк. *jaru-* «светить», представляет собой несомненный тюркизм (Старостин, 1991, 294; EDAL, II, 1513).

М. Ряснен ограничился кратким перечнем некоторых форм и значений глагола *jaru-* и сближением его, со ссылкой на Г.И. Рамstedта (Ramstedt, 1969, 219) с монг. *jara-* «сверкать» (Räsänen, 1969, 216).

Тотальный просмотр доступных лексикографических источников по монгольским языкам показывает, что в современных языках глагол *jara-* «сверкать» и его дериваты занимают периферийное положение, ср.: п.-монг. *jaraji-* «быть ясно видимым», *jaralža-* «мерцать, сверкать» (Владимирцов, 1929, 317); ст.-п.-монг. *yarilduba šataqsan yal* = чаг. *yal-inlandi yanqan ot* «зажженный огонь сверкал» (Поппе, 1938, 387); х.-монг. *jaraj-*, *jaralža-* «рябить, переливаться»; «сверкать, блестеть»; «красоваться, виднеться, блистать»; «улыбаться (так, что на щеках появляются ямочки)», «кокетливо улыбаться», «смеясь скалить зубы» (БАМРС, IV, 468); ойр. *jaralža-* «мелькать, маячить вдали»; «блестеть, сверкать» (Тодаева, 2001, 182); калм. *jarälžā-* «сверкать, блестеть». В других монгольских языках соответствующей лексики обнаружить не удалось.

Глагольная основа *jara-* в чистом виде в монгольских языках не представлена, Г.И. Рамstedт, очевидно, выделяет ее из *jaralža-* «сверкать», ср.: «то. **ja* in *jara-*, *jaralža-* «to be bright, to shine (the sun), to light, to gleen, to

twinkle», *jasun jara-* «the bone turns roHITE», *jayan* «almost white, yellowish or reddish white» (Ramstedt, 1949, 74-75). В основе монгольского глагола *jaralža-* «сверкать», по всей видимости, лежит имитатив *jar*, ср. монг. *jar tatä-* «светлеть, сиять (о выражении лица)»; ср. также монг. *jarā* «рябь на воде», *jarälä-* «рябить, струиться (о воде)», *jarätä-* «рябить (о воде, когда идет рыба)»; «зыбиться»; *jarälyä* «струйки, рябь (на воде)»; *jaralž* «рябь на воде (от ветра)» и т.п. (БАМРС, IV, 466-467). Если эти сближения верны, то связь между тюрк. *jaru-* «светить», *jaruq-* «свет» и монг. *jaraj-* «рябить», «сверкать», *jarig* «белый, светло-желтый» и т.п. окажется весьма проблематичной. К этому следует добавить, что в основе семантики тюрк. *jaru-* «светить» преобладает идея излучения света, а в основе семантики монг. *jara-* «сверкать» – идея отражения света, а это далеко не одно и то же. Поэтому остается только говорить о случайном совпадении тюркских и монгольских форм.

Видимо, поэтому авторы «Этимологического словаря алтайских языков» отказались от приведенных выше сближений Г.Й. Рамстедта и сопоставили **jar-* «светить» (*jaru-* «светить», *jaruq* «свет», якут. *sarā-* «рассветать», чув. *šor-da* «свеча», каз. *žariq* «свет» и т. д.) с монг. *sara(n)* «луна» и, далее, с т.-маньчж. **sē* «год, возраст» (перечень форм и значений см. ТМС, II, 133), кор. *sār/sār* и япон. *sātūkūi* «пятый месяц лунного календаря» (см. EDAL, II, 1512-1513). Однако сближение тюрк. глагольной основы *jaru-* «светить» с монгольской именной *sara* «луна», кроме семантической трудности, наталкивается и на фонетические (в частности, нерешенность предполагаемой коррелятивности тюрк. *j-* ~ монг. *s-* и др.). Здесь уместно вспомнить, что монг. *sara* «луна» и *sira* «желтый» по сути являются просодическими вариантами единой праформы (Иллич-Свитыч, 1971, XV). Хотя это предположение крайне сомнительно, но оно указывает на некорректность сближения тюркских слов и анлаутным *j-* с монгольскими формами с инициальным *s-*.

Итак, предпринятый всесторонний анализ показывает, что между тюрк. *jaru-* «светить» и монг. *jara-* «сиять» в лучшем случае могут быть только взаимосвязи контактного характера, причем в монгольских языках данная основа очевидно является тюркизмом. Не исключается возможность автономного отымитативного происхождения данных основ в каждом из этих языков. Постулируемое некоторыми специалистами положение о возможном генетическом родстве тюрк. *jaru-* «светить» и монг. *sara(n)* «луна» на современном уровне развития алтаистики научно не доказуемо.

В последнее время в алтаистических исследованиях тюрк. *jar-* «светить, блестеть» сравнивается в качестве генуинного на праязыковом уровне с монг. **gere-* «светить», п.-монг. *gere-l* «луч, свет» и, далее, с т.-маньчж. **ḡēr(i)-* «свет, светить» (Старостин, 1991, 18; Дыбо, 1996, 11). Монгольско-тунгусо-маньчжурские сопоставления (монг. *gerel* ~

т.-маньчж. *ḡēri* «свет» приведены Н.Н. Поппе (Poppe, 1960, 25, 106, 125; см. ТМС, I, 671-672; Иллич-Свитыч, 1971, 228-229).

В доступных лексикографических источниках глагольная основа **gere-* «светить» не обнаруживается, имеется только именная основа *gerel* «свет», «блеск», «сияние», «луч» и т. п., ср.: прамонг. **gerel* «свет», «луч»; ср.-монг. *gere, gerel* (НУ, 42; SH), *gere* (ИМ) «свет» (Поппе, 1938, 437); п.-монг. *gerel* «свет» и т.п. (Lessing, 1960, 378); х.-монг. *gerēl* «свет, освещение»; «блеск, сияние»; «луч»; «лоск, глянец»; *altan gerel* «золотой луч», «блеск золота» (название религиозного сочинения) (БАМРС, I, 483); бур. *gerel* «луч, свет, освещение»; «зеркало»; «стекло», «очки»; «светлый, лучезарный»; калм. *gerēl* «свет, освещение», «луч» (Ramstedt, 1935, 134); ойр. *gerel* «свет, освещение, луч» (Тодаева, 2001, 92); орд. *gere, gerel*, дагур. *gerel*, дунс. *gieren*, ш.-юг. *gerel*, монгол. *gerē* «сияние, блеск» (Тодаева, 2001, 322); в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., онн., найм., харч., тум., шгол., уцаб., чах., орд. *gerel* «свет, освещение, луч» (Тодаева, 1981, 138).

Монг. *gerel* «луч», «свет», «освещение» в семантическом аспекте хорошо соотносится с тюрк. *jaruq* «свет», «сияние», «блеск», «луч»; «светлый», «сияющий», «освященный»; ср. также др.-тюрк. *Altun jaruq* – сутра «Золотой блеск» ~ х.-монг. *altan gerel* «золотой луч», «блеск золота» (название религиозного сочинения). Тем не менее, в фонетическом аспекте сближение тюрк. **jaru-* «светить», *jaruq* «свет» с монг. *gerel* «свет», «луч» невозможно, так как в пределах установившихся закономерностей тюркско-монгольских фонетических соответствий ни одна из тюркских фонем (кроме *r*) не коррелирует с монгольской; иными словами, не сопоставимы тюрк. *j-* и монг. *g-*, тюрк. *a* и монг. *e*, тюрк. *u/i* и монг. *e*, тюрк. *q* и монг. *l*. Правда, тюрк. *-q* и монг. *-l* можно было бы интерпретировать как деривационные аффиксы, образующие именные основы от глаголов (таковые реально функционируют), но этому препятствует полное отсутствие следов реального существования глагольной основы **gere-* «светить» в монгольских языках. Но и искусственное вычленение из состава монг. *gerel* «свет» глагола **gere-* «светить» не спасает положение, так как тюрк. **jaru-* «светить» и монг. **gere-* «светить» фонетически не сопоставимы.

В «Этимологическом словаре алтайских языков» монг. *gere-l* «луч, свет» сопоставляется уже только с т.-маньчж. **garpa* «луч», «светить», тюркский материал не проводится (EDAL, I, 531; см. еще EDAL, II, 1028-1029).

Подробнее см.: Будагов, 1871, II, 327; Gombocz, 1912, 78-79; Владимирцов, 1929, 317; Ramstedt, 1935, 216; 1949, 74-75; Малов, 1951, 385; Lee, 1958, 116; Егоров, 1964, 220-221, 221-222; МНУТЭСz, I, 1128-1129; Räsänen, 1969, 189, 190; Иллич-Свитыч, 1971, с. XV; Рассадин, 1971, 200; Clauson, 1972, 956, 962-963; Ligeti, 1987, 45-46; ЭСТЯ, 1989, 134-135, 146, 148-149; Старосгин, 1991, 294; СИГТЯ, 1997, 80-81; Федотов, 1996, II, 142-143, 145; 2002, 294, 295; EDAL, II, 1512-1513.

ЖАРЫЛҚА (*žarılqa-*) «одарить (кого-нибудь)»; «облагодетельствовать»; «простить»; «отпустить грехи»; *жарлықа-* (*žarlıqa-*) «одарить кого-нибудь»; «облагодетельствовать»; «простить», «отпустить грехи»; кирг. (= каз. *žarlıqa-*, *žarılqa-* «пожаловать, наградить, помиловать»; *Qudaj žarlıqa-* «Господи, помилуй!»; *žarılyasın* «награда» (Катаринский, 1897, 72) ← пратюрк. **jarlıyqa-* ~ **jarlıqa-* «приказывать, повелевать»; «соблаговолить»; «проявлять милость», «прощать»; ср.: др.-тюрк. (с VIII в.): орх. *jarlıqa-* «соблаговолить, соизволить»; *täñri jarlıqadukın üčün* «так как небо соблаговолило»; «по соблаговолению Бога»; др.-уйг. *jarlıqa-*, карах. *jarlıqa-*; чаг. *jarlıya-*, хорезм. *jarlıqa-*, куман. *jarlıya-*, *jarılıya-*, ср.-кыпч. *jarlaya-*, *jarlıya-* «соизволить, повелевать»; «издавать указ»; «проявлять милость», «прощать»; «говорить (о высокопоставленных лицах)» и т. п. (подробнее см.: ДТС, 242; Айдаров, 1971, 359; Orkun, 1987, 886; Clauson, 1972, 968; Малов, 1951, 385); тур. *jarlıga-* «прощать, миловать»; «отпускать грехи (о Боге)»; *jarlıgama* «всепрощение, милость, милосердие (Божье)»; осм. *jarlıya-*, *jarılıya-* «приказать», «издать указ»; «быть милостивым»; «говорить (о старших)»; «простить грехи (о Боге)» (Радлов, III, 126, 142-143); уйг. *jarlıya-* «приказать», «издать указ»; «быть милостивым» (Радлов, III, 142-143); чаг. *jarlıqa-* «прощать»; «оказать милость»; «дать»; *jarlıyaş-* «подарок» (Радлов, III, 144); узб. *jorlaqa-*, *jarlaqa-* «ниспослать удачу»; «выказать милость»; куман. *jarlıya-* «приказать»; «издать указ»; «быть милостивым»; «говорить (о старших)»; *jarlıyanč-* «милость»; *jarlıyat-* «заставить быть милостивым» (Радлов, III, 142-143); кар. *jarlıyač*, *jarlıyas*, *jarlıyaş* «помилование», «избавление»; «благополучие»; кар. т. *jarlıyaş* «милость» (Радлов, III, 143); тат. *jarlıqa-* «миловать, помиловать, прощать»; «отпускать грехи»; каз. (= тат.) *jarlıqa-* «прощать, помиловать» (Радлов, III, 142); тат. (кряш.) *žarlıqa-* «прощать, миловать»; *ej, Xodaj, žarlıqa!* «Господи, помилуй!» (Остроумов, 1892, 72); каз. (= тат.) *žarlıqa-* «приказать»; «осчастливить, быть милостивым»; «извинить, простить» (Радлов, IV, 33); зап.-сиб. тат. *jarlıya-* «прощать, миловать»; *jarlıqa-* «награждать, жаловать»; *jarlıqaş-* «жалованье» (Тумашева, 1992, 70-71); башк. *jarlıqa-* «миловать, прощать»; «отпускать грехи»; *jarlıqaş* «вознаграждение, скрепленное указом»; ног. *jarlıqa-* «одаривать»; «прощать»; «отпускать грехи»; к.-калп. *žarılqa-* «благославлять»; «прощать»; «отпускать грехи»; кир. (= каз.) «помиловать»; *Qudaj žarılqa!* «Господи, помилуй!»; *žarıly-* «приказать»; «осчастливить»; «быть милостивым, одарять»; «извинять, простить» (Радлов, IV, 30-31); *žarlıya-* «приказать»; «осчастливить»; «быть милостивым, озарять»; «извинить, простить» (Радлов, IV, 33); *žarılyasın* «награда» (Радлов, IV, 33); чув. *širlax-* «удовлетворяться, получать удовлетворение»; «довольствоваться, ограничиваться (чем-либо)»; «останавливаться (на чем-либо)»; «мириться, примиряться (с чем-либо)»; «щадить»; «прощать»; *Turā širlax!* «Боже сохрани!»; чув. *širlax-* «помиловать»; «быть принятой (о молитве, жертве)»;

«помириться, примириться»; «пропасть, погибнуть»; *şirlax* «помилование»; «моление»; *şirlaxa par-* «дать помилование»; *şirlaxtar-* «совершать моление»; «помирить, примирить, привести к согласию» (Ашмарин, XII, 120).

Данное слово представлено в ранних (домонгольских) древнетюркских письменных памятниках начиная с VIII века (см. Clauson, 1972, 968; Orkun, 1987, 886 и др.), оно хорошо этимологизируется на тюркском языковом материале (см.: Palló, 1982, 117-119; ЭСТЯ, 1989, 18-20; Егоров, 1964, 226; Räsänen, 1969, 189; Федотов, 1996, II, 157; 2002, 300-301 и др.).

Тюрк. **jarliqa-* «приказывать», «повелевать», «соизволить, благоволить» представляется отыменным глаголом на *-a*, *-qa* (см.: ЭСТЯ, 1989, 20; Clauson, 1972, 968: < **jarliya-* ?; об аффиксе см.: Щербак, 1981, 140 и след.; Севортян, 1962, 203 и след., 238 и след.), производным от **jarliq* (~ каз. *žarliq*) «распоряжение», «приказ».

Слово широко представлено в древних и средневековых письменных памятниках (Clauson, 1972, 968). В современных словарях тюркских языков данное слово представлено редко, оно зафиксировано в канглийской (каз., к.-калп., ног.) и поволжской (тат., башк.) группах кыпчакских языков, в узбекском, турецком и чувашском, а также в караимском в составе производной формы *jarliyač*, *jarliyas*, *jarliyaš* «помилование», «спасение», «благополучие».

Тюркские формы обычно сближаются с монг. *žarliyla-* «благоволить», «приказать» (ВЯ, 1986, № 4, 51), ср.: п.-монг. *žarliyla-* «приказывать, отдавать распоряжения, издавать указы (Lessing, 1960, 1038); х.-монг. *žarliyla-* «издавать указ»; «повелевать»; бур. *zarliyda-* «велеть»; калм. *zarlāydā-* «оповещаться» и т. д. Однако, как видно из перечня монгольских форм и значений, монг. *žarliyla-* отличается от тюрк. *jarliqa-* словообразовательным аффиксом *-la-*.

Реальную монг. форму *žarliyla-* можно квалифицировать как собственно монгольское новообразование на базе заимствованных их тюрк. основы *žarliy* (← тюрк. *jarliq*) и аффикса глаголообразования *-la-* (← тюрк. *-la-*). Возможность заимствования данной глагольной основы целиком из тюрк. **jarliqla-* исключается по фонетическим соображениям (тюрк. *jarliqla-* в монг. должно отражаться как **žarliyla-*), а также по причине отсутствия данной формы в тюркских языках (тюрк. **jarliqa-*, а не *jarliqla-*).

Подробнее см.: Räsänen, 1920, 93, 181; 1969, 189; Ашмарин, 1921, 21-22; Ramstedt, 1935, 467; Егоров, 1964, 226; Айдаров, 1971, 359; Doerfer, 1975, 153-158; Ахметьянов, 1981, 103; Наджип, 1982, 75; Palló, 1982, 117-119; Аракин, 1984, 20-21; ЭСТЯ, 1989, 18-20; Федотов, 1996, II, 157; 2002, 300-301; Щербак, 1997, 123; Eren, 1999, 68; EDAL, II, 973.

ЖАРЫМ (*žarīm*) «половина»; «полоумный»; *žarīm-žartī* «половинчатый»; «мало»; «ничтожное количество»; *žarīm es* «полоумный»; «придурковатый»; *žarīm žan* «калека», «инвалид» < пратюрк. **jārim* «половина» (< **jār-* «рассекать, раскалывать на две части» + именной деривационный аффикс *-im*; см. Räsänen, 1969, 189; Clauson, 1972, 968-969; Севортян, 1966, 296; Doerfer, 1975, № 1786); ср.: др.-тюрк.; др.-уйг. (с VIII в.) *jarim*, карах. (XI в.) *jarim, jarum* (QBH), чаг. (XV в.) *jarim*, хорезм. (XIV в.) *jarim*, куман. (XIV в.) *jarim*, кыпч. (XIV в.) *jarim* «половина» (см.: Малов, 1951, 386; ДТС, 241, 244; Clauson, 1972, 968-969); туркм. *jārim* «половина», *jārim adam* «неполноценный человек»; тур. *jarim* «половина»; «неполный, несовершенный, незаконченный, незавершенный»; аз. *jarim* «половина (одна из двух равных частей чего-либо)»; гаг. *jarim* «половина»; *jarī* «половина»; чаг., вост.-тюрк. *jarim* «половина», *jarimčūq* «неполный» (Радлов, III, 130, 131); уйг. *jerim* «половина»; диал. (хам.) *jerim* «половина» (Малов, 1954, 155); (хот.) *jarim* «половина» (Малов, 1961, 116); лобн. *jaim* «половина» (Маслов, 1956, 117); узб. *jarim* «половина»; *jarim-jortī* «половина»; *jarimta* «половина, половинка»; «огрызки»; кумык. *jarim* «половина», кар. *jarim* «половина»; к.-балк. *žarim* «половина»; «неполноценный, несовершенный»; тат. *jarīm* «половина», *jarīm-jörti* «кое-как, наскоро, на скорую руку», «серединка на половинку»; башк. *jarīm* «половина»; *jarīm-jartī*; *jarīm-jörti* «половинчатый, неполный», «кое-как»; ног. *jarim* «половина», после существительных «полтора»: *aj jarim* «полтора месяца»; к.-калп. *žarīm* «половина»; *žarim es* «полоумный, придурковатый»; кирг. *žarim* «половина»; *žarim es* «полоумный, придурковатый»; алт. *d'arim* «половина», *jarim* «половина» (Вербицкий, 1884, 81; ГАЯ, 170); хак. *čarim(dıχ)* «половина»; шор. *čarim* «половина» (Радлов, III, 1865); с.-юг. *jarim, jarin* «половина» (Тенишев, 1976, 183), ж.-уйг. *žarim* «половина» (Малов, 1957, 28); *žarim* «половина» (Малов, 1957, 31); *jarim* «половина», *jarimi* (< *jarim ej*) «полмесяца» (Малов, 1957, 37); тув. *čarim* «половина»; чув. *šur(ā)* «половина» (~ тюрк. *jarī*) (Ашмарин, XII, 257, 267-268); *šurma* «половина»; «средний»; «полоумный» (Ашмарин, XII, 258-262) и т. п. (свод тюркских форм и значений см.: Будагов, 1871, II, 325-327; Радлов, III, 128-129; Räsänen, 1969, 189; Doerfer, 1975, № 1786; ЭСТЯ, 1989, 147; Егоров, 1964, 220; Федотов, 1996, II, 140; 2002, 293).

Тюрк. **jārim* (~ каз. *žarim*, чув. *šurma*) «половина» является именным дериватом от глагольной основы **jār-* «рассекать, раскалывать на две части» и т. п. (см. каз. *жаp-*), образованным с помощью аффикса *-im* (Севортян, 1966, 296; Щербак, 1977, 172; Ramstedt, 1950, 255-264). Этимология слова *jarim* «половина» имеется уже у Л.З. Будагова (Будагов, 1871, 325) и А. Вамбери, она поддерживается всеми последующими исследователями.

В традиционной алтаистической литературе тюрк. **jārim* «половина» обычно сближается с монг. *žarim* «половина», «часть» (см.: Поппе, 1925,

40; Ramstedt, 1935, 470) в качестве прародственного на алтайском уровне. Однако данное слово хорошо этимологизируется на тюркской почве, а на монгольском материале не поддается морфологическому членению; ср.: п.-монг. *žarim* «половина», «часть (чего-либо)»; «частичный», «некоторый»; *žarim* «половина» (МА, 201), «часть» (МА, 439); *žarim* (= чаг. *jarim*) «половина»; *žarim altan* (= чаг. *jarim altun*) «полдинара»; *žarim batman* (= чаг. *jarim batman*) «полбатмана» и т.п. (Поппе, 1938, 201-202); *žarimla* «разделить на половину»; *žarimtu* «наполовину», «кое-как»; *žarimtuq* «несовсем» и др. (см. Поппе, 1938, 202); х.-монг. *zarim* «некоторый, частичный»; «половина», «часть чего-либо»; *zarimdā* «иногда, временами, порой, в отдельных случаях»; *zarimdāy* «половинный, половинчатый, неполный»; «частный» (БАМРС, II, 212); бур. *zarim* «некоторый, частичный»; «часть»; *zarimānāj* «частичный»; *zarimdā* «иногда», «кое-когда»; «в некоторой степени, отчасти, частично»; ойр. *zarem* «некоторый» (Тодаева, 2001, 155); калм. *žarēm* «некоторый, частичный»; *žarēmdān* «иногда, кое-когда»; *žarēm-zūrēm* «некоторые»; «кое-что» (ср. тюрк. **jarim-jorim* «половинчатый, неполный». – Ж.Т.); в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., харч. *žerim*, уцаб., чах. *žarim*, шгол. *zarim* «некоторый, частичный»; «половина, часть чего-либо» (Тодаева, 1981, 155); монгор. *žarim* «некоторый», «половина», сыч. *чэжярым* «половина» (Тодаева, 1973, 332-333); ср. также баоань. *žare-* «резать» (Тодаева, 1964, 139). Н.Н. Поппе приводит следующий ряд внутримонгольских соответствий: монг. *žarim* «половина, часть», ср.-монг. (SH, MA) *žarim*, монгор. *d'žarim*, орт. *džarmim* «некоторый из них», х.-монг. *dzārīm*, бур. *zarām* «некоторый», калм. *žarēm* «некоторый» (Поппе, 1955, 102). Монгольские формы вполне обоснованно квалифицируются относительно ранними тюркизмами (Doerfer, 1975, № 1786; ЭСТЯ, 1989, 147; Щербак, 1997, 123, 176; EDAL, II, 1152 и др.). В пользу этого мнения свидетельствует ряд обстоятельств: 1) слово хорошо этимологизируется на тюркском материале; 2) оно представлено в ранних тюркских письменных памятниках домонгольской эпохи (с VIII в.); 3) функционирует во всех классификационных группах тюркских языков и т.д.

К тюркским же заимствованиям относятся ср.-монг. *žarimtuq* «половинный, половинчатый, неполный», «несовсем» (Поппе, 1938, 202), х.-монг. *zarimdāy* «половинный, половинчатый, неполный», «частный», бур. *zarimdā* «иногда», «кое-когда», «в некоторой степени», «отчасти», «частично» и др. ← **jārımlıq* ~ **žarımlıq* «половина», «половинчатость», «половинчатый» (<**jārim* + *-lıq* / *-tuq* – аффикс, образующий существительные от различных имен с преобладающим значением абстрактности-обобщенности, см. Щербак, 1977, 104 и след.); ср.: туркм. *jārımlıq* «поллитровый»: *jārımlıq çüjşe* «поллитровая бутылка»; тур. *jarımlık* «половинчатость», «неопределенность»; аз. *jarımlıy* «половинчатость»; кумык. *jarımlıq* «половинка»; тат. диал. *jarımtıq* «шурале, леший, лесной

дух» (ТТДС, 1969, 168); *žarimtiq* «тж.» (ТТДС, 1969, 567); башк. диал. *jarimtiq* «леший» (ДСБЯ, 2002, 114); алт. *d'arimtiq*, *d'amurtiq* «половина»; тел., н.-бий. *jamirtiq* «половина» (Вербицкий, 1884, 74); хак. *čarimtiχ* «половина» и т.д.

Среднемонгольское слово *žarimut* «половина» (Козин, 1941, 612) является производным на базе тюркизма *žarim* «половина».

Следовательно, нет никаких оснований считать тюрк. *jarim* «половина» и монг. *žarim* «половина», «часть» прародственными на алтайском уровне.

Подробнее см.: Будагов, 1871, II, 325; Поппе, 1925, 40; Ramstedt, 1935, 470; Малов, 1951, 386; Poppe, 1955, 102; Егоров, 1964, 220; Севортян, 1966, 296; Räsänen, 1969, 188-189; Clauson, 1972, 954-955, 968-969; Doerfer, 1975, 1786; Шипова, 1976, 440-441; Gülensoy, 1986, 509; ЭСТЯ, 1989, 135-137, 145-147; Щербак, 1997, 123, 176; Федотов, 1996, II, 139; 2002, 293; Эхмэтьянов, 2001, 265; EDAL, II, 1152.

ЖАРЫН (*žarın*) «на следующий год», «на будущий год»; кирг. (= каз.) *žarın* «в следующем году»; *žarın baramın* «поеду в следующем году» (Катаринский, 1987, 72) < пратюрк. **jarin* «завтра», «рассвет, утренняя заря» (< **jaru-* «светить» + именной деривационный аффикс *-in*); ср.: др.-тюрк., др.-уйг. (с VIII в.) *jarin* «утром», «завтра»; карах. *jarin* (МК, II, 250; QBN, 50), *jarun* «заря», *jarun-tan* «заря»; чаг. (XV в.) *jarin* «завтра», «завтрашний день» (ДТС, 241, 244; Clauson, 1972, 970; Orkun, 1987, 887; Малов, 1951, 386); тур. *jarin* «завтрашний день»; «завтра»; аз. *jarin* «грядущий день»; «будущее, грядущее»; гаг. *jārin* «завтра», *jārina* «на завтра», «завтра»; др.-уйг. *jarin* «завтра» (Радлов, III, 123); узб. диал. *jarin* «на следующий / будущий год» (Абдуллаев, 1961, 51; ЎХША, 127); кар. к. *jarin* «завтра»; каз. (= тат.) *jarin* «будущий»; крым. *jarin* «завтра» (Радлов, III, 123); каз. (= тат.) *jarin* «будущий год» (Будагов, 1871, II, 327); каз. (= тат.) *jārin* «будущий год» (Радлов, III, 340); каз. (= тат.) *žarin* «будущий год» (Радлов, III, 74); тат. диал. *järəngä, järəngä, järəngägä, järəñä, jaringä* «на будущий год», «в будущем году» (ТТДС, 1969, 182); *žarınğa* «тж» (ТТДС, 1969, 567); *žärəngägä, žärenkägä, žärəngä*, «тж.» (ТТДС, 1969, 582); башк. *jārin* «будущий год»; *jaringä* «на будущий год», «в будущем году»; башк. диал. *jarın, jarınyä* «в будущем году» (ДСБЯ, 2002, 114); к.-калп. *žarın* «на следующий год», «на будущий год»; *žarınyı* «в будущем году»; кир. (= каз.) *žarin* «в следующем году» (Радлов, IV, 30); с.-юг. *jarin* «следующий год» (Тенишев, 1976, 183); ж.-уйг. *jarin* «на будущий год» (Малов, 1957, 37); якут. *sarsin* «завтра», «завтрашний день»; *sarsınyı* «завтрашний день»; чув. *šurām puś* «заря» (Ашмарин, XII, 270); *šurām puś* «заря», «рассвет»; ср. также чув. *iran* «завтра» (? ← ср. кыпч. *jarin* «завтра»).

В специальной литературе можно обнаружить ряд этимологий тюрк. *jarin* «завтра». Уже А. Вамбери предполагал связь якут. *sursin* «утро», тюрк. *jarin* и тюрк. *jar-* «светить» (Vámbéry, 1867, 117). В.В. Радлов прямо утверждает, что тюрк. *jarin* с первичным значением «рассвет, утренняя заря» является производным от глагола *jaru-* «светить» (Radloff, 1912, 754); ср. др.-тюрк. *jarun* «заря». К отглагольному имени от *jar-*, *jaru-* возводят *jarin* М. Рясänen (Räsänen, 1969, 190) и Дж. Клаусон (Clauson, 1972, 970), однако они не объясняют морфемную структуру слова и семантику аффиксального элемента.

М.Р. Федотов считает, что др.-тюрк. *jarun* «заря» является производным от *jaru-* «светиться, сиять», образованным с помощью аффикса *-n*, выражающим результат, предмет действия от основы глагола (Федотов, 2002, 294).

Н.И. Ашмарин относительно чув. *šurām* в *šurām puś* пишет, что он «полностью соответствует алт., тел., куманд., бараб., половецк. *jargын* «блеск, свет, луч». См. Радлов, Слов., III, 136» (Ашмарин, XII, 270).

С глаголом *jar-* «светить» связывает *jarin* «утро», «завтра» и Б. Аталай (Atalay, 1942, 153). Согласно точке зрения В. Банга, тюрк. *jarin* является производным от имени **jar* «свет», «рассвет» (Bang, 1917, 50,

прим. 2), который вычленяется из *jari-* «светить, быть светлым» (см. каз. *žariq* «свет»), а аффиксальный элемент *-n* отождествляется с морфемой *-n* в составе *qištin* «зимой» и т. п. Вероятно, более правы исследователи, рассматривающие *jarin* как отглагольное образование на *-n* (ср. каз. *žarqin* «светлый, лучезарный» < *žarqi-n*), который можно интерпретировать как аффикс со значением результата действия (Севортян, 1986, 332 и след., Щербак, 1977, 173).

Развитие семантики, очевидно, шло в следующем направлении: *jarin* «рассвет, утренняя заря» > «будущий год» (в кыпчакской ветви).

Из современных языков слово *jarin* представлено в огузских (тур., аз., гаг., крым.), карлукских (узб. диал. ← кыпч. ?), кыпчакских (тат., башк., каз., к.-калп.; кар. к. ← тур.), якутском и чувашском; отсутствует в западно-кыпчакских, уйгурском, сибирских тюркских языках. Не до конца ясно отсутствие рефлексов анлаутного *j-* в чув. *iran* «завтра» (< **jāran* < **juran* ← ср.-кыпч. *jarin* ?).

Наконец, существует этимология, предложенная Н.Н. Поппе, который, видимо, исходит из вторичного значения *jarin* «следующий день» > «завтра»; «следующий год» и поэтому сближает тюркское слово с монг. *daraya* «ближайший, следующий», ... *daru-* «давить», ... эвенк. *daran* «ряд, рядом» (см. Поппе, 1925, 25; Поппе, 1926, 105; 1960, 22, 79, 95; см. также Posch, 1958, 276).

Однако бросается в глаза, что тюрк. **jarin* «рассвет, утренняя заря» и монг. *daraya* «ближайший, следующий» весьма далеки друг от друга в семантическом и фонетическом отношениях, ср.: прамонг. **daraya(-n)* «после, следуя за, в ряд»: ср.-монг. *darun* «постоянно» (Козин, 1941, 607), ср. *daruj-dur* (НУ, 55) «теперь, сейчас», «в данный момент»; п.-монг. *daraya* (Lessing, 1960, 231), *daruya*, *daru*, х.-монг. *darā* «после, затем, вслед за тем, дальше, далее, в дальнейшем, позднее, позже, впоследствии»; «со временем», «спустя некоторое время», «с течением времени», «с годами», «там», «в будущем», «как-нибудь потом»; «через»; «последующий, очередной, на очереди» (БАМРС, II, 35); бур. *darā* «после, затем, вслед затем»; «после того, как...»; *darā-darā* «по порядку, последовательно»; калм. *darān* «порядок»; «параграф»; «очередь», *dara-darayar* «по порядку», «несколько раз подряд»; *darān* «следующий, будущий»; «очередной»; *darūnē* «затем, после, вслед за, потом»; «тотчас, немедленно, сразу, незамедлительно»; *darū* «последующий»; «близстоящий» (Ramstedt, 1935, 77, 78); ойр. *darān* «порядок, последовательность» (Тодаева, 2001, 115); *darū* «затем, после»; *darūqi* «следующий»; «ближайший (в пространстве и времени)» (Тодаева, 2001, 117); в говорах Внутренней Монголии: джал., дурб., горл., архорч., бар., шгол., уцаб., чак., орд. *darā-* «после, затем, потом» (Тодаева, 1981, 141) и т.д. (см. ТМС, I, 198-199). Монгольское *daruya* «следующий по порядку», дэрб., байт. *darāli* «друг за другом», монг. *darui* «тотчас, вслед за» (попеп на *-i* от глагола *daru-* «давить, сжимать») Н.Н. Поппе сближает в качестве генуинных на праалтайском уровне с тур., уйг., крым.,

осм. *jarin* «следующий день», «завтра» (Поппе, 1925, 25). Следовательно, монг. *daruγa* «после, затем, потом, вслед за тем, в дальнейшем» и т.п. Н.Н. Поппе считает производным именем от глагольной основы *daru-* «давить, сжимать» (ср.-монг. *daru-*, п.-монг. *daru-*, дагур. *dara-*, монгол. *dāri-*, орд. *daru-*, х.-монг. *darā-*, бур. *dara-*, калм. *dar(ā)-* и т.д., см. Поппе, 1955, 26, 75, 106). Монгольский глагол *daru-* «давить», скорее всего, является тюркским заимствованием, ср. тюрк. **dāri-* / **dār-* «суживаться», «становиться тесным», «стесняться», «быть стесненным, подавленным» и т.п. < **dār* «узкий», «тесный», «сдавленный», «сжатый» (см. ЭСТЯ, 1980, 146-147). В монг. *daruγa* ~ *daraya(n)* «после, затем, потом» и т.п. выделяется продуктивный аффикс *-aya(n)* ~ х.-монг. *-ā(n)*, образующий имена существительные от глагольных основ. Деривационный аффикс *-aya(n)* ~ х.-монг. *-ā(n)* полисемантичен и имеет до семи значений: 1) действие в процессе, отвлеченное от его субъекта: х.-монг. *jaria(n)* «беседа, разговор» < *jarē-* «беседовать, разговоривать»; 2) действие вне процесса, отвлеченное от его субъекта: *arilzā(n)* «обмен» < *arilz-* «обмениваться»; 3) предмет как объект действия: *tülē(n)* «дрова» < *tülē-* «жечь»; 4) предмет или явление как результат действия: *uχān* «ум, сознание» < *uχā-* «соображать; разумыть, понимать»; 5) дополнительный предмет при действии: *ullā(n)* «дратва» < *ul(ā)lā-* «прошивать подошву»; 6) субъект действия: *manā(n)* «сторож»; «стража» < *mana-* «караулить», «охранять»; 7) место действия: *ičē(n)* «берлога» < *ičē-* «залегать в зимнюю спячку» (Наделяев, 1998, 69). Порядок деривационных грамматических значений в этом перечне приведен в приблизительном соответствии с убывающей степенью частотности этих значений в монгольских словах данного словообразовательного типа.

Монгольский деривационный аффикс *-aya(n)* / *-ege(n)*, на наш взгляд, имеет непосредственную генетическую связь с тюркским аффиксом *-ıyū* / *-igü* (> *-ıy* / *-ig*, *-ıy* / *-üg* > кыпч. *-ıw* / *-ıw* > *-u* / *-ü*), образующим имена действия от глагольных основ, ср.: др.-тюрк. *bilegü* ~ каз. *bilew* «точный камень» < *bile-* «точить»; др.-тюрк. *jajlay* ~ каз. *žajlaw* «летовка» < *jajla-* «проводить лето»; др.-тюрк. *kelig* ~ каз. *keliw* «приход» < *kel-* «приходить» и т.п. (см. Щербак, 1977, 164-166; Хабишев, 1971, 93 и след.). Надо полагать, что в монгольские языки этот аффикс очень рано проник из тюркских языков.

Как бы там ни было, выведение монг. *daruγa* ~ *daraya(n)* «после, затем, потом»; «последующий», «очередной» и т.п. из монг. *daru-* «давить», «жать», «прижимать» и т.п. вызывает серьезные сомнения с семантической стороны.

Во-первых, следует заметить, что отмеченная выше деривационная многозначность аффикса *-aya(n)* не столько свойственна самому аффиксу, сколько всей словообразовательной модели глагол + *-aya(n)* в целом. Во-вторых, данная модель реализует потенциально заложенные в ней деривационные значения, корректируя эту реализацию определяющей

ролью лексического значения исходной глагольной основы, потребностями существующей системы родственных слов и потребностями словесно-семантического поля, окружающего эту систему родственных слов. При этом случайность реализации одного из деривационных значений, потенциально заложенных в словообразовательной модели, носит различный характер: 1) оно сказывается проявлением внутренней необходимости самой модели, если обусловлена лексическим значением исходной основы; 2) проявлением внешней для модели необходимости, если обусловлена существующей системой родственных слов и существующим словесно-семантическим полем. Следовательно, при потенциальной деривационной многозначности словообразовательной модели нужен индивидуальный подход к установлению семантики конкретного слова в различных контекстах его употребления; выявленные деривационные значения, потенциально заложенные в модели, могут служить только ориентирами, отграничивающими деривационное поле.

Чтобы установить возможные деривационные связи между монгольскими *daraya(n)* «после, затем, потом» и *daru-* «давить», «жать», «сжимать» и т.д., рассмотрим вначале семантическое поле данной глагольной основы по доступным лексикографическим источникам, ср.: прамонг. **daru-* «давить», «жать», «сжимать, сдавливать»: ср.-монг. *daru-* «подавить»; *daruba dušmani* (= чаг. *basti dušmanni*) «подавил врага» (Поппе, 1938, 138); *daraba* «окружил, разрушил» (Поппе, 1938, 435); п.-монг. *daru-* «давать», «сжимать, сдавливать, стискивать» (Поппе, 1955, 26, 75, 88, 106, 264); х.-монг. *darā-* «давить, жать, придавливать, прижимать»; «прикладывать, ставить (печать)»; «вычитать, удерживать из зарплаты»; «подавлять, побеждать, украшать, обуздывать»; «покрывать»; «класть под сукно», «высиживать (яйца)»; «солить, мариновать»; «консервировать»; «гнать, преследовать» (БАМРС, II, 36-37); бур. *darā-* «давить, жать, придавливать, прижимать»; «подавлять, побеждать», «(пре)одолевать, укрощать, обуздывать»; «гнаться, преследовать», «прятать, скрывать, утаивать»; «покрывать»; «класть под спуд (или под сукно)»; «удерживать»; «ставить, прикладывать печать»; «наседать (о пыли)»: *darā(n)* «тайник, хранилище, сокровищница»; «груз, тяжесть (напр. береза с ветками на стогу сена)»; «могила»; калм. *dar-* «давить, жать, придавливать, приминать»; «ударять»; «прикладывать, ставить (печать)»; «побеждать»; «подавлять, укрощать»; «обуздывать»; «прятать, скрывать, утаивать»; «мучить, угнетать»; «глушить, не давать расти»; «высиживать яйца»; «консервировать» (см. Ramstedt, 1935, 77: ~ тюрк. *jaz-*); ойр. *dara-* «давить, жать, придавливать, прижимать»; «подавлять, побеждать»; «закрыть, прикрыть»; «наносить удар, ударять»; «перенести, выдержать, вытерпеть»; «ставить (печать)»; «высиживать (яйца)» (Тодаева, 2001, 116); дагур. *dara-*, *dare-* «давить, придавливать, прижимать»; «закрывать, прикрывать» (Тодаева, 1986, 135); монгор. *dāri-* «давать, жать, придавливать, подавить»; минхэ *dari-*, дунс. *daru-* «тж.» (Тодаева, 1973, 327); в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб.,

горл., архорч., бар., онн., найм., харч., тум., шгол., уцаб., чах. *dara-*, орд. *daru-* «давить, жать, придавливать, подавить»; «прикладывать, ставить»; «подавлять, побеждать»; «прятать, скрывать» (Тодаева, 1981, 141) и т. д.

Из приведенного перечня форм и значений видно, что монг. *daru-* «давить» обладает весьма широким семантическим полем, и в этом отношении данное монгольское слово находится чрезвычайно близко к тюрк. **bās-* «давить» (перечень форм и значений см. в ЭСТЯ, 1978, 74-78). Отглагольный дериват *daruᠢa ~ daraya(n)* (< *daru-* + *-aya*) «после, затем, потом», по всей вероятности, базируется на семеме «класть под спуд», «класть под сукно», «отложить в долгий ящик» и т.п. Вероятно, первоначально под словом *daruᠢa ~ daraya(n)* подразумевалось «подавление (желания делать что-либо)»; а отсюда уже развивались значения «после», «затем», «потом», «вслед за тем», «в дальнейшем», «со временем», «позже», «впоследствии» и т.п.

Однако монг. *daruᠢa ~ daraya(n)* «после», «затем», «потом» нельзя сопоставить с тюрк. *jarin* «утро», «завтра», так как они оформлены разными деривационными аффиксами, можно сопоставить только их производные основы. Но ближайшее знакомство с семантическим полем монг. *daru-* «давить» и тюрк. **jaru-* ~ **jari-* «светить» красноречиво свидетельствует, что между ними нет никаких точек соприкосновения, так как монг. *daru-* выражает идею давления, а тюрк. **jaru-* – идею света, освещения, рассвета. Следовательно, приходится констатировать, что сближение тюрк. *jarin* «утро», «завтра» с монг. *daraya(n)* «после», «затем», «потом», «в будущем» и т.п. не выдерживает филологической критики.

Отметим также, что предпринятое Г.Й. Рамstedтом сближение монг. *daru-* «давить», «жать» с тюрк. *jaz-* «промахнуться» (Ramstedt, 1935, 77; 1949, 258; 1957, 51) не корректна прежде всего по семантическим соображениям.

В современных алтаистических исследованиях монг. *daraya* «после», «затем», «потом» сближается с тюрк. *dāri-* «нападать, набрасываться», «дотрагиваться», «задевать» и т. п. (см. EDAL, II, 1357-1358) в качестве genuinного на праязыковом уровне, однако данное слово в древнетюркских памятниках не представлено, а в современных языках имеет узкоареальный характер, ср.: туркм. *dāra-* «скакать, мчаться вскачь»; «нападать, набрасываться, наскокивать»; осм. (XIV в.) *dari-*, аз. *daras-* «наползать (куда-либо в большом количестве – о некоторых насекомых и ползающих животных)»; «налетать»; «набрасываться (на что-либо с целью захватить, получить что-либо для себя)»; «нападать (о собаках, стае волков и т. п.)»; «приставать (о множестве лиц) к кому-либо с какой-либо целью»; аз. диал. *dari-* «завидовать» (ДСАЗ, 174); чаг. *dari-* «случиться, оказаться, явиться, прийти» (Будагов, 1869, I, 547); чаг. *dari-* «случиться, явиться» (Радлов, III, 1628); тат. *tari-* «неожиданно встретить»; «наскочить, наткнуться (на неприятность, беду, несчастье)»; тат. диал. *tari-* «выпадать на долю, доставаться друг другу» (ТТДС, 1993, 289); башк. *tari-* «попадать

(в какое-либо положение)»; «оказываться (в каком-либо положении)»; «попадаться, случайно встретиться»; каз. *darī-* «попадать, задевать»; «оказать благотворное влияние»; кирг. (= каз.) *darī-* «посетить» (говорится о невидимых посетителях, каков *qadīr-ata Xīzīr*); «попасть в цель»; *arwaqtar dariyan kisi* «человек, посещаемый духами» (Катаринский, 1897, 56); кир. (= каз.) *dari-* «попасть, встретиться неожиданно»; «посетить (говорится о невидимых посетителях)» (Будагов, 1869, I, 547); кир. (= каз.) *dari-* «быть посещаемым духами»; «неожиданно встретиться с кем-либо»; «попасть в цель» (Радлов, I, 1627); ног. *dari-* «задевать», «ругать»; к.-калп. *dari-* «касаться, слегка задевать»; *qidir dariyan* «счастливый»; «удачный»; якут. *tārij-* «зацепляться за что»; «задевать, касаться кого»; «прикасаться, дотрагиваться до чего»; «трогать, шевелить, прихватывать» (Пекарский, 1927, X, 2585-2586) и т. д. (Räsänen, 1969, 133; ЭСТЯ, 1980, 149-150; EDAL, II, 1357-1358). Однако специалисты, начиная уже с Э.К. Пекарского, данное слово вполне обосновано относят к монгольским заимствованиям (Пекарский, 1927, X, 2585; Ramstedt, 1935, 83; Räsänen, 1969, 133; Kałużinski, 1961, 28; Stachowski, 1993, 219), ср.: прамонг. **daya-ri-* «проходить мимо, задевать»; ср.-монг. (SH, HY) *da'ari-* «тж»; *daarijqu* «насмешливый, задевающий» (Козин, 1941, 607); п.-монг. *dayari-*, *dajiri-* «наткнуться на что-либо»; «задеть», «попасть»; «проходить мимо», «подходить»; «столкнуться»; «обижать, оскорблять» и т. д. (Ковалевский, 1844, 1582; Lessing, 1960, 218: *dayari-*); х.-монг. *dajrā-* «нападать, налетать, набрасываться, накидываться»; «атаковать, штурмовать, пойти на приступ»; «вторгаться»; «задевать, давить (кого-что-либо)»; «зацепиться (за кого-что-либо)»; «касаться, прикасаться (к кому-чему-либо)»; «толкать, толчком опрокидывать»; «попадаться, встречаться»; «испытывать»; «проходить»; «болеть»; «быть разбитым параличом»; «заходить, заезжать попутно»; «оскорблять, задевать, колоть, уязвлять (словами)»; *dajrāχ(uj)* «нападение, налет»; «атака, штурм, набег, приступ, удар»; «наскою»; «агрессия»; «вторжение»; «бросок»; «выпад»; «мимо, мимоходом, попутно, через»; *dajrlāyā* «оскорбление, уязвление» (БАМРС, II, 21-22); бур. *dajrā-* «задевать, толкать»; «заходить (заезжать) попутно»; «оскорблять, задевать, уязвлять (словами)»; калм. *dā:r-* «попасть», «задевать», «толкать»; «обижать, оскорблять»; «прибывать», «заезжать», «заходить»; «происходить, случаться» (Ramstedt, 1935, 83); калм. *dāwēr-* «нападать, вторгаться; атаковать»; «давить»; «оскорблять, задевать (словами)»; «быть разбитым параличом»; «заходить (заезжать) попутно»; ойр. *dāwērě-* «нападать, атаковать, вторгаться»; «заходить, заезжать, попутно зайти куда-либо» (Тодаева, 2001, 119); орд. *dāri-*, дагуп. *dāri-*, ш.-юг. *dār-*, монгор. *dāri-* «recontrer en chemin, dire en passant» (Smedt, Mostaert, 1933, 45) и др. (свод монгольских форм см.: Ramstedt, 1935, 83; MGCD, 191; EDAL, I, 456); ср. также: п.-монг. *dayari-* (**dawiri-*) «задеть, зацепить, оскорбить, нападать, заехать, ехать мимо», х.-монг. *dā jēri-*, баит. *dā wēr-*,

ойр. письм. *dajiri-* «тж.» (Владимирцов, 1929, 205); п.-монг. *dajiri-* (<**dawiri-*), х.-монг. *dajëri-*; баит. *däri-* (< п.-монг. *dayäri-* <**dawäri-*) «задеть» (Владимирцов, 1929, 275).

Монгольские формы в качестве гениинных на алтайском уровне обычно сравниваются с тюрк. **japir-* ~ каз. *žapir-* «свалить сплошную стену сражающихся», «сплошь занять место», «измять траву» (Катаринский, 1897, 71), см.: п.-монг. *dayari-* ~ *dajiri-* «задеть, зацепить, заезжать, вернуть, нападать, оскарблять», ойр. письм. *dajiri-*, х.-монг. *dajëri-*, баит. *dä wër-*, захач. *däw'r-* «тж.» ~ тюрк.: тел. *jabir-* «трогать, оскорбить», каз. (= тат.) *jabiril-* «накинуться, наброситься»; кир. (= каз.) *žapir-* «измять траву», «оттеснить врага» (Владимирцов, 1929, 271; Ramstedt, 1935, 83).

Комплексный анализ приведенных тюркских и монгольских форм приводит к заключению, что тюрк. **japir-* «нападать» и т. п. (см. каз. *žap-*, *žapir-*) очень рано проникло в прамонгольский и отразилось как *dabiri-* > *dawiri-* > *dayari-* ~ *dajiri-* «нападать» и т. п.; в свою очередь данное слово в среднемонгольской форме *däri-* проникло в некоторые тюркские языки (туркм. *dära-*, чаг. *däri-*, кангл.-кыпч. *dari-* поволж.-кыпч. *tari-*). Следовательно, между монг. *dayaya* «после» и тюрк. *däri-* «нападать» нет ни генетических, ни контактных связей (подробнее см.: Räsänen, 1969, 133; Doerfer, 1963, 318-319; ЭСТЯ, 1980, 149-150).

В «Этимологическом словаре алтайских языков» монг. **daya-ri-* «проходить мимо», «задевать» в качестве гениинного на праязыковом уровне сближается с тюрк. **jagu-* «приближаться», *jayıq* «близкий» (~ каз. *žuwi-*, *žuwiq* «тж.»), т.-маньчж. **daga* «близкий», «вскоре», «ненадолго», а также с японскими и корейскими формами (см. EDAL, I, 456). В данном случае сопоставимы только производящие основы (монг. **daya-* ~ тюрк. *jagu-*), но никак не производные формы (монг. *dayari-* и тюрк. *jayıq*), оформленные разными деривационными аффиксами. Однако монг. *dayari-* на монгольском материале не поддается морфологическому членению, так как ни именная (**daya* ~ **daji*), ни глагольная (**daya-* ~ **daji-*) производящая основа в монгольских языках реально не представлена (еще один аргумент в пользу тюркского происхождения монг. *dayari-* «нападать» ← тюрк. **japir-* «тж.»). Между тем тюрк. *jayıq* «близкий» хорошо этимологизируется на тюркской почве: < *jayu-* «приближаться» + именной деривационный аффикс *-q*; *jayu-* < *jaq-* «приближаться» – рефлексивная форма ?; см. каз. *žuwi-*, *žuwiq*).

Несостоятельность сближения монг. *dayari-* «нападать» и тюрк. *jayıq* «близкий» столь очевидна, что не требует комментариев. Однако вернемся к тюрк. *jarın* «утро», «завтра».

«Этимологический словарь алтайских языков» выдвигает новые сближения на праалтайском уровне: пратюрк. **jar-in* «утро», «завтра», «следующий год» ~ прамонг. **naran* «солнце» ~ пратунг.-маньчж. **ñer(i)-* «свет» ~ праяпон. **ari-* «рассвет, заря» ~ пракор. **nár* «солнце, день,

погода» (EDAL, II, 1028-1029; см. также Старостин, 1991, 295; СИГТЯ, 1997, 80-81).

В рамках разрабатываемой темы нас прежде всего интересуют тюркско-монгольские лексические взаимоотношения, поэтому подробно рассмотрим монгольские формы; ср.: прамонг. **naran* «солнце»; ср.-монг. *naran* (HY, 1; SH); *narān* (ИМ), *naran* (МА) «солнце» (Поппе, 1938, 245-246, 442); п.-монг. *nara(n)* «солнце» (Lessing, 1960, 565); х.-монг. *nar(ān)* «солнце» (БАМРС, II, 396); бур. *narā(n)* «солнце»; калм. *narān* «солнце»; «воскресенье» (см. Ramstedt, 1935, 272); орд. *nara(n)* «солнце»; дагур. *nar, nara, nare* «солнце» (Тодаева, 1986, 156); ойр. *naran* «солнце» (Тодаева, 2001, 244); монгор. *nara* «солнце», минхэ *nara*, санч. *nara*, дунс. *naran*, баоань. *naraŋ* (Тодаева, 1961, 130; 1964, 144; 1973, 348), ш.-юг. *naran* «солнце»; в говорах Внутренней Монголии: харч., джал., дурб., горл., архорч., барин., онн., найм., хеш., харч., тум., шгол., уцаб., чах. *nar*, орд. *naran* «солнце» (Тодаева, 1981, 173) и др. (свод монгольских форм см.: Ramstedt, 1935, 272; Poppe, 1955, 25; MGCD, 500; Тодаева, 1973, 348; СИГТЯ, 1997, 80-81; EDAL, II, 1028-1029).

На основании тюркских и монгольских сближений для праалтайского состояния предлагается архетип **narA* или **nera* с первоначальным значением «солнце, светило», откуда якобы получили развитие значения «день, утро» (СИГТЯ, 1997, 80-81), но конечный *-n* в тюрк. **jarin* оставляется без объяснения.

Сближение монг. *nara(n)* «солнце» с тюрк. **jarin* «утро», «завтра» представляется весьма проблематичным. Во-первых, тюрк. **jari-n* (или *jar-in*) принято считать именным дериватом от глагола **jar(uu)*- «светить», «рассветать» (см. выше; необоснованные возражения см. С.А. Старостин, 1991, 198, 295; хотя он принимает праформы **jar-in* и **jari-n*), а монг. *nara(n)* является неделимой именной основой. Уже одно это показывает на некорректность данного сближения.

Во-вторых, поражает внешнее сходство двух монгольских слов: *nara(n)* «солнце» и *sara(n)* «луна», «месяц»; ср.: ср.-монг. *sara, sarā, saran*, п.-монг. *sara(n)* (Lessing, 1960, 674), х.-монг. *sar(ā)*, бур. *harā*, калм. *sarā*, орд. *sara(n)*, дагур. *sar* «месяц», *sarūl* «луна», дунс. *sara*, баоань. *sare, sera*, ш.-юг. *sara*, монгор. *sara* «луна» (см.: Poppe, 1955, 119; EDAL, II, 1512). Эти два самостоятельных слова в монгольском языке построены явно по одной модели (напрашивается морфологическое членение **na-ra, *sa-ra*), но представляют собой совершенно самостоятельные основы.

Между тем, в «Этимологическом словаре алтайских языков» монг. **sara* «луна» связывается с тюрк. **jar-* «светить» и его производными **jaru-* «светить», *jaruq* «свет», чув. *šor-da* «свеча», якут. *sarā-* «рассветать» и т.д. (см.: EDAL, II, 1512-1513; подробнее см. каз. *žariq* «светлый»), то есть с глагольной основой слова *jarin* «утро», «завтра». Совершенно не понятно, чем руководствовались алтаисты, когда они в одном случае сопоставляли тюрк. **jari-* «светить» и **jaruq* «свет» с монг. **sara* «луна», а

в другом – тюрк. **jari-n* «завтра», «утром» с монг. **nara* «солнце». Кстати, в традиционной алтаистике монг. **nara* «солнце» обычно сближается **jāz* ~ прабулг. **jār* «весна» (см.: Ramstedt, 1935, 272; 1949, 159; 1957, 111; Räsänen, 1969, 193; Поппе, 1925, 35; Poppe, 1926, 103; 1960, 38, 81, 154, 156; Илмич-Свитыч, 1976, 83-85; 85-86; Поливанов, 1927, 1202-1202 и др.; критический разбор сопоставлений, предлагаемых в работах Г.И. Рамстедта, Н.Н. Поппе и др. см.: Doerfer, 1975, 67, № 1787; см. также: EDAL, II, 981-982). Все эти сближения на современном уровне развития компаративной алтаистики не выдерживают филологической критики и должны быть отклонены (подробнее см. каз. *žaz* «лето»).

Подробный анализ существующих в специальной литературе различных тюркско-монгольских сопоставлений показывает, что ни одно из них с высоты современной алтаистической компаративистики не может считаться безупречным. Явно некорректными оказываются следующие сближения: 1) тюрк. *jarın* «заря» ~ монг. *daraya* «(по)следующий»; 2) тюрк. *jarın* «заря» ~ монг. *nara(n)* «солнце»; 3) тюрк. **jar(u)-* «светить» ~ *gerel* «свет» (см. каз. *žarıq* «свет») и др.

Подробнее см.: Vámbéry, 1867, 117; Radloff, 1912, 754; Bang, 1917, 50; Поппе, 1925, 25; Poppe, 1926, 105; 1955, 26, 75, 106; 1960, 22, 25, 79, 95, 106, 125; 1973, 111; Пекарский, 1927, X, 2585; Владимирцов, 1929, 205, 271, 275; Ramstedt, 1935, 77, 83, 134, 272; 1949, 159, 258; 1957, 51, 75; Räsänen, 1939, 99-101; 1969, 133, 190, 193; Atalay, 1942, 153; Posch, 1958, 276; Kalužiński, 1961, 28; Ligeti, 1961, 37-39; Doerfer, 1963, 318-319; 1975, 67, № 1787; 1985, 21; Егоров, 1964, 343; Иллич-Свитыч, 1971, 228-229; 1976, 83-86, 85-86; Clauson, 1972, 970; Ахметьянов, 1978, 115; ЭСТЯ, 1980, 149-150, 147-148; Старостин, 1991, 18, 295; Stachowski, 1993, 97, 219; Дыбо, 1996, 11; СИГТЯ, 1997, 80-81; Федотов, 1996, II, 142-143; 2002, 294; Эхметьянов, 2001, 67; EDAL, I, 456; II, 1028-1029, 1357-1358, 1512-1513.

ЖАС (*žas*) «молодой», «юный»; «возраст»; «год» (только в отношении возраста) < пратюрк. **jāš* ~ прабулг. **jāl* «молодой», «свежий», «юный»; «возраст»; «год (жизни)»: др.-тюрк. *jāš* (с VIII в.), др.-уйг. (VIII в.) *jāš* «зеленый», «молодой»; «свежий»; «зелень», «год (о возрасте)»; «жизнь» (ДТС, 245) Clauson, 1972, 975-976; Orkun, 1987, 887); туркм. *jāš* «возраст, год»; «жизнь»; «малолетний, молодой, юный»; «зеленый»; *jāš soyaŋ* «зеленый лук»; тур. *jaş* «возраст, год»; *jaşım al-* «повзрослеть»; «стать пожилым»; аз. *jaş* «возраст»; «год, годы, лета»; гаг. *jaş* «возраст, годы, лета»; салар. *jaş* «возраст» (Тенишев, 1976, 349), халадж. *jāš* (*yāš*) «год жизни» (Doerfer, Tezcan, 1980, 218); уйг. *jaş* «возраст, год»; «молодой, юный»; «юноша»; узб. *jaş* «возраст, год»; «молодой, малолетний, юный»; кумык. *jaş* «ребенок, дитя»; «ребячий, детский»; «молодой, юный, малолетний»; «возраст, год»; кар. *jaş* «лета, года, возраст»; к.-балк. *žāš* «сын, мальчик, парень»; «молодой», «неопытный»; тат. *jāš* «молодой, юный, малолетний»; «год», «возраст»; башк. *jāš* «молодой, юный», «младший»; «незрелый, неспелый», «зеленый»; «свежий, только что появившийся»; «возраст»; ног. *jaş* «молодой, юный, малолетний»; «мальчик, юноша, парень»; «свежий, молодой», «неспелый, незрелый, зеленый»; «лета, года, возраст»; к.-калп. *žas* «молодой, юный»; «год, лета (при определении возраста)»; «незрелый»; кирг. *žāš* «молодой»; «свежий, сырой»; «недоделанный»; «год» (при определении возраста); «жизнь»; алт. *d'aš* «молодой, юный»; «возраст»; «год» (при определении возраста); «зеленый»; «сырой»; хак. *čas* «молодой, свежий», «сырой»; «возраст, год»; шор. *čas* «год жизни»; «молодой» (Радлов, III, 1912); чулым. *čas* «возраст»; «сырой» (Бирюкович, 1984, 72); тув. *čas* «младенческий, грудной»; «детский»; «молодой»; *čas xar* «свежий, только что выпавший снег, пороша»; тоф. *češ* «грудной, новорожденный (о ребенке, детеныше)» (Рассадин, 1971, 196); якут. *sās* «возраст»; *sāhıyar* «абсолютно, совершенно»; чув. *s'ul* «год»; «возраст».

В тюркологических работах в этом же ряду обычно рассматривают и омонимичное слово **jaš* «слеза» (см. каз. *žas* «слеза»). А.М. Щербак различает два самостоятельных слова: **đāsh* «слеза» и **đāsh* «молодой», «год жизни» (Щербак, 1970, 196), тогда как многие другие исследователи, начиная с А. Вамбери (Vambergy, 1878, 125), считают, что мы имеем здесь дело с многозначным словом. Если слово **jāš* «слеза», **jāš* «возраст, год жизни» и **jāš* «молодой, свежий, зеленый» и восходят к одному этимону, семантически они разошлись достаточно рано, потому мы здесь рассматриваем их отдельно.

В.В. Радлов считает гомогенными такие значения *jaş*, как «свежий, зеленый, сочный, влажный»; «молодой»; «слеза (влага глаз)»; «год жизни (собственно время ежегодно возвращающейся влажности, свежести растений)»; «возраст, время жизни» (Радлов, III, 240-243).

Дж. Клаусон признает первичность значений «сырой, влажный, свежий», при этом он представляет эволюцию семантики *jāš* «свежий» сле-

дующим образом: «свежий» > «зеленый»; «сырой» > «влажное выделение» > «слезы»; «каждый новый (свежий) год» > «год чьей-либо жизни» (Clau-son, 1972, 975-976).

А. Зайончковский посвятил семантической эволюции тюрк. *jāš* целый раздел статьи, где опираясь на языковые факты и данные других источников, устанавливает четыре направления семантического развития слова: 1) «свежий» > «зеленый»; 2) «живучесть, жизнь, произрастание»; 3) «влажность» > «слеза» («влажность глаза»); 4) «молодой» > «возраст (год жизни)», «пожилой» (Zajaczkowski, 1965, 146-150);

В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» основным значением тюрк. **jāl'* считается только «год (возрастной)» и особо оговаривается, что данное слово следует отличать от омонимичного «молодой» (СИГТЯ, 1997, 84). «Этимологический словарь тюркских языков» склоняется к объединению всех «омонимичных» форм (см. ЭСТЯ, 1989, 161-164).

Данное слово появляется в виде *jaš* с самых ранних орхонских памятниках и в таком виде отмечается в последующих письменных источниках; оно сохранилось во всех классификационных группах живых тюркских языков.

Этимологическая структура **jāš* не выяснена.

В «Этимологический словарь алтайских языков» тюрк. **jāl'* «возраст, год»; **jāl'* «слеза»; **jāl'* «свежий, сырой» и **jāl'* «молодой» рассматриваются как самостоятельные омонимичные слова (EDAL, II, 961, 981-982, 985-986, 1003).

В традиционных алтаистических исследованиях тюрк. **jāš* ~ **jāl* сближается с гипотетическими параллелями из монгольских и других алтайских языков:

1) тюрк. **jāš* «год, возраст» ~ монг. *nasun* «возраст, год жизни» (Ramstedt, 1935, 272; 1943, 157; 1957, 75, 110; Poppe, 1926, 103; 1960, 39; ТМС, I, 587; EDAL, II, 961; СИГТЯ, 1997, 84);

2) тюрк. **jāš* «нежный, зеленый» ~ монг. *nilqa* «молодой, нежный, дитя» (Ramstedt, 1935, 276; 1949, 159; 1957, 110; Poppe, 1926, 103; 1960, 39, 77; ТМС, I, 630);

3) тюрк. **jāš* «молодой, юный», «нежный» ~ монг. *žalayu* «молодой» (Ramstedt, 1935, 465; Котвич, 1962, 41; EDAL, II, 1003; Street, 1980, 298);

4) тюрк. **jāš* «слеза» ~ монг. *nilbusun* «слеза» (Владимирцов, 1929, 146, 369; Ramstedt, 1935, 281; Räsänen, 1955, 24; Поппе, 1925, 35; Poppe, 1926, 103; 1960, 39, 77, 154; Räsänen, 1969, 192; ТМС, I, 319; Федотов, 2002, 153);

5) тюрк. **jāš* «возраст, год жизни» **jāš* «нежный, зеленый» ~ монг. *nilqa* «молодой, нежный» (Владимирцов, 1929, 146, 369; Poppe, 1926, 103; 1960, 39, 77, 154);

6) тюрк. **jāš* ~ **jāl'* «слеза» ~ монг. *nidü(n)* «глаз» (EDAL, II, 981);

7) тюрк. **jāš* ~ **jāl'* «свежий, сырой» ~ монг. *nilayun* «сырой, приторный» (EDAL, II, 985) и т.д.

Итак, ознакомление с существующей специальной литературой показывает, что одно и то же тюркское слово (или, по крайней мере, она и та же форма) **jās* ~ **jāl'* алтаистами сближается аж даже с семью монгольскими словами, что, конечно, не удовлетворяет строгим научным подходам. Такое положение вещей требует критического изучения всех существующих в традиционной алтаистике тюркско-монгольских сближений с привлечением широкого круга репрезентативного материала из монгольских, а по необходимости и из других алтайских языков. Далее мы рассмотрим основные тюркско-монгольские сближения, получившие широкое распространение в алтаистических работах.

1) тюрк. **jās* ~ **jāl'* (чув. *šul*) «год, возраст» ~ монг. *nasun* «возраст, год жизни»: прамонг. *na-su(n)* «возраст, год жизни»; ср.-монг. *nāsun* «жизнь» (Поппе, 1938, 442), *nasun urtu bolba* (= чаг. *jaši uzun boldi*) «жизнь его стала долгой» (Поппе, 1938, 446); *nasu-tu* «...yers old» (SH); п.-монг. *nasu(n)* «возраст, годы, лета» (Lessing, 1960, 566); х.-монг. *nas(ān)* «возраст, годы, лета»; «жизнь», «век (человека)» (БАМРС, II, 399); бур. *naha(n)* «возраст, годы, лета»; «жизнь, век (человека)»; *zālū nahān* «молодые годы», «молодость», «юность»; калм. *nasān* «возраст, годы, лета»; «жизнь», «век (человека)» (см. Ramstedt, 1935, 272: ~ ? тюрк. *jaš*); оыр. *nasān* «возраст, годы, лета»; «год жизни», «век», «жизнь»; «жизнь, век (человека)» (Тодаева, 2001, 244), дагур. *nase, nas(u)* «возраст, годы, лета» (Тодаева, 1986, 156) дунс. *nasun*, баоань. *nasoŋ* «возраст» (Тодаева, 1964, 144); ш.-юг. *nas, nasān*, монгор. *nase* «возраст» (Тодаева, 1973, 348); в говорах Внутренней Монголии: хорч., архорч., бар., онн., найм., хеш., харч., тум., шгол., уцаб., чах. *nas*, джал., дурб. *nat*, орд. *nasun* «возраст, годы, лета»; «жизнь; век» (Тодаева, 1981, 173) и т.д. (подробнее см.: Ramstedt, 1935, 272; 1949, 157; 1957, 75, 110; Poppe, 1926, 103; 1960, 39; ТМС, I, 587; Старостин, 1991, 288; ЭСТЯ, 1989, 161-164; СИГТЯ, 1997, 84; EDAL, II, 961). Для прамонгольского состояния обычно реконструируется архетип **nal-sun* или **nal'-sun* (Ramstedt, 1949, 157; 1957, 75, 110; Старостин, 1991, 288; EDAL, II, 961). Если такая реконструкция правомерна, то монг. **nal* следует считать ранним заимствованием из тюркского языка болгаро-чувацкого типа (см. Clauson, 1972, 975-976; Doerfer, 1975, 97, №1797; Щербак, 1997, 123). Тюрк. **jās* ~ **jāl'* «год жизни», «возраст» и монг. *nasun* «тж.» тождественны по значению и не противоречат такому допущению.

Монг. **nasun* «возраст», «год жизни», «года», «лета» заимствовано тюркскими языками тобаской группы, ср.: тув. *nazi, nazin* «возраст»; *nazi četken* «совершеннолетний», *nazi barān* «старый»; *čalī nazin* «юность, молодость»; *nazi-χar* «возраст»; тоф. *nazin* «прожитая жизнь, возраст» (Рассадин, 1971, 208; 1980, 62), а также некоторыми тунгусо-маньчжурскими языками, ср.: эвенк. *nahun* «возраст», «век»; сол. *nasā, nasun* «возраст, год жизни» (ТМС, I, 587).

2) тюрк. **jaš* «нежный, зеленый» ~ монг. *nilqa* «молодой, нежный», «новорожденный», «дитя»: прамонг. **nilqa* «новорожденный»; ср.-монг. *nilqa* «зеленый»; *nilga arba* (= чаг. *jaš arpa*) «зеленый ячмень»; *nilqa kü.tü eme* (= чаг. *jaš oylanlıq xatun*) «женщина с новорожденным сыном» (Поппе, 1938, 253); *nilqa* «наименьший» (Козин, 1941, 566, 589); п.-монг. *nilqa* «новорожденный»; «молодой, юный, свежий»; «младенческий»; «неразумный, несмышленный» (Lessing, 1960, 584); *nilxa* «молодой, свежий», «рожденный в текущем году»; «ребенок, животное до одного года» (Владимирцов, 1929, 115, 177, 325, 369); х.-монг. *ñalx* «новорожденный, недавно родившийся»; «молодой, юный, свежий»; «младенческий»; «неразумный, несмышленный, непонятливый» (БАМРС, II, 450); *ñ'alxā* «молодой, свежий», «рожденный в текущем году» (Владимирцов, 1929, 115-116, 177, 325, 369); бур. *ñalxā, ñilxā* «ребенок, дитя, младенец, новорожденный»; калм. *ñilxě* «новорожденный, младенческий»; «только-что родившийся (о молодняке животных)»; «новотельный (о матках)»; «молодой, свежий (о растениях)» (см. Ramstedt, 1935, 276); ойр. *ñilxě* «дитя, младенец, новорожденный»; «молодой, нежный, несозревший (напр. трава, плоды)» (Тодаева, 2001, 249); орд. *nilxa* «новорожденный», «недавно родившийся»; дагур. *ñalka ñalxā* «младенец, новорожденный», *ñoloko* «нежный, хрупкий» (Тодаева, 1986, 156); монгор. *narGē* «молодой (о дереве)» (Тодаева, 1973, 348); в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал. *nēlx, nerē*, дурб.. горл., тум. *nerē*, харч. *nelx aṅā*, онн., найм. *bēbē*, шгол. *nilx* «новорожденный, недавно родившийся» (Тодаева, 1981, 179).

Б.Я. Владимирцов в одном ряду рассматривает п.-монг. *nilxa*, х.-монг. *ñalxā* «ребенок, животное до одного года», «молодой, свежий» ~ тюрк.: орх., уйг. *jaš* «свежий, зеленый, год жизни», якут. *sās* «возраст» ~ тунгус. *nāl-ki, nel-ke* «весна» (Владимирцов, 1929, 369). При этом он указывает: «устанавливается на большом количестве примеров, что монг.-письм. *n* > *n* монг. наречий соответствует тюркскому *y* ~ *j*. Наблюдения эти заставляют предполагать, что в праязыке имела фонема **n̄* (*ɲ*), т.е. среднеязычный или палатальный (не палатизованный, а палатальный) носовой согласный, похожий, напр., на французское «*gn*» в слове «*ognon*» «лук»...» (Владимирцов, 1929, 369). В этом отношении показательна осторожная точка зрения Дж. Клаусона, который также (правда, под вопросом) допускает для пратюркского состояния архетип с инициальным *n̄*-: *ya:š* (? *n̄*-) (Clouston, 1972, 975). Тем не менее, при сближении тюрк. **jal'* (? **nāl*) «молодой», «год жизни» с монг. *nilqa* (<**nilqa*) «молодой», «новорожденный» и т.п. возникают серьезные трудности фонетического (тюрк. *ā* ~ монг. *i*) и семантического порядка (подробнее см. Street, 1980, 298). Г. Дерфер считает, что тождество тюрк. *jaš* «молодой, свежий; возраст» с монг. *nilqa* «новорожденный» вызывает сомнение, так как не выяснена история семантики

слова в каждом из алтайских языков (по этому поводу подробнее см. Doerfer, 1975, 97, № 1797). К монгольским формам ср. также х.-монг. *ᠬᠠᠯᠵᠠᠵᠠᠵᠢ* «новорожденный»; «совсем маленький, малютка (о ребенке)» при *ᠬᠠᠯᠠ* «размазывать, намазывать»; *ᠬᠠᠯᠵᠠ* «размазываться, пачкаться» и т.п. (см. БАМРС, II, 449 и след.).

Составители «Этимологического словаря алтайских языков» отказались от рассматриваемой этимологии и ограничились сближением монгольских форм с тунгусо-маньчжурскими параллелями (см.: EDAL, II, 968; ТМС, I, 620).

Монг. *nilqa* «молодой», «новорожденный» скорее всего является производным словом и морфологически расчленяется на производящую основу **nil(a)* и деривационный аффикс *-qa* (вероятно, с первоначальным деминутивным значением). Если такое предположение верно, то монг. **nil(a)* скорее всего сопоставимо с тюрк. *jil* «год (астрономический)» (ср. семантику монг. *nilqa* «рожденный в текущем году»). Следовательно, по фонетическим критериям монг. *nilqa* следует признать ранним заимствованием из тюркского языка. Тунгусо-маньчжурское **nelki* «весна» (эвенк. *nelki*, эвенк. *nelkä*, неч. *nelki*, сол. *nelyxi*, ороч. *nekki* < *nelki*, орок. *nelčiri*, уд. *neki* < *nelki*; см. ТМС, I, 620) в таком случае скорее всего является монгольским заимствованием.

3) тюрк. **jāš* «молодой, юный» ~ монг. *ᠵᠠᠯᠠᠭᠤ(n)* «молодой»: → пра-монг. **ᠵᠠᠯᠠᠭᠤ* «молодой»; ср.-монг. *ᠵᠠᠯᠠ'ᠦ* (= чаг. *jigit*) «молодец»; *ᠵᠠᠯᠠ'ᠦ bolba* (= чаг. *jigit boldi*) «стал молодым»; *ᠵᠠᠯᠠ'ᠦ eme* (= чаг. *jigit ḡatum*) «молодая женщина»; *ᠵᠠᠯᠠ'ᠦ temēn* (= чаг. *jigit teme*) «молодой верблюд» (Поппе, 1938, 200); *ᠵᠠᠯᠦ* (= чаг. *jigit*) «молодой»; *ᠵᠠᠯᠦ ingen* (= чаг. *jigit ingen*) «молодая верблюдица» (Поппе, 1938, 200); *ᠵᠠᠯᠠ'ᠦ* «дитя, юноша»; *ᠵᠠᠯᠦ(n)* «раб» (Поппе, 1938, 439; более точная транслитерация: *ᠵᠠᠯᠠwᠠ, ᠵᠠᠯᠦ (MA), ᠵᠠᠯaw, ᠵᠠᠯᠦ (ИМ)* «молодой»); , *ᠵᠠᠯᠠ'ui* «молодой» (SH); п.-монг. *ᠵᠠᠯᠠᠭᠤ* «молодой, юный»; «юноша, молодец» (Lessing, 1960, 1029); *ᠵᠠᠯᠠᠭᠤ, ᠵᠠᠯawu* «молодой, юноша, раб» (Владимирцов, 1929, 204); х.-монг. *ᠵᠠᠯᠦ* «юный, молодой, младой»; «зеленый»; «безусый»; «сопливый»; «юноша, молодец»; «простой молодой арат, раб, слуга» (БАМРС, II, 204); бур. *ᠵᠠᠯᠦ* «юный, молодой»; калм. *ᠵᠠᠯᠦ* «мужчина»; «муж, супруг»; «юность, молодость»; *ᠵᠠᠯᠦ* «молодой, юный»; «молодой хозяин», «мужчина», «муж», «супруг»; «храбрый, мужественный» (см. Ramstedt, 1935, 465: ~ ? тюрк. *jaš* «молодой», «нежный»); ойр. *ᠵᠠᠯᠦ* «мужчина»; «муж, супруг»; «юный, молодой» (Тодаева, 2001, 151); орд. *ᠵᠠᠯᠦ* «молодой, юный»; дагур. *ᠵᠠᠯᠦ, ᠵᠠᠯᠦ* «молодой, юный» (Тодаева, 1986, 142); могол. *ᠵᠠᠯᠠᠭᠤ* «молодой, юный»; дуж. *ᠵᠠᠯᠠᠭᠤ, ᠵᠠᠯᠠᠭᠤ*, ш.-юг., *ᠵᠠᠯᠦ, ᠵᠠᠯᠦ*, сыч. *dzalu* «юноша, молодой человек»; «юный» (Тодаева, 1961, 119; 1973, 332); в говорах Внутренней Монголии:

хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., онн., найм., хеш., харч., тум., урат., чах., орд. *žalū*, шгол. *žalu* «юный, молодой» (Тодаева, 1981, 152).

Сближение тюрк. **jāš* (~**jāl'*) «молодой» с монг. **žalayu(n)* «молодой» встречается в работах Г.Й. Рамстедта (Ramstedt, 1935, 465), В. Котвича (1962, 41), а также в «Этимологическом словаре алтайских языков» (EDAL, II, 1003). В. Котвич соответствие тюрк. *jaš* ~ монг. *žalayu(n)* «молодой» приводит как пример удлинения некоторых корней в монгольском языке за счет элементов неясного происхождения (Kotwicz, 1953, 22; Котвич, 1962, 41). Отсюда логически вытекает, что в монгольской форме вычленяется корневой элемент **žal(ä)*, который хорошо соотносится с прабулгарским **žal* (~ тюрк. **jāš*) «год, возраст», и аффиксальный элемент *-ayu* (~ тюрк. аффикс **-aq*, образующий имена действия от глагольных основ; см. Щербак, 1977, 172). Этимологические связи монгольского аффикса *-ayu* подсказывают, что производящая основа **žalā-* в монг. *žalayu* (ср. реально зафиксированные ср.-монг. формы *žalaw*, *žalu* у Ибн-Муханны, *žälāwā*, *žalu* в «Мукаддимат ал-Адаб», *žalau* в Стамбульском словаре и др.) лучше сравнивать с тюркской глагольной основой **jāša-* (~ прабулг. **žala-*) «жить, проживать, существовать» (< **jāš* «год жизни», «молодой») + аффикс отыменных глаголов *-a-*, представленной в орхонских памятниках с VIII века и в ряде живых тюркских языков (Clauson, 1972, 976-977; ЭСТЯ, 1989, 163-164). Следовательно, монг. *žalayu* «молодой, юный» получает убедительную тюркскую (вернее, прабулгарскую) этимологию: тюрк. *jāšayu* «жизнь»: др.-тюрк. *jāšayu* «жизнь» (ДТС, 246), *žašayu* «жизнь» (ДТС, 641; Clauson, 976-978) ~ протобулг. **žalayu* (< **jāša-* «жить»+ *-ayu*) букв. «жизнь»; «(начало) жизни»; «рождение»; «проживание». Таким образом, монг. *žalayu* «молодой», «только что родившийся», «начинающий жить» и т.п. получает убедительное объяснение как относительно раннее (второго периода по Дж. Клоусону) заимствование из древнего тюркского языка болгаро-чувашского, типа (ср. проявление ламбдацизма в ср.-булг. **žal* ~ **žol* ~) чув. *šul* и монг. *žalayu* при общетюркском **jāš*).

Монг. *žalayu* «юный, молодой» в среднемонгольскую эпоху проникло в некоторые тунгусо-маньчжурские языки, ср.: эвенк. *žalō* ~ *žalū* «молодой» (← ср.-монг. **žalawā* «молодой») (ТМС, I, 245; Doerfer, 1985, 127; EDAL, II, 1003). Это свидетельствует об относительно раннем проникновении тюркского слова в монгольский язык.

4) тюрк. **jāš* «свежий, сырой» ~ монг. *nilayun* «приторный, слащавый»: прамонг. **nilayu(n)* «сырой», «приторный»; п.-монг. *nilayun*, *niluyun* «приторный», «слащавый» (Lessing, 1960, 584); *niluyun*, *niliyün* «отвратительный», «приторный» (Poppe, 1955, 42); *nilayun* «сырой, неваренный», «свежий», «окровавленный» (Ramstedt, 1957, 110); *nilayun* «сырой», «недоваренный», «промозглый (о погоде)»; «кروавый (о мясе)» (Ramstedt, 1949, 159); х.-монг. *halūn* «слащавый, приторный, терпкий»; «пикантный»; «масленный», «сентиментальный»; «затхлый, противный (запах)» (БАМРС,

II, 449); бур. *halū(n)* «пресный, без соли»; «слащавый, приторный»; «лесть»; «брехня»; *halūn zan* «слащавость, вкрадчивость»; калм. *nilūn* «противный», «дурно пахнувший (о рыбе)»; «widrig»; «übelriechend (wie Fisch)» (Ramstedt, 1935, 276); ойр. *nilū:n* «слащавый, приторный» (Тодаева, 2001, 249); орд. *nulūn*, дагур. *nilčun* «приторный» (EDAL, II, 985).

Сближение **jāš ~ *jāl'* «свежий, сырой» с монг. **nila-γun* «приторный» находим в работах Г.И. Рамстедта (Ramstedt, 1949, 159; 1957, 110), Н.Н. Поппе (Poppe, 1960, 39), А.В. Дыбо (Дыбо, 1996, 12), С.А. Старостина (Старостин, 1991, 280-281) и др. (EDAL, II, 985-986). Авторы при этом подчеркивают, что этот тюркский корень часто смешивается с омофоничными **jāl'* «слеза» и **jāl* «возраст, год», хотя все три корня имеют разные алтайские этимологии (Старостин, 1991, 178; EDAL, II, 985-986). Между тем сами алтаисты не всегда однозначно определяют границы между значениями этих «омонимов». Так, например, у Г.И. Рамстедта под тюрк. *jaš* приводятся значения «свежий, новый», «молодой, юный», «зеленый», а также производное *jašil* (~ каз. = кирг. *žas, žasil*) «зеленый» (Ramstedt, 1949, 159); у С.А. Старостина под словом **jāl'-il* находим значения «зеленый», «юный, очень молодой», «быть желтым» (Старостин, 1991, 178).

Сближение тюрк. **jāš ~ *jāl'* «свежий, сырой» (даже если рассматривать его в отрыве от других значений, как самостоятельное омофоничное слово) с монг. **nila-γun* «приторный», «слащавый», «затхлый» вызывает серьезные трудности семантического и фонетического порядка. В тюрк. **jāš* преобладают значения «свежий», «молодой», «зеленый», «недозревший», «неспелый», «сырой» и т.п. (см. перечень форм и значений), связанные с представлениями о ежегодном обновлении растительного мира (отсюда семемы «год, возраст» и т.п.), а в монг. *nilaγun* – значения «слащавый, приторный (вкус)», «терпкий», «затхлый, противный (запах)» и т.п. (приводимые Г.И. Рамстедтом значения «сырой», «недоваренный», «свежий» явно выделяются среди показаний других источников); ср.: х.-монг. *halūn amt* «слащавый вкус»; *halūn üner* «приторный запах»; *halūn jaria, halūn üg* «сладкие речи», «слащавая речь» (БАМРС, II, 449); бур. *halūn zaŋ* «слащавость, вкрадчивость»; *halūn zō:len* «слащавый, приторный»; «подобострастный»; «вкрадчивый»; *halūnda-* «сладко говорить» и т.д. Подобного рода значения, связанные с вкусом, запахом, речью в тюркском **jāš* отсутствуют.

Монгольская основа **nila* остается у алтаистов без объяснения. Серьезные фонетические трудности, возникающие при сопоставлении тюрк. **jāš ~ *jāl'* с монг. **nila-γun*, пробуждают алтаистов реконструировать для общетюркско-монгольского состояния архетип **nali-*, восходящий к более раннему **niali-* (см. EDAL, II, 986). Внутримонгольская реконструкция позволяет представить следующий путь развития слова: прамонг. **nila-pu > *nila-bu > *nila-wu ~ nila-γu*, но это не объясняет исторических взаимосвязей вокализма первого слога в тюрк. **jāš* (долгий нелабиальный широкий гласный заднего ряда) и монг. **nila* (краткий нелабиальный узкий гласный заднего ряда).

Лабдацизм, проявляющий себя в чув. *šul* «год, возраст» (ср. также чув. *šul* «слеза» в *kuš šulē* «слезы», букв. «слезы глаз») < пратюрк. **jāš* ~ прабулг. **ǰāl*, как будто указывает на тюркское (протобулгарское) происхождение монг. **nilayun* «приторный», но такому допущению мешает качественное отличие гласных (тюрк. *ā*, но монг. *i*; ср. выше монг. **nal-sun* «возраст, год жизни» и **ǰala-yun* «молодой»).

Совокупность возникающих при сближении тюрк. **jāš* ~ **jāl* «свежий, сырой» с монг. **nilayun* «приторный» семантических и фонетических протворечий, судя по всему, указывает на гетерогенность данных слов.

Критическое рассмотрение существующих в специальной литературе этимологических разработок полисемантического тюркского слова **jāš* ~ **jāl* «молодой» и т. п. показывает, что разными авторами оно сравнивается в качестве гетуинного на праалтайском уровне с рядом монгольских слов: 1) *nasun* «возраст»; 2) *nilqa* «новорожденный»; 3) *ǰalayu* «молодой»; 4) *nilayun* «приторный» и т.п. Если исходить из позиции сторонников алтайской гипотезы, констатирующих изначальное родство тюркских и монгольских языков, то, по логике вещей, одному тюркскому слову должно было бы соответствовать только одно монгольское слово. Множество предложенных разными исследователями монгольских форм можно объяснить более или менее удовлетворительно только с позиций сторонников теории заимствований. Если не все, то хотя бы часть предложенных алтаистами сближений, возможно, относится к случайным совпадениям.

Результаты нашего критического исследования сводятся к следующему:

1) тюрк. **jāš* ~ (< **nāl* ?) является исконным полисемантическим словом с широким спектром значений (восстанавливается исходное значение «влага», см. каз. *žas* «слеза»);

2) монг. *nasun* (< **nal-sun*) «возраст, год жизни», видимо, относится к тюркским (прабулгарским) заимствованиям;

3) монг. *nilqa* (< **nil-qa*) «новорожденный» представляется ранним тюркским (прабулгарским) заимствованием, восходящим к пратюрк. **jil* «год (астрономический)» ~ прабулг. **jil-qa* (< **nil-qa*) «год»;

4) монг. *ǰalayu* «молодой» следует квалифицировать как прабулгарское заимствование второго периода и возводить к тюрк. *jāšayu* ~ булг. **ǰalayu* «ожизнь», «начало жизни», «рождение»;

5) монг. *nilayu* «приторный, слащавый», скорее всего, никакого отношения к тюрк. **jāš* «свежий» не имеет;

6) монг. *nasun* «возраст» заимствовано в тув. (*nazin*) и тоф. (*nazin* «возраст») языки;

7) монг. *nasun* «возраст» → т.-маньчж.: эвенк. *nahun*, сол. *nasā* «возраст»;

8) монг. *nilqa* «новорожденный» → ? т.-маньчж. **nelki* «весна»;

9) монг. *ǰalayu*, ср.-монг. *ǰalaw* «молодой», → т.-маньчж.: эвенк. *ǰalaw*, сол. *ǰalō* «молодой»;

10) монг. *nilayun* «приторный», «сырой» → т.-маньчж. *halikin* «сырой» (Porre, 1960, 39, 77, 97; ТМС, I, 630).

Подробнее см.: Vámbéry, 1878, 125; Радлов, III, 240-243; Поппе, 1925, 35; Porre, 1926; 103; 1960, 39, 77, 97, 154; Владимирцов, 1929, 115-116, 146, 177, 325, 333, 369; Ramstedt, 1935, 272, 276, 281, 465; 1949, 157, 159; 1957, 75, 77, 110; Kotwicz, 1953, 22; Porre, 1955, 41, 56, 163; Räsänen, 1955, 24; 1969, 192; Котвич, 1962, 41; Егоров, 1964, 120-121, 216; Zajączkowski, 1965, 146-150; Щербак, 1970, 196; Clauson, 1972, 975-976; Doerfer, 1975, 97, № 1597; 1985, 127; Рассадин, 1980, 62; 1971, 208; Menges, 1984, 281; ЭСТЯ, 1989, 161-164; Старостин, 1991, 30-31, 78, 87, 126-127, 275, 288; Дыбо, 1996, 12; Федотов, 1996, I, 316; II, 131; 2002, 153, 288-289; СИГТЯ, 1997, 84; Щербак, 1997, 123; Базылхан, 2000, 276-277; Эхмэтьянов, 2001, 267; EDAL, II, 961, 981-982, 985-986, 1003.

ЖАС (*žas*) «слеза, слезинки»; «слезы»; *közge žas al-* «прослезиться» < пратюрк. **jās* ~ прабулг. **jāl* «слеза», «слезы»: др.-тюрк. *jaš* (с VIII в.), др.-уйг. *jaš*, карах. *jaš* «слеза» (ДТС, 246; Clauson, 1972, 975-976; Малов, 1951, 386; Orkun, 1987, 886); туркм. *jāš*, тур. *jaš*, аз. *jaš*, гаг. *jaš*, сал. *jaš*, халадж. *jāš*, ср.-тюрк. *jaš*; узб. *jāš*, уйг. *jaš*; лобн. *jaš*; кумык. *jaš*, кар. *jaš*, к.-балк. *žāš*, тат. *jāš*, башк. *jāš*, ног. *jas*, к.-калп. *žas*; кирг. *žaš*, алт. *d'aš*, *jaš*; хак. *čas*, диал. *češ*, *čaš*, шгор. *čaš*, с.-юг. *jaš*; тув. *čaš*; чув. *šul* «слеза» (в *kuš šulē* = каз. *köz žası*) «слеза», «слезы» (Räsänen, 1969, 192; ЭСТЯ, 1989, 161-164; Радлов, III, 240-243, 1909, 1912; Федотов, 2002, 153).

В этимологических работах тюрк. **jās* ~ **jāl* «слеза» рассматривается как ранняя семантическая филиация от **jās* ~ **jāl* «влажный, сочный, свежий, сырой, молодой» (см. каз. *жас* «молодой»).

По мнению С.А. Старостина, тюрк. **jāl'* «слеза» омонимично **jāl'* «свежий» и **jāl'* «возраст», но исторически, несомненно, все эти три корня должны разделяться, поскольку все они имеют совершенно различные алтайские этимологии. Однако, алтайские этимологии, предлагаемые С.А. Старостиным, не выдерживают серьезной филологической проверки (см. каз. *жас* «молодой»). Видимо, осознавая гипотетичность предложенных им этимологий, автор далее пишет: «Возможно, правда, что контаминация с корнями «свежий» и «возраст» послужила причиной утраты в тюркском второго компонента общеалтайского сложения **ñiā(l')-mü:ri* «слеза» (в тюркском ожидалась бы форма **jāl'-mur*). С другой стороны, к аналогичному результату могла привести и контаминация с еще одним корнем, представленным в ТМ **žali-* «течь (о слюне)», **žali-ksa* «слюна» (ТМС, I, 246), который также должен был дать в тюркском аналогичную фонетическую структуру» (Старостин, 1991, 126-127; см. также: 30-31, 78, 87, 275; EDAL, II, 981-982). Здесь следует отметить, что С.А. Старостин имеет в виду «общеалтайское» словосложение **ñiā - (l') - mü:ri* «вода глаза = слеза» (Старостин, 1991, 30), однако при контаминации с тюрк. **jās* ~ **jāl'* «свежий»; «возраст» в нем по всем законам алтайских языков скорее всего должен был исчезнуть первый компонент, а не второй. Следует также особо отметить, что «общеалтайская» модель аналитического названия слезы «вода глаза», «влага глаза» прекрасно сохранилась практически во всех тюркских языках, ср.: общетюрк. *köz jaši* ~ каз. *köz žası* «слеза» (Катаринский, 1897, 119) ~ чув. *kuš šulē* «слеза», букв. «влага глаз»; монг. *nüdnij us* «слеза, слезы», букв. «влага глаз». В этой связи необходимо отметить, что в тюрк. **jās* «слеза» ни в одном памятнике и ни в одном живом языке не обнаруживаются даже глухие отголоски семемы «глаз».

Развитие семантики тюрк. **jās* ~ **jāl'* нельзя понять до конца без учета традиционного уклада хозяйственной жизни кочевников аридной зоны Евразии. Первичным значением **jās*, очевидно, было «влага, влажный», т.е. весеннее увлажнение почвы в результате таяния снегов. Оно

сохранилось в композите *köz jaşı* «слеза», букв. «влага глаз». Это первичное значение было перенесено на появляющуюся с наступлением весеннего влажного периода молодую, свежую траву, вернее – на ее характерные признаки «молодой, свежий, нежный, зеленый, сочный» – первоначально – о траве, растительности, позднее – о молодяке домашнего скота и, наконец, – о новорожденных младенцах, подрастающем поколении, молодежи.

Появление свежей травы, зелени, по представлениям кочевников, ознаменовало наступление нового года, нового хозяйственного цикла в жизниномада, так как с этого времени начиналась откочевка на летние пастбища (*žajlaw*). Этот важный момент в хозяйственной жизни кочевника служил вехой для отсчета жизненного цикла и способствовал появлению значений «год жизни», «возраст», «время (годовой цикл) жизни». Выражение «прожил столько-то лет» дляномада с его конкретным складом мысли буквально значило «прожил столько то молодой травы».

Значения «молодой», «свежий», «нежный», «сочный», «зеленый» и т.п. со временем переносились на другие предметы и явления окружающей действительности, в первую очередь – на продукты питания растительного, а позднее – и животного происхождения.

Знание и учет специфики хозяйственной жизни кочевников предохраняет алтаистов от многих ошибочных этимологий и ложных толкований семантики слов. В свете сказанного выясняется, что в пратюркском языке было одно единственное слово **jāš* «влага», на базе которого в результате семантической филиации исторически складывались «новые слова» (точнее – новые значения старого слова) **jāš* «слеза», **jāš* «молодой, зеленый, свежий», **jāš* «возраст, год жизни»; **jāš* «юноша, молодежь, юность» и т.д.

Следовательно, нет никакой необходимости выискивать «различные алтайские этимологии» для семантических филиаций единого пратюркского слова.

Традиционная алтаистика тюрк. **jāš* «слеза» сопоставляет с монг. *nilbusun* «слеза», «слюна» (Поппе, 1925, 35; Poppe, 1926, 103; Владимирцов, 1929, 146, 177, 369; Ramstedt, 1915, 281; Räsänen, 1955, 24; 1969, 192; Poppe, 1960, 39, 77, 154; Street, 1980, 300-301 и др.); ср.: прамонг. **nilbusun* «слеза»; ср.-монг. *nilbuqsan* (МА, 593) «плевок»; *nilbusun* (МА, 1026) «слеза»; *nilbuba* (МА, 602) «плевок» (Поппе, 1938, 253); *nilbu* (ИМ, 214) «плевок» (Поппе, 1938, 442); п.-монг. *nilbusun* «слеза» (Владимирцов, 1929, 146, 177, 326, 369); *nilbusun, nilmusun* «слеза» Poppe, 1955, 40, 156); х.-монг. *nulims(ān)* «слеза, слезы»; «слюна» (БАМРС, II, 424-425), *nulimā-* «плевать, плюнуть»; *nulimdās(ān)* «плевок» (БАМРС, II, 424); бур. *ñolböhö(n)* «слеза, слезы»; «плевок», «слюна», *ñolbō-* «плевать»; *ñolsoyor* «слезящиеся, неприятно влажные (глаза)»; *nulsaj-* «быть красным и слезиться (о глазах)»; *nulsaran* «слезящиеся, страдающий слезотечением»; *nulsar-* «слезиться (о глазах)» *nulti-* «быть красным и слезящимся (о глазах)»; бур. (книжн.) *ni-*

limsa(n) «слеза, слезы»; бур диал. *ñulmahan* «слеза», (алар.) *ñol'mohon*, (цонгол.) *ñolmos* «слеза» (Poppe, 1955, 40, 156), калм. *nul'msän* «слезы»; «плевок», *nul'm* «плевать»; *nul'müsän* «слеза» (Ramstedt, 1935, 281: < *nil- ~ тюрк. *jaš* «слеза»); *nülmüsén* «слеза» (Ramstedt, 1935, 282); ойр. *nülwésén*, *nülmésén* «слеза, слезы»; «слюна»; *nülmě-* «плевать, сплевывать» (Тодаева, 2001, 255); дагур. *n'onos*, *ñombos*, *ñommos* «слеза», *ñombosu* «слюна»; *niolemose*; *ñombos(e)*, *nombus* «слюна» (Тодаева, 1986, 158); орд. *nulmusu* «слеза»; баоань. *nemsoŋ* «слеза» (Тодаева, 1964, 144); могол. *nilbusun* «слеза»; монгор. *numpuse*, *nump'uDze*, суч. *limbu*, *limpsi* «плевок, слюна»; *numpu-*, *nump'u-* «плевать» (Тодаева, 1973, 353); в говорах Внутренней Монголии: дарх., горл., джар., архорч., бар. *nölbös*, джас., бар., онн., найм., харч., тум., уцаб. *nömlös*, джал., дурб. *nölböt*, шгол., чах. *nul'mas*, орд. *nulmusu* «слеза» (Тодаева, 1981, 176); барин. *nilbus*, *nilmos*, *nölmos*, харч. *nölmotos* «слеза, слезы» (Неклюдов, Тумурцерен, 1982, 337, 338).

Прямое сопоставление тюрк. **jäs* ~ **jäl* «слеза» с монг. **nil-bu-sun* «слеза» наталкивается на определенные трудности. Монгольское слово *nilbusun* «слеза», «слюна», «плевок» является производным субстантивом от глагола *nilbu-* / *nilmu-* «плевать» (см. в перечне монгольских форм), поэтому необходимо доказать тождество тюрк. **jäs* ~ **jäl* «влажный, сырой, свежий, молодой, зеленый» и монг. **nil*, однако монгольская основа в трудах алтаистов остается без объяснения. Правда, Дж. Стрит предпринял попытку доказать тождество тюрк. **jäs* «слеза» с монг. **nil*, выделяемым из **nyälbu* < **nyäl-pu* (Street, 1980, 300-301), но она не получала поддержку со стороны специалистов (см. EDAL, II, 981-982).

Прежде чем сблизить тюрк. **jäs* ~ **jäl* «слеза» с монг. *nilbu-* / *nilmu-* «плевать» специалистам по монгольским языкам следует решить целый ряд немаловажных проблем: 1) определиться с морфологической структурой *nilbusun* «слеза», «слюна» (< *nilbuq-sun* ?; **nilbu* – имя, глагол ?); 2) выяснить морфологическую структуру **nilbu* (*nil-bu*, *ni-lbu*, *ni-l-bu* ?); 3) определить значение **nil* (имя, глагол ?; ср. бур. *nulsar-* «слезиться (о глазах)», *nulti-* «быть слезящимся»); 4) определить значение аффикса *-bu/-mu* (*-lbu/-lmu*, *-l-bu/-l-mu* ?) и т.п.

Если таким образом удастся доказать реальность прамонг. **nil* и более или менее точно определить круг его значений (допустим, «выделение влаги»?; «вода, влага»?; «слюна», «слеза»?), то и тогда не будет достаточных оснований для сближения тюрк. **jäs* «слеза» и монг. **nil* в качестве прародственных на праалтайском уровне, а остается только констатировать возможность относительно раннего проникновения протобулгарского слова **ñäl* в прамонгольский. В пользу такой возможности свидетельствует наличие ламбдицизма в чув. *šul* «слеза» (в составе атрибутивной синтагмы *kuš šulě* «слеза») и монг. **nil* (?) «слеза». Однако и такое предположение не снимает всех вопросов. Остаются не преодоленными определенные семантические трудности.

В пратюркском языке **jāš* скорее всего обозначала естественную влагу, получающуюся при таянии снега, а монг. **nilbu-* «плевать» связано с человеческими выделениями; ср. **nilbusun* «плевок, слюна», только потом «слеза». Поскольку в монгольском языке есть и другие названия слюны (напр., х.-монг. *šüls* «слюна»), первичным значением *nilbusun*, судя по глаголу *nilbu-* «плевать», следует считать «плевок».

Все это свидетельствует о том, что сопоставление тюрк. **jāš* «слеза» с монг. *nilbusun* «плевок», «слюна», «слеза» с филологической стороны недостаточно фундировано и не может быть принято ни как общее наследие гипотетического праалтайского состояния, ни как результат заимствования.

С.А. Старостин, убедившись в несостоятельности сближения тюрк. **jāš* «слеза» с монг. *nilbusun* «слеза», предлагает новую этимологию: в качестве гениинного с данным тюркским словом на праалтайском уровне он приводит монг. *nidün* «глаз» (Старостин, 1991, 30-31, 78, 87, 126-127, 275; EDAL, II, 981-982); ср.: прамонг. **nidü* «глаз»; ср.-монг. *nidun* (НУ, 45; Козин, 1941, 589), *nidün* «глаза» (Поппе, 1938, 249), *nidü* (ИМ) «глазок в перстне», *neidun* (ИМ) = *nidün* «глаз» (Поппе, 1938, 442); п.-монг. *nidü(n)* «глаз, глаза» (Lessing, 1960, 578); х.-монг. *nüd(ēn)* «глаз, глаза»; «взгляд»; «клетка»; «очко (на костях)»; «точка»; «насечка» (БАМРС, II, 431-432); бур. *nüden* «глаза, глаз», «очи», «око»; «зрение»; «взгляд, взор»; «надзор, присмотр»; «очко, пометка (на картах и игральные фишки)»; «ячейка (в сети)»; «звено (оконной рамы)» (см. Ramstedt, 1935, 282); ойр. *nüden* «глаз, глаза»; «зрение»; «присмотр, надзор» (Тодаева, 2001, 255); орд. *nüdü(n)* «глаз»; дагур. *nid, nide, ŋudu, nidŋ* «глаза» (Тодаева, 1986, 157); могол. *nüdüin*, дунс. *nudun, nuduŋ*; баоань. *nedoŋ* «глаз, глаза» (Тодаева, 1964, 144); ш.-юг. *nudun*, монгор. *nudu*, уянби *nüdu*, сыч. *nütu*, «глаза, око» (Тодаева, 1973, 353); в говорах Внутренней Монголии: хорч., дурб., горл., архорч., бар., онн., найм., хеш., харч., тум., шгол., уцаб., чах. *nüd*, орд. *nüdü* «глаз, глаза» (Тодаева, 1981, 177; свод монг. форм см.: Владимирцов, 1929, 177, 333; Poppe, 1955, 41, 56, 163; MGCD, 520; Ramstedt, 1957, 77; EDAL, II, 981).

Из монгольского заимствовано эвенк. *ñudun* «глаз» (ТМС, I, 646). Н.Н. Поппе считает эвенкийское слово исконным соответствием п.-монг. *nidün* (< **nündün*), монг. *nüd(ēn)*, бур. *nüde(n)* «глаз» и кор. *nun* (< **nündün*) «глаз» (Poppe, 1960, 39), что очень сомнительно. Архетип **nündün* «глаз» выдуман исключительно для сближения с кор. *nun* «глаз».

С. А. Старостин в монг. производном *ni-l-mu-sun* (< **niā-l-mūr-sun*) «слеза», букв. «вода глаза» (ср. ср.-монг. *nilbusun* (НУ, 79), п.-монг. *nilbusun, nilmusun*, калм. *nul'mūsān, nūlmūsēn*, х.-монг. *nulims*, дунс. *nubusun*, баоань. *namsuŋ*, дагур. *njombus*, юйгу (ш.-юг. *nulāsən*, монгор. *nump'uzɛ* «слеза») вычленяет основу **ni-*, которая, по его мнению, представлена и в монг. *nidün* «глаз». При этом С.А. Старостин полагает, что С. Одзава правильно этимологизирует монг. *nilbusun* как «глаз + вода», но неверно

отождествляет здесь *-busun* с монг. *usun* «вода» (Старостин, 1991, 30). Далее С.А. Старостин пишет, что в тюркском старый алтайский корень **ñiā* «глаз» заменен новообразованием **gōr* (вернее **kōz* «глаз». – Ж.Т.) (очевидно, производным от **gōr*- «смотреть»), но, вероятно, сохранился в производном **ñiā-l'* > **jāl'* «слеза» ~ др.-тюрк. *jaš*, чув. *koš-šol* и др. (Старостин, 1991, 32, 275; см. также EDAL, II, 981-982).

Таким образом, выясняется, что С.А. Старостин в тюрк. **jāš* «слеза» вычленяет первичную основу **jā-* «глаз», в монг. **nidun* «глаз» и *nilbusun* «слеза» (букв. «вода глаза») выделяет основу **ni-* «глаз» (гипотетические соответствия из т.-маньчж., кор. и япон. языков см.: Старостин, 1991, 30-31, 78, 87, 275; EDAL, II, 981-982).

Все это представляется чрезвычайно натянутым и искусственным. Нет никаких оснований для произвольного расчленения тюрк. **jāš* «слеза» на **jā-š*, так как в тюркских языках не обнаруживается никаких доказательств реального существования **jā-* «глаз»; кроме того, остается не объясненным аффиксальный элемент *-š* ~ *-l*.

Расчленение монг. *nidün* «глаз» на **ni* «глаз» и *-dün* также произвольно, при этом второй компонент оставлен без всякого объяснения. Таким же произвольным выглядит расчленение монг. *nilbusun* ~ *nilmusun* «слеза», «слюна», «плевок» на **ni-l-mu-sun* и придание произвольно выделенному звуко сочетанию **ni* значения «глаз».

Нет никаких реальных оснований и для реконструкции праомонгольского (праалтайского?) архетипа **ñiā-l'-mūr-sun* «вода глаза». Монг. *nilbusun* «слеза», «слюна», «плевок», как уже было указано выше, является производным субстативом от глагольной основы *nilbu-* / *nilmu-* «плевать». Аффикс *-su(n)* в монгольском чаще всего присоединяется к именным основам. В этой связи особый интерес представляет зафиксированная в «Мукаддимат ал-Адаб» форма *nilbuqsan* (с «кафом» в арабской транскрипции) «плевок» (Поппе, 1938, 253). В этой уникальной среднемонгольской форме вычленяется компонент *nilbuq*, который, очевидно, представляет собой субстантивную основу, образованную на базе глагола *nilbu-* «плевать». Известно, что в монгольском языке при наращивании аффикса *-sun* конечный согласный именной основы часто выпадает; ср.: п.-монг. *nasun* < **nal-sun* «возраст» ← прабулг. **ñāl* ~ тюрк. **jāš* «возраст» (подробнее см. каз. *žas* «молодой»); п.-монг. *dabusun* < **dabur-sun* «соль» ← прабулг. **tabur* ~ **tawur* ~ чув. *tāvar* ~ тюрк. **tūz* «соль» (см. EDAL, I, 398-399) и др.

Следовательно, опираясь на зафиксированную в «Мукаддимат ал-Адаб» форму *nilbuqsun* «плевок», с достаточной уверенностью можно полагать, что монг. *nilbusun* «слюна» происходит от более ранней именной основы **nilbuq* «плевок», но этот вопрос требует более глубокого изучения.

Выше было подробно обосновано положение о том, что первичным значением тюркского слова **jāš* ~ **jāl* «слеза» было «влага», причем

природная, получающаяся после таяния снега. Значение «слеза» первоначально скорее всего передавалось атрибутивной синтагмой *köz jaši* ~ каз. *köz žasi* «слеза», ср. *közden žas ayadı* «из глаз текут слезы» и др. Следовательно, слово **jās* «слеза» связано по своей природе не с идеей глаза, зрения, а с идеей влаги. Поэтому мы не видим никаких оснований для сближения тюрк. **jās* ~ каз. *žas* «слеза» с монг. *nidün* «глаз».

Итак, в результате этимологического анализа тюрк. **jās* «слеза» и критического рассмотрения существующих в литературе сближений этого слова с монгольскими формами выяснилось следующее:

1) тюрк. **jās* ~ прабулг. **jāl* (< **hāl* ?) «слеза» < «влага» является исконным словом (с пока еще невыясненной до конца морфологической структурой);

2) широко распространенное в традиционной алтаистике сближение тюрк. **jās* ~ **jāl* «слеза» с монг. *nilbusun* ~ *nilmusun* «плевок», «слюна», «слеза» в качестве генуинных на праалтайском уровне не выдерживает филологической критики;

3) между тюрк. **jās* ~ **jāl* «слеза» и монг. *nidün* «глаз» нет ни генетических, ни контактных связей.

Подробнее см.: Vámbéry, 1878, 125; Радлов, III, 240-243; Поппе, 1925, 35; Poppe, 1926, 103; 1960, 39, 77, 97, 154; Владимирцов, 1929, 115-116, 146, 177, 325, 333, 369; Ramstedt, 1935, 272, 276, 281, 465; 1949, 157, 159; 1957, 75, 77, 110; Kotwicz, 1953, 22; Poppe, 1955, 41, 56, 163; Räsänen, 1955, 24; 1969, 192; Котвич, 1962, 41; Егоров, 1964, 120-121, 216; Zajaczkowski, 1965, 146-150; Щербак, 1970, 196; Clauson, 1972, 975-976; Doerfer, 1975, 97, № 1597; 1985, 127; Рассадин, 1980, 62; 1971, 208; Menges, 1984, 281; ЭСТЯ, 1989, 161-164; Старостин, 1991, 30-31, 78, 87, 126-127, 275, 288; Дыбо, 1996, 12; Федотов, 1996, I, 316; II, 131; 2002, 153, 288-289; СИГТЯ, 1997, 84; Щербак, 1997, 123; Базылхан, 2000, 276-277; Эхмэтьянов, 2001, 267; EDAL, II, 961, 981-982, 985-986, 1003.

ЖАСА- (*žasa-*) «сделать», «смастерить»; «сотворить»; «создать»; «устроить», «сделать», «распорядиться»; *tabaq-žasa-* «разложить мясо на блюда к обеду»; *qiz žasa-* «снарядить дочь к замужеству, т.е. дать ей приданое (*žasaw*), состоящее из платья и вещей»; *žasaq žasa-* «снарядить отряд»; *multiq žasa-* «снарядить отряд» (Катаринский, 1897, 73); диал. *žasa-* «делать», «работать» (Аманжолов, 1959, 377); ← ср.-монг. *žasa-* ~ *jasa-* «исправлять, поправлять, устраивать, приводить в порядок»; ср.: др.-тюрк. (с XIII или XIV в.). *jasa-* «устраивать» (Боровков, 1963, 147); чаг. (XV в.) *jasa-* (Clauson, 1960, 331); кыпч. (XV в.) *jasa-* «приводить в порядок», «устраивать» (Atalay, 1945, 280) и др. (см. Clauson, 1972, 974); достоверность чтения *jasa-* «строить, делать, устраивать» в памятнике Кюль-Тегину (XIII в.) (Малов, 1951, 386; ДТС, 245) оспаривается Дж. Клоусоном (Clauson, 1972, 974); ср.-тюрк. *jasa-* «приводить в порядок»; «приводить в систему»; «расставлять (рядами или в боевом порядке)»; «располагать»; «устраивать»; «делать» (перечень источников см. ЭСТЯ, 1989, 150); ср. также: тюрк. *jasa-*, кир. (= каз.) *žasa-*, алт. *jasa-* «сделать, устроить, чинить (перо), зарядить (ружье), снарядить, убрать»; в ташкент. «стряпать»; ср.-монг. *žasa-* «строить» (Будагов, 1871, II, 330); тар. (= уйг.), ккир. (= кирг.), каз(ан.-тат.) *jasa-* «сделать, соорудить, созидать, сработать, обещать»; чаг. «украшать»; ккир. (= кирг.) «создать» (Радлов, III, 214-215); алт., тел., леб., кюзр. *jasa-*, уйг. *jasa-*, тел., койб., кач. *d'asa-* «сделать, готовить, поправлять»; «сделать красивым, украсить» (Радлов, III, 227-228); туркм. *jasa-* «мастерить, изготавливать, производить»; тур. *jasa-* «приводить в порядок», «улаживать»; «устанавливать законы»; «издавать законы»; сал. *jasa-* «делать, строить, творить, производить» (Тенишев, 1976, 348); уйг. *jasi-* «делать, мастерить, изготавливать, производить»; «украшать, наряжать»; *jasi-* «составлять, воздвигать, строить»; *jasi-* «делать, изготавливать»; уйг. диал. (хам.) *jasa-* «устраивать» (Малов, 1954, 154); (акс.) *jasa-* «устраивать» (Малов, 1961, 116); лобн. *jasa-* «устроить, сделать» (Малов, 1956, 119); узб. *jasa-* «мастерить, изготавливать, производить, лепить»; арм.-кыпч. *jasa-* «сделать» (Грунин, 1967, 394); кумык. *jasa-* «мастерить, делать что-либо (руками)»; кар. *jasa-* «делать, изготавливать»; «строить»; «поправлять»; к.-балк. *žasa-* «украшать»; «делать, мастерить»; тат. *jasa-* «делать, сделать, мастерить»; «изготавливать», «создавать»; тат. диал. *jasa-* «работать», «делать»; «строить»; (ТТДС, 1969, 168); зап.-сиб. тат. *jasa-* «принять за кого-нибудь» (Тумашева, 1992, 72); башк. *jaha-* «делать, изготавливать»; «подавать (за столом)»; «проводить, устраивать»; «заряжать» башк. диал. (ср., миас., ик.-сакм., ай.) *jaṭa-* «сделать»; «наливать» (ДСБЯ, 2002, 114); ног. *jasa-* «делать, творить, создавать, строить»; к.-калп. *žasa-* «делать, творить, создавать»; *uja žasa-* «строить гнездо»; кирг. *žasa-* «сделать, устроить, сотворить»; «украшать»; *et žasa-* «распределять куски мяса по блюдам»; алт. *d'aza-* «строить, устраивать»; «украшать»; *jaza-* «строить, устроить»; «украшать, убирать»; «стругать (ножом)»; «тесать (топором)» (Вербицкий, 1884, 67); туба *d'aza-* «строить, создавать, творить»; «затейть, делать»;

«прибирать»; «устроить, изготовить, запастись» (Баскаков, 1966, 112); *jaza* «делать, строить» (Баскаков, 1966, 120); куманд. *t'aza* «устроить, создать» (Баскаков, 1972, 259); лебед. *d'aza* «делать, сделать» (Баскаков, 1985, 144); *jaza* «сделать, готовить, поправлять»; «сделать красивым, украсить»; *jazal* «украшения, щегольская одежда» (Баскаков, 1985, 147); хак. *čaza* «наряжать, украшать»; «тесать, строгать»; «лечить, исцелять, вылечивать»; «настраивать музыкальный инструмент»; шор., саг. *čaza* «вырезывать ножом»; «тесать топором»; «готовить (кушанье)»; «украшать» (Радлов, III, 1910); тув. *čaza* «строгать, тесать»; «делать, изготавливать (строганием, тесанием)»; «править, исправлять, поправлять»; «прибирать (напр. волосы при стрижке)»; «кастрировать»; тоф. *čaza* «сделать»; «изготовить»; «кастрировать»; (Рассадин, 1971, 194-195); якут. *žahaj-*, *d'ahaj-* «приводить в порядок, убирать»; «распоряжаться, управлять, руководить, заведывать»; *žasai-* «хозяйничать, управлять, заведывать, заниматься чем-либо, распорядиться»; «приводить в порядок»; «опрягивать»; «учреждать»; «надзирать, иметь попечение о чем»; «назидать» (Пекарский, 1912, III, 798); *džasai-* «пристраивать, надзирать, распоряжаться» (Пекарский, 1912, III, 711); чув. *juZa-*, *joZa-* «чинить, поправлять, исправлять, лечить»; «перешивать»; «зарядить ружье», «привести в прежнее положение, освободить от настоящего состояния»; «исследовать, критиковать»; «бить, пороть» (Ашмарин, V, 12) (← ср.-кыпч. *jasa-* ← ср.-монг. *jasa-*, *žasa-*).

В ареально-географическом отношении показательно отсутствие слова **jasa-* «устраивать» в азербайджанском и гагаузском языках; тур. *jasa-* «приводить в порядок»; «устанавливать, издавать законы» по семантике сближается с чагатайским и, по-видимому, является относительно поздним заимствованием из чагатайского; туркм. *jasa-* «мастерить, изготавливать, производить», скорее всего, является кыпчакским заимствованием. Отсутствует слово **jasa-* «устраивать» в окраинных тюркских языках: якут. *žasai-*, *d'asaj-* «приводить в порядок» является поздним монголизмом (Kałużinski, 1961, 73, 83, 86; Рассадина, 1980, 74); чув. *juZa-* «поправлять, исправлять», судя по структурно-фонетическому облику (сохранение инициального *j-*, **a* > *u* в первом слоге), квалифицируется как заимствование из среднекыпчакского (XIII-XIV вв.) языка (Рона-Таш, 1987, 6-16; Róna-Tas, 1975 в, 201-211; 1982 а, 66-134; ЭСТЯ, 1989, 151). Представленное в языках тобаской группы значение «кастрировать» отражает монг. *mal zasa-* «кастрировать скот» и свидетельствует о монгольском происхождении тув. и тоф. *čaza-* «строить», «сделать» и т.п.

Фонетический облик слова в каждом конкретном тюркском языке находится в пределах установленных тюркской компаративной фонологией закономерностей и никаких отклонений от нормы не наблюдается.

Г.Й. Рамстедт предпринял попытку пояснить морфемный состав тюрк. *jasa-* «устраивать» исходя из кит. **ža-sa-* (Ramstedt, 1916-1920, 1-2). Она критически рассмотрена Г. Дёрфером и признана сомнительной из-за фо-

нетических трудностей, возникающих при сближении тюркского и китайского корней (Doerfer, 1975, 92-96).

В специальной литературе сравнительно-исторического направления тюркские формы традиционно сравниваются с монг. **ḡasa*-/**ḡasa*- «исправлять, поправлять, устраивать, приводить в порядок» (Ramstedt, 1916-1920, 1-2; 1935, 216; Gombocz, 1905, 269; Poppe, 1955, 115; Räsänen, 1969, 191; Clark, 1977, 163-164; Menges, 1968, 174; Doerfer, 1975, 92-96, N1794; Егоров, 1964, 351-352; Наджип, 1979, 88; Федотов, 2002, 461 и др.), ср.: прамонг. **ḡasa*- ~ **ḡasa*- <**dasa*- (Poppe, 1955, 115) «исправлять, поправлять», «устраивать», «приводить в порядок», «управлять»; ср.-монг. *ḡasa*- (Козин, 1941, 555, 612), *ḡasa*- «исправить»; «благоустроить»; «выстроить», «украсить»; «привести в порядок»; «устроить», «сделать» (см. Поппе, 1938, 202-203), *ḡasa*- «сделать равным» (ИМ, 197; Поппе, 1938, 439); п.-монг. *ḡasa*- ~ *ḡasa*- «исправлять, поправлять», «устраивать», «приводить в порядок» (Владимирцов, 1929, 217, 397; Poppe, 1955, 115); х.-монг. *ḡasa*- «устраивать, приводить в порядок»; «управлять»; «исправлять, поправлять»; «корректировать»; «налаживать», «ремонтировать»; «кастрировать, оскопить, холостить»; «лечить»; *mor ḡasa*- «кастрировать коня» (БАМРС, II, 215); бур. *ḡasa*- «исправлять, поправлять», «приводить в порядок, налаживать»; «чинить, ремонтировать»; «стелить, застилать (постель)», «оправлять»; «вить (гнездо)», «выдерживать (коня)»; «кастрировать», «легчить»; «холить»; ордос. *ḡasa*- «тж.»; калм. *ḡasa*- «исправлять, поправлять, приводить в порядок, налаживать»; «чинить, ремонтировать»; «стелить, застилать (постель)»; «вить, свивать (гнездо)»; «кастрировать» (см. еще Ramstedt, 1935, 216: монг. *ḡasa*- (= *ḡasa*-) < тюрк. *ḡasa*-, маньчж. *dasa*-); ср. еще: калм. *ḡasa*- «наказывать» (см. Ramstedt, 1935, 468: монг. *ḡasa*-, тюрк. *ḡasa*-); ойр. *ḡasa*- «исправлять, чинить, ремонтировать», «налаживать, приводить в порядок»; «стелить, застилать, заправлять (постель)»; «вить, свивать (гнездо)»; «накрывать стол» (Тодаева, 2001, 183); *ḡasa*- «наказывать»; «исправлять, поправлять, налаживать» (Тодаева, 2001, 155); дагур. *ḡasa*-, *dase*- «исправлять, улучшать»; «лечить, вылечивать»; «править, управлять государством»; *ḡasa* «правительство», «(у)правление» (Тодаева, 1986, 135) (←маньчж. *dasa*- ← монг. *ḡasa*-); баоань. *ḡasa*- «делать» (Тодаева, 1964, 139); в говорах Внутренней Монголии: хорч., горл., архорч., бар., харч., чах., орд. *ḡasa*-, джал., дурб. *ḡasa*-, шгол. *ḡasa*- «исправлять, поправлять»; «приводить в порядок»; «ремонтировать» (Тодаева, 1981, 155); ср. еще: ойр. писм. *ḡasa*- «исправлять, поправлять, устраивать, приводить в порядок» (Владимирцов, 1929, 217); х.-монг. *ḡasa*-, дэрб.-астр., баит. *ḡasa*-, ордос. *ḡasa*- «исправлять, устраивать» (Владимирцов, 1929, 397).

Монг. *ḡasa*- «приводить в порядок, исправлять»; «улучшать» и некоторые его производные были заимствованы тунгусо-маньчжурскими языками: эвенк. *ḡasa*-, *ḡaha*-, *ḡasa*- «исправлять»; «ковать», маньчж. *ḡasaq* «правитель, управитель»; «князь» (ТМС, I, 253).

В эвенкийском имеются еще опосредованные якутским языком заимствования монгольского происхождения: эвенк. *žahaj-* «хозяйничать, распорядиться, приводить в порядок»; «заботиться (о ком-либо, чем-либо)»; *žahal* «распоряжение» (← якут. *žahaj-* ~ *žasaj-* ← монг. *žasa-*) (ТМС, I, 253). К монг. *žasa-* близко чжурчженьское *čäh-säh-läh* «упорядочивать, регулировать» (см. ТМС, I, 253; ср.: Санжеев, 1930, 696). Указания на монгольские параллели имеются уже в словарях Л.З. Будагова (монг. *дзасаху* «строить» и пр.) и К.Э. Пекарского (монг. *žasa-*, зап.-монг. *јаса-* «устраивать, управлять», см. Пекарский, 1912, III, 798; бур. *jahanam-* «улучшать», см. Пекарский, 1912, III, 711) и др.

Взаимная связь между тюрк. *јаса-* «устраивать» и монг. *žasa-* «устраивать» признается всеми исследователями. При этом алтаисты объясняют это тождество праязыковым родством, часть специалистов причисляют тюрк. *јаса-* к монгольским заимствованиям, другие, напротив, рассматривают тюрк. *јаса-* как источник монгольских форм.

З. Гомбоц одним из первых указал на тождество тюрк. *јаса-* и монг. *žasa-* «устраивать» и привлек для сравнения также данные тунгусо-маньчжурских языков, напр., маньчж. *dasa-* «управлять, исправлять, приводить в порядок, устраивать» и т. п. (Gombocz, 1905, 269).

В одной из своих ранних работ Г.Й. Рамстедт устанавливает тождество (прородство ?) тюркских и монгольских форм: тюрк. *јаса-* = монг. *žasa-* (Ramstedt, 1916-1920, 1-2), поддерживаемое как будто и в «Калмыцком словаре», где он приводит такую формулу: монг. *јаса-* (= *žasa-*) < тюрк. *јаса-*; маньчж. *dasa-* (Ramstedt, 1935, 216), из которой, по-видимому, следует, что монгольская форма *јаса-* является тюркизмом, а монг. *žasa-* и тюрк. *јаса-* относятся к праязыковому наследию в обоих языках (так интерпретирует эту формулу Г. Дерфер, см. Doerfer, 1975, 92-96, № 1794, но ср. Joki, 1952, 353-354).

М. Рясянен, ссылаясь на Г.Й. Рамстедта (Ramstedt, 1915, 216), напротив, монгольские формы *јаса-* и *žasa-* считает тюркскими заимствованиями (Ramstedt, 1969, 191).

Сторонники теории заимствований тюрк. *јаса-* «устраивать» причисляют к монгольским заимствованиям, считая прототипом тюркского глагола монг. *žasa-* «устраивать», «приводить в порядок» и т.п. (Clouston, 1972, 974; Doerfer, 1963, 302-303; 1975, 92-96; Clark, 1977, 163-164; Menges, 1968, 174: ← монг. **јаса-* > *žasa-*; Щербак, 1997, 76, 204).

Отдать предпочтение той или иной точке зрения нелегко, но все же в тюркских и монгольских формах обнаруживается достаточно много аргументов в пользу того или иного предположения.

Генетическое родство тюрк. *јаса-* и монг. *žasa-* на праалтайском уровне представляется невозможным по следующим соображениям:

1) чрезвычайная близость фонетической структуры тюркских и монгольских форм не позволяет отнести данную параллель на праалтайскую хронологическую глубину;

2) двусложность тюркских форм (при их морфологической нечленимости) указывает на заимствованный характер слова, на его происхождение из иносистемных языков;

3) слово появляется в письменных памятниках начиная только с XIII-XIV вв. (др.-тюрк. *jas-*, прочтенное С.Е. Маловым и попавшее в «Древнетюркский словарь», не подтверждается другими памятниками, об этом см. Clauson, 1972, 974; Clark, 1977, 163-164; показательным также полное отсутствие дериватов этого глагола в древнетюркском);

4) слово до XIII-XIV вв. отсутствовало в огузских и периферийных тюркских (якутском, чувашском) языках (тур. ← чаг.; туркм. ← кыпч.; чув. ← ср.-кыпч.; якут. ← ср.-монг.) и т. д.

Предположение о тюркском происхождении монг. *ᠵasa-* «устроить» и проч. также не находит фактической поддержки:

1) монг. *ᠵasa-* предполагает тюрк. **jas-* /**jās-* или **jaz-* /**jāz-*, но ни в письменных памятниках, ни в живых тюркских языках такие и подобные формы с подходящими значениями не обнаруживаются;

2) глагол *jas-* в ранних тюркоязычных памятниках домонгольской эпохи не представлен;

3) в огузских, якутском и чувашском языках глагол *jas-* имеет бесспорно вторичный заимствованный характер и т. д.

Следовательно, остается только одно предположение о монгольском происхождении тюрк. *jas-* «устроить». В пользу мнения о заимствованном характере тюркского слова свидетельствует следующие факты:

1) относительно поздняя фиксация глагола *ᠵasa-* «устроить» и т.п. в тюркских письменных памятниках (впервые в т.н. «Среднеазиатском тефсире» XIII-XIV вв.; см. Clauson, 1972, 974; Боровков, 1963, 147);

2) явно вторичный характер слова в турецком и туркменском языках и отсутствие в азербайджанском, гагаузском, халаджском, а также в чувашском и якутском языках (если не считать относительно поздних заимствований);

3) двусложная структура слова и его морфологическая нечленимость на тюркском языковом материале (о неудачной попытке Г.Й. Рамстедта разделить *jas-* исходя из кит. **ᠵa-sa-* см. выше);

4) наличие в тюркских языках производных, построенных по характерным для монгольского языка структурным моделям и с монгольскими формативами, напр.: тюрк. *jasal*, чаг. *jasal* «строй войска, отряд, боевой порядок» (Радлов, III, 218-219); алт. *d'asal* «наряд, украшение»; «декорация»; «строительство, постройка»; «оборудование»; алт. (лебед.) *jasal* «украшения, щегольская одежда» и т.д. ← монг. *ᠵasal* «наряд, убранство, украшение»; «исправление, поправка», «проверка»; «отделка»;

«(у)правление» (< монг. *ḷasa-* «устраивать» + именной деривационный аффикс *-l*); кирг. *ḷasalya* «украшение, декорация»; тув. *ḷasalya* «исправление», «поправка» и т.д. ← монг. *ḷasālyā*, *ḷaslālyā* «исправление, приведение в порядок, починка» (< *ḷasa-* «устраивать» + именной деривационный аффикс *-lyā*); тюрк. **jasawul*, каз. *ḷasawıl* «рассыльный, курьер, гонец»; уйг. *jasawul* «телохранитель»; чаг. *jasawul* «уставщик, исполнитель повелений» и т.д. ← ср.-монг. *ḷasawul* (< **ḷasayul*) «распорядитель»; «помощник командира отряда», х.-монг. *ḷasūl* «управитель, урядник, распорядитель, есаул»; «секундант» (< *ḷasa-* «устраивать» + именной деривационный аффикс *-yul*) и т.д. (см. Doerfer, 1963, 302-303; 1975, № 1863; Räsänen, 1969, 191; ЭСТЯ, 1989, 152-153; Щербак, 1937, 204).

Следовательно, наиболее аргументированной и свободной от противоречий является точка зрения о монгольском происхождении тюрк. *jasa-* «устраивать» (← ср. монг. *ḷasa-*; см. Щербак, 1937, 76, 204).

Что же касается зап.-монг. *jasa-* «исправлять, чинить, ремонтировать» (ср.: калм. *jas-* «исправлять», наряду с *zas-* «показывать»; ойр. *jasā-* «исправлять», наряду с *zasā-* «наказывать», «исправлять»; подробнее см. в перечне форм), то оно, несомненно, является обратным заимствованием из тюркских языков: монг. *ḷasa-* «устраивать» → тюрк. *jasa-*, ср.-кыпч., чаг. *jasa-* «тж.» → зап.-монг. *jasā-* «исправлять» (при сохранении исконного *zasā-* «наказывать», «исправлять»).

Некоторые специалисты, опираясь на маньчж. *dasa-* «править, управлять (государством)»; «поправлять, исправлять»; «вылечивать»; «выравнивать (цепь на облове)» (см. ТМС, I, 201), реконструируют для праалтайского состояния архетип **dasa-* (см. Рорре, 1955, 115). Однако маньчж. *dasa-*, наряду с эвенк. *ḷasa-* «исправлять» (см. ТМС, I, 253), является монгольским заимствованием (см. семантику!), а потому не может служить отправной точкой для праязыковых реконструкций.

Тем не менее, эта идея в определенной степени нашла поддержку в «Этимологическом словаре алтайских языков», где тюрк. *jasa-* «определять, управлять»; «создавать» считается исконным словом и сближается с монг. **das-* «привыкать», т.-маньчж. **dasa-* «править, управлять» (пратунгусо-маньчжурская форма **dasa-* реконструируется исключительно по показанию маньчж. языка. – Ж.Т.) и кор. **tāsār-* «управлять, регулировать»; «улучшать, упорядочивать, исправлять» как генуинными на алтайском уровне (EDAL, I, 465).

Тюрк. *jasa-* считается при этом исконным, а монг. *ḷasa-* – тюркизмом. Ошибочность этого положения уже была показана выше. Даже если встать на сторону создателей «Этимологического словаря алтайских языков» и признать тюрк. *jasa-* «устраивать» исконным словом, сближение его в качестве прародственного с монг. **das-* «привыкать» наталкивается на серьезные трудности фонетического плана, ср.: прамонг. **dasu-* «привыкать»:

п.-монг. *dasu-*, *das-* «привыкать», «приживаться»; «приучаться», «приобретать навык» (Lessing, 1960, 236-237); х-монг. *dasa-* «привыкать, свыкаться, привязываться»; «прижиматься»; «приучаться, приобретает навык, становится опытным»; «приучаться (о животных)»; *nöxöddöö dasā-* «привыкать к товарищам», *üněrt dasā-* «принюхиваться»; ср. производные: *dasāl* «привычка», «привязанность»; «навык, опыт»; *dasýāl* «упражнение, тренировка»; «приучение»; *dasýā-* «приучать»; «давать возможность привыкнуть», «заставлять привыкнуть», «прививать навыки, приживаться»; «упражнять» (см. БАМРС, II, 41-42); калм. *das-* «привыкать»; «усваивать, изучать»; *dasχā-* «приучать, обучать»; «дрессировать»; «тренировать»; *dasāydā-* «приучаться»; «тренироваться, упражняться» (см. Ramstedt, 1935, 79; п.-монг. *das-*, *dasu-* = *dad-*, *dadu-*); ойр. *das-* «привыкать», «усваивать, изучать»; ср. также производные: *dasāl*, *dasāltā* «навык, привычка»; *daswār* «опыт, привычка, навык»; *dasχā-* «обучать чему-либо»; «учить, обучать, наставлять» (Тодаева, 2001, 117); орд. *das-* «привыкать»; ш.-юг. *dasanna-* «привыкать» (см. EDAL, I, 465). Дагурское *dasā-*, *dase-* «исправлять, улучшать», «лечить, вылечивать», «править, управлять государством», вопреки EDAL, сюда не относится, так как является заимствованием из маньчж. *dasa-* «править, управлять (государством)»; «поправлять, исправлять»; «вылечивать»; «выравнивать (цепь на облове)» (ТМС, I, 201), восходящего в свою очередь, к монг. *žasa-* «приводить в порядок, исправлять, улучшать», ср. также: дагур. *dasān* «правительство», «(у)правление» ← маньчж. *dasan* «правление, управление», «правительство» (ТМС, I, 201) (← монг. *žasan* «управление, учреждение»).

Кстати, в «Этимологическом словаре алтайских языков» маньчж. *dasa-* «править», «исправлять», несмотря на то, что оно стоит особняком, приводится как полноправный представитель тунгусо-маньчжурских языков. Однако, маньчж. *dasa-* является относительно поздним монгольским заимствованием и не может претендовать на праалтайскую древность.

Для этимологии монг. *dasā-* «привыкать» определенный интерес представляет отмеченное Г.Й. Рамстедтом тождество монг. *dasu-* и *dadu-* (Ramstedt, 1935, 79), ср.: п.-монг. *dadu-*, *dad-* «привыкать»; х.-монг. *dadā-* «привыкать, усваивать привычку, приучаться»; «приобретать опыт, навык»; «становиться ручным»; «осваиваться, свыкаться, сживаться»; «приспособиться»; «приноравливаться» (БАМРС, II, 19); бур. *dadā-* «привыкать», «свыкаться»; «втягиваться»; «применяться»; «вживаться (в роль)»; *dadyχā-* «приучать»; «упражняться»; «тренировать»; *dadyχa-* «приучать»; «давать осмотреться (при отсутствии в бур. формы *dasa-*)»; калм. *dadā-*, *dad-* «приучаться (к чему-либо)» (Ramstedt, 1935, 71); в современных словарях приводятся только производные формы: *dadmāy* «опытный»; «ловкий, сноровистый» и т.п.; ойр. *dad-* «приобретать опыт, навык» (Тодаева, 2001, 112).

Полное семантическое тождество монгольских глаголов *dadu-* «привыкать» и *dasu-* «привыкать» не оставляет сомнения в их гомогенности.

Очевидно, что монг. *dasu-* «привыкать» является производным от *dadu-* «привыкать»: **dadu- su-* > **dadsu-* > *dasu-* > *dasā-* > *das-* «привыкать» (см. EDAL, I, 465).

Следовательно, вопрос о генуинности тюрк. *jasa-* «устраивать» и монг. *dasu-* «привыкать» (<**dadsu-*) отпадает.

Критический обзор специальной литературы об историко-этимологических связях тюрк. *jasa-* ~ каз. *žasa-* «устраивать» показал следующее:

1) тюрк. *jasa-* «устраивать» является среднемонгольским заимствованием (← ср.-монг. *žasa-* «устраивать»);

2) тюрк. *jasa-* (← монг. *žasa-*) из чагатайского (или среднекыпчакского?) языка было обратно заимствовано в западно-монгольский (ойр. *jasā-*, калм. *jas-* дэрб.-астр., баит. *jasā-*, орд. *jas-* «исправлять»; при сохранении исконных форм, ср. ойр. *zasa-*, калм. *zas-* «наказывать»);

3) между тюрк. *jasa-* (← монг. *žasa-*) «устраивать», с одной стороны, и монг. *dasu-* (<**dadsu-*) «приучаться» нет ни генетических, ни контактных связей;

4) маньчж. *dasa-* «исправлять», «править» является монгольским заимствованием (← ср.-монг. *žasa-* «устраивать»);

5) дагур. *dasa-* «исправлять» и т. п. является маньчжурским заимствованием (маньчж. ← ср.-монг.);

6) все попытки возводить тюрк. *jasa-* и монг. *žasa-* «устраивать» к праалтайскому состоянию не корректны.

Подробнее см.: Будагов, 1871, II, 330; Vámbéry, 1877, 377-378, № 134; Gombocz, 1905, 269; Пекарский, 1912, III, 798; Ramstedt, 1915, 216; 1916-1920, 1-2; 1935, 71, 79, 216, 468; Санжеев, 1930, 696; Joki, 1952, 353-354; Poppe, 1955, 115; Kałužiński, 1961, 73, 83, 86; Lee, 1958, 107; Doerfer, 1963, 302-303; 1975, 71-72, 92-96; 1985, 61; Егоров, 1964, 351-352; Menges, 1968, 174; Räsänen, 1969, 191; Рассадин, 1971, 194-195; 1980, 74; Clauson, 1972, 974; Фасмер, IV, 564; ТМС, I, 201, 253; Шипова, 1976, 441; Clark, 1977, 163-164; Наджип, 1979, 88; ЭСТЯ, 1989, 152-153; Федотов, 1996, II, 494; 2002, 461; Щербак, 1997, 76, 204; Аникин, 2000, 730-731; Базылхан, 2000, 224, 231, 276; EDAL, I, 465.

ЖАСАҚ (*žasaq*) «вооруженный отряд», «войско»; *žasaq* «отряд» (Катаринский, 1897, 73); кир. (= каз.) *žasaq* «строй войска, отряд, поезд, свита» (Будагов, 1871, 330) ← ср.-монг. *žasaγ* «власть, управление»? или же ← вост.-тюрк., чаг. *jasaq* – собственное именное образование на базе заимствованного из монг. *java-* «приводить в порядок» + аффикс отлагательного субстантива *-q*, букв. «порядок, обустройство»; «боевой порядок»; ср.: ср.-тюрк. *jasaq* «закон», «права» (Zayāczkowski, 1961, III, 73); *jasaq* «закон», «право» (Фазылов, 1966, I, 491); тур. *java* «закон», «устав»; *jasak* «запрещение, запрет, воспрещение»; «запрещенный»; тур. *jasaq* «дань, повинность государственная» (монг. *žasaq* «закон»; «наказание»); *tütün jasadı* «подать сдыма»; *jasaq* «запрещение, наказание, штраф»; *jasaq olan* «контрабанда», «контрабандный»; *jasaqčı* «полицейские мусульмане, служащие при европейских миссиях» (Будагов, 1871, II, 329); осм. *jasaq* «запрещение» (Радлов, III, 216); *jasaq* «запрещение, запрет» (Zenker, 1876, II, 962); осм. *jasaqčı* «стражник (запрещающий вход)»; «стражник-янычар у посланников» (Радлов, III, 217); тур. диал. *jasaq* «укрытие», «плетень», «двор», «маленькое поле, садик, огороженные плетнем» (DD, III, 1487); аз. *javaG* «запрещение, запрет, воспрещение»; «ясак, подать»; *javaGči* «сторож заказника»; вост.-тюрк. *jasaq* «закон»; «предписание»; «свод законов Чингисхана»; «королевский указ»; «решение»; «запрещение, запрет»; «наказание», «приговорение к смерти согласно закону»; «боевой порядок» (Zenker, 1876, II, 950-951); чаг. *jasaq* «постановление, уложение, закон»; «штраф, наказание»; «дань, подать»; «боевой порядок» (Радлов, III, 216-217); *jasaqliq* «солдат»; «дающий приказания» (Радлов, III, 217); ср. также: чаг. *jasal* «строй войска, отряд, поезд, свита» (Будагов, 1871, II, 330); чаг. *jasaq* «дань, повинность государственная»; «запрещение, наказание, штраф»; *jasaq jetkür-* «подвергнуть наказанию, казнить» (Благова, 1994, 217); уйг. *jasaq* «обстановка, мебель», (ср. также: *javaš* «украшение», *javalma*, *javima* «искусственный», «поддельный»); лобн. *jasaqtu* «заряженный (например, силок)» (Малов, 1956, 119); узб. *javaq* «уложение»; *čingizxon javayi* «Чингисханово уложение», (ср. также: *javayliq* «разукрашенный, украшенный, убранный, прибранный»); арм.-кыпч. *javaq* «налог, подать» (Грунин, 1967, 394); кумык. *javaq* «дань, оброк, подать»; кар. *javaq/x* «подать», «налог», «дань»; к.-балк. *žasaq* «дань, подать, налог»; «контрибуция»; тат. *javaq* «ясак, подать, дань»; «заряд»; «делка, договор, соглашение»; «дань (уплачиваемая на основе сделки, соглашения, договора)»; ног. *javaq* «подать, дань, оброк, ясак»; кирг. *žasaq* «дружина крупного военного предводителя»; *žasaq-žabdiq* «военное снаряжение»; *žasaqtū* «вооруженный»; алт. *d'asaq* «подать»; тел. *jassaq* «подать» (Радлов, III, 224); алт. *javaq* «подать» (монг. *javaq*) (ГАЯ, 172); *javaq* (тел., ниж.-бий.) *javaq* «подать» (Вербицкий, 1884, 83); кур. *jazaq* «поддать (шкурами)» (Радлов, III, 228); куманд. *javaq* «подать» (Баскаков, 1972, 211); тув. *čazaq* «правительство» (← монг. *žasaγ*); ср. тув. *čazayly* «шоссейный» (букв. «благоустроенный» < *čaža-* «исправ-

лять, поправлять»); чув. *juZalǎx* «подати, налоги» (Ашмарин, V, 13) ? < *juZav-lǎx* ← ср.-кыпч. **jasaw-liq* «подать, налог»; чув. *jasak* «ясак, оброк» ← рус. *ясак, есак* «натуральная подать (мехами) с народов Сибири Московскому государству»; «подать, платимая инородцами, более пушшиной» ← тюрк. *jasaq* «дань, подать»; вероятно, еще в эпоху Золотой Орды (см.: Фасмер, IV, 564; Шипова, 1976, 441; Аникин, 2000, 730-731); мар. *jozak, jožax* (← чув.) «подать» показывает, что в чувашском относительно недавно бытовала форма *juZax* «подать», «ясак», заимствованная из среднекыпчакского языка.

Широкий разброс семантики не должен вызывать сомнения в правомерности объединения данных слов. Аналогичное развитие значения находим и в других иносистемных языках, ср. рус. *право, правда, правдивый, праведник, праведный, править, правило, правильный, правитель, правительство, правка, правление, правый, выправить, выправка, заправить, заправка, исправить, исправлять, исправный, исправность, направить, направлять, оправа, оправдать, оправить, оправка, отправить, поправить, поправлять, поправка, поправлять(ся), приправа, приправить, приправлять, расправа, расправить(ся), справедливый, справить, справка, справлять, справный, управа, управить, управитель, управление, управляющий* и т. д.

По семантике слова *jasaq* тюркские языки образуют несколько самостоятельных ареалов:

- 1) *jasaq* «закон», «право», «уложение», «указ» – вост.-тюрк., чаг., ср.-кыпч., узб.;
- 2) *jasaq* «запрещение» – вост.-тюрк., тур., аз.;
- 3) *jasaq* «наказание, штраф» – вост.-тюрк., чаг.; тур.;
- 4) *jasaq* «укрытие», «плетень», «двор» – тур. диал.;
- 5) *jasaq* «боевой порядок», «дружина», «отряд» – вост.-тюрк., чаг., каз., кирг.; ср. осм. *jasaqçī* «стражник»; «вооружение» – кирг.;
- 6) *jasaq* «подать», «дань», «налог», «повинность» – тур., аз., чаг., арм.-кыпч., кумык., кар., балк., тат., башк., ног., алт., чув.;
- 7) *čazaq* «правительство» – тув. (← монг. *žasāG* «правительство»);
- 8) *jasaq* «обстановка, мебель» – уйг. (исконное слово).

Внимательное изучение ареально-географических характеристик семантических филиаций показывает, что слово *jasaq* в ряде случаев распространялось в другие тюркские языки из восточно-тюркского (чагатайского), ср.:

- 1) вост.-тюрк., чаг. *jasaq* «закон, право» > ср.-кыпч. *jasaq* (Qutb) «закон, право»; узб. *jasəq* «уложение»;
- 2) вост.-тюрк., чаг. *jasaq* «запрещение, запрет» > осм., тур., аз. «запрещение» (отсюда, видимо, тур. «стражник»; тур. диал. «укрытие»);
- 3) вост.-тюрк., чаг. *jasaq* «наказание» > осм., тур. «наказание»;

4) вост.-тюрк., чаг. > *jasaq* «боевой порядок» > каз., кирг. «вооруженный отряд», «дружина».

Все это свидетельствует о том, что центром иррадиации слова *jasaq* в указанных значениях был восточно-тюркский (чагатайский) ареал. Во всяком случае, в турецкий и азербайджанский языки оно проникло из чагатайского, скорее, книжно-литературным путем. В этом отношении показательно отсутствие данного слова в туркменском, гагаузском, саларском и халаджском языках.

В казахский и киргизский языки проникла другая семантическая филиация вост.-тюрк. (чаг.) слова – *jasaq* «боевой порядок», «дружина».

Слово *jasaq* «подать, дань», по всей видимости, имеет другую историю. Ареал данного слова в основном охватывает поволжскую (тат., башк.) и куманскую (кумык., кар., арм.-кыпч., к.-балк.) ветви кыпчакских языков, захватывая также ногайский и алтайский языки. Показательно, что в казахском, каракалпакском, киргизском и карлукских языках слово в данном значении не зафиксировано. Центром распространения слова *jasaq* «дань, подать», по всей вероятности, является западный вариант среднекыпчакского языка. Ареал слова *jasaq* «дань, подать» в основном совпадает с территорией Золотой Орды (аз. *jasag* встречается только в исторической литературе и является заимствованием из русского языка; алтайские формы *d'asaq, jasaq, jassaq*, судя по интервокальному -s- также являются относительно поздними проникновениями из русского языка, ср. алт. *d'aza-, jaza-, t'aza-* «устроить», «делать»).

Соответствия тюрк. *jasaq* (в разных значениях) широко представлены в монгольских языках, ср.: ср.-монг. *ᠵасаг* (= чаг. *salıq*) «налог» (МА, 170; Поппе, 1938, 203); *ᠵасагу јата үгеј болба еме* (= чаг. *jasanur nemesiz qaldı xatun*) «женщина осталась без украшений»; *ᠵасагсан* (= чаг. *jasayan*) «украсивший»; *ᠵасагсан бері* (= чаг. *jasayan kelin*) «убранная невеста»; *ᠵасагсан хән* (= чаг. *jasagan xān*) «накрытый стол» (см. Поппе, 1938, 203); *ᠵасаг* «закон» в *ᠵасаглагу* «поступить по закону» (Козин, 1941, 531, 612); п.-монг. *ᠵасау* «власть», «правительство», «правитель», «князь»; *jasay* «постановления Чингисхана» (см. Владимирцов, 1934, 10, 60, 139: «глава отока», 167, 176-179); х.-монг. *ᠵасау* «власть», «политический строй», «правительство»; «владетельный князь», «правитель феодального удела (хошуна) в Монголии»; «закон, правило»; «распоряжение, наказание, правление, управление»; *zasāy zasāylā-* «наказывать, казнить»; *iḡ zasay* «йеке дзасак» (кодекс Монгольской империи); *zasāy nojon* «владетельный князь» (см. БАМРС, II, 214); ср. также: *zasāl* «наряд, убранство, украшение»; «лечение, терапия»; «исправление, поправка», «проверка»; «отделка»; «правление, управление»; *aryā zasāl* «шаманский обряд»; «старинное средство (исцеления)» (БАМРС, II, 215); вост.-монг. *ᠵасаг* (тумут., уджумч., орд.) «правитель, дзасак, князь» (Руднев, 1911, 88); бур. **zahay* «наказание», «исправление» в составе: *zahāylā-* «наказывать, подвергать наказанию»; *zahāydā-*

«быть исправляемым»; «подвергаться правлению»; «ремонтироваться»; *zahäydähän* «исправленный, отремонтированный, налаженный»; «кастрированный, холощенный (о животных)»; *zahälyä* «исправление, поправка»; «ремонт, починка»; калм. *zasäy* «наказание»; «правительство, власть»; *zasäylä-* «наказывать»; *zasäydä-* «наказываться»; «исправляться» (см. Ramstedt, 1935, 468: п.-монг. *žasa-γ*, тюрк. *jas-a-q*); ср. еще ойр. **jasäy* в составе: *jasäydä-* «быть исправляемым»; «быть холощеным (о животных)»; *jasäydäsän* «исправленный»; *jasäyčä* «исправительный» и т. п.; ойр. *zasay* «власть, правительство» (Тодаева, 2001, 153); дагур. *žasay* «власть, правительство» (Тодаева, 1986, 143); в говорах Внутренней Монголии: хорч., горл., архорч., бар., харч., чох., орд. *žasay*, джал., дурб. *žatay*, шгол. *zasay* «власть, политический строй»; «правительство»; «правитель, князь» (Тодаева, 1981, 155).

В монгольских языках выявляются следующие семантические филиации слова *žasay*:

- 1) «закон, правило», «распоряжение» – ср.-монг., х.-монг.;
- 2) «власть», «правительство»; «правитель, князь» – п.-монг., х.-монг., калм., дагур., ойр.;
- 3) «наказание»; «исправление» – х.-монг., бур., калм.;
- 4) «налог» – ср.-монг. (МА) *žasaq* ← тюрк. (ср.-кыпч.);
- 5) «украшение» – ср.-монг. (МА) *žasaqu* ← тюрк.

Взаимоотношения между тюркскими формами *jas-a-q* (< **jasa-* «устраивать» + *-q* в разных значениях) и монгольскими *žasay* (< *žasa-γ* < **žasa-q* в разных значениях) не так просты, как это может показаться на первый взгляд. В данном случае речь может идти только о контактных взаимоотношениях, так как производящая глагольная основа в тюркских языках является среднемонгольским заимствованием. Однако производные формы (тюрк. *jas-a-q*, монг. *žasä-γ*) могут быть объяснены, по крайней мере, трояко:

- а) автономные дериваты: тюрк. *jas-a-* (← монг. *žasa-*) + тюрк. *-q*; монг. *žasa-* + *-γ* (← тюрк. *-q*);
- б) тюрк. *jas-a-q* (в определенной совокупности значений) ← ср.-монг. *žasay*;
- в) тюрк. *jas-a-q* (в определенных значениях) → монг. *žasay*;
- г) тюрк. **jasay* (~ каз. *žasaw*) → монг. *žasay*.

Очевидно, что здесь приходится учитывать все возможные случаи тюркско-монгольских языковых взаимоотношений. Чтобы добиться однозначного решения вопроса, в каждом конкретном случае необходимо учитывать все доступные диагностические признаки: фонетические, морфологические, семантические, историко-культурологические, ареально-географические и проч. При этом следует исходить из следующих доказанных положений: а) производная основа **jasa-* «устраивать» в тюркских языках является заимствованием ср.-монг. *žasa-* «устраивать»; б) деривационный аффикс *-γ* в монгольском *žasäy* является заимствованием тюрк. *-q*;

в) тюрк. *jasaq* при заимствовании в монгольском будет отражаться как *ǰasay(u)*; г) монг. *ǰasay* (точнее *ǰasaG*) при заимствовании в тюркских языках отражается как *jasaq*. Фонетические и морфологические критерии в данном случае не могут служить решающими диагностическими признаками для выделения тюркизмов в монгольских языках и наоборот. Поэтому приходится обратить основное внимание на семантические, историко-культурологические и ареально-географические диагностические признаки.

Обратимся сначала к семантическим. Выясняется, что в соответствующих тюркских и монгольских формах совпадают следующие значения:

1) тюрк. *jasaq* (вост.-тюрк., чаг., ср.-кыпч., узб.) «закон», «право»; «указ» ~ монг. *ǰasay* (ср.-монг. *ǰasay*, х.-монг. *ǰasay*) «закон», «правило»;

2) тюрк. *jasaq* (вост.-тюрк., чаг., тур.) «наказание» ~ монг. *ǰasāy* (х.-монг., бур., калм.) «наказание», «исправление»;

3) тюрк. *jasaq* (зап.-кыпч.) «подать, дань, налог» ~ ср.-монг. *ǰasay* (МА) «налог» (← ср.-кыпч. *jasay*);

4) тюрк. (тув.) *ǰazaq* «правительство» ← монг. *ǰasay* (п.-монг., х.-монг., калм., ойр., дагур.) «правительство».

В связи с этим встают чрезвычайно сложные вопросы: в каком языке, в восточнотюркском (чагатайском) или монгольском, впервые появилось это слово, и кто у кого заимствовал? А.М. Щербак считает, что производящая глагольная основа *jasa-* монгольского происхождения, заимствованная тюркскими языками не ранее XIII в., «слово же *jasaq* (имеется в виду ср.-монг. *ǰasay* «вид подати, налога». – Ж.Т.), образованное от нее при помощи тюркского аффикса *-q*, очевидно, появилось вначале в тюркской языковой среде и, следовательно, в монгольских языках выступает как тюркизм» (Щербак, 1997, 195). Относительно ср.-монг. *ǰasay* «налог» (МА, 170) мнение А.М. Щербака абсолютно справедливо (ср. хотя бы ауслатный *-q* на месте монг. *-γ*). Однако в паре вост.-тюрк., чаг. *jasaq* ~ монг. *ǰasay* «закон», «правило» трудно отдать предпочтение какому-то одному языку. Чисто внешние структурно-фонетические признаки в данном случае мало показательны: тюрк. *jasaq* «закон» можно, конечно, объяснить как образование на собственной языковой почве: < вост.-тюрк., чаг. *jasa-* «устраивать» именной деривационный аффикс *-q*, но при этом смущает тот факт, что и монг. *ǰasay* (с приглушенным конечным согласным!) при заимствовании на тюркской почве трансформируется в *jasaq*. Здесь мало помогает и обращение к семантике производящей глагольной основы, ср.: вост.-тюрк. *jasa-* «делать», «устраивать», «располагать» (Zenker, 1876, II, 951), чаг., *jasa-* «делать», «соорудить», «созидать», «устраивать», «постановлять», «украшать» (Vámbéry, 1867, 347; Pavet de Courteille, 1820, 525; Радлов, III, 214); почти те же значения обнаруживаем и у монг. *ǰasa-* «исправлять, поправлять», «устраивать», «приводить в порядок», «управлять» и т. п. (подробнее см. каз. *ǰasa-* «сделать»). В этом нет ничего удивительного, так как тюрк. *jasaq* «устроить» заимствовано из среднемонгольского *ǰasa-* «устро-

ить». У вост.-тюрк. *jasaq* встречаются явно монгольские значения, напр., «свод законов Чингисхана» ~ ср.-монг. *ǰasaγ* «постановления Чингисхана» (имеется в виду «Великая Яса Чингисхана»), которые свидетельствуют в пользу мнения о монгольском происхождении вост.-тюрк., чаг. *jasaq* «закон», «постановление», «уложение». Да и весь культурно-исторический контекст XIII-XIV вв. характеризуется внедрением в Центральную Азию и распространением по всей Монгольской империи военно-административного общественного строя, установленного Чингисханом. Поэтому есть все основания признать вост.-тюрк. и чаг. *jasaq* «закон», «постановление», «уложение», «предписание», «запрещение», «наказание» и т.п. заимствованием из среднемонгольского языка. Во всяком случае, слово *jasaq* в смысле «закон», «уложение», «постановление» и т.п. в тюркских языках могло появиться только после провозглашения «Великой Ясы Чингисхана» (см.: Бартольд, I, 89, прим. 1; Владимирцов, 1922, 81-82; 1934, 10).

Слово *jasaq* в смысле «дань, подать», судя по всему, было образовано на тюркской, вернее – на среднекыпчакской, почве на территории Золотой Орды. В пользу этого мнения свидетельствует, во-первых, полное отсутствие аналогичного значения у монг. *ǰasāγ* (отмеченная в «Мукаддимат ал-Адаб» форма *ǰasāq* «налог» бесспорно является тюркизмом), во-вторых, его ареал, совпадающий с территорией Золотой Орды (см. выше). Семантические филиации «правитель», «правительство», «власть»; «наказание», «исправление»; «запрет», очевидно, развились в монгольской языковой среде и впоследствии проникли в восточнотюркский, чагатайский, а затем и некоторые другие языки.

В ареально-географическом аспекте особый интерес представляет тюрк. *jasaq* «боевой порядок», «вооруженный отряд», «дружина», отмеченное в данном значении только в восточнотюркском, чагатайском, казахском и киргизском языках. В монгольских языках у слова *ǰasaγ* аналогичные значения не отмечены, что дает право квалифицировать тюрк. *jasaq* «дружина» собственно тюркским образованием. В казахском и киргизском данное слово, по всей вероятности, является восточнотюркским (чагатайским) заимствованием.

Подробнее см.: Vámbéry, 1897, 347; Будагов, 1871, 329-330; Владимирцов, 1922, 81-82; 1934, 10; 60, 139, 167, 176-179; Ramstedt, 1935, 79; Räsänen, 1969, 191; Clauson, 1972, 974; Фасмер, 1973, 564; Шипова, 1976, 441; Zenker, 1976, 950-951; Doerfer, 1975; 92-96; ЭСТЯ, 1989, 150-152; Щербак, 1997, 29, 195; Аникин, 2000, 730-731; Федотов, II, 494; 2002, 461; EDAL, I, 465.

волжской и канглытской ветвей. В чувашском прослеживается влияние татарского языка (ср. чув. *juZav* «ремонт» ~ тат. *jasaw* «обустройство»), а в киргизском – казахское воздействие (ср. отсутствие слова в алтайском). В узбекском языке неологизм *jasowči* построен явно по кыпчакской модели (ср. уйг. *jasıyuči*).

В монгольском аффиксе имени действия -у (см. МХХХЗ, 1985, 87) отражается древнетюркская форма -у, которая в кыпчакских языках трансформировалась в -iw.

В монгольских языках форма *žasāγčā*, очевидно, тоже является неологизмом. На такое предположение намекают его отсутствие в старых памятниках и ограниченное распространение. Судя по широкому семантическому разбросу, в халха-монгольском это слово из одних и тех же языковых средств было построено, по крайней мере, четырежды, ср.: 1) *zasāγ* «власть» – *zasāγčā* «властелин, властитель»; 2) *žasāγ* «закон», «правило», «наказание» – *zasāγčā* «судья»; 3) *zasāγ* «ремонт» (< *zasā-* «устраивать, приводить в порядок», «исправлять, поправлять») – *zasāγčā* «ремонтник, починщик»; 4) *žasāγ* «лечение» (< *zasā-* «лечить») – *zasāγčā* «врач».

Обобщая результаты сравнительно-сопоставительного изучения данных слов, следует сказать следующее: казахско-монгольские лексические параллели, даже при их полном материальном сходении, не могут свидетельствовать ни об их праязыковом генетическом родстве, ни о взаимозаимствованиях. Деривационные формы, идентичные в тюркских (казахском) и монгольских языках, при квалифицированном исследовании их исторических путей развития, могут оказаться в этих языках и автономными новообразованиями, созданными на базе взаимозаимствованных корней (основ) и аффиксальных морфем.

Углубленное изучение истории тюрк. *jasawči* (каз. *žasawşı*) и монг. *žasāγč(ā)* показывает, что данные, внешне вполне аудентичные слова, в тюркских и монгольских языках образовались в новый исторический период и независимо друг от друга.

Подробнее см. каз. *žasa-*, *žasaq*, *žasaw* (там же см. литературу вопроса).

ЖАСАУЫЛ (*žasawıl*) «помощник начальника отряда», «адъютант»; «рассыльный, гонец, курьер» (КТТС, III, 719) ← ср.-монг. *žasawul* «помощник командира отряда», «распорядитель»; ср.: туркм. *jasawul* «посыльный» (у аульного старшины и т.п.); диал. «солдат», «наблюдающий за порядком вечера»; тур. диал. *jasawul* «судебный пристав»; «адъютант»; «дежурный полицейского поста»; аз. *jasawul* «есаул (офицерский чин в казачьих войсках дореволюционной России, а также в Азербайджане, соответствующий чину пехотного капитана)»; «полицейский», «есаульский»; осм. *jasaul* «конная стража, которая находится в свите важного сановника»; «офицер, который смотрит за дорогой, по которой должен идти официальный кортеж» (Радлов, III, 215-216); чаг. *jasaul* «уставщик, исполнитель повелений» (Радлов, III, 215); *jasaul* «установщик, исполнитель повелений по постановлениям *ясы*, наряжаемый по какому-нибудь делу; ныне *есаул* – капрал, дворцовый страж (в Хиве *ясаулы* наблюдают за работами на ханских каналах)» (Будагов, 1871, II, 329-330); чаг. *jasa(w)ul* «уставщик, исполнитель повелений»; «камергер при дворе, на службе туркестанского хана» (Vámbéry, 1867, 347; Zenker, 1876, II, 951); уйг. *jasawul* «рассыльный»; «караульный начальник», «телохранитель»; (хам.) *jasaul* – название должности у хамийского князя; (Малов, 1954, 154); лобн. *jasawul*, *jasaul* – название должности (Малов, 1956, 119); ст.-узб. *jasawul* «стражник», «блюститель порядка» (Щербак, 1997, 204); узб. *jasawul* «есаул»; «всадник, сопровождающий высокопоставленное лицо»; *jasawul başı* «глава есаулов»; «один из низших чинов при дворе эмира и его наместника»; тар. *josül* «привратник, адъютант» (Радлов, III, 442); вост.-тюрк. *josöl* «адъютант» (Menges, 1955, 739); кумык. *jasaul*, *jasawul* «есаул»; к.-балк. *jesaul* «есаул»; тат. *jasawıl* «есаул»; башк. *jaǰawıl* «есаул»; к.-калп. *žasawıl* «исполнитель поручений при должностном лице»; «рассыльный»; «придворное звание (одна из полицейских должностей в бывшем Хивинском ханстве)»; *žasawıl başı* «есаул-баши (название крупной воинской должности в бывшем Хивинском ханстве)»; кирг. *žasöl* «исполнитель поручений при должностном лице»; «рассыльный»; як. *d'ahabil* (← монг.) «распоряжение»; «распорядитель, руководитель».

Кумык. (*jasaul*), к.-балк. (*jesaul*), тат. (*jasawıl*) и башк. (*jaǰawıl*) формы, по всей вероятности, являются заимствованиями из русского языка (о рус. *есаул* см. Фасмер, II, 27; Шипова, 1976, 135; Аникин, 2000, 203, 210).

Исследователи единодушно считают тюрк. *jasawul* среднемонгольским заимствованием и возводят к п.-монг. *žasawul* «распорядитель» < *jasa-* «устраивать» + именной деривационный аффикс *-yul* (Владимирцов, 1929, 216-217, 240; Bang, 1919, 60-61; Le Coq, 1918, 457; Menges, 1955, 739; Севортян, 1966, 238; Räsänen, 1969, 191; Kałużyński, 1961, 73; Doerfer, 1963, 302-303, 1975, 166-172, №1863; ЭСТЯ, 1989, 152-153; Щербак, 1997, 204 и др.), ср.: ср.-монг. *žasaul* ~ *jasaul* ~ *žasawul* ~ *jasawul*, п.-монг. *žasawul* ~ *jasawul* «командир фланга, помощник командира, уставщик» (< *žasa-* ~ *jasa-* «исправ-

лять, поправлять, устраивать, приводить в порядок» + суффикс *-yul*) (Владимирцов, 1929, 216-217); ср.-монг. *ḡasaul* ~ *jasaul* «распорядитель», «помощник командира отряда», «командир фланга в войсках и на степных облавных охотах» (Владимирцов, 1929, 240); *ḡasayul* «управитель, урядник» (Владимирцов, 1934, 140, 162); ср.-монг. *ḡasaul*, *ḡasaut* (мн. ч.) «название должности, ясаул(ы)» (Козин, 1941, 576, 612); п.-монг. *jasayul* «распорядитель, управитель»; «есаул, часовой, стража» (Голстунский, 1901, III, 325); х.-монг. *zasul* «секундант»; «управитель, урядник, распорядитель, есаул»; баит. *ḡasul*, х.-монг. *zasul* «уставка, секундант во время борьбы» (Владимирцов, 1929, 217); бур. *zahul* «есаул» (см. еще: Номинханов, 1975, 98).

А.М. Щербак ст.-узб. *jasavul* считает среднемонгольским заимствованием и выводит его из ср.-монг. **jasa'ul* (ср. *ḡasaul* в «Сокровенном сказании»). «Как и другие слова, составляющие церемониально-ранговый лексикон тимуридского двора, – пишет А.М. Щербак, – слово *jasavul* не имело вполне определенного значения: «предводитель в каком-либо деле», «исполнитель повелений», «сопровождающее лицо», «распорядитель». Слова этого словообразовательного ряда, независимо от значения производящей основы, передавали значения «надзор», «стража», «охрана», а также значения, связанные с выполнением соответствующих функций, ср.: ст.-узб. *ketävül*, долг. *ketebül* «охрана», ср.-тюрк. (МА, 292) *qara'ul* «дозор», ср.-монг. *ḡayda'ulsun* «стражник», *qara'ulsun* «стоящий в охране», «ведущий досмотр». Характерно, что Навā'ū, перечисляя в «Мухāкамат ал-луғатайн» слова с аффиксом *-yul* ~ *-vul*, счел необходимым квалифицировать указанный аффикс как средство образования слов, обозначающих воинские и придворные должности» (Щербак, 1997, 204).

Относительно деривационного аффикса *-yul* (ср.: ср.-монг. *-'ul* ~ *-'ül*, п.-монг. *-yul* ~ *-gül*, ст.-узб. *-yul* ~ *gül* ~ *-vul* ~ *-vül*; о монг. деривационном аффиксе *-yul/-gül* см. МХХХЗ, 1985, 83) А.М. Щербак пишет: «Аффикс *-yul* ~ *-vul*... в староузбекском языке выделяет небольшую семантически обособленную группу слов, формирование которой относится к строго определенному историческому периоду, а именно к эпохе монгольского нашествия и времени правления Тимуридов. Выше уже указывалось, что бесспорных случаев образования форм на *-yul* ~ *-vul*... от собственно тюркских основ в староузбекском языке не обнаружено, и все же такую возможность нельзя исключать полностью» (Щербак, 1997, 224; см. также: Щербак, 1962, 128-129).

В староузбекском языке выявлены следующие именные дериваты с аффиксом *-yul*:

ст.-узб. *baqayul* ~ *baqavul* «стольник, стольничий» (Щербак, 1962, 128; 1997, 201, 224) < ? монг. **baqu-* ~ **baqi-* ← тюрк. **baq-* «смотреть», «ухаживать»;

ст.-узб. *ḡaydavul*, *ḡandavul*, *ḡindavul* «арьергард, замыкающий отряд» (ср. *ḡandavul* «водонос» в «Бабур-наме», с. 276) ← ср.-монг. *ḡayda'ul*,

п.-монг. *čaydayul* «надзиратель, страж» < *čayda-* «караулить, надзирать» (Щербак, 1962, 128; 1997, 202, 204, 224); ср. каз. *šaqtä-* «ограничить, убавить», *saqtä-* «хранить, оберегать» (см.: Наджип, 1989, 201; Назарова, 1972, 165-166; Благова, 1994, 221);

ст.-узб. *čaravul* «конный набег» ← ср.-монг. **čarayul* «тж.» < **čara-* «совершать набег, грабеж» ← тюрк. *čar-* «совершать набег» (Щербак, 1997, 202), ср. каз. *šar-* «произвести набег, налет»; «скакать»; «рубить» (см. Будагов, 1869, I, 451);

ст.-узб. *daqavul* «прислужник», «сопровождающий» (Щербак, 1962, 129; 1997, 224) ← ср.-монг. **daqayul* «подчиненный», «следующий за кем-либо» < **daqä-*, п.-монг. *dayä-* «следовать за кем-либо», «сопровождать кого-либо»; «исполнять»; ср. тюрк. *taq-*, каз. *taq-* «нацепить», «прицепить»;

ст.-узб. (*χ*)*iravul* «авангард, передовой отряд» (Щербак, 1962, 128; 1997, 224) ← ср.-монг. **iregöl* «тж.» < ср.-монг. *iro-* (ИМ), *irä-* (МА), п.-монг. *ire-* «приходить»; ср. х.-монг. *irü:l* «приезжий, заезжий»; «сигнал, зов»; «приглашение», «приманка» < *ire-* «приходить», «прибывать», «явиться»;

ст.-узб. *janqavul* (?) (Щербак, 1962, 129); ср. х.-монг. *zanγa-* «махать руками, размахиваться»; «грозить»; ср. тюрк. *jana-*, каз. *žana-* «грозить», *janγ* «угроза, устрашение» (см. ЭСТЯ, 1989, 114);

ст.-узб. *jasavul* «предводитель в каком-либо деле»; «исполнитель повеления»; «блеститель порядка»; «строитель» (Щербак, 1962, 129; 1997, 204, 224) ← ср.-монг. **jasayul* < ср.-монг. *žasa-* «устраивать» (см. *žasa-* «устраивать»);

ст.-узб. *jurtavul* «пешие воины» (Щербак, 1962, 129), ср. чаг. *jortayul* «конный отряд, посылаемый для угона скота и вообще для добычи и для грабежа», «разведчики», каз. *žortiwil* «набег», «грабеж», «разведка» ← ср.-монг. **jortayul* «передовой отряд» ← тюрк. *jort-*, каз. *žort-*, «бежать мелкой рысью»; ср. также рус. *ертаул*, *яртаул* «передовой или разведывательный отряд» (← ср. кыпч. **jortül* < *jortuwul*); перс. *jortävul* «передовой отряд» (см. Doerfer, 1975, 148-149; Аникин, 2000, 729-730);

ст.-узб. *ketävül*, *kiptavul* «караул крепости», «начальник гарнизона» (Щербак, 1962, 129), *ketävül* «личная охрана хана, владевшая его стадами» ← ср.-монг. *kebte'ülsün* «тж.» < ср.-монг. *kebte-* «лежать» (см. Щербак, 1997, 205, 224); ср.: х.-монг. *χewte-* «лежать, «быть, находиться», *χewtü:l* «ночная стража (во дворце)»; «лежка (скота)» (А.М. Щербак не находит точек соприкосновения у обычного значения слова *kebte-* «лежать» и **kebtegöl* «ночная стража», между тем семантическая связь между ними довольно прозрачна: **kebtegöl* – это ночная стража, которая «лежала», «пребывала», т.е. ночевала во дворце хана);

ст.-узб. *patavul* «?» (Щербак, 1962, 129; 1997, 224); очевидно, происходит от монгольского глагола *batla-* «утверждать», «оборонять»; в среднемонгольском предполагается форма **batlayul* в значении «охрана», «оборона»;

ст.-узб. *qarayul, qaravul* «стража, караул, часовой» (Щербак, 1962, 128); «стража», «дозор» ← ср.-монг. *qara'ul*, п.-монг. *qarayul* «тж.» < ср.-монг. *qara-* «смотреть»; тюрк., каз. *qara-* «смотреть» ← монг. (Щербак, 1997, 208);

ст.-узб. *saqavul, saqivul* «начальник стражи» (Щербак, 1962, 129; 1997, 224) < ср.-монг. **saqiyul* «стражник», «охрана» < ср.-монг. *saqi-* «охранять, беречь» ← тюрк. *saqi-* ~ *saq-* «стеречь, хранить»;

ст.-узб. *sozavul* «адъютант» (Щербак, 1962, 129; 1997, 224); глагольная основа **soza-* явно не монгольская (по фонетическому облику), но и в тюркских языках подходящие по семантике глагольные основы не обнаруживаются; видимо, здесь какая-то описка или очитка; хотя ср. каз. *soz-* «протягивать»;

ст.-узб. *tusqavul* «страж, хранитель» (Щербак, 1962, 129), «пост, караул» (Щербак, 1997, 224, 225) ← ср.-монг. **tusqayul* «тж.» < ср.-монг. *tusqa-*, *tusxu-* «кустраивать преграду» (Щербак, 1962, 129); ср. тюрк. *tuša-* «путать, надевать путы», каз. *tusa-* «налагать путы на ноги коня»;

ст.-узб. *tutqavul, tutavul* «?» (Щербак, 1962, 129), «хранитель ярлыков» ← ср.-монг. **tutayul* (Щербак, 1997, 224, 225) < ср.-монг. **tuta-* «держать», «содержать» ← тюрк. *tut-* «держать»; «ловить», «захватывать в плен»; «хранить, беречь», каз. *tut-* «держать», «схватить».

Принято считать, что в староузбекском языке аффикс *-vul* ~ *-yul* присоединялся и к тюркским глагольным основам. Однако тщательный анализ всех имен существительных подобного словообразовательного типа показывает иное: существительные на *-vul* ~ *-yul* в староузбекском и, следовательно, в других тюркских языках являются монгольскими заимствованиями. Правда, среди монгольских производящих глагольных основ имеется значительное число тюркских по своему происхождению слов, заимствованных до XIII века, однако они приняли явно выраженный монгольский фонетический облик.

Подводя итог критическому обзору литературы по истории тюрк. *jasavul* «помощник командира отряда», «посыльный», «есаул» и т.п., можно однозначно констатировать, что каз. *žasavıl* «помощник начальника отряда» и его соответствия в других тюркских языках являются среднемонгольскими заимствованиями XIII-XIV вв. (см. также каз. *žasa-* «сделать, смастерить»; *žasaq* «вооруженный отряд»).

Подробнее см.: Le Coq, 1918, 457; Bang, 1919, 60-61; Владимирцов, 1929, 216-217, 240; Menges, 1955, 739; Kałużyński, 1961, 73; Севортян, 1966, 238; Фасмер, II, 27; Doerfer, 1963, 302-303; 1975, 166-172; Räsänen, 1969, 191; Шанский, 1973, I/5, 264; Номинханов, 1975, 98; Шипова, 1975, 135; ЭСТЯ, 1989, 152-153; Щербак, 1962, 128-129; 1997, 204, 224; Аникин, 2000, 203, 210.

ЖАСТА- (*žasta-*) «положить (что-нибудь вместо подушки) под голову»; *žasta-n-* «положить что-нибудь под голову» (Катаринский, 1879, 73) < праторк. *jasla-* «прислонять, подкладывать (что-либо под голову)» (< **jasī* «плоский», «широкий» + аффикс отыменного глаголообразования *-la-*); ср.: др.-тюрк., карах. (XI в.) *jasta-* «прислонять, подкладывать» (МК, III, 302), *söz jasta-* «задевать, колотить словом» (МК, III, 302), чаг. (XV в.) *jasta-*, осм. (XIV в.) *jasta-* «прислонять(ся)», «сплющить», «делать плоским» (см. ДТС, 245; Clauson, 1972, 974; Малов, 1951, 386); *jasta-* «протягивать (например, ноги)»; *jastan-* «растянуться, расправиться, расправить ноги» (Малов, 1951, 386); туркм. *jassiq* «подушка»; *jassiq taşi* «наволочка»; *jassan-* «облокачиваться, опираться (обычно на подушку)»; осм. *jasta-* «поддержать, подпирать»; «поддержать колоннами», «снабдить подушкой» (Радлов, III, 222); тур. *jasla-*, *jasta-* «поддерживать, служить опорой, подпирать»; аз. *jasla-* «приземлять»; «поддерживать», «подпереть»; вост.-тюрк. *jasta-* «сплющить»; «бить, колотить» (Vámbéry, 1867, 347); чаг. *jasta-* «сделать плоским посредством ударов, сильно бить»; *jastan-* «употребить что-нибудь как подушку», «положить что-нибудь под голову», «облокотиться на подушку», «прислониться» (Радлов, III, 222); узб. *jaslan-* «прилечь, разлечься»; «растилаться, простираться»; кар. *jaslan-* «опереться, прислоняться, облокотиться»; башк. *jaŋta-n-* «положить себе под голову что-либо»; ног. *jastan-* «подкладывать что-либо под голову»; к.-калп. *dasta-*, диал. *žasta-* «класть что-либо под голову»; «подложить подушку»; кирг. *žazda-*, *žasta-* «подложить кому-либо подушку»; «употребить для кого-либо что-либо как подушку»; кир. (= каз.) *žasta-* «положить подушку под голову»; *žastan-* «положить под свою голову подушку», «приготовить себе постель» (Радлов, IV, 50); алт. *d'asta-* «подложить подушку кому-либо», «подослать постель»; *jastan-*, *jastin-* «положить что-нибудь под голову в возглавие» (Вербицкий, 1884, 83); туба *d'astan-* «постелить постель», «разостлать»; «положить в изголовье» (Баскаков, 1966, 114); куманд. *d'astan-* «постелить» (Баскаков, 1972, 211); хак. *časta-* «положить подушку кому-либо под голову»; «постлать постель»; *častan-* «положить себе под голову подушку»; «употребить что-либо вместо подушки»; «постлать себе постель»; шор., саг. *časta-* «что-нибудь положить под голову как подушку» (Радлов, III, 1909); тув. *sirta-* «положить под голову что-либо (в качестве подушки)»; «подставлять, подкладывать (подо что-либо)»; якут. *sittā-* «класть, положить под голову что-либо»; «класть, положить что-либо в качестве опоры, подставки» (перечень форм и значений см.: Räsänen, 1969, 191; Clauson, 1972, 974; ЭСТЯ, 1989, 153-154; EDAL, II, 1507-1508).

Глагол *jasla-* / *jasta-*, по всей вероятности, является производным от именной основы *jas* «плоский, широкий» (см. Atalay, 1945, 280), тур. диал. *jas et-* «сильно бить сверху» (DD, III, 1488) и т.п., или же от *jasī* «плоский», «сплющенный», «широкий» (см. ЭСТЯ, 1989, 155-156). Следовательно, глагольная основа *jasla-/jasta-* первоначально означала «распластаться»,

«растянуться», «прислониться (к подушке)», «опереться на подушку»; «положить голову на подушку»; «подложить что-либо под голову» и т.п.

Форма *jasla-* больше тяготеет к карлукским (узб.) и огузским (тур., аз.), а также непосредственно связанным с ними кыпчакским (кар. *jaslan-* ← тур.) языкам. Форма *jasta-* тяготеет к восточному ареалу тюркских языков, откуда она проникла в некоторые языки западного региона (туркм. *jasta-* > *jassa-*). Показательно отсутствие данного слова в куманской группе кыпчакских языков (кумык., к.-балк.), а также в татарском и уйгурском.

Значения «сплющить», «давить», «сделать плоским от удара», «бить», «колотить», «приземлять» и т.п., видимо, развились в результате контаминации с глаголами **jaz* «стелить, расстилать» и т.п. (см. ЭСТЯ, 1989, 69-70) и **jād-* «расстилать», «расширять», «развертывать» и т.п. (см. ЭСТЯ, 1989, 76-66).

Тюрк. *jas(i)* «плоский», «широкий» в алтаистических исследованиях сравнивается в качестве генуинного на праязыковом уровне с монг. **dasinga* «доска», «полка» (EDAL, I, 465-466); ср.: х.-монг. *dasinga* «доска, перекладина (например, для перехода через канаву)»; «полка» (Лувсандэндэв, 1957, 149); *dašinga* «доска, перекладина (например, для перехода через канаву)»; «нары, полати»; «полка»; **dašingat* «комод»; «шкаф»; ср. также *dašla-* «сделать нашивку, пришить что-либо» (Ринчикэ, 1947, 69) и др. Монгольское слово, однако, происходит от глагола **daši-* «прикладывать, приложить, приставить» и т.п. (подробнее см. каз. *žasimiq* «чечевица») и генетических связей с тюрк. *jası* «плоский, широкий», *jasla-/ jasta-* «прислоняться» и т.п. не имеет.

Подробнее см.: Малов, 1951, 386; Räsänen, 1969, 191; Clauson, 1972, 974; Tekin, 1974, 612; ЭСТЯ, 1989, 153-154, 155-156; EDAL, II, 1507-1508.

ЖАСТЫК (*žastıq*) «подушка»; *žastıq* «большая подушка»; *žastıq ayaş* (сокр. *žastayaş*) «изголовье деревянное»; *basıma žastıq, awızıma susın boldı* «хорошо ухаживали во время болезни» (букв. «голове была подушка, а рту напиток, утоляющий жажду») (см. Катаринский, 1897, 73) < пратюрк. **jastıq* «подушка», «подкладка», «подстилка» (< *jası* «плоский», «широкий» < **jas-* «(с)делать плоским» + деривационный аффикс *-tuq*); ср.: др.-тюрк. *jastıq* «подушка»; др.-уйгур. (с VIII в.) *jastıq* «мера серебра», «серебряная монета»; карах. (XI в.) *jastıq* «подушка», «подкладка»; чаг. (XV в.) *jastıq* «подушка», «подкладка»; хорезм. (XIII в.) *jastry, jastıq, jastu* «время ложиться спать» («bed-time»); «подушка», куман. (XIV в.) *jastıq* «подушка»; ср.-кыпч. (с XIII в.) *jastıq* «подушка» (см.: ДТС, 245; Clauson, 1942, 974); туркм. *jassıq* «подушка»; *jassıq taşı* «наволочка»; *jassıq ayaş, çarqı jassıyı* «доска для рубки мяса»; *jassı* «поздний вечер»; тур. *jastıq* «подушка»; «грядка»; *ejer jastığı* «седелка»; *bir jastrya baş qoj-* «быть мужем и женой, быть супругами»; аз. *jastıG* «подушка»; «подкладка, прокладка в разных сооружениях, устройствах»; «подшипник»; «валик (туго набитая подушка цилиндрической формы)»; «подхомутник (войлочная подкладка под хомутом)»; чаг. *jastıq* «подушка»; *jatma jastıq* «длинная подушка для сна»; «деревянная накладка на ось телеги»; «мост (телеги)»; сал. *jastıx* «подушка»; халадж. *jastıq* «подушка»; узб. *jastıq* «подушка»; «подкладка (под опору, под столб и т.п.)»; уйг. *jastıq* «подушка»; хам. *jastıq, jastıq* «подушка» (Малов, 1954, 154), турф. *jastıq* «подушка» (Малов, 1961, 116); кумык. *jastıq* «подушка»; *jastıq tiş* «наволочка»; кар. *jastıq* «подушка»; «седло»; к.-балк. *žastıq* «подушка»; *tüb žastıq* «подушка, для сидения»; тат. *jastıq* «перина», «пуховая подушка»; *jastıq tışlıyı* «перинная холстина»; башк. *jaşlıq* «подушка (большая)»; «дрога, дрожина (брусья для соединения передней оси с задней частью)»; диал. «объедки, остатки сена (от корма животных)»; ног. *jastıq* «подушка»; *jastıq astar* «подарок невесты дружке» (по обычаю этот подарок невеста кладет под свою подушку после брачной ночи); к.-калп. *dasta-* «класть что-либо под голову»; *dastıq* «подушка»; кирг. *žastıq, žazdıq* «подушка»; «чурбан для рубки дров»; алт. *d'astıq* «подушка»; *jastıq* «подушка» (Вербицкий, 1884, 83); туба *d'astıq* «подушка» (Баскаков, 1966, 114); куманд. *d'astıq* «подушка»; лебед. *častıq* «подушка» (Баскаков, 1985, 221); хак. *častıx* «изголовье»; *tözek-častıx* «постель», «постельные принадлежности»; саг., шор. *častıq* «подушка» (Радлов, III, 1910); тув. *sirtıq, sistıq* «подушка»; «подставка»; *urıy sirtı* «послед (у женщин)»; *sistıq* «подушка» (Катанов, 1903, 144), *sittıq* «подушка» (Катанов, 1903, 14, 15, 26, 99 и др.; по мнению М. Рясненна, тув. *sittıq* ← якут; см. Räsänen, 1949, 187; Ряснен, 1955, 193); *sittı, sittıyı* «их подушка» (Катанов, 1903, 26, 99, 372), *sittıqqa* «подушке» (Катанов, 1903, 39, 111); тоф. *sistıq* «подушка» (Рассадин, 1971, 74); саг., шор., кач., койб., белг. *častıq* «подушка» (Катанов, 1903, 15); чулым. *častıq, častıq* «подушка» (Бирюкович, 1984, 72); с.-юг. *jastıq* «подушка» (Тенишев, 1976, 183); якут. *sittıq* «подушка»; «подставка (подо что-либо)»; чув. *şıDar, šăDar* «подушка»

(имеющая форму прямоугольника); «большая подушка, употребляющаяся как изголовье и заменяющая перину» (перечень форм и значений см.: ЭСТЯ, 1989, 154-155; Clauson, 1972, 974; Räsänen, 1969, 191; Eren, 1999, 443).

В специальной литературе существуют две версии этимологии тюрк. *jastıq* «подушка». Одна группа специалистов считает, что тюрк. *jastıq* образовалось в результате метатезы из гипотетического **jatsıq* «подушка», которое считается именным дериватом от глагольной основы *jat-* «лежать», «спать» (Ramstedt, 1957, 146; Räsänen, 1969, 191: < *jad?*; Рясянен, 1955, 193; Doerfer, 1971, 46; Eren, 1952, 226; 1999, 443); к этому же глаголу возводят чув. *śiDar* «подушка» (Егоров, 1964, 226; Федотов, 1996, II, 158-159; 2002, 301). Однако реконструируемая форма **jatsıq* «подушка» нигде не засвидетельствована; остается неясной и семантика аффиксальной морфемы *-sıq*. Семантическая связь «лежать» – «подушка» не подтверждается материалами других языков.

Другая группа специалистов считает, что тюрк. *jastıq* «подушка» генетически связано с глагольной основой *jasla-* / *jasta-* «прислонять(ся)»; «опираться на подушку» (см.: каз. *žasta-* «положить под голову»; ЭСТЯ, 1989, 153-154). Сторонники данной гипотезы, однако, предлагают различные интерпретации морфологической структуры данного слова: 1) < *jas* + *tiq-* (Севортян, 1966, 354; Atalay, 1942, 258; Дмитриев, 1962, 555; Brockelmann, 1954, §118); 2) < *jast* (Doerfer, Tezcan, 1980, 221; производящая основа оставлена без объяснения); 3) < *jast-in-* «класть под голову» или ? < *jad-* «расстилать» (Räsänen, 1969, 191); 4) < *jasta-* «прислоняться (на подушку)» + аффикс *-k* (Eren, 1999, 443) и др. Х. Эрен к этимологии тюрк. *jastıq* «подушка» приводит каз. *žastayaş* (< *žasti ayaş* «плоское дерево») «изголовье», которое направляет исследователя на правильный путь толкования этимологии. Дж. Клаусон ограничился констатацией производности *jastıq* «подушка» от *jasta-*, и не стал комментировать морфемный состав обоих слов (Clauson, 1972, 974). М. Рясянен сближает чув. *śiDar* «подушка» с чаг. *žoyda* «верблюжья шерсть», ср.-тюрк. *žoydu, joydu, joyru* «длинная шерсть с шеи верблюда», койб. *čoydir* «щетина» (~ протобулг. *doхъtorь* «подушка») и, далее, с монг. *žoydar, žoydur* «грива, длинная шерсть на шее у льва, верблюда» (Räsänen, 1969, 127; 204-205).

Г. Дёрфер критикует М. Рясянена за некорректное сближение чув. *śiDar* с монг. *žoydur* «длинная мягкая грива», тув. (сойон.) *čogtur* «подгрудок (верблюда, быка)» (Doerfer, 1971, 453-454).

К. Грёнбек сближает в качестве однокоренных чув. *śiDar* и якут. *sittiq* «подушка» (Grönbech, 1902, 95). Это сближение было поддержано Х. Паасоненом (Paasonen, 1908/1974, 135) и Д. Неметом (Németh, 1928, 62-84). Х. Эрен указывает на ошибочность этого сопоставления, так как якут. *sittiq* несомненно происходит от глагольной основы *sittā-*, восходящей к тюркскому *jasta-* (Eren, 1999, 443).

К чув. *śiDar* «подушка» лучше всего подходит башк. *jaǰtar* «подушка или что-либо другое, подложенное под голову». Следовательно, чув. *śiDar*, по всей вероятности, образовалось из более раннего **śistar* «подушка» (~ тюрк. *jastar*, первоначально – причастие на *-ar* от *jasta-* «подкладывать», «подстилать»; см. каз. *žasta-* «положить под голову»).

Следовательно, выдвинутое М. Рясняном сближение с монг. *ǰydar* «грива, длинная шерсть на шее у льва, верблюда» и т.п. (см. Ramstedt, 1935, 475) отклоняется как ошибочное (уже хотя бы по семантическим соображениям).

Авторы «Этимологического словаря алтайских языков» для пратюркского состояния реконструируют архетип **jaǰtuq / *jatruq* «подушка». На пратюрк. **r*, по их мнению, указывает чувашская форма *śiDar* (в EDAL дается ошибочная форма *śidbr*) и вероятно еще тув. *sirtuq* (с ротацизмом). Тюрк. **jaǰtuq* «подушка» они выводят из глагольной основы *jast-* < **jas-t-*, но семантику последней не объясняют (EDAL, II, 1507-1508). Монгольские формы в данном словаре уже не приводятся.

Критическое рассмотрение имеющихся в специальной литературе версий по этимологизации тюрк. *jastuq* «подушка» показывает следующее:

1) тюрк. *jastuq* ~ каз. *žastuq* «подушка» (несмотря на многовариативность предлагаемых компаративистами этимологий) является исконным словом, и генетически связан с глагольной основой *jasla-* / *jasta-* ~ каз. *žasta-* «положить под голову» (< *jasl* «плоский»); ср. каз. *žastayaš* «изгололье»;

2) чув. *śiDar* «подушка» восходит к тюрк. **jastar* «подушка», «изгололье» (причастие на *-r* от *jasta-* «положить под голову»); ср. башк. *jaǰtar* «подушка или что-либо другое, подложенное под голову»;

3) сближение чув. *śiDar* «подушка» с монг. *ǰydar* «грива», «длинная шерсть на шее у льва, верблюда» ошибочно;

4) сближение тюрк. **jasl* «плоский» с монг. **dasinga* «доска», «полка» (EDAL, I, 465-466) не выдерживает филологической критики (см.: каз. *žasta-* «положить под голову»; *žasimiq* «чечевица»).

Подробнее см.: Grönbech, 1902, 95; Paasonen, 1908/1974, 135; Németh, 1928, 62-84; Ramstedt, 1935, 475; Atalay, 1942, 258; Räsänen, 1949, 187; 1969, 127, 191, 204-205; Brockelmann, 1954, §118; Ряснян, 1955, 193; Ramstedt, 1957, 146; Дмитриев, 1962, 553; Егоров, 1964, 226; Севортян, 1966, 354; Clauson, 1972, 974; Doerfer, 1971, 46; ЭСТЯ, 1989, 153-154, 154-155; Федотов, 1996, II, 158-159; 2002, 301; Eren, 1952, 226; 1999, 443; Әхмәтъянов, 2001, 265; EDAL, I, 465-466; II, 1507-1508.

ЖАСЫ- (*žasi-*) «унывать, отчаиваться»; «становиться робким несмелым»; «затупиться, становится мягким (о металле)»; *žasit-* «размягчить (о стали и железе), путемковки, раскалывания»; **ЖАСЫК** (*žasiq*) «робкий, незнергичный», «нерешительный»; «низкосортный (о металле)»; «нежирный (о мясе)», «непитательный»; *žasiq* «неловкий», «неразвязный», «нераспорочный»; «самое дурное, мягкое железо» (Катаринский, 1897, 73) < пратюрк. **jasī-* ~ прабулг. **jali-* (?) «худеть, слабеть, стариться»; в памятниках древнетюркского периода слово **jasī-* не обнаружено; ср.: куман. (XIV в.) *jašiq* «худой, тощий» (Grönbech, 1942, 118); куман. *jašiq* «худощавый» (Радлов, III, 245); чаг. *jašiq* «сухощавый, изнуренный» (Радлов, III, 248); «худой» (Zenker, 1876, II, 952; Vámbéry, 1867, 347; Pavet de Courteille, 1820, 528); «истощенный» (Vámbéry, 1867, 347); уйг. *ješiq* «тощий»; *ješiq-* «становиться неплодородным», «потерять плодородие (о земле)»; *ješiq* «неплодородный (о земле после долгого использования без севооборота или частого, постоянного полива)»; *ješiq-* «терять плодородие, стать неплодородной (после долгого использования без севооборота или постоянного полива)»; узб. *jāšiq* «нежирный, постный (о мясе)»; «бедный, неимущий»; узб. диал. *jāššiy, jāšū* «худой» (УХШЛ, 1971, 128); башк. *jašiq* «очень постный»; «худой, тощий (о животных)»; *jašiq-la-* «сильно похудеть, отощать»; башк. диал. *jašiq* «тощий»; «шаловливый»; *jašiq-la-* «отощать»; «надоедать разговором»; «забавлять» (ДСБЯ, 2002, 115-116); к.-калп. *žasi-* «худеть»; «становиться робким, нерешительным, несмелым»; *žasiq* «худощавый»; «исхудалый, похудевший»; «нежирный (о мясе)»; «робкий, нерешительный, несмелый»; «слабый, некрепкий, мягкий (напр. о железном ноже)»; *žasiq temir* «простое железо (не сталь)»; кирг. *žasi-* «быть готовым вот-вот заплакать»; «прослезиться, расстроиться»; «размякнуть»; «начать портиться (о мясе)»; *žasiq* «нежирный (о мясе)»; «тощий, исхудалый (о животном)»; «слабый, некрепкий, мягкий (напр., о железе)»; «плакса»; «исхудавшее тело»; «ненаходчивый, несмелый, застенчивый»; алт., тел., лебед., туб. *jaži-* «мучиться, изнуриться»; «быть ленивым (о человеке)»; «быть мягким (о железе)»; алт., лебед., тел. *jažiq* «измученный, изнуренный»; «ленивый (о человеке)»; «мягкий (о железе)»; «твердый, нежирный (о мясе)»; тел. *d'ažiq* «тж.» (Радлов, III, 254); алт. *jažiq* «ленивый, вялый»; *jažiq palta* «недокаленный, мягкий топор»; верх.-бийск., нижн.-бийск., куманд. *jažaryan* «ленивый»; кондом. (шор.) *jažaryan* «упрямый»; *jažu, jažiy* «скорбь, сокрушение, мучение, печаль, тоска, уныние»; *jažit-* «мучить»; тел., ниж.-бийск. *jažūr-*, кондом. (шор.) *jaži-* «скорбеть, сокрушаться, мучиться, тосковать, унывать, печалиться»; *jažūr-yan* «печальный»; *jažiqan balazi* «любезное его дитя»; абак. *jažit-* «мучить» (Вербицкий, 1884, 66-67); алт. *jažu* «скорбь», кондом. *jāžit-* «мучить», *jažūr-* «скорбеть», «сокрушаться, мучиться, унывать» (ГАЯ, 1869, 164); туба *jaži-* «мучиться, изнуриться»; «быть ленивым (о человеке)»; «быть мягким (о железе)» (Баскаков, 1966, 120); куманд. *d'ažit-* «мучить» (Баскаков, 1972, 209); лебед. *jaži-* «мучиться, изнуряться»; «быть ленивым (о человеке)»; «быть мягким (о железе)»; *jažiq* «измучен-

ный, изнуренный»; «ленивый (о человеке)»; «мягкий (о железе)»; «твердый, нежирный (о мясе)»; (Баскаков, 1985, 147); алт. *d'ažu* «скорбь, мучение, печаль, тоска»; *d'ažiq* «ленивый, вялый»; «мягкий, недокаленный (о стали)»; «упрямый»; «неженка, баловень»; *d'ažūr-* «скорбеть, сокрушаться, мучиться, тосковать, печалиться»; *d'ažit* «измученный»; *d'ažit-* «мучиться»; хак. *čazıy* «вялый, слабый»; «расслабленный (напр., о пружине)»; *čazıy it* «постное мясо»; *čazıyça-* «нежиться, ласкаться»; *čazıt-* «ослабить (напр., пружину)»; «мучить (напр., о болезни)»; *čazıyç-* «ослабеть»; «нежиться, ласкаться»; чулым. «нежиться, ласкаться»; *čazāñ čazāñ* «ленивый» (Бирюкович, 1984, 70); тув. *čaži-* «терять вкус, становится невкусным (о мясе тощего животного или животного, убитого после длительного перегона)»; *čazıy* «невкусное, ставшее невкусным (о мясе тощего животного)»; *čazıy* «изнеживаться, становится балованным»; ? якут. *sihiy-* «успокаиваться, умиряться»; «поддаваться укрощению»; «остепеняться, становится более сдержанным, серьезным» (однако ср.: *sihin-* «прижиматься»); чув. *jāš-* «слабеть, терять силы, обессиливать»; «рыхлеть, становится рыхлым (напр., о снеге)»; «трухляветь»; «выпадать, лезть (о шерсти)»; «разрушаться, осыпаться, оползать»; «слабеть, утихать, затихать (напр., о ветре)»; *jāžāk* «непрочный, утративший прочность»; «гнилой, трухлявый»; «рыхлый, мягкий, пористый»; «больной, болезненный, слабый» (см. Ашмарин, 1930, V, 106 и след. < *juš-*, *južāk* ← ср.-кыпч. *jaši-*, *jašiq*; свод межтюркских соответствий см.: Räsänen, 1969, 192; Doerfer, 1975, 173; ЭСТЯ, 1989, 20-21; EDAL, II, 1534).

В современных тюркских языках слово *jaši-* «худеть» имеет узлокальный характер, в чистом виде оно отмечено в основном в канглийских (каз., к.-калп.) и периферийных (кирг., алт.) кыпчакских, карлукских (уйг., узб.) языках, а также в тувинском. В некоторых языках отмечается лишь каузативная форма *jašıt-* (хак., саг., *čazıt-*, шор. *čažit-*), а производящая основа, видимо, утрачена.

Более широкий ареал имеет именной дериват *jašiq* «тощий, худой»; «слабый, вялый» (см. реестр форм и значений). В отдельных языках зафиксирован производный глагол на *-q-* с учащательным (интенсивным) значением: хак. *čazıyç-* «ослабеть, расслабнуть», башк. диал. (вост.) *jažıyq-* «похудеть, обессилеть» (Максютова, 1976, 286), чув. *jāžāyç-* «слабеть, обессиливать», «болеть».

Этимологическая структура *jaši-* «худеть» не выяснена. Исконными значениями являются «худеть», «изнуряться», «измучиться», «обессилеть» и т.п. В некоторых тюркских языках (кирг., алт., хак., шор.), видимо, имела место контаминация омофоничных глагольных основ *jaši-* «измучиться», «обессилеть» и *jaši-* «слезиться» (< *jaš* «слеза»), ср. также значения, как «мучиться, скорбеть, унывать, печалиться» и т.п.

Н.Н. Поппе тюрк. *jaši-* сопоставляет с монг. **žal*, выделяемым им в составе *žal-qa-yu* «ленивый» (Рорре, 1926, 114). Эта идея недавно была поддержана создателями «Этимологического словаря алтайский языков»,

где на основании тюрк. *jaši-* «быть ленивым, измученным; слабым, вялым, робким» реконструируется для пратюркского состояния архетип **jal'i-* «тж.», и который сравнивается с прамонг. **žalka-* «лениться»; прат.-маньчж. **žel* «стихать, замирать (о звуке), скрываться»; «не заметить, не обратить внимания» и т. д. (EDAL, II, 1533-1534).

В качестве genuinных на праалтайском уровне соответствий тюрк. *jaši-* «худеть» в «Этимологическом словаре алтайских языков» приводятся следующие монгольские формы: ср.-монг. *žaliχai* «ленивый» (НУ, 37), п.-монг. *žalqa-* «лениться» (Lessing, 1960, 1032), х.-монг. *žalχa-* «лениться», *žalχū-* «ленивый», бур. *zalyū* «ленивый», калм. *zalyū* «ленивый», орд. *žalχū* «ленивый», дагур. *žalkō* «ленивый» (Тодаева, 1986, 142), *žalekō* «ленивый» (Martin, 1961, 175). При этом (со ссылкой на ЭСТЯ, 1989, 14-15) указывается, что монг. *žalqa-* «лениться» проникло в ряд тюркских языков: башк., алт. *jalqı-* «лениться» и т. д. (EDAL, II, 1533; подробнее см. каз. *žalqaw* «ленивый»).

Подробнее см.: Vámbéry, 1867, 347; Poppe, 1926, 114; Räsänen, 1969, 192; Doerfer, 1975, 173 (там же критический обзор литературы); ЭСТЯ, 1989, 15-16; 20-21; EDAL, II, 1533-1534.

ЖАСЫЛ (*žasil*) «зеленый» < пратюрк. **jasil* ~ прабулг. **jāhl* «зеленый» < **jās* ~ **jāl* «свежий, зеленый» + диминутивный или субъективный аффикс *-il*; ср.: др.-тюрк. **jašil* «зеленый», орх. (VIII в.) *jašil*, др.-уйг. (VIII в.) *jašil*, карах. (XI в.) *jašil*, чаг. (XV в.) *jašil*, хорезм. (XIV в.) *jašil*, куман. (XIV в.), кыпч. (XIII в.) *jašil* «зеленый» и т.д. (см.: ДТС, 246; Clauson, 1972, 978; Oğkun, 1987, 887); туркм. *jāšil* «зеленый»; осм. *jāšil* «зеленый»; *jāšil japraq* «маленький подарок»; *baštaki jāšil* «зеленая чалма» (Радлов, III, 381); тур. *ješil* «зеленый цвет, зелень»; «зеленый, свежий (об овощах)»; «неспелый, незрелый (о фруктах)»; аз. *jašil* «зеленый»; «изумрудный, маляхитовый»; гаг. *ješil* «зеленый»; «неспелый»; кр.-тат. *jāšil* «зеленый» (Радлов, III, 381); *jašil* «зеленый» (Радлов, III, 247); халадж. *jāšil* «зеленый» (Doerfer, Tezcan, 1980, 219: *yāšil*); салар. *jāšil* «зеленый»; уйг. *ješil* «зеленый»; уйг. (хам.) *jašel* «овощи», «зелень», *jašel, ješil* «зеленый», *ješil köz* «зеленоглазый» (Малов, 1954, 155); уйг. (куч.) *jāšil* «зеленый» (Малов, 1961, 117), уйг. (акс., хот.) *ješil* «зеленый» (Малов, 1961, 118); уйг. (куч.) *jup-jāšil* «очень зеленый» (Малов, 1961, 118); лобн. *jāšil* «зеленый», *jašil* «зеленеть» (Малов, 1961, 119); уйг. *jažil* «зеленый, синий» (Радлов, III, 256); узб. *jašil* «зеленый», «зелень»; кумык. *jašil* «зеленый, зелень»; кар. *jāšil, jāsil, isil* «зеленый»; «незрелый (о плодах)»; к.-балк. *žāšil* «зеленый»; тат. *jāšēl* «зеленый»; «неспелый, не(до)зрелый»; каз. (= тат.) *jāšil* «зеленый»; *ačiq jāšil* «яркозеленый»; *qara jāšil* «темнозеленый»; *zāngār jāšil* «синевато-зеленый»; *jām jašil* «совсем зеленый»; *jāšil jazar bajrami* «Троица» (Радлов, III, 381); башк. *jāšēl* «зеленый»; башк. диал. (средн.) «голубой» (ДСБЯ, 2002, 133); ног. *jasil* «зеленый»; к.-калп. *žasil* «зеленый»; каз. *žasil* «зеленый» (Катаринский, 1897, 73); кир. (= каз.) *žasil* «зеленый»; *qara žasil* «темнозеленый»; *tunūq žasil* «матово-зеленый»; *ašiq žasil* «яркозеленый» (Радлов, IV, 49); кирг. *žasil* «зеленый»; «зелень»; «свежий, яркий»; алт. *d'ažil* «зелень», «зеленый»; *jažil* «зеленый»; «сырой (о дереве)» (Вербицкий, 1884, 66); тел. *d'ažil* «зеленый» (Радлов, III, 257); алт., тел., лебед. *jažil* «зеленый», «незрелый» (Радлов, III, 256-257); туба *d'ašil* «зеленый» (Баскаков, 1966, 114); куманд. *d'ažil* «зеленый» (Баскаков, 1972, 209); *čažil* «зеленый» (Баскаков, 1972, 265); лебед. *jažil* «зеленый»; «незрелый» (Баскаков, 1985, 147); *t'ažil* «зеленый»; «незрелый» (Баскаков, 1985, 212); хак. (бельт.) *čazil* «зеленый»; шор. *čažil* «зеленый» (Радлов, III, 1915); сагай. *čazil* «зеленый» (Радлов, III, 1911); ж.-уйг. *jasil* «зеленый» (Малов, 1957, 38); с.-юг. *jahsil* «зеленый»; тув. *čažil* «заячья капуста»; ср. якут. *sahar-* «желтеть»; *saharχaj* «желтый», *sahil* «лиса» < «желтый»; долг. *hahar-* «желтеть»; чув. *ježēl* «зеленый»; «цветущий»; «молодой» (← тат. *jāšēl* «зеленый»; см.: Егоров, 1964, 62; Федотов, 2002, 72-73); исконно чув. *šulžā* «лист», «листва», «зелень», очевидно, сохраняет прабулгарскую основу **jāl* ~ **jal* «зеленый», «свежий»; ср.-кыпч. *jašilča*, ног. *jasilša*, тат. *jāšēlčä*, башк. *jāšēlsä* «овощи», «зелень»).

Опереднение *jašil* > *jāšil* > *ješil* произошло под палатализирующим влиянием согласных *j*- и *-š*- (напр., тат. *jāšēl*, башк. *jāšēl*, тур. *ješil* «зеле-

ный)), а в уйгурском под воздействием гласного *i* (< *i*) второго слога (*i*-умлаут). Все межъязыковые чередования анлаутного и инлаутного согласных закономерны (ЭСТЯ, 1989, 164-165; Егоров, 1964, 62; Федотов, 1996, II, 145-146; 2002, 72-73; Laude-Cirtautas, 1961, 61-64).

Слово **jašil* «зеленый» хорошо представлена в древнетюркских памятниках и функционирует во всех классификационных группах современных тюркских языков, только в тобаской группе (тув., тоф.) оно вытеснено монгольским заимствованием *поуān* «зеленый».

Многие тюркологи полагают, что производящей основой **jāšil* «зеленый» является **jāš* «свежий, зеленый» ~ каз. *žas* «молодой, юный» (Vámbéry, 1867, 125; 1877, 378-379; Bang, 1925, 20-21; Brockelmann, 1954, §72; Räsänen, 1969, 192; Севортыян, 1966, 192; Федотов, 2002, 72-73; Эхмэтьянов, 2001, 266).

Э.В. Севортыян допускает существование глагольной основы **jāš-* (Севортыян, 1966, 192) и в **jāšil* выделяет именную деривационный аффикс *-il/-il*, а И. Лауде-Циртаутас выдвигает предположение о возможном наличии в пратюркском глагольной основы **jāšil-* (<**jāš+il-*) «стать зеленым»; а **jašil* «зеленый», по ее мнению, является отглагольным именным дериватом на *-l* (Laude-Cirtautas, 1961, 61). Точки зрения Э.В. Севортыяна и И. Лауде-Циртаутас почти совпадают.

В. Банг полагает, что форма *jašil* в тюркских языках образовалась в результате элизии формы **jašsil* > **jaššil* > *jašil*, где *jaš* «зеленый» – основа, а *-sil* – аффикс со значением ослабления признака (Bang, 1925, 20). Г.Й. Рамстедт рассматривает имена на *-sil* как производные с аффиксом *-l* от глагольных основ на *-si-*; напр.: тюрк. *aq* «белый», *aqsi-* «быть беловатым», *aqsil* «беловатый» и т. п. (см. Рамстедт, 1957, 133; Ramstedt, 1952, 145). Согласно предположению Г.Й. Рамстедта тюрк. **jāšil* «зеленый» можно было бы интерпретировать примерно так: тюрк. **jaš* «зеленый», **jaš-si-* «быть зеленоватым», **jašsi-l* «зеленоватый» и дальше, по В. Бангу: **jašsil* > **jaššil* > **jašil*. Предложенная В. Бангом этимология поддерживается Дж. Клаусоном (Clauson, 1972, 978), но И. Лауде-Циртаутас отклоняет ее по семантическим причинам, так как в семантике тюрк. **jāšil* «зеленый» не ощущается значение аффикса *-sil* (Laude-Cirtautas, 1961, 61, прим. 2). Если принять во внимание семантику таких образований, как например, тюрк. **aqsil* «беловатый», **kō:ksil* «синеватый, зеленоватый», **qarasil* «черноватый», **čijsil* «сыроватый», **joqsul* «ничтожный» и т. п., то гипотеза В. Банга действительно выглядит узвимой.

А.Н. Кононов в тюрк. **jāšil* выделяет «малопродуктивный аффикс демунива» *-ʔl*: др.-тюрк. *jaš-il* «зелененький, голубенький» > «зеленый», «голубой» < *jāš* «молодой», «зелененький» (Кононов, 1980, 97). Версия А.Н. Кононова с семантической стороны выглядит наиболее правдоподобной. В пратюркском языке холодная часть спектра обозначался одним словом **kō:k* «синий+голубой+зеленый», то есть индифферентно. Слово **jāšil* изначально относилось, очевидно, только к цвету молодой травы. В ряде

тюркских языков и сейчас прослеживается эта древняя связь слова **jašil* с цветом молодой травы, зелени, ср.: каз. *žašil* «цвет молодой травы, листвы» («жапырақтың, жас шөптің түсіндей түс»); «неувядшая, не пожелтевшая зеленая мягкая сочная трава, растительность» («шөптің, өсімдіктің қурамаған, сарғаймаған көк балауса кезі»); *žašil želek* «распускающая листья, зеленеющая растительность» (букв. «зеленое покрывало невесты»); *kök žasil, žasil kök* «ярко-зеленый», «светло-зеленый», «салатно-зеленый», «лазурный», «лазоревый», «бирюзовый», «зеленовато-голубой («ашық, шымқай жасыл, көк пен жасыл аралас»)) (см. ҚТТС, III, 725-726»); но каз. *kök* «синий, голубой», «серый (о масти скота)» и «зеленый (вообще)»; чув. *šulžä* «лист», «листва»; *ježel* «зеленый (в основном о растительности)», но *simēs* «зеленый (вообще)» и т.д. Все это однозначно указывает, что тюрк. **jäšil* «зеленый», «зелень» является диминутивной формой на *-il*, образованной от именной основы **jäš* «влага, влажный, сырой, свежий, молодой, юный», «возраст, год (жизни)» и т.п. (см. каз. *žas* «молодой» и *žas* «слеза») с изначальным значением «свеженький, молоденький (о первой весенней траве, листе, растительности)», а уже отсюда развилось вторичное значение «зеленый» (первоначально только о растительности).

Л.С. Левицкая, видимо, придерживается версии об отглагольном происхождении тюрк. **jäšil* «зеленый» и в ее поддержку приводит следующие аргументы (ЭСТЯ, 1989, 165):

1) в ряде тюркских языков (тур., осм., лобн.) отмечена основа *jašil-, jäšil-* «зеленеть» (вероятно, < *jaši-* + *-il-* или **jaš* + *-il-*);

2) в турецких диалектах отмечены имена *ješim* «зеленый» и *ješit*, которые, возможно, являются отглагольными дериватами на *-m* и *-t* от **ješi-* «зеленеть», «быть зеленым»;

3) о возможности существования глаголов **jaš-*, **jaši-* «зеленеть» вроде бы свидетельствуют структурные модели таких глаголов, как *qiz-*, *qızı-* «краснеть, накаливаться»;

4) наличие в некоторых тюркских языках отглагольных имен на *-l*, в том числе и адъективов с качественным значением, например, тур. *kumral* «светло-каштановый» < *kumra-* + *-l* (об аффиксе *-l* см. Ramstedt, 1952, 144-147; Рамстедт, 1957, 132-134).

Производящая глагольная основа **jäš-*, **jäši-* «зеленеть» нигде не зафиксирована, поэтому данная этимология представляется весьма проблематичной.

По мнению М.А. Хабичева, к.-балк. *žašil* исторически восходит к *žašgil*, как это имеет место в кумыкском языке: *jašil* «зеленый» < *jašyil* «зеленоватый», *qizil* «красный» < *qizyil* «красноватый», где *qiz* «горячий», а *-yil* – имяобразующий аффикс (Хабичев, 1971, 176). Деривационная модель: именная основа + аффикс *-yil* для тюркских языков реальна и подтверждается такими образованиями, как алт., лебед. *jašqil*, тел. *d'ašqil* «сизый» (Радлов, III, 249) < *jaš* «влажный, сочный, свежий, зеленый» + аффикс не-

полноты признака *-qil* ~ *-yil*; ср. также др.-тюрк. *qiryil* «седой», «человек средних лет»; *ürüg qiryil* «седой» < *qir* «караковый (о масти)» (ДТС, 445, 446, 627); каз. *taryil* «полосатый», «тигровая масть» и т.п. (об аффиксе *-yil/-gil* подробнее см.: Севортян, 1966, 192; Щербак, 1977, 115). Однако выражаемое аффиксом *-yil* значение неполноты признака в таких словах, как *jašil* «зеленый», *qizil* «красный» не ощущается, оно прослеживается только в формах типа *jašqil* «сизый» (< «зеленоватый»), *jašqilt* «зеленоватый», *qizyil* «красноватый», каз. *bozyil*, *bozyilt*, *bozyiltım* «бледноватый», *saryilt(ım)* «желтоватый, бледно-желтый» и т.п. Отсюда проясняется, что в тюркских языках формы *jašil* «зеленый» и *jašqil* «сизый, зеленоватый» образованы с помощью аффиксов: *-il* с диминутивным значением и *-yil* со значением неполноты признака.

Итак, критический обзор существующих в тюркологической литературе основных версий этимологизации тюрк. **jāšil* «зеленый» показывает, что наиболее приемлемой и правдоподобной оказывается этимология, предложенная А.Н. Кононовым. Поэтому мы считаем, что тюрк. **jāšil* «зеленый» исторически является диминутивной формой на *-il* от именной основы **jāš* «влага, влажный», «сырой, свежий, молодой, зеленый» – первоначально только о зелени, растительности. Исходным значением слова **jāšil* следует признать сему «молоденький», «зелененький».

Тюркское *jašil* «зелень», «зеленое (растение)» проникло в монгольский, ср.: п.-монг. *jašil* «крушина», *Rhamnus erythroxilon* (Lessing, 1960, 429); х.-монг. *jašil* «сибирская язва»; *jašil* «темнокрасный, цвет бордо, вишневый цвет», *jašil torγō* «гладкий, одноцветный без узоров атлас фиолетового цвета» (БАМРС, IV, 470); ? бур. (мухор-шибир. гов.) *jašäl* «кочка плода»; калм. *jašäl* «ясень»; «вишневое дерево с темнокрасной корой»; *jašäl torγōn* «атлас, шелковая материя» (см. Ramstedt, 1935, 217); *jāšēl* «атлас, шелковая ткань» (Ramstedt, 1935, 217); ойр. *jašil* «ясень, ясеневый»; *jašil torγōn* «шелк ясеневое (красно-коричневого) цвета» (Тодаева, 2001, 183); монг. *jasil* «buckthorn» («крушина». – Ж.Т.) (Clark, 1980, 41). Специалисты монгольские формы считают тюркизмами (см. Ramstedt, 1935, 217; Posch, 1958, 281, Clark, 1980, 41) и выводят из тюрк. *jašil* «зеленое (растение)».

Возведение монгольского *jašil* «крушина», «ясень» и т.п. к тюрк. *jašil* «зеленый» с материальной стороны особых возражений не вызывает. Правда, при этом следует оговориться, что в монгольские языки тюркское слово попало не ранее XIII-XIV вв., так как в более ранних заимствованиях анлаутный тюркский *j-* в монгольском трансформируется в *ǰ-*.

Значительные трудности возникают при мотивации развития семантики в монгольских языках. В качестве рабочей гипотезы можно предложить следующую схему развития семантики слова *jašil* в монгольских языках: тюрк. *jašil* «зеленый (о растениях)» → монг. *jašil* «рано цветущее (еще до распускания листьев) желтовато-зеленоватыми цветами дерево (напр., вяз, ильм, ясень, ольха и т.п.)» > «кора такого дерева (обычно красновато-

бурого цвета из-за большого количества дубильных веществ» > «краситель (дубильный экстракт) добываемый из коры этих деревьев» > «красновато-коричневый, бордовый цвет», «темно-рыжая масть» > «материал (шелк, атлас) красно-коричневого, фиолетового цвета» > «атлас»; а также: «темнокрасный» > «сибирская язва» (по внешним симптомам болезни – язвам темнокрасного цвета).

Вполне возможно, что частично эти значения были представлены уже в тюркском источнике монгольского слова, ср.: *jāšil* «темнорыжая лошадь» (Laude-Cirtautas, 1961, 107; без указания на источник), тур. диал. *ješil at* «окрас, масть лошади» (DD, III, 1520); якут *sasil* «лиса», «лисица»; «лисий мех» (< «желтый», «рыжий»); ср. также *sahar-* «желтеть»; «краснеть» (см. Пекарский, 1926, VIII, 2116; 2119-2120). Монгольское происхождение турецких и якутских форм не реально, так как для турецкой формы не обнаруживаются промежуточные (вост.-тюрк., чаг.) соответствия, а якут. *sahil* ~ *sasil* «лиса» уже по анлаутному *s-* нельзя относить к монголизмам, так как в поздних (после XIII-XIV вв.) заимствованиях монгольский *j-* в якутском дает *d'-/ž-* (см. Широбокова, 2001, 75 и след.), а монгольский *j-*, в свою очередь, указывает на довольно позднее заимствование из тюркского.

Авторы-составители «Этимологического словаря алтайских языков» тюрк. **jāšil* ~ пратюрк. **jāl'-il* «зеленый» сближают с праалт. **žil(ü)ge* «зеленый луг» в качестве гемуинного на праалт. уровне (EDAL, II, 1015), ср.: ср.-монг. *žolge* (SH, см. Doerfer, 1963, 295), п.-монг. *žolge* (Lessing, 1085: *žülge*), х.-монг. *žüleg*, бур. *zülge*, калм. *zölgě*, монгол. *čorgō* «долина с рекой посередине» (Smedt, Mostaert, 1933, 440).

Очевидно, что здесь без всяких комментариев объединены два паронимичных слова: **žölgě* «зеленый луг» и **žölkě* «долина с рекой посередине», ср.:

1) ср.-монг. **žölke* (чит.: *žölge*) (GG, 84; Doerfer, 1963, 295); *žölke* «долина с рекой посередине» (Козин, 1941, 567, 614); *žölke* (SH) «поток, течение», «река, ручей» (Poppe, 1955, 117); х.-монг. *žülxě* «большая река», «середина реки», «наиболее глубокая часть русла реки» (БАМПС, II, 247); бур. *zülxě* «середина течения реки»; «большая река»; *Zülxě mürěñ* «река Лена»; (эхир.) *nařin zülxě* «верхнее течение реки Лень» (Poppe, 1955, 117), монгол. *čorgō* «долина с рекой посередине» (Smedt, Mostaert, 1933, 440), *ᠲᠢᠰᠤᠭᠣᠷᠭᠠᠨ* «тж.» (Poppe, 1955, 117);

2) п.-монг. *žülge* «зеленый луг», «лужайка», «молодая трава» и проч. (Lessing, 1960, 1085); **žölge* «молодая трава, зелень, дерн, газон, мурава»; «луг, лужайка» (Kowalewski, 1849, 2415); х.-монг. *žüleg* «зеленый луг, мурава, лужайка»; «дерн, газон» (БАМПС, II, 247); бур. *zülgě* «мурава, лугovina, луг»; калм. *zölgě* «зеленый луг», «лужайка, площадка со свежей травой» (Ramstedt, 1935, 477), ойр. *žülgen* «зеленая трава-мурава» (Тодаева, 2001, 169); в говорах Внутренней Монголии: хорч., архорч., бар., чах. *züleg*, орд. *zülge* «зеленый луг», «мурава» (Тодаева, 1981, 161).

Генетическая связь между монгольскими словами **žölke* «долина реки» и **žülge* «зеленый луг» не выяснена, но она вполне возможна, если, конечно, исходить из следующего направления развития семантики: «долина реки» > «лощина (с водой и без нее)» > «долина, покрытая зеленью» > «зеленая лужайка» и т.п.

Семантика тюрк. *žülge* ~ **žülge* (← ср.-монг.) вроде бы указывает на правомерность такого предположения, ср.: туркм. *žülge* «ущелье, долина»; диал. *žilwe* «долина» (Куренов, 1959, II, 204); тур. диал. *žülge* «проток, поток», «ровное незасаженное поле» (DS, III, 1206; DD, I, 290); тур. диал. *žilga* «узкая, тесная каменистая дорога, тропа» (DS, III, 910); чаг. *žölge* «равнина»; «луг»; «зелень»; «окрестности города или район города» (Vámbéry, 1867, 281); чаг. *čörgä, čörgäh* (<*čöl* + *gäh* «место») «долина, поляна, покрытая зеленью и проточной водой, у подошвы горы» (Будагов, 1869, I, 499); узб. **žülgä* «орошаемая равнина» (Ligeti, 1961, 222); каз. *žülgö* «маленькая лощина с водой или без нее» (Катаринский, 1897, 83); каз. диал. *žulya* «ложе ручья, лощина»; *žilawa(n)* «ложе ручья», «длинная впадина» (Аманжолов, 1959, 380); кир. (= каз.) *žülgö* «маленькая лощина (с водой или без нее)» (Радлов, IV, 186) и др. (см. ЭСТЯ, 1989, 36-38). Приведенные здесь тюркские слова, по мнению специалистов, являются среднемонгольскими заимствованиями (Ligeti, 1961, 222; Doerfer, 1963, 294-296; ЭСТЯ, 1989, 36-38; EDAL, II, 1015).

В монгольских языках представлены еще следующие формы: х.-монг. *žalyä* «овраг, балка, узкий лог, ложбина, лощина»; «падь, ров»; «буерак, впадина» (БАМРС, II, 157); бур. *žalyä* «лощина, ложбина», «овраг, балка», «лог, падь, ров»; калм. *džilyä* «русло реки», «сухое русло реки (с высокими берегами)»; «ручей», «крутой обрыв» (Ramstedt, 1935, 109), которые, судя по всему, являются диахроническими заимствованиями из разных тюркских языков (подробнее см. каз. *žilya*, «ложбина, балка», «ручей»; *žülgö* «маленькая лощина»; *žulya* «ложе ручья»). И.Г. Добродомов полагает, что «тюрко-монгольское название реки **julya* ~ **žilya*, распространенное на западе тюркского языкового мира (тур., туркм., тат., башк., каз., к.-калп., уйг. и т.п.), возможно, является ранним монголизмом, который контаминировался с монголизмом же *žülge* «долина, поле», а также с общим названием реки **jul* (в каз. диал. форме *žulya*), которое, вероятно, развивалось из более раннего **jul* «источник, родник» (= чув. *šäl*), через ступень «ручеек, ручей, проток»... (СИГТЯ, 1997, 89; ссылки на источники пропущены). Очевидно, монг. *žölge* «долина с речкой посередине» все же является относительно ранним тюркизмом и восходит к пратюркскому **julaq* ~ прабулг. **žulaq* «ручей» (<**jul* ~ прабулг. **žul* «источник, ручей»); ср.: др.-тюрк. *jul*, *jul* «источник», «ручей» ~ чув. *šäl* «источник, родник, ключ»; др.-тюрк. **julaq* «ручей, поток» (ДТС, 277, 278; Clauson, 1972, 917-918, 925).

В «Этимологическом словаре алтайских языков» тюрк. **jul* «река, ручей» (ср.: др.-тюрк., карах., сал. *jul*, хак. *čul*, ойр. *jul*, чув. *šäl*) сравнивается

с монг. **ǰɣɣa* «русло реки, ущелье» как гомогенное на алтайском уровне (EDAL, II, 1543).

Итак, выясняется, что первичным значением монг. *ǰulge* «зеленый луг» было «ручей, река», «долина с речкой», основывающееся не на идее зелени, зеленого цвета, а на идее воды, реки. Следовательно, сближение монг. *ǰulge* «зеленый луг, лужайка» с тюрк. *jašil* «зеленый» в качестве гомогенных с семантической стороны не подтверждается. С фонетической стороны требует серьезного обоснования возможность корреляции тюркского *ā* первого слога с монг. *ö/ü* в данном фонетическом окружении.

Исходя из изложенного можно уверенно констатировать, что между тюрк. **jašil* «зеленый» и монг. **ǰöl(ü)ge* ~ **ǰulge* «зеленый луг, лужайка» не имеются ни генетические, ни контактные связи.

Основные выводы проведенного компаративно-контрастивного исследования заключаются в следующем:

1) тюрк. **jašil* «зеленый» является исконным словом, представляющим собой диминутивную форму на *-il* от именной основы **jaš* «влажный, свежий сочный, зеленый, молодой»;

2) тюрк. **jašil* «зеленый» → ср.-монг. *jasil* «зеленое дерево» > «ясень»; «крушина» > «красно-коричневый»; «бордовый», «вишневый», «темно-рыжая масть» > «материал красно-коричневого, бордового, вишневого, фиолетового цвета» > «атлас, шелк»; «сибирская язва»;

3) сближение тюрк. **jašil* ~ **jal'il* «зеленый» с монг. **ǰöl(ü)ge* «зеленый луг» филологически не корректно.

Подробнее см.: Vámbéry, 1867, 125; 1877, 378-379; Bang, 1925, 20-21; Ramstedt, 1935, 107, 109 217, 477; 1949, 37; 1952, 145; Brockelmann, 1954, §72; Poppe, 1955, 117; Рамстедт, 1957, 133; Posch, 1958, 281; Lessing, 1960, 429, 1087; Laude-Cirtautas, 1961, 61-68; Ligeti, 1961, 222; Doerfer, 1963, 294-296; Егоров, 1964, 62; Лигети, 1961, 12; Севортян, 1966, 192; Räsänen, 1969, 192, 200; Хабичев, 1971, 68; Clauson, 1972, 917-918; 925; 978; Фасмер, 1973, IV, 572; Шипова, 1976, 443; Кононов, 1980, 97; Clark, 1980, 41; ЭСТЯ, 1989, 37-38, 161-164, 164-165; Stachowski, 1993, 93; Федотов, 1996, I, 145-146; 2002, 72-73; СИГТЯ, 1997, 89; Эхмэтьянов, 2001, 266; EDAL, II, 961, 981, 986, 1003, 1015, 1543.

ЖАСЫМЫҚ «чечевица», «мелкая, плоская разновидность гороха» (ҚТТС, III, 726), диал. *žasmiq* «чечевица, гороховидное растение» (Аманжолов, 1957, 377); *žasimiq* «мелкая, плоская разновидность гороха»; «чечевица»; «кукуруза» (*žügeri*) (ҚТДС, 1969, 114) < пратюрк. **jasī-miq* «чечевица» < **jas-* «делать плоским, сплющивать», букв. «сплюснутый» (см. СИГТЯ, 1997, 464-465); ср.: др.-тюрк., др.-уйг. (с VIII в.) *jasımuq*, чаг. (XIV в.) *jasmuq* «чечевица»; хорезм. (XIV в.) *jasmuq*, кыпч. (XIV в.) *jasmiq* «чечевица» (см.: ДТС, 245: *jasımuq* «просо»?; Clauson, 1972, 975); туркм. *žasmiq* «клоп-воночка»; диал. *jasmıq žöwön* «сорт джугары» (ТДГДС, 99); осм. *jasmıq* «чечевица» (Радлов, III, 225); тур. *jasmik* «чечевица»; тур. диал. *jostmuq* «чечевица» (DD, III, 1541); сал. *jasmıx* «чечевица, горох» (Тенишев, 1976, 348); чаг. *jasmuq* «чечевица» (Радлов, III, 220); уйг. *jesımuq* «чечевица»; тар. *jesımuq* «чечевица» (Радлов, III, 220); узб. *jasmıq*, *jasmuq*, *jasmıq* «чечевица»; диал. *jasmıq* «разновидность пшеницы» (Мадрахимов, 1973, 142); тат. *jasmıq* «чечевица»; *küz jasmıyı* «хрусталик (глаза)»; каз(ан.-тат.) *jasmıq* «чечевица» (Радлов, III, 225); *žasmiq* «чечевица» (Радлов, IV, 50); тат. диал. *jasmaq* «чечевица»; *jasmıq pécän*, *jasmıq ülänë* «ярутка полевая»; «погремок»; «мышинный горошек» (ТТДС, 1969, 593); *jasmik* «чечевица» (ТТДС, 1993, 111); башк. *jaǝmıq* «чечевица»; башк. диал. *jaǝmıq* «вика»; «плоский»; «широкий»; *jaǝmaq borsayı* «чечевица» (ДСБЯ, 2002, 114); ног. *jasmog* «чечевица»; к.-калп. *žasmiq* «чечевица»; кирг. диал. *žasımuq* «название растения белого цвета, поверхность которого мелко разукрашена, зерно меньше гороха» (Мукамбаев, 1976, 566); чув. *jasmäq* (← тат.) «чечевица» и т.д. (перечень форм и значений см.: Räsänen, 1969, 191; Егоров, 1964, 354; Clauson, 1972, 975; ЭСТЯ, 1989, 154; Дмитриева, 1972, 217; Федотов, 1996, II, 504-505; 2002, 467; СИГТЯ, 1997, 464-465; EDAL, II, 1514-1515).

В современных тюркских языках слово имеет ограниченный ареал распространения, оно не встречается в куманско-кыпчакских, азербайджанском, чувашском и сибирских языках. В огузских языках для названия чечевицы более употребительны другие слова: туркм. *mäşe* (← перс. *māš*, *māšäk* «маш (бобовое растение)», «горох»); тур. *merzimek*, аз. *märçimäk* (← перс. *mār.žömäk*) «чечевица».

В основе *jas(i)muq* безусловно лежит глагольная основа *jas-* «делать плоским, сплющивать»; ср. тур. *jas-* «выравнивать»; «делать плоским, сплющивать»; «сглаживать» и т.п.; отсюда тюрк. *jas(s)ı* «плоский» (см. Clauson, 1972, 973-974; ЭСТЯ, 1989, 155-156).

Однако в существующей специальной литературе встречаются разные толкования этимологии *jasmıq* «чечевица». Одна группа исследователей считает его производным непосредственно от глагола *jas-* «делать плоским, уплощать», *jası* «плоский», образованным с помощью аффикса *-miq ~ -muq* (см. Севортян, 1966, 308-309; Щербак, 1977, 108, 119). Модель отглагольных имен на *-miq* хорошо известна в тюркских языках и представлена многими образованиями. Это мнение разделяют В.Г. Егоров

(1964, 354), Э.В. Севортян (1966, 309), Дж. Клоусон (Clauson, 1972, 975), М.Р. Федотов (1996, II, 504-505; 2002, 467) и др. Отглагольный характер *jasmiq* вроде бы косвенно подтверждается семантикой туркм. диал. *jasmiq* «плоский» (ТДГДС, 99), уйг. *jesmiq* «плоский», башк. диал. *jaŭmiq* «плоский», «широкий» и т.д. (см. ЭСТЯ, 1989, 154), хотя нельзя исключить и возможность образования формы *jasmiq* в результате стяжения более раннего *jasımıq*.

Другая группа исследователей, видимо, исходя из варианта *jasımıq*, трактует это слово как производное от именной основы *jası* «плоский» (< *jas-* «сплющивать», «уплощать»), а аффикс *-miq* в данном случае выступает со значением неполноты признака (Севортян, 1996, 310; Гарипов, 1959, 81; Щербак, 1977, 108, 119). Этой точки зрения придерживаются Б. Аталай (Atalay, 1942, 214), М. Рясänen (Räsänen, 1969, 191); Ж. Дени (Deny, 1920, 582), А. Зайончковский (Zajaczkowski, 1938, 24), Р.Г. Ахметьянов (Әхмәтъянов, 2001, 265) и др.

Из двух основных версий этимологизации *jasmiq* «чечевица» (более подробное изложение обеих версий см. Дмитриева, 1979, 77-78) наиболее достоверной представляется вторая. Название чечевицы в тюркских языках образовано от *jas(s)ı* «плоский» с помощью аффикса *-miq* ~ *-miq*, выражающего неполноту признака, ср. тюрк. *alamıq* «пестроватый» (< *ala* «пестрый»), *qızamıq* «краснуха», «корь» (< *qızıl* «красный», букв. «красноватый»), *qaramıq* «ветряная оспа»; узб. *qoramıq* «название растения» (< *qara* «черный», букв. «черноватый»); узб. *čakamıq*, *čaqamıq* «лопух»; кирг. *bozomıq* «сероватый», каз. *qaramıq* «куколь (сорная трава)»; «краснуха (детская болезнь)»; букв. «черноватый» и т.д. Следовательно, *jasımıq* первоначально значил «плосковатый», «уплощенный», «сплюснутый» и т.п. Значение «плоский» сохранилось до сих пор в некоторых диалектах (см. выше). Этот круг семем хорошо передает специфическую форму и чечевичного зерна, и растительного клопа-черепашки, и хрусталика глаза (ср. нем. *Linse* «чечевица»; «линза»), и семенных коробочек-стручков ятрышника и т.д. (ср. также узб. диал. *jasmiq* «вид утки», видимо, по плоскому клюву, ср. лобн. *jası* «широкий – о клюве птицы»).

Авторы «Этимологического словаря алтайских языков» тюрк. *jas(s)ı* «широкий и плоский» сравнивают с монг. **dasinga* «доска, полка» (EDAL, I, 465-466), а тюрк. **jasımıq* «чечевица» – с монг. *sisi* «кукуруза», «гаолян, сорго», «боб(ы)» (EDAL, II, 1514-1515), что, конечно, далеко не корректно.

Остановимся на этих тюркско-монгольских соответствиях более подробно.

Тюрк. *jası* ~ *jassı* ~ *jası* «плоский» представляет собой именной дериват от глагола *jas-* «делать плоским», «сплющивать(ся)», «стать плоским» (Vámbéry, 1867, 127; 1877, 380-381; Räsänen, 1969, 191; Clauson, 1972, 973-974; ЭСТЯ, 1989, 153-154, 155-156; СИГТЯ, 1997, 97-98).

В древних тюркоязычных письменных памятниках слово представлено с VIII века, ср.: др.-тюрк., др.-уйг. (VIII в.) *jası*, карах. (XI в.) *jası*, ср.-кыпч. (XIII в.) *jası*, (XIV в.) *jassı* «плоский» (см. ДТС, 245; Clauson, 1972, 973-974;

Orkun, 1987, 887); туркм. *jasi*, диал. *jassi* «плоский»; перен. «широкий»; осм. *jasi* «плоский, широкий, ровный» (Радлов, III, 219-220); *jatsi* «широкий, сплющенный (о носе)» (Радлов, III, 206); *jassi* «плоский, широкий» (Радлов, III, 224); тур. *jasi tura atmak* «играть в орлянку»; *jassi* «плоский, сплющенный»; тур. *jassi* «широкий, плоский» (Будагов, 1871, II, 332); аз. *jasti* «плоский», «ровный», «имеющий небольшую толщину»; «придавленный, приплюснутый»; «приземистый, низкий»; «пологий»; «отлогий»; гаг. *jasi* «плоский, пологий»; «сплющенный, приплюснутый»; чаг. *jasi* «плоский, широкий, ровный» (Радлов, II, 220); *jassi* «плоский, широкий» (Радлов, III, 224); вост.-тюрк. *jasi* «плоский, широкий» (Zenker, 1876, 951); уйг. *jesä* «сплюснутый, сплющенный, плоский»; *jesä qil-* «сплюснуть, сплющить»; *jesä biläjzük* «плоский браслет»; *jesili-* «сплюснуть, сплющить»; уйг. (хам.) *jesi* «нечто плоское» (Малов, 1954, 155); (синьцз., кер.) *jesi* «плоский, сплющенный» (Малов, 1961, 116); лобн. *jasi* «широкий (о клюве птицы)» (Малов, 1956, 119); тар. *jesi* «плоский, широкий» (Радлов, III, 220); чаг. *jasqa* «плоский, ровный» (Радлов, III, 220); узб. *jassi* «плоский, приплюснутый»; куман. *jassi* «плоский, широкий» (Радлов, III, 224); кумык. *jassi* «плоский, ровный, равнинный»; к.-балк. *žassi* «широкий, плоский»; тат. *jassi* «плоский, сплюснутый, приплюснутый»; каз(ан.-тат.) *jasti* «плоский», «плоскость» (Радлов, III, 223); тат. диал. *jassi* «широкий»; «толстый, полный» (ТТДС, 1969, 168); *žassi* «широкий» (ТТДС, 1969, 567); *žasti* «плоский» (ТТДС, 1969, 568); *žastıq* «шириной в ... » (ТТДС, 1969, 568); башк. *jaŋ, jaŋq* «плоский», «широкий», башк. диал. *jahi* «широкий» (ДСБЯ, 2002, 115); алт. *jazi* «широкий, плоский» (Будагов, 1871, II, 332); *jazi* «поле»; «широкий»; *jazi baliq* «карась» (букв. «широкая рыба». – Ж.Т.) (Вербницкий, 1884, 67; ГАЯ, 135, 164) и др. В алтайском *jazi*, очевидно, имеет место контаминация двух омоформ: *jazi* «поле, степь» и *jazi* (< *jasi*) «широкий» (см. СИГТЯ, 1997, 97-98).

Слово *jasi* «плоский» в современных тюркских имеет ограниченный ареал распространения и охватывает огузские, карлукские и часть кыпчакских (за исключением канглыских, периферийных и караимского) языков. В материальном отношении выделяются три формы: *jasi*, *jassi* и *jasti*.

Форма *jasi* «плоский» доминирует в письменных памятниках, она сохраняется в уйгурском (*jasi*, *jesi*, *jesä*), турецком (параллельно *jassi*), туркменском (параллельно *jassi*), гагаузском и башкирском (*jaŋ, jahi*) языках.

Форма *jassi* впервые появляется в кыпчакоязычном памятнике XIV века – словаре Абу-Хайяна «Китаб ал-Идрак...» (Саferoĝu, 1931, 94) и сохраняется в кумыкском, карачаево-балкарском (*žassi*), туркменском данная форма, видимо, имеет среднекыпчакское происхождение (ср. вост.-тюрк. *jasi*, чаг. *jasi*, уйг. *jasi*, *jesi*, *jesä*, но узб. *jassi*; осм. *jasi*, но тур. *jassi*; туркм. *jasi*, параллельно *jassi*).

Не совсем понятна природа формы *jasti*, представленной в узком кругу языков: тат. диал. *žastı* (при лит. *jassi*), аз. *jasti* и тур. диал. (газиантеп.)

jazdı «плоский» (Aksoy, 1946, III, 737). Скорее всего эти формы являются специфическими кыпчакскими фонетическими вариантами, возникшими в диалектах канглыйского типа (ср.: тат. диал. *žastī* «плоский» ~ каз., к.-калп. **žastī* < **jassi* «тж.»; к фонетическому развитию ср.: тюрк. *issiq* «горячий, теплый» > каз. *istiq* «тж.»). Следовательно, аз. *jasti* и тур. диал. *jazdı* «плоский» можно квалифицировать как заимствования из кыпчакских диалектов канглыйского типа, а это уже служит дополнительным аргументом в пользу мнения о кыпчакском происхождении огузских форм типа *jassi* «плоский».

В *jasi* «плоский», «широкий» уверенно вычленяется производящая глагольная основа *jas-* «расстилать», «становиться плоским», «уплощать», «выплющивать», «делать плоским» и словообразующий аффикс *-i*, реализующий значение признака (подробнее см. Clauson, 1972, 973-974; ЭСТЯ, 1989, 156).

Прамонгольское **dasinga* «доска, полка», с которым в качестве генуинного на алтайском уровне сближается тюркское **jasi* «плоский и широкий» (см. EDAL, I, 465-466), имеет узколокальный характер, ср.: п.-монг. *dasiŋa* «доска», «полка» (Lessing, 1960, 236), х.-монг. *dašingā* «доска, перекладина (напр. для перехода через канаву)»; «нары», «полки под потолком для вещей»; «антресоль»: *dašingāt* «этажерка, полка, открытый шкаф без дверей (для одежды)» (БАМРС, II, 42). В других монгольских языках соответствия не обнаруживаются. Это наводит на мысль, что данное слово, скорее всего, является новообразованием на монгольской почве. Возможно, однокоренным с *dašingā* «полка», *dašingāt* (мн.ч.) «этажерка» является х.-монг. *dašla-* «прилаживать, прикладывать»; «касаться чего-либо, находиться рядом»; ср.: *dašlan bari-* «пристраивать один дом к другому, возводить пристройки» (БАМРС, II, 42-43); ср. также: х.-монг. *taširla-* «класть одно на другое»; «равнять» (БАМРС, III, 206). Если эти сближения верны, то в приведенных монгольских словах можно выделить основу **daši* (< **dasi*) «нечто прилаженное, пристроенное, находящееся рядом». Однако сближение монгольского **daši* с тюрк. *jasi* «плоский» семантически невозможно.

Рассмотрим теперь монг. **sisi* «кукуруза»; «гаолян, сорго», «бобы», которое сближается в качестве гомогенного на приалтайском уровне с тюрк. *jasımuq* «чечевица» (EDAL, II, 1514-1515). В монгольских языках **sisi* «гаолян, сорго» также имеет ограниченный ареал: п.-монг. *sisi* «гаолян, сорго» (Lessing, 1960, 719); х.-монг. *šiš(ě)* «сорго гаолян (род проса)»; *nojōn šišě* «маис» (БАМРС, IV, 364-365); ойр. *šišā:* «кукуруза» (Тодаева, 2001, 458); калм. *šišā* «боб», «маис»; *erdēn šišā* «кукуруза»; *šiš* «маис»; «боб» (Ramstedt, 1935, 361); *šöš* «турецкие бобы (türkische bohnen)» (Ramstedt, 1935, 367; со ссылкой на Zwick, 1853, 400); в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., шгол., уцаб., горл., архорч., бар., *šiš* «сорго, гаолян» (Тодаева, 1981, 264).

Г.Й. Рамстедт монг. *sōsū, sūsū, šiši* «сорго» (Голстунский, II, 388), калм. *šiš* «сорго», *erdeni šiši* «маис» сопоставляет с маньчж. *šušu* (Захаров, 1875, 684) «*holcus sorgum*» и сино-кор. *sju-sju* «Chinese broom-corn, Barbados millet», кор. *šušu* «гаолян» (Ramstedt, 1935, 361; 1949, 245).

Тунгусо-маньчжурские формы (нан. *siso*, маньчж. *šušu* «сорго, гаолян» → кор. *susu* «гаолян») очевидно, имеют монгольское происхождение (см. ТМС, II, 99; Rozycki, 1994, 196; ср. также маньчж. *šušu* «темно-красный», см. ТМС, II, 430, где приводятся китайские соответствия).

Авторы «Этимологического словаря алтайских языков» (EDAL, II, 1514-1515) в качестве изначально родственных с тюрк. *jasıtuq* «чечевица» и монг. *sisi* «сорго, гаолян» рассматривают следующие тунгусо-маньчжурские формы: прат.-маньчж. **sibsV* «чечевица»; маньчж. *sisa* «го-рох (мелкий)», «чечевица» (см. ТМС, II, 98, где оно дано под заглавным словом *sisa* «гранит» вместе с нан. *sisa* «гранит», «мрамор»; *sisaqta* «град»); ульч., нан. *siusi* «чечевица» (ТМС, II, 100), однако genuинность приведенных тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских форм весьма проблематична.

Первичным значением монгольских форм, по всей видимости, является «сорго, гаолян» и другие виды проса, а на кукурузу слово *šiši* (вернее – атрибутивная синтагма *erdeni šiši* букв. «драгоценное сорго») была перенесена поздно, только после распространения кукурузы в центральноазиатском регионе; ср. аналогичный перенос семантики в каз. *žügeri*, к.-балк. *žügeri*, кирг. *žügorü*, узб. *žüxori* «просо» > «кукуруза»; ср. также: кирг. *meke žugörü* «кукуруза» (букв. «просо из Меки») и т.д.

При объяснении перехода семантики «просо» > «боб», «чечевица» надо иметь в виду, что он относится прежде всего к плодам (зернам, бобам) этих растений, а не к самим растениям. Чечевица относится к семейству бобовых, а просо (сорго, гаолян) – к семейству злаковых и по морфологическому строению эти растения резко отличаются друг от друга. Поэтому перенос значения «чечевица» > «просо» и обратно по внешнему строению данных растений невозможен. Такой сдвиг семантики возможен только относительно семян этих растений. Семена некоторых видов проса и чечевицы по внешнему виду – форме, окраске, размеру – достаточно близки друг к другу. Так, например, диаметр семян разных видов чечевицы колеблется в пределах от 3 до 8 мм, окраска их весьма разнообразна: белая, желтая, зеленая, серая, розовая, красная, коричневая и черная. Однако, судя по языковым и этнокультурным материалам, расширение семантики названия чечевицы за счет его переноса на разные виды проса (сорго, гаолян), а позднее также и на кукурузу, мотивировано даже не внешним сходством семян этих растений, а скорее всего их местом в пищевом рационе кочевников. Пищевые продукты (крупы, мука) из семян этих растений часто взаимозаменялись в кулинарии кочевников, что способствовало переносу названия одного продукта на другой.

Тем не менее, репрезентативный эмпирический материал однозначно показывает, что слово *jasımuq* (букв. «плосковатый, уплощенный») в тюркских языках изначально служило обозначением семян чечевицы. Это положение хорошо мотивируется уплощенной формой бобов этого растения. Впоследствии название семян было перенесено и на само растение *Ervum lens*.

«Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика» констатирует, что «данный вид бобовых выводят из Центральной Азии, из области лежавшей между Гиндукушем и Гималаями, т.е. в соседстве с предполагаемой прародиной тюрков» (СИГТЯ, 1997, 765). Между тем, Н.И. Вавилов (Происхождение и география культурных растений. Л.: Наука, 1987) установил, что центром происхождения чечевицы (*Ervum monanotos*, *Ervum ervilia* и т.д.) является Средиземноморский район (с. 144, 164-165), точнее – Пиренейский полуостров (с. 311), а в Центральной и Юго-Западной Азии нет диких родичей ни *Ervum orientale*, ни *Ervum ervilia* (с. 175).

Все это свидетельствует о том, что чечевица в Центральной Азии появилась относительно поздно. Отсюда становится понятными и этимологическая прозрачность тюрк. *jasımuq* «чечевица» (букв. «плосковатый, уплощенный»), и ограниченный ареал распространения слова, и прозрачность мотивации фитонима. Во всяком случае, нет никаких оснований проецировать тюрк. *jasımuq* «чечевица» на праалтайский уровень и сближать его с явно несовместимым монг. *sisi* «сорго, гаолян». На гетерогенность тюрк. *jasımuq* «чечевица» и монг. *sisi* «сорго, гаолян» указывают их материальная (морфологическая и фонетическая) несовместимость и семантическое различие.

Подробнее см.: Vámbéry, 1867, 127; 1877, 380-381; Zajączkowski, 1938, 24; Deny, 1920, 582; Ramstedt, 1935, 361; 1949, 245; Atalay, 1942, 214; Егоров, 1964, 354; Севортян, 1966, 309-310; Räsänen, 1969, 191; Дмитриева, 1972, 217; 1972, 77-78; Clauson, 1972, 973-975; ЭСТЯ, 1989, 153-154, 155-156; Rozycki, 1994, 196; Федотов, 1996, II, 504-505; 2002, 467; СИГТЯ, 1997, 97-98, 465-466; Әхмәтъянов, 2001, 265; EDAL, I, 465-466; II, 1514-1516; Баратов Ш. Об этимологии слова *йесітмүк* // Проблемы этимологии тюркских языков. Алма-Ата, 1990, с. 290-291.

ЖАСЫР- (*žasır-*) «прятать», «спрятать»; «укрывать», «скрывать»; *žasırın*- «скрываться»; *žasırın* «скрытый»; «тайно» (Катаринский, 1897, 73) < тюрк. **jašir-* ~ прабулг. **jal'-* + *-ir-* «скрывать, прятать, утаивать» < **jaš-* ~ прабулг. **jal'-* «прятаться, скрываться» + *-ir-* (см.: Щербак, 1981, 144 и след.); др.-тюрк. *jaš-* «скрываться», *jašur-* (побуд. ф.), др.-уйг. (с VIII в.) *jaš-*, карах. *jaš-*, ср.-кыпч. *jaš-* «прятаться» (ДТС, 246, 247; Clauson, 1972, 976, 979); др.-уйг. (VIII в.) *jašur-*, карах. (XI в.) *jašur-*, хорезм. (XIV в.) *jašur-*, куман. (XIV в.) *jašir-*, ср.-кыпч. (XIV в.) *jašur-*, осм. (XIV в.) *jašur-* «скрывать, прятать, утаивать» (Clauson, 1972, 979); туркм. *jašir-* «укрывать, скрывать, прятать»; *jaš-* «заходить, исчезать (о солнце)»; тур. *jaš-* «покрывать, закрывать, прятать»; аз. *jašir-* «прятать», «спрятать», «скрывать»; чаг. *jašir-* «скрывать, утаивать, прятать» (Будагов, 1869, I, 331); чаг. *jašur-* «скрывать» (Радлов, III, 248-249); уйг. *jošur-* «прятать, таить, утаивать, скрывать, укрывать»; тат., чаг., вост.-тюрк. *jošur-* «скрывать» (Радлов, III, 443); таранч., кашг., яркент., хам. *jošur-* «прятать», «скрывать» (Катанов, 1903, 72); узб. *jašir-* «прятать, таить, утаивать, скрывать, укрывать»; кумык. *jašir-* «прятать, таить, утаивать, скрывать»; кар. *jašir-*, *jasir-* «прятать, скрывать, утаивать»; к.-балк. *žasır-* «скрывать, таить»; «прятать»; тат. *jäšër-* «прятать, спрятать, запрятать», «скрывать, таить, утаивать», «укрывать»; каз(ан.-тат.) *jašir-* «прятать, скрывать» (Радлов, III, 246-247); *žasër-* «прятать, скрывать, таить» (Радлов, IV, 86); башк. *jäšër-* «прятать, скрывать, утаивать, укрывать»; ног. *jasir-* «прятать, скрывать, утаивать»; «прикрывать, укрывать, маскировать»; к.-калп. *žasır-* «прятать, скрывать, утаивать»; кирг. *žasır-* «прятать, скрывать, утаивать»; алт. *d'ažir-* «скрывать, укрывать, утаивать, прятать»; *jažir-* «утаивать, отрекаться, прятать, скрывать» (Вербицкий, 1884, 66); алт., тел., леб., кюэр., *jažir-*, тел., кач. *d'ažir-* «утаивать, скрывать» (Радлов, III, 255, 256); лебед. *jažir-* «утаивать, скрывать», «скрываться под различными предлогами», «отрекаться» (Баскаков, 1985, 147); хак. *čazır-* «прятать, скрывать», «таить»; «отрекаться»; шор. *čazır-* «скрывать» (Радлов, III, 1915); чулым. *čazın-* «прятаться» (Бирюкович, 1984, 70); саг. *čazır-* «заставлять прятаться»; «прятать» (Радлов, III, 1911); тув. *čazır-* «прятать», «скрывать»; *čazır-* «прятать», «скрывать»; *čazır-* «прячь, скрывать» (Катанов, 1903, 72, 427, 647, 740); тоф. (карагас.) *čazır-* «прятать» (Катанов, 1903, 72); якут. *sasar-* «прятать, скрывать, припрятывать» (Пекарский, 1926, VIII, 2116); *sasiar-* «прятать, спрятать, запрятать»; «скрывать» (Пекарский, 1926, VIII, 2119).

Производящая основа *jaš-* «прятаться» хорошо представлена в письменных памятниках (см. Clauson, 1972, 976; ДТС, 246; ЭСТЯ, 1989, 160), но в современных языках в чистом виде почти не употребляется, ср.: туркм. *jaš-* «заходить, исчезать (о солнце)», аз. диал. *jaš-* «прятаться»; с.-юг. *jas-* «скрываться, прятаться» (Малов, 1957, 37; Тенишев, 1976, 183); якут. *sas-* «прятаться, скрываться»; в других языках представлены только производные от нее формы (см.: Räsänen, 1969, 192; ЭСТЯ, 1989, 160-161; EDAL, I, 462).

А. Вамбери приводит именную омоформу *jaš* «тайно, тихо» (Vámbéry, 1867, 347), ср. чаг. *jaš* «тихий, тайный» (Радлов, III, 243, со ссылкой на А. Вамбери).

Тюрк. *jaš*- «прятаться, скрывать» традиционно сближается в качестве генуинного на алтайском уровне с монг. **dali*- «тайный, спрятанный» (Поппе, 1925, 25; Владимирцов, 1929, 865; Poppe, 1926, 105; 1960, 22-23; 77, 95, 156; Ramstedt, 1935, 73; 1957, 51; Street, 1980, 297; Miller, 1970, 127; ЭСТЯ, 1980, 138-139; Дыбо, 1996, 12; EDAL, I, 426), ср.: прамонг. **dal*- «тайный», «спрятанный», ср.-монг. *dalda* «ширма», «защита»; *daldari*- «уклониться, укрыться» (Козин, 1941, 570, 607); *dalda* «скрытое место»; *dalda bariba ħan* «хан держал втуне»; *daldadu ačaraba jamaji* (= чаг. *daldaya keltürdi nemeni*) «принес вещь в скрытое место» (Поппе, 1938, 138); п.-монг. *dalda* «тайно, скрытно, тайком»; «тайна»; «тайный», «сокровенный» (Lessing, 1960, 225); х.-монг. *dal* «теплый крытый загон для крупного скота», «навес», «хлев»; «прикрытие, укромное место», «заслон (от снежных заносов)» (БАМРС, II, 23); бур. *dal* «большой, открытый с одной сторон хлев»; «навес, двор, стайка»; *dal-damxū* «помещения для скота и домашней птицы»; *dal saraj* «навес, стайка (для скота)»; калм. *dal* «крытый теплый загон (для крупного рогатого скота)» (см. Ramstedt, 1935, 73); х.-монг. *daldä* «тайно, скрытно, тайком», «нелегально»; «тайный, скрытый, потаенный», «сокровенный», «укрытый»; «тайна»; *daldä bajr* «скрытое место»; «конспиративная квартира» (БАМРС, II, 26-27); бур. *daldä* «скрытный, потаенный, секретный, тайный»; «скрытое место, тайник»; «скрытно, тайком»; калм. *daldä* «скрытно, тайно»; «тайком секретно»; «скрытый, тайный, секретный»; «в долг, займы» (см. Ramstedt, 1935, 73); ойр. *dalda* «скрытый, тайный, секретный»; «скрытно, тайком»; «в долг, займы» (Тодаева, 2001, 113); дагур. *dalda, dalede, dalida* «тайный, скрытный», «тайно, скрытно» (Тодаева, 1986, 134); ш.-юг. *dalda* «тж.»; в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., онн., найм., шгол., уцаф., чах., орд. *daldä* «тайно, скрытно»; «тайный, скрытный» (Тодаева, 1981, 140).

Монгольское *daldä* «тайна», очевидно, является производным от *dal* «заслон», «прикрытие, укрытие» (< **dal*+ *di* < **dal*+*li* ?) с адъективной аффиксальной морфемой *-di* (восходящей, в конечном итоге, к тюрк. *-li*).

Данное монгольское слово проникло в некоторые тюркские языки, ср.: ср.-тюрк. (МА, 138) *dalda* «скрытое место»; «тайник» (Щербак, 1997, 203); туркм. *dalda* «поддержка, опора, помощь, защита, покровительство»; тур. *dalda, dolda* «заслон, навес», тур. диал. *dalda, dolda, delde, dolda, döjde* «защищенное от ветра место»; «укромное место, защищенное от дождя, солнца, ветра»; «заграждение»; «сень», «защита», «охрана»; «покровительство»; «задняя сторона чего-либо»; аз. *dalda, daldej* «укрытие, укрытое место, защищенное от солнца, ветра»; «засада»; «поддержка, помощь»; «укромный»; *dalda bužaG* «захолустье»; «захолустный»; чаг., кр.-тат. *dalda* «задняя сторона», «защита» (Радлов, III, 1636-1637); каз. *dalda* «укрытие» (Аманжолов, 1959, 369); каз. диал. *dalda* «убежище, укрытие, крыша над

головой, приют»; «прикрытие, заслон»; «шалаш» (КТДС, 82); кирг. *dalda*, *daldā* «прикрытие, укрытие, защита, убежище»; *kōzdōn dalda qıl* «субрать с глаз»; «похоронить (покойника)»; ж.-уйг. *talta* «скрытое, потайное место», «укрытый угол» (Малов, 1957, 110); ср. также каз. *daldala* «загораживать, заслонять»; «прятать, закрывать»; кир. (= каз.) *daldala* «обмануть, придавая себе вид честного человека»; аз. *daldala*-, чаг. *dal'dal'a*- «закопать, скрывать за собою, защищать» и др. дериваты (см. Радлов, III, 1637; ЭСТЯ, 1980, 138-139). В некоторых языках прослеживается контаминация с исконным *dalda* (местн. пад. от *dal* «спина, зад, тыл»), ср.: чаг. *dalda* «задняя часть (головы, какого-либо предмета)» (Pavet de Courteille, 1820, 316); тур. диал. *dalda* «задняя сторона чего-либо» и др.

В тунгусо-маньчжурских языках представлены глагольные формы, восходящие к *dal*- «закрывать», ср.: эвенк. *dal(i)*- «закрывать, заслонять»; «преграждать (путь)»; «перегораживать (реку)»; «покрывать»; ульч. *dāli*- «закрывать, заслонить»; нан. *dālia*- «скрыться, исчезнуть»; «заслониться»; маньчж. *dali*- «закрывать»; «преграждать путь»; «перегораживать (реку)»; «завешивать»; «загонять (зверей)»; «оборонять» и т.д., которые сближаются (со ссылкой на Poppe, 1960, 22-23) с монг. *dal* «теплый зарытый загон для крупного скота», бур. *dal* «навес, хлев, стойка (для скота)» и др.-тюрк. *jašur*- «закрывать» (ТМС, I, 192). Однако, гомогенность монгольских именных основ с тунгусо-маньчжурскими глагольными вызывает большие сомнения.

Тунгусо-маньчжурское *daldā*- «укрыть» (ср.: эвенк. *daldā*- «укрыть»; сол. *dalda* «тайник», эвен. *dalda* «шалаш, временное укрытие из ветвей кедрового стланика или сена»; нан. *dalda* «подстилка, кусок бересты, подкладываемый в люльку ребенка»; *daldama* «заслон, временное укрытие от непогоды из бересты, парусины, укрепленной на воткнутых в землю прутьях»; маньчж. *dalda* «навес», «тайник», «убежище»; «загородка, забор»; *dalda*- «укрывать, скрывать, утаивать, прятать» и т.п.) является заимствованием из среднемонгольского (см.: ТМС, I, 194; Doerfer, 1985, 18; Rozycki, 1994, 54; EDAL, I, 462).

Дагурское *dali*- «закрывать, заслонять, загораживать» (Тодаева, 1986, 134) следует признать монголизмом (см. EDAL, I, 462).

Согласно установившейся традиционной алтаистике традиции, тюрк. **j*- коррелирует с монг. *d*-, а тюрк. *š* ~ прабулг. *l* ~ *l'* – с монг. *l*. С учетом этих фонетических соответствий, сближение тюрк. *jaš*- «прятать(ся)» и монг. *dal* «заслон, укрытие» вроде бы не вызывает особых сомнений. Однако в тюркских языках представлены исключительно глагольные формы *jaš*- «прятаться» (представленная А. Вамбери именная основа *jaš* вызывает сомнения), а в монгольских – только именные: *dal* «укрытие», «навес», «загон» и т.п.

Постулируемое традиционной алтаистикой соответствие в инициальной позиции тюрк. **j*- (каз. *ž*-, по А.М. Щербаку, < **ʃ*) ~ монг. *d*- также весьма проблематично.

Поэтому, вопреки установившейся в алтаистике традиции соответствие тюрк. **jaš-* «прятать(ся)» ~ монг. *dal* «укрытие» следует считать скорее не генетическим, а случайным.

Подробнее см.: Поппе, 1925, 25; Poppe, 1926, 105; Владимирцов, 1929, 365; Ramstedt, 1935, 73; 1957, 51; Poppe, 1920, 22-23, 77, 95, 156; Miller, 1971, 86; Clauson, 1972, 976, 979; ТМС, I, 192; Street, 1980, 297; ЭСТЯ, 1980, 138-139; 1989, 160-161; Doerfer, 1985, 18; Rozycki, 1994, 54; Дыбо, 1996, 12; Щербак, 1997, 203; EDAL, I, 462.

ЖАТ (*žat*) «чужой»; «чуждый»; «странный» < пратюрк. **jāt* «чужой» (Räsänen, 1969, 192; Clauson, 1972, 882-883) ~ **ǰāt* «тж.» (Щербак, 1970, 196); ср. др.-тюрк., орх. (с VIII в.) *jat*, др.-уйг. (с VIII в.) *jat*, карах. (XI в.) *jat*, хорезм. (XIV в.) *jat*, чаг. (XV в.) *jat*, кыпч. (XIII в.) *jat*, *jāt*, куман. (XIV в.) *jat*, осм. (XIV в.) *jad* «чужой, посторонний»; «чужая сторона, чужбина» (см. ДТС, 247; Clauson, 1972, 882-883; Orkun, 1987, 888); туркм. *jāt*, тур. *jad*, диал. *jat*, аз. *jad*; чаг. *jat*, *jad*, др.-уйг. *jat*, узб. *jot*, диал. *jāt*, *žat*, уйг. *jat*, лобн. *jat*; кумык. *jat*, кар. *jat*, к.-балк. *žat*, тат. *jat*, башк. *jat*, ног. *jat*, к.-калп. *žat*, каз. *žat*, кирг. *žat*, алт. *jat*, *d'at*, саг. *čat*, чув. *jut*, *juDä* (← ср.-кыпч.) «чужой», «чуждый»; «посторонний»; «иностранный», «чужеземец» и т.п. (перечень форм и значений см.: Räsänen, 1969, 192; Егоров, 1964, 352; Clauson, 1972, 882-883; ЭСТЯ, 1989, 158-159; Федотов, 1996, II, 495; 2002, 461); сюда же относится чулым. *čat*, *čat*, *šat* «татарин» (Бирюкович, 1984, 69, 72, 75) (< «чужой, инородец»).

Если учесть, что в тюркских языках встречается модель парных одно-корневых слов типа: *javγan-javiz* «плохой»; *jaγin-jayiq* «близкие», *toq-todi* «сытые», *qošni* (< *qoñi*)-*qonum* «соплеменники» и т.п., то *jat-jay* можно интерпретировать как производные одной корневой морфемы **jā* «чужой», «враждебный» (см. каз. *žaw* «враг») (см. ЭСТЯ, 1989, 55-57; 158-159; СИГТЯ, 1997, 564). Однако это предположение нуждается в более фундаментальном обосновании.

Р.Г. Ахметьянов полагает, что тюрк. **jāt* «чужой» образовалось от др.-тюрк. *jayi-t* «враги» (Әхмәтъянов, 2001, 265-266).

Данное слово из восточнотюркского языка проникло среднемонгольский; ср.: ср.-монг. *žad* «чужестранец, иностранец» (Porre, 19556, 39); *žat* ~ *žad* «чужой, посторонний» (Щербак, 1997, 123, 170); ср.-монг. *žat* (= чаг. *jat*) «чужой» (Поппе, 1938, 203); п.-монг. *žat* «чужой, иностранец»; «чужеродный» (Владимирцов, 1934, 52, 59, 60, 61); х.-монг. *žad* «чужой» (БАМРС, II, 155), калм. *zad* «чужой», «незнакомец» (Ramstedt, 1935, 462); ср. также *žadaran* «чужой человек», мн. ч. *žadarad* в «Сокровенном сказании» (см. Владимирцов, 1934, 52, примеч. 4).

В «Этимологическом словаре алтайских языков» тюрк. **jāt* «чужой, иностранный» сближается в качестве гомогенного на праалтайском уровне с монг. **sadun* «свойственник», «друг» и япон. **sátuá* «приемные родители, воспитатели» (EDAL, II, 1520); ср.: ср.-монг. *sadun* (HY, 30); *sādām* (ИМ), *sadum* «родня» (Попе, 1938, 446); п.-монг. *sadun* «друг», «родственник» (Lessing, 1960, 656); *sadun bol-* «породниться (через брак)»; *nökür sadun* «друзья»; *ǰörül sadun* «семья, кровные родственники»; *uruy sadun* «родственники по браку»; х.-монг. *sadān* «состоящий в родственных отношениях»; *bujānī sadān* «друг, добродетель»; «духовный наставник»; *urāy sadān* «родные, родственники, свойственники»; *ür sadān* «родственники» (см. БАМРС, III, 68); *sadayna-* «быть в родственных отношениях»; бур. *ajl-sadān* «сосед»; *urāy-sadān* «родственники, родня»; *üri hadāhān* «потомки,

потомство»; *türēl sadānār* «родственники, родные, родня»; калм. *sadān* «родство, родня, родственники» (см. Ramstedt, 1935, 307: монг. *sadun*, маньчж. *sadun* < кит. > кор. *sadon* «родня»); ойр. *sadan* «родство», «родня, родственники» (Тодаева, 2001, 283); орд. *sadun*; в говорах Внутренней Монголии: хорч., горл., архорч., бар., шгол., уцаб., чах. *sadān*, джал., дурб. *tadan*, орд. *sadun* «состоящий в родственных отношениях» (Тодаева, 1981, 189).

Данное слово из среднемонгольского проникло в некоторые тунгусо-маньчжурские языки; ср.: орок. *sadu(n-)* «свойственник, сват (родственник по браку)»; нан. *sado(n-)* «тж.»; маньчж. *sadun* «свойственник, сват (родственник по браку со стороны жены, дочери)»; *sadun ɣala* «родня (из другой фамилии – со стороны жены)»; *sadun ɳalma* «сват» и т.п. (ТМС, II, 54; Doerfer, 1985, 119; Rozycki, 1994, 172). Китайское происхождение корейского *sadon* (см. Ramstedt, 1935, 307) авторами «Этимологического словаря алтайских языков» отрицается (EDAL, II, 1520).

Генетическое родство тюрк. **jāt* «чужой» и монг. **sadu-* «друг, родственник (по браку)» нам кажется весьма проблематичным из-за семантических (тюрк. «чужой» – монг. «родной») и фонетических (тюрк. *j-* ~ монг. *s-*) трудностей.

Подробнее см.: Ramstedt, 1935, 307, 462; Poppe, 1955 б, 39; Егоров, 1964, 352; Räsänen, 1920, 138; 1969, 192; Щербак, 1970, 196; 1997, 123; Clauson, 1972, 882-883; ТМС, II, 54; Doerfer, 1985, 119; ЭСТЯ, 1989, 158-159; Rozycki, 1994, 172; Федотов, 1996, II, 495; 2002, 461; СИГТЯ, 1997, 564; Әхмәтъянов, 2001, 265-266; EDAL, II, 1520.

ЖАТ- (*žat-*) «лежать»; «ложиться спать»; «находиться»; «принадлежать», «относиться», «иметь отношение»; «жить, остановиться», «располагаться»; *men qonaqijde žatırın* «я живу (остановился, расположился) в гостинице» < пратюрк. **jat-* «лежать, ложиться»; ср.: др.-тюрк. (орх., енис.) *jat-* (с VIII в.) «лежать», «находиться, пребывать»; др.-уйг. (VIII в.) *jat-*, карах. (XI в.) *jat-* «лежать, ложиться»; чаг. (XV в.) *jat-*, хорезм. (XIII в.) *jat-*, куман. (XIV в.) *jat-*, кыпч. (XIII в.) *jat-* «лежать», «ложиться»; «спать»; «находиться, пребывать» (см.: ДТС, 247; МК, II, 313; Clauson, 1972, 884; Orkun, 1987, 888; Айдаров, 1971, 359); туркм. *jat-*, тур. *jat-*, аз. *jat-*, гаг. *jat-*, сал. *jat-*, халадж. *jat-*; чаг. *jat-*, уйг. *jat-*, узб. *jat-*, лобн. *jat-*; кумык. *jat-*, кар. *jat-*, к.-балк. *žat-*; тат. *jat-*, башк. *jat-*; ног. *jat-*, к.-калп. *žat-*; кирг. *žat-*, алт. *d'at-*, *jat-*; хак. *čat-*, кыз. *šat-*, чулым. *čat-*, *jat-*, с.-юг. *jat*; тув. *čit-*, тоф. *čit-*, якут. *sit-*, долг. *hit-*; чув. *šit-* «лежать», «ложиться»; «спать»; «находиться», «жить» и т.п. (перечень форм и значений см.: Räsänen, 1969, 192; ЭСТЯ, 1989, 156-158; Катанов, 1903, 14, 15, 99, 422, 488 и др.). В ряде языков выступает в роли вспомогательного глагола, но в лексикографических источниках это отмечается крайне непоследовательно.

Слово достаточно хорошо зафиксировано в письменных источниках с VIII века и активно употребляется во всех классификационных группах тюркских языков (за исключением чувашского) в пределах закономерных фонетических вариаций.

А. Вамбери рассматривает в одном гнезде тюрк. *jat-* «лежать», *jaj-* «простирает» и *jaz-* «расстилать» и др. (см.: Vámbéry, 1867, 127; 1877, 380-381). Идея А. Вамбери позднее была поддержана и развита Г.Й. Рамстедтом (Ramstedt, 1936-1937, 14, примеч. 3; 1949, 17-18; Рамстедт, 1957, 149), который предпринимал попытку подтвердить реальность корня **ja-* и глубоко архаичного морфологического элемента *-t* данными тунгусо-маньчжурских и корейского языков; ср.: тюрк. *ja-t-* «лежать в постели, спать» (< **ža-t-*) ~ тунг. *-ža-* (*-že-*) «собираться», кор. *ča-* «спать» и т.п. (подробнее см. Ramstedt, 1949, 17-18). Однако правомерность морфологического членения *jat-* «лежать» вызывает серьезные возражения и для окончательного выяснения вопроса нужны дополнительные данные. Сближения А. Вамбери (Vámbéry, 1877, 380-381) в настоящее время представляют только историографический интерес.

«Этимологический словарь алтайских языков» в качестве генуинных на праязыковом уровне сопоставляет тюрк. **jat-* «лежать», «спать», монг. **de-b-* «класть, подстилать», т.-маньчж. *dē-* «лежать» и япон. *dantà-r-* «ночевать» (см. EDAL, I, 466).

Однако следует заметить, что глагольная основа **de-b-* «класть, подстилать» в монгольских языках свободно не употребляется, она выделяется только в составе производных слов, ср.: ср.-монг. *dābos-* (ИМ) «класть, подстилать»; *debüsbe* «разостлался» (Поппе, 1938, 435); *debis-* (МА) (= чаг. *töše-*) «постелить» (Поппе, 1938, 139), *debisker* (= чаг. *töšek*) «подстилка»

(Поппе, 1938, 139); *debusger* «подушка седла» (НУ, 23); п.-монг. *debsi* «подушка седла» (Lessing, 1960, 239: *debse*); *debžije* «подстилка»; х.-монг. *dews(en)* «подушка (на седле), седельная подушка, седёлка»; «тебенец»; *dewsgēr* «подстилка, постилка»; «матрац, настил, тюфяк»; «дорожка»; «основание, основа, фундамент, почва»; «фон, грунт, поле»; «достоинство, ценность (ценных бумаг)»; «пространство, площадь, территория»; *der-dewsgēr* «постель»; *dewsgēr mod(ä)* «палуба, опалубка(крыши)»; *dewsgēr öngö* «фон»; *döwsgēr xög* «тональность»; *dewsměl* «настланный, мощный»; *dewség* «плато, терраса, уступ, склон, скат»; *dewségč(ě)* «укладчик»; *dewsě-* «стлать, расстлать ковер, подстилку»; «подкладывать что-либо под себя»; «раскладывать что-либо на полу, на земле»; «настилать, выкладывать, мостить»; «разостлать»; «заискивать»; «умолять, просить»; *dewsgēně-* «подстилать что-либо вместо седельной подушки»; «заискивать», «умолять» (БАМРС, II, 97-98), ср. также: *dew* «разряд, степень»; «ступени (у крыльца)», *dewžē* «площадка, плац»; «нары»; «ринг»; «подстил»; *ungasni dewžē* «старый войлок, подстилаемый под шерстью (при валянии войлока)»; *dewlě-* «разливаться, подниматься»; *dewrě-* «разливаться, расплываться»; «подниматься, возрастать (в цене)» и др. (см. БАМРС, II, 97); бур. *debdi-* «подстилать, подкладывать, расстлать, стелить»; «мостить»; *debdiixer, debisixer* «подстилка, постель, тюфяк, матрац»; «пол»; «пространство», «территория»; «деревянный настил»; *debhe(n)* «черпак, кожаная покрывка под седлом»; «тебенец (у седла)»; калм. *dewsě-* «настилать, стелить»; «настилать пол»; «мостить»; *kewěs dewsě-* «стелить ковер»; *dewěskēr* «подстилка (для скота)»; «войлок (для ног)»; «настил»; «постель, тюфяк, матрац»; «территория, пространство»; *dewsělhěn* «настил, настилка (пола)»; «мощение» (см. Ramstedt, 1935, 90-91: п.-монг. *debse-*); ойр. *dewěs, dewség* «подушка на седле»; *dewěskēr* «подстилка (на пол, под ноги)»; *dewěs-* «расстилать, настилать, стелить»; *dewсěh* «ступень, ступеньки»; «уступ, горная терраса» (Тодаева, 2001, 120); дагур. *deuse-*, *dewse-*, *doüs* «подстилать, подкладывать, расстлать»; *deuses, dewseg* «подстилка, тюфяк» (Тодаева, 1986, 136: п.-монг. *debsi-*, *debsiüs-*); баоань. *děse-* «стелить» (Тодаева, 1964, 139); монгор. *dese-*, *Düēsě-* «стелить, расстлать»; минхэ *debse-* «тж.» (Тодаева, 1973, 329); в говорах Внутренней Монголии: хорч., горл., архорч., бар. *dewse-*, *debse-*, джал., дурб. *debte-*, шгол., уцаб., чах. *dewse-* «настилать, мостить, разостлать»; дарх. *debseger, debsü:r*; горл., архорч., бар., онн., найм., *debseger*, джал., дурб. *debtü:r*, бов., джар. *debsü:r*, хеш., харч., тум., уцаб., чах. *dewěsgēr*, шгол. *dewěsgēr, dewségēr* «подстилка, матрац, тюфяк»; «фон», «грунт» (Тодаева, 1981, 146); ордос. *dewes-* «подстилать», «настилать», «разостлать»; ш.-юг. *debse-* «подушка седла», *debsger-* «подстилка» и т.п. (см. Ramstedt, 1935, 90-91; Poppe, 1955, 106-107; MGCD, 209; EDAL, I, 466).

Судя по приведенным материалам, реально существующей основой в монгольских языках является *debsi-* (МА, 139), *debsiüs-* (МА, 435, ИМ, 195) «стелить, настилать, расстлать», но с семантической стороны она плохо

связывается с тюрк. *jat-* «лежать», «спать»; «находиться, помещаться» и т.п. С фонетической стороны сближение тюрк. *jat-* с монг. *debis-* также невозможно. Остаются неясными и морфологические неувязки (тюрк. *ja-t-*, но монг. *de-b-is-*).

С семантической стороны монгольскому *debis-/debüs-* «стелить» как нельзя лучше соответствует тюрк. *döşe-* «стелить, расстилать», *döšek* «подстилка, тюфяк, матрац»; каз. *töšek* «постель, перина», а потому дальнейшие поиски следует вести в этом направлении (монг. *debüs-* ~ пратюрк. **tebüše-* «стелить»?; см. каз. *töše-* «постелить, стлать»).

Следовательно, между тюрк. *jat-* «лежать» и монг. *debis-* «стелить» нет ни генетических, ни контактных взаимосвязей.

Тунгусо-маньчжурские формы также не имеют ничего общего с тюрк. *jat-* «лежать»; ср.: 1) ороц. *dē* «постель, место для спанья», маньчж. *dedu-* «ложиться, лежать (о человеке, о животном)»; «отдыхать» и т.п. (см. ТМС, I, 227); 2) аорц. *deduxi* «настил (бревенчатый)»; «помост (для амбара и т.п.)»; ульч. *duduxu*, орок. *deduxi*, нан. *dederi* «настил (бревенчатый)»; «жерди, бревна, бруски (подложенные подо что-либо)»; «шпалы» (см. ТМС, I, 230). Здесь вообще соединены два самостоятельных тунгусо-маньчжурских слова, но оба они практически ничего общего не имеют ни с тюрк. *jat-* «лежать», ни с монг. *debis-* «стелить».

Подробнее см.: Vámbéry, 1867, 127; 1877, 380-381; Ramstedt, 1935, 9-91; 1936-1937, 14, примеч. 3; 1949, 17-18; Poppe, 1955, 106-107; Ряснен, 1955, 194; Рамстедт, 1957, 149; Räsänen, 1969, 192; Clauson, 1972, 884; Кайдаров, 1986, 213; Gülensoy, 1986, 511; Orkun, 1987, 888; ЭСТЯ, 1989, 156-158; Stachowski, 1993, 120; Федотов, 1996, II, 158-159; 2002, 301; EDAL, I, 466.

ЖАУ (*žaw*) «враг», «неприятель»; *žaw žaraq* «вооружение»; *žawla-* «враждовать, грабить»; *žaw quralı* «оружие, которым можно причинить врагу смерть или увечье» (Катаринский, 1897, 73-74) < пратюрк. **jaui* «враг», «война» ~ **dayı* «враг, неприятель»; «враждебный» (Clauson, 1972, 898); др.-тюрк. (с VIII в.) *jai*, др.-уйг. (с VIII в.) *jaui*, др.-кырг. (IX в.) *jaui*, карах. (XI в.) *jaui*, хорезм. (XIV в.) *jaui*, чаг. (XV в.) *jaui*, куман. (XIV в.) *jaui* «война», ср.-кыпч. (XIII в.) *jāui* «враг», «неприятель» (см. ДТС, 224; Clauson, 1972, 898; Orkun, 1987, 881-882; Малов, 1951, 383; Айдаров, 1971, 358); туркм. *jow* «враг», «недруг», «неприятель»; «битва, бой, сражение» (← узб.); *jaui* «враг, недруг, неприятель, противнику»; тур. *jaui* «враг, неприятель, недруг»; аз. *jaui* «враг, неприятель, недруг»; «заклятый»; *jaui käsil-* «стать врагом кому-либо»; «становиться поперек пути кому-либо»; «быть камнем преткновения для кого-либо»; халадж. *jā'ui*, (← перс.?), *jaui* «враг» (Doerfer, Tezcan, 1980, 219); чаг., аз. *jaui* «враг, неприятель»; «война, битва» (Будагов, 1871, II, 332); др.-тюрк., куман., уйг. *jaui* «враг», «война»; «вражеский» (Радлов, III, 40-41); уйг. диал. *jaui* «враг»; *jav* «неприятель, враждебность»; (хот.) *jaui* «враг»; лобн. «враг», *jaui sjaq* «военное оружие» (Малов, 1956, 116); чаг. *jaui* «враг, война», «враждебный» (Радлов, III, 47; Vámbéry, 1867, 348); уйг. диал. *jaui*, *jiui* «неприятель, противник» (Jarring, 1964, 152); уйг. *jeui* «бедствие»; *jeui* «противник, враг»; узб. *jow* «враг, недруг, противник, неприятель»; *jow-jaroı* «доспехи»; узб. диал. *jāui* «противник, враг» (ЎХШЛ, 128; Абдуллаев, 1961, 52); кумык. *jaw* «война»; «сражение, бой, битва»; «находящийся во враждебных отношениях, в ссоре с кем-либо»; кар. *jaw* (в составе *jawci* «солдат»); к.-балк. *žaw* «враг, неприятель, недруг»; «враждебный», «недружелюбный»; тат. *jaw* «враг, недруг, противник, неприятель»; башк. *jaw* «нападение, нашествие»; «сражение, битва, бой»; «воины, войско»; «враг, противник, неприятель»; «плохо, нехорошо, трудно»; диал. *jaw* «много» (ДСБЯ, 2002, 115); ног. *jaw* «враг, противник, неприятель»; «недруг»; *tilsiz jaw* «стихийное бедствие – наводнение или пожар» (букв. «враг без языка»; «немой враг»); к.-калп. *žaw* «враг, неприятель, противник»; *tilsiz žaw* «вода», «огонь» (букв. «враг без языка»; «немой враг»); кир. (= каз.), каз(ан.-тат.) *žaw* «война, баранта, враг, войско» (Радлов, IV, 7); кирг. *žō* «враг, находящийся во вражде с кем-либо»; *žō-žōburqaj* «враги», «всякого рода враги»; «враги-недруги»; *tilsiz žō* «наводнение, пожар» (букв. «безъязыкий враг»); алт. *d'ū* «война»; «сражение, бой, битва»; тел., ниж.-бий. *ju* «неприятель, война, сражение», *juči* «воинственный», *jūla-* «воевать» (Вербицкий, 1884, 99-100); алт. *jū* «неприятель»; «война, сражение» (Радлов, III, 534); хак. *čā* «война»; «военный»; *čāla-* «идти войной»; «завоевывать»; «бранить, ругать»; шор., саг. *čā* «враг, война»; *čā kižizi* «солдат, воин» (Радлов, III, 1823); чулым. *šay* «война» (Бирюкович, 1984, 75); кыз. *šā* «война» (Joki, 1953, 27); тув. *čā* «война»; *čā-dajın* «война»; тоф. *čā* «война» (Рассадин, 1971, 195); якут. *sia-kār* «негодяй, подлец»; *sia-kār, siaxār* «негодяй в высшей степени» (весьма сильное

бранное слово)» (Пекарский, 1927, IX, 2422); чув. *šuj* «война»; «светопре-
ставление»; «неприятности»; «хлопоты, заботы»; «шум и гам», «гомон,
гвалт»; *šujǎḡ*- «бушевать, скандалить»; «колобродить»; *šuj, šoj* «шум, гам,
плач»; «ужасный переполох» (Ашмарин, XII, 201-202; приведенный иллю-
стрированный материал однозначно указывает на первичное значение
«война», «сражение», «нападение», см. Федотов, 2002, 288; Räsänen, 1969,
178; ср. также мар. *sōj* «война»; «вооруженная борьба между государства-
ми» ← чув. *šuj* «война», см. Räsänen, 1920, 194).

Слово представлено практически во всех классификационных группах
современных тюркских языков; в некоторых языках оно оттеснено на вто-
рой план иноязычными заимствованиями (огуз., карлук., кыпч. *dušman*
«враг» ← перс.; тув. *dayzin* «враг» ← монг.). В письменных памятниках
начиная с VIII века встречается только форма *jaγi* «враг»; форма *jav* отме-
чена лишь в кыпчакоязычном тексте, относящемся к середине XIV века
(Zajaczkowski, 1938, 25), причем чтение дано под знаком вопроса. Очеви-
дно, что форма *jaγi* является исходной, все остальные формы развились от
нее. В языках огузской и карлукской групп совпадают архаичные и новые
формы, ср., напр., туркм. *jaγi* и *jow*, уйг. *jaγi, jeγi* и *jaw*, но они дифферен-
цированы семантически и стилистически, что свидетельствует об их раз-
личном происхождении (*jaγi* – исконное, *jaw* – заимствованное из контак-
тирующих кыпчакских языков).

Первичное значение тюрк. *jaγi*, по-видимому, «посторонний, чужой»; в
дальнейшем получили развитие такие значения, как «чужеземец», «враг»,
«иноверец» и т.п., а от них уже – «набег, нашествие»; «вражда»; «война,
битва» (см.: Pedersen, 1903, 554; ЭСТЯ, 1989, 56; СИГТЯ, 1997, 561-562).

Этимология *jaγi* пока до конца не выяснена. В «Этимологическом сло-
варе тюркских языков» предположительно вычленяется основа **dā* > тюрк.
jā с семантикой «близкий > соседний // не свой > чужой > враждебный»
(см. каз. *žat* «чужой»), но тут же оговаривается, что реальность этого **dā*
еще нуждается в лингвистическом и особенно этнографическом обоснова-
нии (ЭСТЯ, 1989, 56). Высказано также предположение о возможности
производства данного слова от **jaq* «сторона» (СИГТЯ, 1997, 562); см. каз.
žaq «сторона».

В алтаистической литературе тюрк. *jaγi* «враг», «война» традиционно
сопоставляется с монг. *daji(n)* < **dayi(n)* «война». На эту тюркско-
монгольскую параллель впервые обратил внимание З. Гомбоц (Gombocz,
1905, 267-268), неоднократно она интерпретировалась Г.Й. Рамстедтом
(Рамстедт, 1909, 551; Ramstedt, 1916-1920, 238; 1935, 83, 1952, 169, 198;
1957, 50, 88; Рамстедт, 1957, 153, 176), Н.Н. Поппе (Porre, 1926, 104);
Б.Я. Владимирцовым (1929, 267), Г.Д. Санжеевым (1930, 695) и др. В ряде
своих работ Г.Й. Рамстедт данное тюркско-монгольское слово возводил к
китайскому источнику (см. Ramstedt, 1935, 83; п.-монг. *dajin*, др.-тюрк. *jaγi*
«враг, война» < кит. > япон. *tekin*). Убедительная критика привлекаемых

Г.Й. Рамстедтом китайских и японских данных содержится в работе Г. Дёрфера «Тюркские и монгольские элементы в новоперсидском» (Doerfer, 1975, 101-102, №1801) и отчасти в книге А.Й. Йоки «Заимствованные слова в саяно-самодийском языке» (Joki, 1952, 323-324).

В «Этимологическом словаре алтайских языков» тюрк. *jaγu* «враг» в качестве гомогенного на праалтайском уровне сближается с монг. **dajin* «война», т.-маньчж. **dagur* «друг», «дагур(ы)», «союзный род» (см. ТМС, I, 189, 211, 212), япон. *(*d*)*ikusa* «воин, война» и кор. **tōi* «варвар» (EDAL, I, 457; см. также: Дыбо, 1996, 7, 15).

Между тем, давно установлено, что монг. **daji(n)* «война» (< **dayi-n*) является ранним тюркским заимствованием, восходящим к первому периоду (по Дж. Клаусону) (Doerfer, 1975, 101-102; Clauson, 1972, 898; Щербак, 1997, 121, 176, 242 и др.); ср.: прамонг. **dayi-n* «война»; ср.-монг. *dai'jin*, *dai'jisun* (SH); *daisurqa-* «стать врагом, проявлять вражду»; *dai'ži-* «удаляться, бежать»; «восставать» (Козин, 1941, 607); ср.-монг. (МА) *dajin* (= чаг. *jaγu*) «враг» (Поппе, 1938, 138); (ИМ) *dajin* «враг» (Поппе, 1938, 435); п.-монг. *dajin* «враг», «война» (Lessing, 1960, 222; Владимирцов, 1929, 267); х.-монг. *dajin* «война, военные действия, брань, ратный труд»; «сражение»; «борьба»; «враг, неприятель, противник»; *dajinčā* «воинственный» (БАМРС, II, 21); бур. *daj(n)* «враг, неприятель»; «война»; ойр. *dā:n* «война»; «помеха, препятствие» (Тодаева, 2001, 119); калм. *dā:n* «война» (см. Ramstedt, 1935, 83); орд. *dā:n* «враг, война»; дагур. *dain*, *dain* «враг, неприятель»; «война»; «битва, сражение» (Тодаева, 1986, 134), *daisan*, *daisān* (> п.-монг. *dajisun*) «враг, противник», «война» (Тодаева, 1986, 134); ш.-юг. *dain* «война»; в говорах Внутренней Монголии: дарх., *dēn*, *tulā* джас., джал., дурб., архорч., бар., онн., хар., тум. *dēn* «война» (Тодаева, 1981, 140). Как видим, монгольские формы как нельзя лучше соответствуют пратюркскому архетипу **jaγu* (~ прабулг. **dayi* ~ **daji* ~ чув. *šuj* < **žaj* < **daji*) «враг», «война» и нет никакой необходимости проецировать их на праалтайский уровень.

Монг. *dajin* «война», «враг» и его производные проникли в некоторые тюркские языки, ср.: чаг. *dajin* «враг», *čā-dajin* «война»; *dajzin* «враг, противник, неприятель» (< монг. *dajsun* «враг»); *dajildā(n)* «война»; *dajin* «молодецкий, молодецватый», *dajinčī* «боец, воин» и др. (Рассадин, 1980, 62).

Монгольское слово *dajin* «война» и некоторые его производные в свое время были заимствованы отдельными тунгусо-маньчжурскими языками, ср.: сол. *daī* «война», маньчж. *dajin*, *dajlan* «война, битва, сражение»; «ссора, шум»; *dajla-* «воевать», «сумасбродствовать» (< монг. *daila-* «воевать», *daita-* «сражаться» и др. (см. ТМС, I, 190; Doerfer, 1985, 115; Rozycki, 1994, 54).

Этноним *dayur* «дагуры» в тунгусо-маньчжурских языках, скорее всего, также имеет монгольское происхождение (эвенк. *dayur*, сол. *dayūr*, маньчж. *daγur* < ср.-монг. *dayur* > якут. *doγur*, долг. *doγor* «дагуры – назва-

ние народности»; см.: ТМС, I, 189-190; см.: Stachowski, 1993, 81); а эвенк. *doɣor* и эвен. *doɣb* «друг», «товарищ» являются якутскими заимствованиями, ср. якут. *doɣor* «друг, товарищ»; «проводжатый, спутник», «соучастник»; «противник (в борьбе)» и т.п. (см. Пекарский, 1912, III, 727-728; ТМС, I, 211). Тунгусо-маньчжурское *doɣa* «род-союзник» (см. ТМС, I, 212), по-видимому, не имеет никакого отношения ни к тюркскому *jaɣɪ* «враг», ни к монгольскому *dajin* «война».

Тюрк. *jaɣɪ* «враг», «война» заимствовано в ряд исторически контактировавших иносистемных языков: перс., араб., авар., лезг. и др. (подробнее см. Doerfer, 1975, 101-102, №1801).

Критический анализ существующих в литературе этимологических разработок тюрк. **jaɣɪ* «враг», «война» показывает следующее:

- 1) тюрк. **jaɣɪ* (~ каз. *žaw*) «враг, война», представленное в многочисленных письменных памятниках с VIII века, является исконным словом;
- 2) тюрк. **jaɣɪ* (~ каз. *žaw*) ~ прабулг. **dayɪ* ~ **daji* (ср. чув. *šuj*) «война», «враг» → прамонг. **dayin* > п.-монг. *dajin* «враг»;
- 3) ср.-монг. *dajin* «война», «враг» → чаг. *dajin* «враг», тув. *dajin* «война»;
- 4) ср.-монг. *dajin* «война» → т.-маньчж. *dajɪn* «война, битва, сражение».

Подробнее см.: Pedersen, 1903, 554; Gombocz, 1905, 267-268; 1912-1913, 22; Ramstedt, 1905, 551; 1957, 153, 176; Räsänen, 1920, 194; Ramstedt, 1916-1920, 238; 1935, 83; 1952, 168, 198; 1957, 50, 88; Poppe, 1926, 104; Владимирцов, 1929, 267; Санжеев, 1930, 695; Малов, 1951, 383; Joki, 1952, 323-324; Räsänen, 1969, 178; Айдаров, 1971, 358; Clauson, 1972, 898; Doerfer, 1975, 101-102, №1801; 1985, 115; ТМС, I, 189-190, 211-212; ЭСТЯ, 1989, 55-57; Stachowski, 1993, 81; Rozycki, 1994, 54; Дыбо, 1996, 7, 15; Федотов, 1996, II, 129; 2002, 288; СИГТЯ, 1997, 561-562; Щербак, 1997, 121, 176, 242; Eren, 1999, 438-439; Эхмэтьянов, 2001, 266; EDAL, I, 457.

ЖАУ- (*žaw-*) «падать, идти (о дожде, снеге, граде)»; «обильно падать (о пулях, во время боя)» < пратюрк. **jay-* (? < **dāy-*) «идти, падать (об атмосферных осадках)», ср.: ср.-тюрк. (с VIII в.) *jay-*, др.-уйг. (с VIII в.) *jay-*, карах. (XI в.) *jay-* (МК, III, 60), хорезм. (XIII в.) *jay-* куман. (XIV в.) *jay-*, кыпч. (XIII в.) *jay-*, чаг. (XV в.) *jay-* «идти, падать (о дожде, снеге, песке, цветах)»; «выпадать, удаваться»; «сыпаться (о стрелах)» (см.: ДТС, 223-224; Clauson, 1972, 896; Orkun, 1987, 881); туркм. *jay-*, осм. *jay-*, тур. *jā-*, аз. *jay-*, гаг. *jā-*, салар. *jay-*, халадж. *jay-*; чаг. *jay-*, вост.-тюрк. *jay-*, уйг. *jay-*, ср. *jeyin* «дождь»; узб. *jay-*, диал. *žaw-*; кумык. *jaw-*, кар. *jay-*, крым. *jay-*, к.-балк. *žaw-*; тат. *jaw-*, диал. *žaw-*, башк. *jaw-*; ног. *jaw-*, к.-калп. *žaw-*; кирг. *žā-*, алт. *d'a-*, *jā-*; хак. *čay-*, шор. *čay-*, *čā-*, саг. *čay-*, *čā-*, с.-юг. *jay-*; тув. *čay-*, тоф. *čay-*; чув. *šu-*, *šāy-* (< др.-чув. **žay* < **čay-* «дождить»); см. СИГТЯ, 2002, 682) «идти, падать (об атмосферных осадках)»; ср. также: якут. *samir*, долг. *hamir* «дождь» (перечень форм и значений см.: Катанов, 1903, 61, 87; Räsänen, 1969, 177; Clauson, 1972, 896, 903-904, 908; Рассадин, 1971, 193; ЭСТЯ, 1989, 57-58; СИГТЯ, 1997, 25; Егоров, 1964, 216; Федотов, 1996, II, 135; 2002, 287).

Слово широко представлено начиная с ранних (орхонских) письменных памятников и активно употребляется во всех классификационных группах живых тюркских языков. Фонетические изменения находятся в пределах установленных тюркской компаративной фонологией закономерностей. Дж. Клоусон для пратюркского состояния восстанавливает под вопросом архетип **dāy-* (*da-ğ-*), отсылая при этом к *yaku:* (*dağgu*) «непромокаемый плащ» (ср. *jayqu* «плащ» в ДТС, 225) и *jayız* (*dağız*) «бурый» (см. Clauson, 1972, 896, 898, 901, 909); А.М. Щербак исходит из пратюрк. **day-* «падать, идти (о дожде, снеге)» (Щербак, 1970, 196).

Г.Й. Рамстедт сближает в качестве родственных на алтайском уровне тюрк. *jay-* «идти (об атмосферных осадках)» (< ** «бросаться, ринуться»*) с монг. *java-ra-*, х.-монг. *jār-*, «спешить, торопиться» (Ramstedt, 1935, 217, 221: под калм. *jūrḡə* «sich ergiessen»), однако это сближение не нашло поддержки даже среди ортодоксальных алтаистов.

Б.Я. Владимирцов п.-монг. *jayara-*, х.-монг. *jār-* «спешить, торопиться» сближает с тюрк.: уйг. *japray* «часто, много», *japırayın* «поспешно», при этом монгольские формы выводит из архетипа **jawa-ra-* «спешить» (Владимирцов, 1929, 208). Данная этимология представляется более приемлемой. Следовательно, нет оснований сближать тюрк. *jay-* «идти, падать (об атмосферных осадках)» с монг. *jār-* «спешить, торопиться»; бур. *jārā-* «спешить, торопиться»; калм. *jār-* «толпиться; сгрудиться» и т.п.

С.А. Старостин тюрк. *jay-* «идти (о дожде, снеге)», *jaymur* «дождь» сближает с кор. *pi-* «дождь», др.-кор. *piwi* ~ *piji* (< **pihi* < **pigi*) и т.-маньчж. **pigi-n* «дождевая вода; дождь (с ветром), буря» (см. Старостин, 1991, 13, 34, 283; ср. также: Ramstedt, 1949, 200; ТМС, II, 322).

В «Этимологическом словаре алтайских языков» этот ряд соответствий дополняется монгольскими формами: прамонг. **(h)aya* «ливень»;

п.-монг. *aγadar* «ливень», «проливной дождь» (Lessing, 1960, 12); х.-монг. *ādār* «ливень», «проливной дождь», «гроза»; *ādār borō* «ливневый (проливной, грозовой) дождь» (БАМРС, I, 5); бур. *ādār* «ливень, проливной дождь»; *ādārāj* «грозовой» (см. EDAL, II, 1146-1147). Видимо, сюда же относится х.-монг. *ādγār* «короткий», «укороченный» (ливневые дожди, как известно, отличаются своей кратковременностью).

Сближению тюрк. *jaγ-* «падать, идти (о дожде, снеге и т.п.)» с монг. *aγadar* «ливень» мешают прежде всего фонетические неувязки. Тюркскому инициальному *j- в монгольском обычно соответствуют *d-, ǰ-, j-, n-* (см. EDAL, I, 48-50) и некоторые другие согласные. В данном случае требует более убедительного объяснения исчезновение инициального *j- в монгольском. Остается без объяснения *-(a)dar* в монгольском. Вызывает сомнение сближение тюркской глагольной основы с монгольской именной.

С учетом всего этого, попытки сближения тюрк. *jaγ-* ~ каз. *ǰaw-* «идти, падать (об атмосферных осадках)» с приведенными монгольскими формами следует считать недостаточно обоснованными.

Подробности см.: Поппе, 1924, 308; Владимирцов, 1929, 208; Ramstedt, 1935, 217, 221; 1949, 200; Егоров, 1964, 216; Räsänen, 1969, 177; Clauson, 1972, 896, 898, 901, 903-904, 908; ТМС, II, 322; ЭСТЯ, 1989, 57-58; Старостин, 1991, 13, 34, 127, 283; Stachowski, 1993, 95; Федотов, 1996, II, 135; 2002, 287; СИГТЯ, 1997, 25; Egen, 1999, 439: *yaǰmur*; Широбокова, 2001, 39; Әхмәтъянов, 2001, 266; EDAL, II, 1146-1147.

См. также каз. *ǰawın* «дождь».

ЖАУРА- (*žawra-*) «зябнуть»; «сильно озябнуть»; «мерзнуть»; «дрожать от холода»; *žawrat-* «заставить продрогнуть»; «заставить дрожать от холода, под дождем и снегопадом или в холодной воде» (см.: Катаринский, 1897, 74; Радлов, IV, 8; Будагов, 1869, I, 430); узб. *žawra-* «мерзнуть, дрожать (от холода)»; «коченеть»; диал. (Сайрам) *žawra-* «мерзнуть» (УХШЛ, 99); к.-калп. *žawra-* «мерзнуть, зябнуть»; «ежиться от холода, дождя»; *žawraŋqı* «слегка озябший, замерзший»; «сжежившийся от холода, дождя»; кир. (= каз.) *žawra-*, *žawra-* «дрожать от холода» (Будагов, 1869, I, 430); ср. др.-тюрк. (карах.) *javra-* «становиться грубым, жестким»; *javri-*, *javra-* «ослабевать, обессиливать» (МК, III, 278; 304; ДТС, 249; Clauson, 1972, 879); *javrit-* «ослаблять, истощать»; «порочить, хулить» (МК, I, 139; II, 352; ДТС, 249; Clauson, 1972, 879); орхон. (VIII в.) *jabrit-* «ослаблять, лишать сил» (ДТС, 222); кыпч. (XIV в.) *yavrut-* «переутомлять (коня)» (Clauson, 1972, 879).

Древнетюркские формы Дж. Клаусон считает глагольными образованиями от **javar* (причастия от **jav-*), но не дает значения глагольной основы (Clauson, 1972, 879).

Для пратюркского состояния реконструируется глагольная основа **jawura-* «ослаблять, истощать, утомлять», к которой, очевидно, восходит чув. *šivār-* «спать»; «почивать»; «ночевать»; «затекать, неметь, онеметь (о конечностях)»; «запекать, свертываться (о крови)»; «свалиться (о шерсти)» и т.п. (см. Ашмарин, XII, 94-96), не получившее удовлетворительной этимологии (см. Егоров, 1964, 224; Федотов, 2002, 298; Ceylan, 1997, 71: < **juwur-* < **juvru-* < **jūri* < **ūdi* «сон»; ср. чув. *iǰāχ* «сон»; протеза *j-* перед губным гласным в чувашском невозможна).

В алтаистических исследованиях кирг. (= каз.) *žawra-* «дрожать от холода» в качестве генуинного на праязыковом уровне сближается с монг. *dayara-*, астр.-дэрб. *dār-* «зябнуть, мерзнуть» (Поппе, 1924, 309; см. также: Poppe, 1926, 105; Ramstedt, 1935, 82); ср.: прамонг. **dayara-* «замерзать, остывать»; ср.-монг. *dāra-* (МА, 139), п.-монг. *dayara-* «мерзнуть, зябнуть, ощущать холод»; «простуживаться» (Lessing, 1960, 218); х.-монг. *dārā-* «мерзнуть, ощущать холод», «простуживаться»; «продрогнуть, леденеть» (БАМРС, II, 6); бур. *dāra-* «зябнуть, мерзнуть, ощущать холод»; *dāranxaj* «озябший»; калм. *dār-* «мерзнуть, зябнуть», «ощущать холод»; ойр. *dāra-* «мерзнуть, зябнуть, терпеть холод» (Тодаева, 2001, 110); орд. *dāra-* «мерзнуть, зябнуть»; дагур. *dāra-*, *dāre-* «мерзнуть, зябнуть» (Тодаева, 1986, 135); дунс. *daGara-* (Тодаева, 1961, 117); баоань. *dār-* «мерзнуть, зябнуть» (Тодаева, 1964, 138); ш.-юг. *dārā-*, монгор. *dāra-* «мерзнуть», «замерзнуть» (Тодаева, 1973, 327); в говорах Внутренней Монголии: хорч., дал., дубр., горл., архорч., бар., харч., тум., шгол., уцаб., чах., орд. *dāra-* «мерзнуть, зябнуть, ощущать холод» (Тодаева, 1981, 139) и т.д. Для прамонгольского состояния реконструируется архетип **daβara-* ~ *dawara-* «мерзнуть», который, судя по фонетическому облику, является древнейшим заимствованием из прабулгарского; ср. пратюрк. **jaβur-* ~ **jabir-*, прабулг. **žafir-* «ос-

лабевать», «обессиливать» и т.п. > чув. *šivār-* «спать». К семантике ср.: каз. *üsi-* «замерзнуть, зябнуть» ~ тюрк. *üši-* «мерзнуть, зябнуть», но тат. *öšan-*, чув. *ēžen-* «утомляться, изнуряться» (см. ЭСТЯ, 1974, 644-645).

Из современных тюркских языков слово представлено только в казахском, каракалпакском и узбекском языках в значении «мерзнуть». Узбекские формы по начальному *š*, *ž*- однозначно квалифицируются как кыпчакские (каз., к.-калп.) заимствования. В канглийскую группу кыпчакских языков слово *žawra-* «мерзнуть», очевидно, проникло из среднемонгольского (возможно, через посредство восточнотюркских джокающих диалектов). В пользу монгольского заимствования каз. и к.-калп. *žawra-* «мерзнуть», помимо семантики, свидетельствует ауслатный гласный *-a-*, отсутствовавший в древнетюркских формах (см.: EDAL, I, 467; ЭСТЯ, 1989, 20).

В «Этимологическом словаре алтайских языков» монг. **dayara-* «мерзнуть, зябнуть» сближается, как генетически родственное на праалтайском уровне, с тюрк. **doŋ* «мерзлота», «мерзлый», **doŋ-* «мерзнуть», «замерзать» и тунгусо-маньчжурским **doŋota* «мороз» (см. EDAL, II, 1385-1386); пратюрк. **doŋ* ~ **toŋ* «холодный, холод, мороз»; «замерзший»; **doŋ-* ~ **toŋ* «замерзать»: др.-тюрк.: др.-уйг. (с VIII в.) *toŋ* – «замерзать»; карах. *toŋ* (XI в.) «мерзлый, замороженный» (МК, III, 356); хорезм. (XIII в.) *toŋ* (или ? *doŋ*); чаг. (XV в.) *toŋ-*, хорезм. (XIV в.) *toŋ-*, куман. (XIV в.) *toŋ-*, кыпч. (XIV в.) *toŋ*, *toŋ-* (см. ДТС, 575; Clauson, 1972, 513, 515); в совр. тюрк. языках: туркм. *doŋ*, *doŋ*, тур. *don*, аз. *don*, *don-*, гаг. *don-*, салар. *doŋ-*; вост.-тюрк. чаг. *toŋ*, уйг. *toŋ*, *toŋ-*, узб. *tūŋ*, *tūŋ-*, лобн. *toŋ-*; кар. к. *ton-*; тат. *tun*, *tun-*, башк. *tun*, *tun-*; ног. *toŋ*, *toŋ-*, к.-калп. *toŋ*, *tun-*, каз. *toŋ*, *toŋ-*; кир. *toŋ*, *toŋ-*, алт. *toŋ*, *toŋ-*; хак. *toŋ*, *toŋ-*, шор. *toŋ*, *toŋ-*, чулым. *toŋ-*; с.-юг. *toŋ*, *toŋ-*; тув. *doŋ*, *doŋ-*, тоф. *doŋ*, *doŋ-*; якут. *toŋ*, *toŋ-*, долг. *toŋ*, *toŋ-* (перечень форм и значений см.: Räsänen, 1969, 488; Егоров, 1964, 236; ЭСТЯ, 1980, 265-267; СИГТЯ, 1997, 17; EDAL, II, 1386; подробнее см. каз. *toŋ* «мерзлота», *toŋ-* «мерзнуть»).

В ареальном отношении показательно отсутствие слова в куманской группе кыпчакских языков (кар. к. *ton-* «мерзнуть» ← тур.).

Обычно рассматриваемое в этом ряду чув. *tām* «заморозки, изморозь»; «иней»; «мороз» (Поппе, 1925, 38; Егоров, 1964, 236; Räsänen, 1969, 488; Федотов, 1996, II, 190; 2002, 316), видимо, следует сближать с тюрк. *tum* «холод, мороз», ср. др.-тюрк. *tom* «холод» (МК, I, 338), *tum* «холод» (ДТС, 585; Clauson, 1972, 503).

Предпринятые в свое время М. Рясянеом широкие сравнения тюрк. *toŋ* «мерзлый, замерзший» с финно-угорскими (фин. *tankea*, лапп. *dongge*, черем. *tūngäš* «коченеть, цепенеть») и тунгусо-маньчжурскими (тунг. *doŋo-* «становиться холодными») и т.д. (см. Räsänen, 1955, 37; 1969, 488) в настоящее время в основном представляют только историографический интерес.

Предполагаемое некоторыми алтаистами генетическое родство тюрк. *doŋ* «мерзлый, замерзший» с монг. **dayara-* «мерзнуть, зябнуть» и, далее, с тунгусо-маньчжурским **doŋoto* «мороз, мерзлый, холодный» (перечень форм и значений см. ТМС, I, 216) проблематично. Можно допустить только возможные контактные взаимоотношения между тюрк. *toŋ* «мерзлый», *toŋ-* «мерзнуть» и т.-маньчж. **doŋoto* «мерзлый», но и они требуют более углубленного детального изучения.

Между тюрк. *toŋ* «мерзлый, мерзлота» и монг. *dayara-* «мерзнуть», на наш взгляд, нет ни генетических, ни, тем более, контактных связей.

Общая картина исторических взаимоотношений между каз. *žawra-* «мерзнуть, зябнуть» и монг. *dayara-* «тж.» по материалам данного исследования предстает в следующем виде:

1) пратюрк. **jaβru-* (? **jaβar* – прич. от **jaβ-/jaw-*) ~ прабулг. **žabur-* ~ **d'abur-* «ослабевать», «обессилеть» (ср. орх. *jabrit-* «ослаблять, истощать») → прамонг. **daβara-* ~ **dawara-* «мерзнуть» (< **ослабевать от холода*) > ср.-монг. *dayara-* «мерзнуть»;

2) ср.-монг. *dayara-* (~ ? **d'aw/yara-*) → кангл.-кыпч. *žawāra-* > каз., к.-калп. *žawra-* (→ узб. *žawra-*; *žawra-*) «мерзнуть, зябнуть».

Подробнее см.: Поппе, 1925, 38; Poppe, 1926, 105; Ramstedt, 1935, 82; Räsänen, 1955, 37; 1969, 488; Егоров, 1964, 224, 236; Clauson, 1972, 503, 513, 515, 879; ЭСТЯ, 1974, 20, 644-645; ТМС, I, 216; ЭСТЯ, 1980, 265-267; Федотов, 1996, II, 190; 2002, 298, 316; СИГТЯ, 1997, 17; EDAL, I, 467; II, 1358-1386.

ЖАУЫН (*žawīn*) «дождь»; *žawīn-šašin* «атмосферные осадки»; *žawun* «сильный дождь» (Катаринский, 1897, 74) < пратюрк. **jauun* «дождь» (< **jau-* «падать, идти – об атмосферных осадках» + именной деривационный аффикс *-un*; об аффиксе см. Щербак, 1977, 173); ср.: вост.-тюрк. *jaun* «дождь» (Zenker, 1876, 952); туркм. *jaun* «осадки»; аз. *jaun* «осадки»; *jaunū* «атмосферные осадки»; чаг. *jaun* «осадки» (Pavet de Courteille, 1820, 529; Vámbéry, 1867, 348); уйг. *jegin* «дождливая погода»; «атмосферные осадки»; *jəyin* (*-čəcin*) «атмосферные осадки»; *jəyinərčilik* «ненастье, непогода»; «период года, когда выпадает много атмосферных осадков»; кумык. *jawun*, диал. *jawin* «дождь»; к.-балк. *žawut* «осадки»; «дождь»; тат. *jawīm* «дождь»; каз(ан.-тат.) *jawīm* (*jaum*) «дождь», «ненастье» (Радлов, III, 20); башк. *jawūn*, *jawīn*, *jawīm* «осадки»; «дождь»; ног. *jawin* «дождь»; к.-калп. *žawīn* «дождь»; кирг. *žān*, *suw žān* «дождь»; *qar žān* «снег (когда он идет)»; *aq žān* «ситничек»; «мелкий, морозящий дождь»; *žān-žūn*, *žān-čačm* «атмосферные осадки»; чув. *šāwām* «осадки»; *šāwām šāvāt(é)* «идет дождь, снег» (перечень форм и значений см.: ЭСТЯ, 1989, 57; СИГТЯ, 1997, 25; EDAL, II, 1146-1147).

Тюрк. **jauun* «осадки», вернее, его производящая основа *jau-* «идти, падать (о дожде, снеге, граде и т.п.)», в алтаистических исследованиях сравнивается в качестве генуинного на праязыковом уровне с п.-монг. *jaɣara-* «спешить, торопиться»; х.-монг. *jár* «тж.» (Ramstedt, 1935, 217); ср.: п.-монг. *jaɣara-* «спешить, торопиться» < прамонг. **jawa-ra-*, х.-монг. *jár-* «тж.» (Владимирцов, 1929, 208); х.-монг. *jár(ă)*- «спешить, торопиться» (БАМРС, IV, 452); бур. *járă-* «спешить, торопиться»; калм. *jár-* «толпиться, сгрудиться» (Ramstedt, 1935, 217: «спешить, торопиться») и т.п. Однако Б.Я. Владимирцов более обоснованно сближает это монгольское слово с тюрк. (уйг.) *jaɣray* «часто, много», *jaɣrayun* «поспешно» (см. Владимирцов, 1929, 208).

Подробнее см. каз. *жау-*, а также: Vámbéry, 1867, 348; 1877, 364-365; Владимирцов, 1929, 208; Севортян, 1966, 196-197; Räsänen, 1969, 162, 194; Eren, 1954, 165; Щербак, 1977, 173; ЭСТЯ, 1989, 57-58; СИГТЯ, 1997, 25; EDAL, II, 1146-1147.

ЖАУЫР (*žawır*) «рана (напр., на спине лошади)»; «ссадина, рана на спине животных, образующаяся от трения седла»; *žawır qıl-* «натереть (сделать рану) спину животного»; кирг. (= каз.) *žawır* «лошадь, у которой спина стерта седлом» (Катаринский, 1897, 74) < пратюрк. **jayır* < **dayır* «ссадина, рана (на спине животного, на человеческом теле)»; ср.: др.-тюрк. (карах., с XI в.) *jayır* «ссадина на спине верхового животного от седла» (МК, I, 68); чаг. (XV в.) *jayır*, хорезм. (XIII в.) *jayrı*, кыпч. (XIV в.) *jayır* «рана на спине животного» (Clauson, 1972, 905; ДТС, 224); карах. (XI в.) *jayırla-* «делать ссадину на спине верхового животного» (МК, III, 342), *jayırlıy* «имеющий ссадину» (МК, III, 49; ДТС, 225); туркм. *jayır* «ссадина на спине вьючного животного (образовавшаяся от натирания седлом)»; *jayır et-* «заездить, измучить кого-либо», букв. «сделать ссадину на спине»; тур. *jağır ol-* «быть сбитой (о холке), быть стертой (о спине животного)»; тур. *jayır* «рана на спине лошади от потери седла»; *jayravla-* «иметь рану на спине (о лошади)» (Будагов, 1871, II, 333); осм. *jayır* «ссадина, потертое место на спине лошади» (Радлов, III, 42); аз. *jayır* «ссадина, потертость (рана, натертая сбруей или седлом на спине, холке ездовых и вьючных животных)»; «пролежень (у лежачих больных: омертвление кожных покровов той части тела, на которой долго и неподвижно лежат)»; чаг. *jayır* «протертое место на спине лошади» (Радлов, III, 48); *jayır* «волдырь, образовавшийся на коже от трения или сжатия» (Vámbéry, 1867, 348; Pavet de Courteille, 1870, 529); уйг. *jeýir* «ссадина, натертое место на спине лошади»; «язва»; *jeýi(r)* «ссадина у верхового или упряжного животного»; *jeýiriya tåg-* «злить, раздражать»; куч. *jeýir, jeýir* «натертые места у лошади, осла и др. животных от седла, хомута и др.»; *jeýir išák* «ослик с большой, натертой от вьюков спиной» (Малов, 1961, 116); лобн. *jayıj* «опухоль на спине у лошади (от трения седлом)» (Малов, 1956, 116); тар. *jeýir* «протертое место на спине лошади» (Радлов, III, 48); узб. *jayır* «рана на спине вьючного животного, образовавшаяся на растертом месте»; «рана, натертое место на теле человека»; перен. «очень грязный, сильно загрязненный»; к.-балк. *žawur* «нагнет, ссадина (на спине или холке лошади)»; *žawuruna tij-* «задеть за живое»; кумык. *jawur* «ссадина, рана, натертая седлом»; кар. к. *jayır* «ссадина (напр., от седла на спине лошади)»; к.-калп. *žawır* «потертость, рана (напр., от седла на спине лошади, осла, верблюда)»; *žawır at* «лошадь со стертой спиной»; кир. (= каз.) *žawur*, тоб. *ja(w)ur* «ссадина на спине животных» (Будагов, 1871, II, 344); кир. (= каз.) *ža(w)ur* «протертое место на спине лошади» (Радлов, IV, 8); кирг. *žor*, южн. *žawur* «ссадина (главным образом от седла на спине верхового животного)»; *žor at* «лошадь со ссадинами на спине»; алт. *d'ür* «ссадина, стертое место на спине лошади»; *jür*, кирг. (= каз.) *jawur* «ссадина»; «стертое место на спине лошади» (ГАЯ, 179); алт. (тел., ниж.-бий.) *jür* «ссадина, стертое место на спине лошади» (Вербицкий, 1884, 103); туба *jawur* «ссадина спине лошади» (Баскаков, 1966, 119); куманд. *d'ür* «ссадина, стертое место на спине лошади» (Баскаков, 1972, 214); алт. *jür* «ссадина на спине животных» (Будагов, 1871, II, 344); *jür*, тел. *d'ür*

«протертое место на спине лошади» (Радлов, III, 545-546) и т.д. (перечень межтюркских соответствий см.: Räsänen, 1969, 178; Clauson, 1972, 305; ЭСТЯ, 1989, 65; Doerfer, 1975, 183, №1877; EDAL, II, 1007).

В ареально-географическом отношении показательно отсутствие данного слова в сибирских тюркских языках и в чувашском, а также в поволжской группе кыпчакских языков. В огузской и карлукской группах представлена форма **jayır*, фонетически идентичная архетипу; в кыпчакских языках произошли закономерные фонетические изменения, для пракыпчакского восстанавливается праформа **jawır* «ссадина», «рана» (кар. к. *jayır* ← осм.).

Этимология слова не изучена; обычно сближают тюрк. *jayır* «ссадина (на спине вьючного животного)» с тюрк. **jayırın* «верхняя часть спины» (Ramstedt, 1935, 83; Räsänen, 1969, 178; Poppe, 1960, 23, 122, 139; Atalay, 1942, 232; Menges, 1995, 736; Колесникова, 1972, 89-91 и др.), но тождество *jayır* «стертое место на спине лошади» и **jayır* в *jayırın* «спина» справедливо оспаривается, хотя допускается частичная контаминация этих слов (точнее *jayır* «ссадина» и *jarın* «спина»; подробнее см.: Clauson, 1972, 905, 970; Doerfer, 1975, №1868, 1877; ЭСТЯ, 1989, 65-67).

В алтаистических исследованиях тюрк. *jayır* «ссадина, рана, натертая седлом на спине вьючного животного» традиционно сближается с монг. *dayari* «ссадина, рана от седла» и маньчж. *darin* «ссадина, натертая седлом» (см.: Gombocz, 1905, 268; Poppe, 1926, 104-105; 1960, 23, 122, 129; Владимирцов, 1929, 318; Ramstedt, 1935, 83; Menges, 1955, 736; ТМС, I, 188 и др.); ср.: прамонг. **dayari* ~ **dajira* «ссадина на спине животного»: ср.-монг. *da'ari* «холка» (SH), *dari* «ссадина на спине животного» (MA); п.-монг. *dayari* «ссадина на спине лошади»; «ссадина, рана от седла» (Lessing, 1960, 218), *dajira* «холка» (Lessing, 1960, 222), *dajir* «ссадина на спине лошади» (Lessing, 1960, 222); х.-монг. *dajr*, *dār(i)* «ссадина, рана на спине животного, натертое седлом место»; «болячка (на спине лошади)»; *day dār* «грязь»; *dārta-*, *dajrta-* «образоваться, появляться (о ссадинах, болячках, мозолях на спине у лошади)» (БАМРС, II, 6, 21); *dajr* «ссадина, болячка (напр., на спине лошади)»; бур. *dāri* «рана, ссадина»; «натертое (или сбитое) место (у лошадей от седла или хомута)»; *dāri-šeri* «ссадины, рань»; *dajr* «рана, ссадина»; «короста, гной (на спине у лошади)»; *dajr tonšo-* «задевать за живое»; калм. *dā:rē* «ссадина, потертость (на спине лошади – от езды верхом)»; *dā:rte-* «покрываться ссадинами, потертостью (о спине лошади)» (см. также: Ramstedt, 1935, 83); ойр. *dā:rē* «ссадина, потертость (на спине лошади)» (Тодаева, 2001, 119); дагур. *dāri*, *dāre*, *dār* «ссадина, рана, натертая седлом» (Тодаева, 1986, 135); *dār* «ссадина на спине животного»; дунс. *daru-san*, ш.-юг. *dārē*, монгор. *dārē*, *dāri* «ссадина на спине животного» и т.д. (см. EDAL, I, 457-458).

Углубленные исследования взаимоотношений между тюркскими, монгольскими и тунгусско-маньчжурскими словами показывают, что в данном случае мы имеем дело с контактными связями (Clauson, 1972, 905; Doerfer,

1975, 183, №1877; Щербак, 1997, 121). Так, например, монгольские формы, по мнению Дж. Клаусона, являются наиболее ранними тюркскими заимствованиями первого периода (Clauson, 1972, 905), которые впоследствии проникли в ряд тунгусо-маньчжурских языков (см.: Poppe, 1966, 190; Doerfer, 1985, 76 и др.); ср.: т.-маньчж. *dayari* «ссадина»: сол. *dayari* «ссадина, натертая седлом на спине лошади»; эвенк. *dayarin*, *dayārān*, *dayoron* «ссадина, натертая седлом на спине оленя, лошади»; *dayārān*, *dayoron* «натереть ссадину седлом (на спине оленя, лошади)»; орок. *dāri* (< *dayari*-) «натереть ссадину седлом (на спине оленя, лошади)»; *dāriqtu* «ссадина, натертая седлом»; маньчж. *dari* (< *dayari*-) «натереть ссадину седлом (на спине лошади)»; «намозолить»; *darin* «ссадина (натертая седлом)»; «мозоль» (ТМС, I, 188).

С этим положением, видимо, согласны и авторы нового «Этимологического словаря алтайских языков», которые отказались от традиционных сближений и, в качестве генуинных на праязыковом уровне, предлагают новые сопоставления. Так, например, тюрк. **jayır* «ссадина на спине животного» они сближают с монг. *žayal* «темные пятна на шее и плечах» и т.-маньчж. **ñegde* «грудные и междулопаточные позвонки»; «выгиб в спине лошади (у оконечности гривы и передних лопаток)» (EDAL, II, 1007), а монг. **dajira*/**dayari* «холка»; «ссадина на спине животного» – с тюрк. **dayır*, **dayırın* «спина, лопатка» и т.-маньчж. **daya*- «бедро, бедренная кость, плечевая кость» (EDAL, I, 457).

Приведенные новые этимологические сближения на наш взгляд, весьма проблематичны и требуют более подробного рассмотрения.

Монг. **žayal* «темные пятна на шее и плечах» в семантическом отношении вряд ли сопоставимо с тюрк. **dayır* «ссадина, протертость на спине вьючных животных, образующаяся от трения седла» (подробнее см. каз. *жагал* «чумазый, грязный» ← монг.). Дело в том, что в тюркских языках **dayır* означает рану, ссадину, протертость и т.п. (образовавшуюся главным образом от трения седла), а монг. **žayal* – природную масть животного, ср.: х.-монг. *zayāl* «серый (о масти)»; *žayāl*, *šayā* «соловый конь с темной гривой, темным хвостом и темной полосой вдоль спинного хребта»; бур. *zayāl* «с пятнами на шее и лопатках, с гривой, хвостом и хребтом более темного цвета (о масти)»; ойр. *zayāl tolhā* «чесоточная плешивая голова» и т.п. (см.: Ramstedt, 1935, 463; Räsänen, 1969, 122; ЭСТЯ, 1989, 10-11; Doerfer, 1975, 177-178, 183).

Не убедительным выглядит и сближение тюркских и монгольских форм с т.-маньчж. **ñegde* «позвонок», ср.: эвенк. *ñegde*, *ñagda* «позвонок, позвонки (грудные)», «филе (с грудных позвонков)»; «пятый позвонок из поясничных»; «плечо»; *ñeke* «крыло (плечевая часть)»; эвен. *ñit* ~ *ñet* «позвонок (грудной у животных)»; *ñeden* «спина (верхняя часть)»; нег. *ñagda* «позвонки (ниже шеи)»; уд. *ñegde* «позвонки (двенадцать верхних позвонков у человека, междулопаточные позвонки)» (ТМС, I, 650); маньчж. *niqde* «выгиб на спине лошади (у оконечности гривы и передних лопаток)»,

«седловина», «загривок» (ТМС, I, 591). Кстати, маньчжурская форма здесь рассматривается в словарной статье *nikinma* «шея» (ТМС, I, 591). Из приведенного свода тунгусо-маньчжурских форм и значений выясняется, что в основе семантики т.-маньчж. **ñegde* лежит сема «позвонок (грудной)», что вряд ли связано с семами тюрк. *jayır* «ссадина» и монг. **ǰayal* «серый, грязный».

Предполагаемая гомогенность тюрк. **jayır*, монг. **ǰayal* и т.-маньчж. **ñegde* сталкивается с фонетическими и морфологическими трудностями. Сопоставление допустимо только на «корневом» уровне: тюрк. **jay* ~ **jay-* ~ монг. **ǰaya* ~ **ǰaya-* ~ т.-маньчж. **ñeg* ~ **ñeg-*, однако ни в одной из классификационных групп алтайских языков не удается убедительно выделить производящую корневую основу. Требуется объяснения переднерядная огласовка тунгусо-маньчжурских форм (при заднерядной монг. и тюрк.). Остается необъяснимой корреляция тюрк. *-ır* ~ монг. *-l* ~ т.-маньчж. *-de* (фонетическое чередование?; не связанные друг с другом, самостоятельные деривационные морфемы?) и т.п. Поэтому данный ряд сближений считать гомогенным преждевременно.

Монг. **dayari* ~ **dajira* «ссадина на спине животного», являющееся несомненно ранним тюркским (прабулгарским) заимствованием, авторами «Этимологического словаря алтайских языков» без достаточных на то оснований сближается в качестве гомогенного на праязыковом уровне с тюрк. **jayır, jayrın* «спина, лопатка» и т.-маньчж. **daga* «бедро» (EDAL, I, 457-458). Однако генетическая связь между тюркскими словами **jayır* «ссадина», «рана» и **jay(ı)r(in)* «верхняя часть спины человека, промежуток между лопатками» весьма проблематична, в основном, по семантическим соображениям. В современных исследованиях эти два слова рассматриваются по отдельности (см. Clauson, 1972, 905, 970; Doerfer, 1975, 177-178, №1868; ЭСТЯ, 1989, 65-67; Дыбо, 1996, 139-141; СИГТЯ, 1997, 242).

Тунгусо-маньчжурское **daga-* «бедро, бедренная кость, плечевая кость» [ср.: эвенк. *dayańa, dańajā, dańańa* – название кости (бедренная, плечевая, берцовая); «бедро»; нег. *dayańa* – название кости (бедренная); ? орок. *dajaptu* «икры», *dāna* – название кости (бедренная, плечевая); «бедро»; «плечо (верхняя часть руки до локтя)» (ТМС, I, 184)], как по формальным, так и по семантическим соображениям, не могут являться гомогенными с тюрк. **jayır* «ссадина на спине вьючного животного» (подробнее см. каз. *жауырын* «спина»).

Критический анализ существующих в специальной литературе сближений тюрк. **jayır* «ссадина, рана на спине вьючных животных (лошади, осла, верблюда), образующаяся от трения седла» с монгольскими и тунгусо-маньчжурскими соответствиями показывает следующее:

- 1) тюрк. **jayır* ~ каз. *žawır* «ссадина» является исконным словом;
- 2) тюрк. **jayır* ~ прабулг. **d'ayır* ~ **ǰayır* «ссадина» → прамонг. **dayari* ~ **dajira* «ссадина»;

3) ср.-монг. **dayari* «ссадина» → т.-маньчж. *dayari* «ссадина».

Все другие сближения, существующие в алтаистической литературе, не состоятельны.

Подробнее см.: Gombocz, 1903, 268; Poppe, 1926, 104-105; Владимирцов, 1929, 318; Ramstedt, 1935, 463; Menges, 1955, 736; Poppe, 1960, 23, 122, 139; 1966, 190; Räsänen, 1969, 122, 178; Clauson, 1972, 905, 970; Колесникова, 1972, 89-91; Doerfer, 1975, 177-178, №1868; 183, №1877; 1985, 76; ТМС, I, 184, 188, 591, 650; ЭСТЯ, 1989, 10-11, 65-67; Дыбо, 1996, 139-141; СИГТЯ, 1997, 242; Щербак, 1997, 121; EDAL, I, 457-458; II, 1007.

ЖАУЫРЫН (*žawırın*) «лопатка (плечевая кость)»; *žawrın* «лопатка, плечевая кость»; *žawırındı* «плечистый», «широкоплечий»; *žawrun* «лопатка (кость)»; *žawrun qara-* «гадать по лопатке»; *žawrunşı* «гадающий по лопатке» (Катаринский, 1897, 74) < пратюрк. **jayır(in)* «верхняя часть спины, лопатка»; ср.: др.-тюрк. (др.-уйг., с VIII в.) *jaranın başın* («his shoulder blades and head») *özin* (МК, III, 8); карах. *jarın* «лопатка» (МК, III, 21); *jarın* «лопатка, плечо» (QBN, 215); ср.-уйг. *jayrın* «лопатка»; чаг. *jayır, jayrın, jarın* «плечо, лопатка» (Clouston, 1960, 323, 333); *jayır, jayrın* «плечо» (Pavet de Courteille, 1870, 528, 529); *jayrın* «лопатка» (Поппе, 1938, 138); *jayır, jayrın* «лопатка» (Будагов, 1871, II, 356); хорезм. (XIII в.) *jayrın* «лопатка» (Brockelmann, 1917, 48); кыпч. *jayrān* «лопатка» (Houtsma, 1894, 106); *jayrın* «лопатка» (Сафероглу, 1931, 117; Аталая, 1945, 276); *jawrun* «лопатка» (Telegdi, 1937, 311); ст.-осм. *jayrın* «область лопаток» (TS, IV, 4204-4206); «спина, лопатка» (Zayāczkowski, 1937, 85; Ergin, 1963, 316) и др. (см. ДТС, 241; Clouston, 1972, 970; Дыбо, 1996, 139-141); туркм. *jayurnı* «спина»; *jayırnıñı jaz-* «выпрямить спину, выпрямиться»; диал. *jayırın, jayrın* «спина» (Аразкулыев, 1961, 239); ср. также туркм. *jāyrın* «лопатка» (Щербак, 1970, 61; другими источниками долгота не подтверждается); тур. *jagir* «холка, загривок лошади» (Redhouse, 1979, 1235); *jağrın, jağrını* «холка, промежуток между лопатками и шейей» (Redhouse, 1979, 1236); *jayrın* «плечо, лопатка, верхняя часть спины у плеч» (Zenker, 1867, II, 952; тур.); диал. *jağrın, jagrı* «спина, промежуток между плечами» (DD, III, 1455); *jagarın, jagarnı, jagannı* «спина, хребет, верхняя часть спины человека, промежуток между лопатками» (DD, III, 1452); *jagin, jagını, jagını, jagni, jagır* «спина» (DD, III, 1453); *jārnı* «спина»; *jargin* «спина, промежуток между лопатками» (DD, III, 1483); *janır, janrı* «спина» (DD, III, 1478); *jārin* «плечо» (Dalbi, 1976, 192); *y'ān, y'āni* «спина» (Aksoy, 1946, 722); салар. *jayrə* «плечо», *jarār snəx* «лопатка» (Какук, 1962, 194); (улл.) *jaγyře, jayru* «плечи»; (алл.) *jargy* «лопатка» (Тенишев, 1976, 343, 347); чаг. *jayrın* «плечевая лопатка» (Радлов, III, 51); *jawrun* «плечевая лопатка, крыльца у плеч, плечо» (Радлов, III, 18); уйг. *jayır* «спинная лопатка» (Радлов, III, 42); узб. *jayrın* «верхняя часть спины у плеч, загорбок»; «спина»; *jayrindor, jayrınli* «с широкой спиной, плечистый»; кумык. *jawrun* «верхняя часть спины между плечами, загорбок»; *jawrun qalaq* «лопатка»; *jawrunlu* «плечистый», «коренастый»; кар. *jawrun* «хребет, спина»; «плечо», «лопатка»; «крыло»; «барка»; *juvrın* «плечо»; кар. к. *jayırın* «лопатка, хребет» (← осм.); *jağırın* «плечо» (← осм.); к.-балк. *žawrun, žawrun qalaq, žawrun süjek* «лопатка, лопаточная кость»; *žawrunlu* «плечистый, широкоплечий»; крым. *žawrın* «лопатка (кость)»; *žawrunžı* «гадатель по лопатке» (Радлов, IV, 8); крым. *žawrunžı* «предсказатель по лопатке» (Радлов, IV, 8); каз(ан.-тат.) *žawrın* «лопатка (кость)» (Радлов, IV, 8); тат. диал. (перм., ичкин., кр.-уф.) *jawrın* «плечо» (темн., мел., ичк.) *javırna, javırni* «плечо»; (лямб., чист., дрож.) *javırna başı*, (кр.-уф.) *jawrın- baş* «плечо» (ТТДС, 1969, 158); (серг.) *jayurnı başı* «плечо»

(ТТДС, 1969, 160); (кузн.) *jävěrnä* «плечо» (ТТДС, 1969, 180); (горн.) *žawīr* «плечо» *kiŋ žawīrlī* «широкоплечий»; (перм., горн. *žawīrnabaš* «плечо»; (перм.) *žawīrмбаš*, *žaw(i)rīмбаš* «плечо»; (перм.) *žawīrīn* «плечо»; *žawīrīnqalaq* «лопатка (у человека)» (ТТДС, 1969, 563); (злат., темн.) *žawrīn* «плечо»; (карс.) «затылок, спина, плечо» (ТТДС, 1993, 106); зап.-сиб. тат. *jawrin*, *jawrinбаš* «плечо», *jawrin qalaq* «лопатка» (Тумашева, 1961, 121); *jawrin* «плечо, спина»; «лопатка»; *jawrinбаš* «плечо»; *jawrin qalaq* «лопатка» (Тумашева, 1992, 73); тара, тоб., каз(ан.-тат.) *jawrin* «плечевая лопатка, крыльца у плеч, плечо» (Радлов, III, 17); бараб. *jawrun* «плечевая лопатка, крыльца у плеч, плечо» (Радлов, III, 18); бараб. *jawrin* «плечо», «предплечье»; «передний» (Дмитриева, 1981, 143); башк. *jawrīn* «плечо»; «заплечный, плечевой»; «плечики (подкладные)»; *jawrīмбаš* «плечо, плечи»; *jawrīnlī* «плечистый, с широкими плечами»; *jawrīnsa* «позумент с кисточками на плечах (у женского зияяна)»; *jawrīntaq* «плечистый»; башк. диал. *jawrīnyalaq* «лопатка», *jawrīnsa* «заплечье зияяна, вышитого позументом» (ДСБЯ, 2002, 115); ног. *jawīrīn* «плечо, заплечье», *keŋ jawirnlī* «широкоплечий», *jawirini jalpaq* «плечистый, широкоплечий»; *jawirnlī* «плечистый, широкоплечий»; *jawirinlas-* «лечь спиной друг к другу»; *jawirin qalaq* «лопатка»; к.-калп. *žawīrīn* «плечо», *žawīrīnlī* «широкоплечий»; кир. (= каз.) *žawrūn* «лопатка (кость)»; *žawrūn qara-* «гадать по лопатке» (Радлов, IV, 8); кир. (= каз.) *žawrūnšū* «предсказатель по лопатке» (Радлов, IV, 8); кирг. *žōrun* «лопаточная кость»; алт. *d'arin* «лопатка», *d'arinči* «гадальщик по лопаткам»; *jarin* «плечо, плечевые лопатки» (с притяжением *jarđi*) (Вербицкий, 1884, 81); *jarinči* «ворожея по сожженной лопатке (кости)» (Вербицкий, 1884, 81); тел., ниж.-бий. *jarindu*, тел. *jarindaq*, конд. *jarinčaŋ*, *jariny* «плечистый, широкий, коренастый, могучий» (Вербицкий, 1884, 82); туба *d'arin* «лопатка, плечо», *d'arin-mojdon* «плечо и шея» (Баскаков, 1966, 114); куманд. *d'arin* «плечо, плечевая лопатка», *d'arindu* «плечистый, крепкий, могучий» (Баскаков, 1972, 211); лебед. *d'arin* «плечо» (Баскаков, 1985, 144), *jarin* «плечевая лопатка, плечо» (Баскаков, 1985, 149); хак. *čarin* «лопатка, лопаточная кость»; «верхняя часть спинки шубы»; *čarin pazi* «предплечье»; *čarinny* «плечистый, коренастый, крепкий»; *čalbaş čarinny* «широкоплечий»; саг. *čarin* «лопатка» (Инкижекова, 1948, 54); шор. *čarin* «плечевая лопатка» (Радлов, III, 1864); *čarinny*, *čarinčak* «плечистый, коренастый» (Радлов, III, 1864); с.-юг. *jarin* «лопатка» (Малов, 1957, 37); ср. также ж.-уйг. *jorim*, *jurim* «кафтан» (Малов, 1957, 42, 45; Тенишев, 1976, 185); тув. *čarin* «лопатка»; *čarin bašta-* «брать за лопатку, применять подсечку (прием национальной борьбы)»; *čarinny* «коренастый, плечистый»; *čarinči* «гадальщик, ворожея по обожженной лопатке»; тоф. *čarin* «лопатка»; якут. *sarin* «плечо»; *sarin хартаяҕа* «лопаточная кость»; *sannittan tajan-* «опираться о чье-либо плечо»; *sarinnāx* «плечистый», *darayar sarinnāx* «широкоплечий»; чув. *šurām* «спина»; «хребет»; «спинка одежды»; «хребет, гряды (горы)»; *laža šurāmē* «хребет лошади»; *šurām šāmmi* «позвоночник» (см. Ашмарин, XII, 269). Перечень межтюркских соответствий см.: Räsänen,

1969, 178; Егоров, 1964, 220; Clauson, 1972, 970; Doerfer, 1975, 177-178; Колесникова, 1972, 89-91; ЭСТЯ, 1989, 65-67; Дыбо, 1996, 139-141; Федотов, 1996, II, 142; 2002, 294; Эхмэтьянов, 2001, 266; Egen, 1999, 439-440; EDAL, I, 457-458.

В ареальном отношении показательно отсутствие слова в некоторых огузских (аз., гаг.) и новоуйгурских языках. Для кыпчакских языков реконструируется архетип **jawirin* < **jayirin* «лопатка, плечевая кость», для всех других классификационных групп – архетип **jayrin* > **jarin* с тем же значением. В чагатайских памятниках и диалектах турецкого языка обнаруживаются формы, восходящие к архетипу **jayir* «плечо, лопатка», которые указывают на производный характер пратюрк. **jay(i)rin* < **jayir* + *-in*. Аффиксальный элемент *-n* (*-un*, *-in*, *-an*) выделяется в ряде названий частей тела, ср.: тюрк. *qarin* «желудок», «живот»; *bıqın* «бок», *burun* «нос», *bojun* «шея», *qojuın* «пазуха», «лоно» и т.д. (Doerfer, 1975, 177-178; Atalay, 1942, 154). В. Банг основу *jayir* в *jayirin* «спина» отождествляет с тюрк. *jayir* «стертое место на лошадиной спине» (Bang, 1921, 10), а аффиксальный элемент *-n* (*-an*, *-in*, *-un*) трактует как показатель диминутива (Bang, 1917, 142). Х. Эрен в составе тюрк. *jayrin* «лопатка» также выделяет основу *jayir* «хребет, спина, промежуток между лопатками» и уменьшительный аффикс *-(i)n* (Egen, 1999, 439-440).

Многие исследователи отождествляют два омонимичных слова: *jayir* ~ каз. *żawır* «стертое место на спине лошади», «рана, ссадина на спине» и *jayir* «лопаточная кость», «спина» (см.: Ramstedt, 1939, 83; Poppe, 1960, 23, 122, 139; Atalay, 1942, 232; Menges, 1955, 736; Räsänen, 1969, 178; Колесникова, 1972, 89-91 и др.). Однако подробный анализ репрезентативного эмпирического материала показывает, что это два самостоятельных слова. Гомогенность тюрк. *jayir* «ссадина, рана, потертость (на спине вьючных животных)» и тюрк. *jayir* «лопаточная кость», «спина» (в составе **jayirin* «лопаточная кость», «спина») обоснованно оспаривают Дж. Клоусон (Clauson, 1972, 970), Г. Дёрфер (Doerfer, 1975, 177-178) и др. (см. Дыбо, 1996, 139-141; ЭСТЯ, 1989, 67; СИГТЯ, 1997, 242). Отождествление этих слов не приемлемо по ряду причин, прежде всего – по семантическим соображениям. Тюрк. *jayir* ~ каз. *żawır* «ссадина, рана» в словарях обычно трактуется как «ссадина, рана на спине (подчеркнуто нами. – Ж.Т.) животных, образующаяся от трения седла». Это, конечно, наиболее часто встречающийся случай, однако потертости бывают также на шее и груди лошадей от неправильно подобранного хомута (перечень форм и значений см. под каз. *жауыр* «рана»), которые также называются *jayir* «ссадина». Таким образом выясняется, что в основе семантики тюрк. *jayir* «ссадина» лежит не представление о спине (вьючного животного), а прежде всего – представление о ране, потертости, ссадине и т.п. Следовательно, между *jayir* «ссадина» и *jayir* «лопаточная кость», «спина» (чаще – человека, а не животных, ср. значение «промежуток между костями лопаток») нет никаких семантических и материальных взаимоотношений. К этому следует добавить и сле-

дующие факторы: различные ареалы слов **jayır* «садина» и **jayırın* «спина», «лопаточная кость»; ранняя фиксация в источниках *jarın* по сравнению с *jayırın* (см. также Bailey, 1944, 293); своеобразии производных от этих слов (ср., например, зафиксированные уже в «Диване» Макмуда Кашгари формы *jayrı* < **jayır-ı* «быть стертым» и *jarınla* ~ *jayırın-la* «ударить по плечу, по спине») и т.д.

О гетерогенности тюрк. *jayrı* «садина» и *jayırın* «лопатка», «спина» свидетельствуют также лексические соответствия из монгольских и других алтайских языков (тюрк. *jayır* «садина» ~ монг. *dayari* «садина, рана от седла» ~ т.-маньчж. *dayari* «тж.»; подробнее см. каз. *žawır* «рана», «садина»).

Б.И. Татаринцев в составе общетюркского *jayırın* (~ *jayır* ~ *jayrı*) «верхняя часть спины», «плечо», «лопатка», «хребет», «холка, загривок» вычленяет гипотетическую глагольную основу **jay(a)-* «подниматься (выдаваться, выпирать и под.)» < **jay* (? ср. туркм. *jāy-la-w* «выступ на ноже между лезвиями и рукояткой») (Татаринцев, 1993, 123), однако эта версия требует более детального фактологического обоснования.

Заслуживает внимания высказанная Л.С. Левитской (ЭСТЯ, 1989, 67) оригинальная мысль о возможной производности *jayırın* «промежуток между лопатками, спина» от глагола *jār-* «рассекать», т.е. *jarın* || *jayırın* – это *«место, где есть «щель» между лопатками» (ср. тур. диал. *jargin dali* «место, где выступают лопаточные кости» – DD, III, 1483). В этом случае оправдывается и предположение К. Брокельмана об отглагольном происхождении тюрк. *jayırın* (Brockelmann, 1954, §92).

В связи с этой идеей особую актуальность приобретает предпринятое Х.И. Суюнчевым сближение к.-балк. *žawrun* «лопатка» с монг. *žayur* «промежуток»; класс. монг. *žayura*, халх. *žūr*, бур. *zūrā*, орд. *žūr*, *žūrā*, монгол. *žōro* «в», «между», «в момент» (Суюнчев, 1977, 22; со ссылкой на Санжеев, 1953, 233). По мнению Г.Д. Санжеева, монг. *žayur-a* «в», «между», «в момент» «представляет собой послелог, образованный из ныне омертвелого *žayur* «промежуток» в форме омертвелого местного падежа с показателем *-a*» (Санжеев, 1953, 233); ср.: х.-монг. *žūr* «дорогой», «по пути»; «в промежутке, во время, когда»; «между тем, как»; «при» (БАМРС, II. 241); бур. *zūrā* «по дороге, по пути»; «в дороге, в пути»; «во время, когда»; «между тем, как»; «при»; калм. *zūrā* «по дороге, по пути»; «с дороги, с пути»; «перед», «во время, когда», «между тем, как», «при»; ойр. *zūrā* «по дороге, по пути», «в дороге, в пути»; «мимоходом»; «в промежутке, во время, когда», «между тем, как»; «в очень короткое время, моментально» (Тодаева, 2001, 167); монгол. *žōro* «между, среди» (Тодаева, 1973, 334); ср. также: п.-монг. *žayura* «промежуток», «расстояние, пространство между двумя объектами»; ср.-монг. *ža'ur* ~ *žūrā*, дагур. *džora*, монгол. *d'žoro* «между, в промежутке, в середине»; орд. *dzūrā*, харч. *dzōrā*, халх. *dzurā*, бур. (алар.) *zūra*

«тж.», могол. *džöürö* «середина», калм. *zürä* «между» (Poppe, 1955, 116; Ramstedt, 1935, 482).

В монг. *žayura* «между», однако, выделяется основа *žayu* < **žabu* «промежуток», восходящая к тюркскому **jaр* «пустое, свободное пространство между двумя объектами» (подробнее см. каз. *žaba, žap, žapsar*). Таким образом, генетические или контактные связи между тюрк. *jayırın* «лопатка», «спина» и монг. *žayura* «промежуток» становятся проблематичными.

Тюрк. **jayırın* ~ **jayurun* «лопатка», «спина» в алтаистических исследованиях иногда сравнивается с монг. *niryu(n)* «позвоночник» (см., например, Федотов, 1996, II, 142; 2002, 294); ср.: прамонг. **niryu* «позвоночник», «позвонки», «костный мозг»; «спина»; ср.-монг. *niri'un* ~ *niru'un* «спина», «спинной хребет, позвоночный столб» (Haenisch, 1939, 117); *nirün čayan morin* (= чаг. *učası aq at*) «лошадь с белой спиной» (Поппе, 1938, 257); *nirisun* «позвоночный столб» (Lewicki, 1949, 47); *niryun* «спина» (Поппе, 1938, 442); *niryu(n)* «позвоночник», «спинной хребет» (Kowalewski, 1844, 672); п.-монг. *niryu(n)* «спина», «позвоночный столб», «позвоночник» (Lessing, 1960, 585); х.-монг. *nurü(n)* «спина, спинной хребет»; «позвоночник», «позвоночный столб»; «рост»; «хребет»; «матица, перекладина»; «скирда»; «общее состояние чего-либо»; «общие соображения»; «очерк, набросок, общий план, эскиз»; *nurüwč* «чересседельник»; «часть панциря или одеяния, покрывающая спину»; «эскиз, план» (БАМРС, II, 427); бур. *ñuryä(n)* «спина», «позвоночник»; «рост»; «хребет»; «верхняя часть чего-либо»; «поверхность», «возвышение (выступающее на ровной поверхности)»; «балка, матица»; «рост, возраст (человека)»; «пора, сезон (о времени)»; *ñurü* «поверхность чего-либо»; «гребень»; калм. *ñuryän* «спина, позвоночник»; «хребет»; «верхняя часть чего-либо»; «поверхность, возвышение»; «возраст (человека)»; «пора, сезон»; (см. Ramstedt, 1935, 281); ойр. *ñuryän* «спина», «позвоночник»; «рост» (Тодаева, 2001, 253); дагур. *nirö* «спина, позвоночник, поясница»; «стропила»; «конек крыши» (Тодаева, 1986, 158); дунс. *nurun*, ш.-юг. *nirün*, монгор. *nuru, nurä* «спина» (Тодаева, 1973, 353); в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар., онн., найм., хеш., харч., тум., шгол., уцаб., чах., орд. *nirü* «спина, спинной хребет, позвоночник, позвоночный столб» (Тодаева, 1981, 176); балт. *nuryän*, бур. *ñuryäñ*, х.-монг. *ñurü, n'urü* «спина, хребет» (Владимирцов, 1929, 177, 235; перечень монгольских форм и значений см.: Ramstedt, 1935, 281; MGCD, 519; Poppe, 1955, 42; Doerfer, 1963, 529-530; EDAL, II, 979, 1000).

Монг. **niryun* «спина, позвоночник», «спинной хребет», «горный хребет» проникло в ряд тунгусо-маньчжурских языков, ср.: эвенк. *n'iri* «позвоночник» и т.д. (подробнее см.: ТМС, I, 639-640; Колесникова, 1972, 88-89; Doerfer, 1985, 114; в EDAL, II, 979 они трактуются как гениинные на алтайском уровне).

Между пратюрк. **jay(i)rin* «лопаточная кость» и прамонг. **niruyun* «спина», «спинной хребет», «позвоночник», на наш взгляд, нет ни генетических, ни контактных взаимосвязей. Во всяком случае, традиционные алтаисты не предпринимали попыток сближения этих форм.

В «Этимологическом словаре алтайских языков» монг. **niruyun* «позвоночник» сближается в качестве генуинного на праязыковом уровне с тюрк. **jir* «левый, север» (EDAL, II, 979); ср.: др.-тюрк. (орх., с VIII в.) *jir* «левая сторона», «север» в составе *jiryaru* «налево, на север» (ДТС, 268), др.-уйг. *ir-*, *jir-* «север» (см. Clauson, 1972, 954, 959, 973); др.-тюрк. *jiraja* «на севере»; *jirdantajan* «слева, с севера» (ДТС, 268) < *jir-dantajan*; др.-тюрк. *jiryaru* «налево, к северу» (Радлов, III, 476) ~ чув. *šër* «ночь», *šur šër* «полночь», «север»; *šërle* «ночью», *šërle-* «ночевать» (см.: Ашмарин, XIII, 101-105; Räsänen, 1969, 201; Ramstedt, 1952, 33; 1957, 76-77; Рамстедт, 1957, 40; Porpe, 1960, 39, 116, 134; Федотов, 1996, II, 112; 2002, 280).

А.В. Дыбо монг. **niri-yun* «позвоночник, спина» и т.-маньчж. **niegde* < **nier-de* (с локативным аффиксом) «тж.» также сближает в качестве прадродственных на алтайском уровне с др.-тюрк. рунич., др.-уйг. *jir* «север, левая сторона» (< «сзади», вследствие смены пространственной ориентации; ср. *ber* «юг», *berü* «позже» < «вперед») (Дыбо, 1996, 306).

Эти сопоставления, однако, весьма проблематичны. В тюрк. **jir* «левая сторона» трудно выявить семему «зад, задняя сторона»; «спина» и т.п. Согласно традиционной тюркской системе пространственной ориентации на восток, север оказывается по левую руку, но никак не сзади, т.е. со стороны спины. Нет никаких оснований говорить о смене пространственной ориентации у тюркских народов. Начиная со свидетельств древних китайских исторических сочинений и вплоть до этнографической действительности все тюркские народы ориентировались на восток. Вместе с тем есть некоторые основания, вроде бы свидетельствующие о смене пространственной ориентации с востока на юг монгольскими народами (под влиянием китайской традиции; об этом см. Подосинов, 1999, 415 и след., там же специальная литература по данной проблеме).

Весьма показательными следует признать: а) полное отсутствие семы «зад», «спина» и т.п. в кругу значений тюрк. *jir* «левая сторона», «север» и б) полное отсутствие пространственных значений в широком семантическом поле монгольских слов, восходящих к **niri-yun* ~ **niru-yun* «спина».

При сближении монг. **niruyun* «спина», «позвоночник» с тюрк. *jir* «левая сторона», «север» ~ чув. *šër* «ночь», «север» (букв. «полуночная сторона»), помимо семантических, возникают фонетические и морфологические трудности. нельзя, например, однозначно утверждать, к какой части речи относится выделяемая из монг. **niruyun* «спина» основа **niru* – к именам или глаголам. Исходя из приведенных соображений, доказать генуинность монг. **niru-yun* «спина» и тюрк. *jir* ~ чув. *šër* «север» невозможно.

Проблематичность данного сближения усугубляется еще и тем обстоятельством, что в том же «Этимологическом словаре алтайских языков»

монг. **niruyu(n)* «общее состояние чего-либо»; «основа», «поверхность» сближается в качестве гомогенного на праязыковом уровне с тюрк. **jürt* «жилище, стоянка» (EDAL, II, 1000) Вопреки утверждению авторов названного словаря, монг. **niruyu(n)* «спина» и **niruyu(n)* «общее состояние чего-либо»; «основа, поверхность» нельзя считать двумя разными омонимичными словами. В сущности мы здесь сталкиваемся с широкой полисемией монгольского слова. Не случайно все словари монгольских языков эти и другие значения слова **niruyun* ~ х.-монг. *nurū(n)* «спина» (и т.д.) рассматривают в одной словарной статье (см., например, БАМРС, II, 427), хотя в монгольской лексикографии далеко разошедшиеся в семантическом отношении филиации одного слова очень часто описываются в самостоятельных словарных статьях. Это говорит о том, что носители монгольского языка отчетливо осознают, что «общее состояние чего-либо», «основа, поверхность» в сущности являются переносными значениями слова **niruyu(n)* «спина», «спинной хребет». Следовательно, в «Этимологическом словаре алтайских языков» одно и то же слово **niruyu(n)* «спина», «общее состояние чего-либо»; «основа, поверхность» сопоставляется с двумя разными тюркскими словами: **jir* ~ чув. *šer* «север», «левая сторона» и **jürt* «жилище, стоянка» ~ чув. *šurt* «строение, двор со всеми относящимися к нему к нему постройками». Если даже допустить, что в монгольском имеем два полностью омонимичных слова **niruyu(n)*, невозможно убедительно объяснить, почему в одном случае в тюркских языках развилась форма **jir* ~ чув. **šer* «север», а в другом – **jürt* ~ чув. *šurt* «жилище, стоянка» (ср. различный вокализм первого слога в тюркских формах!).

Старейшим значением тюрк. **jürt* считается «пространство земли, достаточное для содержания той или другой кочевой единицы, участок земли на кочевье» (СИГТЯ, 1997, 490-491, 494; ЭСТЯ, 1989, 54-55; Doerfer, 1975, 212-213, №1914 и др.; подробнее см. каз. *žurt* «народ, страна»; «место стоянки аула»). Б.Я. Владимирцов подчеркивает, что «участок земель на кочевья», т.е. то пространство, по которому могла кочевать какая-либо хозяйственно-социальная единица, называлось по-монгольски *nuntuḡ* ~ *nutuḡ*, а по-тюркски *yurt* (Владимирцов, 1934, 43).

Изложенное выше показывает недостаточную обоснованность сближений монг. **niruyu(n)* «спина»; «основа» как с тюрк. *jir* «север», так и с тюрк. **jürt* «участок земли на кочевье, племенная территория», и поэтому мы воздерживаемся от включения данных сближений в разряд гомогенных тюркско-монгольских соответствий; не выявляются между рассмотренными тюркскими и монгольскими формами и контактные взаимосвязи.

Среднемонгольское *da'ari* (SH) «холка», п.-монг. *dajira* «холка» (Lessing, 1960, 222), судя по семантике, являются восточнотюркскими (чагатайскими) заимствованиями (← чаг. *jayır* «плечо, лопатка»).

По всей вероятности, к тюрк. *jarın* «лопатка, плечо» восходит также т.-маньчж. **ērün* «кость предплечья»; ср. эвенк. *ērün* «кость предплечья»; «мера длины (от локтя до кисти)»; эвен. *ārān* «гребень лопатки оленя»;

«плечевая кость (у человека)» (см.: Колесникова, 1972, 317; ТМС, I, 291), которые в «Этимологическом словаре алтайских языков» без достаточных оснований сближаются с монг. **qari* «плечевая или бедренная кость»; «рука», «локоть (мера длины)» и тюрк. *qariš* «пядь» (см. EDAL, I, 798-799; подробнее см. каз. *qar* «предплечье»; *qariš* «пядь (мера длины)»).

Все другие тюркско-монгольские лексические сближения (монг. **niruyun* «спина, позвоночник» ~ тюрк. **jir* «левая сторона», «север»; тюрк. **jürt* «племенная территория» и т.д.) при ближайшем знакомстве оказываются слишком натянутыми и не выдерживают критики.

С тюрк. *jayrin* ~ чув. *šurām* «спина», «лопатка» сближается венг. *szárny* «крыло» (? ← др.-булг.; см. MNYTESz, III, 683-684; там же библиография).

Подробнее см.: Gombocz, 1905, 268; Bang, 1917, 142; 1921, 10; Poppe, 1926, 104-105, 318; 1955, 42; 1960, 23, 39, 116, 122, 134, 139; 1966, 90; Владимирцов, 1929, 318; 1934, 43, 57; Ramstedt, 1935, 83, 281, 463; Bailey, 1944, 293; Brockelmann, 1954, §92; Menges, 1955, 736; Рамстедт, 1957, 40; Егоров, 1964, 220, 221; Räsänen, 1969, 122, 178, 201; Clauson, 1960, 323, 333; 1972, 905, 954, 959, 970, 973; Колесникова, 1972, 89-91, 317; Doerfer, 1963, 529-530; 1975, 177-178, №1868; 183-184, №1877; 212-217, №1914; 1985, 76, 114; Ахметьянов, 1989, 132; ЭСТЯ, 1989, 10-11, 54-55; 65-67; ТМС, I, 184, 188, 291, 591, 639-640, 650; Дыбо, 1996, 139-141, 306; Федотов, 1996, II, 112, 142, 144-145; 2002, 280, 294, 295; СИГТЯ, 1997, 242, 490-491, 494; Щербак, 1997, 121; Подосинов, 1999, 415 и след.; Eren, 1999, 439-440, 461; Эхмэтьянов, 2001, 82, 266; EDAL, I, 457-458, 798-799; II, 979, 1000, 1007.

ЖАУЫЗ (*žawız*) «злой», «зловредный»; «подлый»; «коварный»; «вредный»; «хищный»; *žawızdan-* «сделаться злым»; «становиться вредным, хищным (о человеке)» < пратюрк. **jaβuz* < ? **jaruz* ~ прабулг. **jaβur* ~ **žabur* «плохой», «грубый», «скверный», ср.: др.-тюрк. (орх., с VIII в.) *jabiz* «ничтожный, плохой, слабый»; *jabiz-jablaq* «плохой» (ДТС, 222); *esiz-jabiz* «скверный, ничтожный» (ДТС, 184); др.-тюрк. (с VIII в.) *jawiz*, др.-уйг. (VIII в.) *jawiz*, карах. (XI в.) *javuz* (МК, III, 10, 41) «плохой, скверный» (ДТС, 250); *jafuz* (МК, III, 10) «злой, скверный» (ДТС, 223); др.-уйг. *javiz* «плохой, злокачественный»; *javiz-javlaq* «плохой, скверный»; *kavγan-javiz* «плохой, скверный» (ДТС, 249); кыпч. (XIII в.) *jawuz*; чаг. (XV в.) *jawuz*, хорезм. (XIII в.) *jawuz*, осм. (XV в.) *uavuz* «плохой, дурной», «злой, вредный, зловредный»; «яростный, буйный» (ДТС, 222, 223, 249, 250; Clauson, 1972, 879, 881-882; Orkun, 1987, 881; Малов, 1951, 382; Айдаров, 1971, 358); ср.-тюрк. *jawuz* «плохой», «скверный», «злой» (во всех источниках); туркм. *jowuz* «суровый, тяжелый»; *jowuz günler* «суровые дни»; «тяжелые времена»; тур. *jawuz* «суровый, грозный, жестокий»; «отважный»; диал. *jawiz* «суровый»; «грозный»; «крепкий, сильный» (Aksoy, 1946, 740); тур. *jawuz* «жестокий, дурной, злой, порочный, вредный»; «энергия»; «человек с твердым характером» (Будагов, 1871, II, 345); осм. *jawiz* «жестокий, злой, грубый, гордый, твердого характера» (Радлов, III, 292); *jawuzlan-* «одичать» (Радлов, III, 295); *javuz* «суровый, грозный, жестокий, беспощадный»; тур. диал. (в Анатолийских говорах): *javiz, javiz, javuz* «iyi, güzel, iyi huylu»; «yiğit, mert»; «eli açık»; «becerikli, çalışkan»; «sert, keskin, yabanıl»; «isirgan (köpek için)» (см. Gülensoy, 1986, 512); ? гаг. *jawuz* «скот (мелкий, но жирный)»; др.-уйг. *jabus* «злой, худой» (Радлов, III, 285); уйг. *jawus* «злой, гадкий»; чаг. *jawuz* «жестокий, злой, грубый» (Радлов, III, 295); уйг. *jawuz* «злой»; «злостный»; «жестокий»; *jawuzlan-* «злиться», «становиться злым»; «злобствовать», «становиться жестоким»; узб. *jowuz* «злой, злобный»; «ярый, злейший»; «злодейский»; «жестокий»; кар. т. г. *juwuz* «низкий, низменный»; «недостойный», «унизительный»; *juwuz et-* «понижать, унижать»; *juwuz žan* «скромная (букв. низкая) душа»; *juwuzlan-* «спускаться, опускаться»; «становиться низким», «понижаться»; «унижаться»; *jowuz* «низкий»; «враг, недруг»; кар. л. т. *juwuz* «низкий» (Радлов, III, 573-574); к.-балк. *žawuz* «значительно, намного, гораздо»; тат. *jawız* «злой, злобный, злостный, ярый, злейший, зловредный, свирепый, жестокий»; «отъявленный, заклятый, лютый»; *jawız* «жестокий, дурной, злой, порочный», «вредный»; *jawızla-* «злословить, порочить»; *jawızlan-* «сделаться жестоким», «развращаться» (Будагов, 1871, II, 345); каз(ан.-тат.) *jawız* «злой, худой» (Радлов, III, 293); зап.-сиб. тат. (том.) *jabis* «низкий» (Тумашева, 1992, 64); (бар.) *jais* «низкий» (Тумашева, 1992, 73); (н.-сиб.) *jawıs* «низкий» (Тумашева, 1992, 73); башк. *jawız* «злой, зловредный, свирепый, лютый»; «злодей, изверг, изувер»; к.-калп. *žawız* «злодей»; «злой, злобный, лютый»; «коварный, подлый, зловредный, вероломный»; кирг. *žapız, žapis* «низкий,

низкорослый»; «приплюснутый»; *žapız döbö* «низкий и плоский холм»; алт. *d'abis* «низкий»; «низко»; «злобный»; *d'abıza-* «понижать», «снижать»; «унижать»; *d'abızaq* «низенький»; *d'abızan-* «опускаться, понижаться, снижаться»; «опуститься»; «унижаться»; алт. *jabis* «низкий»; *jabıza-* «понижаться, унижаться»; *jabızdın-* «смириться» (ГАЯ, 164); *jabis* «низкий»; *jabızaq* «низенький, малорослый»; *jabıza-* «понижаться, унижаться»; *jabızat-, jabızındır-* «унизить, уничтожить»; *jabaža-* «смириться, укротиться»; ср. также: *jabal* «дурной, злой, худо»; «несчастье», «порок»; *jabal quş* «петушок»; *jabal par* (надо *pār*. – Ж.Т.) «селезенка» (Вербицкий, 1884, 65); туба *t'awusta-* «спускаться» (Баскаков, 1966, 160); лебед. *jabis* «низкий (ростом, величиной)»; *jabıza-* «сделаться низким» (Баскаков, 1985, 146); алт., тел., леб., кюэр. *jabis*, тел., кач., койб. *d'abis* «низкий (ростом, величиной)» (Радлов, III, 281); ж.-уйг. *jus* «плохой, дурной, злой, негодный» (см. Малов, 1957, 45); хак. *čabis* «низкий» (прямо и перен.); тув. *čawıs* «низкий»; «низко, ниже»; *čawıs čer* «низменность, низина»; «низкое место»; *čabis* «низкий» (Катанов, 1903, 150); шор., саг. *čabal* «дурной, злой, гадкий»; *čabal quş* «петушок»; *čabal pār* «селезенка» (Радлов, III, 1929: = *jaman*); саг. *čabır-* «унизить, сделать низким» (Радлов, III, 1931: ср. *jabis*); шор., саг. *čabis* «низкий» (Радлов, III, 1932); шор. *čabıza-* «сделать низким» (Радлов, III, 1933); саг. *čamıs* «низкий» (Радлов, III, 1940) и др. Якут. *suos* «строгость»; «строгий, грозный», обычно рассматриваемое в этом ряду (см. ЭСТЯ, 1989, 47-48; EDAL, I, 466-467), Э.К. Пекарским сближается с тюрк. *jawıuş* «враждебный, сварливый» (Пекарский, 1926, VIII, 2351-2352): при якут. *suos* «строгость»; «гневность, гневливость»; «страх, внушаемый кем-либо другому»; «неприступность» (перечень межтюркских соответствий см.: Räsänen, 1969, 176; ЭСТЯ, 1989, 47-48; EDAL, I, 467; Эхмэтьянов, 2001, 261).

Приведенные в перечне межтюркских соответствий формы позволяют реконструировать для пратюркского состояния два архетипа: **jaβuz* «плохой, злой» и **japız* «низкий», которые распределяются по самостоятельным взаимно не перекрещивающимся ареалам: первый из них хорошо представлен в письменных памятниках с VIII века, а из современных языков – в огузской, карлукской и кыпчакской (за исключением периферийной ветви) группах современных тюркских языков, но в кыргызской (хонгоройской), тобаской и якутской группах, а также в периферийной ветви кыпчакских языков (кирг., алт.) не имеет никаких следов; второй, представлен в тобаских, кыргызских и периферийной группе кыпчакских языков, а в письменных памятниках не встречается вообще. Архетипы **jaβuz* «плохой, злой» и **japız* «низкий» (в прямом и переносном значениях) отличаются друг от друга не только формально, но также ареально и семантически, поэтому в историко-этимологических исследованиях они часто рассматриваются самостоятельно (см., например, ЭСТЯ, 1989, 16-17: *žapız* «низкий»; 47-48: *jabuz* «плохой, злой»). Однако между этими двумя формами прослеживаются и объединяющие их моменты: очень показательны в этом отношении кар. т. г. л. *jiwuz* «низкий, низменный» (см. в перечне форм), алт.

d'abis «злобный», хак. *čabis* «низкий» (в прямом и переносном значениях) и т.п. Поэтому имеется достаточно оснований считать архетипы **jariz* «низкий» и **jabuz* ~ **jaβuz* ~ **jawuz* «плохой», «злой» этимологически родственными. В данном случае, очевидно, отражается древнее подразделение пратюркского языка на северный (**jariz*) и южный (**jaβuz*) диалекты. Северный диалект отражается в восточном, а южный – в западном ареале современных тюркских языков. Предположение об изначальной genuинности **jariz* «низкий» и **jaβuz* «плохой», «злой» подтверждается многими историко-этимологическими исследованиями данных форм.

Слово **jaβuz* «плохой», «злой» представлено почти во всех классификационных группах современных тюркских языков (за исключением чувашского), в письменных памятниках зафиксировано с VIII века (подробнее см. перечень форм и значений).

Еще Ф.Е. Корш отметил генетическую связь между такими тюркскими словами, как тур. *javuz* «дурной», орхон. *jablaq* «плохой, скверный», алт. *jabal* «дурной, злой», общетюрк. *jaman* «плохой» (Корш, 1903, 4).

В. Банг в составе тюрк. *jabiz* выделял корневую основу **jab-* // *jam* (Bang, 1925a, 35-36, прим. 1; 1925b, 36), а К. Брокельман вычленил в *javuz* «плохой, злой» аффиксальный элемент *-z*, образующий абстрактные имена существительные и прилагательные от глагольных основ (Brockelmann, 1954, §120; об аффиксе *-(i)z* см. также: Ramstedt, 1952, 224-225; Рамстедт, 1957, 198-199).

М. Рясянен приводит *jabiz* «плохой» а перечне однокорневых, по его мнению, тюркских форм: алт., тел. *jabı* «тощий, исхудалый, алчный, злой, негодный, порочный» (см.: Радлов, III, 279. – Ж.Т.); каз. *žabi* «плохой, скверный», «негодный» (а также: *žabi* «порода лошади», ср.: *žabi* «простой киргизской породы худая лошадь» – Катаринский, 1897, 65; *žabi* «дурной, незначительный, негодный, простой»; «печальный»; «простая киргизской породы худая лошадь» – Радлов, III, 284. – Ж.Т.); каз(ан.-тат.) *jabıq* «худой, исхудалый»; кар., кирг. *žabıq*, каз(ан.-тат.), бар., кирг. *jabıq-* «тощать, худеть, истощаться»; «быть бедным, быть в жалком состоянии»; «иметь отвращение, скучать» (см. Радлов, III, 279. – Ж.Т.); кар. *jabı-r-* «halb-dunkel sein»; хак. *čabi-r-* «снизить» [ср. др.-тюрк. *jabiz* «плохой», ср.-тюрк. *javuz*]; др.-тюрк. *jablaq* «плохой»; осм. *žawlaq* «обнаженный, плешивый» (см. Радлов, IV. 60. – Ж.Т.); уйг., ср.-тюрк. *jav-yan-aš* «постный суп», «суп без мяса»; шор. *čagban ürä* «постные щи без приправы» (см.: Радлов, III, 1851. – Ж.Т.) >> камас. *d'aybyn* «пост, время поста», осм. *javan* «без жира», «безвкусный» (Магазаник, 1970). Далее М. Рясянен сближает тюркские слова с монгольскими: п.-монг. *žabqaj*, калм. *zawχä*; *zawχä* «плохой, скверный», «противный, отвратительный», «ничтожный» (Ramstedt, 1935, 468) и кор. *čar* «обманчивый», «низкий, низменный», «подлый» (Ramstedt, 1949, 22), но не подвергает приведенные формы какому-либо филологическому анализу (Räsänen, 1969, 176).

Дж. Клаусон подчеркивает отчетливую семантическую связь между тюрк. *javuz* «плохой», «злой» и *javlaq* «плохой» и вычленяет в этих словах производящую основу **jav* «плохой, дурной» (Clauson, 1972, 876-877). А. Габен считает этимологически связанными тюрк. *jawiz* «плохой», *javlaq* «плохой» и *jawyan* «грубый» и возводит их к глагольной основе **jaw-* (Gabain, 1958, 11).

Что касается тюрк. **jablaq* «плохой», то В. Банг относит его к отглагольным именам, образованным от **jabila-*, который в свою очередь является производным от деепричастия **jabı*, производного от глагола **jaß-* (Bang, 1925, 35-36, прим. 1). К. Брокельман приводит *javlaq* среди производных на *-laq* не объясняя производящей основы (Brockelmann, 1954, §77).

В «Древнетюркском словаре» отмечен древнеуйгурский глагол *javla-* «доставлять неприятности, причинять вред» (ДТС, 249), к которому, по всей вероятности, и восходит *javlaq* «плохой», представляющий собой отглагольное имя на *-q* со значением результата действия (ср. также др.-тюрк. *javra-* «становиться грубым, жестким», см. ДТС, 249).

В «Этимологическом словаре алтайских языков» объединяются как происходящие из единого корня **jab(-)* «плохой», «ухудшаться» и т.п. такие межтюркские деривационные основы как: **jabız* «плохой, грубый»; *javyan* «плохой, грубый»; *jablaq* «тяжелый, трудный», а также хак. *čayban* «пресный, безвкусный», як. *suos* (?) «тяжелый, трудный, суровый» (см. EDAL, I, 466-467).

В свою очередь, тюрк. **japız* «низкий» в историко-этимологических работах сближается, как исторически генинное, с тюрк. *japır-* «опускать вниз» (и т.п.), *japcıq* «плосконосый», *japalaq* «плоский, приплюснутый», **japlaş-* «сплющиваться», *japta* «плоская и круглая тефтелька из пшеничной крупы», *japaz* «толстое и короткое дерево», *japıq* «плоский, приплюснутый», *čabit* (< ? *japıt*) «низкий» и т.д. (подробнее см.: Clauson, 1972, 879, 881-881; ЭСТЯ, 1989, 16-17; Эхмэтьянов, 2001, 261; Федотов, 1996, II, 502-503; 2002, 466 и др.)

Исходя из совокупности этимологических разработок разного качественного уровня, в общей сложности выявляется, что производящей основой анализируемого слова могли быть такие пратюркские архетипы, как: **jap ~ *jaß (~ *jab ~ *jav ~ *jaw) ~ *jam* (именные основы) или **jap- ~ jaß- (~ *jaw- ~ jav-) ~ jam-* (глагольные основы), из которых ни одна не сохранилась в современных языках (и не зафиксирована в чистом виде в письменных памятниках). Вместе с тем, перед компаративистами алтаистического направления стоит реальная задача выяснения истинной природы взаимосвязей всех предлагаемых исследователями сближений.

В алтаистических исследованиях производные от приведенных основ тюркские слова обычно сближаются с монгольскими *žabqaj* «непристойный, неприличный» (Ramstedt, 1935, 468; 1936-1937, 16; 1949, 22; 1952, 224-225; Рамстедт, 1957, 198; Räsänen, 1969, 176), *dabca*, *dabža* «низкий,

низкого роста, карлик» ~ ? тюрк. *jabız* (Ramstedt, 1935, 77); **ǰib-* в составе п.-монг. *ǰibegü*: «отвращение, негодование» (EDAL, I, 466-467).

Рассмотрим все эти случаи подробнее.

Монг. *ǰabqai*, *ǰabu*, *ǰabayan* «непристойный, неприличный»; ср.: х.-монг. *zawxaj* «распущенный, распутный, разгульный»; «пошлый»; «безнравственный, беспутный», «блудливый» (БАМРС, II, 194; перечень монг. форм и значений см. под каз. *жабық* «печальный», «грустный»), при ближайшем знакомстве оказывается ранним тюркским (прабулгарским ?) заимствованием (ЭСТЯ, 1989, 9-10, 20, 47-48, 51; EDAL, I, 467).

Г.Й. Рамстедт тюрк. *jabız* «плохой», «злой» сближает с колебаниями в качестве прародственного с монг. *dabča*, *dabǰa* «низкий», «низкого роста», «карлик» (Ramstedt, 1935, 77); ср.: х.-монг. *dawǰā(n)* «недоросль, неуч»; «мелкий, маленький»; «недоразвитый, малорослый, карликовый» (БАМРС, II, 9); бур. *dabǰā* «хилый (о ребенке, молодняке скота)»; *dabǰār-* «быть хилым, плохо развиваться (из-за рахита)»; калм. *daptsā* «низкорослый, малорослый, карликовый (о людях и животных)» (Ramstedt, 1935, 77: → алт. *tarǰi* «скудный»).

Приведенные монгольские формы скорее всего примыкают к тюрк. *tapal* «низкий», ср. каз. *tapal* «низкий (о росте человека)», чем к тюрк. **ǰapız* «низкий». Между тем в принципе нельзя исключить определенную контактную связь между тюрк. **ǰap* (в составе **ǰapız* «низкий» и **ǰabuz* «плохой, злой») и монг. **dabi* (в составе *dabǰā* «низкий», «малорослый»). Если это предположение правомерно, то в основе монг. *dabǰā* «низкий» лежит ранее тюркское заимствование.

Сближение тюрк. **ǰab-* (в составе *ǰawuz* «плохой», *ǰawyan* «плохой», *ǰawlaq* «плохой» и т.п.) с монг. **ǰib-* (в составе п.-монг. *ǰibegü*: ~ *ǰebegü*: «отвращение, негодование»; см. EDAL, I, 466-467) сталкивается с определенными фонетическими и семантическими трудностями, ср.: п.-монг. *ǰibegü*: ~ *ǰebegü*: «возмущение, гнев»; «отвращение, негодование» (Lessing, 1960, 1048); х.-монг. *zewü*:(*n*) «возмущение, гнев»; «отвращение, неприятное ощущение»; «негодование»; «возмутительный, гневный»; «противный, неприятный, страшный, омерзительный»; «застенчивый, робкий, непростой»; *zewü:ce-* «робеть, испытывать робость»; «страшиться, бояться» (БАМРС, II, 252); бур. *zebü*:(*n*) «отвращение, омерзение», «гадливость»; «чопорный, надменный, гордый»; «отвратительный, омерзительный, противный, неприятный»; ойр. *ǰigü:r* «отвращение, омерзение»; *ǰigšā-* «вызывать отвращение, антипатию»; *ǰigšī-* «чувствовать отвращение, омерзение»; *ǰigšü:r* «отвращение, омерзение, брезгливость» (Тодаева, 2001, 141-142); калм. *ǰigür* «отвращение, омерзение»; «брезгливость»; *ǰigürél-* «вызывать отвращение (омерзение)»; *ǰigšē-* «чувствовать отвращение»; в говорах Внутренней Монголии: дарх., джал., горл., архорч., бар., онн., найм., дурб.-хух., дарх.-мянг., чох., орд. *ǰigšī-*, джас., дурб., хэш., харч., шгол., урат.

ᡵᡳᡶᡳ- «испытывать отвращение, гнушаться»; «становиться пугливым» (Тодаева, 1981, 150).

Монгольское слово проникло в эвенский, ср. эвен. *ᡵᡠᡪᡠᡩᡳ* «строгий, суровый, серьезный»; *ᡵᡠᡪᡠᡩᡳᡵᡠ* «строго, сурово, серьезно»; *ᡵᡠᡪᡠᡩᡳᡵᡠ*- «накупиться» (ТМС, I, 266).

Приведенные монгольские формы несомненно связаны с тюрк. **jekir*- «чувствовать презрение», «брезговать» (см. ЭСТЯ, 1989, 173-174, где, кстати, объединены два разных слова: *jekir*- «брезговать» ~ каз. *žijren*- «брезговать» и *jekir*- «кричать»), а потому их следует отделять от тюрк. *jawız* «плохой», «злой».

И, наконец, древнетюркские (караханидские формы) *javra*- «становиться грубым, жестоким» (МК, III, 278); *javri*-, *javru* «ослабевать, обессилить» (МК, III, 304; ДТС, 249), очевидно, однокоренные с *javaz*, *javız* «плохой», «злокачественный», «скверный» и т.п. ~ каз. *žawra*- «озябнуть», обычно сближаются в качестве прародственных с монг. *dayara*- «мерзнуть, зябнуть, ощущать холод» (Ramstedt, 1935, 82); ср.: х.-монг. *dāra*- «мерзнуть, ощущать холод»; «простуживаться», «продрогнуть, леденеть» (свод монгольских форм и значений см. под каз. *жаура*- «зябнуть»). Однако монг. *dayara*- «мерзнуть», по всей видимости, является ранним тюркским заимствованием (подробнее см. под каз. *жаура*- «мерзнуть»).

ЖАУШЫ (*žawšī*) «гонец»; «посол»; «посредник» (Катаринский, 1897, 74); в древнетюркских памятниках не представлено; ср.-тюрк. (чаг.) *jawčī* «человек, который ради гостеприимства (угощения) и свадьбы приглашает людей» (Боровков, 1961, 43); *javčī* «созыватель гостей на свадьбу, на пир» (Pavet de Courteille, 1870, 539; Vámbéry, 1867, 351; Zenker, 1867, 956); чаг. *čavčī* «возглашатель» (Радлов, III, 1936); *jawčī* «приглашающий гостей на свадьбу традиционными словами»; *jawcin* «гость» (Радлов, III, 19-20); узб. *žowčī* (*žowčī*) «сват, сваха»; «гонец (присланный за кем-либо)»; диал. *žawčī*, *žowčī*, *žawčī*, *jowčī*, *zowčī*, *zawčī* «сват, сваха» (УХШЛ, 368); ср. аз. *čawčī*, *čawčī* «сват» (Асланов, 1973, 23); тат. *jawčī* «сват», *jawčī* *ħatın* «сваха», *jawčī* *žibär* «сватать»; *qiz jawčīla* «сватать девушку»; каз(ан.-тат.) *jawčī*, тоб. *sawci*, кир. (= каз.) *žawšī* «сват, сваха», «сводник»; «созыватель гостей на свадьбу, на пир» (Будагов, 1869, I, 693: «мне кажется, что это слово происходит от слова *čaw*, *žaw*, *jaw* и = *čawčī*»); кир. (= каз.) *žawšī*, каз(ан.-тат.) *žawčī* «сват» (Будагов, 1869, I, 430); *jawčī*, *jawcin* «сват» (Будагов, 1871, II, 344: см. *sawci*); каз(ан.-тат.) *jawčī* «сват», *jawčīla* «сватать невесту» (Радлов, III, 19); *žawčī* (< *žaw* = *jaw* + *čī*) «сваха» (Радлов, IV, 10); зап.-сиб. тат. (тоб., тюм.) *sawci* «сват», «сваха» (Тумашева, 1961, 189; 1992, 187); башк. *jawsī* «сват, сваха»; ног. *jawšī* «сват, сваха»; *jawšī jiber* «засылать сватов», «сватать»; к.-калп. *žawšī* «сват»; кир. (= каз.) *žawšī* «посредник» (Радлов, IV, 10); кирг. *žiči* «сват, сваха (кто сватает)»; алт., тел. *jūčī*, тел. *d'ūčī* «сват» (Радлов, III, 565); алт., тел. *jūčīla*-, тел. *d'ūčīla*- «свататься за девицу» (Радлов, III, 566); чув. *jevžē*, диал. *jevčē*, *jevčēžē*, *javžī*, *jevGěžē*, *jevGič*, *jevGižē* «сват», «сваха»; «сводник, сводница»; «посредник в каком-либо деле»; *jevžē jar*- «засылать сватов» (Ашмарин, IV, 263-265) ← тат. *jāwčī* < ср.-кыпч. *jawčī* ← ср.-монг. **ja'učī*, п.-монг. *javučī* «сват»; «сводник»; «посредник» (перечень тюркских форм и значений см.: Егоров, 1964, 60; Räsänen, 1969, 176; ЭСТЯ, 1989, 34; Федотов, 1996, II, 140-141; 2002, 70; Róna-Tas, 1973-1974, 125-126; EDAL, II, 1539 и др.).

Слово *javčī* «сводник», «посредник» в тюркских языках имеет узкокольный характер, оно представлено в основном в поволжской, канглийской и периферийной ветвях кыпчакских языков; в узбекских говорах, судя по инициальному *ž* ~ *z*-, оно имеет кыпчакское (канглийское, отчасти киргизское) происхождение. Отсутствие слова в древнетюркских письменных памятниках и ареально ограниченный характер указывают на его иноязычное происхождение.

В специальной литературе выявляется целый ряд различных взглядов на происхождение и этимологию слова *jawčī* «сват», «посредник».

Л.З. Будагов и В.В. Радлов указывали, что данное слово состоит из двух частей: производящей основы *jaw*, *žaw*, *saw* и деривационного аффикса *-čī*, обозначающего лицо по характеру занятий, действий и привычек (Будагов, 1869, I, 693; Радлов, IV, 10; об аффиксе *-čī* см. Щербак, 1977, 103 и след.), но не раскрыли семантику основы. В этом отношении показатель-

но башк. диал. (караидель.) **jaw* в составе выражения *jawya kit-* «сватать» (ДСБЯ, 2002, 115) на которое обратила внимание Л.С. Левитская (ЭСТЯ, 1989, 34, примеч.). Однако в данном случае именная основа **jaw* вычленена, скорее всего, в результате народно-этимологического переразложения реального башкирского *jawsī* «сват(ун)».

М. Рясянен в мар. *sauš*, *saviš* «дружка», «шафер», «распорядитель в свадебном обряде, приглашаемый женихом» (ср. также мар. диал. формы: бир. *šäüš* (Рясянен), *saus* (Паасонен), перм. *šafš*, *šafuš* (Генети), а еще: *sä-vus*, *saus*, *sagus* (Хемелейнен), *saus* (Холмберг); мар. луг. *saviš*, вост. *saguš*, *säus* «дружка» (/пымарий), луг. *sagus*, *saviš* «дружка» (/пымарий), мар. *saus* «дружка» (/пымарий) и др.) усмотрел старое чувашское заимствование и возводил его к реконструированному **saväs* и, далее, к тюрк. *jawči* «посредник в свадебных делах» (подробнее см. Räsänen, 1920, 190). В своем этимологическом словаре тюркских языков он проводит генетическую связь между тюркским *jawči* и предполагаемым монг. **žabu-l-či*, калм. *zültši* «посредник» (Räsänen, 1969, 176). Таким образом, М. Рясянен включает в единый генуинный ряд чаг. *jav-ži*, *jav-či* «приглашающий на свадьбу» (семантику подробнее см. выше в перечне форм), каз(ан.-тат.) *jaw-či* «сват», алт., тел. *jü-či* ~ чув. *šaväs* (→ чер. *šäüš*, *šafuš*, *saviš* «дружка») и т.п. ~ монг. *žabu-l-či*, калм. *zültši* «посредник» (со ссылкой на Ramstedt, 1935, 482), и указывает, что от данного слова следует отличать туркм. *säv-či* «сват», каз. *sawši* < др.-тюрк. *sab* «слово, речь» + *-či* (Nom. actoris) (Räsänen, 1969, 176). Тюрк. **sab*, др.-тюрк. *sav* «слово» и т.д. М. Рясянен приводит отдельной словарной статьей и сравнивает его с аналогичными угорскими формами (венг. *szó* ~ *szav-* «слово», манс. *säv* «слово, тон», хант. *saw* «тон, песня»), а также приводит такие дериваты: уйг. *sab-či*, *sawči* «рассыльный, курьер», «переводчик, ходатай»; ср.-тюрк. *sav-či* «пророк», чаг. *savči*, *sauži* «посредник», «сват», каз. *sawši*, тоб. *savči* и др. (Räsänen, 1969, 391). Замечание М. Рясянена правомерно, поскольку в тюркских языках в анлаутной позиции *ž-* и *s-* не коррелятивны.

Х. Паасонен мар. *šaviš* «дружка» сопоставляет с тюрк. *čauš*, *čaviš* «младший офицер, командир, непосредственно руководящий воинами в боевых порядках» (Paasonen, 1902, 242), зафиксированным уже в «Диване» Махмуда Кашгари (МК, 185). В «Древнетюркском словаре» (ДТС, 142) это тюркское слово сопоставляется с перс. *čavoš* «сержант, унтер-офицер (сторож, педель, жезлоносец, булавоносец)»; «вождь» (Ягелло, 1910, 498: < тюрк.); *čaviš* «заведующий караваном паломников, староста каравана» (Гафаров, 1914, I, 231: < тюрк.). Последующие исследования показали, что это слово было заимствовано из тюркских языков; тюрк. *čaviš* «младший офицер» проникло также в курдский, арабский, армянский, грузинский, средне- и новогреческий, суахили, болгарский, сербский, румынский, украинский, польский и дважды в венгерский языки (Doerfer, 1967, 35-38; MNyTESz, I, 487, 567). Слово *čaviš* везде имеет значение «командир», «ге-

роль», «стража» и т.п. и не имеет никакой связи с мар. *šavış* «дружка», «шафер».

В.Г. Егоров, исследовавший этимологию чув. *jevžě* «сват, сваха», соотносит его с такими тюркскими словами, как *elči* «посол», «посланник, голец», *sawči* «сват, сваха», *jawči* «сват, сваха», и монг. *ǰyuci* «сват», «посредник», «сводник» (Егоров, 1964, 60). Тюркские слова *elči* и *sawči* не имеют ничего общего с чувашским словом; монгольская форма *ǰyuci* является поздним преломлением более ранней формы *ǰayuci*. Чув. *jevžě* в действительности является поздним заимствованием из татарского, а в последнем, по своей вероятности, восходит к среднемонгольскому *ǰa'uci* «сват», «посредник».

Р. Г. Ахметьянов также без достаточного филологического обоснования «свалил в одну кучу» совершенно гетерогенные слова из разных языков, ср.: тат. *jawči*, чув. *jevžě* «сват, сваха» (ср. также мар. *juzo* «кудесник, волшебник»; «колдун, заклинатель» ← ср.-булг. **jawžo*, **južo* (– на самом деле – из чув. *jumZā* «знахарь, лекарь, ворожея». – Ж.Т.); ст.-тат. *čawış* «распорядитель», «полицейский»... , мар. *saus*, *savış*, *sävış*, *sagus* «дружка, шафер, распорядитель в свадебном обряде, приглашаемый женихом» ← позднебулг. **sawus* (– позднебулг. **savuř* в мар. должно дать **šavus*. – Ж.Т.) < *šawuř* < *čawış* ... ← монг. *ǰabuci* «ходок, посыльный» (со ссылкой на Рона-Таша, но у него ничего подобного нет, см.: Róna-Tas, 1973-1974, 125-126; Рона-Таш, 1974, 226-234, а не 230-235. Необоснованность ряда этих сопоставлений будет обоснована ниже. – Ж.Т.) (см. Ахметьянов, 1981, 102; Әхмәтъянов, 2001, 266: ~ монг. *ǰabuči*). об ошибочных межтюркских сближениях см. также: Eren, 1972, 241-265; 1982, 24; Федотов, 1996, II, 140-141; 2002, 70 и др.).

А. Рона-Таш полагает, что в действительности мы здесь встречаемся с рефлексом среднемонгольского заимствования, которое можно реконструировать в виде **ǰauci*. Среднемонгольское слово должно восходить к корню **ǰayu* «середина», ср.: *ǰayura* «промежуток», «пространство между»; *ǰayurtau* «половина пути», «срединная точка»; *ǰabsar* «промежуток», «щель», *ǰabsarla-* «делать перерыв»; *ǰaji* «промежуток», «пространство» (Рона-Таш, 1974, 231; Róna-Tas, 1973-1974, 125-126; см. каз. *жаба*, *жабсар*, *жай*, *жайдақ*, *жап*, *жапсар*).

В. Котвич связывает монг. *ǰab-*, *ǰaya-*, *ǰayu-*, *ǰaj-* с известным словом *ǰat* «станция», «почтовая служба», «ям», «дорога» (Kotwicz, 1953, 329-336, особенно: 334-335; см. каз. *жам*). Однако слово *ǰat* ~ каз. *žat* «почтовая станция» и т.п. вряд ли имеет какое-либо отношение к монг. корню **ǰaβ* > *ǰab*, *ǰayu*, *ǰaji* и т. п. (подробнее см. каз. *жам*).

В п.-монг. *ǰayuci* «сват, сводник, посредник» вычленяется деривационный аффикс *-či* тюркского происхождения, который образует от именных основ существительные со значением имени деятеля, и корневая морфема **ǰayu* > **ǰaβu*. Среднемонгольская форма этого корня *ǰa'uci* представлена в

таких словах, как *ǰaura* (SH), *ǰa'ura* (HY) «между», «по пути»; *ǰa'urmaliy* (HY) «на полпути», «не завершённый до конца»; в квадратном письме *ǰa'ura* «среди», «между» и др.

Слово *ǰaуици* «сват», «сводник», «посредник» хорошо известен в письменном монгольском (*ǰaуици* ~ *ǰиуици* «гость, сват, посредник, вестник, переводчик, сводник», см. Владимирцов, 1929, 247) и в современных языках, ср.: х.-монг. *ǰиц* «сват, сводник»; «посредник, посредница»; *ǰицла-* «сватать», «сводничать»; «посредничать», «ходатайствовать»; «рекомендовать» (БАМРС, II, 243); бур. *züršä* «посредник»; «ходатай за кого-либо»; «сводник»; калм. *zülčä* «посредник», «сват» (Ramstedt, 1935, 482); *zülčĕčä* «путешественник»; «турист»; «странник»; ойр. *zülčĕn* «путешественник» (Тодаева, 2001, 167); дагур. *ǰаици*, *ǰауици* «сваха, посредница» (Тодаева, 1986, 143); в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл. *ǰиш*, архорч., бар., онн., найм., чах. *ǰиц*, орд. *ǰици* «сват»; «сводник»; «посредник» (Тодаева, 1981, 160) и т.д. (ср. Ramstedt, 1949, 17).

А. Рона-Таш считает, что среднемонгольское слово было заимствовано некоторыми тюркскими языками (см. выше перечень форм), в том числе и волжско-булгарским, что подтверждается вроде бы мар. *savus*, восходящим к утраченному чувашскому **sa(v)uš(i)*, которое в свою очередь является заимствованием из среднемонгольского *ǰаици* «сват», «посредник» (Róna-Tas, 1973-1974, 125-126; Рона-Таш, 1974, 230-234).

Таким образом, выясняется следующая картина распространения среднемонгольского *ǰа'уци* «посредник» в Поволжском регионе: п.-монг. *ǰауици* ~ ср.-монг. *ǰа'уци* → волж.-булг. *ǰауици* > чув. **šavuš* ~ **šavāš* → мар. *saßus* > *savus* > *saus* ~ *šäüš* «дружка» (см. также: Räsänen, 1920, 190; 1969, 176; Ахметьянов, 1981, 102; Федотов, 1996, II, 140-141; 2002, 70; ЭСТЯ, 1989, 34).

Однако при критическом рассмотрении предложенных А. Рона-Ташом сближений ср.-монг. **ǰа'уци*, п.-монг. *ǰауици* «ходатай», «посредник» (→ ср.-кыпч. *ǰауци* «сват») → ср.-булг. **ǰауици* (автор почему-то не приводит среднебулгарской праформы) > ст.-чув. **šauš(i)* → мар. *saßus* > *savus* > *saus* ~ *šäüš* «дружка» выявляются определенные фонетические неувязки. Среднемонгольские лексические заимствования, как правило, проникают волжско-булгарский через посредство среднекыпчакского и претерпевают определенные фонетические изменения на кыпчакской языковой почве, ср.: ср.-монг. **ǰа'уци* → ср.-кыпч. *ǰауци* (см.: ног. *ǰауши*, тат. *ǰауци*, башк. *ǰауши*, каз. *ǰауши* и т.д.) «сват». В такого рода словах среднемонгольский инициальный *ǰа-* обычно отражается в чувашском как *ju-*, ср.: п.-монг. *ǰалхату*, х.-монг. *zälxü* «ленивый» → ср.-кыпч. *ǰалқат* → чув. *julyaw* «ленивый, лентяй»; п.-монг. *ǰалихай* «ленивый» → ср.-кыпч. *ǰалақай* → чув. *julayaj* «ленивый, лентяй»; ср.-монг. *ǰану-* «угрожать» → ср.-кыпч. *ǰана-* → чув. *juna-* «угрожать»; ср.-монг. *ǰаса-* «обустраивать» → ср.-кыпч. *ǰаса-* → чув. *juZa-* «приводить в порядок, исправлять, чинить» и т.д.

Следовательно, в современном чувашском языке ожидалось бы следующие рефлексы ср.-монг. **ǰa'uci* «посредник»: **juvǎžǎ* ~ **juvǎš* ~ **juvžǎ* ~ **jǎvǎš* ~ **jǎvǎžǎ* и т.п., но ничего похожего в словарях чувашского языка не обнаруживается.

Если исходить из марийских форм (*saβus* > *savus* > *saus* ~ *sǎūs* и т.п.), то для чувашского языка реконструируется форма **šavus*, архетип которой представляется в виде прабулг. **jǎwüč* ~ **jǎwüs* ~ **jǎwülč* < **jǎβü(l)č* и т.п. Инициальный **š*- (< пратюрк. **j*-) и ауслатный **-š* (< пратюрк. **č*-) указывают на исконный характер чувашского слова, а в исконных словах гласный *a* первого слога восходит к широкому нелабиальному гласному переднего ряда *ǎ*. Следовательно, ст.-чув. **šavus* не может быть среднемонгольским заимствованием, а является закономерным отражением праязыкового архетипа **jǎβü(l)č* с неясной семантикой.

В современных словарях значение мар. *savus* трактуется следующим образом: «дружка», «шафер»; «распорядитель в свадебном обряде, приглашаемый женихом»; перен. «организатор, ведущий концерта, конференсье» (Словарь марийского языка. Йошкар-Ола, 2001. Т. VI. С. 105). Значение марийского слова наиболее близко подходит к семантике чагатайского *javčī* «человек, который ради гостеприимства (угощения) и свадьбы приглашает людей»; «созыватель гостей на свадьбу традиционными словами» (см. выше перечень тюркских форм). Исходя из этих фактов, для ст.-чув. **šavus* реконструируем значение «человек, созывающий гостей на свадьбу» (традиционными словами, о них см.: Егоров Н.И. Чувашский саламалик // Чувашский фольклор: специфика жанров. – Чебоксары, 1982. С. 106-129); «дружка», «шафер». По своей семантике чагатайские формы резко выделяются от всех остальных тюркских и, по всей вероятности, вместе со ст.-чув. **šavus* «дружка» относятся к исконному тюркскому лексическому фонду. На основе сравнения чаг. *javčī* ~ *čavčī* (ср. также аз. *čavčī* ~ *čawčī* «сват») и ст.-чув. **šavus* «дружка» для пратюркского состояния можно реконструировать праформу **jab-čī* ~ **jaβ-čī* «посредник» (< **jab* «промежуток», «пространство между» и т.п.; см. каз. *жай*, *жап* и др.). Следовательно, п.-монг. *ǰayučī* «сват», «посредник» (< **ǰabučī*) следует квалифицировать как раннее (второго периода по Дж. Клоусону) тюркское заимствование, а кыпчакское формы *javčī* «сват» – как обратные заимствования из среднемонгольского. Прабулгарское **jǎβü(l)čī* ~ **ǰǎβü(l)čī* «дружка» в таком случае следует квалифицировать как параллельную стандартному тюркскому **jabčī* «посредник» переднерядную форму. К образованию старочувашской формы **šavus* < **ǰǎβü(l)čī* ср. аналогичное развитие тюрк. *domčī* «лекарь, знахарь» (~ ? тюрк. *etčī* «тж.») ~ чув. *jumǎš* ~ *jumžǎ* «знахарь» и т.п.

В «Этимологическом словаре алтайских языков» все приведенные нами выше в перечне межтюркских соответствий формы считаются исконными и генуинными и возводятся к пратюркскому архетипу **jab-čī* «сват», а монгольские формы (для п.-монг. реконструируется форма *ǰabu(l)čī*) объ-

являются тюркскими заимствованиями (EDAL, II, 1539). далее, основа тюрк. **jab-čī* «сват», как гомогенное на праалтайском уровне, сравнивается с прамонг. **ǰауа-* «указывать, показывать, учить», пратунг. **ǰiab-* «откликаться (на зов)» и прапайп. **duá(m)p-* «звать» (EDAL, II, 1539).

В тюрк. **jab-čī* «посредник», как уже было отмечено выше, выделяется производящая основа **jab ~ *jar* «промежуток», «пространство между» (см. каз. *жаба, жабсар, жай, жайдақ, жап, жапсар*) и именной деривационный аффикс *-čī* со значением имени деятеля. Сближение в качестве генуинных пратюрк. именной основы **jab* «пространство» и глагольной прамонг. **ǰауа-* «указывать, показывать, учить» нельзя признать удовлетворительным не только по морфологическим, но и по семантическим соображениям, ср.: ср.-монг. *ǰа'а-* (НУ, 34, SH), *ǰа'аqsan čаq* «обусловленное время» (Поппе, 1938, 199); *ǰarin* «знамение, коим божество изъясняет свою волю»; «откровение духа» (Козин, 1941, 612); п.-монг. *ǰиуа-* «указывать, показывать», «обучать» (Владимирцов, 1929, 399; Poppe, 1955, 64; Lessing, 1960, 1049); х.-монг. *ǰā-/dzā-* «показывать, указывать, тыкать, начертать»; «учить, преподавать, наставлять»; «судить, разбирать дела» (БАМРС, II, 191); бур. *zā-* «указывать, показывать»; «преподавать, обучать, учить»; «жаловаться», «подавать в суд»; «доносить»; калм. *zā-* «указывать, показывать»; «учить, наставлять» (см. Ramstedt, 1935, 469: ? < **ǰawá-* zu ? *ǰab* «zwischenraum»); ойр. *zā-* «указывать, показывать», «объяснять»; «обучать, наставлять»; «объявлять, оглашать» (Тодаева, 2001, 147); дагур. *ǰā-, žā-* «показывать, указывать»; «учить, обучать» (Тодаева, 1986, 141); дунс. *ǰā-* «указывать, показывать» (Тодаева, 1961, 118); баоань. *ǰā-* «жаловаться» (Тодаева, 1964, 139); монгор. *ǰā-, ǰiā-* «указывать, показывать» (Тодаева, 1973, 332); в говорах Внутренней Монголии: хорч., джал., дурб., горл., ар-хорч., бар., онн., найм., хеш., харч., тум., чох., орд. *ǰā-*, шгол. *zā-* «показывать, указывать»; «учить, преподавать» (Тодаева, 1981, 152); барин., харч. *dzā-* «указывать, показывать, учить» (Неклюдов, Тумурцерен, 1982, 311) и т.д. (перечень монг. форм см. также: Poppe, 1955, 64; MGCD, 419; EDAL, II, 1539). Как видно из свода монгольских значений, проследить какую-либо семантическую связь между тюрк. (чаг.) **jabčī* «созывала (гостей на свадьбу)», «возглашатель» и монг. **ǰауа-* (п.-монг. *ǰиуа-*) «указывать, показывать» и т.п. невозможно. В тюркско-монгольской традиции **jabčī* является прежде всего посредником между брачующимися сторонами, но никак не «указателем», «учителем» и т.п. Да и по морфологическим закономерностям алтайских (тюрк., монг.) языков, деривационный аффикс *-čī/-čī* образует вторичные субстантивные основы только от именных основ, но никогда – от глагольных. Следовательно, сближение тюрк. **jabčī* «сват» с монг. **ǰауа-* «указывать» следует признать несостоятельным.

Тунгусо-маньчжурское **ǰiab-* «откликаться на зов» (вернее – *ǰiäv-* «откликаться» (с долгим гласным, как это представлено в ТМС, I, 240; ср. эвенк. *ǰäv(ur)-* «откликаться, отвечать (на зов)»; эвен. *ǰiäv-*, ороч. *ǰā-*, уд.

ǰieu-, орок. *darra-*, маньчж. *ǰabu-* «отвечать на вопрос») в семантическом отношении отстоит еще более дальше от анализируемого тюркского слова (обычно оно сравнивается с кит. *dá* < **dap* «отвечать»; «отозваться, откликнуться», см.: Ramstedt, 1949, 17; ТМС, I, 240).

Общая картина тюркско-монгольских исторических взаимосвязей относительно анализируемого слова по рассмотренным нами материалам раскрывается в следующем виде:

1) пратюрк. **jap* ~ **jabu* «промежуток», «пространство между двумя объектами» + деривационный аффикс *-či* со значением имени деятеля > **jabuči* > **jaβ-či* «посредник» (персона, налаживающая связи между двумя объектами) > партюрк. *jaβči* «посредник» (> чаг. *jawči* «посредник»); в специализированном значении «созыватель гостей на пир, свадьбу»; «возглашатель») || прабулг. **jāwū(l)či* > ср.-булг. **ǰawčī* ~ **ǰawič* > ст.-чув. *šawuš(i)* «дружка» → мар. *sawuš* «тж.» (ср. прамонг. **ǰabu-l-či* > ср.-монг. **ǰawučī*, калм. *zūlči* «посредник»); прабулг. **jabu(l)či* → **ǰabu(l)či* «посредник»; «сват (который сватает)» > ср.-монг. **ǰa'ulči* «сват» → ср.-кыпч. *jawči* «сват» ~ тат. *jawčī*, каз. *ǰawšī* ~ диал. *ǰawčē* «сват» → чув. *jevǰē* «сват».

Показательна западномонгольская (ойратская) форма *zūlčin* «путешественник» (< **«посредственник», «связист»*) ср. калм. *zūlēčā* «путешественник», «турист», «странник», удержавшая протобулгарское консонантное сочетание *-lč-*, которое, кстати, в марийском отражается как *-š* (ср. мар. лит. *sawuš* ← ст.-чув. **šawuš* ?), если, конечно, это не собственно монгольский неологизм.

Приведенные в «Этимологическом словаре алтайских языков» (см. выше; EDAL, II, 1539) монгольские, тунгусо-маньчжурские и японские формы к тюрк. **jawči* «посредник» никакого отношения не имеют.

Доскональный критический анализ историографии вопроса по данному конкретному слову в очередной раз показывают, насколько предвзяты, надуманы и филологически не обоснованы основные положения и выводы традиционной алтаистики.

Подробнее см.: Будагов, 1869, I, 693; Радлов, IV, 10; Paasonen, 1902, 242; Räsänen, 1920, 190; Ramstedt, 1935, 482; 1949, 17; Kotwicz, 1953, 329-336; Poppe, 1955, 64; Егоров, 1964, 60; ҚТҚЭС, 1966, 83-84; Doerfer, 1967, 35-38; MNyTESz, I, 487, 567; Räsänen, 1969, 176, 391; Асланов, 1973, 23; Róna-Tas, 1973-1974, 125-126; 1982, 97-99; Рона-Таш, 1974, 230-234; ТМС, I, 240; Eren, 1982, 24; ЭСТЯ, 1989, 34; Федотов, 1996, II, 140-141; Ахметьянов, 1981, 102; Әхмәтъянов, 2001, 266; EDAL, II, 1539.

ЖАЯУ (*žajaw*) «пеший»; «пешеход»; «пешком»; *žajaw borasīn* «поземка»; «слабая метель»; *žajawlat-* «заставить идти пешком»; «лишить средств передвижения»; *žajawla-* «идти пешком» < пратюрк. *jaday* «пеший»; «пешком»; «пешеход»; ср.: др.-тюрк. (орх., с VIII в.) *jaday, jadayın* «пешком»; др.-уйг. (с VIII в.), карах. *jaday, jaday* «пеший», «пешком», *jadayın, jadayın* «пешком»; хорезм. *jaday*, кыпч. (XIII в.) *jajay*, ст.-осм. (XIV в.) *jajaq, jajan* (? < *jadayın*), *jaja* «пешком» (см.: ДТС, 222, 223, 226; Clauson, 1972, 887; Orkun, 1987, 881; Малов, 1951, 382); ср.-тюрк. (XVI в.) *jajaq* «пешком, пеший»; *jizaq* «тж.» (тюрк. соответствия см. Наджип, 1989, 68, 223) туркм. диал. *ijew* «пеший», «пешком», «пешеход» (ТТГДС, 92); тур. *jaja* «пешеход», «пеший»; «пешком»; *jajan* «пешком»; «несведущий, неосведомленный (в чем-либо)»; диал. *jajaq* «пешеход», «пеший», «пешком» (DD, III, 1496), *jajax* «тж.» (Edip Kemal. *Urfa ağzi*. Istanbul, 1945, 142: *yayah*); аз. *jaja* «пешком»; *jajaG* «пешеход»; «пеший, пешеходный»; «пешком»; гаг. *jajan* «пеший, пешком»; др.-уйг. *jabaq* «пешком», «пеший»; *jadaqlıq* «пешеходец» (Радлов, III, 208); чаг. *jaday* «пешком, пеший» (Радлов, III, 209); чаг. *jajay* «пеший, пешком»; «инфантерия, пехота» (Будагов, 1871, II, 387); чаг. *iday, jajaq* «пеший» (Будагов, 1871, II, 351); чаг. *jajay* «пешком»; «пешеход» (Радлов, III, 73); чаг. *jajay*, тур. *jaja* «пеший» (Будагов, 1871, II, 346); чаг. *jajaq* «пешком», «пешеход» (Радлов, III, 73; Zenker, 1876, 978; Vámbéry, 1867, 351); чаг. *jajan* «пешком», «пешеход» (Радлов, III, 74); уйг. *jajaq* «пешеход»; «пеший»; «пешеходный»; «пешком»; *joju* «пешком», «пеший»; уйг. (хам.) *jajay, jajaq* «пеший», «пешком» (Малов, 1954, 153); лобн. *jajaq* «пеший», «пешком» (Малов, 1956, 117); узб. *jajaw* «пешком», «пеший»; *jajawla-* «идти (ходить) пешком»; кумык. *jajaw* «пешком», «пеший»; *jajawlap* «пешком»; кар. т. г. к. *jajaw* «пеший, пешеход»; *jajawci* «пехотинец»; *jajan* «пешком», «пешеход»; «солдат, воин»; кар. к. *jajuw* «пеший», «пешком»; кар. к. *žajaw* «пешком»; кар. т. л. *jajan* «пешком», «пешеход»; «солдат, воин» (Радлов, III, 74); к.-балк. *žajaw*, диал. (балк.) *žijaw, zijaw* «пешком»; «пеший»; *žajawlaj* «пешком»; *žajawla-* «спешиться, пойти пешком»; тат. *žajaw* «пешком»; *žajawgä qal-* «обеднеть»; *žajawlä* «пеший»; «пешеход»; «пешеходный»; *žajawlēgä qal-* «спешиться»; *žajawlä buran* «поземка, поземка»; *žajawlä-* «идти пешком, шагать, отшагать»; зап.-сиб. тат. *jajaw* «пешком» (Тумашева, 1992, 65); каз(ан.-тат.), бар. *jajaw* «пешком, пешеход» (Радлов, III, 73); каз(ан.-тат.) *jajaw* «пешком, на ногах»; *jajawlä-* «идти пешком» (Радлов, III, 326); каз(ан.-тат.) *žajaw* «пеший, на ногах», *žajawlä* «пеший» (Радлов, IV, 70); башк. *jajaw* «пешком»; *qara jajaw* «безлошадный»; *jajawlä* «пеший»; «пешеход»; *jajawlä buran* «поземка»; *jajawlä-* «идти пешком»; «топать»; ног. *jajaw* «пеший», «пешеход»; «пешком»; *jajaw ädem* «пешеход»; *jajawla-* «ходить пешком»; к.-калп. *žajaw* «пешком»; «пеший»; *žajaw žür-* «идти пешком»; *žajawla-* «идти медленно пешком»; *žajawšılıq* «пешее хождение»; каз. *žajaw* «пеший, пешком»; *žajawla-* «идти пешком» (Катаринский, 1897, 66); кир. (= каз.) *žajaw* «пеший, пешком»

(Будагов, 1871, II, 387); *ǰajaw* «пешком»; *ǰajaw qaldı* «он остался без лошади»; *ǰajawla-* «идти пешком» (Радлов, IV, 19); кирг. *ǰǰ*: «пешком»; «пеший, пешеход»; «безлошадный»; ккир. (= кирг.) *jǰ*: «пешком» (Радлов, III, 446); алт. *d'oju* «пеший»; «пешеход»; «пешком»; *jaju* «пеший»; «пешком – без коня» (ГАЯ, 166); *jaju* (тел., н.-бий.), *jajıy* (в.-бий., конд.) «пеший»; «пешком – без коня» (Вербицкий, 1884, 69); алт. *jaju* «пеший, пешком» (Будагов, 1871, II, 387); леб., кюзр. *jajıy* «пешком» (Радлов, III, 76); алт. *jajū* «пешком» (Радлов, III, 77); тел. *d'ajū* «пешком» (Радлов, III, 77); туб., телёс. *jujū* «пешком» (Радлов, III, 544); туба *d'oju*, *d'öjü* «пешком» (Баскаков, 1966, 116); куманд. *d'aju* «пеший» (Баскаков, 1972, 209), *čajıy* «пеший» (Баскаков, 1972, 265); лебед. *d'aju*, *d'ajıy* «пеший, пешком» (Баскаков, 1985, 144); хак. *čazay* «пешком, пеший (без лошади)»; хак. диал. *čažay* «пешком, пеший» (Доможакова, 1948, 165); саг. *čazay* «пешком» (Радлов, III, 1910); сиб.-тат. *čazay* «пешком» (Будагов, 1871, II, 399); койб., кач. *jazıy* «пешком» (Радлов, III, 232); абак. *jazay*, верх.-конд., абак. *jazıy* «пеший (без коня)» (Вербицкий, 1884, 67); шор. *čazıy* «пешком, пеший» (Радлов, III, 1911); чулым. *čazay*, *čazaŋ* «пешком»; ниж.-чулым. *jajaŋ* «пешком» (Бирюкович, 1984, 34, 70); ж.-уйг. *jazay* «пеший, пешком» (Малов, 1957, 34); с.-юг. *jazay* «пешком» (Тенишев, 1976, 183); тув. *čaday* «пеший»; «пешком»; *čaday kiži* «пеший, пешеход»; *qara čaday* «совершенно пешком»; сой. *jaday* «пешком, пеший» (Радлов, III, 209); урянх. *čaday*, саг., кач., койб. *čazay*, др.-тюрк. *jazay* «пеший, пешком» (Катанов, 1903, 61); уйг. *jadaq*, шор., бельт. *čazay*, кызыл., кюзр. *jazay*, якут. *saŋi*, кирг. (= каз.) *ǰajaw*, каз.-тат. *ǰajaw* (у миссионеров *жяяу*), алт., тел. *jajū*, ног., кар., тоб., ишим., турин., мешер. *jajaw*, тур. *jajā*, джаг., сарт., таранч., турф., хам. *jajaq* и *jajay*, к.-кирг. *jojǰ* «пешком, пеший» (Катанов, 1903, 70, 87-88); тоф. *čaday* «пеший» (Рассадин, 1971, 193); якут. *saŋi* «пеший», «пешком»; *saŋi ajannit* «путьник»; *saŋi bilut* «низко плывущие облака»; *saŋi ǰallān* «нижнее небо»; чув. *šuran* (< др.-чув. *ǰa^orah < пратюрк. *čāday, см. СИГТЯ, 2002, 703) «пеший, пешеходный, пешком»; *šuran šar* «пехота»; *šuran tāman* «поземка, метелица»; *šuranlā* «пеший»; *šuranlā tāman* «позема, метель снизу» (см. Ашмарин, XII, 264), *šurran* «пешком» (Ашмарин, XII, 272).

Др.-тюрк. *jadayın* «пешком» и продолжающие его формы с конечным *-n* (тур., гаг., чаг., кар. *jajan*, чулым. *čazaŋ*, чув. *šuran* «пешком») являются морфологически усложненными, в них выступает архаичный показатель инструменталиса *-n*. Все остальные формы являются закономерными вариантами, в которых проявляются следующие фонетические процессы: 1) сужение *a > ı* в первом безударном слоге в соседстве с аффрикатой/шипящим (балкарские диалектные формы); 2) огубление гласного первого слога *a > o > u* под воздействием губного ауслота (уйгурский, киргизский, диалекты Алтая); 3) палатализация слова под влиянием согласных *j- /ǰ-* и *-j-* (в татарском и башкирском); 4) утрата ауслотного *-y* (в турецком и уйгурском); 5) оглушение конечного *-y > -q* (в чагатайском и языках юго-

восточной группы); изменение ауслатного сочетания *-ay > -aw > -ow > -uw > -u* (см.: Рясänen, 1955, 107-108; СИГТЯ, 1984, 202 и след.); стяжение комплекса *-ojō < -ajaw* и опереднение (в киргизском *жӧ: < жӧб < *žajaw*; ср. алт. *d'ojū ~ d'öjū*) и др.

Межъязыковые соответствия инициальных *j- ~ ž- ~ d'- ~ ž- ~ ś- ~ s-* и т.д., а также инлаутных *-t- ~ -d- ~ -δ- ~ -z- ~ -r- ~ -j-* являются закономерными и служат различительными признаками классификационных групп тюркских языков (свод межтюркских форм и значений см.: Катанов, 1903, 61, 70, 87-88; Räsänen, 1969, 177; Егоров, 1964, 219; Ligeti, 1986, 72; Clau-son, 1972, 887; Наджип, 1989, 223; ЭСТЯ, 1989, 68-69; Федотов, 1996, II, 141; 2002, 293; Eren, 1999, 445).

Слово широко представлено в письменных памятниках с VIII века и сохранилось во всех современных языках в закономерном для отдельных тюркских языков фонетическом облике. Это свидетельствует о том, что слово **jaday* «пеший» существует в тюркских языках с древнейших времен; оно было хорошо известно задолго до первичного распада прототюркской общности на огузскую (стандартную) и огурскую (булгаро-чувашскую) ветви.

Этимология слова **jaday* окончательно не выяснена. В специальной литературе существует несколько версий.

Ф.Е. Корш выводит тюрк. *jaday* «пеший», «пешком» из среднеперсидского **pujādaq* (~ н.-перс. *pujāda*) «пеший, пешком» и предполагает, то начальный *pi- > bi-* утрачен на тюркской почве, так как был воспринят как служебный элемент; аналогичное развитие произошло и при освоении тюрками персидского *bijāban* «пустыня» → тюрк. *jaban* «поле, степь» (Korsch, 1912, 199-200); ср. тюркские заимствования из новоперсидского: чাগ. *pijadä*, осм. *pijadä*, *piadä*, тар. *piada* (← перс. *pijādā*) «пешком»; «пешеход», «пехотинец», «пешка (в шахматной игре)»; «маленькая лодка с одной парой весел»; «неспособный, негодный» (см.: Радлов, IV, 1324, 1325, 1327; Räsänen, 1969, 385). В этом отношении показательны наличие значения «пехотинец», представленного в ряде тюркских языков, равда, чаще в составе атрибутивных синтагм типа каз. *žajaw äsker* «пехота» и т.п., и содержащегося в перс. *pijade* «пеший, пешеход»; «пешком»; «пехотинец»; «пехотный»; «пешка» и т.п. (см.: Гафаров, 1914, 136; Миллер, 1953, 99; Рубинчик, 1983, 319). Возможно, данное иранское слово было заимствовано пратюрками из какого-либо восточноиранского диалекта задолго до новой эры именно для обозначения пехоты. Кстати, в перс. *pijade* «пеший, пешеход, пешком» вычленяется производящая основа *pāj* «нога», «ступня» (Рубинчик, 1983, 318). Идея Ф.Е. Корша в известной степени была поддержана К. Брокельманом (Brockelmann, 1928, 71; 1954, 12, §2); М. Рясänenом (Räsänen, 1969, 177) и Г. Дёрфером (Doerfer, 1963, 550-551), который обратил внимание и на культурно-историческое обоснование заимствования: тюркские армии состояли преимущественно из кавалерии (см.: ЭСТЯ, 1989, 68-69; Eren, 1999, 445).

Н.Н. Поппе в одной из ранних своих работ счел предположение Ф.Е. Корша о среднеперсидском происхождении тюрк. *jaday* «пеший» сомнительным и возводил его к глаголу **jada-* → юрако-самод. *jādam* «ходить» (Поппе, 1925, 26). В формальном отношении тюрк. *jaday* «пеший», «пешком», действительно, может быть объяснено как отглагольное производное на -(a)у. Так, например, М.А. Хабичев выводит к.-балк. *žada-w* ~ *žada-w* ~ *zaja-w* «пеший» и соответствующие тюркские формы от глагольной основы **žaja-* ~ чаг. *jaja-* «идти пешком» (Хабичев, 1971, 101). Данная этимология импонирует своей простотой и естественностью, но слабой ее стороной является единичная фиксация производящей основы: чаг. *jaj-* «идти пешком по дну воды» (Бабур, 1857, 110; Будагов, 1871, II, 388); чаг. *jaja-* «идти пешком по дну (реки и т.п.)» (Радлов, III, 72: со ссылкой на Бабур, 1857, 110). Правда, Л.С. Левитская предполагает, что гипотетический тюркский глагол **jada-* «ходить», возможно, представлен в нан. *nada-* «ходить пешком» (ТМС, I, 576; ЭСТЯ, 1989, 69), кстати, не отмеченным в других тунгусско-маньчжурских языках и, возможно, представляющим собой ранний тюркизм, но это мнение требует фактологического обоснования.

Другая версия сводится к отождествлению на праалтайском уровне тюрк. *jaday* «пеший», «пешком» с монг. *jadayu* «бедный», «слабый», производным от глагола *jada-* «не мочь», «быть не в состоянии» (см.: Ramstedt, 1935, 213; Поппе, 1960, 32, 154; ЭСТЯ, 1989, 69) → каз. *žadaw* «тощий, худой». Л.С. Левитская предполагает, что семантическая связь «бедный» и «пеший», т.е. «безлошадный» для тюрков, в жизни которых значение лошади было очень велико, кажется само собой разумеющимся: ср., напр., кирг. *жй:* «пеший» и «безлошадный, бедный», тел. *jaju* «пешком – без коня» (Вербицкий, 1884, 69), алт. *d'oqtu-d'oju* «безлошадный» и т.д. (ЭСТЯ, 1989, 69). Однако эти соображения кажутся недостаточно убедительными, так как в тюркских языках понятия «пеший» | «безлошадный» | «бедный» | «неимущий» и т.п. очень хорошо дифференцируются, в том числе, и лексически. Для кочевника «ходить пешком» и «быть бедным (и при этом иметь несколько лошадей!)» – далеко не однозначны. Но самой слабой стороной данной версии является то, что глагольная основа *jada-* «не мочь», «быть не в состоянии» и производная на ее базе именная основа *jadayu* «бедный», «слабый» и т.п. в монгольских языках являются исконными, а в тюркских и некоторых тунгусо-маньчжурских языках – заимствованиями из среднемонгольского (см.: Doerfer, 1963, 550-551, №403; ЭСТЯ, 1989, 67-68; Stachowski, 1993, 88; Rozycki, 1994, 222; EDAL, II, 1129; подробнее – каз. *žadaw* «тощий, худой, изнуренный»). Следовательно, предположения о генетических (и контактных) связях монг. *jadayu* «бедный», «слабый» с тюрк. *jaday* «пеший» отпадают.

С. Сыдыков (1983, 30) и М.Р. Федотов др.-тюрк. *jaday(in)* «пешком» ~ чув. *šuran* «пеший»; «пешком» и соответствующие тюркские формы сравнивает с монг. *jabu-* «идти, ехать», *jabuyan* «пеший» (Федотов, 1996, II, 141;

2002, 293); ср.: пармонг. **jabu-* «ходить, идти, ездить»; ср.-монг. *jabu-* «ходить, идти, ездить» (Lewicki, 1949, 34); *jabu-* «тж.» (Поппе, 1938, 385-386); *jabuγan* «пешеход», «пеший» (Поппе, 1938, 386); *jabuqči* «входящий» (Поппе, 1938, 386); *jabu-* «шагать», *jabuγan* «пеший» (Поппе, 1938, 450); *jabu-* «идти» (Козин, 1941, 554); п.-монг. *jabu-* «ходить, идти, шагать, ехать» (Lessing, 1960, 420); х.-монг. *jawā-* «ходить, ездить»; «идти, ехать»; *jawūān* «пеший»; «пешком»; «пешеходный»; *jawūān cerēg* «пехота»; «пехотинец» (БАМРС, IV, 453); бур. *jabā-* «ходить, ехать», «идти, ездить»; «быть кем-чем-либо», «заниматься чем-либо»; калм. *jow(ā)-* «ходить, ездить»; «идти, ехать» (см.: Ramstedt, 1935, 220: монг. *jabu-* > маньчж. *jabu-*, *jafa-*, *jō-*); ойр. *jow-* «ходить, идти»; «ездить, ехать»; «быть кем-чем-либо»; «заниматься чем-либо» (Тодаева, 2001, 185); даг. *jaw(ā)-*, *jau-* «тж.» (Тодаева, 1986, 147); дунс. *jawu-* «тж.» (Тодаева, 1961, 122); баоань *ju-* «тж.» (Тодаева, 1964, 140); монгор. *jū-* «идти, ходить»; минхэ *jau-* «тж.», сан-чуань *jau-dana* «нельзя проехать» (Тодаева, 1973, 338); в говорах Внутренней Монголии: *jaw(ā)-* (во всех), орд. *jawu-* «идти», «ехать»; «ходить», «ездить»; хорч., джал., дурб., горл., архорч., бар. *jawūān*; харч., тум., шгол., уцаб., чак. *jawūān* (< **jabuγan*) «пеший», «пешеходный» (Тодаева, 1981, 273) и т.д.

Эта версия не может быть принята уже по тому, что праторк. *-d-* (~ якут. *-t-* ~ тобаск. *-d-* ~ кыргыз. *-z-* ~ огуз., карл., кыпч. *-j-* ~ булг. *-r-*) в монгольском обычно отражается как *-d-* (ср.: праторк. *adaq* «нога», «нижняя конечность» → монг. *adaq* «конец», «устье») или *-ṣ-* (перед последующим *-i*; ср.: праторк. *qidiγ* «граница» → монг. *qiṣayar* «граница, предел»), но никогда не коррелирует с тюрк. *-β/-w-*. Уже сказанного достаточно, чтобы убедиться в некорректности сближения тюрк. *jaday* «пеший» с монг. *jabu-* «ходить, идти», «ездить, ехать»; но к этому следует добавить еще и семантической фактор: в монгольских языках глагол *jabu-* включает в себе не только значение «идти, ходить (пешком)», но неразрывно связан и со значением «ехать (верхом, на телеге, машине и т.п.)». Следовательно, попытки сближения тюрк. *jaday* «пеший, пешком» с монг. *jabu-* «ходить», «ехать» следует отклонить как не состоятельные.

Для справедливости ради, видимо, здесь следует указать и на сближение тюрк. **jadak*, *jajan* (так в оригинале. – Ж.Т.) с ф.-уг.: урал. **juta-gehen* («идти, ходить» и т.п. – Ж.Т.), предпринятое Л. Хонти (Хонти, 1985, 163), которое, как нам кажется, пока не доказано.

Критический обзор существующих в специальной литературе версий показывает, что между тюрк. *jaday* ~ каз. *žajaw* «пеший», «пешком» и предлагаемыми некоторыми авторами монгольскими сближениями (монг. *jadayu* «бедный, слабый»; *jabuγan* «пешеход, пеший» и др.) на самом деле никаких связей нет. В настоящее время наиболее приемлемой представляется иранская версия происхождения *jaday* «пеший».

Подробнее см.: Vámbéry, 1867, 351; 1877, 379-380; Будагов, 1871, II, 387-388; Катанов, 1903, 61, 70, 87-88; Поппе, 1925, 26; Poppe, 1926, 106; 1960, 32, 154; Korsch, 1912, 199-200; Brockelmann, 1928, 71; 1954, 12, §2;

Ramstedt, 1916, 67; 1935, 213, 217; 1952, 43; Räsänen, 1949, 122; 1969, 177, 385; Малов, 1951, 382; Aalto, 1952, 6; Deny, 1955, 131; Рамстедт, 1957, 49; Порре, 1960, 32, 154; Doerfer, 1963, 550-551, №403 (монг. *jada-* > тюрк. *jada-* ~ каз. *žada-w.* – Ж.Т.); Егоров, 1964, 219; Räsänen, 1969, 177; Хабичев, 1971, 101; Kalužiński, 1971, 27; Тенишев, 1971, (СТ, №2), 14; Clauson, 1972, 887; Сыдыков, 1983, 30; Ligeti, 1986, 72; Наджип, 1989, 223; ЭСТЯ, 1989, 68-69; Stachowski, 1993, 88; Rozycki, 1994, 222; Федотов, 1996, II, 141; 2002, 293; Eren, 1999, 445; СИГТЯ, 2002, 703; EDAL, II, 1129.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев В.И.

- 1958-1989: Историко-этимологический словарь осетинского языка. – М.; Л., 1958-1989. – Т. I: А-К'. – 1958; Т. II: L-R'. – 1973; Т. III: S-T'. – 1979; Т. IV: U-Z'. – 1989. – 2-е изд. – М., 1996.
- 1965: Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. – М.: Наука, 1965.

Абдуллаев А.З.

- 1984: К вопросу *r ~ z* в тюркских языках // *Сов. тюркология*. – Баку, 1984. – № 2.

Абдуллаев Ф.

- 1961: Ўзбек тилининг Хорезм шевалари. – Тошкент, 1961.
- 1967: Фонетика хорезмских говоров: Опыт монографического описания огузского и кыпчакского наречий узбекского языка. – Ташкент, 1967.

Абдурахмонов Ф., Муталлибов С.

- 1967: Девону луготит турк: Индекс-лугат. – Тошкент, 1967. – 543 с.

Абрамзон С.М.

- 1971: Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. – Л.: Наука, 1971.

Авляев Г.О.

- 1975: Этнический состав и расселение приволжских калмыков в конце XIX и начале XX века. – М.: Наука, 1975.

Аврорин В.А.

- 1960: О классификации тунгусо-маньчжурских языков. – М., 1960.
- 1970: Опыт изучения функционального взаимодействия языков у народов Сибири // *Вопросы языкознания*. – М., 1970. – № 1. – С. 33-43.

Аганина Л.А.

- 1954: Уйгурские диалекты Казахской ССР: (Чиликский район). – М., 1954.

Азербает Э.Г.

- 1974: Некоторые вопросы японско-тюркских языковых связей // *Известия АН КазССР. Серия филологическая*. – Алма-Ата, 1974. – № 4.
- 1975: Вопросы тюрко-японских языковых связей (Фонетико-лексическое исследование) / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1975. – 44 с.
- 1982 а: Вопросы японско-тюркских языковых связей (сравнительное фонетико-лексическое исследование с использованием электронной вычислительной машины и приложением данных монгольских, тунгусо-маньчжурских и корейского языков) / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1982. – 25 с.
- 1982 б: К происхождению порядковых числительных в тюркских языках // *Вопросы языкознания*. – М., 1982. – № 4.

- 1983: О фонемном составе древнеяпонского, чувашского языков и языка тюркских рунических памятников // *Сов. тюркология*. – Баку, 1983. – № 1. – С. 40-52.
- 1985: Сравнение лексики японского и тюркского языков, связанной с названиями частей тела человека // *Сов. тюркология*. – Баку, 1985. – № 1. – С. 75-89.

Айдаров Г.

- 1971: Язык орхонских памятников древнетюркской письменности VIII века. – Алма-Ата, 1971. – 380 с.

Акишев А.

- 1999: Скифская дорога и Великий Шелковый путь // *Актуальные проблемы казахстанского монголоведения: прошлое, настоящее и перспективы*. – Алматы, 1999. – С. 38-62.

Актуальные вопросы сравнительного языкознания. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1989. – 239 с.

Актуальные проблемы Казахстанского монголоведения: прошлое, настоящее и перспективы: Материалы международного научного colloquiuma 18 декабря 1998 года // *Көк Тенгри. № 1*. – Алматы: Дайк-Пресс, 1999.

Алексеев Д.А.

- 1949: Диалекты бурят-монгольского языка. – Л., 1949.

Алексеев В.П.

- 1961: Палеоантропология Саяно-Алтайского нагорья эпохи неолита и бронзы // *Антропологический сборник. III / Труды Института этнографии АН СССР. Новая серия*. – М., 1961. – Т. 21.
- 1974: Новые данные о европеоидной расе в Центральной Азии // *Бронзовый и железный век Сибири*. – Новосибирск, 1974.

Алексеев В.П., Гохман И.И., Тумэн Д.

- 1985: Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии // *Археология, этнография и антропология Монголии*. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 34-40.

Алтайские этимологии: Сборник научных трудов. – Л.: Наука, 1984. – 225 с.

Алтайские языки и восточная филология: К 80-летию Э.Р. Тенишева. – М., 2002.

Алтан товч: Хэвлэнд бэлтгэсэн Ц. Шагдар. – Улаанбаатар, 1957.

Аманжолов С.

- 1959: Вопросы диалектологии и истории казахского языка. I. – Алма-Ата, 1959. – 452 с.

Аманжолов А.С.

- 1969: Две рунические надписи с Сырдарьи // *Вестник АН КазССР*. – Алма-Ата, 1969. – № 1. – С. 72-74.
- 1969: Илийские рунические надписи // *Вопросы языкознания*. – М., 1969. – № 3. – С. 147-151.
- 1971: Руноподобная надпись из сакского захоронения близ Алма-Аты // *Вестник АН КазССР*. – Алма-Ата, 1971. – № 12. – С. 64-66.
- 1981: Тюркская руническая графика. – Алма-Ата, 1981. – Вып. 2.
- 1985: Тіл және этнос: Көне түркі этногенезіне байланысты бірер сөз // *Білім және еңбек*. – Алматы, 1985. – № 7. – Б. 26-28.

Амоголонов Д.Д.

– 1958: Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958.

Андреев Н.Д.

– 1971: Методы индоевропеистики и проблема алтайской общности // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 47-50.

Андреев Н.Д., Суник О.П.

– 1982: О проблеме родства алтайских языков и методах ее решения // *Вопросы языкознания*. – М., 1982. – С. 26-35.

Аникин А.Е.

– 2000: Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М.; Новосибирск: Наука, 2000. – 768 с.

Антонов Н.К.

– 1971: Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск, 1971.

Араб филолог о монгольском языке / Арабский текст издал и снабдил переводом и комментарием П.М. Мелиоранский. – СПб., 1903. См.: Мелиоранский, 1903.

Аралбаев Ж.

– 1988: Қазақ фонетикасы бойынша этюдтер. – Алматы, 1988.

Аристов Н.А.

– 1894: Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков большой орды и каракиргизов... // *Живая старина*. – СПб., 1894. – Вып. 3-4.

– 1896: Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // *Живая старина*. – 1896. – Вып. 3-4.

Арсланов Л.Ш.

– 1988: О лексическом взаимодействии калмыцкого языка с языками астраханских ногайцев и поволжских татар // *Проблемы монгольского языкознания*. – Новосибирск, 1988. – С. 113-120.

Атаев Г.

– 1982: Түркмен дилиниң хүнәрментчилик лексикасын сөзлүги. – Ашгабат, 1982.

Аханов Қ.

– 1956: Қазақ тілі лексикасының мәселелері. – Алматы, 1956.

Ахметьянов Р.Г.

– 1961: К вопросу о природе звуковых переходов в тюркских языках (о переходе *r ~ z*) // *Вопросы языкознания*. – М., 1961. – № 6. – С. 128-129.

– 1977: Древние тюрко-монгольские военно-феодалные термины в татарской свадебной терминологии // *Сов. тюркология*. – Баку, 1977. – № 4. – С. 96-102.

– 1978: Сравнительные исследования татарского и чувашского языков: фонетика и лексика. – М.: Наука, 1978.

Ашмарин Н.И.

– 1898: Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 1: Учение о звуках (фонетика); Ч. 2: Учение о формах (морфология). – Казань, 1898.

– 1928-1950: Словарь чувашского языка. – Вып. 1-17. – Казань; Чебоксары, 1928-1950.

Әбушерін С.

- 2002: Жылқышылық – ең ежелгі түркі өркениетін өрлетуге септескен бастау күш // *Түркология*. – Түркістан, 2002. – № 1. – С. 66-72.

Әвезов М.О.

- 1957: Қазақ ССР тарихы. – Алматы, 1957. – I т.

Әзірбаев Ә.Ғ.

- 1974: Байқап қарасақ... (Көне жапондықтар мен түркі халықтарның жыл санау жүйесіндегі ұқсастық жайында) // *Білім және еңбек*. – Алматы, 1975. – № 11. – 28 б.
- 1975: Осы ұқсастыққа үңіле түссе қайтер еді // *Білім және еңбек*. – Алматы, 1975. – № 2. – 28-29 б.

Әхмәтъянов Р.Ғ.

- 2001: Татар теленең қысқача тарихи-этимологиялық сүзлеге. – Казан: Тат. кит. нәшр., 2001. – 272 б.

Бабушкин Г.Ф.

- 1954: Вопросы развития лексики хакасского языка // *Ученые записки Хакас. НИИЯЛИ*. – Абакан, 1954. – Вып. 3.

Бадмаев Б.Б.

- 1966: Грамматика калмыцкого языка: Морфология. – Элиста, 1966.

Базилхан Б.

- 1966 (1967): Монгольские заимствования в Баян-Ульгейском говоре казахского языка // *Монголын судлал / Studia Mongolica*. Улаанбаатар, 1966 (1967). – Т. VI. – Fasc. 9-14.
- 1974: Краткая сравнительно-историческая грамматика монгольского и казахского языков: (На материале лексики и грамматики): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1974.

Базылхан Б.

- 1965: Моңғолияда туратын қазақтардың тилиндегі кейбір жергілікті ерекшеліктер // *Қазақ диалектологиясы*. – Алматы, 1965. С. 34-50.
- 1973: Моңғол-қазақ тілдерінің салыстырмалы тарихи грамматикасы. Өлгий, 1973. – 173 с.
- 1974: Краткая сравнительно-историческая грамматика монгольского и казахского языков (на материале лексики и грамматики) / Доклад, обобщающий содержание опубликованных и выполненных работ, представленных к защите на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Алма-Ата, 1974. – 31 с.
- 1976: Монғол-қазақ хэлний ижил язгуурт үг // *Хэл зохиолын судлал*. – Улаанбаатар, 1976. – С. 41-55.
- 1977: Қазақша-моңғолша сөздік. – Улан-Батор, 1977. – 392 б.
- 1978: Монғол-қазақ хэлний үгийн сангийн харьцааны асуудалд // *Хэл зохиолын судлал*. – Улаанбаатар, 1978. – С. 31-46.
- 1984 а: Монғол-қазақ толь. – Улаанбаатар; Өлгий, 1984.
- 1984 б: Моңғол-қазақ тілінің грамматикасынан қысқаша салыстырмалы белгілеулер // *Б. Базылхан*. Монғол-қазақ толь. – Улаанбаатар; Өлгий, 1984. – 807-885 б.
- 1991: Моңғолиядағы қазақтардың тілі. Улан-Батор; Өлгий, 1991.

- 1993: Қазақ және моңғол тілдері бойынша салыстырмалы зерттеулер. – Улаанбаатар, 1993.
- 1997: Қазақ және моңғол тілдерінің салыстырмалы – тарихи грамматикасы. – Улаанбаатар, 1997.
- 1999: Қазақ және моңғол тілдерінің салыстырмалы – тарихи грамматикасы: Фонетика. Алматы, 1999. – 165 б.
- 1999: Қазақ және моңғол тілдерінің сөз құрылысы // *Қазақстандағы моңғолтанудың өзекті маселелері: өткені, бүгіні мен болашағы.* – Алматы, 1999. – 91-114.
- 2000: Қазақ және моңғол тілдерінің салыстырмалы – тарихи грамматикасы. Алматы, 2000. – 446 б.

Байчоров С.Я.

- 1989: Древнетюркские рунические памятники Европы: Отношение северокавказского ареала древнетюркской рунической письменности к волгодонскому и дунайскому ареалам. – Ставрополь, 1989.

Байчура У.Ш.

- 1971: Инструментальные данные об ударении и интонации в алтайских языках // *Проблема общности алтайских языков.* – Л., 1971. – С. 279-292.

БАМРС, 2001-2002. Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. – М., 2001-2002. – Т. 1-4.

Балакаев М., Искаков А.

- 1954: Қазыргы қазақ тілі: Лексика, фонетика, грамматика. – Алматы, 1954. – 563 с.

Баланджанов П.Б.

- 1970: Алтан тобчи, монгольская летопись XVIII в. – Улан-Удэ, 1970.

Бардаев Э.Ч.

- 1976 а: Номадная лексика монгольских народов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1976.
- 1976 б: О происхождении названий мелкого скота в языках монгольских народов // *Вопросы грамматики и лексикологии современного калмыцкого языка.* – М., 1976.
- 1983: Заимствованная лексика в калмыцком языке // *Монголоведные исследования.* – Элиста, 1983.

Бартольд В.В.

- 1899: Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Ч. 1: Тексты. – СПб., 1898.
- 1900: Туркестан в эпоху монгольского нашествия. – СПб., 1900.
- 1927: История культурной жизни Туркестана. – Л., 1927.
- 1928: История турецко-монгольских народов. – Ташкент, 1928.

Баскаков Н.А.

- 1940: Ногайский язык и его диалекты. – М.; Л., 1940.
- 1952 а: Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования // *Труды Института языкознания АН СССР.* – М., 1952. – Т. 1. – С. 7-57.
- 1952 б: К вопросу о классификации тюркских языков // *Известия Отделения литературы и языка АН СССР.* – М., 1952. – Вып. XI. – № 2. – С. 121-134.

- 1955: Предисловие // *М. Рясянен. Материалы по исторической фонетике тюркских языков.* – М., 1955. – С. 3-12.
- 1956: Диалекты алтайского языка // *Ученые записки Горно-Алтайского НИИИЯЛ.* – Горно-Алтайск, 1956. – Вып. 1. – С. 3-17.
- 1957: Предисловие // *Г.Й. Рамstedт. Введение в алтайское языкознание.* – М., 1957. – С. 5-20.
- 1858: Алтайский язык. – М., 1958.
- 1960: Тюркские языки. – М., 1960.
- 1962 а: Предисловие // *В. Котвич. Исследование по алтайским языкам.* – М., 1962. – С. 5-17.
- 1962 б: Введение в изучение тюркских языков. – М., 1962.
- 1963: К критике новых классификаций тюркских языков // *Вопросы языкознания.* – М., 1963. – № 2. – С. 72-80.
- 1964: Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков // *Доклады на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук.* – М., 1964.
- 1966: Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект черневых татар (туба-кижи). – М., 1966.
- 1969: Введение в изучение тюркских языков. – М., 1969.
- 1970 а: Ареальная консолидация древнейших наречий и генетическое родство алтайских языков // *Вопросы языкознания.* – М., 1970. – № 4. – С. 42-53.
- 1970 б: Основные теоретические направления в изучении алтайской семьи языков // *Сов. тюркология.* – Баку, 1970. – № 1.
- 1971: Ареальная консолидация древнейших наречий и генетическое родство алтайских языков // *Проблема общности алтайских языков.* – Л., 1971. – С. 315-321.
- 1972 а: Диалект черневых татар (куманды-кижи). – М., 1972.
- 1972 б: Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалект кумандинцев (куманды-кижи). – М., 1972.
- 1973: Масштабы адстратных воздействий на язык, функционирующий в сложных межэтнических отношениях // *Доклады на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук.* Чикаго, 1973. – М., 1973.
- 1975 а: Некоторые аффиксы словообразования форм глагола, общие для алтайских языков // *Проблемы алтаистики и монголоведения.* Вып. 2. Серия лингвистики. – М., 1975.
- 1975 б: Диалект лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). – М., 1975.
- 1979: Историко-типологическая морфология тюркских языков: (Структура слова и механизм агглютинации). – М.: Наука, 1979. – 275 с.
- 1980: Предисловие // *Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков.* – Чебоксары, 1980.
- 1981: Алтайская семья языков и ее изучение. – М.: Наука, 1981. – 135 с.
- 1985: Северные диалекты алтайского (ойротского) языка: Диалекты лебединских татар-чалканцев (куу-кижи). – М.: Наука, 1985.
- 1987: К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // *Сов. тюркология.* – Баку, 1987. – № 5. – С. 69-75.

- 1988: К проблеме китайских заимствований в тюркских языках // *Turcica et Orientalia: Studies in honour of G. Jarring on his eightieth birthday 12 October 1987.* – Istanbul, 1988. Transactions. Vol. 1. – С. 1-7.
- Батаа Б.**
- 1971: Қазақ, моңғол тілдері жөніндегі жаңа туынды // *Білім және еңбек.* – Алматы, 1971. – № 8. – 31 б.
- Батманов И.А.**
- 1959: Язык енисейских памятников древнетюркской письменности. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1959. – 218 с.
 - 1971: Таласские памятники древнетюркской письменности. – Фрунзе, 1971.
- Батманов И.А., Арагачи З.Б., Бабушкин Г.Ф.**
- 1962: Современная и древняя енисейка. – Фрунзе: Изд-во АН КиргССР, 1962. – 249 с.
- Батманов И.А., Кунаа А.Ч.**
- 1963-1965: Памятники древнетюркской письменности Тувы. – Кызыл, 1963. – Вып. 1; 1964. – Вып. 2; 1965 – Вып. 3.
- Белбаева М.**
- 1976: Қазіргі қазақ тілі лексикологиясы. – Алматы, 1976. – 116 б.
- Бернштам А.Н.**
- 1946: Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI-VIII вв. – М.; Л., 1946.
- Бернштейн С.Б.**
- 1986: Несколько слов о ностратической гипотезе // *Вопросы языкознания.* – М., 1986. – № 4. – С. 38-41.
- Бертагаев Т.А.**
- 1960: К сравнительно-историческому изучению лексики монгольских языков. – М., 1960.
 - 1961 а: К исследованию лексики монгольских языков: Опыт сравнительно-статистического исследования лексики бурятских говоров. – Улан-Удэ, 1961.
 - 1961 б: О морфологическом строе бурятского языка. – М., 1961.
 - 1965: Чередование фонем и сингармонизмов в агглютинативных языках // *Морфологическая типология и проблема классификации языков.* – М.; Л., 1965.
 - 1968: Морфологическая структура слова монгольских языков. – М., 1968.
 - 1969: Морфологическая структура слова в монгольских языках. – М.: Наука, 1969.
 - 1971 а: Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках // *Проблема общности алтайских языков.* – Л., 1971. – С. 90-109.
 - 1971 б: Количественные чередования гласных и аблаут в монгольских языках // *Вопросы языкознания.* – М., 1971. – № 6.
 - 1971 в: Об аблауте и некоторых этимологических наблюдениях в алтайских языках // *Структура и история тюркских языков.* – М., 1971.
 - 1974 а: К этимологии некоторых слов в монгольских языках // *Исследования по восточной филологии.* – М., 1974. – С. 28-39.

- 1974 б: Лексика современных монгольских литературных языков (на материале монгольского и бурятского языков). – М., 1974. – 383 с.
 - 1976 а: Об этимологии *xān* ~ *хаган*, *xatun* и об отношении к *xāt* // *Тюркологические исследования*. – М., 1976. – С. 45-50.
 - 1976 б: Этнолингвистические этюды о племенах Центральной Азии // *Исследования по истории и филологии Центральной Азии*. – Улан-Удэ, 1976.
- Бишиев А.Г.**
- 1963: «Первичные» долгие гласные в тюркских языках. – Уфа, 1963.
 - 1965 а: Соответствие *-л/-ш* в алтайских языках // *Ученые записки Чуваш. НИИ*. – Чебоксары, 1965. – Вып. XXVIII.
 - 1965 б: Соответствие *-р/-з* в алтайских языках // *Исследования по уйгурскому языку*. – Алма-Ата, 1965. – С. 192-205.
- Бимбаев Р.**
- 1914: Монгольско-русский словарь. – Троицкосавск, 1914.
- Бира Ш.**
- 1978: Монгольская историография (XIII-XVII вв.). – М.: Наука, 1978.
- Бирнбаум Х.**
- 2003: Славянский, тохарский, алтайский: генетическая связь и ареально-типологическое влияние // *Вопросы языкознания*. – М., 2003. – № 5. – С. 6-25.
- Биткеев П.Ц.**
- 1965: Согласные фонемы калмыцкого языка. – Улан-Удэ, 1965.
 - 1975: Проблемы фонетики калмыцкого языка. – Элиста, 1975.
- Бичурин Н.Я.**
- 1950-1953: Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л., 1950-1953.
 - 1991: Ради вечной памяти: Поэзия. Статьи, очерки, заметки. Письма. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1991.
- Благова Г.Ф.**
- 1970: Против архаизации тюркологической и алтаистической терминологии // *Народы Азии и Африки*. – М., 1970. – № 1.
- Бобровников А.**
- 1849: Грамматика монгольско-калмыцкого языка. – Казань, 1849.
- Болатов Ж.**
- 1963: Монғолияда тұратын қазақтардың тіліндегі кейбір диалектілік ерекшеліктер туралы // *Қазақ пен ұйғыр тіл білімінің мәселелері*. – Алматы, 1963. – III т. – 66-76 б.
 - 1970: Восточная группа говоров казахского языка и ее отношение к литературному языку: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Алма-Ата, 1970.
- Болганбаев Ә.**
- 1979: Қазақ тілінің лексикологиясы. – Алматы, 1979. – 176 б.
- Болд Л.**
- 1966: Исторические связи монгольского языка с саянскими тюркскими языками: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. – Улан-Удэ, 1966.
- Бомхард А.Р.**
- 1989: Очерк сравнительной хронологии так называемых ностратических языков // *Вопросы языкознания*. – М., 1989. – № 3. – С. 33-50.

Боровков А.К.

- 1961: Бадā'и 'ал-лугат: Словарь Тāли Имāни Гератского к сочинениям Алишера Навои. – М., 1961.
- 1963: Лексика среднеазиатского тefsира XII-XIII вв. – М., 1963.

Бубрих Д.В.

- 1927: Кастрен – исследователь финно-угорских народностей // *Памяти М.А. Кастрена*. – Л., 1927.

Бугаева Т.Г.

- 1984: К этимологии цветообозначений «зеленый – синий» в корейском и других алтайских языках // *Алтайские этимологии*. – Л., 1984. – С. 178-188.

Бугаев Т.Г., Цинциус В.И.

- 1975: О названиях некоторых металлов в алтайских языках // *Проблемы алтаистики и монголоведения*. – М., 1975. – Вып. 2. – С. 69-91.

Будагов Л.

- 1869-1871: Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. – СПб., 1869. – Т. 1; 1871. – Т. 2.

Будаев Ц.Б.

- 1978: Лексика бурятских диалектов в сравнительно-историческом освещении. – Новосибирск, 1978.

Буденц Й.

- 1985: О некоторых «необычных» чувашско-тюркских звукосоответствиях // *Исследования венгерских ученых по чувашскому языку*. – Чебоксары, 1985. – С. 14-21.

Булакаева-Баранникова А.А.

- 1958: Сопоставительные материалы по лексике современного татарского и бурят-монгольского языков: Сборник трудов по филологии. – Улан-Удэ, 1958. – Вып. 3. – С. 157-165.
- 1961: Турецко-бурятские языковые параллели // *Ученые записки Бурятского педагогического института*. – Улан-Удэ, 1961. – Вып. 3.
- 1968: Карачаево-монгольские языковые параллели // *Труды Карачаево-Черкесского НИИЭИЯЛ: Серия филологическая*. – Черкесск, 1968. – Вып. 5.

Бураев И.Д.

- 1959: Звуковой состав бурятского языка. – Улан-Удэ, 1958.
- 1986: Результаты контактирования языков алтайской общности в циркумбайкальском регионе // *Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тезисы докладов XXIX сессии PIAC*. – Ташкент, 1986. – Т. II. Лингвистика. – С. 27-29.
- 1987: Становление звукового строя бурятского языка. – Новосибирск, 1987.
- 1988: Результаты контактирования языков алтайской общности в циркумбайкальском регионе // *Вопросы языкознания*. – М., 1988. – № 4. – С. 123-128.
- 1989: Результаты языковых контактов в околобайкальском регионе // *Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века*. – Новосибирск, 1989. – С. 132-145.

Бурыкин А.А.

- 1984: К исследованию лексики, связанной с духовной культурой в алтайских языках: Ожидание и результаты // *Лингвистические исследования: Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика.* – М., 1984. – Ч. 1. – С. 65-73.
- 1988: Тунгусо-маньчжуро-нивхские связи и проблема генетической принадлежности нивхского языка // *Вопросы лексики и синтаксиса языков народов Крайнего Севера СССР.* – Л., 1988. – С. 136-150.

Вайнштейн С.И.

- 1973: Проблема происхождения и формирования ХКТ кочевых скотоводов умеренного пояса Евразии. – М.: Наука, 1973.
- 1991: Мир кочевников центра Азии. – М.: Наука, 1991.

Валиханов Ч.Ч.

- 1984: Словарь китайских, монгольских и тюркских слов // *Валиханов Ч. Собрание сочинений в пяти томах.* – Алма-Ата, 1984. – Т. 2. – С. 248-250.

Вандуй Э.

- 1958: Увсын Хар усны гэрэлт хөшөө // *Шинжлэх ухаан, техник.* – Улаанбаатар, 1958. – № 3. – С. 45-47.

Василевич Г.М.

- 1947: Древнейшие языковые связи современных народов Азии и Европы // *Труды Института этнографии.* – М., 1947. – Вып. II. – С. 205-232.
- 1960: К вопросу о классификации тунгусо-маньчжурских языков // *Вопросы языкознания.* – М., 1960. – № 2.
- 1971: Некоторые термины ориентации в пространстве в тунгусско-маньчжурских языках // *Проблема общности алтайских языков.* – Л., 1971. – С. 223-229.

Васильев Д.Д.

- 1975: Графические особенности памятников Хойто-Тамира // *Вопросы восточного литературоведения и текстологии.* – М., 1975.
- 1976: Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала // *Сов. тюркология.* – Баку, 1976. – № 1. – С. 71-81.
- 1978 а: Древнетюркская эпиграфика Южной Сибири // *Тюркологический сборник: 1975.* – М., 1978. – С. 98-101.
- 1978 б: Памятники тюркской рунической письменности азиатского ареала: II // *Сов. тюркология.* – Баку, 1978. – № 5. – С. 92-95.
- 1981: Древнетюркская эпиграфика Сибири: II // *Тюркологический сборник: 1977.* – М., 1981. – С. 51-61.
- 1983 а: Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала: (Опыт систематизации). – М.: Наука, 1983. – 160 с.
- 1983 б: Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. – Л.: Наука, 1983.

Вельяминов-Зернов В.В.

- 1868: Словарь джагатайско-турецкий. – СПб., 1868.

Верба Н.К.

- 1978: Древнемонгольский комплекс с интервокальным согласным и его эквиваленты в современных монгольских языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1978.

Вербицкий В.

- 1884: Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. – Казань, 1884.

Викторова Л.Л.

- 1961 а: К вопросу о найманской теории происхождения монгольского литературного языка и письменности (XII-XIII вв.) // *Языки народов Востока*. – Л., 1961.
- 1961 б: Ранний этап этногенеза монголов. – Л., 1961.
- 1964: Монгольские племена и их роль в истории Сибири // *Материалы по древней истории Сибири*. – Улан-Удэ, 1964.
- 1974: Основные этапы этнической истории монгольских народов // *Проблемы алтаистики и монголоведения*. – Элиста, 1974.
- 1978: Формирование монгольского ареала в системе алтайских языков // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии*. – Л., 1978.
- 1980: Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. – М.: Наука, 1980.
- 1983: К проблеме формирования монгольского ареала в системе алтайских языков // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии*. – Л., 1983. – С. 114-121.
- 1989: К проблеме формирования монгольского ареала в системе алтайских языков // *Ареальные исследования в языкознании и этнографии*. – Л., 1989.

Владимирцов Б.Я.

- 1909: Отчет о командировке к дэрбэтам Кобдинского округа летом 1908 г. // *Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях*. – СПб., 1909. – № 9.
- 1911: Турецкие элементы в монгольском языке // *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества*. – СПб., 1911. – Т. XX. – Вып. 1. – С. 153-184.
- 1919: О частицах отрицания при повелительном наклонении в монгольском языке // *Известия РАН*. – Л., 1919.
- 1921: Монгольский сборник рассказов из Rañcātāntra // *Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук*. – Л., 1921. – Т. V. – Вып. 2.
- 1923: О двух смешанных языках Западной Монголии // *Яфетический сборник*. – Пг., 1923. – Ч. 2.
- 1924: Упоминание имени Теб-тенгри в монгольской письменности // *Доклады РАН. Сер. В*. – Л., 1924.
- 1925 а: И.Н. Березин – монголист // *Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее РАН*. – Л., 1925. – Т. 1.
- 1925 б: Консонантизм алтайских языков // *Известия РАН*. – Л., 1925.
- 1925 в: Следы грамматического рода в монгольском языке // *Доклады РАН*. – Л., 1925. – С. 31-34.
- 1925 г: Mongolica. I: Об отношении монгольского языка к индоевропейским языкам Средней Азии // *Записки Коллегии востоковедов*. – Л., 1925. – Вып. 1. – С. 305-341.

- 1926: Об окончании множественного числа в монгольском языке // *Доклады АН СССР. Сер. В.* – Л., 1926. – С. 61-62.
- 1927: Этнолого-лингвистические исследования в Урге, Ургинском и Кентейском районах // *Северная Монголия.* – Л., 1927.
- 1929 а: Географические имена орхонских надписей, сохранившиеся в монгольском // *Доклады АН СССР.* – Л., 1929. – № 10.
- 1929 б: Заметки к древнетюркским и старомонгольским текстам // *Доклады АН СССР. Сер. В.* – Л., 1929. – С. 289-296.
- 1929 в: Монгольское *pökür* // *Доклады РАН. Сер. В.* – Л., 1929. – С. 287-288.
- 1929 г: По поводу древнетюркского *ötiken uyš* // *Доклады АН СССР. Сер. В.* – Л., 1929. – С. 133-136.
- 1929 д: Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхасского наречия: Введение и фонетика. – Л., 1929. – XII + 436 с.
- 1930 а: Арабские слова в монгольском // *Записки Коллегии востоковедов.* – Л., 1930. – Вып. V. – С. 73-83.
- 1930 б: Монгольские титулы *beki* и *begi* // *Доклады РАН. Сер. В.* – Л., 1930. – С. 163-167.
- 1931:
- 1932: Монгольские литературные языки // *Записки Института Востоковедения АН СССР.* – Л., 1932. – Вып. 1.
- 1934: Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. – Л., 1934.
- 1935: Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам // *Известия РАН.* – Л., 1935.

Владимирцов Б.Я., Поппе Н.Н.

- 1924: Из области вокализма монголо-турецкого праязыка // *Доклады РАН.* – Л., 1924. – С. 33-35.

Вовин А.В.

- 1986: О древнекорейско-древнеяпонских языковых связях // *Народы Азии и Африки.* – М., 1986. – № 5. – С. 98-102.

Вопросы методов изучения истории тюркских языков. – Ашхабад, 1961.

Вопросы тюркологии / Под общей ред. проф. В.В. Решетова. – Ташкент, 1965.

Воронин С.В.

- 1977: Deskриптивные праформы в ностратическом этимологическом словаре (т. 1) В.М. Иллич-Свитыча // *Ностратические языки и ностратическое языкознание: Тезисы докладов.* – М., 1977.

Востриков А.И., Поппе Н.Н.

- 1935: Летопись баргузинских бурят: Тексты и исследования. – М.; Л., 1935.

Гаджиева Н.З.

- 1975: Проблемы тюркской ареальной лингвистики. – М.: Наука, 1975.

Галяутдинов И.Г.

- 1975: Лексические параллели современного башкирского и монгольского языков и их фонетическое оформление // *Проблемы алтаистики и монголоведения.* – М., 1975. – Вып. 2. – С. 243-251.

Ггамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч. Вс.

– 1972: Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общеиндоевропейского языка // *Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы.* – М., 1972.

– 1984: Индоевропейский язык и индоевропейцы: Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – Ч. I-II. – ХСVI + 1328 с.

Гарипов Т.М.

– 1979: Кыпчакские языки Урало-Поволжья: Опыт синхронической и диахронической характеристики. – М., 1979.

Герценберг Л.Г.

– 1971: Алтайстика с точки зрения индоевропейца // *Проблема общности алтайских языков.* – Л., 1971. – С. 31-46.

– 1974: Об исследовании родства алтайских языков // *Вопросы языкознания.* – М., 1974. – № 2.

Голстунский К.Ф.

– 1893-1895: Монгольско-русский словарь. – СПб., 1893-1895. – Т. I-III.

– 1860: Русско-калмыцкий словарь. – СПб., 1860.

Гомбоц З.

– 1985: Древние булгаро-тюркские заимствования венгерского языка // *Исследования венгерских ученых по чувашскому языку.* – Чебоксары, 1985. – С. 43-50.

Горцевская В.А.

– 1959: Очерк истории изучения тунгусо-маньчжурских языков. – Л., 1959.

Гохман И.И.

– 1980: Происхождение центральноазиатской расы в свете новых палеоантропологических материалов // *Сборник Музея антропологии и этнографии.* – Л.: Наука, 1980. – Т. 36. – С. 5-34.

Грамматика алтайского языка / Сост. членами алтайской миссии. – Казань, 1869.

Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. – М., 1962.

Грамматические исследования по отдельным алтайским языкам. – Л.: Наука, 1989. – 195 с.

Грум-Гржимайло Г.Е.

– 1926: Западная Монголия и Урянхайский край. – Л., 1926. – Ч. 1-2.

Грунин Т.И.

– 1967: Документы на половецком языке XVI в. (Судебные акты каменец-подольской армянской общины). – М.: Наука, 1967.

Гумилев Л.Н.

– 1960:

– 1963: По поводу интерпретации Уланкомской надписи // *Сов. археология.* – М., 1963. – № 1. – С. 295-298.

– 1967: Древние тюрки. – М., 1967.

Дамдинов Д.Г.

– 1974: О сельскохозяйственных терминах в монгольских языках // *Исследования по восточной филологии.* – М., 1974. – С. 51-63.

- 1993: Ононские хамниганы: (Вопросы духовной культуры). – Улан-Удэ, 1993.
- Дамдинсүрэн Ц.**
- 1957: Монголын уран зохиолын тойм. – Улаанбаатар, 1957.
 - 1973: О личных местоимениях первого лица в монгольском языке // *Studia Mongolica*. – Улаанбаатар, 1973. – Т. 1(9). – Fasc. 1-17.
- Дарбеева А.А.**
- 1991: Историко-сопоставительные исследования по грамматике монгольских языков: (Фонетика) / Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1991.
- Дельбрюк Б.**
- 1904: Введение в изучение языка. – СПб., 1904.
- Дёрфер Г.**
- 1972 а: Можно ли проблему родства алтайских языков разрешить с позиций индоевропеистики? // *Вопросы языкознания*. – М., 1972. – № 3. – С. 50-66.
 - 1972 б: О состоянии исследования халаджской группы языков // *Вопросы языкознания*. – М., 1972. – № 1.
 - 1976: О трех количественных градациях гласных в тюркских языках // *Сов. тюркология*. – Баку, 1976. – № 4. – С. 56-71.
 - 1980: К вопросу о древнетюркском \bar{i} – $j\bar{i}$ // *Проблемы современной тюркологии*. – Алма-Ата, 1980. – С. 384-385.
 - 1981: Базисная лексика и алтайская проблема // *Вопросы языкознания*. – М., 1981. – № 4. – С. 35-44.
 - 1987: О количественной градации гласных в халаджском языке // *Сов. тюркология*. – Баку, 1987. – № 5. – С. 55-68.
- Джумагулов Ч.**
- 1963: Эпиграфика Киргизии. – Фрунзе, 1963. – Вып. I.
 - 1971: Эпиграфика Киргизии. – Фрунзе, 1963. – Вып. III.
- Диалектная лексика в монгольских языках.** – Улан-Удэ, 1987.
- Диалектологический словарь татарского языка.** – Казань: Татар. кн. изд-во, 1969.
- Диков Н.Н.**
- 1958: Бронзовый век Забайкалья. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 108 с.
- Дмитриев Н.К.**
- 1955 а: Вторичные долготы в тюркских языках // *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков*. – М., 1955.
 - 1955 б: Соответствие r/\bar{z} // *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков*. – М., 1955.
 - 1955 в: Соответствие $r/\bar{d}/m/\bar{z}/\bar{z}/\bar{y}$ // *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков*. – М., 1955.
 - 1962: Строй тюркских языков. – М., 1962.
- Дмитриева Л.В.**
- 1963: Хуастуанифт: Введение, текст, перевод // *Тюркологические исследования*. – М.; Л., 1963. – С. 214-232.
 - 1971: Словообразование и некоторые семантические модели названий, относящихся к анатомии растений и тюркских языках // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 152-160.

- 1972: Названия растений в тюркских и других алтайских языках // *Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков*. – Л., 1972. – С. 151-223.
- 1973: К этимологии некоторых названий растений в тюркских языках (названия с корнем *бог-* и *бок-*) // *Сов. тюркология*. – Баку, 1973. – № 6.
- 1975 а: Некоторые итоги изучения названий растений в тюркских языках сопоставительно с другими языками алтайской семьи: (Однолексемные названия) // *Сов. тюркология*. – Баку, 1975. – № 2.
- 1975 б: Фитонимы и фитонимическая терминология, общие для тюркских и монгольских языков // *Проблемы алтаистики и монголоведения*. – М., 1975. – Вып. 2. – С. 125-141.
- 1979 а: Из этимологии названий растений в тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языках // *Исследования в области этимологии алтайских языков*. – Л., 1979. – С. 135-191.
- 1979 б: О некоторых заимствованиях в тюркских языках (монголизмы) // *Языки народов Сибири*. – Кемерово, 1979 (на обл. 1980). – Вып.3. – С. 83-95.
- 1981 а: Язык барабинских татар. – Л., 1981.
- 1981 б: Этимология географических апеллятивов в тюркских и других алтайских языках // *Алтайские этимологии*. – Л., 1984. – С. 130-177.

Добродомов И.Г.

- 1974: Отражение двух разновидностей ротацизма в болгарских заимствованиях славянских языков // *Вопросы языкознания*. – М., 1974. – № 4. – С. 106-116.
- 1975: Отражение тюркского начального *j-* в болгаризмах славянских языках // *Сов. тюркология*. – Баку, 1975. – № 3. – С. 23-35.

Долгопольский А.Б.

- 1964 а: Гипотеза древнейшего родства языков Северной Евразии (проблемы фонетических соответствий) / VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. – М., 1964.
- 1964 б: Гипотеза древнейшего родства языковых семей Северной Евразии с вероятностной точки зрения // *Вопросы языкознания*. – М., 1964. – № 2.
- 1965: Методы реконструкции общеевропейского языка и сибироевропейская гипотеза // *Этимология: 1964*. – М., 1965.
- 1971: Какие языки родственны европейским? // *Наука и человечество: 1971-1972*. – М., 1971.

Дондуков Ж.Ш.

- 1964: Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. – Улан-Удэ, 1964.
- 1988: Об аффиксе *-лиг* в монгольских языках // *Проблемы монгольского языкознания*. – Новосибирск, 1988. – С. 148-155.

Дониёров Х.

- 1979: Қипчоқ диалектларининг лексикаси. – Тошкент, 1979.

Доржсурен Ц.

- 1957: Изучение историко-археологических памятников Монголии. – Улан-Батор, 1957.

Доскараев Ж.

- 1946: Краткий очерк о южном диалекте казахского языка // *Известия АН Казахской ССР. Серия филологическая*. – Алма-Ата, 1946. – Вып. 4.

ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 676 с.

Дульзон А.П.

- 1966: О древней центральноазиатской языковой общности // *Основные проблемы эволюции языка*. – Самарканд, 1966. – Ч. 1. – С. 21-23.
- 1973: Происхождение падежных аффиксов алтайских языков // *Вопросы языкознания*. – М., 1973. – № 1. – С. 50-63.

Дыбо В.А.

- 1978: Ностратическая гипотеза (Итоги и проблемы) // *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.* – М., 1978. – Вып. XXXVII. – № 5. – С. 400-413.
- 1984: К вопросу об алтайском родстве // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. – М., 1984. – Ч. 1. – С. 31-32.
- 1984: Языковые контакты и базисная лексика: Названия пальцев рук в среднеазиатском ареале // В кн.: *Лингвистические исследования: Типология. Диалектология. Этимология. Компаративистика*. – М., 1984, Ч. 1. – С. 87-97.
- 1985: К праалтайской реконструкции названий частей тела // *Теория и практика этимологических исследований*. – М., 1985.
- 1986: Ареальное изучение номинативных систем в этимологическом исследовании // *Проблемы составления этимологического словаря отдельного языка*. – Чебоксары, 1986. – С. 48-55.
- 1988: Применение лингвистического анализа в этимологии // *Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях*. – М., 1988. – Ч. 1.
- 1989: Заимствования из уральских языков в анатомической лексике алтайских языков // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. – М., 1989.
- 1989: К истории традиционных антропометрических терминов // *Сов. Тюркология*. – Баку, 1989. – № 2.
- 1990: Инлаутные гуттуральные в тунгусо-маньчжурском и праалтайском // *Сравнительно-историческое языкознание на современном этапе*. – М., 1990.
- 1991: Тюрк. *t, *d // *Славистика. Индоевропеистика. Ностратика*. – М., 1991.
- 1992: Некоторые заимствования в соматической лексике монгольских языков // *Монгольский лингвистический сборник*. – М., 1992.
- 1995 а: Еще раз о согласовании ностратической теории с результатами изучения тюркских языков // *Московский лингвистический журнал*. – М., 1995. – № 1.
- 1995 б: Пальцевые меры длины (пяди) в алтайских языках // *Этноязыковая и этнокультурная история Восточной Европы*. – М.: Индрик, 1995.
- 1995 в: Судьба праалтайского *ŋ- по тунгусо-маньчжурским данным // *Владимирцовские чтения*. – М., 1995. – Вып. 3.
- 1996: Семантическая реконструкция в алтайской этимологии: Соматические термины (плечевой пояс). – М.: Языки рус. культуры, 1996. – 389 с.

- 1997 а: К культурной лексике праалтайского языка // *Балто-славянские исследования – 1991*. – М., 1997.
- 1997 б: Названия подарков в праалтайском // *Н.А. Баскакову – 90 лет*. – М., 1997.

Дыбо В.А.

- 1994: Язык – этнос – археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы). II // *Язык. Культуры. Этнос*. – М., 1994.
- 2000: Мир праалтайцев: *Wörter und Sachen* // *Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия*. – М., 2000. – С 38-48.
- 2002: Язык – этнос – археологическая культура (несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы). III // *Встречи этнических культур в зеркале языка в сопоставительном лингвокультурном аспекте*. – М.: Наука, 2002.

Дыбо В.А., Пейрос И.И.

- 1985: Проблемы изучения отдаленного родства языков // *Вестник АН СССР*. – М., 1985. – № 2. – С. 55-66.

Дыбо В.А., Терентьев В.А.

- 1984: Ностратическая макросемья и проблема ее временной локализации // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. – М., 1984. – Ч. 5. – С. 3-20.

Дыйканова Ч.К.

- 1987: Структурно-морфологическая характеристика киргизско-монгольских односложных корней // *Исследования по киргизскому языкознанию*. – Фрунзе, 1987. – С. 40-47.

Евтюхова Л.А.

- 1957: О племенах Центральной Монголии в IX в. (По материалам раскопок курганов) // *Сов. археология*. – М., 1957. – № 2.

Егоров В.Г.

- 1930: Введение в изучение чувашского языка. – М.: Центр. изд-во народов СССР, 1930.
- 1954: Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. – Чебоксары, 1954. – Ч.1.
- 1964: Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964.
- 1971: Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. – Чебоксары, 1971. – Ч. 1.

Егоров Н.И.

- 1986: Булгаро-чувашско-монгольские языковые параллели и алтайская теория // *Совершенствование преподавания общетюркологических дисциплин в вузе*. – Чебоксары, 1986. – С. 52-74.
- 1987: Оногуры, савиры, булгары, угры и их взаимоотношения в 1-ой половине I тысячелетия н.э. // *Чувашский язык: История и этимология*. – Чебоксары, 1987. – С. 16-31.
- 1988: Оногуры, савиры, булгары, угры и их взаимоотношения в 1-ой половине I тысячелетия н.э. // *Исследования по этимологии и грамматике чувашского языка*. – Чебоксары, 1988. – С. 3-18.

- 1986 (1987): Лингвистическая хронотопология и проблема огуро-оногуро-булгаро-чувашской языковой преемственности // *Материалы Всесоюзной конференции «Теория лингвистической реконструкции» (Москва, 12-14 октября 1987 г.)*. – М., 1987. – С. 42-43.
 - 1990: Историческое развитие чувашской лексики // *Современный чувашский литературный язык*. – Чебоксары, 1990. – Т. 1. – С. 128-145.
 - 1992: Проблемы генетической и хронотопологической стратификации лексики чувашского языка и теория булгаро-чувашской этноязыковой преемственности: Научный доклад ... д-ра филол. наук. – Алма-Ата, 1992. – 82 с.
- Едоков И.П., Едоков В.И.**
- 1986: Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности. – М., 1986.
- Еремеев Д.Е.**
- 1967: Язык как этногенетический источник // *Сов. этнография*. – М., 1967. – № 4.
 - 1971: Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). – М., 1971.
- Ерен Х.**
- 1941: Бълг. *kalavary* // *Родна реч*. – София, 1941. – № 14. – С. 148-149.
- Жамцарано Ц.**
- 1936: Монгольские летописи XVII в. – М.; Л., 1936.
- Жанпейісов Е.Н.**
- 1994: Моңғол қазақтарының тілін зерттеуші // *Қазақстан Республикасының Ұлттық Ғылым Академиясының Хабарлары. Тіл, әдебиет сериясы*. – Алматы, 1994. – № 5.
- Жаримбетов А.**
- 1980: Тюркские лексические элементы в русской номенклатуре растений. – Нукус, 1980.
- Жилкумбаев А.Ш.**
- 1991: Термины питания в казахском языке: АДК. – Алма-Ата, 1991. – 22 с.
- Заднепровский Ю.А.**
- 1967: Тюркские памятники в Фергане // *Сов. археология*. – М., 1967. – № 1. – С. 270-274.
- Зайончковский А.**
- 1961: К вопросу о структуре корня в тюркских языках // *Вопросы языкознания*. – М., 1961. – № 2. – С. 28-35.
- Залкинд Е.М.**
- 1937: Древние народы китайских хроник и эвенки (хун-ну, дун-ху, сяньби, ши-вэй) // *Сов. этнография*. – М., 1937. – № 1.
 - 1948: Кидани и их этнические связи // *Сов. этнография*. – М., 1948. – № 1.
- Зифельдт-Симуляги А.Р.**
- 1927: *Uralo-altaica*. – Баку: Изд-е О-ва обследования и изучения Азербайджана, 1927. – Кн. 1.
- Златкин И.Я.**
- 1964: История Джунгарского ханства. – М., 1964.

Золотницкий Н.И.

- 1875: Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями народов тюркского, финского и других племен. – Казань, 1875.

Иванов А.И.

- 1972: Чувашский язык в урало-алтайской семье языков // *Чувашский язык, литературы и фольклор*. – Чебоксары, 1972. – Вып. 1. – С. 3-53.

Иванов Вяч. Вс.

- 1979: [Рец. на кн.:] Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь (l-ʃ). Указатели. – М.: Наука, 1976 // *Этимология*, 1977. – М., 1979.
- 1984: О предполагаемых соотношениях между восточноностратическими (алтайские, уральский, дравидский) и западноностратическими (индоевропейский, картвельский, афразийские) языками // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. – М., 1984. – Ч. 3. – С. 21-25.
- 1988: К проблеме тохаро-алтайских лексических связей // *Вопросы языкознания*. – М., 1988. – № 4. – С. 99-102.

Иллич-Свитыч В.М.

- 1963: Алтайские дентальные: *t, d, δ* // *Вопросы языкознания*. – М., 1963. – С. 37-56.
- 1965: Алтайские гуттуральные **kʰ, *k, *g* // *Этимология*, 1964. – М., 1965. – С. 338-343.
- 1965: Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. – М.: Наука, 1965.
- 1967: Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семитохамитский) // *Этимология*, 1965. – М., 1967. – С. 321-373.
- 1968: Соответствия смычных в ностратических языках // *Этимология*, 1966. – М., 1968.
- 1971: Опыт сравнения ностратических языков: (Семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский): Введение. Сравнительный словарь. – М., 1971. – Вып. 1.
- 1976: Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь (l-ʃ). Указатели. – М.: Наука, 1976.
- 1984: Опыт сравнения ностратических языков: Сравнительный словарь (p-q) (по картотекам автора). – М.: Наука, 1984.
- 2003: Опыт сравнения ностратических языков: (Семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидский, алтайский): Введение. Сравнительный словарь. – М., 2003.

Ильминский Н.И.

- 1859: *Qissas-i Rabyuzi* / Изд. Н.И. Ильминского. – Казань, 1859.

Исмагулов О.

- 1970: Население Казахстана от эпохи бронзы до современности. – Алма-Ата, 1970.

Исследования в области этимологии алтайских языков. – Л.: Наука, 1979.

Исследования по восточной филологии: К 75-летию проф. Г.Д. Санжеева. – М., 1974.

- Историко-культурные** контакты народов алтайской языковой общности: Тезисы докладов XXIX сессии Постоянной Международной Алтаистической Конференции (PIAC). Ташкент, сентябрь, 1986 г. II: Лингвистика. – М., 1986. – 148 с.
- Историческое** развитие лексики тюркских языков. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1961.
- История Бурят-Монгольской АССР.** – Улан-Удэ, 1954. – Т. 1.
- История Бурятской АССР.** – М.; Л., 1954. – Т. 1.
- История Казахской ССР.** – Алма-Ата, 1977.
- История Казахстана.** Очерк. – Алматы, 1993.
- История Монгольской Народной Республики.** – М.: Наука, 1967.
- Источники** формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири. – Фрунзе: Илим, 1966.
- Исхаков Ф.Г.**
- 1955: Долгие гласные в тюркских языках // *Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков.* – М., 1955.
- Ишбердин Э.Ф.**
- 1970: О лексической взаимосвязи урало-алтайских языков (по названиям птиц) // *Некоторые вопросы урало-алтайского языкознания.* – Уфа, 1970. – С. 45-48.
 - 1971: Некоторые названия животных и птиц в башкирском и монгольском языках // *Проблема общности алтайских языков.* – Л., 1971. – С. 204-207.
 - 1979: Монгольские заимствования в башкирском языке // *Сов. тюркология.* – Баку, 1979. – № 1. – С. 20-29.
 - 1986: Историческое развитие лексики башкирского языка. – М.: Наука, 1986. – 152 с.
- Ишбердин Э.Ф., Ураксин З.Г.**
- 1971: Некоторые моменты лексической связи башкирского языка с монгольскими // *Археология и этнография Башкирии.* – Уфа, 1971. – Т. IV. – С. 275-277.
- Кадырбаев А.Ш.**
- 1997: За пределами Великой степи. – Алматы, 1997.
 - 1999: Казахи и монголы в свете историко-культурной традиции тюрко-монгольского симбиоза // *Актуальные проблемы казахстанского монголоведения: прошлое, настоящее и перспективы.* – Алматы, 1999. – С. 30-37.
- Қажыбеков Е.**
- 1985: Ғылымға әркімнің-ақ бар таласы: Үндіс-орал-алтай тілдері тектес пе? // *Білім және еңбек.* – Алматы, 1985. – № 6. – Б. 12-13.
- Кажыбеков Е.З.**
- 1986: Глагольно-именная корреляция гомогенных корней в тюркских языках: (Явление синкретизма). – Алма-Ата, 1986.
 - 1987: Проблемы реконструкции тюркского праязыка: пропедевтический ракурс // *Сов. тюркология.* – Баку, 1987. – № 4. – С. 3-22.
- Қазақ диалектологиясы.** – Алматы, 1965. – 294 с.
- Қазақ тілінің қысқаша** этимологиялық сөздігі. – Алматы, 1966.

Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. – Алматы, 1974-1987. – Т. 1-10.

Казахская диалектология / Сост. С. Айтмухамбетова, Н.А. Менжулина. – Алматы, 1959. – 292 с.

Казахская диаспора Монголии: социально-экономическое положение и миграционные установки. – Алматы, 1993.

Кайдаров А.Т.

– 1970: Уйгурско-монгольские языковые связи в области фонетики // *Исследования по уйгурскому языку.* – Алма-Ата, 1970. – Т. 2.

– 1973: Доспехи и вооружение воина-батыра в казахском эпосе и их этнолингвистическое объяснение // *Известия АН КазССР. Серия общественная.* – Алма-Ата, 1973. № 6. – С. 25-34.

– 1976: О некоторых общих тюрко-монгольских однокоренных основах // *Якутский филологический сборник.* – Якутск, 1976. – С. 23-30.

– 1986: Структура односложных корней и основ в казахском языке. – Алма-Ата: Наука, 1986.

Қайранбаев Ж.

– 1973: Қазақ тілі мен монғол тілінің арасындағы кейбір ұқсастықтар // *Тезисы докладов. XXVII студенческая научная конференция. Гуманитарные науки.* – Алма-Ата, 1973. – 252-253 б.

Калиев Ф., Сарыбаев Ш.Ш.

– 1979: Қазақ диалектологиясы. – Алматы: Мектеп, 1979. – 200 с.

Калужинский Ст.

– 1961 а: Монгольско-якутские языковые контакты // *Studia Mongolica.* – Ulan-Bator, 1961. – Т. II. – Fasc. 1-16.

– 1961 б: Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке // *Труды [Якут.] ИЯЛИ.* – Якутск, 1961. – Вып. 3 (8).

– 1968: Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке // *Труды НИИЯЛИ Якутского филиала СО АН СССР.* – Якутск, 1968. – Вып. III (8).

– 1972: Некоторые вопросы монгольской терминологии родства // *Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал.* – Улаанбаатор, 1972. – 1 боть. – С. 217-220.

– 1978-1979: Этимологические исследования по якутскому языку: двусложные основы // *Rocznik Orientalistyczny.* – 1978. – 39 (2). – С. 5-14; 1978. – 40 (1). – С. 71-82; 1979. – 40 (2). – С. 39-49; 1979. – 41. – С. 81-93; *Asian and African Studies [Haifa].* – 1978. – 12. – С. 39-49.

– 1986: Этимологические исследования по якутскому языку: двусложные основы (VIII) // *Rocznik Orientalistyczny.* – Kraków, 1986. – Т. 45. – С. 79-99.

Кара Д.

– 1972: Книги монгольских кочевников. – М.: Наука, 1972.

Каргер Н.К.

– 1983: Кетский язык // *Языки и письменность народов Севера.* – М.; Л., 1934. – Ч. 3.

Каримуллин А.Г.

– 1976: К вопросу о генетическом родстве отдельных языков индейцев Америки с тюркскими // *Вопросы географии США.* – Л., 1976.

Касьяненко З.К.

- 1986: Современный монгольский язык. – Л., 1968.

Катанов Н.Ф.

- 1903: Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. – Казань, 1903.

Катаринский В.

- 1897: Киргизо-русский словарь. – Оренбург, 1897.

Кенесбаев С.К.

- 1971: К вопросу о тюркско-монгольской языковой общности (на материале некоторых грамматических явлений казахского языка) // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 322-330.
- 1974: К вопросу о тюркско-монгольской языковой общности (на материале некоторых грамматических явлений казахского языка) // *Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker*. – Berlin, 1974. – S. 297-306.

Кенесбаев С., Исхаков А., Аханов К.

- 1959: Қазақ тілі грамматикасы. 1-нші бблум: Фонетика, лексика және морфология. – Алматы, 1959. – 159 с.

Кенесбаев С., Мусабаяев Г.

- 1962: Современный казахский язык. – Алма-Ата, 1962. – 315 с.

Кеппен Ф.П.

- 1886: Материалы к вопросу о первоначальной родине и первобытном родстве индоевропейского и финно-угорского племени. – СПб., 1886.

Киекбаев Дж.Г.

- 1965: О грамматической категории определенности и неопределенности в урало-алтайских языках // *Сов. финно-угроведение*. – Таллин, 1965. – № 4.
- 1966 а: О генетическом единстве формы определенности в сфере имени и глагола в урало-алтайских языках // *Вопросы методологии и методики лингвистических исследований*. – Уфа, 1966. – С. 244-256.
- 1966 б: О происхождении некоторых падежных форм в урало-алтайских языках в свете теории определенности-неопределенности // *Вопросы методологии и методики лингвистических исследований*. – Уфа, 1966. – С. 175-191.
- 1967: Об урало-алтайском абессиве и его происхождении // *Всесоюз. конф. по финно-угорскому языкознанию (Тезисы к докладам и некоторые доклады)*. – Ижевск, 1967. – С. 13-19.
- 1970: К вопросу о родстве урало-алтайских языков // *Некоторые вопросы урало-алтайского языкознания*. – Уфа, 1970. – С. 4-22.
- 1972: Введение в урало-алтайское языкознание. – Уфа: Башк. кн. изд-во, 1972. – 151 с.
- 1996: Основы исторической грамматики урало-алтайских языков: Структурный анализ морфологического строя тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских и угро-финских языков на основе теории определенности в языке. – Уфа: Китап, 1996. – 368 с.

Киселев С.В.

- 1951: Древняя история Южной Сибири. – М., 1951.

Кичиков А.Ш.

- 1963: Дербетский говор. – Элиста, 1963.

Климов Г.А.

- 1994: Древнейшие индоевропейские картвельские языки. – М., 1991. – 249 с.

Клоусон Дж.

- 1969: Лексикостатистическая оценка алтайской теории // *Вопросы языкознания*. – М., 1969. – № 5. – С. 22-41.

Кляшторный С.Г.

- 1951: Кангюйская этнопонимика в орхонских текстах // *Сов. этнография*. – М., 1951. – № 3. – С. 54-63.
- 1953: Яксарт – Сыр-Дарья // *Сов. этнография*. – М., 1953. – № 3. – С. 189-190.
- 1959 а: Историко-культурное значение Суджинской надписи // *Проблемы востоковедения*. – М., 1959. – № 5. – С. 165-166.
- 1959 б: Согдийцы в Семиречье // *Сов. этнография*. – М., 1959. – № 1. – С. 7-11.
- 1960: Титул согдийского владельца в древнетюркском тексте // *Проблемы востоковедения*. – М., 1960. – № 6. – С. 134-135.
- 1961 а: К историографической оценке Уланкомской надписи // *Эпиграфика Востока*. – М.; Л., 1961. – Вып. XIV. – С. 26-28.
- 1961 б: Согдийцы в Центральной Азии (по руническим текстам) // *Эпиграфика Востока*. – М.; Л., 1961. – С. 29-31.
- 1963: По поводу интерпретации Уланкомской надписи (Письмо в редакцию) // *Сов. археология*. – М., 1963. – № 4. – С. 292-293.
- 1964: Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М., 1964.
- 1973: Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии // *Тюркологический сборник – 1972*. – М., 1973. – С. 257-259.
- 1976 а: Руническая эпиграфика Южной Сибири: (Наскальные надписи Тепсея и Турана) // *Сов. тюркология*. – Баку, 1976. – № 1. – С. 66-70.
- 1976 б: Храм, изваяние и стела в древнетюркских текстах: (К интерпретации Ихе-Ханын-норской надписи) // *Тюркологический сборник: 1974*. – М., 1976. – С. 238-255.
- 1978: Наскальные рунические надписи Монголии // *Тюркологический сборник: 1975*. – М., 1978. – С.
- 1981: О датировке рунических памятников Таласа // *Бартольдовские чтения: 1981*. – М., 1981.
- 1987: Древнетюркская цивилизация: диахронические связи и синхронические аспекты // *Сов. тюркология*. – Баку, 1987. – № 3.
- 1992: Памятники древнетюркской письменности // *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: Этнос, языки, религии*. – М., 1992. – С. 326-369.

Кляшторный С.Г., Лившиц В.А.

- 1971: Согдийская надпись из Бугута // *Страны и народы Востока*. – М., 1971. – Вып. 10.
- 1978: Открытие и изучение древнетюркских и согдийских эпиграфических памятников Центральной Азии // *Археология и этнография Монголии*. – Новосибирск, 1978. – С. 37-60.

Кнабе Г.С.

- 1962: Словарные заимствования и этногенез // *Вопросы языкознания*. – М., 1962. – № 1. – С. 64-76.

Ковалевский О.М.

- 1835: Грамматика монгольского книжного языка. – СПб., 1835.
- 1844-1849: Монгольско-русско-французский словарь. – Казань, 1844-1849. – Т. 1-3.

Козин С.А.

- 1941: Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongyol-un niyuca tobciyan*. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник: Т. 1. Введение в изучение памятника, пер., текст, глоссарий. – М.; Л., 1941.
- 1946: К вопросу о показателях множественности в монгольском языке // *Ученые записки Ленинградского гос. университета*. – № 69. – Л., 1946. – Сер. филол. наук. – Вып. 10.

Колесникова В.Д.

- 1971: О названиях частей тела в алтайских языках // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 139-151.
- 1972 а: К характеристике названий частей тела человека в тунгусо-маньчжурских языках // *Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков*. – Л., 1972. – С. 257-336.
- 1972 б: Названия частей тела человека в алтайских языках // *Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков*. – Л., 1972. – С. 71-103.
- 1975: О названиях лица и наружности в алтайских языках // *Проблемы алтаистики и монголоведения*. – М., 1975. – Вып. 2: Серия лингвистики. – С. 59-68.
- 1979 а: К этимологии мер протяжения, связанных с названиями руки // *Исследования в области этимологии алтайских языков*. – Л., 1979. – С. 192-199.
- 1979 б: О некоторых общеалтайских лексемах с семантикой «сила» // *Исследования в области этимологии алтайских языков*. – Л., 1979. – С. 200-205.

Коновалов П.Б.

- 1983: Древнейшие этнокультурные связи народов Центральной Азии // *Этнические и историко-культурные связи монгольских народов*. – Улан-Удэ, 1983.

Кононов А.Н.

- 1956: Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1956.
- 1958: Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази хана Хивинского. – М.; Л., 1958.
- 1966: К этимологии слова *oγul* «сын» // *Филология и история монгольских народов*. – М., 1966. – С. 175-176.
- 1968: Тюркская филология в СССР: 1917-1967. – М.: Наука, 1968.
- 1972: История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. – Л., 1972.

- 1977: Современное тюркское языкознание в СССР // *Вопросы языкознания*. – М., 1977. – № 3.
- 1980: Грамматика языка тюркских рунических памятников (VII-IX вв.). – Л.: Наука, 1980.
- 1982: История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. – Л.: Наука, 1982. – 359 с.
- 1984: Актуальные проблемы тюркского языкознания // *Вопросы языкознания*. – М., 1984. – № 6.

Константинова О.А.

- 1971: К характеристике лексического комплекса «очаг – жилище – народ» в тунгусо-маньчжурских, монгольских и тюркских языках // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 164-175.
- 1972: Тунгусо-маньчжурская лексика, связанная с жилищем // *Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков*. – Л., 1972. – С. 224-256.

Коркмаз З.

- 1987: Тюрко-монгольские общности и значение монгольского в изучении тюркских языков // *Сов. тюркология*. – Баку, 1987. – № 4. – С. 71-78.

Кормушин И.В.

- 1971 а: К методике сравнительного изучения алтайских языков // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 22-30.
- 1971 б: Лексико-семантическое развитие корня **qa* в алтайских языках // *Тюркская лексикология и лексикография*. – М., 1971. – С. 9-29.
- 1984: Система времен глагола в алтайских языках. – М.: Наука, 1984.
- 1987: Актуальные проблемы алтаистики // *Сов. тюркология*. – Баку, 1987. – № 6. – С. 3-9.
- 1997: Тюркские енисейские эпитафии: Тексты и исследования. – М.: Наука, 1997. – 303 с.

Корнилов Г.Е.

- 19679: К вопросу о Центрально-Азиатской прародине тюркских предков чувашей // *Ученые записки Чуваш. НИИ*. – Чебоксары, 1967. – Вып. 36.
- 1969: Итоги и задачи изучения проблемы сибирской прародины тюркских предков современных чувашей // *Происхождение аборигенов Сибири и их языков*. – Томск, 1969.
- 1971: К вопросу об источниках алтайских заимствований в венгерском языке // *Сов. финно-угроведение*. – Таллин, 1971. – № 2. – С. 113-117.
- 1973: Евразийские лексические параллели. – Чебоксары, 1973.
- 1976: К вопросу о сибирской прародине чувашского языка // *Сибирский тюркологический сборник*. – Новосибирск, 1976.

Котвич В.Л.

- 1902: Лекции по грамматике монгольского языка. – СПб., 1902.
- 1962: Исследования по алтайским языкам. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1962. – 371 с.

Кочешков Н.В.

- 1997: Тюрко-монголы и тунгусо-маньчжуры: проблемы историко-культурных связей. – СПб.: Наука, 1997.

Кубарев В.Д.

- 1992: К истории изучения древнетюркской эпиграфики Алтая // *Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий.* – Горно-Алтайск, 1992. – С. 68-73.

Кудайбергенов С.

- 1964: Материалы о киргизско-монгольских лексико-грамматических параллелях // *Известия АН КирзССР. Серия общественных наук.* – Фрунзе, 1964. – Т. VI. – Вып. 1.
- 1969: Грамматические параллели монголо-тюркских языков: (На материале киргизского языка) // *Вопросы тюркологии.* – Ташкент, 1965.
- 1983: О связях алтайских языков // *Тюркологические исследования.* – Фрунзе, 1983. – С. 20-36.

Кузьменков Е.А.

- 1988: Монгольские элементы в маньчжурском и диалектная база старомонгольской письменности // *Вопросы языкознания.* – М., 1988. – № 4. – С. 117-122.

Кумекоев Б.Е.

- 1997: Некоторые итоги и проблемы кыпчаковедения. Евразийское общество. – Алматы, 1997.

Куренов С.

- 1959: Особенности туркменского говора Северного Кавказа (Ставрополья). – Ч. I-II: Фонетика, морфология и лексика. – Ашхабад, 1959.
- 1971: Туркмен дилинин узун ве гысга чекимпилери (экспериментал-фонетик очерк). – Ашгабад, 1971.

Курышжанов А.К.

- 1970: Исследование по лексике старокыпчакского памятника XIII в. – «Турецко-арабского словаря». – Алма-Ата, 1970.

Кызласов И.Л.

- 1990: Древнетюркская руническая письменность Евразии: Опыт палеографического анализа. – М., 1990.
- 1992 а: Древнехакасские надписи с названием горы Тепсей // *Северная Азия от древности до средневековья.* – СПб., 1992.
- 1992 б: Руническое письмо в горах Алтая // *Проблемы изучения истории и культуры Алтая и сопредельных территорий.* – Горно-Алтайск, 1992. – С. 73-76.
- 1994 а: Горно-алтайские рунические надписи на стелах // *Археологические и фольклорные источники по истории Алтая.* – Горно-Алтайск, 1994. – С. 81-88.
- 1994 б: Древняя письменность саяно-алтайских тюрков. – М., 1994.
- 1994 в: Рунические письменности евразийских степей. – М.: Издат. фирма «Вост. лит.-ра» РАН, 1994. – 327 с.
- 1996: Три типа древнетюркской рунической орфографии // *90 лет Н.А. Баскакову.* – М., 1996. С. 126-129.
- 1997: Стелы с руническими надписями на Алтае: (к выделению местных групп енисейских эпитафий) // *Вопросы тюркской филологии, III: (Материалы Дмитриевских чтений).* – М., 1967. – С. 40-69.

Кызласов Л.Р.

- 1975 а: Ранние монголы // *Сибирь, Центральная и Восточная Азия в средние века*. – Новосибирск, 1975.
- 1975 б: Ранние монголы (к проблеме истоков средневековой культуры) // *История и культура востока Азии*. – Новосибирск, 1975. – Т. III.

Кычанов Е.И.

- 1980: Монголы в VI – первой половине XII в. // *Дальний Восток и соседние территории в средние века*. – Новосибирск, 1980.

Лашук Л.П.

- 1968: Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов // *Сов. этнография*. – М., 1968. – № 1.

Левитская Л.С.

- 1974: Чувашские этимологии // *Сов. тюркология*. – 1974. – № 2. – С. 80-84.
- 1976: Историческая морфология чувашского языка. – М.: Наука, 1976.
- 1976: Кумыкские этимологии // *Тюркологические исследования*. – М., 1976. – С. 132-137.
- 1982: Имеются ли в чувашском языке огузские элементы? // *Chuvash Studies*. – Budapest, 1982. – С. 97-103.

Лигети Л.

- 1954: О монгольских и тюркских языках и диалектах Афганистана // *Acta Orientalia Hungaricae*. – Budapest, 1954. – Bd. IV.
- 1955: [Рец. на кн.:] Г.Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков // *Вопросы языкознания*. – М., 1955. – № 5. – С. 133-140.
- 1964: Монгольские элементы в диалектах хазара в Афганистане // *Краткие сообщения Института народов Азии*. Вып. 83: *Монголоведение и тюркология*. – М., 1964.
- 1969: Табгачский язык – диалект сяньбийского // *Народы Азии и Африки*. – М., 1969. – № 1.
- 1971: Алтайская теория и лексикостатистика // *Вопросы языкознания*. – М., 1971. – № 3. – С. 21-33.
- 1974:
- 1975 а: Долгие гласные в тюркских языках // *Исследования венгерских ученых по чувашскому языку*. – Чебоксары, 1985. – С. 133-142.
- 1975 б: К вопросу об «алтайских» элементах венгерского языка // *Исследования венгерских ученых по чувашскому языку*. – Чебоксары, 1985. – С. 107-132.

Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. – М., 1984. – Ч. 1-5.

Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока: Материалы конференции. – М., 1989. – Ч. I-III.

Лувсанбалдан Х.

- 1962: Эртний монгол хэлний үгийн эхний *h*-гийн тухай асуу – далд // *Studia Mongolica*. – Ulan-Bator, 1962. – Т. IV. – Fasc. 4. – С. 113-121.

Лувсанвандан Ш.

- 1968: Орчин цагийн монгол хэлний бүтэц. – Улаанбаатар, 1968.

Лувсандэндэв А.

- 1972: К вопросу о периодизации монгольского литературного языка // *Хэл зохиол судлал*. – Улаанбаатар, 1972. – XI боть. 1-21 дэвгэр.
- 1973: К вопросу об эволюционной теории развития лексики // *Олон улсын монголч эрдэмтний II их хурал*. – Улаанбаатар, 1973. – I боть.
- 1977: Формирование монгольского национального литературного языка // *Олон улсын монголч эрдэмтний III их хурал (Третий Международный съезд монголоведов)*. – Улаанбаатар, 1977. – II боть.

Малов С.Е.

- 1928: Ибн-Муханна о турецком языке // *Записки коллегии востоковедов*. – Л., 1928. – Т. III. – Вып. 2.
- 1929 а: Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас // *Известия АН. Отделение гуманитарных наук*. – М., 1929.
- 1929 б: Из третьей рукописи «Кутадгу-билик» // *Известия АН СССР: Отделение гуманитарных наук*. – М., 1929. – № 9.
- 1930: Мусульманские сказания о пророках по Рабгузи // *Записки коллегии востоковедов*. – Л., 1930. – Т. V.
- 1936 а: Новые памятники с турецкими рунами // *Язык и мышление*. – М., 1936. – Вып. VI-VII. – С. 259-274.
- 1936 б: Таласские эпиграфические памятники // *Материалы Узкомстариса*. – М.; Л., 1936. – Вып. 6-7. – С. 17-38.
- 1941: К истории казахского языка // *Известия АН СССР: Отделение литературы и языка*. – М., 1941. – № 3.
- 1951: Памятники древнетюркской письменности: тексты и исследования. – М.; Л., 1951.
- 1952 а: Древние и новые тюркские языки // *Известия АН СССР*. – М., 1952. – Вып. 11. – С. 135-143.
- 1952 б: Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. – М.; Л., 1952.
- 1954: Уйгурский язык: Хамийское наречие. – М.; Л., 1954.
- 1956: Лобнорский язык. – Фрунзе, 1956.
- 1957: Язык желтых уйгуров: Словарь, грамматика. – Алма-Ата, 1957.
- 1959: Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.; Л., 1959.
- 1961: Уйгурские наречия Синьцзяна. – М., 1961.

Мамедов А.М.

- 1976: Сравнительно-сопоставительное исследование глаголов современного азербайджанского и монгольского языков. – Баку: Маариф, 1976. – 133 с.
- 1985: Тюркские согласные: анлаут и комбинаторика. – Баку, 1985.

Мамедов А.Н.

- 1976: Сравнительно-историческое исследование современного азербайджанского и монгольского языков. – Баку, 1978.

Минжигеев И.А.

- 1978: Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. – М.: Наука, 1978.

Марков Г.Е.

- 1976: Кочевники Азии: Структура хозяйства и общественной организации. – М.: Изд-во МГУ, 1976. – 320 с.

Массон М.Е.

- 1936: К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии // *материалы Узкомстариса*. – М.: Л., 1936. – Вып. 6-7. – С. 5-15.

Махмуд Кошгарий

- 1960-1963: Туркий сўзлар девони (Девону луғотит турк) / Пер. С. Муталлибова. – Тошкент, 1960-1963. – Т. I-III.

Махмудов К.

- 1986: О тюркизмах в монгольской части четырехязычного словаря XII века «Мукаддиматул адаб» // *Общественные науки в Узбекистане*. – Ташкент, 1986. – № 11. – С. 39-40.

Махмутова Л.Т.

- 1982: Татарский язык в его отношении к древнеписьменному памятнику «Codex Cumanicus» по данным лексики // *Исследования по исторической диалектологии татарского языка*. – Казань, 1982.

Мейе А.

- 1938: Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. – М.; Л., 1938.
- 1954: Сравнительный метод в историческом языкознании. – М., 1954.

Мелиоранский П.М.

- 1898: Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями // *Журнал Министерства народного просвещения*. – СПб., 1898: июнь. – Т. 317. – С. 263-292.
- 1899: Памятник в честь Кюль-тегина // *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества*. – СПб., 1899. – Т. XII. – Вып. 2-3. – С. 1-144.
- 1900: Араб филолог о турецком языке. – СПб., 1900.
- 1904: Араб-филолог о монгольском языке // *Записки Восточного отделения Русского археологического общества*. – СПб., 1904. – Вып. XV. – С. 75-171.
- 1905: Заимствованные восточные слова в памятниках русской письменности домонгольского времени // *Известия Отделения русского языка и словесности*. – 1905. – Вып. X. – Ч. 4. – С.

Мельников Г.П.

- 1966: Некоторые общие черты вокализма урало-алтайских языков // *Исследования по фонологии*. – М., 1966.
- 1971: Алтайская гипотеза с позиций системной лингвистики // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 65-76.
- 1971: Монгольский вокализм как система и алтайская гипотеза // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 293-307.

Меметов А.

- 1989: Источники формирования лексики крымско-татарского языка: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Алма-Ата, 1989.

Менгес Г.К.

- 1979: Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». – Л.: Наука, 1979.

Мендикулова Г.М.

- 1997: Исторические судьбы казахской диаспоры: Происхождение и развитие. – Алматы: Ғылым, 1997.

Милитарев А.Ю.

- 1984: Современное сравнительно-историческое языкознание: что оно может дать исторической науке? // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. – М., 1984. – Ч. 3. – С. 3-26.

Миллер Б.В.

- 1950: Персидско-русский словарь. – М., 1950.

Младенов С.

- 1921: Вероятни и мними остатъци от езика на Аспаруховите българи в новобългарската речъ // *Език на Аспаруховите българи. Годишник Софийския университет*. – София, 1921.
- 1937: Общи особености и елементи на езиците индоевропейски, турски и монголски // *Списание на Българската АН*. – София, 1937. – Т. 55.
- 1955: Смесианат алтайско-индоевропейски характер на японския език и неоспоримото наличие на алтайски и индоевропейски елементи в японски // *Сборник в чест на акад. А. Теодоров-Балан*. – София, 1955.

Моисеев В.А.

- 1991: Джунгарское ханство и казахи. XV-XVIII вв. – Алма-Ата, 1991.

Молчанова О.Т.

- 1979: Топонимический словарь Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1979.

Мостэр А.

- 1934: Монголы Ганьсу и их язык. – Л., 1934.

Мудрак О.А.

- 1988: К вопросу о палатализации начальных согласных в чувашском языке // *Исследования по чувашскому языку*. – Чебоксары, 1988.
- 1989: Специфические дробления консонантных рефлексов в чувашском // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. – М., 1989. – Ч. 1.
- 1993: Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации. – М., 1993.
- 2002 а: Булгарская группа // *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции*. – М., 2002. – С. 677-712.
- 2002 б: Об уточнении классификации тюркских языков с помощью морфологической лексикостатистики // *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции*. – М., 2002. – С. 713-737.
- 2002 в: Развитие тюркского *a* в узбекском языке // *Алтайские языки и восточная филология: К 80-летию Э.Р. Тенишева*. – М., 2002.

Мукамбаев Ж.

- 1972: Кыргыз тилинин диалектологиялык сөздүгү. – Фрунзе, 1972. – Т. 1.

Муратов С.Н.

- 1971: О тюркских аффиксах *-таш///-даш* и *-турук///-дурок* в свете данных других алтайских языков // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 331-350.
- 1972: Некоторые наименования сухопутных средств передвижения и их деталей в алтайских языках // *Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков*. – Л., 1972. – С. 337-352.
- 1978: О некоторых особенностях чувашского и якутского языков, носящих маргинальный характер в тюркском языковом ареале // *Народы и языки Сибири: Ареальные исследования*. – М., 1978.

Мурзаев Э.М.

- 1981: Тюрко-монгольские фитотопонимы // *Топонимика зарубежных стран*. – М., 1981. – С. 5-17.
- 1984: Словарь народных географических терминов. – М., 1984.

Мусабаев Г.Г.

- 1959: Современный казахский язык. I: Лексика. – Алма-Ата, 1959. – 141 с.

Мусаев К.М.

- 1975: Лексика тюркских языков в сравнительном освещении: (Западно-кыпчакская группа). – М.: Наука, 1975.
- 1984: Лексикология тюркских языков. – М.: Наука, 1984.
- 1987: Алтайская гипотеза в свете контактов тюркских языков с языками мира // *Сов. тюркология*. – Баку, 1987. – № 4. – С. 52-59.
- 1989: Тюркско-иранские языковые связи // *Сов. тюркология*. – Баку, 1989. – № 6. – С. 26-35.
- 2002: Тюрки Центральной Азии: Контакты языков и культур // *Туркология*. – Туркiстан, 2002. – № 1. – С. 10-25.

Мухамедова З.Б.

- 1973: Исследования по истории туркменского языка XI-XIV вв. – Ашхабад, 1973.

Наделяев В.М.

- 1957: Состав фонем в звуковой системе современного монгольского языка // *Вестник ЛГУ*. – Л., 1957. – Вып. II. – № 8. – С. 123-131.
- 1963: Чтение орхоно-енисейского знака *й* и этимология имени Тоникука // *Туркологические исследования*. – М.: Л., 1963. – С. 197-213.
- 1981: Древнетюркские надписи Горного Алтая // *Известия СО АН СССР: Серия общественных наук*. – Новосибирск, 1981. – № 11. – Вып. 3. – С. 65-81.
- 1984: Древнетюркские надписи Горного Алтая // *Алтайский язык на современном этапе его развития*. – Горно-Алтайск, 1984. – С. 82-84.

Наджип Э.Н.

- 1961: Хорезми. Мухаббат-наме. – М., 1961.
- 1975: Тюркоязычный памятник XIV века «Гулистан» Сейфа Сарайи и его язык. – Алма-Ата, 1975.
- 1979: Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века: На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. – М.: наука, 1979. – Кн. 1. – 479 с.

- 1989: Исследования по истории тюркских языков XI-XIV вв. – М.: Наука; Гл. ред. вост. лит-ры, 1989. – 283 с.

Напольских В.В.

- Древнейшие взаимоотношения языковых семей Северной Азии и Северной Америки: данные мифологической реконструкции // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. – М., 1989. – Ч. 2. – С. 34-41.

Насилов В.М.

- 1974: Язык тюркских памятников уйгурского письма XI-XV вв. – М.: Наука; Гл. ред. вост. лит-ры, 1974. – 101 с.

Насилов Д.М.

- 1975: Вл. Котвич о способах действия в алтайских языках // *Проблемы алтаистики и монголоведения. Сер. лингвистики*. – М., 1975. – Вып. 2. – С. 307-318.
- 1977 а: Алтаистика XIX в. // *Тюркологический сборник – 1977*. – М., 1981. – С. 150-155.
- 1977 б: Из истории алтаистики // *Сов. тюркология*. – Баку, 1977. – № 3. – С. 77-93.
- 1978 а: Взгляды акад. Ф.И. Видемана и проф. М.П. Веске на урало-алтайскую проблему // *Финно-угорские народы и Восток. Ученые записки Тартуского университета*. – Тарту, 1978. – Вып. 455.
- 1978 б: Об алтайской общности: (К истории проблемы) // *Тюркологический сборник: 1974*. – М., 1978. – С. 90-108.
- 1978 в: В.В. Радлов и проблемы алтаистики // *Сов. тюркология*. – Баку, 1978. – № 1. – С. 96-102.
- 1979: Из истории алтаистики // *Сов. тюркология*. – Баку, 1979. – № 4. – С. 94-100.

Насырова О.Д.

- 1988: Общие особенности алтайских языков и характеристика некоторых частных типов // *Деятельностные аспекты языка*. – М., 1988. – С. 201-210.

Недялков В.П., Недялков И.В.

- 1988: Нарративные деспричастия в карачаево-балкарском, монгольском, маньчжурском и нивхском языках // *Проблемы современного теоретического и синхронно-описательного языкознания*. – Л., 1988. – № 3. – С. 137-142.

Некоторые вопросы урало-алтайского языкознания. – Уфа, 1970.

Немет Ю.

- 1963: Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // *Вопросы языкознания*. – М., 1963. – № 6.

Нерознак В.П.

- 1989: Типы языковых общностей: ареальная общность // *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. – М., 1989. – Т. 48. – № 5. – С. 401-409.

Нимаев

- 1988:

Новгородова Э.А.

– 1981: Ранний этап этногенеза народов Монголии (конец III – I тысячелетие до н.э.) // *Этнические проблемы истории Центральной Азии.* – М., 1981. – С. 209-211.

– 1989: Древняя Монголия. – М.: Наука, 1989. – 383 с.

Новикова К.А.

– 1971 а: Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурских наименованиях животных // *Проблема общности алтайских языков.* – Л., 1971. – С. 236-255.

– 1971 б: К этимологии названий собаки в тунгусо-маньчжурских языках // *Проблема общности алтайских языков.* – Л., 1971. – С. 176-190.

– 1972: Иноязычные элементы в тунгусо-маньчжурской лексике, относящейся к животному миру // *Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков.* – Л., 1972. – С. 104-150.

– 1975: К истории и этимологии названий лошади в алтайских языках // *Проблемы алтаистики и монголоведения.* – М., 1975. – Вып. 2. – С. 36-58.

– 1979: Названия домашних животных в тунгусо-маньчжурских языках // *Исследования в области этимологии алтайских языков.* – Л., 1979. – С. 53-134.

– 1984: Названия животных в тунгусо-маньчжурских языках // *Алтайские этимологии.* – Л., 1984. – С. 189-218.

Новлянская М.Г.

– 1966: Филипп Иоганн Страленберг: Его работы по исследованию Сибири. – М.; Л., 1966.

Номинханов Ц.-Д.

– 1947: Следы монгольских племен и родов XIII века, встречающиеся на территории Узбекской ССР (к вопросам этногенеза узбекского народа) // *Сов. этнография.* – М., 1947. – № 5-7.

– 1955 а: Интервокальное положение звуков «г» и «г» в хакасском языке // *Вопросы хакасского языка и литературы.* – Абакан, 1955.

– 1955 б: О чередовании некоторых согласных в тюрко-монгольских языках // *Ученые записки Казах. гос. ун-та им. С.М. Кирова.* – Алма-Ата, 1955. – Т. 19. – С. 143-147.

– 1958: Термины родства в тюрко-монгольских языках // *Вопросы истории и диалектологии казахского языка.* – Алма-Ата, 1958. Вып. 1. – С. 42-47.

– 1959: Термины животноводства в тюркских и монгольских языках // *Труды Сектора востоковедения. Академия наук КазССР.* – Алма-Ата, 1959. – Вып. 1. – С. 87-116.

– 1962: Названия частей тела человека в тюрко-монгольских языках // *Записки Калм. НИИЯЛИ.* – Элиста, 1962. – Вып. 2.

– 1964: К вопросу об общих законах развития долгих гласных в тюркских и монгольских языках // *Записки Калм. НИИЯЛИ.* – Элиста, 1964. – Вып. 3. – Сер. филологическая. – С. 92-99.

– 1966: Исследования по тюркским и монгольским языкам. – Алма-Ата, 1966.

– 1969: Исследования по тюркским и монгольским языкам // *Ученые записки Калмыцкого НИИ.* – Вып. VII. – Сер. филологическая. – Элиста, 1969. – С. 9-35.

- 1975: Материалы к изучению истории калмыцкого языка. – М., 1975. – 327 с.
- Ностратические языки и ностратическое языкознание.** – М., 1977.
- Нурмагамбетов А.**
 - 1978: Қазақ тілі гооврларының батыс тобы. – Алматы: Ғылым, 1978. – 216 б.
- Нурмекүнд П.П.**
 - 1976: На пороге эстонской алтаистики // *Сов. тюркология.* – Баку, 1976. – № 3.
- Общее языкознание: Методы лингвистических исследований.** – М.: Наука, 1973.
- Одинцов Г.Ф.**
 - 1980: Из истории гипологической лексики в русском языке. – М., 1980.
- Окладников А.П.**
 - 1955: Неолит и бронзовый век Прибайкалья: Ч. III // *Материалы и исследования по археологии СССР.* – М., 1955. – № 43.
 - 1958: Археологические данные о появлении первых монголов в Прибайкалье // *Филология и история монгольских народов.* – М., 1958.
- Омарбеков С.**
 - 1965: Қазақтың ауызекі тіліндегі жергілікті ерекшеліктер. – Алматы, 1965. – 129 б.
- Орловская М.Н.**
 - 1961: Имена существительные и прилагательные в современном монгольском языке. – М., 1961.
 - 1984: Язык «Алтан тобчи». – М.: Наука, 1984. – 236 с.
- Озурбаева Б.О.**
 - 1964: Словообразование в киргизском языке. – Фрунзе: Илим, 1964.
 - 1966: О некоторых типах двуязычия в Киргизии // *Известия АН КиргССР.* – Фрунзе, 1966. – № 2.
- Осипова О.А.**
 - 1976: Об общности индоевропейских и урало-алтайских языков в области спряжения // *Языки и топонимия.* – Томск, 1976. – Вып. 1. – С. 5-16.
- Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков /** Под ред. В.И. Цинциус. – М.; Л., 1972.
- Очерки сравнительной морфологии алтайских языков /** Отв. ред. О.П. Суник. – Л., 1978.
- Өмірәлиев Қ.**
 - 1985: VIII-XII ғасырлардағы көне түркі әдеби ескерткіштері. – Алматы, 1985. – 128 б.
- Палов Д.А.**
 - 1963: Состав и классификация фонем калмыцкого языка. – Элиста, 1963.
 - 1988: Формирование и развитие калмыцкого национального языка // *Проблемы монгольского языкознания.* – Новосибирск, 1988. – С. 94-107.
- Пагва Т.**
 - 1961: Вспомогательные или служебные глаголы в современном монгольском литературном языке. – Улан-Батор, 1961.

Панфилов В.З.

– 1973: Нивхско-алтайские языковые связи // *Вопросы языкознания*. – М., 1973. – № 5.

Пауль Г.

– 1960: Принципы истории языка. – М., 1960.

Пахратдинов К.К.

– 1986: К вопросу изучения тюркских и монгольских языковых параллелей: (на материале лексики) // *Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР*. – Нукус, 1986. – № 3. – С. 80-81.

Пашков Б.К.

– 1963: Маньчжурский язык. – М., 1963.

Пекарский Э.

– 1907-1930, 1958: Словарь якутского языка. – СПб.; Пгр.; Л., 1907-1930. – Т. I-XIV; 2-е изд. – М., 1958. – Т. 1-3.

Петров К.И.

– 1969: Генетическое родство алтайских и индоевропейских языков // *Происхождение аборигенов Сибири*. – Томск, 1969.

– 1971: Об общности урало-алтайских, индоевропейских и других языков // *Археология и этнография Башкирии*. – Уфа, 1971. – Вып. IV. – С. 263-267.

Петрова Т.И., Бугаева Т.Г.

– 1971: Общие основы и лексические модели в словах, обозначающих признак «красный» в тунгусо-маньчжурских и других алтайских языках // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 191-201.

Позднеев А.М.

– 1896: Монголия и монголы. – СПб., 1896. – Т. 1.

– 1897: Лекции по истории монгольской литературы, читанные ordinарным профессором Санкт-Петербургского университета А.М. Позднеевым в 1895-1896 академическом году. – СПб., 1897.

– 1911: Калмыцко-русский словарь. – СПб., 1911.

Поздняков К.И.

– 1984: К проблеме генетической классификации ностратических языков // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. – М., 1984. – Ч. 5. – С. 26-30.

Покровская Л.А.

– 1961: Термины родства в тюркских языках // *Историческое развитие лексики тюркских языков*. – М., 1961. – С. 11-81.

Поленова Г.Т.

– 1977: Енисейско-ностратические параллели в области местоименных слов // *Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание»*. – М., 1977. – С. 47-49.

Поливанов Е.Д.

– 1918:

– 1924: К вопросу об общетурецкой долготе гласных // *Бюллетень 1-го Средне-Азиатского гос. ун-та*. – Ташкент, 1924. – № 6.

- 1925: Идеографический мотив в формации орхонского алфавита // *Бюллетень Средне-Азиатского государственного института*. – 1925. – Вып. 9. – С. 177-179.
- 1927 а: К вопросу о долгих гласных в общетурецком праязыке // *Доклады АН СССР*. – Сер. В. – М.; Л., 1927. – № 7. – С. 151-153.
- 1927 б: К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков // *Известия АН СССР*. – М., 1927. – Сер. VI. – № 15-17. – С. 1195-1204.
- 1928: Введение в языковедение для востоковедных вузов. – Л., 1928.
- 1934: Сборник научных трудов. – Ташкент, 1934.
- 1960: Предварительное сообщение об этимологическом словаре японского языка // *Проблемы востоковедения*. – М., 1960. – № 3.
- 1968 а: К вопросу о родственных отношениях корейского и «алтайских» языков // *Поливанов Е.Д. Статьи по общему языковедению*. – М., 1968.
- 1968 б: Статьи по общему языковедению. – М., 1968.

Попов А.

- 1847: Грамматика калмыцкого языка. – Казань, 1847.

Попов Г.В.

- 1986: Слова «неизвестного происхождения» якутского языка: (Сравнительно-историческое исследование). – Якутск, 1986.

Поппе Н.Н.

- 1924: К консонантизму алтайских языков // *Доклады РАН*. – М.; Л., 1924. – С. 43-44.
- 1924-1925: Чувашский язык и его отношение к монгольскому и турецким языкам // *Известия Академии наук СССР*. – Л., 1924. – Т. XVIII. – № 12-18. – С. 289-314; 1925. – Т. XIX. – № 1-5. – С. 23-43. № 9-11. – С. 405-426. Ч. 1-3.
- 1925 а: Монгольские названия животных в труде Хамдаллаха Казвини // *Записки коллегии востоковедов*. – Л., 1925. – Т. 1. – С. 195-208.
- 1925 б: Монгольские этимологии // *Доклады АН СССР. Сер. В.* – Л., 1925.
- 1925 в: О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков. – Чебоксары, 1925.
- 1925 г: Пережитки культа огня в монгольском языке // *Доклады РАН. Сер. В.* – Л., 1925.
- 1925 д: Система глухих смычных в алтайских языках // *Доклады РАН*. – М., 1925. – С. 11-13.
- 1926 а: История и современное положение о взаимном родстве алтайских языков // *Первый Всесоюзный тюркологический съезд: Стенографический отчет*. – Баку, 1926.
- 1926 б: К вопросу об отношении алтайских языков к уральским // *Известия Общества изучения и обследования Азербайджана*. – Баку, 1926. – Вып. 3.
- 1927 а: Монгольские числительные // *Языковедные проблемы по числительным*. – Л., 1927. – Т. 1. – С. 97-119.
- 1927 б: Указательные и вопросительные местоимения в чувашском языке // *Вестник Научного общества татароведения*. – Казань, 1927. – Вып. 7. – С. 61-64.

- 1927 в: Чуваши и их соседи. – Чебоксары, 1927.
- 1927; 1928: *Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift // Известия АН.* – Л., 1927; 1928.
- 1929: О системах письменности, применявшихся монголами и авторами трудов о монгольском языке // *Культура и письменность Востока.* – М., 1929. – Кн. 5.
- 1930: Дагурское наречие. – Л., 1930.
- 1930-1931: Аларский говор. – Л., 1930-1931. Т. I-II.
- 1932 а: Академик Б.Я. Владимирцов (1884-1931) // *Революция и письменность.* – М., 1932. – № 1-2.
- 1932 б: Описание монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения // *Записки Института востоковедения Академии наук СССР.* – Л., 1932. – Вып. 1. – С. 151-200.
- 1936: Строй халасского языка. – Л., 1936. – Сер. «Строй языков». – Вып. 3.
- 1937: Грамматика письменно-монгольского языка. – М.; Л., 1937.
- 1938 а: Грамматика бурят-монгольского языка. – М.; Л., 1938.
- 1938 б: Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб. I-II. – М.; Л., 1938.
- 1938-1939: Монгольский словарь Мукаддимат ал-адаб / Труды Института востоковедения. М.; Л., 1938. – Ч. 1-2; 1939. – Ч. 3.
- 1940: О частях речи в монгольском языке // *Сов. востоковедение.* – М., 1940. – № 1.
- 1941 а: Золотоордынская рукопись на бересте // *Сов. востоковедение.* – М.; Л., 1941. – Вып. 2. – С. 81-134.
- 1941 б: Квадратная письменность. – М.; Л., 1941.

Потапов Л.П.

- 1945: Особенности материальной культуры казахов // *Сборник МАЭ.* – М.; Л., 1945. – Т. XII.

Потачакова Д.Ф.

- 1962: Материалы к изучению истории лексики хакасского языка // *Вопросы хакасской филологии.* – Абакан, 1962.

Поцелуевский А.П.

- 1936: Фонетика туркменского языка. – Ашхабад, 1936.

Предикативное склонение причастий в алтайских языках. – Новосибирск: Наука. Сиб. отделение, 1984. – 192 с., схем.

Проблема общности алтайских языков: Тезисы докладов Первой алтаистической конференции. – Л.: Наука, 1969.

Проблема общности алтайских языков. – Л.: Наука, 1971.

Проблемы алтаистики и монголоведения. Вып. 2. Серия лингвистики: Материалы Всесоюзной конференции. Элиста. 17-19 мая 1972 г. – М.: Наука, 1975. – 353 с.

Проблемы изучения дальнего родства языков на рубеже третьего тысячелетия: Доклады и тезисы международной конференции. – М., 2000.

Проблемы этимологии тюркских языков. – Алма-Ата, 1990.

Пучковский Л.С.

- 1953: Монгольская феодальная историография XIII-XVII вв. // *Ученые записки Института Востоковедения АН СССР.* – М.; Л., 1953. – Т. VI.

Пэрлээ Х.

- 1958: Монголын хувьсгалын өмнөх үеийн түүх бичлэгийн асуудалд. – Улаанбаатар, 1958.
- 1959: Хятад нар, тэдний монголчүүдтай холбогдсоннь. – Улаанбаатар, 1959.

Радлов В.В.

- 1888-1894: Сибирские древности. – СПб., 1888-1894. – Т. 1. – Вып. 1-3.
- 1890: Кудатку-Билик: Факсимиле уйгурской рукописи. – СПб., 1890. – С. 186-189.
- 1892-1899: Атлас древностей Монголии. – СПб., 1892-1899. – Вып. I-IV; II. 1893; III. 1896.
- 1893: К вопросу об уйгурах // *Записки РАН*. – СПб., 1893. – Т. 72. – № 2. – С. 21-28.
- 1900: Das Kutlatku Bilik. – СПб., 1900. – Т. 1. – С. 232-244.

Радлов В.В., Малов С.Е.

- 1913-1917: *Suvarnaprabhāsa*: (Сутра Золотого блеска). Текст уйгурской редакции / Изд. В.В. Радлов и С.Е. Малов. – СПб.; Пгр., 1913-1917. – Вып. I-VIII.

Радлов В.В., Мелиоранский П.М.

- 1897: Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме // *Сборник трудов Орхонской экспедиции*. – СПб., 1897. – Т. IV.

Рамstedт Г.Й.

- 1908: Сравнительная фонетика монгольского письменного языка и халхаско-ургинского говора. – СПб., 1908.
- 1914: Перевод надписи «Селенгинского камня» // *Труды Троицко-савско-Кяхтинского отделения РГО*. – СПб., 1914. – Т. XV. – Вып. 1. – С. 40-49.
- 1951: Грамматика корейского языка. – М., 1951.
- 1957: Введение в алтайское языкознание: Морфология / Пер. с нем. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1957. – 254 с.

Рассадин В.И.

- 1968: Бурятские лексические заимствования в тофаларском языке // *Исследование бурятских говоров*. – Улан-Удэ, 1968.
- 1969: О тюркизмах в бурятском языке // *К изучению бурятского языка*. – Улан-Удэ, 1969. – С. 129-134.
- 1970: Тюркизмы в халха-монгольском языке // *Материалы по истории и филологии Центральной Азии*. – Улан-Удэ, 1970. – Вып. 5. – С. 52-58.
- 1971: Фонетика и лексика тофаларского языка. – Улан-Удэ, 1971.
- 1973: Монгольские заимствования в алтайском языке // *Сов. тюркология*. – Баку, 1973. – № 1.
- 1977: Об этимологии некоторых бурятских диалектных слов // *Исследование бурятских и русских говоров*. – Улан-Удэ, 1977. – С. 127-142.
- 1978: Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. – М., 1978.
- 1980: Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 115 с.

- 1981: К сравнительному изучению анималистской лексики бурятского языка // *Языки и фольклор народов Севера*. – Новосибирск, 1981.
- 1982: О некоторых реликтовых явлениях тюрко-монгольских языковых союзов // *V Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, сентябрь, 1987)*. – М., 1982. – Т. 2. Филология. – С. 127-134.
- 1982: Очерки по исторической фонетике бурятского языка. – М., 1982.
- 1983: Тюркские лексические элементы в калмыцком языке // *Этнические и историко-культурные связи монгольских народов*. – Улан-Удэ, 1983. – С. 78-89.
- 1984 а: Бурятская животноводческая терминология как источник по исторической этнографии // *Этническая история и культурно-бытовые традиции в Бурятии*. – Улан-Удэ, 1984.
- 1984 б: К сравнительному изучению анималистской лексики бурятского языка // *Языки и фольклор народов Севера*. – Новосибирск, 1984.
- 1985: Лексические особенности говора окинских бурят // *Лексико-фразеологическое своеобразие бурятского языка*. – Улан-Удэ, 1985.
- 1986: О бурятско-тюркских языковых взаимоотношениях // *Диалектология и ареальная лингвистика тюркских языков Сибири*. – Новосибирск, 1986. – С. 10-22.
- 1988 а: О тюркском влиянии на развитие говора нижеудинских бурят // *Проблемы монгольского языкознания*. – Новосибирск, 1988. – С. 62-75.
- 1988 б: Роль контактов в образовании тюрко-монгольской языковой общности // *Вопросы языкознания*. – М., 1988. – № 4. – С. 103-108.
- 1995: Тофаларско-русский, русско-тофаларский словарь. – Иркутск, 1995.
- 1996: Присяянская группа бурятских говоров. – Улан-Удэ, 1996.
- 1999: Становление говора нижеудинских бурят. – Улан-Удэ, 1999.

Рашид ад-Дин.

- 1952: Сборник летописей: Т. 1. Кн. 1 / Пер. с перс. Л.А. Хетогурова. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952.

Решетов В.В.

- 1959: Узбекский язык. – Ч. 1: Введение. Фонетика. – Ташкент, 1959.

Рона-Таш А.

- 1974: Общее наследие или заимствования? (К проблеме родства алтайских языков) // *Вопросы языкознания*. – М., 1974. – № 2. – С. 31-45.
- 1980: Проблемы периодизации и источники истории чувашского языка // *Проблемы исторической лексикологии чувашского языка*. – Чебоксары, 1980. – С. 3-13.
- 1987: Алтайская теория и история среднемонгольских заимствований в чувашском языке // *Чувашский язык: история и этимология*. – Чебоксары, 1987. – С. 6-16.
- 1988: Реконструкция и этнолингвистические данные // *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей*. – М., 1988. – С. 105-113.
- 1990: Алтайский и индоевропейский: (Заметки на полях книги Т.В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова) // *Вопросы языкознания*. – М., 1990. – № 1. – С. 26-37.

Рошка П.И.

- 1988: Языковое родство и ареальная типология // *Лингвистические исследования: Проблематика взаимодействия языковых уровней*. – Л., 1988. – С. 163-169.

Руднев А.Д.

- 1911: Материалы по говорам Восточной Монголии. – СПб., 1911.
- 1913-1914: Хори-бурятский говор. – СПб., 1913-1914.

Рудов Л.Н.

- 1961: Кидани // *Дальний Восток: Сборник статей по филологии, истории, философии*. – М., 1961.
- 1963: Проблемы киданьской письменности // *Сов. этнография*. – М., 1963. – № 1. – С. 148-151.

Рулен М.

- 1991: Происхождение языка: ретроспектива и перспектива // *Вопросы языкознания*. – М., 1991. – № 1. – С. 5-19.

Рыгдыллон Э.Р.

- 1953: К древнетюркским рунам Прибайкалья // *Эпиграфика Востока*. – М.; Л., 1953. – Вып. 7. – С. 37-88.
- 1954: О знаках на плитах с руническими надписями. – М.; Л., 1954. – Вып. IX. – С. 65-72.

Рясянен М.

- 1955: Материалы по исторической фонетике тюркских языков. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1955. – 220 с.
- 1968: Об урало-алтайском языковом родстве // *Вопросы языкознания*. – М., 1968. – № 1. – С. 43-49.

Сагындықұлы Б.

- 1994: Қазақ тілі лексикасы дамуының этимологиялық негіздері. – Алматы: Санат, 1994.

Самойлович А.Н.

- 1915: Запретные слова в языке казак-киргизской замужней женщины // *Живая старина*. – М., 1915. – Т. 24. – Вып. 1-2. – С. 161-168.
- 1922: Некоторые дополнения к классификации турецких языков. – Пгр., 1922.
- 1928: К истории литературного среднеазиатско-турецкого языка // *Мир-Али-Шир*. – Л., 1928.

Санжеев Г.Д.

- 1930 а: Дархаты: Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 г. – Л., 1930.
- 1930 б: Маньчжуро-монгольские языковые параллели // *Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. Сер. 7*. – Л., 1930. – № 8-9. – С. 601-626.
- 1931 а: Дархатский говор и фольклор. – Л., 1931.
- 1931 б: Халхаский диалект и фольклор. – Л., 1931.
- 1940: Грамматика калмыцкого языка. – М.; Л., 1940.
- 1941: Грамматика бурят-монгольского языка. – М.; Л., 1941.
- 1947: К тюрко-монгольской лингвистической проблеме // *Труды Московского института востоковедения*. – М., 1947. – № 4.

- 1952 а: Монгольские языки и диалекты // *Ученые записки Института востоковедения АН СССР*. – М., 1952. – № 4.
- 1952 б: К проблеме частей речи в алтайских языках // *Вопросы языкознания*. – М., 1952. – № 6. – С. 84-102.
- 1953: Сравнительная грамматика монгольских языков. I. – М.; Л., 1953. – 240 с.
- 1956: К проблеме частей речи в алтайских языках // *Вопросы языкознания*. – М., 1956. – № 6.
- 1957: Некоторые вопросы сравнительно-исторической монголистики // *Rocznik orientalistyczny*. – Warszawa, 1957. – Т. 21.
- 1958: Б.Я. Владимирцов – исследователь монгольских языков // *Филология и история монгольских народов*. – М., 1958.
- 1959: Современный монгольский язык. – М., 1959.
- 1960 а: Место лингвистической реконструкции в монголистике // *Доклады советской делегации / XXV Международный конгресс востоковедов*. – М., 1960.
- 1960 б: Современный монгольский язык. – М., 1960.
- 1962 а: Академик Лайош Лигети и развитие алтаистики в Венгрии // *Народы Азии и Африки*. – М., 1962. – № 5. – С. 155-158.
- 1962 б: Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. – М., 1962.
- 1963: Сравнительная грамматика монгольских языков: Глагол. – М.: Наука, 1963.
- 1964: Старописьменный монгольский язык. – М: Наука, 1964.
- 1965: Сравнительно-исторические и типологические исследования в алтаистике // *Лингвистическая типология и восточные языки*. – М., 1965.
- 1970: Заметки по тюрко-монгольскому вокализму // *Studies in general and oriental linguistics*. – Токуо, 1970.
- 1971: К вопросу о тюркских заимствованиях в монгольских языках // *Лингвистический сборник*. – Ташкент, 1971.
- 1972: В.Л. Котвич – пионер нового направления в алтаистике // *Проблемы алтаистики и монголоведения*. – Элиста, 1972.
- 1973 а: Монгольские анлаутные [т-] и [д-] и их тюркские соответствия // *Олон улсын эрдэмтний II их хурал*. – Улаанбаатар, 1973. – 2 боть.
- 1973 б: О тюрко-монгольских лингвистических параллелях // *Сов. тюркология*. – Баку, 1973. – № 6. – С. 73-78.
- 1975: В.Л. Котвич – пионер нового направления в алтаистике // *Проблемы алтаистики и монголоведения*. – М., 1975. – Вып. 2. – С. 5-17.
- 1977: Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. – Улан-Удэ, 1977. – 160 с.
- 1981: Монгольские языки // *Сравнительно-историческое изучение языков разных семей: Современное состояние и проблемы*. – М., 1981.
- 1983: Заметки по этнической истории бурят // *Современность и традиционная культура народов Бурятии*. – Улан-Удэ, 1983.
- 1983: Некоторые вопросы этнонимии и древней истории монгольских народов // *Этнические и историко-культурные связи монгольских народов*. – Улан-Удэ, 1983.

Сарыбаев Ш.Ш.

- 1960: К вопросу о монгольско-казахских языковых связях // *Вопросы истории и диалектологии казахского языка*. – Алма-Ата, 1960. – Вып. 2. – С. 34-71.
- 1963: К вопросу о диалектном членении казахского языка // *Вопросы диалектологии тюркских языков*. – Баку, 1963. – Т. III.
- 1966: Қазақ тіліндегі еліктейіш сөздер. – Алматы, 1966.
- 1971: Монгольско-казахские лексические параллели // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 256-262.
- 1989: Қазақ тілінің аймақтық лексикасы. – Алматы, 1989. – 188 с.
- 2000: Қазақ тіл білімі мәселелері / Вопросы казахского языкознания. – Алматы: Арыс, 2000.

Сат Ш.Ч.

- 1973: Формирование и развитие тувинского национального литературного языка. – Кызыл, 1973.

Сауранбаев Н.Т.

- 1954: К вопросу об образовании казахского языка // *International Congress of Orientalists 23 rd*. – Cambridge, 1954. – S. 190-192.
- 1982: Проблемы казахского языкознания: Избранные труды. – Алма-Ата, 1982. – 352 с.

Свадеш М.

- 1965: Лингвистические связи Америки и Европы // *Этимология*. – 1964. – М., 1965. – С. 271-322.

Севортян Э.В.

- 1960: О некоторых вопросах исторического изучения тюркских языков. – М., 1960. (Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов).
- 1962: Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. – М., 1962.
- 1968: Аффиксы именного словообразования в азербайджанском языке. – М.: Наука, 1966.
- 1970: Тюркские этимологии // *Тюркологические исследования*. – Фрунзе, 1970. – С. 27-36.
- 1971: О содержании термина «общетюркский» // *Сов. тюркология*. – Баку, 1971. – № 2. – С. 3-12.
- 1973: К источникам и методам пратюркских реконструкций // *Вопросы языкознания*. – М., 1973. – № 2. – С. 35-45.

Сейдакматов К.

- 1964: Древнетюркские надписи в Горном Алтае // *Материалы по общей тюркологии и дунгановедению*. – Фрунзе, 1964. – С. 95-101.

Сем Л.И.

- 1971: К вопросу о пространственных представлениях и способах их выражения в алтайских языках // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 230-235.

Семенюк Г.И.

- 1970: О характере и причинах застойности кочевых скотоводческих обществ: на материалах Казахстана // *Туркологический сборник*. – 1970. – С. 223-237.

Семина Л.В.

- 1985: *Керамика эпохи неолита и бронзы Юго-Западного Забайкалья // Древнее Забайкалье и его культурные связи*. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 104-122.
- 1986: Эпоха неолита и палеометалла Юго-Западного Забайкалья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1986. – 16 с.

Серебренников Б.А.

- 1960: О некоторых спорных вопросах сравнительно-исторической фонетики тюркских языков // *Вопросы языкознания*. – М., 1960. – № 4.
- 1961: К проблеме классификации тюркских языков // *Вопросы языкознания*. – М., 1961. – № 4. – С. 60-73.
- 1971: Что было первичным: r^2 или z ? // *Сов. тюркология*. – Баку, 1971. – № 1. – С. 13-19.
- 1974: Вероятностные обоснования в компаративистике. – М.: Наука, 1974.
- 1980: Являются ли тюркско-монгольские параллели средством проникновения в глубины истории тюркских языков? // *Сов. тюркология*. – Баку, 1980. – № 6. – С. 23-31.
- 1982: Проблема достаточности основания в гипотезах, касающихся генетического родства языков // *Теоретические основы классификации языков мира: Проблема родства*. – М., 1982.
- 1986 а: О несостоятельности аргументов, применяемых для доказательства звукоперехода R в Z // *Сов. тюркология*. – Баку, 1986. – № 4.
- 1986 б: Почему трудно верить сторонникам ностратической гипотезы? // *Вопросы языкознания*. – М., 1986. – № 3. – С. 26-37.
- 1988: Критерии выделения алтайской языковой общности // *Проблемы монгольского языкознания*. – Новосибирск, 1988. – С. 33-41.

Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З.

- 1979: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – Баку, 1979.
- 1986: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. – М., 1986.

Серебренников Б.А., Харьковская С.А.

- 1983: О некоторых эффективных методах исследования проблемы родства тюркских и монгольских языков // *Сов. тюркология*. – Баку, 1983. – № 5. – С. 46-56.

Современный казахский язык / Под ред. М.Б. Балакаева, Н.А. Баскакова, С.К. Кенесбаева. – Алма-Ата, 1962.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. – М.: Наука, 1997. – 800 с.

Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология. – М.: Наука, 1999. – 560 с.

- Сравнительно-историческая** грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции. – М.: Наука, 2002. – 767 с.
- Сравнительно-историческая** грамматика тюркских языков: Фонетика. – М.: Наука, 1981. – 484 с.
- Сравнительный** словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому словарю. – Л.: Наука, 1975. – Т. 1; 1976. – Т. 2.
- Стариков В.С.**
– 1968: Из истории изучения киданьской художественной литературы // *Страны и народы Востока*. – М.: Наука, 1968. – Вып. 6. – С. 127-147.
- Старостин С.А.**
– 1972: К проблеме реконструкции праапонской фонологической системы // *Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков*. – М., 1972. – С. 72-74.
– 1986: Проблема генетической общности алтайских языков // *Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности: Тезисы докладов XXIX сессии Постоянной международной алтаистической конференции (РИАС)*. – М., 1986. – Т. II.: Лингвистика. – С. 104-112.
– 1988: Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // *Древний Восток: Этнокультурные связи*. – М., 1988. – С. 112-163.
– 1991: Алтайская проблема и происхождение японского языка. – М.: Наука, 1991. – 298 с.
– 1995: Просодия и долгота гласных в алтайских языках // *Московский лингвистический журнал*. – М., 1995. – Вып. 1.
– 1996: Вокализм алтайских языков // *90 лет Н.А. Баскакову*. – М., 1996. – С. 197-209.
- Стеблева И.В.**
– 1970: Древнетюркская книга гаданий // *История, культура и языки народов Востока*. – М., 1970.
- Стеблин-Каменский И.М.**
– 1999: Этимологический словарь ваханского языка. – СПб., 1999.
- Субракова О.В.**
– 1975: Монгольские заимствования в языке хакасского героического эпоса // *Ученые записки Хакас. НИИЯЛИ*. Вып. 20: Серия филологическая. – Абакан, 1975. – Вып. 3. – С. 123-135.
- Субракова О.В., Батманов И.А.**
– 1970: Древнетюркские письма Хакасии. – Абакан, 1970.
- Султанов Т.И.**
– 1993: Правители первого Казахского государства. – Алматы, 1993.
- Суник О.П.**
– 1957:
– 1962: Глагол в тунгусо-маньчжурских языках. – М.; Л., 1962.
– 1971 а: К вопросу о возвратных местоимениях в алтайских языках // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 263-278.
– 1971 б: Проблема общности алтайских языков // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 7-21.
– 1976: К актуальным проблемам алтаистики // *Вопросы языкознания*. – М., 1976. – № 1.

- 1982: Существительное в тунгусо-маньчжурских языках. В сравнении с другими алтайскими языками. – Л., 1982.
- Суюнчев Х.И.**
- 1958: О некоторых словах в карачаево-балкарском и монгольских языках // *Карачаево-Черкесский НИИЯЛИ. Труды*. Вып. V: Серия филологическая. – Черкесск, 1958.
 - 1977: Карачаево-балкарские и монгольские лексические параллели. – Черкесск: Карач.-Черк. отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1977. – 174 с.
- Сухбаатар О.**
- 1997: Монгол хэлний харь үдийн толь. – Улаанбаатар, 1977.
- Сыдыков С.**
- 1964: К изучению тюрко-монгольских лексических параллелей // *Материалы по общей тюркологии и дунгановедению*. – Фрунзе, 1964.
 - 1966: Тюрко-монгольские параллели // *Источники формирования тюркских языков Средней Азии и Южной Сибири*. – Фрунзе, 1966.
 - 1983: Монгольско-тюркские языковые параллели. – Фрунзе: Илим, 1983. – 164 с.
- Сыздыкова Р.**
- 1994: Сөздер сөйлейді. – Алматы, 1994.
- Сыромятников Н.А.**
- 1967: Об урало-алтайском слое древнеяпонского языка // *Народы Азии и Африки*. – М., 1967. – № 2.
 - 1970: Теории родственных корней и изосемантических рядов как необходимые методы для этимологии японского языка // *Studies in General and Oriental Linguistics*. – Токуо, 1970.
 - 1971: Методика сравнительно-исторического изучения общих морфем в алтайских языках // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 51-64.
 - 1972: Определение родственных корней // *Вопросы языкознания*. – М., 1972. – № 2.
 - 1975: Как отличить заимствования от исконной общности в алтайских языках? // *Вопросы языкознания*. – М., 1975. – № 3.
- Тадыкин В.Н.**
- 1975: Об одном из древнейших способов словообразования в алтайском языке // *Проблемы алтаистики и монголоведения*. – М., 1975. – Вып. 2. – С. 280-286.
 - 1976: Из истории становления и развития алтайского литературного языка // *Вопросы алтайского языкознания*. – Горно-Алтайск, 1976.
- Таскин В.С.**
- 1963 а: Тюркские названия домашних животных в языке сюнну // *Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР*. – М., 1963. – Вып. 85.
 - 1963 б: Опыт дешифровки киданьской письменности // *Народы Азии и Африки*. – М., 1963. – № 1.
 - 1968: Скотоводство у сюнну по китайским источникам // *Вопросы истории и историографии Китая*. – М., 1968.

- 1979: Е Лун-и. История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит. Введ., коммент. и прил. В.С. Таскина. – М.: Наука, 1979.

Тасымов А.

- 1973: Қалмақ АССР-ындағы қазақтар тіліндегі кейбір лексикалық ерекшеліктер жайында // *Қазақ ССР Ғылым академиясының Хабарлары: Қоғамдық тылымдар сериясы*. – Алматы, 1973. – № 5. – Б. 75-78.
- 1975: Языковые особенности казахов Поволжья / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Алма-Ата, 1975. – 34 с.

Татаринцев Б.И.

- 1963: О билингвизме и заимствованных словах // *Известия СО АН СССР*. – Новосибирск, 1967. – № 6. – Вып. 2. – С. 112-118.
- 1970: О некоторых группах монголизмов в языке тувинского фольклора // *Ученые записки ТувНИИЯЛИ*. – Кызыл, 1970. – Вып. XIV. – С. 174-188.
- 1971: О лексических заимствованиях в тувинском языке // *Ученые записки ТувНИИЯЛИ*. – Кызыл, 1971. – Вып. XV. – С. 156-162.
- 1976: Монгольское языковое влияние на тувинскую лексику. – Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1976. – 132 с.
- 1984: О происхождении тюркского наименования неба (*tānri* и его соответствия) // *Сов. тюркология*. – Баку, 1984. – № 4.
- 1989: К согласованию ностратической теории с результатами изучения тюркских языков // *Вопросы языкознания*. – М., 1989. – № 3. – С.20-32.

Текин Т.

- 1988: Внутритюркские свидетельства соответствия тюркского /s/, чувашского /sʲ/ // *Вопросы языкознания*. – М., 1988. – № 4. – С. 108-111.

Тенишев Э.Р.

- 1958: Руническая надпись на утесе р. Чарыше (Алтай) // *Эпиграфика Востока*. – М.: Л., 1958. – Вып. XII. – С. 62-66.
- 1966: Древнетюркская эпиграфика Алтая // *Тюркологический сборник*. – М., 1966. – С. 262-265.
- 1976: Строй саларского языка. – М.: Наука, 1976.
- 1976: Строй сарыг-югурского языка. – М.: Наука, 1976.
- 1979: Перебой *s/š* в тюркских рунических памятниках // *Структура и история тюркских языков*. – М., 1971. – С. 289-295.
- 1990: Уйгурский диалектный словарь. – М.: Наука, 1990.

Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х.

- 1966: Язык желтых уйгуров. – М.: Наука, 1966.

Тенишев Э.Р., Шагдаров Л.Д.

- 1988: О развитии советского монголоведения (языкознание) // *Проблемы монгольского языкознания*. – Новосибирск, 1988. – С. 3-33.

Тодаева Б.Х.

- 1951: Грамматика современного монгольского языка: Фонетика и морфология. – М., 1951.
- 1960: Монгольские языки и диалекты Китая. – М.: Наука, 1960.
- 1961: Дунсянский язык. – М., 1961.
- 1964: Баоаньский язык. – М.: Наука, 1964.
- 1973: Монгорский язык. – М.: Наука, 1973.

- 1976: Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». – Элиста, 1976. – 529 с.
 - 1979: Язык монголов Внутренней Монголии. – М.: Наука, 1979.
 - 1981: Язык монголов Внутренней Монголии: Материалы и словарь. – М.: Наука, 1981.
 - 1985: Язык монголов Внутренней Монголии: Очерк диалектов. – М., 1985.
 - 1986: Дагурский язык. – М., 1986.
 - 2001: Словарь языка ойратов Синьцзяна. – Элиста, 2001.
- Томанов М.**
- 1981: Қазақ тілінің тарихи грамматикасы: Фонетика. Морфология. – Алматы, 1981. – 208 б.
 - 1988: Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. – Алматы, 1988; 1992.
 - 1989: Принципы построения исторической грамматики казахского языка // *Сов. тюркология*. – Баку, 1989. – № 5. – С. 13-17.
- Томсен В.**
- 1894: Дешифровка орхонских и енисейских надписей / Пер. на рус. В. Розена // *Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества*. – СПб., 1894. – Т. VIII. – Вып. 3-4.
 - 1938: История языковедения до конца XIX века. – М., 1938.
- Төмөртого Д.**
- 1972: Монгол хэлний түүхийг ангилах тухайг асуудалд (К вопросу о классификации истории монгольского языка) // *Хэл зохиол судлал (Исследования по языку и литературе)*. – Улаанбаатар, 1972. – XI боть. – 1-21 дэвтэр.
- Тохтабаева Ш.Ж.**
- 1999: Казахско-монгольские взаимосвязи в традиционном прикладном искусстве // *Актуальные проблемы казахстанского монголоведения: прошлое, настоящее и перспективы*. – Алматы, 1999. – С. 63-67.
- Трепавлов В.В.**
- 1992: Государственный строй монгольской империи. – М., 1992.
- Трубачев О.Н.**
- 1960: Происхождение названий домашних животных в славянских языках. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 115 с.
- Трыярский Э.**
- 1981: Монгольские заимствования в армяно-кыпчакском языке // *Известия АН КазССР: Серия филологическая*. – Алма-Ата, 1981. – № 2. – С. 41-52.
- Тумашева**
- 1961: Көнбатыш Себер татарлары теле: Грамматик очерк һәм сүзлек. – Казан, 1961.
 - 1992: Словарь диалектов сибирских татар. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1992.
- Тумэн Д.**
- 1989: Вопросы этногенеза монголов в свете данных палеоантропологии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1989. – 20 с.

Түймебаев Ж.

– 1989: Көне түркі тіліндегі көлемдік септіктер // *Қазақ тілінің мәселелері*. – Алматы, 1980. – Б. 134-143.

Тюркизмы в восточнославянских языках. – М., 1974.

Тюркологические исследования: Сборник статей, посвященный 80-летию академика К.К. Юдакина. – Фрунзе, 1970.

Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. – М., 1960.

Тюркская лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1971.

Уалиев Н.

– 1974: Историко-лингвистические связи казахского и монгольского языков // *Материалы третьей научно-теоретической конференции молодых ученых АН КазССР*. – Алма-Ата, 1974. – Ч. II. – С. 250-251.

Убрятова Е.И.

– 1960: Якутский язык в его отношении к другим тюркским языкам, а также к языкам монгольским / Тезисы доклада XXV Международного конгресса востоковедов. – М., 1960.

– 1965: К этимологии слова айгыр ‘жеребец’ // *Вопросы тюркологии*. – Ташкент, 1965. – С. 11-16.

Уәлиев Н.

– 1975: Қазақ-монғол тілдеріне ортақ кейбір сөздердің мағына сәйкестігі // *Қазақ ССР Ғылым академиясының Хабарлары: Тіл-әдебиет сериясы*. – Алматы, 1975. – № 2(6). – 46-49 б.

– 1975: Түркі-монғол тілдеріндегі *д-н-ж-й...* сәйкестігі // *Мұрагерлер. (Ұлы Отан соғысында фашист басқыншыларын талқандаудың 30-жылдығына арналған Алматы қалалық жас ғалымдар конференциясының материалдыры)*. – Алматы, 1975. – Б. 234-235.

Фасмер М.

– 1964-1973: Этимологический словарь русского языка. – М., 1964-1973; 2-е изд.: М., 1986-1987.

Федотов М.Р.

– 1973: О месте чувашского языка в алтайской семье языков. (О так называемой средней ступени развития *д-δ-г* в чувашском языке) // *Вопросы русской и чувашской филологии*. – Чебоксары, 1973. – Вып. III.

– 1980, 1983, 1986: Чувашский язык в семье алтайских языков. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1980. – Ч. 1; 1983. – Ч. 2; 1986. – Ч. 3.

– 1992: Материалы к историко-этимологическому словарю чувашского языка. – Чебоксары, 1992.

– 1996 а: Чувашский язык: Истоки. Отношение к алтайским и финно-угорским языкам. Историческая грамматика. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 1996. – 460 с.

– 1996 б: Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары, 1996. Т. 1-2. – 2-е изд. 2002 (в 1 т.).

Филология и история монгольских народов: Памяти академика Б.Я. Владимирцова. – М.: Изд-во вост. лит-ры, 1958.

Фонетика казахского языка. – Алма-Ата, 1969. – 166 с.

Фонетическая классификация турецкой семьи языков / Сост. И.У. Соколов; ред. С.Е. Малов. – Ташкент, 1928.

Хабичев М.А.

- 1967: К структуре первичных корней в урало-алтайских языках // *Вопросы изучения языков и литературы народов Карачаево-Черкессии*. – Черкесск, 1967.
- 1971: Карачаево-балкарское именное словообразование: (Опыт сравнительно-исторического изучения). – Черкесск, 1971.

Хабшай С., Мiнiс Э.

- 1954: Монголша-казакша сездiк / Курастыргандар: С. Хабшай, Э. Мiнiс. – Улаантбатыр, 1954.

Хаджилаев Х.-М.И.

- 1970: Очерки карачаево-балкарской лексикологии. – Черкесск, 1970.

Хадрович Л., Галди Л.

- 1952: Венгерско-русский словарь / *Magyar-orosz szótár*. – Будапешт: Изд-во АН Венгрии, 1952. – 1354 с.

Халиков А.Х.

- 1984: Возможно ли археологическое обоснование выделения алтайской общности? // *Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий*. – Омск, 1984. – С. 63-64.

Харькова С.С.

- 1980: Тюркские лексические элементы в эпосе «Джангар» // *«Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов*. – М., 1980.
- 1983 а: О некоторых тюркских лексических заимствованиях в калмыцком языке // *Монголоведные исследования*. – Элиста, 1983. – С. 90-93.
- 1983 б: Тюркские лексические параллели в калмыцком языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1983.
- 1983 в: О некоторых лексических заимствованиях в калмыцком языке // *Монголоведные исследования*. – Элиста, 1983.
- 1987: Тюркизмы в говорах современного калмыцкого языка // *Диалектная лексика в монгольских языках*. – Улан-Удэ, 1987. – С. 129-134.
- 1988: Об одном критерии выявления тюркизмов в монгольских языках // *Проблемы монгольского языкознания*. – Новосибирск, 1988. – С. 75-82.

Хасанов Б.Х.

- 1970: О сходстве корейского и тюркских языков // *Материалы II научной конференции молодых ученых АН КазССР*. – Алма-Ата, 1970. – С. 518-520.
- 1987: Языки народов Казахстана и их взаимодействие. – Алма-Ата, 1987. – 197 с.

Хаттори С.

- 1974: Начальные взрывные в протомонгольском языке и их дальнейшее развитие // *Исследования по восточной филологии*. – М., 1974.

Хелимский Е.А.

- 1984: Проблема границ ностратической макросемьи языков // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. – М., 1984. – Ч. 5. – С. 38-41.
- 1986 а: О двух фонетических законах в алтайских языках // *Историко-культурные контакты алтайской языковой общности: Тезисы докладов*

- XXIX сессии постоянной международной алтаистической конференции (PIAC). Ташкент, сентябрь 1986. – М., 1986. – II: Лингвистика. – С. 121-124.
- 1986 б: Происхождение древнетюркского чередования *r~z* и дилемма «ротацизма-зетаизма» // *Сов. тюркология*. – Баку, 1986. – № 2. – С. 40-51.
 - 1986 в: Решение дилеммы пратюркской реконструкции и ностратика // *Вопросы языкознания*. – М., 1986. – № 5. – С. 67-78.
 - 1986 г: Труды В.М. Иллич-Свитыча и изучение дальних генетических связей в современной зарубежной лингвистике // *Славяноведение и балканистика в странах зарубежной Европы и Америки*. – М., 1986.
 - 1986 д: Труды В.М. Иллич-Свитыча и развитие ностратических исследований за рубежом // *Зарубежная историография славяноведения и балканистики*. – М., 1986. – С.229-282.
 - 1991: Самодийская реконструкция и праистория самодийцев // *Сравнительно-историческое изучение разных семей*. – М., 1991.
 - 2000: Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. – М., 2000. – 640 с.

Хомонов М.П.

- 1950: Исследование слов с начальным *h* в монгольских языках в свете нового учения о языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1950.
- 1970: Из наблюдений над лексикой древнемонгольского памятника «Сокровенное сказание» // *Материалы по истории и филологии Центральной Азии*. – Улан-Удэ, 1970. – Вып. 5.

Цинциус В.И.

- 1949: Сравнительная фонетика тунгусо-маньчжурских языков. – Л., 1949. – 342 с.
- 1954: К сравнительному изучению основного словарного фонда тунгусо-маньчжурских языков // *Ученые записки Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И. Герцена*. – Л., 1954. – Вып. 101.
- 1969: О некоторых лингвистических моделях алтайских языков // *Языковые универсалии и лингвистическая типология*. – М., 1969. – С. 297-307.
- 1970: К этимологии слова «ребенюк» в тунгусо-маньчжурских языках // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1970. – Bd. 32. – S. 279-289.
- 1971 а: Алтайские термины родства и проблема их этимологии // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 127-138.
- 1971 б: Вопросы сравнительной лексикологии алтайских языков // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 77-89.
- 1972 а: Задачи сравнительной лексикологии алтайских языков // *Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков*. – Л., 1972. – С. 3-14.
- 1972 б: К этимологии алтайских терминов родства // *Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков*. – Л., 1972. – С. 15-70.
- 1979: Проблемы сравнительно-исторического изучения лексики алтайских языков // *Исследования в области этимологии алтайских языков*. – Л., 1979. – С. 3-17.
- 1984 а: Параллельные синонимические ряды в языках алтайской семьи и их роль при сравнительно-историческом изучении лексики // *Алтайские этимологии*. – Л., 1984. – С. 7-16.

- 1984 б: Этимологии алтайских лексем с анлаутными глухими придыхательными смычными губно-губным *и” и заднеязычным *к” // *Алтайские этимологии*. – Л., 1984. – С. 17-129.
- Цинциус В.И., Бугаева Т.Г.**
 - 1979: К этимологии названий металлов и их сплавов в алтайских языках // *Исследования в области этимологии алтайских языков*. – Л., 1979. – С. 18-52.
- Цыбиктаров А.Д.**
 - 1999: Бурятия в древности. – Улан-Удэ: Изд-во Бур. ГУ, 1999. – 264 с.
 - 2003: Центральная Азия в эпоху бронзы и раннего железа (проблемы этнокультурной истории Монголии и Южного Забайкалья середины II – первой половины I тыс. до н.э.) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. – Новосибирск, 2003. – № 1. – С. 80-97.
- Цыдендамбаев Ц.Б.**
 - 1972: Бурятские исторические хроники и родословные: (Историко-лингвистическое исследование). – Улан-Удэ, 1972.
 - 1979: Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. – М.: Наука, 1979.
- Цыденжапов И.Н.**
 - 1973: Об одной особенности конечных согласных основы слов старомонгольского языка // *Олон Улсын Монголч Эрдэмтний II их хурал*. – Улаанбаатар, 1973. – II боть. – С. 280-282.
- Цэвэл Я.**
 - 1966: Монгол хэлний товч тайлбар толь. – Улаанбаатар, 1966.
- Чаниный П.М.**
 - 1962: Национальные блюда Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1962.
- Чаттерджи С.К.**
 - 1977: Введение в индоарийское языкознание. – М., 1977.
- Черкацкий М.А.**
 - 1965: Тюркский вокализм и сингармонизм. – М., 1965.
- Членова Н.Л.**
 - 1972: Хронология памятников карасукской эпохи. – М.: Наука, 1972.
- Шагдаров Л.Ш.**
 - 1962: Изобразительные слова в современном бурятском языке. – Улан-Удэ, 1962.
 - 1971: О развитии переносных значений в словах, общих некоторым тюркским и монгольским языкам // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 121-126.
- Шагрен А.И.**
 - 1927: Очерк жизни и трудов Кастрена // *Вестник Русского географического общества*. – СПб., 1853. – Ч. 7. – С. 100-133.
- Шастина Н.П.**
 - 1957: Комментарии // *Путешествие в Восточные страны Плано Карпини*. – М., 1957.
- Шашков А.**
 - 2002: В Югру за данью: Как новгородцы проникали на Урал // *Родина*. – М., 2002. – № 11-12. – С. 112-115.

Шер Я.А.

- 1980: Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980.

Шервашидзе И.Н.

- 1986: Формы глагола в языке тюркских рунических надписей. – Тбилиси: Мецниереба, 1986. – 107 с.
- 1989: Фрагмент общетюркской лексики: (Заимствованный фонд) // *Вопросы языкознания*. – М., 1989. – № 2.
- 1990: Фрагмент древнетюркской лексики: Титулатура // *Вопросы языкознания*. – М., 1990. – № 3.

Шипова Е.Н.

- 1976: Словарь тюркизмов в русском языке. – Алма-Ата: Наука, 1976.

Широбокова Н.Н.

- 1980: О якутско-монгольских контактах // *Народы и языки Сибири*. – Новосибирск, 1980. – С. 140-147.

Шмидт Я.

- 1832: Грамматика монгольского языка. – СПб., 1832.

Штернберг Л.Я.

- 1927: Кастрен – алтаист и этнограф // *Памяти М.А. Кастрена*. – Л., 1927.

Шчербак А.М.

- 1959: Мўғулистонда топилган қадимги бир тош ёзма // *Ўзбек тили ва адабийоти*. – Тошкент, 1959. – № 3. – 34-36 б.

Щербак А.М.

- 1959 а: Знаки на керамике и кирпичах из Саркела – Белой Вежи: (К вопросу о языке и письменности печенегов) // *Материалы и исследования по археологии СССР*. – М.: Л., 1959. – № 75. – С. 387-388.
- 1959 б: Об алтайской гипотезе в языкознании // *Вопросы языкознания*. – М., 1959. – № 6. – С. 51-63.
- 1959 в: Огуз-наме. Мухаббат-наме: Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. – М., 1959.
- 1960: О методике исследования языковых параллелей: (В связи с алтайской гипотезой) // *Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов*. – М., 1960.
- 1961 а: Грамматический очерк языка тюркских текстов X-XIII вв. из Восточного Туркестана. – М.: Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- 1961 б: Надпись на древнеуйгурском языке из Монголии // *Эпиграфика Востока*. – М.: Л., 1961. – Вып. XIV. – С. 23-25.
- 1961 в: Названия домашних и диких животных в тюркских языках // *Историческое развитие лексики тюркских языков*. – М., 1961. – С. 82-172.
- 1961 г: [Рец. на кн.:] Г.И. Рамstedt. Введение в алтайское языкознание. I. Фонетика. II. Морфология // *Народы Азии и Африки*. – М., 1961. – № 4. – С. 228-232.
- 1963 а: О методике исследования языковых параллелей (в связи с алтайской гипотезой) // *Труды XXV Международного конгресса востоковедов*. – М., 1960. – М., 1963. – Т. III.
- 1963 б: Работы Дж. Клосона по алтаистике // *Народы Азии и Африки*. – М., 1963. – № 3. – С. 150-153.

- 1964: Памятники рунического письма енисейских тюрок // *Народы Азии и Африки*. – М., 1964. – № 1. – С. 140-151.
- 1966: О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // *Вопросы языкознания*. – М., 1966. – № 3. С. 21-35.
- 1967: О происхождении первичных долгих гласных в тюркских языках // *Вопросы языкознания*. – М., 1967. – № 6.
- 1968 а: О тюрко-монгольско-тунгусских связях в морфологии // *Народы Азии и Африки*. – М., 1968. – № 1.
- 1968 б: Содержание урало-алтайской гипотезы, ее обоснование и оценка // *Известия Академии Наук Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусств*. – Баку, 1968. – № 1. – С. 62-70.
- 1970: Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1970.
- 1971: О морфологическом составе образных глаголов типа *baqur-, ğaqur-, hağkur-* // *Сов. тюркология*. – Баку, 1971. – № 3.
- 1974: О причинах структурно-фонетических расхождений в тюрко-монгольских лексических параллелях // *Исследования по восточной филологии: К 75-летию проф. Г.Д. Санжеева*. – М., 1974. – С. 340-348.
- 1976: О некоторых спорных вопросах реконструкции фонологической системы тюркского праязыка // *Тюркологические исследования*. – М., 1976. – С. 240-244.
- 1977: Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Имя). – Л.: Наука, 1977.
- 1977: Является ли количественная градация гласных в халаджском языке трехчленной? // *Сов. тюркология*. – Баку, 1977. – № 1. – С. 52-55.
- 1981: Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Глагол). – Л.: Наука, 1981.
- 1984: О ностратических исследованиях с позиций тюрколога // *Вопросы языкознания*. – М., 1984. – № 6. – С. 30-42.
- 1986: Тюркско-монгольские языковые связи: (К проблеме взаимодействия и смешения языков) // *Вопросы языкознания*. – М., 1986. – № 4. – С. 47-59.
- 1987: К реконструкции древнейшего состояния тюркских языков // *Сущность, развитие и функции языков*. – М., 1987. – С. 210-215.
- 1987: Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: (Наречие, служебные части речи, изобразительные слова). – Л., 1987.
- 1987: Проблема ротацизма и перспективы дальнейшего изучения тюркско-монгольских языковых связей // *Сов. тюркология*. – Баку, 1987. – № 3. – С. 3-9.
- 1988: К вопросу об отдаленных связях тюркских языков // *Актуальные вопросы сравнительного языкознания*. – Л., 1988. – С. 150-161.
- 1989: К вопросу об отдаленных связях тюркских языков // *Актуальные вопросы сравнительного языкознания*. – Л., 1989. – С. 150-161.
- 1994: Введение в сравнительно-историческое изучение тюркских языков. – СПб.: Наука, 1994. – 192 с.
- 1997: Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). – СПб.: ИЛИ РАН, 1997. – 291 с.

- 2001: Тюркская руника: Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. – СПб.: Наука, 2001. – 147 с.
- Эрдниева У.Э.**
- 1979: О калмыцких заимствованиях в языке алабугатских татар // *Сов. тюркология*. – Баку, 1979. – № 6.
- Этнические** и историко-культурные связи монгольских народов. – Улан-Удэ, 1983.
- Этнокультурная** лексика монгольских языков. – Улан-Удэ, 1994.
- Юдакин А.П.**
- 2001: Урало-алтайское (тюрко-монгольское) языкознание: Энциклопедия / Отв. ред. К.М. Мусаев, Г.Ц. Пюрбеев. – М., 2001. – 599 с., портр.
- Юдахин К.К.**
- 1965: Киргизско-русский словарь. – М., 1965.
- Юнусалиев Б.М.**
- 1959: Киргизская лексикология. – Фрунзе, 1959. – Ч. 1.
- Юсуф Баласагунский**
- 1893: Благодатное знание / Пер. С.Н. Иванова. – Л.: Наука, 1893.
- Юсуф Хас Хожиб**
- 1971: Кутадгу билиг / Изд. К. Каримов. – Тошкент: Фан, 1971.
- Ягелло И.Д.**
- 1919: Полный персидско-русский словарь. – Ташкент, 1910.
- Яимова Н.А.**
- 1990: Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. – Горно-Алтайск, 1990.
- Яхонтов С.Е.**
- 1971: Лексика как признак родства языков // *Проблема общности алтайских языков*. – Л., 1971. – С. 110-120.
- Aalto P.**
- 1952: *Altaistica*, II: The suffixes *-lar, -nar, -lär* // *Studia Orientalia* – Helsinki, 1952. – Bd. XVII. – Vol. 7. – 17 p.
- 1955: On the Altaic initial **p-* // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1955. – Bd. 1. – S. 8-16.
- 1958 a: *Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei*. – Helsinki, 1958.
- 1958 b: On the Altaic initial **p-* // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1958. – Vol. 1 – № 1.
- 1959: Eine alter Name des Kupfers // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1959. – Bd. 31. – S. 33-40.
- 1969: Uralisch und Altaisch // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1969. – Bd. 41. – S. 323-334.
- 1971: Iranian Contacts of the Turks in Pre-Islamic times // *Studia Turcica*. – Budapest, 1971. – P. 29-37.
- 1975: G.J. Ramstedt and Altaic Linguistics // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1975. – Vol. 19. – P. 161-193.

Abel-Rémusat

- 1820: Recherches sur les langues tartares, ou Mémoires sur différents points de la grammaire et de la littérature des Mandchous, des Mongols, des Ouigoures et des Tibétains. – Paris, 1820. – T. 1.

Adam L.

- 1874: De l'harmonie des voyelles dans les langues Ouralo-altaïques. – Paris, 1874.

Adamović M.

- 1970: Neke osmanske etimologije // *Anali Filološkog fakulteta*. – 1970. – T. 10. – S. 61-79.

Adelung J. Chr.

- 1806: Mithridates oder allgemeine Sprachkunde... – Berlin, 1806-1817. – T. I-IV.

Ahlquist A.

- 1861: Forschungen auf dem Gebiet der uralaltaïschen Sprachen. – Berlin, 1861.

Aksan D.

- 1977: Zur Frage der semantischen Kriterien in der uralaltaïschen Sprachwissenschaft – neue Anwendungsmethoden // *Altaica*. – Helsinki, 1977. – S. 17-27.

Alinge C.

- 1934: Mongolische Gesetze: Darstellung des geschriebenen mongolischen Rechts (Privatrecht, Strafrecht und Prozeß). – Leipzig, 1934.

Alparslan A.

- 1977: Kadi Burhaneddin Divaninden Seçmeler. – Istanbul, 1977.

Altaistic studies. Papers at the 25th meeting of the Permanent International Altaistic Conference at Uppsala June 7-11 1982. – Konferenser 12. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1985. 204 p.

A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest, 1967-1984. – I-IV kötet.

American studies in altaic linguistics / Edit by Nicolas Poppe. Indiana University publications ural and altaic series. – Vol. 1. Published by Indiana University Bloomington; The Hague, 1962. – 351 p.

Angere J.

- 1956: Dei uralo-jukagirische Frage. – Uppsala; Stockholm, 1956.

Ankeria J.

- 1941: Das Verhältnis der tschuktschischen Sprachstämme // *Språkvetenskapliga Sällskapet i Uppsala Förhandlingar*. – Uppsala, 1941.

Arat R.R.

- 1929: Zur Klassifikation der Türk Sprachen // *Ungarische Jahrbücher*. – Berlin, 1929. – Bd. IX. – S. 321-324.
- 1947: Kutadgu bilig. I: Metin. – Istanbul, 1947.
- 1951: Edib Ahmed b. Mahmud Yükneci. Atebetü l-Hakajik / Изд. Реşид Раһмети Арат. – Istanbul, 1951.
- 1957: Kutadgu bilig. I. Metin. – Ankara, 1957.
- 1959: *Jusuf Has Hâcib*. Kutadgu bilig. II. Tercüme. – Ankara, 1959.
- 1979 a: Kutadgu bilig. I. Metin. – Ankara, 1979;
- 1979 b: Kutadgu bilig. III: Indeks. – Istanbul, 1979.

Asiatic Studies in Honour of Dr. Jitsuzo Tamura on the Occasion of his Sixty-Fourth Birthdey. May 25, 1968. – Kyoto, 1968.

Asmussen J.P.

– 1965: X^uāstvānīft: Studies in Manichaeism. – Copenhagen, 1965.

Aspects of Altaic civilization // Proceedings of the V meeting of the Permanent International Altaistic conference held at Indiana University. June 4-9, 1962. – Bloomington, 1963. (Uralic and Altaic Series, 23).

Atalay B.

– 1939-1941: Divanü lûgat-it-türk tercümesi / Çeviren Besim Atalay. – Ankara, 1939-1941. – Cild I-III.

– 1945: Ettuhfet-üz-zekiyye fil-lûgat-it-türkiyye / Çeviren Besim Atalay. – İstanbul, 1945.

– 1946: Divanü lûgat-it-türk dizini: Endeks / Jazan Besim Atalay. – Ankara, 1948.

Bailey H.W.

– 1938: Indo-Turcica // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies.* – London, 1938. – Vol. 9. – P. 289-302.

– 1943-1947: A Turkish-Khotanese vocabulary // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies.* – London: University of London, 1943-1947. – Vol. 11. – P. 290-296.

– 1951: The Staël-Holstein Miscellany // *Asia Major. New Series.* – London, 1951. – Vol. II. – P. 1-45.

– 1979: Dictionary of Khotan Saka. – Cambridge, 1979.

– 1985: Indo-Scythian studies (Khotanese text vol VII). – Cambridge, 1985.

Bálint G.

– 1875-1877: Kazáni-tatar nyelvtanulmányok. – Budapest, 1875-1877. – I-III köt.

– 1877: Párhuzam a magyar és a mongol nyelv terén. – Budapest, 1877.

Bang W.

– 1890: Uralaltaische Forschungen // *Einzelbeiträge zur allgemeinen und vergleichenden Sprachwissenschaft.* – Leipzig, 1890. – Bd. X. – S. 1-44.

– 1891 a: Beiträge zur Kunde der Asiatischen Sprachen // *T'oung Pao.* – Liège, 1891. – Bd. II. – № 3.

– 1891 b: Études ouralo-altaïques // *Muséon, 1891.* – Vol. 4.

– 1893: Les langues ouralo-altaïques et l'importance de leur étude pour celle des Langues indogermaniques // *Mémoires couronnes... publ. par l'Académie Royale de Belgique.* – Bruxelles, 1893. – Vol. XLXI.

– 1895 a: Zum auslautenden *n* im Altaischen // *T'oung Pao.* – Leide, 1895. – Bd. IV. – S. 216-221.

– 1895 b: Zur Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen: I. Zum Genitiv Affix; II. Zum Locativ Affix // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.* – Wien, 1895. – Bd. 9. – N. 1-4. – S. 267-276.

– 1898: Zur vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes.* – Wien, 1898. – Bd. 9. – S. 267-276.

- 1912: Über die Rätsel des Codex Comanicus // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse.* – Berlin, 1912. – S. 334-353.
- 1914: Osttürkische Dialektstudien. – Berlin, 1914.
- 1916-1917: Studien zur vergleichenden Grammatik der Türkssprachen. I-II // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften: Philologische-historische Klasse.* – Berlin, 1916. – Bd. I. – S. 91-926; 1917. – Bd. II. – S. 516-540.
- 1917: Über die türkischen Namen einiger Großkatzen // *Keleti Szemle.* – Budapest, 1917. – 17 kötet. – 112-146 l.
- 1918 a: Beiträge zur türkischen Wortforschung. I: Zu den Wörtern auf *-turuq, -duq* // *Túrán. 18 majus, 5 szam*; II: Zum türkischen Zahlwort // *Túrán. 18 november-december, 9-10 szam.* – S. 289-310, 516-540.
- 1918 6: Monographien zur türkischen Sprachgeschichte // *Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften: Philologische-historische Klasse.* – Heidelberg, 1918.
- 1919: Aus türkischen Dialekten // *Keleti Szemle.* – Budapest, 1919. 18 kötet. – 7-28 l.
- 1924: Türkisches Lehngut im Mandschurischen // *Ungarische Jahrbücher.* – Berlin, 1924. – Bd. IV. – Hf. 1. – S. 15-19.
- 1925-1932: Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut // *Ungarische Jahrbücher.* – Berlin; Leipzig, 1925. – Bd. 5. – S. 231-251, 393-410; 1927. – Bd. 7. – S. 36-45; 1930. – Bd. 10. – S. 16-26; 1932. – Bd. 12. – S. 90-104.
- 1931: Manichäische Erzähler // *Le Muzéon.* – Louvain, 1931. – T. 44. – S. 1-36.
- 1932: Turkologische Briefe aus dem Berliner Ungarischen Institut, Sechster Brief: *Varia varii momenti* // *Ungarische Jahrbücher.* – Berlin, 1932. – Bd. XII. – Hf. 1-2. – S. 90-104.
- 1934: Gewagte türkische Wortklärungen // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1934. – Bd. 67. – S. 35-41.

Bang W., Gabain A. von

- 1929: Türkische Turfan-Texte. II: Manichaica // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften: Philologische-historische Klasse.* – Berlin, 1929. – Bd. 22. – S. 411-429.
- 1930: Uigurische Studien. I: Das Sündenbekenntnis aus dem Suvarnaprabhāsa // *Ungarische Jahrbücher.* – Berlin; Leipzig, 1930. – Bd. X. – Hf. 3. – S. 193-207.
- 1931: Analytischer Index zu den fünf ersten Stücken der türkischen Turfan-Texte. – Berlin, 1931 (SPAW, 17).

Bang W., Gabain A., Rachmati G.R.

- 1934: Türkische Turfantexte: VI // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften: Philologische-historische Klasse.* – Berlin, 1934. – T. 10. – S. 92-192.

Bang W., Rachmati G.R.

- 1932: Die Legende von Oyuz Qayan // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften: Philologische-historische Klasse.* – Berlin, 1932. – S. 683-724.

Bárczi G.

- 1952: Török jövevényszavaink legrégebb rétegének kérdéséhez // *A MTA I. Osztályá Közleményei*. – Budapest, 1952. – Bd. 11. – L. 347-359.
- 1965: A propos des vieux mots d'emprunt turcs en hongrois // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1965. – Bd. 18. – S. 47-54.
- 1971: Le traitement de *š* et de *č* turcs dans les mots d'emprunt turcs du proto-hongrois // *Studia Turcica*. – Budapest, 1971. – P. 39-46.
- 1972: Quelques condusions tirées de l'étude des plus anciens mots d'emprunt turcs du hongrois // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1972. – Bd. 25. – P. 383-390.
- 1981: A magyar nyelv bolgár- és köztörök jövevényszavai // *Tanulmányok a bolgár-magyar kapcsolatok köréből*. – Budapest, 1981. – L. 31-51.

Bartholomae C.

- 1904: *Altiranisches Wörterbuch*. – Strassburg, 1904.

Baskakov N.A.

- 1975: On the common origin of the categories of person and personal possession in the altaic languages // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 7-13.

Battal-Taymas A.

- 1934: *Ibnü-Mühenna Luğati*. – Istanbul, 1934.

Bawden

- 1955: *The Mongol Chronicle Altain. Tobči*. – Wiesbaden, 1955.

Baytop T.

- 1994: *Türçe Bitki Adlari Sozlüğü*. – Ankara, 1994.

Bazin L.

- 1949: Recherches sur les parlers T'o-pa // *T'oung Pao*. – Leide, 1949. – Vol. 39. – N 4-5.
- 1953: Notes sur les mots "Oğuz" et "Türk" // *Oriens*. – Leide, 1953. – Bd. 6. – Hf. 2. – S. 315-322.
- 1957: Nom de la "chèvre" en turc et en mongol // *Studia Altaica: Festschrift für Nikolaus Poppe zum 60 Geburtstag*. – Wiesbaden, 1957. – P. 28-32.
- 1959: Les noms turcs et mongols de la constellation des "Pléiades" // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1959. – P. 295-297.
- 1960: Les noms turcs et mongols de la constellation des "Pléiades" // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1960. – Bd. X. – P. 295-297.
- 1963: Über die Sternkunde in alttürkischer Zeit // *Akademie der Wissenschaft und der Literatur in Mainz: Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse. Jahrgang*. – 1963. – N 5. – 14 s.
- 1968: Les noms du 'yak' chez les peuples Turcs et Mongols: Beiträge zur Alten Geschichte und deren Nachleben / *Festschrift F. Altheim zum 6.10.1968*.
- 1971: Note sur **angyirt*, nom turco-mongol d'une variété de "canard" // *Studia Turcica*. – Budapest, 1971. – P. 55-59.
- 1973: Les noms turcs de l'or // *Langues et Techniques. Approche linguistique*. – Paris, 1973. – P. 327-336.
- 1974: *Les calendriers turcs anciens et medievux*. – Paris, 1974.

- 1978: Les noms turcs et mongols de l'ours // *Quand le crible était dans la paille*. – Paris, 1978. – P. 83-93.
- 1981: À propos du vocabulaire turc du jeu de cartes // *Turcica*. – 1981. – Vol. 12. – P. 170-173.
- 1983: Réflexions sur le “problème turco-mongol” // *Turcica. Revue d'études turques*. – T. XV. – 1983.
- 1991: Les systèmes chronologiques dans le monde turc ancien. – Budapest; Paris, 1991. (BOH, 34).
- 1992: Mélanges offerts à Louis Bazin par ses disciples, collègues et amis. – Paris, 1992. (Varia Turcica, 19).
- 1994: Les Turcs, les mots, des hommes. – Budapest, 1994. (BOH, 41).

Beffu M.-L., Hamayon R.

- 1975: Le nom verbal en mongol // *Researches in Altaic Languages*. – Budapest, 1975. – P. 15-27.

Beke E.

- : Türkische Einflüsse in der Syntax finnisch-ugrischer Sprachen // *Keleti szemle*. – Budapest, , 15. – S. 1-77.

Benveniste E.

- 1948: Mots voyageurs en Asie Centrale // *Journal Asiatic*. – Paris, 1948. – N 236. – P. 177-188.

Benzing J.

- 1942: Das bulgarisch-türkische Wort *kermän* “Befestigung, Stad” // *OLZ*. – Berlin, 1942. – Bd. 45. – Col. 145-147.
- 1943: Kleine Einführung in die tschuwaschische Sprache. – Berlin, 1943. – 137 c.
- 1944: Die angeblichen bolgar-türkischen Lehnwörter im Ungarischen // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Leipzig-Wiesbaden, 1944. – Bd. 98. (N.F. 23). – N 1. – S. 24-27.
- 1952: Der Aorist im Türkischen // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1952. – Bd. XXIV. – H. 3-4. – S. 130-132.
- 1953 a: Einführung in das Studium der altaischen Philologie und der Turkologie. – Wiesbaden, 1953. – 142 p.
- 1953 6: Remarques sur les langues tungouses et leurs relations avec les autres langues dites “altaïques” // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1953. – Vol. XXV. – N 1-2. – P. 109-118.
- 1955: Die tungusischen Sprachen: Versuch einer vergleichender Grammatik // *Abhandlungen der Geistes- und Social-wissenschaftlichen Klasse. Jahrgang 1955*. – N 11. Akademie der Wissenschaften und der Literatur. – Wiesbaden, 1955.
- 1956: Die tungusischen Sprachen. – Mainz, 1956.
- 1958: Altay filolojisi ve Turkoloji etütlerinde kılavuz // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten*. – Ankara, 1958. – 215-278 b.
- 1959: Das Hunnische, Donaubolgarische und Wolgabulgarische // *Philologiae Turcicae Fundamenta*. – Wiesbaden, 1959. – T. 1. – S. 685-695.

Benzing J., Menges K.H.

- 1959: Classification of the Turkic Languages // *Philologiae Turcicae Fundamenta*. – Wiesbaden, 1959. – T. I. – S. 1-10.

Bergsland K

- 1959: The Eskimo-Uralic hypotesis // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1959. – Bd. 66. – Hf. 2.

Bernard R.

- 1946: Étude étymologique et comparative de quelques mots bulgares concernant le vêtement et la parure. – Paris, 1946.

Bertagayev T.A.

- 1975: On some common semantic indices of root elements in the altaic languages // *Researches in Altaic Languages*. – Budapest, 1975. – P. 29-31.

Bese L.

- 1957: Zwillingswörter im Mongolischen // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungarica*. – Budapest, 1957. – Bd. VII. – N 2-3. – S. 200-206.
- 1960: Remarks on Middle Mongolian Conjugation. – Budapest, 1970.
- 1961: Remarks on a Western khalkha Dialect // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungarica*. – Budapest, 1961. – T. XIII. – H. 2. – S. 276-279.
- 1969: Preverbs in the language of the Secret History of the Mongols // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungarica*. – Budapest, 1969. – Bd. XXII. – Fasc. 2.

Beveridge H.

- 1917: The mongol title *tarkhan* // *Journal of the Royal Asiatic Society*. – London, 1917.
- 1918: Tarkhan and Tarquinius // *Journal of the Royal Asiatic Society*. – London, 1918. – P. 314-316.

Bilgen İ.

- 1982: Kazak dili grameri. – Ankara, 1982.

Bläsing U.

- 2002: Pflanzennamen im Kumükischen // *Studia Etymologica Cracoviensia*. – 2002. – Vol. 7.

Bleichsteiner R., Heisig W.

- 1941: Wörterbuch der heutigen mongolischen Sprache. – Wien; Peking, 1941.

Bloch E.

- 1915: Le nom des Turks dans l’Avesta // *Journal of the Royal Asiatic Society*. – London, 1915. – P. 305-308.

Bodrogligeti A.

- 1965: Earli Turkish Terms connected with Books and Writing // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungarica*. – Budapest, 1965. – Bd. 18. – P. 93-117.
- 1969: A fourteenth century Turkic translation of Sa’dī’s Gulistan (Sayf-i Sarāyī’s Gulistān bit-Turkī). – Budapest, 1969.

Boller A.

- 1853: Die finnischen Sprachen // *Sitzungsberichte der Kaiserische Akademie der Wissenschaften zu Wien: Philologische-historische Klasse*. – Wien, 1953. – Bd. X. S. 29-65, 279-307.
- 1853-1854: Die Declination in den finnischen Sprachen // *Sitzungsberichte der Kaiserische Akademie der Wissenschaften zu Wien: Ptilologische-historische Klassen*. – Wien, 1853. – Bd. XII. – S. 953-986; 1854. – Bd. XII. – S. 178-186.

- 1854: Die Consonanten-Erweichung // *Sitzungsberichte der Kaiserische Akademie der Wissenschaften zu Wien: Philologische-historische Klassen.* – Wien, 1854. – Bd. XII. – S. 441-466; 637-665; 1854. – Bd. XIII. – S. 184-210.
 - 1854-1855: Die Conjugation in den finnischen Sprachen // *Sitzungsberichte der Kaiserische Akademie der Wissenschaften zu Wien: Philologie-historische Klasse.* – Wien, 1854. – Bd. XIII. – S. 494-539; 1855. – Bd. XIV. – S. 299-355.
 - 1856: Die Wurzelsuffixe in den ural-altaischen Sprachen // *Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften.* – Wien, 1856. – Bd. XXII. – S. 91-180.
 - 1856: Die Übereinstimmung der Tempus und Moduscharaktere in den ural-altaische Sprachen // *Sitzungsberichte der Kaiserische Akademie der Wissenschaften zu Wien.* – Wien, 1856. – Bd. XXII. – S. 223-263.
 - 1857: Die Pronominal affixe des ural-altaischen Verbums // *Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften.* – Wien, 1857. – H. 25. – S. 3-59.
 - 1857: Die Übereinstimmung der Tempus und Moduscharaktere in den ural-altaische Sprachen // *Sitzungsberichte der Kaiserische Akademie der Wissenschaften zu Wien.* – Wien, 1857. – Bd. 22. – S. 223-263.
 - 1857: Die Wurzelsuffixe in den ural-altaischen Sprachen // *Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften.* – Wien, 1857. – Bd. 22. – S. 91-180.
 - 1857: Nachweis daß das Japanische zum Uralaltaischen Stamme gehört // *Sitzungsberichte der Kaiserische Akademie der Wissenschaften zu Wien.* – Wien, 1857. – Bd. XXXIII. – S. 393-481.
 - 1858: Die Pronominalsuffixe des ural-altaischen Verbums // *Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften.* – Wien, 1858. – Bd. 25. – S. 3-59.
- Bombaci A.**
- 1976: On the ancient Turkish title *šadapit* // *Ural-Altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1976. – Bd. 48. – P. 32-41.
- Bomhard A.R.**
- 1984: Toward Proto-Nostratic: A new approach to the comparison of Proto-Indo-European and Proto-Afroasiatic. – Amsterdam, 1984.
 - 1986: Common Indo-European // *Afroasiatic roots: Suppl. 1 // General linguistics.* – 1986. – V. 26. – N 4.
- Boo Kyom K.**
- 1959: Gehört die Koreanische Sprache zu den altaischen Sprachen? – Starnberg-See, 1959.
- Bouda K.**
- 1940: Die finnisch – ungrisch-samojedische Schicht des jukagirischen // *Ungarische Jahrbücher.* – Berlin, 1940. – Bd. XX.
 - 1953: Dravidisch und Uralaltaisch // *Ural-Altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1953. – Bd. XXV. – H. 3-4. – S. 161-173.
 - 1956: Dravidisch und Uralaltaisch // *Lingua.* – 1956. – Vol. 12.
- Boyle J.A.**
- 1956: On the titles given in Juvainī to certain Mongolian princes // *Harvard Journal of Asiatic Studies.* – Cambridge (Massachusetts), 1956. – Vol. 19. – P. 146-154.

- 1975: Some additional notes on the mongolian names in the history of the nation of the archers // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 33-42.

Böhling O.

- 1851: Über die Sprache der Jakuten. – SPb., 1851.
- 1964: Über die Sprache der Jakuten. – The Hague: Mouton, 1964. – 397, 184 s. (Indiana University Publications; Ural und Altaic series. V. 35).

Brands H.W.

- 1973: Studien zum Wortbestand der Türk Sprachen: Lexikalische Differenzierung, Semasiologie, Sprachgeschichte. – Leiden, 1973.

Brockelmann C.

- 1928: Mitteltürkischer Wortschatz nach Maḥmūd al-Kāšyarī Dīvān lūyāt at-turk. – Budapest; Leipzig, 1928. (BOH, 1). – VI+252 s.
- 1928: Naturalite im Mitteltürkischen // *Ungarische Jahrbücher*. – Berlin; Leipzig, 1928. – Bd. 8. – S. 257-265.
- 1951-1954: Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. – Leiden, 1951-1954. – Bd. 1-7. (Свод. изд.: Leiden, 1954).
- 1954: Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens. – Leiden, 1954.
- 1964: Mitteltürkischer Wortschatz. – Budapest, 1964.

Budenz J.

- 1881: A főbb testészek elnevezészet az öt nyelvcsoporthban // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1881. – Köt. 16. – L. 144-153.
- 1881: Az öt altaji nyelvcsoporth alapszámnevei // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1881. – Köt. 16. – L. 153-157.
- 1971: Jelentés Vámbéry Ármin magyar-török szöveggyűzéseiről // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1971. – 10 köt. – 67-135 l.

Büge E.

- 1887: Über die Stellung des Tungusischen zum Mongolisch-Türkischen. – Halle, 1887.

Caferoğlu A.

- 1931: Abû-Hayyân. Kitáb al-idrak li-lisân al-Atrak. – Istanbul, 1931.
- 1931: Turkey ve Uygurlar'da Han unvanlari // *Türk Hakuk ve İktisat Tarihi Mecmuasi*. – İstanbul, 1931. – I c. – 105-119 s.
- 1932-1934: Azeri Lehçesinde bazı Mogol unsurlar // *Azerbaycan Yurt Bilgisi*. – İstanbul, 1932. – Sayı 6-7. – S. 215-216; 1934. – Sayı 25. – S. 3-8.
- 1934: Uygur sözlüğü. – İstanbul, 1934.
- 1934-1938: Uygur sözlüğü. – İstanbul, 1934-1938. – I-III cild.
- 1939: “Ural-Altay” dilleri mektebi ve Türkoloji // *Türklük-Milliyetçi Kültür Mecmuasi*. – İstanbul, 1939. 2(7), Birinci teşrin. S. 35-44.
- 1941: Der Ursprung der Wörter *tongal*, *küräkän* und *nâmâr* im azerbaydschischen Dialekt // *Die Welt des Islams: Festschrift Friedrich Giese aus Anlaß des siebenzigsten Geburtstags*. – Leipzig, 1941. – S. 53-60.
- 1945: Azerbaycan ve Anadolu ağızlarındaki Mogolca unsurlar // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten*. – İstanbul, 1945. – II.
- 1947: Türk dili tarihi notları. – İstanbul, 1947. – I cild.

- 1952: Türk dilinde *nöker* ve *nökerzâdeler* müessesesi // *IV. Tarih Kongresi*. – Ankara, 1952. – S. 251-262.
 - 1953: Azeri şivesinde *nohur* ve *lap* kelimeleri // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1953. – T. XVII. – S. 180-183.
 - 1954: Azerbaycan ve Anadolu ağızlarındaki Moğolca unsurlar // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı Belleten*. – Ankara, 1954. – S. 1-10.
 - 1964: Türk Dili Tarihi. – İstanbul, 1964. – Cildi II.
 - 1968: Eski Uygur Türkçesi Sözlüğü. – İstanbul, 1968. (TDKY, 260).
- Caldwell R.**
- 1913: A comparative grammar of the Dravidian or South-Indian family of languages. – 3-rd ed. – London, 1913.
- Callivoulis E.D.**
- 1897: D l'origine étymologique de quelques noms de nombre et de suffixe du pluriel dans les langues ouraloaltaiques. – Paris, 1897.
- Castrén M.A.**
- 1839: Dissertatio Academica de affinitate declinationum in lingua Fennica, Esthonica et Lapponica. – Helsingforsiae, [1839].
 - 1845-1849: Nordische Reisen und Forschungen. – SPb., 1845-1849. – Bd. I-V.
 - 1856: Über die Personalaffixe in den altaischen Sprachen. – SPb., 1856.
 - 1857 a: Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker nebst samojedischen Märchen und tatarischen Heldensagen // *Nordische Reise und Forschungen*. – SPb., 1857. – Bd. IV.
 - 1857 б: Versuch einer burjatischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. – SPb., 1857.
 - 1857 в: Versuch einer koibalischen und karagassischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissenaus den tatarischen Mundarten des Minussinischen Kreises. – SPb., 1857.
 - 1858: De affixes personalibus linquarum Altaicarum. – Helsingfors, 1858.
 - 1862 a: Über die Personalaffixe in den altaischen Sprachen // *Nordische Reise und Forschungen*. – SPb., 1862 – Bd. V. – S. 151-222.
 - 1862 б: Über die Personalaffixe in den altaischen Sprachen // “Kleinere Schriften” de Castrén, édité par A. Schiefner. – SPb., 1862. – S. 151-222.
- Charencey H.G. de.**
- 1858: De la parenté de la langue Japonaise avec les tartares et americaines. – Paris, 1858.
- Chavannes E.**
- 1903: Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux. – SPb., 1903. (*Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып.6*).
 - 1904: Notes additionelles les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux // *T'oung Pao*. – Leiden, 1904. – Vol. 2. – №.5. – P. 1-110.
 - 1904, 1905, 1908: Inscriptions et pièces de chancellerie chinoise dans l'époque mongole // *T'oung Pao*. – 1904. – P. 357-447; 1905. – P. 1-42; 1908. – P. 297-428.
 - 1906: Le cycle turc des douze animaux // *T'oung Pao*. – 1906. – Vol. 2. – № 7. – P. 51-122.

Christian V.

- 1932: Die sprachliche Stellung des Sumerischen. – Paris, 1932. – 126 S.

Cincius V. I.

- 1965: Manchu -Tungus Data on the Word “Horse” // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1965. – Vol. X. – № 3-4. – P. 151-156.

Clark L. V.

- 1977: Mongol elements in Old Turkic? // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1977. – Vol. 75. – P. 110-168.
- 1978: On a Chuvash development *-D- // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1978. – Vol. 32. – P. 371-376.
- 1980: Turkic loanwords in Mongol. I: The treatment of non-initial *s, z, š, č* // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1980. – Vol. 24. – № 1-2. – P. 36-59.

Clauson G.

- 1931: The geographical names in the Staël – Holstein Scroll // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. – London, 1931. – P. 297-309.
- 1953: The case against the Altaic Theory // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1953. – Vol. II. – № 3. – P. 181-187.
- 1955: Turkish ghost words // *Journal of the Royal Asiatic Society*. – London, 1955. – P. 124-138.
- 1956 a: The Case against the Altaic Theory // *Central Asiatic Journal*. – The Hague; Wiesbaden, 1956. – Vol II. – № 3. – P. 181-187.
- 1956 b: A note on *Qapdan* // *Journal of the Royal Asiatic Society*. – London, 1956. – P. 73-77.
- 1957 a: The Ongin inscription // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. – London, 1957. – October. – P. 177-192.
- 1957 b: The Turkish *y* and related sounds // *Studia Altaica: Festschrift für Nikolaus Poppe zum 60. Geburtstag*. – Wiesbaden, 1957. – P. 33-45.
- 1957 b: Türkçe sözler üzerinde araştırmalar // *Jean Deni Armağanı*. – Ankara, 1957. – 67-70 s.
- 1959 a: The earliest Turkish loan words in Mongolian // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1959. – Vol. IV. – № 3. – P. 174-187.
- 1959 b: The Turkish numerals // *Journal of the Royal Asiatic Society*. – London, 1959. – April.
- 1960 a: Sanglax, a Persian guide to the Turkish language, by Muhammad Mahdī Xān: Facsimile text, with an introduction and indexes by Sir Gerard Clauson / *E. J. W. Gibb Memorial. New Series*. – 1960. – Vol. 20.
- 1960 b: The Turkish elements in 14-th century Mongolian // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1960. – Vol. V. – № 4. – P. 301-316.
- 1960 b: Turk, Mongol, Tungus // *Asia Major. New Series*. – London, 1960. – Vol. VIII. – № 5. – P. 105-123.
- 1961 a: Notes on the “lrk Bitig” // *Ural-Altische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1961. – Vol. 33. – № 3-4. – P. 218-225.
- 1961 b: The initial labial sounds in the Turkish languages // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies. University of London*. – 1961. – Vol. 24. – P. 298-306.
- 1961 b: Turkish and Mongolian studies. – London, 1961.

- 1962: The concept of “strength” in Turkish // *Németh Armağanı*. – Ankara, 1962. – P. 93-101.
- 1965: Turkish and Mongolian horses and use of horses: An etymological study. *Proceedings of the 7-th Meeting of the Permanent International Altaistic Conference, 29 August - 3 September, 1964 // CAJ*. 1965. – Vol. X. – № 3-4. – P. 162-163.
- 1967: Three notes on Early Turkish // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. – Belleten*. – Istanbul, 1966 (издан в 1967 г.). – P. 1-37.
- 1969: A Lexicostatistical appraisal of the Altaic theory // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1969. – № 13.
- 1971: Some notes on the inscription of Toftuquq // *Studia Turcica*. – Budapest, 1971. – P. 125-132.
- 1972: An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish. Oxford, 1972.
- 1973 a: Nostratic // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. – London, 1973.
- 1973 б: On the idea of Sumerian-Ural-Altaic Affinities // *Current Anthropology*. – London, 1973. – Vol. 14. – № 4. – P. 493-495.
- 1973 в: Phylogeny and archaeology // *Antiquity*. 1973. – Vol. 47.
- 1973 г: The Turkish - Khotanese Vocabulary reedited // *Zeki Velidi Togan'in armağanı. İslam Tetikleri Enstitüsü Dergisi*. – Ankara, 1973. – Vol. 5. – P. 37-45.
- 1975: The foreign elements in early Turkish // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 43-49. (*BOH, XX*).
- 1981: An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth Century Turkish: Index. / Redigunt P. Hajdú, T. Mikola et A. Róna-Tas. – Szeged, 1981. – Vol. I-II. (*SUA, 14-15*).

Clauson G., Tryjarski E.

- 1971: The inscription at Ikhe-Khushotu // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1971. – Vol. 34. – № 1. – P. 7-33.

Cleaves F. W.

- 1949 a: The Sino-Mongolian inscription of 1362 in Memory of Prince Hindu // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1949. – Vol. 12. – № 1-2. – P. 1-133.
- 1949 б: [Рец. на]: *Haenisch E. Die Geheime Geschichte der Mongolen*. – Leipzig, 1948 // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1949. – Bd. XII. – Hf. 3-4. – S. 503-510.
- 1950 a: The Sino-Mongolian edict of 1453 in Topkapı Sarayı müzesi // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1950. – Vol 13. – № 3-4. – P. 217-245.
- 1950 б: The Sino-Mongolian inscription of 1335 in memory of Chang Ying-jui // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1950. – Vol 13. – № 1-2. – P. 1-131.
- 1951 a: A chancellery practice of the Mongols // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. Cambridge (Massachusetts), 1951. – Vol 14. – № 3-4. – P. 493-526.
- 1951 б: The Sino-Mongolian inscription of 1338 in memory of Jigüntei // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1951. – Vol 14. – № 1-2. – P. 1-104.

- 1952: The Sino-Mongolian inscription of 1346 // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1952. – Vol 15. – № 1-2. – P. 1-123.
- 1954: The Bodistw-a čari-a awatar-un tayilbur of 1312 by Ğosgi Odsir // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1954. – Vol 17. – № 1-2. – P. 1-129.
- 1959: An early Mongolian version of the Alexander romance // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1959. – Vol 22. – P. 1-99.
- 1961: The Sino-Mongolian inscription of 1240 // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1961. – Vol. 23.
- 1964-1965: The lingji of Aruy of 1340 // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1964-1965. – Vol. 25.
- 1968: The colophon to the *Bolor erike* // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1968. – Vol. 28.
- 1982: The first chapter of an early Mongolian version of the Hsiao Ching // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1982. – Vol. 36. – № 1-3. – P. 69-88.

Collectanea Mongolica: Festschrift für Prof. Dr. Rintchen zum 60. Geburtstag. – Wiesbaden, 1966. (AFB. 17).

Collinder B.

- 1939: Reichstürkische Lautstudien. – Uppsala i Leipzig, 1939.
- 1940: Jukagirisch und Uralisch // *Uppsala Universitet Årsskrift*. – Uppsala, 1940. – Bd. VIII.
- 1941: Des Alter der Vokalharmonie in den uralischen Sprachen. – Uppsala, 1941.
- 1948 a: La parenté linguistique et le calcul des probabilités // *Språkvetenskapliga sällskapets i Uppsala förhandlingar. 1946-1948*. – Uppsala, 1948. – P. 1-24.
- 1948 b: Über des Problem der Verwandtschaft der uralaltaischen Sprachen. *Uppsala: Universitets Årsskrift*. – Uppsala, 1948.
- 1952: Uralaltaisch // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1952. – Bd. XXIV. – Hf. 3-4. – S. 1-26.
- 1954: Zur indo-uralischen Frage // *Språkvetenskapliga sällskapets i Uppsala förhandlingar. Uppsala Universitets Årsskrift*. – Uppsala, 1954. – Bd. 10.
- 1955: Finno-Ugric vocabulary: An etymological dictionary of the Uralic languages. – Stockholm, 1955.
- 1965: Hat des Uralische Verwandte? Eine sprachvergleichende Untersuchung // *Acta Universitatis Upsaliensis. Acta Societatis Linguisticae Upsaliensis. NS*. – 1965. – Hf. 1-4. – S. 109-180.

Cuni A.

- 1946: Invitation à l'étude comparative des langues indo-européennes et des langues chamito-sémitiques. – Bordeaux, 1946.

Çagatay S. Ş.

- 1950: Türk Lehçeleri Gernekleri. – Ankara, 1950.
- 1961: Die Bezeichnungen für Frau im Türkischen // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1961. – Bd. 33. – Hf. 1-2.
- 1963 a: Türkçede “kadin” için kullanılan sözcükler // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı – Belleten (1962)*. – Ankara, 1963.

- 1963 6: Türk Lehçeleri Gernekleri. – Ankara, 1963.
- Dankoff R.**
 - 1991: An Evliya Çelebi Glossary / *Published at the Department of Near Eastern Languages and Civilizations.* – Harvard, 1991.
 - 1995: Armenian Loanwords in Turkish. – Wiesbaden, 1995.
- Dankoff R., Kelly J.**
 - 1982-1985: Mahmud al-Kāşyarī. Compendium of the Turkic Dialects / *Harvard University Printing Office. Sources of the Oriental Languages and Literatures.* – 7. – Harvard, 1982-1985.
- Deguignes J.**
 - 1756-1758: Histoire Générale des Huns, des Turcs, des Mongols et des autres Tartares occidentaux. – Paris, 1756-1758. – Vol. 1-4.
- Deny J.**
 - 1921: Grammaire de la langue turque (dialecte osmanli). – Paris, 1921.
 - 1924: Langues turques, langues mongols et langues tongouses // *Les langues du monde.* – Paris, 1924 (2-e изд.: Paris, 1952).
 - 1952: Langues turques, langues mongoles et langues toungouses // *Les langues du monde. Par un groupe de linguistes sous la direction de A. Mellet et M. Cohen.* – Paris, 1952. – P. 322-330.
 - 1955: Principes de grammaire turc (“Turk” de Turquie). – Paris, 1955.
 - 1957: L’armeno-coman et les “Ephemerides” de Kamieniec (1604-1613). – Wiesbaden, 1957.
- Décsy Gy.**
 - 1965: Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. – Wiesbaden, 1965.
- Dien A. E.**
 - 1956: A possible early occurrence of Altaic *iduyan* // *Central Asiatic Journal.* – Wiesbaden, 1956. – Vol. II. – P. 12-20.
- Dilâçar A.**
 - 1953: Bati Türkçesi // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. – Belleten.* – Ankara, 1953. – 73-92 s.
 - 1969: Türk diline genel bir baş. – Ankara, 1964. – 264 s.
- Dilçin D.**
 - 1957: Arab alfabesine göre divanü lûgat-it-türk dizini // *Hazırlıyan Dehri Dilçin.* – Ankara, 1957. – 448 s.
- Diyarbakirli N.**
 - 1973: Kazakistan’da bulunan esik kurganı // *Cumhuriyetin 50. Yılına Armağan.* – İstanbul, 1973. – 291-304 s. + XIV levha.
- Doerfer G.**
 - 1957: Sur la langue des Afchars d’Afghanistan // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1957. – Vol. VII. – № 2-3.
 - 1963: Türkisch and Mongolian studies. – London, 1963.
 - 1963-1975: Türkische und mongolische Elemente in Neupersischen. – Wiesbaden, 1963-1975. – Bd. I-IV.
 - 1964: Langvokale im Urmongolischen? // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1964. – Bd. 65. – Hf. 4. – S. 3-21; II. – 1969. – Bd. 70. – Hf. 1. – S. 3-24.

- 1965: Zur ural-altaischen Sprachwissenschaft, 2 // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1965. – Bd. 36. – Hf. 1-2. – S. 174-178.
- 1966: Zur Verwandtschaft der altaischen Sprachen // *Zeitschrift zur Indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft*. – Berlin, 1966. – Bd. 71. – Hf. 1-2. – S. 81-123.
- 1967 a: Homologe und Analoge Verwandtschaft // *Indogermanische Forschungen*. – Berlin, 1967. – Bd. 72. – Hf. 1-2.
- 1967 b: Türkische Lehwörter im Tadschikischen. – Wiesbaden, 1967.
- 1967 v: Turkish *-n* > tschuwaschisch *-m* ? // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1967. – Bd. 39. – S. 53-70.
- 1968 a: Das Chaladsch eine archaische Türksprache in Zentralpersien // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Wiesbaden, 1968. – Bd. 118. – Hf. 1. – S. 79-112.
- 1968 b: Die Entsprechung der türkischen Langvocale im Tungusischen // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1968. – Bd. 40. – Hf. 1-2. – S. 39-49.
- 1968 v: Zwei wichtige Probleme der Altaistik // *Journal de la Société Finno-Ougrenne*. – Helsinki, 1968. – Bd. 69. № 4. – S. 15-21.
- 1969 a: Das Chaladsch eine neudentdeckte archaische Türksprache // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Wiesbaden, 1969. Supplementa I. – S. 719-725.
- 1969 b: Langvocale im Urmongolischen? // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1969. – Bd. 70. – Hf. 1. – S. 3-24.
- 1970: Langvocale im Urmongolischen? II. // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1970. – Bd. 71. – Hf. 1.
- 1971 a: Bemerkungen zur linguistischen Klassifikation // *Indogermanische Forschungen*. – Berlin, 1971. – Bd. 76.
- 1971 b: Bemerkungen zur Methodik der türkischen Lautlehre // *Orientalistische Literaturzeitung*. – Berlin, 1971. – Jahrg. 66. – № 7-8. – S. 325-344.
- 1971 v: Khalaj materials // *Indiana Universiti Publications. Uralic and Altaic Series*. – Bloomington, 1971. – Series 115.
- 1972: Bemerkungen Vokalismus des Monguor (Langvocale im Urmongolischen? III) // *Journal de la Société Finno-Ougrinne*. – Helsinki, 1972. – Bd. 73. – S. 36-94.
- 1973 a: Lautgesetz und Zufall. Betrachtungen zum Omnicomparatismus // *Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft*, 1973. – Bd. X.
- 1973 b: Tschuwaschisch **m* < urtürkisch **m* (> gemeintürkisch *-n*) // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1973. – Bd. 45. – S. 174-212.
- 1973 v: Zur Sprache der Hunnen // *Central Asiatic Journal*. – 1973. – Bd. 17. – S. 1-50.
- 1974: Ist des Japanische mit den altaischen Sprachen verwandt? // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Wiesbaden, 1974. – Bd. 124. – № 1.
- 1976: Proto-Turkic: Reconstruction problems // *Türk Dili Araştırmaları Yılılığı*. – *Belleten* (1975-1976). – Ankara, 1976. – P. 1-59.
- 1977: Des Chorassantürkische // *Türk Dili Araştırmaları Yılılığı*. – *Belleten*. Ankara, 1977. – S. 127-204.

- 1978: Zur Stellung des Chaladsch im Kreise der Türk Sprachen // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków. 1978. – Bd. 39. – Hf. 2. – S. 15-31.
- 1979: Oghusische Lehnwörter im Chaladsch // *Harvard Ukrainian Studies*. – Cambridge (Massachusetts), – 1979-1980. – Vol. III-IV. – S. 189-204.
- 1981-1982: Materialien zu türk. *h-* (1) // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1981. *N.F.* 1. – S. 93-191; (2) // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1982. *N.F.* 2. – S. 138-168.
- 1983: Chaladsch, Altirrkisch, Urtürkisch // *Sprachen des Buddhismus in Zentralasien*. – Wiesbaden, 1983.
- 1984 a: Prolegomena zu einer Untersuchung der dem Tungusischen und Mongolischen gemeinsamen Wörter // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1984. – Bd. 79.
- 1984 b: The problem of Rhotacism / Zetacism // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1984. – Vol. 28. – № 1-2. – P. 36-42.
- 1985 a: Mongolo-Tungusica // *Tungusica*, 3. – Wiesbaden, 1985.
- 1985 b: The Mongol-Tungus connections // *Language researches*. – Seoul, 1985. – Vol. XXI. – № 2.
- 1987 a: Ein Modell zur Klassifikation der Türk Sprachen // *Materialia Turcica (1985)*. – Bochum, 1987. – Bd. 11.
- 1987 b: Mahmūd al-Kāšyārī, Arju, Chaladsch // *Ural-Altäische Jahrbücher*. *N. F.* – Wiesbaden, 1987. – S. 104-114.
- 1988 a: Des Chorasantürkische // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı*. – Belleten (1977). – Ankara, 1988.
- 1988 b: Grundwort und Sprachmischung. Eine Untersuchung an Hand von Körperteilbezeichnungen // *Münchener Ostasiatische Studien*. – Stuttgart, 1988. – Bd. 47.
- 1996: Türkische Farbbezeichnungen und Pferdezucht // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1996. – S. 208-227.

Doerfer Arm.

- 1995: Belāk Bitig: Sprachstudien für Gerhard Doerfer zum 75. Geburtstag / Herausgegeben von M. Erdal und S. Tezcan. – Wiesbaden, 1995. (*Turcologica*, 23).

Doerfer G., Tezcan S.

- 1980: Wörterbuch des Chaladsch (Dialekt von Charrab). – Budapest, 1980. (*BOH*, 26).

Dolgopolsky A.

- 1984: On personal pronouns in the Nostratic languages // *Linguistica et Philologica. Gedenkschrift für Björn Collinder (1894-1983) / Ed. by O. Gschwantler, K. Rédei, H. Reichert*. – Vienna, 1984.

Donner O.

- 1901: Die ural-altäischen Sprachen // *Finnisch-ugrische Forschungen*. – Helsingfors; Leipzig, 1901. – Bd. I. – Hf. 1. – S. 128-146.
- 1924: Zu den ältesten Berührungen zwischen Samojuden und Türken // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1924. – Bd. 40. – S. 3-42.

Drüll D.

- 1980: Der Codex Cumanicus: Entstehung und Bedeutung. Geschichte und Gesellschaft. – Stuttgart, 1980.

Dumézil G.

- 1954: Remarques sur les six premiers noms de nombres du turc // *Studia Linguistica*. – 1954. – Vol. VIII. – № 1. – P. 1-15.

Dybo A.

- 1989: Methods in systemic reconstruction of Altaic and Nostratic lexics. // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. – М., 1989. – Part. I. – P. 196-209.
- 1995: Die Namen des Zeigefingers in den Türkischen und Altaischen Sprachen // *Türkische Laut- und Wortgeschichte*. – Berlin, 1995.

Eberhard W.

- 1948: Remarks on *şiralıya* // *Oriens*. – 1946. – Vol. I. – № 2 – P. 220-221.

Eckmann J.

- 1953: Kelime ortasında anorganik *b, p* ve *m'* nın türemesi // *Türkiyat Mecmuası*. – İstanbul, 1953. – Sayı X. – 313-320 s.
- 1955: Türkçede *d, t* ve *n* seslerinin türemesi // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı*. – *Belleten*. – Ankara, 1955. – 11-22 s.
- 1956: “Nehcü’ l-feradis” – Ankara, 1956. – I cild.
- 1963: Nehcü’ l-feradis’ in bilinmeyen bir yazması. – Ankara, 1963.

Emmerick R. E., Skjaervo P. O.

- 1982-1985: Studies in the vocabulary of Khotanese. – Wien, 1982. – Vol. 1; 1985. – Vol. 2.

Emre A. C.

- 1949: Türki lehçelerinin mukayeseli grameri: (ilk deneme). – I kitap: Fonetik. – İstanbul, 1949.
- 1951: Mémoire sur les relations généalogiques des langues turques et indo-européennes. – İstanbul, 1951. – 48 p.

Erdal M.

- 1977: Irk Bitig üzerine yeni notlar // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı*. – *Belleten*. – Ankara, 1977.
- 1991: Old Turkic Word Formation: A Functional Approach to the lexicon. – Wiesbaden, 1991. – Vol. I-II.

Ercilasun A. B.

- 1985: Orhun abidelerinin araştırılması ve muhtevası // *Türk Dili*. – Ankara, 1985. Mart, 399.

Eren H.

- 1941: Beiträge zur türkischen Wortworschung // *Körösi Csoma Archivum*. – Budapest, 1941. – Bd. 3. – S. 129-143.
- 1949: İkiz kelemerin tarihi hakkında // *Ankara Üniversitesi: Dil ve Tarih Coğrafya Fakültesi Dergisi*. – Ankara, 1949. – 7 cild. – 283-286 s.
- 1950: Sibiryä Türk dillerinde Moğolca unsurlar // *Türk Dili*. – *Belleten*. – Ankara, 1950. – Sayı 14-15. – 35-43 s.
- 1951: Sibiriya Türk dillerinde Moğol unsurları // *Türk Dili*. – *Belleten. Seri III*. – Ankara, 1951. – Sayı 14-15.
- 1952 a: Etymologische Untersuchungen // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1952. – Bd. 24. – S. 132-133.
- 1952 b: Zurufe an Tiere bei den Türken // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1951. – Bd. 24. – S. 134-137.

- 1954: Etimoloji arařtırmaları // *Türk Dili Arařtırmaları Yıllığı*. – *Belleten*. – Ankara, 1954. – 31-32 s.
 - 1959: Türkçede *-mm-* > *-mb-* dissimilation’u // *Türk Dili Arařtırmaları Yıllığı*. – *Belleten*. – Ankara, 1959. – 95-103 s.
 - 1962: Anadolu’da Kafkasya Türkleri // *Türk Dili Arařtırmaları Yıllığı*. – *Belleten*, 1961. – Ankara, 1962. – 319-357 s.
 - 1963: Caucasian Turkic Elements in the Anatolian Dialects // *Studia Caucasica*. – 1963. – Vol. I. – P. 93-126.
 - 1972: Le terme “altaïque” *sauya* “cadeau” // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1972. – Vol. 25. – P. 237-243.
 - 1979 a: Türk Dilinin Etymologique Sözlüğünden Yapraklar // *XVI. Milletlerarası Altaistik Kongresi (21-26. X. 1973. Ankara) bildirileri*. – Ankara, 1979. – 95-101 s.
 - 1979 b: Türklerde Ekinciligin Gelişmesine Katkıları // *Türkoloji Dergisi*. – Ankara, 1979. – Sayı 8. – 1-28 s.
 - 1982: Remarks on V. G. Egorov’s etymological dictionary of the Chuvash Language // *Studies in Chuvash etymology*. – Szeged: Atila Jozsef University, 1982. – P. 20-65.
 - 1990: Eski Türk İçkileri // *Üçüncü Milletlerarası Yemek Kongresi: Türkiye, 7-12 Eylül, 1989*. – Ankara, 1990. – 27-33 s.
 - 1993: Eski Türk İçkileri // *Dördüncü Milletlerarası Yemek Kongresi. Türkiye 3-6 Eylül, 1992*. – Ankara, 1993. – 105-108 s.
 - 1999: Türk Etimolojik Sözlüğü / 2 baskı. – Ankara, 1999. – 512 s.
- Ergin M.**
- 1963: Dede Korkut Kitabı. II cild: İndeks-gramer. – Ankara, 1963.
 - 1967: Türk dil bilgisi. – Sofya, 1967.
 - 1980: Kadi Burhareddin Divani. – İstanbul, 1980.
- Eurasia Nostratica:** Festschrift für K. H. Menges. Band I-II / *Herausgegeben von Gyula Décsy und Ch. D. Dimov-Bogoev*. – Wiesbaden, 1977. – Bd. I-II.
- Fazylov E. J.**
- 1975: Turkic languages in the works of oriental philologists (11th – 18th cc.) // *Reserches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 51-58.
- Felden F.**
- 1919: Ursprung der nichtgemein-indogermanischen Bestandteile der germanischen Sprachen // *Anthropos*. – 1919-1920. – Bd. 14-15.
- Ferrario B.**
- 1935: Della possibili parentela fra le lingue “altaische” et alcune Americane. // *Atti: del XIX Congresso Internazionale degli Orientalisti*. – Roma, 1935. – P. 210-223.
- Finch R.**
- 1987: Verb classes in the Altaic languages // *Sophia Linguistica*. – 1987. – Vol. 26.
- Fleischer H.**
- 1831: Catalogue codicum manuscritorum orientalium Bibliothecae regiae Dresdensis scripsit. – Lipsiae, 1831.

Fodor I.

- 1977: Bolgár-török jövevényszavaink és a régészet // *Magyar Őstörténeti Tanulmányok*. – Budapest, 1977. – 79-114 l.
- 1981: On the Earliest Hungaric-Turkic Contacts // *Studia Turco-Hungarica*. – Budapest, 1981. – Vol. 5. – P. 145-151.

Fokos-Fuchs D. R.

- 1960: Aus der Syntax der ural-altaischen Sprachen // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1960. – Bd. X. – S. 423-455.
- 1962: Rolle der Syntax in der Frage nach Sprachverwandtschaft mit besonderer Rücksicht auf des Problem der ural-altaischen Sprachverwandtschaft. – Wiesbaden, 1962.

Franke H.

- 1964: Mittelmongolische Kalenderfragmente aus Turfan // *Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. – München, 1964. – Bd. 2.

Fuchs D. R.

- 1934-1937: Finnugor-török mondatani egyezések // *Magyar Fegyelő*. – Bratislava, 1934-1937. – № 3-4. – 3-46 l.
- 1937 a: Übereinstimmungen in der Syntax der finnisch-ugrischen und türkischen Sprachen // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. – Helsinki, 1937. – Bd. 24. – Hf. 1-3. – S. 292-322.
- 1937 b: Übereinstimmende Lalivkonstruktionen in den finnisch-ugrischen und türkischen Sprachen // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1937. – Bd. 24.
- 1941: A finnugor és a török mondat ősi sajtáságai – Budapest, 1941.

Gabain A. von.

- 1935: Die uigurische Übersetzung der Biographie Hüen-tsang // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. – Berlin, 1935. – S. 151-180.
- 1938: Briefe der uigurischen Hüen-tsang-Biographie // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. – Berlin, 1938. – S. 371-415.
- 1941: Alttürkische Grammatik. – Leipzig, 1941.
- 1948: Alttürkisches Schrifttum // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. – Berlin, 1948.
- 1950 a: Alt-türkisches Schrifttum. – Berlin, 1950.
- 1950 b: Alttürkische Grammatik. – Leipzig, 1950.
- 1955: Alttürkische Datierungsformen // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1955. – Bd. 27. – S. 191-203.
- 1974: Alttürkische Grammatik. 3. Aufl. – Wiesbaden, 1974.
- 1976: Alt-türkische Texte in sogdischer Schrift // *Hungaro-Turcica: Studies in honour of Julius Németh*. – Budapest, 1976. – S. 69-77.
- 1979: Einführung in die Zentralasienkunde. – Darmstadt, 1979.

Gadzieva N. Z.

- 1975: The role of the Altaic languages in the reconstruction of the turkic syntactic archetype // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 59-65.

Gandjei T.

- 1957: “Mühabbat-nama” di Horazmi // *Annali*. – Napoli, 1957. – Vol. VII.

Gatton H.

- 1994: Des altaische Element in slavischen // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1994. – Bd. 39. – S. 63-88.

Gedanke und Wirkung: Festschrift zum 90. Geburtstag von Nikolaus Poppe. – Wiesbaden, 1989.

Georg S.

- 2001: Türkisch / Mongolisch *tengri* ‘Himmel, Gott’ und seine Herkunft // *Studia Etymologica Cracovensia*. – 2001. – Bd. 6.

Gluhak A.

- 1977: Nostratica // *Suvremena Linguistica*. – 1977. – 15/16. – C. 49-56.

Godziński S.

- 1985: Język średniomongolski: Słowotwórstwo. Odimiana wyrazów. Składnia. – Warszawa, 1985.

Golden P. B.

- 1979: Khazar Studies. – Budapest, 1979. (*BOH*, 1/1).
- 1992: An introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East – Wiesbaden, 1992. (*Turcologica*, Bd. 9).

Gombocz Z.

- 1905: Az altaji nyelvek hangtörténetéhez // *Nyelvtudomány Közlemények*. – Budapest, 1905. – 35 köt. – 241-284 l.
- 1908: Honfoglalás előtti török jövevényzavaink // *Magyar Nyelvtudományi Társaság Kiadványai*, 7. – Budapest, 1908. – IV + 108 l.
- 1912: Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. – Helsinki, 1912. – VIII + 254 S. (*MSFOu*, 30).
- 1912-1913: Zur Lautgeschichte der altaischen Sprachen // *Keleti Szemle*. – Budapest, 1912-1913. – Bd. XIII. – Hf. 1-2. – S. 1-37.
- 1915: Árpád-kori török személyneveink. – Budapest, 1915.
- 1917: Török jövevényzavainkhoz // *Magyar Nyelv*. – Budapest, 1917. – XIII köt. – № 3.
- 1926: A magyar történeti nyelvtan vázlat. IV. Jelentés. – Pecs, 1926.
- 1929: Observation sur le consonantisme des mots d'emprunt turcs en Hongrois. – Paris, 1929. – 80 p.
- 1960: Honfoglalás előtti bolgár-török jövevényzavaink. – Budapest, 1960.

Grönbeck K.

- 1936: Der türkische Sprachbau. – Kopenhagen, 1936. – 182 S.
- 1940: Der Akzent im Türkischen und Mongolischen // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Leipzig, 1940. – Bd. 94. – S. 375-390.
- 1942: Komanisches Wörterbuch. Türkischer Wortindex zu Codex Cumanicus. – Kopenhagen, 1942.
- 1948: Monumenta Linguarum Asia Maioris, 4: Rabghuzi. Narrationes de prophetis. – Kopenhagen, 1948.
- 1963: Der türkische Sprachbau. – Kopenhagen, 1963. – Bd. I.

- 1979: Preliminary studies in Turkish Phonology / *Translated from the Danish by John Krueger.* – Bloomington, 1979.
- Grönbech K., Krueger J. R.**
 - 1955: An introduction to classical (literary) Mongolian. – Wiesbaden, 1955.
- Grönbech V.**
 - 1902: Forstudier til tyrkisk lydhistorie. – København, 1902. *Пер. на нем. см.: Keleti Szemle.* – Budapest, 1903. – 4 köt. – 114-125, 229-240 l.
- Grünzel J.**
 - 1888: Die Vokalharmonie der altaischen Sprachen // *Sitzungsberichte der Wiener Academie der Wissenschaften: Philosophisch-historische Klasse.* – Wienn, 1888. – Bd. 117. – III. Abt. – S. 1-42.
 - 1890: Zur Phonetik der altaischen Sprachen // *Internationalische Zeitschrift für vergleichende Sprachwissenschaft.* – Berlin, 1890. – Bd. V.
 - 1895 a: Die Vocalharmonie der altaischen Sprachen. – Wien, 1895.
 - 1895 6: Entwurf einer vergleichenden Grammatik der altaischen Sprachen, nebst einem vergleichenden Wörterbuch. – Leipzig, 1895. – 90 S.
- Gülensoy T.**
 - 1975: Moğolların Gizli Tarihi'ndeki Türkçe kelimeler üzerine bir deneme // *Türkoloji dergisi* – Ankara, 1975. – Sayı V. – 93-135 s.
- Györffy Gy.**
 - 1961: A magyar östörténet néhány kérdéséről // *Történelmi Szemle.* – 1961. – IV köt. – 417-425 l.
 - 1990: A magyarság keleti elemei (*Die östlichen Elemente des Ungarischen*). – Budapest, 1990.
- Haenisch E.**
 - 1937: Manghol un niuca tobca'an. Die Geheime Geschichte der Mongolen. – Leipzig, 1937.
 - 1939: Wörterbuch zu Manghol- un Niuca Tobca'an (Yüan-Ch'ao Pi-Shi), Geheime Geschichte der Mongolen. – Leipzig, 1939.
 - 1948 a: Die Geheime Geschichte der Mongolen: Aus einer mongolischen Niederschrift des Jahres 1240 von der Insel Kode'e im Kerulen-Fluß. – Leipzig, 1948.
 - 1948 6: Die Geheime Geschichte der Mongolen: Zweiter verbesserte Auflage. – Leipzig, 1948.
 - 1949: Zu den Briefen der mongolischen Il-khane Argun und Öljeitü an den König Philipp den Schönen von Frankreich (1289 u. 1305) // *Oriens.* – 1949. – Bd. II. – Hf. 2. – S. 216-235.
 - 1950 a: Grammatische Besonderheiten in der Sprache des Mongol-un Niuča Tobča'an // *Studia Orientalia.* – Helsinki, 1950. – Bd. XIV. – Hf. 3.
 - 1950 6: Sino-Mongolische Dokumente vom Ende des 14 Jh. – Berlin, 1950.
 - 1952: Sino-Mongolische Dokumente vom Ende des 14 Jahrhunderts // *Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Jahrgang 1950.* – Berlin, 1952. – Bd. IV.
 - 1957: Sinomongolische Glossare. I: Das Hua- Ī ih- yü // *Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Jahrgang. 1956.* – Berlin, 1957. – № 5.

- 1958: Mongolische Texte der Berliner Turfan-Sammlung // *Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst.* – Berlin, 1958. – Gruppe C. Literarisches und Amtliches. – № 1.
- 1962 a: Manghol un niuca tobca'an / *Die geheime Geschichte der Mongolen.* – Wiesbaden, 1962.
- 1962 6: Wörterbuch un Manghol un Niuca tobca'an. (Yuan-chao pi-shi). *Geheime Geschichte der Mongolen.* – Wiesbaden, 1962.
- Halasi Kun T.**
 - 1940: Die Mamluk-kiptschakischen Sprachstudien und die Handschriften in Istanbul // *Körösi Csoma Archivum.* – Budapest, 1940. – Bd. 3. – S. 76-83.
 - 1950: Orta Kıpçakça q-, k- > ø Meselesi // *Türk Dili ve Tarihi Hakkında Araştırmalar.* – Ankara, 1950. – 1 cild. – 45-61 s.
 - 1975: Kipchak philology and the Turkic loanwords in Hungarian // *Archivum Eurasia Medii Aevi.* – Budapest, 1975. – Vol. I. – P. 133-210
- Halevy J.**
 - 1906: Nouvelles considérations sur le cycle turc des animaux. // *T'oung Pao.* Leiden, 1906. – Vol. VII.
 - 1901: L'étroite parenté des noms de nombre turco-ougriens // *Keleti Szemle.* – Budapest, 1901. – Vol. II. – P. 5-18, 91-108.
- Hambis L.**
 - 1946: Grammaire de la langue mongole écrite. – Paris, 1946. – Pt. 1.
 - 1960: À propos de la "Pierre de Gengis-Khan" // *Mélanges de l'Institut des Hautes Études Chinoises.* – Paris, 1960. – Vol. II. – P. 141-157.
 - 1970: L'Histoire des Mongols avant Gengis-Khan d'après les sources chinoises, et la documentation conserve par Rashid-ud-din // *Central Asiatic Journal.* – Wiesbaden, 1970. – Vol. 14. – № 1-3.
- Hamp E. P.**
 - 1970: On the Altaic numerals // *Studies in general and Oriental linguistics: Presented to S. Hattori on the occasion of his sixtieth birthday / Ed. by R. Jakobson and S. Kawamoto.* – Tokyo, 1970.
 - 1975: The altaic non-obstruents // *Researches in Altaic Languages.* – Budapest, 1975. – P. 67-70.
- Handbuch der Orientalistik:** Erste Ateilung, der nahe und der mittlere Osten. Fünfter Band: Altaistik; Erster Abschnitt; Türkologie. – Leiden; Köln, 1963.
- Hansen O.**
 - 1940: Tocharisch-iranische Beziehungen Morgenländischen Gesellschaft. – Leipzig; Wiesbaden, 1940. – Bd. 94. – Hf. 3.
- Harmatta J.**
 - 1972: Irano-Turcica // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1972. – Bd. 35. – Hf. 1-3. – S. 263-273.
- Hattori Sh.**
 - 1948 a: The relationship between Japanese and the Luchuan, Korean and Altaic Languages // *The Japanese journal of ethnology.* – Tokyo, 1948. – Vol. XIII. – № 3.

- 1948 6: The relationship of Japanese to the Ryū- Kyū, Korean and Altaic Languages // *Transaction of the Asiatic Society of Japan. Yokogama. Serie 3.* – Tokyo, 1948. – Vol. 1. – P. 101-133.
- 1953: О методе глоттохронологии и временной глубине [японского языка] в прааппонском языке // *Гэнго кэнкю.* 1953.
- 1955: Глоттохронологическое исследование трех окинавских диалектов // *Миндзокугаку кэнкю.* – 19. – 1955.
- 1959: The length of Vowels in Proto-Mongol // *Studia Mongolica Instituti Linguae et Litterarum Comitetti Scientiarum et Educationis Altae Republicae Populi Mongoli.* – Ulaanbaator, 1959. – Vol. I. – № 12. – P. 3-8.
- 1961: The Length of Vowels in Proto-Mongol // *Олон улсын монгол хэл бичгийн эрдэмтний анхдугаар их хурал.* – Улаанбаатар, 1961. – 2 дэвтэр.
- 1970: The length of vowels in Proto-Mongol // *Mongolian Studies.* / Ed. by L. Ligeti. – Budapest; Amsterdam, 1970. (*BOH, XIV*).
- 1972: Initial Plosives of Proto-Mongolian and their Later Developments with Two Additional Remarks // *Sciences of Language.* – Tokyo, 1972. – Vol. 3.
- 1982: Vowel harmonies of the Altaic languages, Korean and Japanese // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1982. – Vol. 36. – P. 207-214.
- 1983: Vowel harmonies of consonant harmony? / *Documenta Barbarorum: Festschrift für W. Heissig zum 70. Geburtstag.* – Wiesbaden: Harrassowitz, 1983. – P. 196-207.

Hattori Arm.

- 1970: Studies in General and Oriental Linguistics: Presented to Shirō Hattori on the Occasion of his sixtieth Birthday / Ed. by R. Jakobson and S. Kawamoto. – Tokyo, 1970.

Haussig H. W.

- 1988: Überlegungen zum namen der Türken // *Turcica and Orientalia [Jarving Fesyschrift] Swedish research Institute in Istanbul. Transactions I.* – Stockholm, 1988. – S. 45-50.

Hazai Gy. (ed.)

- 1990: Handbuch der türkischen Sprachwissenschaft. – Wiesbaden; Budapest, 1990. – Bd. 1. (*BOH, XXXI*).

Hazai G., Zieme P.

- 1970: Zu einige Fragen der Bearbeitung türkischer Sprachdenmäler // *Acta Orientalia Havniae.* – Bd. 32. – S. 125-140.

Heikel H.J.

- 1918: Altertümer aus dem Tale des Talas in Turkestan // *Travaux ethnographiques.* – Helsinki, 1918. – Bd. VII.

Helimski E. A.

- 1984: A distinctive feature which became a phoneme: the case of Monguor // *5th International Phonology Meeting. Abstracts.* – Wien, 1981.

Henning W. B.

- 1949-1950: The name of the «Tokharian» language // *Asia Major. N.S.* – London, 1949-1950. – Vol. 1. – P. 158-162.

Hirosato İwai.

- 1955: The word *pieh - ch'i, beki* and Mongol shamans // *Memoirs of the Research Department of the Toyo Bunko*. – 1955. – Vol. XIV. – P. 71-79.
- Hommel Fr.**
 - 1884a: Die Sumero-akkader ein altaisches Volk. – Ausland, 1884.
 - 1884b: Die sumero-akkadische Sprache und ihre Verwandtschaftsverhältnisse // *Zeitschrift für Keilschriftforschung*. – Leipzig, 1884. – Bd. 1.
 - 1915: Zweihundert sumero-türkische Wortgleichungen. – München, 1915.
 - 1926: Ethnologie und Geographie des alten Orients. – München, 1926.
- Horn P.**
 - 1898-1901: Grundriß der neupersischen Etymologie. – Straßburg, 1898-1901.
- Houtsma M. Th.**
 - 1889: Ein alttürkische Gedicht // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Leipzig, 1889.
 - 1894: Ein türkisch-arabisches Glossar. Nach der Leidener Handschrift. – Leiden, 1894.
- Hovdhaugen E.**
 - 1971: Turkish words in Khotanese texts: A linguistic analysis // *Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap*. – 1971. – Vol. 24. – P. 163-209.
 - 1975: The Mongolian suffix *-lig* and its Turkic origin // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 71-77.
- Hovorth H.**
 - 1874: History of the Mongols from the 9-th to the 19-th Century. – London, 1874.
- Hřebíček L.**
 - 1975: The phonemic structure of the first syllable in several Turkic languages // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 79-82.
- Hungaro - Turcica:** Studies in Honour of Julius Németh. – Budapest, 1976.
- İnan A.**
 - 1953: XIII–XIV yüzyıllarda Mısırdaki oğuz-kıpçak lehçeleri ve “Halıs Türkçe” // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı* – Ankara, 1953.
- Isbaret L.**
 - 1983: Der Beitrag der indischen Lehrwörter zu Problemen der tocharischen Phonologie: *Sprachen des Buddhismus in Zentralasien*. Ed. By K. Röhrborn and W. Veenker. – Wiesbaden, 1983. – S. 35-43.
- Iwamura Sh.**
 - 1961: The Zirmi manuscript. A Persian-Mongolian glossary and grammar by Shinoby Iwamura. – Kyoto, 1961.
- Jakobson R., Hüttl-Worth G., Beebe J.**
 - 1957: Paleosiberian peoples and languages. – New Haven, 1957.
- Janhunen J.**
 - 1977: Samoyed-Altai contacts. Present state of research // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1977. – Vol. 158. – P. 123-129.
 - 1991: On breaking in Mongolic / *Altaica Osloensia. Proceedings from the 32-nd Meeting of the Permanent International Altaistic Conference. Oslo, June 12-16, 1989*. – Oslo, 1991, – P. 181-191.

On the interaction of Mator with Turkic, Mongolic, and Tungusic // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki. – Vol 82.

Jarring G.

- 1933: Studien zu einer osttürkischen Lautlehre. – Lund; Leipzig, 1933.
- 1941: Zurufe an Tiere bei den Osttürken: Die Welt des Islams. Sonderband. / *Festschrift Friedrich Giesr.* – Leipzig, 1941. – S. 46-52.
- 1964: An Eastern Turki-English dialect Dictionary. // *Lund Universitetets Årsskrift N.F.* – Lund, 1964. – Avd. 1 – Bd. 56. – № 1.
- 1974: Swedish relations with Central Asia and Swedish Central Asian research // *Asian Affairs*. – 1974. – Vol. 61. – № 5. – P. 257-266.
- 1997: Central Asian Turkic place-names – *Lop Nor and Tarim Area // An Attempt at Classification and Explanation Based on Sven Hedin's Diaries and Published Works...* – Stockholm, 1997. – 526 p.

Jarring Arm.

- 1988: Turcica et Orientalia: *Studies in honour of Gunnar Jarring on his eightieth birthday 12 October 1987.* – İstanbul, 1988.

Jensen M.

- 1936: Indogermanisch und Altaisch // *H. Hirt Festschrift.* – Heidelberg, 1936. – Bd. II. – S. 125-131.

Johanson L.

- 1979: Alttürkisch als “dissimilierende Sprache” – Wiesbaden, 1979.
- 1990: Zu den Grundfragen einer kritischen Altaistic // *Wiener für Kunde Des Morgenlandes.* – 1990. – № 80. – S. 103-124.

Joki A. J.

- 1952: Die Lehnwörter des Sajansamojedischen. – Helsinki, 1952. (*MSFOu*, 103.)
- 1953: Wörterverzeichnis der Kyzyl-Sprache. – Helsinki, 1953.
- 1964: Der wandernde Apfel // *Studia Orientalia.* – Helsinki, 1964. – Bd. 28. – Hf. 12.
- 1973: Uralier und Indogermanen: Die alten Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen. – Helsinki, 1973. (*MSFOu*, 151).
- 1977: Die Tungusen und ihre Kontakte mit anderen Völkern // *Studia Orientalia.* – Helsinki, 1977. – Bd. 47. – S. 109-117.

Juhász Í.

- 1985: A szarvasi avar kori rovásírásos tütartó // *Magyar tudomány.* – 1985. – 2 köt. – 92-95 l.

Jyrkänkallio P.

- 1950: Übersicht über die türkischen Völker unzerer Zeit // *Studia Orientalia.* – Helsinki, 1950. – Bd. XIV. – Hf. 10. – S. 3-30.

Kakuk Zs.

- 1962: Un vocabulaire salar // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1962.
- 1976: Zur Frage des tschuwaschischen -n und -m // *Tractata Altaica.* – Wiesbaden, 1976. – S. 325-335.

Kalużyński St.

- 1959: Miejsce języka jakutskiego w grupie tureckiej i jego stosunek do pozostałych języków altajskich // *Polska Akademia Nauk Sprawozdania z prac naukowych wydziału nauk społecznych. II.* – Warszawa, 1959. – T. I. – S. 55-59.
- 1961: Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache. – Warszawa, 1961.
- 1962: Jakutische Worforschungen: Einsilbige Stämme // *Central Asiatic Journal.* – Wiesbaden, 1962. – Bd. 7 – S. 179-191.
- 1965: Zur Frage der *i* – Brechung im Mongolischen // *Ural-Altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1965. – Bd. 36. – Hf. 3-4. – S. 340-347.
- 1977: Einige jakutische Etymologien // *Studia Orientalia.* – Helsinki, 1977. – Bd. 47. – S. 121-130.
- 1982: Einige tungusische Lehrwörter im Jakutischen // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1982. – Bd. 35. – S. 261-269.
- 1983: Dawni mongolowie. – Warszawa, 1983.

Kannisto A.

- 1925: Die tatarischen Lehnwörter im Wogulischen // *Finnisch-Ugrische Forschungen.* – Helsinki, 1925. – Bd. 17. – 264 S.

Kara G.

- 1959: Notes sur les dialectes oirat de la Mongolie occidentale // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1959. – Vol. 8. – Fasc. 2. – P. 111-168.
- 1964: L'inscription mongole d' Aruy, prince Yun-nan // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1964. – Vol. 17. – Fasc. 2.
- 1965: Le dictionnaire étymologique de la langue mongole // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1965. – Vol. 18. – Fasc. 1-2.

Karça R., Koşay H. Z.

- 1954: Karaçay-malkar türklerinde hayvancılık ve bununla ilgili gelenekler. – Ankara, 1954.

Kellgren H.

- 1847: Die Grundzüge der finnischen Sprache mit Rücksicht auf den ural-altäischen Sprachstamm. – Berlin, 1847.

Kazak türkçesi sözlüğü. – İstanbul, 1984. – 328 s.

Kenesbaew S., Sarybaew Sch.

- 1975: Kasachisch-mongolische lexikalische Vergleiche in der Verwandtschaftsterminologie und in den Namen der Körperteile // *Researches in Altaic languages.* – Budapest, 1975. – S. 83-90.

Kiehnle C.

- 1979: Vedisch *uks* und *ukş / vaks*. Wortgeschichtliche und exegetische Untersuchungen // *Alt- und Neu-Indische Studien.* – Wiesbaden, 1979. – Bd. 21.

Ki – Moon Lee.

- 1964: Mongolian loanwords in Middle Korean // *Ural-Altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1964. – Vol. 35. – P. 188-197.

Klaproth J.

- 1823: Asia Polyglotta. Paris, 1823; 2-e uzđ. – Paris, 1831 +Sprachatlas.
- 1826: Tableaux historiques de l'Asie. – Paris, 1826.

Kljashorny S. G.

- 1989: The date of the ancient inscriptions of Semirechie // *Altaica Osloensia: Proceedings from the 32-nd Meeting of the Permanent International Altaistic Conference. Oslo, June 12-16.* – Oslo, 1989.
- Kljashorny S. G., Livšic V. A.**
 - 1972: The Sogdian inscription of Bugut revised // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1972. – Vol. 26. – № 1. – P. 86-89.
- Kljashorny S. G., Vásáry I.**
 - 1987: A runic inscription on a bull-skull from the Volga region // *Between the Danube and the Caucasus: Oriental sources on the history of the people of South-Eastern and Central Europe.* – Budapest, 1987. – P. 171-179.
- Kollinder B.**
 - 1955: Remarks on linguistic affinity // *Ural-altaische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1955. – Vol. 27. – № 1-2.
- Koppers W.**
 - 1943: Halk bilgisi ve Cihânşümül tarih tetkiki karşısında öz Türklük ve öz İndo-Cermenlik // *İkinci Türk Tarih Kongresi.* – İstanbul, 1943.
- Korsch Th.**
 - 1912: Türkische Etymologien // *Festschrift Wilhelm Thomsen.* – Leipzig, 1912. – S. 198-201.
- Koşay H. Z.**
 - 1952: Kore Dilinde Türkçe ile Müşterek Unsurlar. – İstanbul, 1952.
 - 1962: Türkiye Halk Dilindeki Yemek Adları // – *Németh Armağanı.* – Ankara, 1962. – 289-317 s.
- Kotwicz W.**
 - 1928a: Mongol terms of orientation // *Rocznik Orientalistyczny (1926)* – Kraków, 1928. – Vol. IV.
 - 1928b: O chronologii mongolskiej // *Rocznik Orientalistyczny (1926)* – Lwow, 1928. – T. IV. – S. 135-137.
 - 1929: Sur les modes d'orientation en Asie Centrale // *Rocznik Orientalistyczny* – Kraków, 1929. – Vol. 5. – P. 68-91.
 - 1931: Contributions aux études altaïques. I: (Notice preminaire); II: (Les noms de nombres); III: (Les noms de couleurs) // *Rocznik Orientalistyczny.* – Lwów; Kraków, 1931. – Vol. 7. – P. 130-234. Odb. Lwów, 1930. – 105 p.
 - 1932: Contributions aux études altaïques. A: Les terms concernant le service des relais postaux. B: Les titres priciers: turc. *bäg*, mo. *begi*, ma. *bejle*. – Wilno, 1932. – 54 p. (*CO, № 2*).
 - 1933: Les éléments turcs dans la langue mandchou // *Rocznik Orientalistyczny.* – Kraków, 1933. – Vol. XIX.
 - 1934a: Les pronoms dans les langues altaïques // *Prace Komisji Orientalistycznej Polskiej Akademji Umietności.* – Warszawa. 1934. – № 24. – 80 p.
 - 1934b: O systemie zaimków osobowych w językach altajskich // *Zjazdy Orientalistów Polskich. III – Kraków – 1933; IV – Lwów – 1934.* – Wilno, 1934. – S. 54-55. (*CO, № 6*).
 - 1935: O zaimkach 3-ciej osoby w językach altajskich // *V zjazd Orientalistów Polskich.* – Warszawa, 1935. Streszczenie referatów. – Lwów, 1935. – S. 17-19. (*CO, № 7*).

- 1936a: Contributions aux études altaïques. IV. Sons intercalaires; – V. *n* nominal // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1936. – Vol. XII. – P. 22-142.
- 1936b: Les pronoms dans altaïques. – Kraków, 1936.
- 1937: Z badań nad językami altajskimi // *VI Zjazd Orientalistów Polskich*. – Wilno, 1937. Streszczenie zgłoszonych referatów. – Lwów, 1937. – 13 s. (*CO*, № 11).
- 1938: Kilka uwag o turecko-mongolskich analogiach językowych // *VII Zjazd Orientalistów Polskich*. – Kraków, 1938. Streszczenie referatów. – Lwów, 1938. – 5s. (*CO*, № 13).
- 1939a: Les éléments turc dans la langue mandchoue // *Rocznik Orientalistyczny*. – Lwów, 1939. – Vol. 14. – P. 91-102.
- 1939b: La langue mongole, parlée par les Ouïgours Jaunes près de Kantecheou. D'après les matériaux recueillis par S.E. Malov et autres voyageurs. – Wilno, 1939. – 38 p. (*CO*, № 16).
- 1949: Contributions à l'histoire de l'Asie Centrale // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1949. – Vol. 15. – P. 159-195.
- 1951: Studia nad językami altajskimi / Wyd. Marian Lewicki // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1951. – T. 16. – S. 1-318.
- 1952a: Contributions aux études altaïques. A-B. [Wyd. II] // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1952. – Vol. 16. – P. 327-368.
- 1952b: La langue mongole, parlée par les Ouïgours Jaunes près de Kantecheou. D'après les matériaux recueillis par S.E. Malov et autres voyageurs. [Wyd. II] // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1952. – Vol. 16. – P. 445-465.
- 1953a: Contributions aux études altaïques. A: Les termes concernant le service des relais postaux // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1953. – Vol. 16. – P. 327-355.
- 1953b: Contributions aux études altaïques. B: Les titres princiers: turc *bäg* mo. *begi* et ma *beile* // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1953. – T. 16. – P. 355-368.
- 1953c: En marge des lettres des il-khans de Perse retrouvées par Abel-Rémusat // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1953. – Vol. 16. – P. 369-404.
- 1953d: La langue mongole parlée par les Ouïgours Jaunes près de Kantecheou // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1953. – Vol. 16. – P. 435-465.
- 1953e: Les Mongols, promoteurs de l'idée de paix universelle au début du XIIIe siècle // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1953. – Vol. 16. – P. 428-434.
- 1953f: Quelques mots encore sur les lettres des il-khans de Perse retrouvées par Abel-Rémusat // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1953. – Vol. 16. – P. 405-427.
- 1953g: Studia nad językami altajskimi. [Wyd. Marian Lewicki] // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1953. – T. 16. – S. 1-314.

Kotwicz W., Samoïlovitch A.

- 1928: Le monument turc d'Ikhe-Khuchotu en Mongolie centrale. I: Description du monument // *Rocznik Orientalistyczny (1926)* – Lwów; Kraków, 1928. – Vol. 4. – P. 60-92.

Kowalewski J. T.

- 1844-1849: Dictionnaire mongol-russe-français. – Kazan, 1844-1849. – Vol. I-III.

Kóhalmi K. U.

- 1953: Über die pfeifenden Pfeile der innerasiatischen Reiternomaden // *Acta Orientalia Akademiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1953. – Bd. 3. – S. 45-71.
- 1956a: Der Pfeil bei des innerasiatischen Reiternomaden und ihren Nachbarn // *Acta Orientalia Akademiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1956. – Bd. 6. – S. 109-161.
- 1956b: Egy uráli eredetű vándorszó a mandzsu-tunguzban és a mongolban // *Pais emlékkönyv*. – Budapest, 1956. – 652-655 l.
- 1971: Drei alte innerasiatische Benennungen des Waffengürtels // *Studia Turcica*. – Budapest, 1971. – S. 267-279.

Köprülü M. F.

- 1938: Zur Kenntnis der alttürkischen Titulatur // *Kőrösi Csoma Archivum*. – Budapest, 1938. – I Ergänzungsband. – Hf. 2. – S. 327-344.

Krader L.

- 1955: *Qan ~ Qayan* and the beginning of Mongol kingship // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1955. – Vol. 1. – P. 17-35.
- 1962: Ethnonym of Kazakh // *American Studies in Altaistic Linguistics*. – 1962. – P. 123-128.
- 1963: Social Organisation of the Mongol-Turkic Pastoral Nomads // *Indiana University Publications: Uralic and Altaic Series*. – 1963. – Vol. 20.

Krámský J.

- 1956: Über den Ursprung und die Function der Vokalharmonie in den uralaltaischen Sprachen // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Wiesbaden, 1956. Bd. 106. – S. 117-134.

Krueger J. R.

- 1978-1981: Materials for an Oirat-Mongolian to English citation dictionary. – Bloomington, 1978-1984. – Vol. – 1-3.
- 1980: Introduction to Kazakh. – Bloomington: Indiana University, P. 1980 – 120.

Kwon Hyogmion.

- 1962: Des Koreanische Verbum vergleichen mit dem altaischen und japanischen Verbum. – München, 1962.

Lane G. S.

- 1967: On the irrelationship of the Tocharian dialects // *Studies in historical linguistics in honour of George Sherman Lane. University of North Carolina Studies in the Germanic Languages and Literatures*. – 1967. – № 58. – P. 105-134.

Laude – Cirtautas Ī.

- 1961: Der Gebrauch der Farbbezeichnungen in den Türkadialekten. – Wiesbaden, 1961. (*UAB, X*).
- 1974: The Past tense in Kazakh and Uzbek as a means of emphasising present and future actions // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1974. – Vol. 18. – P. 149-158.
- 1975: Uzbek female folk healers // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 91-98.

- 1976: Preliminary notes on taboo and euphemism in Kazakh, Khirgiz and Uzbek // *Altaica Collecta* / Hrsg. W Heissig. – 1976. – P. 173-190.
- 1979: Terms of endearment in the speech of the Khazak elders // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1979. – Vol. 23. – P. 84-95.

Laufer B.

- 1901: Zur Entstehung des Genitives der altaischen Sprachen // *Keleti Szemle*. – Budapest, 1901. – Bd. 2. – S. 133-138.
- 1907: Skizze der mongolischen Literatur // *Keleti Szemle*. – Budapest, 1907. – Bd. VIII. – S. 165-261.
- 1919: Sino-Iranica. Chinese Contributions to the History of Civilization in Ancient Iran // *Field Museum. Anthropological Series*. – Chicago, 1919. – Vol. XV. – № 3. – 630 p.
- 1921: Jurči and Mongol Numerals // *Kőrösi Csoma Archivum*. – Budapest, 1921. – Vol. 1. – P. 112-115.

Laut- und Wortgeschichte der Türk Sprachen. Beiträge des Internationalen Symposiums. – Berlin, 1995.

Le Coq A. von.

- 1909: Köktürkisches auf Turfan // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften Philologische-historische Klasse*. – Berlin. 1909. – Bd. 41. – S. 1047-1059.
- 1910 (1911): Chuastuanift, ein Sündenbekenntnis der Manichäischen Auditoren. – Berlin, 1910 (1911).
- 1912a: Ein manichaisches Buch-Fragment aus Chotscho // *Festschrift für V. Thomson*. – Leipzig, 1912. – S. 145-154.
- 1912b: Türkische Manichaica aus Chotscho: I // *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Anhang., 1911*. – Berlin, 1912. – S. 3-61.
- 1912-1922: Türkische Manichaica. – Berlin, 1912-1922. – Bd. I-III.
- 1919a: Kurze Einführung in die uigurische Schriftkunde // *Mitteilungen des Seminars für orientalische Sprachen*. – Leipzig; Berlin, 1919. – Bd. 22. Abt. II. – S. 93-109.
- 1919b: Türkische Manichaica aus Chotscho: II // *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften*. – Berlin, 1919. – Bd. 3. – S. 3-15.
- 1926: Auf hellas Spuren in Osttürkistan. – Leipzig, 1926.

Lee Ki-Moon.

- 1958: A comparative study of Manchu and Korean // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1956. – Vol. 30.
- 1963: A genetic view on Japanese // *Schösen gakuho*. – 1963. – Vol. 27. – P. 94-109.
- 1964: Mongolian Loan-Words in Middle Korean // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1964. – Vol. 35. – P. 188-197.

Lessing F. D.

- 1960: Mongolian-English dictionary. / Compiled by Haltod M., Hangin J.G, Kassatkin S. and Lessing F. D. – Berkeley and Los-Angeles, 1960.

Levin B.

- 1976: Japanese and Korean: The Problems and History of a Linguistic Comparison // *The Journal of Japanese Studies*. – 1976. – Vol. 2. – № 2.

Lewicki M.

- 1937: Les inscriptions mongoles, inédites en écriture carree. – Wilno, 1937. (*Collectanea Orientalia*, № 12).
- 1938: Przyrostki przysłówkowe *-ra ~ -rā, -ru ~ -rū, -rī ~ -ri* w językach altajskich. a. – Wilno, 1938. (*Collectanea Orientalia*, № 15). – 37 s.
- 1949a: La langue mongole des transcriptions chinoises du XIVe siècle. Le Houa-yi yi-yu de 1389. – Wrocław, 1949.
- 1949b: Turcica et Mongolica, I: Turc. *suu*, mongol *su ~ sü* // *Rocznik Orientalistyczny* (1939-1949). – Kraków, 1949. – Vol. XV.
- 1949b: Turcica et Mongolica, 4: Moyen-mongol *xaxarxai, xaxas*, turc. *qaqaz, qayaz* // *Rocznik Orientalistyczny* (1939-1949). – Lwów; Kraków, 1949. – Vol. XV. – P. 239-267.
- 1949c: Turcica et Mongolica, 6: Mongol *-msar ~ -msār*, turc *-msziz ~ -msiz* // *Rocznik Orientalistyczny* (1939-1949). – Kraków, 1949. – Vol. XV.
- 1959: La langue mongole des transcriptions chinoises du XIVe siècle. Le Houa-yi yi-yu de 1389. – Bd. II: Vocabulaire-Index. – Wrocław, 1959.

Ligeti L.

- Les anciens éléments mongols le mandchou // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest. – Vol. X. – P. 234-248.
- 1925: Die Herkunft des Volksnamens *Kirgiz* // *Kőrösi Csoma Archivum*. – Budapest, 1925. – Bd. 1. – S. 369-383.
- 1935: Mongolos jövevényszavaink kérdése // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1935. – 49 köt. – 190-271 l.
- 1938: Les voyelles langues en turc // *Journal Asiatique*. – Paris, 1938. – Vol. 230. – P. 177-204.
- 1949: L'étymologie mongole du slave *chorqgy* 'drapeau' // *Études Slaves et Roumaines*. – 1949. – Vol. 2 – P. 45-56.
- 1950: Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1950. – Vol. 1. – P. 141-188.
- 1950-1951: Mots de civilisation de Haute Asie en transcription chinoise // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1950-1951. – Vol. 1. – № 1. – P. 141-188.
- 1953a: Az uráli és altaji nyelvek viszonyának kérdése. *A Magyar Tudományok Akadémia nyelv-és irodalomtudományi. I. Osztályának Közleményei*. – Budapest, 1953. – 4 köt. – 333-364 l.
- 1953b: Histoire du lexique des langues turques // *Rocznik Orientalistyczny* (1951-1952). – Kraków, 1953. – Vol. 17. – P. 80-91.
- 1954: Notes sur le colophon du "Yitikän sudur" // *Asiatica*. – Leipzig, 1954.
- 1955: Le lexique Moghol de R. Leech // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1955. – Vol. IV.
- 1956: Török jövevényszavaink és a vitás etimológiák kérdése // *Emlékkönyv Pais Dezső hevededik születésnapjára*. – Budapest, 1956. – 336-34 l.
- 1959: Les mots solons dans un ouvrage chinois des Ts'ing // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1959. – Vol. IX. – № 3. – P. 266-268.

- 1960a: Les anciens éléments mongols dans le mandchou // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1960. – Vol. 10. – № 3. – P. 231-248.
- 1960b: Néhány megjegyzés ügyvezetett altaji jövevényszavainkról // *Magyar Nyelv*. – Budapest, 1960. – 56 köt. – 289-303 l.
- 1961a: A propos des éléments “altaïques” de la langue hongroise // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1960. – Vol. 10. – № 3. – P. 231-248.
- 1961b: Trois notes sur l’écriture Phags-pa // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1961. – Vol. 13. – Fasc. 1.
- 1962a: Mongolok titkos története. – Budapest, 1962.
- 1962b: Sur deux mots comans // *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1962. – Vol. X. – № 1-2. – P. 167-174.
- 1962c: Un vocabulaire mongol d’Istanbul // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1962. – Vol. 14. – Fasc. 1-2. – P. 3-99.
- 1963a: Notes sur le Vocabulaire Mongol d’Istanbul // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1963. – Vol. 16. – Fasc. 2.
- 1963b: Uráli török jövevényszavaink kérdéséhez // *Magyar Nyelv*. – Budapest, 1963. – 59 köt. – 381-393 l.
- 1964a: Les fragments du Subhāṣitaratnanindi mongol en écriture ’Phags-pa // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1964. – Vol. 17. – № 3. – P. 1-16.
- 1964b: Les voyelles langues en moghol // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1964. – Vol. 17. – № 1.
- 1965: Le lexique mongol de Kirakos de Gandzak // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1965. – Vol. 18. – P. 141-197.
- 1966: Un vocabulaire sino-ouïgour des Ming: Le Kao-tch’ang houan yi-chou du Bureau des Traducteurs // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1966. – Vol. 19. – P. 117-199.
- 1967: Documents sino-ouïgours du Bureau des Traducteurs // *AOH*. – 1967. – Vol. XX.
- 1969: Glossaire supplémentaire su vocabulaire sino-ouïgour du bureau des traducteurs // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1969. – Vol. 22 – Fasc. 1-2.
- 1970: Le tabghatch, un dialecte de la langue sien-pi // *Mongolian Studies*. – Budapest, 1970. – P. 265-308.
- 1970-1974: Indices Verborum Linguae Mongolicae Monumentis Traditorum / Ed. Par L. Ligeti. – Budapest, 1970-1974. – T. I-V.
- 1971: Stidia Turcica. – Budapest, 1971. (*BOH*, 17).
- 1971-1974: Monumenta Linguae Mongolicae Collecta / Ed. Par L. Ligeti. – Budapest, 1971-1974. – T. I-VI.
- 1973a: Az altaji nyelvrokonság és a szókészlet-statisztika. I. // *A Magyar Tudományos Akadémia I. Osztályának Közleményei*. – Budapest, 1973. – 28 köt. – 259-275 l.
- 1973b: A propos d’un document ouïgour de l’époque mongole // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1973. – Vol. 27 – Fasc. 1. – P. 3-7.

- 1975a: La théorie altaïque et la lexico-statistique // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 99-115.
- 1975b: Quelques problèmes étymologiques dans anciens mots d'emprunt turques de la langue hongroise // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1975. – Vol. 29. – P. 279-288.
- 1976: Régi török jövevényszavaink etimológiai problémái // *Nyelvtudományi Értekezések*. – Budapest, 1976. – 89 köt. – 193-199 l.
- 1977: A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van I. – Budapest, 1977. – 1 köt. – 430 l.
- 1978-1979: Régi török eredetű neveink // *Magyar Nyelv*. – Budapest, 1978. – 74 köt. – 257-274 l; 1979. – 75 köt. – 26-49 l; III. – 1979. – 75 köt. – 129-141 l;
- 1979: A magyar nyelv török kapcsolatai és ami körülöttük van II. – Budapest, 1979. – II köt. – 480 l.
- 1980: À propos du rhotacisme et du lambdacisme // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1980. – Vol. XXIV. – № 3-4. – P. 222-250.
- 1981: Prolegomena to the Codex Cumanicus // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1981. – Vol. 35. – P. 1-54.
- 1986: A magyar nyelv török kapcsolatai a honfoglalás előtt és az Árpád-korban. – Budapest, 1986. – 602 l.

Li Xue Wei, Stuart K.

- 1989: Population and culture of the Mongols, Tu, Baoan, Dong-xiang and Yugu in Gansu // *Mongolian Studies*. – 1989. – Vol. 12. – P. 71-93.

Lokotsch K.

- 1927: Etymologisches Wörterbuch der europäischen (germanischen, romanischen und slawischen) Wörter orientalischen Ursprungs. – Heidelberg, 1927. – 242 S.

Lot-Falck E.

- 1953: La notion de propriété et les esprits-maitres, en Sibérie // *Annales du Musée Guimet. Revue de l'histoire des religions*. – Paris, 1953. – Vol. 2. – № 144. – P. 172-197.
- 1975: *Ütügän* chez les jakut // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 127-135.

Lotz

- 1975: The turkish vowel system and phonological theory // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 137-145.

Lyu A. C.

- 1899: Asiatic studies. – London. 1899.

Mackenzie D. N.

- 1986: A concise Pahlavi dictionary / *Second ed.* – London. 1986.

Mándoky J.

- 1973: Macaristandaki Koman dilinin Mogolca unsurları // *Daimi Milletlerarası Altaistik Konferansı. XXI. Toplantı. Ankara. 24 Ekim 1973*. – Ankara, 1973.

Marquart J.

- 1898: Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. – Leipzig, 1898.
- 1903: Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. – Leipzig, 1903. *Reprint*: Hildesheim, 1961.

Markwart J.

- 1929: Kultur- und sprachgeschichtliche Analekten // *Ungarische Jahrbücher*. – Berlin. – 1929. – Bd. IX. – S. 68-103.
- Marquart J.**
 - 1961: Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge. – Darmstadt, 1961.
- Martin S. E.**
 - 1951: Korean Phonemics // *Language*. – 1951. – Vol. 27. – № 4. – S. 519-533.
 - 1961: Dagur Mongolian: Grammar, texts and lexicon. – Bloomington, 1961.
 - 1966: Lexical Evidence Relating Korean to Japanese // *Language*. – 1966. – Vol. 42. – № 2. – P. 185-251.
- Matsumoto N.**
 - 1928: Le Japonais et les langues austro-asiatiques. – Paris, 1928.
- Matthews W. K.**
 - 1951: Languages of the USSR. – Cambridge, 1951.
- Mayrhofer M.**
 - Mongolische Pferdewörter bei einem Sanskrit Lexicografen? // *Paideuma XVII*. – № 4-6. – S. 274-276.
- Meile P.**
 - 1948: Observations sur quelques caractères communes des langues dravidiennes et des langues altaïques // *Actes du XXI-e Congrès International des Orientalistes*. – Paris, 1948. – P. 207-209.
- Menges K. H.**
 - 1936: Die Wörter für “Kamel” und einige seiner Kreuzungsformen im Türkische // *Ungarische Jahrbücher*. – Berlin, 1936. – Bd. XV. – S. 516-528.
 - 1939: Einige Bemerkungen zur vergleichenden Grammatik des Türkmenischen // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1939. – Bd. XI. – Hf. 1.
 - 1945: Etymological Notes on Some *Pācānāg* Names // *Byzantion*. – Bruxelles, 1945. – Bd. 17. – S. 256-280.
 - 1947: Qaraqalpaq grammar. I. Phonology. – New York, 1947.
 - 1951a: Altaic elements in the Proto-Bulgarian inscriptions // *Byzantion*. – Bruxelles, 1951. – Vol. 21. – P. 85-118.
 - 1951b: The Igor’ Tale: The Oriental Elements in the Mocabulary of the Oldest Russian Epos. The Igor’ Tale. *Supplement to World, 7. December, 1951. Monograph №1*.
 - 1951b: The Oriental Elements in the vocabulary of the Oldest Russian Epos. The Igor’ Tale. – New-York, 1951. – 98 p.
 - 1953a: Titles and organizational terms of the Qytañ (Liao) and Qara-Qytaj (Si-Liao) // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1953. – Vol. XVII. – P. 68-79.
 - 1953b: Zwei altesopotamische Lehrwörter im Altaischen // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1953. – Bd. XXV. – S. 299-304.
 - 1954: Glossar zu den volkskundlichen Texten aus Ost-Türkistan. – Wiesbaden, 1954.
 - 1955: Glossar zu den volkskundlichen Texten aus Ost-Türkistan. – Wiesbaden, 1955. – Th. II.
 - 1960a: Bulgarische Substratfragen // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1960. – Bd. 32. – Hf. 1-2. – S. 104-121.

- 19606: Morphologische Probleme.– Wiesbaden, 1960. (*UAB, IX*).
- 1961a: Altaische Studien // *Der Islam*. – Berlin, 1961. – Bd. 37.
- 19616: Problemata Etymologica // *Studia Sino-Altaica*. – Wiesbaden, 1961. – № 10. – P. 130-140.
- 1963: Zum ural-altaischen *-u- / -w-* des medio-passiven Aspekts im Türkischen // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1963-1964. – Bd. 35.
- 1964: Altäisch und Drävidisch // *Orbis*. – Louvain, 1964. – Bd. XIII. – Hf. 1. – S. 66-103.
- 1965: Zu einigen ural-altäisch-toxarischen Wortbeziehungen // *Orbis*. – Louvain, 1965. – Bd. XIV. – Hf. 1. – S. 126-137.
- 1966: Ablaut in Altaic // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1966. – Vol. 38. – № 1-3.
- 1968: The Turkic Languages and peoples: An introduction to Turkic studies. – Wiesbaden, 1968. XIV + 248 p. (*UAB, 15*).
- 1970a: Etymologica (*täkä, ariq*) // *Hennig Memorial Volume*. – London, 1970. – P. 307-325.
- 19706: On the etymology of Slav. *sani*, Ural. **šona*, Alt. *čana* “sledge” // *Orientalia suecana* (1969). – Uppsala, 1970. – Vol. XVIII. – P. 153-162.
- 1974: Japanese and the Altaic Languages // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1974. – Vol. 18.
- 1975: Altaische Studien: II. Japanisch und Altäisch. – Wiesbaden, 1975.
- 1982: Etymologica // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1982. – Vol. 26. – P. 105-118.
- 1983: Etymologica zu den altäischen Bezeichnungen von Metallen, Haustieren und Gewäichen // *Ural-Altäische Jahrbücher. N. F.* – Wiesbaden, 1983. – № 3. – S. 102-165.
- 1984: Korean and Altaic – a preliminary sketch // *General Asiatic Journal* – Wiesbaden, 1984. – Vol. 28.
- 1986: Des eurasische **kuč*, **kut-* etc. “Hund, Junges vom Hund” // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1986. – Bd. 30. – S. 266-274.
- 1988: Etymologica zu den türkischen und anderen altäischen Ausdrücken für “werden, sitzen, wohnen, sein; Staub, Erde; zerkleinern, zerreiben, Mehl; in kleinen Teilchen” // *Turcica et Orientalia. Studies in honour of Gunnar Jarring of his eightieth birthday 12 October 1987*. – Istanbul, 1988. – S. 101-120.

Menges Arm.

- 1977: Eurasia Nostratica: Festschrift für Karl Heinrich Menges / Herausgegeben von Gy. Décsy und Ch. D. Dimov-Bogoev. – Wiesbaden, 1977. – Bd. I-II.

Meyer G.

- 1893: Türkische Studien. I: Die griechischen und romanischen Bestandtheile im Wortschatze des Osmanisch-Türkischen. – Wien, 1893.

Meyer J. R.

- 1970: Klassifikation und Rotazismus // *Acta Orientalia*. – Copenhagen, 1970. – Bd. XXXII. – S. 159-165.

Mikkola J. J.

- 1913: Die Chronologie der türkischen Donaubulgaren // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1913. – Bd. 30, 33. – S. 1-25.

Milewski T.

- 1948: *Zarys językoznawstwa ogólnego*. – Kraków, 1948. – Cz. II. – Z. 1.

Miller R. A.

- 1967a: Old Japanese phonology and the Korean-Japanese relationship // *Language*. – 1967. – Vol. 43. – P. 278-302.
- 1967b: *The Japanese Language*. – Chicago, 1967; 2-е изд. London, 1971. – XIX + 428 p.
- 1968: The Japanese reflexes of Proto-Altaic *d-, *f- and *č- // *Journal of the American Oriental Society*. – New York, 1968. – Vol. 88. – № 4. – P. 753-765.
- 1970a: *The Japanese Language*. – Chicago, 1970.
- 1970b: The Japanese reflexes of Proto-Altaic *l₂ // *Ural-Altaische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1970. – Vol. 42. – P. 127-147.
- 1971: Japanese and the other Altaic languages. – Chicago; London; University of Chicago Press, 1971. – 331 p.
- 1975: Japanese-Altaic lexical evidence and the proto-turkic “zetacism – sigmatism” // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 157-172. (*History and Structure of Languages*).
- 1976: The Relevance of historical linguistics for Japanese Studies // *JJS*. – 1976. – Vol. 2. – № 2.
- 1981: *Origins of the Japanese Language*. – Seattle; London, 1981.
- 1985-1986: Apocope and the problem of Proto-Altaic *jā (I) // *Ural-Altaische Jahrbücher. N. F.* – Wiesbaden, 1985. – Vol. 5; (II). – 1986. – Vol. 6.
- 1987: Proto-Altaic *x- // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1987. Vol. 31.
- 1996: *Languages and History: Japanese, Korean and Altaic*. – Bangkok: White Orchid Press, 1996.
- 1998: Altaic *kele(-) ‘tongue; to speak’ in Korean // *Studia Etymologica Cracoviensia*. – 1998. – № 5.

Miller R. A., Street J.

- 1975: *Altaic Elements in Old Japanese*. – Madison; Wisconsin, 1975, – Part 1.

Mladenov S.

- 1921: Vestiges de la langue des Protobulgares touraniens d’Asparuch en Bulgarie // *The review of English studies*. – London, 1921. – Vol. 1.

Mongolian Studies: Edited by Louis Ligeti. – Budapest, 1970. (*BOH*, 14).

Monumenta Linguae Mongolicae Collecta / Ed. par L. Ligeti. – Budapest, 1971-1974. – T. I-IV.

Moravcsik Gy.

- 1942: *Byzantinoturcica, I. Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker*. – Budapest, 1942; 2-е изд. – Berlin, 1958.
- 1943: *Byzantinoturcica, II; Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen*. – Budapest, 1943; 2-е изд. – Berlin, 1958.

Mostaert A.

- 1941-1944: *Dictionnaire ordos*. – Peking. – 1941-1944. – 3 vol.

- 1949: A Propos du mot *širolya* de l'Histoire secrète des Mongols // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1949. – Vol 12. – № 3-4. – P. 470-476.
- 1950: Sur quelque passage de l'Histoire secrète des Mongols // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1950. – Vol. 13. – № 3-4. – P. 285-361.
- 1951: Sur quelque passage de L'Histoire secrète des Mongols: II // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1951. – Vol. 14. – № 3-4. – P. 329- 403.
- 1952: Sur quelque passage de L'Histoire secrète des Mongols: II // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1952. – Vol. 15. – № 1-2. – P. 285-407; – № 3-4. – P. 374- 380.
- 1955: Une phrase de la lettre de l'İlkhan Aryun à Philipp le Bel // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1955. – Vol. 18. – № 1-2. – P. 200-220.
- 1960: Dictionnaire Ordos – Paris, 1960.
- 1968: Dictionnaire Ordos. *Seconde édition*. – New York; London, 1968.

Mostaert A., Cleaves F. W.

- 1952: Trois documents mongols des Archives secretes Vaticanas // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1952. – Vol. 15. – № 3-4.
- 1962: Les Letters de 1289 et 1305 des İlkhan Aryun et Öljeitü à Philippe le Bel // *Scripta Mongolica Monograph series, I*. – Cambridge (Massachusetts), 1962.

Mostaert A., Shmedt A. de.

- 1930: Le dialecte monguor parlé par les mongols du Kansu occidental // *Antropos*. – 1930. – Vol. XXV. – № 3-4.

Munkácsi B.

- 1984: Adalékok a magyar nyelv régi török elemeihez // *Magyar Nyelvőr*. – Budapest, 1984. – XXVIII. köt. – 258-263 l.
- 1886-1887, 1890: Ujább adalékok a magyar nyelv török elemeihez // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1886-1897. – XX köt.; 1890. – XXI köt.
- 1895: Az "ugor" népnevezet eredete // *Ethnographia*. – Budapest, 1895. – 6 köt. – 349-387 l.
- 1900: Arische Sprachdenkmäler in türkischen Lehnwörter // *Keleti Szemle*. – Budapest, 1900. – Bd. I.
- 1901a: Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. – Budapest, 1901.
- 1901b: Hún nyelvmélekek szókincsunkben // *Ethnographia*. 1901. – XII köt. – 396-404 l.
- 1901b: Hunnische Sprachdenkmäler im Ungarischen // *Keleti Szemle*. – Budapest, 1901. – Bd. II.
- 1905: Beiträge zu den alten arischen Lehnwörtern im Türkischen // *Keleti Szemle*. – Budapest, 1905. – Bd. VI. – Hf. 2-3. – S. 376-379.
- 1921: Die Bedeutung des Namens der Türken // *Kőrösi Csoma Archivum*. – Budapest, 1921. – Bd. I. – Hf. 1.

Muratov S. N.

- 1975: Some regular changes of the phonetic structure of root in the Altaic Languages // *Resarches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 173-179.

Murayama Sh.

- 1957: Vergleichende Betrachtung des Kasus-Suffixe im Altajapanischen // *Ural-Altäische Jahrbücher (N. Poppe Festschrift)*. – Wiesbaden, 1957. – S. 126-131.
- 1958: Einige Formen der Stammverkürzung in den altaischen Sprachen // *Oriens*. – Leidenn, 1958. – Bd. XI. – Hf. 1-2. – S. 224-230.
- 1959: Sind die Naiman Türken oder Mongolen? // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1959. – Bd. IV. – Hf. 3. – S. 188-189.
- 1962: Etymologie des altjapanischen Wortes *iro* 'Farbe, Gesichts-farbe, Gesicht' // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1962. – Bd. 34. – S. 107-112.
- 1963: Über einige japonischen Ursprungs // *Aspects of Altaic Civilization*. – Bloomington, Indiana, 1963. – S. 227-233. (*UAS*, 23).
- 1966: Mongolisch und Japanisch – ein Versuch zu Lexicalischen Vergleich // *Asiatische Forschungen. Collectanea Mongolica*. – Wiesbaden, 1966. – Bd. 17. – S. 153-156.
- 1968a: About the Origin of the Japanese Language. // *VIII-th International Congress of Anthropological and Ethnological Science*. – Kyoto, 1968.
- 1968b: The Japanese reflexes of Proto-Altaic *d-, *ʃ- and *č- // *JSOAS* – 1968. – Vol. 88. – P. 753-765.
- 1970: Die Entwicklung des Theorie von den primären langen Vokalen in Mongolischen // *Mongolian Studies*. – Budapest; Amsterdam, 1970. – S. 359-370.
- 1975: Altaische Komponente der Japanischen Sprache // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – S. 181-188.
- 1976: Ramstedt und Polivanov als Altaist-Japonologen // *Tractata altaica*. – Wiesbaden, 1976.

Musaev K. M.

- 1975: On some plant names in the Altaic Languages // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 189-194.

Müller Fr.

- 1890: Des Personalpronomen der altaischen Sprachen // *Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse*. – Wienn, 1890. – Bd. 134. – Abh. 1.
- 1909: Ein iranisches Sprachdenkmal aus den nordlichen Mongolei // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften*. – Berlin, 1909.

Nauta A.

- 1972: Rotazismus, Zetazismus und Betonung im Türkischen // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1972. – Bd. XVI. – S. 1-13.
- 1985: Lambdazismus im Tschuwassischen: Gtü. š = Tschuw. l und ś // *Altaistic studies*. – Stokholm, 1985. – S. 123-144.

Németh J.

- 1912a: Die türkisch-mongolische Hypothese // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Berlin, 1919. – Bd. 66. – Hf. 4. – S. 549-577.
- 1912b: Egy török-mongol hangtörvény. – Budapest, 1912. – 41 köt. – 401-412 l.

- 1913a: A török-mongol a-féle hangok fejlődése a csuvasban // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1913. – 42 köt. – 75-85 l.
- 1913b: Die Rätset des Codex Cumanicus // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Leipzig, 1913. – Bd. 67. – Hf. 4.
- 1913-1914: Über den Ursprung des Wortes *šaman* und einige Bemerkungen zur türkisch-mongolischen Lautgeschichte // *Keleti Szemle*. – Budapest, 1913-1914. – Bd. 14. – S. 240-249.
- 1917: Türkische Grammatik. – Berlin; Leipzig, 1917.
- 1921: Die tuükisch-mongolische Hypothese // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Berlin, 1921.
- 1922: Zur Kenntnis der Petschenegen // *Kőrösi Csoma Archivum*. – Budapest, 1922. – Bd. 1. – Hf. 3
- 1926: Der Volksname Türk // *Kőrösi Csoma Archivum*. – Budapest, 1926. – Bd. 2. – Hf. 4. – S. 275-281
- 1928a: Az uráli és a török nyelvek ősi kapcsolatá // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1928. – 47 köt. – Sz. 1. – 75-85 l.
- 1928b: Az uráli és a török nyelvek ősi kapcsolatá (The ancient relation between the Uralic and the Turkish languages) // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1928. – 68 köt. – Sz. 1. – 62-84 l.
- 1928-1930: Az uráli és a török nyelvek ősi kapcsolatá // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1928-1930. – 47 köt. – Sz. 1. – 62-84 l.
- 1930: A honfoglaló magyarság kialakulása. – Budapest, 1930. 2-e užd. – Budapest, 1991.
- 1932: Die Inschriften des Schatzes von Nagy - Szent - Miklós. – Budapest, 1932. (*BOH*, 2).
- 1934: A törökség őskora // *Emlékkönyv Berzeviczy Albert úrnak, a M. T. Akadémia elnökének, tiszteleti tagga választása harmincadik évfordulója alkalmából*. – Budapest, 1934. – 158-174 l.
- 1939: Zur Kenntnis des geschlossenen im Türkischen // *Kőrösi Csoma Archivum*. – Budapest, 1939. – I. Ergänzungband. – S. 515-531.
- 1940: Türklügün Eski Çağı // *Ülkü XV*. – Ankara, 1940. – Sayı 90. – 299-306; 509-518 s.
- 1942a: A zárt e bolgar-török jövevanyszavainkban // *Magyar Nyelv*. – Budapest, 1942. – 38 köt. – № 1-5.
- 1942b: Probleme der türkischen Urzeit // *Analecta Orientalia memoria A. Csoma de Kőrös dicata*. – Budapest, 1942-1947. – Bd. 53. – Hf. 1. – S. 57-102.
- 1942c: Probleme der türkischen Urzeit. *Bibliotheca Orientalia Hungarica*. – Budapest, 1942. – Bd. V.
- 1953: Wanderungen des mongolischen Wortes *nökür* "Genosse" // *Acta Orientaliae Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1953. – Bd. III. – S. 1-23.
- 1956: Zur Einteilung der türkischen Mundarten Bulgariens. – Sofia, 1956.
- 1964: Zu den *E*-Lauten im Türkischen // *Studia Orientalia*. – Helsinki, 1964. – Bd. 28. – Hf. 14. – S. 1-19.
- 1968: Über alttürkische Sternnamen // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1968. – Bd. 18. – S. 1-6.

- 1990a: Törökök és magyarok, I: Régi törökök. – Budapest, 1990. – I köt. – 536 l.
- 1990b: A törökség őskora // *Németh Gy. Törökök és magyarok.* – Budapest, 1990. – 81-97 l.
- Nomura M.**
 - 1959: Materials for the historical phonology of the Mongol Language // *Mémoires Research Department of the Toyo Bunko (the Oriental Library).* – Tokyo, 1959. – Vol. 18.
- Novgorodova E. A.**
 - 1975: Ethnocultural relations of the tribes of the mongol altaï (mongol-altaic tergen) // *Researches in Altaic Languages.* – Budapest, 1975. – P. 195-200.
- Nugteren H., Roos M.**
 - 1996: Common vocabulary of the Western and Eastern Yugur Languages – The Turkic and Mongolic Loan-words // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1996. – Vol. 49. – P. 25-91.
- Oğuz M.**
 - 1942: Türk Mogol Ortak Sözleri. – Kaşgar, 1942.
- Orkun H. N.**
 - 1936-1941: Eski Türk Yazıtları. İstanbul, 1939-1941. – I-IV cild; 2-e uzd.: Ankara, 1987.
 - 1987: Eski Türk Yazıtları. – Ankara, 1987.
- Ozawa Sh.**
 - 1968: A comparative study of some words in old Japanese and Middle Mongolian. – Tokyo, 1968.
- Özer: O(sman).**
 - 1999: Anadolu ağızlarının altaistik açıdan değerlendirilmesi // *Ağız araştırmaları bilgi şöleni.* – Ankara, 1999. – 107-125 s.
- Paasonen H.**
 - 1897: Die türkischen Lehnwörter im Mordwinischen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1897. – Bd. 15. – Hf. 2.
- Pais D.**
 - 1935: Az uráli és altaji tap “fogni” szócsalád // *Nyelvtudományi Közlemények.* – Budapest, 1935. – 49 köt. – 295-313 l.
 - 1971: A propos de l’etymologie de nome de l’ethnique ouyur // *Studia Turcica.* – Budapest, 1971. P. 361-373.
- Palló M.K.**
 - 1959: Hungaro-Tschuwaschica // *Ural-Altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1959. – Bd. 30. – S. 239-258; II // *Ural-Altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1959. – Bd. 31.
 - 1960: Zur Frage des tschuwaschen *v*- Prothese // *Acta Orientaliae Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1960. – Bd. 12. – S. 33-44.
 - 1971: Die mittlere Stufe des tschuwaschischen Lautwandels *d > δ > r* // *Ural-Altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1971. – Bd. 43.
 - 1982: Régi török eredutu igéink. – Szeged, 1982. (*SUA, I*).
- Pavet Courteille M. de**
 - 1870: Dictionnaire turc-oriental. – Paris, 1870.

- 1882: Murādĵ-nāmeĥ, publié pour la première fois d'après le manuscrit ouïgour de la Bibliothèque Nationale // *École nationale des langues orientales vivantes*. – Paris, 1882. – Ser. 2. – Vol. 6.

Pedersen H.

- 1903: Türkische Lautgesetze // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Leipzig, 1903. – Bd. 75. – Hf. 3. – S. 535-561.
- 1935: Доклад X. Педерсена // *Atti del III Congresso internazionale dei linguisti (Roma, 19-26 sett., 1933)*. – Firenze, 1935. – P. 328-333.

Peiros I.

- 1978: Proto-Turkish Vowel Length: a Possibility of Reinterpretation ? // *Estonian Pares in Phonetics*. – Tallin, 1978. – P. 79-81.

Pelliot P.

- 1913: Sur quelques mots d'Asie centrale attestés les textes chinois // *Journal Asiatique*. – Paris, 1913. – Vol. 11. – P. 451-469.
- 1914a: La version ouïgour de l'histoire des princes Kalyānamkara et Pāpamkara // *T'oung Pao*. – Leiden, 1914. – Vol. XV. – P. 225-272.
- 1914b: Le nom turc du vin dans Odoric de Pordenone // *T'oung Pao*. – Leiden, 1914. – Vol. 15. – P. 448-453.
- 1915: L'origin de T'ou-kiue, nom chinois des Turks // *T'oung Pao*. – Leiden, 1915. – Vol 16. – P. 687-689.
- 1925: Les mots à *h-* initiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol des XIIIe et XIVe siècles // *Journal Asiatique*. – Paris, – Vol. 206. – №. 1-2. – P. 193-263.
- 1926: Le nom persan du cinabre dans les langues "altaïques" // *T'oung Pao*. – Leiden, 1926. – Vol. XXIV. – P. 253-255.
- 1927: Le prétendu vocabulaire mongol des *ķaitak* du Daghestan // *Journal asiatique*. – Paris, 1927. – P. 279-294.
- 1929: Neufnotes sur des Questions d'Asie Centrale // *T'oung Pao*. Leiden, 1929. – Vol. 26.
- 1930a: Sur *yam* ou *jam* 'relais postal' // *T'oung Pao*. – Leiden, 1930. – Vol. 27. – №. 2-3. – P. 193-195.
- 1930b: Un passage attéré dans le texte mongol ancien de l'Histoire secrète des Mongols // *T'oung Pao*. – Leiden, 1930. – Vol. 27. – №. 2-3.
- 1931: Les formes turques et mongoles dans la nomenclature zoologique du Nuzhatu'-l-ķulūb // *Bulletin of the School of Oriental Studies*. – London, 1931. – Vol. 6. – P. 555-580.
- 1936: *Sao-houa, sauya, sayat, saguate* // *T'oung Pao*. – Leiden, 1930. – Vol.32. – P. 230-237.
- 1944a: Les mots avec et sans *q-* (*k-*) initial en turc et en mongol // *T'oung Pao*. – Leiden, 1944. – Vol. 37. – P. 73-101.
- 1944b: *Širolya ~ širalya* // *T'oung Pao*. – Leiden, 1944. – Vol. 37. – P. 102-113.
- 1949: Notes sur l'Histoire de la Horde d'Or. – Paris, 1949.
- 1959-1973: Notes on Marko Polo. – Paris, 1959. – Vol. I; 1963. – Vol. II; 1973. – Vol. III.

Pelliot P., Aalto P.

- 1955: On the Altaic initial *p-* // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1955. – Vol. 1. – P. 8-16.

Philologiae Turcicae Fundamenta. – Wiesbaden, 1959. – T. I. – XXIII + 810 + 3s.

Pisani V.

– 1951: Parenté linguistique // *Lingua.* – Haarlem, 1951. – Vol. III. – № 1.

Pokorny J.

– 1959: Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. – Bern; München, 1959.

Poppe N.

– 1923-1927: Die Nominalstambildungssuffixe im Mongolischen // *Keleti Szemle.* – Budapest, 1923-1927. – Bd. XX. – S. 89-126.

– 1924a: Sur un phonème turco-mongol // *Доклады РАН.* – М., 1924. – P. 97-98.

– 1924b: Tschuwassische Lautgesetze // *Asia Major.* – Leipzig, 1924. – Bd. 1. – S. 775-782.

– 1925: Türkische-Tschuwassische vergleichende Studien // – *Islamica.* – Leipzig, 1925. – Bd. 1. – S. 409-427.

– 1926: Altaisch und Urtürkisch // *Ungarische Jahrbücher.* – Berlin; Leipzig, 1926. – Bd. VI. – Hf. 1-2. – S. 94-121.

– 1926-1932: Die tschuwassische Sprache in ihrem Verhältnis zu den Türk-sprachen // *Kőrösi Csoma Archivum.* – Budapest, 1926-1932. – Bd. II. – S. 65-83.

– 1927a: Altaisch und Urtürkisch // *Ungarische Jahrbücher.* – Berlin-Leipzig, 1927. – Bd. 6. – S. 94-121.

– 1927b: Die türkischen Lehnwörter im Tschuwassischen // *Ungarische Jahrbücher.* – Berlin, 1927. – Bd. 7. – S. 151-167.

– 1927-1928: Des mongolische Sprachmaterial in der Leidener Handschrift // *Известия АН СССР.* – Л., 1927. – VI серия. – С. 1009-1040, 1251-1274; 1928. – VII серия. – С. 55-80.

– 1928: Des mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift. L., 1928.

– 1932: Skizze der Phonetik des Bardu-Burjatischen // *Asia Major.* – Leipzig, 1932. – Bd. 7.

– 1935: Über die Sprache der Daguren // *Asia Major.* Leipzig, 1935. – Bd. 10. – S. 1-32, 183-220.

– 1944: Die Sprache der mongolischen Quadratschrift und des Yuän-ch'ao pi-shi // *Asia Major. N. F.* – Leipzig; Wien, 1944. – Bd. I. – Hf. 1.

– 1950a: Review of G. J. Ramstedt's "Studies in Korean Etymology" // *Harvard Journal of Asiatic Studies. Harvard-Yenching Institute.* – 1950. – Vol. 13.

– 1950b: Stand und Aufgaben der Mongolistik // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.* – Wiesbaden, 1950. – Bd. 100. – S. 52-89.

– 1950c: The groups **uya* und **üge* in Mongol languages // *Studia Orientalia.* – Helsinki, 1950. – Vol. XIV. – № 8.

– 1951: Khalkha Mongolische Grammatik. – Wiesbaden, 1951.

– 1952: Plural Suffixes in the Altaic Languages // *Ural-Altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1952. – Vol. 24. – № 3-4. – P. 65-83.

– 1953a: Bemerkungen zu G. J. Ramstedt's Einführung in die altaische Sprachwissenschaft // *Studia Orientalia.* – Helsinki, 1953. – Bd. XIX. – Hf. 5. – S. 3-22.

- 1953b: Ein altes Kulturwort in den altaischen Sprachen // *Studia Orientalia*. – Helsinki, 1953. – Bd. XIX. – Hf. 5. – S. 23-25.
- 1953b: Remarks on the Salar language // *Harvard Journal of Altaic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1953. – Vol. XVI. – №. 3-4.
- 1954a: Grammar of Written Mongolian. – Wiesbaden, 1954. – XII + 195 s.
- 1954b: Remarks on some roots and stems in Mongolian // *Silver jubilee volume of the Zinbun-Kagaku-Kenkyusyo*. – Kyoto, 1954. – P. 294-300.
- 1954b: [Рец. на кн.]: G. J. Ramstedt. Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. II: Formenlehre. – Helsinki, 1952. // *Language*. – 1954. – Bd. 30. – Hf. 4. – S. 570-578
- 1955a: Introduction to Mongolian comparative studies. – Helsinki, 1955. – 300 p. (*MSFOu, CX*).
- 1955b: The Turkic Loan-Words in Middle-Mongolian // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1955. – Vol. IV. – № 1. – P. 36-42.
- 1956: On the so-called breaking of *i in Mongolian // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1956. – Vol. 28. – №. 1-2. – P. 113-18.
- 1957a: The Mongolian Affricates *č and *f // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1957. – Vol. 2. – № 3.
- 1957b: The Mongolian monuments in Hp'ags-pa script / Ed. J. R. Krueger. – Wiesbaden, 1957.
- 1957b: Eine mongolische Fassung der Alexandersage // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. N. F. 32. – Leipzig; Wiesbaden, 1957. – Bd. 107. – S. 105-129.
- 1958a: Einige Lautgesetze und ihre Bedeutung zur Frage der mongolisch-türkischen Sprachbeziehungen // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1958. – Bd. XXX. – Hf. 1-2. – S. 93-97.
- 1958b: Introduction to Altaic Languages. I // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1958. – Vol. 3. – №. 1-4.
- 1958b: On some words for «guest» in the Altaic Languages // *Mélanges Jean Deny. Jean Deny Armağanı*. – Ankara, 1958. – P. 197-201.
- 1959: On the Velar Stops in Intervocalic Position in Mongolian // *Ural Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1959. – Vol. 31.
- 1960a: On some Altaic Loan Words in Hungarian // *American Studies in Uralic Linguistics. Uralic and Altaic Series, 1*. – Bloomington, 1960. – P. 139-147.
- 1960b: Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil I: Vergleichende Lautlehre. – Wiesbaden, 1960. – XI + 188 S. (*PLÖ. N. S., 3*).
- 1961: Jakutische Etymologien // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1961. – Bd. 33. – Hf. 1-2. – S. 136-141.
- 1962a: Die mongolischen Lehnwörter im Komanischen // *Németh Armağanı*. – Ankara, 1962. – 331-340 s.
- 1962b: The primary long vowels in Mongolian // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1962. – Vol. 58. – № 3.
- 1964a: Grammar of Written Mongolian. – Wiesbaden, 1964.
- 1964b: On some Altaic Names of Dwellings // *Studia Orientalia*. – Helsinki, 1964. – Vol. 28. – №. 3.

- 1964B: On some Mongolian names of Wild Beasts // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1964. – Vol. IX. – № 3. – P. 161-174.
- 1965: Introduction to Altaic Linguistics. – Wiesbaden, 1965. – Vol. XIV. – XIII + 212 p. (*UAB*, 14).
- 1966: On some Ancient Mongolian Loan-words in Tungus // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1966. – Vol. XI. – № 3. – P. 187-198.
- 1967: On the long vowels in Common Mongolian // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1967. – Vol. 68. – №. 4.
- 1968a: Tatar Manual. – Bloomington, 1968.
- 1968B: Über einige Vokalentsprechungen im Mongolischen Lehnwörtern im Tuwinischen // *Zeitschrift der Deutsche Morgenländischen Gesellschaft*. – Wiesbaden, 1968. – Bd. 118. – Hf. 1. – S. 113-123.
- 1969a: On some Vowel Correspondences in Mongolian Loan-Words in Turkic // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1969. – Vol. 13. – № 3.
- 1969b: On the initial *h-* in the Yüan-chao pi-shih // *The Bulletin of the Institute of History and Philology. Academica sinica. Vol. 34. In honour of Dr. Li Fang-kuei on his 65-th birthday. Part 2.* – Tajpej; Tai-van; China. October, 1969.
- 1972a: A new Symposium on the Altaic Theory // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1972. – Vol 16. – P. 37-58.
- 1972b: Ein vergleichendes Wörterbuch der nostratischen Sprachen // *Finnisch-ugrische Forschungen*. – Leipzig, 1972. – Bd. 39. – Hf. 3. – S. 367-368.
- 1972B: On some Mongolian Loan words in Evenki // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1972. – Vol. XVI. – P. 95-103.
- 1972r: Über einige Verbalstambbildungssuffixe in der altaischen Sprachen // *Orientalia Suecana*. – Stockholm, 1972. – Bd. XXI.
- 1973: Über die Bildungssuffixe der mongolischen Bezeichnungen der Körperteile // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1973. – Bd. 45.
- 1974a: [Рец. на сб.]: Очерки сравнительной лексикологии алтайских языков (Л, 1972.) // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1974. – Т. 46.
- 1974b: Remarks on comparative study of the vocabulary of the Altaic languages // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1974. – Vol. 46.
- 1974B: Zur Stellung des Tschuwaschischen // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1974. – Bd. 18. – Hf. 2. – S. 135-147.
- 1975a: Altaic Linguistics – an Overview // *Gengo no Kagaku. Sciences of Language*. – Tōkyō, 1975. – Vol. 6. – P. 130-186.
- 1975b: A new symposium on the Altaic Theory // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1975. – Vol. XVI. – № 1. – P. 37-58.
- 1975B: On some Cases of Fusion and Vowel alternation in the Altaic Languages // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1975. – P. 307-321.
- 1976: Ancient Mongolian // *Tractata Altaica*. – Wiesbaden, 1976.
- 1977a: On Chuvash-Mongolian linguistic contacts // *Journal of the American Oriental Society*. – 1972. – Vol. 97. – № 2. – P. 111-114.
- 1977b: The Problem of Uralic and Altaic Affinity // *Altaica*. – Helsinki, 1977. – P. 221-225.
- 1977B: The use of colour names in Mongolian // *The Canada-Mongolian Review*. – 1977. – Vol. 3. – № 2.

- 1979: Comparative dictionary of the Nostratic languages // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. – Leipzig, 1979. – Vol. 43. – № 1-3.
- 1982: On some Mongolian adverbs of Turkic origin // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1982. – Bd. 36. – № 3.
- 1983: Chaladsh und die Altaische Sprachwissenschaft // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1983. – Bd. 27.
- 1994: Altay Dillerinin Karşılaştırmalı Grameri / *Çev. Zeki Kaymaz*. – İstanbul, 1994.

Poppe Arm.

- 1957: *Studia Altaica: Festschrift für Nikolaus Poppe zum 60. Geburtstag*. – Wiesbaden, 1957.

Posch U.

- 1957: On the Affinity of the Altaic Languages // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1957. – Vol. 3. – № 1-4. – P. 267-288.
- 1964: Die altaische Sprachwissenschaft – Theorie oder Hypothese? // *Handbuch der Orientalistik*. – Leiden; Köln, 1964. – Abt. I. – Bd. 5. – Abschn. 2: Mongolistik, – S. 17-34.

Pott A. F.

- 1847: Die quinare und vigesimale Zahlmethode bei Völkern aller Weltteile. – Halle, 1847.

Pousha P.

- 1956: Die geheime Geschichte der Mongolen als Geschichtsquelle und Literaturdenkmal. Ein Beitrag zu ihrer Erklärung // *Acta Orientalia Supplementa*. – Prag, 1956. – Bd. IV.

Pritsak O.

- 1952: Stammesnamen und Titulaturen der Altaischen Völker // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1952. – Bd. XXIV. – Hf. 1-2. – S. 49-104.
- 1953: Des Untergang des Reiches des oğuzischen Yabğu // *Fuad Köprülü Armaganı*. – İstanbul, 1953. – S. 397-410.
- 1954: Orientierung und Farbsymbolik. Zu den Farbenbezeichnungen in den altaischen Völkernamen // *Saeculum*. – 1954. – Bd. V. – S. 376-383.
- 1955a: Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. – Wiesbaden, 1955. (*UAB*, 1).
- 1955b: Die Oberstufenzählung im Tungusischen und Jakutischen // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Wiesbaden, 1955. – Bd. CV. – S. 184-191.
- 1955c: Eine altaische Bezeichnung für Kiew // *Der Islam*. – 1955. – Bd. XXXII. – S. 1-13.
- 1955d: Qara: Studie zur türkischen Rechtsymbolik. // *Z. V. Togan'a Armaganı*. – İstanbul, 1955. – S. 239-263.
- 1957a: Bolgarische Etymologien, I-III // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1957. – Bd. 29. – S. 200-214.
- 1957b: Tschuwaschische Pluralsuffixe // *Studia Altaica*. – Wiesbaden, 1957.
- 1959a: Bulgaro-Tschuwaschica // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1959. – Bd. 31. – S. 274-314.

- 19596: Kāšgarī's Angaben über die Sprache der Bolgaren // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. N.F. 34.* – Leipzig; Wiesbaden, 1959. – Bd. 109. – Hf. 1. – S. 92-116.
- 1964a: Der "Rotazismus" und "Lambdazismus" // *Ural- Altaische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1964. – Bd. 35. – S. 337-349.
- 1964b: Two names of Steppe Plants // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics.* – 1964. – Vol. 8. – P. 37-45.
- 1968: Kasgarī's Angaben über die Sprache der Bolgaren // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft.* – Wiesbaden, 1968. – Bd. – 118. – Hf. 1. – S. 79-112.
- 1976: The Hiung-nu Word for "stone" // *Tractata Altaica.* – Wiesbaden, 1976. – P. 479-485.
- 1977: Die bulgarische Fürstenliste und die Sprache der Protobulgaren. – Wiesbaden, 1977.
- 1980: Turcology and the comparative study of the Altaic Languages. The system of the Old Runic script // *Journal of Turkish Studies.* – 1980. – Vol. 4. – P. 83-100.
- 1981: *Studies in Medieval Eurasian History.* – London, 1981.
- Proceedings** of the VII meeting of the Permanent International Altaistic Conference. 29 August - 3 September 1964 // *Central Asiatic Journal.* – Wiesbaden, 1965. – Vol. X. – № 3-4. – P. 141-338.
- Pröhle W.**
 - 1916-1917: Studien zur Vergleichung des Japanischen mit den uralischen und altaischen Sprachen // *Keleti Szemle.* – Budapest, 1916-1917. – Bd. XVII. – Hf. 1-3. – S. 147-338.
 - 1943: Grundriß einer vergleichenden Syntax der Uralaltaischen Sprachen mit besonderer Berücksichtigung der Japanischen Sprachen. – Budapest, 1943. – 61 S.
- Rachewiltz I.**
 - 1972: *Index to the Secret History of the Mongols.* – Bloomington, 1972.
- Rachmati G. R.**
 - 1930-1932: Zur Helkunde der Uiguren // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch- historische Klasse.* – Berlin, 1930. – I; 1932. – II.
- Radloff W.**
 - 1881-1882: *Vergleichende Grammatik der nördlichen Türkisprachen. I. Teil: Phonetik der nördlichen Türksprachen.* – Leipzig, 1881-1882.
 - 1882a: *Phonetik der nördlichen Türksprachen.* – Leipzig, 1882 [1883].
 - 1882b: *Vergleichende Grammatik der nördlichen Türkisprachen: Phonetik.* – Leipzig, 1882. – Bd. I.
 - 1891: *Des Kudatku Bilik, I.* – SPb., 1891. – Th. I. – S. 228-230.
 - 1892-1899: *Atlas der Mongolei (Arbeiten der Orchon-Expedition).* – СПб., 1892. – Вып. 1; СПб., 1893. – Вып. 2; СПб., 1896. – Вып. 3; СПб., 1899. – Вып. 4.
 - 1894a: *Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei: 1 Lfg.: Die Denkmäler von Koscho-Zaidam: Text, Transcription und Übersetzung.* – SPb., 1894. 2 Lfg.: *Die Denkmäler von Koscho-Zaidam: Glossar, Index...* – SPb., 1894.

- 18946: Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei, I.: Des Denkmal zu Ehren des Prinzen Kül Tegin. – SPb., 1894.
- 1895: Die alttürkischen Inschriften der Mongolei: 3 Lfg.: Verbestserungen, Zusätze und Bemerkungen zu den Denkmälern von Kosco-Zaidam, die übrigen Denkmäler des Orchon-Beckens und die Denkmäler im Flussgebiete des Jenissej. – SPb., 1895.
- 1897: Die alttürkischen Inschriften der Mongolei (nebst einer Abhandlung von W. Bartold. Die Historische Bedeutung der alttürkischen Inschriften). Neue Folge. – SPb., 1897.
- 1899: Die alttürkischen Inschriften der Mongolei: Zweite Folge. Die Inschriften des Tonjukuk. – SPb., 1899. – S. 1-122.
- 1909a: Altürkische Studien. I. // *Известия РАН. Сер. VI. – Т. III. – СПб., 1909. – С. 1216-1218.*
- 19096: Chuastuanit, des Bussgebet der Manichäer – SPb., 1909.
- 1910a: Des Kudatku Bilig des Jusuf Chass-Hadschib aus Balasagun: Teil II., Text und Übersetzung nach den Handschriften von Wien und Kairo / Herausgegeben von Dr. W. Radloff: I. Lief. – SPb., 1910.
- 19106: Altürkische Studien, III: Ein Fragment in türkischer Runenschrift // *Известия РАН. VI серия. – СПб., 1910. – № 13. – С. 1025-1036.*
- 1909b: Tišastvustik. Ein in türkischer Sprache bearbeitetes buddhistisches Sūtra. – SPb., 1910.
- 1911a: Altürkische Studien, IV.: Einleitende. Gedanken zur Untersuchung der alttürkischen Dialekte // *Известия РАН. VI серия. – СПб., 1911. – № 5.*
- 19116: Kuan-ši-im Pusar: Eine Türkische Übersetzung des XXV. Kapitels der chinesischen Ausgabe des Saddharmapuṇḍarīka. – SPb., 1911.
- 1928: Uigurische Sprachdenkmäler. – Leningrad, 1928.

Rahder J.

- – 1956: Etymological Vocabulary of Chinese, Japanese, Korean and Ainu. – Tokyo, 1956. – Vol. I. – 73 p.; New Haven; Connecticut, 1959. – Vol. II. – 78p.; – Vol. III. – 66 p.; 1960. – Vol. IV. – 38 p.; 1962. – Vol. V. – 75 p.

Ramstedt G. J.

- The Nominal Post-positions in Korean // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.*
- 1901: Kalmükische Sprachproben // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1901, – Bd. 27. – Hf. 1; 1919. – Bd. 27. – Hf. 2.
- 1902: Über die Konjugation des Khalha-Mongolischen // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1902, – Bd. XIX.
- 1903a: Das Schriftmongolische und die Urgamundart phonetisch vergleichen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1903, – Bd. XXI. – Hf. 2. *См. Рамстедт, 1908 (рус. пер.)*
- 19036: Über die Konjugation des Khalkha-mongolischen // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1903, – Bd. XIX.
- 1905a: Mongolica : Beiträge zur Kenntnis der Moghol-Sprache in Afghanistan // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1905, – Bd. 23 – Hf. 4.
- 19056: Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1905, – Bd. 23 – Hf. 4.

- 1906: *Mogholica: Beiträge zur Kenntnis der Moghol-Sprache in Afganistan // Journal de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1906, – Bd. 23 – Hf. 4.
- 1907: Über die Zahlwörter der altaischen Sprachen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1907, – Bd. 24. – Hf.1. – S. 1-24.
- 1909: Kalmükische Sprachproben // *Mémoires de la Société Finno Ougrienne.* – Helsinki, 1909, – Bd. 27 – Hf. 1.
- 1912a: Die Geschichte des labialen Spiranten im Mongolischen // *Festschrift Vilhelm Thomsen.* – Leipzig, 1912. – S. 182-187.
- 1912b: Zur mongolisch-türkischen Lautgeschichte // *Keleti Szemle.* – Budapest, 1912. – Bd. XV-XVI.
- 1912c: Zur Verbstammbildungslehre der mongolisch-türkischen Sprachen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1912, – Bd. 28. – Hf. 3. – S. 1-85..
- 1913a: Az η hang a mongolban és a törökben // *Nyelvtudomány Közlemények.* – Budapest, 1913. – 42 köt. – 229-238 l.
- 1913b: Egy állítólagos török-mongol hangtörvény // *Nyelvtudomány Közlemények.* – Budapest, 1913. – XLII köt. – 69-74 l.
- 1913c: Zwei uigurische Runenschriften in der Nord-Mongols // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1913. – Bd. 30. – Hf. 3. – S. 1-63.
- 1913 -1918: Zwei uigurische Runenschriften in der Nord-Mongols, II: Die Inschrift der Grabsteins am Südži // *Journal de la Société Finno Ougrienne.* – Helsinki, 1913-1918. – Bd. 30. – Hf. 3. – S. 3-9.
- 1914 -1916: Zur mongolischen-türkischen Lautgeschichte. I-II // *Keleti Szemle.* – Budapest, 1914-1915. – Bd. 15. – S. 134-150; III. – 1915-1916. – Bd. 16. – S. 66-84.
- 1916: Zur mongolischen-türkischen Lautgeschichte. // *Keleti Szemle.* – Budapest, 1916. – Bd. XVI.
- 1916-1920: Ein anlautender stimmloser Labial in der mongolisch-türkischen Ursprache // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsingfors, 1916-1920. – Bd. 32. – Hf. 2. – S. 1-10; 238-251.
- 1922-1923: Zur Frage nach der Stellung des tschuwassischen // *Journal de la Société Finno Ougrienne.* – Helsinki, 1922-1923. – Bd. 38. – Hf. 1. – S. 1-34.
- 1924a: A comparison of the Altaic Languages with Japanese // *Transactions of the Altaic Society of Japan.* – Tokyo, 1924. – Vol. 1 – P. 41-54.
- 1924b: Die Verneinung in den altaischen Sprachen. Eine semasiologische Studie // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsingfors, 1924, Bd. 52. – S. 196-215.
- 1928: Remarks on the Korean Language // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1928, – Vol. 58. – P. 441-453.
- 1932: Die Palatalisation in den altaischen Sprachen // *Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Ser. B.* – Helsinki, 1932. – Bd. 27. – S. 239-251.
- 1933: The nominal postpositions in Korean // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1933, – Vol. 67. – P. 459-464.
- 1935a: Kalmükisches Wörterbuch. – Helsinki, 1935. (*LSFU*, 3).
- 1935b: Türkin kielen alkuperästä // *Suomalainen Tiedeakatemia Esitemät ja pöytäkirjat.* – Helsinki, 1935. – S. 73-80.

- 1935B: Über den Ursprung der türkischen Sprache // *Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften*. – Helsinki, 1935. – S. 86-92.
- 1938a: Turkkilais-tataarilaiset kansat // *Iso Tietosanakirja*. – Helsinki, 1938. – XIV. – S. 292-295.
- 1938b: Turkkilais-tataarilaiset kielet // *Iso Tietosanakirja*. – Helsinki, 1938. – XIV. – S. 295-297.
- 1938B: A Korean Grammar // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1939. – Vol. 82. – IV +200 S. См. *Рамштедт, 1951* (пер. на рус. яз.)
- 1942a: Japanin kielen historiasta // *Suomalainen Tiedeakatemia Esitelmät ja pöytäkirjat*. – Helsinki, 1942. – S. 108-113.
- 1942b: Über die Geschichte des Japanischen // *Suomalainen Tiedeakatemia Esitelmät ja pöytäkirjat*. – Helsinki, 1942. – S. 108-113.
- 1942B: Zur Geschichte der Japanischen Sprache // *Finnischen Akademie der Wissenschaften*. 1942. – Helsinki, 1942, – S. 135-152.
- 1945: Des deverbale Nomen auf *-ž* in den altaischen Sprachen // *Studia Orientalia*. – Helsinki, 1945. – Bd. XI. – Hf. 6. – S. 1-8.
- 1946: Zum türkischen Konditional / *Festgabe für J. J. Mikkola // Finnisch-ugrische Forschungen*. – Helsinki, 1946. – Bd. 29. – S. 120-126.
- 1946-1947: The Relation of the Altaic Languages to Other Language Groups // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1946-1947. – Vol. 53. – № 1. – P. 15-26.
- 1949: Studies in Korean Etymology // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1949. – Vol. 95. – 292 p; 1953. – Vol. 95. – № 2. – 64 p.
- 1950: Des deverbale Nomen auf *-m* in den altaischen Sprachen // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1950. – Bd. 98. – S. 255-264.
- 1951a: A comparison of the Altaic languages with Japanese // *Transactions of the Asiatic Society of Japan, 2-nd Series*. Tokyo. – 1924. – Vol. I. – P. 41-54; *непечданые: Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1951. – Vol. LV. – № 2. – P. 7-24
- 1951b: Alte türkische und Mongolische Titel // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1951. – Bd. LV. – Hf. 2. – S. 59-82.
- 1951B: Aufsätze und vorträge von G. J. Ramstedt / *Ed. P. Aalto // Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1951. – Bd. 55. – Hf. 2.
- 1952r: Kleine altaische Beitragäge, II: Die Pluralendung mo. *-nar*, tü. *-lar* // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1951. – Bd. 55. – № 2. – S. 31-39.
- 1952д: Reste des Nestorianismus unter den Mongolen //– Helsinki, 1951. – Bd. 55. – S. 40-46.
- 1952e: Two words of Korean- Japanese // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1951. – Vol. 55. – P. 25-30.
- 1952ж: Über die Stämme und Einigen in den altaischen Sprachen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1951. – Bd. 55. – Hf. 2. – S. 98-105.
- 1952з: Über die Stellung des Koreanischen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1951. – Bd. 55. – S. 47-48.
- 1952и: Über die struktur der altaischen Sprachen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1951. – Bd. 55. – Hf. 2. – S. 87-97.

- 1952к: Über onomatopoetische Wörter in den altaischen Sprachen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1951. – Bd. 55. – Hf. 2. – S. 106-112.
 - 1952л: Über die Stämme und Endungen in der altaischen Sprachen // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1951. – Bd. 55. – S. 98-105.
 - 1952м: Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. II. Formenlehre. – Helsinki, 1952. – 262 S. (*MSFOu*, 104. – 2).
 - 1953: Studies in Korean Etymology / Ed. by P. Aalto. – Helsinki, 1953. – Vol. II.
 - 1953-1954: Additional Korean Etymologies // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1953-1954. – Vol. 57. – № 3.
 - 1954: Additional Korean Etymologies. / Collected and edited by Pentti Aalto. – Helsinki, 1954. (*MSFOu*, 57:3).
 - 1957: Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, I: Lautlehre. – Helsinki, 1957. – 192 S. (*MSFOu.*, 104:1-3).
 - 1966: Einführung in die altaische Sprachwissenschaft, III: Register // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1966. – Bd. 104. – Hf. 1-3. – 171 S.
 - 1982: Paralipomena of Korean Etymologies / Ed. S. Kho. – Helsinki, 1982.
- Ramstedt G. J., Aalto P.**
- 1953-1954: Additional Korean Etymologies // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1953-1954. – Bd. 57. – Hf. 3. – 23 S.
- Ramstedt G. J., Granö J. G., Aalto P.**
- 1958: Materialien zu den alttürkischen Inschriften der Mongolei // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1958. – Bd. 60. – S. 13-49.
- Ränk G.**
- 1949: Einige Bemerkungen über die traditionelle Solarorientierung bei den Nomadenbehäusungen Asiens // *Ethnos*. – Stockholm, 1949. – Bd.. XIV. – Hf. 2-4.
- Räsänen M.**
- 1920: Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1920. – Bd. 48.
 - 1923: Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1923. – Bd. 50.
 - 1935: Türkische Lehnwörter in den permischen Sprachen und im Tscheremissischen // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. – Helsinki, 1935. – Bd. 23. – S. 103-107.
 - 1937: Über die langen Vokale der türkischen Lehnwörter im Ungarischen// *Finnisch-Ugrische Forschungen*. – Helsinki, 1937. – Bd. 24. – S. 246-255.
 - 1939a: Sprachliche Miscellen // *Ungarische Jahrbücher*. – Berlin, 1939. – Bd. XIX. – S. 99-103.
 - 1939b: Wortgeschichtliches zu den Sprachen der Wolga-Völker // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. – Helsinki, 1939. – Bd. 26. – S. 125-143.
 - 1946: Etymologia lisiä // *Virittäjä*. – Helsinki, 1946. – S. 387-391.
 - 1947: Uralilais-altaisia sanavertailuja // *Virittäjä*. – Helsinki, 1947. – № 51. – S. 162-173.
 - 1949: Materialien zur Lautgeschichte der türkischen Sprachen. – Helsinki, 1949. (*SO, XV*). – 249 S. См. Рясänen, 1955 (пер. на рус. яз.).

- 1950: Beiträge zu den altaisch-slavischen Berührungen // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1950. – Bd. 48. – S. 125-131.
- 1951: Neuere Forschungen über altaisch-slavische Berührungen // *Zeitschrift für Slavische Philologie*. – Berlin, 1951. – Bd. 20. – S. 446-450.
- 1952: Uralaltaische Forschungen, I: Die uralaltaische Urheimat im Lichte der Wortforschung und der Archäologie // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1952. – Bd. 25. – S. 19-27.
- 1953a: Contributions au classement des langues turques // *Rocznik Orientalistyczny (1951-1952)*. – Kraków, 1953. – Vol. XVII. – P. 92-104.
- 1953b: Uralaltaische Forschungen, I: Die uralaltaische Urheimat im Lichte der Wortforschung und der Archäologie // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1953. – Bd. XXV. – Hf. 1-2. – S. 19-27.
- 1955: Uralaltaische Wortforschungen // *Studia Orientalia*. – Helsinki, 1955. – Bd. XVIII. – Hf. 3. – 59 S.
- 1956: Einige iranische Entlehnungen in den finnisch-ugrischen und türkischen Sprachen // *Charisteria Orientalia. Rypka Festschrift*. – Helsinki, 1956. – S. 274-279.
- 1957a: Einiges über den Ursprung der Wörter für Messing // *Studia Altaica*. – Wiesbaden, 1957. – Bd. 5.
- 1957b: Materialien zur Morphologie der türkischen Sprachen. – Helsinki, 1957. – 256 S. (*SO, XXI*).
- 1959a: Ural-Altailasia Ordinalaja? // *Verba docent. Juhlakirja Lauri Hakelisen*. – Helsinki, 1959.
- 1959b: Über die Lederbearbeitung der ural-altäischen Völker // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1959. – Bd. 31. – S. 315-316.
- 1961a: Gibt es im Baskirischen etwas Ugrisches? // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1961. – Bd. XII. – S. 73-78.
- 1961b: Die chakassischen *i*-Laute // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1962. – Bd. XV. – Hf. 1-3.
- 1961c: Türkische anlautendes *h*- als Überbleibsel des alten **p*- // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1962. – Bd. 33. – Hf. 1-2. – S. 146-148.
- 1965: Über die ural-altäische Sprachverwandtschaft. // *SFAW*. – Helsinki, 1965.
- 1969: Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türkischen Sprachen / *Lexica Societatis Finno-Ugricae. XVII, 1*. – Helsinki, 1969. – 2-e uzd. – Helsinki, 1971. (*LSFU, 17: 1, 2*).

Rask R. K.

- 1834a: Den skitiske Sproget. – Kopenhagen, 1834.
- 1834b: Samlede tildels forhen utrykte Afhandlinger. – Første del. Kopenhagen, 1834.

Rásonyi L.

- 1941-1943: Török adatok a Magyar Etymologiai Szótármas // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1941-43. 51 köt. – 114-115 l.

Raun A.

- 1956: Über die sageraunte Lexikostatistische Methode oder Glottochronologie und ihre Anwendung auf das Finnisch-ugrische und Türkische // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1956. – Bd. 28.

Redhouse J. W.

- 1890: A Turkish and English Lexicon. – Constantinople, 1890.
- 1921: Turkish and English Lexicon. A new impression. Printed for the American Board Mission. – Constantinople, 1921.

Researches in Altaic Languages. / Ed. by L. Ligeti. – Budapest, 1975. – 338 p. (BOH, 20).

Rinčen Y.

- 1959: Mélanges archeologiques. Les inscriptions inconnues sur pierre et les plaques d'or ornementées du harnais de Tonyoucouc // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1959. – Vol. IV. – № 2. – P. 290-292.

Ringen J. O.

- 1980: Uralic and Altaic vowel harmony – a problem for natural generative phonology // *Journal of Linguistic*. – 1980. – Vol. 16 (1). – P. 37-44.

Rintchen B.

- 1956: Mélanges ethnographiques. *Xara dom* – les superstitions chamanistes des Mongols et des Kazakhs de la Mongolie Septentrionale // *Rocznik Orientalistyczny*. – Kraków, 1956, – Vol. XX. – P. 21-22.
- 1985: Moğol ve Kazak etnografyasından seçmeler / Çev. H. Güngör. // *Türk Dünyası Araştırmaları*. – Ankara, 1985, Aralık; 39 cild. – 225-229 s.

Róna-Tas A.

- 1959: Some data on the agriculture of the Mongols // *Opuscula Ethnologica Mémoriae Ludivici Biró Sacre*. – Budapest, 1959. – P. 443-472.
- 1961: Notes on the Kazakh yurt of Western Mongolia // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1961. – Vol. 12. – Fasc. 1-3. – P. 79-102.
- 1966: Tibeto-Mongolica: The Tibetan Loan-words of Monguor and the Development of the Archaic Tibetan Dialects. – Budapest, 1966.
- 1969: Türkisch-Tocharische Parallelen. – Berlin, 1969.
- 1970a: Az altaji nyelvrokonság vizsgálatának alapjai (A nyelvrokonság elmélete és a csuvas-mongol nyelvviszony). – Budapest, 1970. – 23 l. (*Kézirat*).
- 1970b: Some problems of Ancient Turkic // *Acta Orientalia Havniae*. – Copenhagen, 1970. – Vol. 32. – P. 209-229.
- 1971: On the Chuvash guttural stops in the final position // *Studia Turcica*. – Budapest, 1971. – P. 389-399.
- 1971-1974a: Középmongol eredetű jövevénytörzsek a csuvasban I // *Néprajz és Nyelvtudomány*. – Budapest, 1971-1972. – 15-16 köt. – 77-88 l.; II. – 1973-1974. – 17-18 köt. – 125-141 l.
- 1971-1974b: Középmongol eredetű jövevénytörzsek a csuvasban I // *Nyelvészeti dolgozatok*. – Szeged, 1971-1972. – 114 köt.; – 1973-1974. – 115 köt.
- 1972: Dream, magic power and divination in the Altaic world // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1972. – Vol. 25.
- 1973: Did the Proto-Altaic people know the stirrup? // *Studia Mongolica*. – Budapest, 1973. – Vol. 13. – P. 69-171.
- 1973-1974: Középmongol eredetű jövevénytörzsek a csuvasban. II. // *Néprajz és Nyelvtudomány*. – Budapest, 1973-1974. – 17-18 köt.

- 1974: Tocharische Elemente in den altaischen Sprachen? // *Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients, 5. Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker*. – Berlin, 1974. – S. 499-504.
- 1975a: Böz in the Altaic world. // *Altorientalische Forschungen*. – Berlin, 1975. – Bd. III. – S. 155-163.
- 1975b: Some Problems of Uralic Vocalism from an Altaist's Point of View // *Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum Tallinnae habitus 17-23 VII. 1970*. – Tallin, 1975. – P. 139-143.
- 1975b: The Altaic theory and the history of a middle Mongolian loan word in Chuvash // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 201-211.
- 1976a: Az etimológia elméleti és módszertani kérdései a turkológiában // *Nyelvtudományi Értekezések*. – Budapest, 1976. – 89 köt. – 262-267 l.
- 1976b: On the meaning of "Altaic" // *Tractata Altaica Denis Sinor sexagenario optime de rebus altaicis merito dedicata*. – Wiesbaden, 1976. – P. 549-556.
- 1976b: Some Volga Bulgarian Words in the Volga Kipchak Languages // *Hungaro-Turcica*. – Budapest, 1976. – P. 169-175.
- 1977a: A magyar-bolgar-török érintkezés jellege // *Magyar Őstörténeti Tanulmányok*. – Budapest, 1977. – 267-276 l.
- 1977b: Három Volgai kipcsek etimológia // *Nyelvészeti dolgozatok*. – Szeged, 1977. – № 168. – 293-298 l.
- 1978: A nyelvrokonság: Kalandozások a történeti nyelvtudományban. – Budapest, 1978.
- 1980: On the earliest Samoyed-Turkish contacts // *Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum*. – Turku, 1980. – Vol. III. – P. 377-385.
- 1981: The Character of Hungarian-Bulgaro-Turkic Relations // *Turkic-Bulgarian-Hungarian Relations (VI th – XI th centuries). Studia Turco-Hungarica*. – Budapest, 1981. – Vol V. – P. 119-129.
- 1982a: Loan-words of ultimate Middle Mongolian origin in Chuvash // *Studies in Chuvash etymology I. Studia Altaica*. – Szeged, 1982. – Vol. 17. – P. 66-134.
- 1982b: On the history of the Turkic and Finno-Ugrian affricates // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1982. – Vol. 36. – P. 429-447.
- 1982b: Studies in Chuvash etymology. – Szeged, 1982. – Vol. 1.
- 1982c: The periodization and sources of Chuvash linguistic history // *Chuvash Studies*. – Budapest, 1982. – P. 113-169. (BOH, 28).
- 1983a: De hypothesi Uralo-Altaica // *Symposium saeculare Societatis Fenno-Ugristicae / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1983. – Bd. 185. – S. 235-251.
- 1983b: "Rokonságszerű ősi kapcsolat" Németh Gyula nézetei az uráli és a török nyelvek viszonyáról // *Uralistikai Tanulmányok*. – Budapest, 1983. – 331-346 l.
- 1985a: A szarvasi tütarto rovásírásos feliratáról // *Magyar Tudomány*. – Budapest, 1985. – 2 köt. – 95-98 l.
- 1985b: A szarvasi tütarto rovásírásos feliratáról // *Különlenyomat a nyelvtudományi közlemények, 87 kötetének, 1. számból*. – Budapest, 1985. – 225-248 l.

- 1986: Language and History: Contribution to Comparative Altaistics. – Szeged, 1986. – 270 p. (*SUA*, 25).
- 1987a: Materialien zur alten Religion der Türken // *Synkretismus in den Religionen Zentralasiens* / Ed. W. Heissig and H. J. Klimkeit. – Wiesbaden, 1987. – S. 33-45. (*SOR*, 13).
- 1987b: On the development and origin of the East Turkic “Runic” script // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1987. – Vol. 41. – P. 7-14.
- 1987-1988: Ligeti Lajos és a magyar nyelv török kapcsolatai // *Nyelvtudományi Közlemények*. – Budapest, 1987-1988. – 89 köt. – 211-219 l.
- 1988a: Ethnogenese und Staatsgründung: Die türkische Komponente in der Ethnogenese des Ungartums // *Studies zur Ethnogenese. Bd. 2. Rheinisch-Westfälische Akademie der Wissenschaften. Abhandlungen* 78. – Düsseldorf, 1958. – S. 107-142.
- 1988b: The Reconstruction of Proto-Turkic and the Genetic Question // *The Turkic languages. Routledge Language Family Description. Routledge*. – London; New York, 1988. – P. 67-80.
- 1988b: Turkic influence on the Uralic languages // *The Uralic languages. Description. History and Foreign Influences. – Handbuch der Orientalistik. Achte Abteilung. – Handbook of Uralic Studies*. – Leiden, 1988. – P. 742-780.
- 1991: An introduction to turkology. – Szeged, 1991. – 170 p. (*SUA*, 33).
- 1995: Hungarian *báj* ‘beauty, charm’ // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1995. – Vol. 48. – №. 3. – P. 437-441.
- 1996a: An “Avar” word: *terem* // *Symbolae Turcologicae* / Eds. A. Berta, B. Brendemoen, C. Schönig. – Stockholm, 1996. – P. 181-188.
- 1996b: A honfoglaló magyar nép. – Budapest, 1996. – 412 l.
- 1996b: *Ugor, ogur* or *ugur*? Remarks on the name “Finno-Ugrian” // *Űn-nepi könyv Mikola Tibor tiszteletére* / Szerk. E. Mészáros. – Szeged, 1996. – 265-269 p.
- 1997: Török nyelvi hatások az ősmagyar nyelve // *Hofoglalás és nyelvészet*. – Budapest, 1997. – 49-60 l.
- 1998: Western Old Turkic // *The Mainz Meeting. Proceedings of the Seventh International Conference on Turkish Linguistics, Mainz*. – Wiesbaden, 1998. – P. 619-626.
- 1999a: Honfoglalás és népalakulás a középkori Euráziában: kitajok, avarok, magyarok // *Magyar Tudományos Akadémia*. – Budapest, 1999. – 17 l.
- 1999b: Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History. – Budapest: CEUPress, 1999. – 566 p.

Ross E. D.

- 1930-1932: The Tonjukuk inscriptions // *Bulleten of the School of Oriental and African Studies*. – London, 1930-1932. – Vol. VI. – P. 37-43.

Roux J. –P.

- 1956: Tängri: Essai sur le ciel-dieu de peuple altaïques // *Revue de l'Histoire Des Religions*. – Vol. 149. – P. 49-82; 197-250; – Vol. 150. – P. 21-54; 173-212.
- 1958: Notes additionnelles à Tängri // *Revue de l'Histoire Des Religions*. – Vol. 154. – P. 48-50.

- 1962: La religion des turcs de l'Orkhon des VIIe et VIIIe siècles // *Revue de l'Histoire Des Religions*. – Vol. 161. – P. 1-24, 199-231.
- 1963: La mot chez les peuples altaïques anciens et médiévaux d'après les document écrits. – Paris, 1963.

Rozycki W.

- 1994: *Mongol Elements in Manchu*. – Bloomington, Indiana, 1994.

Röhrborn K.

- 1977-1988: *Uigurisches Wörterbuch: Sprachmaterial der vorislamischen türkischen Texte aus Zentralasien*. – Wiesbaden, 1977-1988. – Bd. I-IV. Lfg. 1. – 1977; 2. – 1979; 3. – 1981; 4. – 1988.

Sanžeev G. D.

- 1974: Zur Frage des sogenannten Rotazismus und Lambdazismus in der altaischen Sprachen // *Schriften zur Geschichte und Kultur des Alten Orients*, 5. *Sprache, Gechichte und Kultur der altaischen Völker*. – Berlin. 1974. – S. 505-509.

Sanzheyev G. D.

- 1975: A mongolistic reconstruction of turkisms // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 213-218.

Sausure L.

- 1920: Le cycle des douze animaux des Chinois // *Journal Asiatique*. – Paris, 1920. – Vol. 11. – № 15. – P. 55-88.

Sauvageot A.

- 1924: Eskimo et ouralien // *Journal de la Société des Americanistes de Paris*. – Paris, 1921. – Vol. XVI.
- 1925: Az uráli török nyelvrokonság kérdéséhez // *Magyar Nyelv*. – Budapest, 1925. – XXI köt. – 254-256 l.
- 1928a: Le nom ouralo-altaïque du membre antérieur // *Revue des études hongroises et finno-ougriennes*. – Paris, 1928. – Vol. VI. – P. 258-259.
- 1928b: Sur un nom de nombre commun aux lanques samoyèdes toungous, mongol // *Revue des études hongroises et finno-ougriennes*. – Paris, 1928. – Vol. VI. – P. 52-61.
- 1929: Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques. – Budapest, 1929.
- 1930: Recherches sur le vocabulaire des langues ouralo-altaïques. – Paris, 1930. – XLII + 142 p.
- 1944: D'un morphème particulièrement répandu dans les langues ouralo-altaïques // *T'oug Pao*. – Leiden, 1944. – Vol. 37.
- 1948: Les langues ouralo-altaïques // *Bulletin de la Société linguistique de Paris*. – 1948.
- 1950: Az uráli-manddzu-tunguz kapcsolatokhoz // *Magyar Nyelv*. – Budapest, 1950. – XVI köt.
- 1952: Langues mongoles // *Les langues du monde*. 2-e éd. Paris, 1952.
- 1955: Introduction to Mongolian comparative studies // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1955. – Vol. CX.
- 1963: Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale. – Wiesbaden, 1963.

Scherner B.

- 1977: Arabische und neupersische Lehnwörter im Tschuwaschischen: Versuch einer Chronologie ihrer Lautveränderungen. – Wiesbaden, 1977.
- Schinkewitsch J.**
- 1926-1927: Rabghuzi's Syntax // *Mitteilungen des Seminars für Orientalistische Sprachen an der Königlichen Friedrich Wilhelms Universität zu Berlin: Westasiatische Abteilung.* – Berlin, 1926. – Bd. 29; 1927. – Bd. 30.
- Schlachter W.**
- 1957: Zur ural-altaischen Sprachverwandtschaft // *Ural-Altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1957. – Bd. 29. – Hf. 3-4.
 - 1965: Zur ural-altaischen Sprachverwandtschaft // *Ural-altäische Jahrbücher.* – Wiesbaden, 1965. – Bd. 36.
- Schleicher A.**
- 1848-1850: Sprachvergleichende Untersuchungen. – Bonn, 1848-1850. – Bd. I-II.
 - 1871: Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. 3 Aufl. – Weimar, 1871.
- Schmidt J.**
- 1833: Bericht über eine Inschrift aus der ältesten Zeit der mongolen Herrschaft // *Mémoires de l'Académie des Sciences de St.-Petersburg.* – SPb., 1833. – IV.serie. – Bd.. II.
- Schmidt P.**
- 1872: Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen. – Weimar, 1872.
 - 1898: Der Lautwandel in mandschu und mongolischen // *Peking Oriental Society Journal.* – Peking, 1898. – Bd. 14.
 - 1928: Etymologische Beiträge // *Journal de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1928. – Bd. XLII. – Hf. 3.
 - 1933: Altaische Zahlwörter // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.* – Helsinki, 1933. – Bd. 67. – S. 365-368.
- Schoebel C.**
- 1873: Affinities des Langues Dravidiennes et des Langues Ouralo-altaiques. – Paris, 1873.
- Schott W.**
- 1836: Versuch über die Tatarischen Sprachen. – Berlin, 1836.
 - 1840: Die Lingua tschuwaschorum: Dissertatio. – Berolini (sine anno) [1840]. – 32 p.
 - 1847a: Über des Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht // *Abhandlungen der Königl. Preussischen Akademie der Wissenschaften: Philosophisch-historische Klasse.* – Berlin, 1847. – S. 281-427.
 - 1847b: Über Nationalität und Abkunft der Finnen // *Allgemeine Zeitschrift für Geschichte.* – Berlin, 1847. – Bd. VIII.
 - 1849: Über das Altaische oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht // *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften: Philosophisch-historische Klasse.* – Berlin, 1849.
 - 1851a: Über mongolische und indisch-europäische Sprachwurzeln // *Monatsbericht des Preussischen Akademie der Wissenschaften: Philosophisch-historische Klasse.* – Berlin, 1851. – S. 199-208.

- 18516: Zusätze und Berichtigungen // *Monatsbericht des Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. – Berlin, 1851. – S. 433-445.
 - 1853: Das Zahlwort in der tschudischen Sprachenklasse, wie auch im Türkischen und Mongolischen // *Abhandlungen der Berliner Akademie der Wissenschaften*. – Berlin, 1853.
 - 1859: Altaische Studien. I-IV // *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften*. – Berlin, 1859. – S. 587-621; 1861. – S. 153-176; 1866. – S. 89-153; 1869. – S. 267-307; 1871-1872. – S. 1-46.
 - 1859-1871: Altaische Studien oder Untersuchungen auf dem Gebiete der Altai-Sprachen. I // *Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften: Philosophisch-historische Klasse*. – Berlin, 1859 (1860); II. Hf. – Berlin, 1861; III. Hf. – Berlin, 1866 (1867); IV. Hf. – 1869 (1870); V. Hf. – 1871 (1872).
 - 1876: La langue des tschouwachés. – Paris, 1876. – 23 p.
 - 1879: Über linguistische und ethnographische Fehler in geographischen Lehrbücher // *Monatsbericht des Preussischen Akademie der Wissenschaften zu Berlin*. – Berlin, 1879.
 - 1887: Einiges zur vergleichenden Etymologie von Wörtern des sogen. Altaischen Sprachgeschlechts im weitesten Sinne // *Sitzungsberichte der Berliner Akademie der Wissenschaften*. – Berlin, 1887. – S. 1029-1037.
- Schrader O.**
- 1901: Reallexicon der indogermanischen Altertumskunde. – Strassburg, 1901.
 - 1928: Dravidisch und Uralisch // *Zeitschrift für Indologie und Iranistik*. – 1925. – Bd. III. – S. 81-112.
- Schramm G.**
- 1973: Nordpontische Ströme: Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens. – Göttingen, 1973.
- Schurmann H. F.**
- 1956: Mongolian tributary practices of the thirteenth century // *Harvard Journal of Asiatic Studies*. – Cambridge (Massachusetts), 1956. – Vol. 19. – № 3-4.
- Sebeok Th. A.**
- 1950: The meaning of “Ural-Altaic” // *Lingua*. – Haarlem, 1950. – Vol. II. – № 2. – P. 129-137.
- Serebrennikov V.**
- 1966: Zur Frage nach dem Ursprung der protetischen Konsonanten *v* und *j* im Tschuwaschischen // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1966. – Bd. XIX. – Hf. 1.
- Sertkaya O. F.**
- 1985: Fragmente in altürkischer Runenschrift aus den Turfan-Funden // *Runen, Tamgas und Graffiti aus Asien und Osteuropa*. – Wiesbaden, 1985. – S. 133-164.
 - 1987: Mongolian words and forms in Chagatay Turkish (Eastern Turki) and Turkey Turkish (Western Turki) // *Fifth International Congress of Mongolists (September 14-21, 1987, Ulan-Bator, Mongolia)*. – Istanbul, 1987.

- 1995a: Fragmente in altürkischer Runenschrift aus den Turfan-Funden // *Probleme der köktürkischen Geschichte. Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları.* – Ankara, 1995. – Cildi: 131. – Seri: IV. – Sayı: A. 40. – 225-226 s.
- 1995b: Kâğida yazılı Göktürk metinleri ve kâğida yazılı Göktürk aflabeleri // *Probleme der köktürkischen Geschichte. Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları.* – Ankara, 1995. – Cildi: 131. – Seri: IV. – Sayı: A. 40. – 277-302 s.
- 1995b: The first line of the Tonyukuk monument // *Probleme der köktürkischen Geschichte. Türk Kültürünü Araştırma Enstitüsü Yayınları.* – Ankara, 1995. – Cildi: 131. – Seri: IV. – Sayı: A. 40. – 24-27 s.
- 1996: Kizil kum (Ulaan gom) yazıtında geçen kişi adı üzerine // *Türk Dili Araştırmaları Yıllığı – Belleten (1994).* – Ankara, 1996. – 137-144 s.

Shiratori K.

- 1915; A Comparative Study of Korean Language with Ural-Altai Languages // *Tōyō Gakuhō.* – Tokyo, 1915. – Vol. 4. – P. 142-182; Vol. 5. – P. 1-40, 143-188, 295-326; Vol. 6. – P. 144-184. 293-328.
- 1926: A study of the titles *kaghan* and *katun* // *Mémoires of the Research Department of the Toyo Bunko.* – 1926. – Vol. I. – P. 1-39.

Shirokogoroff S. M

- 1928: Nothern Tungus terms of orientation // *Rocznik Orientalistyczny (1926).* – Lwów, 1928. – Vol. IV. – P. 167-188.
- 1931a: Ethnological and linguistical aspects of the Ural-Altai hypothesis // *Tsing-Hua Journal.* Peiping, 1931. – № 6. – 198 p.
- 1931b: Notes on the bilabialization and aspiration of the vowels in the Tungus Languages // *Rocznik Orientalistyczny (1920-1930).* Lwów, 1931. – Vol. VII.

Shnitnikov B. N.

- 1966a: Kazakh-English Dictionary /With a Preface by Nicholas Poppe. – Bloomington, 1966. (*UAS*, 28).
- 1996b: Kazakh-English dictionary. – Lind; The Hague; Paris, 1966. – 300 p.

Sinor D.

- 1943a: D'un morphème particulièrement répandu dans les langues ouralo-altaïques // *T'oung Pao.* – Leiden, 1943. – Vol. 37. – P. 135-152.
- 1943b: Ouralo-altaïque – indo-européen // *T'oung Pao.* – Leiden, 1943. – Vol. 37. – Livr. 5.
- 1944: Indo-européen – ouralo-altaïque // *T'oung Pao.* – Leiden, 1944. – Vol. 27. – P. 226-244.
- 1946-1949: Autour d'une migration de peuples au ye siècle // *Journal Asiatique.* – Paris, 1946-1949, – P. 1-77.
- 1948: Le probleme de la parenté ouralo-altaïques // *Revue de Géographie Humaine et d'Ethnographie.* – Paris, 1948. – Vol. 1. – № 1. – P. 65-69.
- 1950: Az uráli-mandzsú-tunguz kapcsolatokhoz // *Magyar Nyelv.* – Budapest, 1950. – 46 köt. – 164-165 l.
- 1952: On some Ural-Altai plural suffixes // *Asia Major. New Series.* – London, 1952. – Vol. II. – P. 203-230.
- 1954: *Qapqan* // *Journal of the Royal Asiatic Society.* – London, 1954. – P. 174-184.

- 1959: A Ural-Altai ordinal suffix // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1959. – Vol. 31. – P. 417-425.
 - 1960a: Sur les noms altaïques de la licorne // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. – Wien, 1960. – Vol. LVI. – P. 168-176.
 - 1960b: Un suffixe de lieu ouralo-altaïque // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1960. – Vol. XII. – P. 169-178.
 - 1961: On Water-Transport in Central Eurasia // *Ural-Altäische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1961. – Vol. 33. – № 1-2. – P. 156-179.
 - 1962: Some Altaic names for Bovine // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1962. – Vol. 15. – P. 315-324.
 - 1963: Introduction à l'étude de l'Eurasie Centrale. – Wiesbaden, 1963.
 - 1964: Observations on a new comparative Altaic phonology // *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*. – London, 1964. – Vol. 26. – Part 1. – P. 103-114.
 - 1965: Notes on the Equine Terminology of the Altaic Peoples // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1965. – Vol. X. – № 3-4. – P. 307-315.
 - 1970: Two Altaic etymologies // *Studies in General and Oriental Linguistics. Presented to Shiro Hattori on the Occasion of His Sixtieth Birthday*. – Tokyo, 1970. – P. 540-544.
 - 1973: "Urine" ~ "star" ~ "nail" // *Journal e la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1973. – Vol. 72.
 - 1975: Uralo-tungus lexical correspondences // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 245-265.
 - 1977a: Altaica und Uralica. 1. Two altaic verbs for 'writing' and their Uralic connections; 2. Is Chuvash *ś-* always secondary? // *Uralic and Altaic Series. Indiana University Publications*. – Bloomington, 1977. – Vol. 131. – P. 319-332.
 - 1977b: Altaica und Uralica // *Studies in Finno-Ugric Linguistics in Honour of Alo Raun*. – Bloomington, 1977. – P. 319-331.
 - 1977c: An Altaic word for 'snowstorm' // *Studia Orientalia*. – Helsinki, 1977. № 47. – P. 219-231.
 - 1977d: Two altaic verbs for 'writing' and their Uralic connections // *Studies in Finno-Ugric Linguistics. Indiana University. Uralic and Altaic series*. – Bloomington, 1977. – Vol. 131. – P. 319-332.
 - 1979-1980: Samoyed and Ugric Elements in Old Turkic // *Harvard Ukrainian Studies*. – Harvard, 1979-1980. – Vol. III-IV. – P. 768-775.
 - 1981: The origin of Turkic *balıq* "town" // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1981. – Vol. XXV. – P. 95-102.
 - 1982: Interpreters in Medieval Inner Asia // *Asian and African Studies*. – Haifa, 1982. – Vol. XVI. – P. 293-320.
 - 1988: The problem of the Ural-Altai relationship. // *The Uralic languages*. – Leiden, 1988. – P. 706-741.
 - 1990: Turkic *yer* 'ground, place, earth' ~ Chuvash *śer* ~ Hungarian *szér* // *Essays in Comparative Altaic Linguistics*. – Bloomington, 1990. – P. 329-335.
 - 1995: On vessels, bags, coffins and melons (missing over Turkic *qap*) // *Acta Orientalia Academiae Hungaricae*. – Budapest, 1995. – Vol. 48.
- Etudes sur l'Eurasie Centrale* // *Bulletin de littérature ecclésiastique*. – № 1. – P. 39-55; № 3. – P. 150-171.

Sitzungsberichte der 6. Arbeitstagung der Permanent International Altaistic Conference in Helsinki 4-8. 6. 1963 // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1964. – Bd. 65. – Hf. 1. – 123 S.

Sköld H.

- 1926: Ein sumerisches Wandwort in Asien // *JF*. – 1926. – Bd. 43.
- 1927: Lehnwörterstudien. – Lund; Leipzig, 1927.

Smedt A., Mostaert A.

- 1933: La dialecte monguor parlé par les Mongols du Kansou Occidental. IIIe partie: Dictionnaire Monguor-Français. – Pei-p'ing, 1933.
- 1964: Le dialecte monguor parlé par les mongols du Canton occidental. 2 partie. Grammaire. – The Hague; London; Paris, 1964.

Spuler B.

- 1964: Handbuch der Orientalistik. Erste Abteilung. Der nahe und der mittlere Osten. Fünfter Band: Altaistik. Zweiter Abschnitt: Mongolistik – Leiden; Köln, 1964. – 297 S.
- 1968: Die Mongolen in Iran. – Berlin, 1968.

Stachowski M.

- 1992-1993: Beiträge zur Kenntnis der arabischen und persischen Lehnwörter in der südsibirischen Türksprachen // *Folia Orientalia*. – 1992-1993. – Bd. 29.
- 1993: Dolganischer Wortschatz. – Kraków, 1993.
- 1997: Dolganische Wortbildung. – Kraków, 1997.
- 1998: Dolganischer Wortschatz: Supplementband. – Kraków, 1998.
- 1999: Uralistisch-turkologische Verberlegungen zur Fledermaus // *Studia Etymologica Cracoviensia*. – 1999. – Hf. 4.
- 1971: *Studia nad chronologią turcymów w języku bułgarskim*. – Kraków, 1971.

Starostin S. A.

- 1995: On vowel length and prosody in Altaic languages // *The Moscow Linguistic Journal*. – M., 1995. – Vol. 1.
- 1977: On the «consonant splits» in Japanese, Indo-European, Nostratic, and Beyond / *Festschrift for V. V. Shevoroshkin*. – Washington, 1997.

Starostin S., Dybo A., Mudrak O.

- 2003: *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. – Leiden; Boston: Brill, 2003. – Vol. 1. – P. 858. (A – K); Vol. 2. – P. 859-1556. (L – Z); Vol. 3. – P. 1557-2096. (Indices).

Stethenson J.

- 1928: The zoological section of the *Nuzhatu-L-Qulub* of Ḥamdullāh al-Mustaufi al-Qazwīnī. – London, 1928.

Strahlenberg F. J.

- 1730: *Des Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia*. – Stockholm, 1730; 2-е изд. – Szeged, 1975.

Street J. Ch.

- 1975: *The Language of the Secret History of the Mongols*. – New Haven; Connecticut, 1975.

- 1962a: [Рец. на кн.]: *Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Teil I. Vergleichende Lautlehre.* – Wiesbaden, 1960. – XI. – 188. S. // *Language.* – 1962. – Vol. 38. – P. 92-98.
- 1962b: Reviewed of *Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen // Language.* – 1962. – Bd. 38. – Hf. 1. – S. 92-98.
- 1974: On the Lexicon of Proto-Altai: a partial index to reconstructions. – Madison; Wisconsin, 1974.
- 1980: Proto-Altaiic *-l(V)b- > Turkic *š* // *Central Asiatic Journal.* – Wiesbaden, 1980. – Vol. XXIV. – № 3-4. – P. 285-303.
- Studia Altaica:** Festschrift für Nicolas Poppe, zum 60. Geburtstag am 8 August 1957. – Wiesbaden: Harrassowitz, 1957. – 189 S. (UAB. 5)
- Studia Turcica:** Edited by L. Ligeti. – Budapest, 1971. (BOH, 17).
- Sümer F.**
 - 1983: *Türkler'de atçılık ve bincilik.* – İstanbul, 1983.
- Swadesh M.**
 - 1952: Lexico-statistic dating of prehistoric ethnic contacts // *Language.* – 1952. – Vol. 96. – № 4.
 - 1962: Archaic doublets in Altaic // *American studies in Altaic linguistics.* – 1962. Vol. XIII.
- Szabó T. M.**
 - 1943: A kalmük szóképzés. Die wortbildung Kalmükischen. – Budapestini, 1943.
- Syromiatnikov N. A.**
 - 1981: *The Ancient Japanese Language.* – Moscow, 1981.
- Şayji.**
 - 1937: *Mongyol üsüg-ün dürim-ün toli biçig.* – Ulayan bayatur, 1937.
- Ščerbak A. M.**
 - 1983: De l'alphabet ouïgour // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1983. – Vol.36. – № 1-3. – P. 469-474.
- Tallqvist K.**
 - 1928: *Himmelsgegenden und Winden // Studia Orientalia.* – Helsinki, 1928. – Bd. II.
- Tappolet E.**
 - 1905: *Über die Bedeutung der Sprachgeographie // Festschrift H. Morf.* – Berlin, 1905.
- Tatarische** Etymologische Studien. II. // *Studia Uralo-Altaica.* – Szeged, 1988. – Vol. 30.
- Tekin Ş.**
 - 1960: *Kuanşi im Puser (Ses işiten ilâh). Vap hua ki atlıg nom çeçeki sudur (saddharmapudjarika-sûtra) / Atatürk Üniversitesi yayınları, araştırmaları serisi, edebiyat ve filoloji.* – Erzurum, 1960. – № 2.
 - 1985: Some thoughts on the etymology of the Turkish *üzengi* 'stirrup' // *Journal of Turkish Studies.* – 1985. – Vol. 9. – P. 237-141.
- Tekin T.**
 - 1968: *A grammar of Orkhon Turkic.* – The Hague; Bloomington, 1968. (UAS, 69).

- 1969: Zetacism and sigmatism in Proto-Turkic // *Acte Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1969. – Vol. XXII. – № 1. – P. 51-80.
- 1974: On the alternation *l ~ š* in Turkic and Mongolian // *Sprache, Geschichte und Kultur der altaischen Völker*. – Berlin, 1974.
- 1975a: Ana türkçede aslı uzun ünlüler. – Ankara, 1975.
- 1975b: Further evidence for « Zetacism» and « Sigmatism» // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 275-284. (BOH, XX).
- 1976: On the origin of primary long vowels in Turkic // *Ural- Altaische Jahrbücher*. – Wiesbaden, 1976. – Vol. 48.
- 1979: Once more zetacism and sigmatism // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1979. – Vol. XXIII. – № 1-2. – P. 118-137.
- 1981: Notes on some Altaic harnessing terms // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1981. – Vol. 25. – № 1-2. – P. 121-130.
- 1986: Turkic *tış*, Chuvash *šāl* and Mongolian *šidün* // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenland*. – Wien, 1986. – Vol. 76. – P. 293-297.
- 1988: Orhon yazıtları. – Ankara, 1988.
- 1991: A new classification of the Turkic languages // *Tür Dilleri Araştırmaları*. – Ankara, 1991. – P. 5-18.
- 1993: Irk Bitig: The book of omens // *Turcologica*. – Wiesbaden, 1993. – Vol. 18.
- 1994: Tonyukuk yazıtı. – Ankara, 1994.
- 1995: Türk dillerinde birincil uzun ünlüler. – Ankara, 1995.

Temir A.

- 1955: Türce ile moğolca arasındaki ilgiler // *Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Dergisi*. – Ankara, 1955. – XIII. cild. – Sayı 1-2. – 1-25 s.
- 1976: Ural-Altay dilleri teorisi // *Türk Dünyası El Kitabı*. – Ankara, 1976. – 115-118 s.

The Turkic Languages / Ed. by Lars Johanson and Éva A. Csató. *Routledge Language Family Description*. – London; New York, 1998. – 474 p.

Thomas F. W.

- 1918: Tarkhan and Tarquinius // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. – 1918. – 122 p.

Thomashek V.

- 1888: Kritik der ältesten Nachrichten über den skitischen Norden. I // *Sitzungsberichte der Wiener Akademie der Wissenschaften. Philologische-historische Klasse*. – Wien, 1888. – Bd. CXVI.

Thomsen V.

- 1893: Déchiffrement des inscriptions de l'Orkhon et de l'Énisséi. Notice préliminaire // *Bulletin de l'Académie Royal des Sciences et des Lettres de Danemark*. – 1893. – P. 285-299.
- 1896: Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1896. – Vol. V.
- 1910: Ein Blatt in Türkischer "Runenschrift" aus Turfan // *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse*. – Berlin, 1910. – Bd. XV. – S. 296-306.

- 1912: Dr. M. A. Stein's manuscripts in Turkish "Runic" script from Miran and Tun-Huang // *Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*. – London, 1912. – January. – P. 181-227.
- 1912: Stein's Manuscripts in Turkish "Runic" Script from Miran and Tunhuang. – London, 1912.
- 1922a: Samlede Afhandlinger. – Kopenhagen, 1922. – Bd. III.
- 1922b: Turcica: Études concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibérie // *Samlede Afhandlinger*. – København, 1922. – Bd. 3. – S. 92-198.
- 1924: Altürkische Inschriften aus der Mongolei // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. – Leipzig; Wiesbaden, 1924. – Bd. 78.

Thomsen K.

- 1959: Bemerkungen über des mongolische Vokalsystem der zweiten Silbe // *Sonderdruck Acta Orientalia*. – 1959. – Bd. 24. – Hf. 1-4. – 4 S.
- 1963: Zwei türkisch-mongolische Korrespondenzreihen // *Aspects of Altaic Civilization*. – Bloomington, 1963. – Bd. 167. (UAS, XXVI).

Tisserant E.

- 1946: Une lettre de l'Ilkhan de Perse Abaga. // *Muséon*. – 1946. – Vol. 59.

Todaeva B. H.

- 1959: Über die Sprache der Tung-Hsiang // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1959. – Bd. IX. – Hf. 3. – S. 273-310.
- 1960: Mongolische dialecte in China // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. – Budapest, 1960. – Bd. X. – Hf. 2. – S. 141-169.

Tractata Altaica: Denis Sinor sexegenario optime de rebus altaicis merito dedicata redigerunt *W. Heissig, J. R. Krueger, F. J. Oinas, E. Schütz*. – Wiesbaden, 1976.

Trier J.

- 1981: Wege der Etymologie. – Berlin, 1981.

Trombetti A.

- 1905: L'unita d'origine del linguaggio. – Bologna, 1905.

Tryjarski E.

- 1979: The dog in the Turkic area: An ethnolinguistic study // *Central Asiatic Journal*. – Wiesbaden, 1979. – Vol. 23. – P. 297-319.
- 1989: Towards a Better Knowledge of the Turkic Military Terminology // *Asiatic Studies*. – Stockholm, 1985. – P. 173-184.

Tsintsius V. I.

- 1975: On the pre-altaic system of consonants // *Researches in Altaic languages*. – Budapest, 1975. – P. 299-306.

Tuna O. N.

- 1960: Köktürk Yazılı Belgelerinde ve Uygurca'da uzun Vokaller // *Türk Dili Araştırmaları Yılığ*. – Belleten. – Ankara, 1960. – 213-282 s.
- 1963: Mongolian Loan words in Anatolian Dialects // *Inner Asia Colloquium, session November 21. 1963*. – Seattle, 1963.
- 1965: Mongolian Loan Words in Ancient and Middle Ottoman // *Inner Asia Colloquium, session March 1. 1965*. – Seattle, 1965.
- 1972: Osmanlıcada Moğolca ödünç kelimeler // *Türkiyat Mecmuası*. – İstanbul, 1972. – Sayı XVII. – S. 209-250.

- 1976: Osmanlicada Moğolca Kelimeler // *Türkiyat Mecmuası*. – İstanbul, 1976. – Sayı XVIII. – S. 281-314.
- 1983: *Altay Dilleri Teorisi*. – İstanbul, 1983.
- 1992: *Altay Dilleri Teorisi // Türk Dünyası El Kitabı*. – Ankara, 1992. – II cild. – 7-58 s.

Vaczy P.

- 1958: A korai magyar törtenet néhány kérdéséről // *Századok*. – Budapest, 1958. – 42 köt. – 265-345 l.
- 1999: On a Turkic Word in the Work of Kirakos of Gandjak // *Language and Literature – Japanese and the Other Altaic Languages*. – Wiesbaden, 1999. – P. 15-17.

Vámbéry H.

- 1867: *Čagataische Sprachstudien enthaltend grammatikalischen Umriss, Chrestomatie und Wörterbuch der Čagataischen Sprache*. – Leipzig, 1867.
- 1870: *Uigurische Sprachmonumente und des Kudatku Bilik*. – Innsbruck, 1870.
- 1878: *Etymologisches Wörterbuch der turco-tatarischen Sprachen; ein versuch zur Darstellung des Familienverhältnisses des turco-tatarischen Wortschatzes*. – Leipzig, 1878. – XXIV + 228 S.
- 1879: *Die primitive Culture des turkotatarischen Volkes auf Grund sprachlicher Forschungen*. – Leipzig, 1879.
- 1885: *Des Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen*. – Leipzig, 1885.

Varia *Eurasistica*. Festschrift für Professor András Róna-Tas. – Szeged, 1991.

Vásáry I.

- 1976: Two Old-Turkic Loan Words in Hungarian // *Hungaro-Turcica*. – Budapest, 1976. – P. 239-247.

Vasmer M.

- 1950-1958: *Russisches Etymologisches Wörterbuch*. – Heidelberg, 1950-1958. – Bd. I-IV.

Vladimirov B.

- 1948: *La régime social des mongols. Le féodalisme nomade*. – Paris, 1948.

Weiers M.

- 1966: *Untersuchungen zu einer historischen Grammatik des präklassischen Schriftmongolischen*. – Bonn; Wiesbaden, 1966.
- 1969: *Untersuchungen zu einer hitorischen Grammatik des präklassischen Schriftmongolischen*. – Wiesbaden, 1969.
- 1970a: *Zu den langen Vokalen in Moghol Sprache // Zentralasiatische Studien*. – Wiesbaden, 1970. – Bd. 4. – S. 467-473.
- 1970b: *Zur Frage deses Verhältnisses des Altmongolischen zum Mittelmongolischen // Bibliotheca Orientalis Hungarica. XIV Mongolian Studies*. – Amsterdam, 1970.
- 1972: *Die Sprache der Moghol der Provinz Herat in Afhanistan*. – Goettingen, 1972.

Weske M.

- 1873: *Untersuchungen zur vergleichenden Grammatik der finnischen Sprachstammes*. – Leipzig, 1873.

Wicander S.

- 1967-1971: Maya and Altaic. Is the Maya group of la language related to Altaic family? I // *Ethnos*. – 1967. – Vol. 32. – P. 141-148; II // *Ethnos*. – Stockholm, 1970. – Vol. 35. – P. 80-88; III // *Orientalico Suencana*. – Stockholm, 1970-1971. – Vol. 19-20. – P. 186-204.

Wichmann Y.

- 1903: Die tschuwassischen Lehnwörter in den permischen Sprachen // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1903. – Bd. XXI.
- 1923-1924: Die türkischen Lehnwörter im Tscheremissischen // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. – Helsinki, 1923-1924. – Bd. 16. – S. 32-53.

Wiedermann F. I.

- 1838: Über die frühen Sitze der tschudischen Völker und ihre Sprachverwandtschaft mit den Völkern Mittelhochasiens. – Reval, 1838.

Windekens A. J. van

- 1941: *Lexique étymologique des dialectes tokhariens*. – Louvain, 1941.

Winkler H

- 1884: *Uralaltaische Völker und Sprachen*. – Berlin, 1884.
- 1885: *Des Uralaltaische und seine Gruppen*. – Berlin, 1885.
- 1894: *Japaner und Altaier*. – Berlin, 1894.
- 1896: *Die Sprache der 2. Kolumne der dreisprachigen Inschriften und das Altaische*. – Breslau, 1896.
- 1900: *Die uralaltaische Sprachen // Keleti Szemle*. – Budapest, 1900. – Bd. 1. – S. 132-140, 195-205.
- 1909: *Die uralaltaische Sprachstamm; das Finnische und das Japanische*. – Berlin, 1909. – 316 S.
- 1918, 1923: *Tungusisch und finnisch-ugrisch // Journal de la Société Finno-Ougrienne*. – Helsinki, 1918. – Bd. 30. – Hf. 9. – S. 1-28; 1923. – Bd. 39. – Hf. 1. – S. 1-34.
- 1921: *Die altaische Völker- und Sprachenwelt*. – Leipzig; Berlin, 1921.
- 1924: *Die altaische Sprachen*. – Berlin, 1924.
- *Das uralaltaischen Sprachen // Keleti szemle*. – Budapest, I. – S. 132-140, 195-205.

Winter W.

- 1963: *Tocharians and Turks // Aspects of Altaic Civilization*. Bloomington, 1963. – P. 239-251. (*UAS*, 23)

Witsen N.

- 1692: *Noord and Oost Tartarye...* – Amsterdam, 1692; *Изд. 2-е*. – 1705; *Изд. 3-е* – 1785.

Windekens A. J. von

- 1976: *Le tocharien confronté avec les autres langues indo-européennes I. La phonétique et la vocabulaire*. – Louvain, 1976.

Wurm St

- 1954: *The Turkic languages of Central Asia: problems of planned culture contacts*. – London; Oxford, 1954. – 52 p.

Yamamoto K.

- 1949: *On the suffix -ri in some Tungus and Mongolian languages (en japonais) // Journal of the Linguistic Society of Japan*. – 1949. – № 14. – P. 49-62.

Yoshitake S.

- 1930a: Etymology of the Japanese Word Fude // *Bulletin of the School of Oriental Studies*. – London, 1930. – Vol. 6. – Part 1.
- 1930b: The History of the Japanese Particle « I » // *Bulletin of the School of Oriental Studies*. – London, 1930. – Vol. 5. – Part 3.
- 1930c: An analytical Study of the Conjugation of Japanese Verbs and Adjectives // *Bulletin of the School of Oriental Studies*. – London, 1931. – Vol. 6. – Part 3.
- 1940: The alternance *l ~ m* in Ancient Japanese // *Bulletin of Oriental and African Studies*. – London, 1940. – Vol. 10. – Part 3.

Zajaczkowski A.

- 1938: Manuel arabe de la langue des Kiptchaks (époque de l'Etat Mamelouk). – Warszawa, 1938.
- 1953: Studia orientalistyczne z dziejów stownictwa polskiego. – Wrocław, 1953.
- 1960: Die mongolischen Elemente in der karaimischen Sprache // *Folia Orientalia*. – Kraków, 1960. – Bd. I. – Fasc. 2. – S. 296-302.
- 1961: Majstarsza wersja turecka Husräv u Şîrîn Qutba. E. III: Słownik. – Warszawa, 1961.

Zakar A.

- 1971: Sumerian- Ural-altaic Affinities // *Current Anthropology*. – 1971. – Vol. 12. – № 2. – P. 212-225.

Zenker J. Th.

- 1862-1867: Dictionnaire turque-arabe-persan. – Leipzig, 1862-1867.
- 1866: Dictionnaire Turc-Arabe-Persan. – Leipzig, 1866.

Zieme P.

- 1986: Uygur yazısıyla yazılmış Uygur yazıtlarına dair bazı düşünceler // *Türk Dili Araştırmaları Yılıığı. – Belleten (1982-1983)*. – Ankara, 1986.

Zimonyi I.

- 1990: The origins of the Volga Bulgars. – Szeged, 1990. (*SUA*, 32).

Zwick H. A.

- 1851: Grammatik des West-Mongolischen das ist Oirat oder Kalmyckischen Sprache. – Baden, 1851.
- 1852: Handbuch der Westmongolischen Sprache. – Villingen, 1852.

СЛОВАРИ

- Азербайджанско-русский словарь / Под ред. Г. Гусейнова. – Баку, 1941.
Азербайджанско-русский словарь: В 4 т. / Редкол.: М.Т. Тагиев (гл. ред.) и др. – Баку: Элм, 1986-1994.
Азизбеков Х.А. Азербайджанско-русский словарь. – Баку, 1965.
Алиев А., Бориев К. Русско-туркменский словарь. – Ашхабад, 1929.
Амаржагал Б. БНМАУ дахь монголь хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг. – Улаанбаатар, 1988. – I.
Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. – Казань; Чебоксары, 1928-1950. – Вып. 1-17.
Бабушкин С.М. Бурятско-русский и русско-бурятский словарь. – 3-е изд., дораб. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2000.
Байлиев Х., Карриев Б. Туркменско-русский словарь / Под ред. Ш. Батырова и М. Сакали. – Ашхабад, 1940.
Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1985.
Баскаков Н.А., Бекназаров С.Б., Кожуров У.Н. Русско-каракалпакский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. – М., 1947.
Баскаков Н.А., Инкижекова-Грекул А.И. Хакасско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. – М., 1953.
Баскаков Н.А., Насилов В.М. Уйгурско-русский словарь. – М., 1939.
Баскаков Н.А., Тошакова Т.М. Ойратско-русский словарь. – М., 1947.
Башкирско-русский словарь / Отв. ред. З.Г. Ураксин. – М.: Дигора; Рус. яз., 1996.
Башкирско-русский словарь. – М., 1958.
Башкорт һөйләштәренәң һүзлегә. – Өфө, 1967-1987. – I-III т.
Башкорт теленәң һүзлегә: Ике томда. – М.: Рус. яз., 1993. – Т. 1-2.
Большой академический монгольско-русский словарь. В 4 т. / Под общ. ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба. – М.: Академия, 2001-2002. – Т. 1-4.
Большой русско-туркменский словарь. В 2 т. – М.: Рус. яз., 1986.
Борисов В.М. Русско-арабский словарь / Под ред. В.М. Белкина. – М.: Сам Интернешнл, 1993.
Будагов Л. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. – СПб., 1869-1871. – Т.1-2.
Бурят-монгольско-русский словарь / Сост. К.М. Черемисов. – М., 1951.
Бурятско-русский словарь / Сост. К.М. Черемисов. – М.: Сов. энцикл., 1973.
Бутанаев В.Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан, 1999. – 238 с.
Василевич Г.М. Эвенкийско-русский словарь. – М., 1958.
Вербицкий В. Словарь алтайского и аладагского наречий тюркского языка. – Казань, 1884.
Восканян Г.А. Русско-персидский словарь. – М.: Рус. яз., 1986.
Гагаузско-русско-молдавский словарь / Ред. Н.А. Баскаков. – М., 1973.

- Гаффаров М.А. Персидско-русский словарь. – М., 1914-1927; 2-е изд. – М., 1974.
- Дамдинсурэн Ц., Лувсандэндэв А. Орос-монгол толь. – Улаанбаатар, 1967-1969.
- Дамдинсурэн Ц., Лувсандэндэв А. Орос-монгол толь: Нэмж, зассан хоёрдугаар хэвлэл. – Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1982.
- Диалектологический словарь азербайджанского языка. – Баку, 1964.
- Диалектологический словарь башкирского языка. – Өфө: Китап, 2002. – 432 б.
- Диалектологический словарь якутского языка. – М.: Наука, 1976.
- Древнетюркский словарь. – Алта-Ата, 1954.
- Егоров В.Г. Чёвашла-вырёсла словарь. – Шупашкар, 1954.
- Захаров И. Полный маньчжурско-русский словарь. – СПб., 1875.
- Қазақ тілінің түсіндірме сөздігі. – Алматы, 1959-1961. – Т. 1-2.
- Қазақша-орысша сөздік. – Алматы, 1945.
- Казахско-русский словарь. – Алма-Ата, 1954.
- Казахско-русский словарь. – Ташкент, 1926.
- Калмыцко-монгольско-русский словарь. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1986.
- Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б.Д. Муниева. – М.: Рус. яз., 1977.
- Караимско-русско-польский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова, А. Зайончковского, С.М. Шапшала. – М., 1974.
- Каракалпакско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. – М., 1947; 1958.
- Карачаево-балкарско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. – М.: Рус. яз., 1989.
- Катаринский В. Киргизско-русский словарь. – Оренбург, 1897.
- Киргизско-русский словарь / 2-е изд. – Оренбург, 1903.
- Киргизско-русский словарь. – М., 1940; 1959; 1965.
- Киргизско-русский словарь. – М.: Сов. энцикл., 1985.
- Кочергина В.А. Санскритско-русский словарь / Под ред. В.И. Кальянова. – М.: Рус. яз., 1987.
- Краткий монгольско-русский словарь. – М., 1947.
- Кракий русско-бурятский словарь. – М., 1962.
- Кракий русско-калмыцкий словарь. – М., 1969.
- Краткий монгольско-русский словарь. – М., 1947.
- Краткий таджикско-русский словарь. – М., 1955; 2-е изд., доп. и перераб. – Душанбе: Маариф, 1988.
- Краткий толковый словарь якутского языка / П.С. Афанасьев и др. – Якутск: Бичик, 1994.
- Кумыкско-русский словарь / Под ред. З.З. Бамматова. – М., 1969.
- Курпешко-Таннагашева Н.Н., Апонькин Ф.Я. Шорско-русский и русско-шорский словарь. – Кемерово, 1993.
- Лаврентьев Б.П. Японско-русский словарь. – М.: Цитадель, 2000.
- Лазарев А.М. Тюркско-татарско-русский словарь. – СПб., 1866.
- Лазарев Л. Турецко-татарско-русский словарь наречий османского, крымского и кавказского. – М., 1864.
- Магазаник Д.А. Турецко-русский словарь. – М., 1931; 2-е изд. – М., 1945.
- Магомедов А.Г. Кумыкско-русский словарь / Под ред. З.З. Бамматова. – М., 1969.

- Мазур Ю.Н., Маздыков В.М., Усатов Д.М. Корейско-русский словарь. – М.: Рус. яз., 2001.
- Махмудов Х., Мусабаев Г. Казахско-русский словарь / Отв. ред. Г. Мусабаев. – Алма-Ата, 1954. 2-е изд., перераб. и доп. – Алма-Ата: Гл. ред. Каз. сов. энцикл., 1987.
- Мескутов В. Туркменско-русский словарь / Под ред. П. Азимова. – М.: Рус. яз., 1988.
- Монгол хэлний товч тайлбар толь / Зохиосон Я. Цэвэл. Ред. Х. Лувсанбалдан. – Улаанбаатар, 1966.
- Монголша-казакша сөздiк. – Улан-Батор, 1954.
- Монгольско-немецко-российский словарь с присовокуплением немецкого и русского алфавитных списков / Сост. Я. Шмидт. – СПб., 1835. – 613 с.
- Монгольско-русский словарь / Под ред. А. Лувсандэндэва. – М., 1957.
- Монгольско-русский словарь / Сост. К.Ф. Голстунский. – СПб., 1893-1895. Т. 1-3. Дополнения. – СПб., 1896.
- Монгольско-русско-французский словарь / Сост. О. Ковалевский. – Казань, 1844. – Т. 1-3.
- Монгуш Д.А. Русско-тувинский учебный словарь. – М.: Рус. яз., 1988.
- Наджип Э.Н. Уйгурско-русский словарь / Под ред. Т.Р. Рахимова. – М., 1968.
- Ногайско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. – М., 1963.
- Номинханов Ц.Д., Кокова-Патачакова Д.Ф. Хакасско-русский словарь. – Абакан, 1948.
- Ойротско-русский словарь / Н.А. Баскаков, Т.М. Тошакова. – М., 1947.
- Оруджев Е.Е. Азербайжан дилинин изахлы луғаты. – Баку, 1964-1987. – 1-4 ч.
- Остроумов Н.П. Словарь живого татарского языка. – Казань, 1986.
- Остроумов Н.П. Татарско-русский словарь. – Казань, 1892.
- Очирбат Г., Пэлжид Т. Русско-монгольский учебный словарь. – Улан-Батор, 1989.
- Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – СПб., 1907-1917, 1923-1930; 2-е изд. [Б.м.], 1959. – Т. 1-3.
- Персидско-русский словарь. – М., 1953; 1960.
- Персидско-русский словарь: В 2 т. / Сост.: М.Н. Османов, Д.Х. Дорри, Л.Н. Киселева и др. – М.: Рус. яз., 1985.
- Попов И.Н. Якутско-русский словарь. – Якутск, 1931.
- Рассадин В.И. Тофаларско-русский и русско-тофаларский словарь. – Иркутск, 1995.
- Русско-азербайджанский словарь: В 3 т. – Баку, 1956-1959; 4-е изд. – Баку: Маариф, 1984; 5-е изд. – Баку: Гл. ред. Азерб. сов. энцикл., 1990.
- Русско-алтайский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. – М., 1964.
- Русско-башкирский словарь / Под ред. Н.К. Дмитриева, К.З. Ахмерова, Т.Т. Баишева. – М., 1948.
- Русско-башкирский словарь / Сост. Г.Р. Каримова. Ред. Н.К. Дмитриев. – М., 1954.
- Русско-башкирский словарь. – М., 1964.
- Русско-бурят-монгольский словарь. – М., 1954.
- Русско-казахский словарь / Под ред. Н.Т. Сауранбаева. – М., 1954.

- Русско-калмыцкий словарь / Под ред. И.К. Илишкина. – М., 1964.
- Русско-калмыцкий словарь / Сост. Б.Б. Басангов; Ред. Л.С. Сангаев. – Элиста, 1963.
- Русско-калмыцкий словарь. – М., 1940.
- Русско-каракалпакский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. – М., 1947.
- Русско-каракалпакский словарь. – М., 1967.
- Русско-карачаево-балкарский словарь. – М., 1965.
- Русско-киргизский словарь / Под ред. К.К. Юдахина. – М., 1957.
- Русско-киргизский словарь. – Казань, 1910.
- Русско-кумыкский словарь / Под ред. З.З. Бамматова. – М., 1960.
- Русско-монгольски словарь. – М., 1960.
- Русско-монгольский словарь. – Улан-Батор, 1942.
- Русско-монгольский словарь. – Улан-Батор, 1967.
- Русско-ногайский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. – М., 1956.
- Русско-персидский словарь / Сост. Г.А. Восканян. – М.: Рус. яз., 1986.
- Русско-таджикский словарь. – М.: Рус. яз., 1985.
- Русско-татарский словарь / Под ред. Ф.А. Ганиева. – М.: Рус. яз., 1985; 4-е изд. – М.: ИНСАН, 1997.
- Русско-татарский словарь. – Казань, 1971.
- Русско-тувинский словарь / Под ред. А.А. Пальмбаха. – М., 1951.
- Русско-турецкий словарь / Сост. Э.М.-Э. Мустафаев, В.Г. Щербинин. – М.: Рус. яз., 1972.
- Русско-турецкий словарь. – М., 1945.
- Русско-туркменский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова, М.Я. Хамзаева. – М., 1956.
- Русско-тюркский словарь. – Баку, 1928. – Т. 1-2.
- Русско-узбекский словарь / Сост. А. Усманов. Ред. Г. Абдурахмонов. – Ташкент, 1954.
- Русско-узбекский словарь / Сост. Т.Н. Кариниязов; Ред. А.К. Боровков. – Ташкент, 1960.
- Русско-узбекский словарь. – Ташкент, 1980.
- Русско-узбекский словарь: В 2 т. – Ташкент, 1983-1984. – Т. 1-2.
- Русско-уйгурский словарь. – М., 1956.
- Русско-хакасский словарь / Под ред. Д.И. Чанкова. – М.: ГИС, 1961.
- Русско-чувацкий словарь / Под ред. И.А. Андреева и Н.П. Петрова. – М.: Рус. яз., 1971.
- Русско-чувацкий словарь / Под ред. Н.К. Дмитриева. – М., 1951.
- Русско-якутский словарь. – М., 1968.
- Рюмина-Сыркашева Л.Т., Кучигашева Н.А. Телеутско-русский словарь. – Кемерово: Кн. изд-во, 1995.
- Самсонов Н.Г. Словарь заимствованных слов. – Якутск: Бичик, 1996.
- Словарь башкирского языка: В 2 т. – М.: Рус. яз., 1993.
- Словарь марийского языка. – Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. ... Т. 1-8.
- Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. – Л.: Наука, 1975-1977. – Т. 1-2.
- Таджикско-русский словарь. – М., 1954.
- Тамдинсурэн Ц., Лувсандэндэв А. Орос-монгол толь. – Улаанбаатар, 1967-1969. – Т. 1-2.

- Татарско-русский словарь. – Казань, 1950.
- Татарско-русский словарь. – М., 1966.
- Татарча-русча сүзлек. – М.: Инсан, 1997.
- Тенишев Э.Р. Уйгурский диалектный словарь. – М.: Наука, 1990.
- Титов Е.И. Тунгусо-русский словарь. – Иркутск: Власть труда, 1926.
- Тодаева Б.Х. Словарь языка ойратов Синецзяна. – Элиста, 2001.
- Толковый словарь казахского языка. – Алма-Ата, 1986.
- Тохтаходжаева М.Х. Русско-узбекский словарь. – Ташкент: Ўқутивчи, 1988.
- Тувинско-русский словарь / Под ред. А.А. Пальмбаха. – М., 1955.
- Тувинско-русский словарь / Под ред. Э.Р. Тенишева. – М., 1968.
- Тумашева Д.Г. Көнбатыш Себер татарлары теле: Грамматик очерк һәм сүзлек. – Казан, 1961.
- Тумашева Д.Г. Словарь диалектов сибирских татар. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1992. – 256 с.
- Турецко-русский словарь / Ред. Э.М.-Э. Мустафаев, Л.И. Старостов. – М., 1977.
- Турецко-русский словарь / Сост. Д.А. Магазаник. – М., 1945.
- Туркмен дилиниң сөзлүги. – Ашгабад, 1962.
- Туркменско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова, Б.А. Каррыева, М.Я. Хамзаева. – М., 1968.
- Узбекско-русский словарь / Под ред. Т.Н. Кары-Ниязова и А.К. Боровкова. – Ташкент, 1941.
- Узбекско-русский словарь / Сост. С.Ф. Акабиров, З.М. Магфуров, А.Т. Ходжаханов. Ред. А.К. Коровков. – М., 1959.
- Уйгурско-русский словарь / Под ред. Ш. Кибирова, Ю. Цунвазо. – Алма-Ата, 1961.
- Уйгурско-русский словарь. – М., 1939.
- Уйгурско-русский словарь. – М., 1968.
- Ўзбек тилиниң изохли лугати. – М., 1981. – Т. I-II.
- Ўзбек халқ шевалари лугати. – Тошкент, 1971.
- Фарҳанги забони тоҷики (аз асри X то ибтидои асри XX). – М., 1969. – Т. 1-2.
- Хакасско-русский словарь / Под ред. Н.А. Баскакова. – М., 1953.
- Цинциус В.И., Ришес Л.Д. Русско-эвенкийский словарь. – М., 1952.
- Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тойльбар толь. – Улаанбаатар, 1966.
- Чёвашла-вырёсла словарь / М.Я. Сироткин ред. – М., 1961.
- Черемисов К.И. Бурятско-монгольско-русский словарь. – М., 1951.
- Чой Лувсанжав. Орос-монгол өвөрмөц хэллэгийн толь. – Улаанбаатар, 1970.
- Чувашско-русский словарь / Под ред. М.И. Скворцова. – М., 1982; 2-е изд. – М., 1985.
- Чувашско-русский словарь / Под ред. М.Я. Сироткина. – М., 1961.
- Шорско-русский и русско-шорский словарь. – Кемерово, 1993.
- Щека Ю.В. Турецко-русский словарь. – 2-е изд., стереотип. – М.: Цитадель, 1999.
- Щербинин В.Г. Русско-турецкий словарь. – М.: Рус. яз., 1989.
- Эвенкийско-русский словарь. – М., 1959.
- Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. – М., 1940.
- Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. – М., 1965.

- Юдахин К.К. Узбекско-русский словарь. – Ташкент, 1927.
- Ягелло И.Д. Полный персидско-арабско-русский словарь. – Ташкент, 1910.
- Якутско-русский словарь. – М., 1959.
- Якутско-русский словарь / Под ред. П.А. Слепцова. – М., 1972.
- Derleme Sözlüğü. – 1-12. TDK, 211. – Ankara, 1963-1982.
- Doerfer G., Tezcan S. Wörterbuch des Chaladsch Dialekt von Charrab. – Budapest, 1980.
- Kowalewski J.E. Dictionnaire mongol-russe-français. – Kazan, 1844-1849. – Т. 1-3.
- Kurpeško N.N., Akalin Ş.H. Şor Sözlüğü. – Adana, 1995.
- Lessing F.D. Mongolian-Englisch Dictionairy. – Berkeley and Los Angeles, 1960.
- Neçip E.N. Yeni Uygur Türkçesi Sözlüğü (Çev. İklil Kurban). – Ankara, 1995.
- Paasonen H. Çuvaş Sözlüğü. – Ankara, 1950.
- Shnitnikov B.N. Kazakh-English Dictionary: With a Preface by N. Poppe. – Bloomington, 1966.
- Tanıklarıyla Tarama Sözlüğü. – Ankara, 1963-1972. - Ç. I-VIII.
- Temel türkçe sözlük. – İstanbul, 1991. - Ç. I-V.
- Türkçe sözlük. – Ankara, 1988. – Ç. 1-2.

ЖУРНАЛЫ, ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, СБОРНИКИ

БЕ	– Балканско езикознание. София.
БългЕз	– Български език. София.
ВАН	– Вестник Академии наук СССР. М.
ВАН КАЗ ССР	– Вестник Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
ВАУ	– Вопросы археологии Урала. Свердловск.
ВВ	– Византийский временник. М.
ВГО	– Вестник географического общества.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ВЕ	– Вестник Европы.
БЛ	– Беларуская лінгвістыка. Мінск.
ВестнКазФан	– Вестник Казахского филиала Академии наук СССР. Алма-Ата.
ВестнЛГУ	– Вестник Ленинградского государственного университета. Л., 1946-1981.
ВЗ	– Восточные записки. Л.
ВИ	– Вопросы истории. М.
ВНОТ	– Вестник Научного общества Татароведения. Казань.
Вост.	– Востоковедение. Филологические исследования. Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия востоковедных наук. Ленинград.
ВП	– Вестник просвещения (орган Наркомпроса ТССР). Казань.
ВСЯ	– Вопросы славянского языкознания. М.
ВЧФ	– Вопросы чувашской филологии. Чебоксары (ЧГУ).
ВЯ	– Вопросы языкознания. М.
ГАИМК	– Государственная Академия истории материальной культуры. М.
ГИБИ	– Гръцки извори за българската история. София.
ГСУ	– Годишник на Софийския университет. Историко-филологическият факултет. София.
ДАН	– Доклады Академии наук СССР. Л.
ДВ	– Древности восточные. Труды Восточной комиссии императорского Московского археологического общества. М., 1888-1916.
ДЛ	– Диалектная лексика. Л.
ДРАН	– Доклады Российской Академии наук. Серия В.
ЕЛ	– Език и литература. Орган на филолозите-слависти. София.
ЖМВД	– Журнал Министерства внутренних дел. СПб.
ЖМНП	– Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
ЖС	– Живая старина. СПб.
ЗАН	– Записки Академии наук.
ЗАО	– Записки Археологического общества.

- ЗВОРАО** – Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб.- Пг.
- ЗЗСОИРГО** – Записки Западно-Сибирского отделения императорского Русского географического общества. Омск.
- ЗИВ** – Записки Института востоковедения АН СССР. Л., 1932-1949.
- ЗКВ** – Записки коллегии востоковедов при Азиатском Музее Академии Наук СССР. Л.
- ЗНИИ Чув.** – Записки Научно-исследовательского института языка, литературы и истории Чувашской АССР. Чебоксары.
- ЗООИД** – Записки императорского Одесского общества истории и древностей.
- ЗРГО** – Записки Русского географического общества. СПб.
- ЗУНИИ** – Записки Удмуртского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Ижевск.
- ИА** – Исторический архив.
- ИАК** – Известия императорской Археологической комиссии. СПб.
- ИАИ** – Известия императорской Академии наук. СПб.
- ИАИ КазССР** – Известия Академии наук Казахской ССР. Алма-Ата.
- ИАИ КиргССР** – Известия Академии наук Киргизской ССР. Фрунзе.
- ИАИ ОГН** – Известия Академии наук. Отделение гуманитарных наук. Л.
- ИАИ ОЛЯ** – Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. М.
- ИАИ СССР** – Известия Академии наук СССР. Л., М.
- ИАИ ТаджССР** – Известия Академии наук Таджикской ССР. Сталинабад, Душанбе.
- ИАИ Туркм.** – Известия Академии наук Туркменской ССР. Ашхабад.
- ИВСОРГО** – Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. Иркутск.
- ИГАИМК** – Известия Государственной Академии истории материальной культуры. М.; Л.
- ИГГО** – Известия Государственного географического общества.
- ИЗ** – Исторические записки. М.
- ИИАИ** – Известия Императорской академии наук. СПб.
- ИИБЕ** – Известия на Института за български език. София, 1952-1979.
- ИИБИИКЕ** – Известия на Института за българска история.
- ИКЕ** – Известия по Казанской Епархии. Казань.
- ИКУ** – Известия Казанского университета.
- ИОАИЭ** – Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Казань.
- ИОРЯС** – Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. СПб.
- ИПр.** – Исторически преглед. София.
- ИРАН** – Известия Российской Академии наук. Пг.
- ИРГО** – Известия Русского географического общества. СПб

- ИРКСА** – Известия Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. СПб.
- ИС** – История СССР. М.
- ИСВАЭИ** – Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института. Казань.
- ИСО АН** – Известия Сибирского отделения АН СССР. Серия общественных наук. Новосибирск.
- ИСОНИИ** – Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Орджоникидзе.
- ИСОРГО** – Известия Сибирского отделения Русского географического общества.
- ИТОИАЭ** – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь.
- ИТОРГО** – Известия Туркестанского отделения Русского географического общества. Ташкент.
- КБ** – Казанский библиофил.
- КГВ** – Казанские губернские ведомости. Казань.
- КВ** – Казанский вестник. Казань.
- КМВ** – Казанский музейный вестник. Казань.
- КПВ** – Культура и письменность Востока. Баку.
- КСИВ** – Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР. М.-Л., М.
- КСИИМК** – Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
- КСИНАз** – Краткие сообщения Института народов Азии. М.
- КСИС** – Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР. М.
- КСИЭ** – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.
- ЛС** – Лексикографический сборник. М.
- МАД** – Материалы по археологии Дагестана.
- МИ** – Мир ислама. СПб.
- МИА** – Материалы и исследования по археологии СССР. М.
- МИБЯ** – Материалы Института болгарского языка БАН. София.
- МОРРПТ** – Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников. ТССР. Казань.
- МЭ** – Материалы по этнографии. М.
- НАА** – Народы Азии и Африки. М.
- НЖ** – Наука и жизнь. Казань.
- НП** – Наука и просвещение. Ташкент.
- НПС** – Научно-педагогический сборник. Казань.
- НЭ** – Нумизматика и эпиграфика. М.
- ОЛА** – Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. М.
- ОРЯС** – Отделение русского языка и словесности Российской Академии наук. СПб.
- ПВ** – Проблемы востоковедения. М.
- ПИДО** – Проблемы истории докапиталистических обществ. М.

- ПЛНВ** – Памятники литературы народов Востока. М.
- ППВ** – Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. М.
- ПП и ПИКНВ** – Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л. Т.1-15.
- ПС** – Палестинский сборник. М.-Л.
- ПСРЛ** – Полное собрание русских летописей. СПб.; М.
- РА** – Российская археология. М.
- РР** – Русская речь. Научно-популярный журнал Института русского языка АН СССР. М., 1967-
- РФВ** – Русский филологический вестник. Варшава.
- СА** – Советская археология. М.
- САИ** – Свод археологических источников. М.
- СБ** – Старобългаристика. София.
- СБАН** – Сборник на Българската академия на науките.
- СБФ** – Славянский и балканский фольклор.
- СВ** – Советское востоковедение. М.; Л..
- СГАИМК** – Сообщения Государственной академии истории материальной культуры. М.
- СГВ** – Симбирские губернские ведомости. Симбирск.
- СИЭ** – Советская историческая энциклопедия. М.
- СкСб.** – Скандинавский сборник. Тарту.
- СМАЭ** – Сборник музея антропологии и этнографии. Л.
- СМОМПК** – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 1-46. Тифлис, 1881-1929.
- СНВ** – Страны и народы Востока. М.
- СОРЯС** – Сборник отделения русского языка и словесности Императорской академии наук [с 1919 г. – Российской АН, с 1925 г. – АН СССР]. Т. 1-101. СПб.; Пгр., 1872-1928.
- СПб. Вед.** – Санктпетербургские ведомости. СПб.
- ССл.** – Советское славяноведение. М.
- СТОЭ** – Сборник трудов Орхонской экспедиции. СПб. Т. 1-6.
- СФУ** – Советское финно-угроведение. Таллинн, 1965-1989.
- СЭ** – Советская этнография. М.
- ТА** – Таъван Атаъ. Шупашкар.
- ТВ** – Туркестанские ведомости. Ташкент.
- ТВОИАО** – Труды Восточного отделения Императорского археологического общества.
- ТВОРАО** – Труды Восточного отделения Русского археологического общества.
- ТИЭ** – Труды Института этнографии АН СССР. М.
- ТИЯз** – Труды Института языкознания АН СССР. М.
- ТИЯЛИ Кирг.** – Труды Института языка, литературы и истории АН Киргизской ССР. Фрунзе.
- ТИЯЛИ Як.** – Труды института языка, литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. Якутск.
- ТМИВ** – Труды Московского института востоковедения. М.

- ТОДРЛ** – Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР. М.
- ТОИТ** – Труды Общества по изучению Татарстана.
- ТОУАК** – Труды Оренбургской ученой архивной комиссии.
- ТрИРЯ** – Труды Института русского языка АН СССР. М.; Л.
- ТрКФАН** – Труды Казанского филиала АН СССР. Казань.
- ТрМарНИИ** – Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Йошкар-Ола.
- ТрМордНИИ** – Труды Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики. Саранск.
- ТрХАЭЭ** – Труды Хорезмского археолого-этнографической экспедиции. М.
- ТрЮТАКЭ** – Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции.
- ТС** – Тюркологический сборник. М.
- УЗ БАШКгу** – Ученые записки Башкирского университета. Серия филологических наук. Уфа.
- УЗ ГАНИИ** – Ученые записки Горно-Алтайского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.
- УЗ ИАН** – Ученые записки императорской Академии наук по первому и третьему отделениям. СПб.
- УЗ ИВАН** – Ученые записки Института востоковедения Академии наук СССР. М.
- УЗ ИЯЛИЯФ** – Ученые записки литературы и истории Якутского филиала Сибирского отделения АН СССР. Якутск.
- УЗ КазГПИ** – Ученые записки Казанского государственного педагогического института. Казань.
- УЗ Кирг ГУ** – Ученые записки Киргизского государственного университета. Фрунзе.
- УЗ КУ** – Ученые записки Казанского университета. Казань.
- УЗ ЛГПИ** – Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А.И.Герцена.
- УЗ ЛГУ** – Ученые записки Ленинградского госуниверситета. Л.
- УЗ ТашкГПИ** – Ученые записки Ташкентского государственного педагогического института. Серия общественных наук. Ташкент.
- УЗ ТомПИ** – Ученые записки Томского государственного педагогического института. Томск.
- КУЗ ТувНИИ** – Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл.
- УЗ ХНИИ** – Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.
- УЗ ЧГПИ** – Ученые записки Чувашского государственного педагогического института им. И.Я.Яковлева. Чебоксары.
- УЗ ЧНИИ** – Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР. Чебоксары.
- ФЗ** – Филологические записки. Воронеж, 1860-1917.

- ЧОИДР** – Чтения общества истории и древностей российских.
- ЭВ** – Эпиграфика Востока. М.; Л.
- ЭИРЯ** – Этимологические исследования по русскому языку. М.: Изд-во Моск. ун-та.
- ЭО** – Этнографические обозрение. Т. 1-112. М., 1889-1918.
- ЭСБЕ** – Энциклопедический словарь. Издатель Ж Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. СПб.
- ЮТАКЭ** – Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция.
- ЯМ** – Язык и мышление. М.; Л.
- ЯНС** – Языки народов Сибири. Кемерово.
- ЯТОП** – Языки и топонимия. Томск.
- AAпT** – Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae.
- AArch** – Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae.
- AASF** – Annales Academiae Scientiarum Fennicae. Suomalaisen Tiedekatemian toimituksia. Helsinki.
- AASSF** – см. AASF
- AAW** – Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften. Wiesbaden.
- AAWB** – Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Philologisch-historische Klasse.
- AB** – Analecta Bollandiana
- ABAW - B** – Abhandlungen der Berliner Akademie der Wissenschaften. Berlin.
- ABAW – M** – Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. München.
- ACUT** – Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis. Tertu.
- ADAW** – Abhandlungen der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst. Berlin.
- AEMAe** – Archivum Eurasiae Medii Aevi. New York.
- AEthn** – Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
- AF** – Altorientalische Forschungen, Berlin.
- AfslPh** – Archiv für slavische Philologie. Berlin-Leipzig.
- AfV** – Archiv für Völkerkunde. Wien.
- AION** – Annali dell'Instituto Orientale du Napoli.
- AJAS** – American Journal of Arabic Studies. Leiden.
- AJPh** – American Journal of Philologi. Baltimore.
- AJSL** – American Journal of Semitic Languages and Literatures. Chicago.
- AKM** – Archiv für die Kunde Des Morgenlandes. Leipzig.
- AKM** – Abhandlungen für die Kunde Des Moegenlandes. Herausgegeben von der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. Leipzig.
- ALH** – Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest.
- AM** – Asia Major. London.

- AM** – Asia Major. Zeitschrift für die Erforschung der Sprachen, der Kunst und der Kulturen des Fernen Orients und Zentralasiens. London.
- Annali** – Annali di Istituto Superiore di Napoli. Centro di studia di turcologia. Napoli.
- AO** – Archiv orientální. Journal of the chechoslovak oriental institute. Praha.
- AOH** – Acta orientalia (Academiae Scientiarum Hungaricae). Budapest.
- AOr(Havn)** – Acta orientalia (Havniae). Copenhagen. Kopenhagenåga.
- APAW** – Abhandlungen der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin.
- ASAL** – American Studies in Altaic Linguistics. Bloomington, 1962.
- AT** – Antik Tanulmányok.
- ATIM** – Alttürkischen Inschriften der Mongolei. St.-Pbg.
- AUL** – Latvijas Augstskolas Raksti (Acta Universitatus Latviensis). Rīga.
- AÜb** – Africa und Übersee. Berlin.
- AÜDTCFđ** – Ankara Üniversitesi Dilve Tarih-Coğrafya Fakültesi dergisi. Ankara.
- AUL** – Acta Universitatis Latviensis. Rīga.
- AWLM** – Akademie der Wissenschaften und der Literatur in Mainz, Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. Mainz.
- Baltistica** – Baltistica. Vilnius.
- BASOR** – Bulletin of American School of Oriental Research. Jerusalem-Bagdad.
- BB** – Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. Göttingen.
- BDA** – Bulletin of the Department of Anthropology, Indian Museum. Calcutta.
- BEFEO** – Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient. Paris.
- BEO** – Bulletin d'études orientales. Damas.
- BGA** – Bibliotheca Geographorum Arabicorum. Lugduni Batavorum, 1870. T.1, ed. 2. 1939; 1873. T.2; 1892. T.7.
- BIFAO** – Bulletin de l'Institut Français d'archéologie orientale. Le Caire.
- B – IJBS** – Byzantion. International Journal of Byzantine Studies. New York.
- BLEc** – Bulletin de la littérature ecclésiastique. Toulouse.
- BOH** – Bibliotheca Orientalis Hungarica. Budapest.
- BS** – Byzantinoslavica. Praha.
- BSLP** – Bulletin de la Société de linguistique de Paris. Paris.
- BSOAS** – Bulletin of the School of Oriental and African Studies. London.
- BSOS** – Bulletin of the School of Oriental Studies. London.
- BSz** – Budapesti Szemle.
- Byzantion** – Revue internationale des études byzantines. Paris – Brussel.
- CAJ** – Central Asiatic Journal. The Hague – Wiesbaden (Leiden; Wien).

- CB** – Corpus scriptorum historiae byzantinae. Bonnae.
- CF** – Catalogus Fontium Historiae Hungaricae, 1000-1301 / Ed. F.A.Gombos. Budapest, 1937. T. 1,2; 1938. T. 3.
- CIFU** – Congressus Internationalis Fenno-Ugrisarum: I. Budapest, 1963; II. Helsinki, 1968; III. Tallinn, 1973; IV. Budapest, 1978-1981 (T. 1-3); V. Turku, 1980-1981 (T. 1-8).
- CO** – Collectanea Orientalia. Wilno, 1932.
- CQIFU** – Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum. Budapest, 1975.
- CTIFU** – Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugritarum. Tallin, 1970.
- DD** – Türkiye'de halk ağzındansöz derleme dergisi, I-VI. İstanbul-Ankara, 1939-1952.
- Dİ** – Der İslam. Strassburg-Berlin. Berlin.
- DS** – Türkiye'de halk ağzından derleme sözlüğü, I-III. Ankara, 1963-1968.
- DTCFD** – Dil, Tarin ve Coğrafya Fakultesi dergisi. Ankara.
- DWAW** – Denkschriften der kaiserlicher Akademie der Wissenschaften zu Wien.
- EB** – Études Balkaniques. Sofia.
- ECam** – Études camérounaises. Douala-Paris.
- EFU** – Études finnougriennes. Paris.
- Eİ** – Encyclopédie de l'islam. Leiden-Paris.
- Eİ_z** – The Encyclopaedia of Islam. New ed. Leiden-Leipzig, 1913-1936. V. 1-15.
- EK** – Eesti Keel. Tartu.
- EKirj** – Eesti Kirjandus. Tartu.
- EPhK** – Egyetemes Philologiai Közlöny.
- ESA** – Emakeele Seltsi Aastaraamat. Tallinn.
- ETATÜ** – Eesti Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonneteadused. Tallinn.
- ETATÜS** – Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateaduste Seeria. Tallinn.
- FFS** – Folklore Fellows communications. Helsinki.
- FHG** – Fragmenta historicorum graecorum.
- FO** – Folia orientalia
- FU** – Fenno-ugristica. Tartu (TRÜT).
- FUF** – Finnisch-ugrische Forschungen. Helsinki.
- FUFAnz.** – Anzeiger der Finnisch-Ugrischen Forschungen. Helsinki.
- GGA** – Göttingische Gelehrte Anzeigen. Göttingen.
- GGF** – Grundriss der germanischen Philologie. Strassburg.
- GHÅ** – Göteborg Högskolas Årsskrift. Göteborg.
- GLrPh** – Grundriss der iranischen Philologie. Strassburg.
- GSAs** – Giornale della Società Asiatica Italiana. Roma.
- GMS** – Gibb Memorial Series.
- HbOr** – Handbuch der Orientalistik. Leiden-Köln.
- HGM** – Historici graeci minores. Lipsiae.

- HJAS** – Harvard Journal of Asiatic Studies. Harvard-Yenching Institute. Cambridge, Massachusetts.
- HR** – History of Religions, Chicago.
- IAnt** – Indian Antiquary. Bombay.
- İC** – İslamic Culture. Hyderabad.
- IF** – Indogermanische Forschungen. Berlin.
- IIJ** – Indo-Iranian Journal. s¹-Gravenhage. Leiden.
- IJAL** – International Journal of American Linguistics. Baltimore.
- IJMES** – International Journal of Middle Eastern Studies. London; New York.
- IJSLP** – Internationak Journal of Slavic Linguistics and Poetics.
- IL** – Indian Linguistics. Calcutts.
- IUP** – Indiana University Publications. Bloomington-The Hague.
- JA** – Journal Asiatique . Paris.
- JAOS** – Journal of the American Oriental Society. Baltimore. Maryland. New York-New Haven. Chicago.
- JAS** – Journal of the Asiatic Society. Calcutta.
- JASB** – Journal of the Asiatic Society of Bengal, Calcutta. Calcutta.
- JBBRAS** – Journal of Bambay Branch of the Royal Asiatic Society.
- JNES** – Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
- JRAI** – Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. London.
- JRAS** – Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain. London
- JSFOu** – Journal de la Société Finno-Ougrienne. Suomalais-ugrilaisen Seuran aikakauskirja. Helsinki.
- KBY** – Kültür Bakanlğı yayımları. İstanbul.
- kcZa** – Kőrösi Csoma Archivum. Budapest.
- KCzKk** – Kőrösi Csoma Kiskönyvtár.
- KED** – Kaynak Eserler Dizini. İstanbul.
- KE** – Keel ja Kirjandus. Tallinn.
- KKIU** – Eesti NSV Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituudi UUrimumused. Tallinn.
- KSVK** – Kalevalaseuran vuosikirja. Porvoo-Helsinki.
- KSz** – Keleti Szemle (Revue orientale). Budapest.
- KZ** – Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen, begründet von A.Kuhn. Berlin, Göttingen.
- Lg** – Language. Baltimore.
- LP** – Lingua posnaniensis. Poznań.
- LSFU** – Lexica Societatis Fenno-Ugricae. Helsinki.
- LSI** – Linguistic Survey of India, compiled and edited by Grierson. Calcutta, 1899-1928. Vol. 1-11.
- LSUI** – Language Sciences (University of Indiana).
- LU** – Linguistica Uralica. Tallinn.
- LUÅ** – Lund Universititets Årsskrift. Lund.
- MAS** – Mélanges Asiatiques tirés du Bulletin de l'Académie Imperiale Des Sciences de St.-Petersburg.
- MIDEO** – Mélanges d'Institut Dominicain d'Etudes Orientales du Caire.

- MIOF** – Mitteilungen des Instituts für Orientforschung. Berlin.
- MKSz** – Magyar Könyvszemle
- MNL** – Magyar Néprajzi Lexikon.
- MNy** – Magyar Nyelvjárások. Budapest.
- MO** – Le Monde orientale. Uppsala.
- MSFOu** – Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. Helsinki.
- MSL** – Mémoires de la Société de linguistique de Paris. Paris.
- MSOS** – Mitteilungen des Seminars für orientalischen Sprachen. Der Friedrich-Wilhelms Universität. Berlin.
- MTAkKözl** – A Magyar Tudományos Akadémia nyelv- és irodalomtudományi osztályának Közlemények. Budapest.
- Mtud** – Magyar Tudomány.
- NAW** – Nachrichten der Akademie der Wissenschaften in Göttingen.
- NÉ** – Néprajzi Értesítő
- NF** – Neue Folge.
- NM** – Neuphilologische Mitteilungen. Helsinki.
- NNy** – Népünk és Nyelvünk. Szeged.
- NO** – Nový Orient. Praha.
- NTS** – Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap. Oslo.
- NyÉrt** – Nyelvtudományi Értekezések. Budapest.
- NyK** – Nyelvtudományi Közlemények. Budapest.
- NyT** – Nyelvészeti Tanulmányok.
- OLZ** – Orientalistische Literatur-Zeitung. Leipzig.
- OM** – Oriente Moderno. Roma.
- OR** – Oriens. Leiden.
- OS** – Orientalia Suecana. Stockholm.
- PAU PrOr** – Polsks Akademia Umiejętności Prace Komisji Orientalistycznej
- PBAc** – [- Mémoires de la Commission Orientale]. Kraków.
- PhTF** – Proceedings of the British Academt. London.
- PKO** – Philologiae turciae fundamenta. T.T.Wiesbaden, 1959.
- PO** – Prace komisji orientalistycznej Polska Akademija umiejętności. Kraków.
- PPhS** – Przegląd orientalistyczny. Warszawa.
- QJMS** – Proceedings of the Philological Society. London.
- RAFR.** – Quartely Journal of the Mythic Society. Bangalore.
- RANL** – Revue africaine. Alger.
- RÉS** – Rendicondi della Reale Accademia Nazionale dei Lincei, classe di scienze morali, storische e filosofiche. Roma.
- RHR** – Revue des Études Slaves. Paris.
- RILmb** – Revue del'histoire des religions. Paris.
- RIL** – Rendicondi del Reale Istituto Lombardo. Milano.
- RIL** – Rendiconti dell' Istituto Lombardo di scienze e lettere. Classe di lettere e scienze morali e storiche. Milano.
- RLing** – Revue de linguistique et de philologie comparée. Paris.
- RO** – Rocznil orientalistyczny. Lwów; Kraków; Warszawa.
- ROC** – Revue de l'Orient chrétien. Paris.

RSO	–	Revista degli studi orientali. Roma.
RStO	–	Rivista degli Studi Orientali. Roma.
SAW	–	Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Helsinki.
SBAW	–	Sitzungsberichte der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München.
SBAW Berl.	–	Sitzungsberichte der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Klasse für Sprachen, Literatur und Kunst.
SBAW Wien	–	Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Klasse der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Wien.
SBBA	–	Sitzungsberichte der Bayerische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historischen Abt. München.
SDD	–	Türkiyede halk ağzından söz derleme dergisi. 1-6. İstanbul, Ankara, 1939-1952.
SEC	–	Studia Etymologica Cracovensia.
SFAW	–	Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften. Helsinki.
SHAW	–	Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften zu Heidelberg. Heidelberg.
SL	–	Studia Iranica.
SK	–	Seminarium Kondakovianum. Praha.
SKST	–	Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia. Helsinki.
Slavia	–	Časopis pro slovanskou filologii. Praha.
SPAW	–	Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Berlin.
Spr Sällsk.	–	Språkvetenskapliga sällskapetets i Uppsala förhandlingar (в изд. Uppsala Universitets Årsskrift). Uppsala.
SRH	–	Scriptorum Rerum Hungaricorum. Budapest.
STH	–	Studia Turco-Hungarica. Budapest.
StO(f)	–	Studia Orientalia Fennica. Helsinki.
SUA	–	Studia uralo-altaica. Szeged.
SvL	–	Swenska landmål och svensk folkliv. Stockholm.
SWAW	–	Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu Wien.. Philosophisch-historische Klasse. Wien.
TD	–	Türk Dili. Aylik dil ve edebiyat dergisi. Ankara. İstanbul.
TDAY-B	–	Türk dili araştırmaları yıllığı(Bellekten). Ankara.
TDEA	–	Türk Dili ve Edebiyatı Araştırmaları. İstanbul.
TDED	–	Türk Dili ve Edebiyatı Dergisi. Ankara.
TDKY	–	Türk dil kurumu yayınları. Ankara.
THITM	–	Türk Hukuk ve İktisat Tarihi Mecmuası.
TL	–	Tietolipas. Helsinki.
TM	–	Türkiyat Mecmuası. İstanbul.
T' P	–	T'oung Pao. Archives concernant l'histoire, les langues la géographie, l'etnographie et les arts de l'Asie Orientale. Leiden. Paris.
TPhs	–	Transactions of the Philological Society. Oxford. London.
TRÜT	–	Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised. Tartu.

- TS** – XIII. yüzyıldan beri Türkiye Türkçesiyle tarama sözlüğü. I-IV. Ankara, 1943-1957. 2-е изд. I-VI. Ankara, 1963-1972.
- TSz** – Történelmi Szemle.
- Túrán** – Túrán. Zeitschrift für osteuropäische, vorder- und innerasiatische Studien. Budapest, 1918.
- TŽ** – Tauta ir žodis. Kaunas.
- UAB** – Ural-Altäische Bibliothek.
- UAJb** – Ural-Altäische Jahrbücher. Wiesbaden.
- UAS** – Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series. Bloomington – The Hague.
- UCeylR** – University of Ceylon Review. Colombo.
- UJb** – Ungarische Jahrbücher. Berlin-Leipzig.
- UUÅ** – Uppsala Universitets Årsakrift. Uppsala.
- Vir.** – Virittäjä. Helsinki.
- WuS** – Wörter und Sachen. Heidelberg.
- WZKM** – Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien.
- ZajZJPS** – Zayączkowski A. Związki językowe połowiecko-słowianskie. Wrocław, 1949.
- ZAS** – Zentralasiatische Studien. Wiesbaden.
- ZDMG** – Zeitschrift der Deutschen morgenländischen Gesellschaft. Leipzig, Wiesbaden.
- ZE** – Zeitschrift für Ethnologie.
- ZES** – Zeitschrift für Eingeborenen-Sprachen. Berlin
- ZfSPh** – Zeitschrift für slavische Philologie. Berlin, Heidelberg, Leipzig.
- ZfVps** – Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft. Berlin.
- ZII** – Zeitschrift für Indologie und Iranistik. Leipzig.
- ZONF** – Zeitschrift für Ortsnamenforschung. München, Berlin.
- ZPh** – Zeitschrift für Phonetik und allgemeine Sprachwissenschaft. Berlin.
- ZSem** – Zeitschrift für Semitistik. Leipzig.
- ZSLPh** – Zeitschrift für slavische Philologiae. Leipzig,
- ZSLPh** – Zeitschrift für Slavische Philologie. Leipzig-Heidelberg.

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ ЯЗЫКОВ И ДИАЛЕКТОВ

- абадз. – абадзехский (диалект адыгейского языка)
абаз. – абазинский
абак. – абаканский (=хакасский)
абал. – абаларский (=абинский) см. шор.
абд. – абдолтили (арго цеха артистов и музыкантов Средней Азии)
абдал. – аргю абдалов Восточного Туркестана
абж. – абжуйский (диалект абхазского языка)
абх. – абхазский
авар. – аварский
авест. – авестийский
авр. – авромани
австрон. – австронезийский
австрот. – австротайский
агат. – говор эвенков Агаты и Большого Порога северного наречия
агин. – агинский (говор бурятского языка)
агул. – агульский
адб. гон. – адилабадский гонди
адб. кол. – адилабаский колами
аджар. – аджарский
адыг. – адыгейский
аз. – азербайджанский
аз. (агл.) – агдашский (говор азербайджанского языка)
аз. (айрум) – айрумский говор западного диалекта азербайджанского языка
аз. (бак.) – бакинский диалект азербайджанского языка
аз. (варт.) – варташинский (говор азербайджанского языка)
аз. (геокч.) – геокчайский (говор азербайджанского диалекта)
аз. (гяндж.) – гянджинский диалект азербайджанского языка
аз. (джебр.) – джебраиллский (говор азербайджанского языка)
аз. (дман.) – дманисский (говор азербайджанского языка)
аз. (ерев.) – ереванский говор южного диалекта азербайджанского языка
аз. (закат.) – закатальский (говор азербайджанского языка)
аз. (занг.) – зангеланский (говор азербайджанского языка)
аз. (казах.) – казахский диалект азербайджанского языка
аз. (караб.) – карабахский (диалект азербайджанского языка)
аз. (караяг.) – караягинский (говор азербайджанского языка)
аз. (ках.) – кахский (говор азербайджанского языка)
аз. (керук.) – керукский (говор азербайджанского языка)
аз. (куб.) – кубинский (диалект азербайджанского языка)
аз. (ленк.) – ленкоранский говор восточного диалекта азербайджанского языка
аз. (муган.) – муганский говор восточного диалекта азербайджанского языка
аз. (нахич.) – нахичеванский (диалект азербайджанского языка)

аз. (нух.) – нух(ин)ский (диалект азербайджанского языка)
аз. (ордуб.) – ордубадский (диалект азербайджанского языка)
аз. (сальян) – сальянский (диалект азербайджанского языка)
аз. (тавриз.) – тавризский диалект азербайджанского языка
аз. (шемах.) – шемаханский (диалект азербайджанского языка)
айн. – айнский
аккад. – аккадский
аккин. – аккинский (диалект чеченского языка)
акнад. – акнадинский диалект тиндинского языка
акног. – акногайский (диалект ногойского языка)
аксуй. – аксуиский (говор уйгурского языка)
акуш. – акушинский (диалект даргинского языка)
алан. – аланский
алар. – аларский (диалект бурятского языка)
албан. – албанский
алд. – алданский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
алил. – алилинский (говор язырского диалекта туркменского языка)
алл. – аллайховский (говор среднего наречия эвенского языка)
алт. – алтайский
алют. – алюторский
амх. – амхарский
анад. – анадырский (говор восточного наречия эвенского языка)
анат. – анатолийский
анауск. – анауский (говор туркменского языка)
ангид. – ангидинский (диалект тиндинского языка)
англ. – английский
англос. – англосаксонский
анд. – андийский
ануд. – анудха
анц. – анцухский (диалект аварского языка)
анюй. – 1) анюйский (говор среднего наречия эвенского языка); 2) анюйский говор удэйского языка
араб. – арабский
арабач. – арабачы (говор туркменского языка)
арабча – арго фергенских и ташкентских (на таджикской основе) говоров узбекского языка
араг. – арага
арак. – аракульский (диалект лакского языка)
арам. – арамейский
аргив. – аргивский
арий. – арийский
арин. – аринский (енисейский)
арин. – аринский (= западно-сибирский диалект татарского языка)
аргос. – аргосский
аркас. – аркаский (говор аварского языка)
арк.-кипр. – аркадо-кипрский
аркит. – аркитский (говор табасаранского языка)
арм. – армянский

арман. – арманский (диалект эвенского языка)
арм.-кыпч. – язык армяно-кыпчакских памятников
арм.-пол. – армяно-половецкий
аромун. – аромунский (македонско-румынский)
арсуг. – арсугский (говор агульского языка)
ару-хорч. – ару-хорчинский
архав. – архавский
арханг. – архангельский (говор русского языка)
арчин. – арчинский
арчоб. – арчобский (говор каратинского языка)
ассан. – ассанский
ассир. – ассирийский
астиджан. – астиджанский
астрах. – астраханский
атин. – атинский
атгич. – аттический
аукшт. – аукштайский
афг. – афганский (пашто)
афт. – афтари
афш. – афшарский
атг. – аттический
ахвах. – ахвахский
ахмим. – ахмимский
ахт. – ахтынский (диалект лезгинского языка)
ашк. – ашкун (один из кафирских языков)
ашт. – аштский (диалект таджикского языка)
ашх. – ашхарский (диалект абазинского языка)
а.-я. – адшага-яракский (говор табасаранского языка)
аян. – аянский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
бавар. – баварский
багв. – багвалинский (багвальский, багулальский, квандинский)
багуал. – багуальский
бадахш. – бадахшанский (говор таджикского языка)
бадж. – баджувский (диалект шугнанского языка)
баджал. – баджалани (диалект языка турани)
баджув. – баджувский (диалект шугнанского языка)
байкит. – байкитский (говор южного наречия эвенкийского языка)
бакс. – баксанский (диалект карачаево-балкарского языка)
бактр. – бактрийский
балак. – балаканский (диалект бурятского языка)
балк. – балкарский
балг. – балтийский
бальск. – бальский
банг. – бангару (диалект западного хинди)
баоань. – баоаньский
бар.-бур. – баргу-бурятский
бар. – баргузинский 1) говор бурятского языка; 2) говор южного наречия эвенкийского языка

бар. кан. – баркурский каннада
барт. – бартангский
бартх. – бартхинский (диалект лакского языка)
баск. – баскский
батлук. – батлукский (диалект аварского языка)
баунт. – баунтовский (говор южного наречия эвенкийского языка)
бахт. – бахтиярский (диалект персидского языка)
бацб. – бацбийский (-тушинский)
башк. – башкирский
башк. (айск.) – айский (говор восточного диалекта башкирского языка)
башк. (айск.-киг.) айско-кигинский (говор восточного диалекта башкирского языка)
башк. (айск.-миас.) – айско-миасский (говор восточного диалекта башкирского языка)
башк. (арг.) – аргаяшский (говор восточного диалекта башкирского языка)
башк. (асин.) – асинский (говор башкирского языка)
башк. (байк.) – байкибашевский (говор башкирского языка)
башк. (бал.) – балактайский (говор диалекта башкирского языка)
башк. (балыкч.) – балыкчинский (говор башкирского языка)
башк. (бас.) – басувский (говор южного диалекта башкирского языка)
башк. (белорец.) – белорецкий (говор башкирского языка)
башк. (бурз.) – бурзятский (говор восточного диалекта башкирского языка)
башк. (в.-бел.) – верхнебельский (говор восточного диалекта башкирского языка)
башк. (вост.) – восточный диалект башкирского языка
башк. (гайн.) – гайнинский (говор северо-западного диалекта башкирского языка)
башк. (гаф.) – гафурийский (говор южного диалекта башкирского языка)
башк. (дем.) – демский (говор южного диалекта башкирского языка)
башк. (дем.-альш.) – демско-альшеевский (говор южного диалекта башкирского языка)
башк. (дем.-давл.) – демско-давлеканский (говор южного диалекта башкирского языка)
башк. (дем.-кар.) – демско-караидельский (говор южного диалекта башкирского языка)
башк. (дем.-мияк.) – демско-миякинский (говор южного диалекта башкирского языка)
башк. (дув.-меч.) – дуван-мечетлинский (говор восточного диалекта башкирского языка)
башк. (дюрт.) – дюртюлинско-илишевский (говор башкирского языка)
башк. (ез.) – еземский (говор южного диалекта башкирского языка)
башк. (зап.) – западный (говор башкирского языка)
башк. (заур.) – зауральский (говор восточного диалекта башкирского языка)
башк. (зиг.) – зиготский (говор башкирского языка)
башк. (зил.) – зилаирский (говор башкирского языка)
башк. (зилим.) – зилимский (говор башкирского языка)
башк. (ик.-сакм.) – ик-сакмарский (говор южного диалекта башкирского языка)
башк. (инз.) – инзерский (говор южного диалекта башкирского языка)
башк. (казм.) – казмашевский (говор восточного диалекта башкирского языка)
башк. (караг.) – карагай-кыжакский (говор башкирского языка)

башк. (карид.) – каридельский (говор южного диалекта башкирского языка)
 башк. (карм.) – кармаскалинский (говор башкирского языка)
 башк. (к.-ид.) – караидельский (говор северо-западного диалекта башкирского языка)
 башк. (киз.) – кизильский (говор восточного диалекта башкирского языка)
 башк. (кубал.) – кубалакский (говор восточного диалекта башкирского языка)
 башк. (кумбр.-таб.) – кумрук-табынский (говор башкирского языка)
 башк. (кююрг.) – кююргазинский (говор башкирского языка)
 башк. (кыз.) – кызыльский (говор восточного диалекта башкирского языка)
 башк. (кырм.) – кырмыскалинский (говор башкирского языка)
 башк. (лаг.) – лагырский (говор восточного диалекта башкирского языка)
 башк. (лемез.) – лемезский (говор башкирского языка)
 башк. (менз.) – мензединский (говор башкирского языка)
 башк. (миас.) – миасский (говор восточного диалекта башкирского языка)
 башк. (мияк.) – миякинский (говор восточного диалекта башкирского языка)
 башк. (нугуш.) – нугушский (говор башкирского языка)
 башк. (нур.) – нурамановский (говор диалекта башкирского языка)
 башк. (петр.) – петрушкинский (говор восточного диалекта башкирского языка)
 башк. (сакм.) – сакмарский (говор диалекта башкирского языка)
 башк. (сакм.-байм.) – сакмарско-баймакский (говор башкирского языка)
 башк. (сакй.-тавл.) – сакмарско-тавлыкавский (говор башкирского языка)
 башк. (сакм.-хайб.) – сакмарско-хайбуллинский (говор башкирского языка)
 башк. (сал.) – сальютский (говор восточного диалекта башкирского языка)
 башк. (сев.-вост.) – северо-восточные (говоры башкирского языка)
 башк. (с.-з.) – северо-западный (говор башкирского языка)
 башк. (ср.) – средний (говор южного диалекта башкирского языка)
 башк. (сур.) – сурямский (говор башкирского языка)
 башк. (суран) – суранский (говор башкирского языка)
 башк. (там.) – тамьянский (говор башкирского языка)
 башк. (танал.) – танальгинский (говор башкирского языка)
 башк. (танып.) – таныпский (говор башкирского языка)
 башк. (тил.) – тиляуский (говор восточного диалекта башкирского языка)
 башк. (туйм.) – туймазинский (говор башкирского языка)
 башк. (туй.) – туйский (говор южного диалекта башкирского языка)
 башк. (уй.) – уйский (говор башкирского языка)
 башк. (уран) – уранский (говор башкир, расселенных по р. Уран Оренбургской области)
 башк. (урш.) – уртакский (говор южного диалекта башкирского языка)
 башк. (учал.) – учалинский – говор башкирского языка (тептярское наречие)
 башк. (хурям.) – хурямский (говор южного диалекта башкирского языка)
 башк. (чишм.) – чишминский (говор башкирского языка)
 башк. (ю.в.) – юго-восточный (говор диалекта башкирского языка)
 башк. (южн.) – южный диалект башкирского языка
 башк. (юрм.) – юрматынский (говор южного диалекта башкирского языка)
 башк. (юрюз.) – юрюзанский (говор диалекта башкирского языка)
 башк. (ал.-кат.) – ялан-катайский (говор диалекта башкирского языка)
 бежет. – бежетинский
 бежт. – бежтинский

бел. – беллари
беломор. – беломорский
белор. – белорусский
белудж. – белуджский
бельт. – бельтирский (=хакасский)
бенг. – бенгали
беот. – беотийский
берб. – берберский
бес. – бесермянский (диалект удмуртского языка)
беслен. – бесленеевский (диалект кабардинского языка)
бег. гон. – бетульский гонди
бжед. – бжедгуйский (диалект адыгейского языка)
б.-зем. – большеземельский
бзыб. – бзыбский (диалект абхазского языка)
библ.-арам. – библейско-арамейский
бикип. – бикинский 1) (говор удэйского языка); 2) (говор нанайского языка)
бир. – бирский (говор марийского языка)
бирм. – бирманский
болг. – болгарский
борч. – борчинский (диалект рутульского языка)
босн. – боснийско-турецкий
ботл. – ботлихский
бох. – боханский (диалект бурятского языка)
бохейр. – бохейрский
бр. – брауи
брахм. – брахманский
брет. – бретонский
буд. – будухский
будд. – язык текстов буддийского письма
будух. – будухский
буйн. – буйнакский (диалект кумыкского языка)
булг. – болгарский
булгат. – булгатский (говор бурятского языка)
бунд. – бундели (диалект западного хинди)
бур. – бурятский
бург. – бургундский
бурких. – буркиханский (говор агульского языка)
буруш. – бурушаский
бутр. – бутринский (диалект даргинского языка)
бухар. – бухарский (диалект узбекского языка)
быстр. – быстринский (говор восточного наречия эвенского языка)
вавил. – вавилонский
вайг. – вайгали
в.-адж. – верхнеаджарский
ваз. – вазири (диалект пашто)
валаш. – валашский
валл. – валлийский
в.-амур. – верхнеамурский (говор восточного наречия эвенкийского языка)

ван. – ванеци (диалект афганского языка)
вавнав. – ванаварский (говор южного наречия эвенкийского языка)
ванд. – вандалский
вандж. – ванджский
варз. – варзобский (говор таджикского языка)
варт. – варташенский (диалект удинского языка)
вас. – васюганский
вах. – ваханский
в.-бельск. – верхнебельский
в.-вычег. – верхневыхегорский (диалект коми-зырянского языка)
вед. – ведийский
вейнах. – вейнахский
великолук. – великолукский
вельот. – вельотский
венг. – венгерский
венет. – венетский
вепс. – вепсский
верх. – верховой (диалект чувашского языка)
верш. – вершицкий (диалект языка бурушаски)
вестгот. – вестготский
виллой – виллойский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
витим. – витимский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
виц. – вицкий
вице-архав. – вице-архавский
вицх. – вицхинский (диалект лакского языка)
вишер. – вишерский (диалект коми-зырянского языка)
влад. – владимирский
в.-лен. – верхоленский (говор южного наречия эвенкийского языка)
в.-луж. – верхнелужицкий
вог. – вогульский (=мансийский)
вод. – водский
волж. – волжский (говор лугового наречия марийского языка)
волж.-перм. – волжско-пермский
волж.-фин. – волжско-финский
волог. – вологодский
вольск. – вольский
вост. – восточный
вост.-вычег. – восточно-вычегожский (диалект коми-зырянского языка)
вост.-иран. – восточно-иранский, -ие языки
вост.-кав. – восточно-кавказский
вост.-кушит. – восточно-кушитский
вост.-монг. – восточно-монгольский
вост.-саам. – восточносаамский
вост.-слав. – восточнославянский
вост.-тюрк. – восточнотюркский
вост.-фриз. – восточнофризский
вост.-ф.-уг. – восточнофинноугорский, -ие
вост.-хант. – восточнохантыйский

вост.-чад. – восточночадский
вот. – вотякский (=удмуртский)
вотап. – воталури (дардский диалект центральной группы)
в.-сыс. – верхнесысольский (диалект коми-зырянского языка)
вулк. – вулканештский (говор гагаузского языка)
вым. – вымский (диалект коми-зырянского языка)
вычег. – вычегодский (диалект коми-зырянского языка)
вят. – вятский областной говор русского языка
г. – галицкий (диалект западно-караимского языка)
гав.-бат. – гавар-баты
гаг. – гагаузский
гаг. (центр.) – центральный (чадырлунгско-комратский диалект гагаузского языка)
гаг. (южн.) – южный (вулканештский диалект гагаузского языка)
гад. – гадаба
гадыр. – гадыринский (говор чамалинского языка)
гакв. – гакваринский диалект цахурского языка
гал. – галльский
галат. – агалтский
галинд. – галиндский
галло-ром. – галло-романский
г.-алт. – горноалтайский
гат. – гатский, авестийский язык Гат.
гд. кан. – гауда каннада
геклен. – гекленский (диалект туркменского языка)
гел. – гелхенский (говор лезгинского языка)
гельм. – гельмецкий (диалект цахурского языка)
геоглен. – геокленский (диалект туркменского языка)
герм. – германский
гигат. – гигатльский (диалект чамалинского языка)
гид. – гидский (диалект аварского языка)
гижд. – гиждуванский (говор таджикского языка)
гил. – гилинский
гилияр. – гилиярский (говор лезгинского языка)
гинух. – гинухский
гисс. – гиссарский (говор таджикского языка)
г.-мар. – горномарийский
годоб. – годоберинский
гойд. – гойдельский
голл. – голландский
гольд. – гольдский (=канайский)
гомер. – гомеровский
гон. – гонди
гонч. – гончинский (говор таджикского языка)
гом. гон. – гомму гонди
горлос. – горлосский
горн. – горный
горон. – горонский (говор таджикского языка)
гот. – готский

гр. – греческий
груз. – грузинский
груз.-зан. – грузинско-занский
губд. – губденский (диалект даргинского языка)
гудж. – гуджарати
гул. кан. – гульбаргский каннада
гумин. – гуминский (говор табасаранского языка)
гунз. – гунзибский
гунн. – гуннский
гуран. – гуранский
гурий. – гурийский
гуцул. – гуцульский
гэль. – гэльский (=кельтский)
гюгр. – гюграхский (говор табасаранского языка)
гюн. – гюнайский (диалект лезгинского языка)
дав. – давани (диалект Фарса)
даг. – дагестанские
дагур. – 1) дагурский; 2) говор осолоновишихся дагуров
дак. – дакийский
дако-фрак. – дако-фракийский
далм. – далматинский
дам. – дамели
дарв. – дарвазский (говор таджикского языка)
дарг. – даргинский
дард. – дардский
дарси – фарси-кабули, персидский язык Афганистана
дат. – датский
демот. – демотический
дерб. – дербетский (говор таджикского языка)
дербет – дербетский
джав. – джавахурский
джайп. – джайпури (диалект раджастанского языка)
джаст. – джастуйский
джихт. – джихтинский (говор табасаринского языка)
дж.-крб. кан. – джену-куруба каннада
джуг.-джуги – (таджикский говор гиссарских джуги)
джжал. бр. – джахалаванский брауи
дзук. – дзукский
дигор. – дигорский (диалект осетинского языка)
дид. – дидойский (=цезский)
доб. – добу
догреч. – догреческий
докуз. – докузпаринский (диалект лезгинского языка)
долан. – язык долан, говорящих на аксуйском говоре центрального диалекта уй-
гурского языка (между Файзабадом – к востоку от Кашгара – и Аксу)
долг. – долганский
домар. – домарийский
дон. – донской

доперм. – допермский
дор. – дорический
дослав. – дославянский
дотюрк. – дотюркский
драв. – дравидийский
др.-алб. – древнеалбанский
др.-англ. – древнеанглийский
др.-араб. – древнеарабский
др.-арам. – древнеарамейский
др.-арм. – древнеармянский
др.-ассир. – древнеассирийский
др.-бав. – древнебаварский
др.-болг. – древнеболгарский
др.-брет. – древнебретонский
др.-булг. – древнебулгарский
др.-вавил. – древневавилонский
др.-валл. – древневаллийский
др.-венг. – древневенгерский
др.-в.-нем. – древневерхненемецкий
др.-герм. – древнегерманский
др.-груз. – древнегрузинский
др.-евр. – древнееврейский
др.-егип. – древнеегипетский
др.-инд. – древнеиндийский
др.-ирланд. – древнеирландский
др.-исланд. – древнеисландский
др.-канн. – древний каннада
др.-кимр. – древнекимрский
др.-кор. – древнекорейский
др.-корн. – древнекорнский
др.-лат. – древнелатинский
др.-лив. – древнеливийский
др.-макед. – древнемакедонский
др.-мал. – древнемалаялан
др.-мар. – древнемарийский
др.-монг. – древнемонгольский
др.-н.-нем. – древненижненемецкий
др.-перм. – древнепермский
др.-перс. – древнеперсидский
др.-прус. – древнепруский
др.-рус. – древнерусский
др.-сакс. – древнесаксонский
др.-сев. – древнесеверный
др.-серб. – древнесербский
др.-сканд. – древнескандинавский
др.-там. – древнетамильский
др.-тат. – древнетатарский
др.-телугу – древний телугу

др.-тиб. – древнетибетский
др.-тюрк. – древнетюркский
др.-уйг. – древнеуйгурский
др.-фриз. – древнефризский
др.-ханаан. – древнеханаанейский
др.-хет. – древнехеттский
др.-чув. – древнечувашский (=булгарский – разных диахронических уровней)
др.-швед. – древнешведский
др.-юж.-араб. – древнеюжноарабский
др.-яп. – древнеяпонский
дудин. – дудинский (говор северного наречия эвенкийского языка)
дулд. – дулдугский (говор агульского языка)
дун.-болг. – дунайско-болгарский (=славянский язык праболгар)
дун.-булг. – дунайско-болгарский
дунсян. – дунсянский
дурбут. – дурбутский
дэрбэт – дэрбэтский
дюб. – дюбекский (говор табасаринского языка)
евр. – еврейский
егип. – египетский
егип.-арам. – агипетско-арамейский
енис. – енисейский
енис.-орх. – енисейско-орхонский
енис.-самод. – енисейско-самоедский (=энецкий)
ерб. – ербогоченский (говор северного наречия эвенкийского языка)
ёмуд. – емудский (диалект туркменского языка)
жемайт. – жемайтский
забол. – заболотный говор тоболо-иртышского диалекта языка западносибирских татар
заз. – заза
заз. (бидж.) – заза (говор с. Биджан)
заз. (кор.) – заза (говор с. Кор)
заз. (сив.) – заза (говор с. Сиверск)
закат. – закатальский (диалект аварского языка)
зан. – занский
зап.-герм. – западногерманский
зап.-груз. – западногрузинский
зап.-европ. – западноевропейский
зап.-кавк. – западнокавказский
зап.-кушит. – западнокушитский
зап.-монг. – западномонгольский
зап.-осет. – западноосетинский
зап.-сем. – западносемитский
зап.-сиб. – западносибирский
зап.-слав. – западнославянский
зап.-тюрк. – западнотюркский
зап.-урал. – западноуральский
зап.-фин. – западнофинский

зап.-чад. – западночадский
зап.-эвенк. – западноэвенкийский
зеб. – зебаки
зей. – зейский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
зенд. – зендский
зеф. – зефрей
зильд. – зильдинский (говор табасаранского языка)
зугд. – зугдидский
з.-ч. – зильдийско-чаракский (говор табасаранского языка)
зюзд. – зюздинский говор (переходный от коми-пермяцкого к коми-зырянскому диалекту)
ивр. – иврит
идг. – идга
идин. – идинский (говор бурятского языка)
и.-е. – индоевропейский
ижем. – ижемский (диалект коми-зырянского языка)
ижор. – ижоркский
икан. – иканский (говор узбекского языка)
илий. – илийский
илимп. – илимпийский (говор северного наречия эвенкийского языка)
иллир. – иллирский
имб. – имбатский
имер. – имеретинский
инг. – ингушский
ингерм. – ингерманландский
ингил. – ингилойский
ингуш. – игушский
инд. – индийский
индо-ар. – индоарийский
индо-иран. – индоиранский
инхел. – инхеловский (говор каратинского языка)
инхоквар. – инхокваринский (диалект хваршинского языка)
иньв. – иньвенский (диалект коми-пермяцкого языка)
ион. – ионийский
иран. – иранский
ирон. – иронский (диалект осетинского языка)
исланд. – исландский
исп. – испанский
исфар. – исфаринский (говор таджикского языка)
ит. – итальянский
итал. – италийский
итумк. – итумкалинский (диалект чеченского языка)
ихр. – ихрекский (диалект рутульского языка)
ицар. – ицаринский (диалект даргинского языка)
ишим. – ишимский (говор языка западносибирских татар)
ишк. – ишкашимский
йидг. – йидга
й.-ол. – йошкар-олинский говор марийского языка

к. – (кар. к.) крымский (диалект караимского языка)
каб. – кабардинский
кабан. – кабанский (подговор бурятского языка)
кабил. – кабилский
кабул. – кабули
кавол – говор группы «кавол» (на таджикской основе)
каз. – казахский
кайк. – кайкавский
кайт. – кайтакский (диалект кумышского языка)
кайтаг. – кайтагский (диалект даргинского языка)
калабр. – калабрийский
калм. – калмыцкий
калмак. – калмакский (говор томского диалекта языка западносибирских татар)
калтас. – калтасинский (говор восточного наречия марийского языка)
калуж. – калужский
камас. – камасинский
кан. – каннада
кангурт. – кангуртский (говор таджикского языка)
кандаг. – кандагарский
канд. – кандыкский (говор табасаранского языка)
каниб. – канибадамский (говор таджикского языка)
каниг. – канигурамский (диалект языка ормури)
каппад. – каппадокийский
капс. – капсальский (говор бурятского языка)
капуч. – капучинский
кар. – караимский
кар. г. – галицкий (диалект караимского языка)
кар. к. – крымский (диалект караимского языка)
кар. л. – лужицкий (диалект караимского языка)
кар. т. – тракайский (диалект караимского языка)
караг. – карагасский (=тофаларский)
карадаг. – карадагский
карад. – карадышлы (говор язырского диалекта туркменского языка)
караног. – караногайский диалект ногайского языка
карат. – говор мордвы-каратаев
каратег. – каратегинский (говор таджикского языка)
каратин. – каратинский
карах. – карахский (диалект аварского языка)
карач. – карачаевский
караш. – карашарский (говор уйгурского языка)
карел. – карельский
карл. – карлукский
картв. – картвельский
картл. – картлийский
касим. – касимовский (говор западного диалекта татарского языка)
кассан. – кассансайский (говор таджикского языка)
кассит. – касситский
каталан. – каталанский

кафир. – кафирский
кахет. – кахетинский
кач. – качинский (диалект хакасского языка)
качуг. – качугский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
кашаг. – кашагачский
кашгар. – кашгарский
кашк. – кашкайский
кашм. – кашмири (диалект дардского языка)
кашуб. – кашубский
к.-балк. – карачаево-балкарский
квадр. – язык монгольской «квадратной» письменности
кванд. – квандинский (квандинский, багулальский)
кванх. – кванхинский (говор чамалинского языка)
кегер. – кегерский (говор аварского языка)
келаб. – келабит
келеб. – келебский (говор аварского языка)
кельт. – кельтский
кельто-итал. – кельто-италийский
кер. – керийский (говор хотанского диалекта уйгурского языка)
керган. – кергандрудский (говор талышского языка)
керчем. – керчемский (диалект коми-зырянского языка)
кет. – кетский
кеур. – кеуропи (диалект Центрального Ирана)
кидан. – киданьский
кизик. – кизикский
кимр. – кимрский
кинеш. – кинешемский
кипр. – кипрский
кирг. – киргизский
кист. – кистинский (диалект чеченского языка)
кит. – китайский
китаб. – китабский (говор таджикского языка)
к.-калп. – каракалпакский
к.-кирг. – каракиргизский (=киргизский)
клин.-лувий. – клинописный лувийский
клм. там. – коллималей тамильский
кл. перс. – классический персидский
кмб. кан. – коимбатурской каннада
кмб. там. – коямбуттурский тамильский
кобад. – кобадианский (говор таджикского языка)
кобр. – кобринский (говор верхнесысольского диалекта коми-зырянского языка)
код. – кодагу
козм. – козьмодемьянский (говор горномарийского языка)
койб. – койбальский (диалект хакасского языка)
кол. – колами
колым.-ом. – колымско-омолонский (говор восточного наречия эвенского языка)
кольск. – кольский
коми-зыр. – коми-зырянский

коми-зыр. (в. выч.) – верхневычегодский (диалект коми-зырянского языка)
коми-зыр. (в.-сыс.) – верхнесысольский (диалект коми-зырянского языка)
коми-зыр. (вым.) – вымский (диалект коми-зырянского языка)
коми-зыр. (ижем.) – ижемский (диалект коми-зырянского языка)
коми-зыр. (кол.) – кольский говор ихимского диалекта коми-зырянского языка
коми-зыр. (лет.) – летский говор коми-зырянского языка
коми-зыр. (луз.) – лузский (говор коми-зырянского языка)
коми-зыр. (луз.-лет.) – лузско-летский (диалект коми-зырянского языка)
коми-зыр. (н.-выч.) – нижневычегодский (диалект коми-зырянского языка)
коми-зыр. (печ.) – печорский (диалект коми-зырянского языка)
коми-зыр. (присыкт.) – присыктывкарский (диалект коми-зырянского языка)
коми-зыр. (с.-сыс.) – среднесысольский (диалект коми-зырянского языка)
коми-зыр. (удор.) – удорский (диалект коми-зырянского языка)
коми (куд.-иньв.) – кудымкарско-иньвенский диалект коми языка
коми-перм. – коми-пермяцкий
коми-перм. (азов.) – азовский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (акс.) – аксеновский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (бел.) – белоевский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (б.-коч.) – большекочинский (говор северного наречия коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (ваг.) – вагановский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (в.-ин.) – верх-иньвенский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (в.-кам.) – верхнекамское (наречие коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (в.-луп.) – верхнелупьинский (говор коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (в.-юсьв.) – верх-юсьвинский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (гаин.) – гаинский (говор северного наречия коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (дем.) – деминский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (доег.) – доеговский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (егор.) – егоровский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (иньв.) – иньвенский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (окс.-кам.) – косинско-камский (говор коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (косог.) – косогорский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (коч.) – кочевский (говор северного наречия коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (куд.) – кудымкарский говор южного наречия коми-пермяцкого языка
коми-перм. (куд.-ин.) – кудымкарско-иньвенский (говор коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (лев.) – левичанский (говор северного наречия коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (лоп.) – лопанский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (мел.) – мелехинский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (мех.) – мелухинский говор южного наречия коми-пермяцкого языка
коми-перм. (мыс.) – мысовский (говор коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (недв.) – недвинский (говор коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (н.-иньв.) – ниже-иньвенский (говор коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (оньк.) – оньковский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
коми-перм. (от.) – отевский говор южного наречия коми-пермяцкого языка

коми-перм. (ош.) – ошибский говор южного наречия коми-пермяцкого языка
 коми-перм. (пел.) – пелымский (говор северного наречия коми-пермяцкого языка)
 коми-перм. (пукс.) – пуксибский говор северного наречия коми-пермяцкого языка
 коми-перм. (самк.) – самковский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
 коми-перм. (сев.) – северное наречие коми-пермяцкого языка
 коми-перм. (ср.-тнв.) – среднеиньвенский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
 коми-перм. (тим.) – тиминский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
 коми-перм. (тук.) – тукачевский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
 коми-перм. (фед.) – федоровский (говор южного наречия коми-пермяцкого языка)
 коми-перм. (хайд.) – хайдукский говор южного наречия коми-пермяцкого языка
 коми-перм. (чаз.) – чазевский говор северного наречия коми-пермяцкого языка
 коми-перм. (чур.) – чураковский говор северного наречия коми-пермяцкого языка
 коми-перм. (южн.) – южное наречие коми-пермяцкого языка
 коми-удор. – коми-удорский
 коми-удор. (в.-ваш.) – верхневашский (говор удорского диалекта коми-зырянского языка)
 коми-язьв. – коми-язьвинское (наречие коми-пермяцкого языка)
 комул. – комульский (говор уйгурского языка)
 кон. – конда
 конад. – конадинский (говор багулальского языка)
 конд. – кондомский (диалект шорского языка)
 кондак. – кондаковский (говор
 копт. – коптский
 кор. – корейский
 кор. (хан.) – канвондо
 кор. (кен.) – кенсандо
 кор. (пх.-нам.) – Пхеньян-намдо
 кор. (пхень.) – Пхеньян
 кор. (сеул.) – Сеул
 кор. (хам.) – Хамгендо
 кор. (чедж.) – Чеджудо
 кор. (чон.) – Чонсандо
 кораг. – корага
 корл. – корлинский (говор центрального диалекта уйгурского языка)
 корн. – корнский
 коряк. – корякский
 кос.-кам. – косинско-камский (диалект коми-пермяцкого языка)
 косогол. – косокольский (диалект халха-монгольского языка)
 костр. – костромской
 котт. – коттский
 коч. – кочевский (диалект коми-пермяцкого языка)
 кошан. – кошанский (диалект агульского языка)
 крб. – куруба
 крит. – критский
 крх. – курух
 крыз. – крызский
 крым. – крымчакский

крым.-гот. – крымско-готский
ксан. – ксанский (диалект осетинского языка)
кт. – кота
кт. кан. – кота каннада
к.-тат. – крымско-татарский
кубач. – кубачинский (диалект даргинского языка)
кубин. – кубинский (диалект лезгинского языка)
кудар. – кударинский (говор бурятского языка)
кудин. – кудинский говор бурятского языка
куйб. – куйбышевский (=самарский)
куляб. – кулябский (говор таджикского языка)
куман. – куманский
кумз. – кумзари
кумин. – куминский (говор табасаранского языка)
кумык. – кумыкский
кумык. (казан.) – казанищенский (говор кумыкского языка)
кунгр. – кунградский (диалект узбекского языка)
кур. – курейский (говор кетского языка)
курах. – курахский (диалект лезгинского языка)
курд. – курдский
курдак. – курдакско-тюркский
курм. – курманджи
курон. – куронский
курск. – курский
кур.-урм. – кур-урмийский (говор нанайского языка)
курш. – куршский
кусур. – кусурский (говор аварского языка)
кутл. – кутлабский (говор аварского языка)
кучан. – кучанский (один из языков тохарской группы)
кучар. – кучарский (говор центрального диалекта уйгурского языка)
кушан. – кушанский
кушит. – кушитский
кушт. – куштинский (диалект табасаранского языка)
куяд. – куядинский говор южного наречия аварского языка
кхов. – кховар (один из дардских языков)
кыз. – кызыльский (диалект хакаского языка)
кырач. – кырачский (говор туркменского языка)
кырк. – кырский (диалект узбекского языка)
кюрдак. – диалект кюрданских татар Сибири
кюзер. – кюзерикский (диалект языка чулымских татар)
лаз. – лазский (=чанский)
лак. – лакский
лакон. – лаконийский
лам. – ламутский (=эвенский)
лангоб. – лангобардский
лапп. – лаппский, лапландский (саамский)
лап. – ларский (ларистани, луристани)
ласг. – ласгерди (диалект Центрального Ирана)

лат. – латинский
латыш. – латышский
лах. – лаху
лахн. – лахнда (западный панджаби)
лашх. – лашхский
леб. – лебединский (диалект горноалтайского языка)
лебаб. – лебабский (диалект туркменского языка)
лезг. – лезгинский
лен. – ленинабадский (говор таджикского языка)
лентех. – лентехский (диалект сванского языка)
лесб. – лесбосский
лесн. – лесной
лет. – летский (диалект коми-зырянского языка)
лечх. – лечхумский
лив. – ливский
ливвик. – ливвиковский (диалект карельского языка)
лигур. – лигурийский
лид. – лидийский
лик. – ликийский
литов. – литовский
лиф. – лифу
лkd. мал. – лаккодивийский малоялам
л.-мар. – лугомариийский
лобн. – лобнорский
логар. – логарский (диалект языка ормури)
логуд. – логудорский
лоп. – лопарский
лув. – лувийский
лувв. – луввиновский
лут. – луговой
луз. – лузский (диалект коми-зырянского языка)
луз.-лет. – лузско-летский (диалект коми-зырянского языка)
лур. – лурский
льеж. – льежский
людик. – людиковский (диалект карельского языка)
люли – аргó ферганских люли
люли (самарк.) – язык самаркандских люли (на таджикской основе)
мадагл. – мадалгашти (диалект таджикского языка)
мадьяр. – мадьярский (=венгерский)
мазанд. – мазандеранский
май. – майский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
макед. – македонский
мал. – малаялам
мал. кан. – малурский каннада
макед. – македонский
малай. – малайский
малк. – малкарский (диалект карачаево-балкарского языка)
мамл. – мамлюкско-кыпчакский

ман. – манда
манд. – мандаринский (=китайский)
мандей. – мандейский
маних. – манихейский согдийский
манк. – манкентский (говор узбекского языка)
манс. – мансийский (=вогульский)
манс. (в.-конд.) – верхнекондинский (диалект мансийского языка)
манс. (в.-лозв.) – верхнелозвинский (диалект мансийского языка)
манс. (конд.) – кондийский (диалект мансийского языка)
манс. (н.-конд.) – нижнекондинский (диалект мансийского языка)
манс. (н.-лозв.) – нижнелозвинский (диалект мансийского языка)
манс. (пелым.) – пелымский (диалект мансийского языка)
манс. (сев.) – северный диалект мансийского языка
манс. (сев.-ваг.) – севернокондинский (диалект мансийского языка)
манс. (сосв.) – сосвинский (диалект мансийского языка)
манс. (ср.-лозв.) – ссреднелозвинский (диалект мансийского языка)
манс. (юж.-ваг.) – южновагильский (диалект мансийского языка)
манс. (юконд.) – юкондинский (диалект мансийского языка)
маныш. – манышский (говор туркменского языка)
маньчж. – маньчжурский
мап. мал. – мапила малайлам
мар. – марийский
мар. (балт.) – балтачевский (говор восточного наречия марийского языка)
сар. (башк.) – говоры восточного диалекта марийского языка на территории Башкортостана
мар. (белеб.) – белебеевский (говор восточного наречия марийского языка)
мар. (бир.) – бирский (говор восточного наречия марийского языка)
мар. (ветл.) – ветлужский (северо-восточный) говор марийского языка
мар. (волж.) – волжский (говор лугового наречия марийского языка)
мар. (вост.) – восточное наречие марийского языка
мар. (вят.) – вятский (говор лугового наречия марийского языка)
мар. г. – горное наречие марийского языка
мар. (дюрт.) – дюртюминский (говор восточного наречия марийского языка)
мар. (елаб.) – елабужский говор восточного наречия марийского языка
мар. (звен.) – звениговский (говор лугового наречия марийского языка)
мар. (й.-ол.) – йошкар-олинский (говор лугового наречия марийского языка)
мар. (калтас.) – калтасинский говор восточного наречия марийского языка
мар. (кильм.) – кильмезский (говор восточного наречия марийского языка)
мар. (козьм.) – козьмодемьянский (говор горного наречия марийского языка)
мар. (кр.-уф.) – красноуфимский (говор восточного наречия марийского языка)
мар. (кунг.) – кунгурский (свердловско-кунгурский говор восточного наречия марийского языка)
мар. луг. – луговое наречие марийского языка
мар. (малм.) – малмыжский (говор восточного наречия марийского языка)
мар. (менз.) – мензелинский (говор восточного наречия марийского языка)
мар. (мишк.) – мишкинский (говор восточного наречия марийского языка)
мар. (морк.) – моркинский (говор лугового наречия марийского языка)

мар. (морк.-серн.) – моркинско-сернурский (говор лугового наречия марийского языка)
 мар. (муст.) – мустаевский (говор восточного наречия марийского языка)
 мар. (пект.) – пектубаевский (говор лугового наречия марийского языка)
 мар. (перм.) – пермский (говор восточного наречия марийского языка)
 мар. (пиж.) – межанский (говор северо-западного наречия марийского языка)
 мар. (прибел.) – прибельский (говор восточного наречия марийского языка)
 мар. (сард.-арб.) – сардаляльско-арбарский (говор лугового наречия марийского языка)
 мар. (свердл.) – свердловский (говор восточного наречия марийского языка)
 мар. (серн.) – сернурский говор лугового наречия марийского языка
 мар. (с.-з.) – северо-западное наречие марийского языка
 мар. (тонш.) – тоншаевский (говор северо-западного наречия марийского языка)
 мар. (туж.) – тужинский (говор северо-западного наречия марийского языка)
 мар. (урж.) – уржумский (говор лугового наречия марийского языка)
 мар. (уфим.) – уфимский (говор восточного наречия марийского языка)
 мар. (шаран.) – шаранский (говор восточного наречия марийского языка)
 мар.-шаранг. – шарангский (говор северо-западного наречия марийского языка)
 мар. (шиньш.) – шиньшинский (говор лугового наречия марийского языка)
 мар. (шор.-унч.) – шор-унчинский (шоруньжинский говор лугового наречия марийского языка)
 мар. (шурм.) – шурминский (говор восточного наречия марийского языка)
 мар. (яран.) – яранский (говор северо-западного наречия марийского языка)
 маратх. – маратхи
 марв. – марвари (диалект раджастан)
 мас. – масарми (диалект Фарса)
 мат. – маторский
 матч. – матчинский (говор таджикского языка)
 мд. кор. – муду корага
 мегеб. – мегебский (диалект даргинского языка)
 мегр. – мегрельский (диалект заксского языка)
 мегр.-лаз. – мегрело-лазский
 межг. – межгюльский (говор табасаранского языка)
 мекр. – мекранский (диалект белужского языка)
 мелх. – мелхинский (диалект чеченского языка)
 мер. тел. – меролу телугу
 мессап. – мессапский
 мехр. – мехри
 мигр. – мигрельский
 мид. – мидийский
 микик. – микикский (говор лахурского языка)
 митан. – митаннийский арийский
 миш. – мишарский (=западный диалект татарского языка)
 миш. (байк.) – байкибашевский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка (Республика Башкортостан)
 миш. (горьк.) – горьковский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка

миш. (дрожж.) – дрожжановский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка
миш. (карат.) – говор мордвы-каратаев (относится к западному диалекту татарского языка)
миш. кряш. (куйб.) – куйбышевский говор крещеных татар-мишарей (западный диалект)
миш. (кузн.) – кузнецкий говор западного (мишарского) диалекта татарского языка (Пензенская обл.)
миш. (кург.) – курганский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка
миш. (лямб.) – лямбирский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка (Пензенская обл.)
миш. (мелек.) – мелекесский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка (Ульяновская обл.)
миш. (оренб.) – оренбургский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка
миш. (серг.) – сергачский говор западного мишарского диалекта татарского языка (Горьковская обл.)
миш. (темн.) – темниковский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка (Морд. ССР)
миш. (хвал.) – хвальинский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка (Ульяновская обл.)
миш. (чист.) – чистопольский говор западного (мишарского) диалекта татарского языка (ТатССР)
мл.-авест. – младоавестийский
млг. – малото
маобит. – маобитский
могол. – могольский
молд. – молдавский
мом. – момский (говор среднего наречия эвенкского языка)
монг. – монгольский
монгор. – монгорский
морав. – моравский
морд. – мордовский
морд. (зап.) – западный диалект эрзя-мордовского языка
морд. (мокш.) – мокша-мордовский
морд. (присур.) – присурский диалект эрзя-мордовского языка
морд. (с.-з.) – северо-западный диалект эрзя-мордовского языка
морд. (центр.) – центральный диалект эрзя-мордовского языка
морд. (эрз.) – эрзя-мордовский
морд. (ю.-в.) – юго-восточный диалект эрзя-мордовского языка
мотор. – моторский
мохев. – мохевский
мрд. гон. – мария гонди
мрд. – маратхи
мугин. – мугинский (диалект даргинского языка)
муир. – муиринский (диалект даргинского языка)
мукр. – мукри (диалект курдского языка)

мундж. – мунджанский
мунин. – мунинский (диалект андийского языка)
мурег. – мурегинский (диалект даргинского языка)
мух.-шиб. – мухор-шибирский (говор бурятского языка)
мюхед. – мюхедский (диалект рутульского языка)
набат. – набатейский
нав. – навахо
нагайб. – нагайбакский (говор татар-кряшен Челябинской области)
найх. – найхинский (говор канайского языка)
нак. – наканновский (говор северного наречия эвенкийского языка)
н.-аккад. – новоаккадский
н.-амг. – ниже-амгуньский (говор негидальского языка)
нан. – нанайский
нандж. кан. – канджангуд каннада
нан.-ульч. – нанайско-ульчский
нар. лат. – народнолатинский
наскафт. – наскафтымский (говор мордовского языка)
н.-ассир. – новоассирийский
натан. – натанзи (диалект Центрального Ирана)
нат.-пумп. – натско-пумпукольский
нах. – нахский, -ие
н.-бал. – нижебалльский
н.-вавил. – нововалинской
н.-вычег. – нижевычегодский (диалект коми-зырянского языка)
нган. – нганасанский
н.-гр. – новогреческий
нег. – негидальский
н.-егип. – новоегипетский
нем. – немецкий
ненец. – ненецкий
неп. – непский (говор южного наречия эвенкийского языка)
нерч. – нерчинский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
нивх. – нивхский
нидерл. – нидерландский
нидж. – ниджинский (диалект удинского языка)
ниж. – нижний
ниж.-баль. – нижебалльский
ниж.-дон. – нижедонской
нижегор. – нижегородский
ниж.-имб. – нижеимбатский
ниж.-имер. – нижеимертинский
низ. – низовой (диалект чувашского языка)
н.-инвь. – нижеиньвинский (диалект коми-пермяцкого языка)
нйк. – найки
нкр. – найкри
н.-луз. – нижелузский (диалект коми-зырянского языка)
н.-луж. – нижелужицкий
н.-нем. – ниженемецкий

новг. – новгородский
ног. – ногайский
норв. – норвежский
нориль. – норильский
нохур. – нохурский (говор туркменского языка)
н. перс. – новоперсидский
н.-п.-монг. – новомонгольский письменный
нуб. – нубийский
н.-удин. – нижеудинский (диалект бурятского языка)
н.-уйг. – новоуйгурский
н.-чуд. – ниже-чулымский (диалект
обох. – обохский (говор аварского языка)
об.-угор. – обско-угорский
общеиран. – общеиранский
общемар. – общемарийский
общемонг. – общемонгольский
общеперм. – общепермский
общеслав. – общеславянский
общетюрк. – общетюркский
общефин. – общефинский
огуз. – огузский
огур. – огурский (протобулгарский)
ойрат. – ойратский
ойрот. – ойротский (=алтайский)
окин. – окинский (говор бурятского языка)
ол. – ольский (говор восточного наречия эвенского языка)
олекм. – олекминский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
олет. – олетский
олл. – оллары гадаба
олон. – олонекский (один из прибалтийско-финских языков или наречий)
ом. – говор сибирских татар Омской области
омол. – омонский
он.-кораг. – онти корага
оньк. – оньковский (диалект коми-пермяцкого языка)
ор. – орский (говор томского диалекта языка западносибирских татар)
орд. – ордовский
ория – язык ория
орл. – орловский
орм. – ормури
орок. – орокский
орош. – орошорский (=рошорвский)
сив. – сивенди
орх. – орхонский
орх.-енис. – орхоно-енисейский
осет. – осетинский
оск. – оскский
оск.-умбр. – оскско-умбрский
осм. – османский (=турецкий, старо-турецкий)

осташк. – осташковский
охот. – охотский (говор восточного наречия эвенского языка)
ош. – ошский (говор узбекского языка)
ПА – праалтайский
паз. – пазенд
пал. – пали
падай. – палайский
пальм. – пальмирский
памир. – памирский
памфил. – памфилийский
ПАН – праавстронезийский
пандж. – панджаби
панджшир.- панджширский (диалект таджикского языка)
пар. – парджи
парач. – парачи
парф. – парфянский
парья (гисс.) – язык гиссарских парья
ПАТ – праавстротайский
пах. – пахари
паш. – пашаи
пашт. – пашто
п.-вавил. – поздневавилонский
п. год. – поья гадаба
п.-егип. – позднеегипетский
пеласг. – пеласгский
пелигн. – пелигнский
пелым. – пелымский
пен. – пенго
пенж. – пенжинский (говор восточного наречия эвенского языка)
пенз. – пензенский
перм. – пермский
перс. – персидский
пехл. – пехлевийский («среднеперсидский»)
печ. – печорский (диалект коми-зырянского языка)
ПИЕ – праиндоевропейский
ПМ – прамонгольский
п.-монг. – письменно-монгольский
ПМЯ – пра-мяо-яо
подк.-тунг. – подкаменнотунгусский (говор южного наречия эвенкийского языка)
поздн. – поздний
п.-ойрат. – ойратский письменный
полаб. – полабский
полес. – полесский
полов. – половецкий
польск. – польский
ПР. – пра-Рюкю
праалт. – праалтайский
правенг. – правенгерский

прагерм. – прагерманский
праиран. – праиранский
пракр. – пракрит
прамонг. – прамонгольский
праморд. – прамордовский
праперм. – пралермский
праслав. – праславянский
прасаам. – прасаамский
пратюрк. – пратюркский
прауг. – праугорский
праурал. – пратуральский
пряп. – праяпонский
приб.-фин. – прибалтийско-финский
пров. – провансальский
протодрав. – протодравидийский
прототюрк. – прототюркский
прус. – прусский
пск. – псковский
ПТМ – пратунгусоманьчжурский
пунич. – пунический
пумп. – пумпокольский
пшав. – пшавский
раб. кан. – рабакави каннада
равн. – равнинный
радж. – раджастхани
рачаб. – рачабалдинский (говор каратинского языка)
рачин. – рачинский (диалект грузинского языка)
риков. – рикванский (говор андийского языка)
ришт. – риштанский (говор таджикского языка)
рог. – рогский (говор таджикского языка)
родоп. – родопский
роман. – романский
ругудж. – ругуджинский (говор аварского языка)
рум. – румынский
рун. – рунический
рус. – русский
рутул. – рутульский
руш. – рушанский
ряз. – рязанский
саам. – саамский
саам. (коль.) – кольско-саамский
саам. (лул.) – лула-саамский
саам. (норв.) – норвежско-саамский
саам (швед.) – шведско-саамский
сабей. – сабейский
сабин. – сабинский
сабунч. – сабунчинский (диалект цахурского языка)
савол. – саволакский

саг. – сагайский (диалект хакасского языка)
сагад. – сагадинский (диалект цезского языка)
санд. – саидский
сак. – сакский
сакк. – саккырский (говор западного наречия эвенского языка)
сал. – саларский
салыр. – салырский (диалект туркменского языка)
сальб. – сальбинский
самарг. – самаргинский (говор удэйского языка)
самод. – саможийский
сангис. – сангисари (диалект Центрального Ирана)
сангл. – санглечи
санж. – санжинский (диалект даргинского языка)
санскр. – санскрит
сан. там. – санкети тамильский
сарат. – саратовский
сармат. – сарматский
сарт. – сартский (=узбекский)
сартул. – сартульский (диалект халха-монгольского языка)
сарык. – сарыкский (диалект туркменского языка)
сарыкол. – сарыкольский
сахал. – сахалинский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
саян. – саянский (=сойонский, =тувинский)
сван. – сванский
свердл. – свердловский (=екатеринбургский)
свердл.-кунг. – свердловско-кунгурский говор марийского языка
с.-в.-рус. – северновеликорусский
сев. – северный
сев.-байк. – северо-байкальский (говор южного наречия эвенкийского языка)
сев.-вост. – северовосточный
сев.-драв. – северодравидийский
сев.-имб. – североимбатский
сев.-ит. – североитальянский
сев.-кет. – северокетский
сев.-кор. – севернокорейский
сев.-самод. – северосамодийский
сев.-слав. – севернославянский
сев.-тунг. – севернотунгусский
сев.-эвен. – северо-эвенский (говор восточного наречия эвенского языка)
сед. – седе(х)и(говор с. Седе близ г. Исфохана)
секей. – секейский
селенг. – селенгинский (диалект бурятского языка)
сельдж. – сельджукский
сельк. – селькупский
сельк.-самод. – селькупско-самодийский
семир. – семиреченский (говор уйгурского языка)
семит. – семитский
семн. – семнани (семнанский)

сенак. – сенакский
серб. – сербский
сеут. – сеути (говор западного пахари)
сиб. – сибирский
сибин. – сиби́нский (диалект маньчжурского языка)
сиб.-тат. – сибирско-татарские диалекты
сив. – сивенди
сикуль. – сикульский
симб. – симбирский (диалекты татарского, чувашского, русского языков)
синд. – синдхи
синокор. – синокорейский
синомонг. – синомонгольский
сир. – сирийский
сирак. – сиракузский
сирт. – сиртычский (говор табасаранского языка)
сирх. – сирхинский (диалект даргинского языка)
сист. – систуни (систанский – диалект персидского языка)
скиф. – скифский
скуом. – скуомиш
слав. – славянский
слов. – словацкий
словац. – словацкий
словен. – словенский
словин. – словинский
смол. – смоленский
совр. – современный
согд. – согдийский
сойон. – сойонский (-саянский, -тувинский)
сойот. – сойотский (-тувинский)
сокотр. – сокотрийский
солон. – солонский
сомг. – сомгуни (диалект Фарса)
сор. – сорани (диалект курдского языка)
сох. – сохский (говор таджикского языка)
ср.-ассир. – среднеассирийский
ср.-булг. – среднебулгарский
ср.-вавил. – средневавилонский
ср.-валл. – средневаллийский
ср.-в.-нем. – средневерхненемецкий
ср.-гр. – среднегреческий
ср.-груз. – среднегрузинский
ср.-ирланд. – среднеирландский
ср.-кит. – среднекитайский
ср.-колым. – среднеколымский
ср.-кор. – среднекорейский
ср.-лат. – среднелатинский
ср.-лозьв. – среднелозьвинский
ср.-монг. – среднемонгольский

ср.-н.-нем. – средненижненемецкий
ср.-перс. – среднеперсидский
ср.-рус. – среднерусский
ср.-сыс. – среднесысольский (диалект коми-зырянского языка)
ср.-тюрк. – среднетюркский
ср.-чул. – среднеяпонский
ст.-аккад. – староаккадский
ст.-венг. – старовенгерский
ст.-исл. – старонисландский
ст.-каз. – староказахский
ст.-кыпч. – старокыпчакский
ст.-лат. – старолатинский
ст.-монг. – старомонгольский
ст.-огуз. – староогузский
ст.-осм. – староосманский
ст.-п.-монг. – старописьменно монгольский
ст.-поль. – старопольский
ст.-сак. – старосаксонский
ст.-слав. – старославянский
ст.-тат. – старотатарский
ст.-тур. – старотурецкий
ст.-узб. – староузбекский
ст.-фин. – старофинский
ст.-чеш. – старочешский
ст.-чув. – старочувашский
сувак. – сувакский (диалект табасаранского языка)
с.-уйг. – сары-уйгурский
сул. – сулеймани (диалект курдского языка)
сурх. – сурхы (говор туркменского языка)
с.-х. – семитохамитский
с.-хорв. – сербохорватский
сыкт. – присыктывкарский (диалект коми-зырянского языка)
сым. – сымский (говор южного наречия эвенкийского языка)
сыс. – сысольский (диалект коми-зырянского языка)
с.-юг. – сарыг-югурский
т. – тракайский (диалект западнокараимского языка)
табас. – табасаранский
тавги-самод. – тавги-самодийский (=нганасанский)
тавд. – тавдинский
тадж. – таджикский
тайг. – тайгийский
тал. – тальшский
талм. – талмудический
там. – тамильский
тамб. – тамбовский
тамш.-сак. – тамшукско-сакский
тапант. – тапантский (диалект абазинского языка)
тап. кораг. – таппу корага

тар. – таранчинский (кульджинский говор уйгурского языка)
 тарск. – тарский (говор тоболо-иртышского диалекта языка западносибирских татар)
 тат. – татарский
 тат. (абд.) – абдулинский (говор татарского языка)
 тат. (атн.) – отнинский (говор татарского языка)
 тат. (байк.) – байкибашевский (говор татарского языка)
 тат. (балт.) – балтасинский (говор среднего диалекта татарского языка)
 тат. (бард.) – бардинский (говор среднего диалекта татарского языка)
 тат. (баст.) – бастанский (говор татарского языка)
 тат. (баш.) – башкирский (говор татарского языка)
 тат. (белеб.) – белебеевский (говор татарского языка)
 тат. (бир.) – бирский (говор среднего диалекта татарского языка)
 тат. (бузул.) – бузульский (говор татарского языка)
 тат. (глаз.) – глазовский (говор среднего диалекта татарского языка, Удмуртия)
 тат. (дуб.) – дубязский говор татарского языка
 тат. (дрож.) – дрожжановский (говор татарского языка)
 тат. (дюрт.) – дюртюлинский (говор среднего диалекта татарского языка)
 тат. (елаб. – кряш.) – говор елабужских крещеных татар
 тат. (заин.-кряш.) – говор (заинских крещеных татар)
 тат. (заказ.) – заказанские (говоры среднего диалекта татарского языка)
 тат. (заказ.-ат.) – заказанско-аттинский (говор среднего диалекта татарского языка)
 тат. (заказ.-балт.) – заказанско-балтасинский (говор среднего диалекта татарского языка)
 тат. (заказ.-дуб.) – заказанско-дубязский (говор среднего диалекта татарского языка)
 тат. (заказ.-лаиш.) – заказанско-лаишевский (говор среднего диалекта татарского языка)
 тат. (заказ.-мамад.) – заказанско-мамадышский (говор среднего диалекта татарского языка)
 тат. (злат.) – златоустский (говор татарского языка)
 тат. (ичк.) – ичкинский (говор среднего диалекта татарского языка, Курганская обл.)
 тат. (калд.) – говор села Калда
 тат. (кам.-уст.) – камско-уствинский (говор среднего диалекта татарского языка (нагорная сторона РТ))
 тат. (камышл.) – камышлинский (говор среднего диалекта татарского языка, Самарская обл.)
 тат. (карин.) – говор татар-каринцев
 тат. (карг.) – каргалинский (говор татарского языка)
 тат. (карс.) – карсунский (говор татарского языка)
 тат. (касим.) – касимовский (говор среднего диалекта татарского языка)
 тат. (кр.-уф.) – красноуфимский (говор среднего диалекта татарского языка)
 тат. кряш. – наречие крещеных татар
 тат. кряш. (елаб.) – елабужский (говор наречия татар-кряшен)
 тат. кряш. (заин.) – заинский (говор наречия татар-кряшен)
 тат. кряш. (заказ.) – заказанский (говор наречия татар-кряшен)
 тат. кряш. (закам.) – закамские (говоры наречия татар-кряшен)

тат. кряш. (нагайб.) – нагайбакский (говор татар-кряшен, Челябинская обл.)
 тат. кряш. (нагорн.) – говор татар-кряшен Нагорной стороны правобережья
 р. Волги, РТ)
 тат. кряш. (подбер.) – подберезинский (говор татар-кряшен Нагорной стороны РТ)
 тат. кряш. (чист.) – чистопольский (говор наречия татар-кряшен, Закамье РТ)
 тат. (кузн.) – кузнецкий (говор татарского языка, Пензенская обл.)
 тат. (куйб.) – говор татар-кряшен Куйбышевской (Самарской) обл.
 тат. (курш.) – говор татар села Куршэ
 тат. (лаиш.) – лаишевский (говор татарского языка)
 тат. (лямб.) – лямбирский (говор татарского языка)
 тат. (мам.) – мамадышский (говор татарского языка)
 тат. (мелек.) – мелекесский (говор татарского языка, Ульяновская обл.)
 тат. (менз.) – мензенлинский говор среднего диалекта татарского языка
 тат. (н.-кам.) – нижекамский (говор татарского языка)
 тат. (н.-мус.) – новомусинский (говор татарского языка)
 тат. (нукр.) – нукратовский (говор среднего диалекта татарского языка, Кировская
 обл.)
 тат. (нурл.) – нурлатский (говор среднего диалекта татарского языка, Нагорная
 сторона РТ)
 тат. (оренб.) – оренбургский (говор татарского языка)
 тат. (параньг.) – параньгинский (говор среднего диалекта татарского языка, РМЭ)
 тат. (перм.) – говор (уральских татар Пермской области)
 тат. (серг.) – сергачский (говор татарского языка, Нижегородская обл.)
 тат. (спас.) – спасский (говор татарского языка)
 тат. ср. – средний (казанский) диалект татарского языка
 тат. (стрел.) – стерлитамакский (говор татарского языка)
 тат. (тарх.) – тарханский говор среднего диалекта татарского языка, Нагорная сто-
 рона РТ)
 тат. (темн.) – темниковский говор татарского языка (Мордовия)
 тат. (теп.) – тепенеевский (говор татарского языка)
 тат. (туйм.) – туймазинский (говор среднего диалекта татарского языка)
 тат. (турб.) – турбалинский (говор татарского языка)
 тат. (тюм.) – тюменский (говор восточного диалекта татарского языка)
 тат. (урал.-сакм.) – урало-сакмарский (говор татарского языка)
 тат. (хвал.) – хвалынский (говор татарского языка) (Ульяновская обл.)
 тат. (чист.) – чистопольский (говор татарского языка)
 тат. (шарл.) – шарлыкский (говор татарского языка)
 тат. (юкам.) – юкаменский (подговор татарского языка)
 татил. – татилский (говор табасаранского языка)
 татск. – татский
 твер. – тверской
 тд. – тода
 тевриз. – тевризский (говор тоболо-иртышского диалекта языка западносибирских
 татар)
 тек. – текинский (диалект туркменского языка)
 тел. – телеутский (диалект алтайского языка)
 теленг. – теленгистский (=алтайский)
 телеут. – телеутский

телуг. – телугу
темирг. – темиргоевский (диалект адыгейского языка)
тепт. – язык тептярей
тесхем. – тесхемский
тидиб. – тидибский (говор аварского языка)
тимпт. – тимптонский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
тинд. – тиндинский
тинит. – тинитский (говор табасаранского языка)
тип. кан. – типтурский каннада
тироль. – тирольский
тир. там. – тирунельвельский тамильский
тл. – тулу
тлис. – тлиссский (говор басвалинского языка)
тлонд. – тлондодинский (говор багулальского языка)
тляд. – тлядальский 1) диалект бежитского языка; 2) говор гунзибского языка
т.-маньчжур. – тунгусо-маньжурский
тоб. – тобольский (диалект языка западно-сибирских татар)
тоб.-ирт. – тоболо-иртышский (диалект языка западно-сибирских татар)
тодж. – тоджинский (диалект тувинского языка)
токк. – токкинский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
токит. – токитинский (диалект каратинского языка)
токм. – токминский (говор южного наречия эвенкийского языка)
том. – томский (диалект языка западносибирских татар)
томм. – томмотский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
томп. – томпонский (говор среднего наречия эвенского языка)
торг. – торгутский
тоск. – тоскский
тотт. – тоттинский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
тоф. – тофаларский (см.: карагасский)
тох. – тохарский
тпиг. – тпигский (говор агульского языка)
трухмен. – трухменский
туарег. – туарегский
туб. – тубинский
тубал. – тубаларский (=алтайский)
тув. – тувинский
тув.-караг. – тувино-карагасский
тул. – тульский
тумн. – тумнинский (говор ороцкого языка)
тумут. – тумутский
тумут.-кобд. – кобдо-тумутский
тунг. – тунгусский
тунгир. – тунгирский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
тунк. – тункинский (говор бурятского языка)
тур. – турецкий
тураг. – турагский (говор табасаранского языка)
турал. – туралинский
туркм. – туркменский

турф. – турфанский (говор центрального диалекта уйгурского языка)
тушин. – тушинский (=бацбийский)
тюг. – тюгесирский (говор западного наречия эвенского языка)
тюмен. – тюменский (говор тобольско-иртышского диалекта языка западносибирских татар)
тюринг. – тюрингский
тюрк. – тюркский
убых. – убыхский
уг. – угорский
угарит. – угаритский
уд. – удэйский
удж. – уджумчинский
удин. – удинский
удм. – удмуртский
удм. (анн.) – алнашский (говор удмуртского языка)
удм. (бавл.) – бавлинский (говор удмуртского языка)
удм. (буй.-тан.) – буйско-таныпский (закамский говор удмуртского языка)
удм. (виш.) – вишурский (говор удмуртского языка)
удм. (глаз.) – глазовский (диалект удмуртского языка)
удм. (грах.) – граховский (говор удмуртского языка)
удм. (гур.) – гуринский (говор удмуртского языка)
удм. (елаб.) – елабужский (диалект удмуртского языка)
удм. (завят.) – завятский (говор удмуртского языка)
удм. (закам.) – закамский (говор удмуртского языка)
удм. (казан.) – казанский (диалект удмуртского языка)
удм. (канл.) – канлинский (говор удмуртского языка)
удм. (кизн.) – кизненский (диалект удмуртского языка)
удм. (копк.) – копкинские (говор удмуртского языка)
удм. (кос.) – косинский (диалект удмуртского языка)
удм. (кр.-уф.) – красноуфимский (говор удмуртского языка)
удм. (кукм.) – кукуморский (говор удмуртского языка)
удм. (кырым.) – кырымасский (диалект удмуртского языка)
удм. (малм.) – малмыжский (диалект удмуртского языка)
удм. (малм.-урж.) – малмыжско-уржумский (диалект удмуртского языка)
удм. (пер.-южн.) – периферийно-южный (диалект удмуртского языка)
удм. (порез.) – порезский диалект удмуртского языка (говор шошминского языка)
удм. (сарап.) – сарапульский (диалект удмуртского языка)
удм. (сев.) – северный (диалект удмуртского языка)
удм. (селт.) – селтинский (говор удмуртского языка)
удм. (слоб.) – слободской (диалект удмуртского языка)
удм. (ср.) – средний (диалект удмуртского языка)
удм. (ср.-вост.) – средневосточный (диалект удмуртского языка)
удм. (ср.-южн.) – среднеюжный (диалект удмуртского языка)
удм. (татышл.) – татышлинские (диалект удмуртского языка)
удм. (ташк.) – ташкишинский (говор удмуртского языка)
удм. (тылов.) – тыловыйский (диалект удмуртского языка)
удм. (урс.) – урсыгуртский (диалект удмуртского языка)
удм. (уфим.) – уфимский (диалект удмуртского языка)

удм. (шаг.) – шагиртский (говор удмуртского языка)
удм. (шарк.) – шарканский (говор удмуртского языка)
удм. (шошм.) – шошминский (диалект удмуртского языка)
удм. (юж.) – южный (юго-западный диалект удмуртского языка)
удм. (ю.-з.) – юго-западный (диалект удмуртского языка)
удм. (якш.-бод.) – якшур-бадьинский (говор удмуртского языка)
удм. (яр.) – ярский (говор удмуртского языка)
удор. – удорский (диалект коми-зырянского языка)
узб. – узбекский
узб. (кыпч.) – кыпчакские (диалекты узбекского языка)
узб. (огуз.) – огузские (диалекты узбекского языка)
уйг. – уйгурский
укр. – украинский
ульч. – ульчский
умбр. – умбрский
унгин. – унгинский (говор бурятского языка)
унтиб. – унтибский (диалект аварского языка)
урал. – уральский
урал.-алт. – уралоалтайский
урарт. – урартский
ура-тюб. – ура-тюбинский (говор таджикского языка)
урах. – урахинский (диалект даргинского языка)
уржум. – уржумский (говор марийского языка)
уркар. – уркаражский (диалект даргинского языка)
урм. – урмийский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
урс. – урсюгский (говор табасаранского языка)
урумч. – урумчинский (говор уйгурского языка)
усуг. – усугский (говор саульского языка)
жюрюк. – жюрюкский (говор табасаранского языка)
уряnx. – уряханский (=тувинский)
учам. – учамский (говор южного наречия эвенкийского языка)
учур. – учурский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
учур.-зей. – учурско-зейский
фалиск. – фалисский
фаюм. – фаюмский
ферг. – ферганский (говор уйгурского языка)
ферейд. – ферейданский
фесс. – фессалонский
фидж. – фиджийский
фин. – финский
финик. – финикийский
фит. – фитинский (говор тульского языка)
фрак. – фракийский
франк. – франкский
франц. – французский
фриг. – фригийский
фриз. – фризский
фриул. – фриульский

ф.-г. – финно-угорский
хаз. – захара (таджикские говоры хазара, Афганистан)
хазар. – хазарский
хад. – хадинский (говор орочского языка)
хайд. – хайдакский (диалект даргинского языка)
хак. – хакасский
хакк. крб. – хакки куруба
хакк. крб. там. – хакки куруба тамильский
хакуч. – хакучинский (говор адыгейского языка)
халадж. – халаджский
хал. кан. – халакки каннада
хам. – хамийский (диалект уйгурского языка)
ханаан. – хайаанейский
ханаг. – ханагский (говор табасаринского языка)
хант. – хантыйский
хант. (аган.) – аганский (говор сургутского диалекта хантыйского языка)
хант. (варт.) – говор с. Вартовское на Оби
хант. (вас.) – васьюганский (диалект хантыйского языка)
хант. (вах.) – хантыйские (говоры окрестностей Ваха; вахо-васюганский диалект)
хант. (в.-демян.) – верхне-демянский (диалект хантыйского языка)
хант. (иртыш.) – иртышский (диалект хантыйского языка)
хант. (казым.) – казымский диалект хантыйского языка
хант. (конд.) – кондинский (диалект хантыйского языка)
хант. (низям.) – низямский диалект хантыйского языка
хант. (обд.) – обдарский (диалект хантыйского языка)
хант. (салым.) – салымский диалект хантыйского языка
хант. (сев.) – северный (диалект хантыйского языка)
хант. (сург.) – сургутский (диалект хантыйского языка)
хант. (трем.) – тремьюганский (диалект хантыйского языка)
хант. (шерк.) – шеркальский диалект хантыйского языка
хант. (юган.) – юганский (диалект хантыйского языка)
хап. – хапильский (говор табасаранского языка)
харач. – харачинский говор южно-монгольского наречия
хард. – хардури (диалект таджикского языка)
харз. – харзани (говор на Северо-Западе Ирана)
харч. – харчинский
хас. – хасар (говор туркменского языка)
хасавюрт. – хасавюртовский (диалект кумыкского языка)
хат. – хатяп (говор туркменского языка)
хатт. – хаттский
хварш. – хваршинский
хевс. – хевсурский
хетт. – хеттский
хетт.-иерогл. – хеттский иероглифический
хив. – хивинский (диалект узбекского языка)
хивск. – хивский (говор табасаринского языка)
хинал. – хинагульский
хинган – хинганский (говор восточного наречия эвенкийского языка)

хинд. – хинди
хиос. – хиосский
х.-монг. – халха-монгольский
хол.-быз. – холамо-бызынгиевский (диалект карачаево-балкарского языка)
холмог. – холмогорский
хоп. – хопский
хор. – хорский (говор удэйского языка)
хорас. – харасанско-тюркский
хорв. – хорватский
хоредж. – хореджский (говор табасаранского языка)
хорезм. – хорезмийский (диалект узбекского языка)
хорин. – хоринский (диалект бурятского языка)
хотан. – хотанский (диалект уйгурского языка)
хот.-сак. – хотаносакский
хунс. – хунсари (диалект Центрального Ирана)
х.-ург. – халха-ургинский
хотог. – хотогойтский (диалект халха-монгольского языка)
хуриг. – хуригский (говор табасаранского языка)
хурр. – хурритский
хуф. – хуфский
цах. – цахурский
цах.-суваг. – цахурско-сувагильский (диалект иахурского языка)
ц.-драв. – цейтрально-дравидийский
цез. – цезский (=дидойский)
цирх. – цирхинский (говор агульского языка)
ц.-кушит. – центрально-кушитский
цонг. – цонгольский (говор бурятского языка)
ц.-слав. – церковнославянский
ц. там. – цейлонский тамильский (Шри-Ланка)
цуд. – цудахарский (диалект даргинского языка)
цыг. – цыганский
чаг. – чагатайский
чад. – чадский
чадак. – чадаколобский (говор анцукского диалекта южного наречия аварского языка)
чак. – чаковский
чамал. – чамальский
чан. – чанский (=лазский) – (диалект занского языка)
чандыр. – чандырский (диалект туркменского языка)
чар. – чарасский (говор табасаранского языка)
чахар. – чахарский
чег. – чегес (говор туркменского языка)
чегем. – чегемский (диалект карачаево-балкарского языка)
чер. – черемисский (=марийский)
черк. – черкесский
черногор. – черногорский
чеч. – чеченский
чжурчж. – чжурчженьский

чист. – чистони (говор таджикского языка)
чнд. гон. – чанда гонди
чох. – чохский (говор аварского языка)
чув. – чувашский
чув. (верх.) – верховой (диалект чувашского языка)
чув. (закам.) – закамские (говоры низового диалекта чувашского языка)
чув. (низ.) – низовой (диалект чувашского языка)
чув. (приволж.) – приволжские говоры низового диалекта чувашского языка
чув. (присв.) – присвияжские говоры низового диалекта чувашского языка
чув. (приурал.) – приуральские говоры низового диалекта чувашского языка
чув. (сарат.) – саратовский (говор низового диалекта чувашского языка)
чув. (с.-з.) – северо-западный (малокарачкинский) говор верхового диалекта чувашского языка
чув. (ср.) – средний (мольень – диалект чувашского языка)
чук. – чувекский (говор табасаранского языка)
чукот. – чукотский
чулым. – язык чулымских тюрков
чульм. – чульманский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
чумик. – чумиканский (говор восточного наречия эвенкийского языка)
чуст. – чустский (говор таджикского языка)
шаарт. – шаартузский (говор таджикского языка)
шагуд. – шагуданский (говор аварского языка)
шайд. – шайданский (говор таджикского языка)
шапс. – шапсугский (диалект адыгейского языка)
шат. – шатойский (говор чеченского языка)
шахр. – шахристанский (говор таджикского языка)
шваб. – швабский
швед. – шведский
швейц. – швейцарский
шем. – шемепзади
шин. – шина
шиназ. – шиназский (диалект рутульского языка)
шол. кан. – голига каннада
шор. – шорский
шрк. тел. – шрикакуламский телугу
шугн. – шугнанский
шум. – шумашти (один из центрально-дардских языков)
шулан. – шуланинский (говор аварского языка)
шусв. – шусвоп
шум. – шумерский
ш.-юг. – шираюгурский
эвен. – эвенский
эвенк. – эвенкийский
элам. – эламский
эльз. – эльзасский
энец. – энецкий
эол. – эолийский
эрз. – эрзя-мордовский

эрз. (алов.) – аловский (говор северо-западного диалекта эрзя-мордовского языка)
 эрз. (б.-игн.) – большеигнатовский (диалект эрзя-мордовского языка)
 эрз. (драк.) – дракинский (диалект эрзя-мордовского языка)
 эрз. (иванц.) – ивацевский (говор эрзя-мордовского языка) (Нижегородская обл.)
 эрз. (чивалк.) – ичалкинский (говор эрзя-мордовского языка)
 эрз. (кенд.) – кендяевский (говор эрзя-мордовского языка)
 эрз. (козл.-атяш.) – козловско-атяшевский (говор центрального диалекта эрзя-мордовского языка)
 эрз. (н.-пьян.) – нижнепьянковский (диалект эрзя-мордовского языка)
 эрз. (приалат.) – приалатырский (диалект эрзя-мордовского языка)
 эрз. (саб.) – сабаевский (говор юго-восточного или присурского диалекта эрзя-мордовского языка)
 эрз. (сев.-зап.) – северо-западный (говор эрзя-мордовского языка)
 эрз. (ст.-турд.) – старотурдовский (диалект эрзя-мордовского языка)
 эрз. (федор.) – федоровский (диалект эрзя-мордовского языка) (БССР)
 эрз. (шокш.) – шокшинский (куст говоров эрзя-мордовского языка)
 эрз. (шугур.) – шугуровский (диалект эрзя-мордовского языка)
 эрс. – зарсари (диалект туркменского языка)
 эск. – эски (говор туркменского языка)
 эст. – эстонский
 этр. – этрусский
 зушт. – зуштинский (говор томского диалекта языка западносибирских татар)
 зушт.-чат. – зуштинско-чатский (говор томского диалекта языка западносибирских татар)
 эфиоп. – эфиопский
 эхир. – эхиритский (диалект бурятского языка)
 эхир.-булгат. – эхирит-булгатский (говор бурятского языка)
 эчед. – эчединский (говор тиндинского языка)
 ю.-в. – юго-восточный
 юг. – югский
 ю.-з. – югозападный
 юж. – южный
 юж.-араб. – южноарабский
 юж.-в.-рус. – южновеликорусский
 юж.-драв. – южнодравидийский
 юж.-зан. – южнозанский
 юж.-имб. – южноимбатский (диалект кетского языка)
 юж. кан. там. – тамильский диалект округа Южная Канада
 юж.-кет. – южнокетский
 юж.-кушит. – южнокушитский
 юж.-монг. – южномонгольский
 юж.-осет. – южноосетинский
 юж.-самод. – южносамодийский
 юж.-слав. – южнославянский
 юж.-тунг. – южнотунгусский
 юж.-тюрк. – южнотюркский
 юж.-каз. – южноказахский
 юж.-эвенк. – южноэвенкийский

юй. – юйгу (язык желтых уйгуров)
юкаг. – юкагирский 2) говор западного наречия эвенкского языка
юрак-самод. – юрако-самоедский (-ненецкий)
ягн. – ягнобский
язг. – язгулямский
языр. – язырский (диалект туркменского языка)
як. – якутский
ялutor. – ялutorовский (подговор тюменского говора языка западносибирских татар)
ялц. – ялцугский (говор лезгинского языка)
яп. – японский
яп. (йон.) – йонакуни
яп. (каг.) – Кагосима
яп. (кам.) – Камэяма
яп. (кет.) – Кето
яп. (нас.) – Насэ
яп. (сюр.) – Сюри
яп. (ток.) – Токно
яп. (хат.) – Хатрума
яран. – яранский (говор марийского языка)
ярк. – яркинский (диалект лезгинского языка)
яркент. – яркентский (говор уйгурского языка)
яроsl. – яроslавский
яс. – ясский
ятв. – ятвяжский

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

абесс. – абессив, лишительный падеж
абл. – аблатив, отложительный падеж
абстр. – абстрактный
авт. – автономный
ад. – адъектив
адв. – адverb
адесс. – адессив
аккуз. – аккумулятив, винительный падеж
акт. п. – активный падеж
алл. – аллатив
анат. – анатомия
антич. – античный
аор. – аорист
аппрокс. – аппроксиматив
арг. – арготическое
арх. – архаизм, архаический
астр. – астроним
атем. – атематический
аттр. – атрибутивная форма
афф. – аффикс
безл. – безличный
библ. – библейский
бот. – ботаника
бран. – бранное слово, выражение
буд. вр. – будущее время
букв. – буквально
б. ч. – большей частью
бывш. – бывший
в. – век
вар. – вариант
вв. – века
вводн. – вводное слово
вежл. – вежливое
вет. – ветеринария
взаимн. – взаимный залог
вин. п. – винительный падеж
вкл. ф. – включительная форма
вм. – вместо
воен. – военное дело, военный термин
возвр. – возвратный
возвр.-страд. – возвратно-страдательный залог
вок. п. – вокативный падеж

вопр. – вопросительный
вр. – время, временной
в разн. знач. – в разных значениях
в сочет. – в сочетании
вспом. – вспомогательный глагол
втор. – вторичный
в т.ч. – в том числе
гг. – годы
ген. – генетив, родительный падеж
гл. – глагол
гл. обр. – главным образом
гов. – говор
грам. – грамматика
груб. – грубое слово, выражение
груб.-прост. – грубо-просторечное
д. – деревня
дат. п. – дательный падеж
дат.-вин. п. – дательно-винительный падеж
дв. ч. – двойственное число
деепр. – деепричастие
дезидер. – дезидеративный
деном. – деноминативный
дет. – детское слово (употребляемое в детской речи или при разговоре с детьми)
диал. – диалектный
дистр. – дистрибутив, распределительный
долженств. – долженствовательный
досл. – дословно
др. – другой, другие
ед. ч. – единственное число
желат. – форма желательности
жен. – женское слово; форма, употребляемая в речи женщин
ж. р. – женский род
заимств. – заимствованный
зал. – залог
зват. – звательная форма
звукоподр. – звукоподражание
знач. – значение
зоол. – зоология
и. д. – имя действия
и др. – и другие
изобр. – изобразительное (звукоподражательное или образное слово)
илл. – иллатив
имен. – именной
имт. – имитатив
им. п. – именительный падеж
импер. – императив
имперф. – имперфект
инд. – индикатив

инесс. – инессив
инкл. – инклюзив
иноск. – иноказательный
инстр. п. – инструментальный падеж
инф. – инфинитив
инх. – инхоативный
иронич. – в ироническом смысле
и. с. – имя собственное
искл. ф. – исключительная форма
ист. – исторический
исх. п. – исходный падеж
и т. д. – и так далее
итер. – итеративный
и т. п. – и тому подобное
календ. – календарь, календарный
карт. – термин карточной игры
кауз. – каузатив, причинный падеж
кл. – класс
книж. – книжная форма
кол-во – количество
колич. – количественное (числительное)
комит. – комитатив, совместный падеж
комп. – компаратив, сравнительный падеж
кон. – конец
конзек. – конзекутив
конкр. – конкретный
косв. – косвенный
кр. ф. – краткая форма
кулин. – кулинария
л. – лицо
ласк. – ласкательная форма
лат. – латив
лингв. – лингвистика
лит. – литературная форма
лит-ра – литература
личн. – личный
лишит. – лишительный падеж
лок. – локатив
малоупотр. – малоупотребительное
мед. – медицина
межд. – междометие
мест. – местоимение
местн. п. – местный падеж
миф. – мифология
многокр. – многократный вид глагола
мн. ч. – множественное число
мод. – модальный
м.р. – мужской род

мусульм. – мусульманский
муз. – музыкальный
назв. – название
накл. – наклонение
напр. – например
направ. п. – направительный падеж
нар. – народный
нареч. – наречие
нар.-поэт. – народно-поэтическое
наст.-буд. вр. – настоящее-будущее время
наст. вр. – настоящее время
наст. опр. вр. – настоящее определенное время
науч. – научный
нац. – национальный
нач. – начало
неизм. – неизменяемое
неол. – неологизм
неперех. – непереходный
неправ. – неправильно
нескл. – несклоняемый
ном. – номинатив, именительный падеж
н.э. – нашей эры, новой эры
образн. – образное слово, выражение
обращ. – обращение
обст. – обстоятельство
однокр. – однократный
опт. – оптатив
орф. – орфографически
осн. – основа, основной
отвл. – отвлеченное
отглаго. – отглагольный
относит. – относительное
отрицат. – отрицательный
отымен. – отыменный
офиц. – ординальный
охот. – охотничий
п. – падеж
парн. – парное
пасс. – пассив
пер. – перевод
первонач. – первоначально
перен. – в переносном значении
перех. – переходный
перф. – перфект
письм. – письменный
пл. – плюралис
побуд. – побудительный
повел. – повелительный

повт. – повтор основы
погов. – поговорка
позд. – поздний
показ. – показатель
полн. ф. – полная форма
понуд. – понудительный залог
порядк. – порядковое (числительное)
посесс. – посессивный
посл. – пословица
почтит. – почтительное
поэт. – поэтическое слово
превосх. ст. – превосходная степень
предл. п. – предложный падеж
през. – презент
презр. – презрительно
преимущ. – преимущественно
пренебр. – пренебрежительно
прет. – претерит
прил. – прилагательное
прим. – пример
прим. – примечание
принадл.- принадлежность
прич. – причастие
прост. – просторечное
противит. – противительный союз
противоп. – противоположное (значение)
прош. вр. – прошедшее время
прям. – в прямом значении
пчел. – пчеловодство
р. – река
разг. – разговорное слово, выражение
разделит. – разделительный
разл. – различный
ран. – ранний
рел. – религиозный (термин)
р-н – район
род. п. – родительный падеж
рр. – реки
с. – село
сб. – сборник
сел. – селение
сер. – середина
симул. – форма симулятивности
сказ. – сказочное
сл. – слово
след. – следующий
служ. – служебный
см. – смотри

собир. – собирательный
собр. – собрание
собст. – собственный
сов. – советский
соверш. – совершенный вид
совм. – совместный
совр. – современный
соед. – соединительный
сокр. – сокращенно
соотв. – соответствует, соответствующий
спец. – специальный термин
ср. – сравни; средний
сравн. ст. – сравнительная степень
ср. р. – средний род
средн. – форма среднего залога
ст. – статья
стих. – стихотворение
страд. – страдательный
субст. – субстантив
суфф. – суффикс
сущ. – существительное
с.-х. – сельскохозяйственный
т. – том
табл. – таблица
твор. п. – творительный падеж
т.е. – то есть
терм. – терминатив
техн. – технический
т. к. – так как
т. н. – так называемый
т. о. – таким образом
терр. – территория
тж. – то же (значение)
трад.-поэт. – традиционно-поэтическое
транз. – транзитив
транс. – транслатив
тт. – тома
тыс. – тысячелетие
уваж. – уважительный
увел. – увеличительный
указ. – указательный
уменьш. – уменьшительный
уменьш.-ласк. – уменьшительно-ласкательное
уничиж. – уничижительное
уподоб. – уподобительный
употр. – употребляется
усеч. – усеченный
усил. – усилительный

уст. – устаревшее слово, выражение
уступ. – уступительный союз
учаш. – учащательный
ф. – форма
филос. – философия
финал. – финалис
финитн. – финитный
фолькл. – фольклор
христ. – христианский
худож. – художественный
церк. – церковное
ч. – число
част. – частица
четв. – четверть
числ. – числительное
шутл. – шутливое слово, выражение
эвф. – эвфемизм
элл. – эллатив
энкл. – энклитика
эсс. – эссив
этим. – этимологически
этн. – этнография
юр. – юридический термин
яз. – язык
С – consonans (согласный)
id. – idem (то же)
V – vocalis (гласный)

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

	встречается параллельно; соответствует форме
=	равняется; так же, как ...
/	разграничение сингармонических вариантов аффиксов
<	образовался из ..., развился из ...
>	перешло в ..., развилось в...
→	заимствовано в ...
←	заимствовано из ...
~	чередуется, соответствует форме
*	восстановленная или предполагаемая форма
√	корень слова

Научное издание

ТУЙМЕБАЕВ Жансеит Кансеитович
КАЗАХСКО-МОНГОЛЬСКИЕ
ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ
Материалы
к Этимологическому словарю казахского языка

Подписано к печати 09.08.2005. Формат 70×100 /16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Гарнитура «Таймс». Печ. л. 35.
Тираж 1000 экз. Заказ № 3794.

ЗАО «Издательский дом «Парад»
125993 Москва, ул. Правды, 24, офис 820.
Факс (495) 257-43-85, 257-40-02
e-mail: info.parad@mail.ru

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.